VISIT…

Isabel de Madariaga

RUSSIA IN THE AGE OF CATHERINE THE GREAT

ББК 63.3(2)513
УДК 947.2"17"
М13

Художник
Д. Черногаев

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, Р. Вортман, В. Живов,
А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слезкин

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (фонд Сороса)

Исабель де Мадариага
М13 Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с английского Н. Л. Лужецкой. -- М.: Новое литературное обозрение, 2002. - 976 с

Автор книги — почетный профессор Лондонского университета, один из наиболее авторитетных в мире специалистов по истории России XVIII столетия, глава британской школы историков славистов. Предлагаемая книга является наиболее фундаментальным, основанным на сотнях разнообразных источников исследованием одного из важнейших периодов российской истории. Уже вскоре после своего выхода книга получила статус «классического» труда и обрела общемировое признание

ББК 63.3(2)513
УДК 947.2"17"

ISBN 5-86793-182-X

© 1982 by Isabel de Madariaga
© Н. Л. Лужецкая, пер. с английского, 2002
© «Новое литературное обозрение», 2002

Исабель де Мадариага

РОССИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2002

Екатерининская Россия Исабель де Мадариаги

Книга Исабель де Мадариаги «Россия в эпоху Екатерины Великой», впервые вышедшая в свет 20 лет назад, давно уже стала классикой современной историографии. Переведенная на ряд европейских языков, она наконец выходит и на русском, и можно без преувеличения сказать, что это настоящее событие в нашей культурной и научной жизни. Ибо теперь российский читатель также получает возможность познакомиться с трудом, без обращения к которому на сегодняшний день невозможно ни одно исследование по истории России второй половины XVIII в.

Исабель де Мадариага родилась в известной в Испании аристократической семье. Ее отец, дон Сальвадор де Мадариага (1886—1978), был крупным историком, философом, общественным и политическим деятелем. Еще до Второй мировой войны он преподавал в Оксфордском университете, был министром образования и юстиции Испании, послом во Франции, США и Лиге наций, а впоследствии — почетным доктором многих университетов Европы и Америки. Автор более двух десятков книг, он писал и о теории международных отношений, и о Христофоре Колумбе, и о Боливаре, и об английской и испанской литературах.

В 1936 г. с началом в Испании гражданской войны его семья переселилась в Англию, где в 1937 г. будущий профессор русской истории Исабель де Мадариага поступила в Школу славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, с которой в дальнейшем оказалась связана большая часть ее жизни. В 1940 г. Школа была эвакуирована в Оксфорд, где Мадариага с отличием завершила свою учебу. После окончания Второй мировой войны и кратковременной государственной службы она вернулась в Школу для работы над докторской диссертацией. Тогда же она начала преподавать в Лондонском университете и в Лондонской школе экономики и политических наук, а позднее читала лекции в

университетах Сассекса и Ланкастера. С 1971 г. Исабель де Мадариага — преподаватель, а с 1982 г. до выхода на пенсию в 1984 г. — руководитель Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. По общему признанию ее коллег, чрезвычайно велик вклад Мадариаги в развитие Школы и превращение ее в один из крупнейших зарубежных славистических центров. В течение ряда лет она была также секретарем, членом и председателем редколлегии издающегося Школой журнала — «Slavonic and East European Review». В 1962 г. вышла в свет ее первая монография, посвященная русско-британским отношениям во второй половине XVIII в. и, в частности, деятельности английского посла Джеймса Харриса[1]. Это пятисотстраничное исследование сразу же создало Мадариаге имя и авторитет в научном мире. Следующая книга — та, что читатель держит в руках, последовала еще через 20 лет. К сказанному следует добавить, что Исабель де Мадариага была женой Леонарда Шапиро — известного советолога, автора ряда книг о Советском Союзе, также преподававшего в Лондонском университете.

Таковы основные факты биографии Исабель де Мадариаги, которые, конечно же, не могут передать ни ее аристократического облика, невольно, как часто шутят знающие ее лично, напоминающего о героине ее книг, императрице Екатерине Великой, ни обаяния ее личности — человека общительного, доброжелательного, остроумного, ни значения сделанного ею в науке. Человек твердых жизненных правил, принципиальный, а подчас, когда речь идет о науке, даже резкий в суждениях и оценках, она пользуется непререкаемым авторитетом и любовью своих коллег и учеников. Мадариагу отличают необыкновенная эрудиция и глубокие познания, а также подлинная увлеченность русской историей, занятия которой она не прерывает и по сей день.

У истории екатерининской России своеобразная историографическая судьба. Царствование Екатерины II, как и яркая личность самой императрицы, оставили глубокий след и собственно в русской истории, и в литературе, искусстве, общественном сознании, породив при этом немало мифов, легенд и исторических анекдотов. Уже в дореволюционное время в самой России и за рубежом были из-

[1] *Madariaga I. de.* Britain, Russia, and The Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St.Petersburg during the American Revolution. London, 1963.

даны десятки мемуаров и сотни исторических документов об этой эпохе, опубликовано немало и серьезных научных монографий, и популярных книг. Однако в советское время традиция научного изучения этой эпохи отечественными историками в силу различных причин оказалась в значительной мере прерванной. Отдельные монографические исследования, посвященные различным социальным или экономическим аспектам истории второй половины XVIII в., написанные в рамках марксистской парадигмы и оценивавшие эпоху прежде всего с позиций классовой борьбы, продолжали выходить, однако клеймо «эпохи дворцовых переворотов» и «женского правления» сделало невозможным написание серьезных обобщающих трудов. К мифам об императрице с необузданными сексуальными аппетитами прибавились мифы об убежденной крепостнице, ярой защитнице дворянских привилегий и пр. В результате на протяжении нескольких десятилетий не было издано ни одной работы, посвященной непосредственно политической деятельности Екатерины, а о ее личности интересующийся историей читатель узнавал главным образом из исторической беллетристики, вроде романов В. Пикуля. Когда в 1989 г., т.е. уже в начале новой исторической эпохи, журнал «Вопросы истории» опубликовал мой очерк о Екатерине II, где была сделана весьма робкая еще попытка отойти от привычных штампов советской историографии, совершенно неожиданный для меня поток пришедших в редакцию читательских откликов обнаружил огромный интерес к этой проблематике.

В начале 1990-х гг. наряду с перепечатками дореволюционных авторов стали выходить в свет и первые оригинальные книги о Екатерине отечественных авторов. Одна из них была написана мной[2], и, уже начиная над ней работать, я конечно же знал о существовании книги Мадариаги, но она была мне, к сожалению, недоступна. Достать ее удалось, лишь когда примерно половина моей книги уже была написана. Предельно сжатые сроки сдачи рукописи в издательство не позволили внести изменения в уже написанное, и в силу этого первая ссылка на труд Мадариаги, как она сама несколько обиженно отмечала в своей рецензии, появилась только на 291-й странице.[3] Но чем более тогда, а гораздо внимательнее — уже после вы-

[2] *Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992.

[3] Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1993. № 21. P.70.

хода книги я вчитывался в текст работы английского историка, тем чаще, к своему ужасу, обнаруживал, что многое из того, до чего я дошел своим умом и чем втайне гордился как маленьким открытием, давно уже было сказано и опубликовано в ее книге. И единственное, что утешало меня и продолжает утешать до сих пор, так это то, что и мои, и ее «открытия» были результатом одного и того же подхода к интерпретации исторических источников и фактов истории — подхода, основанного на том, что было свойственно самой Екатерине, — на здравом смысле.

Лакуна, образовавшаяся в результате пренебрежения советскими историками екатерининским временем, не осталась незаполненной. После Второй мировой войны, во время войны «холодной», русистика и советология, как известно, активно развивались в ведущих странах Запада и, помимо работ чисто конъюнктурных, обогатили историографию множеством ценнейших научных исследований. Среди проблем и периодов русской истории, привлекавших особое внимание, оказалась и вторая половина XVIII в., как время, имевшее важнейшее значение для развития страны и в XIX, и в XX вв. Изучением екатерининского времени до сих пор занимается значительная группа западных исследователей, прежде всего в Великобритании и США, где возникли серьезные научные школы и даже существуют научные ассоциации, объединяющие специалистов по истории России XVIII в. Познакомившись с библиографией, приложенной к книге Исабель де Мадариаги, можно обнаружить в ней внушительное число статей и монографий, посвященных самым разнообразным аспектам, проблемам и вопросам, составляющих тот «задел», на котором эта книга основана. Ибо «Россия в эпоху Екатерины Великой» аккумулировала в себе весь объем знаний, накопленный в русской, советской и зарубежной историографии за период примерно в два столетия.

Особо следует сказать об источниковой базе книги Мадариаги. Она не имела возможности работать в советских архивах, и, таким образом, ее труд демонстрирует, насколько полная картина России второй половины XVIII в. может быть представлена прежде всего по источникам опубликованным. А в этом отношении данный период русской истории находится поистине в уникальном положении, поскольку еще в дореволюционное время в научный оборот был введен весьма объемный и, можно сказать, основной корпус источников. При этом английский автор широко привлекает и многочис-

ленные зарубежные документальные публикации, зачастую недоступные или неизвестные отечественным историкам.

Вплоть до сегодняшнего дня, т.е. через двадцать лет после выхода в свет, книга Мадариаги остается наиболее полным обобщающим трудом о екатерининской России. Более того, она является и единственным в своем роде, поскольку попытка, предпринятая в свое время русским историком В. А. Бильбасовым, осталась незавершенной. Несколько лет назад другой западный знаток русской истории XVIII в., Марк Раев, в сборнике статей в честь Исабель де Мадариаги писал, что необходимость написания подобной работы была очевидной, однако грандиозность задачи отпугивала многих авторов, в том числе и его самого. Но Мадариага взялась за нее и успешно решила.

В наши дни, когда во всем мире, и в том числе в России, наблюдается увлечение разнообразными «теориями» и «парадигмами» исторического познания, являющимися продуктом взаимодействия истории с другими гуманитарными науками, книга Мадариаги в методологическом отношении может показаться устаревшей и будет определена знатоками подобных определений как труд сугубо позитивистский. Между тем, как писал тот же Раев, «нам следует аплодировать отказу Исабель де Мадариаги использовать модные модели социальных наук и предлагать читателям широкие схемы интерпретации общества и политической системы Екатерининской России... Ей свойственен здоровый английский прагматизм, который отказывается иметь дело с чем-либо, кроме установленных и проверенных конкретных фактов. Ей свойственен истинно исторический подход, состоящий в искреннем стремлении выяснить, чем в действительности было прошлое для современников, с возможно наименьшей попыткой ретроспективного взгляда... Это не выливается в отказ от суждений и утверждений — напротив. Но в своих суждениях она не морализирует (хотя Исабель де Мадариага человек твердых моральных убеждений). Ее заключения прагматичны и коренятся в представлении о человеческой натуре, основывающем поведение человека на личной свободе и рациональности»[4].

При написании масштабного труда, охватывающего столь широкий хронологический период и спектр столь разнообразных проблем и вопросов, конечно, трудно избежать отдельных неточностей.

---

[4] *Raeff M.* Introduction // Russia in the Age of Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga / Ed. by R. Bartlett and J. M. Hartley. London, 1990. P. 4.

Есть они и в публикуемой книге. Вряд ли необходимо говорить, что само появление книги Мадариаги существенно стимулировало изучение на Западе Екатерининской эпохи, и уже в последние два десятилетия появилось немало новых работ, в значительной мере дополняющих и уточняющих нарисованную ею картину. Как уже говорилось, в последние годы ряд серьезных исследований появился и у нас в стране. В этой связи я счел, что мне как редактору русского издания «России в эпоху Екатерины Великой» не следует комментировать те места книги, куда вкрались какие-либо неточности, тем более что их немного и ни одна из них не носит принципиальный характер. Гораздо полезнее добавить к библиографии книги Мадариаги и сделанному ей для настоящего издания библиографическому дополнению еще несколько значимых работ, вышедших за последние годы. При этом приводимый ниже список, конечно же, не претендует на исчерпывающую полноту.

В первую очередь стоит назвать по-своему уникальное двухтомное издание «Законодательство Екатерины II» (М., 2000—2001) снабженное рядом статей, обширной библиографией и подробным комментарием историков права, которые, правда, к сожалению, полностью игнорируют труды зарубежных коллег. К числу биографических работ о Екатерине относятся книги О. Г. Чайковской «Императрица. Царствование Екатерины II» (Смоленск, 1998) и моя книга «Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой» (М., 1997). Заслуживают внимания новые работы о русском дворянстве екатерининского времени: И. В. Фаизовой («Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999), Е. Н. Марасиновой (Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999) и С.А. Экшкута (На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М., 1998); о купечестве: Н. В. Козловой (Русский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999) и А. И. Аксенова (Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993); о крестьянстве: Л. В. Милова (Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998), а также многочисленные работы М. Ф. Прохорова, в 1998 г. защитившего докторскую диссертацию на тему «Крепостное крестьянство России в 1750-х — начале 1770-х годов». Екатерине II — историку посвящена небольшая работа Л. М. Гавриловой «Екатерина II в русской историографии» (Чебоксары, 1996). Ей же принадлежит исследование «Русская историческая мысль и медальер-

ное искусство во второй половине XVIII в.» (М., 2001). Специальному изучению секуляризационной реформы Екатерины посвящено исследование А. И. Комиссаренко (Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990). Ценные данные о хлебных ценах в России, дополняющие сведения главы 29 книги Мадариаги, можно найти в монографии Б. Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX вв.)» (М., 1985). Различные аспекты важнейших явлений экономического и социального развития России освещены также в его монографии «Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в.» (Л., 1981) и в обобщающем труде «Социальная история Российской империи» (Т. 1—2. М., 2000). Новые данные о развитии образования в России при Екатерине содержатся в книге Г.И. Смагиной «Академия наук и российская школа: вторая половина XVIII в.» (СПб., 1996).

Одной из тем, активно разрабатывавшихся в последние годы, стала деятельность Г. А. Потемкина. Большая заслуга тут принадлежит в первую очередь В. С. Лопатину, не только издавшему переписку Потемкина с Екатериной, но и написавшего весьма ценное исследование «Потемкин и Суворов» (М., 1992), развенчавшее многие историографические мифы, связанные со взаимоотношениями двух великих сподвижников Екатерины. Изучением внешнеполитической деятельности Потемкина в течение ряда лет занимается О. И. Елисеева. Ей, в частности, принадлежит книга «Геополитические проекты Г. А. Потемкина» (М., 2000). Несколько иной взгляд на эту же проблему представлен в монографии А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века» (М., 2001). На новых архивных разысканиях основано исследование Д. З. Фельдмана «Роль Г. А. Потемкина-Таврического в истории евреев в России» (Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 2001. № 29).

Еще в одной работе О.И. Елисеевой (Вельможная Москва. М., 1997) рассказывается о некоторых сподвижниках Екатерины. Этой же теме была посвящена научная конференция, состоявшаяся в 1997 г. (см.: Сподвижники Великой Екатерины. Тезисы докладов и сообщений конференции. Москва, 22—23 сентября 1997 г. М., 1997). Среди биографических исследований можно отметить книгу В. А. Плугина о А. Г. Орлове «Алехан, или человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского» (М., 1996), работу И. А. Заичкина и И. Н. Почкаева «Екатерининские орлы» (М., 1996), а также книгу Т. В. Артемьевой «Михаил Щербатов» (СПб., 1994). Очерки

о дипломатах екатерининского времени можно найти в книге «Российская дипломатия в портретах» (М., 1992).

Немало вышло и новых работ по истории внешней политики и культурных связей России с различными странами. Это монографии П.П. Черкасова «Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775» (М., 1995) и «Екатерина II и Людовик XVI: Русско-французские отношения. 1774—1792» (М., 2001), книга П. В. Стегния «Хроники времен Екатерины II» (М., 2001), сборник статей «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» (М., 1999), книга С. Я. Карпа «Французские просветители и Россия» (М., 1998), сборники «Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур» (М., 2000), «Россия и Европа. Дипломатия и культура» (М., 1995), «Россия и Франция XVIII—XX века» (М., 1995), «Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения» (М., 2001) и многие другие.

Стоит также упомянуть о сборниках статей «Русская культура последней трети XVIII века — времени Екатерины Второй» (М., 1997) и «Монархия и народовластие в культуре Просвещения» (М., 1995), а также о материалах международных конференций по истории России XVIII в. — «A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth Century Russia» (Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma, 1996) и «Reflections on Russia in the Eighteenth Century» (Ed. by J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje. Koln; Weimar; Wien, 2001).

Еще раз повторю, что приведенный выше список не претендует быть полной библиографией — это лишь малая часть огромного потока издающейся литературы. Но уже и этот список, несомненно, демонстрирует огромный интерес исследователей самых разных стран и направлений к екатерининской России. И это не случайно: наше сегодняшнее время связано с той эпохой тысячью незримых нитей, и чем больше мы о ней знаем, тем больше у нас шансов понять самих себя сегодняшних. Помочь этому нелегкому процессу понимания должна и книга Исабель де Мадариаги.

Ноябрь 2001

Александр Каменский

Предисловие к русскому изданию

Впервые я заинтересовалась Екатериной II, когда мне попал в руки экземпляр дневника и донесений сэра Джеймса Харриса, британского посла в России во времена американской Войны за независимость, и я тут же решила написать исследование о его посольстве в Россию[1]. Меня сразу привлек характер Екатерины, который я увидела сквозь призму внимательного изучения ее внешней политики — она глубоко понимала потребности, задачи и методы российских внешних связей, была способна самостоятельно вести свои международные дела, умело балансировала между придворными партиями и ловко управляла людьми, окружавшими ее и думавшими, что это они манипулируют императрицей. Скудость и поверхностность существующих исследований о Екатерине, к которым я смогла прибегнуть, чтобы составить картину жизни русского двора и дать удовлетворительный анализ личных и политических связей, при помощи которых она прокладывала себе дорогу, привели меня к решению взяться за дело, которое долгие годы составляло главное содержание моей жизни, — за книгу, посвященную истории России, какой ее застала Екатерина и какой она ее сделала (или пыталась сделать). В то время, когда я беззаботно принималась за это начинание, я была вынуждена опираться почти исключительно на опубликованные источники, но зато их было много, причем зачастую эти книги лежали невостребованными в западных библиотеках.

Таким образом, мне пришлось заняться захватывающей историей личной жизни самой Екатерины, изучить ее мысли и склад ума, ее старания привить подданным свои взгляды на политическое устройство страны, которой она правила, несмотря на препятствия, связанные с тем, что она была женщиной, не имевшей к тому же законных прав на престол. Я стремилась понять, что руководило ее

[1] *Madariaga I. de.* Britain, Russia and the Armed Newtrality of 1780. London, 1963.

выбором фаворитов и государственных деятелей, а кроме того, дать широкому читателю представление о реальном состоянии России в XVIII в., объяснить особенности ее экономического строя и живучесть крепостного права, уровень ее политического и социального развития после петровских преобразований. Наконец, мне пришлось оценить, насколько все, предпринятое Екатериной, было созвучно нуждам России того времени, принципам «просвещенного абсолютизма» (если такие существовали), и насколько успешно императрица смогла осуществить свои планы и проекты.

Когда в 1981 г. моя книга вышла в свет, то, к моему огорчению, в России она не вызвала отклика рецензентов, и до конца 90-х гг. на нее был опубликован всего один отзыв. Поэтому неудивительно, что я была очень обрадована известием о том, что есть возможность издать ее в русском переводе; значит, теперь моя книга станет доступнее русскому читателю, чем была до сих пор. Я совершенно не претендую на то, что она представляет собой последнее слово в науке, так как историкам России еще предстоит проделать очень большую и основательную исследовательскую работу, особенно в сфере судебной власти, выяснить, как в реальности функционировали различные институты. И я надеюсь, что моя книга пригодится будущим российским ученым, подсказав им те аспекты их собственной истории, которые требуют дальнейшего изучения.

Мне очень повезло, что Н. Лужецкая взяла на себя трудную задачу перевести такую толстую книгу, и я рада, что у меня такой опытный и знающий переводчик. Я не стала дополнять книгу последними данными или как-то иначе менять ее, потому что это отняло бы слишком много времени, но я сопроводила ее библиографической заметкой (с. 963), где перечислила работы, недавно появившиеся в России и на Западе и существенно углубляющие наше понимание политических, социальных и экономических проблем екатерининской России — именно в таком порядке по важности (он всегда казался мне самым разумным).

Наконец, я должна выразить свою признательность трем русским ученым, которые так любезно снабжали меня своими работами и сообщали сведения о книгах, относящихся к моей тематике, — Е. В. Анисимову, А. Б. Каменскому и О. А. Омельченко.

Предисловие

С тех пор как в 1883 г. в Берлине появилась книга профессора истории Дерптского университета А. Брикнера «Екатерина Вторая», не вышло в свет ни одной полномасштабной истории правления в России императрицы Екатерины II[1]. Русский историк В. А. Бильбасов в конце XIX столетия взялся за написание монументального многотомного труда по истории екатерининского царствования. Но лишь первый том увидел свет в России в 1895 г. Затем сочинение Бильбасова было запрещено цензурой, и в конце концов в 1900 г. в Берлине вышли два его тома, посвященные периоду, когда Екатерина была великой княгиней, и первым двум годам ее царствования[2].

Почти все книги о Екатерине II, которые выходили с тех пор, принадлежали к жанру биографий или биографических романов. Между тем ее долгое царствование имело громадное значение в движении России к достижению национальных политических и культурных целей, и странно, что историки так пренебрегали личной ролью императрицы в этом процессе, тем более что Екатерина не принадлежала к числу коронованных бездельников, а весьма профессионально владела искусством управления.

Более того, со времени появления работы Брикнера не только было издано множество новых источников, но и ремесло историка приобрело новую направленность. Теперь историки задают другие вопросы и стараются постичь дальние перспективы исторического развития, направление которого было задано политикой тех или иных правителей. С тех пор возникла целая новая школа марксис-

---

[1] Книга Брикнера вышла 10-м выпуском 3-го тома «Всеобщей истории» под редакцией В. Онкена (Allgemeine Geschichte. Bd. III. T. 10. Berlin, 1883).

[2] В 1900 г. вышел в свет также том XII, содержащий обзор оценок правления Екатерины в мировой литературе.

тской историографии в СССР и за его пределами, открывшая много новых представлений и породившая немало противоречивых оценок.

Поэтому едва ли нужно оправдывать это начинание, которое, как выяснилось, потребовало гораздо больше времени и оказалось гораздо сложнее, чем я думала, с легким сердцем приступая к нему лет двенадцать назад. Перед историком екатерининской России все еще стоит целый ряд трудностей. Исторические источники публиковались в изобилии, но все они рассеяны по страницам множества исторических журналов и сборников. Еще серьезнее проблема отсутствия новых монографических исследований многих аспектов политики Екатерины II. Так, после издания магистерской диссертации Ю. В. Готье о местной администрации в 1727—1775 гг.[3] не вышло в свет ни одного современного исследования реформы местного управления 1775 г. Более того, советские исследователи вообще склонны были рассматривать 1775 год как временной рубеж, который они не переходили. Так, видный историк С. М. Троицкий (чья преждевременная кончина вызывает глубокое сожаление) в своей работе о финансовой политике России и в труде о дворянстве рассмотрел только середину XVIII в., в том числе и самое начало царствования Екатерины[4]. Историков России, работавших в XIX в., как и их советских, британских и американских коллег в XX в., привлекало изучение русской элиты, благородного дворянского класса. Но слишком уж много устаревших понятий застыло в неизменности из-за того, что не производилось новых архивных изысканий о том, как в реальности функционировали новые сословные институты после 1775 г. Не существует ни одной работы о губернских и уездных дворянских собраниях за целый ряд лет. Точно так же, наряду с множеством историй союзных республик, не появилось систематического исследования о том, как на деле работали местные институты. Но еще меньше внимания по сравнению с дворянством уделялось городскому сословию в целом, и ни одной монографии не было посвящено проведению в жизнь Жалованной грамоты городам (со времени вышедшего в 1909 г. труда А. А. Кизеветтера «Городовое положение Екатерины II 1785 г.»)[5]. Местное управление в России все еще ждет своих Сиднея и Беатрису Вебб.

---

[3] См. раздел библиографии.

[4] Там же.

[5] Там же.

Как и многие люди, занимающиеся историей России, я вполне осознаю, что объем исследований, посвященных конкретным аспектам российской политики, отражает не столько их историческую значимость, сколько объемы доступного материала. Я была вынуждена писать такую историю, которую можно написать, исходя из современного уровня исследований, а не ту, которую нужно написать. Тем не менее структура настоящей работы сложилась в целом в результате сознательного выбора. С моей точки зрения, все общие обзоры истории России имеют социально-экономический уклон, и в них уделяется гораздо больше места крестьянству, чем в соответствующих историях Англии или Франции. Действительно, политическая история этих стран гораздо богаче, чем российская, но это еще не причина пренебрегать политической историей России ради внушительных разделов о крепостном крестьянстве, ведущих к эсхатологическому освобождению в 1861 г. Поэтому я специально решила сделать упор на политическую историю, в том числе дипломатическую и военную, а также на историю внутренней администрации, не уделяя большого внимания экономике. Кроме того, я решила сосредоточить внимание на европейском лице России (а не на многонациональной империи, находившейся в процессе формирования), в которой единственным политическим классом было дворянство, а правящий слой составляли великороссы, украинцы и остзейские немцы. Эти группы и образовали кадровый состав русской системы власти и наложили на политическую культуру России отпечаток собственных — отличных друг от друга — традиций.

Ради экономии объема я также в значительной мере рассматривала культурную жизнь России лишь с точки зрения роли в ней двора. Обзор оживленной литературной и художественной жизни России во второй половине XVIII в. занял бы еще столько же места, сколько уже уделено в этой книге культуре. Сама Екатерина играла на этой сцене ключевую роль, материально и морально поддерживала ассимиляцию европейской культуры, что было частью ее представлений об обязанностях правителя. Эта причина и обусловила мой выбор подхода к рассмотрению истории культуры.

На мой взгляд, многие исторические труды дореволюционного и советского времени, как общие работы, так и специальные монографии и статьи, страдают избытком толкований, опирающихся на недостаточное количество фактов. Я рискнула попытаться изменить это соотношение, отобразить, «как это было на самом деле», приведя новые факты и сведя воедино уже известные под обложкой моей

книги. Я не стала представлять как нечто материальное тенденции и установления и приписывать намерения неодушевленным предметам. Я также старалась показать различие между намерениями правителя — в той мере, в какой их можно точно выявить, — и порой неожиданными результатами того или иного политического курса.

Перед историком России встают и иные трудности. Очень сложно бывает точно передать средствами европейской политической и социальной терминологии названия соответствующих институтов в России. Русский термин «сословие» я переводила словом «estate», но сословия в России никогда не имели корпоративного статуса и политического веса их западных соответствий. Так же трудно в передаче слово «самодержавие» («autocracy»), в XVIII в. означавшее просто «монархию» или верховную власть.

Известную путаницу вызывает и то обстоятельство, что в России было две столицы: Санкт-Петербург и Москва, поэтому я старалась в каждом случае ясно показать, о которой из них идет речь. Наконец, во всей книге даты русской истории указаны по старому стилю (с отставанием от Европы на 11 дней), за исключением глав о внешней политике и войнах, где я всякий раз приводила обе даты, по юлианскому и григорианскому календарям.

Глава об основании системы просвещения при Екатерине II представляет собой переработанную версию моей статьи, изданной впервые в журнале «Slavonic and East European Review» за июль 1979 г. (Vol. 57. № 3), которая перепечатана с разрешения редакционной коллегии журнала. Я должна также благодарить стокгольмский Королевский Архив и Архив Министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ в Париже за разрешение цитировать неопубликованные документы, а также архив Public Records Office в Лондоне, позволивший приводить выдержки из дневников Гертруды Харрис, сестры британского посла сэра Джеймса Харриса, посвященные ее пребыванию в России.

Наконец, я очень обязана множеству сотрудников бесчисленных библиотек, оказавших мне неоценимую помощь. Я особенно признательна всему штату сотрудников библиотеки при Институте славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, в частности г-же Х. Фейерстейн и г-же Дж. Конолли, благодаря участию которых мне удавалось получать по межбиблиотечному обмену книги, иначе недосягаемые, и которые также выручали меня переводом, когда в работе встречался текст на польском языке. Я не смогла бы написать эту книгу, не прибегая к

богатому собранию Лондонской библиотеки, поэтому выражаю свою признательность ее руководителю и сотрудникам. Наконец, многие годы я пользовалась великолепным книжным собранием и неоценимой помощью библиотекарей и черпала вдохновение в красоте читального зала Библиотеки Британского музея, каким он был, когда я впервые начала там работать.

Работая над этой книгой, я имела возможность обсуждать различные ее аспекты с моими коллегами по Институту славянских и восточноевропейских исследований, Исследовательской группе по изучению России XVIII в. и по различным семинарам. Их критика и предложения принесли мне очень много пользы. Я должна поблагодарить профессора Ольгу Крисп за многочисленные поучительные обсуждения проблем экономической истории. Д-р Э. Г. Кросс, д-р Р. Бартлетт и д-р Д. Баджен прочли несколько разделов этой книги и дали мне ряд ценных советов. Професор Я. Лойек из Варшавского университета прочитал главы, относящиеся к Польше, и многим помог мне, хоть я и не во всем с ним соглашалась. Профессор Д. Рэнсел прочитал всю рукопись книги и сделал целый ряд очень конструктивных критических замечаний. Профессор Франко Вентури любезно предоставил мне в пользование экземпляр изданного им выдающегося труда Чезаре Беккариа. Наконец, я в большом долгу перед профессором Рагнхильд Хэттон, которая зорким глазом просмотрела всю мою рукопись, от чего вид будущей книги весьма улучшился во всех отношениях. И если я не всегда слушалась своих выдающихся наставников, то вина в этом только моя. Г-жа Джудит Хикс сотворила чудо, перепечатав мой беспорядочный черновик, за что я ей благодарна, как и д-ру Дж. Хартли за составление указателя.

Многие годы всякий раз, как я виделась с отцом, он первым делом спрашивал: «Как поживает Екатерина?» Так горько сознавать, что он уже никогда не сможет увидеть вышедшей из печати эту книгу, в работе над которой мне всегда помогали его теплая поддержка и неизменный интерес.

Хайгейт, 1980

Пролог

В 8 часов утра 28 июня 1762 г. дорожная коляска подъехала к казармам Измайловского полка на окраине Санкт-Петербурга. Из нее выскочил гвардейский офицер и торопливо вбежал внутрь. Через несколько минут раздалась барабанная дробь солдатской побудки, а из коляски осторожно высадили женщину лет тридцати в запыленном черном плаще, с ненапудренными волосами, которую тут же с криком «ура!» окружила толпа солдат. Вскоре толпа расступилась перед пожилым православным священником, несшим высоко воздетый крест. Офицеры и солдаты во главе со своим полковником графом Кириллом Разумовским, гетманом Малороссии[1], громогласно присягнули только что провозглашенной императрице Екатерине, самодержице Всероссийской. Какое же удивительное стечение обстоятельств вознесло эту женщину, урожденную принцессу Софию Анхальт-Цербстскую, на такую высоту?

Новая императрица была дочерью отпрыска обедневшей младшей ветви Анхальтского дома, принца Христиана Августа, который достиг важных чинов на службе у прусского короля, а в 1727 г., тридцати семи лет от роду, женился на шестнадцатилетней принцессе Иоганне Елизавете Гольштейн-Готторпской. Этот брак косвенно связал его с двумя правящими династиями Европы. Расположение земель Гольштейн-Готторпской династии и выгодные брачные союзы позволили ей занять ключевое положение в политике балтийских государств. Защищая свои интересы от посягательств Дании, герцоги Гольштейн-Готторпские искали союза со Швецией. Мать Карла XI происходила из Гольштейн-Готторпского дома, а старшая дочь шведского короля, Гедвига София, стала женой Фредерика II,

[1] Гетман — традиционный титул выборного главы казаков Украины, земли которой простирались от Польши до Дона. Название Малороссии применялось к украинским землям, перешедшим под суверенитет России в 1654 г. Титул гетмана был возрожден при императрице Елизавете. См. ниже, гл. 4.

герцога Гольштейн-Готторпского. Младший брат герцога, Христиан Август, был избран князем-епископом Любекским, а его дочь Иоганна Елизавета 21 апреля / 2 мая 1729 г. в Штеттине, где стоял со своим полком ее муж, принц Анхальт-Цербстский, родила дочь, принцессу Софию.

Софию, или Фикхен, как ее звали дома, воспитывали без затей. За ее образованием присматривала в основном француженка-гугенотка, Бабетта Кардель. Она научила девочку светским манерам и приличиям и привила ей вкус к чтению лучшей классической французской литературы того времени. В детстве София, судя по всему, была девчонкой-сорванцом, командовала сверстниками, а куклами, шитьем и вышиванием не интересовалась. В мемуарах она писала, что, считая себя некрасивой, изо всех сил старалась стать умной[2].

Мать Софии благодаря своим связям имела доступ на более обширную сцену, чем захолустный Штеттин. Княгиню Иоганну Елизавету вырастила ее крестная мать, вдовствующая герцогиня Елизавета София Мария Брауншвейг-Вольфенбюттельская, которая потом выдала свою воспитанницу замуж и дала за ней приданое. Каждый год Иоганна Елизавета проводила несколько месяцев у своей благодетельницы и привозила с собой дочь. Так принцесса София оказалась представленной к одному из самых блестящих дворов Германии, далеко превосходившему пышностью прусский двор Фридриха Вильгельма I. Ее друзьями детства и товарищами по играм были принц Людвиг Брауншвейгский, ставший затем наставником штатгальтера Нидерландов, принц Фердинанд Брауншвейгский, в дальнейшем генерал прусской службы, и будущая датская королева Юлиана Мария. В Берлине принцесса София познакомилась с принцем Генрихом Прусским и его сестрой, принцессой Луизой, впоследствии — королевой Швеции. Современница так описывала юную принцессу Софию: «Она была отлично сложена, с младенчества отличалась благородною осанкою и была выше своих лет. Выражение лица ее не было красиво, но очень приятно, причем открытый взгляд и любезная улыбка делали всю ее фигуру весь-

[2] Издание «Записок» Екатерины II см.: Сочинения императрицы Екатерины II / Под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. XII. Эта публикация снабжена обширными комментариями различных версий текста и библиографическими заметками. Существует английский перевод (Memoirs of Catherine the Great / Transl. by M. Budberg. Ed. by D. Maroger. London, 1955), но довольно неудовлетворительный, так как в нем не оговаривается, каким способом различные оригинальные версии были сведены в единый текст.

ма привлекательною»[3]. Но пока еще ни происхождение Софии (не самое знатное в Европе), ни ее личные качества, ни образованность не позволяли предполагать, что ее ждет великое будущее. В этой судьбе сыграл роль не столько характер принцессы Софии, сколько сложившиеся обстоятельства.

1741 год существенно изменил династическую ситуацию Гольштейн-Готторпской семьи. Не находя нигде сколько-нибудь серьезной поддержки в борьбе со шведами, голштинский герцог Карл Фридрих обратился в это время за помощью к России, врагу Швеции. Петр I последовательно укреплял влияние России на Балтике и в Священной Римской империи посредством династических браков своих племянниц и дочерей и договорился о союзе между своей старшей дочерью Анной и герцогом Гольштейн-Готторпским. Свадьба состоялась в 1725 г., но брак оказался недолговечным, так как Анна Петровна умерла от туберкулеза через три месяца после рождения 10/21 февраля 1728 г. единственного сына, Карла Петера Ульриха.

Пока в России правили Петр II (1727—1730) и Анна Иоанновна (1730—1740), судьба не благоприятствовала герцогу Гольштейн-Готторпскому и его сыну, внуку Петра I. Перед смертью, осенью 1740 г., Анна Иоанновна объявила своим наследником внучатого племянника по имени Иван Антонович. Это был сын ее племянницы Анны Леопольдовны, принцессы Мекленбургской, от брака с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским. Но все хитроумные планы императрицы Анны обернулись ничем, когда в ноябре 1741 г. дочь Петра I Елизавета Петровна захватила власть. Сброшенный с престола младенец-император Иван Антонович и его немецкое семейство исчезли в тюрьме и ссылке. Но тут и перед Елизаветой встала проблема выбора преемника. Ей было тогда немного за тридцать, но казалось маловероятным, что она вступит в брак и родит законного наследника. Все прошлые многочисленные попытки составить для нее хорошую партию провалились, так что Елизавета по-своему устраивала личную жизнь в те годы, когда Анна Иоанновна держала ее на почтительном расстоянии. Весьма вероятно, что ко времени своего прихода к власти набожная Елизавета уже была тайно обвенчана с Алексеем Разумовским. Это был видный собой крестьянский хлопец с Украины, благодаря красивому голосу замеченный духовенством, а затем и самой цесаревной. Но

---

[3] *Бильбасов В. А.* История Екатерины II: В 2 т. Берлин, 1900. Т. 1. С. 7.

если их брак действительно существовал, то его нельзя было предать гласности, и Елизавета, хотя и не выступала в роли королевы-девственницы, следовала политике своей знаменитой английской тезки, официально оставаясь незамужней. У нее бывали фавориты, которым она щедро отдавала всю себя. Ходили слухи, что у императрицы было несколько детей, но эти слухи никогда не обретали плоть, и никто из детей Елизаветы не был признан официально.

В молодости среди претендентов на руку Елизаветы был один, о котором она сохранила самые нежные воспоминания. Правда, он умер раньше, чем настало время возможного заключения брака. Это был Карл Август Гольштейн-Готторпский, старший брат Иоганны Елизаветы, матери принцессы Софии. Поэтому Елизавету связывали с Голштинским домом двойные душевные узы: ее любимая сестра Анна вышла замуж за правящего герцога Голштинского, а она сама некогда была обручена с кузеном этого герцога. Неудивительно, что она выбрала преемником герцога Карла Петера Ульриха, своего племянника, занявшего голштинский престол после смерти отца в 1739 г. К тому же России было политически выгодно связать юного герцога родственными узами, чтобы предотвратить союз между Гольштейн-Готторпским княжеством и Швецией, который легко мог возникнуть, если бы юного Карла Петера Ульриха признали наследником шведского престола. Ведь как внук старшей сестры Карла XII он одновременно был ближайшим претендентом на шведский трон. Правившие тогда младшая сестра Карла XII и ее муж Фридрих Гессенский были бездетны.

Вступление Елизаветы на русский престол поощряла и, по сути дела, подстроила Франция, проводившая сложную политическую интригу, нацеленную на разрыв союза России и Австрии. Рассчитывали при этом, что Россия вновь погрузится в старомосковскую дрему, а тем временем Франция в союзе с Пруссией постарается отобрать у Марии Терезии Австрийской ее наследство. Швеция сыграла свою роль в этом замысле, когда вторглась в Россию в 1741 г. в надежде вернуть часть территорий, отошедших к России по Ништадтскому миру 1721 г. Однако шведы были разбиты русскими войсками, и в 1743 г. в Або заключили мирный договор. В результате Елизавета не только заставила шведов отказаться от всех планов объявить Карла Петера Ульриха Голштинского наследником престола, но и навязала им собственного кандидата — старшего брата княгини Иоганны Елизаветы, Адольфа Фридриха Гольштейн-Готторпского, занявшего после своего отца место князя-епископа Любекского.

Эти перемены в судьбе отцовской династии затронули и Иоганну Елизавету. Несколькими годами раньше, когда принцесса София познакомилась со своим троюродным братом Карлом Петером Гольштинским во время краткой встречи в Эйтине, придворные сплетники соединили их имена. А с тех пор как Карла Петера Ульриха в 1742 г. забрали в Россию и объявили великим князем, София тоже стала думать, что ее судьба связана с ним, «потому что из всех предложенных партий эта была самая значительная». Тем временем Иоганна Елизавета изо всех сил старалась обратить на себя с дочерью внимание русской императрицы и позаботилась о том, чтобы портреты Софии попали к русскому двору.

Однако когда Софии исполнилось четырнадцать лет, ее судьба едва не решилась совсем по-другому. Младший брат ее матери, Георг Людвиг, которому было всего двадцать четыре года, влюбился в свою племянницу. Он вздыхал, стонал и наконец объявил о своих надеждах жениться на ошеломленной принцессе Софии, никак не ожидавшей подобного оборота. Настойчивыми ухаживаниями он добился от юной девушки согласия выйти за него замуж при условии, что ее родители не станут против этого возражать. Даже читая между строк описание этого эпизода, сделанное его героиней, становится ясно, что опьяненный любовью Георг Людвиг послужил — хотя и невольно — пробуждению чувственности в этой девочке-подростке. Она сама рассказывает о том, как «садилась верхом на подушки и скакала в кровати до изнеможения», и о том, какая в ней в это время вспыхнула страсть к верховой езде, страсть, которая впоследствии, несомненно, составляла важную часть ее психологического и чувственного склада[4].

Однако именно в это время принесли плоды интриги Иоганны Елизаветы в России. В январе 1744 г. ее пригласили вместе с дочерью посетить русский двор. Цель этого визита была понятна, хотя прямо и не называлась: Софию избрали будущей невестой русского великого князя Петра Федоровича, и надо было совершить очень грубый промах, чтобы испортить дело, после того как мать с дочерью оказались бы на месте. И все же в этот момент Иоганна Елизавета колебалась, возможно, движимая привязанностью к младшему брату («А мой брат Георг, что он скажет?» — спросила она у Софии), а может быть — страхом за участь дочери в стране с таким

[4] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 20 и далее.

непредсказуемым будущим[5]. По словам самой юной Софии, именно она уговорила родителей согласиться на поездку в Россию, убедив их, что страдающий от любви дядюшка «может желать мне лишь удачи и счастья».

Было бы слишком просто представлять себе, будто в намерении принцессы Софии добиться этого брака в России уже отразилось ее стремление к власти. В конце концов, ей было тогда всего четырнадцать лет, и, как бы ни льстило ей, ни будоражило внимание дяди, похоже, что сердце девушки еще не пробудилось. Ее первое впечатление о гольштейн-готторпском троюродном брате Карле Петере Ульрихе, десятилетнем мальчике, было довольно благоприятным, а уж Россия сулила ей куда более блестящее положение и широкое поле деятельности, чем она приобрела бы, став женой нищего младшего отпрыска рода своей матери. А так как замужество являлось единственным выходом, приличествующим девушке ее социального положения, то было естественно искать наилучшую из возможных партий — любовь придет (или не придет) потом.

Приглашение, направленное из России Иоганне Елизавете с дочерью (принца Христиана Августа не пригласили), было итогом усиленных размышлений и маневров при русском дворе, где будущий брак Карла Петера Ульриха, а ныне великого князя Петра Федоровича, служил объектом неиссякаемых интриг. Выбор невесты должен был указать будущее направление внешней политики русского правительства. Поэтому шла молва то о французской невесте, то о принцессе из Саксонии, а то и из Англии[6].

Вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, возглавлявший русскую внешнюю политику и стремившийся создать коалицию Австрии, Британии, Нидерландов и России против Пруссии и Франции, поддерживал кандидатуру саксонской принцессы. Фридрих II в ответ предлагал через своего посла принцесс из разных германских домов, в том числе и «юную принцессу Цербстскую»[7]. Со своей стороны императрица Елизавета остановила выбор на Софии Анхальт-Цербстской совершенно независимо от этих планов. Эта принцесса принадлежала по материнской линии к Гольштейн-Готторпскому дому, была протестанткой и происходила из мелкого германского

---

[5] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 33.

[6] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 32

[7] Там же. С. 34. Но Фридрих II ни в коем случае не намеревался допустить, чтобы замуж в Россию была выдана одна из его сестер. См.: PCFG. Bd. 2. S. 458.

княжеского рода, от которого не следовало ожидать ни из ряда вон выходящих притязаний, ни политических осложнений.

Иоганна Елизавета выехала с дочерью из Цербста в Берлин 10 января 1744 г. по новому стилю. София сердечно распрощалась с отцом, которого ей не суждено было увидеть вновь. Он в свою очередь вручил жене длинный меморандум — руководство поведения для дочери, в котором призывал ее хранить верность лютеранской вере, во всем слушаться императрицу, стараться угодить великому князю, не вести крупной карточной игры и не вмешиваться в государственные дела[8]. (Настанет время, и София пренебрежет большинством этих советов.)

Когда путешественницы приехали в Берлин, Фридрих II воспользовался случаем, чтобы внимательно присмотреться к девушке, которой в будущем было суждено так упорно противостоять ему, а ее матери внушить свои взгляды на русский двор, предостеречь от интриг Бестужева и завербовать в неофициальные агенты Пруссии[9].

Неудобства скромного путешествия инкогнито в качестве графини Рейнбек с дочерью сразу кончились, как только путешественницы пересекли русскую границу в конце января 1744 г. Их встречали ружейным салютом, к ним приставили почетный эскорт и, что в данных обстоятельствах было еще важнее, одарили собольими шубами. Мать с дочерью приехали в Москву 9/20 февраля и как раз успели ко дню рождения великого князя — 10 февраля. Петр поспешил навстречу невесте и препроводил обеих дам в покои императрицы. В мемуарах София описывает глубокое впечатление, которое произвели на нее красота и величие императрицы Елизаветы, находившейся в расцвете лет: высокая, статная, с прелестным цветом лица и дивными волосами, сияющими голубыми глазами и правильными чертами, которые несколько портил только нос картошкой, свойственный русским женщинам. Но пока ни слова о Петре София в мемуарах не говорит[10].

Молодой великий князь родился под несчастливой звездой. Трехмесячным младенцем он остался без матери. Отец, который умер, когда мальчику было одиннадцать лет, препоручил его немец-

---

[8] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 43—44.

[9] См. письмо Фридриха II прусскому послу Мардефельду от 14 января 1744 г.: «Принцесса Иоганна Елизавета станет еще одним средством для достижения нашей цели — опрокинуть Бестужева» (Там же. С. 63, примеч. 1).

[10] Там же. С. 36—38.

ким учителям-педантам под общим руководством гольштейн-готторпского гофмаршала графа Отто фон Брюммера. Последний был сторонником самых свирепых методов воспитания — мальчика заставляли часами стоять на коленях на сушеном горохе, держали впроголодь и даже секли, если он не знал уроков. От рождения ребенок был слабым, и из-за частых болезней его обучение то и дело прерывалось. Самыми большими увлечениями в его жизни стали музыка, которую он по-настоящему любил (и, похоже, он очень хорошо играл на скрипке), и военные парады, сначала с игрушечными, а потом и с живыми солдатами. Принуждение, которому мальчика подвергали воспитатели в раннем детстве, привело к тому, что он «стал вспыльчив, фальшив, любил хвастать, приучился лгать»[11]. Из послушного, забитого ребенка Петер вырос в инфантильного юношу, предпочитавшего всему игры в солдатики или с солдатами. Не лишенный проницательности, он был неспособен к упорным умственным занятиям и не знал, что такое благоразумие. Великий князь, росший жалким запущенным ребенком среди тупых грубиянов, теперь, оказавшись в этой диковинной России, отчаянно цеплялся за единственные атрибуты своей личности, которые считал действительно своими собственными — за гольштейн-готторпское наследство и за лютеранство. Принудительное обращение великого князя в православие сопровождалось его яростными спорами с вероучителем, выдающимся богословом Симоном Тодорским, настоятелем Ипатьевского монастыря, да и русский язык плохо давался великому князю[12].

Поначалу жених и невеста понравились друг другу. Оба они были еще юны и как товарищи по играм могли заодно выступать против мира взрослых. София проявляла усердие и способности, овладевая русским языком. Ее наставником в православии был тот же Симон Тодорский, украинскому выговору которого она изо всех сил старалась не подражать. Игумен Симон четыре года проучился в Галле и показался принцессе Иоганне Елизавете заправским лютеранином. Неудивительно поэтому, что принцессе Софии было

---

[11] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 88 и далее, с. 93.

[12] Историк Бильбасов добавляет, что Петр Федорович был жесток к людям и находил удовольствие, мучая животных (Там же. С. 94). Это не подтверждается в мемуарах Екатерины II, из которых, скорее, следует, что великий князь был нечувствителен к страданиям других людей, а в страхе мог проявлять жестокость.

легко усвоить догматы православной веры, хотя, как она объясняла в письме к отцу, «внешние обряды весьма различны, но церковь принуждена к тому грубостью народа»[13].

Гладкий путь принцессы Софии к статусу великой княгини был прерван сначала опасной болезнью, во время которой она сумела расположить к себе императрицу, призвав православного священника вместо лютеранского пастора, а затем политическим кризисом, спровоцированным неразумным поведением ее матери. Та, всерьез приняв инструкции Фридриха II, открыто примкнула к придворной партии, замышлявшей свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина. Весной 1744 г. Бестужев пошел в контратаку и представил императрице Елизавете Петровне выдержки из перехваченных писем. В них содержались многочисленные неосторожные критические высказывания принцессы Иоганны Елизаветы в адрес императрицы и по поводу ее образа жизни. Письма свидетельствовали и о попытках княгини Анхальт-Цербстской вмешаться в политику России в интересах Пруссии. Тут Иоганне Елизавете пришлось выслушать немало резких слов от императрицы и в слезах покинуть ее покои. Однако императрица Елизавета была слишком справедлива, чтобы винить дочь, к которой питала расположение, в грехах матери, которую начала презирать. Поэтому подготовка к свадьбе продолжалась, и 28 июня 1744 г. в Москве состоялась торжественная церемония обращения Софии в православие. Самообладание и твердость, с которой девушка, громко и четко выговаривая слова, произнесла по-русски символ веры, снискали ей всеобщее одобрение. Теперь она стала Екатериной Алексеевной, а на следующий день, когда произошло официальное обручение с Петром Федоровичем, получила титул великой княгини и императорского высочества, т.е. более высокое место в иерархии, чем ее мать. У Екатерины — как мы будем отныне называть ее на страницах этой книги — появился собственный двор. Двое из троих камергеров великой княгини сыграли роль в ее жизни впоследствии: Захар Григорьевич Чернышев, ставший президентом Военной коллегии, и Александр Михайлович Голицын, будущий фельдмаршал. Во главе всего хозяйства великой княгини была поставлена графиня Мария Андреевна Румянцева — внушительная и грозная дама, некогда бывшая любовницей Петра I, мать еще одного будущего фельдмаршала.

---

[13] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 124.

Тут пришел черед Петра Федоровича поставить будущее Екатерины под угрозу. Осенью 1744 г. он заболел — сначала плевритом, потом ветрянкой, которая в конце концов перешла в оспу. Это случилось 20 декабря, когда двор остановился на отдых, возвращаясь из Москвы в Петербург. Екатерину немедленно удалили прочь, а Елизавета Петровна бросилась к постели больного племянника и принялась бесстрашно ухаживать за ним.

Пока Екатерина с нетерпением ждала вестей о женихе, у нее состоялось недолгое знакомство еще с одним человеком. Эта встреча оставила неизгладимый след в ее характере и отразилась на ее жизненном пути. В Россию прибыло шведское посольство, чтобы объявить о женитьбе дяди Екатерины, принца Адольфа Фридриха — наследника шведского трона, на Луизе Ульрике, сестре Фридриха II. В составе посольства находился граф Х. А. Гилленборг, которого еще четырьмя годами раньше поразил ум маленькой принцессы Цербстской. Теперь он воспользовался случаем побеседовать с Екатериной. Наверно, еще никто с ней так не разговаривал. Он разъяснил юной собеседнице, как необходимы ей в ее шатком положении выдержка и хорошее знание собственной натуры, как важно заботиться о пище для ума и для души. По его просьбе Екатерина набросала «Портрет философа в пятнадцать лет», который до нас не дошел. Гилленборг, в свою очередь, снабдил ее дюжиной страниц наставлений и советов, которые также не сохранились. Он советовал ей читать Плутарха, Тацита, изданные в 1734 г. «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян» Монтескье. Екатерина не замедлила последовать советам графа и даже приказала доставить каталог библиотеки Академии наук и ее книжной лавки. Полученные книги оказались выше понимания пятнадцатилетней девочки, и пришлось на время их отложить, но позже она вернулась к ним и никогда не забывала разумных советов графа Гилленборга, которые с годами сослужили ей хорошую службу[14].

Когда в конце февраля 1745 г. выздоровевший великий князь вернулся в Санкт-Петербург, его нельзя было узнать. Он и раньше не был красивым, а теперь вытянулся, отощал, черты огрубели, все еще опухшее лицо густо покрыли оспины, а обритая голова тонула в громадном парике. «Он стал ужасен», — писала в мемуарах Ека-

[14] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 60—62, 215—216; *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 156—157, примеч. 1.

терина, сама как раз вступавшая тогда в пору расцвета. Перемена, происшедшая с женихом, поразила девушку.

Но она зашла слишком далеко, чтобы отступать, а линия ее поведения уже определилась окончательно: «Вот доводы или, точнее, выводы, к которым я пришла с тех пор, как поняла, что останусь в России навсегда, и которые никогда ни на минуту не упускала из виду: 1. нравиться великому князю, 2. нравиться императрице, 3. нравиться народу»[15].

Итак, отступать она не собиралась. Оставалось только ждать, когда императрица сочтет удобным назначить венчание великого князя и великой княгини. Елизавета же вознамерилась превзойти все прежние свадьбы и послала за описаниями церемониала королевских бракосочетаний в разные страны. Специальным указом придворным вельможам не только было позволено, но и поощрялось приобретение по этому случаю новых экипажей и новых нарядов себе и женам[16].

21 августа 1745 г. в 5 часов утра пушечная пальба возвестила о начале свадебных церемоний, которые затмили все былые царские венчания в России. После долгой церковной службы, обеда и непродолжительного бала императрица публично уложила Екатерину в постель между 9 и 10 часами вечера. Там в одиночестве новобрачная и прождала несколько часов, пока ее фрейлина не доложила, что Петр Федорович присоединится к ней, когда закончит ужинать[17]. Словом, когда на следующее утро Екатерину спросили о достижениях в супружестве, ей было нечего сказать. В течение десяти дней балы сменялись балами, маскарад следовал за маскарадом. Были и фейерверки, и иллюминации, фонтаны вина, горы угощений, оперы и комедии.

Но, с точки зрения Екатерины, праздновать было почти нечего. В дни накануне свадьбы она, очевидно, испытывала некоторый страх при мысли о том, чтобы отдать себя в полную власть этому человеку. Она уже начала питать к жениху физическое отвращение, хотя в ней еще и не совсем умерла привязанность к нему, смешан-

---

[15] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 62, 216.

[16] ПСЗ. Т. XII. № 9123, 16 марта 1745 г. Этот указ предусматривал выплату жалованья авансом чиновникам первых четырех классов, чтобы они могли потратить эти деньги так, как предписывалось указом № 9124.

[17] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 69, 75, 172—173.

ная со снисходительностью. Как ни трудно поверить, Екатерина утверждает, что, выходя замуж, она ровно ничего не ведала о физической стороне брака. Однако чувственность в ней уже пробудилась, так что, хотя у нее и отлегло от сердца, когда он не явился в ночь свадьбы, она была унижена пренебрежением мужа и его неспособностью, из ночи в ночь, осуществить их брак на деле. Вряд ли и Петр Федорович был столь же невинен. Может быть, он старался овладеть Екатериной, но не сумел, что и отвратило его от супруги? На это нельзя дать уверенного ответа. Но, принимая во внимание все известные обстоятельства, пожалуй, можно заключить, что в семнадцатилетнем женихе сексуальное начало все еще не пробудилось. Неудача в сексуальной сфере наверняка обострила эмоциональный разлад между этими столь разными, а по сути дела даже несовместимыми людьми, которых придворный этикет тем не менее обязывал делить ложе.

Свадьба Екатерины послужила сигналом к отъезду ее матери; пятнадцатилетняя великая княгиня осталась одна, и ей не у кого было попросить совета. Она наделала долгов. Шли месяцы, но никаких признаков появления наследника не обнаруживалось, и императрица к ней охладела. Из-за выходки великого князя, просверлившего дырочки в дверях, чтобы подглядывать, как императрица принимает своих друзей, для молодого двора был введен более строгий распорядок жизни. Назначили новую обер-гофмейстерину — троюродную сестру императрицы двадцатичетырехлетнюю Марию Чоглокову, избранную как образец супружеской преданности и плодовитости. Инструкции для Марии Чоглоковой и ее мужа составил Бестужев-Рюмин, ставший канцлером. Они касались поведения великокняжеской четы как в личной жизни, так и в политике. Екатерине с необычайной и многословной категоричностью запрещалось переписываться с родными. Она могла лишь ставить свое имя под письмами, составленными за нее в Коллегии иностранных дел. Еще унизительнее было то, что Чоглоковой предписывалось следить за соблюдением великой княгиней супружеской верности — у Елизаветы возникли подозрения, правда, пока ничем не подкрепленные, что Екатерина питает нежные чувства к одному из камергеров Петра Федоровича. Общество великой княгини ограничили лишь теми людьми, которых одобрит госпожа Чоглокова. Никому не разрешалось говорить с ней тихим голосом или шепотом, передавать новости о придворных интригах и политике правительства.

Как только замечали, что Екатерина привязалась к кому-то из фрейлин или даже к горничной, ту немедленно удаляли.

Во время непрестанных переездов двора из Москвы в Петербург, из Летнего дворца в Зимний, из одной загородной резиденции в другую Екатерина научилась находить утешение в верховой езде и чтении. Она придумала особое седло, позволявшее ей незаметно перебросить через него ногу и сесть верхом (хотя императрица позволяла ей ездить только боком, на дамском седле). Чем бешенее была скачка, тем больше радости она доставляла великой княгине. Возможно, эти упражнения избавляли ее от некоторой физической неудовлетворенности[18].

При этом у нее всегда «была с собой в кармане книга». Теперь она следовала советам Гилленборга. Она год за годом читала «Историю Германии» отца Барре, «Очерк нравов» Вольтера, «Церковные анналы» Бароциуса, «Историю Генриха IV» Ардуэна де Бомон де Перефикс (Генрих IV навсегда остался любимым героем Екатерины), а также письма мадам де Севинье и некоторые французские романы. Еще одним автором, вероятно, оказавшим известное влияние на нравственные критерии Екатерины, был Брантом, чья «Жизнь галантных дам» могла попасть ей в руки наряду с другими его сочинениями[19]. Кроме того, она взяла на себя труд прочитать «Исторический и критический словарь» П. Бейля, который, возможно, впервые посеял в ней зерна неприятия католической нетерпимости, лишь усилившегося позже при чтении Энциклопедии Дидро. Со временем она прочла «Анналы» Тацита, также, как она сама впоследствии признавалась, наложившие отпечаток на ее личность. В конце концов, Рим не так уж блистал республиканскими добродетелями, и преторианская гвардия возводила на престол и низвергала императоров. В начале 1750-х гг. она впервые прочла «О духе законов» Монтескье, и впоследствии это сочинение стало ее настольной книгой[20].

С годами отчуждение между великим князем и великой княгиней все росло. Их заставляли спать в одной постели, но толку от этого было немного, пока великий князь играл в куклы или дрессировал собак в соседней комнате, а Екатерина читала Платона.

---

[18] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 293—294.

[19] Ср.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 276.

[20] Там же. С. 317 и далее; Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 348.

В мемуарах императрицы встречаются намеки на то, что ее гордость жестоко страдала из-за полного равнодушия мужа, особенно потому, что некоторые из придворных, приставленных к ее двору, были в нее в разной степени влюблены. Среди них был гетман Малороссии Кирилл Разумовский[21], Захар Чернышев и А. Н. Вильбоа — все они в правление Екатерины занимали высокие посты. Еще до свадьбы Петр Федорович рассказывал Екатерине обо всех своих мимолетных увлечениях. Теперь она находила подобные откровения и мучительными и унизительными, особенно когда он приходил спать в пьяном виде и иногда дурно с ней обращался[22].

На портретах тех лет Екатерина предстает обладательницей хрупкой изящной фигуры. У нее были густые вьющиеся темные волосы, широко распахнутые голубые глаза. Ее лицо казалось слишком длинным, чтобы быть красивым, — высокий лоб, длинный нос, длинный подбородок. Но она была наделена неуловимой прелестью, шармом, который вместе с непринужденными, естественными манерами, веселостью и остроумием с оттенком беспечности делал ее привлекательной. Уже тогда, как и всю жизнь, Екатерину обожали слуги. Ее пылкость прекрасно уравновешивалась благоразумием, а в отношении тех, кто от нее зависел, благоразумие всегда побеждало. Она была к прислуге внимательна и тактична, всегда видела в ней людей. Поэтому даже тех, кого приставляли шпионить за ней, она очень скоро завоевывала и превращала в преданных сторонников, так что ей даже не приходилось прибегать к явному или скрытому подкупу. Был ли расчет в ее отношении к нижестоящим? Если он был, то, пожалуй, до того впитался в ее характер, что Екатерина и сама этого не осознавала. Ее привязанности, дружбы, мнения были исполнены такой непосредственности, что трудно согласиться, что все это — результат постоянной системы обмана, как хотели бы внушить всем ее недоброжелатели. При этом так как двор Елизаветы жил очень весело, то Екатерина, несмотря на постоянные ограничения, тоже веселилась от всей души и, как и все остальные, терпела всяческие неудобства в ветхих, кое-как обставленных путевых дворцах, где останавливался на привал бродячий двор Елизаветы.

Прожив почти восемь лет в так и не завершенном браке, к тому же при дворе, непрестанно занятом любовными интригами, Ека-

---

[21] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 272, 309; см. также: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 286, 287, примеч. 1.

[22] Там же. С. 58.

терина сделалась легкой добычей для ухаживаний первого же опытного соблазнителя, способного убедить ее в своей любви. Он появился перед двадцатитрехлетней великой княгиней весной 1752 г. в лице Сергея Васильевича Салтыкова, одного из двух братьев, состоявших камергерами великого князя. Сергей был так хорош собой, что снискал прозвище «le beau Serge» — «красавец Серж» (хотя его портрет не оправдывает такой славы). Он обладал внешним светским лоском, скрывавшим холодную тщеславную натуру. Он подверг сердце Екатерины правильной осаде и явно добился успеха, как можно понять, читая между строк ее мемуары[23]. Слух о романе великой княгини достиг наконец ушей императрицы, что имело одну положительную сторону — Марии Чоглоковой пришлось растолковать Елизавете, отчего у Екатерины нет детей. Сама Екатерина уже успела понять, что она вовсе не бесплодна — в декабре 1752 г. у нее случился выкидыш, и она потеряла ребенка, зачатого от Салтыкова. С ведома Елизаветы или без, но теперь Мария Чоглокова с Сергеем Салтыковым вдвоем принялись за решение проблемы престолонаследия посредством связи Салтыкова с Екатериной. Чоглокова, со своей стороны, отыскала некую сговорчивую вдовушку, обучившую Петра Федоровича тайнам супружеской жизни. При этом она открыто поощряла Екатерину к продолжению ее романа: «Уж я-то не стану чинить вам препятствия». Тем временем сама Екатерина решила вырваться из своей политической изоляции и протянула оливковую ветвь мира Бестужеву-Рюмину. Канцлер не замедлил пойти ей навстречу и приказал всем своим креатурам при дворе великой княгини содействовать ее связи с Салтыковым. В июле 1753 г. у Екатерины снова случился выкидыш, на этот раз более серьезный, но в январе 1754 г. она опять почувствовала себя беременной, а 20 сентября 1754 г. родила долгожданного сына, наследника трона Романовых.

Был ли Павел Петрович сыном великого князя или Сергея Салтыкова? Екатерина не оставляет у читателя сомнений в том, что она стала любовницей Салтыкова. Через несколько лет после этих событий в отрывке, опущенном в издании ее мемуаров 1907 г., она так объясняла свою капитуляцию: «Несмотря на все нравственные сентенции, хранящиеся в памяти, когда вмешивается чувство, когда на сцену выходит страсть, ты уже даже не понимаешь, как далеко за-

[23] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 315.

шел в своих чувствах. ...Наверно, единственное спасение в бегстве, но куда скроешься, живя при дворе?»[24] Однако она ни намеком не упоминает о супружеской близости с Петром Федоровичем. Весьма вероятно, впрочем, что, даже если это произошло, все равно великий князь был бесплоден. Насколько известно, ни у одной из его многочисленных впоследствии любовниц детей от него не было. Таким образом, все обстоятельства указывают на отцовство «красавца Сержа». Единственный аргумент, приводившийся в пользу отцовства Петра Федоровича, состоял в том, что едва ли мог прекрасный собою Салтыков быть отцом Павла — невзрачного, с приплюснутым носом. Но наследственность передается таинственными путями, и Павел мог уродиться в своего дядюшку, Петра Салтыкова, отличавшегося «большими выпученными глазами, курносым носом и вечно приоткрытым ртом»[25].

Рождение сына стало для великой княгини наглядным уроком, показавшим ей, как ничтожно ее место в общей картине при дворе. Елизавета сразу же отобрала новорожденного и унесла к себе, а молодая мать, перенеся двенадцатичасовые родовые муки, еще четыре часа пролежала совершенно без присмотра. Императрица подарила ей 10 тысяч рублей, но через несколько дней одолжила у нее эти деньги, чтобы вознаградить великого князя за его участие в этом событии. Сергея Салтыкова послали в Швецию объявить о рождении наследника и тем самым удалили от Екатерины. Он и без того уже некоторое время старался избегать назойливых проявлений ее любви и давал понять, что устал от нее. Мало того, зимой 1754 г. обергофмейстером великокняжеского двора был поставлен Александр Шувалов. Это был глава страшной Тайной канцелярии, кузен нового молодого фаворита Елизаветы, Ивана Ивановича Шувалова, и противник человека, ставшего теперь другом и защитником Екатерины — канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

Екатерина достигла двадцатипятилетия. Она выдержала замужество, способное сломить дух любой менее твердой женщины.

---

[24] Memoirs of Catherine the Great / Ed. D. Maroger. London, 1955. P. 301.

[25] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 295; посол Хэнбери Уильямс описывал Петра Федоровича как человека, «неспособного не только править империей, но и обеспечить престолонаследие». О Екатерине же он писал: «Первым она займется впоследствии, а второе уже сделала без помощи своего мужа». См. письмо Уильямса к Холдернессу от 4 июля 1755 г. Цит. по: *Kaplan H.* Russia and the Outbreak of the Seven Years' War. Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 103, 106, примеч. 13.

Она научилась без чьей-либо помощи избегать ловушек, которыми изобиловал двор такой капризной, подозрительной, а иногда и жестокой правительницы, как Елизавета. Она постигла искусство превращать врагов и шпионов в друзей и слуг. Она отдала сердце человеку, который скоро ее разлюбил (если вообще когда-либо любил), и пережила отчаяние и унижение. Она стала матерью, но все ее материнские чувства пропали втуне, потому что Елизавета безжалостно похитила ее сына. Она стала зрелой и стойкой, и если теперь, произведя на свет сына, она отчасти лишилась своего значения, то взамен приобрела большую безопасность и свободу — как мать наследника престола. А в это время ее муж забавлялся, муштруя воинское подразделение, которое привез из Голштинии, и развлекался со своей новой фавориткой, графиней Елизаветой Воронцовой, племянницей вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова.

Теперь, летом 1755 г., начался второй бурный роман Екатерины, который скоро переплелся с дипломатической интригой. Новый британский посол при русском дворе, сэр Чарльз Хэнбери Уильямс, вручил верительные грамоты в июне 1755 г. Секретарем посольства был двадцатитрехлетний поляк, граф Станислав Август Понятовский. Если миссия британского посла с треском провалилась, то молодой граф достиг блестящего успеха, хотя и не дипломатического.

Нет ничего удивительного в том, что между Понятовским и Екатериной возник роман. Молодой граф был необыкновенно любезен, обаятелен, воспитан, обладал прекрасными манерами, знал Англию и провел некоторое время в Париже, где часто посещал салон мадам Жоффрен, которую величал «маман». Полюбив Екатерину, он дал ей впервые в жизни испытать истинную любовь человека общих с ней интеллектуальных интересов, вкусов, увлечений, окружил ее при этом теплотой и нежностью, почтительным обожанием, страстностью и одновременно не забывал о ее положении. Понятовский — единственный из любовников Екатерины, оставивший ее портрет, в котором сквозит его очарованность возлюбленной: «Ей было двадцать пять лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навыкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую,

руки и плечи совершенной формы; средний рост — скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех, столь же веселый, сколь и нрав ее, позволявший ей с легкостью переходить от самых резвых, по-детски беззаботных игр — к шифровальному столику, причем напряжение физическое пугало ее не больше, чем самый текст, каким бы значительным или даже опасным ни было его содержание»[26].

Ради своей новой любви Екатерина шла на громадный риск. В ней пробудилась заложенная в ее натуре дерзкая отвага. У нее появилось обыкновение выходить по ночам в мужской одежде, в одиночку или в сопровождении только близкой подруги. Но не от мужа приходилось ей скрывать свою новую любовь — великий князь был только счастлив когда, отужинав в обществе Елизаветы Воронцовой, Екатерины и Понятовского, удалялся прочь со словами: «Ну, дети мои, я вам больше не нужен, я полагаю...»[27].

В 1755 г. над Европой сгущались тучи — близилась война, и в сентябре между Британией и Россией было заключено соглашение. По этому документу Британия обязывалась субсидировать русскую военную кампанию с целью защиты Ганновера от возможного нападения Пруссии (та все еще сохраняла союзнические отношения с Францией, правда, довольно непрочные). Обязанностью России была подготовка к наступлению на Пруссию. Этот договор воплощал собой победу пробританской политики Бестужева, направленной против Франции и Пруссии. Последовавшее в январе 1756 г. подписание Вестминстерской конвенции между Британией и Пруссией, по которой договаривающиеся стороны дали друг другу взаимную гарантию безопасности владений, включая и Ганновер, вызвало в русской столице бурю возмущения. Впоследствии это повлекло за собой крах всей внешнеполитической системы Бестужева, а затем и его карьеры. Первой неудачей канцлера стало создание в марте 1756 г. так называемой Конференции — совета, призванного всеми возможными средствами проводить в жизнь антипрусскую политику Елизаветы. Конечно, Бестужев входил в состав Конференции, но его влияние в ней было ослаблено присутствием среди членов его со-

---

[26] *Poniatowski S. A.* Memoires. SPb., 1914. Vol. I. P. 136—137 [= *Понятовский С.* Мемуары / Пер. с фр. В. Савицкого. М., 1995. С. 104—105].

[27] Ibid. [= Там же. С. 139].

перников Шуваловых и вице-канцлера М. И. Воронцова. Вскоре за прусско-британской Вестминстерской конвенцией последовал первый Версальский договор между Францией и Австрией, заключенный 1 мая 1756 г. Полным ходом шла так называемая дипломатическая революция. Стремясь предотвратить создание коалиции между Францией, Австрией и Россией, Фридрих II в августе 1756 г. вторгся в Саксонию. Впрочем, он лишь ускорил формирование этой самой коалиции.

Некоторое время Бестужев-Рюмин старался сохранять невозможную внешнеполитическую позицию — сразу и пробританскую, и антипрусскую, — причем в такое время, когда обе эти державы быстро шли к союзу, а Россия вела переговоры с Австрией по поводу совместного нападения на Пруссию. В сложившихся обстоятельствах дружба с молодым двором стала для Бестужева гораздо важнее, чем раньше. Он и посол Хэнбери Уильямс, каждый по своим каналам, содействовали связи Екатерины с Понятовским, которую великий князь воспринимал со столь явной благосклонностью. Хэнбери Уильямс тоже поддался очарованию великой княгини и сам вызвал ее теплое дружеское расположение. В семидесяти письмах, написанных за два года Екатериной послу Уильямсу, и в восьмидесяти семи его письмах к великой княгине немало нежных пассажей: «Я всегда буду больше любить Екатерину, чем императрицу», — написал он в августе 1756 г., намекая на свои надежды вернуться в Россию, когда она окажется на троне[28].

Теперь Екатерина служила каналом связи между британским послом и канцлером, который все еще старался помешать всякому сближению России с Францией после заключения франко-австрийского договора и оборонялся от интриг профранцузской партии в составе вице-канцлера Михаила Воронцова с семейством и фаворита императрицы И. И. Шувалова с его родными. Летом 1756 г. саксонское правительство Польши отозвало Понятовского на родину. Екатерина изо всех сил настаивала, чтобы Бестужев и Хэнбери Уильямс (через которого шла ее переписка с далеким возлюбленным) вернули его в Россию. Тем временем Хэнбери Уильямс внушал ей преимущества традиционного союза между Россией и Англией («со времен Ивана Васильевича») и снабжал великую княгиню де-

[28] *Earl of Ilchester.* Correspondence of Catherine the Great with Sir Charles Hanbury Williams. London, 1928. P. 77ff, 23 августа 1756 г.

нежными средствами, в которых та остро нуждалась[29]. Прошли те времена, когда Бестужев был всесильным врагом великой княгини. Теперь уже сам канцлер, потерявший всякую поддержку при дворе, все больше опирался на Екатерину. Поэтому он все перевернул вверх дном, лишь бы добиться возвращения Понятовского, и тот вновь появился в столице в декабре 1756 г., на этот раз как официальный посол польского короля Августа II Саксонского. Он прибыл вскоре после рождения у Екатерины дочери, Анны Петровны, которую все считали ребенком Понятовского. И на этот раз императрица всю заботу о новорожденной взяла на себя, так что Екатерина несколько недель не видела свою дочь.

Наконец 31 декабря 1756 г. / 11 января 1757 г. Россия присоединилась к Версальскому договору, после чего 22 января / 2 февраля 1757 г. был заключен новый русско-австрийский договор. В нем ясно излагались те цели, ради которых Россия собиралась вступить в войну (приобретение Курляндии, если Восточная Пруссия отойдет к Польше)[30]. Хэнбери Уильямс был слишком глубоко замешан в обсуждении условий англо-русского договора и так старался предотвратить сближение России с Францией, что уже не мог оставаться британским послом, когда Россия открыто вмешалась в войну на стороне противников Англии, и к большому огорчению Екатерины был отозван в июле 1757 г.

Действительно ли в переписке Екатерины с Уильямсом можно усматривать государственную измену?[31] Великая княгиня следовала политической линии Бестужева (который, конечно, тоже давно уже получал ежегодную пенсию от британского правительства в размере 12 тыс. руб.)[32], но это уже не была политика Елизаветы. Обвинения Екатерины в предательских замыслах опираются на ее осведомленность о российских дипломатических и военных планах и приготовлениях и на изобилие этой информации, поступавшей к

---

[29] В. А. Бильбасов упоминает один заем в тысячу червонцев, сделанный Екатериной 21 июля 1756 г., и другой, от 11 ноября того же года, составивший 44 тыс. руб. Хэнбери Уильямс получил долговые расписки за подписью великой княгини, гарантировавшие возврат денег. В 1764 г., когда она действительно попыталась вернуть долг, британское правительство отказалось принять деньги. См.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 348, примеч. 1; СбРИО. Т. XII. С. 162—164.

[30] См.: *Jay Oliva L.* Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years' War. N.Y., 1974. P. 46ff.

[31] Cambridge Modern History. Vol. VII. Ch. XIX. P. 458—459.

[32] См.: *Earl of Ilchester.* Op. cit. P. 77.

Хэнбери Уильямсу и через Британию доходившей затем до Фридриха II. Екатерина была в дружеских отношениях с генералом С. Ф. Апраксиным, главнокомандующим русскими войсками, отправленными воевать с Пруссией. Нет сомнений в том, что она по просьбе британского посла пыталась уговорить Апраксина помешать прибытию в Россию французского посланника (так как дипломатические отношения между двумя странами должны были вот-вот восстановиться после двенадцатилетнего перерыва) и отложить начало военных действий. Кроме того, она передавала английскому послу политические и придворные слухи и сплетни, которые узнавала от Апраксина и других, и документы, полученные от Бестужева. Насколько важны были эти документы и информация и успевали ли они попасть к Фридриху, чтобы повлиять на его планы, определить очень трудно. Но тревожные слухи о здоровье императрицы, особенно упорные с осени 1756 г., заставляли всех — и Хэнбери Уильямса, и Бестужева, и Екатерину, и Апраксина — рассчитывать свои шаги и планы на будущее. Все понимали, что восшествие на престол ярого поклонника Пруссии Петра Федоровича повлечет за собой радикальные перемены в политике. Возможно, что в это время Екатерина уже опасалась за свою собственную участь после смерти Елизаветы Петровны. Так или иначе, Бестужев подумывал, не возвести ли Екатерину на престол вместе с мужем или лучше совсем обойти Петра Федоровича и сделать Екатерину единовластной правительницей. Он представил великой княгине проект манифеста, согласно которому она провозглашалась соправительницей, а сам Бестужев становился всесильным, получив под команду все четыре гвардейских полка и возглавив три коллегии — Военную, Адмиралтейскую и Иностранную. Судя по ее мемуарам, Екатерина прочла документ и вернула канцлеру с благодарностью за эти добрые пожелания, заметив, однако, что план Бестужева не кажется ей легко исполнимым[33]. Но за этим проектом, возможно, стояло нечто большее. И русские, и иностранные дипломаты при русском дворе все яснее понимали, что Петр Федорович не способен к правлению. Вероятно, у Екатерины росло искушение стать соправительницей или регентшей при сыне, но в письмах Хэнбери Уильямса встречаются лишь отдельные намеки на будущее, когда Екатерина «воссия-

[33] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 408—409.

дет на престоле»[34]. Как именно добиться этой цели, пока, наверно, никто и представить себе не мог.

В мае 1757 г. генерал Апраксин отправился на фронт, а 19/30 августа русские войска разбили прусскую армию в кровопролитном сражении при Гросс-Егерсдорфе. Вскоре после этого, 8/19 сентября, с императрицей Елизаветой случился удар, когда она выходила из церкви в Царском Селе. Утаить эту болезнь было невозможно. Генералы и сановники не знали, кому подчиняться — заходящему или восходящему светилу. Апраксин, вместо того чтобы развивать успех, вопреки всем ожиданиям отступил к Мемелю. Даже Екатерина тогда подумала, что он поступил так, получив известие о болезни императрицы[35], из страха впасть в немилость нового императора, Петра Федоровича. Возможно, что она-то и написала ему, чтобы предупредить о болезни Елизаветы Петровны (Апраксин предусмотрительно уничтожил эти письма). Однако, судя по всему, Апраксин поднял на Военном совете вопрос об отступлении к Мемелю из-за нехватки продовольствия для армии еще 27 августа, так что решение отступать приняли раньше, чем императрицу поразил удар[36]. Но Елизавета Петровна выздоровела и пришла в ярость, обнаружив, что сомнения в ее здоровье повлияли на политику. Апраксина немедленно отозвали и пригрозили военным судом. Но на самом деле его враги метили в Бестужева-Рюмина, а точнее — в великую княгиню. К середине февраля 1758 г. императрица поддалась их давлению, и Бестужева с женой и сыном арестовали, причем все его бумаги были изъяты.

Канцлеру не предъявили официальных обвинений, его никогда не судили и не выносили никакого приговора, так что невозможно точно сказать, в чем видели его провинности. Но к ним, конечно, относили попытки изменить порядок престолонаследия, а также потворство переписке великой княгини с государственными деятелями, т.е. с генералом Апраксиным. Бестужеву удалось

---

[34] Великокняжеская чета могла также опасаться заговора против них обоих в пользу Ивана Антоновича. Это было в интересах профранцузской партии при дворе, стремившейся таким образом навечно захватить политическое верховенство. Как мне представляется, Илчестер подразумевает, что Екатерина не столько намеревалась завладеть престолом для себя, сколько обеспечить передачу престола Петру Федоровичу. См.: *Earl of Ilchester*. Op. cit. P. 105.

[35] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 387.

[36] См.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 368, примеч. 1.

еще до ареста сжечь все компрометирующие бумаги и сообщить об этом Екатерине. Однако арестовали также некоторых второстепенных лиц из его кружка, которые могли своими показаниями бросить на нее тень. К тому же от Петра Федоровича ждать помощи не приходилось. Пусть он по-прежнему боготворил прусского короля и даже вслух осуждал политику сближения России с Францией, пусть он сквозь пальцы смотрел на связь Екатерины с Понятовским и допускал, что маленькая Анна — не его дочь, все равно сейчас он спешил вернуть себе расположение императрицы и всячески чернил жену.

В этом кризисе, опаснейшем из всех, которые ей пришлось пережить, Екатерина оказалась в полной изоляции. Она вообще не знала, что происходит, пока Бестужев и другие арестованные не наладили тайные каналы связи. В начале марта 1758 г. был издан манифест о лишении Бестужева чинов и званий и о предстоящем суде над ним, порученном особой комиссии. А Екатерина все еще не знала, замешано ли в деле ее имя. В этой обстановке она пошла на риск и сознательно вызвала взрыв, прояснивший в итоге ее отношения с императрицей. Взявшись за перо, Екатерина по-русски написала тщательно продуманное обращение к императрице, в котором молила, раз уж она имела несчастье снискать неудовольствие Ее Величества, отослать ее домой. В ответ Елизавета пообещала удостоить великую княгиню личной беседы, которой та тщетно ждала шесть недель. В это время изо всех сил искали доказательства причастности Екатерины к приписываемой Бестужеву государственной измене. Арестовали ее фрейлину, поверенную в любовных делах; бумаги Бестужева перечитывали вдоль и поперек, но за исключением трех писем, находившихся в бумагах генерала Апраксина, ничего не нашли. В этих письмах Екатерина предупреждала генерала о том, что его действия осуждаются, и убеждала его слушаться приказов императрицы и продолжать наступление на прусскую армию.

Тяжелая обстановка начала сильно угнетать Екатерину, но тут ей помогли добрые отношения с православной церковью. Одна из ее фрейлин приходилась племянницей духовнику императрицы и устроила встречу своего дядюшки с великой княгиней, чтобы «выслушать ее исповедь». Вряд ли Екатерина рассказала ему все, но этот добрый исповедник отправился прямиком к императрице и сумел ее уговорить побеседовать с великой княгиней тем же вечером, 13/24 ап-

реля 1758 г. Когда Екатерину проводили в покои императрицы, та была не одна. При беседе присутствовали великий князь и Александр Шувалов, глава Тайной канцелярии и обер-гофмейстер великокняжеского двора. Фаворит Елизаветы, Иван Иванович Шувалов, скрывался за ширмой.

Екатерина сама описала последовавшую драматическую сцену: она пала на колени и в слезах просила отпустить ее домой. Елизавета напомнила ей о детях, но Екатерина отвечала, что им будет лучше на руках императрицы. Тут Петр разразился тирадами против своей жены, обвинив ее в злонравии, на что Елизавета не обратила внимания. Зато она допросила Екатерину по поводу ее писем к Апраксину. Екатерина снова поклялась, что они были совершенно безобидны, и не дрогнула перед угрозой подвергнуть пыткам Бестужева, чтобы вырвать у того признание их общей вины. Наконец императрица, в нерешительности ходившая взад-вперед по комнате, кажется, склонилась на сторону Екатерины. Она отпустила от себя молодых супругов, но прислала великой княгине весточку о том, что желает вскоре снова с ней побеседовать. Петр Федорович радостно выражал надежду, что Екатерину скоро прогонят и тогда он сможет жениться на любовнице, Елизавете Воронцовой. Екатерина же засела за чтение первых томов Энциклопедии.

Решающий разговор между императрицей и великой княгиней произошел 23 мая/4 июня. Елизавета снова подвергла невестку допросу и интересовалась письмами к Апраксину и отношениями великой княгини с Петром Федоровичем. Что же ответила Екатерина на последний вопрос? Увы, здесь ее мемуары обрываются. Но Елизавета, вероятно, знала, что Павел — не сын Петра Федоровича. Во время прошлого их разговора, когда Шуваловы на это намекнули, Елизавета вспылила: «Придержи язык, негодяй! Я знаю, о чем ты говоришь, ты хочешь наврать, будто он незаконнорожденный, но если и так, то он не первый у нас в семье»[37]. Во всяком случае, Екатерина сумела убедить императрицу в том, что она не повинна ни в каких изменнических намерениях или действиях. В течение 1758 г. Бестужева сослали, Понятовского отправили назад в Польшу,

[37] Эта речь Елизаветы приведена со слов посла Хэнбери Уильямса в книге: *Kaplan H.* Op. cit. P. 109, примеч. 21. См. также: *Cronin V.* Catherine, Empress of All the Russians. London, 1978. P. 119—120. Сама Елизавета родилась, когда Петр I еще не был обвенчан с ее матерью.

откуда он уже никогда не возвращался, а Екатерина очутилась в таком одиночестве, какого еще не бывало. В марте 1747 г. она потеряла отца. Ее мать, измученная долгами, скончалась в Париже в 1760 г. Маленькая дочь великой княгини, Анна, умерла в 1759 г., и хотя Екатерине позволяли видеться с детьми очень редко, она тяжко страдала от этой потери.

Сбросив главного своего врага, Бестужева, Воронцовы и особенно их соперники Шуваловы могли теперь позволить себе великодушие по отношению к Екатерине. Им хватало дальновидности, чтобы понимать, что в один прекрасный день фортуна может повернуться к ней лицом, и тогда Екатерина сумеет как следует с ними расквитаться. А тем временем Петр Федорович настраивал против себя русское офицерство и гражданских чиновников, безо всякой оглядки открыто восхищаясь прусским королем и безудержно хвастаясь своими тайными связями с врагами России.

Поэтому когда знатный прусский военнопленный — граф Шверин, адъютант Фридриха II, — в 1760 г. появился в Петербурге, Петр Федорович встречал и принимал его как почетного гостя. Для сопровождения к нему приставили некоего Григория Григорьевича Орлова, артиллерийского капитана, второго из пятерых братьев Орловых, прославившегося дерзкой отвагой в битве при Цорндорфе, где он получил ранение. Орлов был красив, беспечен, удачлив в любви и в бою. Попав к молодому двору, он влюбился в Екатерину, и это чувство было взаимным. Прошло уже почти два года с тех пор, как уехал Понятовский. Царившая при дворе атмосфера любовных интриг не располагала к вечному целомудрию, а к тому же образ Понятовского с его наскучившей нежностью, наверно, померк в памяти Екатерины в сравнении с дерзким, полным жизни Орловым.

Кроме того, подсознательно Екатериной мог двигать страх. Она хорошо знала, что смерть Елизаветы Петровны и приход к власти Петра III грозили ей серьезной опасностью. Слышали, как муж грозился запереть ее в монастыре, а ведь он имел все основания сомневаться в верности жены. А Григорий Орлов, любимец офицеров и солдат, за спиной которого стояли четверо братьев, мог и защитить ее, и служить ей связующим звеном с армией[38]. Неизвестно, когда

[38] См., например: Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793. Л., 1931. Т. II. С. 132.

именно начался роман Екатерины с Орловым, но осенью 1761 г. она опять была беременна, и на этот раз положение великой княгини тщательно скрывалось.

1761 год шел к концу, и все не спускали глаз с угасающей императрицы Елизаветы. Те, кто загнал Бестужева в ссылку и угрожал Екатерине, теперь должны были признать, что, возможно, им было бы выгоднее поддержать великую княгиню, а не Петра Федоровича. Последний не делал тайны из своих намерений выйти из войны с Пруссией в тот самый миг, как вступит на трон. А что же сама Екатерина? Помышляла ли она о регентстве при сыне Павле? Или уже решила завладеть престолом и стать самовластной правительницей?

Часть I

НОВАЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦА И НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Глава 1

Екатерининский переворот

25 декабря 1761 г. умерла императрица Елизавета Петровна. Если Екатерина когда-нибудь и задумывала захватить власть, то сейчас ее беременность это полностью исключала, так что на трон беспрепятственно взошел Петр III. Общество сразу же почувствовало, что власть переменилась. Новый император не обладал такими достоинствами ума и характера, которые бы позволили ему достойно держаться в переходный период, требующий от вступившего на престол наследника большого такта, — ведь ему нужно скрывать свою радость в обстановке всеобщего траура. Царствование Петра III не продлилось и шести месяцев, но за это короткое время он успел настроить против себя всю российскую правящую элиту, совершив четыре, а то и пять важных политических шагов, для нее совершенно неприемлемых. Более того, император позволял себе такие выходки — как в узком кругу, так и публично, — которые подтверждали самые постыдные и невероятные слухи о нем. Рассказывали, например, как он пообещал придворным дамам, что заставит их развестись с мужьями и обвенчаться с любовниками, — на самом деле государь просто хотел весело пошутить[1]. Те случаи, когда Петр III приказывал почтенным вельможам скакать на одной ноге, в то время как другие пытались изловчиться и сбить их с ног ударом колена под зад, тоже вряд ли могли принести ему расположение государственных сановников. Подобные картины не внушали придворным уважения к императору, как и зрелище попоек, которыми обычно заканчивались его забавы[2].

Но проводившаяся при Петре III и с его одобрения политика в какой-то мере продолжала курс на модернизацию и вестернизацию, связанный с идеями Просвещения. Штрафы, взимаемые с расколь-

---

[1] *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. II. С. 693–694.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793. Л., 1931. Т. II. С. 125.

ников, снизились; им стало легче вернуться в Россию из-за границы. Менее строгим сделался контроль государства над внутренней и внешней торговлей. Главное же — была упразднена ненавистная всем Тайная канцелярия. Это учреждение ведало расследованием всех преступлений, подходивших под общие определения «оскорбления величества», государственной измены или бунта. Стоило раздаться наводящему ужас крику: «Слово и дело государево!» — как вскоре все причастные — истец, ответчик, свидетели — оказывались под арестом, подвергались пыткам и, даже уцелев после них, могли навечно угодить в ссылку. В манифесте от 21 февраля 1761 г. Петр III объяснил, что его предшественники на троне учредили Тайную канцелярию, ибо тогда русскому народу были свойственны варварские нравы. Со временем необходимость в этом учреждении уменьшилась, но недостойные люди завели обыкновение использовать его механизм, чтобы губить безвинных и возводить поклеп на своих начальников. Поэтому, чтобы подобные несправедливость и жестокость предотвратить на будущее, манифестом предписывалось упразднить Тайную канцелярию, а нерасследованные дела передать в Сенат.

Однако упразднение Тайной канцелярии не повлекло за собой полной ликвидации всех органов сыска. Персонал канцелярии был переведен в особый департамент Сената с отделением в Москве. Отныне следовало подавать доносы в письменном виде (исключение делалось только для неграмотных) в ближайшую военную или гражданскую канцелярию, а жертвы обвинения не подлежали аресту до конца расследования. Ложных доносчиков полагалось по два дня выдерживать под замком на хлебе и воде, чтобы отбить у них охоту по недомыслию являться с пустыми оговорами[3]. Тем самым русское общество ограждалось от ложных доносов, приводивших к арестам невинных людей, как от способа сведения личных счетов[4].

Вторым важнейшим законодательным постановлением Петра III был манифест о вольности дворянства, провозглашенный 18 февраля 1762 г.[5] О предыстории появления этого манифеста, одного из краеугольных камней модернизации России, сохранилось мало до-

[3] ПСЗ. Т. XV. № 11445, 21 февраля 1762 г.; *Самойлов В. В.* Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // ВИ. 1946. № 1. С. 79—81.

[4] *Голикова Н. В.* Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964.

[5] ПСЗ. Т. XV. № 11444, 18 февраля 1762 г.

стоверных сведений[6]. Известно, что 17 января 1762 г. Петр III присутствовал на заседании Сената, где вкратце сообщил о планах нововведений, относящихся к службе дворянства: он сказал, что в будущем дворяне смогут служить, где пожелают и сколько пожелают, при условии добровольной явки на службу в военное время[7]. Манифест, провозглашенный 18 февраля 1762 г., был весьма далек от совершенства. Если верить желчному рассказу князя М. М. Щербатова, то этот документ и появился на свет лишь потому, что както раз Петру III понадобилось тайком от фаворитки Елизаветы Воронцовой провести ночь в другом месте. Он сказал ей, что собирается поработать с одним из своих секретарей, Д. В. Волковым. Вечером император запер Волкова, велев ему сочинить «к утру какой-нибудь важный указ», и отправился по своим делам. Несчастный Волков долго ломал голову над этим заданием и, вспомнив, как граф Роман Воронцов, отец фаворитки, частенько уговаривал Петра Федоровича «сделать что-нибудь» для освобождения дворянства от службы, составил манифест по этому поводу[8].

Исследователям пока не удалось найти окончательный ответ на вопрос об авторстве проекта этого документа. В опубликованном варианте содержались пренебрежительные отзывы о прежнем варварском состоянии России, когда дворян только силой принуждения можно было заставить нести государеву службу. Теперь же, гласил манифест, государство так далеко ушло вперед по пути цивилизации, что может смело рассчитывать на добровольное содействие подданных. Поэтому и следовало отныне иначе наладить систему службы: в мирное время разрешить служилым дворянам выходить в отставку по согласованию с начальством, а обер-офицерам — с соизволения императора. Дворянам, не достигшим офицерского чина, предписывалось отслужить двенадцать лет, чтобы получить право проситься в отставку. Для дворян вводился и свободный выезд за границу с условием возвращения на родину по первому требованию под угрозой конфискации имений. Разрешалось домашнее образование сыновей богатых дворян, хотя государство оставило за собой право контролировать обучение дворянских детей из бедных семей.

---

[6] Более основательно этот вопрос рассмотрен в гл. 5.

[7] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 12. Подробнее см.: *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrough // AHR. 1970. Vol. LXV. № 5. P. 1289—1310.

[8] *Shcherbatov M. M.* On the Corruption of Morals in Russia / Tr. and ed. by A. Lentin. Cambridge, 1969. P. 232—233.

В манифесте торжественно провозглашалось, что свободы, дарованные дворянству, должны впредь рассматриваться как вечное и незыблемое правило, обязательное и для преемников императора. Дворян призывали ответить на монаршую милость еще большим служебным рвением. Тем же, кто этого рвения не проявит, грозило презрение и запрет являться ко двору.

Но было ли провозглашение манифеста о вольности дворянства результатом случайности, как утверждал Щербатов? Действительно ли его составил Д. В. Волков? Может быть, манифест появился под давлением кружка Воронцовых, требовавшего улучшить положение дворянства? Или, скорее, он представлял собой компромиссное решение, выработанное в бюрократических кругах (вероятно, генерал-прокурором А. И. Глебовым)? Согласно этому компромиссу, отвергалось требование Воронцовых об экономических и правовых привилегиях дворянства, таких как монополия на владение крепостными или освобождение от телесных наказаний. В то же время признавалась известная степень свободы дворян от унизительного принуждения к службе, поскольку государство было уверено, что они, так или иначе, служить будут[9]. И действительно, в окончательном варианте манифест хорошо согласуется с рядом мер, введенных в царствование Петра III. Целью этих мер было повышение качественного уровня российской бюрократии и создание профессионального корпуса чиновников, не связанного с помещичьим сословием, призванным и впредь поставлять офицерские кадры для вооруженных сил[10].

Но если такие шаги, как упразднение Тайной канцелярии и манифест 26 февраля 1762 г., способны были расположить дворянство в пользу императора, то остальными своими действиями Петр III как будто нарочно стремился отвратить от себя целые влиятельные социальные группы. Еще не воцарившись, он успел произвести дурное впечатление на высшее духовенство своим неуважением к православной литургии и открытым предпочтением лютеранского богослужения. Он даже якобы заявил архиепископу Новгородскому

---

[9] Этот вопрос рассмотрен в статье: *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения // ИЗ. [М.,] 1951. [Т.] 38. С. 208—251. Н. Л. Рубинштейн отрицает авторство Глебова, однако исключение из манифеста всех экономических привилегий, на которых настаивало дворянство, наводит на мысль о том, что текст был составлен кем-то из окружения елизаветинского министра Петра Шувалова, и этим автором вполне мог быть Глебов.

[10] *Raeff M.* Op. cit.

Дмитрию Сеченову, что все иконы, кроме тех, на которых изображен Иисус Христос, следует убрать из церквей, а духовенству лучше бы сбрить бороды и переодеться на западный манер[11]. Терпимость императора к староверам тоже не вызывала симпатий среди высших церковных иерархов. Столичных священников он оттолкнул запретом на домовые церкви в усадьбах богатого дворянства и купечества[12]. Приходские священники, стоявшие ближе по положению к крестьянам и солдатам, были обижены указом о включении сыновей попов и дьяконов в рекрутский набор[13].

Чаша терпения духовенства переполнилась, когда Петр III вернулся к решению о секуляризации церковных земель, которое приняла, хотя и неохотно, благочестивая императрица Елизавета Петровна, и принялся осуществлять его на деле. Соответствующий указ был издан 21 марта 1762 г.[14]. Начался поспешный и грубый захват церковного имущества, часто силами армейских офицеров, в результате чего уже 15 апреля 1762 г. появился другой указ, запрещавший им врываться в монашеские кельи и частные дома священников и описывать находящееся там имущество[15]. 25 мая 1762 г. высшее духовенство выразило официальный протест против политики секуляризации.

Второй важной профессиональной группой, которой Петр III нанес тяжелый удар, была армия. Участие России в Семилетней войне, крупные победы при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе, молниеносный рейд на Берлин, оккупация Восточной Пруссии невероятно повысили престиж русской армии. Офицеры и солдаты нового поколения оказались достойными противниками прославленных прусских войск и их блистательного венценосного полководца и сумели выйти из испытания огнем с окрепшей верой в себя и с возросшим чувством национального достоинства.

В момент кончины Елизаветы в декабре 1761 г. русские войска, оккупировавшие Восточную Пруссию, как раз добились сдачи крепости Кольберг в Померании, что открыло для них путь на Берлин

---

[11] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 66—67; Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. С. 171—172; *Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche, 1700—1917. Leyden, 1964. S. 145.

[12] ПСЗ. Т. XV. № 11460, 5 марта 1762 г.

[13] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 66—67; Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. С. 171—172; *Smolitsch I.* Op. cit. S. 145.

[14] ПСЗ. Т. XV. № 11481, 21 марта 1762 г.

[15] Там же. № 11503, 15 апреля 1762 г.

через Штеттин. Русский корпус под командованием генерала Захара Григорьевича Чернышева успешно воевал в Силезии совместно с австрийцами. Победоносных русских генералов как гром среди ясного неба поразила весть о том, что Петр III поспешно отправил одного из своих приближенных в Пруссию якобы затем, чтобы объявить там о приходе к власти нового императора, а на самом деле — для возобновления дипломатических отношений и подготовки почвы для заключения мира. Немедленно в Померании начались переговоры о перемирии, а генерал Чернышев получил приказ покинуть со своими войсками австрийскую армию и отступить к Висле. 12/23 февраля 1762 г. Россия сообщила своим союзникам о намерении заключить мир с Пруссией и возвратить ей все завоеванные территории.

Фридрих II, разумеется, весьма довольный новостями из России, послал в Петербург графа Гольца, уполномоченного от его имени уступить России навечно Восточную Пруссию (за компенсацию), гарантировать безопасность Голштинии от датской агрессии и обещать нейтралитет Пруссии в случае войны между Россией и Данией. Но таких существенных уступок со стороны Пруссии даже не потребовалось. Правда, канцлер М. И. Воронцов попробовал было внушить Петру III, что политику России необходимо согласовывать с союзниками, но тот отверг эти идеи и сместил канцлера[16]. Император сам повел переговоры и так ими распорядился, что даже текст мирного соглашения был составлен прусским посланником[17]. Подписание договора состоялось 24 апреля / 5 мая 1762 г. Его содержание явно свидетельствовало о том, что Петр III пожертвовал интересами России в пользу Голштинии[18]. России предстояло отдать Пруссии все, у нее завоеванное, а Фридрих, согласно союзному договору, заключенному в тот же день, был обязан оказывать Петру III поддержку (если понадобится, то и вооруженную) в его притязаниях на Шлезвиг. Кроме того, Фридрих взялся содействовать избранию дядюшки Петра III, Георга Людвига Гольштейн-Готторпского, герцогом Курляндским. Курляндией, которая являлась вассалом польской короны, правил в свое время герцог Эрнст

---

[16] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 61 и далее.

[17] Там же. С. 33 и далее.

[18] Текст мирного договора и сопутствующего ему союзного соглашения см.: *Martens F. de.* Recueil de traités et convensions conclus par la Russie avec les puissances etrangères. Vols. I—XV. SPb., 1874–1909. Vol. V. P. 367ff, 389ff.

Иоганн Бирон, фаворит покойной императрицы Анны Иоанновны, а теперь на нее претендовал саксонский курфюрст Карл.

Петр III сразу же начал лихорадочно готовиться к войне с Данией. 1 марта 1762 г. датчанам была направлена угрожающая нота с требованием вернуть Голштинии Шлезвиг, а 24 мая последовал ультиматум. Император России прекрасно понимал, что из-за этой новой войны с Данией он опять ввяжется в конфликт между Пруссией и Австрией, но теперь уже на стороне Пруссии. Поэтому, еще не успев подписать мирный договор с Пруссией, он пообещал перебросить корпус графа Чернышева с австрийской стороны театра военных действий на прусскую и тем самым переменить фронт.

Даже сторонники окончания войны с Пруссией не могли одобрить ни способ, которым это достигалось, ни цену, заплаченную Россией за этот мир. Русской внешней политикой, по всем признакам, руководил теперь через своего посла Фридрих II, а по сути дела он управлял самим российским императором. Большинство высших государственных деятелей России всеми силами старались охладить пыл государя, рвавшегося немедленно выступить в поход на Данию. Урезонить Петра III хотел и Фридрих, но по совершенно иным причинам. Из донесений своего посла прусский король знал, что в Петербурге зреет недовольство политикой нового императора. Он предостерегал Петра III от выезда из столицы до коронации, которая должна была освятить и утвердить его власть. Фридрих опасался, как бы его протеже, покинув Россию и отправившись лично командовать армией, не лишился престола[19]. Но император упорствовал и 21 мая приказал генералу П. А. Румянцеву, герою взятия Кольберга, начать оккупацию Мекленбурга.

Между тем Петр III уже умудрился настроить против себя ту самую армию, которой собирался командовать. Взойдя на престол, он нарядил военную комиссию, и та в скором времени совершенно перекроила на прусский лад все порядки в русской армии — в частности, ввела жесткую муштру и прусскую форму одежды, что привело в смятение гвардейские полки, дорожившие своими петровскими мундирами. Лейб-кампания · личная императорская гвардия, учрежденная Елизаветой Петровной, была расформирована, и теперь ее солдаты сеяли недовольство властью Петра III в тех полках, куда их разослали. Мало того, хотя мир, заключенный с Пруссией, был

[19] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 73.

унизителен для русского офицерства, тем не менее многие офицеры стремились оставить службу, воспользовавшись правом, дарованным им февральским манифестом 1762 г. Это свидетельствовало о крайней непопулярности войны с Данией ради интересов Голштинии. Далее, многие высшие российские сановники имели почетные воинские чины, присвоенные прежними государями. Петр III лишил эти чины статуса почетных и сделал их действительными, а теперь с неподобающей радостью наслаждался видом генералов, пожилых и тучных или молодых, но негодных к строевой службе, вроде Кирилла Разумовского, подполковника Измайловского гвардейского полка, с пыхтением выводящих на утренней заре свои полки на развод.

Император подрывал свои позиции и различными переделками в центральных органах государственного управления. Он упразднил военный кабинет Елизаветы, так называемую Конференцию, и произвел некоторые изменения в составе правительства. Трудно сказать, какими оказались бы отдаленные последствия этих шагов, ведь правление Петра III было очень кратким, но похоже, что они свидетельствовали о победе кружка Воронцовых над другими придворными группировками.

Решение государя лично возглавить поход против Дании вызвало необходимость учредить орган для управления государством в его отсутствие. 18 мая 1762 г. был создан неофициальный совет, состав которого позволяет судить о том, кому доверял император. Первым по порядку он назвал своего дядю, Георга Людвига Гольштейн-Готторпского, назначенного также полковником Конной гвардии. Принц Август Гольштейн-Бек, также включенный в совет, был определен генерал-губернатором Петербурга и главнокомандующим всеми войсками, размещенными в столице, а также в русских владениях в Финляндии и в Эстляндии. Присоединился к другим немцам в этом совете и восьмидесятилетний граф Б. Х. Миних, которого Петр III вернул из сибирской ссылки[20]. Одновременно полномочия Сената — органа, координировавшего работу всей системы управления, — были ограничены, зато расширились полномочия полиции, которую вывели из-под сенатской юрисдикции[21].

---

[20] ПСЗ. Т. XV. № 11538, 18 мая 1762 г. Кроме них в совет входили князь Н. Ю. Трубецкой, канцлер и граф М. И. Воронцов, генерал А. Н. Вильбоа, генерал М. Н. Волконский, генерал А. П. Мельгунов и Д. В. Волков.

[21] *Raeff M.* Op. cit.

Итак, император сумел настроить против себя церковь, посягнув на ее экономические интересы и открыто предпочитая иноземные формы богослужения. Армию он оттолкнул от себя внешней политикой, выглядевшей насмешкой над военными триумфами России, и реорганизацией, нанесшей ущерб национальным чувствам. Высшее чиновничество испытывало недовольство тем, что государь отдал власть клике советников, большей частью составленной из его немецких родственников. Возможно, сами по себе эти политические шаги, при всей их неуклюжести, и не стали бы причиной его падения. Но он совершил ошибку, угрожая единственному человеку, способному сделать ответный ход, — своей жене.

Трудно сказать, когда и как впервые обозначились контуры заговора с целью свержения Петра III[22]. Многим было ясно, что его положение становится ненадежным, а между тем в России имелось двое кандидатов на престол. Один — это свергнутый Елизаветой младенец-император Иван VI, который уже долгих шестнадцать лет провел в тюремном заточении, в то время как его младшие братья и сестры жили в ссылке на Севере. В марте 1762 г. его ненадолго привезли в Петербург, чтобы показать Петру III и еще некоторым лицам. Несчастный молодой человек вырос совершенно необразованным, хотя, судя по всему, читать умел и даже знал, кто он такой. Не был ли он слабоумным от рождения? Русские историки XIX в. смотрели на это по-разному. Надо полагать, что условия жизни в заточении настолько препятствовали развитию его способностей, что ребенок, родившийся вполне нормальным, постепенно превратился в слабоумного по воле людей, решивших его участь. Так или иначе, при дворе скоро стало известно, что Иван Антонович совершенно непригоден для роли самодержца.

Главным кандидатом на престол являлся, по логике вещей, семилетний Павел Петрович, прямой наследник императора. Но его будущее представлялось довольно неопределенным из-за напряженных отношений между Петром III и Екатериной Алексеевной. Придя к власти, Петр Федорович не провозгласил Павла своим официальным преемником; в формулировке присяги подданных новому императору демонстративно не упоминались имена Павла и его матери, а шла речь о «таком наследнике, которого он назначит». Имя Павла все-таки было включено в молитву во здравие импера-

[22] См., например, донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г.: РС. 1915. № 2.

торского семейства, читавшуюся в церквях, но лишь как цесаревича, а не наследника престола. Екатерине было определено содержание в миллион рублей (хотя, вероятно, она его так и не получила). Ходили слухи, что Петр III собирается развестись с Екатериной и жениться на Елизавете Воронцовой и что он также намерен отречься от Павла. Сообщали, что император наложил опалу на Сергея Салтыкова, так как тот отказался признать, будто он — настоящий отец Павла, и тем самым предоставить Петру Федоровичу основание для развода с женой[23]. Согласно закону о престолонаследии, введенному Петром Великим, государь имел право назначать себе любого преемника, так что положение Павла явно становилось критическим.

Уважение, которое Петр III некогда питал к Екатерине, уже давно превратилось в неприязнь, а она не испытывала к нему ничего, кроме презрения. Пока он легкомысленно настраивал против себя двор и столицу, Екатерина старалась снискать расположение в обществе. Новая императрица неукоснительно исполняла все религиозные обряды, связанные с кончиной и погребением Елизаветы Петровны, император же даже не участвовал в бдении у гроба и опозорился на похоронах, во время которых хохотал и громко разговаривал. Екатерина с достоинством держала себя перед иностранными послами и придворными, терпеливо снося оскорбления мужа, так что на фоне ее разумного и учтивого поведения особенно бросалось в глаза непристойное шутовство императора[24].

Екатерина находилась в крайне сложной ситуации — как уже говорилось, когда умерла императрица Елизавета, она была на пятом месяце беременности от Григория Орлова. Беременности в правящих домах не были частным делом, и о них всегда спешили объявить при всех дворах Европы. Екатерина же скрыла свое положение от Елизаветы Петровны, вероятно боясь, что на этот раз Петр Федорович не признает ребенка. Никаких свидетельств в пользу того, что Петр III знал о готовящемся прибавлении семейства, не существует. Екатерина носила широкие траурные платья и в первые месяцы царствования своего супруга вела уединенную жизнь, что помогало ей утаивать щекотливое обстоятельство.

10 апреля 1762 г. она родила мальчика. Он вырос под именем Алексея Григорьевича Бобринского, и с годами все узнали, чей он

---

[23] *Rulhiere Ch. de.* Histoire et Anecdotes sur la Revolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797. P. 50ff.

[24] Рассказ А. Т. Болотова об этом приведен в изд.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 71.

сын, хотя его истинное происхождение никогда не признавалось официально[25]. Разрешившись от бремени, Екатерина обрела большую, чем прежде, свободу действий — и вовремя. В конце апреля, на пиру в честь заключения мира с Пруссией, Петр III в присутствии иностранных послов громогласно, через весь стол, обозвал жену дурой. Екатерина расплакалась, но быстро взяла себя в руки. Той же ночью император приказал своему адъютанту арестовать императрицу. Тот, отчаянно перепутанный, бросился к Георгу Людвигу Голштинскому (последний приходился дядюшкой и Петру Федоровичу, и Екатерине и некогда даже рассчитывал на ней жениться), и герцог уговорил императора отменить приказ.

Угроза, нависшая над Екатериной, а главное — над всеми признанным наследником престола, Павлом Петровичем, способствовала тому, что все большее число людей убеждалось в необходимости перемен. У Петра же было очень мало активных сторонников. Даже канцлер Михаил Воронцов начал подумывать, не удалиться ли на загородную виллу в Тоскане[26]. Но вряд ли стоит говорить об организации заговора с целью свержения Петра III раньше мая—июня 1762 г. Пока же лишь складывался ряд разрозненных группировок, объединявших, хотя и с различными целями, противников власти Петра III.

Одним из главных деятелей заговора выступал Никита Иванович Панин. Этому человеку предстояло в течение двадцати лет ведать иностранными делами правительства Екатерины II, так что его происхождение и связи представляют для нас интерес. Он родился в 1718 г., происходил из мелкопоместного служилого дворянского рода, который в XVIII в. пошел в гору благодаря женитьбе отца Никиты Ивановича на племяннице князя А. Д. Меншикова, фаворита Петра I. От этого брака родились двое сыновей и две дочери. Дочери вышли замуж за представителей видных семейств, выдвинувшихся при Петре I. Никита и Петр Панины были хорошо при-

---

[25] Воспитание А. Г. Бобринского было поручено Василию Шкурину, камердинеру императрицы. Впоследствии Бобринский поступил в Кадетский корпус, а потом в гвардию. В 80-е гг. XVIII в. он путешествовал по Европе, отдавая щедрую дань беспутным увлечениям молодости, из-за чего был в 1787 г. отозван в Россию. Екатерина приказала ему жить постоянно в Ревеле. Ко двору он приезжал лишь однажды и ненадолго, когда в 1796 г. женился. Павел, придя к власти, вызвал брата в столицу и обошелся с ним ласково. Но в 1798 г. Бобринский покинул Петербург и окончательно поселился в Ревеле.

[26] *Fleischhacker H.* Porträt Peters III // JGOE. 1957. Bd. V. № 1/2. S. 127ff.

няты при дворе Елизаветы Петровны, которая будто бы даже пережила мимолетное увлечение Никитой Ивановичем. Петр Панин делал военную карьеру, а Никита служил некоторое время в Лейбкампании, в 1747 г. он был отправлен послом в Данию, а в 1748 г. — в Швецию, где и оставался до 1760 г.[27].

В Швеции Панин мог наблюдать, как действует политическая система, при которой власть короны строго ограничена аристократическим советом и парламентом, представляющим все сословия. На дипломатическом поприще Панин сыграл видную роль в достижении внешнеполитических целей России, и прежде всего в предотвращении любых попыток шведского короля вернуть себе абсолютную власть, так как в России полагали, что это сделало бы Швецию слишком опасной соперницей. В Швеции же Панин приобрел многолетний опыт манипулирования политическими фракциями и не раз прибегал к крупному подкупу ради интересов России.

Одним из преимуществ долгого отсутствия Панина в России, пока он служил послом, было то, что ему удалось сохранить связи со всеми придворными группировками в Санкт-Петербурге, ни с одной из них не поссорившись. Несмотря на то что его продвинул на дипломатический пост еще старый канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, на Панине не отразилась опала последнего, и он сумел остаться в дружбе с врагами Бестужева, Воронцовыми. Поэтому никто не удивился, когда весной 1760 г. Елизавета Петровна назначила Панина камергером и воспитателем великого князя Павла Петровича. Сорокадвухлетний Никита Иванович был образованным человеком, славился честностью и не имел врагов[28]. Он снискал доверие и даже привязанность юного Павла, а разрешив Екатерине более свободный доступ к общению с сыном, чем ей дозволялось ранее, приобрел также и ее дружбу и уважение.

У Панина были как общественные, так и личные мотивы для участия в заговоре против Петра III. Император являл пример крайнего деспотизма и своеволия, а Панин считал подобное правление вредным для России[29] и наносящим ущерб интересам служилой

---

[27] О деятельности Панина в Швеции см.: *Danielson J.R.* Die Nordische Frage in den Jahren 1746—1751. Helsingfors, 1888; *Krummel W.* Nikita Ivanovič Panins aussenpolitische Tätigkeit 1747—1751 // JGOE. 1940. Bd. V. № 1/2. S. 76—141.

[28] *Ransel D.L.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975. P. 33ff. Н. И. Панину назначили жалованье в 4 тыс. руб. и субсидию в 14 тыс. на уплату долгов (М. Деев — А. Р. Воронцову, 18 июля 1760 г.: АКВ. Т. XXI).

[29] См. ниже, гл. 2.

аристократии, к которой он принадлежал. Он был также решительным противником внешней политики Петра III, и не столько из-за ее пропрусской ориентации, сколько потому, что крайне не одобрял похода против датчан[30]. Панин был честолюбив и знал себе цену, хотя и не пошел бы на смерть ради идеи. Он понимал, что от его поста воспитателя великого князя не будет никакого толку, если Петр III отвергнет Екатерину, а Павла лишит наследства. Зато, отстранив от власти Петра Федоровича и провозгласив регентство, он сможет влиять на политику и даже играть выдающуюся роль в правительстве.

Конкретные детали участия Панина в заговоре неясны. Похоже, что он должен был вовлечь в круг участников генерала князя М. Н. Волконского, возможно, также гетмана Кирилла Разумовского и чиновника Г. Н. Теплова. Все они надеялись возвести на престол юного Павла, учредив регентский совет при его матери на период малолетства императора. Княгиня Екатерина Дашкова, девятнадцатилетняя сестра фаворитки Петра III, восторженно обожавшая императрицу, также принадлежала к числу заговорщиков и, по ее свидетельству, склонялась в пользу регентства[31], как и остальные.

Но главными двигателями заговора выступали пятеро братьев Орловых. Именно они были ближе всех к Екатерине, сумели привлечь на свою сторону довольно много офицеров и распропагандировать войска. Григорий Орлов, уверенный в том, что император его подозревает и не спускает с него глаз, особенно активного участия в деле не принимал, хотя и пытался завербовать одного из заместителей начальника полиции, барона Н. А. Корфа[32]. Зато Григорий состоял казначеем артиллерийского корпуса и щедро тратил казенные средства на подкуп солдат. Главнокомандующий артиллерийским корпусом генерал А. Вильбоа был членом Государственного совета. К несчастью для Петра III, он уже решил примкнуть к Ека-

---

[30] *Ransel D.L.* Op. cit. P. 62—63; *Asseburg A.F. von der.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842. S. 317.

[31] Многих заговорщиков связывали семейные узы: муж Дашковой приходился двоюродным племянником Н. И. Панину. Некоторые утверждали, что Дашкова была любовницей Панина, другие — дочерью. Сама она решительно отрицала и то и другое. Кроме того, князь Дашков приходился племянником князю М. Н. Волконскому, а тот, в свою очередь, был племянником Бестужева-Рюмина. О замыслах установления регентства см.: *Dashkova E.R.* Memoires. London, 1958. P. 61—64.

[32] Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. С. 133.

терине, в которую, как и Кирилл Разумовский, был некогда влюблен. Третий по старшинству из братьев Орловых, Алексей, прозванный «Меченым» из-за шрама, уродовавшего его красивое лицо, тоже не отставал и успел привлечь к заговору человек сорок гвардейских офицеров. Впрочем, заговорщики не представляли себе конечных последствий своей затеи и расходились во мнениях относительно целей всего предприятия. Дашкова думала, что выполняет в заговоре важную функцию связующего звена между участниками, но при этом она и не подозревала, что Григорий Орлов был любовником Екатерины[33]. Особенно загадочна роль барона Н. А. Корфа, начальника полиции. Он был близок с Петром III, но к концу мая впал в немилость у своего непредсказуемого господина и почуял опасность, которая грозит всякому, кто окажется слишком тесно связанным с проигравшей стороной. Он принялся искать дружбы императрицы, часто заглядывал в ее покои. Возможно, этим и объясняется, почему, несмотря на то что в столице открыто раздавались бунтарские речи, полиция ничего не сделала для предотвращения переворота, которого, несомненно, ожидала[34].

Если в чем-то заговорщики и были согласны, то это в намерении арестовать императора, когда он выступит в Данию. Петр III и в самом деле покинул столицу 12/23 июня, чтобы отправиться в загородный дворец в Ораниенбауме и дождаться там конца приготовлений армии к походу. Екатерина с Павлом остались в Санкт-Петербурге, но 17/28 июня императрица уехала в другой загородный дворец, Петергоф, оставив сына в столице на попечение Панина. Вероятно, в это время был тайно составлен и отпечатан манифест о ее восшествии на престол. 19/30 июня Екатерина поехала в Ораниенбаум навестить Петра III. Все еще в глубоком трауре, с печальным и озабоченным лицом, явилась она на театральное представление, в котором император играл на скрипке. Здесь Екатерина в последний раз видела супруга[35].

---

[33] *Dashkova E.R.* Op. cit. P. 78—79.

[34] Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. С. 129—130, 169. О том, насколько трудно разобраться в хитросплетении родственных группировок вокруг престола, можно судить на примере барона Корфа. Он был женат на Екатерине Скавронской, кузине императрицы Елизаветы Петровны и ее сестры Анны Петровны — матери Петра III. Сестра Скавронской была замужем за канцлером М. И. Воронцовым. Дочь Воронцова вышла за А. С. Строганова — приверженца Екатерины II, но в течение нескольких лет состояла в связи с Н. И. Паниным.

[35] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. I. С. 471--472.

Тем временем в Петербурге из-за слишком неосторожных речей был арестован один из заговорщиков. Заговору явно грозило разоблачение, и его предводители решили, что Екатерину надо немедленно перевезти в столицу и там провозгласить самодержицей. Решили не дожидаться ареста императора, все еще находившегося в Ораниенбауме со своим двором, к которому, кстати, принадлежали жены многих заговорщиков.

Екатерина оставила описание волнующих событий решительного июньского дня 1762 г.[36] На рассвете 28 июня / 9 июля в Петергофе ее разбудил Алексей Орлов и сразу повез в Петербург в наемной карете. По пути их встретил Григорий Орлов, и под охраной братьев Екатерина добралась до казарм Измайловского полка, где торжествующие Орловы сразу же провозгласили ее императрицей и самодержицей Всероссийской. Некоторые офицеры выступали за Павла или за регентство, но братья заставили их замолчать. Затем в сопровождении командира измайловцев, Кирилла Разумовского, Екатерина направилась в казармы Семеновского полка, где ее радостно приветствовали выбежавшие навстречу солдаты.

Следующими примкнули к перевороту гвардейцы Преображенского полка, а некоторые его офицеры, верные Петру III, пытались удержать солдат и были арестованы за свои старания[37]. «Они извинялись в том, что пришли последними, говоря, что их офицеры хотели помешать им отправиться, что иначе они, без сомнения, были бы первыми», — вспоминала Екатерина. Ветераны елизаветинского переворота 1741 г., лейб-кампанцы, которых разогнал Петр III, присоединились к толпе. Многие солдаты успели извлечь на свет Божий и надеть свои старые русские мундиры и вышвырнуть ненавистную прусскую форму, введенную Петром III. Затем подошли конногвардейцы во главе с князем М. Н. Волконским. Екатерина проследовала в Казанский собор, где высшее духовенство провоз-

---

[36] Существуют некоторые расхождения между многочисленными сохранившимися повествованиями о ходе переворота. Детальная оценка достоверности этих источников и воспоминаний очевидцев приведена в труде В. А. Бильбасова (*Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 467 и далее). Рассказ самой Екатерины содержится в ее письме к Станиславу Понятовскому от 2 августа 1762 г. (Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. XII. С. 546 и далее). Она описала события пристрастно, особенно выделив заслуги Орловых, но это один из самых ранних, а значит, написанных по горячим следам событий, источников.

[37] В числе арестованных офицеров был Семен Воронцов, брат фаворитки Петра III, Елизаветы Воронцовой, а также княгини Е. Р. Дашковой. Он до конца своих дней продолжал считать Екатерину II узурпаторшей.

гласило ее самодержицей, а Павла Петровича — наследником. Вскоре после этого в Зимнем дворце началась церемония присяги новой императрице.

К дворцу подходили все новые полки, причем в некоторых из них солдаты арестовывали офицеров. Архиепископ Новгородский Дмитрий Сеченов ходил между полками и приводил людей к присяге, а солдаты выстроились вокруг дворца и внутри здания, чтобы охранять императрицу, которую они «возвели на престол»[38]. Прибытие юного Павла, доставленного во дворец прямо в ночной рубашке, было встречено радостными криками толпы. Известие о смене власти спешно разослали в полки, стоявшие в окрестностях столицы, и на базу военно-морского флота, в Кронштадт. Три полка, направленные в Данию и выступившие было в сторону Нарвы, повернули обратно.

Если заговорщиков объединяло желание свергнуть Петра III, то они не пришли к единодушию относительно его замены на престоле. Однако, благодаря расторопности Орловых, Екатерину провозгласили единственной и полновластной самостоятельной правительницей, а сторонники регентства упустили свой шанс. И о чем бы втайне ни мечтал Панин, теперь он изо всех сил старался как можно надежнее упрочить положение Екатерины на троне и велел не спускать глаз с городских застав, чтобы весть о перевороте не просочилась к Петру III в Ораниенбаум.

Новая власть первым делом постаралась заручиться поддержкой таких основ государства, как армия, высшая бюрократия и церковь. Заговорщики привлекли на свою сторону солдат, пообещав прекращение датского похода, так что нижние чины встретили воцарение Екатерины с ликованием. Некоторое противодействие перевороту оказали немногочисленные офицеры, которые остались верны Петру III. Зато церковные иерархи не испытывали никаких сомнений в том, уместно ли приводить к присяге на верность Екатерине тех самых людей, которые всего за полгода до этого присягали ее мужу.

Первый манифест новой государыни от 28 июня 1762 г. свидетельствует о том, что власти знали, как затронуть самые чувствительные струны общественного мнения. В документе говорилось, что Екатерина взяла власть в свои руки, чтобы изменить политический

---

[38] Екатерина II — Ст. Понятовскому, 1 октября 1762 г. // СбРИО. Т. XLVI. С. 285.

курс Петра III и покончить с угрозой православной вере, унижением русской армии и «порабощением» страны ее злейшим врагом Пруссией. Что касается высших государственных сановников, то у Екатерины и ее сторонников хватило ловкости ради упрочения ее власти привлечь к сотрудничеству Сенат. Однако состав Сената пришлось укрепить и разбавить, включив в него ряд приверженцев Екатерины, в частности – самого Н. И. Панина, его зятя И. И. Неплюева, уважаемого всеми сановника Кирилла Разумовского, князя М. Н. Волконского и начальника полиции барона Н. А. Корфа.

Немедленно были приняты меры для предупреждения ответного удара со стороны Петра III, который так и сидел в Ораниенбауме, не подозревая о том, что уже лишился трона. Генерал-губернатору Лифляндии направили приказ объявить о вступлении Екатерины на престол, а если бы Петр Федорович попытался возглавить войска, находившиеся в Лифляндии, предписывалось схватить любого бунтовщика, невзирая на чин, живым или мертвым[39]. Генералу Петру Панину было велено принять командование войсками в Померании от генерала П. А. Румянцева, в чьей верности еще сомневались. Самого же Петра Федоровича предполагалось арестовать и заточить в Шлиссельбургскую крепость.

29 июня Петр III отправился с приближенными в Петергоф, где Екатерина должна была устроить прием по случаю тезоименитства императора. Но, приехав туда, он нашел дворец пустым. О жене напоминал лишь забытый ею праздничный наряд. Потрясенный Петр Федорович в смятении бродил по дворцу. Трое сановников, в том числе канцлер граф М. И. Воронцов, вызвались ехать в столицу и выяснить, что там происходит. Но, добравшись до Петербурга, все трое присягнули Екатерине. Едва ли не единственный оставшийся с Петром Федоровичем высокопоставленный придворный, престарелый граф Миних, пытался вдохнуть в своего повелителя хотя бы немного решимости; все погрузились на галеру и отплыли из Петергофа, но когда им не разрешили причалить в уже присягнувшем Екатерине Кронштадте, свергнутый император окончательно пал духом. В унынии Петр Федорович кое-как добрался до Ораниенбаума, где его ждали испуганные придворные, в том числе и встревоженные жены и дети заговорщиков[40].

---

[39] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 36; СбРИО. Т. VII. С. 101 и далее.

[40] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. XII. [М.; Л.], 1949. С. 177.

Теперь Екатерине предстояло пережить самый драматический эпизод переворота. Верхом на коне, облаченная в гвардейский мундир, вместе с княгиней Дашковой, красовавшейся в таком же наряде, она выехала во главе своего войска в Ораниенбаум, чтобы арестовать Петра III. В пути ее встретил вице-канцлер князь А. М. Голицын с письмом от мужа, в котором тот предлагал начать переговоры. Ответа на письмо не последовало, а вице-канцлер присягнул новой императрице и присоединился к ее кавалькаде. Во втором письме Петр Федорович отрекался от престола и лишь просил отпустить его в Голштинию с фавориткой Елизаветой Воронцовой. И это письмо не было принято во внимание. В конце концов вице-канцлер Голицын, Григорий Орлов и один из сторонников Петра III, генерал М. Л. Измайлов, уговорили императора подписать отречение без всяких условий. Затем его с Воронцовой забрали из Ораниенбаума и перевезли в Петергоф, а там взяли под стражу и разлучили со спутницей. Никита Иванович Панин, приехавший из Петербурга, чтобы быть рядом с Екатериной, лично отобрал триста караульных «для защиты» свергнутого императора от гнева простых солдат. «Самым главным несчастьем в моей жизни почитаю я, что был принужден видеть это», — сказал он несколько лет спустя о мучительной сцене отречения Петра Федоровича[41]. Когда императору предложили выбрать место жительства, он предпочел Ропшу, загородную резиденцию неподалеку от Петергофа. Здесь ему предстояло дожидаться, пока будет готово помещение в Шлиссельбурге, назначенном его окончательным местопребыванием[42].

Вопрос о том, как быть с Петром Федоровичем, был крайне острым. Невозможно установить, сама ли Екатерина решила, что для безопасности ей необходима смерть мужа. Но вряд ли она не осознавала, сколь уязвимо ее положение, пока он жив. Конечно, понимали это и братья Орловы, ведь у Григория не было надежды вступить в брак с императрицей, пока она не овдовеет. Алексея Орлова поставили командовать маленьким отрядом, несшим охрану в Ропше, а 5/16 июля 1762 г. Петр III внезапно погиб при загадочных обстоятельствах, якобы в пьяной драке. Екатерина узнала об этом в Петербурге, получив от Алексея Орлова невразумительную, кое-как нацарапанную записку, текст которой благодаря случаю дошел до нас:

---

[41] *Asseburg A. F. von der.* Op. cit. S. 315ff.

[42] Несчастного Ивана Антоновича временно перевезли в Кексгольм, так как двух свергнутых императоров в одной крепости было явно многовато.

Матушка, милосердая Государыня, как мне изъяснить, описать, что случилось, не поверишь верному своему рабу, но как пред Богом скажу истинну. Матушка, готов иттить на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на Государя. Но, Государыня, свершилась беда, мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором [Барятинским. — *Авт.*], не успели мы рознять, а его уже и не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты. Достойны казни, помилуй меня хоть для брата, повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости меня или прикажи скорей окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек.

Из этого письма как будто следует, что Екатерина не давала приказа убивать мужа, сколь бы выгодным для нее ни было его устранение. Во всяком случае, когда после смерти императрицы ее сын Павел прочел эту записку, он поверил в непричастность матери к убийству[43]. Но так или иначе, она выиграла и, таким образом, стала косвенным соучастником преступления. Реальную причину смерти императора утаили, и в манифесте, изданном 7/18 июля, объявили, что он скончался от геморроидальной колики. Эта внезапная смерть, говорилось в манифесте, случилась «по воле Божественного провидения», расчистившего Екатерине путь к трону[44]. Никто из причастных к убийству Петра Федоровича не понес наказания, и хотя стоявшая перед императрицей проблема разрешилась насильственным путем без ее участия, она чувствовала, что в глазах Европы убийством императора запятнана и она сама, и Россия в целом[45].

На тех, кто помог Екатерине взойти на престол, потоком хлынули награды. Н. И. Панин, К. Г. Разумовский и М. Н. Волконский получили пожизненные ежегодные пенсии в пять тысяч рублей каждый. Княгиню Дашкову уговорили принять 24 тысячи рублей для уплаты долгов мужа. Г. Н. Теплов, являвшийся, по всей вероятности, автором всех манифестов Екатерины, удостоился суммы в 20 тысяч, а преданный слуга Екатерины, Василий Шкурин, которому она доверила заботу о сыне от Орлова, получил дворянство и

[43] АКВ. Т. XXI. С. 89; *Dashkova E.R.* Op. cit. P. 90, примеч. 1.

[44] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 114—115. Недатированным письмом из Ропши Алексей Орлов предупредил Екатерину о том, что Петр Федорович «смертельно болен». См.: Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 767.

[45] *Dashkova E. R.* Op. cit. P. 89.

тысячу душ крепостных[46]. Заслуживает внимания и еще одно имя: Григорий Александрович Потемкин, прапорщик-конногвардеец, проявивший проницательность и усердие, встав на сторону Екатерины во время переворота, заслужил триста душ. Так скромно вышел на сцену екатерининского царствования тот, кому было суждено надолго стать на ней главным героем[47]. В общей сложности были награждены чинами, орденами, поместьями или денежными суммами 454 человека. Простой народ не замедлил отпраздновать начало нового царствования обычным способом — взяв приступом кабаки[48].

Зато ни изгнаний, ни ссылок не последовало. Елизавету Воронцову потихоньку удалили в Москву, голштинских родичей Петра III вместе с его голштинским войском отправили восвояси, в Германию[49]. Большинство высших сановников Петра Федоровича переметнулось к Екатерине еще в разгар событий. Канцлер М. И. Воронцов, вице-канцлер А. М. Голицын и президент Военной коллегии князь Н. Ю. Трубецкой пока сохранили свои посты, хотя Государственный совет при Петре III был, конечно, упразднен. С возвращением в столицу в июле 1762 г. старого канцлера А. П. Бестужева-Рюмина возродились былые антипатии и вокруг новой императрицы вспыхнула яростная, хотя и скрытая, борьба группировок. Бестужев не простил виновников своей опалы, а именно канцлера Воронцова, Теплова и Д. В. Волкова. Екатерина издала манифест, которым Бестужев был оправдан от всех обвинений и восстановлен в прежних чинах и почестях. Однако пост канцлера она ему не вернула[50].

В ранний период царствования Екатерины в кипевшей вокруг престола схватке придворных партий можно обнаружить три основные группы, объединяемые отчасти родством, отчасти общностью политических интересов. Во-первых, выделялась группировка та-

---

[46] Подробности о денежных наградах, составивших в общей сложности свыше миллиона рублей, см.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 93—94. О повышениях по службе см.: Там же. С. 508 и далее. См. также: СбРИО. Т. VII. С. 108—109.

[47] Екатерина II — Ст. Понятовскому, 2 августа 1762 г. // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 547 и далее.

[48] Убытки, понесенные кабатчиками, были потом компенсированы за счет казны. См.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 80—82.

[49] Там же. Т. II. С. 78, примеч. 1.

[50] Манифестом 7 июля 1762 г. Екатерина освободила министров Петра III от ответственности за его политические ошибки (Там же. Т. II. С. 84 и далее). О последствиях, которые повлекло за собой возвращение Бестужева, см.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 455; Кн. XIII. С. 125; СбРИО. Т. VII. С. 141—143.

ких людей, как Д. В. Волков и А. П. Мельгунов, до конца сохранявших верность Петру Федоровичу, пусть и достаточно пассивную. Теперь их держали на почтительном расстоянии от трона[51]. Во-вторых, существовала группировка, связанная семейными узами и известным совпадением взглядов на внутренние и внешнеполитические преобразования (но вовсе не обязательно и на то, и на другое вместе), главным двигателем которой выступал Н. И. Панин. Его брат, Петр Панин, по возвращении из армии получил пост сенатора. Постепенно с этой семейной группой сблизился и их племянник, князь Н. В. Репнин. Талантливый и не слишком щепетильный Г. Н. Теплов принадлежал к более низкому социальному слою. Остатки фракции Воронцовых также тяготели к Панину. Многие в кружке Панина, в том числе и Дашкова, выступали за введение регентства, и все вместе противостояли возвышению третьей группировки — братьев Орловых.

Орловы, конечно, выступали главными сторонниками безраздельной власти Екатерины II и, несомненно, надеялись, что со временем она обвенчается с Григорием. Пока же характер их влияния, опиравшегося на личную привязанность Екатерины к Григорию Орлову, вызывал у современников худшие ожидания — опасались возрождения фаворитизма, как в царствование Елизаветы Петровны. Григорий Орлов, ставший генерал-адъютантом, камергером и графом, вызывал зависть других заговорщиков, не удовлетворенных полученными наградами. Но старый канцлер Бестужев примкнул именно к Орловым, рассчитывая вернуться с их помощью к власти и отомстить своим обидчикам[52].

Екатерина вполне осознавала шаткость своего положения на троне и поэтому решила поспешить с коронацией, чтобы придать законность своей власти, а заодно прощупать политическую почву в Москве. Величественная церемония состоялась в старой столице 22 сентября / 3 октября 1762 г. Непрерывная череда публичных и частных празднеств отвлекла москвичей от размышлений о делах государства. Тем не менее в группе молодых офицеров — участников июньского переворота, возмущенных связью Екатерины с

---

[51] Волкова отправили в почетную ссылку — на пост оренбургского губернатора, но вернули уже в декабре 1763 г.

[52] В работе Д. Рэнсела высказано предположение о существовании «партии» вокруг Орловых, но ни доказательств, ни имен не приведено. См.: *Ransel D. L.* Op. cit. P. 106.

Орловым, начались разговоры о ее свержении и возведении на престол экс-императора Ивана Антоновича (с Никитой Паниным или Иваном Шуваловым в качестве регента). В начале октября по делу было арестовано около пятнадцати офицеров и солдат. Екатерина настолько серьезно отнеслась к этому мнимому заговору, что приказала пытать арестованных, но, кроме путаных воспоминаний пьяных собутыльников, так ничего и не открылось. В приговоре от 21 октября Сенат просил утвердить обычные суровые наказания заговорщикам как государственным преступникам. 24 октября последовал манифест, подписанный императрицей, в котором приговор был все же смягчен до наказания только двоих главных виновников — их лишили чинов и дворянства и сослали на Камчатку[53].

Но подспудная угроза власти Екатерины все еще сохранялась. Тем временем Григорий Орлов продолжал настаивать на венчании, тем более что, как знали при дворе, существовал прецедент: брак между Елизаветой Петровной и Алексеем Разумовским. Зимой 1763 г. Бестужев начал вербовать сторонников обращения к императрице с просьбой вновь вступить в брак, поскольку было известно, что законный наследник, великий князь Павел Петрович, слаб здоровьем. Когда Екатерина в мае того же года посетила Воскресенский монастырь в Ростове, пошли разговоры, будто бы она ездила туда, чтобы тайно обвенчаться с Орловым. Слух облетел всю Москву. Кончилось тем, что арестовали камер-юнкера Ф. Хитрово. Утверждали, что он рассказывал, как Никита Панин, Разумовский, генерал З. Чернышев и некоторые офицеры общими усилиями пытались отговорить Екатерину от брака, предлагаемого Бестужевым, и склонить ее к браку с одним из братьев Ивана Антоновича. В случае отказа они якобы собирались убить Орловых. Хитрово приплел к делу имена княгини Дашковой и генерал-прокурора А. И. Глебова[54].

---

[53] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 188 и далее. Изгнанникам позволялось получать от родственников по 10 копеек в день на содержание двоих слуг. Хрущев в конце концов бежал во Францию в обществе авантюриста Бенёвского (Там же. С. 199, примеч. 2).

[54] Хитрово получил 800 душ крепостных за участие в екатерининском перевороте (СбРИО. Т. VII. С. 109). Еще двое участников этого «заговора», Н. Рославлев и М. Ласунский, были награждены, соответственно, один — шестьюстами душ крепостных и суммой в 6 тыс. руб., а другой восемьюстами крепостных. Судя по всему, они просили увеличить награду, а Екатерина им отказала. См. ее записку к секретарю И. П. Елагину от 25 февраля 1763 г. (СбРИО. Т. VII. С. 234).

Упоминание такого множества имен высших сановников и военных крайне встревожило императрицу. На допросах Хитрово заявил, что примкнул к перевороту в июне 1762 г. в уверенности, что Екатерина будет объявлена регентшей, а не единовластной правительницей, потому что она-де сама обещала Панину так поступить. В решающий же день, показывал на следствии Хитрово, Алексей Орлов с двумя другими офицерами-гвардейцами уговорили ее объявить себя самодержицей. Слухи о том, что она когда-либо соглашалась стать всего лишь регентшей, а не полновластной самостоятельной государыней, казались гораздо опаснее для власти Екатерины, чем сплетни о ее браке, который, как теперь стало ясно, был совершенно невозможен. Поэтому все дело замяли. Хитрово, выходца из богатого семейства, отправили в ссылку в его имения, а ходившие по Москве слухи были неуклюже подавлены при помощи так называемого «Манифеста о неболтании лишнего» от 4 июня 1763 г., запрещавшего «неуместные разговоры и сплетни о делах, властей касающихся»[55].

Но самый серьезный удар был еще впереди. 20 июня 1764 г. Екатерина отправилась в путешествие по Лифляндии. 9 июля в Риге она получила известие о мятеже в Шлиссельбургской крепости, поднятом с целью освобождения экс-императора Ивана Антоновича. В результате этих событий узник был убит. В свое время, еще при Елизавете Петровне, глава Тайной канцелярии Александр Шувалов издал приказ: в случае, «если узник станет буйным, непослушным или заговорит неподобающим образом», сажать его на цепь, а если это не поможет, то сечь или избивать. Петр III предоставил охране Ивана Антоновича еще большую свободу действий. 1 января 1762 г. он собственноручно написал распоряжение, обязывающее стражу ни в коем случае не дать пленнику уйти живым[56]. Ивана Антоновича перевели было из Шлиссельбурга, чтобы освободить место для самого Петра III, но после кончины императора узника вернули обратно. Именно в тот момент, когда узника везли в крепость в августе 1762 г., Екатерина виделась и говорила с ним.

Затем обеспечение безопасности Ивана Антоновича было возложено на Н. И. Панина. Тот сменил охрану и ввел новые инструк-

---

[55] См. записку Г. Г. Орлова от 26 мая 1763 г. (Там же. С. 290—291); *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 208 и далее; *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 273 и далее.

[56] Там же. С. 330—331; ср.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. XIV. С. 25, 77.

ции. Екатерина считала, что необходимо уговорить молодого человека принять постриг, после чего он уже не мог бы претендовать на престол. Поэтому несшим охрану пехотным офицерам надлежало всеми силами пытаться склонить его к этому решению[57]. Дополнительная инструкция за подписью Панина усиливала строгость распоряжений, изданных Петром III: стражникам вменялось в обязанность прикончить узника в случае попытки его освобождения[58]. Таким образом, Иван Антонович находился в руках людей, тяготившихся унылой службой и имевших право в случае необходимости убить его.

Мятеж, вспыхнувший ночью с 4 на 5 июля, был результатом замысла одного человека, поручика Смоленского полка В. Я. Мировича. Он происходил из украинской дворянской семьи, принявшей сторону Мазепы и Швеции в Северной войне и в итоге лишенной всех своих владений. Выросший в бедности и с чувством обиды, Мирович вдохновился примером внезапной милости фортуны к тем, кто возвел на престол Екатерину, и решил сыграть роль Алексея Орлова при Иване Антоновиче, чтобы одним ударом добиться и власти и богатства. Он поделился своим планом с единственным офицером-сослуживцем, но тот случайно утонул накануне намеченного выступления. Полк Мировича нес гарнизонную службу в Шлиссельбурге, хотя и не имел ни малейшего отношения к охране «безымянного узника». И все же Мирович сумел разузнать, кого содержат в крепости. Глубокой ночью он вывел отряд в 38 ничего не подозревавших солдат и попытался захватить крепость и проникнуть в секретную казарму, где содержался Иван Антонович. Коменданта крепости оглушили ударом приклада по голове, после чего Мирович прочитал солдатам манифест собственного сочинения, провозглашавший царем Ивана Антоновича и написанный от его же имени:

> Недолго владел престолом Петр Третий, и тот от пронырства и от руки жены своей опоен смертным ядом, по нем же не иным чем как силою обладала наследным моим престолом самолюбная расточительница Екатерина, которая по день Нашего восшествия из отечества Нашего выслала на кораблях к родному брату своему к римскому генерал-фельдмаршалу князю Фридерику Августу всего на двадцать на пять милли-

---

[57] Недатированная записка Екатерины к Н. И. Панину // СбРИО. Т. VII. С. 364.

[58] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 343—344; см. также: *Ransel D. L.* Catherine's Instruction to the Commission on Laws // SEER. 1971. Vol. L. № 118. P. 10—28.

онов денег золота и серебра в деле и не в деле и сверх того, она через свои природные слабости хотела взять себе в мужья подданного своего, Григорья Орлова, с тем, чтобы уже из злонамеренного и вредного отечеству ее похода [в Лифляндию. — *Авт.*] и не возвратиться, за что, конечно, она пред его страшным судом не оправдается[59].

Манифест свидетельствует о том, что Мирович действовал прежде всего по личным мотивам, и показывает, чего он стоил как политик. Солдаты не очень-то поняли, о чем речь. Бесцельно побродив некоторое время по крепости, они вступили в перестрелку с караулом казармы, насчитывавшим шестнадцать человек, а Мирович велел привезти пушку. Это и дало двоим охранникам Ивана Антоновича желанный повод избавиться от надоевшей службы, и они поспешно закололи узника шпагами. Тем временем караул прекратил сопротивление Мировичу, и когда тот ворвался в каземат в поисках императора, то нашел на полу лишь его бездыханное тело. Заговор лишился смысла, поэтому Мирович сдался и был на месте арестован.

Комендант крепости немедленно доложил о происшествии Панину, находившемуся в Царском Селе. Панин принял меры к поддержанию порядка в столице, постарался сохранить в тайне всю историю и поскорее начать расследование. Получив в Риге его донесение, потрясенная и испуганная Екатерина не могла не возблагодарить Всевышнего за то, что все обошлось для нее так благополучно: «Провидение оказало мне очевидный знак своей милости, придав такой конец этому предприятию». Но значение этого события от нее не укрылось, тем более что в далекой Риге легче было поверить в существование разветвленного заговора, чем в то, что мятеж был лишь отчаянным поступком одиночки. К тому же по времени он совпал с появлением подметных писем с угрозами, наводнивших Петербург весной 1764 г.[60].

---

[59] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 381–382. Упоминание «римского» генерала, вероятно, вызвано тем обстоятельством, что брат Екатерины краткое время служил в австрийской армии, когда Цербст заняли прусские войска.

[60] Екатерина II — Н. И. Панину, 10 июля 1764 г. // СбРИО. Т. VII. С. 365. О слухах относительно заговоров, возникших, пока Екатерина находилась в Лифляндии, см.: *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia... P. 170—173, 173, примеч. 4. В. А. Бильбасов приводит документ с планом заговора, в котором говорится: «...уже время наступает к бунту» (*Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 347). Согласно этому плану, следовало четвертовать Захара Чернышева, Алексея Разумовского и Григория Орлова, императрицу отправить к ней на родину, а «на царский престол утвердить непорочного царя и неповинного Иоанна Антоновича».

Аресту подверглись около пятидесяти офицеров и солдат. После длительного расследования 17 августа 1764 г. собрался Верховный суд с участием членов Сената, Синода, президентов Коллегий иностранных дел, Военной и Адмиралтейской, высшего чиновничества и офицерства. Манифест о созыве этого суда содержал чрезвычайно многословное утверждение о том, что Иван Антонович пал от рук своих стражников. Но убийцы так и не предстали перед судом. Судьям надлежало расследовать лишь бунтарские действия Мировича и вынести ему приговор. Так вину за убийство Ивана Антоновича переложили с истинных его исполнителей на человека, пытавшегося освободить узника[61].

Благодаря участию в судебном процессе генерал-прокурора, пост которого теперь занимал князь А. А. Вяземский[62], Екатерина сумела пресечь все речи о том, что надо бы подвергнуть Мировича пыткам и допросить его как следует. Ни словом не упоминалось и о существовании тайного приказа Панина, вменявшего охране в обязанность умертвить узника при попытке его освобождения. Эту инструкцию держали в строжайшем секрете, а всю ответственность за свершившееся зло возложили на волю императрицы Елизаветы Петровны, выраженную в приказе А. А. Шувалова. Можно было нисколько не сомневаться, каким окажется приговор суда. Его огласили 9 сентября. Было решено обезглавить Мировича, выставить тело на всеобщее обозрение, а затем сжечь. Троих унтер-офицеров и троих солдат приговорили прогнать сквозь строй в тысячу человек по двенадцать и десять раз соответственно, а потом сослать на каторжные работы. Менее суровые наказания постигли тех, кто случайно оказался замешанным в деле, а полтора десятка солдат были оправданы. 15 сентября 1764 г. в Санкт-Петербурге приговор над Мировичем привели в исполнение на глазах угрюмо молчавшей толпы горожан, вот уже двадцать два года не видавших публичных казней[63].

Но казнь государственного преступника Мировича не могла скрыть уже всем известный факт, что Иван Антонович пал от рук

---

[61] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 386, примеч. 4.

[62] О его назначении на этот пост см. в гл. 3.

[63] Официально смертный приговор в России никогда не отменялся, но императрица Елизавета Петровна взяла за правило не утверждать такие приговоры, так что на деле они не приводились в исполнение (хотя случалось, что приговоренные умирали в результате других практикуемых наказаний, например под кнутом).

своих стражей. Их наградили новыми чинами и суммой в семь тысяч рублей. Их имена известны, но со страниц истории они с тех пор исчезли. Убийство Ивана Антоновича, последовавшее за убийством Петра III, нанесло Екатерине колоссальный ущерб в глазах общества. Конечно, ее сторонники и люди нейтральных взглядов могли, в интересах политической стабильности, для виду соглашаться, будто Петр III умер своей смертью. Но явно насильственная гибель Ивана Антоновича не была необходима. Поскольку убийцы не понесли никакого возмездия, появились слухи о том, что бунт Мировича подстроила сама императрица, таким образом устранив опасного конкурента, а Мирович стал козлом отпущения[64]. Общественное мнение в России, конечно, можно было заглушить, хотя имя императора Ивана VI не было забыто и несколько раз появлялось потом в «манифестах» самозванцев и в подметных письмах, сохранившихся в Тайной экспедиции Сената. Зато за границей повлиять на общественное мнение Екатерина не могла, и ее престижу был нанесен серьезный удар. Об этом свидетельствовала публикация множества брошюр, касавшихся жизни и гибели как Петра III, так и Ивана Антоновича. И все же положение Екатерины II на троне теперь стало гораздо надежнее, чем раньше. Даже былые сторонники ее регентства при малолетнем Павле, подобные Никите Панину, ныне превратились в стойких приверженцев режима, который уже начинал твердой рукой прокладывать новый курс государственного корабля.

[64] Мнение о том, что императрица была автором всего замысла, а потом пожертвовала Мировичем, опирается, кажется, на то обстоятельство, что она не позволила пытать его, когда суд захотел узнать имена сообщников бунтовщика.

Глава 2

Реформа центральных органов управления

Захватывая престол, Екатерина совершенно искренне намеревалась не только царствовать, но и править. Никакой определенной программы действий у нее не было, но в то же время она, несомненно, представляла себе тот путь, по которому собиралась направить развитие системы управления и общества в России. Поэтому первым делом были критически пересмотрены все указы, изданные Петром III, и отменены те из них, которые казались особенно оскорбительными для русского национального чувства[1]. Но Екатерина была неопытна в управлении и нуждалась в сведениях и в советах. Решая эту задачу, она сумела убить двух зайцев (не допустить объединения потенциальной оппозиции и взять ее под контроль, одновременно преодолев нехватку опытных помощников): она создала несколько комиссий для изучения самых неотложных проблем страны. В эти комиссии она включила как правительственных чиновников, служивших ранее Петру III, так и своих сторонников.

В августе 1762 г. была учреждена Комиссия о духовных имениях, составленная из духовных и светских лиц. Ее задачей был пересмотр поспешных мер по секуляризации церковной собственности, принятых Петром III[2]. В ноябре 1762 г. из военных специалистов и личных приверженцев Екатерины для реорганизации вооруженных сил образовалась вторая комиссия. В декабре 1763 г. учредили также Комиссию о коммерции[3]. Уже к началу 1763 г. императрица

---

[1] ПСЗ. Т. XV. № 11647, 20 августа 1762 г.

[2] Там же. № 11643. Также см. ниже, гл. 7.

[3] Там же. Т. XVI. № 11707, 11 ноября 1762 г.; СбРИО. Т. VII. С. 159 и далее. См. также: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. II. С. 241, примеч. 5; ПСЗ. Т. XVI. № 11985, 8 декабря 1763 г.; СбРИО. Т. VII. С. 327—328. 11 декабря 1762 г. была образована Комиссия о строении в Санкт-Петербурге и Москве (ПСЗ. Т. XVI. № 11723).

почувствовала себя достаточно сильной, чтобы обходиться впредь без услуг некоторых сподвижников Елизаветы Петровны. Ивана Шувалова, фаворита покойной императрицы, которому Екатерина никогда не доверяла, отпустили в заграничное путешествие. Александр Шувалов удалился на покой, получив в награду две тысячи душ. Великого князя Павла Петровича сделали номинальным главой Адмиралтейской коллегии, а ее вице-президентом стал Иван Чернышев. Брат последнего, Захар Чернышев, занял место вице-президента Военной коллегии. Пост ее президента остался свободным.

Никите Панину не удалось возвести на трон юного Павла и учредить регентство, поэтому он спешил воспользоваться непрочностью позиций Екатерины II и ограничить ее власть[4]. Панин рассматривал три возможных варианта реформ: во-первых, переустройство системы управления на более рациональной основе; во-вторых, внедрение в политическую жизнь России понятия «фундаментальных законов» как гарантии от произвола режима и сопутствующего зла — фаворитизма. В-третьих, Панин, кажется, рассчитывал добиться некоторых конституционных ограничений самодержавной власти, осуществляемых аристократией.

Концепция фундаментальных законов была, конечно, очень расплывчатой и неопределенной в правовом отношении. В европейских абсолютных монархиях и среди верного им дворянства сложилось такое понимание фундаментальных законов, согласно которому монарх признавал, что определенные обычаи и процедуры приобрели статус прав и обязанностей. Государь был властен изменять сложившиеся процедуры, но обычно этого не делал, полагая, что ему следует соблюдать правила, опирающиеся на прецедент, естественное право и христианскую доктрину. В России, в отличие от других европейских государств, фундаментальные законы отсутствовали, и поэтому она гораздо больше напоминала деспотию по Монтескье, чем его монархию. Именно по этой причине государыня, знать и чиновничество в России ощущали необходимость создания постоянной структуры état police — европейского идеала хорошо упорядоченного государства в XVIII в.

---

[4] Судя по всему, Екатерина II заметила сходство своего положения с тем, в котором оказалась в 1730 г. императрица Анна Иоанновна. Вскоре после восшествия на престол она ознакомилась с документами, относящимися к воцарению Анны, и опечатала их, приложив следующую записку: «Без особого указа никому не выдавать» (см.: *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 374).

Некоторые из этих идей отразились уже в манифесте о восшествии Екатерины на престол, проект которого принадлежал перу Никиты Панина. В манифесте говорилось, что Петр III относился к монаршей власти не как к дару Всевышнего на благо подданных, а как к случайному приобретению, доставшемуся «для собственного его угождения». Далее государю вменялось в вину пренебрежение естественными и гражданскими законами, ущемление прав собственного сына, которого он не хотел объявить наследником престола. Документ гласил, что Петр III попирал правосудие, не занимался судебными делами, расточал государственные доходы, затеял ненужную войну и поставил иностранцев командовать русскими войсками и, наконец, собирался истребить жену и сына. Екатерина же, с Божьей помощью, пошла навстречу общему желанию «присланных к Нам от народа избранных верноподданных». В манифесте содержалось обещание укреплять и защищать Россию, хранить правосудие, искоренять зло и притеснения, а главное — «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство Нашего любезного отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка»[5].

Летом 1762 г. Панин представил Екатерине проект манифеста об учреждении Императорского совета в качестве постоянного органа. В преамбуле этого документа Панин сурово осудил правление предшественников Екатерины. По его мнению, «главное, истинное и общее о всем государстве попечение замыкается в персоне государевой. Он же никак инако ее в полезное действо произвести не может, как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон»[6]. Все учреждения и лица, в прошлом имевшие касательство к этому «попечению», Панин подверг критике. Сенат, предназначенный на роль верховного координатора системы управления, не располагал правами законодателя и должен был управлять по существующим законам и уставам, сколь бы сильно они ни устарели. На практике деятельность

---

[5] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 83 и далее. Текст этого манифеста не был включен в ПСЗ.

[6] Полный текст см.: СбРИО. Т. VII. С. 203. В исследовании М. Раева приведено сокращенное изложение этого документа на английском языке: *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1730—1905. Prentice Hall (N. J.), 1966. P. 56ff.

Сената ограничивалась повседневным применением действующих законов, или же дела шли независимо от Сената, пока в нем рассуждали и спорили о новых законах, принять которые он все равно был не в силах. В сомнительных случаях сенаторы избирали самый легкий путь — докладывали дело государю, не утруждая себя попытками устранить существующие противоречия. Ни единого часа в день, продолжал Панин, не посвящали эти сановники собственно рассмотрению законов, указов и дел ради благоденствия государства, во всем полагаясь на подсказки своих подчиненных. Такой сенатор «приезжает в заседание так, как гость на обед, который еще не знает не токмо вкусу кушанья, но и блюд, коими будет подчиван». Точно так же и коллегии, отвечавшие за конкретные направления работы администрации, действовали, сообразуясь только с правилами, касавшимися их частных задач, и не мыслили категориями общего блага государства.

Панин был недоволен также и работой прокуратуры. Теоретически, согласно петровским распоряжениям об учреждении прокурорской должности, генерал-прокурору полагалось осуществлять именно ту координацию и общий надзор, которые столь явно не в силах был обеспечить Сенат[7]. Прокуратура служила связующим звеном между монархом и Сенатом, чем снискала прозвание «ока государева». Но государь не мог «одним оком» охватить все разнообразие новых и новых потребностей государственного управления. Поэтому генерал-прокурор и служил всего лишь единственным глазом, который следил, чтобы Сенат придерживался положенных процедур и применял существующие законы.

Как утверждал Н. И. Панин, потребность в верховном органе, определяющем политический курс, ощущалась и раньше, и в некоторых случаях удовлетворялась. Однако Кабинет Елизаветы был, по сути дела, не более чем личной канцелярией. Он состоял из «временщиков и куртизанов», которые действовали закулисно, прикрываясь именем государыни, и не отвечали за свои дела ни перед императрицей, ни перед обществом. Вина же за ошибки подобного партикулярного органа всегда ложится на монарха, писал Панин, «ибо в таком безгласном и в основании своем несвойственном правительству государственному месте определенная персона для производства дел может себя почитать не подверженным суду и ответу

[7] Анализ деятельности прокуратуры см. в гл. 3.

пред публикою, следовательно, свободным от всякого обязательства перед государем и государством».

Конференция при высочайшем дворе, созданная императрицей Елизаветой в 1757 г. для руководства военными действиями, тоже не избежала осуждения со стороны Панина, хотя и была официальным учреждением. Он считал, что устройство этого «монстра» было неправильным, а состав никуда не годился. «Не было в ней ничего учрежденного, следовательно — все безответственное... Фаворит... ветром и непостоянством погружен, не трудясь тут, производил одни свои прихоти».

Переходя к рекомендациям Екатерине, Панин вступал на более деликатную почву, чем критикуя ветхое правительство Елизаветы. Но все-таки он настаивал на необходимости остерегаться фаворитизма и писал, что в его проекте «установляемое формою государственною верховное место лежисляции, или законодания, из которого, *яко от* единого государя и из единого места (курсив мой. — *Авт.*) истекать будет собственное монаршее изволение, все оживотворяющее, оградит самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оной». Это высшее законодательное учреждение, которое предлагал создать Панин, должно было представлять собой постоянный совет из шести—восьми членов. На пост по меньшей мере четверых императорских советников выдвигались бы статские секретари, представляющие главные государственные департаменты, а именно — военный, морской, иностранных дел и внутренних дел. Все вопросы, выходящие за пределы компетенции Сената, решались бы в этом Императорском совете, как будто самой государыней — «яко у нас собственно». Все важнейшие законодательные постановления, указы и распоряжения, обычно издававшиеся за подписью императрицы, следовало утверждать также подписью статского секретаря и императорского советника, ответственного за данную сферу деятельности. Однако ни один законодательный документ, исходящий от Императорского совета, не имел бы силы без подписи государыни.

Проект Панина не предусматривал никаких коллегиальных решений со стороны статских советников. Императрица лишь распределяла между ними «попечение» о благе отечества, и каждый был облечен узковедомственной ответственностью. Совету предстояло собираться ежедневно, кроме суббот, воскресений и праздников, и каждый статский секретарь должен был предлагать вниманию императрицы и коллег по совету те дела своего департамента, которые

нуждались в обсуждении и высочайшем решении. Последнее слово оставалось за государыней. Таким образом, высшая власть сохранялась, как и прежде, в руках монарха.

Вопрос о том, в чем состояла конечная цель панинского плана создания Императорского совета, всегда вызывал значительные разногласия[8]. Действительно ли Панин надеялся воспользоваться незаконностью воцарения Екатерины, чтобы добиться глубоких конституционных преобразований в России? Или же он выдвинул свой план учреждения совета лишь потому, что его единственная официальная должность — должность сенатора и наставника великого князя — была достаточно скромной, в то время как Императорский совет, в который Панин непременно был бы включен, дал бы ему широкий простор для деятельности? Иностранные дела, на поприще которых он заслужил свою репутацию, находились в руках канцлера М. И. Воронцова и вице-канцлера А. М. Голицына. Панин же активно занимался внутренними делами, но не имел в этой области никаких официальных полномочий. Или, может быть, как считают некоторые историки, проект Панина был написан в ответ на просьбу Екатерины дать ей рекомендации по поводу реформы центрального управления?

Вполне возможно, Екатерина предложила Панину представить ей некий план перестройки центрального управления, ведь в первые недели царствования она была принуждена лавировать между придворными группировками. Уже в июне 1762 г. в донесениях иностранных послов упоминаются слухи о проекте учреждения нового совета[9]. Первое упоминание такого рода в русских источниках содержится в проекте указа о восстановлении в правах А. П. Бестужева-Рюмина, составленном Екатериной II в августе 1762 г. В нем престарелый бывший канцлер назван «первым императорским советником и первым членом нового, учреждаемого при дворе нашем

---

[8] Самое новое и всестороннее рассмотрение этого вопроса содержится в работе: *Ransel D.L.* Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 443—463. С ней лучше знакомиться в сочетании с другими работами того же автора: 1) The Memoirs of Count Munnich // Slavic Review. 1971. Vol. XXX. № 4. P. 843—852; 2) The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975.

[9] См., например, письмо Беранже к Шуазелю от 16/27 июля 1762 г., в котором говорится о «совете, который собирается создать императрица» (СбРИО. Т. CXL. С. 29 и далее).

Императорского совета»[10]. 29 августа того же года Теплов в письме к Панину выражал надежду, что Императорский совет определит будущую роль братьев Орловых[11]. О каких-либо других планах, предложенных вниманию императрицы, известно немного. По мнению одного советского историка, «олигархическая партия» (т.е. Панин с друзьями) не готова была предложить какие-либо проекты и поэтому позволила императрице перехватить инициативу и внести раскол в оппозицию ее единоличной власти, пригласив разные группировки представить свои планы[12].

Учитывая все данные, пусть и немногочисленные, действительно можно подумать, что Панин и вправду добивался конституционных изменений центрального управления в России. Он опасался, как бы Екатерина с Григорием Орловым не составили столь же разрушительное для порядка в государстве сочетание, как Елизавета и ее фавориты. Официальные институты, по мнению Никиты Ивановича, могли существенно ограничивать произвол фаворитов. Поэтому он считал нужным определить и зафиксировать функции и полномочия этих учреждений. Так как Панин не мог прямо потребовать ограничения абсолютной власти государыни, он выступил за создание специальных защитных барьеров против злоупотребления этой властью. Направив все важнейшие политические решения в единственный институциональный канал, можно было повысить уровень ответственности статс-секретарей и покончить с закулисным влиянием всесильных фаворитов. А со временем эти новые процедуры приобрели бы статус «фундаментальных законов».

Проект Панина содержал также одну новую черту в теории и практике государственного управления в России, а именно двойную ответственность назначенных самодержцем должностных лиц: перед самим государем и перед обществом. Панин не уточнил, что он понимает под «обществом». Скорее всего, он сводил это понятие к дворянству в целом или, может быть, к так называемому «генералитету» (включавшему в себя все гражданские и военные чины от генерал-майора и выше)[13]. Его предложение означало, что в глазах

---

[10] СбРИО. Т. VII. С. 143.

[11] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 126. Теплов, который был очень близок к Панину, надеялся, вероятно, сделаться секретарем нового совета.

[12] *Петрова В. А.* Политическая борьба вокруг Сенатской реформы 1763 года // Вестник ЛГУ. 1967. Вып. 2. № 8. История, язык, литература. С. 57 и далее.

[13] Бретейль — Шуазелю, 3 февраля 1763 г. // СбРИО. Т. CXL. С. 151.

осведомленных людей конкретный высокопоставленный чиновник отождествлялся бы с определенным политическим курсом, благодаря чему у чиновников вырабатывалось бы повышенное чувство ответственности за свою деятельность. Как поговаривали в кругах иностранных дипломатов, Панину хотелось пойти гораздо дальше и ввести настоящие политические ограничения для монарха в интересах высшей служилой аристократии. В проекте, представленном Екатерине, он не объяснил, как именно следовало производить назначение императорских советников и на какой срок. Но, судя по его словам, сказанным французскому посланнику барону де Бретейлю, Панин думал, что назначение членов совета должно быть пожизненным, а сместить их в случае серьезного проступка могло бы только общее собрание Сената[14]. Таким образом, Сенат возводился в ранг арбитра между императрицей и ее советом. Бретейль тогда, конечно, понял, что Панин собирается ограничить власть Екатерины, «примерно так, как у королей Швеции»[15]. Позднее Панин сообщил Бретейлю несколько смягченную версию рекомендации, которую он дал императрице. По его словам, он не предлагал ей «изменить свою деспотическую власть», но посоветовал не притязать на права, заведомо несправедливые. «Времена ослепления и покорности, постыдной для человека, в России уже миновали», и Екатерина была обязана перед людьми, возведшими ее на престол, принять меры, гарантирующие, что они больше не подвергнутся внезапным незаконным арестам и наказаниям[16].

Никакие письменные свидетельства того, что думала сама Екатерина о панинском проекте создания совета, до нас не дошли. Но едва ли возможно, чтобы императрица, прекрасно знавшая тогдашнюю европейскую политическую литературу, не уловила, какая опасность для ее абсолютной власти исходит от этого плана. Ее полная свобода выбирать по своему усмотрению высших государственных служащих оказалась бы урезана в пользу доминирующей придворной группировки. Она, несомненно, заметила и параллель со Швецией, судя по ее позднейшему замечанию: «Иной думает для того, что он долго был в той или другой земле, то везде по политике той его любимой земли все учреждать должно...»[17] Императрица явно испыты-

---

[14] См.: СбРИО. Т. CXL. С. 151.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 160 и далее, 23 февраля 1763 г.

[17] Инструкция А. А. Вяземскому, апрель 1764 г. // СбРИО. Т. VII. С. 345.

вала сильное давление со стороны Н. И. Панина — он сам признавался в этом иностранным посланникам. О ее заметной неуверенности и колебаниях говорит тот факт, что 28 декабря 1762 г. она все-таки подписала подготовленный Паниным манифест о создании Императорского совета. Но впоследствии ее подпись была кем-то оторвана, а сам манифест никогда официально не провозглашался. Конечно, императрица основательно прощупывала мнение о проекте Панина при дворе. Большинство сохранившихся записок на эту тему не содержит ничего серьезного, но один из давних сподвижников императрицы высказал мысль, которая, возможно, повлияла на ее решение. Он писал:

> Я не знаю, кто составил этот план, но мне кажется, что под предлогом защиты монархии он незаметно клонит к аристократической форме правления. Влиятельные люди, законно назначенные в государственный совет, могут легко превратиться в соправителей. Русский государь должен располагать неограниченной властью. Императорский совет слишком приближает подданного к государю, и подданный может начать вынашивать планы, как ему разделить власть с монархом[18].

Сама Екатерина всегда непоколебимо верила в абсолютизм как в единственно подходящую для России, а также и для нее самой форму правления[19]. В этом ее поддерживали Орловы и Бестужев-Рюмин, сделавший ставку на фаворита императрицы и все еще мечтавший о восстановлении своих былых позиций у власти. В самом крайнем случае Орловы могли бы согласиться на создание чисто консультативного совета, такого, как существовал при Елизавете Петровне, но Панин был категорически против такого решения[20]. К началу февраля 1763 г. стало ясно, что никакого совета не будет. Екатерина заключила, что Панин выражает мнение меньшинства, которым она может пренебречь, и что разногласия между вельможами оставляют ей большой простор для маневров.

---

[18] Цит. по: *Blum K. L.* Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Leipzig; Hiedelberg, 1857. Bd. I. S. 144.

[19] Инструкция А. А. Вяземскому, апрель 1764 г. // СбРИО. Т. VII. С. 345, примеч. 17. См. также екатерининский Наказ Уложенной комиссии: Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W.F. Reddaway. Cambridge, 1931 [см.: Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового проекта уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907].

[20] «Панин не желает подобного совета», — писал Бретейль Шуазелю 23 февраля 1763 г. (СбРИО. Т. CXL. С. 151).

Но императрица никогда не любила конфликты, а поэтому назначила всех тех, кто мог бы попасть в состав Императорского совета, членами комиссии, которая была образована 11 февраля 1763 г. для изучения манифеста Петра III о вольности дворянства. Этот закон Екатерина, к беспокойству многих дворян, еще не утвердила. Таким образом, она ушла в сторону от решения проблемы совета и отложила его создание, одновременно предоставив его потенциальным членам возможность участвовать в выработке политики в области, жизненно важной для интересов дворянства[21].

Через два месяца, 17 апреля 1763 г., на эту же комиссию было возложено изучение вопроса о реформе Сената, совершенно не связанного с ее первоначальной задачей[22]. Так комиссия постепенно начала приобретать характер консультативного совета, как и предлагали Орловы с Бестужевым, хотя при этом оставалась органом, созданным ради решения конкретного вопроса.

В эти ранние дни екатерининского царствования Сенат ни разу не рассматривался как возможная альтернатива задуманному совету. Но в проекте Панина была предусмотрена его реорганизация, нацеленная на превращение Сената в более эффективный административный орган, подчиненный новому совету. На короткое время, сразу после захвата власти Екатериной, Сенат частично вернул себе былое политическое значение. Екатерина заметно приблизила Сенат к себе, так как нуждалась в поддержке официальных институтов в те решающие дни, когда Петр III еще находился на свободе. От имени Сената издавались приказы русским войскам за границей, попечению Сената Екатерина II доверила юного Павла, когда выступила во главе своего войска, чтобы захватить Петра III. Заседания Сената были перенесены в Летний дворец, где императрице было удобнее посещать их, что она и делала дважды в неделю до самого отъезда в Москву на коронацию[23]. Кроме того, Екатерина велела Федору Орлову, младшему брату Григория, «постоянно присутствовать в Сенате», чтобы иметь собственный источник информации и присматривать за ходом дел[24].

---

[21] Членами Комиссии о вольности дворянства стали граф К. Г. Разумовский, граф А. П. Бестужев-Рюмин, князь М. Н. Волконский, граф Н. И. Панин, князь Я. П. Шаховской, граф З. Г. Чернышев, граф М. И. Воронцов. Секретарем был Г. Н. Теплов. См.: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 243 и далее; ПСЗ. Т. XVI. № 11751; СбРИО. Т. VII. С. 232 и далее.

[22] СбРИО. Т. VII. С. 279.

[23] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 206.

[24] *Петрова В. А.* Указ. соч. С. 60.

Согласно проекту Панина, законодательная работа возлагалась на будущий Императорский совет, а Сенат должен был заниматься делами управления. Панин предложил разделить Сенат на шесть департаментов, по четыре-пять членов в каждом, на которые возлагались бы конкретные административные и судебные функции. Свои решения департаменты должны были принимать единогласно. Общее же присутствие Сената, которому полагалось обсуждать вопросы, требующие введения новых законов или внесения изменений в существующие, решало бы их большинством голосов. Панин также предлагал восстановить дарованное Сенату Петром I право обращаться к государю («Всегда подобает Сенату иметь о монаршеской и государственной пользе неусыпное попечение и доброе простирать и все, что вредно может быть, всемерно отвращать, а ежели кто не послушает, то генерал-прокурору, того дела не допуская довершения, доносить нам»[25]).

Протоколы дебатов в комиссии по сенатской реформе никогда не публиковались. Тем не менее очевидно, что как в Сенате, так и в комиссии было немало споров по принципиальным вопросам (права дворянства, его участие в центральном и местном управлении, права, которыми следует наделить Сенат). Мы не знаем, насколько сам Сенат был озабочен проблемой собственной реорганизации. То обстоятельство, что Екатерина II была недовольна его работой, подтверждается составленным безо всяких обиняков указом 6 июня 1763 г., напоминающим, хотя в несколько смягченном виде, распоряжения Петра Великого его вздорным и неугомонным подданным. «Я не могу сказать, чтобы вы не имели патриотического попечения о пользе Моей и о пользе общей, — писала Екатерина, — но с соболезнованием должна вам сказать и то, что не с таким успехом дела к концу своему приходят, с каким желательно». Причина неуспеха, указывала государыня, состояла в том, что «присутствующие в сенате имеют междоусобное несогласие, вражду и ненависть» и потому делятся на партии, стараются навредить друг другу и поступают совсем не так, как должно людям разумным, почтенным и доброжелательным. «Сколь бы терпелив и милосерд государь ни был», подобные раздоры и несогласие рано или поздно «подвигнут его на гнев». Еще одну важную причину несогласия в Сенате императри-

[25] ПСЗ. Т. VI. № 3978, 27 апреля 1722 г. Эти сенатские представления государыне не следует принимать за право ремонстрации, которым пользовались французские парламенты.

ца видела в том, что сенаторы порочили «дела других... для того только, что не ими сделаны». Но ведь не все люди одарены равными талантами, продолжала Екатерина, и потому «надлежит каждому себя умеривать и с благопристойностию последовать без всякого упорства и суесловия здравому рассудку, а чрез то и достигнуть полезного предприятия»[26].

Этот выговор Екатерины вместе с инструкцией новому генерал-прокурору А. А. Вяземскому, составленной ею в начале 1764 г., говорят о существовании в Сенате группировок, одна из которых стояла за централизацию власти в руках чиновничества, а другая — за участие аристократов в формировании политики.

> В Сенате найдете вы две партии, — писала Екатерина Вяземскому, — но здравая политика с моей стороны требует оные отнюдь не уважать, дабы им чрез то не подать твердости и они бы скорее тем исчезли, а только смотрела я за ними недреманным оком, людей же употребляла по их способности к тому или другому делу. Обе партии стараться будут ныне вас уловить в свою сторону. Вы в одной найдете людей честных нравов, хотя и недальновидных разумом; в другой, думаю, что виды далее простираются, но не ясно, всегда ли оные полезны.

Императрица предупреждала Вяземского не принимать ни одну из сторон, а выслушивать всех и поступать беспристрастно[27].

В инструкции Вяземскому выражен и взгляд Екатерины на правильную работу Сената. «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, достоинства, деньги, деревни, одним словом, почти все... Сенат... вышед единажды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему быть надлежит». Новый порядок, который Екатерина разработала для Сената, был обнародован указом 15 декабря 1763 г.[28].

Имеющиеся данные не позволяют установить, по чьему совету она при этом действовала и чье влияние здесь преобладало. Возможно, намерение императрицы ограничить власть Сената поддержи-

---

[26] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 246. 18 августа 1763 г. Екатерина приказала Сенату заседать трижды в неделю, до тех пор пока не будет ликвидирован завал из 148 нереализованных императорских указов (см.: История правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. II. С. 335–336).

[27] СбРИО. Т. VII. С. 346.

[28] Там же. С. 347; ПСЗ. Т. XV. № 11989; СбРИО. Т. XXVII. С. 165.

вал тогдашний генерал-прокурор А. И. Глебов, потому что любое расширение власти Сената могло быть лишь в ущерб генерал-прокурору, а екатерининская реформа Сената предусматривала сокращение его законодательной инициативы и полную реорганизацию деятельности. Отчасти эта реформа следовала проекту Панина, но с существенными отличиями в организации работы.

Сенат подразделялся отныне на шесть департаментов, причем Первый из них был гораздо важнее всех остальных, так как на него возлагались все «государственные и политические дела». К его ведению относились Коммерц-коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, различные финансовые институты, Дворянский и Купеческий банки, Соляная контора, Монетный двор, надзор за магистратами, Канцелярия конфискаций и Коллегия иностранных дел в той части, где она затрагивала внутренние дела. Первый департамент ведал также охраной границ и борьбой с контрабандной торговлей спиртным. Наконец, ему подчинялись Герольдмейстерская контора (где проводилась регистрация дворянского состояния), Святейший синод, Тайная экспедиция — орган безопасности, а также Уложенная комиссия, или Комиссия для составления нового Уложения, унаследованная от времен Елизаветы.

Второй департамент занимался главным образом делами в юридической сфере либо толкованием законов; он ведал Юстиц-коллегией, Судным приказом, земельным межеванием[29] (из-за которого возникали сложные правовые проблемы), Вотчинной коллегией и Канцелярией прошений, в которую челобитчикам следовало подавать петиции на имя императрицы. Второй департамент ведал также заключенными и каторжниками. Третий департамент управлял территориями, где действовали собственные законы — Ливонией, Эстонией, Нарвой, Выборгом, Украиной. Он отвечал также за некоторые аспекты внутренней политики: за образование (Московский университет, Академия наук, Медицинская коллегия), дороги, общественные здания, охрану общественного порядка и благочиния. Четвертый департамент надзирал за вооруженными силами и иностранными поселениями в Новой Сербии на юге. Пятый и Шестой департаменты предполагалось разместить в Москве, чтобы дублировать функции, соответственно, Первого и Второго департаментов в старой столице[30].

---

[29] См. ниже, гл. 6.

[30] История правительствующего Сената. Т. II. С. 388.

Впоследствии только два первых департамента имели реальное значение. У президентов Военной и Морской коллегий и Коллегии иностранных дел был прямой доступ к императрице, так что они, в отличие от начальника полиции, не должны были проходить через Сенат[31].

Таким образом, деятельность Сената распространялась на две обширные сферы высшего управления: административную и судебную. Департамент был вправе издавать указы, если они принимались единогласно и отвечали существующим законам. Если департамент не мог прийти к единому решению или если требовался новый закон, дело передавалось на рассмотрение общего собрания Сената. Если же и Сенат не мог найти решения или считал, что нужен новый закон, то дело докладывали императрице.

Все это заметно отличалось от панинского проекта реформы Сената, по которому сенаторы большинством голосов могли окончательно решать вопросы, вынесенные на общее рассмотрение департаментами. Екатерина, очевидно, поняла, что рискует потерять важнейшее право арбитра между группировками в Сенате[32]. Но хотя сенаторы были правомочны издавать указы при общем согласии, Екатерине в последующие годы приходилось сетовать на то, что они норовят слишком много дел передавать на ее усмотрение. Между тем если имелись четкие указания закона, Сенат обязан был решить дело самостоятельно. «Итак, — писала императрица в январе 1771 г., — я потратила целое утро, каждая минута которого для меня драгоценна, на дело, которое можно решить по закону и без меня. Я отсылаю его обратно в Сенат, чтоб они закончили дело без меня»[33].

Значение Сената умалялось еще более из-за екатерининской политики в отношении прокуратуры[34]. Согласно петровской тради-

---

[31] *Градовский А. Д.* Верховное управление России и генерал-прокуроры. СПб., 1899. С. 234, примеч. 2.

[32] Этот вопрос рассматривается в работе: *Ransel D.L.* The Politics of Catherinian Russia... P. 161—162.

[33] История правительствующего Сената. Т. II. С. 390.

[34] См. отзыв французского поверенного в делах: «Этот орган [Сенат. — *Авт.*] более не имеет силы. Это был единственный трибунал, который мог противостоять начинаниям престола. Сегодня его члены... утратили все единство, составлявшее их силу... Сенаторы превратились в разобщенных чиновников, которые никогда не смогут собраться, чтобы совместно подумать хоть о каком-нибудь предмете, если того не пожелает самодержица...» (Беранже — Шуазелю, 5 марта 1763 г. // СбРИО. Т. CXI. С. 350).

ции, генерал-прокурор выступал хранителем законности в работе Сената, а через сеть прокуроров — также и в деятельности центральной и местной администрации. Кроме того, он выступал связующим звеном между государыней и Сенатом: последний через генерал-прокурора докладывал дела императрице и получал от нее указания. Наконец, генерал-прокурор являлся главой Сенатской канцелярии и, сверх всего, распоряжался повесткой дня.

Но Екатерина дополнительно усилила позиции генерал-прокурора, поставив его к тому же и во главе важнейшего, наделенного самыми масштабными задачами Первого департамента Сената. В другие департаменты были назначены обер-прокуроры, принадлежавшие к той же системе, что и генерал-прокурор, и подотчетные ему. Как ожидалось, они должны были привлекать его внимание ко всем вопросам, вызывавшим разногласия у сенаторов их департамента. Дела, требующие нового толкования или пересмотра законов, передавались на рассмотрение генерал-прокурору, который мог созвать общее собрание Сената. Если все-таки не удавалось прийти к соглашению, генерал-прокурор передавал вопрос на рассмотрение императрицы. Таким образом, он, в силу своей роли посредника между императрицей и Сенатом, главы его канцелярии и самого крупного и важного департамента, настолько возвысился над Сенатом, что последний, по существу, лишился самостоятельности. И административные и судебные функции Сената подлежали бдительному надзору со стороны генерал-прокурора — сторожевого пса, следящего за толкованием и применением законов. Таким образом, в итоге екатерининских преобразований структуры центральной власти в ней значительно усилилось «личное» начало в противовес коллегиальному, и в то же время было введено более рациональное разделение функций.

Нет сомнений в том, что решение императрицы отказаться от мысли о создании совета наряду с характером проведенной ею реформы Сената означало неудачу Панина и ослабление его позиций в борьбе за влияние при дворе. Пока что восходила звезда А. П. Бестужева-Рюмина. Особенно ярко это проявилось весной 1763 г., когда он старался подготовить почву для свадьбы Екатерины с Григорием Орловым. Панин пострадал не только как известный противник этого брака, но и потому, что его имя упоминали недовольные гвардейские офицеры, злоумышлявшие против Екатерины или просто отрицательно отзывавшиеся о ней[35]. Более того, борьба при-

[35] См. выше, гл. 1, с. 70–71.

дворных группировок отразилась и на внешнеполитических делах. Бестужев был сторонником прежнего союза с Британией и Австрией, а Панин настаивал на переходе к новой ориентации на Пруссию, введенной во внешней политике России Петром III[36].

В этой напряженной обстановке растерянные иностранные послы не могли разобраться, кто на самом деле руководит правительством и с кем следует обсуждать внешнеполитические вопросы. М. И. Воронцов все еще формально оставался канцлером, а с послами встречался вице-канцлер, поскольку протокол запрещал Панину принимать их. Но Екатерина обсуждала дипломатические донесения и с Паниным, и с Бестужевым, которые теперь были на ножах. В августе 1763 г. Панину было поручено вести переговоры с Пруссией о заключении союзного договора, но конец фракционной борьбы при дворе наступил лишь в октябре 1763 г., с внезапной кончиной саксонского курфюрста и польского короля Августа III. Оказавшись перед необходимостью решительных действий, Екатерина 6 октября созвала своих советников[37]. Через несколько дней Н. И. Панина назначили главой Коллегии иностранных дел. Воронцов уже уехал за границу, а полуопальный Бестужев удалился в свои имения. Панин, по-видимому, одержал громкую победу и с тех пор до 1781 г. он оставался фактическим министром иностранных дел.

Однако возникает вопрос: этого ли на самом деле хотел Панин? Не надеялся ли он в начальный период царствования Екатерины стать первым министром и ведать внутренними делами? По словам Бретейля, он «грезил лишь о коммерции и о внутреннем управлении»[38]. В составленном императрицей первом черновом списке членов будущего совета Панин значится главой «внутреннего департамента»[39]. Большая часть его работы касалась внутренней политики, в том числе государственной безопасности. Быть может, в октябре 1763 г. Екатерина сделала блестящий ход, отставив Бестужева и на-

---

[36] Внешняя политика Екатерины II рассмотрена ниже, в гл. 12.

[37] В протоколах это собрание называлось «конференцией». Это вызвало в то время большую путаницу, так как многие иностранные посланники решили, что наконец-то создан панинский Императорский совет как постоянный орган управления в России, по примеру елизаветинской Конференции (см., например, письмо прусского посла графа Сольмса Фридриху II от 10/21 октября 1763 г. // СбРИО. Т. XXII. С. 137).

[38] Беранже — Шуазелю, 16/27 июля 1762 г. // СбРИО. Т. CXL. С. 29—30; Бретейль — Шуазелю, 9/20 декабря 1762 г. // Там же. С. 135—137.

[39] СбРИО. Т. VII. С. 201.

правив деятельность Панина в такую область, где могли широко развернуться его таланты и где при этом он не мог причинить ей большого ущерба? Для зарубежных послов на первом месте стояли иностранные дела, и они были по преимуществу политиками. Но глава Коллегии иностранных дел обладал ограниченным влиянием и не имел никаких вооруженных сил в своем распоряжении. Возможно, Екатерина сочла, что будет слишком опасно, если человек таких взглядов, как Панин, распространит свое влияние и верховенство в гораздо более чувствительной сфере внутренних дел. Это объяснение подтверждается кадровой политикой императрицы в армии. Петра Панина обошли назначением действующим главой Военной коллегии в пользу Захара Чернышева (некогда влюбленного в Екатерину), а Ивану Чернышеву достался флот. Через полгода Екатерине предстояло выбрать своего человека на ключевой пост генерал-прокурора[40].

[40] См. ниже, гл. 3.

Глава 3

Местное управление и прокуратура

Российская система местного управления не избежала первых реформаторских порывов Екатерины II. Основной территориальной единицей местного управления (со времен преобразования его системы в 1727 г.) являлась губерния. В России насчитывалось четырнадцать губерний, которые подразделялись на провинции, а те, в свою очередь, состояли из меньших единиц — уездов. Глава губернии — губернатор — назначался Сенатом и был ему подотчетен. Губернатор ведал административными, судебными, финансовыми и военными вопросами. Вся система местного управления имела строго иерархическую структуру: городовые воеводы (главы уездов) находились под началом провинциальных воевод, а те подчинялись губернаторам. По конкретным сферам управления губернаторы и воеводы несли ответственность перед центральными коллегиями и департаментами Сената, и если не справлялись с порученными делами, то подвергались наказанию, как правило — штрафу.

В финансовой сфере обязанностью губернаторов была организация взимания множества разнообразных сборов и налогов и доставки полученных сумм под охраной в губернскую канцелярию и в те инстанции, на содержание которых они предназначались. Важнейшим видом сборов являлась подушная подать. Ее собирали армейские офицеры, направляя полученные средства прямо в соответствующие воинские подразделения. Одну из главных задач местной администрации составляла борьба с постоянно растущими недоимками по всем видам налогообложения. Здесь шли в ход незатейливые методы: должников арестовывали солдаты или должностные лица, приставленные к сбору податей, — сотские, деревенские старосты. В дома провинившихся вселяли на постой солдат и тем окончательно разоряли недоимщиков. Но облавы и репрессии касались не только крестьян-неплательщиков. Случалось, что в

цепях оказывались члены городских правлений — магистратов, а иногда аресту подвергались даже помещики — хозяева крестьян-недоимщиков.

Прочие административные обязанности, кроме финансовых, возлагавшиеся на губернаторов и подчиненных им воевод, были весьма многообразны и носили как гражданский, так и военный характер. Прежде всего местная администрация отвечала за рекрутский набор. Начальников, не сумевших представить требуемое число рекрутов, ожидало суровое наказание. В конечном счете те же местные власти были обязаны поставлять лошадей, фураж, провиант, амуницию, выделять складские помещения — все это по разнарядкам Военной коллегии. В наследство от старомосковских традиций властям пограничных провинций досталась обязанность поддерживать прямые связи с соседними странами, что было особенно важно на южных рубежах России — на границах с Турцией, Крымом, Персией, Грузией — и на востоке — на китайской границе. Сверх того, на губернаторах Смоленска и Новгорода лежала дополнительная нелегкая обязанность: препятствовать бегству русских крестьян через границу в Польшу, обеспечивать возвращение беглых на место и не допускать, чтобы русские помещики сами разыскивали своих крепостных, вторгаясь на польские земли.

Самой важной и трудной задачей местной администрации было поддержание общественного порядка. Для этого в распоряжении губернаторов и воевод имелись небольшие воинские команды, которые несли караульную службу, охраняли в пути казенные деньги и конвоировали осужденных, отряжались для сбора недоимок с населения. Как в городах, так и в сельской местности процветал неистребимый разбой, иногда достигая поразительного размаха. От бесчинств разбойников страдали и помещики, и духовенство, и крестьяне, хотя последние нередко укрывали злодеев, а те их за это не трогали. Шайки грабителей состояли главным образом из беглых крестьян и каторжников, солдат-дезертиров. Иногда бывало даже, что дворяне сколачивали шайки из собственных крестьян и грабили соседей.

Местной администрации нередко приходилось призывать особые воинские части для «очистки» от разбойников целой местности. Эти войска действовали независимо от уездных властей под началом особого «сыщика». При помощи выборных деревенских старост велось строгое наблюдение за тем, не прячут ли в деревнях разбойников, и вообще, не появились ли там какие-нибудь чужаки. Теми же средства-

ми власти старались добиться, чтобы каждый человек был приписан к положенному сословию и месту и не менял его. Так называемых «вольно гулящих людей» постоянно ловили, но крестьяне, стремившиеся избавиться от бремени подушной подати, рекрутчины, крепостного гнета, непрерывно пополняли их ряды. Именно из таких людей в основном и состояли разбойничьи шайки.

Инструментом, при помощи которого население держали на своих местах, служила паспортная система. Горожане могли получить паспорт от магистратов, крестьяне — от общин, а крепостные — от хозяев. Этот документ давал им право отлучиться с постоянного места жительства на расстояние не далее тридцати верст. Для более дальней поездки требовался паспорт от уездных властей, который выдавался при уплате четырехкопеечного паспортного сбора.

Разумеется, общегосударственной полицейской службы еще не существовало, хотя полицейские конторы имелись в обеих столицах и двадцати трех главных городах. Их функции были разнообразными и нечеткими. Полиция ведала соблюдением благочиния в общественной и частной сфере, санитарным состоянием общественных мест, организацией медицинского обслуживания, предотвращением пожаров (это была большая проблема в почти сплошь деревянных русских городах), борьбой с эпидемиями и даже присматривала за медведями, содержавшимися в частных дворах (впрочем, в столицах содержание медведей запрещалось). Но полиция была не везде, и государственное принуждение во внутренней жизни страны все еще осуществлялось в основном силами армии, а не гражданских служб.

К функциям местных властей в административной сфере относились оглашение законов и указов, приведение подданных к присяге при смене государя на престоле, пресечение тайного винокурения (которым занимались буквально все — дворяне, крестьяне, сельские священники, отставные солдаты), поддержание дорог и мостов в проезжем виде (хотя пока еще не улучшение их) и организация для этого принудительных работ, сдача в аренду и раздача в собственность пустующих государственных земель, развитие колонизации восточных и южных территорий, забота о казенных лесах. Что касалось общественного образования, то местные власти ведали только обучением канцелярских служащих, а также солдатских детей в гарнизонных школах. С мест регулярно доносили в Сенат о состоянии урожая как о важном вопросе государственного значения.

На местные власти возлагалось также исполнение приговоров, содержание тюрем и заключенных, как уже приговоренных, так и находящихся под следствием. Тюрьмы не играли заметной роли в российской пенитенциарной системе середины XVIII в. Идея о том, что государство должно тратить свои и без того скудные средства на содержание преступников в праздности, была в России слишком нова. В Уложении 1649 г. лишение свободы предусматривалось примерно за сорок видов преступлений и обычно сочеталось с телесными наказаниями (так карались святотатство, халатность в предупреждении пожаров, воровство, детоубийство и т.д.). Но главным средством устрашения выступали телесные наказания, в том числе калечащие, и смертная казнь. В законодательстве Петра I тюрьма играла еще меньшую роль. Его Устав воинский, который вместе с Уложением 1649 г. составлял правовую базу для вынесения судебных приговоров, отличался варварской жестокостью[1].

К середине XVIII в. просвещенные круги российского общества уже почувствовали, что и Соборное уложение, и Устав воинский устарели, по крайней мере — в применении к ним самим, если не ко всем остальным. С этих пор наказания, характерные для стран, не имеющих средств на содержание преступников в неволе, — смертная казнь, кнут, клеймение, членовредительство — в России постепенно заменяются новыми, подходящими для более утонченного и обеспеченного общества: бесчестие или лишение свободы, столь тягостные для благородных, штрафы, страшные богачам. На долю бедняков, конечно, все еще приходились те старые наказания, которые только и были для них чувствительны. Тем не менее, хотя телесные наказания постепенно переставали применять к дворянству, а смертная казнь была фактически (но не юридически) отменена, тюремное заключение являлось по-прежнему довольно редкой формой наказания.

Часто местами заключения для осужденных преступников женского и мужского пола служили монастыри. Режим содержания здесь был крайне суров, заключенные находились в тесных, сырых,

---

[1] Семь преступлений карались казнью через расстрел, одиннадцать — отсечением головы, двадцать пять — повешением, шесть — колесованием, восемь — четвертованием, четыре — сожжением заживо. Кроме того, девять преступлений влекли за собой калечащие наказания, сорок одно — телесные наказания (порку), восемь — тюремное заключение, девять — каторжные работы, двадцать девять - конфискацию имущества, пять — удержания из жалованья, двадцать одно — штрафы. См.: *Гернет М.* История царской тюрьмы. 1762—1825. М. 1960. Т. I. С. 155.

холодных и темных помещениях, кормили их впроголодь и обращались с ними грубо[2]. В главных городах и крепостях имелись городские тюрьмы, но большинство их обитателей состояло из людей, ожидавших следствия, и из пойманных беглых крестьян. Государство не слишком заботилось о содержании преступников, выделяя на каждого не больше трех копеек в день. Поэтому в русских провинциальных городах можно было видеть процессии узников, которые ходили по улицам под охраной, иногда в цепях и просили милостыню. В этих тюрьмах не делалось никаких различий между старыми и молодыми, больными и здоровыми, мужчинами и женщинами, закоренелыми преступниками и впервые попавшими в заключение. Семьи побогаче могли облегчить пребывание своих родственников в неволе, да и государство учитывало социальный статус узника, назначая ему содержание.

Преступников из беднейших слоев населения обычно ожидал кнут, а потом каторга. Их отправляли на рудники Нерчинска, на строительство портовых сооружений в Петербурге и Кронштадте или в Рогервике в Эстляндии. В 1755 г. в Рогервике, как сообщал А. Т. Болотов, работало около тысячи осужденных, в том числе дворяне, купцы, священники, крестьяне, иностранцы, татары и др., занятых на строительстве мола[3].

В России XVIII в. не существовало четкой грани между административными и судебными функциями местной власти. В российском праве в целом не делалось различий между сословиями и не определялся уровень юрисдикции местных властей над каждым из них. На практике же юрисдикция местных властей не распространялась на целые категории населения. Дворяне, проходившие по негражданским делам, попадали под суд тех учреждений, в которых они служили (Военной, Морской или какой-нибудь из гражданских коллегий), а по уголовным — под суд Юстиц-коллегии. Там их судили по соответствующим правовым кодексам, например, военнослужащих — согласно Воинскому или Морскому уставам.

Отношения местных властей с духовенством были сложными, а их юрисдикция в этом отношении — ограниченной. В принципе

---

[2] Обычно в монастыре одновременно находилось не очень много узников, а помимо них там содержались невменяемые преступники, душевнобольные, попы-расстриги, раскольники, сексуальные преступники, пьяницы и отставные солдаты.

[3] Цит. по: *Гернет М.* Указ. соч. Т. 1. С. 55.

члены духовного сословия подчинялись церковным властям, но на практике многое здесь зависело от сана священнослужителя. Если церковных иерархов и настоятелей монастырей губернаторы и воеводы уважали, то деревенского приходского попа и его причт они могли арестовать безнаказанно, особенно когда те подозревались в потворстве крестьянским волнениям. Церковь прибегала к правовой поддержке гражданских властей для борьбы с такими важными преступлениями, как раскол и святотатство, прозелитизм со стороны других вероисповеданий, и для обращения иноверцев и язычников в православие. Последняя задача была особенно важна в губерниях с многочисленным татарским населением, например в Казанской. Гражданские власти занимались староверами, их обязанностью было предотвращать коллективные самосожжения, которые время от времени устраивали фанатичные раскольники. Кроме того, гражданские власти по просьбе церкви или по собственной инициативе преследовали, независимо от общественного положения, тех, кто не ходил к исповеди и к причастию, не являлся регулярно в церковь, а также виновных в прелюбодеянии и вообще в неправедной жизни.

Еще одна социальная категория имела свой собственный кодекс, хотя за гражданские и уголовные преступления ее представителей судили местные власти: речь идет о служащих государственных учреждений (секретарях, канцеляристах и др.). В целом чем выше был социальный и служебный ранг преступника, тем легче наказание. Серьезные случаи коррупции, растрат, словесных оскорблений, взяток в высших кругах чиновников обычно рассматривались Юстиц-коллегией и Сенатом, а до 1744 г. некоторые крупные дела заканчивались даже смертным приговором воеводам. Чиновники рангом повыше презирали простых канцеляристов и заносились перед ними, а такие их проступки, как леность, нерадение, ошибки при переписке, пьянство и мздоимство, обычно карались прямо на месте — побоями, поркой, забиванием виновников в кандалы.

В силу особенностей характера русского общества местным властям приходилось постоянно следить за тем, как разные сословия несут свои повинности перед государством, и обеспечивать своевременное выполнение этих повинностей. Так, губернаторы и воеводы играли важную роль в служебной деятельности и имущественных отношениях дворянства. В этом смысле они выступали как местные представители Герольдмейстерской конторы, Военной и

Вотчинной коллегий. Герольдмейстерская контора предоставляла губернатору как можно более точный и полный список дворянства его губернии, а тот надзирал за дворянами, вышедшими в отставку или в отпуск, и следил, чтобы они снова являлись на службу по первому требованию. Принуждение нерадивых дворян, как гражданских служащих, так и военных, являться к должности или в полки составляло часть повседневной работы местных властей. Они должны были вылавливать недорослей, достигших служилого возраста, но бездельничавших у себя в поместьях, проводить освидетельствование больных, разыскивать укрывавшихся от службы. Любого офицера или чиновника, находящегося на службе или отставного, могли вызвать в столицу, и долг губернатора был проследить, чтобы он отправился по назначению. Если такому служилому дворянину случалось в дороге заболеть, то следовало уведомить о том воеводу уезда, где это произошло, дабы он подтвердил факт болезни. (Можно добавить, что подобное свидетельство выдавалось не врачом, а офицерами — сослуживцами больного или государственными чиновниками.) Сверх того, губернатору полагалось надзирать за тем, чтобы дворянские дети получали должное образование, и периодически призывать их к себе для проверки успехов в учении.

В сфере надзора за имущественным положением дворянства местные власти выступали как представители Вотчинной коллегии, ведя учет продажи земель с крепостными и передачи земель по наследству — это был пережиток системы условных держаний за службу — или поместий. Велась также регистрация продажи крепостных без земли, на вывод, получавшей все большее распространение, а также частных займов и договоров. Местным властям вменялось в обязанность фиксировать перемещения крестьян, отпущенных куда-нибудь с паспортами, случаи отпуска крепостных на волю и добровольного закрепощения (последнее отмечалось до 1755 г., когда это было запрещено), а также возвращать беглых их хозяевам. Таким образом, в отношении крепостных местные власти выступали защитниками интересов как центральной администрации, так и помещиков.

Какими же средствами располагала местная администрация для выполнения всех этих разнообразных обязанностей на территориях с редким населением и с плохим сообщением? Во-первых, существовало четкое разделение обязанностей между чиновниками, т.е. обладателями чинов Табели о рангах, и канцелярскими служащи-

ми без чинов — приказными[4]. Высшие ступени заполнялись почти исключительно членами благородного сословия, хотя они и не составляли сплоченного бюрократического корпуса, так как между высшими и низшими рангами, более и менее знатными семьями наблюдалось резкое разделение. Существовало явное различие между назначаемыми сверху чиновниками, прежде всего — губернаторами (ведь их служба была известна двору и оценена им по достоинству), и теми, кого просто выбирали из списков служилого дворянства в Герольдмейстерской конторе. Последние никак не могли рассчитывать на пост выше провинциального воеводы или товарища губернатора и до 1762 г. обязаны были волей-неволей служить там, куда пошлют, если не располагали связями, благодаря которым хоть в какой-то степени учитывались бы их желания[5]. Если губернаторами обычно становилось богатое высшее армейское офицерство, для которого этот пост был ступенью в карьере, то воеводы располагали куда более скромным состоянием. В 1745 г. 70% из 185 воевод имели меньше ста крепостных душ, у двоих не было ничего, еще у двоих — от одной до двух тысяч[6]. Во избежание злоупотреблений властью губернаторам и воеводам не разрешалось иметь и приобретать поместья на управляемых ими территориях. Эта мера способствовала усилению их зависимости от государства и препятствовала сближению с местным обществом.

Связующим звеном между губернатором и низшими, нечиновными канцелярскими служащими — приказными являлся секретарь. С петровских времен пост губернского секретаря сохранялся за дворянами, а назначения на него должны были утверждаться Сенатом и Герольдмейстерской конторой[7]. О важности, придавав-

---

[4] О Табели о рангах см. в гл. 4.

[5] Общее нежелание служить в местной администрации можно объяснить тем, что на ее должности обычно попадали после многолетней военной службы. Данные за 1727—1740 гг., охватывающие примерно 30% должностных лиц среднего уровня, показывают, что свыше 70% их было в возрасте от 50 до 70 лет. В 1745 г. из 185 воевод таких было 90 (ср.: *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 217—218). К 60-м гг. XVIII в. средний возраст служащих местной администрации немного снизился.

[6] Там же. С. 213.

[7] Там же. С. 286 и далее; История правительствующего Сената. Т. II. С. 265 и далее. Указ 1724 г., ограничивающий замещение постов губернских секретарей только дворянами, за исключением особо отличившихся недворян, восходил к Петру I.

шейся посту секретаря, говорит то обстоятельство, что в Табели о рангах он соответствовал именно тому классу, который давал недворянину потомственное дворянство. Фактически же местные власти сами нередко назначали людей на этот пост, причем, судя по всему, на него так часто попадали недворяне, что это вызывало беспокойство, особенно в периоды усиления роли дворянства в государстве. Впрочем, восхождение от низших канцелярских ступеней к высшим чиновным постам всегда было делом далеко не легким, и два слоя государственных служащих местной администрации держались порознь.

На канцелярскую службу попадали люди из различных социальных категорий, в конце концов образовывая собственное, самостоятельное сословие[8]. Поскольку с них не взималась подушная подать, то власти всячески старались не допустить в канцеляристы тех, кто был положен в подушный оклад — посадских и купцов. В 1744 г. все эти плательщики подушной подати были официально исключены из «сословия» канцелярских служащих[9], а в 1752 г. эту же меру применили в отношении казачества. С другой стороны, делались попытки предотвратить переход к другим занятиям тех людей, которых можно было со всеми основаниями причислить к «бюрократическому» сословию. Указ 1755 г. фактически запрещал «впредь сего времени секретарских и прочих нижних приказного чина людей, детей их, кои не из дворян, до будущего рассмотрения ни в какую службу, кроме приказной, отнюдь никуда не определять под опасением за то, кто в противность сего учинит, штрафа»[10]. Беглых приказных разыскивали, наказывали и возвращали на место так же, как беглых крестьян[11]. Но, несмотря на все эти меры, к числу канцелярских служащих по-прежнему принадлежали выходцы из различных социальных слоев помимо потомков московских гражданских служащих. Это были, например, солдатские дети, дети священников и цер-

[8] В статье Н. Ф. Демидовой оспаривается мнение Ю. В. Готье по этому вопросу (см.: *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964; *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 260). Возражения автора статьи кажутся мне неубедительными.

[9] Это ограничение распространялось на мещан, на дворцовых, церковных, монастырских и помещичьих крестьян, а с 1766 г. – и на солдатских детей (см.: *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 262).

[10] ПСЗ. Т. XIV. № 10473, 11 октября 1755 г.

[11] *Демидова Н. Ф.* Указ. соч. С. 236.

ковных служителей, фактически — все, кто благодаря происхождению или случаю сумел стать образованнее своих собратьев.

В целом члены этого «сословия» по экономическому положению приближались к посадским и нередко несли те же тяготы, что и они, — например, постой солдат и офицеров. Но психологически канцелярские служащие изо всех сил стремились идентифицировать себя с дворянством и притязали на его привилегии, такие как владение землей с крестьянами. Политика властей была нацелена на отделение этого слоя как от дворянства сверху, так и от податного люда снизу. Для этого канцелярским служащим, с одной стороны, было в 1754 г. запрещено владеть землей с крестьянами и затруднено продвижение выше секретарского ранга, а с другой — сохранялась личная свобода от налогообложения. Таким образом, зависимость канцелярских служащих от государства стала полной.

Меры по экономии государственных средств, введенные в 1726—1727 гг., привели к радикальному сокращению штатов как центрального, так и местного управления. Самым скверным в этой политике было то, что сокращению подверглись должности на жалованье, в отличие от неоплачиваемых должностей. Отныне содержание выплачивалось только секретарям, а также чиновникам и канцеляристам, получавшим жалованье до 1700 г. Это возвращение к обычаям XVII столетия на практике означало, что многочисленные канцелярские служащие должны были жить за счет доходов со своих должностей[12]. Так, из 209 чиновников местной администрации в 1738 г. только 26 получали жалованье. Такое положение во многом объясняет широкий размах взяточничества, растрат государственной собственности и продажности, типичной для местных властей. К тому же, если штаты сотрудников и предусматривали оплачиваемые посты, то за одну и ту же должность в разных губерниях платили по-разному и далеко не регулярно[13].

Тенденция к экономии средств гораздо меньше сказалась на размерах жалованья чиновников рангом повыше. Как люди благо-

---

[12] «Довольствоваться от дел» — выразительная, но непереводимая русская фраза, предполагающая далее, что челобитчики будут платить, кто сколько может.

[13] *Демидова Н. Ф.* Указ. соч. С. 232. В Москве секретарь получал 150 руб. в год, канцелярист — 80, подканцелярист и копиист — по 30. В провинции жалованье могло быть значительно ниже, например, 31, а то и 18 руб. в год у канцеляриста. Низшие служащие · сторожа и солдаты — получали 6—7 руб. в год, т.е. меньше 2 коп. на день. Ср.: *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 295 и далее.

родного состояния, они могли лучше себя защитить[14]. Однако всякий чиновник жил под угрозой крупного штрафа или даже конфискации имения, если не справлялся с каким-нибудь поручением или просто отлучался без разрешения со своего поста.

Как в размерах жалованья, так и в количестве штатных единиц, приписанных к различным государственным учреждениям, не существовало единообразия. Численность штатов (или количество сотрудников на жалованье) в последний раз была установлена в 1732 г. Самой большой из губернских канцелярий была Московская, которая насчитывала 128 служащих, а в Астраханской губернской канцелярии служило всего 22 человека. Сверх того в каждой конторе состояло сколько-то «заштатных» сотрудников, живших «от дел», на доходы, которые они выжимали из клиентов. Из-за разной величины канцелярских штатов невозможно привести цифру общей численности гражданских служащих, но в идеале, как предписал Сенат в 1755 г., полагалось 30 служащих на каждую губернскую канцелярию, 15 — на провинциальную и 10 — на воеводскую[15]. Но даже после того как в 1726—1727 гг. штаты местной администрации были столь сурово урезаны, найти достаточное число квалифицированных служащих на все должности было очень трудно. Отсюда и постоянно сохранявшаяся возможность для членов других сословий, даже для крестьян, пробраться на службу, и постоянное стремление властей «приписывать» членов семей канцеляристов к учреждениям местного управления.

Канцелярии обычно размещались в старых ветхих деревянных зданиях и лишь изредка, в больших городах, в каменных домах. В течение XVIII в. были разработаны правила строительства новых контор, отличные от старомосковской традиции и отражающие постепенную вестернизацию русской архитектуры (заметную также на примере помещичьих домов). Работа канцелярий начиналась рано, в 6 или 8 часов утра в зависимости от времени года, и продолжалась до 5 часов вечера, что было шагом вперед по сравнению со старомосковским порядком, при котором рабочий день длился 10—12 часов.

---

[14] Губернаторы крупных городов получали свыше 2,5 тыс. руб. в год (Санкт-Петербург, Рига, Ревель). В других губерниях их жалованье составляло 809 руб. 50 коп. Городовой воевода получал 150 руб. в год, а воевода пригорода — 60 руб., что соответствовало майорскому и капитанскому рангу (Там же. С. 33).

[15] *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. I. С. 277, примеч. 1.

Работа местной системы управления не удовлетворяла ни правительство, ни общество, так что вскоре после воцарения Екатерины II, 23 июля 1762 г., Сенату было поручено обследовать штаты гражданской администрации. Бывший генерал-прокурор Я. П. Шаховской получил особое задание - подготовить подробный доклад о состоянии местного управления. Шаховской, человек пожилой и помнивший эксперименты Петра I с выборными чиновниками из дворян, пошел гораздо дальше и подготовил проект существенного переустройства провинциальной администрации. Проект предусматривал избрание представителей дворянства и купечества в товарищи, или помощники, генерал-губернаторов (это тоже была новая должность). Эти дворяне, которых следовало называть земскими советниками, должны были участвовать в решении всех дел, которыми занималась канцелярия генерал-губернатора. Представителям купечества надлежало ведать «купеческими делами». Жалованья им не полагалось, в расчете на то, что местное купеческое сообщество само будет вознаграждать своих представителей за труды. Шаховской предлагал также ввести избрание дворянством подчиненных генерал-губернатору уездных комиссаров, в чьем распоряжении находились бы небольшие воинские команды.

Хотя план Шаховского и был одобрен Сенатом в феврале 1763 г., он вызвал значительное противодействие других сил, и в конце концов его положили в долгий ящик. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют охватить весь спектр мнений при дворе, но все же некоторые предположительные выводы сделать можно. Сенаторы одобрили план Шаховского (ведь он ничем не угрожал их собственному статусу и полномочиям) именно в тот момент, когда Екатерина подумывала об ослаблении позиций Сената. Императрицу же явно привлекла идея усиления сети прокуроров по всей стране как прямого инструмента монаршей власти, — это была политика, предложенная тогдашним генерал-прокурором А. И. Глебовым, с которым она часто советовалась. Наконец, она, вероятно, считала слишком опасным и неразумным допустить выборных представителей дворянства на такое важное место, какое подразумевал план Шаховского. Она была скорее склонна подправить существующую систему и держать ее под пристальным контролем, чем упустить из рук. Так, новые штаты, утвержденные 15 декабря 1763 г., свидетельствуют о том, что Екатерина отвергла принцип выборности в пользу

сохранения и развития бюрократического принципа функционирования местной администрации[16].

Екатерининская реформа 1763 г. впервые ввела единообразную организацию гражданских учреждений губернского уровня с назначением губернатора и двоих вице-губернаторов, или товарищей. В городах и уездах воевода теперь получил постоянного назначаемого помощника. На воевод возлагался весь круг вопросов администрации, правосудия и сбора налогов. Тем самым была упразднена прежняя должность «комиссара у сбора подушной подати». На всех уровнях были детально расписаны численность служащих, их обязанности, должности, жалованье, установлен чин, соответствующий каждой должности (причем жалованье поставлено в зависимость от должности, а не от чина)[17]. Для прослуживших 35 лет вводились пенсии[18]. Если во времена Петра I те служащие, кто не отвечал высоким требованиям государя, могли подвергнуться любым наказаниям, даже таким, как ссылка, кнут, членовредительство, галеры, то новое штатное расписание способствовало повышению самоуважения и самооценки государственного служащего. В уведомлениях о назначении на должность использовалась теперь более цивилизованная терминология[19], а жалованье было предусмотрено «не только судьям, но даже до последнего копииста, такое довольное жалование назначено, что не остается более сумневаться, чтобы кто... отважился коснуться взяток»[20]. Жалованье служащим было не только восстановлено, но и во многих случаях почти удвоено. Общее число сотрудников гражданской администрации достигло 16 405 человек, а расходы на местное управление составили в 1764 г. 2 310 594 руб., т.е. около 10% всех государственных расходов[21].

---

[16] *Готье Ю. В.* Указ. соч. М., 1941. Т. II. С. 16 и далее.

[17] Там же. С. 187 и далее; ПСЗ. Т. XLIV. Ч. II. № 11991.

[18] ПСЗ. Т. XVI. № 12175, 7 июня 1764 г.

[19] «М. г. Имею честь вас чрез сие уведомить, что по высочайшему е.и.в. соизволению определены вы в... прокурором, с чем вас поздравя, непременно надеюсь, что вы в сем новом чине по вашей должности и по законам, как долг и присяга обязует, поступать не преминете» (*Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 11, примеч. 1).

[20] Это слова из письма А. И. Глебова к Екатерине II. По иронии судьбы автор его вскоре попал в опалу за мошенничество и растраты. Цит. по: Там же. С. 183.

[21] См.: *Демидова Н. Ф.* Указ. соч. С. 230, 239; *Куломзин А.* Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II // СбРИО. Т. V. С. 228—229;

Но простого повышения жалованья и статуса, роста уверенности в будущем было слишком мало, чтобы исправить внутренние пороки российского чиновничества. Большинство прежнего персонала осталось на своих местах, а новое жалованье, как и прежнее, все считали недостаточным[22]. Кроме того, оказалось трудно изменить вековую привычку жить за счет вымогательства взяток у людей, зависимых от конкретного представителя местной власти. Как в судебной, так и в административной сфере идея регламентированной законом службы абстрактному государству или даже обществу была еще слишком чуждой всем слоям населения, чтобы подобная реформа смогла разом изменить сам дух местной власти. Русский гражданский чиновник служил самому себе, своим родным и друзьям. И все же в это время была начата усиленная кампания против служебных злоупотреблений, охватившая всю систему управления снизу доверху, от самого генерал-прокурора А. И. Глебова до губернаторов и их заместителей. На 1762—1765 гг. приходится самое большое число преследований за взятки на протяжении полувекового периода[23].

Новой инструкцией от 21 апреля 1764 г. Екатерина II повысила статус губернаторов и изменила их отношения с центральным правительством. Если прежде губернатор был облечен огромной властью над вверенной ему территорией, но при этом сам оставался лишь орудием в руках правительства, то теперь ему повелели рассматривать себя как доверенное лицо государыни, начальника, хозяина и попечителя губернии под руководством императрицы и Сената. Петровский идеал сознательного ответственного служащего, чей долг — проявлять самостоятельную инициативу ради сохранения порядка и достижения общественного блага (например, устраивать больницы и школы), был возрожден и дополнен представлением о губернаторе как особо доверенном слуге короны. Все органы

Готье Ю. В. Указ. соч. Т. I. С. 187, 297. Жалованье губернаторов возросло с 809 руб. 50 коп. в 1727—1763 гг. до 1875 руб. в год., их заместителей и провинциальных воевод — с 300 до 600 руб. Служащие низшего звена получали теперь: секретарь губернской канцелярии — 300 руб., протоколисты — 200 руб., другие старшие канцеляристы — 100—150 руб., копиисты — 60 руб., экзекуторы — 12 руб. в год.

[22] Российская бюрократия XIX в. имела весьма дурную славу, которая отчасти объясняется тем обстоятельством, что установленные Екатериной в 1763, а затем в 1775 гг. размеры жалованья чиновников всех рангов существенно не повышались до середины 30-х гг. XIX в. См.: *Torke H.J.* Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // FOG. 1967 Bd. 13. S. 188.

[23] *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. I. С. 187.

местной власти были теперь сосредоточены под его началом, за исключением прокуратуры. Одновременно губернаторы получили право письменно обращаться лично к императрице, а не только в Сенат. Это подняло статус губернаторов в ущерб Сенату, а также обеспечило Екатерине возможность прямого контроля над этими важнейшими представителями власти в провинциях. Коллегии также лишились полномочий наказывать губернаторов даже по судебным делам[24]. 12 января 1765 г. была издана специальная инструкция для губернаторов обоих столичных городов, Санкт-Петербурга и Москвы. Их особое положение признавалось всегда. Они находились ближе всех к центральной власти, поэтому им было легче представлять различные вопросы монарху для скорейшего разрешения. Более того, некоторые функции, в губерниях выполнявшиеся губернаторами, в столицах входили в компетенцию центральных учреждений, а следовательно, круг деятельности столичных губернаторов был несколько уже[25].

Последним штрихом «малой реформы» 60-х гг. стало усиление роли прокуратуры. Все прокуроры были напрямую подчинены генерал-прокурору, который, таким образом, располагал своей собственной сетью, параллельной местной администрации и охватывавшей всю страну. Ранг прокуроров, причисленных к судам, Петр I приравнял к подполковничьему с соответствующим жалованьем в 400 руб. в год. Новый институт губернских прокуроров, сменивший прежнюю систему в 1732 г., пострадал от кампании по экономии средств — чин свой они сохранили, но вознаграждение было урезано до 232 руб. 80 коп. и составляло всего лишь четверть губернаторского жалованья, минимум на 20% ниже жалованья воеводы.

В обязанности прокурора входило в основном пассивное наблюдение. Он должен был сидеть за отдельным столом в кабинете губернатора и следить за ходом рассмотрения дел. Дела бывали самыми разнообразными, так как губернатор мог на одном заседании перейти от осуждения преступника к вопросу о сборе податей или о воинском постое. Прокурор вел журнал, в котором на одной странице записывал законы, а на другой — принятые решения. Если он хотел возразить против какого-нибудь решения как незаконного, то

---

[24] Ср.: *Готье Ю. В.* Указ.соч. Т. I. С. 66–68; Т. II. С. 185 и далее; *Градовский А. Д.* Верховное управление в России и генерал-прокуроры. СПб., 1899. С. 234. Текст «Инструкции» см.: ПСЗ. Т. XVI. № 12137; СбРИО. Т. VII.С. 352.

[25] *Готье Ю. В.* Указ.соч. Т. II. С. 186.

мог устно обратиться к губернатору или письменно — к обер-прокурору той коллегии, в компетенции которой находился данный вопрос. Губернатор, в свою очередь, доносил о деле в Сенат, где принималось окончательное решение. Обер-прокуроры центральных правительственных учреждений были подчинены генерал-прокурору, но не являлись начальниками для губернских прокуроров, также подчиненных напрямую генерал-прокурору.

Отношения прокурорской службы с другими институтами были во многом плохо разработаны. Прокуроры не располагали исполнительной властью и могли лишь докладывать о нарушениях. Их взаимодействие с местной администрацией было, по ряду причин, поставлено из рук вон плохо. Одной из этих причин являлся уже упоминавшийся низкий чин и жалованье прокуроров. Им редко хватало смелости разоблачать злоупотребления губернаторов, так как простому капитану или майору (прокурор мог иметь максимум подполковничий чин) было опасно разоблачать, например, генерал-лейтенанта — старшего по званию командира, под чье начало он еще мог угодить на военной службе. Второй причиной, ослаблявшей эффективность работы прокуратуры, была взаимозаменяемость служащих прокуратуры и местной администрации. Из-за того, что для прокурорской должности, по сути носившей юридический характер, не требовалось никакой специальной квалификации (как и для любой другой должности в русской бюрократии), человек мог оказаться сегодня прокурором, а завтра — воеводой.

Наконец, прокуратура страдала от постоянного изменения характера возлагавшихся на нее задач. Раз уж имелись прокуроры, то, естественно, возникало искушение почаще привлекать их для надзора за работой местных властей, а не только за судебными делами. Прокурорская задача «защиты интересов государства» понималась как поощрение или понуждение местных чиновников к действиям, направленным на защиту этих интересов (в русских документах для обозначения этой функции используется глагол «инстиговать», т.е. «подстрекать»), которыми они нередко пренебрегали ради собственных выгод. Теперь Екатерина II значительно увеличила численность прокуроров и расширила их полномочия в местной администрации. Уволив в 1764 г. с поста генерал-прокурора обвиненного в растратах А. И. Глебова, она назначила на этот важный пост тридцатисемилетнего князя А. А. Вяземского, остававшегося ее преданным слугой до самой своей смерти в 1792 г. Князь отличался расторо-

ностью и сноровкой в делах, трезвым умом, трудолюбием, практичностью. Он стал верным исполнителем воли Екатерины, никогда не пытался увеличить свою власть за ее счет, хотя без колебаний делал это за счет других. Вначале он успешно справился с особым заданием — усмирением и расследованием бунта приписных крестьян на уральских заводах. При этом, показав обычную «твердость» в подавлении восстания, он также проявил известное понимание жалоб и горестей народа. Затем, хотя и без официального назначения, он был поставлен во главе Первого департамента Сената вместе с Никитой Паниным. На этом посту Вяземский руководил комиссией, учрежденной для суда над Мировичем[26].

При назначении Вяземского на пост генерал-прокурора в феврале 1764 г. Екатерина собственноручно написала для него инструкцию. Это был один из важнейших документов, отражающих ее представление об искусстве государственного управления. По мнению государыни, из-за попустительства некоторых ее предшественников на троне Сенат превысил свои полномочия и начал подминать под себя другие правительственные учреждения. Органы местной администрации лишились всякой инициативы в результате полного подчинения Сенату. В противоположность тем, кто мечтал об иноземных образцах, Екатерина — вслед за Монтескье — подчеркивала, что «везде внутренние распоряжения на нравах нации основываются». Новый генерал-прокурор должен был держаться подальше от сенатских партий и группировок и стоять над ними, отвечать только перед императрицей и рассчитывать лишь на ее поддержку. В заключение Екатерина подытожила свои взгляды на управление и на характер отношений, которые хотела бы установить между собою и Вяземским:

> Вам должно знать, с кем вы дело иметь будете... вы во мне найдете, что я иных видов не имею, как наивящее благополучие и славу отечества и иного не желаю, как благоденствия моих подданных, какого б они звания ни были; мои мысли все к тому ж лишь только стремятся, чтоб как извнутрь, так и вне государства сохранить тишину, удовольствие и покой... Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле. Я слышу, что вас все почитают за честного человека; я ж надеюсь вам опытами показать, что у двора люди с сими

[26] См. гл. 2.

качествами живут благополучно. Еще к тому прибавлю, что я ласкательства от вас не требую, но единственно чистосердечного обхождения и твердости в делах[27].

Отныне прокуроры были приставлены ко всем провинциальным воеводам, для чего утроилась их численность (выросшая с 15—16 до 50—60 человек). Значение прокуроров определялось тем, что они были единственными должностными лицами на местах, не подчиненными губернаторам. После назначения Вяземского губернские прокуроры при поддержке центрального правительства стали действовать решительнее и понимать свои задачи шире, чем раньше. Теперь они чаще отваживались возбуждать дела против старших по званию начальников, старались следить за законностью процедур во всех местных учреждениях. Прокурорам поручались некоторые особые задания, например следить за исполнением секретного указа 1763 г., по которому в тех делах, где закон требовал применения пыток, их не следовало начинать без доклада губернатору, а тот, в свою очередь, должен был обратиться за советом в Сенат[28]. Поскольку прокуроры постепенно превращались в агентов генерал-прокурора в его фактическом качестве министра внутренних дел, им было доверено доносить о различных специфических вопросах, от состояния урожая до количества крестьян, сидевших на барщине и оброке, числе винокурен и т.п. Кроме того, прокуроров поощряли к «расследованиям» в значительно более широких масштабах, в том числе в отношении имущественного состояния подданных, и по собственной инициативе обращаться в правительство с предложениями.

Таким образом, подчиненные генерал-прокурора оказались на стратегически важных постах во всех департаментах Сената как в центре, так и на губернском и провинциальном уровне в масштабах всей страны. Кроме того, генерал-прокурор контролировал назначения и в своей собственной системе, и на гражданской службе в целом. Хотя для вступления в любую должность по-прежнему не требовалось никакой специальной подготовки, в 1760-е гг. делались попытки повысить квалификацию служащих всех ступеней центральной и местной администрации. Назначения на высшие посты делал Сенат, а утверждала их императрица. Но послужные списки

---

[27] СбРИО. Т. VII. С. 354 и далее.

[28] ПСЗ. Т. XVI. № 11759, 17 февраля 1763 г.

дворян вел герольдмейстер, чья контора подчинялась генерал-прокурору. Таким образом, последний мог наблюдать за подбором персонала для важнейших постов в провинции.

Одна из трудностей, стоявших перед Вяземским, заключалась в том, что большинство прокуроров, в том числе новые, назначенные в 60-х гг., являлись армейскими офицерами среднего ранга (среди них были поручики, майоры, один полковник). Таким образом, по воинским чинам они были ниже губернаторов и воевод, за чьей деятельностью им предстояло надзирать. Почитание высшего чина подкреплялось привычкой к воинской дисциплине. Как указывал новгородский губернатор Сиверс, «дух воинской службы, в которой... единственно команду и послушность знают, отличаясь тем от гражданской службы, коей как законы, так и разум равенство в членах составляет»[29]. Сознавая неловкость положения, при котором сегодняшний прокурор мог завтра превратиться в прямого подчиненного губернатора, Вяземский попытался добиться более четкого разделения персонала между местной администрацией и прокуратурой. К 1771 г. он достиг того, что прокуроры также располагали собственным штатом служащих, не деля его с местными административными учреждениями. Но стремление создать две совершенно отдельные, невзаимосвязанные системы (состоящие соответственно из сети губернаторской и прокурорской служб) на практике не осуществилось, так как всегда сохранялись исключения из правил. Тем не менее можно сказать, что прокуратура представляла собой первую в России попытку создания внутри гражданской администрации самостоятельно функционирующей службы с собственным, специально подобранным персоналом.

Общая нехватка подготовленных кадров, однако, ощущалась и в реорганизованной прокуратуре. Хотя в 60-е гг. старый балласт был удален (на прежних постах утвердили только троих губернских прокуроров, двоих продвинули по службе, а остальных уволили), а жалованье удвоилось[30], многие прокуроры не соответствовали предъявляемым требованиям, брали взятки, ввязывались в ссоры, превышали свою власть. Происходили непрерывные споры между губернаторами и прокурорами, которые то грешили излишним рвением, то страдали

[29] *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 37.

[30] Теперь жалованье губернских прокуроров подняли до 450 руб. в год (плюс специальная должностная надбавка в 9 руб. 50 коп.). Провинциальные прокуроры приравнивались к майорам с жалованьем 375 руб.

от властолюбия губернаторов. К тому же неясно было, как далеко простирались права прокурора вмешиваться в дела городских административно-судебных органов — магистратов и ратуш[31].

В итоге все первые изменения в структуре и в характере системы управления в России, предпринятые новым режимом, были направлены на усиление прямого личного контроля государыни над органами местного и центрального управления и их персоналом. В то время, когда можно было ожидать, что Екатерина станет всячески заигрывать с дворянством, чтобы укрепить свое шаткое положение на троне, амбициям знати не было сделано ни малейших уступок. Прямой атаки на законные права высшей аристократии никто не предпринимал. Но, столкнув сторонников учреждения Императорского совета с приверженцами Сената, Екатерина сумела похоронить первый и подавить второй. Тем временем прокуратура под началом верного слуги императрицы князя Вяземского с подчиненной ему сетью прокуроров приобретала все большую важность как «око государыни» и эффективное орудие ее политики и власти.

[31] См.: *Клокман Ю. Р.* Город в законодательстве русского абсолютизма // Абсолютизм в России... С. 335.

Глава 4

Прибалтийские провинции и Малороссия

В июне 1764 г. императрица Екатерина отправилась в первое из своих многочисленных путешествий по Российской империи — в Эстляндию и Лифляндию. Она задумала эту поездку годом раньше, понимая, как важно в целях укрепления власти побывать там лично. В то же время государыня твердо верила в необходимость консолидации разных частей империи, живущих по собственным законам. Политическую линию в этом вопросе она наметила в инструкции, данной князю А. А. Вяземскому при назначении его генерал-прокурором:

> Малая Россия, Лифляндия и Финляндия[1] суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было, однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостью. Сии провинции, также и смоленскую[2], надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу. К тому приступ весьма легкий, естьли разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство[3].

---

[1] Под Финляндией подразумевается, конечно, ее часть, присоединенная к России.

[2] Речь Посполитая навечно уступила России Смоленск в 1686 г. К рассматриваемому времени за ним все еще сохранялся особый статус. Местная шляхта до 1750 г. служила в ополчении каждый год с мая по сентябрь, не получая никакого вознаграждения. Купечеству позволялось владеть землей с крестьянами еще долго после того, как это право было отменено в России. См.: *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII в. Киев, 1912. С. 123; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. V.

[3] СбРИО. Т. VII. С. 345 и далее.

Когда Лифляндия и Эстляндия были в 1710 г. завоеваны и присоединены к Российской империи, Петр I подтвердил их законы и привилегии. Лютеранство по-прежнему являлось здесь государственной религией, провинции сохраняли собственные ландтаги (на которых все дворяне могли присутствовать лично) и сложную систему постоянно действующих комитетов и комиссий. Сохранялись также и самостоятельные судебные институты, которые лишь в самом крайнем случае обращались с апелляциями в Сенат в Санкт-Петербурге. Русская корона выступала также крупным землевладельцем и, как правило, отдавала в аренду принадлежавшие ей имения — мызы.

С началом каждого нового царствования из архивов извлекались на свет грамоты о привилегиях Лифляндии, чтобы новый государь официально их признал. С этой целью присутствовал на коронации Екатерины II в Москве депутат остзейского дворянства Карл Шульц фон Ашераден. Императрица по всем правилам подтвердила остзейские привилегии в декабре 1762 г., но это был с ее стороны лишь тактический шаг. «Теперь хочу сказать вам по секрету, — писала она генерал-фельдцейхмейстеру А. Н. Вильбоа, который сам был эстляндским дворянином, — что, по чести говоря, ни мне, и никому другому не известно, что же такое я утвердила и полезно ли это для страны. Обычаи ли это, привычки или законы? Но я рассудила, что спокойствие целой провинции дороже всего остального»[4].

Возможно, что этот случай с привилегиями пробудил интерес Екатерины к Лифляндии. Обсуждения в комиссии, составлявшей манифест о вольности дворянства[5], также могли привлечь внимание императрицы к лифляндской практике. Она начала испытывать острейшее любопытство к матрикуле, или регистру дворянства. Ей хотелось узнать, сколько дворян записано в матрикулу, когда и почему. Затем, в марте 1764 г., Екатерина попыталась внести в реестр лифляндского и эстляндского дворянства пятнадцать офицеров — большей частью немцев и шведов родом из мещан — на том основании, что они дослужились до чинов, дающих дворянство по Та-

[4] Это недатированное письмо Екатерины II, предположительно от 18 декабря 1762 г., опубликовано в работе: *Blum K.* Ein russischer Staatsmann.... Bd. I. S. 436. Грамоту прав лифляндского дворянства см.: ПСЗ. Т. XVI. № 11727; подобная же грамота была дарована эстляндскому дворянству 21 сентября 1763 г. (Там же. № 11993).

[5] См. ниже, гл. 5.

бели о рангах. Императорский указ об этом вызвал в Лифляндии бурю протеста, но все-таки вступил в силу, хотя упоминание Табели о рангах убрали из окончательного текста. Мысль о том, что в Лифляндии можно стать дворянином по Табели о рангах, была еще слишком оскорбительной для сословных прав местного дворянства. Менее обидным казалось прямое возведение мешанина в дворянское достоинство волею самодержицы.

Нехватка поместий в награду тем, кто поддержал ее во время переворота в июле 1762 г., заставила императрицу заинтересоваться наличием в Лифляндии коронных мыз. Сколько из них сдано в аренду, сколько свободно? В октябре того же года Екатерина запретила до новых распоряжений продлевать двенадцатилетние аренды по истечении их срока[6].

24 июня 1764 г. Екатерина II покинула Петербург и около месяца путешествовала по Прибалтике. Эстляндское и лифляндское дворянство постаралось превратить ее поездку в триумфальное шествие. В Ревеле, где она пробыла несколько дней перед выездом в Ригу, императрицу встречало население, городской совет и дворянское собрание. Не пришлось даже заботиться о жилье для размещения в пути свиты императрицы — дворянство почло за честь принимать государыню со свитой в своих удобных загородных домах. Прием, оказанный Екатерине дворянами и простым народом, убедил ее в том, что «ливонцы начинают поддаваться влиянию своих победителей»[7]. Она, со своей стороны, всячески старалась выглядеть настоящей русской императрицей, а не германской принцессой на русском троне. Официальные речи она произносила по-русски, в Ревеле и в Риге демонстративно посещала православные церковные службы[8].

Екатерине многое понравилось в Прибалтике, но она твердо вознамерилась покончить с автономией этих нерусских провинций и повысить доходы казны от Эстляндии и Лифляндии. По ряду причин ей казалось, что удобнее всего здесь будет приняться за дело, начав с решения крестьянского вопроса. 60-е годы были периодом

---

[6] СбРИО. Т. VII. С. 120, 349.

[7] Письмо к Н. И. Панину, июль 1764 г.: СбРИО. Т. VII. С. 368.

[8] Новейшее научное исследование политики Екатерины II в отношении Прибалтики см.: *Neuschäffer H.* Katharina II, und die baltischen Provinzen. Beiträge zur Baltischen Geschichte. Hannover Dohren, [1975]. (О ее поездке 1764 г. см.: Ibid. S. 379ff.).

горячего личного интереса императрицы к проблеме крепостного права, как с точки зрения развития сельского хозяйства на благо страны, так и с точки зрения человеческих прав крестьянина. Большинство ее частных заметок и набросков о статусе крепостных восходит к этому времени[9]. Именно знакомство с положением в Лифляндии впервые побудило ее к размышлениям о возможности практических шагов в этой сфере.

Во время краткого правления Петра III ему был представлен некий лютеранский пастор по имени Иоганн Георг Эйзен, выходец из Франконии, обосновавшийся в Лифляндии. Эйзен был известен как знаток сельского хозяйства. Он считал, что, разрешив крестьянам владеть небольшими наделами, можно тем самым обогатить и государство, и помещиков, и самих крестьян. Петр III пригласил пастора в Санкт-Петербург, чтобы выяснить, нельзя ли учредить в Лифляндии колонии немецких крестьян и со временем набирать из их жителей полков двадцать в русскую армию. После смерти Петра III Эйзен вернулся в Прибалтику. Он интересовался не только военным значением свободного крестьянства, но и усиленно проповедовал пользу отмены в Лифляндии крепостного права. Эти его мысли были известны узкому кружку просвещенных вельмож при императрице, в том числе и Григорию Орлову. Вскоре Эйзена снова пригласили в Россию, и в октябре 1764 г. Алексей Орлов официально представил его государыне[10]. По ее просьбе пастор составил очерк положения лифляндского крестьянства, опубликованный затем в «Sammlung Russischer geschichte» — петербургском историческом журнале, издаваемом на немецком языке академиком Г. Ф. Миллером. Статья Эйзена вышла, очевидно, с согласия императрицы и с пояснениями, в которых сравнивалось положение лифляндских и русских крестьян в пользу последних[11].

Так как Екатерина в это время явно увлекалась проектами аграрной реформы, в том числе и ограничением крепостного права, записка Эйзена пришлась кстати. Она стала для императрицы предлогом нанести пробный удар там, где не приходилось ожидать сильного

[9] См. ниже, гл. 11 и 12.

[10] Новейший обзор деятельности Эйзена см.: *Neuschäffer H.* Op. cit. S. 247ff., 389ff.

[11] Sammlung russischer Geschichte. 1764. Bd. IX. S. 491—527. Эйзен потом решительно возражал против этого дополнения к его статье. См.: *Neuschäffer H.* Op. cit. S. 391 – 392.

сопротивления. В Лифляндии императрице было гораздо удобнее, чем в России, где она еще не могла позволить себе рисковать поддержкой дворянства, выяснить, сильно ли оно воспротивится ограничению своих крепостнических прав. Покушение на остзейские привилегии, даже в сфере крепостного права, не возбудило бы тревоги у рядовых российских дворян, а среди высших сановников встретило бы, пожалуй, известное одобрение. Даже в самой Лифляндии были дворяне, которым приходило на ум, что формальное урегулирование отношений между помещиками и крестьянами — небольшая цена за сохранение политической автономии, лишь бы эти меры проводились руками самих лифляндцев. Среди самых заметных сторонников этих взглядов был тот самый Карл Шульц фон Ашераден, который получил подтверждение остзейских привилегий в декабре 1762 г.

Система землевладения, принятая в Лифляндии, сохранилась со времен шведского правления. По закону владеть землей мог лишь дворянин, вписанный в матрикулу. Однако землевладельцам позволялось отдавать землю в аренду или в залог недворянам-«ландзасам» (Landsassen), что весьма широко применялось помещиками как средство получения кредитов. Срок аренды, как правило, длился шесть или двенадцать лет, но мог достигать и девяноста девяти лет, что приравнивало сделку к скрытой продаже. Очень часто использовалась и субаренда. В результате между помещиками и их крестьянами образовался целый слой посредников-управителей, и всем им платили (или они сами себе платили) из доходов с поместья. Обязанности крестьян были установлены при шведах и зафиксированы в сводах правил, называемых по-шведски Wakkenbuche, по-немецки Wackenbucher, а по-русски известных как «бакенбухи». В них перечислялись крестьянские повинности в зависимости от размеров обрабатываемого надела.

В Лифляндии не существовало ни подушной подати, ни рекрутского набора, но крестьянские земли облагались определенным налогом (от которого были свободны владения дворянства). Однако поступления от этого налога постоянно сокращались (со 135 тыс. альбертталеров в 1740 г. до 105 тыс. в 1759 г.) в результате расширения аллодиальных дворянских владений за счет принадлежащих государству крестьянских земель. Подобное сокращение доходов в то время, когда Россия изо всех сил старалась наскрести денег на Семилетнюю войну, побудило правительство в 1756—1760 гг. объявить ревизию и пересмотреть размеры налога с единицы площади гака. Эта ревизия позволяла Екатерине II уладить земельные от-

ношения на коронных землях, чтобы повысить доходы и улучшить положение крестьян. Проще всего было начать с острова Эзель, где эти земли занимали свыше половины площади. В 1765 г. здесь было намечено провести достаточно скромную аграрную реформу, с введением фиксированных размеров барщины и других крестьянских повинностей. Арендаторам следовало пригрозить, что они лишатся аренды, если не станут выполнять все ее условия. Существовали также планы разработки новых формуляров контракта на аренду коронных мыз в Эстляндии и Лифляндии, требующих строгого соблюдения норм отработок, заложенных в старых бакенбухах[12]. Попытки осуществления аграрной реформы в эти годы в значительной мере восходили к идеям Эйзена[13]. Но остается спорным, решила ли Екатерина вмешаться в отношения между помещиками и крестьянами Эстляндии и Лифляндии до посещения этих провинций или ее побудила к действию увиденная там картина обнищания крестьянства[14].

Первый шаг российских властей в сторону реформы был сделан во время ландтага, созванного на вторую половину января 1765 г. Лифляндский губернатор Ю. Ю. Броун[15] представил собравшимся дворянам ряд за кулисами согласованных с Екатериной предложений, большинство которых прямо или косвенно относилось к крестьянству. Самым важным было третье из них, с требованием признать за крестьянами право собственности на все их движимое имущество, разрешить им свободную продажу своей сельскохозяйственной продукции, ограничить барщину, определить рамки судебных полномочий помещиков, дать крестьянам возможность жаловаться в суд на хозяев. Нравственный призыв облегчить положение крестьян («чей удел был представлен вниманию престола») подкреплялся намеком на возможность увеличения размеров налога с гака[16].

---

[12] *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 345 и далее.

[13] О деятельности Эйзена в России см. ниже, гл. 8.

[14] В источниках очень трудно найти объективную картину положения крестьянства Лифляндии. Описания чиновников и публицистов XVIII в., русских и немецких авторов XIX в. и советских историков необъективны из-за национальных предрассудков. Русские подчеркивали нищету крестьян при хозяевах-немцах, а немцы в ответ настаивали на том, что уровень жизни русского крестьянства был, с их точки зрения, куда ниже, чем в Прибалтике.

[15] Ю. Броун (в действительности Браун) был ирландцем-католиком, родился в графстве Лимерик в 1698 г.

[16] *Neuschäffer H.* Op. cit. S. 423 ff. См. также: *Лооне Л. А.* Крестьянский вопрос в общественной мысли Прибалтики // Материалы по истории сельского хозяйства. 1959. Вып. V. С. 207—223.

По секретной ли договоренности с Екатериной или по собственной инициативе, но в этот момент также и Шульц фон Ашераден предложил ландтагу крестьянский кодекс — Bauernrecht, — который он сам составил и применил в двух своих имениях. Этот документ был чрезвычайно близок к предложениям генерал-губернатора Броуна — настолько, что многие лифляндские дворяне считали Шульца фон Ашерадена автором обоих документов. Шульц хотел своим кодексом показать, как много может сделать отдельный помещик на своей земле, и надеялся, что у него появятся последователи. Он выступил перед ландтагом с защитой своих предложений, аргументируя их идеями Просвещения. Он осуждал неограниченное крепостничество как варварский и экономически невыгодный институт, убеждал лифляндских дворян, что если они не начнут действовать сами, то за них все решит и сделает русское правительство, а это — серьезный удар по их автономии. Но большинство в ландтаге пренебрегло предупреждениями Шульца: если крестьяне бедствуют, значит, виной тому чрезмерное налогообложение со стороны русских властей и злоупотребления ландзассен, обирающих крестьян до нитки. (Дворяне часто находили нужным включать в условия аренды меры защиты своих крестьян, так как арендаторы ради немедленной выгоды не останавливались перед разорением имений, особенно если аренда была краткосрочной.) Но если дворянство, собравшееся в ландтаге, сначала отклонило предложения Броуна, опираясь на императорское подтверждение лифляндских привилегий 1762 г., то оно не могло воспротивиться официальному требованию самой императрицы, которое предъявил ландтагу губернатор. Наконец пришли к компромиссу, и вскоре в Лифляндии обнародовали утвержденную ландтагом резолюцию из пятнадцати пунктов под названием «Патент 12 апреля 1765 г.» (на немецком языке и в сокращенном изложении по-эстонски и по-латышски).

Патент с некоторыми отличиями повторял вариант кодекса, предложенного Шульцем фон Ашераденом. Крестьянам гарантировали право владения движимым имуществом. Повышать денежный оброк отныне запрещалось. Размеры барщины оставались на усмотрение помещиков, которым, однако, предписывалось до 1 августа 1765 г. объявить нормы отработок, установленные в зависимости от размеров надела. Кроме того, крестьяне получали теперь доступ в суды низшей инстанции — Ordnungsgericht — и могли жаловаться на притеснения со стороны помещиков или на работы сверх установленной нормы. Таким образом, на крепостных распространя-

лись права, уже дарованные коронным крестьянам. Но существовали и ограничения. Если крестьянин жаловался на помещика без достаточных оснований, ему могли дать «десять пар розог перед церковью» за первый проступок такого рода, а в третий раз жалобщик мог отправиться на каторгу сроком на год. К тому же, поскольку в орднунгсгерихтах заседали дворяне, у крепостного было мало шансов добиться справедливости. Но оставалась возможность апелляции, и губернатор Броун довольно часто изменял решения судов на противоположные, чем вызывал негодование дворян, сетовавших, что губернатор позорит законно избранные суды.

Серьезным изъяном нового порядка, с точки зрения крестьян, было то, что барщину ограничить не удалось. Считалось, что ее нормы четко установлены в каждом поместье и что раз нет жалоб от крестьян, то нормы соблюдаются. Но лишь немногие дворяне вслед за Шульцем фон Ашераденом самостоятельно вводили в поместьях крестьянские нормативные кодексы, способные хотя бы отчасти восполнить отсутствие государственных установлений. Отмерять барщину предоставили помещикам, не приняв мер для контроля за ее нормами, поэтому и современники, и историки впоследствии считали Патент 1765 г. совершенно бесполезным для крепостных. Да и экономическое положение крестьян Патент нисколько не улучшил. Ни историки-народники, ни советские исследователи не допускали мысли, что даже незначительное повышение правового статуса крестьянства, пусть и не сопровождающееся улучшением экономического положения, может в целом облегчить крестьянскую долю. Но ведь полученное крестьянами законное право на движимость и на обращение в суды могло повысить если не их уровень жизни, то хотя бы самоуважение. Для окончательного суждения о роли Патента необходимо более основательно изучить его реальные последствия[17]. Во всяком случае, Екатерина считала, что реформа в духе крестьянского кодекса Щульца улучшит положение лифляндского крестьянства и что Патент надлежит провести в жизнь[18].

В XVIII в. Украиной назывались обширные территории по днепровским берегам примерно от Стародуба на севере до рубежей Крымского ханства на юге, принадлежавшие Польше и России. Русская

---

[17] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 353; *Neuschäffer H.* Op. cit. S. 420ff.

[18] См.: Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии по сочинению проекта нового уложения. М., 1907. С. XXXIII.

Украина состояла из двух самостоятельных частей, разными путями оказавшихся в составе русских владений. Слободскую Украину с центром в Харькове в XVII в. постепенно заселяли выходцы из Польской Украины, которая тогда занимала оба берега Днепра, и беженцы, спасавшиеся от гражданских войн, бушевавших там до 1686 г. Слободская Украина всегда находилась под властью Москвы и управлялась назначаемыми воеводами и губернаторами. Левобережная Украина, в XVIII в. известная как Малороссия, перешла под власть России в 1654 г. под водительством казацкого гетмана Богдана Хмельницкого, а в 1686 г. Польша официально уступила ее России. Правобережная Украина принадлежала Польше до второго раздела в 1792 г.[19] Население Левобережной Украины (т.е. Слободской Украины и Малороссии, исключая Киев) в 1762 г. достигало 1 342 221 человека. Из них 96,84% составляли крестьяне, в том числе 52,69% — помещичьи, 28 184 человека (2,1%) — мещане. Еще 14 284 человека принадлежали к неподатным категориям — офицеры, чиновники, церковники и др.[20].

За этими относительно спокойными районами лежали земли казаков — Запорожской Сечи с центром на одном из днепровских островов, Донского казачества и Яицкого казачества, уже не относившегося к Украине.

Управление Малороссией было организовано по традициям казачества. Должность гетмана с 1734 г. оставляли незанятой, так как гетман легко мог сделаться знаменем малороссийского сепаратизма, но в 1750 г. она была восстановлена. Это произошло в значительной мере под давлением украинской шляхты, чьи интересы выражал Алексей Разумовский, фаворит и предположительно морганатический супруг императрицы Елизаветы, родом украинский казак[21]. На пост гетмана был возведен двадцатидвухлетний младший брат Алексея, Кирилл Разумовский. Сначала для этого было необходимо организовать избрание молодого человека казацкой старшиной — полковниками и высшим офицерством. Сама церемония возведения Разумовского в гетманское достоинство состоялась 13 марта 1751 г. Новому главе казачества были вручены гетманские регалии, а императрица Елизавета торжественно подтвердила при-

---

[19] См. ниже, гл. 27.

[20] *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 87–91.

[21] О Разумовских см.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. I.

вилегии и особые права Малороссии. Руководство делами Малороссии было передано из Сената в Коллегию иностранных дел, чем подчеркивался ее особый статус.

Управление Украиной строилось на делении на полки — смешанные территориально-служилые единицы. Каждый полк подразделялся на сотни и имел собственные выборные власти — полковников, писарей, сотников и т.п. В каждой территориальной единице, т.е. в полку, кроме земель, принадлежавших войску в целом («войсковые маетности»), выделялись так называемые ранговые земли, доходы с которых шли на содержание полковых должностных лиц. К классу землевладельцев на Украине принадлежали также малороссийские помещики не из казаков, пережившие все смены властей, а также великорусские помещики, получавшие здесь крупные владения со времен Петра Великого[22]. Политические интересы казацкой старшины и малороссийских помещиков совпадали. И те и другие стремились добиться равного статуса с русским дворянством, для чего осаждали прошениями русское правительство. Пользуясь попустительством сменявших друг друга гетманов, старшина систематически превращала поместья, пожалованные за службу, в наследственные имения. Она принудительно выкупала земли у казаков и крестьян или захватывала их иными способами. К началу второй четверти XVIII в. земли в наследственном владении преобладали здесь над другими видами держания[23].

Превратившись из военнослужащих, кормящихся от полковых земель, в экономических эксплуататоров своих собственных владений, казаки-землевладельцы с неизбежностью начинали закабалять крестьянство в правовом и хозяйственном отношении. Целый ряд универсалов — гетманских грамот — ограничивал или запрещал переселение крестьян из деревни в деревню, даже в пределах земель одного полка. Ухудшалось и положение рядовых казаков. Многие из них уже ничем не отличались от крестьян и попадали в зависимость к церковным или светским землевладельцам за долги или становились жертвами крючкотворства судейских. В 1735 г. казаки побогаче были внесены в особый список «реестровых», свободных

---

[22] Гетман Мазепа якобы владел 19 654 дворами в разных полках, т.е. имел около 100 тыс. зависимых крестьян. Кроме того, в самой России у него было еще 20 тыс. душ. См.: Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 521.

[23] Из насчитывавшихся в 1751 г. 6952 дворов и 5469 хат в 1764 г. остались только 2662 двора и 1273 хаты. См.: Там же. С. 581.

от всех повинностей, кроме воинской службы. Их бедные собратья несли те же повинности, что и крестьяне, но в меньшем размере, и снабжали реестровых казаков провиантом и фуражом для походов.

Кроме отработок на хозяина, отнимавших от двух до четырех дней работы в неделю, крестьяне платили денежные и продуктовые налоги на содержание нескольких пехотных и конных полков, на полковую и сотенную администрацию, на гетмана, на церковь. Правда, подушная подать с них не взималась, и рекрутскому набору они не подлежали. Спастись от всех крестьянских тягот можно было бегством на Дон или в Запорожскую Сечь, вступлением на службу в казацкие полки Малороссии или Слободской Украины. Был и другой выход — наняться к богатому казаку или другому землевладельцу в качестве безземельного работника — «подсоседка», что приносило снижение налогового бремени, но грозило утратой личной свободы.

Города и местечки Малороссии являлись островками самоуправления и избирали административные и судебные органы в соответствии с положениями магдебургского права, с давних пор дарованного им грамотами польских королей. Городские ремесленники были организованы в цехи, или братства, нередко весьма влиятельные. Зато городки поменьше часто оказывались в зависимости от местного полковника.

Действие Соборного уложения 1649 г. на Малороссию не распространялось. Она управлялась по Литовским статутам в разных вариантах, тексты которых существовали на латыни и на польском языке. В 30-е гг. XVIII в. на Украине приступили к разработке свода законов («Права, по которым судится малороссийский народ»). Свод основывался на положениях магдебургского права и на Литовских статутах 1566 и 1588 гг. (В содержании последних были закреплены интересы польского дворянства XVI в.) Составление свода завершилось в 1743 г., но его так и не приняли, потому что русское правительство вообще не приветствовало шаги, подчеркивающие особый статус Украины. Хотя «Права» формально остались на бумаге, малороссийская шляхта воспринимала их как истинное выражение законов страны. «Права» фактически легли в основу административных реформ, в первую очередь в правовой сфере, которые проводились при гетмане Кирилле Разумовском.

В своей малороссийской столице, Глухове, Разумовский устроил подобие петербургского императорского двора и зажил большим магнатом, окруженный собственными придворными. Это подкреп-

ляло притязания украинской шляхты на статус аристократии и развивало украинское национальное самосознание. К тому же Разумовский щедро раздавал в наследственное владение помещикам казацкие земли. Еще указом 1760 г. крестьянам было запрещено покидать поместья без разрешения землевладельца, а помещикам запретили селить крестьян на своих землях без письменного согласия их прежнего хозяина. Господство шляхты еще больше укрепилось с реформой судебной системы в 1763 г. Множественность судов с противоречивой юрисдикцией порождала беззакония и злоупотребления. Теперь судебную систему преобразовали в рамках Литовских статутов. От полков избирались асессоры высшего, или Генерального, суда, учреждался целый ряд земельных и гражданских судов, состав которых избирала шляхта, а полковые суды переименовали в «городовые»[24].

После восстановления гетманства в 1751 г. управление Запорожским казачьим войском перешло в руки гетмана, который приобрел таким образом тяжкую обязанность сдерживать постоянные поползновения запорожцев отправиться в набег на турецкие и татарские земли. Запорожская Сечь представляла собой уникальное сообщество. Не имевшие четких границ земли запорожцев тянулись широкой дугой по обоим берегам Днепра «за порогами». Запорожские казаки превосходили численностью яицких, а буйством — донских и помещались в идеальном месте, чтобы лавировать и интриговать между Турцией, Польшей и Россией, искать в одной стране убежища от притеснений другой, прятать у себя беглецов из всех трех. При Петре Великом, после того как гетман Мазепа принял сторону Карла XII и вместе с ним был разбит под Полтавой в 1709 г., Сечь рассеялась. Но войско запорожцев реформировали и в 1734 г. возвратили в исходное подчинение русской короне. В то же время оно располагалось на землях, формально принадлежавших Османской империи. Уникальность территориального положения внушала запорожцам идею об их особых исторических и современных правах на территориях, владеть которыми было не по плечу никому, кроме них самих. Они уже смотрели на себя не как на воинское братство с центром в маленьком лагере, а как на ядро государства с

[24] Более обстоятельный обзор Малороссии содержится в неопубликованном диссертационном исследовании: *Kohut Z.* The Abolition of Ukranian Autonomy, 1763–1786. A Case Study in the Integration of a Non-Russian Area into the Empire. (University of Pennsylvania, 1975).

определенными территориальными притязаниями. Запорожские казаки даже прибегали к далеко не оригинальной практике изготовления фальшивых грамот за подписями польского короля Стефана Батория или Богдана Хмельницкого, якобы пожаловавших им те или иные земли[25].

Трудно установить точную численность запорожцев, но известно, что в 1760 г. она достигала примерно 22 тыс. взрослых мужчин. Население запорожских земель распадалось на две неравные группы: более крупную, т.е. собственно казачество, и меньшую, так называемых «посполитых». Ядром Сечи, представлявшим собой, по существу, военный лагерь, был укрепленный остров на Днепровских порогах, где размещались военные и гражданские власти, казармы для постоянного гарнизона, школа, церковь, арсеналы и склады. В казармах жили бедные холостые казаки, «серома». Сечь делилась на восемь административных районов («палянки») с центрами в слободах, где находились местные власти под началом полковников и стояли гарнизоны. Населявшие слободы казаки и посполитые избирали своих вождей — атаманов, которые подчинялись полковнику. Тот, в свою очередь, нес ответственность перед высшей сечевой властью — «кошем», или генеральным штабом. Кош избирался казаками во время общих собраний, или «рад», происходивших ежегодно в январе. Кош состоял из главы — атамана, писаря, судей, казначеев, адъютантов-есаулов и бунчуковых. Однако, пользуясь особенностями социальной и военной организации запорожских казаков, богатая старшина могла манипулировать выборами ради собственной выгоды и власти.

Перед государством казаки несли воинскую повинность: в военное время участвовали в походах, в мирное — охраняли границы с Крымским ханством и Османской империей. Казаки служили с собственным обмундированием, вооружением, лошадьми и припасами. Взамен они получали от властей, состоявших большей частью из влиятельных членов старшины, денежное и продуктовое жалованье. Кроме того, казаки были полноправными хозяевами приписанных к Сечи земель, которые раздавались разным полкам. Но и тут старшина успела завладеть привилегиями в использовании и распределении наделов, в эксплуатации рыбных ловель и лесов, в богатой торговле сельскохозяйственной продукцией. Эта же вер-

[25] *Nolde B.* La formation de l'empire russe. Etudes, notes et documents. Paris, 1953. P. 46ff.

хушка имела доступ к полковой казне, пополнявшейся за счет налогов с неказачьего населения и различных акцизных сборов. Она эксплуатировала труд беднейших или безземельных казаков, а нередко и нанимала их нести за хозяев воинскую службу.

По мере того как граница с крымскими татарами становилась спокойнее, казаки обращались к земледелию и разведению скота. Выращивание на продажу огородных, садовых и зерновых культур достигло такого развития, что Сечь, в 30-е гг. ввозившая зерно, к 70-м гг. XVIII в. превратилась в его экспортера.

Посполитые занимали совершенно иное положение. В известном смысле они являлись «подданными» казаков. Воинской службы они не несли, но были обременены тяжкими трудовыми повинностями, в первую очередь — транспортной (по суше и по водным путям). Их права на пользование «войсковыми землями» были ограничены, им не позволялось селиться отдельными хуторами, а только в деревнях и слободах. Но и внутри этой низшей группы населения существовали различия между «тяглыми», у которых было достаточно земли и скота, чтобы хозяйствовать самостоятельно, и «пешими», не имевшими ничего, кроме хаты. Еще ниже на социальной лестнице стояли «полусуседки», у которых даже и хаты своей не было, так что жили они на чужой земле.

По мере того как казачья старшина богатела и все больше заботилась о сохранении и приумножении своего состояния, она начинала отождествлять собственные интересы с интересами русского правительства и объединяться для подавления периодических бунтов казачьей бедноты. Обнищавшим казакам оставалось одно — идти в гайдамаки, т.е. в разбойничьи шайки, грабившие Польскую Украину и нападавшие на богатых казаков в запорожских землях.

И все же по сравнению с землями, находившимися под прямым русским правлением, мир запорожского казачества оставался вольным островом. Старшина еще не превратилась в закрытую наследственную касту, так что новый человек, если был предприимчив и удачлив, мог подняться наверх. Беглый крестьянин все еще мог найти прибежище в Сечи. Казачьи традиции воли и равенства были пока живы и воспевались в народных былинах и преданиях.

Донское казачество переживало подобную же эволюцию. В сущности, старшина на Дону была еще сильнее проникнута идеологией русского помещичества, чем в Запорожской Сечи. Близкое соседство с русскими землевладельцами, переводившими в свои новые поместья крепостных крестьян, побуждало казачью старшину

стремиться к таким же привилегиям. Степан Ефремов, сменивший отца на посту атамана Войска Донского в 1753 г., имел свыше пятисот крепостных. И на Дону мирные времена способствовали развитию сельского хозяйства и торговли, что вело к усиленному имущественному расслоению. Бунты и восстания донских казаков случались реже, чем в Запорожской Сечи, и с ними быстро справлялись. С 1754 г. русское правительство начало производить в высшие воинские звания имевших особые заслуги членов донской старшины и рассматривать казачьих должностных лиц как государственных служащих на жалованье. Многие из них получили русское дворянство, дослужившись положенных ступеней Табели о рангах, а это позволяло им покупать крепостных крестьян. В то же время статус рядового казачества понижался. Самых состоятельных приписывали к казачьему сословию, обязанному нести военную службу и свободному от подушного налога. Беднейшее казачество и прибывавших на Дон беглых крестьян больше не рассматривали как казаков, а писали в подушный оклад. Таким образом, Донское казачество шло по пути превращения в привилегированную военную элиту, всегда готовую прийти на службу власти в поддержании внутреннего порядка[26].

Самым бедным казачеством было Яицкое. Оно по-прежнему отдавало все силы охране российских рубежей от набегов степняков — киргиз-кайсаков, а земли Яицкого казачества не годились для обработки. Согласно реестрам, яицких казаков было около 4 тыс., но в случае призыва несовершеннолетних и пожилых казаков они могли выставить двенадцатитысячное войско. Кроме того, на Яицких землях имелось значительное число беглых казахов, калмыков и татар, которые сбивались в своего рода неформальные казачьи отряды, в значительной мере самостоятельные. Жизнь на Яике была дикой, а служба суровой[27].

Положение в Малороссии не устраивало Екатерину II. Ей не нравилась сохранявшаяся здесь беспорядочная мешанина пестрых осколков военного феодализма и иноземного владычества. Правда,

---

[26] Часть донских казаков в 1731 г. переселили на Волгу. Район их расселения с центром в Дубовке находился между Царицыном и Камышином. Численность служилых казаков колебалась от 33 354 человек в 1768 г. до 21 990 в 1781 г., повышаясь в военное время.

[27] См.: *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. Существовали также небольшие казачьи отряды в разных городах Сибири, но их статус был совершенно другим, так как они не имели «казачьих земель». Один отряд казаков стоял также на Тереке.

вступив на престол, она подтвердила привилегии тех украинских городов, включая Киев, которые пользовались магдебургским правом, и оставила Кирилла Разумовского гетманом. С переходом к новой политике императрица стала прислушиваться к советам высокопоставленных чиновников, в первую очередь — Г. Н. Теплова. Этот человек в течение четырнадцати лет был правой рукой гетмана Малороссии, а теперь занял пост секретаря императрицы.

В пространной записке, поданной Екатерине примерно в июне 1763 г., Теплов подытожил пагубные последствия слабости русского контроля над Малороссией в социальной, экономической и правовой областях. Он намекнул, что Разумовский пошел на поводу у казачьей старшины и не препятствовал передаче войсковых земель в частное наследственное владение. В результате богатые казаки откупались от воинской службы, а бедные, сделавшись крестьянами, платили копеечные налоги в казну и также получали свободу от службы. Судейские же попустительствовали этому, регистрируя фальшивые документы о продаже казачьих земель и допуская закрепощение бедных и безземельных казаков.

В экономической сфере Теплов отмечал упадок сельскохозяйственного производства из-за переходов крестьян с места на место. Свободное передвижение было ограничено в 1760 г., но богатые помещики все-таки располагали средствами приманивать крестьян к себе, обещая благоприятные условия жизни. Такой помещик ставил «где-нибудь на пустой земле своей большой деревянный крест» с табличкой. На ней значилось, сколько лет помещик не будет требовать с крестьян ни оброка, ни барщины. Крестьяне стекались туда толпами и селились вокруг креста. Когда истекал льготный срок, они вместе с семьями перебирались в другое место, подыскав новый «крест». В результате богатые помещики становились богаче, бедные помещики — беднее, а крестьяне бродили из поместья в поместье. Нигде они не оседали надолго, не платили государству налоги, превращались в пьяниц, бездельников и нищих и умирали с голоду на тучных землях Украины.

Не избежала критики Теплова и форма управления Малороссией. Он считал, что в принципе помещики не должны были вмешиваться в дела казачьих поселений, управляемых выборными сотниками и подчиненных полковникам. Но на практике казацкая старшина подстраивала «избрание» нужных сотников. Никакого размежевания земель между казаками, крестьянами, городами, деревнями, хуторами не существовало. Постоянно возникавшие земельные

споры разрешались силой, случались и убийства. А главное, Теплов категорически отрицал саму мысль о том, что Малороссия являлась отдельной страной, связанной с Россией лишь закрепленной в договорах династийной унией. Он утверждал, что Малороссия — исконная русская земля, подвластная Екатерине[28].

Екатерининская политика ясно показывает, что императрица не считала себя обязанной сохранять существующее территориальное деление Малороссии. Первая попытка переустройства малороссийских земель произошла в июне 1764 г. с учреждением новой губернии или провинции — Новороссии. В ее состав включили два уезда бывших сербских военных поселений — Новую Сербию и Славяносербию, а также часть Слободской Украины и земель малороссийских полков с сорокатысячным населением. Гетман, не извещенный заранее о передаче его территорий в Новороссийскую губернию, пожаловался в Сенат на то, что жители урезанных земель малороссийских полков отныне не смогут полностью платить положенные на них налоги[29].

Несомненно, Кирилл Разумовский понимал, на что нацелена политика императрицы, и осенью 1763 г. попытался использовать брожение в Малороссии, чтобы укрепить свои позиции. Во время общего собрания старшины, происходившего в Глухове 6 октября 1763 г., была составлена петиция на имя императрицы. В ней содержалась программа широкой малороссийской автономии. За поддержку этой программы Разумовский получил голоса части старшины в пользу своего предложения сделать гетманство наследственным в роде Разумовских[30]. Это был дерзкий ход, ведь в Малороссии не существовало традиций наследственной власти. Поэтому монолитной поддержки Разумовский все же не добился. Церковным иерархам идея не понравилась, как и большинству высших казачьих военачальников, а полковники и чины низшего ранга приняли сторону Разумовского, подписав прошение в его пользу. Прошение отпра-

---

[28] Текст записки Теплова см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 340 и далее; *Kohut Z.* Op. cit. P. 93ff, примеч. 53, 54, 56. Я согласна с предложенной этим автором датировкой.

[29] *Полонская-Василенко Н. Д.* Из истории южной Украины в XVIII в. Заселение Новороссийской губернии. (1764—1765) // ИЗ. [М.,] 1942. [Т.] 13. С. 130 и далее.

[30] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т. II. С. 387; *Васильчиков А. А.* Указ. соч. Т. I. С. 590; *Kohut Z.* Op. cit. P. 85ff.

вили в Санкт-Петербург[31], но оно не было официально вручено императрице. Однако она узнала о существовании документа, и это окончательно решило судьбу гетманства.

Тем временем принимались меры для уничтожения правовых различий в положении Малороссии и великорусских земель. Малороссы, жившие за пределами Украины, получили разрешение приписываться к купечеству и мещанству, если были связаны семейными узами с этими социальными группами. После этого они, конечно, подлежали и подушному обложению, и рекрутскому набору[32]. 10 декабря 1763 г. был издан указ, проясняющий ситуацию с крестьянскими переходами. Он подтверждал право малороссийского крестьянина переезжать с места на место, имея разрешение на отъезд от своего помещика. В преамбуле указа, отмеченной явным влиянием взглядов Г. Н. Теплова, говорилось, что закон издается, чтобы побудить крестьян к постоянному жительству на одном месте, так как их бесконечные перемещения причиняют вред экономике; далее выражалась надежда, что, уверившись в своем неотъемлемом и законном праве на переход, крестьяне более не пожелают бродить с места на место, нигде не оседая надолго и погружаясь в нищету[33].

Но главная проблема оставалась нерешенной: как убрать Кирилла Разумовского с гетманского поста? По чисто личным соображениям Екатерине трудно было это сделать. В ранние ее годы при дворе он был влюблен в будущую императрицу, затем выступал одним из лидеров заговора, возведшего ее на престол. Разумовский возглавлял учрежденную в 1763 г. Комиссию для пересмотра штатов армии, его имя стояло в списке кандидатов в Императорский совет в 1762—1763 гг. Он входил в Комиссию о вольности дворянства, был главнокомандующим казачьих войск. По слухам, ходившим среди иностранных дипломатов, Григорий Орлов требовал от Екатерины отставки Разумовского, чтобы самому возглавить казачество. Тем самым, как полагали наблюдатели, императрица, безусловно, обезопасила бы себя от казаков, поставив во главе их человека, совершенно преданного ее интересам и послушного ее приказам[34].

Обстановка постепенно накалялась. Разумовскому отказали от двора, Екатерина донимала его жену мелкими придирками. При

---

[31] *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 454; *Маркович Я.* Указ. соч. Т. II. С. 653.

[32] ПСЗ. Т. XVI. № 11911, 4 сентября 1763 г.; № 12143, 28 апреля 1764 г.

[33] ПСЗ. Т. XVI. № 11987.

[34] Письмо саксонского посланника графа Сакена к графу Флеммингу 21 сентября 1763 г. // *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 430, примеч. 1.

этом в стремлении ликвидировать гетманство императрица опиралась на поддержку высших правительственных сановников, которым едва ли нравились претензии Малороссии на автономию, принятая там форма правления или относительная свобода от налогов[35]. Наконец, во время личной беседы с Екатериной в феврале или в начале марта 1764 г. Разумовский был вынужден просить «о снятии с <него> столь тяжелой и опасной... должности»[36]. Затем ход дела приостановился из-за поездки императрицы в Эстляндию и Лифляндию и истории с Мировичем, вызвавшей при дворе сильный подъем антиукраинских настроений. А между тем, по рекомендации Коллегии иностранных дел, ведавшей Малороссией, было решено упразднить гетманство и заменить его особой коллегией под началом русского генерал-губернатора[37].

Вскоре, 10 ноября 1764 г., была образована Малороссийская коллегия. В нее входили четверо русских и четверо украинских представителей, а президентом стал генерал, граф П. А. Румянцев, получивший верховную военную и гражданскую власть на Украине и командование запорожским казачеством. Избрав для этого поста Румянцева, Екатерина II проявила немалую ловкость и дальновидность. Он был популярным и удачливым полководцем, прославился в Семилетнюю войну, а его матушка не прочь была намекнуть, что отец генерала — сам Петр Великий[38]. Румянцев с горечью воспринял свое замещение Петром Паниным на посту командующего русской армией в Восточной Пруссии, который он занимал еще во время екатерининского переворота. Там он проводил время в праздности и даже подумывал поступить на службу к пруссакам[39]. Екатерина вызвала его обратно в Россию письмом, типичным для ее обращения со своими сановниками:

---

[35] О консультациях Екатерины в этих кругах см. в ее записке к своему секретарю А. В. Олсуфьеву от 17 февраля 1764 г. // РА. 1863. Стб. 42 и далее; Там же. Стб. 184.

[36] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 343—344. Документ не датирован.

[37] По утверждению А. А. Васильчикова, на документах об упразднении гетманства Екатерина II своей рукой написала: «Хранить в тайне» (*Васильчиков А. А.* Указ. соч. Т. I. С. 596). Интересно было бы узнать, доступны ли сейчас эти документы.

[38] *Kohut Z.* Op. cit. P. 113; *Segur L.F., comte de.* Memoires ou Souvenirs et Anecdots. Paris. 1827. Vol. II. P. 252.

[39] PCFG. Bd. 22. S. 310, 375, примеч. 1. Отказ Румянцева вернуться в Россию имел отношение к некоей даме, жившей в Данциге.

...Я рассудила, что необходимо мне пришло с вами изъясниться и открыть вам мысли мои, которые, вижу, что совсем вам неизвестны. Вы судите меня по старинным поведениям, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думаете, что бывший ваш фавер [у Петра III. – *Авт.*] ныне вам в порок служить будет... Но позвольте сказать: вы мало меня знаете. Приезжайте сюда, если здоровье ваше вам то дозволит; вы приняты будете с тою отменностию, которую ваши отечеству заслуги и чин ваш требуют[40].

По возвращении в Россию Румянцев был назначен в Комиссию по переустройству штатов в армии, но больше ничего ему не поручили. Между тем в детстве он жил в Малороссии, любил ее народ, и, направив его туда, Екатерина доказала, что способна привлекать к себе на службу потенциальных противников из числа видных политических фигур, проявила твердое намерение не разбрасываться талантливыми сподвижниками, а к тому же сумела удалить Румянцева от двора с таким поручением, которое должно было его или погубить, или прославить[41].

Данные Румянцеву указания в точности следовали записке Теплова. В них императрица осуждала невероятную путаницу в военном и гражданском управлении Малороссии, бесконечные проволочки и несправедливости в судах, самовольное превращение временных привилегий старшины в постоянные, вредные последствия крестьянских переходов, неистребимую леность населения, его ненависть к России. Всем было известно, как богата Малороссия от природы. Но было известно и то, что, в особенности при последнем гетмане, Россия не получала оттуда никаких доходов. Наоборот, она тратила на Малороссию около 48 тыс. руб. в год. Румянцеву было велено провести учет населения и ресурсов страны, изготовить точные карты. А поскольку правительство не могло рассчитывать на фиксированные поступления в казну до тех пор, пока крестьяне бродят с места на место, Румянцеву следовало всячески стараться «привесть к тому, чтоб оные переходы вовсе пресечены были». Екатерина выражала надежду на то, что и помещиков и крестьян удастся убедить во вреде свободных переходов. Она писала, что подобные неустройства, разумеется, не шли на пользу помещикам. Но при этом и крестьяне,

питаясь в сем случае одною только вольности мечтою, не понимают, что полагаемые в земледелии труды их не токмо для них и их потом-

[40] СбРИО. Т. VII. С. 102—103, примеч. Недатированная записка.

[41] *Kohut Z.* Op. cit. P. 113—114.

ков на непременных селениях несравненно полезнее, но, и укоренясь на оных, вольности своей чрез то не лишатся, по примеру крестьян многих европейских государств, где они хотя некрепостные и некабальные, живут однако ж и остаются для собственной своей выгоды всегда на одних местах...[42]

Этот пункт секретной инструкции Румянцеву проясняет многое во взглядах Екатерины II на крепостное право. Если подойти к указу и инструкции поверхностно, то может показаться, что, ограничивая свободу передвижения крестьян, императрица прежде всего заботилась о развитии экономики, о росте государственных доходов от налогообложения. Но вместе с тем и в указе, и в инструкции можно усмотреть готовность правительства и Екатерины под давлением дворянства и в его интересах распространить крепостное право на Малороссию - - ведь и в самой России крепостное право пришло вслед за ограничением крестьянских переходов. Однако анализ мотивов в этом случае не позволяет прийти к определенному выводу, так как необходимо принимать во внимание слишком много не поддающихся учету факторов. Пожалуй, стоит подчеркнуть, что если указ 1763 г. был обнародован, то инструкция Румянцеву, в которой Екатерина упоминала о принятом в Европе прикреплении к месту жительства без потери личной свободы, оставалась секретной, а потому, возможно, была ближе к ее личной точке зрения[43]. Императрица хорошо понимала разницу между зависимостью от конкретного лица и зависимостью от земли и считала последнюю менее тягостной. Поэтому более чем вероятно, что в то время ради пополнения казны и развития экономики императрице было важно не столько лично закрепостить малороссийских крестьян, сколько наладить получение доходов от их труда на земле.

Румянцеву было также приказано проявлять особую чуткость в отношении церковных дел. Секуляризация церковных земель не коснулась Украины[44], и Екатерина особо предупреждала Румянцева о необходимости пресекать попытки церкви вмешиваться в светские дела. Она указывала, что кандидаты на церковные посты, воспитанные в польских и украинских семинариях «по развратным правилам римского духовенства, заражаются многими ненасытного властолюбия началами, которого вредными следствиями наполнены прошед-

[42] СбРИО. Т. VII. С. 376 и далее.

[43] Инструкция П. А. Румянцеву была составлена секретарем Екатерины II, А. В. Олсуфьевым, по ее указаниям. См.: РА. 1863. Стб. 189.

[44] См. ниже, гл. 7.

ших времен истории европейские». Поэтому генерал-губернатору предстояло узнать, каковы влиятельность, богатство и возможности церкви, и выдвигать на важные посты церковной иерархии благонамеренных кандидатов. В его обязанности входил также надзор за судами, развитие промышленности, строительство дорог. Наконец, напоминала императрица, ему следовало обращать особенное внимание на деликатную политическую проблему искоренения малороссийской нелюбви к России, которую старшина подогревала в простом народе для сохранения своей собственной беззаконной власти. Румянцеву надлежало незаметно присматривать за старшиной и, придерживаясь справедливого, беспристрастного и мягкого поведения, добиться того, чтобы недовольный народ оценил преимущества избавления «от мучивших его вдруг многих маленьких тиранов».

Гетман Разумовский получил поистине царское «отступное». Он сохранил годовое жалованье в 50 тыс. руб., а сверх того ему прибавили 10 тыс. руб. в год из малороссийских налогов. Ему достался в собственность город Гадяч, еще несколько владений, дворец в Батурине. В 1765 г. Разумовский уехал за границу, но вернулся в Россию уже в 1767 г. Конфликт из-за гетманства не оставил никакого осадка в его отношениях с Екатериной, а казачья старшина приняла отмену гетманства безо всякого ропота.

Отмена гетманства являлась, в сущности, политическим шагом. Она была нацелена на сокрушение территориального и психологического сепаратизма Малороссии. Для этого здесь насаждалась российская власть и российские административные институты — пусть пока они лишь частью наложились на местную систему управления. Этими процессами была охвачена не только Малороссия, но и другие земли, вошедшие в состав Украины в результате их заселения казачеством или принадлежавшие ей по традиции, такие как Слободская Украина и Новороссия. Русские власти взяли в свои руки право реформировать систему управления и административное разделение украинских земель между этими тремя частями. Таким образом, была подготовлена почва для последующего распределения украинских территорий по губерниям — непосредственным составным частям Российского государства. Однако не следует упускать из виду и чисто военные аспекты реформы. Южная граница России укреплялась благодаря росту числа поселенцев, гражданских и военных, а ее обороноспособность возрастала в результате формирования постоянных казачьих пикинерных и кавалерийских полков с организацией командования по русскому образцу.

Часть II

СОСЛОВИЯ

Глава 5

Дворянство

Зависимость в той или иной форме пронизывала буквально все слои русского общества: каждый человек был обязан служить какому-либо лицу или государству. Он был привязан к определенному сообществу, выйти из которого мог лишь с разрешения соответствующих властей, а система коллективной ответственности — круговая порука — приковывала его к другим членам группы. Основной связью между этими формами зависимости служила необходимость удовлетворения финансовых и военных нужд государства, справиться с которыми нельзя было иначе из-за примитивности административного аппарата, недостаточно развитой экономики и преобладающего в стране политического климата. Поэтому в российском обществе всякая активность зависела не от свободной личной инициативы, а от разрешения властей. Каждый член общества был приписан к одной из правовых категорий — сословий, или состояний, мог заниматься только дозволенной его сословию деятельностью и пользоваться лишь положенными по статусу привилегиями. Таким образом, для российского общества того времени, как ни для какого другого, было справедливо утверждение: запрещено все, что специально не разрешено властями, а дозволено лишь то, что ими разрешено. Кроме того, в этом обществе физическое перемещение, как и социальное продвижение из сословия в сословие, встречало препятствия на каждом шагу. Запрет свободного физического перемещения не касался только одного из сословий — дворянства[1].

Петровские реформы, поставившие общественное устройство на прочную законодательную основу, упорядочили и упростили

---

[1] Говоря по-немецки или по-французски, русские дворяне присоединяли к фамилии частицу «фон» или «де» — в подражание немецкому и французскому дворянству. По-русски территориальная принадлежность и родовые связи передавались при помощи окончаний *-ов* или *-ский*.

старомосковскую социальную структуру, сделали ее более жесткой. Петр I ввел практику возведения в графское и баронское достоинство, причем эти титулы, по старомосковскому обычаю, переходили ко всем потомкам их первых обладателей. В 1700 г. царь основал первый русский орден — святого Андрея Первозванного[2]. Окончательно система дворянской иерархии сложилась с введением Табели о рангах в 1722 г. Эта система предусматривала четырнадцать ступеней, или классов (исходно соответствовавших реальным функциям служащих), для офицеров армии и флота с параллельной лестницей придворных и гражданских чинов. Военный-недворянин получал потомственное дворянство по достижении четырнадцатого класса (и мог передать его детям, но только рожденным после этого), а гражданский служащий — начиная с восьмого класса. Но социальный статус, приобретенный по Табели о рангах, ценился ниже, чем статус по праву рождения. Дворянин и без всякого чина все равно был дворянином со всеми сопутствующими этой сословной принадлежности привилегиями. С другой стороны, практика автоматического вступления в дворянское сословие снижала ценность природного дворянства. Теперь порядок старшинства на официальных церемониях и церковных службах определялся по чинам и с легкостью распространялся из общественной сферы в частную жизнь. Так, средний российский дворянин привык считать, что его статус зависит прежде всего от служебного чина, а не от места в обществе, занимаемого им по праву рождения. Оскорбление воспринималось не как личная обида, а как ущерб публичному рангу, чину. В представлениях дворянства личная честь и стандарты приватного

---

[2] Русские «принцы» — князья — были потомками Рюрика, литовского князя Гедимина или татарских князей. Русские цари не могли жаловать своих подданных княжескими титулами. В XVIII в. эти титулы можно было получить от императора Священной Римской империи. Но обладатели последних становились не русскими князьями, а князьями Священной Римской империи. В период до воцарения Павла I в 1796 г. в России отмечен единственный случай возведения в княжеское достоинство (Петр I даровал его Александру Меншикову). Все прочие князья были, как уже сказано, имперскими. Зато графским титулом жаловали нередко, и, кроме того, в Лифляндии позаимствовали менее почетный баронский титул. Титулы сопровождались почтительной формой обращения, скопированной с немецких образцов. В России не существовало титула, соответствующего рыцарскому, как и рыцарских орденов, а следовательно, не было и почетного обозначения для благородного всадника. Слово «кавалер» пришло из Европы. Использование гербов, которые проникли в Россию из Польши и Украины в XVII в., также было упорядочено при Петре I.

поведения были не так важны, как положение человека на чиновной лестнице. И все же в рамках оформившегося при Петре I дворянского сословия сохранялись два различных и, по сути дела, несовместимых понятия знатности. Природный дворянин нередко сражался бок о бок с дворянином, выслужившимся из другого сословия.

Согласно Табели о рангах, куда в последующие царствования вносились некоторые изменения, для всех чинов устанавливались определенные внешние привилегии, не связанные с потомственным социальным статусом. Здесь были тщательно расписаны положенные по чину количество лошадей, вид экипажа, ливреи для слуг. Так, при Елизавете Петровне ношение кружев разрешалось только первым пяти классам, а тем, кто не имел чина, вообще не позволялось одеваться в бархат. Встав в церкви на неположенное по чину место, можно было заработать штраф в размере двухмесячного жалованья.

Жизнь дворянина регулировалась с самого нежного возраста. Обновленные правила 1736 г. гласили, что все дворянские сыновья с семилетнего (впоследствии — с двенадцатилетнего) возраста должны были представляться местному губернатору в провинции или в соответствующие инстанции в Петербурге и Москве. В шестнадцать лет они проходили проверку на грамотность (причем непрошедшим грозила служба простыми солдатами или еще хуже — простыми матросами) и, наконец, в двадцать лет распределялись на службу. Но фактически столь жесткая система смотров была обречена на неудачу. Несмотря на крупные штрафы, повсюду процветало уклонение от службы. При Елизавете богатые и влиятельные дворяне начали записывать сыновей рядовыми в гвардейские полки еще в младенчестве, что обеспечивало им продвижение по выслуге лет. Так, будущий фельдмаршал Румянцев был включен в службу шести лет от роду.

Дворянское сословие не составляло однородного класса. В середине XVIII в. оно насчитывало примерно 50 тыс. взрослых мужчин, причем размеры состояния дворян колебались в очень широких пределах. Оценка состояния дворян по обычному критерию — числу крепостных душ — показывает следующую картину на 1762 г.:

Число крепостных	Процент помещиков
Менее 20	51
21—100	31
101 - 500	15
501—1000	2
Свыше 1000	1

Как свидетельствует таблица, в середине столетия 82% дворян не владели и сотней крепостных душ[3].

Размер реальных доходов, получаемых дворянами с имений, также существенно различался. В 70-х гг. он оценивался в 2,5 руб. с каждой души мужского пола, а следовательно, денежный доход 62% дворянства не превышал ста рублей в год. Подавляющее большинство дворян жило в бедности и даже в крайней нужде. У многих дворян Новгородской губернии почти не было крепостных, и они сами пахали землю[4]. Крепостные крестьяне нередко жили под одной крышей с хозяевами, а земля едва позволяла им прокормиться общими усилиями. Имения с числом крепостных ниже 20 не включались в рекрутский набор. В Тверской губернии существовали целые деревни, в которых дворяне, совсем не имея крепостных, собственноручно обрабатывали землю[5]. Понятно, что было мало общего между этим дворянством и крупными вельможами, такими как Шереметевы, Шуваловы, Разумовские, Воронцовы. Эти семьи — хозяева тысяч крепостных тратили целые состояния на доступные в то время предметы роскоши. Они покупали или заказывали гобелены, фарфор, зеркала, картины, ковры для украшения дворцов и загородных домов в имениях, чаще всего пожалованных государями самим владельцам или их ближайшим предкам. На кареты, а особенно на драгоценности и наряды, как женские, так и мужские, уходили баснословные суммы[6]. Напротив, провинциальное дворянство селилось малыми «гнездами», владея частью домов в деревне, поделенной между ними на мелкие доли. Считая, что каменные дома вредны для здоровья, они жили в деревянных хижинах с двумя низкими темными комнатами. Стены и потолки были лишены всяких украшений, кроме неизменных икон. Мебель состояла из деревянных скамей и столов, иногда еще из пары стульев. На стол подавались не деликатесы, приготовленные поварами-французами, а

---

[3] *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 154. В. И. Семевский на основании других цифр показывает, что в 1777 г. у 32% дворян было меньше десяти душ (см.: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 31).

[4] Сведения об этом приведены в работе: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938. С. 26.

[5] *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII в. Киев, 1912. С. 64.

[6] См.: *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.

выращенное на собственной земле и добытое на охоте и рыбалке (это были одни из основных занятий мелкопоместного дворянства). Главным развлечением служила медвежья травля, комнатные игры и земельные тяжбы с соседями[7].

Естественно, что столь различные социальные группы внутри дворянства имели и несходные представления о сословных интересах. С тех пор как Петр I ввел принцип обязательной государственной службы, центральной проблемой в жизни дворянина стало образование. В России образованию придавали чрезвычайную важность как необходимому компоненту дворянского состояния. Ведь осознание роли и долга дворянина перед обществом здесь пришлось на то время, когда Просвещение выдвинуло образование на первый план, видя в нем ключ к прогрессу человечества. Дворянство в этой ситуации вело себя по-разному. В консервативных кругах были весьма недовольны тем, что Табель о рангах требовала непременного обучения юных помещичьих отпрысков, обычно бивших баклуши в деревне. В лучшем случае они учились кое-как разбирать буквы, если поблизости была приходская школа с полуграмотным попом. С другой стороны, у беднейших дворян, неспособных оплачивать частных учителей (эта порода изобиловала в России и была представлена отставными унтер-офицерами, французами-мошенниками — цирюльниками и лакеями и тому подобной публикой), было очень мало возможностей получить образование[8]. К середине XVIII в. провинциальное дворянство оставалось большей частью неграмотным[9]. Поэтому ощущалась острая потреб-

---

[7] Весьма живое описание придворной жизни XVIII в. см.: *Marsden Ch.* Palmyra of the North. London, 1943. Провинциальное общество описано в работе: *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889; см. также: Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793. Л., 1931. Т. I—III. За ношение старомосковского платья еще в 1748 г. в Белгороде собрали 50 тыс. руб. штрафа (см.: *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч. С. 543, примеч. 38).

[8] В 1757 г. была предпринята попытка упорядочить наем учителей-иностранцев и наладить проверку их квалификации. Ср.: ПСЗ. Т. XV. № 10724, 5 мая 1757 г.

[9] См.: *Бочкарев В.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 г. // РС. 1915. № 1. С. 64—72. В работе приведен процент грамотных среди дворян, подписавших наказы комиссии 1767 г. Согласно этим данным, больше всего неграмотных насчитывалось в Оренбургской губернии (60%), затем шли Архангельская губерния (28,09%), Москва (17,88%), Смоленск (9,22%), Малороссия (5,99%), Санкт-Петербург (4,88%). В Киеве и Прибалтике неграмотных дворян не было.

ность в государственной системе образования, способной подготовить дворянина к предназначенной ему службе.

Уже существовавшие учебные заведения — Кадетский корпус и Московский университет, основанные соответственно в 1731 и 1755 гг., были малодоступны для бедного провинциального дворянства. Впрочем, Кадетский корпус играл очень важную роль в развитии дворянского самосознания на основе европейских представлений о социальной роли благородного сословия. Корпус давал учащимся не только военную подготовку, как можно было бы предположить по его названию, но и в значительной мере гуманитарную. Цель его заключалась не просто в обучении необходимым навыкам, но в формировании характера, развитии у учащихся черт лидера. Там старались насадить дворянские нормы поведения по принципу «noblesse oblige [положение обязывает. — *фр.*]» и внушали кадетам, что только природный дворянин способен всесторонне оценивать любую проблему и ситуацию, в то время как простолюдины, движимые повседневными нуждами, способны преследовать лишь свои насущные интересы. Поэтому только дворянин обладает правом на власть, но при этом его долг — самосовершенствоваться и вести общество вперед, будучи самым передовым его представителем. К 1759 г. в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге издавался собственный журнал «Праздное время», а библиотека была хорошо укомплектована иностранными изданиями. Такое же мировоззрение прививали во второй столице студентам Московского университета[10].

Конечно, прямым способом осуществления этих идеалов на практике — для тех, кто их разделял, — была государственная служба. Но и в глазах их многочисленных противников государственная служба все-таки представляла собой единственный способ повысить скудные доходы (кроме дворян, слишком бедных даже для того, чтобы поступить на службу). Обязательная, принудительная служба и необходимое для нее образование казались им гнетом, сносить который не подобало дворянину. В этом смысле взгляды низшего слоя дворянства совпадали с мнением богатых магнатов и вельмож, желавших повышения престижа, расширения привилегий и усиления власти благородного сословия в целом как гарантии от произвола и капризов правителей. Высшая знать и придворные вельможи меньше страдали от принудительной службы (разве что ущем-

[10] См.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда 1750—1760-х гг. М.; Л., 1936. С. 17.

лялось их личное достоинство), так как официальные придворные и правительственные должности щедро вознаграждались жалованьем, земельными наделами, возможностью обогащаться за государственный счет. Но они стремились утвердить принцип личной свободы, добиться защиты от ареста без должных оснований и законного суда и следствия, от пыток и телесных наказаний, получить право путешествовать, где захочется.

К середине XVIII столетия в дворянстве окрепло желание ограничить доступ в благородное сословие. Для этого требовалось урезать возможности социального восхождения, предусмотренные Табелью о рангах. Дворянство приобреталось формальным автоматическим путем, по мере роста чинов, вместо того чтобы исходить от монарха как личное пожалование за особые заслуги. Тем самым, с точки зрения сторонников аристократических взглядов, дворянское состояние обесценивалось. В действительности среди высших сановников было очень мало выходцев из недворянских сословий. В 1755 г. из 145 обладателей пяти высших чинов Табели о рангах таких было только 18 человек. Но с шестого по восьмой класс включительно недворян по происхождению насчитывалось уже 130 из 562, а в девятом—четырнадцатом классах 881 из 1344 чиновников имели личное дворянство. В тот же период 83,38% офицерского корпуса составляли потомственные дворяне, а 16,62% выслужились из рядовых, в основном из солдатских детей. Сравнение со статусом французского, шведского или польского дворянства побуждало русских дворян желать таких же привилегий. Путешествовавший в Польше в начале 60-х гг. юный Александр Воронцов «не желал бы ничего более разумного и счастливого для себя и своей страны, чем положение такого же вельможи, как в Польше, с теми же правами и привилегиями»[11].

Среди указов Петра III, которые Екатерине II предстояло подтвердить или отменить, был и Манифест о вольности дворянства, даровавший благородному сословию освобождение от обязательной службы. Судя по документам, отражающим личные взгляды императрицы на этот манифест, в существующей форме он ее не устраивал. Возможно, она опасалась, как бы манифест не привел к оттоку со службы квалифицированных кадров именно тогда, когда она расширяла численность бюрократического аппарата. Императрица

---

[11] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974. С. 215–222; *Czartoryski A.* Memoirs. London, 1888. Vol. I. P. 301

могла быть недовольна и тем, что с появлением этого манифеста разрывалась прямая зависимость между успешной государственной службой и получением законных привилегий. Целый ряд личных записок Екатерины за 60-е гг. показывает, как тщательно она изучала положение разнообразных категорий дворянства всей Европы. В результате императрица заключила, что дворянство есть статус, даруемый человеку главой государства в награду за службу[12].

Итак, Екатерина II не утвердила Манифест о вольности дворянства немедленно по вступлении на престол, и это вызвало ропот в столице. Некоторые дворяне, как проницательно заметил французский посол, предпочитали, чтобы она вообще не утверждала этот документ, поскольку подобный шаг означал бы, что их свободы и права фактически зависят от императорской милости[13]. Однако ропот не умолкал и наконец заставил Екатерину действовать[14]. 11 февраля 1763 г. она учредила Комиссию о вольности дворянства из тех самых лиц, которые должны были войти в несостоявшийся Императорский совет[15].

Круг полномочий Комиссии о вольности дворянства был типичен для начала царствования Екатерины с ее осторожным подходом к важным проблемам. С одной стороны, создание комиссии подразумевало, что манифест Петра III не поставил права дворянства на достаточно прочную основу. Именно об этом императрица как будто хотела сказать, открывая первое заседание комиссии[16]. С другой стороны, перед комиссией стояла задача законодательного воплощения идеи Екатерины о единстве дворянского статуса и службы. Возобновив обсуждение самой сути манифеста, Екатерина получила возможность отложить его утверждение и добиться того, чтобы новые проекты этого документа все-таки обеспечивали потребность государства в служащих.

До нас не дошло никаких сведений о работе комиссии, но сохранились наброски двух представленных в нее предложений, ис-

---

[12] См. выше, гл. 2., с. 84; *Jones R.E.* The Emancipation of Russian Nobility. 1762—1785. Princeton, 1973. P. 94—95, 108ff.

[13] Бретейль — Шуазель-Праслену, 17/28 октября 1762 г. // *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. II. С. 242, примеч. 2; с. 621.

[14] ПСЗ. Т. XVI. № 11751; см.: СбРИО. Т. VII. С. 233 (недатированная записка Екатерины II к Н. И. Панину); *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 243.

[15] См. гл. 2.

[16] СбРИО. Т. VII. С. 232—233.

ходивших от А. П. Бестужева-Рюмина и М. И. Воронцова. 20 февраля 1763 г. со своим проектом выступил Бестужев-Рюмин. Именно благодаря комментариям к его плану мы можем познакомиться с мнением Н. И. Панина о статусе дворянства. Оба они придавали решающую роль тройственной связи между карьерой (включая достижение дворянства), службой и владением землей с крестьянами. Бестужев-Рюмин предлагал отказаться от автоматического получения дворянства по Табели о рангах, заменив его монаршим пожалованием. Только прошедшим государственную службу дворянам следовало разрешать приобретение земель с крестьянами (правда, неясно, что он думал о наследовании поместий). Автор проекта полагал, что чиновники и офицеры-недворяне, которые будут достигать высших чинов без причисления к благородному сословию, смогут пользоваться денежным содержанием и всеми положенными по чину привилегиями, кроме права на владение землей. Подобная политика вполне могла бы привести к формированию недворянского сословия профессиональных чиновников. В то же время дворянство сплачивалось бы в замкнутую касту помещиков-крепостников, располагающих полной властью над своими крестьянами, занимающих ведущие посты в провинциальной администрации и образующих корпоративные группы местного уровня[17].

Н. И. Панин подходил к соотношению между знатностью, службой и владением крестьянами совершенно иначе. Отмечая, что сам Петр I поставил гражданскую службу ниже военной, он предлагал сохранить дворянство за теми, кто достиг его на действительной военной службе или дошел до восьмого класса на гражданской службе. На будущее же он считал целесообразным разорвать связь между дворянским статусом и правами на покупку земель с крестьянами, как и на прочие юридические и экономические привилегии дворянства. Впредь следовало поставить их в зависимость только от служебного чина, невзирая на принадлежность к дворянскому сословию. Недворянам же начиная с седьмого класса можно было позволить обращаться к монарху с просьбами о возведении в потомственное дворянство[18].

---

[17] *Куломзин А. Н.* Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства. СПб., 1885. Вып. II. С. 26—34.

[18] Там же. С. 36—73.

Суть идеи, содержащейся в заметках Панина, заключалась в следующем: всех надлежит поощрять к службе, а наградой за нее пусть будет право приобретать земли с крестьянами по достижении определенной ступени в Табели о рангах. Это право принадлежало бы как дворянам, так и недворянам и не связывалось с возведением в дворянское достоинство по воле государя. Автоматическое присвоение дворянства следовало отменить. Панин подкреплял свое предложение тем доводом, что до сих пор государство не видело связи между службой дворян и потребностями экономики страны. Запрещая неслужилым дворянам приобретать заселенные земли и разрешая это служилым недворянам, он решал сразу несколько задач. В результате бурный рост численности дворянства должен был прекратиться. Оно осталось бы относительно замкнутой кастой с высоким статусом и престижем благодаря тому, что грамоты на дворянство исходили бы только от самих монархов. Одновременно дворяне приобретали стимул к службе, так как это был единственный путь к законному получению населенных поместий. С другой стороны, и недворян привлекла бы на службу перспектива стать владельцами земель с крестьянами. Раньше именно в этом и состояла главная выгода от получения дворянства. В рассуждениях Панина заметно стремление приблизить российскую социальную структуру к традициям некрепостнической Европы, где владение землей не являлось монополией определенного класса. Таким образом, в отличие от Бестужева, Панин готов был заставить дворянство поделиться с недворянами своей исключительной привилегией — владением крепостными. Политика Панина могла бы привести к созданию двух параллелей продвижения по государственной службе — военной (в основном дворянской) и гражданской, на которой дворянство достигалось бы лишь на самом верху. Эта система могла бы породить гораздо более свободную и гибкую социальную структуру. Она явно отражала взгляды человека, знакомого с европейским дворянством на практике, а не понаслышке[19].

5 марта 1763 г. Комиссия о вольности дворянства рассмотрела составленные канцлером Воронцовым «Пункты для обсуждения

[19] См.: *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // AHR. 1970. Vol. LXV. № 5. P. 1293—1294. В этой работе упомянуто, что Сенат в апреле 1762 г. намеревался сделать гражданскую службу профессиональной и повысить статус гражданской администрации. Возможно, Панин разделял эти взгляды.

вольности дворянства». М. И. Воронцов не отвергал необходимости службы, но считал, что следует ограничить ее сроки. Он также предлагал учредить особые привилегии для старинного дворянства в отличие от нового, в первую очередь — для титулованной знати, «как делается в других странах». Он предложил ввести для отставных чинов первого класса Табели о рангах исключительные почести — особые резиденции, почетный караул, отдание чести, а чинам, например, третьего, четвертого и пятого классов — почести поскромнее. Интересно, что он предлагал, по примеру других стран, а именно — Франции, прикрепить титулы к поместьям, которые таким образом превратились бы в княжества, графства, баронства, господарства. В княжестве полагалось бы четыре-пять тысяч душ, в графстве от двух до трех. Титул поместья присоединялся бы к родовому имени, а само поместье следовало защитить от дробления при наследовании[20].

В проекте Воронцова затрагивались гораздо более широкие вопросы, чем входившие в компетенцию комиссии (в частности, проблема определения дворянского статуса). Отмена обязательной службы неизбежно ставила вопрос о том, как определять общественный ранг. Каков теперь будет социальный статус человека, никогда не служившего? По мнению Воронцова, так как Табель о рангах была неприменима к неслужилым дворянам, старшинство в обществе следовало определять по происхождению и титулу. Для России это было революционное предложение, ведь в случае его принятия была бы разорвана мертвая хватка Табели о рангах, что могло привести к появлению истинной аристократии, независимой от монарха. Однако, что весьма характерно, комиссия вообще отказалась рассматривать поставленную Воронцовым проблему — на том основании, что она находится вне ее компетенции, ограниченной необходимостью исправить манифест Петра III о вольности дворянства. Что же касалось досадного вопроса, кого теперь считать дворянином, комиссия решила держаться принципа Петра Великого. Когда Военная коллегия запросила у императора Петра I указаний, считать ли конкретного человека дворянином по имущественному принципу (обладание ста дворами или больше) или согласно чину по Табели о рангах, тот ответил коротко: «Знатное дворянство по годности считать»[21].

---

[20] АКВ. Т. XXIV. С. 518—519. Документ не датирован. Воронцов так передает по-русски французский термин «eriger une terre»: «знатныя вотчины дворян эрижировать или в достоинства возвести...».

[21] СбРИО. Т. VII. С. 238.

В докладе, наконец представленном комиссией императрице 18 марта 1763 г., все же заметно стремление создать две самостоятельные социальные иерархии, отделить социальный статус от чина в системе государственной службы. Это повлекло бы за собой известное ограничение государственной власти над обществом, так как государство становилось уже не единственным распорядителем чинов и состояний.

Кроме того, доклад комиссии много говорит нам о самовосприятии русского дворянства и демонстрирует глубокую разницу между ним и дворянством других европейских стран. Прежде всего, принудительная служба, введенная Петром Великим, признавалась во времена Екатерины необходимой лишь для отсталых и невежественных дворян петровского времени. Теперь, по мнению комиссии, дворянство осознало, что оно вправе требовать свободы от обязательной службы, так как стало гораздо образованнее — не хуже иноземных собратьев. Ключевая фраза документа гласила, что для дворян следует установить такие права, которые позволят сочетать их вольности с ревностной государственной службой (гражданской и военной). Стремление служить будет подогреваться не чем иным, как «честолюбием», насаждаемым просвещением, так что государству и не понадобится ограничивать дворянские вольности[22].

Мысль о важности просвещения, содержащаяся в преамбуле к документу, отражает, скорее, петровские идеалы, чем европейское представление об аристократической чести. При этом комиссия учитывала также опыт лифляндского и, в некоторой степени, шведского и датского дворянства. Отличная подготовка к службе, якобы доступная в этих странах дворянским отпрыскам, была здесь подробно описана. Далее в документе излагались наряду с возможными выгодами те принципы, которые следовало бы извлечь из европейского опыта.

Но все же, несмотря на приверженность иноземным образцам, комиссия ни разу не обосновала в преамбуле требование вольности концепцией родовой дворянской чести. Зависимость дворянства от признания его заслуг короной принималась безоговорочно. Тем самым русское дворянство противопоставлялось западноевропейскому, наделенному «честолюбием» по праву рождения, а не в ре-

---

[22] Оригинальный текст документа с пометками Екатерины II на полях см.: *Куломзин А. Н.* Указ. соч. С. 38 и далее; исправленный вариант: СбРИО. Т. VII. С. 238 и далее.

зультате полученного образования и служившего лишь по собственному выбору — ведь нередко европейский дворянин считал себя высокороднее своего монарха и обладал правами, не вчера пожалованными, а гораздо более древними. Комиссия подошла к проблеме персональных привилегий прагматически и утилитарно, признав, что дворянству полагается свобода от службы не по праву рождения, но в силу того, что «воспитание дворянства российского... доведено уже до такой степени, что не токмо никакой нужды не видится принуждение делать к службе... но мест недостанет, куда их помещать...»[23].

Комиссия не взялась решать фундаментальную проблему природы дворянства и его соотношения с государством, но все же попыталась утвердить потомственные права в противовес выслуженным правам по чину и тем самым разделить три элемента, неразрывно соединенные Петром I: знатность, службу, Табель о рангах. В статье 1 составленного комиссией законопроекта русское дворянство определялось как сословие, включающее всех тех, кто происходил от дворян или был возведен в дворянство монархом, получив грамоты и гербы. В статье 2, а особенно в «изъяснении» к ней, была сделана попытка отделить социальный статус от служебного чина. Здесь говорилось, что пункты 11 и 15 Табели о рангах предписывали рассматривать офицеров-недворян как ровню потомственным дворянам. По мнению комиссии, «...сие только касается до почтения их в чинах, а в праве дворянском они участия иметь не могут...». Комиссия так полагала потому, что недворянина мог произвести в офицерский чин целый ряд инстанций (Сенат, коллегии, военачальники), в то время как получить дворянство можно было только лично от коронованной особы. Это значит, что Комиссия о вольности дворянства разделяла взгляды Бестужева, Воронцова и Панина: выслужившиеся офицеры-недворяне должны довольствоваться полученным чином и жалованьем. Однако сверх того следовало гарантировать им право просить государя о возведении в дворянство, чтобы не остывало их служебное рвение.

---

[23] Бросается в глаза сходство между отношением комиссии к освобождению от службы и дворянскими взглядами на отмену крепостного права. Несвобода дворянства оправдывалась его прежней необразованностью и косностью, а освобождение от службы — его теперешней просвещенностью. Рабство крепостных обосновывалось их невежеством, темнотой. Когда их тоже «просветят», тогда, возможно, и они станут достойны свободы.

Но если статья 2 ставила потомственное положение в обществе выше служебного чина, то в статье 3 прочно утверждалась традиционная картина: «Дворянин, не имеющий никакого чина, в классах состоящего, по одному только званию дворянства должен и самому последнему статскому служителю обер-офицерского чина, который служит или служил, уступать место». В «изъяснении» говорилось, что эта статья должна подтолкнуть дворян к службе, более того — «служащий перед неслужащим должен по справедливости преимущество в почестях иметь»[24].

Таким образом, комиссия замяла вопрос с установлением приоритета в обществе в зависимости от титулов (как предлагал Михаил Воронцов). Следовательно, ее рекомендации означали отделение социального статуса, который она решила считать основанным на чине по Табели о рангах, от дворянских прав, получаемых лишь по личному пожалованию монарха. О каких же правах шла речь? Как сказано в рекомендациях комиссии, это было, во-первых и в-главных, исключительное право владеть поместьями с крепостными (статья 2). Остальные права, которые дворянство считало своими законными, были такие: право выезжать за границу (как ядовито заметила на полях Екатерина, нигде дворянин не подготовится к службе лучше, чем слоняясь по парижским театрам и домам терпимости), вступать там на службу или оставаться насовсем; привилегии перед законом — запрет брать дворянина под арест до суда и назначать ему телесные наказания, разрешение конфисковывать дворянское имущество только за долги; право учреждать майораты[25]. Тем самым дворянство претендовало на исключительное положение и на ограничение доступа в свои ряды. При этом оно отказывалось от безоговорочного первенства в обществе взамен на узко понимаемые личные льготы, правовые, а главное — экономические, привилегии.

Комиссия представила свой доклад императрице в надежде, что некоторые его положения войдут в устав о правах дворянства. Другие пункты, носившие, скорее, временный характер, можно было внести в существующий воинский устав и в новый гражданский кодекс, который еще предстояло разработать. Екатерина продержала доклад у себя до 11 октября 1763 г. и вернула его в комиссию с

---

[24] *Куломзин А. Н.* Указ. соч. С. 48.

[25] Статья 19 (с длинным пояснением, восходящим к законам римского императора Августа).

предложением начать подготовку соответствующих законов и манифеста. Но теперь комиссия проявила полную безынициативность, ответив двору, что не сможет двигаться вперед, пока не узнает, с какими положениями, включенными в проект, императрица согласна, а какие отвергает. Члены комиссии заявили, что все пункты их программы неразрывно связаны друг с другом, и если бы императрица впоследствии решила внести изменения, вся работа пошла бы насмарку. Неудивительно, что в такой ситуации Екатерина II чувствовала себя достаточно сильной, чтобы спокойно встретить недовольство дворянства, и постепенно вопрос о его правах заглох сам собой. Манифест Петра III о вольности дворянства остался пока неутвержденным, хотя на практике он уже применялся при решении некоторых дел в Сенате[26].

Обсуждения, связанные с судьбой Манифеста о вольности дворянства 1762 г., и доклад комиссии, учрежденной Екатериной II, показывают, что дворянство было далеко не единодушно в своих ожиданиях: каждая группа хотела получить от престола определенные права. Можно выделить три основных течения. Богатые придворные сановники (как из «новой», так и из «старой» знати) под влиянием западных примеров прежде всего желали, чтобы социальный статус и правовые льготы соответствовали их дворянскому званию. Они хотели, чтобы их положение в обществе не зависело от служебного чина. Эти предложения подразумевали введение двух параллельных систем социальной иерархии. Одна должна была основываться на праве рождения, другая — на службе, что соответствовало, вероятно, ситуации, сложившейся во Франции, где noblesse d'épée [дворянство шпаги. — *фр.*] и noblesse de robe [дворянство мантии. — *фр.*] начинали карьеру с разных уровней, но встречались и даже заключали семейные союзы, добравшись до самой вершины. Есть свидетельства тому, что высшая знать была не столь уж сильно озабочена экономическими привилегиями (впрочем, она и так уже была достаточно богата). Рекомендации комиссии отражают взгляды этой группы, а именно правящей элиты страны. Для ее

---

[26] СбРИО. Т. VII. С. 264—265. Однако даже в 1764 г. Бретейль доносил о недовольстве русских дворян: «Что касается дворянства, то оно с болью и гневом смотрит на препятствия и промедления, которые государыня вносит в утверждение вольностей, дарованных Петром III, и привилегий, которыми эта вольность должна подкрепляться, дабы стать основополагающей и навсегда уничтожить деспотизм...» (Бретейль — Шуазель-Праслену // AAE. Memoires et documentes).

представителей идти на службу было делом естественным, они быстро продвигались, получали щедрое вознаграждение и хотели обезопасить себя от катастрофы царской немилости, грозившей падением с высот.

Другая группа дворян смотрела на проблему сквозь призму скорее государственных, чем «сословных» интересов. Это были выходцы из той же социальной среды, что и представители первой группы, — из богатой новой знати или старой сановной придворной элиты. Но они считали, что государство имеет неоспоримое право требовать от своих дворян службы, держать их под строгим контролем, а их социальный статус и экономическое благосостояние должны полностью зависеть от государства.

Наконец, основная масса мелкого дворянства подходила к этому вопросу почти исключительно с точки зрения своих экономических нужд и готова была отдать и социальный статус, и права, и свободы за гарантированную монополию на крестьянский труд и служебные должности. Все эти взгляды были не новы в России, прецеденты можно видеть и в XVI, и в XVII вв. Впрочем, ранняя история показывает также, что на представителей первого направления, требовавших обосновывать социальный статус исключительно наследственным титулом, власти (в лице высших сановников и бюрократии), как и простые дворяне, всегда смотрели косо. В 1762 г. эти идеи имели не больше шансов на успех, чем раньше, да и потом. И все же есть основания думать, что неудача попытки отделить бюрократию от дворянства при помощи двойной шкалы социальных рангов помешала как формированию подлинного дворянства, так и складыванию настоящей бюрократии.

Хотя Екатерина официально не утвердила манифест Петра III, этот документ успел внести в жизнь русского дворянства некоторые изменения. Отток дворян обратно в деревни начался еще до 1762 г., но манифест позволил еще большему их числу оставить службу в цвете лет и удалиться к себе в имения. Отметим (хотя в докладе комиссии 1763 г. этот вопрос совсем не затронут), что провинциальное дворянство уже начинало проявлять живой интерес к деятельности местной администрации и критиковать ее недостатки[27]. По-

[27] Специалисты расходятся в оценках численности дворян, хлынувших в провинцию в результате появления манифеста. Н. Д. Чечулин и особенно А. Корф утверждали, что в жизни провинции произошли огромные перемены (см.: *Чечулин Н. Д.* Указ. соч.: *Корф А.* Дворянство и его сословное управление за сто-

зитивную роль сыграло и то, что дворяне, воевавшие за пределами России, вернулись домой с новыми идеями, новым опытом и представлением о более благоустроенной и культурной жизни. Для сельского дворянина-увальня события 1762 г. означали, что он может опять погрузиться в традиционную деревенскую праздность. Но многим из тех, кто выходил теперь в отставку в более молодом возрасте, чем их отцы, уже хотелось сделать свою провинциальную жизнь поудобнее, построив новые дома, накупив книг и мебели, наладив домашнюю жизнь на цивилизованный лад. Пример представителей местных властей также побуждал сельских дворян улучшать свой быт.

Какова же в итоге была роль Манифеста о вольности дворянства в истории русского общества? Этот вопрос вызвал много споров среди историков России. Впервые провозглашенный, этот документ был восторженно воспринят дворянством. Некоторые даже хотели поставить за него Петру III золотой памятник. Впоследствии историки, и в частности В. О. Ключевский[28], утверждали, что современники неправильно поняли значение манифеста, который, на их взгляд, лишь отменил фиксированный срок службы, а не саму ее обязательность. Но все же нельзя недооценивать мнение современников: если они считали, что манифест вносит в их статус серьезные изменения, значит, так и было. И в самом деле, при всем уважении к Ключевскому, следует признать, что манифест открыл путь к формированию в России совершенно нового класса — так сказать, «частного человека», в отличие от «служилого человека», а также общества, отдельного от государства и противоположного ему. До 1762 г. в России не водилось такого персонажа, как независимый помещик-джентльмен, живущий в собственном имении, оттачивающий свой ум или выращивающий репу и участвующий в общественных делах в той мере, в какой ему угодно, уверенный в себе и в прочности своего положения. Манифест позволил молодому дво-

---

летие 1762—1855 гг. СПб., 1906). Ю. В. Готье считал, что и до 1762 г. многие дворяне активно участвовали в провинциальной жизни (*Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. II. С. 120 и далее). Другие полагают, что сам манифест был просто ловким шагом для демобилизации лишних офицеров после Семилетней войны (см.: *Raeff M.* Op. cit. P. 1293—1294).

[28] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 276—278. Ср.: «Итак значительная часть дворянства в прошлом столетии [в XVIII в. — *Авт.*] не понимала исторически сложившееся положение своего сословия...».

рянину в двадцать пять — тридцать лет оставить службу и посвятить себя путешествиям, литературе, искусствам. Если он не гнался за чинами, то мог вообще не служить. Более того, невозможно точно измерить психологический эффект, оказанный на дворян новообретенными свободами. Историки постоянно указывали, что, невзирая на манифест, дворянство продолжало служить. Но есть большая разница между службой принудительной и службой по собственному сознательному выбору. В этом смысле русский дворянин наконец-то сравнялся с шляхетством и знатью других стран. Правда, если социальный статус дворянина в России все еще зависел от чина, то за границей он больше зависел от титула, богатства и даже от личных качеств. Но все-таки русский дворянин теперь уже не был «рабом» государства[29]. Хотя манифест был издан в правление Петра III, а на протяжении 60-х гг. Екатерина его формально не утверждала, социальные последствия манифеста проявились с самого начала ее царствования, особенно в области развития культуры. Не преувеличивая размах новых культурных процессов, можно смело утверждать, что интерес к литературе и художествам во второй половине XVIII в. расцвел именно благодаря новообретенной свободе и самоуважению дворянства.

[29] Для описания этого процесса часто применяется русское слово «раскрепощение».

Глава 6

Город, крестьянство и земли

Проведя преобразования российского общества, Петр Великий сделал более жесткой и четкой не только структуру дворянства, но и внутреннюю организацию городского сословия и крестьянства. Невозможно точно установить численность городских жителей рассматриваемого времени, так как помимо приписанных к городам «граждан» там существовало текучее незарегистрированное население, состоящее из дворян, чиновников, духовенства, крепостных и государственных крестьян с паспортами, а также бродяг, арестантов, иногда — ссыльных. Города резко отличались друг от друга по размерам. В середине XVIII в. в 44,5% городов было меньше чем по 500 жителей, зато в столичных городах насчитывалось около 400 тыс. человек в Москве и около 200 тыс. в Петербурге. В 80-е гг. численность населения Риги, Астрахани и Кронштадта составляла свыше 30 тыс. жителей в каждом[1]. Однако собственно городское сословие, т.е. внесенные в городские переписные книги налогоплательщики, было гораздо малочисленнее, чем предполагают приведенные цифры.

В 40-е гг. XVIII в. в Москве числилось 13 458 граждан-налогоплательщиков, в Петербурге — всего лишь 3471, а в Казани 3014 человек. По третьей переписи 60-х гг., зарегистрированное городское население составило 258 532 человека, т.е. 3% всего податного населения страны[2].

---

[1] Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина / Ред. А. А. Баранович, Б. Б. Кафенгауз. М., 1956. С. 151—152. Двенадцать городов насчитывали от 12 до 30 тыс. жителей, 21 город — в пределах 10 тыс., а 33 города — от 3 до 8 тыс. человек.

[2] См.: *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. С. 101—102; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 90. О городах см. также: *Rozman G.* Urban Networks in Russia, 1750—1800 and Pre-Modern Periodisation. Princeton, 1976. P. 105. Розман оценивает общую численность городского населения (не путать с собственно «городским сословием») в 8—9% населения России.

Принадлежность того или иного населенного пункта к числу официально зарегистрированных городов зависела не от его величины, а от статуса[3]. Города делились на «штатные» и «заштатные». Кроме того, существовали слободы — селения, выраставшие за пределами штатных городов, иногда на удалении в 30—40 верст. Слободы появлялись в результате экономического развития частных или государственных земель. Городские граждане косились на эти слободы, потому что их жители не платили городских налогов и не выполняли никаких работ на государство, т.е. находились в лучшем положении, чем горожане. Подобны слободам были «приписные» города — мелкие городки, административно прикрепленные к более крупным центрам. Некоторые из городов, не получивших официального статуса, вырастали на частных и монастырских землях, хотя вообще в России было мало феодальных (частных) и монастырских городов[4].

Внесенные в ревизские сказки жители городов образовывали потомственное городское сословие. Оно подразделялось на три купеческие гильдии и ряд ремесленных объединений, ниже которых стояли простые, или «подлые», люди. Разделение на гильдии отражало разницу в материальном состоянии, а не в роде деятельности. Члены первой гильдии располагали капиталом от 100 до 500 руб., во вторую гильдию входили купцы с капиталом от 50 до 100 руб., а в третью — от 10 до 50 руб. В 1766 г. из 8733 московских купцов к первой гильдии принадлежали 922, ко второй — 3491, а к третьей 4250 человек. При этом 80% из числа последних зарабатывали на жизнь совсем не торговлей. Купец вполне мог оставаться приписанным к гильдии, никоим образом не совпадавшей ни с его родом занятий, ни с размерами его состояния. Следом за купцами шли на удивление малочисленные ремесленники, собранные в профессиональные объединения — цехи. Цехи не выполняли таких функций западных гильдий, как профессиональная подготовка ремесленников, поддер-

---

[3] *Клокман Ю. Р.* Очерки социально-экономической истории городов северо-западной России в середине XVIII в. М., 1960. С. 120; *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 83—85 (здесь указано, что в 1738 г. официально признанных городов насчитывалось 269).

[4] Частные города сохранялись только на западных границах России и в Малороссии и изначально не принадлежали к русской феодальной системе. См.: *Сербина К. Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М., 1951; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. М., 1875. Т. I. С. 342—343.

жание стандартов продукции и ограничение конкуренции. В России они служили для объединения горожан, занятых ремеслами, в группы, которые государству было бы удобно облагать налогами и повинностями[5]. Управление городским сословием было возложено на магистраты или, в маленьких городах, ратуши — выборные советы с судебными и административными функциями, названные по германскому образцу, вдохновившему Петра I. Магистраты выступали как суды в спорах между членами торгового сословия. Кроме того, они распределяли налоги и организовывали выполнение различных повинностей по требованию государства. Все магистраты в стране подчинялись Главному магистрату в Санкт-Петербурге, приравненному к коллегиям, под общим ведением Сената, но помимо этого ими руководили местные воеводы.

Магистраты представляли собой своего рода верхушку айсберга городской жизни, связующее звено между центральной властью и сообществом подданных, приписанных к городскому сословию, как единым целым. Собрание горожан, или посадский сход (иногда именуемый также мирским сходом), включало в себя всех жителей, положенных в подушный оклад. Присутствие на нем считалось обязательным, и освободиться от этой обязанности было трудно. Как и на всех собраниях в России, тут существовало мало установленных правил и вообще не вводился кворум. Сход избирал членов магистрата или ратуши, обсуждал распределение обычных и экстраординарных государственных налогов, а также городовые налоги, исполнение полицейских предписаний относительно внутреннего порядка и чистоты, вопросы воинского постоя. Сход избирал и собственного исполнительного главу — старосту, руководителя собраний и посредника между магистратом и населением, который оглашал распоряжения магистрата и выступал в нем представителем схода. Таким образом, староста находился в незавидном положении, так как отвечал и перед высшими, и перед низшими. Сами участники схода являлись на него не как частные лица, а как представители различных единиц самоуправления — пригородов и посадов, гильдий и цехов, и каждая, в свою очередь, имела собственный сход, старейшин и старосту[6].

---

[5] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 145–146, 162 и далее. В 60-е гг. XVIII в. в Москве насчитывалось 396 членов цехов, в Новгороде — 154, а в Тамбове – 29.

[6] Там же. С. 628 и далее.

Магистраты и суды требовали многочисленного персонала. К тому же представители горожан собирали государственные и городские налоги, таможенные пошлины, контролировали торговлю некоторыми товарами: солью, порохом, табаком, дегтем, смолой, водкой и т.д. Подобных неоплачиваемых обязанностей городских властей насчитывалось не менее двадцати девяти видов — от продажи гербовой бумаги до сбора соляной пошлины. В 1760-е гг. в 46 городах этими и другими административными делами занимались больше ста человек в каждом. В 1745 г. в Ярославле с его немногочисленным населением в 7255 жителей 361 человек исполнял различные государственные службы. В Москве таких служащих было примерно 550 из 13 673 жителей. В Тамбове из 430 приписанных к горожанам 38 человек относились к подобным должностным лицам[7].

Горожанин подлежал рекрутскому набору, платил более высокую подушную подать, чем крестьянин, — 1 руб. 24 коп. — и был прикреплен к своему городу и к собратьям по сословию системой круговой поруки, гарантировавшей, что он не уклонится от уплаты своей доли в налогах и иных повинностях. Купцу, для того чтобы вести торговлю за пределами своего уезда, требовался паспорт, который он мог получить, заплатив городовые и государственные налоги вперед за все время отлучки из родного города. Паспорт такому купцу выдавал магистрат, состоявший из его деловых конкурентов. Кроме того, подушная подать распределялась между купцами в зависимости от их платежеспособности, так что общество очень неохотно отпускало богатых купцов на сторону[8].

Отсутствие межсословной мобильности в России приводило к ограничению роста городов. Перебраться на постоянное жительство из одного города в другой и по всем правилам приписаться на новом месте можно было, только представив свидетельство об уплате всех налогов и сборов на прежнем месте. В противном случае горожанина, поселившегося в городе, к которому он не был приписан, могли счесть сбежавшим из его родного города и силой водворить на место как беглого. Еще труднее было изменить свой статус государственному крестьянину. Для того чтобы приписаться к горожанам, ему следовало приобрести недвижимость в городе и доказать,

---

[7] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 176 и далее.

[8] *Готье Ю. В.* История областного управления в России... Т. I. С. 344. Богатые купцы платили подушную подать, колебавшуюся в широких пределах — от 9 до 120 руб. С мелких купцов третьей гильдии иногда взимали всего 30 коп. вместо 1 руб. 24 коп. (См.: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 610).

что он способен здесь прожить, платя при этом до новой переписи и городские налоги, и свою долю деревенских податей по месту приписки в подушный оклад. Очередной переписи нередко приходилось дожидаться по десять—пятнадцать лет, и лишь тогда можно было зафиксировать в подушном окладе на старом месте переход из одного состояния в другое.

Однако не следует воспринимать буквально эту стройную картину общества, аккуратно разложенного по полкам разных сословий, ведь жизнь была сильнее всяких правил. Многие люди, приписанные к купечеству, на самом деле жили сельскохозяйственным трудом[9]. Зато были и такие крестьянские семьи (иногда даже из крепостных, приписанных к купечеству с позволения хозяев), которые создавали настоящие династии купцов и предпринимателей. В 50-е гг. 10% купечества, владевшего текстильными предприятиями, составляли выходцы из крестьян[10]. Так, некий Савва Яковлев, осташковский крестьянин, родившийся в 1712 г., сделал состояние на правительственных подрядах по поставкам провианта ко двору. В 1758 г. он был возведен в дворянство, развернул предпринимательскую деятельность и в конце концов стал миллионером[11].

Природа русского крепостного права подразумевала четкое разграничение экономической деятельности, предписанной каждому сословию, а также исключала недобросовестную конкуренцию. Заключая контракт с государством, отдельный купец должен был представить гарантии своего финансового положения от купеческого сообщества (коллективная ответственность общества перед государством) и личные гарантии своего состояния торговому сословию (ответственность индивида перед общиной). Отсюда и важность капитала, находящегося в распоряжении индивида, и ослабление состязательного начала. Крайнее выражение этого совершенно некапиталистического подхода к делу заключено в одной из статей законопроекта о правах купцов, составленного законодательной комиссией в 1761 г. В проекте говорилось, что каждая из купеческих гильдий должна избирать несколько состоятельных членов для раскладки налогов сообразно платежеспособности. Каждые два года

---

[9] В 60-е гг. XVIII в. в Олонце до трех тыс. человек, числившихся купцами, проживали на расстоянии до полутора тысяч верст от города, пахали землю и продавали выращенное (см.: *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 64).

[10] *Индова Е. И.* Роль дворцовой деревни первой половины XVIII века в формировании русского купечества // ИЗ. [М.,] 1961. [Т.] 68. С. 207.

[11] *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 64.

купцы должны были «верстать» свои состояния, чтобы постоянно сохранялось некое «уравнительное и безобидное расположение»[12].

Неконкурентный характер российской экономики делал особенно яростной борьбу против недобросовестной конкуренции. Рост нового класса предпринимателей, записанных «купцами», но на деле являвшихся промышленниками, шел вразрез с традиционной классификацией их занятий. Промышленники подлежали юрисдикции Берг- и Мануфактур-коллегии, а не Главного магистрата и были освобождены (в рамках петровского движения к индустриализации страны) от многих налоговых и отработочных тягот, лежавших на купечестве. Следовательно, розничная продажа их продукции в городах могла приравниваться к нечестной конкуренции. Точно так же обстояло с ничем не ограниченной экономической деятельностью незарегистрированных жителей городов — текучего населения из крестьян и наемных рабочих. Эти незаконные бродячие торговцы, уклонявшиеся от городского налогообложения, являли собой реальную угрозу со стороны частного предпринимательства купеческому сообществу с его регламентированной жизнью.

Город выступал как территориальная единица в одном-единственном отношении: он владел «выгонными землями», принадлежавшими городу в целом. При существовавшей неразвитости транспортных средств и сельскохозяйственного производства всякое городское поселение испытывало потребность в местном производстве сырья и огородной продукции, для чего обычно отводилась часть земли в пределах города. Но необходимы были также пастбища и лесные угодья. Городам не разрешалось владеть заселенными землями (т.е. крепостными крестьянами), так что теоретически жители городов выступали условными держателями своих наделов, хотя на практике землю и покупали, и продавали, и передавали по наследству[13].

КРЕСТЬЯНСТВО: КРЕПОСТНЫЕ

Крестьяне страдали от несвободы как ни один другой класс в России. Они были разделены на две категории — крепостные, т.е. кре-

---

[12] См. гл. 5, а также: *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения // ИЗ. [М.,] 1951. [Т.] 38. С. 218 и далее.

[13] Дворянам запрещалось приписываться к городскому сословию (см.: *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII в. С. 264 и далее).

стьяне, зависимые от частных владельцев, церкви или дворцового ведомства, и государственные, к которым обычно причисляют также разные переходные категории — пережитки системы земельного держания за военную службу (однодворцы, пахотные солдаты и т.д.). По данным третьей ревизии 1762—1764 гг., крестьянское население достигло 9 978 113 человек (без прибалтийских провинций). Из них 5 611 531 человек, т.е. 56,24%, составляли помещичьи крестьяне, 1 061 639 человек (10,02%) — церковные (монастырские), 524 275 человек (4,95%) — дворцовые и 2 780 868 человек (26,25%) — государственные.

Существовала значительная правовая, а также фактическая разница между статусом частновладельческих, монастырских и дворцовых крестьян. По закону крепостной не являлся рабом, но многие аспекты отношений между крестьянином и его хозяином, с одной стороны, и между крестьянином и государством — с другой стороны, были определены нечетко. Крепостные платили государственные налоги, подлежали рекрутскому набору, в их домах ставили солдат на постой. Часто утверждают, что с воцарения Елизаветы Петровны в 1741 г. крепостных перестали приводить к присяге новому государю в знак того, что они больше не являются прямыми подданными монарха. Это мнение основано на неверном понимании соответствующего указа, которым всем крестьянам, занятым на полевых работах, разрешалось не являться в церковь для принесения присяги[14].

Правовой статус движимого имущества крепостного (домашний скот, орудия труда, хозяйственная утварь, деньги) зависел от каприза помещика. Крестьянину не позволялось на свое имя приобретать недвижимость (лавку, жилье, магазин в городе), без согласия своего хозяина он не мог взять ни деньги в долг, ни подряд по государственным или частным контрактам. Для того чтобы приписаться в городе к купечеству, добровольно вступить на военную службу или уйти в монастырь, крестьянину необходимо было получить на это разрешение и паспорт, без чего он не мог покинуть деревню.

Все эти ограничения дееспособности были результатом действия законов, принятых сменявшими друг друга русскими правительствами, иногда из государственных соображений, иногда под

---

[14] См.: *Готье Ю. В.* Отзыв о работе А. В. Флоровского «Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве» // ЖМНП. 1916. № 11. С. 83 и далее.

влиянием интересов сословия помещиков, для которых право контроля над крестьянским трудом было с экономической точки зрения важнее, чем контроль над землей. Наконец, эти законы принимались, чтобы не допустить взыскания крестьянских недоимок с их помещиков. Но государство почти не входило в регулирование личных отношений между помещиками и крепостными и оставляло хозяевам широкие полицейские полномочия. Уложение 1649 г. и последующее законодательство XVIII в. не уточняли ни характер, ни пределы юрисдикции помещика над крепостными. Единственное ограничение этой власти состояло в том, что хозяину не полагалось выносить смертный приговор или убивать крепостного. Впрочем, никто не спрашивал с помещика, если крепостной умирал после наказания[15]. Теоретически помещики выступали судьями всех мелких преступлений, совершенных их крепостными против других крепостных или вольных крестьян (воровство, драки, пьянство и беспорядки). За тяжкие преступления, такие как убийство и разбой, крепостных судили государственные суды. Но на деле помещики не различали нарушения государственных законов и «частные» провинности — невыполнение барщины и оброка, нерадивость, леность, лживость и т.д. Теоретически хозяева не должны были принуждать крепостных к браку, но на практике могли как заставить, так и запретить им жениться.

Там, где государство оставляло пустоту, ее заполнял отдельный человек. Владельцы крупных имений, где население образовывало полноценную общину, нередко издавали законы для своих частных владений, составляли собственные правовые своды, отмеченные сильным влиянием петровских образцов административного управления. В этих инструкциях определялись наказания за драки, кражи, пьянство, за нерадение, отказ от работы или непослушание, за неявку в церковь. Подобные уставы были распространены в крупных имениях, где их применение возлагалось на управляющего, действовавшего совместно с выборными деревенскими старостами или с самой общиной. Последняя, таким образом, в той или иной степени участвовала в правосудии, что позволяло разрешать вопросы частных отношений между крестьянами на основе обычного права.

---

[15] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I. С. 214. В 1762 г. дворянин Нестеров, чей крестьянин умер под кнутом, был приговорен к вечным каторжным работам на нерчинских рудниках и к лишению всех прав состояния. Поместье перешло к его наследникам. (ПСЗ. Т. XV. № 11450, 25 февраля 1762 г.).

Свод правил, составленный в 1751 г. будущим фельдмаршалом Румянцевым для своего имения, иллюстрирует это любопытное сочетание экономической эксплуатации с попыткой узаконить внутренний распорядок. Документ регламентировал обработку земли, разведение крупного рогатого скота, овец, птицы, устанавливал правила ведения учета. В его десятой главе, «О наказаниях», рассматривались вопросы дисциплины. Три статьи касались нарушений в области религии. Неявка в церковь без уважительной причины или неподобающее поведение в церкви влекли за собой штрафы в 10 и 2 коп. соответственно. Их платили церкви, а если у нарушителя не было денег, штраф заменялся заключением в цепях на сутки в карцере. За преступление против чужого крепостного пороли, пока другой владетель не будет удовлетворен. Телесные наказания и конфискация имущества служили обычной карой за воровство, лентяев же штрафовали[16].

Если крепостной крестьянин был почти беззащитен перед господином, то еще хуже приходилось дворовому. Помещики имели право переводить семьи из имения в имение и забирать крестьян с земли на службу в дом, в дворовые — в конюхи, кучера, лакеи, слуги, горничные, няньки и т.д. Дворовые были, в сущности, настоящими рабами и находились в полной власти хозяев или, что еще тяжелее, хозяек. В мучительном положении оказывался дворовый, обученный прежним хозяином какому-нибудь ремеслу или выступавший его доверенным лицом. С таким крепостным могли даже обращаться подружески, но после смерти хозяина он поступал в распоряжение наследника, который зачастую приставлял его к простой крестьянской работе, к нелюбимому делу, а то и вообще продавал. Нравы в дворянской усадьбе были не лучше, чем где бы то ни было, дворовые дети часто доводились сводными братьями и сестрами своему молодому хозяину, будучи при этом в полной его власти, — такое положение едва ли приводило к гармонии в семьях. Особенно тяжела была участь молодых красивых крепостных девушек, страдавших и от посягательств хозяина, и от ревности хозяйки.

Людям в этой ситуации трудно было не только добиться свободы, но даже ее себе представить. Большинство крепостных кресть-

---

[16] См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. 1762—1825. М., 1960. Т. 1. С. 66 и далее. Обнаружено примерно пятьдесят таких законодательных сводов. См.: *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 132 и далее; *Александров В. А.* Сельская община и вотчина в России. XVII — начало XIX в. // ИЗ. [М.,] 1972. [Т.] 89. С. 319—322.

ян думало не о свободе с точки зрения права, не о свободном выборе образа жизни, а о свободе от помещичьего произвола. Поэтому их главной мечтой было приписаться в государственные крестьяне. Те же, кому воля была дороже всего, бежали к казакам, в Швецию, в Польшу, а то и в Турцию. Дворовый мог получить свободу по завещанию хозяина[17] (и многие ее получали таким образом) или выкупиться на волю. Определенной цены за свободу не существовало, так что ее определяли в зависимости от платежеспособности человека, а не по рыночной цене крестьянского труда. Случаи выкупа на волю до конца XVIII столетия, когда с ростом крепостного промышленного производства появились и стимулы к освобождению, и достаточные средства для этого, были довольно редки. Правовой статус получивших волю крепостных, оставшихся в крестьянстве, неясен. Вышедший на волю крепостной был ненормальным явлением в деревне и не вписывался в ее экономическую структуру. Невозможным было и освобождение целой крепостной деревни вместе с землей. Крепостной, записавшийся в рекруты, получал свободу для себя и для жены с детьми, рожденными после этого момента. Но мало кого из крестьян привлекала перспектива навек оторваться от своей деревни, попав в солдаты.

Дворянин-землевладелец имел известные обязанности в отношении крепостного, а также и некоторые обязанности перед государством, связанные с владением крестьянами. Он должен был обеспечивать благополучие своих крестьян, заботиться о них в трудные времена, не допускать, чтобы они «шатались по миру». Он отвечал перед государством за уплату крестьянами подушной подати, и если имелись недоимки, власти могли взыскать их с хозяина или наказать его. При императрице Анне Иоанновне арест помещика за недоимки подушной подати не был редкостью, а Петр III узаконил эту практику своим указом, переложившим обязанность сбора налогов и ответственность за неуплату их на помещиков[18].

Частновладельческие имения эксплуатировались посредством оброка (денежных поборов), или барщины (трудовой повинности), или и того и другого вместе. В 60-е гг. XVIII в. оброк в среднем составлял 2 руб. с души мужского пола в год, а в 70-е гг. повысился до

[17] Помещики часто давали вольную бесполезным в хозяйстве старикам, тем самым избавляясь от заботы об их содержании. Но это была свобода для хозяина, а не для крестьянина.

[18] ПСЗ. Т. XV. № 11429, 31 января 1762 г.

2 руб. 50 коп. Помещики были склонны держаться привычного уклада, однако они могли извлекать гораздо большие доходы, если их крепостные сами выступали предпринимателями в промышленности (например, текстильной) или в переработке продуктов леса. Оброк налагали на крестьян, занятых возделыванием хозяйской земли, выполнявших в имении работы, не связанные с земледелием, или уходивших из имений на заработки — на извоз, стройку, завод. Отработки на помещичьих землях обычно отнимали у крестьянина в среднем три дня в неделю, а еще три дня оставалось на обработку собственного крестьянского надела. Этот срок, как правило, не полагалось увеличивать, хотя помещик вполне мог заставить крестьян работать на него пять, а то и шесть дней в неделю или перевести часть крепостных на барщину в вотчинные предприятия, например в винокурню. При обоих видах эксплуатации с крестьян взимался также натуральный оброк, главным образом продуктами питания, но также полотном или пряжей.

В 60-е гг. среди компетентных русских чиновников бытовало мнение, что эксплуатация имений должна развиваться преимущественно в направлении перехода от барщины к более широкому использованию оброка. Похоже, что и в самом деле, судя по многочисленным донесениям губернаторов и другим данным[19], помещики менее плодородных областей в стремлении увеличить свои доходы готовы были отпускать крепостных из деревень на поиски работы в города, оставляя земли невозделанными.

Но такую тенденцию к преобладанию оброка не одобряли императрица[20] и ее чиновники. Они боялись, что это поощрит отходничество крестьян, т.е. уход из деревни в город в поисках неземледельческой работы, которая приносила бы им большее удовлетворение и вознаграждение. Это, в свою очередь, грозило упадком сельского хозяйства и ростом цен на зерно, особенно в северных и центральных губерниях России. Сведения того времени и позднейшие исследования показывают, что помещики находили преимущества

---

[19] Материалы, характеризующие экономическую жизнь России, существуют в огромном количестве благодаря различным сенатским запросам, вопросным спискам генерал-прокуроров, докладам губернаторов и экономическим документам, связанным с генеральным межеванием (см. ниже, с. 184—187).

[20] См. замечания Екатерины II в «Наказе» (статьи 269—271): Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English text of 1768 / Ed. by W. F. Reddaway. Cambridge University Press, 1931. P. 258

в обеих формах эксплуатации, в зависимости от характера и плодородия почвы, от удаленности имения от столичных городов, от затрат труда на обработку земли, от удобства путей сообщения и, наконец, от степени включенности имения в общую рыночную систему. Оброк был полезен там, где крестьяне обычно покидали деревню и нанимались на работу в зимние месяцы. Однако в тех местах (например, вокруг Москвы), где и сельскохозяйственное, и промышленное производство было ориентировано на московский рынок, широкое распространение имела барщина, охватывавшая до 70% всех крепостных собственно Московского уезда и 88% крепостных Дмитровского уезда[21].

Распространенное в XIX в. представление о том, что владения крупных магнатов тяготели, скорее, к оброку, а мелкие — к барщине, находит себе мало подтверждений. Выбор методов эксплуатации во всех случаях определялся чисто экономическими критериями и имел целью максимальное увеличение доходов[22]. В целом можно отметить, что барщина играла первостепенную роль в тех местностях, где главным источником дохода служило сельское хозяйство, а оброк — там, где экономическое значение приобретала промышленность. С другой стороны, советский историк экономики Н. Л. Рубинштейн утверждает, что оброк способствовал товарному развитию крестьянской экономики, а барщина способствовала товарному развитию экономики помещичьей, что со временем оказалось разрушительным для производительных сил[23].

ЦЕРКОВНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Крупнейшую самостоятельную категорию крепостных, зависимых не от индивидуального владельца, а от института, составляли церковные крестьяне. Эта категория распадалась на группы, прикрепленные к разным владельцам — к монастырям, к соборам и городским

---

[21] См. данные таблицы Н. Л. Рубинштейна по Московской губернии (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 102).

[22] См. критику цифровых данных, приведенных В. И. Семевским (Там же. С. 92 и далее), а также обзор вопроса: *Confino M.* Domains et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Etude de structures agraires et de mentalités economiques. Paris, 1963. P. 186ff.

[23] Ibid. P. 96- 98.

церквям, иногда — к деревенскому приходу — или же специально приписанные для содержания чинов церковной иерархии.

Церковные крестьяне составляли значительную долю населения на севере Европейской части России, особенно в Новгородской, Архангельской, Нижегородской и Московской губерниях. Такое географическое распределение связано с тем, что в ранний период монастыри размещались на относительно не заселенных территориях. В целом монастыри выступали как крупные землевладельцы. Примерно 70% из них имели по 100 и больше крепостных душ мужского пола, 16% — от 30 до 100, а 13,4% — меньше 30. Троице-Сергиева лавра под Москвой с приписанными к ней монастырями и пустынями владела более чем 106 тыс. душ и являлась крупнейшим самостоятельным землевладельцем во всей стране[24]. Правда, на другом конце шкалы находились гораздо меньшие владения, приписанные к соборам или приходским церквям (50 соборов и 516 приходских церквей имели в общей сложности 31 535 душ мужского пола, т.е. в среднем по 56 душ).

Права церкви в отношении ее крестьян были не столь обширны, как у помещиков. Церковь не могла продавать крестьян ни с землей, ни без нее. Не могла она также ни освобождать их, ни захватывать их имущество. Ей не полагалось вмешиваться в заключение браков, хотя позволялось требовать свадебную пошлину, если крестьянин брал жену из чужого владения. С другой стороны, крестьян могли принудительно переводить в личную прислугу высшего духовенства или в церковный причт.

Если правовое положение церковных крестьян было более надежным, чем частновладельческих, то эксплуатация их труда, судя по всему, отличалась исключительной тяжестью. Их облагали многочисленными натуральными повинностями (взимавшимися зерном, сеном, грибами, маслом, мясом, медом) и отработками (производство кирпича, строительные и ремонтные работы, мельничные, винокурные, сторожевые повинности, заготовка льда и др.). Сверх того с крестьян в ряде случаев взимали денежные выплаты. В крупных монастырях и церковных хозяйствах учреждали настоящий чиновничий аппарат, который ведал экономической эксплуатацией и отправлял правосудие. Помимо собственно организации работ в имении управляющие (ими часто были монахи) взимали

---

[24] Этот раздел книги в значительной мере основан на работе: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. С. 1—184.

подушную подать и сборы на монастыри, ведали рекрутским набором, вершили суд и надзирали за нравами крестьян. Все это создавало широкий простор для злоупотреблений. Юрисдикция управляющих охватывала лишь мелкие преступления, которые предусматривало Уложение 1649 г. Уголовные преступления рассматривала воеводская канцелярия и местные государственные административные и судебные органы.

ДВОРЦОВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Следующую по величине группу составляли дворцовые крестьяне, входившие в наследственное имущество короны или принадлежавшие лично государю, но не государству. В частных коронных владениях монарх занимал такое же положение в отношении земли и крестьян, как и любой другой помещик. Эти земли были настолько обширными, что охватывали полностью отдельные административные единицы (уезды, волости и т.п.). Требовались специальные усилия, чтобы сохранять их целостность и жизнеспособность. Правители издавна прибирали к рукам лучшие земли, так что к концу XVIII в. императорской фамилии все еще принадлежали богатейшие владения Центральной России. Существовало несколько категорий дворцовых крестьян. Это деление носило скорее функциональный, чем правовой характер, поскольку крестьян могли беспрепятственно переводить из одной категории в другую[25]. В число этих категорий входили государевы крестьяне, пожизненно пожалованные в качестве личного имущества членам императорской семьи (впрочем, государевы крестьяне были немногочисленны, так как сама императорская семья была маленькой). Кроме того, сохранялись еще ловчие и сокольники — память о былых славных охотах московских государей, конюшенные крестьяне, приписанные к дворцовым конюшням и конским заводам.

Дворцовыми владениями управляла Главная дворцовая канцелярия, учрежденная в 1724 г. Петром I в Петербурге с отделением в Москве. Члены императорской семьи непосредственно распоряжались пожалованными им владениями при помощи собственных вотчинных канцелярий, однако все дворцовые земли подчинялись

[25] Прекрасное введение в тему содержит работа: *Индова Е. И.* Дворцовое крестьянство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.

высшей власти Главной дворцовой канцелярии. Губернаторам и воеводам запрещалось вмешиваться в дела, касающиеся дворцовых крестьян, и даже их юрисдикция в уголовных делах вступала в силу только с согласия Главной дворцовой канцелярии. Таким образом, дворцовые земли составляли государство в государстве, на которое обычная система администрации распространялась даже в меньшей степени, чем на вотчины мелких помещиков.

Главная дворцовая канцелярия управляла всем комплексом дворцовых имений и содержала собственный чиновничий аппарат — от генералов, титулованных придворных сановников и статских советников, занимавших высшие посты с годовым содержанием в 4,5—2,5 тыс. руб., до копиистов, получавших скромное пятнадцатирублевое жалованье, и ремесленников (золотых и серебряных дел мастеров, поваров, свечников, бочаров, садовников), которые зарабатывали от 4 до 10 руб. в год. На многие работы было выгоднее всего нанимать людей, вышедших из дворцовых крестьян, поскольку считалось, что этим слугам можно платить меньше, а требовать с них больше. Поэтому начиная с 30-х гг. XVIII в. складывается практика обучения и профессиональной подготовки детей дворцовых крестьян (а также детей церковных причетников и канцеляристов) — они становились землемерами, архитекторами, ветеринарами и т.д. Стали появляться школы, в основном при Конюшенном ведомстве, и число их учеников постепенно росло. Существовала даже специальная школа иконописи. Дети получали годовое содержание в 6 руб. и сверх того по три копейки в день на пропитание, форменную одежду и обувь. Их освобождали от подушной подати, которую должна была вносить за них Дворцовая канцелярия из своих доходов[26]. В 60-е гг. XVIII в. в разных частях страны насчитывалось не менее восьми таких школ. В них училось в общей сложности примерно 200 детей. Эти учебные заведения, пусть и в скромных масштабах, помогали просвещению определенного слоя крестьянства. Ученики приобретали там различные профессиональные навыки, и некоторые выходили вполне подготовленными специалистами.

Как помещик государь располагал такими же правами над своими крестьянами, как любой другой помещик, и дворцовые крестьяне подвергались тем же ограничениям личной свободы и экономической деятельности, что и все крепостные. Главная дворцовая

---

[26] См.: *Волков С. И.* Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М., 1959. С. 161 и далее.

канцелярия систематически издавала ведомственные инструкции, регулирующие как хозяйственные занятия крестьян, так и отправление правосудия[27]. Центральное ведомство пыталось бороться с взяточничеством и подкупами, пресекать жестокое обращение с крестьянами и их нещадную эксплуатацию, но скорее всего без заметных успехов.

Управители отдельных имений и деревень, составлявшие очень пеструю социальную группу — от отставных офицеров до выслужившихся крестьян, — ведали эксплуатацией имений, раскладкой подушной подати, сбором рекрутов. Как и церковным крестьянам, дворцовым сначала запрещалось вместо себя выставлять в рекруты за деньги крепостных крестьян. Но в 1757 г. этот запрет был отменен в связи с началом Семилетней войны. Дворцовым крестьянам также позволили сдавать в армию в зачет своей квоты праздношатающихся, безземельных работников и всяких бесполезных субъектов. Впрочем, власти пытались поставить эту деятельность под строгий контроль, чтобы помешать злоупотреблениям со стороны деревенских старост или богатых крестьян[28].

Определить размеры доходов, поступавших с этого обширного комплекса земельных владений и экономических предприятий, довольно трудно, потому что отсутствуют надежные данные, а главное — материалы делопроизводства. Известно, что денежные поступления постоянно возрастали и в 1755—1761 гг. составляли в среднем 347 606 руб. в год, а в 1762—1765 гг. достигли цифры в 427 703 руб. в год. Значительную часть доходов собирали натурой (пшеница, рожь, масло, мед, овцы, куры, гуси, лес и т.п.). Кроме того, крестьяне платили специальный налог на содержание императорского двора («канцелярский сбор»), составивший, например, в 1755 г. 128 564 руб., и ряд различных внеочередных сборов, в том числе, конечно, и подушную подать[29].

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Государственные, или казенные, крестьяне сложились как отдельная группа в начале XVIII в. Они расселялись в основном на северо-во-

---

[27] Е. И. Индова упоминает инструкции 1743, 1756 и 1764 гг., но не приводит в своей работе их текстов (см.: *Индова Е. И.* Указ. соч. С. 304—305).

[28] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 25.

[29] *Индова Е. И.* Указ. соч. С. 280 и далее.

стоке России, в Сибири, вдоль старых оборонительных линий на юге, в Левобережной Украине и Новороссии. Вводя подушную подать, распространявшуюся на все недворянское население, Петр I решил, что если помещичьи и церковные крестьяне сверх подушной подати несут отработочные или денежные повинности перед своими хозяевами, то и свободные крестьяне, у которых нет иного хозяина, кроме Его императорского величества, должны помимо подушной подати в 70 коп. платить налог, или оброк, в размере 40 коп. Такая попытка уравнять лежавшее на крестьянстве финансовое бремя при помощи дополнительных сборов с государственных крестьян повлекла за собой закрепощение последних государством, аналогичное зависимости крепостного от помещика. Тем самым подтверждалось право государства — верховного владельца всех земель — требовать с крестьянина таких же выплат, каких помещик требовал от крепостного. Государственные крестьяне и земли, ими занимаемые, принадлежали монарху в его официальном качестве, и государство распространило свой контроль дальше — на их законную свободу, личную жизнь и экономическую деятельность. Таким образом, система юридических и административных связей развивалась не в рамках преимущественно правовых и политических отношений государя с его подданными, а в сфере государства как владельца крестьян, прикрепленных к определенному сектору экономики, от которых в значительной мере зависели казенные доходы.

Так, по официальному определению, государственным крестьянином считался вольный сельский житель, поселенный на государственной земле и платящий государству денежные или отработочные повинности (или человек, арендующий земли у государства, т.е. арендатор). Правовое положение государственного крестьянина было гораздо лучше, чем у крепостного. Он являлся обладателем гражданского статуса и мог быть призван к участию в общественных делах. Слабым местом в правовом положении государственных крестьян было то, что государство могло привлечь отдельного человека к труду на фабрике, шахте, к общественным работам, или он мог в качестве члена деревенской общины попасть в «приписные» — вспомогательную промышленную рабочую силу. С другой стороны, государственный крестьянин, получивший разрешение покинуть общину, мог поселиться в городе как незарегистрированный горожанин, заняться торговлей или ремеслом и со временем вступить в городское или купеческое «сословие» и порвать все связи с деревней.

Помимо подушной подати государственные крестьяне несли отработочные, натуральные или денежные повинности (или все три вида) в зависимости от обстоятельств и местных особенностей. Годовой денежный оброк в 40 коп. постепенно повышали в течение всего XVIII в., сознательно подстраиваясь к практике частных землевладельцев. В 1745 г. его размер достиг 55 коп., а в 1760 г. вырос до 1 руб. Если сельскохозяйственные отработки имели тенденцию к сокращению, то очень тяжелы были другие отработочные повинности. Государственные крестьяне чинили дороги и мосты, строили крепости, цейхгаузы, здания провинциальных присутственных мест, содержали солдат на постое и принимали у себя проезжих чиновников (и те и другие многого требовали от хозяев и были мастерами обирать их до нитки). Кроме того, к отработочным повинностям относились: конвоирование осужденных, охрана лесов, поставка подвод для транспортных и грузовых перевозок. Сверх того существовали местные денежные поборы на постройку и содержание дорог и казарм (земские повинности), которые каждые три года переверстывались среди государственных крестьян в пределах губернии, а также мирской сбор на управление общиной. Государственные крестьяне подлежали также рекрутскому набору и платили специальный налог в случае женитьбы за пределами общины.

При этом множество аспектов правовой и экономической жизни государственных крестьян не поддается классификации. В разных частях обширной страны применялась собственная практика, иногда неожиданным образом сохранялись и старинные привилегии. Община государственных крестьян как целое могла покупать крепостных по одному и даже целыми деревнями, хотя такие покупки совершались главным образом ради сдачи рекрутов в зачет кого-то из земляков. Государственные крестьяне пользовались различной степенью свободы в управлении своими делами и подлежали юрисдикции воевод и обычных судов по уголовным или гражданским делам.

Обычно к той же группе, что государственные крестьяне, относились однодворцы и другие мелкие землевладельцы или отставные солдаты, осевшие на земле, — остатки старомосковской системы условного земельного держания[30]. В 1762 г. насчитывалось пример-

[30] К ним относились пахотные солдаты, старые служилые люди и панцирные бояре, как называли однодворцев в западных провинциях.

но 510 тыс. однодворцев. Обязательный срок их службы в ландмилиции составлял пятнадцать лет. В 1764 г. таких полков было десять, общая численность солдат в них достигала 21 812 человек. К однодворцам применялась особая квота рекрутского набора — предположительно, один рекрут с 50 душ мужского пола, нередко — один с 25. Земля, которую они обрабатывали, теоретически принадлежала государству, но на практике однодворцы, как и дворяне, покупали и продавали земли, полученные некогда за службу, наряду с наследственными наделами (что приводило к бесконечным судебным тяжбам). Законодательство Петра I перебросило их в категорию податных и подтвердило права государства на их земли, возложив на однодворцев обязанность платить сорокакопеечный сбор, равный сбору с государственных крестьян. И все же однодворцы старались не выпускать из рук некоторые привилегии. Они оставались лично свободными, т.е. государство не могло пожаловать их в собственность частному землевладельцу или послать на работы в промышленности; за ними сохранялось право владеть крепостными, хотя сравнительно немногие были для этого достаточно богаты. Хотя государство не признавало однодворцев дворянами, они изо всех сил держались за этот статус, особенно начиная со второй половины XVIII в., когда различными указами были ограничены права на владение крепостными для тех, кто не мог доказать своего дворянства. До этих пор многие помещики свободно относили себя к однодворцам, не заботясь о дворянском звании[31]. На деле жизнь многих однодворцев почти не отличалась от жизни государственных крестьян. Они тоже должны были поставлять продовольствие и фураж для полков ландмилиции, подлежали призыву на работы по строительству крепостей и т.д. И все же однодворцы представляли собой явную аномалию в аккуратной структуре русского общества, потому что претендовали на дворянский статус, могли иметь собственных крестьян, а при этом несли обязанность подушной подати и рекрутского набора. В то же время их положение было уникальным, так как на однодворцев не распространялась одна из характерных форм зависимости в русском обществе, а именно — взаимосвязь между членами одной группы. У однодворцев не было системы круговой поруки, каждый отвечал только за свои личные обязательства перед государством, и если не выполнял их, то осталь-

[31] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 726, примеч. 2.

ные не должны были делать это за него, так как однодворческой общины, на которую могли бы возлагать коллективную ответственность, не существовало[32].

ОБЩИНА

Единой особенностью всех типов деревень, заселенных крестьянами, было наличие в какой-нибудь форме более или менее независимой коммуны — общины, или мира. Происхождение общины все еще вызывает оживленные споры, но, согласно новейшим советским исследованиям, к XVIII в. община превратилась в орган крестьянского самоуправления. Она была удобна помещикам, потому что обеспечивала поступление их «феодального» дохода, удовлетворяла государство, которому поставляла налоги и рекрутов, и устраивала самих крестьян, позволяя им сохранять — даже в ущерб интересам помещика — известную степень самостоятельности, опирающейся на обычное право. Община не только регулировала экономическую эксплуатацию поместья и отношения между помещиком и крестьянами, но и частные отношения между самими крестьянами. Благодаря этому сохранялась такая сфера деятельности, в которой находили выражение крестьянские представления о нравственности в экономике и частной жизни, о социальной справедливости.

Крестьянская община, в зависимости от ее величины, избирала некоторое число старост, десятских и т.д., которые и управляли общиной вместе с мирским сходом -- деревенским собранием. Они организовывали земледельческие работы, арендовали пустоши или даже землю с крестьянами, собирали общинные налоги, разрешали споры между общинниками из-за земли или денег, наказывали пьяниц и буянов, беспутных женщин, заботились о сиротах и незаконнорожденных детях, представляли интересы общины при разногласиях с хозяевами или местными властями; через этих представителей общины последние передавали свои правовые и хозяйственные распоряжения. Чем больше была деревня, тем лучше были организованы и работали эти общинные институты. В крупных

[32] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 733 и далее.

имениях в помощь избранным должностным лицам для ведения делопроизводства приставляли канцеляристов.

Естественно, выборные должности в общине, приносившие большое влияние, часто захватывали самые богатые и солидные крестьяне. В этом отражалось уже начавшееся экономическое расслоение. Властям — и государственным, и частным — было удобно привлекать на «официальные» посты тех, кто проявил способности обогащаться собственным трудом, а зажиточным крестьянам, в свою очередь, было выгодно, пользуясь своим официальным положением, перекладывать бремя общинных налогов и повинностей на плечи бедных крестьян. Система коллективных гарантий — круговая порука, — которая действовала в деревнях, как и в других местах, укрепляла эту тенденцию, потому что в интересах богатых крестьян было следить за тем, чтобы все выполняли свои обязанности перед государством. Иначе богатым пришлось бы платить за бедных. Таким образом, материальные интересы чаще заставляли их вставать на сторону властей, чем на сторону своих бедных собратьев.

Деревенское собрание (сход) состояло из взрослых мужчин всей деревни или общины. Именно сходы, решавшие вопросы не большинством голосов, а общим согласием, иногда назначали правомочных депутатов и составляли челобитные с изложением крестьянских жалоб местным или центральным властям, а то и самому государю. Кроме того, деревенские сходы вместе с выборными старостами выполняли две важные и взаимосвязанные функции — раскладку подушной подати и переделы земель.

Теоретически подушную подать платил каждый крестьянин мужского пола, положенный в оклад. Но ревизии душ проводились нерегулярно и обычно тянулись по нескольку лет. Поэтому в них всегда встречались неточности из-за незафиксированных рождений и смертей. Общая сумма налога, приходящегося с деревни, определялась властями на основании последней ревизии, а не реальных данных, и деревня платила подати за умерших до тех пор, пока их не исключали из ревизских сказок. На практике крестьяне собственными силами устанавливали относительную справедливость при помощи системы, которая сводила подушную подать к фикции, превращая ее из сбора с отдельного человека в сбор с единицы налогообложения — с тягла. Слово «тягло» имеет много значений и охватывает как обязанность, так и способность платить налоги. Как правило, это понятие означало единицу рабочей силы, состоящую

из мужа и жены. Крестьянское хозяйство могло включать не одно такое тягло, а несколько, в зависимости от числа входящих в него семейных пар, холостых и незамужних. Незамужних женщин иногда исключали из тягла, а малолетних детей могли считать за половину или четверть тягла. Количество земли и скота в хозяйстве община также принимала в расчет при определении числа тяглых единиц. В этой системе не существовало единообразия, она различалась в зависимости от обычаев, принятых в той или иной местности. Не было и общего правила относительно возраста, с которого молодого человека включали в тягло, — это решал чиновник, староста или сход. Нижняя граница, кажется, составляла 14 лет, а верхняя — 65, после чего крестьянина полагалось освобождать от налогового бремени[33]. Как только определялось общее число тяглых единиц, сумма подушной подати с деревни поровну раскладывалась на них, причем основная тяжесть ложилась в целом на тех, кто был физически способнее ее вынести, а бремя слабых — вдов с малыми детьми, пожилых — облегчалось.

Происхождение практики переделов земли вызывает много дискуссий. В XVIII в. переделы, несомненно, охватывали все земли, заселенные крепостными, дворцовыми и церковными крестьянами Центральной России, и частично — земли государственных крестьян. В Северо-Восточной России переделы встречались гораздо реже, а в Сибири в них просто не было необходимости. Через определенные промежутки времени община перераспределяла участки между тяглыми единицами, чем обеспечивалась справедливая доля земли хорошего качества, пастбищ и лугов, наделов поблизости от деревни или возле воды и т.п. для каждого тягла. Тем самым земля дробилась на множество мелких полосок, но обрабатывали ее сообща.

Практика переделов земли отвечала интересам помещика, государства и крестьянина. Отсюда, вероятно, ее устойчивость и стремление вводить переделы там, где их раньше не было[34]. С точки зрения государства надлежало обеспечить крестьянина достаточным земельным наделом, чтобы он был в состоянии содержать себя с семьей, и еще оставался бы излишек продукции на уплату нало-

---

[33] Подробнее см.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 110.

[34] См., например, требования об уравнивании земель, выдвигавшиеся государственными крестьянами и однодворцами перед Уложенной комиссией в 1767 г. (см. ниже, гл. 11).

гов государству или оброка в пользу хозяина (или время на отработочные повинности). Интересы помещика совпадали с интересами государства, так как они делили между собой в различных пропорциях прибавочную стоимость крестьянской продукции. С точки зрения крестьянина, переделы земли обеспечивали его средствами, чтобы платить налоги государству, оброк помещику, удовлетворять разнообразные нужды семьи. Более того, уравнивание земельных наделов отвечало крестьянскому пониманию социальной справедливости, так как сокращало возможности устойчивой имущественной дифференциации внутри деревни. Равное распределение тягот разрешало проблему имущественного уравнивания. Эта система порождала значительные затруднения, когда деревня разделялась на части между разными владельцами при наследовании или продаже, так как община продолжала держаться представления о неделимости общинной земли, хоть у нее и могло появиться несколько разных владельцев[35].

РАБОЧАЯ СИЛА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С чисто юридической точки зрения промышленную рабочую силу следует рассматривать как часть крестьянства, так как она выходила из недр крестьянства и часто в него же возвращалась. В широком смысле промышленная рабочая сила в России распадалась на две группы, «подневольную» и «вольную», но сущность этих понятий требует некоторых разъяснений. К первой группе относились посессионные крестьяне, принадлежавшие предприятию, а не хозяину предприятия; приписные государственные крестьяне, прикрепленные к предприятию на более или менее долгий срок и оставшиеся при этом государственными; крепостные, принадлежавшие частным владельцам, которые использовали труд своих крестьян на промышленных предприятиях, расположенных на их собственных землях. Подневольная рабочая сила дополнялась вольной, «случайно» закрепощенной при переписи 1736 г., когда работников при-

[35] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 122. В работе В. А. Александрова приведен прекрасный современный анализ общины (см.: *Александров В. А.* Указ. соч.). К сожалению, очень мало источников отражает положение государственных крестьян или крестьян в мелких имениях.

писали к предприятиям, а также осужденными, бродягами без средств к существованию, незаконными детьми, беглыми крепостными, староверами и всяческими отбросами общества, которые, согласно русской административной практике, подлежали жесткому прикреплению к определенному месту и социальной категории.

Крепостное право в промышленности коренилось в стремлении Петра I создать материальную базу, необходимую России для поддержания статуса великой державы. В 1721 г. он позволил предпринимателям из купцов покупать крепостных для использования в промышленности, с условием, чтобы их вывели с земли и навечно прикрепили к самому предприятию. Указом 1752 г. определялось, сколько семей крепостных положено покупать на каждую домну, ткацкий станок и т.д.[36]

Размеры жалованья промышленных рабочих были установлены Петром Великим в 1724 г. и почти не менялись в течение первой половины XVIII в. Самые подробные сведения об этом восходят к 1737 г. Тогда на государственных металлургических заводах мастера получали 30—36 руб. в год, младшие мастера — 18—24 руб., подмастерья и неквалифицированные рабочие — 10—15 руб. По данным на 1766 г., слесарь зарабатывал 30 руб. в год, кузнец — 18 руб., токарь — 16 руб., подмастерье — 12 руб. Доменный мастер получал 36 руб. в год, младшие мастера — по 24 руб., рабочие — по 16 руб., подмастерья — по 15 руб.[37] С этой суммы промышленный рабочий платил подушную подать в размере 70 коп. наличными, но он не должен был, в отличие от государственного крестьянина, платить сверх этого еще и оброк государству. Жалованье промышленных рабочих вполне сопоставимо по величине с платой, получаемой канцеляристами и копиистами, стоявшими на нижней ступени чиновной системы. Более того, в некоторых районах, а именно на Урале, промышленные крестьяне пополняли средства к существованию плодами окрестных земель и лесов, наряду с трудом женщин их семей (мальчиков обучали промышленным ремеслам). Там, где доступа к земле не было и где рабочие жили в казармах при заводе, они могли наниматься на другие работы — перевозки, лесоповал и др. Учитывая большое разнообразие географических условий и качества земель, можно предполагать, что материальный уровень жиз-

---

[36] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 458—459, примеч. 2; ПСЗ. Т. XIII. № 9954, 12 марта 1752 г.

[37] Очерки по истории СССР. XVIII век... С. 118; *Portal R.* L'Oural au XVIIIe siècle. Paris, 1950. P. 217—218.

ни рабочих на Урале был выше, чем у промышленных рабочих многих западных стран[38].

С точки зрения права промышленный крестьянин был в некоторых отношениях привилегированным. Его невозможно было продать отдельно от завода, отпустить на волю или перевести с одного предприятия на другое, забрать в армию в зачет за другого рекрута. Его вдова и дочери могли выходить замуж вне пределов завода, не испрашивая разрешения и не платя откупных[39]. Заводской крестьянин имел право по законным каналам жаловаться на плохое обращение с ним заводского начальства, и это было важное право, даже если жалобы оставались незамеченными.

Наряду с дворянами-помещиками и управляющими государственными сельскохозяйственными имениями заводские правления пользовались в отношении промышленных крестьян широкими юридическими полномочиями. Нарушения крестьянами закона приравнивались к нарушению производственной дисциплины. Правления имели власть налагать телесные наказания и штрафы. Тем не менее государство частично ограничивало юрисдикцию правлений в силу одной из особенностей российской промышленности, заложенной Петром I. Весь комплекс мануфактурных производств, за исключением предприятий в дворянских имениях, где работали их собственные крепостные, подчинялся власти двух центральных учреждений -- Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии — и не подлежал юрисдикции органов местной власти — губернаторов, воевод, городовых судов или магистратов. Крупные споры между администрацией и рабочими передавались прямо в эти две центральные коллегии, а в других случаях приговоры, вынесенные на месте, подлежали утверждению в коллегиях. Посессионные кресть-

---

[38] По оценкам Р. Порталя, ежедневная покупательная способность рабочих на Урале была такова:

	в год руб.	в день	зерно	пшеничная мука	мясо
Подмастерья	12	3 $^1/_3$ коп.	10—12 кг	5 кг	2—3 кг
Квалиф. рабочие	18	5 коп.	16—20 кг	8 кг	3—4 кг
Мастера	30	8 $^1/_3$ коп.	27—32 кг	13 кг	4—6 кг

Впрочем, автор предупреждает, что эти цифры, возможно, завышены, так как отражают оптовые цены в плодородной местности (Ibid. P. 249).

[39] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 479, примеч. 4. Здесь помещен текст указа от 15 сентября 1763 г., который не был включен в ПСЗ.

яне находились под более жестким контролем государства, чем другие категории промышленных рабочих, так как изначально они представляли собой своеобразное государственное пожалование, субсидию на развитие промышленности в виде рабочей силы.

Жизнь промышленных рабочих была тяжела. Рабочий день практически не ограничивался (согласно Уложению 1649 г., работу полагалось прекращать за три часа до заката по субботам) и в среднем, судя по всему, составлял 12—13 часов с перерывами на еду. Труд детей и женщин также не регулировался (детский труд очень широко использовали в текстильной промышленности)[40], жалованье часто задерживали, рабочим приходилось покупать все необходимое на предприятиях, и скоро они оказывались в долгах. Однако промышленные рабочие хорошо понимали, что их положение перед законом куда лучше, чем у помещичьих крестьян. «Они нам не хозяева, а мы им не крепостные» — так они говорили о владельцах мануфактур.

Если крепостные в промышленности составляли ядро квалифицированной потомственной рабочей силы, то для многочисленных вспомогательных работ — перевозок, строительства, лесозаготовок, обжига угля, приготовления пищи — требовалось куда большее количество неквалифицированных работников. Эта потребность удовлетворялась при помощи «приписывания» к конкретным предприятиям целых деревень с государственными крестьянами, получавшими название «приписных». В 1762 г. к государственным мануфактурам было приписано 99 330 крепостных душ мужского пола, а на частных предприятиях работало 43 187 приписных. Предполагалось, что приписной крестьянин должен отработать на предприятии подушную подать и оброк, причитающиеся с него государству, а затем возвращаться к себе в деревню. Но фактически эти отработки не сводились только к его личным обязанностям перед государством, потому что деревню приписывали к фабрике целиком, и крестьяне, уходившие на фабричную работу, обязаны были отработать полностью оброк и подушную подать за всю общину, включая и оставшихся дома[41]. Однако крестьян часто задерживали на заводе гораздо дольше, за что им причиталось жалованье, сравнительно высокое в силу нехватки рабочих рук. Согласно тарифу 1724 г., действовавшему до 1768 г., крестьянин с лошадью зарабатывал 10 коп.

---

[40] См.: *Zaozerskaya E.I.* Le salariat dans les manufactures textiles russes au XVIII siècle // CMRS. 1965. Vol. II. № 6. P. 189—222.

[41] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 314.

в день (т.е. 31 руб. 20 коп. в год при шестидневной рабочей неделе), а крестьянин без лошади получал 5 коп. в день.

Приписные крестьяне оставались членами своей деревенской общины. Из-за дальних российских расстояний им нередко доводилось преодолевать по 300—500 верст, чтобы добраться до предприятия, к которому их приписали. Отработав свое, они шли обратно в деревни, и на эти путешествия вполне могло уходить месяца по два в каждую сторону. На время работы на предприятии приписные крестьяне поступали под юрисдикцию его правления, так же как промышленные крепостные. В остальное время приписные, будучи государственными крестьянами, подлежали юрисдикции местных административных органов. Крестьянину, приписанному к государственному предприятию, в целом жилось лучше, чем крестьянину, приписанному к частному предприятию. На государственные предприятия поступало больше рабочей силы, а мотивы извлечения дохода играли здесь не такую важную роль, как на частных. Но в обоих случаях приписные крестьяне бунтовали, когда их надолго отрывали от семьи и от родной деревни.

Трудно точно определить масштабы использования вольнонаемного труда в середине XVIII в. Слово «вольный» в данном случае относится не к личному статусу отдельного рабочего, который мог являться крепостным, государственным или церковным крестьянином, а к отношениям между работником и предприятием, основанным на контракте. В 50-е гг. XVIII в. на уральских металлургических заводах сложилась тенденция к росту использования труда вольнонаемных и к сокращению числа приписных крестьян, чей труд оказывался невыгодным[42].

Начиная с 50-х гг. промышленники недворянского происхождения уже не всегда использовали свое право покупать деревни с крепостными для работы на предприятиях, а предпочитали труд вольнонаемных работников. Для многих видов мануфактурного производства покупка деревень означала и непроизводительные расходы, и неудобства. Владельцу предприятия в этом случае приходилось вкладывать средства в приобретение земли и содержание нетрудоспособных иждивенцев, и к тому же необходимо было оставлять достаточное число работников на земле, чтобы обеспечивать пропитание крестьян. Помимо этого мануфактурные производства часто размещались в городах или поблизости от них, где легче

[42] *Portal R.* Op. cit. P. 280.

было найти наемных работников[43]. Таким образом, доля наемного труда в общем количестве промышленной рабочей силы быстро возрастала. К середине 60-х гг. XVIII в. только 26% предприятий использовали исключительно труд крепостных, а большинство фабрик применяло смешанную рабочую силу. Разница в жалованье посессионных крестьян, вольнонаемных и приписанных «навечно» была постоянным источником взаимной враждебности и недовольства работников. Хуже всех жилось рабочим вотчинных предприятий, где владелец применял труд собственных крестьян. Здесь не существовало никакого контроля со стороны государственных органов и никаких способов принести жалобу на хозяина, который был вправе поставить дело как ему угодно. Здесь часто сколачивали из крестьян артели, снабжали их только едой и одеждой, селили в бараках. Хозяин, естественно, располагал теми же правами распоряжаться их частной жизнью и трудом, которыми пользовался в отношении крепостных крестьян, обрабатывавших его земли.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Основополагающую роль в отношениях между дворянством, горожанами и крестьянством в сфере экономики играл земельный вопрос. Полноправное владение землей как вотчиной, наследственным или аллодиальным имением, исконно существовало в России, хотя в конце концов оно сосредоточилось в руках князей, бояр и военных служилых людей. Но в XVI в. Иван IV ввел принцип, гласивший, что «вся земля должна служить». Теперь бояре были обязаны служить, потому что владели землей, а служилые, помещики (будущие дворяне), наделялись землей, за которую с них требовалась служба. Если вотчинные земли в прошлом обрабатывали различные виды рабочей силы — от свободных арендаторов до временных или постоянных крепостных или даже рабов, — то поместье, т.е. условное владение за службу, обрабатывали крестьяне, прикрепленные к данному поместью. В течение XVII столетия обе формы земельного держания, вотчина и поместье, и оба вида рабочей силы (поместные и вотчинные

[43] Советский историк Е. И. Заозерская оценивает общее число крепостных, купленных для всех видов промышленных предприятий за период 1720—1750 гг., в 85 тыс., в то время как у В. И. Семевского приведена цифра 60 тыс. за 1700—1760 гг. См.: *Kahan A.* Continuity in Economic Activity and Policy during the Post Petrine Period in Russia // Journal of Economic History. 1965. Vol. XXV. P. 61—85.

крестьяне) слились воедино если не по закону, то фактически. Поместье рассматривалось уже как наследственное владение, подобное вотчине, и могло быть продано, заложено, завещано, как унаследованная, вотчинная земля. Землю поместья стали рассматривать как частную собственность, на которой крестьяне получали свои наделы не от государства, а от помещика-землевладельца[44].

Однако в XVII в. земельные пожалования раздавали не только за военную службу. Поместья доставались также приказным и служащим различных государственных учреждений как главная часть их жалованья[45]. В 1714 г. Петр I наконец узаконил слияние вотчины с поместьем (т.е. наследственного имения с пожалованным за службу), отнеся оба вида к одной категории наследственных владений с соответствующими правами собственности. Одновременно он прекратил раздачу земель в условное владение за службу, заменив эти пожалования денежным содержанием (которое часто выплачивалось с длительными проволочками). Но многие чиновники-недворяне, канцеляристы, военные низших рангов, служители церкви остались хозяевами имений с крепостными, бывших поместий, а теперь фактических вотчин, владеть которыми они были не вправе согласно Уложению 1649 г. Поначалу это обстоятельство оставалось незамеченным, но с введением подушной подати в 1721 г. и рекрутского набора для недворян аномалия привлекла к себе внимание, ведь хозяин вотчины как дворянин не подлежал личному налогообложению в виде подушной подати. Теперь было решено, что служилое поместье могло быть собственностью только природного (или пожалованного) дворянина[46].

Принцип «земля должна служить» вместе с закрепощением крестьян послужил тормозом развития свободного рынка земли. Еще одно препятствие возникло из-за того, что даже когда земля наконец оказывалась в руках индивидуального владельца, использовалась она коллективно. Давление этого коллективного землепользования, как и коллективной гарантии исполнения повинностей — подушной подати, рекрутского набора, отработок, наряду с принудительным прикреплением крестьянина к общине, препятствова-

---

[44] См.: *Эльяшевич В. Б.* История права поземельной собственности в России. Paris, 1951. T. II. С. 1.

[45] См.: *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России... С. 219.

[46] См.: *Герман И. Е.* История русского межевания. М., 1910. С. 190; *Троицкий С. М.* К проблеме консолидации дворянства в России в XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. VIII. С. 132.

ло образованию класса индивидуальных фермеров-земледельцев на базе свободного рынка земли, подобных французским laboureurs или английским йоменам. Помещик, отпуская на волю крепостного, не мог предоставить ему землю в индивидуальное пользование, даже если бы захотел, так как бывший крепостной должен был принадлежать к какому-либо коллективному сообществу, чтобы выполнять свои обязанности перед государством. В результате представление о частной собственности на землю и об ее индивидуальной эксплуатации сохранялось лишь в мелких социальных группах — среди однодворцев и пахотных солдат, а рыночное обращение земли существовало в крайне ограниченном масштабе и обычно скрывалось с помощью множества правовых трюков.

Земли в России хватало, однако хаотическое состояние земельного права вело к яростным конфликтам, даже к вооруженным столкновениям из-за земли. Между помещиками, поднимавшими на войну своих крепостных, происходили настоящие сражения, они совершали грабительские налеты друг на друга, увозили урожай, угоняли скот. Захваты земель были повсеместны: помещики отнимали их друг у друга, у однодворцев, у городов и государственных крестьян, у всякого, чей титул вызывал хоть малейшие сомнения, и у самого государства. Государство уже не знало, сколько заселенных и незаселенных земель в его распоряжении, не говоря уже о площади пустошей, лесов, пограничных областей (засек) или громадных территорий Поволжья и Заволжья. Не имелось и четких сведений о том, какие возделанные земли переданы заводчикам, купцам и т.д. и на каких условиях. Встречались даже деревни с крепостными, ни за кем официально не числящиеся. Дворянство все сильнее настаивало на закреплении за ним монопольного права на все формы земельной собственности, что привело в 1746 г. к появлению закона, запрещавшего приобретать землю всем податным категориям, кроме купцов, которым все же позволили покупать деревни с крестьянами — только для промышленных предприятий[47]. Однако и тут главным было «приобретение», а не «владение».

Реакцией власти на царившее в сельской местности беззаконие стало новое межевание земель и землевладения. Практика описания, межевания и регистрации государственных земель играла важную роль еще в Московском государстве. Властям нужно было знать, сколько имеется земель, пригодных для пожалования в поместья, сколько уже пожаловано, судить о том, отслужил ли поме-

[47] ПСЗ. Т. XII. № 9267, 14 марта 1746 г.

щик государству и достоин ли он права на поместье. После того как Петр I в 1714 г. заменил пожалование поместий выплатами из казны, исчезла и зависимость между земельным держанием и службой. Правительство больше не заботилось о тщательном письменном учете земельных держаний, поместья переходили из рук в руки, передавались по наследству, а земельные кадастры (писцовые книги) уже не имели никакого отношения к действительности. Последнее межевание проводилось в 1684 г. К середине XVIII в. старые межи были забыты, перемещены или заросли, и частые судебные тяжбы между землевладельцами сплошь и рядом кончались стычками. Наконец в 1754 г. вышел указ о генеральном земельном межевании. Он должен был отделить частные земли от государственных и удостоверить права на землю их владельцев (эта методика восходила к старой практике подтверждения прав на поместье). Все недворяне, даже приобретшие заселенные земли по закону, теперь обязывались продать их в течение шести месяцев. Под новый запрет попали целые группы владельцев крепостных, например потомки чиновников московской бюрократической системы (приказные люди), военнослужащие низшего ранга (боярские дети), немногие церковники, личные дворяне и купцы, сумевшие удержать до этих пор свою землю. С другой стороны, и дворяне, не сумевшие доказать свои права на государственные земли, так как незаконно их присвоили, были вынуждены возвратить их в казну. В итоге межевание шло очень медленно, за одиннадцать лет было переписано всего 359 дач, или земельных наделов, площадью в 57 319 десятин[48].

Екатерине невольно пришлось обратить внимание на хаос, царящий в этой сфере, во время секуляризации церковных земель в 1764 г., когда оказалось крайне трудно определить границы участков, выделяемых на содержание церквей и монастырей[49]. По своему обыкновению, императрица 20 февраля 1765 г. передала этот вопрос в специальную комиссию. В результате был провозглашен Манифест о земельном межевании от 19 сентября 1765 г. В нем содержались новые принципы подхода к межеванию, четко отделявшие обмер и описание земель и их продукции от вопросов о правах собственности. Правительственные землемеры должны были за-

---

[48] ИПС. Т. II. С. 404; *Герман И. Е.* Указ. соч. С. 174—183. Термин «дача» обозначал земельный массив с деревнями, на котором могло размещаться несколько поместий или имений. Так как поместье состояло из ряда дворов и земли, дающей определенное количество зерна, то площадь дачи не указывалась точно, и в ее пределах могло находиться много пустошей.

[49] См. гл. 7.

ниматься первым; споры из-за размежевания следовало передавать в особые межевые суды, а проблемы оспариваемых прав представлять на рассмотрение Вотчинной коллегии.

Однако межевание, как ни странно, не разграничивало индивидуальных помещичьих владений. Оно предполагало обмер, описание и выделение земель деревням, заселенным крепостными, государственными крестьянами, однодворцами, и точно так же отмеряло и раздавало земли городам, церквям и соборам. Если вся деревня принадлежала одному хозяину, то надел и права на него совпадали. Но если деревня делилась на несколько частей, принадлежавших разным людям, то раздел реально существующих владений проводился по соглашению между помещиками или межевщиками за счет владельцев. Там, где имелись незанятые земли, а существующие наделы деревни были нечеткими, особое значение как самостоятельный фактор приобретала рабочая сила: на каждую душу мужского пола выделялось по восемь десятин.

Итак, главным принципом межевания служили не права собственности индивидуального землевладельца, а установление размеров и границ земли, принадлежавшей той или иной деревне, независимо от количества ее владельцев или принадлежности государству. Был подтвержден запрет на индивидуальное владение землей всем лицам, положенным в подушный оклад, хотя на коллективной основе им могли выделять земли — например, всей деревне. Смысл межевания земель состоял не только в том, чтобы навести порядок в сельской местности, разрешив все земельные споры. Оно также повлекло за собой заметное увеличение запашки. Пустующие земли на территории существующих владений были теперь розданы деревням, а крупные земельные участки в местностях с редким населением продавались по 1 руб. за десятину, в то время как незаконно захваченные или заселенные земли продавались их держателям в три раза дороже. По частям в несколько сот десятин раздавали громадные территории. В результате класс землевладельцев и крестьянство в целом были поставлены на путь систематической интенсификации сельскохозяйственного производства, характерной для последней четверти XVIII в.[50]

Межевание началось 13 июня 1766 г., когда отряды землемеров вышли из ворот Москвы, и к 1796 г. было описано свыше 165 тыс. земельных наделов площадью около 144 млн десятин в двадцати двух

[50] Классическую работу о Генеральном земельном межевании написал И. Е. Герман (см. примеч. 46). Примеры индивидуальных приобретений см.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 64 и далее.

губерниях. Межевание продолжалось и при Павле I, и после него. На основе принципов, выработанных в 1766 г., к 40-м гг. XIX в. межеванием была охвачена почти вся Европейская часть России.

Незаконное землевладение продолжало существовать, но именно из-за того, что его скрывали посредством различных законодательных хитростей, трудно оценить масштабы этого явления[51]. Похоже, что купеческое землевладение больше распространилось в северо-восточных областях России, где было мало дворян. Купцы приобретали землю прямой покупкой, или получая ее от крестьян за долги, или даже через аренду государственных или помещичьих земель. Крестьяне на таких землях низводились до положения «половников» и продолжали работать на своих новых хозяев[52]. Купеческое землевладение часто означало, что купец, хотя и приписанный к городу, оставлял свои основные занятия, чтобы посвятить себя исключительно сельскохозяйственному производству товарного типа — выращиванию зерна, скота, заготовке сена на продажу. Повсюду, где имелась доступная земля, где было мало помещиков-дворян и существовала возможность использовать труд инородцев (например, в Саратове на Волге), купцы стремились развивать товарную эксплуатацию сельского хозяйства.

Еще более распространенной, чем купеческое землевладение, была покупка или аренда земли крепостными или государственными крестьянами. Богатые крестьяне покупали или арендовали землю у собственных помещиков или у соседних частновладельческих или казенных деревень и покупали крепостных для работы на этих землях — все это делалось под именем помещиков-землевладельцев. Особенно крупными были покупки для промышленных крестьянских предприятий. Так, род Грачевых в шереметевском имении Иваново приобрел в собственность 1144 десятины и 244 души мужского пола[53].

---

[51] Наследникам чиновников и церковников, которым достались законно полученные предками земельные пожалования, было разрешено сохранить эти маленькие наследственные наделы (ПСЗ. Т. XV. № 10796, 6 февраля 1758 г.). При Екатерине II межевание не успело охватить Малороссию; в 1795 г. в Киевской губернии были все-таки записаны помещиками 13 крепостных, 212 горожан, 3744 казака, 833 разночинца и 122 канцеляриста — всего 4947 человек из общего числа дворянского населения Левобережной Украины, составившего 22 562 человека (см.: *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России. 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153—158, таблицы).

[52] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 28 и далее.

[53] О подробностях, касающихся платы за такие приобретения, и о крупных покупках см.: Там же. С. 38 и далее.

Глава 7

Православная церковь

Церковь — по крайней мере, в столице — старалась облегчить Екатерине II путь к власти, и потому после восшествия на престол новая императрица первым делом поспешила возместить тот урон, который Петр III нанес духовенству, грубо задев его за живое[1].

В свое время церковь и ее иерархи уже пострадали от крутых петровских преобразований. Петра I гораздо меньше заботило спасение душ его подданных, чем их моральное и материальное благополучие. Пренебрегая тем, что дело церкви — забота о потусторонней жизни, царь заставлял ее служить своей цели в жизни земной и воспитывать честных и надежных слуг государства.

Петровская политика не могла не вызвать культурного потрясения, от которого Россия, пожалуй, так и не оправилась. В Московском государстве церковь выступала единственной силой, объединявшей все группы населения, от вершины до основания социальной пирамиды, общностью веры, обрядов, народных и семейных праздников. С внедрением европейских светских идей жизнь разных классов пошла в разном темпе, в зависимости от того, в какой степени они усваивали новые обычаи. Основы единства общества оказались существенно подорваны. В 1720 г. против воли священнослужителей был введен новый «Духовный регламент», составленный архиепископом Феофаном (Прокоповичем) — главным теоретиком петровского абсолютизма. В 1721 г. учреждается Духовная коллегия, сменившая у руководства церкви Патриархию, деятельность которой была временно приостановлена еще в 1700 г. Этот новый институт, позже переименованный в Святейший синод, состоял из одиннадцати—двенадцати членов, причем не обязательно

---

[1] 15 июля 1762 г. Екатерина II отменила указ Петра III, запрещавший сооружение домовых церквей (ПСЗ. Т. XV. № 11612). См. гл. 1.

из епископов, а возглавлял его президент. В 1722 г. в Синод назначили обер-прокурора, в чем выразилось распространение власти бюрократии в области управления делами церкви. В результате епископы лишились права по должности участвовать в коллегиальном руководстве церковью[2]. Принцип создания коллегий, который Петр I применил в светской сфере, распространился и на церковь: появился орган управления, созданный царем и подчиненный царю, теоретически занимавший равное положение с Сенатом.

На Синод было возложено руководство церковной администрацией, его юрисдикция распространялась и на духовенство, и на многие стороны жизни общества. Синод осуществлял религиозную цензуру (так, запрещено было изображать Троицу с тремя ликами и четырьмя глазами), расследование ересей и всяческих чудес, защиту членов духовного сословия в гражданских судах[3]. Что до мирян, то они попадали в сферу церковной юрисдикции в основном при крещении, венчании, отпевании или при составлении завещаний. Некоторые преступления против религии подлежали церковному суду — колдовство, святотатство, неявка к исповеди и причастию хотя бы раз в год (эту меру ввели, чтобы выявлять сектантов-староверов). Кроме того, священники должны были заставлять верующих приходить в церковь к вечерне, обедне и заутрене по случаю двадцати восьми ежегодных церковных праздников.

В 1700 г. помимо Патриаршего двора существовала двадцать одна епархия. Все они сильно отличались друг от друга размерами и редко совпадали со светскими административными единицами. В середине столетия епархия патриарха была разделена на четыре епископства — Московское, Костромское, Переславль-Залесское и Тамбовское. Титул митрополита не был привязан к какой-либо епархии, но принадлежал лично духовному лицу, возглавляющему епархию. Епископы обладали значительными полномочиями: они надзирали за верой и нравственностью, за отправлением церковных служб, за выбором и назначением приходских священников, отстаивали интересы духовенства перед чиновниками. С другой стороны, епископы самовластно правили подчиненным духовенством. Церковные суды приговаривали священников и церковников к жестоким телесным наказаниям. Один архиепископ потребовал, чтобы духовенство присягнуло ему лично, и уже в 1773 г.

---

[2] *Smolitsch I.* Geschichte der Russischen Kirche. 1700–1917. Leiden, 1964.

[3] Ibid. S. 115.

властям пришлось запретить архиепископам издавать указы о производстве людей в офицерский чин, т.е. возводить из мирян в дворянство[4]. Произвол и даже грубость епископов неизбежно приводили к падению нравов в среде приходских священнослужителей, которые могли рассчитывать на продвижение по службе, только угождая своему начальству.

Духовное сословие делилось на черное, или монашествующее, духовенство и белое, приходское, которому полагалось жениться до рукоположения в сан. Епископы выходили из черного духовенства, белое же не могло подняться выше сана протоиерея. Белое духовенство в XVIII столетии постепенно превращалось в замкнутое сословие. Из него трудно было перейти в другие социальные группы и почти невозможно было попасть в число церковников со стороны. Священники пользовались крупным преимуществом: они не платили подушную подать и не подлежали рекрутскому набору. Кандидатов на пост священника предлагали прихожане, когда возникала вакансия, и после краткосрочного обучения епископ рукополагал их. В интересах государства было убедиться, существует ли вакансия на самом деле, и проследить, чтобы на нее не назначили человека из податного сословия. С другой стороны, семьи священников были заинтересованы в том, чтобы на приходы назначались их сыновья или зятья, ведь иначе они рисковали попасть в массу податного населения. Таким образом, интересы государства и духовенства ограничивали пополнение числа священников извне[5]. Но поскольку приходскому духовенству полагалось вступать в брак, то неизбежно число поповских сыновей значительно превышало число приходов, которые они могли бы занять. Государство решало эту проблему, периодически приписывая лишних сыновей духовенства, а также церковников с сыновьями то к податному сословию, то, как было при Анне Иоанновне в 1736 г., прямо в армию. Во время ревизий 40—50-х гг. XVIII в. члены духовного сословия, промедлившие с выбором статуса плательщика, могли угодить в крепостные.

Помимо прочих реформ Петр I заложил основы «устройства» приходов. На общину в 100—150 дворов приходился один священник, на 200—250 дворов — два священника, на 250—300 — трое священ-

---

[4] *Smolitsch I. Op. cit.* S. 409; ПСЗ. Т. XIX. № 13986, 25 мая 1773 г.

[5] Много информации по этому вопросу содержит основательное исследование Г. Л. Фриза: *Freeze G.L.* The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge; London, 1977.

ников и соответствующее количество причта, т.е. не имевших сана церковных служителей (пономарей, ризничих, дьяконов и др.). К 1764 г. духовное сословие — штатные священники, дьяконы и церковные служители (без иждивенцев) — насчитывало 67 111 человек. Они обслуживали 15 671 церковь и небольшое число домовых церквей[6].

Культурный уровень приходского духовенства был так же низок, как и уровень его жизни. Главным источником дохода служила плата прихожан за церковные обряды — требы, а также добровольные подношения и урожай с земли, приписанной к приходской церкви, которую батюшке нередко приходилось обрабатывать самому.

С распространением европейских обычаев и культуры в среде дворянства пропасть между попом и дворянином все расширялась. Священник никогда не был по общественному статусу равен помещику и смотрел на последнего как на «барина», хозяина, подобно любому крестьянину. Там, где преобладало крепостное хозяйство, на положении священника неизбежно сказывалось отношение помещика к его крестьянам, и он почти в такой же степени, как крепостные, зависел от барина. Пагубное воздействие этой зависимости на духовный и моральный уровень служителей церкви отмечали в России с начала XVIII в. Самые просвещенные люди понимали, что духовенство нуждается в надежном источнике существования, способном освободить его от непосильного труда на земле и от зависимости от крестьянской платы за требы. Но фактически для повышения социального статуса приходского духовенства и укрепления его морального авторитета ничего не делалось.

Не прошло и недели после воцарения Екатерины II, как 3 июля 1762 г. она приказала Сенату рассмотреть политику, которую надлежит проводить в отношении церкви. Церковные иерархи, почувствовав колебания молодой императрицы, поспешили оказать давление на отдельных сановников и учреждения, чтобы вернуть свои земли. Архиепископ Московский Амвросий пожаловался на солдат Петра III, которые, оказывается, удили рыбу в церковных рыбных садках, а архиепископ Ростовский Арсений горестно описывал канцлеру Бестужеву-Рюмину, как у него переловили всю домашнюю птицу.

Первое, что предложил Сенат уже 16 июля того же года, — вернуть церкви ее владения, но при условии повышения налога с церковных крестьян на 1 руб. с каждой души, с тем чтобы 50 коп. шло на церковь, а 50 — на благотворительность. Впрочем, предлагалось

---

[6] *Smolitsch I.* Op. cit. S. 709—710.

также разрешить крестьянам выбирать собственную администрацию. И если церковники выражали удовлетворение первой половиной сенатского предложения, то отвергали идею разделения дохода пополам.

В рядах высшего духовенства наметился раскол, в котором отразилось различие образования и культурных пристрастий среди иерархов церкви. Великорусские иерархи во главе с архиепископом Новгородским Димитрием (Сеченовым) с готовностью восприняли идею сложить с себя бремя управления сельскохозяйственными имениями и превратиться в государственных служащих на жалованье, таких же, как военные или чиновники. Но епископы из малороссов, проникнутые польским гонором, нередко происходившие из помещичьих семейств, приравнивали защиту своей материальной независимости к защите свободы самой церкви[7].

Архиепископ Новгородский был по душе Екатерине. Как она писала Вольтеру, «он не гонитель и не фанатик. Ему отвратительна идея двух властей» (речь идет о равноправии церкви и государства)[8]. Кроме того, для сотрудничества с императрицей у него были и прозаические причины — тысяча душ, пожалованных ему лично за поддержку Екатерины при ее вступлении на престол. Поэтому архиепископ предложил учредить смешанную комиссию из светских и церковных представителей для выяснения, достаточен ли будет для нужд церкви доход в 50 коп. с души. Екатерина же 12 августа 1762 г. подписала манифест о временной передаче церковных земель обратно под управление церкви[9].

В самые первые недели царствования императрице приходилось действовать с большой осторожностью, чем, вероятно, и объясняется это ее решение. Очевидно, что она не могла позволить себе рассердить высшее духовенство, особенно тех, кто ей помог. Существует мало данных, позволяющих судить, что думали об этом в придворных кругах. Похоже, что А. П. Бестужев-Рюмин склонялся на сторону церковных иерархов, а Никита Панин, стоявший ближе к традициям Просвещения, предпочитал передать церковное имущество в государственное управление[10]. С точки зрения церкви ека-

---

[7] *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. II. С. 449; см. также: *Smolitsch I.* Op. cit. S. 346.

[8] Ibid. S. 709—710.

[9] ПСЗ. Т. XV. № 11643.

[10] *Карташов А.* Указ. соч. Т. II. С. 450; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975. P. 140—142.

терининский манифест 12 августа 1762 г. содержал несколько зловещих предзнаменований на будущее. В нем звучал намек на то, что желательно было бы освободить церковь от мирских забот, и с сожалением отмечалось, что в прошлом государству приходилось учить церковь, как ей следует обращаться со своими крестьянами. И, не желая присвоить себе церковные вотчины, продолжала государыня, она все же обязана установить законы о наилучшем использовании церковных земель во славу Всевышнего и на благо отечества.

29 ноября 1762 г. была учреждена Комиссия о духовных имениях. В нее входили митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов), архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил (Кременецкий), епископ Переславль-Залесский Сильвестр (Старогодский) (это был не слишком храбрый противник секуляризации). Из мирян в комиссию вошли граф И. Л. Воронцов, князь Б. А. Куракин, князь С. Гагарин, обер-прокурор Святейшего синода князь А. С. Козловский, а главное — Г. Н. Теплов, движущая сила как в этой, так и в других сферах преобразований того периода. Инструкция комиссии была выдержана в дидактическом тоне, к которому так часто прибегал Петр I. В ней императрица отмечала (вероятно, это была мысль Теплова), что слово Божье есть основа благосостояния страны, но, к несчастью, простые люди далеки от понимания этого. В самом деле, многие священники оставались «непросвещенными», необразованными людьми и служили дурным примером народу. Цель предоставления церкви обширной недвижимой собственности заключалась в том, чтобы обеспечить духовенство скромным, но приличным доходом, а также позволить ему содержать школы и печься об убогих. Теперь было предложено, чтобы комиссия провела ревизию «учреждений» при епархиях, монастырях, соборах и т.д. Она получила чрезвычайно широкие полномочия. Комиссии предстояло заново переписать все земли и души во владении церкви, оценить имеющиеся у нее экономические ресурсы и наметить, как развивать церковное хозяйство, не обременяя крестьян сверх меры. Определив величину доходов каждой епархии, комиссия должна была предложить, как наладить хозяйство епархии, монастыря или собора сообразно их рангу и достоинству.

В статье 7 инструкции откровенно указывалось на неспособность церкви добиться успеха в народном образовании. Комиссию призывали вносить предложения по поводу устройства в каждой епархии семинарий, где помимо богословского обучения давалось бы широкое светское образование (силами преподавателей-мирян

и духовенства) и где имелись бы соответствующие библиотеки, ибо учения без чтения мало, чтобы стать просвещенным. Монастыри также поощрялись к созданию небольших начальных школ, из которых способные ученики могли бы переходить в церковные школы. Детей следовало отбирать внимательно, ведь лучше как следует научить немногих, чем многим остаться неучами. Кроме того, комиссии следовало подумать о домах призрения для стариков, калек и нищих. Средства церкви в первую очередь предлагалось расходовать на достойное содержание ее самой, на образование и благотворительность. Если же появятся какие-либо излишки, их можно будет направить на учреждение некоего наградного ордена с соответствующими пенсиями. В инструкции также указывалось, что необходимо создать центральный административный орган, чтобы собирать доходы и управлять церковными имениями, — это свидетельствует о том, что решение провести секуляризацию церковных земель было уже готово[11].

В начале 1763 г. вступил в борьбу митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич) — уроженец Малороссии, самый яростный противник секуляризации и богатейший из всех митрополитов, владевший 16 340 душами. По его мнению, церковь получала от верующих свое имущество не для светских, а для духовных целей, и оно перешло к архиепископам прямо от апостолов. В первое воскресенье Великого поста церковь по традиции возглашала анафему тем, кто отпал от веры. Арсений воспользовался случаем и добавил еще несколько проклятий собственного сочинения в адрес тех, кто оспаривал права церкви на ее владения.

6 марта 1763 г. митрополит Арсений направил в Святейший синод грозное осуждение политики секуляризации в целом. Он напоминал Синоду, что Екатерина II, вступая на престол, обещала защищать православную религию, и намекал на расхождение между обещанием и поступками императрицы. Арсений яростно протестовал против введения церковных «штатов». Даже басурмане, писал митрополит, так не обращаются со своим духовенством. Он горячо возражал против идеи, что священникам следует преподавать философию, богословие, математику, астрономию, в то время как их христианский долг — нести слово Божье, «а чтобы Академии заводить, того нигде не обретаем». Это — дело государства, и его же обязанность заботиться о солдатах-инвалидах. Таким образом, Ар-

[11] ПСЗ. Т. XV. № 11716, 29 ноября 1762 г.

сений настаивал на праве церкви как на духовную, так и на материальную независимость от государства и выделял самую острую проблему: впредь архиереи уже будут не пастырями своего народа, а превратятся в наемных служителей, обязанных отчитываться за каждый кусок хлеба[12].

Кажется, Арсений совершенно не понимал, с какими могущественными силами он столкнулся. Он все еще надеялся повлиять на императрицу в личной беседе во время ее приезда в Ростов по случаю перенесения мощей св. Димитрия Ростовского в новую гробницу. Однако секуляризация была заветной целью государства со времен Петра и имела сильных сторонников. Новоиспеченное дворянство рассчитывало получить побольше земель с крестьянами, а просвещенное общество и высшие государственные сановники обладали слишком светским мировоззрением, чтобы хоть в какой-то мере сочувствовать взгляду Арсения на церковь как на государство в государстве. И, наконец, нехватка финансов в казне была так остра, что государство не могло обойтись без обширных доходов церкви.

И все же протест Арсения против превращения духовенства из землевладельцев в государственных слуг на жалованье основывался на одной характерной черте экономической жизни России XVIII в. В своем втором обращении, адресованном в Святейший синод 15 марта 1763 г., митрополит выразил ее суть: «У нас не Англия — едиными деньгами жить и пробиваться... Придется тогда мужика просить-молить, чтобы за какие угодно деньги — двойную, тройную плату — послужил. При таких порядках быть архиереям от крестьян в зависимости... о благолепии церковном не может быть и речи»[13]. В России почти не существовало обыкновения жить на один лишь денежный доход, так как труд за установленное жалованье был редкостью и значительная часть дохода каждого отдельного человека поступала натурой, а не деньгами, да к тому же существовал недостаток монеты.

Арсений не пощадил своих коллег по Святейшему синоду, которые, по его выражению, «как псы немые, не лая, смотрят», и тем настроил против себя влиятельнейшего из них, Димитрия (Сечено-

---

[12] *Карташов А.* Указ. соч. Т. II. С. 460 и далее; *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. II. С. 261; *Солдатов Г. М.* Арсений Мациевич, митрополит Ростовский (1706--1772). St. Paul, Minnesota, 1971. С. 112—120. См. также: *Иконников В. С.* Арсений Мацеевич: Историко-биографический очерк // РС. 1879. № 4, 5, 8—10.

[13] *Солдатов Г. М.* Указ. соч. С. 120—123.

ва). 13 марта, несомненно под воздействием закулисного давления, Синод постановил, что первое обращение Арсения (второе еще не поступило) содержит оскорбление величества и ложные толкования Священного Писания. На следующий день Екатерина подписала указ об отдании Арсения под суд Святейшего синода. Провинившегося епископа схватили в Ростове, затолкали в карету и под караулом доставили в один из московских монастырей. В литературе нередко упоминалось о личной неприязни Екатерины к Арсению (Мацеевичу). Ее причины лежали не только в обидных выражениях, которые он употребил в своих посланиях в Синод. Арсений и дальше был неосторожен в речах. Екатерина присутствовала на его допросе вместе с генерал-прокурором, которым тогда был А. И. Глебов, с Григорием Орловым и С. И. Шешковским, главой Тайной экспедиции Сената. Из протоколов допроса вытекает, что Арсений коснулся щекотливого вопроса о правах Екатерины на престол, а возможно — и об устранении Петра III. Четыре года спустя сама Екатерина вспоминала слова Арсения на допросе, что «де Величество наша неприродная и в законе нетверда, и не надлежало бы ей престола принимать, но следовало бы Ивану Антоновичу». При таких его речах неудивительно, что на одном из допросов Екатерина «зажала уши» и закричала: «Закляпить ему рот!»[14]

Суд над Арсением начался 1 апреля 1763 г. Митрополит Ростовский отрицал, что намеренно допустил оскорбление величества, но исход дела был предрешен. Его признали виновным и приговорили к лишению сана и заключению в дальнем монастыре, где ему велено было не давать ни бумаги, ни чернил для письма. Добившись победы в Синоде, Екатерина теперь хотела убедить московское общество в справедливости приговора. Во время публичной церемонии в Кремле Арсений в полном облачении в присутствии Синода и других церковных иерархов был лишен сана. По преданию, по мере того как с него одно за другим совлекали церковные облачения, Арсений по очереди поносил своих собратий-митрополитов, предсказывая каждому ужасный конец. Димитрию (Сеченову) он предрек, что тот «задохнется от собственного языка» (Димитрий умер от апоплексического удара четыре года спустя), епископу Псковскому Гедеону сказал: «А ты не увидишь своей епархии» (и тот умер на обратном пути), архиепископу Крутицкому Амвросию:

[14] *Карташов А.* Указ. соч. Т. II. С. 464. См. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. С. 200 и далее, особенно с. 206.

«...яко вол ножем зарезан будеши» (Амвросий погиб во время московского чумного бунта в 1771 г.).

Дальнейшая судьба Арсения (Мацеевича) заслуживает краткого рассказа. Приговорили три дня в неделю выводить его на черные работы, но разрешили взять с собой в заключение слуг и выделили на расходы 50 коп. в день. Он пользовался известной свободой и уважительным обращением. И все же он не унимался и громил секуляризацию («И турки свои мечети награждают, а у нас ныне как Содом и Гоморр»), неосторожно высказывался о правах Екатерины на престол, заявлял, что она должна была выйти замуж за Ивана Антоновича, а не за Григория Орлова, а после убийства Ивана Антоновича называл двоих младших братьев последнего законными претендентами на престол после смерти великого князя Павла Петровича. Последовал донос, вновь были подняты дела против Арсения, — на этот раз генерал-прокурором Вяземским. Тогда Екатерина в декабре 1767 г. указом велела лишить его монашеского звания и одеяния, переименовать в Андрея Враля и сослать в Ревель, заключив в камеру Ревельского замка, где приставить к нему стражей, не понимающих по-русски и не знающих его настоящего имени. Сначала Арсения сносно кормили и одевали, но, как гласят неподтвержденные слухи, ходившие в XIX в., после нового расследования в 1771 г. его стали содержать еще строже и наконец замуровали в камере, куда подавали еду сквозь дыру в стене. Арсений умер 28 февраля 1772 г., снискав в народе славу святого чудотворца[15].

Не сумев защитить Арсения, церковные иерархи выбили почву у самих себя из-под ног и больше не могли сопротивляться избранной императрицей политике секуляризации. Из-за усилившихся крестьянских волнений в церковных вотчинах в мае 1763 г. было решено, не дожидаясь, пока комиссия представит свои рекомендации, восстановить особую Коллегию экономии духовных имений[16].

Наконец 26 февраля 1764 г. был издан манифест о секуляризации церковных земель, заложивший основы будущего устройства церкви и монастырей[17]. Двадцать шесть епархий разделили на три категории, согласно которым им назначался доход. В первую вхо-

[15] *Карташов А.* Указ. соч. С. 472 и и далее; *Солдатов Г. М.* Указ. соч. С. 90 и далее.

[16] ПСЗ. Т. XVI. № 11814, 12 мая 1763 г.

[17] Там же. № 12060, 26 февраля 1764 г.; ПСЗ. Книга штатов. Т. XLIII. Ч. III.

дили только Новгород, Санкт-Петербург и Москва, получившие соответственно 11 031, 15 000 и 7510 руб. в год. Восьми епархиям, составившим вторую группу, выделялось по 5500 руб. в год, а на пятнадцать епархий третьей группы пришлось по 4232 руб. Некоторые епархии выиграли от унификации размеров содержания. Так, Тверская епархия теперь получала не 1200, а 5500 руб. в год, а доходы Устюжской возросли с 926 до 4323 руб.[18] У соборов и церквей при последней переписи было в собственности в общей сложности только 35 003 души, так что выделенные каждому 50 руб. в год (или 115 руб., если было два здания рядом) служили достаточной компенсацией потери тех немногих крестьян, которыми они владели. Общий ежегодный доход, назначенный епархиям и соборам, составлял 149 586 руб. 65 коп. в год.

Мужские и женские монастыри также разделили на три категории. Некоторые из них были так малы и бедны, что их попросту закрыли или превратили в приходские церкви. В итоге из 572 монастырей остался только 161. Четыре монастыря получили особый статус: великому Троице-Сергиевскому монастырю выделили 10 070 руб. в год, Александро-Невскому монастырю в Петербурге — 15 000 руб., Софийскому монастырю в Новгороде — 11 031 руб. и Патриаршему двору в Москве — 7510 руб. в год. Пятнадцать монастырей отнесли к первому классу с годовым содержанием 2017 руб., 41 монастырь включили во второй класс с доходом 1311 руб. и 100 — в третий класс, получавший по 806 руб. в год. Из 219 женских монастырей сохранилось всего 67. Их также распределили на три категории. Четыре монастыря первой категории получали от 1009 до 1506 руб. в год, 18 монастырей второй категории — по 475 руб. и 45 монастырей третьей категории по 375 руб.[19]. Была также пересмотрена организация Святейшего синода, установлено жалованье от 2 тыс. руб. в год для архиепископа, до 600 руб. для протоиерея. Общая сумма, выделенная для церковной бюрократии, первоначально составляла 25 082 руб. в год.

В манифесте предусматривались и земельные пожалования в размере 30, 9 или 8 десятин (но без крестьян), в зависимости от категории церквей, монастырей и пр., под пастбища, под запашку, под пруды для разведения рыбы. Монастыри освободили от обязанности призревать отставных офицеров и солдат (поскольку духовен-

[18] *Smolitsch I.* Op. cit. P. 350, примеч. 570.

[19] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12060; Т. XVIII. Ч. III; Т. XVI. № 12121. 31 марта 1764 г.

ство, как говорилось в манифесте, не умело поддерживать порядок среди служивых, будучи слишком не от мира сего, чтобы командовать солдатами). Однако в каждой епархии полагалось содержать богадельни для убогих из других групп населения на 50, 30 или 25 человек в зависимости от категории монастыря. По расчетам, это должно было дать в общей сложности 705 мест в богадельнях 26 епархий, причем на содержание каждого выделялось по 5 руб., что составляло сумму в 3825 руб. в год, которую предстояло выплачивать из своих средств новой Коллегии экономии.

Общий доход, причитавшийся теперь государству с церковных земель, достигал примерно 1 366 299 руб. в год. Из этой суммы государство платило церкви около 462 868 руб. ежегодно в течение 1764—1768 гг. Со временем доход государства от церковных крестьян постепенно возрастал и в 1784 г. достиг 3 647 000 руб. Государственные пожалования церкви также выросли до 540 тыс. руб. — в 1782 г., до 710 тыс. руб. — в 1792 г. и до 820 тыс. руб. — в 1796 г.[20]. Еще 115 тыс. руб. было ассигновано на богадельни для отставных офицеров и солдат. Кроме того, выделялись фонды на семинарии. Отсюда видно, что государство получало за счет церкви немалые выгоды. Ясно, что безвозмездное ежегодное пожертвование в 300 тыс. руб. в год, которое предлагал казне архиепископ Тверской, лишь бы избежать секуляризации, не шло ни в какое сравнение с этими доходами. Сначала секуляризацию провели только в Великороссии, пока не затрагивая ни Малороссию, ни Слободскую Украину. Их очередь была еще впереди[21].

Для закрепления победы над церковными иерархами Екатерина постепенно сократила число малороссийских епископов в пользу более надежных великороссов и прибегла к услугам прокуратуры, чтобы через Синод еще шире распространить свой контроль в религиозной сфере. Бесцветного князя А. С. Козловского в июне 1763 г. заменили на посту обер-прокурора Синода генералом И. И. Мелиссино — масоном весьма антиклерикальных настроений. Вскоре после этого Екатерина определила к обер-прокурору заместителем Григория Потемкина и дала ему персональную инструкцию

---

[20] *Чечулин Д. Н.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 138—139, 315—316. После 1784 г. нет отдельных цифр, отражающих доходы с церковных крестьян. Об организации Коллегии экономии и об управлении церковными крестьянами см. гл. 8.

[21] См. ниже, гл. 20.

докладывать ей напрямую (что было свидетельством ее неугасающего интереса к молодому гвардейскому офицеру)[22]. По характеру Потемкин вполне подходил для работы в этой сфере, так как имел много друзей в церковных кругах и всю жизнь сочетал интерес к европейской культуре с глубокой православной набожностью.

Создав между церковью и государством новое соотношение сил, Екатерина позаботилась спрятать железную руку государственного контроля в бархатную перчатку. Синод мог докладывать ей, не обращаясь к обер-прокурору, с церковными иерархами обходились уважительно как в частной обстановке, так и публично[23]. В своей переписке с заграничными корреспондентами императрица иногда называла себя главой русской церкви, хотя и не пыталась включить это наименование в свой официальный титул.

Секуляризация церковных земель и оформившие ее законы имели разнообразные последствия для приходского духовенства. Для начала в 60-е гг. были отменены некоторые налоги со священников, так как епископы получили постоянный доход. Но доходы городских и сельских приходских священников по-прежнему оставались низкими и ненадежными. В 1765 г. сельским приходам назначили по 33 десятины земли (30 пахотной и 3 пастбищной), но бывало очень трудно добиться выделения этого надела полностью из помещичьих или крестьянских земель. В больших и малых городах, где невозможно было обеспечить приходы положенными наделами, государство выдавало ежегодное «пожалование» в размерах 65 руб. на каждого священника, 18 руб. на церковного служителя и 10 руб. на церковь[24].

В 1765 г. были установлены расценки на различные требы, исполняемые приходскими попами. Таким образом предполагалось ограничить максимальные размеры платы, которую сельские священники могли требовать с бедных крестьян, в городах же они обычно брали с паствы гораздо больше. Эти расценки колебались

---

[22] Инструкции Екатерины II от 19 августа и 4 сентября 1763 г. см.: СбРИО. Т. VII. С. 316, 317. Г. А. Потемкин занимал эту должность до 25 сентября 1769 г., когда отпросился добровольцем в действующую армию.

[23] ПСЗ. Т. XVI. № 11746, 3 февраля 1763 г. (Инструкция Екатерины II Святейшему синоду).

[24] ПСЗ. Т. XVII. № 12570, 12659, 12711, 12929; Т. XVIII. № 12925. Эти земельные пожалования были зафиксированы в Генеральном межевании. См. гл. 6.

от 3 коп. за крещение и 10 коп. за отпевание или венчание в сельской местности до 25—50 коп. за крещение и 1—2 руб. за венчание в Москве[25]. Определить средний размер доходов сельского священника затруднительно, так как помимо платы за требы они включали урожай с земли, приписанной к приходской церкви, и подношения натурой. Кроме того, священники могли пополнять свои доходы при помощи другой работы, например, обучая деревенских детей. Один деревенский поп, оставивший дневник за 1775—1776 гг., занимался переплетным делом. Его денежный доход, включая 10 руб. в год за приходскую землю, которую для него обрабатывали крестьяне, достигал 40 руб., а натурой он получал еще примерно на 21 руб. в год. Расходы этого священника составляли 60 руб. в год, так что в дневнике он не преминул упомянуть каждый случай, когда ему довелось поесть, а особенно выпить за чужой счет, ведь это существенно сказывалось на его материальном положении[26]. Смерть попадьи наносила священнику непоправимый удар, так как вдовцам не разрешалось ни служить, ни жениться снова. Положение состарившегося батюшки, уже неспособного нести свои обязанности, как и семьи умершего попа, становилось крайне тяжелым, если не удавалось незамедлительно ввести в должность какого-то родственника.

Такая ненадежность экономического существования способствовала сохранению кастовой замкнутости священничества, потому что обеспечить жизнь многочисленных иждивенцев можно было, лишь передав приход члену собственной семьи. К тому же у сверхштатного духовенства было мало стимулов к переходу в другие сословия, ибо это, как правило, значило попасть в податные (и подлежать рекрутскому набору), в чиновничестве же, соответственно, тоже было мало вакансий. Лишь те представители духовенства, которые успешно учились в семинариях, могли пробиться в мирские профессии и заняться преподаванием в школах и университетах, медициной, искусством и даже предпринимательством. При Екатерине II правительство жестче и последовательнее, чем раньше, ограничивало доступ в духовенство из податных сословий, так как недостатка в желающих не было, скорее наоборот. Более того, практику приписывания детей церковников к другим сословиям Екате-

---

[25] *Семевский В. И.* Сельский священник во второй половине XVIII в. // РС. 1877. № 8. С. 501 и далее; *Freeze G.* Op. cit. P. 164ff.

[26] Доходы от треб были крайне малы, в среднем от одного до четырех руб. в год на весь штат приходской церкви (см.: *Freeze G.* Op. cit. P. 166—167).

рина применяла еще решительнее, чем ее предшественники. В 1769 г. она приказала забрить 25% всех поповичей и 50% сверхштатных церковников, получив в итоге почти 9 тыс. рекрутов для армии. Вторым набором в 1783—1784 гг. были поглощены все сверхштатные церковники и необученные недоросли старше 15 лет. Под этот указ попали 32 тыс. человек, но в армию на этот раз их не послали, а велели избрать себе новый «статус». Большинство подалось в чиновники или в городское сословие. В крепостные и в солдаты не попал никто[27]. Однако проблема избыточной численности духовного сословия сохранялась, и единственным путем ее решения в XVIII в. были периодические рекрутские наборы.

Впрочем, после 1764 г. правовое и социальное положение белого духовенства несколько улучшилось. В этих процессах отражалась растущая озабоченность церковной верхушки разрывом в социальном положении между дворянством и духовным сословием. И если просвещеннейшие епископы старались как можно тщательнее отбирать приходских священников и давать им современное образование, то принимались и меры к тому, чтобы защитить духовенство от судебного произвола, и прежде всего от унизительных телесных наказаний. Указом 7 июня 1767 г. епископальным судам запретили приговаривать священников к порке, а в 1771 г. запрет был распространен и на дьяконов[28]. Попы-расстриги подлежали светским судам наравне с простыми мирянами. В 1791 г. был учрежден небольшой пенсионный фонд из доходов от печатных изданий Синода[29].

Сановники и царедворцы, как оставшиеся от прежних царствований, так и назначенные Екатериной, были решительно настроены в пользу секуляризации, и это объяснялось не только желанием прибрать к рукам церковные земли. Екатерине и ее ближайшему окружению, состоявшему в основном из деистов, был чужд мир чисто духовных ценностей. Аргументы, выдвинутые Арсением (Мацеевичем) и некоторыми иерархами-малороссами в защиту богатства церкви, едва ли могли подействовать на людей, считавших, что единственная функция церкви — просветительство и благотворительность. При новой системе церковь уже не могла претендовать на владение собственностью «по воле Божьей». Теперь она обладала лишь такими имущественными правами, которые давало ей государство, а принцип «земля должна служить» распространился отныне и на

---

[27] *Freeze G.* Op. cit. P. 40.

[28] ПСЗ. Т. XVIII. № 12909.

[29] Там же. № 17004, 11 декабря 1791 г.

церковные земли. Церковь дольше всех противостояла этому принципу, и неудивительно, что последняя вспышка сопротивления исходила от епископа, воспитанного скорее в польской, а не в русской традиции. Не укрепляло позиции церкви и то, что некоторые защитники ее богатств, в том числе и сам Арсений, пользовались очень дурной славой, так как были заносчивы с подчиненными и плохо с ними обращались[30].

С точки зрения нравственности отказ от владения человеческими душами пошел на пользу церкви. Во второй половине XVIII в. заметно проявилось стремление повысить уровень духовенства, его социальный статус, улучшить семинарское образование, заставить священников следить за своим внешним видом — носить одежду, сообразную их сану (кожаную обувь и рясы), подстригать бороды и одолеть извечный порок духовного сословия — пьянство[31]. Что до моральных качеств священников, то их оценить труднее. Церковную верхушку не миновали веяния рационализма эпохи Просвещения, и она пыталась искоренить присущие деревенской жизни красочные суеверия, веру в мифы и чудеса. Митрополит Московский Платон — наверное, самый выдающийся деятель русской церкви конца XVIII столетия — очень много сделал, чтобы упорядочить церковную жизнь и привить ей более возвышенный дух. Однако, судя по всему, истинный религиозный пыл скорее сохранялся в неискоренимом течении средневекового квиетистского мистицизма и в раскольничьих сектах.

Квиетизм — поиск непосредственного познания Бога через безмолвную личную молитву, пришедший в Россию с горы Афон, — охватил русское монашество в XIV—XV вв. В XVIII в. он возродился в монастырях в ответ на обмирщение культуры, вводимое Петром Великим. Первым его выразителем в XVIII в. стал монах-украинец Паисий Величковский, переведший на русский язык «Добротолюбие» — собрание греческих мистических сочинений, приписываемых св. Антонию[32]. Под влиянием Паисия возродилось отшельничество и были основаны некоторые скиты, в основном в Молдавии и на юге России, в которых практиковался аскетизм и постоянная молитва. За пределами церкви и монастырей большим влиянием

---

[30] Например, митрополит Тобольский Павел был смещен со своей епархии в 1768 г.

[31] *Freeze G.* Op. cit. P. 210ff.

[32] См.: *Billington J.* The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N. Y., 1959. P. 201—202 и примеч. 88 к гл. 15 настоящей работы.

пользовался св. Тихон Задонский, образованный человек, оставивший высокий духовный сан (он был епископом Новгородским) ради монашеской жизни[33]. Совершенно другим был загадочный украинский философ, поэт и странник Григорий Сковорода. Он отвергал не только светскую придворную культуру, но и официальную православную религию. Сковорода окончил Киевскую духовную академию и сам преподавал в нескольких семинариях, но затем отвернулся от официальной религии в поисках истинного Бога и стоял ближе к различным раскольничьим сектам[34].

Нельзя недооценивать и роль в духовной жизни общества раскольников. Обычно их называли староверами или старообрядцами, потому что они отрицали богослужебные реформы патриарха Никона, проведенные в 50—60-е гг. XVII в. В то время раскольники подвергались в России суровым гонениям. Вскоре они разделились на две группы — поповцев и беспоповцев, в соответствии с тем, признавали ли они священников, рукоположенных православной церковью (хотя и осуждали реформы Никона), или полностью отрицали институт священнослужителей.

Старая вера привилась в Малороссии, среди казаков, в Астрахани, на Дону, на Яике и в Сибири. Беспоповцы преобладали на севере и северо-востоке, например в известном Выгодском ските. Все они, не признавая петровских реформ, уклонялись от подушной переписи (они усматривали в ней апокалиптический знак дьявола), рекрутского набора и подушной подати. Они не хотели брить бороды и носить европейский костюм. Чувствуя в староверах врагов своей политики, Петр I обложил их двойным налогом, двойными штрафами за неявку в церковь, ввел пени за нецерковные венчания. Староверам не позволялось занимать официальные должности, свидетельствовать в суде. Это было лучше, чем пытки и костер, но многие общины, особенно беспоповские, в знак протеста устраивали массовые самосожжения.

Уже при Петре III участь староверов несколько облегчили. В одном из первых указов новый государь приглашал беглых староверов вернуться в Россию из Польши и обещал им спокойную жизнь. Едва ли не более важным шагом было назначение одного из сенаторов куратором группы староверов, приписанных к литейным производ-

---

[33] О Тихоне см.: *Gorodetsky N.* St. Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoyevsky // SPCK. London, 1951.

[34] По этому вопросу в целом см.: *Billington J.* Op. cit. P. 200 ff, 238—240, а также работы, указанные в примечаниях.

ствам в Исецке. Он должен был следить, чтобы они не подвергались никаким преследованиям. Екатерина продолжала эту политику. До Пугачевского восстания староверы, казалось, не представляли для нее никакой политической угрозы, и она смягчала их преследования, снова пообещав амнистию всем, кто вернется из-за границы. В 1769 г. староверам вернули право выступать свидетелями в суде[35].

В атмосфере сравнительной веротерпимости в конце XVIII в. кроме старообрядцев открыто активизировались некоторые крайние секты. Часть их, вероятно, возникла под влиянием европейского протестантизма, шедшего из немецких колоний Юга России, хотя традиция прямого обращения к Священному Писанию могла восходить еще к раннеболгарской ереси богомилов. Среди этих сект выделялись духоборы и молокане, пившие молоко по постным дням, что запрещалось в православии. Свое отношение к официальной религии они распространяли и на государство, а следовательно, не признавали царя, его власть и все государственные институты. Поэтому всех их неустанно преследовали в последние годы царствования Екатерины II. Еще труднее было государству приручить хлыстов, также происходивших от древних богомилов. Они верили в индивидуальное перевоплощение Христа (слово «хлысты» является искажением слова «Христос»), умерщвление плоти и погружение в экстатический транс. От них отделились скопцы, прибавившие к обычным суровым обрядам хлыстов еще и кастрацию. Основатель скопчества, крепостной крестьянин Селиванов, выдавал себя за Петра III и был сослан в Сибирь. Указом 2 июля 1772 г. Екатерина повелела арестовать организаторов секты, приговорить к наказанию кнутом и к каторжным работам в Нерчинске, а проповедников велела сослать на каторгу в Ригу. Последователи этого странного учения наносили как мужчинам, так и женщинам чудовищные увечья, но их число в XVIII в. достигло ста тысяч[36].

---

[35] *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870. С. 126 и далее. По мнению этого автора, подобное послабление объяснялось присутствием в Сенате Г. А. Потемкина.

[36] Там же. С. 241 и далее, с. 263 и далее. См. также: *Conybeare F.C.* Russian Dissenters // Harvard Theological Studies. Vol. 10. Cambridge (Mass.), 1921. Pt. II. P. 261ff., Pt. III. P. 339ff. Судьба Селиванова служит примером странностей императора Павла I, который велел доставить Селиванова из Сибири, но, недолго с ним поговорив, приказал посадить в сумасшедший дом. Выпустил его оттуда уже Александр I. Скопцы собирали и хранили монеты с изображением Петра III, редкие в России.

Глава 8

Волнения работных людей и крестьян, их усмирение и реформы 60-х гг.

Первые годы екатерининского царствования были отмечены непрерывными крестьянскими волнениями. Как писала сама императрица в 1769 г., во время ее вступления на престол открыто бунтовали 49 тыс. приписных крестьян и целых полтораста тысяч церковных. Даже крепостные вышли из повиновения, «коих всех усмирить надлежало»[1]. В эти годы Екатерину крайне заботило положение крестьян, поэтому ее политика была нацелена, с одной стороны, на подавление беспорядков, а с другой — на проведение некоторых реформ. С точки зрения властей самые опасные волнения происходили на шахтах и металлургических предприятиях Урала, так что всего несколько недель спустя после своего воцарения Екатерина поставила вопрос об этом в Сенате и потребовала доклада о положении приписных крестьян[2].

Если принудительная приписка работников к предприятиям была необходимой мерой на ранних стадиях индустриализации в России, то к середине XVIII в. она являлась лишь одним из нескольких способов привлечения рабочей силы. Многие высокопоставленные чиновники не одобряли приписку как по социальным, так и по экономическим причинам[3]. Более того, численность крестьян, приписанных к частным предприятиям, при Елизавете выросла в результате массовой передачи государственных предприятий частным владельцам, и именно на этих частных предприятиях волнения происходили чаще всего. Поэтому в своих рекомендациях, направленных Екатерине осенью 1762 г., Сенат высказался в пользу новой

---

[1] СбРИО. Т. X. С. 380—381, 20 сентября 1769 г.

[2] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 403.

[3] К их числу принадлежали Н. И. Панин, Г. Н. Теплов, Д. В. Волков и др. См., напр.: Там же. С. 351.

формы аренды предприятий, основанной на полном отказе от приписных как рабочей силы[4].

Но это явно был слишком серьезный поворот, осуществление которого потребовало бы очень много времени. Для начала следовало восстановить порядок, и потому в декабре 1762 г. Екатерина направила князя А. А. Вяземского, будущего генерал-прокурора, усмирять Урал и тщательно расследовать жалобы приписных крестьян. Он был уполномочен арестовывать приказчиков, управлявших казенными крестьянами, и отстранять от должности и карать управителей, ведавших крепостными:

> Словом, все то учинить имеете, что за пристойное найдете к удовольствию крестьянскому; однакож, берите такие предосторожности, чтоб крестьяне не возмечтали, что их начальники и тогда бояться их должны, когда правильная им работа не нравна впредь покажется. Почему, ежели кто из прикащиков в крайнем безчеловечии найдется, тех только можете публично и наказать, а еже кто, сверх должности, требовал работы, за таковую неумеренность можете его секретно истязать, не подавая поводу простому народу из надлежащего выйти подобострастия.

Кроме того, Вяземский должен был разобраться в вопросе о замене приписных крестьян наемными работниками, «дабы чрез то, ежели можно, впредь отвратить все причины к таковым безпокойствам и работу прочнейшею и полезнейшею сделать»[5].

В 1763—1764 гг. Вяземский объезжал уральские заводы, арестовывал и наказывал зачинщиков всяческих беспорядков, щедро, как тогда полагалось, раздавая телесные наказания и приговоры к каторжным работам. Но он также весьма серьезно подошел к исполнению второй части полученного задания, а именно — к расследованию жалоб приписных крестьян и к наказанию приказчиков, повинных в жестокости и злоупотреблениях. Иногда он вершил правосудие прямо на месте. В других случаях, когда представленные крестьянами доказательства утеснений не удовлетворяли его, наказание получали сами жалобщики. И все же некоторых приказчиков убрали, часть недоплаченных денег выплатили.

---

[4] См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 403—404. Учитывая, что часть сенаторов как раз владела промышленными предприятиями с приписными крестьянами, нельзя не отметить их удивительное самоотречение.

[5] Инструкция князю А. А. Вяземскому от 6 декабря 1762 г.: СбРИО. Т. VII. С. 188 и далее.

В январе 1764 г. императрица отозвала Вяземского в Петербург и назначила его генерал-прокурором, а его место занял генерал А. И. Бибиков. Но перед отъездом с Урала Вяземский успел выявить ряд нарушений, что позволило ему разработать свод правил, регулирующих работу приписных крестьян на плавильных заводах и шахтах. Указом 9 апреля 1763 г. императрица утвердила эти правила как образцовые для всех промышленных предприятий.

Их основные положения состояли в следующем: крестьян надлежало приписывать к конкретным предприятиям и не переводить с одного на другое без крайней нужды, а в случае перевода оплачивать им дорогу (из расчета в летнее время по 5 коп. в день пешим и 10 коп. конным, а зимой соответственно по 4 и 6 коп.). Приписных следовало разбивать на группы по сто человек, с тем чтобы каждая группа, отработав три месяца в году на предприятии, могла бы периодически проводить летние месяцы у себя в деревне, чередуясь с другими сотнями. Приказчикам запрещалось требовать с приписных больше работы, чем нужно было для уплаты подушной подати со всей сотни в целом (вместе с иждивенцами мужского пола), связанной круговой порукой. Отныне крестьянин должен был платить подушную подать непосредственно государству, и это означало, что управление завода обязано выплачивать ему полное жалованье без вычетов.

Далее, каждой сотне полагалось выбирать собственного главу, старост, писцов, на которых возлагалось разрешение мелких споров между крестьянами, при необходимости выносимых на обсуждение всей общины. На сотских возлагалась обязанность наказывать — сечь без жалости — виновных в подстрекательстве к бунту. Им же полагалось вести письменный учет выплаченного жалованья и назначенного урока. Если руководство предприятия задерживало оплату или как-нибудь иначе притесняло крестьян, сотне надлежало избрать представителей и жаловаться в ближайшее государственное учреждение, но не переходить к прямым самостоятельным действиям. Таким образом, в трех важных вопросах — в уплате подушной подати, в организации работы и в разрешении мелких споров — власть управления заводов была ограничена, а самоуправление приписных крестьян расширено.

Правда, остается неясным, в какой мере эти правила, несомненно представлявшие собой шаг вперед в улучшении положения приписных крестьян, воплощались в жизнь. Даже сам Вяземский не слишком педантично следовал им в конце своей поездки по Уралу, особенно в части ограничения юрисдикции заводоуправлений. И все же правила эти в конце концов были введены на государствен-

ных предприятиях, а правительственные чиновники с этих пор старались прибегать к ним, когда частные владельцы передавали им на рассмотрение споры между рабочими и начальством. Как считает Р. Порталь, «благодаря основательному изменению прежних порядков поездка Вяземского по Уралу стала исходным моментом для улучшения участи приписных крестьян»[6].

Впрочем, вышеупомянутые волнения приписных крестьян укрепили намерение правительства впредь не приписывать новых крестьян к промышленным предприятиям, хотя уже имеющихся приписных оставили в прежнем положении[7]. Одновременно, поскольку дворяне — владельцы заводов и шахт ни копейки не платили государству за приобретение предприятий в рассрочку, теперь казна наконец начала получать от них возмещение в виде уплаты этих долгов[8]. Но все равно время от времени вспыхивали волнения, так что в 1765 г. Екатерина учредила особую комиссию «для рассмотрения всей системы горных дел» и для поисков «способов к поправлению заводов, сообразуя народное облегчение и спокойство с государственною прибылью и приводя каждый завод в правосудные границы». Комиссии надлежало также разобраться, должна ли промышленность находиться в руках государства или частных владельцев, и возможно ли, чтобы эти последние были недворянами? Деятельность комиссии сохранялась в тайне, дабы избежать распространения среди приписных крестьян слухов о том, будто их хотят освободить от работ на заводах[9]. Эта комиссия на определенном этапе действительно высказала рекомендации повысить оплату труда приписных, но никакого иного влияния на государственную политику она, кажется, не оказала. Поэтому скрытое крестьянское недовольство продолжало кипеть, пока наконец в 1773 г. не выплеснулось наружу восстанием Пугачева[10].

---

[6] *Portal R.* L'Oural au XVIIIe siècle. Paris, 1950. P. 299; ПСЗ. Т. XVI. № 11790, 9 апреля 1763 г.; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 405 и далее.

[7] В последний раз крестьян приписали к предприятию в 1760 г. (см.: Там же. Т. II. С. 413).

[8] Петр Шувалов, владелец Камских и Горноблагодатских заводов, умер, задолжав в казну 600 тыс. руб. Предприятия, взятые в собственность Воронцовыми и Чернышевыми, также в конце концов вернулись к государству со значительными убытками (см.: Там же. Т. II. С. 413 и примеч. 1; также: *Павленко Н. И.* История металлургии в России в XVIII в. М., 1962. С. 473).

[9] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 414, 432; СбРИО. Т. II. С. 280, 32.

[10] См. ниже, гл. 16.

Но хотя бы в одном вопросе Екатерина II сумела принять такие меры, которые в корне изменили статус большой группы крестьян, а именно — при переводе церковных крестьян в государственные (если не по названию, то по всем остальным признакам). Управление церковными и монастырскими вотчинами было возвращено их прежним владельцам в августе 1762 г., когда Екатерина еще не решалась пойти против желания многих видных иерархов церкви. Но перемена статуса церковных крестьян, без конца переходивших из рук в руки, от церкви к государству и обратно, вызвала новые волнения. Крестьяне обвинили церковные власти в сокрытии от них манифеста императрицы и отказались подчиниться указу 12 августа 1762 г., крича: «Оный билет подрать и на него наплевать!»[11]. Размах крестьянских волнений заставил правительство в мае 1763 г. восстановить Коллегию экономии[12]. Решено было временно передать некоторое количество земли епархиям и монастырям на их содержание, вверив им непосредственное управление этими землями и разрешив вершить правосудие и извлекать с них доходы. Коллегия экономии должна была контролировать все эти церковные владения и напрямую управлять нерозданными землями. Но крестьянские волнения не утихали. Жалобщиков, лично обращавшихся к императрице, как обычно, сурово наказывали[13], а тех, кто являлся с челобитными в новую Коллегию экономии, ждала не лучшая участь.

Отмена указа Петра III о секуляризации церковных земель была со стороны Екатерины тактическим отступлением, ведь тогда она не могла позволить себе поссориться с духовенством. Но секуляризация логически вытекала из собственных взглядов императрицы как на отношения церкви с государством, так и на проблему крепостного права. С ее помощью Екатерина могла ограничить независимость церкви и экономически подчинить ее государству и одновременно перевести значительное число крестьян из крепостных в государственные. Постоянные крестьянские волнения облегчали ей проведение этой политики[14].

Манифест о секуляризации церковных земель вышел 26 февраля 1764 г. Все земли с крестьянами, принадлежавшие церквям и мо-

---

[11] *Карташов А.* Очерки истории русской церкви. Париж, 1959. Т. II. С. 450.

[12] См. выше, гл. 7; ПСЗ. Т. XVI. № 11814, 12 мая 1763 г., № 11844, 6 июня 1763 г.

[13] Так, в январе 1763 г. высекли 77 крестьян Новодевичьего монастыря за прямое обращение к императрице (см.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 244, примеч. 2).

[14] См. выше, гл. 7.

настырям в Великороссии и в Сибири, передавались в Коллегию экономии, а крестьян переводили на оброк в размере 1 руб. 50 коп. в год сверх подушной подати в 70 коп.[15]. В один миг изменился статус почти миллиона крепостных душ мужского пола, и с тех пор несколько лет они именовались «экономическими крестьянами»[16]. Их освободили от церковных сборов, натуральных налогов, отработочных повинностей и прямого общения с управляющими и администраторами духовного звания, которые отныне потеряли всякую власть над крестьянами. Земли, принадлежавшие раньше церквям и монастырям или приписанные к епархиям, почти полностью были переданы крестьянам, которые их обрабатывали. Конечно, величина этих наделов не была одинаковой по стране, многое здесь зависело от размеров владения и от числа душ. Кроме того, везде было разное соотношение между пахотной землей, пастбищами и лесными угодьями. Так, в Санкт-Петербургской губернии средний душевой надел составлял 2,7 десятины пахотной земли, 0,6 десятины лугов и 21,7 десятины леса. В Новгородской губернии крестьяне получили по 5 десятин пахотной земли, одной десятине пастбищных и 19,5 десятин лесных угодий. В более густонаселенных и возделанных районах, таких как Псковская и Смоленская губернии, количество пахотной земли было несколько меньше — от 3,9 до 4,4 десятин на душу, а лесных угодий совсем мало — 5,5 десятины в Псковской и 2,2 в Смоленской губернии, так что общий размер надела был, конечно, гораздо меньше. В целом величина наделов и соотношение между различными типами земель довольно близко совпадали с количеством земли, предоставлявшейся крепостным крестьянам на оброке для обработки и использования в тех же районах. Наделы, расположенные дальше 20 верст от деревни или селения, не раздавали крестьянам, а отдавали за низкую плату в аренду деревням, населенным «экономическими» крестьянами, или другим арендаторам.

Секуляризация церковных земель породила ряд проблем, которые решались постепенно. Церковников, чьи должности не предусматривались в новых церковных штатах, опубликованных в приложении к указу о секуляризации, причислили к крестьянам и приписали к общинам, которые обязали обеспечить их землей. Пришлось потрудиться и над тем, чтобы уравнять наделы между сосед-

---

[15] ПСЗ. Т. XVII. № 12060.

[16] Согласно указу их было 910 866 человек, а по подсчетам В. И. Семевского — 999 761 (см.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 254).

ними селами и деревнями, а там, где земли было мало, проводилась политика добровольных переселений. В рамках деревни пахотная земля распределялась по тяглам, т.е. по единицам рабочей силы, а не по числу душ. Эта практика отвечала крестьянским традициям и способствовала выравниванию тягот, лежавших на членах общины. Указом 13 августа 1764 г. была введена особая администрация взамен церковных и монастырских властей[17]. Она руководила экономической эксплуатацией и организацией дел во владениях, принадлежащих Коллегии экономии, и представляла интересы ее крестьян в делах с другими правительственными учреждениями и в судах.

По мнению В. И. Семевского, секуляризация церковных земель, проведенная в 1764 г., была великой и благодетельной реформой для крестьян, основанной на разумных принципах. Почти полное прекращение крестьянских волнений, с точки зрения этого историка, доказывает, что в целом крестьяне были довольны реформой. Однако более поздние исследования говорят о том, что выступления продолжались в форме захватов помещичьих земель и даже разбоя[18]. Но некоторые помещики проявляли недовольство и даже тревогу. Решение, найденное для владений духовенства, заставляло многих из них опасаться того или иного вмешательства государства в их отношения с крепостными. К тому же большинство новоиспеченных дворян считало, что церковные вотчины надо пустить на расширение помещичьего землевладения, а вовсе не государственного. Приводя в качестве довода то обстоятельство, что после секуляризации экономические крестьяне, переведенные теперь на оброк, забросили земледелие и большие участки земли стоят невозделанными, дворяне выдвигали различные проекты повышения продуктивности сельского хозяйства путем передачи этих земель либо напрямую, либо через аренду под помещичий контроль. Но Екатерина и ее правительство противостояли всяческому нажиму. Императрица явно намеревалась сохранять неизменным число «экономических» крестьян. Их очень редко использовали как источник пожалований частным владельцам[19].

---

[17] ПСЗ. Т. XVI. № 12226; см. также № 12745.

[18] Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева / Под. ред. В. В. Мавродина. Л., 1965. Т. I. С. 419. Здесь приведено несколько примеров захвата помещичьей земли в 1771—1772 гг.

[19] См. мою статью: *Madariaga I. de.* Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // SEER. 1974. Vol. LII. № 126. P. 34—62.

Гораздо труднее было правительству усмирять недовольство среди крепостных в частных имениях. Нам теперь достаточно сложно оценить масштабы этих крестьянских движений, так как многое здесь зависит от того, что считать восстанием, а что — нет. Это мог быть и крупный бунт, для усмирения которого призывали солдат, и поджог стога сена шайкой крестьян. Крестьянские выступления обычно принимали какую-то из трех основных форм: бунт против помещика, бегство или разбой (или все вместе).

Как утверждает В. И. Семевский, за 1762—1769 гг. ему известно 36 восстаний, а по сведениям другого автора, Н. Л. Рубинштейна, восстаний было 73[20]. Самым тяжелым стал 1767 год, на который пришлось 27 крестьянских выступлений и наибольшее количество убийств помещиков их крепостными[21]. Неполный перечень данных только по Московской губернии за 1764—1769 гг. сообщает об убийствах 21 помещика и 9 дворянок и о пяти покушениях на убийство[22]. Эти злодеяния настолько распространились, что Никита Панин даже уговаривал Екатерину восстановить в России смертную казнь за убийство помещика крепостными, а Сенат составил проект закона, по которому одинаковое наказание ожидало того, кто убьет дворянина, и того, кто не защитит помещика от убийцы. Екатерина направила генерал-прокурору решительный протест против подобного закона. Она писала, что если власти начнут уничтожать целые деревни в отмщение за жизнь единственного помещика, то поднимется всеобщий бунт. Императрица находила, что положение крепостных стало совсем критическим и лишь миролюбие и гуманные шаги способны предупредить повсеместное выступление против «несносного и жестокого ига». «Ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то, — добавляла она, — и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно»[23].

---

[20] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 441; *Рубинштейн Н. Л.* Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. // ВИ. 1956. № 11. С. 35—51. В исследовании «Крестьянская война в России» говорится лишь о семи восстаниях в 1768 г. и о четырех в 1769 г. (Крестьянская война... Т. I. С. 376).

[21] Для сравнения, за период 1835—1854 гг. произошло 144 убийства помещиков и 29 убийств государственных чиновников. См.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 327.

[22] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 414 и далее. В. В. Мавродин упоминает три убийства в Казани в 1764—1765 гг. (Крестьянская война... Т. I. С. 350).

[23] Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. III. С. 390. Этот документ не датирован, но, вероятно, относится к 1767 г.

Серьезные волнения в дворянских поместьях обычно кончались призванием войск, а иногда случались даже решительные баталии между солдатами и крестьянами, вооруженными дубьем и камнями. О масштабах крестьянского сопротивления можно судить по такому факту: однажды крестьяне ранили офицера и три дня продержали 64 солдат в плену. В мае 1767 г. крепостные в имениях братьев Олсуфьевых (один из братьев служил секретарем императрицы) воспользовались поездкой Екатерины по Волге, чтобы обратиться к ней с жалобой. Она уговаривала недовольных вернуться к работе, но они не послушались, а, собрав денег, послали в Москву представителя со своими претензиями. Все эти усилия крестьян скоро повлекли за собой возмездие: прибыл пехотный полк, 130 бунтовщиков были арестованы, а некоторых высекли кнутом[24].

Войска на подавление крестьянских бунтов приходилось вызывать так часто, что был установлен определенный порядок этой процедуры. Из-за этого положение крестьян стало еще тяжелее: 11 июля 1763 г. вышел указ, по которому расходы за военные экспедиции по восстановлению порядка в имениях впредь возлагались на самих крестьян, которые, таким образом, платили теперь за содержание воинской команды, за израсходованные на них же боеприпасы и даже за кнуты, которыми их секли[25]. Затем Военная коллегия издала устав, которым армии следовало руководствоваться в карательных экспедициях. Солдатам предписывалось сначала унимать бунтовщиков уговорами. Лишь после этого они могли стрелять холостыми патронами или в воздух или поджигать стога сена и соломы. И лишь в случае прямого нападения разрешалось открывать огонь на поражение[26]. Но лишь тщательное исследование крестьянских волнений в России позволит выяснить, выполнялись ли эти благие инструкции.

Главным средством борьбы русского крестьянина с угнетением всегда был побег. В 50—60-е гг. несколько реже стали случаи бегства целыми семьями из одних районов страны в другие — усиливался контроль со стороны властей, расширялось помещичье землевладение, и поэтому крестьянам становилось все труднее скрываться, особенно с детьми и стариками. Если раньше крепостные

---

[24] *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос накануне восстания Пугачева. М., 1965. С. 50; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 419 и далее.

[25] ПСЗ. Т. XVI. № 11875; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 51—52.

[26] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 427—428.

бежали в такие места, как Симбирск или Пенза, то теперь уже из этих районов они перебирались в низовья Волги и дальше[27]. Но, хотя число беглых внутри страны сокращалось, все больше крестьян тайно проникало через границы, в Швецию и Польшу. Число таких беглых достигло весьма серьезных масштабов во время Семилетней войны 1757—1763 гг.[28]. Весной 1763 г. из Новгорода в Польшу бежало около ста семей — примерно 500 человек. В 1767 г. еще 50 семей бежало из Санкт-Петербургской губернии. В 1767 г. смоленские дворяне заявили, что в Польшу убежало примерно 50 тыс. их крепостных. Власти, исходя из интересов заселения обширных пустующих земель Юга России и Сибири, сквозь пальцы смотрели на присутствие беглых в названных районах. Поэтому они не слишком тщательно следили за исполнением указов, запрещавших помещикам, предприятиям и казачьим общинам укрывать у себя беглых. Но правительство не могло оставаться равнодушным к убыли населения по причине бегства за границу.

Генерал Петр Панин, получивший в 1763 г. задание разобраться, из-за чего бегут крестьяне, выделил несколько причин. В их числе он назвал религиозные гонения на староверов, злоупотребления помещиков при рекрутском наборе, грубое обращение с рекрутами в армии, неограниченную власть помещиков над крепостными и то обстоятельство, что за польской границей помещики не так жестоко обирали крестьян, а соль и водка были дешевле, чем в России. Чтобы поправить положение, Панин предлагал ввести в действие секретную инструкцию по урегулированию экономических отношений между помещиками и крепостными, заменить в приграничных районах рекрутский набор налогом в 100 руб. с рекрута (а полученные средства употребить на наем добровольцев) и, наконец, объявить гарантии, что вернувшихся беглецов не станут отдавать прежним хозяевам, а вместо этого государство будет их выкупать и селить где-нибудь на новом месте. Из всех предложенных мер осуществлялась в дальнейшем только последняя[29].

---

[27] Крестьянская война... Т. I. С. 347 (со ссылкой на рукопись диссертации Г. П. Ржаниковой).

[28] Проблема бегства крестьян в 30—50 гг. XVIII в. исследована в работе: *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России 30—50 х гг. XVIII в. В 1727—1741 гг. в бегах находилось 320 тыс. душ мужского пола (Крестьянская война... Т. I. С. 342).

[29] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 228—230.

Еще Петр III издавал манифесты, в которых беглецов настойчиво приглашали возвращаться в Россию в течение объявленного срока в несколько лет. Ту же политику проводила и Екатерина, одновременно применяя для возврата беглецов и силу. В августе 1763 г. русские полки вступили в Польшу и захватили там 2 тыс. беглых крепостных, которых возвратили владельцам[30]. Но 13 мая 1763 г. вышел манифест, в котором всем бежавшим до 1762 г. обещали прощение, разрешение селиться на государственных землях и шестилетнее освобождение от налогов и отработочных повинностей. Хозяевам беглых, вернувшихся на этих условиях, обещали освободить их имения от рекрутского набора[31].

В 1766 г. правительство попыталось устранить одну из главных причин бегства крестьян, независимо от их принадлежности, а именно — покупку крепостных специально для сдачи в рекруты, введя запрет на продажу взрослых мужчин за три месяца до начала рекрутских наборов[32]. Этот запрет оставался в силе до конца правления Екатерины, но не требовалось большой изобретательности, чтобы так или иначе его обойти. Сенат пытался положить этому конец в 1768 г., запретив брать в зачет «вольных» или «добровольных» рекрутов от крестьянских общин, но подобная практика все равно не прекращалась[33].

Разбой на громадных, не контролируемых властями пространствах России тоже был неискореним. Советские историки потратили немало сил, пытаясь определить, в чем именно состоит разбой и чем он отличается от классовой борьбы. По принятой тогда терминологии, бунт, т.е. восстание, являлся выступлением крепостных против собственного хозяина, а разбоем занимались шайки пестрого состава, которые грабили помещиков, купцов, чиновников — всех подряд. По советским толкованиям, крестьянин, примкнувший к разбойничьей шайке, мог сначала быть грабителем, но потом принимался карать угнетателей за страдания своих собратьев и становился мстителем за народные беды. Так или иначе, грань между бунтом и разбоем была очень тонкой. Случалось, что крепостные нападали на собственного хозяина «под видом разбойников», что-

[30] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 230—231.

[31] ПСЗ. Т. XVI. № 11815; *Семевский В. И.* Указ. соч. СПб., 1881. Т. I. С. 400; М. Т. Белявский упоминает о 12 тыс. вернувшихся из Польши крепостных среди приписных крестьян Сибири (*Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 42).

[32] ПСЗ. Т. XVII. № 12748, Т. XVIII. № 13074, 13287; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 166, примеч. 2.

[33] ПСЗ. Т. XVIII. № 13103, 18 апреля 1768 г.

бы их не узнали[34]. Впрочем, было немало и таких людей, которые добровольно выбирали жизнь разбойников, в том числе и разорившиеся дворяне. Особенно сильно было поражено этим пороком Поволжье: там обреталось множество беглых крестьян, близко размещались казачьи поселения с их традицией вольницы и неподчинения законам, не было представителей государственной власти, ни военных, ни гражданских. В 60-е гг. XVIII в. возросло число шаек, орудовавших в Нижнем Новгороде, Воронеже и Казани. В 1768 г. было сожжено свыше тридцати симбирских помещичьих усадеб, а помещики с семьями и приказчиками убиты. Одна шайка выросла с тридцати одного до семидесяти с лишним участников и обзавелась четырьмя пушками[35]. Особенно славилась так называемая «понизовая вольница», орудовавшая в низовьях Волги, и банда атамана Иванова, состоявшая из нескольких сот беглых крестьян и дезертиров и вершившая свои подвиги между Доном и Волгой.

Украина породила свой собственный вид разбоя или классовой борьбы, известный как гайдамачество. Гайдамаки происходили из беднейших неженатых членов Запорожского казачьего войска и их наемных слуг или крестьян. Их шайки, иногда достигавшие численности в 150—200 человек, обладали способностью мгновенно собираться вместе и так же молниеносно рассеиваться по разным укрытиям. Гайдамаки не признавали никаких границ и грабили без разбора и русских помещиков и купцов, и богатых казаков, а в Правобережной Украине (где гайдамачество называлось «колиивщиной») их жертвами становились польские помещики, чиновники и католические священники. Эти разбойничьи ватаги охватывали своими операциями также земли польской короны, ходили и на юг, на турок с татарами. Остатки разбитых шаек бежали назад в Россию и пробирались в казачьи земли, где они скрывались среди местного населения. Некоторые гайдамацкие вожди, в особенности казак Дударенко, позже выдвинулись в окружении Пугачева[36].

Беспорядок, царивший в сельской местности, заставил правительство издать ряд указов, большей частью по поводу тех или иных

---

[34] Крестьянская война... Т. I. С. 352. Автор признает, что в большинстве своем разбойники являлись преступниками, но он не изучил архивных материалов, относящихся к этим шайкам, ограничившись лишь теми случаями, в которых сумел усмотреть настоящие мотивы классовой борьбы.

[35] Там же. Т. I. С. 347 и далее.

[36] *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957; *Гуслицкий К. Г.* Колиивщина. Киев, 1947.

конкретных случаев, хотя некоторые из этих указов получили широкое применение. Всего лишь через неделю после своего прихода к власти Екатерина почти слово в слово повторила указ Петра III от 19 июня 1762 г., в котором заверяла помещиков, что государство позаботится, чтобы они могли мирно жить в своих имениях, а крепостных увещевала подчиняться хозяевам[37]. В 1765 г. Адмиралтейская коллегия была уполномочена брать под свою юрисдикцию и приставлять к делу крепостных крестьян, которых их хозяева присудят к тяжелым работам за непослушание на тот или иной срок[38]. Как и всем прочим подданным, независимо от сословной принадлежности, крестьянам запрещалось лично обращаться с челобитными к государыне, а полагалось подавать их в положенные инстанции. Порядок обращений был разработан в одном из указов 1765 г., в котором весьма детально уточнялось, какие наказания ожидают представителей разных социальных слоев и обоих полов за попытку подать жалобу прямо в руки императрице. Наказания были тщательно дифференцированы в зависимости от того, какая по счету попытка была сделана — первая, вторая, третья или даже четвертая — и сообразно социальному статусу и чину нарушителя. Так, за третью попытку всем горожанам, крестьянам и крепостным полагалась публичная порка кнутом и ссылка навечно в Нерчинские рудники. Владельцам крестьян, получивших такое наказание, предоставлялось освобождение имения от рекрутского набора[39].

Однако право крепостных жаловаться властям и доносить на своих хозяев было ограничено гораздо более старым законом — Соборным уложением 1649 г. В статье 13 главы II Уложения специально оговаривалось, что крепостным грозит кнут за донос на хозяина, кроме случаев доноса о подстрекательстве к бунту или государственной измене[40]. Этот запрет был подтвержден указом 22 августа 1767 г., появившимся вслед за серьезными волнениями в целом ряде поместий, крестьяне которых подали челобитные импе-

---

[37] ПСЗ. Т. XV. № 11577, 19 июня 1762 г.; № 11593, 3 июля 1762 г.

[38] ПСЗ. Т. XVII. № 12311; М. Т. Флоринский утверждает, что этот указ «дал хозяевам власть приговаривать крепостных к принудительным работам в Сибири, а потом требовать их обратно» (*Florinsky M. T.* Russia: a History and Interpretation. N. Y., 1960. Vol. 1. P. 527). В работе Л. Кочена допущена та же ошибка, что и у М. Т. Белявского (*Kochan L.* The Making of Modern Russia; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 268).

[39] ПСЗ. Т. XVI. № 12316, 19 января 1765 г.

[40] См.: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. Т. VI. С. 29, 34.

ратрице. Екатерина переслала эти челобитные в Сенат и распорядилась успокоить крестьян. Тогда Сенат и предложил указом запретить крепостным жаловаться на хозяев (кроме тех случаев, которые были оговорены в Уложении 1649 г. и в других более поздних документах) до тех пор, пока Уложенная комиссия, едва лишь начавшая тогда свои заседания, не представит новый закон[41]. Что же касается именно тех волнений, в результате которых появились на свет злополучные челобитные, то Сенат распорядился наказать крестьян, в них замешанных. Но, кроме того, он рекомендовал конфиденциальным образом увещевать их хозяев-помещиков и заставить их обращаться с крестьянами помягче, а не драть с них три шкуры. Заняться этими негласными увещеваниями было поручено четверым сановникам, в том числе Петру Панину, которому досталось беседовать с собственным кузеном, генералом Леонтьевым. Насколько Панин преуспел в порученном деле, можно заключить из того, что два года спустя Леонтьева убили его собственные крепостные[42]. Указ, объявленный 22 августа 1767 г., не внес в отношения между помещиками и крепостными ничего нового, хотя и ужесточил наказание за жалобы, дополнив его ссылкой в Нерчинские рудники. Поскольку же никакого нового закона со стороны Уложенной комиссии не последовало, то в силе оставался вышеназванный указ — по крайней мере, до 1775 г., если не дольше[43].

Усиление крестьянских волнений в 1762—1767 гг. часто приписывали некоторым шагам Екатерины, стремившейся в эти годы укрепить власть помещиков над их крестьянами и тем обеспечить себе поддержку класса, приведшего ее к власти. Но это объяснение имеет серьезные недостатки. Во-первых, один из шагов, нацеленных якобы на усиление власти помещиков (им было указом даровано право отправлять непокорных крепостных на поселение в Сибирь), был предпринят еще в декабре 1760 г. при Елизавете Петровне, чтобы увеличить приток русских поселенцев на пустынные сибирские земли[44]. Более того, тот же самый указ разрешал всем со-

---

[41] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 374. См. также гл. 11.

[42] Там же. С. 414.

[43] См. примеч. 19 к настоящей главе.

[44] ПСЗ. Т. XV. № 11116. 13 декабря 1760 г. В указе говорилось, что переселенцы должны быть не старше 45 лет, ехать им полагалось с женами и маленькими детьми, за которых государство бралось платить по 50 руб. за мальчиков от 5 до 15 лет и вполовину меньше за девочек. Хозяевам предписывалось выделить переселенцам по 20—30 руб. на дорожные расходы и обувь.

циальным группам, в том числе купечеству и государственным и монастырским крестьянам, изгонять ненадежных, провинившихся членов своих общин на поселение в Сибирь в зачет рекрутов. Широко ли применялось это право кем-либо, кроме помещиков, неизвестно. Но несомненно, что им пользовалось купечество, а крестьяне даже в XIX в., когда остальные группы уже давно лишились этого права, продолжали изгонять своих собратьев в Сибирь[45].

Во-вторых, считалось, что крестьянские восстания происходили из-за предпринятого Екатериной в начале царствования массового перевода государственных крестьян в крепостные. Это позволяло ей делать подарки сторонникам и фаворитам, укрепляя тем самым свои позиции. Количество и происхождение владений с крестьянами, пожалованных Екатериной в первые десять лет царствования, известны: в 1762 г. участникам заговора, сделавшего ее императрицей, были единовременно розданы 18 725 душ, а за следующие десять лет, до 1772 г., она раздарила еще 48 тыс. душ. Большинство их составляли дворцовые крестьяне, а 5097 душ были пожалованы в Ливонии и Малороссии. Во многих случаях казна специально приобретала имения для этих целей, но никогда государственных крестьян не превращали в крепостных. Как отмечал в это время британский посол Дж. Макартни, «коронные крестьяне считаются неотчуждаемо прикрепленными к короне»; дворцовых же крестьян могли раздавать, «но нынешняя императрица проявила в этом вопросе гораздо больше осмотрительности, чем ее предшественники»[46].

Но существовал еще ряд факторов, способствовавших явному брожению среди крестьян. Первым по времени стал Манифест 1762 г. об освобождении дворянства от государственной службы. Историки по-разному объясняли воздействие этого манифеста на крестьян. По мнению Н. Л. Рубинштейна, не следует придавать слишком большую важность влиянию этого закона, умаляя роль классовой борьбы. Р. Порталь отмечает, что на Урале крестьяне под влиянием Манифеста о вольности дворянства начали ждать, когда и им дадут волю, особенно в связи с тем, что одновременно было запрещено приобретать крепостных для заводов[47]. Крестьяне, конечно, знали

---

[45] См. мою статью (примеч. 19 к настоящей главе).

[46] *Mackartney G.* The Present State of Russia. London, 1768. P. 23; *Семевский В. И.* Раздача населенных имений при Екатерине // Отечественные записки. 1877. № 8. С. 204—277.

[47] *Portal R.* Op. cit. P. 293.

о выходе Манифеста о вольности дворянства и вполне способны были сообразить, что равновесие между зависимостью крестьянина от дворянина и зависимостью дворянина от государства нарушено и что сложилось «несправедливое» положение, которое надо исправлять. 19 июня 1762 г. правительство поспешило издать указ, который был дословно повторен 4 июля того же года, по восшествии Екатерины на престол. В указе крестьян предупреждали не поддаваться на «лживые слухи» — вероятно, подразумевались разговоры о скором освобождении[48]. Подложный указ 30 октября 1763 г., составленный от имени императрицы, иллюстрирует некоторые из крестьянских взглядов на это дело: «Время уже настало, чтоб лихоимство искоренить, что весьма желаю в покое пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегают Божий закон и государственные права и в том много чинят Российскому государству недобро». Затем в подложном указе напоминалось, что дворянство получило свои земли от предыдущих правителей, но позабыло об этом и не хочет больше служить государству. В дни Петра Великого их держали в узде, но теперь «правду всю изринули да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят, что российский народ осиротел...»[49].

Не меньше встревожило основную массу крепостного крестьянства известие о секуляризации церковных крестьян, вероятно, пробудившее в них надежды на то, что их «возьмет себе государыня». А всего три года спустя стало известно о созыве Уложенной комиссии, но крепостным не предложили направить в нее депутатов, хотя они и жили бок о бок с государственными крестьянами, которые посылали в комиссию своих представителей. Указ 22 августа 1767 г., запретивший крепостным жаловаться на помещиков, особо предостерегал от злонамеренных людей, распространяющих слухи о грядущих переменах в законе. Что думали обо всем этом крестьяне, рассказывается в так называемом «Плаче холопов»:

Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:

---

[48] См. примеч. 37.

[49] СбРИО. Т. VII. С. 322; *Штранге М. М.* История одного подложного указа 1763 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 310—314.

Холопей в депутаты затем не выбирают...
Царю послужить ни один не хочет,
Лишь только у нас последнее точит...[50]

Наконец, ходили довольно многочисленные слухи о вмешательстве Екатерины в отношения остзейских помещиков с их крестьянами, которое выразилось в «патенте» от апреля 1765 г., и о различных иных экспериментах с формами земельного держания. Эти сведения, искаженные молвой, наверное, будоражили крестьян, порождали у них надежды, что зреет нечто новое.

При полной поддержке многих высших чиновников Екатерине удалось провести специальные меры, нацеленные на облегчение участи приписных и церковных крестьян. Но к отношениям между русским помещиком и его крепостными следовало подходить гораздо осторожнее. До воцарения Екатерины в просвещенном обществе не замечалось никаких признаков, свидетельствующих о том, что хоть кому-нибудь приходила бы в голову мысль об отмене крепостного права. «Оное с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно», — писал в XVIII в. историк В. Н. Татищев[51]. Екатерина же, напротив, еще будучи великой княгиней, в «Собственноручных заметках» придумала способ избавиться от крепостничества, на осуществление чего, по ее мысли, ушло бы около ста лет: всякий раз, как имение при продаже переходило бы из рук в руки, полагалось бы отпускать крестьян на волю. За сто лет все имения хоть раз будут проданы — «и вот народ освобожден»[52]. А теперь, уже став императрицей, она так или иначе пыталась поставить этот вопрос перед едва зарождающимся российским общественным мнением.

Поначалу императрица, стараясь навести порядок в отношениях помещика с крестьянами и в поземельных отношениях, не выходила

---

[50] Цит. по: Хрестоматия по русской литературе XVIII века. С. 262 и далее. Ничто не свидетельствует о том, что это анонимное сочинение написано крепостным. Среди слухов, ходивших в то время, был и один, утверждавший, будто в некой «Инструкции» (может быть, имелся в виду екатерининский «Наказ»?) содержится распоряжение ограничить барщину двумя днями в неделю. См.: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II... Т. I. С. 66; *Флоровский А. В.* Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. 24.

[51] Цит. по: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. СПб., 1888. Т. I. С. 8.

[52] Недатированные заметки (вероятно, за 1761 г.): СбРИО. Т. VII. С. 84.

за рамки идей крепостного права. Первый толчок к реформе исходил от ее ближайших друзей, Григория и Алексея Орловых, впервые обративших ее внимание на пастора Эйзена. Ему предложили разработать план «крестьянского землевладения» в имении Ропша (здесь был убит Петр III, после чего, по мрачной иронии судьбы, оно перешло к братьям Орловым) и еще в двух имениях, где предстояло заменить крепостное состояние «колониями». Эйзен должен был разработать образцовые контракты, при помощи которых крестьяне превратились бы в арендаторов земли. Он трудился над этим документом полтора года, но по неизвестным причинам был отстранен от работы в 1766 г., незадолго до созыва Уложенной комиссии. Возможно, императрица почувствовала оппозицию своим намерениям и выбрала легкий способ отложить решение вопроса, передав его туда.

Впрочем, именно принципы Эйзена применил, с одобрения государыни, в большом дворцовом имении Коростино в окрестностях Новгорода местный губернатор Я. Сиверс. Он начал с обмера земель, чтобы определить, какие повинности должны нести крестьяне, и подготовил документы аренды, позволявшие государству контролировать отношения владельца и крестьян. Очевидно, что просвещенные чиновники рассматривали передачу земель в аренду как шаг в правильном направлении, прочь от крепостного рабства, поскольку теперь условия аренды ограничивали претензии помещиков на крестьянский труд, а крестьяне получали права, обеспеченные законом. Далее Сиверс предложил распространить систему аренды также на церковные земли. При помощи этих мер он предполагал добывать средства на содержание расширенного чиновного аппарата и одновременно защитить крестьян от произвола, так как владелец земли, не соблюдающий условия аренды, мог быть предупрежден о расторжении договора. Екатерина, убедившись в достоинствах этого проекта, вынесла его на обсуждение Коллегии экономии, ведавшей церковными землями, но проект был отклонен по каким-то причинам, оставшимся без объяснений[53].

План Сиверса с некоторыми изменениями в том же дворцовом имении Новгородской губернии внедрил в жизнь секретарь Екатерины И. П. Елагин. Он предложил отдавать дворцовые земли крес-

---

[53] *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 334 и далее; *Neuschäffer H.* Katharina II und die Baltischen Provinzen... S. 400—413; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 13 и далее.

тьянам в потомственное пользование с фиксированными денежными и отработочными повинностями, а затем передавать эти владения в аренду дворянам. Но, кроме того, он предлагал упразднить общину и искусственно устроить дворы одинаковой величины, по четыре работника в каждом (связанных или не связанных родством), как общую учетную единицу крестьянского хозяйства. Предложения Елагина встретили сильнейшее сопротивление крестьян.

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын, друг Гельвеция и Дидро, русский посол в Париже и Гааге, мыслил и наивнее, и оригинальнее Елагина. Он верил в экономические преимущества крестьянского землевладения и предложил Екатерине II подать пример помещикам и предоставить дворцовым крестьянам землю в полную собственность, исходя из того, что вслед за императрицей дворяне — владельцы крепостных — добровольно сделают то же самое. Это предложение вызвало язвительное замечание Екатерины: «Еще сомнительно, чтобы пример вразумил и увлек наших соотечественников... Немногие захотят пожертвовать большими выгодами прекрасным чувствованиям патриотического сердца». Еще оригинальнее было предложение князя Голицына посылать в провинции странствующих судей, призванных решать споры крестьян и выслушивать их жалобы на чиновников и помещиков[54].

Гораздо более широкий общественный резонанс получила проблема крепостного права благодаря конкурсу сочинений, объявленному Вольным экономическим обществом в 1766 г. по тайной подсказке Екатерины. Это общество основали в 1765 г. пятнадцать просвещенных дворян, в большинстве — крупные землевладельцы, движимые растущим интересом к отечественной экономике под влиянием энциклопедистов и физиократов. Вольное экономическое общество стало первым независимым культурным институтом в России и просуществовало до большевистской революции 1917 г.[55] Оно издавало собственные «Труды», информировавшие читателей обо всякого рода сельскохозяйственных нововведениях, устраивало образцовые фермы и проводило конкурсы сочинений по различ-

---

[54] О Голицыне см.: *Бак И. С.* Дмитрий Алексеевич Голицын // ИЗ. 1948. № 26. С. 258; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. I. С. 23 и далее; *Он же.* Крестьяне дворцового ведомства // Вестник Европы. 1878. № 5/6.

[55] См. блестящее исследование М. Конфино: *Confino M.* Domains et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle. Etude des structures agraires et de mentalités economiques. Paris. 1963.

ным вопросам сельского хозяйства. Будучи независимым от правительства, Вольное экономическое общество пользовалось моральной (и материальной) поддержкой императрицы, а членство в нем никоим образом не было привилегией одного дворянства. Тема конкурса, объявленного в 1766 г., была такая: «Что полезнее для общества — чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?»

Конечно же, поставленный вопрос дал повод для дискуссии об освобождении крестьян. Дошло до того, что поэт и драматург А. П. Сумароков разразился резким письмом протеста в адрес Вольного экономического общества: «Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи; однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина»[56]. Члены Вольного экономического общества прекрасно понимали, сколь взрывоопасна избранная тема конкурса. Поэтому присланные работы доставляли в дома членов жюри в запертом сундучке, ключи от которого были только у них. На конкурс поступило около 160 сочинений, причем 129 — из Германии, 7 — из России, а остальные из других стран Европы (в том числе от Вольтера и Мармонтеля).

В одной из семи русских работ (под номером 88), принадлежащей перу некоего С. Александрова, примитивным языком говорилось о том, что наследственное право пользования землей и доходами с нее дорого крестьянскому сердцу. В сочинении за номером 99, написанном без знаков препинания и грамматических правил (возможно, каким-то однодворцем?), автор требовал признания крестьянской собственности на движимое имущество и расширения права пользования землей и доходами от нее.

Оба эти сочинения безыскусно выражали крестьянский взгляд на вопрос и, строго говоря, не являлись эссе на заданную тему. Ни один из двух авторов и не думал о полноправной собственности крестьян на землю или об отмене крепостного права. Автор работы под номером 71, вероятно разночинец, пошел дальше, обосновав право крестьянина на личную свободу и на владение движимым и недвижимым имуществом естественным правом: все люди рождаются свободными и должны пользоваться одинаковыми гражданскими правами; человеческое общество организовалось ради защиты собственности, и если нарушить этот принцип, то общество бу-

[56] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос... Т. 1. С. 48.

дет обречено на гибель. Самое интересное из сочинений русских авторов было представлено неким А. Я. Поленовым, переводчиком Академии наук. Он дал смелый и прямой анализ проблемы, а предложенные им средства ее решения характерны разумным учетом российских реалий. Он не требовал немедленной и полной отмены крепостного права, а настаивал на законодательном урегулировании размеров оброка и барщины (которую хотел ограничить одним днем в неделю), на правовой защите наследственного пользования землей, на предоставлении социального вспоможения (открытие школ и больниц), а также на учреждении особых судов для рассмотрения претензий крестьян к помещикам и к администрации.

Некоторые члены отборочного комитета сочли это сочинение лучшим и самым основательным, но другие увидели в нем «многие надмеру сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения». Поэтому автору предложили изъять из очерка нежелательные места, после чего его сочинение отнесли ко второму разряду, со всеми положенными наградами, кроме публикации[57].

9 апреля 1766 г. главный приз был присужден доктору права из Аахена, Беарде де Л'Аббэ. Его очерк, хотя и не был, в отличие от поленовского, связан с российской действительностью и положением крестьян, зато в чисто физиократических категориях изъяснял роль крестьянства как основы процветания страны. Даже самый бедный крестьянин, утверждал автор, гораздо нужнее государству, чем праздный, неотесанный и алчный вельможа. Крестьянин должен иметь личную свободу и право владеть землей и движимым имуществом. Постепенное освобождение крестьян должно достигаться безо всякого вмешательства властей, по инициативе хозяев, которые могли запрашивать за свободу высокую цену. Сначала, в поощрение за растущую продуктивность труда, в собственность крестьянина следовало передавать личное и движимое имущество, а со временем он мог получить и землю. Личное освобождение должно было выступать высшей наградой за увеличение доходов землевладельца.

Вторую премию получило сочинение французского физиократа Граслена, подошедшего к проблеме с позиций экономиста, а не политика или моралиста. По его мнению, когда один член общества

[57] Поленов изучал юриспруденцию в Страсбурге и Геттингене. Обширные выдержки из его сочинения приведены в работе: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос... С. 293 и далее.

«владеет» трудом другого, это разрушает базовые основы социального устройства. Поэтому владельцы крестьян и помещики — паразиты, ослабляющие общество как политически, так и экономически.

Многие члены Вольного экономического общества, кажется, понимали, что даже очерк Беарде де Л'Аббэ написан слишком смело, чтобы напечатать его в период крестьянских волнений. Императрица не возражала против публикации и оставила этот вопрос на усмотрение Общества. Голосование дало двенадцать голосов за издание и шестнадцать против. Однако те двенадцать, которые высказались «за», принадлежали к ближайшему окружению императрицы — двое Орловых, Р. Воронцов, граф А. С. Строганов, граф И. Г. Чернышев, граф Сиверс, Г. Н. Теплов. Исходя из этого, Общество наконец пришло к решению, что «тем российским господам, правящим важнейшими в государстве должностями... приличествует лучше и превосходнее, нежели прочим, рассуждать о такой материи, которая касается больше до политической, нежели до экономической задачи». Так что мнение либерального, но более влиятельного меньшинства возобладало, и очерк Беарде де Л'Аббэ в 1768 г. вышел на русском языке в Санкт-Петербурге вместе с французскими и немецкими оригиналами трех других сочинений.

Не следует недооценивать важность этого эпизода. Составленное доктором де Л'Аббэ описание положения крестьянства — пусть и несколько абстрактное — было изложено в тех же выражениях, с теми же оттенками смысла, с тем же осуждением ужасов и безнравственности крепостничества, которыми были отмечены другие работы, например сочинение Поленова. Публикация этого очерка на русском языке состоялась в период заседаний Уложенной комиссии, когда крестьянский вопрос сильно волновал общество. Само это обстоятельство позволяет видеть в очерке санкционированный верховной властью обвинительный акт против антигуманной системы крепостного права как таковой. Но все же ни одна из работ, за исключением поленовской, не учитывала российские условия. В конкурсных сочинениях много говорилось о важности свободы земледельцев для процветания страны, но очень мало — об экономической стороне освобождения крестьян и его политических последствиях.

Впрочем, решение всех этих проблем могло бы взять на себя лишь правительство, намеренное реально действовать. Пока же они рассматривались вполне отвлеченно. В обществе сложилось два направления мысли, причем ни одно из них не имело сколько-ни-

будь многочисленных сторонников в массе дворянства. Первое течение, основанное на русской традиции, было представлено Поленовым. Оно требовало государственного упорядочивания существующей системы и прямо утверждало, что крепостной — подданный государства, а не раб землевладельца. Поэтому следовало разграничить права государства и землевладельца на труд крепостного и дать ему доступ в дворянские суды за возмещением обид, нанесенных помещиком. Второе течение шло от гуманитарных и экономических теорий Просвещения. Не связанное с особенностями русской жизни, оно несло в себе новые идеи и в конце концов породило противоположное первому течение защитников крепостничества, которое как институт никогда прежде в защитниках не нуждалось.

Стоит отметить, что проблемы общинной собственности, общинного труда, переделов земли и круговой поруки при уплате налогов попросту не были затронуты этими абстрактными теоретиками реформы крепостного права. В результате их нередко критиковали в XIX в. сторонники общины. Однако на фоне политического климата эпохи Просвещения, когда в борьбе за свободу против деспотизма важнее казались индивидуальные права личности, а не экономические и социальные права, позиция авторов этих теорий объяснима и выглядит благородной и гуманной. Они думали о личных или, в крайнем случае, о семейных интересах крестьянина и считали, что его человеческое достоинство утвердится благодаря свободе, а гарантии прав личности окрепнут с получением собственности. Но они и близко не подошли к решению целого комплекса проблем, связанных с положением крепостного крестьянина в системе, в которой каждый податной был привязан к определенному месту и рассматривался как часть налогооблагаемой единицы, а не как отдельная личность.

Часть III

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Глава 9

Уложенная комиссия 1767 г.

Преодолев первый кризис своего царствования, в середине 60-х гг. Екатерина приступила к широкомасштабному и очень важному для нее лично политическому эксперименту. 14 декабря 1766 г. она издала манифест с призывом ко всем российским свободным «сословиям» и к центральным правительственным учреждениям направить в столицу депутатов, уполномоченных изложить нужды и пожелания пославших их сообществ и принять участие в составлении нового свода законов[1].

Уже при Петре Великом власти прекрасно сознавали необходимость привести Соборное уложение 1649 г.[2] в соответствие с современностью, и потому на протяжении XVIII столетия созывался целый ряд специальных «уложенных комиссий». Они были немногочисленными по составу и включали преимущественно знатных бюрократов, а также специалистов, не обязательно дворянского происхождения, от университетских профессоров до членов купеческого сословия[3]. Но из декабрьского манифеста 1766 г. сразу стало ясно, что у императрицы Екатерины II на уме нечто иное. Прежние комиссии представляли собой небольшие собрания частного характера, и лишь закончив подготовительную работу, они приглашали представителей разных сословий, чтобы каждая группа по отдельности высказалась о касающихся ее разделах законопроекта. Однако то собрание выборных представителей, которое теперь созывала Екатерина, должно было стать гораздо многочисленнее, чем все его

---

[1] ПСЗ. Т. XVII. № 12801, 14 декабря 1766 г.

[2] Соборное уложение 1649 г. было составлено и одобрено Земским собором, состоявшим из представителей правительства, церкви и неподатного населения.

[3] См. обзор: *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887.

предшественники в XVIII в. К тому же самим депутатам предстояло участвовать в разработке нового свода законов.

В манифесте объяснялось, что право представительства в законодательном собрании будет пожаловано центральным правительственным органам, а также тем социальным группам, которые окажутся не представленными ни правительственными учреждениями, ни землевладельцами. Так, Сенат, Синод, коллегии и ряд канцелярий по выбору Сената (но только не связанных с системой местного управления) должны были направить по одному выборному депутату, причем не обязательно в лице своих начальников. Что касается «сословий», то здесь выбор депутатов проводился на территориальной основе: дворянство избирало по одному депутату от каждой административной единицы (от уезда в России, от полка на Украине, от крейса в Лифляндии), независимо от количества дворян в данном районе. Каждый официально зарегистрированный город также направлял по одному депутату независимо от числа жителей. Однодворцы и другие категории вольных пахотных солдат, а также государственные и ясачные крестьяне посылали по одному депутату от каждой провинции. Оседлые инородцы, как крещеные, так и язычники, должны были представить по одному депутату от каждого из народов, населяющих ту или иную губернию. Наконец, во всех казачьих войсках предписывалось «вышним командам, где они ведомы, применяясь к сему положению, прислать потребное число депутатов»[4]. В противоположность практике Земских соборов XVII в., духовенство в екатерининской Уложенной комиссии было представлено не как сословие, а как один из институтов государственного аппарата — единственным депутатом от Святейшего синода.

Работа депутатов в законодательных комиссиях в XVIII в. воспринималась просто как еще один вид государственной службы и без того сверх меры отягощенного ею дворянства, и потому депутатства всячески старались избегать[5]. Екатерина же постаралась превратить его в желанную привилегию, придав депутатскому статусу ряд преимуществ. Во-первых, депутатам собирались платить жалованье: дворянам по 400 руб. в год, городовым депутатам по 122 руб., а остальным по 37 руб. Они также получали пожизненный

[4] ПСЗ. Т. XVII. № 12801.

[5] *Латкин В. Н.* Указ. соч. С. 127.

иммунитет от смертных приговоров, телесных наказаний и пыток[6]. Их имущество не подлежало конфискации ни в каком случае, кроме изъятия за долги. Оскорбление депутата влекло за собой наказание в двойном размере. Наконец, депутатам вручали особый знак их должности, который после их смерти возвращался государству. Дворянам надлежало включить этот знак в свой герб, «дабы потомки узнать могли, какому великому делу они участниками были»[7].

Екатерининская Уложенная комиссия не имела ничего общего с современными представительными органами, с парламентами, так как в сущности она была институтом «старого режима». К тому же Манифест 14 декабря 1766 г. не раскрывал многие внутренние причины созыва подобной ассамблеи. Для начала, уже само употребление слов «выборы» и «избиратели» вызывает неправильное понимание характера политического представительства на российских Земских соборах или в законодательных комиссиях. «Русское слово для избрания — "выборы" — означает буквально "отбор", или "подбор"»[8]. Это рассуждение о современных советских выборах в еще большей степени применимо к процессу выборов в Уложенную комиссию в XVIII в. Согласно Манифесту 14 декабря 1766 г., депутата следовало *выбрать* или *отобрать*. Выдвижения кандидатов не было; все, кто был правомочен выбирать депутатов, могли также быть избраны. В решающий день всем избирателям, съехавшимся в какой-нибудь почтенный дом, надлежало подойти к столу в центре залы и, по мере того как выкликали имена, положить шар в один из ящиков, помеченных «выбран» и «не выбран». Тот, за кого в ящике с надписью «выбран» оказывалось наибольшее число шаров (к ним прибавлялись также голоса, присланные по почте), становился депутатом. Добавим, что сама Екатерина вовсе не намеревалась допустить перерастания роли депутатов в статус парламентариев и в корне пресекала все подобные поползновения. Составленный в довольно резких выражениях указ 1773 г. гласил, что депутатам не-

---

[6] В этом случае суды были склонны считать, что неприкосновенность распространяется только на депутатов, активно участвовавших в заседаниях комиссии. См.: *Липинский М. А.* Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения // ЖМНП. 1887. № 7. С. 236; СбРИО. Т. X. С. 139 (в пункте 6 изложены взгляды Екатерины II на этот вопрос).

[7] ПСЗ. Т. XVII. № 12801. В сентябре 1767 г. депутатское жалованье в 37 руб. повысили до 50 руб. (см.: ПСЗ. Т. XVIII. № 13007, 9 сентября 1767 г.).

[8] *Jacobs E. M.* Soviet Local Elections: What they are and what they are not // Soviet Studies. 1970. Vol. XXII. № 1. P. 61.

чего выставлять себя «народными защитителями», как и брать на себя функции представителей и проталкивать дела своих земляков в центральных учреждениях, входя «в дела посторонние и до их звания нимало не принадлежащие»[9]. Судя по тому, что депутат, решивший сложить полномочия, мог просто передать свой мандат кому пожелает, не советуясь с избравшими его, он явно никоим образом не рассматривался как лицо, ответственное перед избирателями. Точно так же, поскольку голос депутата в собрании ничего не решал, было неважно, что число депутатов постоянно колеблется. Иногда депутаты уходили в отставку или изгонялись из состава комиссии без последующей замены, и тогда губернаторы и воеводы, приезжая в столицу, по должности посещали заседания[10].

Таким образом, в задачи Уложенной комиссии не входило представлять «народ», а уж тем более «волю народа». Она являлась чисто консультативным органом и, строго говоря, вообще не была законодательной. Поэтому неудивительно, что в ней участвовали депутаты от государственных учреждений. Предполагалось, что они знакомы с административными проблемами, с нуждами подведомственных им слоев общества, с законами. Правительственные учреждения издавали собственные наказы, или инструкции, которые не следует отождествлять с той или иной политической линией центрального правительства, а надо рассматривать как итог профессионального опыта конкретных департаментов[11].

Ряд примеров говорит о непродуманности подхода власти к выборам и о полной негодности разработанной процедуры. Дворянам полагалось участвовать в выборах депутатов во всех уездах, где они владели землей, а в случае невозможности личного участия — по болезни или по служебной занятости — они могли присылать свои голоса почтой. Если владение было записано на имя женщины-помещицы, то на собрание выборщиков она не допускалась, но могла также проголосовать по почте. Первой ступенью избрания дворянского депутата были проходившие под началом губернатора

---

[9] ПСЗ. Т. XIX. № 13953, 28 февраля 1773 г.

[10] ПСЗ. Т. XVII. № 12801, 14 декабря 1766 г.: *Флоровский А. В.* Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915. С. 588.

[11] Интересный пример представляет собой наказ генерал-полицмейстера, отличающийся по многим важным вопросам от взглядов императрицы, выраженных в ее «Большом Наказе» (см. гл. 10). Ср.: *Raptehl K.* The Problem of Civil Liberties in the Records of the Great Commission // SEER. 1964. Vol. XLII. № 99. P. 274—291.

выборы местного предводителя дворянства сроком на два года. Затем губернатор покидал собрание, а предводитель назначал день и место выборов. Избрав депутата, дворянское собрание назначало комитет из пяти человек для составления инструкции, или наказа, под которым все они подписывались. После этого депутат отправлялся в Москву и вручал документы о своих полномочиях в Герольдмейстерскую контору Сената для утверждения, после чего мог получить жалованье и знаки своей должности. Предводитель дворянства оставался дома, в уезде, и находился в распоряжении правительства. В рассматриваемое время функции предводителя не определялись, но избрание постоянного предводителя дворянства в каждом уезде знаменовало собой зарождение дворянской корпоративной организации[12].

Вышеописанная процедура, сама по себе совсем несложная, тем не менее сразу же начала давать сбои. Согласно правилам выборов, если в уезде насчитывалось менее пятнадцати постоянно живущих дворян, то они могли по своему усмотрению даже и не посылать депутата в Уложенную комиссию, так как минимальное число избирателей нигде не оговаривалось. Екатерина сама составила список из пятнадцати уездов, которые, по ее предположениям, должны были остаться не представленными в комиссии. Фактически же таких уездов оказалось гораздо больше. В Звенигородском уезде было 80 помещиков, но лишь двое из них постоянно жили в своих имениях и оба не явились на собрание избирателей, сказавшись больными. В Каширском уезде из 711 помещиков лишь 38 участвовали в собрании, на зато 323 голоса поступило по почте[13].

Екатерина рассчитывала, что из 300 уездов Российской империи 173 изберут дворянских депутатов[14]. Разумеется, во многих уездах дворян-землевладельцев не было совсем, например — в сибирских губерниях. Исходя из имеющихся данных, трудно определенно сказать, насколько положительно или отрицательно дворянство относилось к Уложенной комиссии в целом и к выборам в частности. Многие дворяне имели по несколько поместий в разных уездах и, возможно, не потрудились проголосовать заочно в каждом из них, если участвовали в выборах по месту постоянного проживания.

---

[12] В выборах приняли участие 204 дворянки-помещицы. См.: *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 263 и далее.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 152—153.

Мелкопоместные дворяне, состоявшие на военной и гражданской службе, не располагали ни временем, ни средствами совершить дальнее путешествие домой, чтобы отдать свой голос. Вероятно, на отношении дворянства к выборам сказывалась и удаленность от обеих столиц. Дворяне дальних, менее просвещенных губерний все еще воспринимали вызов в столицу как некую форму государевой службы, которой лучше по возможности избежать. Новгородский губернатор Сиверс докладывал, что в его губернии манифест встретили ликованием, и только один дворянин («некое благородное, или, скорее, неблагородное животное») высказывался против на том основании, что с 1762 г. дворянство освобождено от службы[15]. В тех уездах, где находились имения придворных сановников и магнатов, дворянство обычно их и выбирало. Так, выбрали троих из братьев Орловых, двоих Чернышевых, Петра Панина (от Москвы). Вероятно, друзья императрицы по ее настоянию отправились в уезды, где располагались их имения и где избрание этих высокопоставленных сановников гарантировалось их положением. Но нет никаких свидетельств о манипулировании выборами ради групповых политических целей со стороны центрального правительства. Ведь власти понятия не имели, сколько депутатов будет в конце концов избрано, так что было просто невозможно, да и не нужно, создавать «партию» сторонников правительства[16].

Очень немногое известно о том, как составлялись наказы депутатам. В них можно было безо всяких ограничений высказывать общеполитические взгляды, касаться любых недостатков, как местного масштаба, так и общероссийского. Не допускались только личные жалобы и требования. Однако нередко бывало трудно привести уездных выборщиков к единому мнению и отвратить их от привычки писать челобитные — традиционной формы жалобы государю. Некоторые из наказов были довольно лаконичными. Так, в наказе депутату от муромского дворянства коротко и ясно говорилось, что Муром ни в чем не нуждается, от притеснений не страдает и никаких новых законов ему не требуется[17]. Лишь в очень

---

[15] *Латкин В. Н.* Указ. соч. С. 209. По оценке А. В. Флоровского, в каждом уезде голосовала лишь четверть дворян (см.: *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 207).

[16] По мнению В. Сергеевича, если не существовало «оппозиции» правительству, то ему незачем было и вмешиваться в ход выборов (см.: *Сергеевич В.* Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 217—218).

[17] Там же. С. 211.

немногих случаях дворянство поднималось до формулирования взглядов в отвлеченных политических терминах. Это можно объяснить низким культурным уровнем, а то и неграмотностью, которая все еще была присуща провинциальному дворянину старше сорока—пятидесяти лет, как служилому, так и неслужилому. В одном случае сын подписался под наказом вместо отца, «который грамоте не знает и не может написать свое имя». А в Арзамасе один человек подписался сразу за восьмерых неграмотных[18].

Придуманная Екатериной процедура выборов вызвала еще большие трудности в городах: там применялся простой принцип предоставления избирательного права всем домовладельцам, который, однако, совершенно не учитывал глубокие различия между социальными группами городского населения. Сейчас все историки сходятся в том, что таким образом Екатерина сознательно пыталась превратить города в развитые территориальные единицы и сплотить их население в однородное сословие[19]. Но купцы не привыкли ни в какой форме сотрудничать на равных с простыми горожанами и вообще не считали горожанами тех, кто не участвовал в экономической жизни города, например — мелких чиновников. Да и местные власти также привыкли иметь дело прежде всего с купечеством и явно были сбиты с толку новым подходом, шедшим вразрез со всем их прежним опытом.

Правила проведения выборов не слишком помогали делу, потому что в них остались неопределенными такие понятия, как «домовладелец», «житель», «город». С кем следовало голосовать государственному крестьянину, имевшему в городе лачугу и лавку, — с горожанами или с государственными крестьянами своей губернии? Должен ли голосовать взрослый купеческий сын, живущий в доме у отца? Должны ли голосовать пригородные домовладельцы, живу-

---

[18] *Бочкарев В.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии // РС. 1915. № 2. С. 325 и далее.

[19] Сначала это мнение оспаривал В. Латкин (см.: *Латкин В.* Указ. соч.) и поддерживали И. И. Дитятин и М. А. Липинский (см.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. М., 1875. Т. I. С. 388 и далее; *Липинский М. А.* Указ. соч.). См. также: *Кизеветтер А. А.* Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую комиссию // Исторические очерки. М., 1912; новое исследование: *Coquin F.-X.* La Grande Commission Legislative (1767—1768) // Les cahiers de doleances urbains. Louvain; Paris, 1972. P. 29ff., 39, примеч. 63.

щие в 40—60 верстах от города, и если да, то где? Некоторые из этих вопросов были поставлены перед Сенатом и даже перед самой императрицей, но принятые ими решения выполнялись далеко не всегда. Путаница вокруг процедуры выборов часто сводила на нет замысел получить коллективного представителя всех социальных групп города в лице единственного депутата. Купцы, издавна привыкшие верховодить в городской жизни, норовили оттеснить остальные группы населения и выбрать депутата только в своем сословии. В одном месте не допустили к избранию никого из членов служилого сословия ниже офицерского чина, хотя они являлись домовладельцами. В другом купцы ухитрились отстранить от выборов двоих дворян-домовладельцев и всех прочих горожан, не принадлежавших к купечеству. Сенат аннулировал оба эти избрания и велел провести новые выборы. Но в большинстве случаев, когда происходили неувязки, ни воеводы, ни изгнанные выборщики не протестовали, так что в конце концов оказалось, что из 209 городских депутатов 83 человека избраны только членами купеческого сословия. Духовенство оказалось группой, наиболее последовательно исключенной из городских выборов, — зафиксировано их участие в избрании всего-навсего 13 депутатов из 209[20].

Как и при дворянских выборах, в городах весь процесс начинали с избрания городского головы, который и брал на себя руководство дальнейшей процедурой. Он избирался на два года и должен был выступать как представитель домовладельцев и «всего населения города» на тот случай, если бы правительству понадобилось посоветоваться с горожанами. Тем самым городской голова служил воплощением нового корпоративного принципа в подходе к городскому классу и явно должен был выступать от имени всех социальных групп: купцов, горожан, церковников, канцеляристов и т.д. В крупных городах выборы депутатов Уложенной комиссии могли проходить в два этапа. Сначала сходились домовладельцы каждого квартала (или «части»), на которые делился город, и выбирали до ста выборщиков, которым затем предстояло провести окончательное избрание депутата.

---

[20] См. таблицу: *Coquin F.-X.* Op. cit. P. 51. Перевес купечества наблюдался в Московской и Новгородской губерниях. Крестьяне участвовали в выборах 33 городских депутатов. Но следует подчеркнуть, что все выводы относительно участия выборщиков носят предположительный характер ввиду отрывочности сведений.

Дворянство обеих столиц активно участвовало в этих выборах и настолько подавило купечество, что в Санкт-Петербурге на первом этапе городских выборов прошло много дворян. Тогда полицмейстер высказал мысль, что было бы разумнее выбрать нескольких купцов вместо столь обремененных делами сановников. Но когда прошел второй тур выборов, оказалось, что депутатом от населения Петербурга стал не кто иной, как Алексей Орлов. Москвичей местному полицмейстеру тоже пришлось уговаривать выбрать хоть нескольких купцов в первом туре. Но в итоге московские избиратели предпочли, чтобы их представлял князь Голицын, а городским головой выбрали генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. Очевидно, что, как и в случае с дворянскими депутатами, в городах в выборах участвовали далеко не все, кому полагалось. Так, в Петербурге из 3—3,5 тыс. домовладельцев голосовали только 450 выборщиков, в Москве соотношение оказалось и того меньше: 878 человек из 10—12 тыс.[21] Такая низкая активность многочисленного потенциального электората может свидетельствовать о недоумении, безразличии, недоверии или просто о невежестве и безграмотности. А может быть, сказались усилия городской верхушки не допустить горожан к голосованию.

Горожане были так мало знакомы с территориальным принципом, в отличие от «сословного», что в ряде случаев, сумев прийти к общему решению, избирали не одного депутата, а нескольких. Так, Астрахань и Саратов прислали по пятеро депутатов, Казань — одного от русского населения, а второго от татарского. Сколько из этих депутатов было допущено к заседаниям Уложенной комиссии, остается неясным, хотя в протоколах упоминаются, по крайней мере, трое представителей города Астрахани[22].

Подготовка наказов от городов также вызвала затруднения. Купечество само по себе имело давнюю традицию составления по определенному шаблону челобитных, адресованных в центральную коллегию, ведавшую делами их сословия — т.е. в Главный магистрат. Более того, местные городские советы привыкли поддерживать контакты, обмениваться новостями и совместно работать над обращениями от нескольких городов. Но эти обращения посылались главным образом затем, чтобы переложить бремя налогов и служ-

[21] *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 386.

[22] *Липинский М. А.* Указ. соч. С. 264.

бы на плечи других групп общества. Таким образом, эти петиции носили, в сущности, «сословный» характер и выражали интересы элитной части податного населения города. Однако наказ городскому депутату должен был учитывать всеобщие интересы, охватывать нужды и требования города как единого целого. Очень трудно было добиться подобной гармонии, и если к единству прийти не удавалось, то выбирали больше одного депутата, причем каждый избранник снабжался отдельным наказом. В целом городские наказы почти не выходили за рамки местных вопросов. Многие из них представляли собой простые перечни нередко противоречивших друг другу жалоб, но все же кое-как сколоченные вместе усилиями пятерки составителей наказа. Лишь немногие проявили способность отличать общие принципы, проблемы страны в целом от случаев некомпетентности местных властей[23].

Члены духовного сословия смогли оказать скрытое влияние на содержание наказов, так как их привлекали к составлению этих документов. В некоторых городовых наказах прямо значились требования, отвечавшие интересам духовенства, а под другими наказами даже стояли подписи духовных лиц. В Угличе самым первым пунктом было записано требование белого духовенства, а подписали наказ 22 священника, дьякона и протодьякона. Городовой депутат от Углича служил в канцелярии духовного управления. Он проявил чрезвычайную активность в работе Уложенной комиссии и мог считаться, в сущности, дополнительным представителем церкви[24].

Итак, в городах депутатов выбирали как придется, и это подтверждает мысль, возникающую при взгляде на выборы дворянских депутатов в уездах, — правительство толком не знало, сколько депутатов эти две социальные группы направят в комиссию. В ходе выборов случались неувязки: не было заранее определено, каким именно единицам (слободы, пристани, посады) будет позволено присылать депутатов, и разрешалось вообще их не посылать, если город был слишком мал или беден. К участию в комиссии допускалось по нескольку депутатов от городов, которым, по идее, полагалось присылать по одному. Наконец, не была предусмотрена ситуация, при которой от городов могли быть избраны

---

[23] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 209—241.

[24] *Сергеевич В.* Указ. соч. С. 202; *Кудряшев П.* Отношение населения к выборам в екатерининскую комиссию // Вестник Европы. 1909. № 11. С. 110.

депутатами дворяне[25]. Все это показывает, что понятие о равномерности социального представительства в законодательном собрании было весьма расплывчатым. Непохоже также, чтобы правительство сколько-нибудь точно знало, какое количество депутатов изберут остальные слои российского населения — государственные крестьяне, однодворцы и прочие группы ландмилиции.

Процедура выбора крестьянских депутатов проходила в три этапа. Крестьянам предлагалось писать не проекты наказов депутатам, а челобитные — это слово им, конечно, было привычнее. Кроме того, в относящемся к крестьянам разделе манифеста ничего не говорилось о том, что депутаты созываются для составления свода законов. Для крестьян процедура была такова: три воскресенья подряд манифест публично оглашали во всех сельских церквях, затем назначался день избрания уездных выборщиков от каждой деревни или села. Право голосовать получили все, кто владел домом и землей в данной деревне. Потом деревенские выборщики передавали уездному выборщику письменные изложения своих нужд и требований. В назначенный день представители от разных уездов выбирали губернского выборщика, который участвовал в отборе крестьянского депутата от всей губернии. Того снабжали полномочиями выступать от имени избирателей с «нижайшими представлениями» крестьянских пожеланий, а также наказами — челобитными от деревень и уездов. Для однодворцев и крестьян не предусматривалось создание комиссий, составлявших проекты наказов. Депутатам просто вручали не сведенные воедино челобитные от деревень, уездов и губерний, чем и объясняется невероятное множество крестьянских наказов, поданных в Уложенную комиссию: их было свыше тысячи, причем многие до сих пор не опубликованы[26].

Так или иначе, крестьяне еще меньше дворян и горожан были способны изложить свои жалобы в отвлеченных категориях и поэтому просто рассказывали о частных местных бедах и проблемах. В этом смысле их наказы являются бесценным источником для локальной

---

[25] В общей сложности примерно 16 городов в разное время были представлены в комиссии дворянами. Их число колебалось, так как у депутатов было принято передавать свои мандаты другим лицам. См.: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева. М., 1965. С. 74.

[26] Депутат от архангелогородских государственных крестьян И. Чупров привез с собой около пятисот наказов. Большая часть опубликованных крестьянских наказов помещена в изд.: СбРИО. Т. CV, CXXIII. См. также: *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 119.

социальной истории, хотя следует помнить, что крестьяне старались преувеличить бедственность своего положения. Поскольку среди них царила почти поголовная неграмотность, им, по всей вероятности, помогали составлять бумаги деревенские попы или канцеляристы. Кроме того, крестьяне боялись притеснений со стороны дворянства и чиновников и не могли со всей откровенностью пожаловаться на местную администрацию, ведь перед отправкой в Москву крестьянские челобитные как раз и накапливались в канцеляриях. То обстоятельство, что различные группы государственных крестьян выбрали депутатами в основном своих же собратьев, делает честь их стойкости — когда Уложенную комиссию в 1768 г. окончательно распустили, оказалось, что только один крестьянский мандат был передан дворянину. У однодворцев при роспуске Уложенной комиссии обнаружилось трое депутатов-дворян. Среди крестьянских депутатов присутствовало несколько приписных крестьян, хотя посессионных не было (их «представляли» соответственно Берг- и Мануфактур-коллегии, а потому им вообще не полагалось участвовать в выборах).

До 1761 г. территориям Российской империи, где действовали местные законы (Лифляндия, Эстляндия, Малороссия и другие земли с нерусским населением), не предлагали направлять депутатов в различные законодательные комиссии[27]. Но Екатерина II считала, что можно объединить империю под управлением общих институтов, и теперь, когда представился случай сплотить окраинные провинции с центром, она не могла его упустить. Поэтому в опубликованном тексте манифеста было ясно сказано, что ожидается участие всех частей государства в выборах.

К несчастью, процедура выборов для нерусских провинций еще меньше учитывала политические позиции их населения и особенности его социального состава, чем в великорусских областях. Среди лифляндцев и эстляндцев возникли разногласия по двум вопросам: участвовать ли им вообще в выборах в Уложенную комиссию, признав тем самым право всероссийского собрания писать для них законы, а если участвовать, то кого считать дворянином, т.е. полноправным избирателем. Первый вопрос не вызвал серьезных затруднений. Часть дворян и горожан, недовольных системой местных привилегий, захотела воспользоваться случаем и получить желаемое. К тому же лифляндский генерал-губернатор, назначенный русскими властями, и не позволил бы уклониться от проведения вы-

[27] *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 361 и далее.

боров. Зато вопрос о социальном статусе избирателей опять-таки оказалось решить куда труднее, чем вопрос о статусе политическом.

Прибалтийское родовитое дворянство, издревле числившееся в матрикуле, отказывалось признавать право участия в выборах за помещиками недворянского происхождения, полагая, что приобретение земли, пусть даже с крепостными, все равно не делает их настоящими дворянами. Эстляндское дворянство без всяких выборов вручило пост маршала дворянства главе рыцарства Ф. Й. фон Ульриху. Тот в свою очередь назначил по четверо кандидатов от каждого крейса Эстляндии. Депутатов выбирали из числа этих назначенных кандидатов, причем выбрали и самого Ульриха, постановив передать пост предводителя дворянства его брату. Российский Сенат немедленно аннулировал эти выборы и велел провести их заново. Эстляндский губернатор, князь Петер Гольштейн-Бек, попытался оправдать свои решения местными обычаями и получил суровую отповедь. Ему указали, что в манифесте совершенно ясно написано, как надлежит проводить выборы, а поскольку этот документ переведен на разные языки, то и не понять его было невозможно. Далее губернатору сообщалось, что ему не следовало позволять эстляндским дворянам поступать согласно их частным обычаям, в то время как все разъяснено в обязательном для всех законе, и что было неуместно с его стороны приводить столь несерьезные оправдания, как отсутствие достаточно вместительного зала, где эстляндское дворянство могло бы собираться вместе, — ведь в Петербурге и в Москве дворяне почли за честь предоставить для проведения выборов свои дома[28].

Екатерине совсем не понравились претензии прибалтийского дворянства; императрица не могла допустить, чтобы не она сама, а остзейские бароны решали, кто дворянин, а кто нет; «вся Россия не знает матрикулы, а между тем пользуется тем же избирательным законом»[29]. Тем не менее так и не удалось заставить дворянство договориться с помещиками недворянского происхождения ни о выборе единого депутата, ни об инструкции для него. В самом деле, было бы чрезвычайно странно, если бы депутат предъявил противоречащие друг другу инструкции. Наконец императрица, обнаружив, что четыре округа Лифляндии избрали только двоих депута-

[28] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 36.

[29] *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 242–243 и далее (изложение письма Екатерины II генерал-губернатору Броуну).

тов, предложила лифляндским недворянам направить в комиссию собственного депутата с отдельным наказом[30].

Города Лифляндии не проявили горячего желания избирать депутатов, так что всего 4 из них оказались представленными в Уложенной комиссии — Рига, Дерпт, Венден и Пернау. Лифляндские крестьяне депутатов не направляли, так как считались крепостными. Наличие здесь некоторого числа свободных крестьян шведского происхождения, особенно на балтийских островах, осталось незамеченным, зато четверо представителей вольных крестьян Восточной Финляндии (из Выборгской губернии) прозаседали в собраниях комиссии почти девять месяцев, прежде чем их присутствие вызвало вопросы. Но так как под властью шведов они были свободными, Екатерина II утвердила их право участвовать в работе комиссии[31]. В итоге Лифляндию с Эстляндией представляли 6 дворян и 4 городских депутата.

В Малороссии дворянский представитель избирался от каждого полка или повета (что соответствовало уезду). Города выбирали депутатов так же, как в самой России, а казачество и вольные крестьяне — по депутату от каждого полка. Староверам гетманства Малороссийского позволили также выбрать своего депутата. Это же право получили полузависимые крестьяне (посполитые) Екатеринославской и Елизаветградской губерний. Выборы доставили генерал-губернатору П. А. Румянцеву множество хлопот. В Малороссии в целом проявились те же течения, что и в Прибалтике: и здесь сомневались, участвовать ли вообще во всероссийском законодательном собрании, спорили о социальном статусе отдельных выборщиков, ссорились из-за содержания наказов. Румянцев распорядился о начале избирательного процесса в Малороссии, издав циркуляр, в котором призвал население Украины вспомнить, что законы страны должны разрабатываться в интересах всех ее частей. Генерал-губернатор явно намекал на то, что не стоит выдвигать никаких требований автономии[32] (впрочем, судя по его последующим донесениям, цели он не достиг). «Многие истинно вошли во вкус своевольства до того, что им всякий закон и указ государский кажется быть нарушением их прав и вольностей, отзывы же у всех одни: зачем бы нам там и быть?» В следующем письме Румянцев писал: «...другие, ослепленные любовью к своей землице, думали, что их как ученых

---

[30] Екатерина II — А. А. Вяземскому, 16 июня 1767 г. // СбРИО. Т. X. С. 213.

[31] Там же. С. 285 и след.

[32] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 38—39.

и правных людей созывают токмо для совета и сочинения нового Уложения для великороссиян»[33].

Призыв избирать депутатов послужил толчком к возобновлению дискуссии о старинных вольностях Малороссии и требований восстановить гетманство. От Нежина и Батурина в результате довольно беспорядочной процедуры выбрали представителя, отличавшегося крайними взглядами. С этим Румянцев согласиться не мог. Он воззвал к Сенату, и тот отменил избрание, приказав арестовать и предать гражданскому или военному суду всех нарушителей выборных инструкций и приказов генерал-губернатора[34].

Другие слои населения Малороссии, также тяготевшие к самостоятельности, отвергали при этом претензии дворянства. Эти социальные разногласия проявились в выборах городовых депутатов, так как, в отличие от внутренних российских губерний, многие малороссийские дворяне жили в городах и владели там землей, т.е. имели право участвовать в выборах городского депутата. Но дворяне презирали простых горожан и часто отказывались заседать или участвовать в выборах с ними вместе. Оказалось почти невозможным примирить интересы казачьей старшины, администраторов, имевших тот или иной воинский чин, купцов и горожан. С другой стороны, нигде статус дворянина не был таким неопределенным, как в Малороссии. Как писал Румянцев Екатерине, на каждом собрании дворяне осыпали друг друга (не исключая и самых высокородных) упреками и обвинениями в том, что они происходят от мещан или от евреев, а про многих говорили, что они изменили имена. По мнению Румянцева, проблема заключалась в том, что слово «дворянство» на Украине потеряло смысл, «и всякого беглеца-крестьянина, женившегося токмо на козацкой девке» принимали «в достоинство шляхетское, а такого ж шляхтича или козака часто без судов, а иногда по судам, но не всегда по законам» обращали в крестьянина[35]. Случалось, что дворяне бойкотировали выборы, как было в Прилуках, а иногда, как в Погаре, они отдавали все в руки горожан. Лишь когда наказ уже был составлен, а депутат избран, дворянство Погара пожаловалось генерал-губернатору, что выбор-

---

[33] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 39—40.

[34] Там же. С. 45—46. Гражданский суд приговорил обвиняемых к ссылке, военный же из 36 подсудимых 33 приговорил к смертной казни. Но Сенат смягчил приговор, а в 1770 г. императрица помиловала преступников. См.: *Кудряшев П.* Указ. соч. С. 533.

[35] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 41.

ный городской голова пренебрег дворянами и доверил невежественным простолюдинам составить наказ. В Лубнах дворяне не позволили горожанам включить в наказ обвинения в адрес казачьих офицеров и чиновников. В Стародубе выбрали одного депутата, но снабдили сразу двумя наказами — от дворянства и от купечества. Зато депутат от Нежина получил их ни много ни мало целых четыре — от дворян, от горожан, от купцов-великороссов и от земляческа греческих купцов. Малороссийскому дворянству в наказах в целом удалось высказать и требования автономии, и жалобы на Россию. Румянцев, в свою очередь, поступил с ними как самовластный повелитель: не дал хода тем наказам, которые ему не нравились, и отменил избрание неподходящих, с его точки зрения, депутатов[36].

Следуя предписаниям манифеста о выборах, Румянцев позаботился о том, чтобы от каждого украинского полка был избран один казачий депутат, и эти выборы, похоже, не вызвали особенных затруднений. Запорожской Сечи разрешили выставить двух депутатов, так как она была гораздо многочисленнее любого из полков. Однако выборы в Кременчуге и Власовке, хотя, возможно, и нетипичные, отражают некоторые проблемы, связанные с простыми казаками. Вероятно, из-за того, что полковник не разрешил рядовым казакам составить отдельный наказ депутату, они постановили избрать собственного депутата. Казаки собрались в чистом поле, проголосовали за некоего Денисова и снабдили его наказом. Денисов не замедлил явиться в Москву, занял место в Уложенной комиссии и даже участвовал в обсуждениях. Он написал своим избирателям, чтобы те сообщали ему о местных нуждах, и объявил, что находится в милости у Ее императорского величества, несмотря на то что некие злонамеренные люди пытались не допустить его в депутаты. Но затем в Москву приехал местный губернатор и потребовал арестовать Денисова на том основании, что его выбрали втайне, без ведома властей и что его письма возбуждают волнения среди казачества. Денисова арестовали и под охраной отправили назад, но по дороге он бежал и с тех пор исчез со страниц истории[37].

Беспорядки происходили и во время выборов среди крестьян-вольнопоселенцев, или войсковых обывателей Слободской Украины. Прокоп Гук, выбранный крестьянским депутатом, так серьез-

---

[36] *Kohut Z.* The Abolition of Ukrainian Autonomy, 1763—1786. A Case Study in the Integraton of a Non-Russian Area into the Empire. Ph. D. Thesis. Unversity of Pennsylvania, 1975. P. 138ff.

[37] *Кудряшев П.* Указ. соч. С. 122 и далее.

но подошел к своим обязанностям, что велел местному землемеру приостановить межевание, пока сам Прокоп не вернется из Москвы с заседаний комиссии. Он собрал около 60 руб. в двадцати двух деревнях, пообещав крестьянам, что повлияет на межевую контору в их пользу. По доносу, скорее всего кого-то из местных помещиков, опасавшихся, как бы Гук не занес «крестьянскую заразу» даже в комиссию, его арестовали, лишили депутатского статуса, отобрали деньги, высекли, а выборы велели устроить заново[38].

Духовенство в Малороссии, кажется, никак не повлияло на составление городовых наказов, в отличие от некоторых великорусских городов. С другой стороны, когда Синод готовил проект наказа своему депутату в Уложенной комиссии, он советовался с малороссийскими церковными иерархами. Кроме того, они воспользовались случаем, в частности в Киеве, чтобы подать ряд наказов с требованием сохранить имущественные права церкви, ее духовную и правовую автономию. Некоторые из этих требований были приложены к наказу Синода[39].

Допущение в комиссию депутатов от инородцев было данью просвещенным вкусам императрицы. Большинство из этих избранников (если вообще здесь проводились выборы) не знало русского языка, многие принадлежали к правящим родам татар, башкир, черемисов, чувашей и т.д. Сибирский губернатор так описывал ситуацию своему брату, полицмейстеру Николаю Чичерину:

> Поехали от меня два принца, получившие диплом на княжество от царя Годунова: один — Обдорский, а другой — Куновацкий Березовского ведомства, кочующие к самому Северному океану по устьям реки Оби. Выезд их по силе манифеста о депутатах, однако ж ни нужд, ни поверенности — ничего при себе не имеют, а только меня спросили: ездит ли государыня по улицам, и как им сказано, что изволит выезжать, то, упав в ноги, просили, чтоб я их, конечно, отправил. Желание их в том, чтоб в проезд увидеть государыню... Вы найдете в сих моих принцах двух дикеньких зверьков, странных видом, странных и одеянием.

В Москве быстро поняли, что к депутатам от инородцев нужен особый подход. К ним приставили троих «опекунов» — князя С. Вяземского, А. В. Олсуфьева и Г. А. Потемкина, который с этого времени заинтересовался экзотическими народами России. Гене-

[38] *Кудряшев П.* Указ. соч. С. 120.

[39] Там же. С. 111.

рал-прокурор распорядился приготовить для этих депутатов немецкое и русское платье и самоедский наряд — за счет казны[40].

Законодательное собрание, наконец составившееся в результате этого сумбурного процесса, включало в себя: 29 депутатов от правительственных учреждений, 142 депутата от уездных дворянских собраний, 22 депутата от украинского дворянства и офицерства, 42 депутата от однодворцев, 29 депутатов от различных групп вольного крестьянства, 44 депутата от казачества (Сибирского, Яицкого, Волжского и Донского), 209 городовых депутатов, 54 депутата от инородцев. Социальный состав собрания, независимо от того, какие группы представляли депутаты, был таков: дворянство — 205, купечество — 167, однодворцы — 42, крестьяне — 29, казаки — 44, промышленники — 7, канцелярские чиновники и пр. — 19, инородцы — 54[41].

Выборы в Уложенную комиссию, несомненно, помогли пробудить дремлющую русскую сельскую провинцию. Это была первая в императорской России попытка сблизить народ с властью. Некоторые, вроде язвительного скептика Андрея Болотова, полагали, что, кроме большого шума и больших расходов, ничего из этого не выйдет. Другие с восторгом бросились в гущу событий, приветствуя происходящее ружейным салютом, банкетами и фейерверками. Пока весной 1767 г. шли выборы, Екатерина совершила инспекционную поездку по губерниям Поволжья. Во многих местах дворяне, уже собравшиеся в города на выборы, были представлены императрице и устраивали подобающие случаю празднества. Екатерина посетила Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Казань. «Вот я и в Азии... — радостно сообщала она из Казани Вольтеру 29 мая 1767 г. — В этом городе 20 разных народов, вовсе не похожих друг на друга. И однако, им надобно сшить платье, которое на всех на них одинаково хорошо бы сидело. Можно легко найти общие правила, но подробности?» Теперь Екатерина полностью осознала, насколько разнообразна ее империя, и взялась за изложение этих «общих правил» в «Наказе» для Уложенной комиссии[42].

---

[40] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 48—49; *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 400, примеч. 1.

[41] Эти цифры взяты из списка, приведенного в работе: *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 355 и далее. Они не вполне совпадают с цифрами, указанными этим же автором в таблице на с. 81 и далее.

[42] Письма Екатерины II с описанием этой поездки см.: СбРИО. Т. X. С. 183 и далее. См. также: Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W. F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 17—18.

Глава 10

«Большой наказ»

В Манифесте 14 декабря 1766 г. о созыве Уложенной комиссии Екатерина упомянула о намерении представить свою инструкцию, или «Наказ», для депутатов[1]. Первая часть этого документа была опубликована в Москве 30 июля 1767 г. Он представляет собой один из самых выдающихся политических трактатов, составленных и обнародованных кем-либо из государей Нового времени. «Наказ» состоял из 526 статей, разбитых на 20 глав. Еще две главы, посвященные полиции и экономике, были изданы отдельно в 1768 г. Почти сразу же в Санкт-Петербурге появились переводы «Наказа» на французский и немецкий языки, а в 1768 г. в Лондоне вышел полуофициальный английский перевод[2].

До нас не дошло никаких записей Екатерины, в которых объяснялось бы, что навело ее на мысль о составлении «Наказа» (к работе над ним государыня приступила примерно в январе 1765 г.)[3]. Неизвестно также, связывала ли она с самого начала свой «Наказ» с созывом Уложенной комиссии или решила объединить эти два замысла на более позднем этапе. Как сама она вспоминала в 90-е гг., «я начала читать, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, последуя единственно уму и сердцу своему...»[4]. В то время начинания императрицы многих вводили в заблуждение, потому что «Наказ» и Уложенную комиссию принимали за свод законов и парламент — эти заблуждения живы и по сей день. Однако

---

[1] ПСЗ. Т. XVII. № 12801, 14 декабря 1766 г.

[2] Между 1767 и 1797 гг. вышло в свет не менее двадцати пяти изданий «Наказа» на девяти языках. См.: *Butler W.E.* The Nakaz of Catherine the Great // The American Book Collector. 1966. Vol. XVI. № 5. P. 18—21. Во Франции «Наказ» был запрещен.

[3] Екатерина II — М. Т. Жоффрен, 28 марта 1765 г. // СбРИО. Т. 1. С. 268.

[4] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. XII. С. 524—525.

«Наказ» являлся не правовым кодексом, а сводом отобранных из трудов лучших авторов XVIII столетия общих принципов, на которых зиждется хорошее правительство и упорядоченное общество. Отсылая Фридриху II немецкий перевод «Наказа», Екатерина писала о двух возникших у нее затруднениях:

> Я должна предупредить Ваше величество о двух вещах: первая, вы найдете некоторые места, которые покажутся вам, может быть, странными, прошу вас помнить, что я должна была часто соображаться с настоящим и, однако, не заграждать путь более благоприятному будущему. Другая, что русский язык гораздо сильнее и богаче немецкого в выражениях, а французского в перестановке слов; доказательством чего служит то, что при переводе часто принуждены были изъяснять многими словами то, что по-русски было сказано одним словом...[5]

Здесь Екатерина II касается двух обстоятельств, сбивавших с толку тех, кто брался за анализ политического содержания «Наказа». Эти обстоятельства со всех сторон навлекали на нее упреки в извращении теории Монтескье с целью спрятать железную руку абсолютизма в бархатную перчатку просвещенной монархии[6]. Но письмо к Фридриху свидетельствует о том, что императрица вполне сознавала несоответствие между той Россией, которую она знала, и идеальным государством. Впрочем, это не мешало ей раскрывать перед глазами элиты российского общества образ идеальной России. Замечание же императрицы по поводу русского языка порождено скорее ее патриотизмом, нежели опытом изложения политических концепций по-русски. При всем богатстве повседневной разговорной речи, в русском языке того времени еще не выработалась четкая политическая терминология. Достаточно лишь сравнить разные переводы екатерининского «Наказа» на другие языки, чтобы увидеть, с какими трудностями сталкивались переводчики в поисках верных соответствий. Вот всего лишь два примера: слово «самодержавный», в XX в. переводимое как «автократический [autocratic]», в XVIII в. в русском языке соответствовало слову «суверенный [sovereign]». Подобным же

---

[5] Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 265—266; ср.: СбРИО. Т. XX. С. 236, 17 октября 1767 г.

[6] *Тарновский Ф. В.* Политическая доктрина в наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории русского права, посвященный профессору М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44—86; *Щербатов М. М.* Замечания на Большой Наказ Екатерины II // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 16—63.

образом слово «государственный» часто применялось для перевода французского прилагательного «политический [politique]» и явно употреблялось в отношении всего того, что принадлежит к сфере власти вообще, а в современном русском языке означает только то, что относится собственно к государству.

Эти смысловые тонкости имеют особую важность по двум причинам: во-первых, интерпретация екатерининской политической «доктрины» в значительной мере зависела от того, какие слова выбирала законодательница, а во-вторых, учитывая, что Екатерина так много заимствовала у других авторов, крайне необходимо точно разбираться, как она сама понимала эти заимствования. Тщательное сопоставление показывает, что из 526 статей первой части «Наказа» 294 взяты из труда Монтескье «О духе законов», а 108 — из трактата «О преступлениях и наказаниях» Чезаре Беккариа. Кроме того, Екатерина прибегала к Энциклопедии, к сочинению барона Бильфельда «Политические институты», к трудам Й. Х. Готтлоба фон Юсти (в главе о городах, горожанах и торговле) и к «Естественному праву» Ф. Кене в экономическом разделе[7].

Быстрота, с которой Екатерина улавливала идеи, связанные с ее замыслами, поразительна. Так, французский перевод книги Беккариа появился в 1765 г., а никак не раньше. Екатерина отвергала теорию общественного договора, на которой основывались взгляды Беккариа на уголовное право. Зато многие формулировки итальянского законоведа были вполне приемлемы для тех, кого возмущала жестокость принятых тогда наказаний и бесчеловечное применение пыток. Екатерину тоже привлекала гуманистическая и утилитарная сторона идей Беккариа, она даже пыталась пригласить его в Россию, но он предпочел остаться в Милане[8]. Так же было и с Бильфельдом, который прислал Екатерине первый том своих «Политических ин-

---

[7] См.: *Чечулин Н. Д.* Об источниках «Наказа» // ЖМНП. 1902. № 4. С. 306—317.

[8] Столь авторитетный ученый, как Франко Вентури, обвинил Екатерину II в искажении мыслей Беккариа. Вполне возможно, что она находилась под влиянием (если нуждалась в каком-либо влиянии) отзыва Мельхиора фон Гримма на французский перевод Беккариа, выполненный Морелле. Гримм ополчился на теорию общественного договора, «ни следа которой ни разу не обнаружил в человеческой истории... и о которой вот уже несколько лет столь красноречиво болтает г-н Ж.-Ж. Руссо» («Литературная корреспонденция», 1 декабря 1765 г.; цит. по: *Beccaria C.* Delle delitte e delle pene / Ed. F. Venturi. Torino, 1965. P. 338).

ститутов», изданный в 1762 г., и она основала на этой книге XXI главу «Наказа», посвященную полиции. В апреле 1765 г. императрица в письме поблагодарила автора за книгу, а в 1768 г., несомненно по ее инициативе, появился русский перевод сочинения Бильфельда[9]. Екатерина II была и одним из первых авторов, воспользовавшихся идеями Адама Смита. Русский ученик Смита, С. Е. Десницкий, в 1768 г. подал императрице записку о форме правления и организации государственных финансов. В этом документе отчетливо отразилось влияние идей Адама Смита. В свою очередь Екатерина почти в дословном виде включила некоторые из предложений Десницкого, основанных на лекциях Смита, в XXII главу своего «Наказа», изданную в апреле 1768 г.[10]

Первые три главы «Наказа» Екатерины посвящены описанию «естественного положения» России сообразно учению Монтескье, которое прямо цитируется в статье 5: «...законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены»[11]. В первой же главе (статья 6) было провозглашено: «Россия есть Европейская держава». Тем самым сразу оказалась отброшенной идея о традиционной изоляции православной России и был подведен фундамент под последующие слова Екатерины, гласившие, что Россия представляет собой монархию в том смысле, какой вкладывал в это слово Монтескье[12].

В следующих главах Екатерина попыталась дать определение существующей системы правления в России, как она ее себе пред-

---

[9] Второй том «Политических институтов» Бильфельда вышел в русском издании в 1775 г. См.: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии по сочинению проекта нового уложения. М., 1907. С. CXXIV.

[10] *Brown A.H.* S.E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. VII. P. 42—59.

[11] Все цитаты из «Духа законов» Монтескье даны по изданию Гарнье (*Montesquieu Ch. L. de Secondat, Baron de.* De l'Esprit des lois. Paris, 1961. Vol. I—II.). Выдержки из «Наказа» Екатерины приводятся по английскому переводу М. Татищева (перепечатан в изд.: Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W. F. Reddaway. Cambridge, 1931). Статью 5 «Наказа» см.: *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. I. P. 10 (livre I, ch. III) [см.: Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907].

[12] Статья 9 гласит: «Государь есть самодержавный». Во французском же переводе, изданном в Петербурге в 1769 г., говорится: «Le monarque de Russie est souverain» — «Русский государь суверенен».

ставляла, и одновременно обрисовать, какой она должна бы быть, если бы стала легитимной монархией, т.е. монархией, управляемой согласно фундаментальным законам. Отсюда многочисленные противоречия. Первое препятствие, которое императрице надо было преодолеть, представляло собой утверждение Монтескье о том, что по природе вещей большая империя должна быть деспотией[13]. Чтобы избежать такого определения, Екатерина изменила формулировку Монтескье и в статье 10 записала, что «пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит». И далее во всем тексте «Наказа» Екатерина прилагала к своей обширной империи те определения, которые Монтескье применял к монархии. Она согласна с существованием фундаментальных законов, хотя в России недоставало как раз того из них, который Монтескье считал основополагающим для всех остальных, а именно закона о престолонаследии. Недатированный и незаконченный его проект демонстрирует те специфические затруднения, которые вставали перед Екатериной при попытке разработать порядок престолонаследия и при этом придать законный характер своему собственному захвату власти. «Первый и начальный закон сего самодержавного владычества, — писала она, — ...есть неколебленность престола и твердость в наследии оного». Далее она набросала такие фразы: «Императорский престол не может быть порожен»; «По смерти моей, сын мой наследует»; «По сыне моем, если старшему сыну его двадцать один год миновало, то сей старший сын наследует; если же он менее двадцати лет с годом, то короновать мать его, пока да царствует во всю жизнь ея; ибо от малолетства самодержца империи бы было опасно»; «Если бы мужеское колено пресеклось, то старшая дочь»[14]. Мысль о том, что мать несовершеннолетнего наследника должна править до конца своих дней, явно относится к собственной ситуации Екатерины.

Настоящая монархия, по Монтескье, требовала «посредствующих, подчиненных и зависимых властей» (т.е. сословий или корпораций с установленными законом привилегиями), через посредство которых распространялось бы действие верховной власти. Самой естественной из этих «посредствующих и подчиненных властей»

---

[13] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. 1. P.134 (livre VIII, ch. XXI).

[14] РС. 1875. № 2. С. 384 и далее. Возможно, документ относится к 60-м гг., так как в нем упоминается о «Наказе».

являлось дворянство[15]. Однако Екатерина видела эти органы посредничества, или каналы распространения власти, в судах или трибуналах[16], учрежденных правительством, а не в сословиях общества — дворянстве, горожанах или духовенстве со всем грузом их традиционных прав и наследственных привилегий. Несомненно, в этом императрица отошла от учения Монтескье, так как средства ограничения верховной власти находила не в социальных институтах, а в правовых учреждениях, одновременно являвшихся «хранилищем законов». Возможно, Екатерина II не принимала точку зрения Монтескье на роль дворянства потому, что не желала никакого его усиления как организованной корпорации в противовес власти короны. Но вероятно также, что императрица просто осознавала русскую действительность — полную зависимость дворянства от короны и отсутствие всяких институтов, при помощи которых оно могло бы оказывать на монарха согласованное воздействие. С другой стороны, когда Екатерина настаивала на том, чтобы «хранилище законов» являлось трибуналом наподобие российского Сената, она верно интерпретировала Монтескье, потому что французские парламенты («трибуналы одной великой европейской державы»), которые он, очевидно, имел в виду, хотя прямо и не называл, как раз и были такими королевскими судами[17]. Российский Сенат со времен Петра Великого оставался единственным институтом, сохранявшим известную преемственность и последовательность в деле координации законодательства. Однако не существовало настоящей параллели между «droit de remontrance» — ремонстрацией (правом французских парламентов отказывать в регистрации королевских эдиктов) и скромным правом Сената «делать представления». Ведь во Франции это был публичный акт, который можно было аннулировать лишь другим публичным актом, «lit de justice» (торжественная церемония, во время которой король, лично явившись на заседание

---

[15] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. I. P. 19—22 (livre II, ch. IV) [= *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 175—177].

[16] Наказ, гл. III, ст. 18—20. Здесь особенно остра семантическая проблема, так как в русском тексте говорится о «правительствах», в английском значатся «courts of judicature» (суды), а во французском — «tribunaux».

[17] Наказ, гл. IV; *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. I. P. 21 (livre II, ch. IV). Д. Рэнсел, судя по всему, склонен считать, что Екатерина II исказила идею Монтескье и «сделала носителем закона бюрократию». Но во Франции парламенты служили королевскими трибуналами, ближайшей параллелью которым в России являлся Сенат.

парламента и заняв особое королевское кресло, приказывал в своем присутствии зарегистрировать отклоненный закон), в то время как в России представление Сената являлось просто частным обращением к царю его советников.

И все-таки формулировка права делать представления, данная Екатериной в статье 21, вводила в России ряд новых и, возможно, даже сенсационных понятий. Прежде всего, право выдвигать возражения против нового закона на основании его «неконституционности», несоответствия законодательству («противен Уложению»)[18] подразумевает существование такого понятия, как конституция или уложение, обязательное для самодержца. Далее в статье 21 говорится, что законы, позволяющие «представлять», что новые указы темны или невыполнимы, «суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства». В XIX главе Екатерина вновь обращается к проблеме фундаментальных законов и предлагает разделить законодательство на три части: законы, учреждения временные и указы. К законам относятся установления, «которые ни в какое время не могут перемениться, и таковых числу быть не можно великому»[19]. Таким образом, здесь Екатерина II вновь выступила сторонницей теории о том, что абсолютная власть должна осуществляться в определенных жестко установленных рамках. Фундаментальные законы — установления — малочисленны, но постоянны, существуют независимо от воли правящего монарха и образуют систему координат, в которой он должен действовать. Тем самым его власть ограничивается, пусть хотя бы существованием таких законов, которые сам монарх признает для себя обязательными. Сфера, в которой действует неограниченная воля правителя, не выходит за грань, пролегающую между правителем и государством. Это представление не было совершенно новым для России, но никогда здесь оно не выступало облеченным в возвышенные формулы языка французских философов и не провозглашалось публично с высоты монаршего престола.

Нигде в «Наказе» Екатерина II не рассматривает процесс законодательства, работу собраний представителей или теорию разделения властей. Впрочем, последняя вообще не имела отношения к России. Монтескье рассматривал разделение властей прежде всего в контексте определенного типа монархии, ставящей главной целью

---

[18] Наказ, гл. III, ст. 21.

[19] Наказ, гл. XIX, ст. 440—446.

для себя свободу, — а именно английской монархии. Однако он признавал, что в других монархиях «разделение и соединение трех властей там осуществлено не по образцу того государственного устройства, о котором мы говорили выше. Каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе; без чего монархия выродилась бы в деспотизм»[20]. Екатерина отдала дань принципу разделения властей хотя бы тем, что оставила за самодержцем лишь право издавать «законы о наказаниях» (статья 148), а в статье 149 утверждала, что «он должен воздержаться... чтоб самому не судить. Почему и надлежит ему иметь других особ, которые бы судили по законам»[21]. Судьи, продолжает Екатерина, не должны иметь права толкования законов о наказаниях, которое оставлено за законодателем, но обязаны лишь применять их, — и далее выдвигает принцип, для России новый, но имеющий основополагающее значение: «Нет ничего опаснее, как общее сие изречение: *надлежит в рассуждение брать смысл или разум закона, а не слова.* Сие не что иное значит, как сломить преграду, противящуюся стремительному людских мнений течению» (статья 153)[22]. Если бы судьи могли толковать законы, «мы бы увидели те же преступления, наказуемые различно в разные времена тем же правительством, если захотят слушаться не гласа непременяемого законов неподвижных, но обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований». По мнению Екатерины, вред, приносимый неуклонным следованием букве закона, был не так страшен, как тот поток злоупотреблений, который могло породить следование лишь духу законов. В преобладавшей в России атмосфере неуважения к закону, где в правосудии царили продажность и произвол, выступление императрицы в поддержку буквы закона прозвучало необычно и вряд ли встретило широкое понимание.

В главах о преступлениях и наказаниях Екатерина высказала взгляды, прежде никогда не провозглашавшиеся ни с российского, ни с какого другого престола. Опираясь на идеи Монтескье и Бек-

---

[20] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. 1. P. 174—175 (livre XI, ch. VII) [= *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 300].

[21] Наказ, гл. X, ст. 149. Вся глава X «Наказа», из которой приводится эта статья, отмечена сильным влиянием труда Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

[22] У Беккариа: «Это значит прорвать плотину, противостоящую потоку мнений» (*Beccaria C.* Op. cit. P. 16).

кариа, она заявила, что ни один гражданин не должен быть наказан раньше, чем суд докажет его вину. Это подразумевало различие между взятием человека под стражу в ходе следствия и заключением преступника в тюрьму как наказанием. Кроме того, этот принцип означал осуждение пыток «по той причине, что не надлежит невинного мучить и что по законам тот невинен, чье преступление не доказано» (статья 194). Из чисто гуманных соображений Екатерина осудила наказания, увечащие тело человека, и провозгласила, что «употребление пытки противно здравому естественному рассуждению; само человечество вопиет против оной и требует, чтоб она была вовсе уничтожена» (статья 123). В целом Екатерина выступила скорее сторонницей исправления преступников и предотвращения преступлений, чем возмездия. Наказание следовало соразмерять с преступным деянием. Она даже высказалась за отмену смертной казни в периоды мира и спокойствия. Императрица считала, что преступления против собственности следовало карать лишением собственности же, хотя с присущим ей здравомыслием понимала, что люди, повинные в преступлениях против собственности, чаще всего ее не имеют[23].

Следуя скорее Монтескье, чем Беккариа[24], Екатерина допускала, что «в правлении, где есть разделение между особами, там есть также и преимущества особам, законами утвержденные», а именно — «судиться пред одним правительством предпочтительнее, нежели пред другим» (статья 110). А в статье 127, перефразируя Монтескье, она добавляет: «Так же бы надлежало нескольким из судей быть чина по гражданству такого же, какого и ответчик, то есть: ему равным, чтобы он не мог подумать, будто бы он попался в руки таких людей, которые в его деле насильство во вред ему употребить могут»[25].

В самом деле, Екатерина воспринимает как само собой разумеющееся разделение общества на сословия и каждое рассматривает отдельно. Дворянство, которое определяется в «Наказе» как «нарицание в чести», можно получить за воинские или гражданские заслуги, оно не рассматривается как «природное» состояние (статьи 360—368). Формирование «среднего рода» людей зависит от «добронравия и поощрения к трудолюбию»; причесть к нему «должно

---

[23] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. I. P. 200 (livre III, ch. IV).

[24] *Beccaria C.* Op. cit. XXI. Pene dei Nobili.

[25] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. II. P. 166 (livre XI, ch. VI: De la constitution d'Angleterre).

всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем» занимаются ремеслами и торговлей, выучились в училищах и воспитательных домах, являются детьми приказных людей (статьи 377—382). Для низших слоев род занятий определял и место проживания: «Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий» (статья 358); «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» (статья 359). Привилегии горожан распространялись на тех, кто владел домом и имуществом в городе и платил положенные подати. Тем же, кто «не дают сего общего, так сказать, залога, те и не пользуются правом иметь мещанские выгоды» (статьи 394—395).

В главе XI «Наказа» императрица коснулась деликатной проблемы крепостного права и неволи. Начала она с общего утверждения: «Гражданское общество так, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются», откуда вытекает, что «сие есть начало всякого рода покорности». Однако власти должны «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю» и могут делать это лишь в случаях крайней необходимости и в интересах государства (статьи 250—253). Еще две статьи косвенно упоминают о рабстве: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных»; «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» (статьи 260—261)[26].

В главе V Екатерина высказывает свои взгляды на равенство и свободу: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». Это равенство требуется поддерживать при помощи установлений, не позволяющих богатым злоупотреблять своими государственными чинами и званиями ради собственной выгоды (статья 34). Тут нет ни намека на социальное равенство, и утверждение императрицы вовсе не осуждает неравенство наказаний за одинаковые преступления, поскольку закон способен предусмотреть и преступление, и наказание с градациями согласно статусу преступника. Определения политической свободы взяты прямо из Монтескье: «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют»[27]. Поэтому свобода есть не естественное состояние, а ряд

---

[26] Наказ, гл. XI, ст. 260; ср.: *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. II. P. 269—270 (livre XV, ch. XVIII).

[27] Наказ, гл. V, ст. 36—39; ср.: *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. II. P. 162 (livre XI, ch. III), ср. p. 164.

прав, дарованных обществом посредством законов, которые, впрочем, нужно «применять к народному умствованию» и которые не должны ничего запрещать, «кроме того, что может быть вредно каждому особенно или всему обществу» (статьи 57 и 41).

Помимо других идей, поразивших новизной русское общество, Екатерина высказалась за необходимость подготовить общественное мнение к законодательству (статья 58) и признала существование таких сфер человеческой деятельности («вещи между добрыми и злыми средние по своему естеству»), которые «не подлежат законам» (статья 63), — достаточно значимый пункт для России, где очень немногое признавалось маловажным «по своему естеству» и не регулировалось государством. К цензуре императрица подходила либерально и рекомендовала проявлять веротерпимость и осмотрительность в делах, связанных с волшебством и еретичеством (статьи 493—497)[28].

Наконец, в статьях 501—522 Екатерина ставит вопрос: как узнать, когда государство близится к падению и разрушению? «Повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных своих оснований», — говорится в статье 502, а дальше Екатерина развивает мысль о том, что правительства ослабевают, когда в людях «погасает то умоначертание государственное, законом во всяком из них впечатленное, которое можно назвать равенством, предписанным законами». Более того, когда «вкоренится умствование равенства, до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником». Подобное положение приводит к правлению силой страха и к преобладанию частных интересов над интересами общества. Важность этих статей для России состояла в мысли о том, что правительства не являются застывшей структурой, а постоянно изменяются и что искусство управления государством состоит в непрерывном тонком поддержании равновесия между властью и обществом.

Примерно через шесть месяцев, в феврале 1768 г., Екатерина издала в дополнение к «Наказу» главу XXI «О благочинии, называемом инако полициею». Как объясняет императрица в статьях 529—530, к сфере ведения полиции относится все то, «что служит к сохранению благочиния в обществе». В этом смысле полиция выступает не просто как орган, заботящийся о безопасности и о предотвращении и

[28] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. II. P. 201 (livre XII, ch. V). См. также гл. 21.

расследовании преступлений. На нее также возлагаются многообразные функции, в наше время распределяемые между различными общественными учреждениями. Полиция выполняет задачу принуждения «жить по учрежденным в обществе правилам» (статья 534). Полиция рассматривается скорее как исправительный, чем карательный, орган, а поскольку «вещи ко благочинию принадлежащие суть такие, кои всякий час случиться могут, и в коих обыкновенно дело идет о малом чем: и так не надлежит тут быть пространным судебным обрядам» (статья 535). Однако, «где пределы власти полицейской кончаются, тут начинается власть правосудия гражданского» (статья 562). Так, полиция может арестовать преступника, но «произведение дела его препоручает тому судебному месту, которому его дело принадлежит» (статья 563). Полиции не следует «налагать на людей тяжких наказаний», довольно и того, чтобы ее меры воздействия «состояли в исправлениях, пенях денежных и других наказаниях, наносящих стыд и поношение на поступающих худо и бесчинно» (статья 564).

Опубликованная в апреле 1768 г. заключительная глава XXII «Наказа» была посвящена управлению государственными финансами и налогообложению. В статье 573 провозглашались широкие гуманные принципы. В ней говорилось, что «владелец или земледелатель, рукодельник или торговец, праздный хлебоядца... все есть человек» и потребности у всех одинаковые. Далее Екатерина перечислила нужды государства — начиная с обороны, поддержания внутреннего порядка, «предприятий, касающихся до пользы общей» («строение городов, дорог... учреждение училищ, больниц» и т.д.) и заканчивая «довольством и великолепием», которые должны окружать престол, «от которого истекают награждения, ободрения и милости».

Затем государыня перешла к доходам государства, в первую очередь — к налогам, рассмотрев объекты, подлежащие налогообложению с точки зрения правительства. Она предложила Уложенной комиссии рассмотреть ряд вопросов о причинах, из-за которых доходы от налогов оказываются меньше, чем ожидается. Императрица представила экономическое положение государства, полагая главным источником богатства, во-первых, население, а затем — сельское хозяйство, служащее основой торговли. В следующих статьях рассматривались различные формы богатств в государстве, а заканчивалась глава оптимистическим пожеланием, «чтобы все расходы, если можно, не превышали доходов» (статья 653) и чтобы «счеты всегда были в порядке» (статья 654).

Составление «Наказа» потребовало немалого труда, который выполнила сама Екатерина при помощи в основном одного из своих секретарей, Г. Козицкого. Все материалы, использованные в «Наказе», отобраны ею и написаны ее рукой, а задачей Козицкого было перевести результаты ее усилий на русский и на другие языки. Начиная с июня 1765 г. она показывала фрагменты «Наказа» избранным доверенным лицам[29]. Позднее она писала, что Григорий Орлов очень высоко оценил ее работу, а граф Никита Панин воскликнул: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles [Это аксиомы, способные разрушить стены. — *фр.*]»[30]. Екатерина велела генеральному прокурору прочитать проект «Наказа» Сенату — пока в проект все еще можно было внести изменения[31]. «Назначила я разных персон, вельми разно мыслящих, дабы выслушать заготовленный Наказ Комиссии Уложения. Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины того, что написано мною было, помарали...»[32]

Сравнение различных набросков показывает, что Екатерина — то ли оттого, что передумала, то ли из-за критики — очень существенно урезала анализ системы власти в России в духе Монтескье (в том числе и в вопросе о престолонаследии). Зато она расширила разделы о юриспруденции и уголовном праве, возможно, под прямым воздействием чтения Беккариа. Сильнее всех пострадала от сокращений глава, опубликованная наконец как глава XI — о рабстве. Вслед за Монтескье Екатерина в не вошедших в текст «Наказа» набросках проводила различие между прикреплением к земле и личной зависимостью. Их одновременное существование она считала возмутительным. Невзирая на вид зависимости, добавляет она, гражданские законы должны предотвращать позор рабства, одновременно оберегая общество от опасностей, исходящих от него. Закон должен гарантировать всем людям пропитание и одежду согласно их статусу и обеспечивать заботу о крепостных в старости и болезнях. Одна из выброшенных статей касалась средств «создания новых граждан», т.е. сокращения числа крепостных. Почти слово в

---

[29] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 524.

[30] Там же.

[31] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. XCIII; *Флоровский А. В.* Из истории екатерининской комиссии 1767 года... С. 10—11.

[32] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 524.

слово списав раздел у Монтескье[33], Екатерина предлагала разрешить крепостным накапливать достаточные средства, чтобы купить себе свободу, и ограничить крепостное состояние шестилетним сроком. Но посреди параграфа Монтескье она вставила собственное рассуждение: надо установить, что если крепостной был освобожден, его больше никогда нельзя поработить; это пойдет на пользу и государству, так как приведет к постепенному росту числа мещан в малых городах[34]. Она полагала, что в гражданских законах также нужно четко указать, сколько должны платить крепостные за свой выкуп. Что касается прав помещиков, то тут Екатерина — опять вслед за своим учителем — заявила, что помещики, осуществляя право карать провинившихся, должны выступать как судьи, а не как хозяева, и сослалась на практику в российской Финляндии, где крестьяне избирали судей из своей среды и где такие суды смягчали свирепость помещиков и их управляющих. В другом наброске этой противоречивой главы императрица одобрительно отзывалась о новом лифляндском законодательстве, которое, как ей казалось, позволяло крестьянам приобретать движимое имущество, ограничивало размеры денежных и трудовых повинностей и право помещиков наказывать крестьян[35].

Очевидно, что эти предложения отражали собственные взгляды Екатерины на крепостное право, ведь иначе она не стала бы переписывать их, чтобы внести в свой проект. К сожалению, почти ничего не известно о том давлении, которое оказывалось на нее, чтобы смягчить тон ее заметок по столь деликатному вопросу. Возможно, императрица встретила сопротивление уже в ближайшем своем кругу, или ее предупредили, что есть опасность озлобить дворянство, высказав публично подобные предложения. Некоторые из сохранившихся отзывов о проекте «Наказа» характеризуют состояние умов, на которые хотела повлиять Екатерина.

Драматург А. П. Сумароков, судя по всему, выразил позицию консервативного дворянства. Он возражал против дарования чле-

---

[33] *Montesquieu Ch. L. de.* Op. cit. Vol. II. P. 270 (livre XV, ch. XVIII). Все общие рассуждения о рабстве в классическую эпоху в исходном варианте гл. XI «Наказа» взяты из кн. XV труда Монтескье. Первоначальный текст гл. XI «Наказа» см.: СбРИО. Т. X. С. 152 и далее.

[34] Такой закон был фактически принят в 1775 г. (ПСЗ. Т. XX. № 14275, 17 марта 1775 г.).

[35] См. выше, гл. 4. См. также: *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. XXXIII.

нам Уложенной комиссии особых привилегий, таких, как пожизненное освобождение от телесных наказаний. Екатерина приписала между строк: «Сия работа требует отменного ободрения духа». Сумароков не соглашался и с принципом победы большинства при голосовании: «Большинство голосов истины не утверждает. Утверждает мнение великий разум и беспристрастие». На это Екатерина заметила: «Большинство истину не утверждает, а только показывает желание большинства». Ее оппонент признавал, что в принципе свобода лучше несвободы, как для короны, так и для народа, но считал, что анархия («своевольство») еще вреднее неволи. В замечаниях на главу XI «Наказа» Сумароков выступил против предложения закрепить в законе обязанность помещиков снабжать крепостных пропитанием и одеждой, поскольку они и так их снабжали. Он также возражал против любого юридического вмешательства в отношения между хозяевами и крепостными и полностью отрицал освобождение крестьянства (хотя и соглашался с тем, что нельзя продавать людей, как скот). Если крестьян освободят, у несчастных дворян не останется ни поваров, ни кучеров, ни лакеев. Они пойдут на любые уступки, лишь бы сохранить этих работников. Обученные повара и цирюльники побегут на лучше оплачиваемые места, начнутся непрерывные волнения, придется их подавлять воинской силой. Сейчас же помещики спокойно живут у себя в вотчинах, написал Сумароков, «и бывают зарезаны отчасти от своих», — отозвалась Екатерина. Он заключал, что, как известно, помещики любят своих крестьян и любимы ими, и все равно простолюдин пока еще не имеет никаких благородных чувств, «и иметь не может в нынешнем состоянии», — приписала Екатерина[36].

И природа Уложенной комиссии как института, и политическое содержание «Наказа» всегда вызывали немало споров между историками, так как характер заявленных в них намерений неизбежно влиял на оценки достижений Екатерины в течение всего ее правления. Интерпретации наиболее влиятельного знатока этого периода, Георга Заке, ученика М. Н. Покровского, нашли отклик в советской и западной историографии и заслуживают краткого изложения. По мнению Заке, Екатерина в начале 60-х гг. ощущала крайнюю неустойчивость своего положения, а особенно ее тревожили попытки ограничения ее абсолютной власти, предпринимае-

[36] СбРИО. Т. X. С. 82 и далее.

мые, как ей казалось, «аристократической партией» во главе с Никитой Паниным. Она успешно отразила первый шаг Панина в этом направлении — его план создания Императорского совета. Однако, стремясь надежно утвердиться на престоле, императрица решила преодолеть свою неприязнь к представительным органам и созвать депутатов от разных сословий и социальных групп в надежде добиться двух целей: нейтрализовать аристократическую оппозицию абсолютизму, подавив ее демонстрацией поддержки со стороны мелкопоместного дворянства и горожан, и укрепить свое положение на троне, окружив его ореолом законности и национального согласия[37]. Далее Г. Заке подкрепляет свою теорию утверждением о том, что Екатерина сумела составить Уложенную комиссию таким образом, чтобы обеспечить большинство представителям городов, и подчеркивает, что политический смысл созданного Екатериной «Наказа» состоял в защите самодержавия как системы правления в России. Кроме того, историк отмечает, что в период работы Уложенной комиссии ее деятельность режиссировалась (а протоколы подправлялись), чтобы получить желаемый результат. В основе этой интерпретации лежит предположение Заке, что экономическое развитие России достигло такой стадии, когда неизбежно было установление союза между короной, буржуазией и мелким дворянством против аристократии.

Конечно, справедливо, что Екатерине очень нравилась мысль о росте численности и значимости третьего сословия в России — слова «третий род людей» были тогда у всех на устах[38]. Но торговые, ремесленные и профессиональные группы в России еще не образовали однородного класса, они составляли лишь очень малую часть населения и были экономически отсталыми. Так что допустить, будто капиталистический способ производства уже достаточно развился в России, чтобы государство начало сознательно поддерживать буржуазию, значило бы даже для марксиста предвосхитить события больше чем на сто лет.

В этом смысле более убедительны заключения другого историка-марксиста, Я. Зутиса, с точки зрения которого Екатерина выбирала между двумя противоположными течениями, сложившимися

---

[37] *Sacke G.* Die Gesetzgebende Kommission Katherinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Russland. Breslau, 1940. P. 76 ff.

[38] См. донесения Боссэ: СбРИО. Т. CXLI. passim. См. также: *Macartney G.* The Present State of Russia. London, 1768. P. 28.

в дворянской среде. По его мнению, все помещики были заинтересованы в повышении своих доходов. Но если большинство консервативного мелкопоместного дворянства мыслило увеличение производства лишь за счет усиленной эксплуатации крестьян и ужесточенного контроля за их жизнью и имуществом, более просвещенные (и обыкновенно более богатые) дворяне верили, что продуктивность хозяйства можно повысить, усиленно поощряя крестьян, например, позволением владеть движимым имуществом[39]. Мнение Зутиса о том, что в кругах, близких ко двору, существовала группа, подходившая к крестьянскому вопросу сравнительно либеральнее, чем новоиспеченное дворянство, до некоторой степени вытекает из лифляндской политики Екатерины и из ранних планов Орловых и пастора Эйзена[40]. Вызванное «Наказом» восклицание Панина («Ce sont des axiomes à renverser des murailles») Заке воспринимает как крик ужаса перед явным выступлением Екатерины в защиту самодержавия. Однако скорее всего слова Панина передают его страх перед тем, как бы идеи императрицы по поводу крепостного права, уголовного кодекса и общественных отношений не вызвали народных волнений в стране, столь непривычной к либеральным взглядам, как Россия.

Но даже если отбросить высказанное Заке непрямое толкование намерений Екатерины, все равно остается вопрос: зачем ей понадобилось созывать Уложенную комиссию? Опять у нас очень мало материалов, восходящих к самой императрице, и нет никаких записей ее дискуссий с советниками. По размышлении, самой убедительной кажется мысль о том, что Екатерина и ее сторонники хорошо понимали, как ненадежно ее положение на престоле. Некоторые вельможи были недовольны тем, что она уклонилась от регентства, другие поддерживали Петра III и не смирились с ее приходом к власти. Возвышение Орловых и страх перед возрождением фаворитизма времен Елизаветы порождали зависть и враждебность. К тому же Екатерина не пожелала открыто подтвердить манифест Петра III о вольности дворянства и тем встревожила рядовых дворян. Еще более опасными показались дворянству ходившие при

---

[39] *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 311 и далее. См. также: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева. М., 1965. С. 37.

[40] См. гл. 8.

дворе слухи о том, что императрица будто бы намерена ограничить власть помещиков над их крепостными и размеры крестьянских повинностей перед хозяевами. Возникло и недовольство, и замешательство, проницательно описанные в отчете французского дипломата в 1767 г.:

> Дворяне с нетерпением ждут, чтобы государыня ослабила цепи, стесняющие их свободу. Она как будто решилась на это, однако, даруя эту милость дворянству, она хотела бы в то же время смягчить и рабское состояние крестьян. Ведь она чувствует, что, если эти два класса в стране не станут равномерно идти к свободе, национальное производство, сосредоточенное в классе простого народа, навек останется в бездействии, в то время как внутреннее спокойствие, вытекающее из единообразного подчинения всех подданных, окажется в опасности. Если свободен будет лишь дворянин, он может сделаться слишком независимым. В порабощенном крестьянине не разовьются ни дух конкуренции, ни дарования.
>
> До сих пор дворянство скорее противилось перемене состояния крестьян, чем стремилось облегчить свое положение. Правительству придется приложить немало умения, чтобы победить это сопротивление[41].

Если анализ этого француза правилен, то Екатерина вполне могла считать, что публичное и открытое подтверждение законности ее власти должно укрепить ее позиции и что собрание, составленное из представителей столь противоположных по интересам социальных групп, при умелом обращении удастся запрячь в колесницу ее политики. В то же время будет очевидно, что императрица выполняет обещание, данное в манифесте при восшествии на престол — посвятить себя совершенствованию механизмов управления. Более того, позволив открыто излить некоторые из обид, накопившиеся у различных слоев общества, она тем самым создавала аварийный клапан для выхода недовольства и давала возможность общественным силам почувствовать, что и они участвуют в политической жизни страны. Также это позволяло ей выяснить, как относится общество к проблеме крепостничества. То, что Екатерина решилась созвать такое собрание, говорит как о ее уверенности в себе, так и об умении оценить, что важнее — возможный риск или ожидаемые выгоды. Ни один из законных преемников Екатерины на престоле Романовых не дерзал больше созвать по-

[41] AAE. Mémoires et documents. Description Politique de la Russie, 1767. P. 110ff.

добную ассамблею, пока революция не вынудила Николая II сделать это в 1906 г.[42].

При анализе мотивов, руководивших Екатериной, нельзя недооценивать влияния идей Просвещения. Неискушенная в искусстве править, в особенности — Россией, едва отведав горечь практического опыта, Екатерина, как явствует из ее «Наказа», пока еще имела весьма отвлеченные теоретические представления о важности хороших законов. Кроме того, невозможно было лучше доказать, что Россия — это не «деспотия», а истинная монархия, чем продемонстрировать всему миру, как власть открыто советуется с обществом. И можно ли было придумать лучший предмет для этих консультаций, чем установление разумных законов?

Изучение деятельности Уложенной комиссии 1767 г., ее роли согласно замыслу Екатерины, ее характера как института было крайне затруднено из-за мнений и взглядов современников и позднейших историков, смотревших сквозь призму своего времени. Иностранцы, наблюдавшие за работой комиссии, видели в ней политические и интеллектуальные течения, свойственные странам, откуда они приехали. Британские наблюдатели — дипломаты Макартни, Ширли и Кэткарт — увидели в Уложенной комиссии Палату общин, но остались недовольны организацией ее работы и процедурной стороной. Екатерина, согласно этим представлениям, выступала в роли Ньюкастла или Георга III и заполняла собрание собственными сторонниками[43]. Французские дипломатические обозреватели оценивали Уложенную комиссию на фоне политической жизни Франции, где борьба между парламентами и короной, завершившаяся в 1770 г. упразднением первых, была в самом разгаре. Поэтому французы приписывали российским законодателям мотивы, сходные с интересами французских парламентариев и аристократов-фрондеров,

---

[42] В мае 1868 г. Императорское русское историческое общество испросило высочайшего разрешения опубликовать материалы Уложенной комиссии 1767 г. Александр II просил князя Вяземского выяснить, не вызовет ли неловкости подобная публикация в силу деликатности и политической важности некоторых вопросов, поднятых в комиссии (*Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 228; ср.: *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 101).

[43] Ср. материалы Ширли, приведенные у Заке: *Sacke G.* Op. cit. P. 98. Лорд Кэткарт писал лорду Уэймауту 19/30 августа 1768 г.: «"Cedant arma togae" ["Пусть оружие уступит место тоге", т.е. военные лавры — гражданским заслугам. — *лат.*] составляет правило, не признаваемое этим правительством: во всем собрании не было ни одного черного плаща и вообще ни одного платья, похожего на костюм законника» (СбРИО. Т. XII. С. 355 и далее).

выступавших против абсолютной королевской власти. С другой стороны, слабость России отвечала интересам внешней политики Франции, так что эти дипломаты внимательно следили за малейшими признаками враждебности к Екатерине и слабости ее позиций. Они писали, что дворяне разочарованы наградами, полученными в 1762 г., и не стесняются в выражениях. Французы распространялись о желании дворян, не попавших в кружок Орловых, ограничить власть императрицы, чтобы в конце концов создать режим, подобный польскому, — этого Франция жаждала всей душой, и мечтой об этом были окрашены все французские отзывы и толкования[44].

Насколько широко был известен в стране «Наказ» Екатерины тогда и позднее? В 1767 г. вышла инструкция разослать экземпляры документа примерно в 57 правительственных учреждений по всей России, где начальство должно было регулярно читать его вслух с утра по субботам, когда было мало работы, но не давать в руки нижним канцелярским служащим и посторонним[45]. Тем не менее похоже, что в последующие годы «Наказ» имел довольно широкое хождение, так как его издание рекламировалось и продавалось в книжных лавках. Декабрист П. Каховский, приговоренный к смерти в 1826 г., накануне казни описывал в письме к Николаю I те чувства, с которыми он посещал крестьянские сходы и в этих маленьких республиках внимал безыскусному красноречию русских крестьян. Именно здесь, как писал Каховский, он впервые услышал выдержки из «Наказа» Екатерины Великой[46].

---

[44] В ежегодном докладе за 1764 г. Бретейль причислял к недовольным Н. И. Панина: «Г-н Панин мне об этом говорил самым убедительным образом, стараясь уверить меня в своих сожалениях и настроениях, чтобы я не сомневался, что он будет рад помочь падению этой государыни» (AAE. Mémoires et documents. Vol. XI: 1764).

[45] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. CXLII; ПСЗ. Т. XVIII. № 12977, 24 сентября 1767 г.

[46] *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 166.

Глава 11

Великая дискуссия

Беспрецедентный характер созванного Екатериной II собрания привлек пристальнейшее внимание к его организации и процедуре. Местом заседаний Уложенной комиссии была избрана Москва, и к концу июля 1767 г. туда съехалось достаточно депутатов — 460 человек, — чтобы можно было приступить к работе. Во время церемонии открытия заседаний комиссии (возможно, скопированной с порядка открытия сессий английского парламента) государыня в императорской мантии, с «малой короной» на голове, подъехала к Кремлю, сопровождаемая внушительной процессией экипажей. В Успенском соборе Кремля состоялось торжественное богослужение, причем представителям нехристианских народов России было позволено, в духе исповедуемых Екатериной принципов веротерпимости, не входить в собор, а подождать снаружи. Затем императрица проследовала в Грановитую палату, где ей были представлены депутаты. Речь с высоты трона от имени императрицы огласил вице-канцлер князь А. М. Голицын, который также представил собранию «Наказ» Екатерины и еще два важных документа — «Обряд управления Уложенной комиссии» и «Генерал-прокурорский Наказ»[1].

Как предписывалось «Обрядом», депутаты рассаживались на скамьях группами от каждой губернии. Эти группы размещались в том порядке, в котором губернии России перечислялись в императорском титуле. Внутри групп впереди всех усаживались депутаты от губернского дворянства, а перед ними ставили пустой стул на тот случай, если сам губернатор пожелает присутствовать на заседании. За дворянами садились горожане, а позади всех — делегаты от крестьян. Депутаты от казачества размещались вместе с делегатами тех губерний, к которым относились их полки, и садились сразу после дворянства, впереди го-

[1] ПСЗ. Т. XVIII. № 12948, 30 июля 1767 г.; Там же. № 12950, 30 июля 1767 г.

рожан[2]. Голосование проводилось не группами, а индивидуально. Роль председателя, или депутатского маршала, была так важна, что его избрание не следовало пускать на самотек. Поэтому разработали сложную процедуру, согласно которой депутаты выбирали своих кандидатов, а генерал-прокурор назначал своих, после чего окончательное решение принимала императрица. Депутатам и в голову не пришло воспользоваться таким случаем и выбрать кандидатами на пост председателя людей «фрондерских» взглядов; они, как стадо баранов, проголосовали за двоих из братьев Орловых, явно норовя угодить Екатерине. Четвертым среди избранных значился генерал А. И. Бибиков, которого императрица с самого начала считала самым подходящим человеком на должность маршала. Именно Бибикова, чью кандидатуру выдвинул генерал-прокурор, императрица и назначила депутатским маршалом[3].

Депутатский маршал и генерал-прокурор вдвоем руководили организацией работы Уложенной комиссии. Если комиссии в полном составе предстояло на общих заседаниях слушать чтение и обсуждать тематические подборки действующих законов или выслушивать подробное изложение прав «сословий», перемежая эти занятия регулярным слушанием разделов из екатерининского «Наказа», то главная работа по анализу и координированию депутатских наказов и разработке законопроектов возлагалась на ряд подкомиссий, именовавшихся «частными». Формировались они также по смешанной системе — их членов выбирали на общих сессиях Уложенной комиссии или назначал генерал-прокурор, а окончательный выбор делала императрица. Три «частные» комиссии были учреждены в первую очередь: Редакционная комиссия, работавшая над стилем документов, подкомиссия для рассмотрения депутатских наказов (она систематизировала включенные в них разнородные требования и передавала готовые материалы в соответствующие подкомиссии), а также Дирекционная комиссия (в нее по должности входили депутатский маршал и генерал-прокурор). Последняя руководила работой Уложенной комиссии, ведала организацией секретариата, обеспечивала необходимые консультации правоведов[4], следила за ведением документации.

---

[2] *Sacke G.* Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Russland. Breslau, 1940. S. 104.

[3] СбРИО. Т. IV. С. 52 и далее.

[4] Там же. С. 48—49. Вяземский получил приказ ввести в свой штат четверых экспертов-юристов. Одним из них был Шарль де Виллье. О нем см.: *Florovsky A.* Un legiste français au service de la tsarine Catherine II // Revue historique du droit français et etranger. 1924. P. 515—531.

Руководителем секретариата был назначен граф Андрей Петрович Шувалов, сын елизаветинского вельможи и знаток европейской культуры. В зале заседаний рассадили несколько дворян, среди которых находился и будущий издатель Н. И. Новиков. Им было велено как можно точнее записывать, что говорится на заседаниях, кем и как — спокойно или с жаром, кто с кем спорил, кто изменил мнение и т.д. Инструкции Екатерины показывают, что она придавала огромную важность протоколам комиссии. Их ежедневно представляли императрице и оглашали депутатам перед каждым очередным заседанием, чтобы «будущие времена имели верную запись сего важного происшествия и судить могли о умоначертании сего века»[5].

В то время как пропорция высокопоставленных правительственных сановников в комиссии в целом была невелика, в составе «частных» комиссий заметно не только преобладание дворянства над прочими классами, но и большое количество государственных чиновников высших рангов, а также прибалтийских дворян с юридическим образованием[6]. Общие заседания Уложенной комиссии служили ареной дебатов для всех участников. Итоги этих дебатов передавались в соответствующие подкомиссии, но не в качестве «инструкций», а как замечания по тому или иному вопросу — «ремарки». «Частные» комиссии должны были разрабатывать законопроекты, которые подлежали обсуждению вместе с соответствующими государственными департаментами, коллегиями и канцеляриями, прежде чем их возвращали в Директивную комиссию.

Были разработаны также правила поведения депутатов: им не полагалось перебивать друг друга во время выступлений под угро-

---

[5] СбРИО. Т. X. С. 231. Г. Заке полагает, что эти протоколы нельзя рассматривать как надежный источник сведений о ходе дебатов, так как они «несомненно» подверглись цензуре в руках Екатерины II или Шувалова, причем «противные речи» вычеркивались (см.: *Sacke G.* Op. cit. S. 22 ff). Стенографистов в то время не было, поэтому журналы заседаний, конечно, содержат неполные отчеты и изложения докладов, а не дословные их записи. Однако в них не видно следов политической цензуры. Тем не менее Г. Заке внес полезный вклад в изучение протоколов Уложенной комиссии, указав на пропуски в журналах и на плохую подготовку публикации некоторых из начальных томов материалов комиссии, изданных Императорским Русским историческим обществом.

[6] Утверждалось, что засилье в «частных» комиссиях высших сановников или дворян с высокими чинами по Табели о рангах свидетельствует о стремлении придать законодательству классовый уклон. Взвешенное рассмотрение этого вопроса в: *Morrison K.R.* Catherine II's Legislative Commission: an Administrative Interpretation // CSS. 1970. Vol. IV.№ 3. P. 464—484.

зой штрафа в размере до 10 руб. Являться на заседания при шпагах запрещалось. Скандалы и драки на заседаниях карались штрафами или даже лишением депутатского мандата. Сцена извинений дворянского депутата от Обояни М. Глазова, которые тот вынужден был принести собранию, уплатив также штраф в 5 руб. за оскорбительные личные выпады в адрес депутата-однодворца, наверно, выглядела весьма неординарной в глазах иерархического российского общества[7]. Письменные «мнения», поданные от неграмотных депутатов, должны были скрепляться подписью того, кто писал за них. Далее депутаты получили четкие указания: заниматься только составлением нового свода законов, ни при каких обстоятельствах не пытаясь расширить сферу своих полномочий или сделаться постоянными представителями приславших их общин[8].

Прежде чем непосредственно перейти к делу, Уложенная комиссия пожелала увековечить свою благодарность императрице, вызвавшей ее к жизни. На третьем заседании новоизбранный депутатский маршал произнес льстивую речь, в которой прославил заслуги Екатерины II перед ее отечеством (имелась в виду Россия) и выразил надежду, что депутаты не обманут ожидания государыни. Но Екатерина с любезным изяществом отклонила выдвинутое в речи предложение принять титул «Екатерины Великой, Премудрой,

---

[7] СбРИО. Т. X. С. 230, ст. 23. Собрание 323 голосами против 105 высказалось против исключения Глазова из числа депутатов, потребовав от него извинения и штраф. См.: Там же. Т. IV. С. 108, 131, а также более полную версию этой истории у С. М. Соловьева (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 117 и далее).

[8] Так, депутат от крестьян Горноблагодатских заводов воспользовался случаем вернуться в свой «избирательный округ» в перерыве заседаний, пока Уложенная комиссия переезжала из Москвы в Санкт-Петербург. Он призвал местных крестьян собираться на мирские сходы и сообщать ему обо всех новых требованиях, которые у них возникли. Для того чтобы они могли собираться, он издал «инструкцию», в которой велел на время сходов освобождать избирателей от работ на заводах, от транспортных и общинных повинностей, а к тому же собрал с крестьян 20 руб. себе на дорогу из столицы и обратно. Управляющий заводами, генерал Ирман, доложил об этих действиях как о вмешательстве в дела руководства предприятием. Сенат постановил лишить депутата его статуса, депутатского знака, и предписал вернуть собранные деньги. 22 августа 1768 г. Екатерина утвердила это решение, но добавила, что деньги надо возвратить, только если крестьяне этого потребуют, «ибо они столько же не имели должности слушать его приказов, сколько он давать им оные приказы» (самое полное, хотя и неисчерпывающее, описание этого казуса см.: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева. М., 1965. С. 179 и далее).

Матери Отечества». Впрочем, этот инцидент сыграл свою роль. Вполне вероятно, что идея выступить с такой инициативой могла быть инспирирована самой Екатериной. Ведь несомненно, что официальное предложение подобного титула со стороны собрания всех трех сословий Русской земли существенно укрепило законность позиций Екатерины на престоле. После этого никому уже не имело смысла вынашивать мысли о регентстве, и возведение Павла на трон по достижении совершеннолетия императрице больше не угрожало[9].

Первые семь заседаний Большого собрания Уложенной комиссии были посвящены чтению «Наказа» Екатерины и Регламента комиссии, а также выборам членов различных «частных» комиссий. Затем произошла заминка в работе. Кодификационной комиссии было поручено проработать существующие законы и представить необходимые выдержки для оглашения в общем собрании. Она приступила к работе в январе 1767 г., но, хотя копиисты не покладая рук трудились с пяти утра до десяти вечера, они не в силах были справиться с заданием вовремя, чтобы успеть к открытию сессии Уложенной комиссии 31 июля 1767 г. Поэтому пришлось искать другое занятие на ближайшие четырнадцать заседаний, и депутаты занялись чтением выдержек из наказов, полученных от избирателей, хотя их оглашение перед полным составом законодательного собрания до проработки в подкомиссиях не планировалось. Случилось так, что начали с оглашения ряда наказов от государственных крестьян, инородцев и однодворцев. Эти наказы и были единственными, когда-либо прозвучавшими на заседаниях Уложенной комиссии[10].

К двадцать первому заседанию, состоявшемуся 11 сентября, кодификационная подкомиссия закончила свою работу, и законодательное собрание в полном составе принялось за слушания и обсуждения сначала существующих законов о правах дворянства, потом — купечества[11] и, наконец, остзейского дворянства[12].

---

[9] СбРИО. Т. IV. С. 57, 62, примеч.; полный текст обращения и обсуждение этого вопроса см.: *Sacke G.* Op. cit. S. 132 ff.

[10] Часто высказывалась мысль о том, что факт прочтения «всего лишь двенадцати» крестьянских наказов свидетельствует о классовой предвзятости в работе Уложенной комиссии. Напомним, однако, что ни дворянских, ни городовых наказов не оглашали вообще.

[11] Перечни рассмотренных законов см.: СбРИО. Т. IV. С. 137—147; Там же. Т. VIII. С. 20—34.

[12] СбРИО. Т. IV. С. 221, постановление от 8 октября 1767 г.; Там же. Т. VIII. С. 321—324.

В это время Екатерина решила, что следует перенести заседания Уложенной комиссии в Петербург, когда она сама вернется из Москвы в северную столицу. Это породило ряд административных затруднений: некоторые депутаты являлись также государственными чиновниками. Еще 11 августа императрица издала распоряжение, разрешавшее депутатам из государственных служащих являться на общие заседания только два раза в неделю[13]. Слухи о переезде в Санкт-Петербург появились еще в сентябре[14]. 20 ноября комиссию уведомили, что с 14 декабря назначен перерыв в заседаниях, а 18 февраля 1768 г. они возобновятся уже в Санкт-Петербурге[15]. Чиновники, служившие в Москве или на официальных постах в провинции, получили приказ, соответственно, оставаться в Москве или ехать по местам службы. Этот приказ касался 35 депутатов, которые с этих пор прекратили участвовать в работе комиссии[16].

Когда в феврале 1768 г. заседания Уложенной комиссии возобновились уже в Санкт-Петербурге, были продолжены чтения и обсуждения действующих законов, относящихся к суду и юридической процедуре. Трудность работы с законами «о правосудии» состояла в том, что члены комиссии не располагали ни временем, чтобы как следует вникнуть в суть проблемы, ни достаточной компетентностью, чтобы требовать представления правовых документов в систематизированном виде. В результате в ходе слушаний указы по частным конкретным делам сваливали в одну кучу с законами широкой значимости, среди вопросов судебной процедуры и организации работы судов оказывались вкрапленными, а зачастую и затерянными законы об уголовной ответственности. «Мнения» депутатов, излагавшиеся в процессе обсуждения, иногда относились к законам, читавшимся на этом же заседании, иногда — на предыдущих сессиях. Затяжные дебаты по вопросам правосудия — одной из важнейших сфер управления — отличались особенной аморфностью, лишь изредка поднимаясь до принципиально важных проблем.

Екатерина, встревоженная, вероятно, беспорядочным ходом этой дискуссии, 8 апреля 1768 г. издала новую инструкцию об общих принципах законодательства и о процедуре работы комиссии.

---

[13] ПСЗ. Т. XVIII. № 12956, 11 августа 1767 г.

[14] *Sacke G.* Op. cit. S. 146.

[15] СбРИО. Т. VIII. С. 324.

[16] *Sacke G.* Op. cit. S. 146—147; *Флоровский А. В.* Состав законодательной комиссии 1767--1774 гг. Одесса, 1915. С. 530.

В инструкции она попыталась разделить право на две обширные области, обозначенные ею как частные и общественные законы. Одновременно императрица рекомендовала увеличить число «частных» комиссий для работы с конкретными законодательными направлениями[17]. Выборы в эти «частные» комиссии проходили постепенно в течение апреля, мая и июня 1768 г., чередуясь с обсуждениями правовых документов.

К началу июля 1768 г. наконец был подготовлен и вынесен на обсуждение Уложенной комиссии в полном составе законопроект о правах дворянства. В этот момент проявились недостатки в процедурной стороне ее деятельности. Депутатам не раздали копии законопроекта, и они отказывались спешить с одобрением каждой его статьи сразу же по ее оглашении вслух. Они потребовали недельного перерыва, чтобы как следует ознакомиться с представленным документом, и Бибиков удовлетворил это требование — вероятно, по настоянию Екатерины[18]. Тогда императрица издала новую инструкцию для депутатского маршала, стремясь внести ясность в процедуру и добиться того, чтобы все точки зрения не только выслушивались, но и ставились на голосование, не позволяя дискуссии ни потонуть в словесной трясине, ни перейти в критику фундаментальных принципов, заложенных в законопроекте[19].

Но депутаты, невзирая на все старания Бибикова сосредоточить их внимание на обсуждении одной конкретной статьи, продолжали одновременно выдвигать «мнения» по самым разным вопросам, пока какой-нибудь депутат от прибалтийских дворян не обрушивался с критикой на весь законопроект в целом. Эти заседания, тянувшиеся с 10 июля по 29 сентября 1768 г., особенно интересны тем, что как только депутаты ознакомились с первым законопроектом, касавшимся их прав и статуса, они сплотились в группы, выражавшие специ-

---

[17] СбРИО. Т. IV. С. 49 и далее. Теоретическая преамбула этого документа свидетельствует о знакомстве императрицы с трудами Монтескье и Бильфельда. Общее число учрежденных в итоге «частных» комиссий достигло девятнадцати; в каждую входило пятеро членов.

[18] СбРИО. Т. X. С. 270.

[19] Там же. С. 297—299. 16 июля 1768 г. Новая инструкция Бибикову с разъяснениями к наказу от 16 июля появилась 13 августа 1768 г. В ней Екатерина снова выделяла те этапы, которые надлежало пройти прежде, чем выносить законопроект на голосование. Но необходимо подчеркнуть, что голосованием депутаты не принимали окончательное решение, а лишь выражали свое мнение (Там же. С. 299 и далее).

фические интересы — интересы «аристократии», мелкого дворянства (городского или провинциального) — и обозначали свою приверженность к той или иной группе, «присоединяясь» к мнениям, выраженным ее представителем. Таким образом, собрание начинало приобретать черты настоящей политической институции.

Но все-таки даже новейшая инструкция императрицы по поводу процедуры не помогла — депутаты так и не сумели прийти к единому решению относительно дворянских прав. Хотя на обсуждение законопроекта в целом было специально отведено три дня, ни один из его составителей ни разу не явился на общее собрание комиссии, чтобы представить ей документ. Так что пришлось дворянскому депутату от Козлова, Г. Коробьину, которому время от времени помогал депутат от Копорья (это был фаворит императрицы Г. Орлов), выступать в защиту большинства статей законопроекта и отражать наскоки противников во главе с князем М. М. Щербатовым и депутатом от Дерпта Я. И. Урсинусом. Законопроект не выносился на голосование, и наконец 6 октября собрание постановило возвратить его вместе с комментариями и протоколом дискуссии в Дирекционную комиссию.

Затем Уложенная комиссия перешла к чтениям и обсуждению действующих законов о земельной собственности. Этот предмет был очень близок к вопросу о правах дворянства, так как многие решающие положения — право владеть землей с крестьянами, возможность отпускать крепостных на волю, свобода завещательных распоряжений, имущественные права женщин — оказывались в сфере действия именно законов о земельной собственности. Почти все время до середины декабря ушло на то, чтобы просто прочитать их. С речами выступали мало, а обсуждали и того меньше. Работу ненадолго прервали, когда в октябре 1768 г. депутация от законодательного собрания отправилась поздравлять императрицу с успешной прививкой оспы. В это время назревала война с Османской империей, что сулило неприятности Уложенной комиссии. На 195-м заседании, 18 декабря 1768 г., когда война уже была объявлена, депутатский маршал огласил решение императрицы приостановить деятельность Большого собрания комиссии, так как из-за войны некоторые депутаты уже уехали, а другие должны были вот-вот уехать к своим военным и гражданским должностям[20]. «Частные» комиссии тем не менее продолжали работу, а в указе о приостанов-

[20] СбРИО. Т. XXXVI. С. 146.

ке деятельности Уложенной комиссии говорилось, что ее созовут вновь, когда «частные» комиссии справятся со своими задачами. Последнее, 203-е заседание комиссии в полном составе состоялось 12 января 1769 г.

В последующие годы «частные» комиссии работали с перерывами, некоторые из них собирались совсем редко, но все-таки они сумели разработать ряд законопроектов о правах сословий. Совместное заседание «частных» комиссий созывалось лишь однажды, 8 июня 1770 г., когда потребовалось заполнить несколько вакансий. К сентябрю 1771 г. перестала собираться даже Дирекционная комиссия[21]. В 1772—1773 гг. время от времени из указов генерал-прокурору явствовало, что императрица все еще намерена вновь созвать законодательную ассамблею в полном составе[22], вероятно — после окончания войны с Турцией. Но Уложенная комиссия больше никогда не созывалась.

История созыва и роспуска Уложенной комиссии очень важна для оценки личности и политики Екатерины II, поэтому небезынтересно коснуться тех объяснений, которые приводят специалисты по поводу приостановки деятельности комиссии в этот момент. По мнению М. Т. Белявского, дискуссии, особенно по вопросу крепостного права, оказались столь бурными, а выразители крестьянских интересов выступали так убедительно, что Екатерина, не одобрявшая никаких шагов к улучшению доли крепостных, воспользовалась начавшейся войной с Турцией как предлогом, чтобы прикрыть эту чреватую опасностью арену дебатов[23]. Г. Заке полагает, что Екатерина добилась своей главной цели — утвердилась на престоле, сокрушила якобы существовавшую «аристократическую» партию, после чего утратила интерес к законодательным функциям Уложенной комиссии и постепенно постаралась ослабить и уничтожить ее. Он категорически не согласен с тем, что работа комиссии была прервана, дабы депутаты могли исполнить свой воинский долг, потому что, по его оценке, фактически в армию отправились всего тридцать восемь человек[24]. Г. Заке также считает, что спор о крепостном

---

[21] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 277; СбРИО. Т. XXXVI. С. VIII.

[22] ПСЗ. Т. XIX. № 13746, 1 февраля 1772 г.; № 13793, 1 мая 1772 г.; № 13845 1 сентября 1772 г.; № 13893, 1 февраля 1773 г. См. также № 13938 об избрании депутатов от территорий, присоединенных по первому разделу Польши.

[23] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 253.

[24] *Sacke G.* Op. cit. S. 147 ff; *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 535; *Липинский М. А.* Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения // ЖМНП. 1887. № 7. С. 233. В частности, 29 депутатов были отозваны к местам службы 22 декабря 1768 г. (СбРИО. Т. XXXVI. С. 149—151).

праве, вспыхнувший в собрании, угрожал Екатерине. По его мнению, она специально задумала, чтобы большинство в Уложенной комиссии составляли горожане и крестьяне. Но императрица не могла дать волю антидворянским настроениям этого большинства, ведь, открыто обострив отношения с дворянством, она могла тем самым вызвать новый дворцовый переворот. Так что ей было проще проводить свою антидворянскую политику без Уложенной комиссии[25].

Далее, некоторые ученые, в том числе и Г. Заке, утверждают, что Екатерина с тревогой наблюдала за ростом политического сознания различных социальных групп и за проявлениями их конфликтов друг с другом. Поляризация мнений в комиссии, а особенно упорная приверженность ряда депутатов взглядам некоторых ораторов, казалось бы, говорят о росте сознательности у потенциальной политической силы. Екатерина же боялась обострения противоречий между правительством и дворянством, с одной стороны, и различными сословиями — с другой[26]. Однако Белявский выделяет оппозицию правительству как таковому, проявившуюся в собрании, а особенно среди противников неограниченного крепостного права[27]. Другие историки, например В. И. Сергеевич, высказывают предположение, что императрица была разочарована некомпетентностью депутатов, их неспособностью подняться до уровня просвещенных идей ее «Наказа»[28].

Но официальное объяснение, гласившее, что в военное время дворянские, да и городские, депутаты нужны для других дел, кажется более убедительным[29]. Среди 160 дворянских депутатов было 92 офицера на действительной службе; все 54 казачьих депутата тоже должны были идти на войну. К тому же теперь и императрице, и важнейшим правительственным сановникам неизбежно предстояло посвятить все силы мобилизации гражданских и военных ресурсов страны.

---

[25] *Sacke G.* Op. cit. S. 149. Как установил М. Т. Белявский, на протяжении 1768 г. 26 депутатов произнесли 58 «антидворянских» речей. Но едва ли это доказывает существование мощного антидворянского блока (*Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 253).

[26] *Sacke G.* Op. cit. S. 155.

[27] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 253.

[28] *Сергеевич В.* Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 237.

[29] Ср. тот же вывод в работе: *Morrison K.* Op. cit. P. 480. См. также: *Сергеевич В.* Указ. соч. С. 260—261.

Хотя к моменту приостановки работы комиссия еще не закончила ни одного законопроекта, материалы дискуссий и различные документы, представленные общему собранию, а также бумаги, подготовленные затем в «частных» комиссиях, содержат ценные сведения как о политике правительства, так и о взглядах общества. Рассмотрим три группы документов: во-первых, наказы, привезенные депутатами с мест; во-вторых, протоколы обсуждения законов, оглашавшихся в Большом собрании; в-третьих, проекты, представленные «частными» комиссиями, и материалы их обсуждения.

Все наказы были написаны раньше, чем началась работа Уложенной комиссии в Москве. Поэтому в них отражены взгляды и мнения, существовавшие на местах прежде, чем депутаты испытали бодрящее воздействие идей екатерининского «Наказа». Эти документы содержат массу информации, касающейся локальной истории, — множество подробных сведений о местных обстоятельствах и условиях жизни, в особенности о ее недостатках, но они почти не проливают света на политические взгляды и позиции в обществе. В дискуссиях по поводу действующих законов и по законопроекту о правах дворянства уже заметно влияние «Наказа» Екатерины, внушившего многим депутатам новые идеи или новые формулировки старых мыслей. Депутаты, обладавшие достаточно широким кругозором, часто приводили слова «Наказа» в поддержку либеральной политики, будь то в области торговли, дворянских или городских прав, личной свободы и даже крепостного права. Опираясь на авторитет государыни, они могли высказывать более смелые предложения, чем те, что вошли в наказы с мест. Наконец, законопроекты, составленные в «частных» комиссиях, при всей их неудовлетворительности и отвлеченности, отражают мнения как высших правительственных чиновников, так и рядовых депутатов: прежде чем придать проекту окончательный вид, его авторы советовались с чиновниками Сената и коллегий, а затем проекты проходили одобрение в Дирекционной комиссии.

Если пренебречь хронологией, было бы удобно проанализировать мнения, высказанные в Уложенной комиссии и содержащиеся в различных документах, в ракурсе некоторых крупных проблем. Наиболее важным (в связи с общественным и политическим весом той группы, которой это касалось) являлся вопрос об определении статуса и прав дворянства и роли Табели о рангах. Во многих дворянских наказах определенно выражалось несогласие с практикой возведения в дворянское достоинство, автоматически следовавше-

го за продвижением в чинах по Табели о рангах. Некоторые требовали либо введения строгих различий между дворянством по рождению и выслуженным дворянством, либо полного запрета практики возведения в дворянство, за исключением случаев личного пожалования монархом. Пусторжевские дворяне просили ввести какие-нибудь внешние знаки принадлежности к старому дворянству в противоположность простолюдинам, на манер европейских приставок «фон», «де», «дон». Желание дворян добиться определения их статуса в законе во многом объясняется растущим пониманием той пропасти, которая отделяла их от европейских собратьев, и сознанием ненадежности своего социального положения. В целом недовольство практикой автоматического возведения в дворянство было характерно для старых дворянских центров, в то время как земли, где происхождение дворянства было довольно сомнительным, такие как Новороссия и Малороссия, очень хотели сохранить эту практику. Эти противоположные позиции явственно проявились во время дебатов по действующим законам и законопроекту о правах дворянства.

Проект кодекса дворянских прав заслуживает особого внимания, так как о нем дали отзывы Герольдмейстерская контора и Дирекционная комиссия, и, возможно, он был одобрен самой императрицей[30]. «Частная» комиссия, подготовившая проект, не ограничилась изучением наказов, привезенных дворянскими депутатами, но привлекла также законы, относящиеся к дворянам Лифляндии и Малороссии, ознакомилась с правами английской, германской и французской знати, а 13 ноября 1767 г. в комиссии даже читали Великую хартию вольностей, дарованную английским королем Иоанном его подданным[31]. Впрочем, попытка дать определение дворянства поставила в тупик также и «частную» комиссию, и в итоге она просто перефразировала статью 360 екатерининского «Наказа»: «Благородство — есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены». Статус дворян проистекал от их происхождения или был дарован монархом, и хотя, как говорилось в проекте «частной» комиссии, достоинства и заслуги могут поднять человека до дворянского чина, Дирекционная комиссия внесла по-

[30] В. Сергеевич даже называет этот проект составленным по заказу правительства (см.: *Сергеевич В.* Указ. соч. С. 237). Текст проекта и поправки, предложенные Дирекционной комиссией, см.: СбРИО. Т. XXXII. С. 575 и далее.

[31] *Сергеевич В.* Указ. соч. С. 244.

правку о том, что лишь государь может возвести человека в этот чин. Тем самым исключалась возможность производства в дворяне со стороны Сената или командующего действующей армией (имевшего право дать офицеру капитанский чин, приносивший потомственное дворянство). В проекте также провозглашалось, что все дворяне являются лично свободными людьми и могут по своему усмотрению служить или не служить. Высказывались в нем и другие пожелания — например, свобода от телесных наказаний и подушного налогообложения, которыми дворянство уже пользовалось de facto. Оговаривались и экономические права дворян, причем многие статьи посвящались передаче имущества по завещанию, а также правам дворянок. Но в проекте признавалось, что первенство в обществе определяется служебным чином, а не знатностью. Поэтому титулы, как традиционные (например, княжеские), так и новые (графские и т.п.), не могут обеспечивать приоритет, и служилый дворянин всегда будет иметь первенство перед неслужилым, а значит, служебный чин всегда будет важнее титула. В проекте не учли требования многих дворян числить разные категории дворянства России по разным спискам, но предложили вести в каждом уезде «матрикулы», или дворянские реестры, пойдя навстречу стремлению дворянства поставить заслон попыткам простолюдинов проникнуть в их ряды сквозь многочисленные щели, которые открывала коррупция.

Широкому обсуждению подвергся вопрос о происхождении дворянства. Некоторые депутаты утверждали, что изначально даже дворянин с самой что ни на есть голубой кровью некогда был возведен в этот ранг за заслуги перед монархом. «У нас по рангам, а не по дворянству отдается честь на караулах. Какое название будет драгоценнее — офицерское ли, или же дворянское без службы?» — вопрошал депутат от Терского казачества Н. Миронов[32]. Эту проблему строго и взвешенно проанализировал депутат Н. Мотонис, представлявший дворян Миргородского и Полтавского полков Украины. Оригинальность его идей состояла в том, что он видел источники доблести и верной службы государству в самой природе дворянства, способного проявлять эти качества не только на войне, но и в мирное время. Он полагал, что в эпоху непрерывных войн связи между различным сословиями, образующими общество, разрывались и в возникшем хаосе «весьма многие могут сделаться дворянами». Од-

[32] СбРИО. Т. IV. С. 200.

нако мир благоприятнее для государства в целом и в конечном счете — даже для военных. «Государь, как отец, любит равномерно всех своих подданных» и вознаграждает их по доблести и заслугам. Так всегда делали в России, и Табель о рангах не ввела никаких новых принципов. В глазах государя никто не являлся «подлым», низким, кроме тех, кто нарушал закон и не болел за общее дело. Так что по логике вещей, заключал Мотонис, комиссии следовало бы выяснить, сколько всего имеется в стране дворян и сколько их нужно для государственной службы. Если их оказалось бы недостаточно, то Табель о рангах следовало сохранить, если же в избытке, то Уложенная комиссия должна предложить ограничить возведение в дворянство, дабы, дослужившись до соответствующего чина, люди довольствовались положенными материальными привилегиями и не стремились бы получить дворянство.

Анализ, предложенный Мотонисом, интересен не только своим практическим уклоном, но и тем, что он как будто согласен с положением вещей, при котором ранг в обществе можно отделить от служебного чина, но в то же время отрицает аристократические претензии в духе князя Щербатова. Последний с негодованием отвергал саму мысль, будто русские дворяне некогда были простолюдинами, и указывал на их происхождение от Рюрика и других славных князей прошлого. Споры в комиссии фактически означают, что структура общества в России подвергалась атаке с двух противоположных полюсов. С одной стороны, приверженцы аристократической формы правления, опираясь на принадлежащее Монтескье определение ограниченной монархии, требовали свободы от службы, признания социального ранга независимо от служебного, участия в местной администрации как естественного следствия их социального статуса, а то и некоторой доли политической власти или хотя бы неких организационных каналов, по которым их голос достигал бы престола. С другой стороны, ораторы, проникнутые идеями энциклопедистов, выражали гораздо более рационалистические эгалитарные взгляды на благородное сословие, внутри которого все должны быть равны. Они почерпнули у Монтескье концепцию нравственности и, хотя было бы анахронизмом считать их выразителями «буржуазных» ценностей, они тем не менее предлагали России перепрыгнуть прямо от служилого государства к меритократии (при которой высшие должности занимали бы самые талантливые и достойные), минуя фазу первенства аристократии, существовавшую в Англии, в Швеции или даже во Франции. Например, Яков

Козельский, депутат от Днепровского пикинерного полка со Слободской Украины, ссылаясь на главу XV «Наказа», отдававшую первенство нравственности и службе как источникам знатности перед происхождением, предупреждал, что если позволить дворянам раздувать их притязания на основе лишь социального статуса, то кончится это тем, что они начнут презирать и гражданскую, и военную государственную службу[33]. Между этими двумя крайностями оставались сторонники status quo, т.е. прикрепления всех к государственной службе и автоматического продвижения согласно Табели о рангах.

Споры вызвал вопрос о правах малороссийских и лифляндских дворян. Согласившись участвовать в Уложенной комиссии, их депутаты воспользовались случаем подчеркнуть свои особые, независимые права и потребовать от Екатерины II их нового подтверждения. Если лифляндские и эстляндские дворяне отвергали идею Табели о рангах как чуждую их традициям, то малороссийские дворяне, напротив, требовали тех же прав и статуса, что у великорусских собратьев, и поддерживали систему автоматического продвижения.

На претензии прибалтийского дворянства подозрительно смотрели рядовые русские дворяне, которым не нравилось, что те располагали привилегиями, которых у них самих нет и никогда не будет. Опираясь на статью екатерининского «Наказа», гласившую, что на всех подданных должны распространяться одни и те же законы, они отвергали особые права лифляндцев, зафиксированные как условие капитуляции, заключенной с Петром I после завоевания Лифляндии. «Законы для рижского рыцарства, в XV и XVI веках написанные под титулом Божиею и папы Николая милостию», уже утратили силу — так считал депутат от дворян Новосильского уезда Лев Шишков, поддержанный еще дюжиной с лишним депутатов[34]. Некоторые ораторы утверждали, что особые привилегии прибалтийского дворянства (в том числе их свобода от подушной подати и рекрутского набора) тяжким бременем лежат на остальной России, т.е. победители живут хуже, чем побежденные. Странным казалось и то, что некоторые части Российской империи управлялись по иноземным законам[35].

Совместная борьба за права малых групп, несомненно, была согласована между прибалтийскими и малороссийскими дворянс-

---

[33] СбРИО. С. 187 и далее.

[34] Там же. Т. VIII. С. 335, 339.

[35] Там же. С. 350.

кими депутатами. И те и другие прикрывались статьей 43 законопроекта о правах дворянства, гласившей, что перечисленные в ней привилегии принадлежат всем российским дворянам. Депутат от Киевского полка В. Золотницкий предложил расширить эту статью, специально оговорив в ней, что дворяне Лифляндии и Малороссии останутся под действием своих собственных законов, ведь если Уложенная комиссия вправе предложить новые привилегии для русского дворянства, то, конечно, она может и предложить закрепить действующие права за нерусским дворянством. Представлявший Лубны Г. Полетика вообще отверг этот законопроект как неприложимый к малороссийским дворянам, которые привыкли пользоваться многими привилегиями, в него не включенными. Он утверждал, что управление Малороссией, помимо верховной власти, зависит от дворянства. Здесь дворянство располагало правом учреждать, исправлять и отзывать законы, требуя от государя их утверждения. Вместе с чиновниками администрации дворяне устанавливали размеры налогов, они же имели право избирать гражданских и военных чиновников, достойных стать малороссийскими дворянами, и т.д.[36]. Это смелое изложение всего спектра претензий малороссов на автономию было встречено очевидным сочувствием прибалтийских дворян, которые высказали свои требования в схожих выражениях, прибегнув к той же зацепке — статье 43 законопроекта. Барон Г. Ф. Левенвольде даже предложил включить в проект о правах русских дворян некоторые из сословных прав, уже доступных лифляндскому дворянству, например новое положение о том, что губернатор не может предпринимать никаких шагов, не предусмотренных законом, не посоветовавшись с выборными представителями дворянства и без их согласия. В этот момент депутатский маршал Бибиков прекратил дальнейшее обсуждение. Он отказался принять «мнения», представленные лифляндскими депутатами, на том основании, что согласно принятой процедуре Уложенная комиссия должна разработать проект законодательного уложения, а не вмешиваться в дела, «касающиеся до правления»[37]; подтверждение привилегий остзейского, ма-

---

[36] Речь Золотницкого см.: СбРИО. Т. XXXVI. С. 332; речь Полетики: Там же. С. 341 и далее. Отчет баронов Унгерн-Штернберга и Левенвольде перед избирателям см.: *Sacke G.* Op. cit. S. 159 ff; СбРИО. Т. XXXVI. С. 359 и далее, с. 371 и далее.

[37] СбРИО. Т. XXXII. С. 345—346.

лороссийского и смоленского дворянства[38] всецело зависит от усмотрения государыни и не может быть включено в закон о статусе российского дворянства в целом. Этот ход, по всей вероятности, был подсказан императрицей, весьма неодобрительно смотревшей на притязания Лифляндии и Малороссии на автономию.

Одно из самых острых противостояний между старой и новой Россией, между Московией и Западом, возникло по поводу понятия «свобода». Дискуссия возникла из-за двух статей законопроекта о правах дворянства. Первая из них (гл. II, статья 1) гласила: «Благородные все суть люди свободные». Во второй (гл. II, статья 2) говорилось, что дворянство свободно выбирать любую отрасль государственной службы или вовсе не служить. Несколько депутатов не согласились с утверждением, что дворянин есть свободный человек. Депутат от казаков Ф. Анциферов заявил, что только государь свободен, ибо он неподотчетен в своих действиях никому на земле, в то время как дворянство ответственно не только перед правителем, но и перед законом в делах службы и долга. «А когда состоит кто под законом, тот и свободным назваться не может», — добавил он[39]. Депутат от белгородского дворянства Иван Выродов тоже считал, что лишь государь свободен, а дворянин только в сфере собственного хозяйства может пользоваться полной свободой. В остальном его свобода ограничена, так как он обязан служить отечеству. Если бы дворянам предоставили решать самим, служить или нет, страна осталась бы беззащитной, потому что «свободой отечества не оборонишь». Г. Коробьин, депутат козловского дворянства, отвечал на это, перефразируя екатерининский «Наказ» (и, разумеется, Монтескье), что свободный человек волен делать все, не запрещенное законами. Он может предпочесть не идти на службу, но это не значит, что он не пойдет защищать отечество, когда оно позовет, — есть же разница между службой по принуждению и защитой отечества по зову сердца. Спорщики в конце концов остались каж-

---

[38] Смоленская шляхта пыталась поставить вопрос о сохранении прав, дарованных ей польскими королями. См.: *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. A study based on the materials of the Legislative Commission of 1767. London, 1967. P. 157, примеч. 3. В дополнение к указанным там источникам см.: СбРИО. Т. XXXII. С. 319.

[39] Там же. Т. XXXVI. С. 300—301. Двое яицких казаков — Иван Тамбовцев и И. Акунин — «примкнули» к мнению Анциферова. Так же поступил и Т. Падуров, представитель Оренбургского казачества, впоследствии — один из вождей пугачевского бунта (Там же. Т. XXXII. С. 208).

дый при своем мнении, потому что, как сказал Коробьин, «они разное понятие о свободе имеют»[40]. Все представители недворянских сословий придерживались того взгляда, что всякое правовое определение дворянской свободы являлось само по себе ограничением власти монарха, — им не хотелось, чтобы дворянство превратилось в класс, не только первенствующий перед ними, но и независимый от государства. «Должно при сем вспоминать, что мы собраны к сочинению проекта Нового Уложения, — к обязательству народа, а не государя», — сказал депутат Яицкого войска казак Василий Тамбовцев[41].

Вопрос о крепостном праве затрагивался лишь от случая к случаю: в процессе дебатов о правах других классов владеть крепостными, о беглых, о налогообложении и т.д. В наказах от дворянства настоятельно выражалось требование (если они вообще упоминали об этом предмете) исключительных прав на труд крепостных и на полную свободу поступать с крепостным населением по своему произволу как в экономической, так и юридической сфере. По меньшей мере два наказа содержали требование о том, чтобы крестьяне из новой категории экономических также продавались помещикам.

Подход к владению крепостными отражает, впрочем, скорее экономическую проблему, более глубокую, чем проблемы социального статуса и привилегий, а именно трудность мобилизации ресурсов страны на государственные цели в условиях примитивной земледельческой экономики. Эту мысль хорошо иллюстрирует дискуссия по поводу Табели о рангах. М. Давыдов, депутат от елецких однодворцев, заметил, что государственные служащие — обладатели чина по Табели о рангах ниже дворянского, не имеющие поэтому права владеть имениями, могут прожить на жалованье, пока служат. Но что же с ними будет, когда они по старости или по болезни не смогут работать и их отставят от должности? Придется просить подаяния. Поэтому нужно или позволить им покупать имения (с кре-

---

[40] СбРИО. Т. XXXVI. С. 13. Коробьин, артиллерийский офицер, депутатом избран не был, но, вероятно, в декабре 1767 г. ему передал свой мандат кто-то из избранных депутатов.

[41] Этот депутат возражал против статьи в проекте, дававшей всем дворянам право быть принятыми при дворе. По его мнению, если «Государь есть самодержавный... то в доме оного никто никакого права иметь не может, а еще меньше об оном писать проект закона и тем наводить Государю как бы некое обязательство». Его поддержали восемнадцать депутатов-недворян. См.: Там же. Т. XXXII. С. 296.

постными), или платить им пенсию. В. Веденеев, представитель однодворцев Тамбова, выступил против пожалования имений таким чиновникам, но за то, чтобы им по выслуге определенного срока назначалась пенсия. М. Глазов, ссылаясь на статью 145 «Наказа» Екатерины («Хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространилось меж людьми»), говорил, что, если стремиться уберечь казну государства от выплаты крупных сумм в виде пенсий, лучше вообще никогда не жаловать недворянам классные чины. Экономические путы мертвым узлом связывали воедино землю, человеческий труд и социальные слои и чудовищно затрудняли формирование профессионального бюрократического слоя[42].

Крепостное право опять стало предметом обсуждения в Уложенной комиссии, когда общее собрание перешло к слушанию законов о возврате беглых крестьян. В наказах от дворянства говорилось, что бегство крепостных провоцирует в основном само государство — тяжелыми податями, рекрутским набором, натуральными и отработочными повинностями, акцизным сбором со спиртного и соли. В процессе дебатов вину за побеги возлагали и на крестьян с их леностью, пьянством и непригодностью к делу[43]. Тут опять вмешался в спор Г. Коробьин. Он утверждал, что главная причина крестьянских побегов — это злоупотребления помещиков и их контроль за собственностью крестьян. Ссылаясь на статью 261 «Наказа» («Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества»), он предложил законодательно закрепить право крестьянина владеть некоторой собственностью, а также установить зафиксированную в законе умеренную денежную или натуральную плату помещику. Он не предлагал ограничить административную власть помещика над крестьянами, а говорил только о его власти над их имуществом[44]. Речь Коробьина вызвала жаркую дискуссию об отношениях между помещиками и крепостными, в которой его поддержали пятеро выступавших, а гораздо большее число депутатов ополчилось против него. М. Глазов, депутат от Обояни, в сердцах сказал, что раз Коробьин не был избран дворянами Козлова, то он, может быть, и не является тамошним помещиком? Бывал ли он там хоть раз? Выполняет ли полученный наказ или говорит от себя?[45] Коробьин в

---

[42] СбРИО. Т. IV. С. 165 и далее, с. 179 и далее, с. 212 и далее.

[43] Там же. Т. XXXII. С. 54.

[44] Там же. С. 406, 5 мая 1768 г.

[45] Наказ козловского дворянства см.: Там же. С. 420.

свою защиту говорил, что в случаях расхождения дворянских наказов с «Наказом» государыни верноподданные, конечно, должны придерживаться последнего[46]. Самая убедительная критика взглядов Коробьина исходила от князя М. Щербатова, заявившего, что нет необходимости принимать законы о крестьянском владении движимым имуществом, потому что крепостные и так им владеют на основаниях гораздо более солидных, чем закон, — по обычаю и ради взаимной выгоды. Что до недвижимости, то если земля находится в собственности помещиков, то откуда она возьмется у крестьян? Щербатов, впрочем, удивлялся тому, что Коробьин не коснулся юрисдикции помещика над его крестьянами. Ведь если тело человека находится в чьей-то власти, то и его имущество тоже. Хозяин, имеющий право по собственной прихоти наказывать крепостного, может отобрать и его имущество. Так нужно ли в таком случае позволять крестьянам прибегать к защите суда? Боже упаси от этого, потому что они все свое время станут проводить, оспаривая законные требования помещиков. Следует опасаться, предупреждал Щербатов, разорвать ту цепь, что соединяет крестьянина с помещиком, ограничив власть последнего. Подобный разрыв грозит именно той опасностью, от которой предостерегает императрица в статьях 502, 503 и 504 своего «Наказа», — будут потрясены основы государства, а дух равенства так усилится, что народ перестанет подчиняться тем, кто поставлен над ним законом. Единственный способ предотвратить помещичьи злоупотребления — уполномочить местных чиновников и дворянские собрания доносить о случаях плохого обращения с крепостными правительству, с тем чтобы оно назначало опеку[47].

Едва ли не самый прогрессивный голос принадлежал Якову Козельскому, депутату от Днепровского пикинерного полка Слободской Украины. Он предложил разделить землю во всех частях страны между индивидуальными крестьянскими хозяйствами, передать им ее в наследственное владение на праве узуфрукта [пользование чужой собственностью без причинения ей ущерба] и создать такой порядок, при котором в зависимости от климата, местоположения и плодородия земель крестьянское хозяйство будет нести оброк или барщину, работая два дня в неделю на государство, два дня — на помещика, и два дня — на себя самого, а по воскресеньям отдыхать. По оценке Козельского, стоимость работы каждого кре-

[46] СбРИО. С. 475 и далее.

[47] Там же. С. 486 и далее.

стьянского хозяйства на помещика составит около 10 руб. в год (с учетом труда женщин), а налог с того же хозяйства в пользу государства может исчисляться из расчета эквивалентной суммы. Крестьяне будут вправе распоряжаться всем своим недвижимым и движимым имуществом, которое должно стать наследственным, хотя без разрешения помещика нельзя будет продавать или сдавать в аренду принадлежащую им недвижимость. Кроме того, Козельский предложил создать нечто вроде министерства земледелия, призванного собирать сведения о помещичьих и других хозяйствах и следить за обработкой земли. Помещики будут по-прежнему управлять имениями, но их отношения с крестьянами значительно улучшатся. Козельский утверждал, что хозяева, жаждущие безграничной власти над крепостными, требуют больше, чем им положено. Ведь даже высшая власть самодержца не ждет от подданных ничего сверх установленной службы, за исключением военного времени. Когда ему напомнили о крестьянской лени и пьянстве, Козельский гуманно заметил: «Крестьянин же — чувственный человек, он разумеет, впредь знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково... и как ему быть добронравну и добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким; он в сем насилии принужден и себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лености». Козельский был единственным оратором, затронувшим вопрос об индивидуальном крестьянском землевладении, которое, конечно, привело бы к разложению общины и появлению класса свободных фермеров-арендаторов или мелких держателей. Он далеко опередил свое время, не осознавая до конца, к чему ведут его предложения[48].

---

[48] По поводу личности Я. Козельского существует немало путаницы. Был ли он тем самым Я. П. Козельским, который в 1768 г. опубликовал свои «Философские размышления» и впоследствии сделал выдающуюся карьеру переводчика, писателя и чиновника? Согласно советским исследованиям, у Павла Козельского было трое сыновей, и всех троих звали Яковами по странному, но будто бы действительно существующему украинскому обычаю. Средний из братьев был писателем, а младший — тем армейским офицером, который ненадолго появился на исторической сцене благодаря участию в Уложенной комиссии. Аргументы в пользу существования двоих, а тем более троих братьев, носящих одно и то же имя, довольно искусственны и, похоже, порождены нежеланием признавать, что защитник крепостных в 1768 г. мог впоследствии сделать вполне респектабельную чиновную карьеру, а не был разжалован, как того, безусловно, заслуживал. См. доводы в пользу разных вариантов в предисловии С. В. Папаригопуло к изд.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / Ред. С. А. Покровский. М., 1959. С. 549 и далее; также: *Папаригопуло С. В.* О двух Я. П. Козельских // ВИ. 1954. № 8. С. 109—111.

Однако самая широкая дискуссия о крепостном праве развернулась вокруг трех статей II главы законопроекта о дворянстве. Статья 13 гласила: «Благородные могут, если пожелают, право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных. Но свободных деревень паки на право крепостных переменить уже не можно». В статье 14 говорилось: «Благородные могут делать благородным завещание с условием, законами определенным, на деревни свободные; крепостных же деревень завещать таковым образом не можно». Статья 17 предусматривала право дворян освобождать своих крепостных «частно», индивидуально[49]. Но Дирекционная комиссия сняла с обсуждения статьи 14 и 17, отметив, что их рассмотрение лежит в компетенции других «частных» комиссий. Но статья 13 совершенно озадачила депутатов. Проект был составлен так небрежно, что содержание этого параграфа выглядело темно и непонятно. Фактически в России не было никаких «свободных деревень», так как же могли дворяне освобождать крепостных? «Свобода», пожалованная дворянам, была к тому же односторонней: освободить крепостного дворянин мог, а закрепостить вольного не мог. Среди всеобщего замешательства в спор снова вступил князь М. Щербатов: «Великое сие есть право, чтобы кому свободу даровать!» Но, даже всем сердцем любя свободу, не должно забывать об условиях страны, напоминал он. По мнению Щербатова, из статьи 13 как будто вытекало, что дворяне смогут даровать определенные права целым деревням, а отменить их будет нельзя. Так что же хорошего принесет этот закон и что плохого? — вопрошал князь. Чувствуя, что единственно важное право в этом контексте — право на личную свободу, он красноречиво доказывал, что в случае освобождения крепостных Российское государство понесет урон. Ведь никто из помещиков не станет так заботиться о вольных крестьянах, как о своих крепостных, и кто, если не хозяева, будет источником просвещения крепостных? А. Протасов, дворянский депутат от Гороховца, не совсем последовательно утверждал, что в других государствах с абсолютной монархией, где крестьяне вольны, их свобода скорее видима, нежели истинна, учитывая тяготы, которые они несут. Но если в России ввести свободные сословия, это вызовет недовольство несвободных. К тому же вольных крестьян нельзя принудить к работе, в отличие от крепостных[50].

---

[49] СбРИО. Т. XXXII. С. 580. Статья 15 разрешала дворянам беспошлинную покупку и продажу свободных деревень.

[50] Там же. С. 23 и далее; Т. XXXVI. С. 309 и далее.

И снова в защиту статьи 13 законопроекта выступил Г. Коробьин. Возражая Щербатову, он сказал, что «имя свободы отнюдь не вредно. Я бы вам это доказал в другом месте, или если б я вам сказать мог тихо...» — добавил он, на что маршал Бибиков заявил, что Коробьин может говорить во всеуслышание, потому что никаких тайных разговоров между депутатами быть не должно. Тогда Коробьин повторно выступил в защиту права дворян «деревни освобождать»[51]. Представлявший изюмское дворянство Л. Татищев пошел еще дальше, сказав, что сама императрица желает освобождения крестьян. Бибиков в ответ заявил, что дело не в том, освобождать ли крестьян, а в том, имеют ли дворяне право крепостные деревни делать свободными. Волю же императрицы не следует выносить на обсуждение, ибо если она приняла решение, то дальнейшие споры депутатов уже неуместны. Татищев, нимало не смутившись, отвечал, что императрица хотела вселить в свой народ дух свободы и что этот дух не нанесет никакого вреда земледелию, так как помещики получат подданных вместо рабов. Он привел в пример Англию, но маршал опять прервал его, указав, что депутаты обсуждают русские законы, а не английские[52].

Обмен мнениями по поводу статьи 13 представляет большую важность для понимания взглядов Екатерины на крепостное право. Интересно отметить, что Коробьин, один из самых вдохновенных критиков крепостничества, выступал на заседании Большого собрания комиссии, защищая ряд положений законопроекта о правах дворянства, причем в некоторых пунктах его поддерживал сам Григорий Орлов. При этом никто из членов «частной» комиссии, ответственной за составление этого проекта, и ни один из представителей Дирекционной комиссии не выступил с его разъяснением или защитой. Быть может, Коробьин был специально назначен выступать от «частной» комиссии или от Дирекционной комиссии? Некоторые историки даже предполагали, что он был рупором идей самой Екатерины и что это она ввела его в состав Уложенной комиссии[53]. Если так, то его взгляды на крепостное право не должны были ее удивлять, во всяком случае выступления Коробьина совпадали с мыслями императрицы, выраженными во многих ее личных

[51] СбРИО. Т. XXXVI. С. 27—28.

[52] Там же. С. 29.

[53] См.: *Brückner A.* Katharina die Zweite. Berlin, 1883. S. 480—481; *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 278.

бумагах и в частях «Наказа», не вошедших в окончательный вариант. По словам одного из ведущих русских историков Уложенной комиссии, либеральные взгляды Коробьина и других депутатов являлись не «оппозицией ее величеству», а «оппозицией ее величества»[54]. М. Т. Белявский, полагая, что Екатерина была инструментом в руках дворянства и совсем не заботилась о благополучии крестьян, был уверен, что императрица заставила Коробьина с Татищевым сдать депутатские мандаты за откровенную критику крепостного права. Сравнительно недавние исследования советских ученых опровергли предположение Белявского относительно Коробьина[55]. Правда, никто в связи с этим не отметил, что предложение создать «вольные сословия», позволить дворянам освобождать не только отдельных крепостных, но и целые деревни исходило от высших вельмож. Мало того, осторожные комментарии Дирекционной комиссии о продаже крепостных и о пределах помещичьей власти над крестьянами также исходили от группы, включавшей в себя некоторых ближайших сотрудников Екатерины, в первую очередь — А. А. Вяземского.

В применении к России идея создания «свободных сословий» была гораздо революционнее, чем кажется на первый взгляд. Хотя обе участвовавшие в обсуждении этого вопроса «частные» комиссии не сумели толком объяснить, каким будет статус вольных сословий и останутся ли крестьяне прикрепленными к земле, становится ясно, что это предложение подразумевало создание нового класса

---

[54] *Флоровский А. В.* Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. 225 и далее.

[55] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 246. Этот автор не приводит никаких доказательств своего утверждения. В. И. Недосекин вообще считает, что Коробьин не был либералом, а лишь стремился улучшить положение крестьян, чтобы упрочить крепостное право, и тем самым поддерживал Екатерину. Недосекин доказывает, что никто не принуждал Коробьина отказаться от мандата (*Недосекин В. И.* О дискуссии по крестьянскому вопросу в России накануне восстания Пугачева // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1967. Т. 63. С. 326—346). Популярность взглядов Коробьина в комиссии в целом отражена в результатах голосования на двух выборах в «частные» комиссии: 5 мая 1768 г., в день своего первого выступления, он набрал 174 голоса из 287, а 14 мая — 260 из 306. В. И. Недосекин приводит эти цифры в доказательство того, что Коробьин, должно быть, угодил дворянским депутатам. Зато М. Т. Белявский при помощи тех же сведений доказывает, что Коробьин угодил депутатам-недворянам. См. также: *Sacke G.* Op. cit. Примеч. 44; и воспоминания младшего современника событий, в которых Коробьин изображен противником крепостного права (*Винский Г. С.* Мое время / Introduction by I. de Madariaga. London, 1974. P. 5—6).

подданных русской короны — не государственных крестьян, не однодворцев (ведь земля будет принадлежать частному собственнику), а лично свободных людей, связанных с помещиком лишь неким контрактным обязательством. Поэтому статью 13 надо рассматривать как своего рода пробный шар, запущенный с одобрения императрицы с целью спровоцировать дискуссию, которая и состоялась, и выявить настроения депутатов. Поскольку казалось очевидным, что в результате этой дискуссии представители дворянства не дойдут до оппозиции трону, то не был назначен официальный защитник положений статьи 13. При этом если бы императрица захотела вообще избежать обсуждения проблемы крепостничества в Уложенной комиссии, то эти спорные пункты не вошли бы в законопроект[56].

Еще один пункт, касавшийся крестьян, вызвал в собрании инцидент. В статье 31 законопроекта о дворянстве говорилось, что «донос или показания крепостного против его господина надлежит оставлять без внимания». А. Алейников, депутат от казаков Новохоперской крепости (он выступал за облегчение крестьянской доли и поддерживал других сторонников этой позиции), высказал лаконичное предложение заменить этот параграф словами: «Донос и показания крестьянина против его господина следует принимать во внимание». Судя по поденным протоколам заседаний, смелая выходка Алейникова вызвала замешательство. Там записано: «После чего и по некоторой перемежке объявил господин маршал, что на оную 31 статью боле никто говорить не записался, того ради читана теперь будет по порядку 32 статья, что и было исполнено». Читая между строк, чувствуешь, что за нейтральными словами «по некоторой перемежке» скрывается поднявшийся в зале шум и волнение[57]. Алейников, о котором мы знаем мало, выступал также в защиту прав новокрещеных язычн-

[56] См.: *Dukes P.* Op. cit. P. 220. Автор этой работы придерживается такого же мнения. В «Записках» о жизни А. И. Бибикова, составленных сыном депутатского маршала Уложенной комиссии, говорится, что, избранный депутатом от костромского дворянства, он хотел включить в наказ «учреждение вольных крестьян» — почти так же, как «вольные хлебопашцы» были впоследствии «учреждены» Александром I, — но ему не позволили (*Бибиков А. А.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1817. С. 41). Связь между александровским законом 1803 г. и проектом учреждения вольных крестьян заслуживает специального исследования.

[57] СбРИО. Т. XXXII. С. 283. Эта статья проекта, очевидно, вызвала разногласия в Дирекционной комиссии, судя по замечанию на полях, в котором сказано, что данная статья полностью исключается из настоящего проекта, так как относится к ведению «частной» комиссии по юридическим вопросам (Там же. С. 584).

ников (ссылаясь при этом на екатерининский «Наказ») и утверждал, что этих людей нужно не порабощать, а просвещать и к вящей славе Божьей приводить к христианству.

Нет никаких свидетельств о подготовке выборки из законов о вольных крестьянах, предназначенной для оглашения депутатам. Крестьяне выступали лишь как объект законов о правах других сословий. Депутаты от крестьянства разных областей представили свыше тысячи наказов[58], которые были тематически сгруппированы и пропущены через соответствующие «частные» комиссии. В итоге получился свод из 170 пунктов, который, вероятно, поступил в «частную» комиссию по правам различных сословий, разрабатывавшую документ о правах «третьего рода людей»[59]. Двадцать девять крестьянских депутатов не играли заметной роли в дебатах, за исключением неутомонного самоучки И. А. Чупрова, представителя архангельских крестьян. Он вмешивался в дискуссию пятнадцать раз — столько же, сколько выступили остальные крестьянские ораторы, вместе взятые. Некоторые из них проявили плачевное отсутствие классового сознания, передав свои мандаты членам других сословий, в том числе и дворянам[60]. В «частные» комиссии выбрали только одного крестьянского депутата и двоих депутатов от однодворцев[61].

Крестьянские наказы представляют собой бесценный источник материалов по социальной истории России, но пользоваться ими надо с известной осторожностью. Необходимо учитывать, что они, в сущности, являются перечислением жалоб и написаны простыми людьми, языком челобитных. Когда у них появилась возможность раскрыть перед далекой императрицей свои нужды и чаяния, крестьяне высказали сразу все прошлые обиды, теперешние тяготы, страхи перед будущим, слив их в отчаянном вопле о своем бедственном положении. Но было бы ошибкой принимать эти наказы за исчерпывающее описание подлинной крестьянской жизни. В них отражены социальная память крестьянства, его ментальность, об-

---

[58] См. публикацию крестьянских наказов: СбРИО. Т. CXV, CXXIII.

[59] Этот свод составили Р. Л. Воронцов, А. С. Строганов и П. Орлов. М. Т. Белявский считает, что в нем было смягчено критическое начало крестьянских наказов и их антидворянская настроенность. Опубликован он не был (*Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 114, 129—130).

[60] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 362.

[61] См. таблицу, анализирующую сословный состав частных комиссий: Там же. С. 178.

шее представление о своей доле, о соотношении с другими классами в обществе и о своем месте в государстве. Наказы представляют совокупную картину жесточайших сторон поистине невыносимой крестьянской доли, но это вовсе не значит, что как источники они не подлежат критическому изучению, которому должен подвергаться каждый исторический документ.

Жалобы государственных крестьян распадаются на вполне традиционные виды. Речь идет о тяготах налогообложения, связанных с долгими перерывами между переписями, с необходимостью платить подушную подать за малолетних, больных, стариков. К тому же купцы обременяли государственных крестьян тяжелыми работами, связанными с водочной и соляной монополиями, заставляя их перевозить, охранять, инспектировать казенные грузы. Эти обязанности отрывали крестьян от полевых работ, а из-за того, что неисполнение повинностей каралось штрафами, росли крестьянские задолженности. Ставки оплаты за государственные отработочные повинности (строительные работы, ремонт дорог) были крайне низкими.

Крестьяне жаловались и на социальные и правовые ограничения их экономической деятельности: купцы препятствовали крестьянской розничной торговле сельскохозяйственной продукцией в городах; закон запрещал крестьянам скреплять обязательства долговыми расписками и заключать контракты на поставку припасов; существовали государственные ограничения на эксплуатацию лесов и рыбных ловель, на право крестьян расчищать пустоши, продавать, отдавать в залог, покупать и завещать пахотные земли. В отношении местной власти крестьяне сетовали на несправедливость судов. Они были беззащитны перед дворянами и купцами, если те посягали на их землю, унижали и оскорбляли их. Крестьяне страдали от своего приниженного положения. В наказах часто встречались пожелания получить право выбирать собственных крестьянских должностных лиц вместо назначенных администраторов.

Судя по наказам приписных крестьян, реформы, предложенные А. А. Вяземским в 1764 г., или не достигли цели, или еще не проводились[62]. Приписные особенно страдали от произвола в обложении подушной податью. Вознесенским приписным крестьянам приходилось платить подушную подать за 1 тыс. душ мужского пола, в то время как еще с 1754 г. их реальная численность составляла лишь

[62] Введение реформ Вяземского на остальных государственных литейных заводах закончилось только в 1767 г. См. выше, гл. 8.

500 душ. В деревне Есаул 220 мужчин трудоспособного возраста отрабатывали подать за 671 душу мужского пола. В наказах сибирских приписных заметнее страх перед будущей припиской к промышленным предприятиям, чем перед тяготами крестьянского житья[63]. В общем, в наказах приписных настойчиво выражалось их желание по-прежнему «быть в крестьянстве».

В целом во многих крестьянских наказах отразилась вера в то, что, если бы как следует исполнялись существующие законы, их положение было бы лучше. Как свидетельствуют наказы, крестьяне всегда сознавали, что подвергаются вопиющим беззакониям (таким, как принудительный набор в рекруты, отработочные повинности, физическое насилие, бесчинства военных, особенно в отношении женщин) и не могут добиться справедливости. Они соглашались с делением общества на сословия, но требовали, чтобы членам других сословий (купцам, горожанам, духовенству) не разрешалось владеть землей, если они не станут нести все тяготы наравне с крестьянством. Крестьяне хотели, чтобы их признавали зрелыми людьми, способными отвечать по обязательствам и развивать коммерческие начинания. В чисто экономической сфере они желали освобождения от трудовых повинностей, а приписные — замены приписных работ наемными или хотя бы более справедливой оценки подушной подати, сокращения объемов отработок, их оплаты по той же шкале, что и шкала оплаты наемных работников, а также оплаты времени, потраченного на дорогу.

Гораздо меньше известно о том, что думали посессионные крестьяне — постоянная рабочая сила, наследственно прикрепленная к предприятию, а не к его хозяину. Теоретически перед Уложенной комиссией их интересы представляли Берг- и Мануфактур-коллегия. В пункте 14 наказа от Берг-коллегии лишь просили разъяснить, каково соотношение прав шахтовладельцев и хозяев рабочей силы. Впрочем, характерно, что Берг-коллегия в первую очередь заботилась о служащих государственной бюрократии, а не о рабочих шахт. В наказе предлагалось наладить горные службы по образцу артиллерийского и инженерного корпусов и назначить жалованье с учетом тяжелых условий работы, сопряженной с постоянными поездками. Далее говорилось, что в Берг-коллегии «дряхлость в рассуж-

[63] Наказ государственных крестьян Енисейска свидетельствует о том, как долга крестьянская память — в нем обстоятельно описаны злоупотребления воеводы еще в 1728 г.

дении горных обстоятельств, скорее, нежели в прочих службах, горных людей постигает», и потому они нуждаются в пожаловании деревень, «чтоб дрожащие нервы успокоение и пристанище свое имели»[64]. Посессионные крестьяне в наказах подчеркивали свое тяжелое положение и высказывали требования, более типичные для профессиональной группы, чем для крестьянства в целом. Они хотели повышения жалованья, сокращения рабочего времени, снижения налогов, такой же платы за праздничные и воскресные дни у частных владельцев, как на государственных предприятиях[65].

Зато наказ Мануфактур-коллегии затрагивал принципиальные вопросы: в нем приветствовалась введенная Екатериной в 1762 г. политика запрета на покупку крестьян заводчиками и говорилось, что «приписанием людей в мастеровые на фабрики умножено число невольников, вместо того что мастерства имели б умножать число благополучных в городах жителей, кроме повиновения законам никакого рабства не знающих»[66].

Проблемы государственного крестьянства обсуждались в Уложенной комиссии лишь от случая к случаю, в ходе дебатов о правах других сословий. Проблемы приписных крестьян рассматривали лишь дважды: в самом начале работы комиссии, когда читался наказ крестьян, приписанных к Демидовским заводам (причем крестьянские требования об улучшении условий встретили известное сочувствие депутатов), и позже, 26 ноября 1768 г., когда крестьянский депутат от Кунгура в подробностях описал плачевное положение приписных крестьян во время обсуждения прав купеческого сословия[67].

Во многих наказах дворяне возражали против покупки представителями купеческого сословия имений с крепостными в качестве рабочей силы для промышленных предприятий, предпочитая, чтобы купцы рассчитывали на наемный труд. Крайнее выражение этой

---

[64] СбРИО. Т. XLIII. С. 199 и далее, ст. 6. В статье 10 содержалось требование учредить Горнолитейный кадетский корпус для детей шахтовладельцев и хозяев литейных заводов.

[65] *Андрущенко А. И.* Крестьянская война. М., 1969. С. 104—105; СбРИО. Т. CXV. С. 264 и далее.

[66] Там же. Т. XLIII. С. 204—207. Этот наказ представляет собой обзор, посвященный роли промышленного производства в национальной экономике. Судя по всему, составил его Д. Волков, чьи взгляды выражает этот документ.

[67] Там же. Т. IV. С. 88—91. Там же. Т. VIII. С. 332—335. Ср.: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 436.

позиции исходило от Н. В. Толмачева, депутата от дворян города Любима, потребовавшего расследовать положение приписанных к заводам крепостных. По его словам, в случае если товары, производимые этими заводами, обходятся государству дешевле, чем продукция наемного труда, то не следует ничего менять. Но если государство несет в обоих случаях одинаковые затраты, тогда лучше освободить этих крестьян, так как согласно статье 253 «Наказа» Екатерины II людей нельзя закрепощать без крайней необходимости, да и то не ради личной выгоды, а для нужд государства[68].

Однодворцев в Уложенной комиссии представляли 42 депутата, причем некоторые из них выступали весьма активно[69]. Они представили свыше двухсот наказов, 130 из которых остаются до сих пор неизданными[70]. Занимая положение в обществе между дворянством и государственными крестьянами, однодворцы настойчиво требовали своего причисления к дворянству со всеми правами и привилегиями. Они сетовали на тяготы военной службы, на возлагаемые на них дополнительные повинности, на задержки с производством в офицерский чин. Но больше всего однодворцы жаловались на беззастенчивые посягательства соседей-помещиков на их земли: случалось даже, что те насылали шайки вооруженных крестьян, чтобы выгнать однодворца с его земли. Помещики обвинялись в похищении дочерей однодворцев, которых закрепощали, насильно выдавая замуж за своих крепостных. В наказах открыто упоминались имена крупных магнатов наряду с мелкими помещиками, которые делили между собой отнятые у однодворцев земли, вынуждая тех арендовать собственные наделы. Однодворцы жаловались на то, что, несмотря на существование законов, запрещающих отчуждение их земли, добиться справедливости от местной администрации было невозможно. Они также указывали, что помещики использовали генеральное межевание, чтобы еще урезать их владения[71].

В ходе дебатов на общих заседаниях комиссии некоторые однодворцы проявили немалую гражданскую зрелость. Они были почти единодушны в требованиях самоуправления на правах самостоятельного социального «сословия» силами выборных сотских и де-

---

[68] СбРИО. Т. VIII. С. 89 и далее.

[69] Депутаты от однодворцев выступали на общих заседаниях Уложенной комиссии 84 раза.

[70] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 101.

[71] О Генеральном межевании см. в гл. 6.

сятников, а также учреждения выборных судов с гласной процедурой для решения некоторых гражданских дел. Они смело заявляли, что мелкие землевладельцы, как и они сами, страдают от грабительских набегов более крупных и влиятельных помещиков. Например, А. Маслов, депутат от однодворцев Белгородской провинции, высказал мысль об учреждении особой коллегии с местными отделениями для управления всеми крестьянами, включая крепостных. На такую коллегию можно было бы возложить организацию рекрутских наборов, сбор подушной подати и крестьянских недоимок помещикам. Подушную подать отсылали бы туда, «куда указом требоваться будет», налоги же, собранные коллегией с крестьян, передавали бы помещикам. Все споры между крепостными или между крепостными и свободными крестьянами рассматривались бы в судах, подчиненных этой коллегии, наряду с делами о принуждении крепостных хозяевами к незаконным действиям. Сейчас, как сказал Маслов, если крепостной отказывается нарушить закон по приказу хозяина, тот его сечет, а если подчиняется хозяину, его секут в суде. Если этот проект будет принят, продолжал Маслов, крестьянин будет подлежать действию закона согласно статье 244 екатерининского «Наказа», и «сделайте, чтоб люди боялись законов, и никого б кроме их не боялись»[72].

Работа Уложенной комиссии была приостановлена раньше, чем «частные» комиссии по разным сословиям представили законопроекты о правах всех социальных групп, за исключением дворянства. Но подготовленные позднее проекты, переданные на рассмотрение в различные правительственные учреждения, имеют существенный интерес, так как они не только показывают направление мысли в высших правительственных сферах и обществе того времени, но и служат в известной степени источником позднейшего общего и частного законодательства. Для составления законов о третьем сословии и о казачестве при комиссии по сословиям была образована специальная подкомиссия. Ее члены руководствовались в своей работе специальным планом («Начертанием»), составленным Екатериной 8 апреля 1768 г., который проливает свет на ее понимание взаимосвязи крепостного права с национальной экономикой. Императрица считала необходимым «произвести нечувствительно некоторое полезное в состоянии нижнего рода поправление и пресечь всякие злоупотребления, удручающие сих полезных членов обще-

[72] СбРИО. Т. XXXII. С. 513 и далее.

ства». Она предложила подкомиссии изучить условия жизни крестьян, помня, что

> в рассуждении разности состояний в обширных Российских областях сего нижнего рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяет сделать везде земледельцев свободными, или несвободными в том опасении, чтоб земли не остались неоранными чрез их побег, то не можно ли сыскать средства, чтоб, так говоря, привязать к земле и утвердить на ней сих самых земледельцев. К сему разные есть средства, особливо такие средства избрать надлежит, в коих и хозяину, и земледельцу равная прибыль окажется.

Так, давая открытые указания группе, занятой составлением законов, Екатерина II признала необходимость приписывать крестьян к земле даже тогда, когда отношения между крестьянином и помещиком будут лучше налажены[73].

Императрица никогда не планировала, что Уложенная комиссия займется, так сказать, конституционными вопросами, т.е. формой правления в России. И действительно, комиссия не проявляла к тому никакого интереса. Власть монарха не подлежала обсуждению. Но если основы центральной власти никогда не затрагивались в работе комиссии, то недостатки местных органов управления обсуждались и в наказах с мест, и во время дебатов, что дало Екатерине II много необходимых сведений и материалов, когда она по окончании войны с Османской империей смогла вернуться к внутренним преобразованиям.

---

[73] Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения: ПСЗ. Т. XVIII № 13095, 8 апреля 1768 г. Ср.: *Флоровский А. В.* Указ. соч. С. 156.

Часть IV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ПОЛЬША И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Глава 12

Внешняя политика. От мира к войне

Как и многие современные ей правители, Екатерина II считала, что внешняя политика есть истинное ремесло королей. С первых дней ее царствования у советников императрицы не осталось ни малейших сомнений в том, что все решения она будет принимать самостоятельно. Одной из неотложных задач сразу по вступлении на престол оказалась для нее необходимость вывести страну из гибельных внешнеполитических затей Петра III. Еще не зная наверное, с кем теперь следует иметь дело, 2/23 июля 1762 г. за разрешением ряда неотложных вопросов Иностранная коллегия обратилась прямо к императрице. Ответы Екатерины показали, что она прекрасно уловила суть проблем и твердо намерена получать полную информацию и лично просматривать все донесения[1].

Всякие иллюзии относительно повторного вступления России в войну на стороне Австрии после свержения Петра III сразу же рассеялись. Чтобы утвердиться на престоле, Екатерине нужен был мир, да и российская казна совсем опустела[2]. Русские войска, воевавшие на стороне Пруссии, немедленно были отозваны, и 29 июня / 10 июля 1762 г. Екатерина II известила европейские дворы о своем намерении поддерживать мир со всеми державами. Фридриха II она 1/12 июля заверила в том, что условия мирного договора, подписанного им с Петром III, будут выполнены, но отказалась ратифицировать союзный договор с Пруссией[3]. Однако в результате выхода России из войны она не попала в число участников мирных переговоров между Австрией и Пруссией.

---

[1] СбРИО. Т. XLVIII. С. 9 и далее. Вопросы были составлены М. И. Воронцовым.

[2] Там же. Т. XXVII. С. 170. Записка императрицы Екатерины II об учреждениях, введенных в России в ее управление после 21 мая 1779 г.

[3] Там же. Т. XLVIII. С. 9 и далее.

На примере решения, принятого Екатериной по одному частному вопросу, доставшемуся ей в наследство от Петра III, можно было судить о будущем направлении внешней политики России и о жесткости ее проведения. Курляндский герцог Эрнст Иоганн (тот самый Бирон, фаворит императрицы Анны) в 1741 г. был свергнут с поста регента при младенце-императоре Иване VI и сослан в Сибирь. В 1758 г. его сюзерен, польский король Август III Саксонский, при полном согласии императрицы Елизаветы попытался передать герцогство своему сыну, принцу Карлу. Но Петр III поспешил лишить всяческой поддержки этого саксонского, а значит — антипрусского, претендента на курляндскую герцогскую корону. Он вызвал Бирона-старшего из ссылки и заставил его отречься от своих прав в пользу Георга Людвига Гольштейн-Готторпского. Но едва на троне оказалась Екатерина II, как русская политика опять переменилась. Еще в бытность свою великой княгиней Екатерина высказала мнение о том, что Курляндию нужно или возвратить ее законному правителю, или включить в состав России[4]. Поэтому теперь она велела русскому послу в Митаве помочь реставрации Бирона на курляндском престоле. Бирон, целиком и полностью зависимый от России, 4 августа 1762 г. подписал соглашение, обязавшее его защищать православную веру в Курляндии, благоприятствовать русской торговле, не иметь сношений с врагами России, разрешить свободный проход по своей территории русским войскам, позволить русским кораблям свободно пользоваться его портами, идти навстречу просьбам русских помещиков об аренде курляндских «маетностей»[5]. К апрелю 1763 г. Россия изгнала принца Карла прочь из Курляндии, и, продолжая официально оставаться польским вассалом, герцогство превратилось в самый настоящий русский протекторат.

После этого первого успешного решения, которое, похоже, единодушно одобряли все советники императрицы (А. П. Бестужев-Рюмин с Бироном были старыми коллегами), контроль за направлением внешней политики России сделался предметом ожесточенной придворной борьбы. Двумя главными советниками Екатерины выступали бывший канцлер Бестужев и Никита Панин, причем

---

[4] СбРИО. Т. VII. С. 91; ср.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II Берлин, 1900. Т. II. С. 298.

[5] Там же. С. 305--306. См. также: *Он же.* Исторические монографии. СПб., 1901. С. 205—266.

ни один из них тогда не входил в Коллегию иностранных дел. Бестужев к этому времени состарился, отстал от дел из-за четырехлетнего пребывания в ссылке, слишком много пил. По возвращении в столицу он обнаружил, что канцлер М. И. Воронцов, виновник его опалы, по-прежнему в должности, хотя и не является доверенным лицом императрицы. И Бестужев и Воронцов были сторонниками союза с Австрией (причем первый хотел бы присоединить к этому союзу Британию, а второй — Францию). Панин, проведя восемь лет в борьбе против французского влияния в Швеции, считал династию Бурбонов, в сущности, врагом России и надеялся создать противовес франко-австрийской гегемонии на суше. Сама Екатерина, судя по многим ее письмам, предпочитала не связывать себя никаким определенным союзом и проводить политику, наиболее удобную и благоприятную для собственных интересов[6].

Вопросом, из-за которого соперничество между придворными фракциями дошло до открытого столкновения, оказалось будущее Польши. Здоровье Августа III все ухудшалось, и в случае его смерти предстояло выбрать одного из двух претендентов — саксонца, на чьей кандидатуре, вероятно, настаивали бы Австрия и Франция, или природного поляка из рода Пястов. Последний вариант в свое время предпочел еще Петр III[7], а затем и сама Екатерина II, в августе 1762 г. остановившая выбор на своем прежнем возлюбленном, Станиславе Понятовском: «Я немедленно посылаю графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать Вас королем...» — писала она Понятовскому 2/13 августа 1762 г.[8] Так Понятовский, напрасно мечтавший стать принцем-супругом в России, получил в утешение перспективу стать польским королем.

Впрочем, Екатерина не рассчитывала, что сможет совершить такой внешнеполитический акт, как возведение на польский престол короля по своему выбору, без поддержки со стороны другой державы. Она понимала, что Австрия и Франция выступят в пользу

[6] См., например, письмо Екатерины к графу Кейзерлингу, русскому послу в Варшаве: «Скажу вам совершенно прямо, что моя цель — быть связанной дружбой со всеми державами, вплоть до оборонительного союза, дабы всегда иметь возможность принять сторону самого угнетенного и тем самым сделаться арбитром Европы» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 291—292).

[7] Этот пункт был включен в союзный договор Петра III с Пруссией в марте 1762 г.

[8] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 547.

Саксонской династии и что Франция вполне способна подтолкнуть Османскую империю на объявление войны России, если та слишком глубоко ввяжется в польские дела. Единственными державами, к которым Россия могла обратиться за помощью в той опасной изоляции, в которую ввергла ее бездумная политика Петра III, были Англия и Пруссия. Во время Семилетней войны Англия и Россия друг с другом не воевали, и когда в августе 1762 г. в Россию был назначен новый британский посол, граф Бэкингемшир, он получил инструкцию готовить почву для возобновления англо-русского союза 1742 г., который уже давно успел потерять силу, как и торговый договор 1734 г. Уже осенью 1762 г. Россия начала прощупывать, склонна ли Англия поддержать ее шаги в Польше, но ни одна из сторон не спешила приступить к официальным переговорам до восстановления мира в Европе[9].

Альтернативой Британии была Пруссия. Фридрих II в своем союзном договоре с Петром III уже выразил согласие на возведение на польский трон польского же кандидата, а теперь ему страшно не терпелось закрепить союз с Россией. В начале января 1763 г., раньше, чем Австрия и Пруссия наконец заключили мир, польский король Август III опасно заболел. На специально созванной «конференции» советников Екатерины 4/15 февраля Бестужев снова настаивал на решении в пользу кандидата-саксонца и союза с Австрией. Но все же возобладало мнение о поддержке Станислава Понятовского[10].

Мир между Пруссией и Австрией был подписан в Губертсбурге в тот же день, 4/15 февраля 1763 г., и Фридрих II немедленно начал переговоры о союзе с Россией. Однако Август III оправился от своей болезни, что несколько отсрочило кризис, а тем временем борьба при русском дворе между Бестужевым и Паниным достигла нового накала. Трудно разобраться, из-за чего на самом деле шла эта битва — из-за чинов или из-за политических пристрастий. Но тучи отчасти рассеялись, когда удалось замять вопрос о свадьбе императрицы с Григорием Орловым. В середине августа 1763 г. М. И. Воронцов наконец-то удалился за границу, сохранив, впрочем, звание канцлера. 24 сентября / 5 октября внезапно умер Август III. На осо-

---

[9] Исследование англо-русских переговоров см. в работе: *Scott H.M.* Britain, Poland and the Russian Alliance // The Historical Journal. 1976. Vol. XIX. № 1. P. 53—76.

[10] Протоколы конференции 4/15 февраля 1763 г. // СбРИО. Т. XLVIII. С. 298 и далее.

бой конференции 6/17 октября Бестужев сделал последнюю (и тщетную) попытку склонить Екатерину на свою сторону. Его неудача означала одновременно выбор нового общего направления внешней политики России: было решено поддержать польского кандидата на престол; поставить вдоль границ Польши войска, готовые, если потребуется, к действию; князя Н. В. Репнина, племянника Панина по линии жены, направили специальным посланником в помощь усердному, но престарелому и хворому графу Кейзерлингу, русскому послу в Варшаве. На этом же заседании граф Захар Чернышев, ставший вице-президентом Военной коллегии, выдвинул план изменения русско-польской границы в стратегических интересах России и указал, какие территории, по его мнению, следовало бы аннексировать, — это были почти те же самые земли, которые Россия приобрела потом в результате первого раздела Польши[11].

В последнюю неделю октября Н. И. Панин был официально назначен старшим членом Коллегии иностранных дел и принял на себя руководство внешней политикой России. Однако ни тогда, ни позднее он так и не получил вожделенного звания и ранга канцлера[12]. Екатерина чрезвычайно ловко сумела уклониться от назойливых притязаний Бестужева и устранить Воронцова, не дав при этом Панину власти того же уровня.

---

[11] СбРИО. Т. LI. С. 6 и далее. На этом заседании присутствовали А. П. Бестужев-Рюмин, вице-канцлер А. М. Голицын, Н. И. Панин, Я. П. Шаховской, И. И. Неплюев, Г. Г. Орлов и А. В. Олсуфьев. З. Г. Чернышева пригласили на заседание для обсуждения военных вопросов. Д. Рэнсел был введен в заблуждение донесениями иностранных послов, которые и сами оказались в заблуждении, подумав, что Екатерина учредила новый орган — «Конференцию» наподобие елизаветинской. Но при Екатерине II была обычной практика созыва в произвольном составе той или иной группы ее советников для обсуждения различных вопросов. Слово «конференция» в данном случае относится именно к такому собранию, а вовсе не к специально учрежденному органу. Поэтому нет причин утверждать, что «Екатерина в конце концов решила распустить Конференцию» и продолжала работу при помощи одного лишь Панина (см.: *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975. P. 131).

[12] Звание (потому что это была не должность) канцлера было в 1709 г. присвоено первому министру и главе Посольского приказа. Когда Петр I учредил Коллегию иностранных дел, канцлер стал ее президентом, а вице-канцлер — вице-президентом. Екатерина II никогда не назначала канцлера, хотя Н. И. Панин со временем достиг первой ступени Табели о рангах, т. е. чина, равного фельдмаршальскому.

Распорядок выборов в Польше был выработан в ноябре 1763 г.: участники сейма должны были собраться в январе 1764 г., чтобы избрать делегатов предвыборного сейма, назначенного на 26 мая. В Польше Понятовский мог рассчитывать на поддержку партии сторонников России во главе с семейством его матери — Чарторыйскими, которые надеялись с согласия России добиться проведения реформы анархической польской конституции. (При этом они иногда подумывали, не выставить ли кандидатом на престол молодого князя Адама Чарторыйского.) За время, оставшееся до выборов, Панин постарался заручиться поддержкой русской политики в Польше со стороны других европейских дворов или хотя бы нейтрализовать их враждебное отношение.

Тем временем новый саксонский курфюрст не оставлял притязаний на польский трон и старался добиться помощи Австрии, Пруссии и Франции. Но надеждам Саксонского дома был нанесен тяжелый удар, когда 17 декабря 1763 г. курфюрст внезапно умер от оспы, оставив тринадцатилетнего наследника. Кандидатом на польский престол стал теперь младший сын Августа III, принц Ксаверий, и саксонский двор не сумел найти для него никаких влиятельных сторонников. Даже Австрия не подавала никаких признаков готовности выйти за рамки чисто дипломатической поддержки[13], в то время как французская внешняя политика еще не оправилась от двойного потрясения после краха тайной дипломатии Людовика XV и поражения в Семилетней войне. Поэтому официально Франция взялась лишь выступать за совершенно свободные выборы (т.е. такие, в которых могли бы участвовать и кандидаты непольского происхождения) и за территориальную целостность Польши. За кулисами же герцог Шуазель пытался натравить Османскую империю на Россию. В таких обстоятельствах возобновились англо-русские переговоры о заключении союза. Еще до того, как умер курфюрст Август III, русской стороной был составлен проект документа с некоторыми серьезными отступлениями от договора 1742 г. В нем Россия требовала британских субсидий на проведение своей политики в Польше, а также сотрудничества в вопросе о Швеции. Но, учитывая, что Турция была способна с оружием в руках воспротивиться екатерининской политике в Польше, из договора не исключили британскую помощь России на случай русско-турец-

[13] О политике Австрии см. работу: *Beer A.* Die erste Theilung Polens. Wien, 1873. Bd. I—III.

кой войны. В сентябре 1763 г. русский проект договора был полностью отвергнут в Лондоне, но после смерти Августа III Панин умерил свои требования. Он отказался от статьи по поводу Турции в обмен на субсидию в 500 тыс. руб. на польские дела. Однако эти условия в Англии снова отвергли, использовав теперь обычную официальную отговорку: в мирное время парламент не согласен платить никакие субсидии[14]. Тогда Панин опять обратился к Пруссии, с которой Россия, не прекращая, вела неторопливые переговоры.

Вероятность того, что Екатерина II сможет добиться своих целей в Польше и без всякого договора с Пруссией, побудила Фридриха II еще настойчивее требовать заключения союза с Россией. Одновременно он пошел навстречу требованиям императрицы о совместных действиях в Польше[15]. Визит посла Османской империи, прибывшего в Берлин в ноябре 1763 г., позволил Фридриху II усилить давление на Россию. Обыкновенно скупой, на этот раз прусский король оказывал турецкому послу со свитой в семьдесят человек пышный прием в то самое время, пока шли переговоры о российско-прусском союзе. Призрак сближения Пруссии с Османской Турцией убедил Екатерину в необходимости союза с Фридрихом. В январе 1764 г. переговоры возобновились, теперь уже всерьез, и 31 марта / 11 апреля того же года наконец был подписан русско-прусский договор. Он имел видимость оборонительного соглашения, которым две державы гарантировали неприкосновенность европейских владений друг друга (в частности, герцогства Голштинского, интересовавшего Россию). При нападении третьей стороны они брались выставить по 10 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалерии. В договоре были четыре секретные статьи. Согласно первой, в случае нападения Турции на Россию или какой-либо силы из-за Везера на прусские владения военная помощь могла замещаться субсидией в размере 400 тыс. руб. Во второй статье договаривающиеся стороны обязывались соблюдать баланс политических партий в Швеции, а при угрозе шведской форме правления согласованно выступить за ее незыблемость. Третьей статьей прусский король гарантировал

---

[14] См.: *Scott H.M.* Op. cit.; *Roberts M.* Splendid Isolation, 1763—1780. Reading, 1970.

[15] См.: Финкенштейн — Фридриху II, 14 декабря 1763 г. // PCFG. Bd. 23. S. 216.; Фридрих II — Сольмсу (в Санкт-Петербург), 17 декабря 1763 г. // Ibid. S. 218.; *Martens F. de.* Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances etrangères. SPb., 1874—1909. Vol. VI: L'Allemagne.

принадлежность герцогства Голштинского великому князю Павлу. Согласно четвертой статье, стороны условились не допускать никаких изменений в польской конституции, пресекать все подобные попытки, для чего не останавливаться даже перед вооруженным вмешательством. Срок действия договора был рассчитан на восемь лет. Отдельная конвенция обязывала Фридриха II поддержать избрание Станислава Понятовского на польский трон, а в последующей декларации от 12/23 апреля 1764 г. утверждалось намерение обоих союзников защищать «диссидентов», т.е. приверженцев православной и протестантской веры в Польше[16].

Когда стало известно о переговорах России с Пруссией, поляки поняли, что против российского ставленника Понятовского можно выставить только другого природного поляка. Такой кандидат и появился в лице престарелого коронного гетмана Яна Браницкого, командующего корпусом в 1200 солдат, какой разрешалось иметь польскому королю. Как прорусская партия Чарторыйских, так и антирусская партия Браницких прибегали к силе, чтобы повлиять на исход голосования в сеймиках. Чарторыйские обратились к России с просьбой прислать им в помощь войска. Браницкий и его сторонники, к которым принадлежали многие представители знатнейших польских фамилий, в первую очередь князь К. Радзивилл, 30 марта / 10 апреля выступили с протестом против русского вторжения на польскую территорию. Но 9/20 апреля двадцать шесть польских магнатов поставили свои имена под благодарственным письмом к императрице, пославшей войска на защиту их свобод. Среди них были два епископа, четверо Чарторыйских и, конечно, Станислав Понятовский[17].

К концу апреля депутаты начали толпами стекаться в Варшаву. Казалось, что город разделен на два вооруженных лагеря. У Радзивилла и Браницкого было свыше 3000 войска, а Чарторыйские могли в любой момент призвать на помощь стоявших поблизости русских солдат. Старания партии Браницкого опротестовать возможность проведения сейма в присутствии чужеземного войска остались тщетными. Не удалась ему и попытка добиться роспуска предвыборного сейма 26 апреля / 7 мая. После этого коронный гетман поки-

---

[16] *Martens F.* Op. cit. Vol. VI. P. 11 ff., 25 ff. См. также: *Scott H.M.* Frederick II, the Ottoman Empire and the Origins of the Russo-Prussian Alliance of April 1764 // European Studies Review. 1977. № 7. P. 153—175.

[17] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 361. См. также: *Kaplan H.* The First Partition of Poland. N.Y., 1962. P. 33.

нул Варшаву с намерением провозгласить конфедерацию. Русские войска под командованием князя Дашкова преследовали Браницкого и Радзивилла и разбили их в нескольких стычках на польской территории. Радзивилл ушел в Венгрию, где к нему позже присоединился Браницкий, лишенный поста коронного гетмана победившей партией Чарторыйских. Сейм избрания созвали на 16/27 августа, а 26 августа / 6 сентября Станислава Понятовского выбрали королем под именем Станислава Августа. Он писал, что это были самые спокойные выборы из всех, которые когда-либо знала Польша[18]. Екатерина поздравила Никиту Панина «с королем, которого мы делали», и похвалила его за безупречное руководство всей операцией. Но все же, учитывая, что никаких иностранных кандидатов на польский престол не имелось и что ни один европейский двор не вмешивался в выборы, ввод в Польшу едва ли не четырнадцатитысячной русской армии кажется почти ненужной демонстрацией силы. Поначалу Россия извлекла из происшедшего мало очевидных выгод: коронационный сейм признал русский императорский титул. Польский король получил в подарок от Екатерины 100 тыс. дукатов на обзаведение придворным хозяйством, а он послал ей ящик трюфелей[19]. Но в дальнейшей перспективе гораздо опаснее для России оказалось то, что по договору Пруссия была допущена в сферу, которую в России считали исключительно собственным заповедником, а именно — в дела внутреннего управления Польшей.

Даже ведя переговоры с Фридрихом, Екатерина и Панин все еще надеялись, что им не придется, выбирая между Австрией и Пруссией, разорвать все связи с австрийцами. Однако, подписав договор с Пруссией, Россия оказалась на стороне одной из германских держав. Ни Екатерина, ни Панин не были склонны к пассивной внешней политике, а потому с 1764 г. Панин принялся за создание так называемой Северной системы, задуманной как средство сохранения мира на Севере Европы[20]. В самом широком смысле Север-

---

[18] Correspondence inédite du Roi Stanislas Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin, 1764—1777 / Ed. par Ch. de Mouy. Paris, 1875. P. 101, 9 сентября 1764 г.

[19] См.: *Askenazy S.* Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894. S. 101—102; *Beer A.* Op. cit. Vol. I. P. 161; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 353 и далее.

[20] Классическими работами на эту тему являются: *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762—1774). СПб., 1896; *Александров П. А.* Северная система. М., 1914. Обзор более поздней литературы см.: *Griffiths D. M.* The Rise and Fall of the Northern System: Court Politics and Foreign Policy in the First Half of Catherine II's Reign // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 547—569.

ная система была задумана как противовес сложившемуся на юге Европы католическому альянсу между владениями Бурбонов и Габсбургов. Ядро новой системы должен был составить договор России с Пруссией, а дальше Панин рассчитывал расширить ее, включив Данию и Британию как активных союзников, а Швецию, Польшу и Саксонию привлечь в качестве пассивных членов. Он планировал с помощью Пруссии, Британии и Дании держать у власти в Швеции и Польше группировки, выгодные России. В этой ситуации, когда Россия фактически получила бы гегемонию на Балтике, мир на севере можно было считать гарантированным. Правда, подобная система, как не преминули заметить ее многочисленные противники в России, была бесполезна для государства с точки зрения борьбы с главным врагом, Османской империей. Зато ни о каком альянсе с Австрией не могло быть и речи, так как союзница последней, Франция, противодействовала политике России именно в регионах, важнейших для ее безопасности, т.е. в Швеции, Польше и Турции.

По мнению Панина, настоящее сотрудничество России с Данией было недостижимым до тех пор, пока герцогство Голштинское оставалось предметом разногласий между двумя странами. После смерти Петра III Екатерина отклонила поползновения датского короля стать регентом в герцогстве от имени ее сына и направила Георга Людвига Гольштейн-Готторпского в Киль взять дело в свои руки. Теперь в записке к Екатерине Панин подчеркивал, что, хотя в прошлом Петр Великий не пожалел усилий, чтобы закрепить за своим домом право голоса в делах Священной Римской империи, теперь Россия стала великой державой и больше не нуждалась в приобретении веса такими способами. Поэтому он советовал пойти на предложения Дании и обменять герцогство Голштинское на области Ольденбург и Дельменхорст, которые предлагал передать в руки младшей ветви Гольштейн-Готторпского дома. Екатерина согласилась с его точкой зрения. Возможно также, что ею руководила та мысль, что ее собственное положение станет надежнее, если ее сын Павел лишится Голштинии как независимого владения, опорного пункта, над которым она потеряла бы всякий контроль с достижением им совершеннолетия[21].

В качестве первого шага 28 февраля / 11 марта 1765 г. был заключен оборонительный союз между Россией и Данией. Стороны

[21] *Соловьев С. М.* Указ соч. Кн. XIV. С. 176—178.

гарантировали взаимную неприкосновенность территорий и обязывались помогать друг другу в случае нападения третьей стороны, хотя при нападении Турции на Россию эта помощь могла иметь лишь форму субсидии. Договор о размене владений был подписан 11/22 апреля 1767 г. с условием, что он состоится не раньше, чем великий князь достигнет совершеннолетия. До тех пор Дания оказалась обречена проводить прорусскую политику[22]. Но в переговорах с Англией Панин подобного успеха не добился. Во-первых, он не получил ни малейшего поощрения со стороны Фридриха II, не желавшего ни с кем делить своего союзника — Россию. Во-вторых, внешняя политика Британии переживала фазу блистательной изоляции, что заставило ее отказаться от каких-либо уступок ради интересов России, когда ее собственные интересы не были непосредственно затронуты. В то же время Панин твердо решил заключить союзный договор с Англией только на условиях России, а торговый договор — на более равноправных основаниях, чем в 1734 г. Весной 1764 г. посланник в России граф Бэкингемшир был отозван. Его сменил Дж. Макартни, прибывший в Петербург в декабре 1764 г.

Как и в ситуации с союзным договором, Британия рассчитывала возобновить торговый договор без всяких изменений, если уж нельзя было добиться его усовершенствования. Но то, что обещала Россия в 1734 г., уже не устраивало уверенную в себе, даже дерзкую Россию 1765 г. «Теперь, когда они усилились благодаря союзу с Данией и Пруссией, гордые тем, что сумели навязать государя Польше... я уверен, что день ото дня мы будем находить их все менее умеренными в притязаниях», — писал Макартни 5/16 ноября 1765 г.[23]. Главные изменения, которые Россия предлагала теперь внести в договор 1734 г., касались статьи 4, согласно которой английским купцам разрешалось платить экспортные пошлины в том же размере, что и русским купцам. Этот равноправный подход исчез из русского проекта нового договора. Сверх того, в новом варианте статьи 4 Россия оставляла за собой право вводить такие внут-

---

[22] О переговорах с Данией см.: *Brandt O.* Caspar von Saldern und die Nordeuropäische Politik im Zeitalter Katharinas II. Erlangen; Kiel, 1932. Предполагалось, что Сальдерн, сам родом голштинец, представлял на переговорах интересы России, но, будучи сторонником передачи Голштинии под власть Дании, он тесно сотрудничал с датским министром графом Бернсторфом, за что был щедро вознагражден. См.: Danske Tractater. 1751—1800. Copenhagen, 1874—1882. Bd. II. S. 183—201, 229—262.

[23] Макартни — Грэфтону // СбРИО. Т. XII. С. 232.

ренние правила, какие сочтет нужными ради поощрения российского мореплавания. В проекте даже появились слова: «сообразно британскому Акту о навигации»[24]. Вероятно, почувствовав, что послом Макартни можно управлять (ему было всего двадцать семь лет), Панин принялся изо всех сил давить на него, торопить с заключением договора и грозить, что, если тот откажется, переговоры будут полностью прерваны и британская торговля останется беззащитной. 4/15 августа Макартни подписал договор, не сообщив в Лондон окончательный вариант его текста. Возможно, на этом настаивали британские купцы в Петербурге, которые считали, что лучше иметь хоть какие-то привилегии, чем совсем никаких. Но хотя посланник сумел включить в договор большинство британских требований, в том числе и уплату пошлин русскими деньгами, он немедленно получил суровый нагоняй от лондонского начальства и приказ информировать Панина, что Англия не может ратифицировать этот договор в существующем виде, позволив России в одностороннем порядке менять торговые правила. Еще хуже было воспринято открытое упоминание Навигационного акта. Британский государственный секретарь писал, что, если такая статья и принесла бы выгоду российскому мореплаванию, Макартни «установил прецедент, назвав этот акт по имени (что до сих пор всегда избегалось), так что в будущих договорах того же могут потребовать другие страны, которые сумеют им воспользоваться к большому ущербу для нашей страны»[25].

После длительного и довольно резкого спора с Паниным Макартни сумел наконец добиться исключения из договора неприятного упоминания Навигационного акта и внести одну мелкую поправку в новый вариант статьи 4. Еще раз, под угрозой отмены существующих привилегий для британской торговли, Макартни рискнул подписать договор 20 июня / 1 июля 1765 г., и на этот раз руководство не стало от него отрекаться[26]. Однако никакого прогресса в заключении союзного договора так и не достигли. Теперь

---

[24] Новейшее исследование миссии Макартни в России см.: *Roberts M.* Macartney in Russia // EHR. Supplement 7. London, 1974. См. также: *Martens F.* Op. cit. Vol. IX: L'Angleterre. P. 228 ff.

[25] Грэфтон — Макартни, 29 сентября 1765 г. // СбРИО. Т. XII. С. 221.

[26] Там же. С. 264 и далее. См. также: *Rahbek-Schmidt K.* The Treaty of Commerce between Great Britain and Russia 1766: A Study in the Development of Count Panin's Northern System // Scandoslavica. 1954. Vol. I. P. 115 ff; *Roberts M.* Op. cit. Примеч. 24.

главным препятствием был пункт по поводу Турции (casus foederis [случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору. — *лат.*]), на который Британия ни за что не соглашалась. Россия же, добившись его включения в договоры с Пруссией и Данией, хотела непременно ввести его и в договор с Англией[27].

Во внешней политике Петербурга появилась новая черта, которую иностранные дворы осознали не сразу: подкуп больше не оказывал на нее влияния. В прошлом канцлер А. П. Бестужев состоял на жалованье у Англии. Канцлер М. И. Воронцов, кажется, в свое время брал деньги от Франции, но попытки Бэкингемшира подкупить его были так неуклюжи, что британскому правительству пришлось извиняться перед канцлером. Говорили, что Макартни якобы потратил 150 тыс. руб. из секретных фондов, хотя на самом деле сумма была ближе к 10 тыс. руб. Он обеспечивал информацию, но ни малейшего влияния на политику России не имел. Даже Фридрих II как-то раз попробовал подкупить Никиту Панина при помощи поистине царского куша — 200 тыс. талеров. Но Панин оказался неподкупен, как и сама Екатерина. При русском дворе все еще можно было купить за деньги информацию; можно было даже ускорить ход тех или иных дел, если получатель взятки был достаточно высокопоставленным, но не более того[28].

Хотя никакого англо-русского договора так и не заключили, сотрудничество с Англией являлось частью Северной системы Панина, и нигде это не проявлялось так очевидно, как в Швеции. Профранцузская партия Шляп была ответственна за участие Швеции в Семилетней войне, но когда при Петре III Россия переменила фронт, Швеция оказалась открытой для нападения Пруссии. Тогда посредническими усилиями шведской королевы Луизы Ульрики, сестры Фридриха II, был кое-как налажен поспешный сепаратный мир, восстановивший прежний статус. За свое кратковременное правление Петр III успел также перевернуть с ног на голову традиционную российскую политику ограничения королевской

---

[27] Н. И. Панин — Макартни, 30 апреля 1767 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 373.

[28] Макартни подкупил Сальдерна (уже получавшего деньги от датчан), который имел доступ к Панину, но это никак не отразилось на переговорах, которые вел британский посланник. См.: *Reddaway W.* Mackartney in Russia, 1765—1767 // Cambridge Historical Journal. 1931. Vol. III. № 3. P. 281 и примеч.; The Dispatches of John, Second Earl of Buckinghamshire, 1762—1765. London, 1900. Vol. II. P. 106, 228—229; Фридрих II — Гольцу, 7 декабря 1762 г. // PCFG. Bd. 22. S. 373; Фридрих II — Гольцу, июнь 1763 г. // Ibid. Bd. 23. S. 42.

власти в Швеции. Когда же Коллегия иностранных дел обратилась 2/13 июля 1762 г. к Екатерине за указаниями, она тут же отказалась от его линии и кратко написала: «Ограничивая форму правления, подкрепляйте партию, противную господствующей»[29].

Эта инструкция подразумевала более основательную перемену курса. Несомненно, Екатерина II, опираясь на мнение такого знатока Швеции, как Н. И. Панин, полагала, что изменения, внесенные в шведскую конституцию 1720 г., в частности во время кризиса 1756 г., слишком ослабили корону и позволили одной из партий, в данном случае антирусски настроенной партии Шляп, приобрести такой вес в Совете, который позволил ей влиять на политику в своих интересах. Теперь в России было выгодно поддерживать равновесие между короной, Советом и сословиями, тем самым обеспечивая пассивность Швеции. Русский посол И. А. Остерман получил инструкцию добиваться сохранения этого равновесия в том виде, как оно было сформулировано в конституции 1720 г., одновременно укрепляя влияние России на противоположную Шляпам партию Колпаков[30].

Тем временем Франция старалась закрепить свое влияние на партию Шляп, пообещав летом 1764 г. платить ей ежегодную субсидию в 1,5 млн ливров до 1768-го, а то и до 1772 г. Непосредственные отношения между Англией и Швецией были прерваны в 1757 г., но весной 1764 г. в Швеции был вновь принят британский посланник, сэр Джон Гудрик. Они тесно сотрудничали с Остерманом, проводя каждый свою линию: британский дипломат стремился разорвать союз Швеции с Францией, а российский старался добиться победы партии Колпаков и пересмотра шведской конституции. Оба были щедро снабжены средствами, чтобы платить «пенсии» шведам, готовым идти на сотрудничество, и держать открытый стол в дни парламентских сессий[31]. Гудрик, кроме того, любезно передавал Остер-

---

[29] *Amburger E.* Russland und Schweden. 1762—1772. Die Schwedische Verfassung und die Ruhe des Nordens. Berlin, 1934. S. 51—52; СбРИО. Т. XLVIII. С. 9 и далее.

[30] *Amburger E.* Op. cit. S. 69—70; рескрипт Остерману в Стокгольм, 13/24 августа 1762 г. // СбРИО. Т. XLVIII. С. 70.

[31] Исследование этой темы см.: *Metcalf M.F.* Russia, England and Swedish Party Politics, 1762—1766. Stockholm; Totowa, New Jersey, 1977. По оценке М. Меткафа, Остерман получил на эти цели 350 тыс. руб., а Гудрик — 17,3 тыс. фунтов стерлингов, которые большей частью пошли на угощение и дорожные расходы шведских дворян (*Metcalf M.F.* Op. cit. P. 253ff).

ману перехваченную переписку Стокгольма с Парижем и Петербургом, снабжая Россию ценной информацией о тайных контактах Франции с придворной партией королевы Луизы Ульрики[32].

Все шведские партии изо всех сил стремились избежать созыва парламента, но острый финансовый кризис в Швеции сделал это необходимым, и в январе 1765 г. риксдаг наконец-то был созван. Подкуп со стороны иностранных послов, субсидии, на которые существовали партии, а также подлинная жажда перемен привели к решительной победе партии Колпаков. Теперь Екатерина могла рассчитывать навязать Швеции ту политику, которая прежде всего интересовала Россию, а Панин — рассматривать Швецию как часть Северной системы. В апреле 1765 г., вскоре после заключения русско-датского договора в марте того же года, было объявлено об обручении шведского кронпринца Густава с датской принцессой. В области конституционных реформ к лету 1766 г. под совместным давлением России, Англии и партии Колпаков было принято положение, согласно которому любая будущая поправка в конституции Швеции требовала согласия всех четырех сословий, выраженного на двух заседаниях риксдага подряд. Панин лелеял надежду, что таким образом он отвратил возможность реставрации в Швеции абсолютизма. Наконец, заключение договора о дружбе между Англией и Швецией 25 января / 5 февраля 1766 г. разрушило франко-шведский альянс[33].

Линия русской дипломатии в Стокгольме в эти годы тесно согласовывалась как с Данией, так и с Англией, хотя три державы имели несколько различные цели. В этом смысле их деятельность иллюстрирует Северную систему на практике. Но Фридрих II отмел все попытки включить Пруссию в широкую систему межгосударственных союзов и строго ограничил свое вмешательство во внутренние дела Швеции на стороне России. Он не хотел, чтобы его втягивали в какие-то авантюры, и не желал союза с Англией. Одновременно отношения России с Францией становились заметно холоднее. В 1764 г. велись бессистемные переговоры о торговом соглашении, но Франция была не готова расширять свою зачаточную коммерцию в России и видела в этих переговорах всего лишь диверсию, призванную помешать англо-русскому сближению[34]. Более того,

---

[32] *Jacobsohn L.* Russland und Frankreich in den ersten Regierungsjahren der Kaiserin Katharina II, 1762—1766. Berlin; Koenigsberg, 1929. S. 24ff.

[33] *Metcalf M.F.* Op. cit. Passim; *Amburger E.* Op. cit. S. 157—158ff.

[34] *Jacobsohn L.* Op. cit. S. 24ff.

всякая надежда на заключение договора была подорвана отказом Франции признать российский императорский титул. Она требовала официального заявления со стороны России о том, что признание Францией этого титула не создаст прецедента и не повлечет за собой изменений этикета в сношениях между дворами. Екатерина еще не так прочно держалась на троне, чтобы стерпеть малейшее унижение, и когда весной 1764 г. прибыл новый французский посол де Боссэ, она отказалась принять его, так как в его верительных грамотах при слове «величество» не значилось: «императорское». Французы утверждали, что существительное «величество» во французском языке нельзя сопровождать совершенно никакими прилагательными, но это не смягчило позицию Коллегии иностранных дел, и в конце концов место послов в обеих странах заняли поверенные в делах[35].

Учитывая, какое положение дел досталось Екатерине в наследство, можно сказать, что к 1766 г. она сумела поднять престиж России в Европе до беспрецедентно высокого уровня. Императрица преодолела изоляцию, к которой привел страну Петр III; союзные договоры связали Россию с мощной сухопутной державой — Пруссией и с морской державой — Данией. Екатерина достигла своих целей в Швеции и сохранила торговые связи с Британией, не налагавшие на Россию никаких обязательств. В Польше она возвела на трон того короля, которого ей хотелось. И вот теперь она до того уверовала в собственные силы, что сама себя перехитрила.

Навязав Польше короля по своему выбору, Россия использовала еще не все каналы для распространения контроля над политической жизнью своей соседки. В пределах польско-литовского государства — Речи Посполитой — жило многочисленное православное население, составлявшее отличную базу для создания пророссийской партии, хотя лишь немногие из этих людей занимали сколько-нибудь заметное положение в обществе. Главным выразителем их интересов при российском дворе являлся епископ Конисский из польской части Белоруссии. Он был единственным зарубежным православным епископом, присутствовавшим на коронации Екатерины II, и, выступая по этому случаю с речью «от имени поддан-

---

[35] Когда в 1772 г. французским поверенным в делах в России был назначен Дюран, его верительные грамоты были составлены по-латыни — на языке не столь ясном, как французский, и позволявшем толковать прилагательное «imperialis» как определение к «maiestas», т.е. «величество». См.: Н. И. Панин — Д. А. Голицыну (в Париж), 12/23 апреля 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 1—5; Фридрих II — Эдельсхайму, 20 сентября 1772 г. // PCFG. Bd. 32. S. 500.

ных императрицы», восславил ее воцарение как знак возрождения истинной веры в России и весьма красноречиво, библейским языком, призвал императрицу взять под защиту православных, страждущих под польским гнетом[36]. Некатолики — как православные, так и протестанты — были в Польше лишены политических прав, а на православных к тому же оказывали постоянное давление, чтобы заставить их перейти в лоно униатской церкви (она соблюдала православный ритуал, но признавала верховный авторитет Папы Римского). Преследования православных в Польше давали Екатерине необходимый предлог, чтобы выступить защитницей веры за пределами России в то время, когда в пределах империи государство подчиняло церковь своему контролю.

Императрица подняла вопрос о правах «диссидентов», как их называли, в момент созыва предвыборного сейма в апреле 1764 г. В июле того же года Россия и Пруссия выступили с совместной декларацией, содержавшей требование вернуть диссидентам их права, вольности и привилегии (какие именно, сознательно не оговорили). Но коронационный сейм 22 ноября / 3 декабря 1764 г. не проявил большого желания хоть как-то улучшить их положение. Польская точка зрения на опасность малейшей уступки была ясно обрисована в письме, предназначенном попасть на глаза Екатерине: «Если Россия будет упорно настаивать на введении диссидентов в законодательные учреждения, то это будут (хотя бы их было не более десяти или двенадцати) законно существующие вожди партии, которая не может иначе взирать на государство и правительство польское как на противника, против которого они необходимо и постоянно должны искать поддержки вовне»[37]. Однако именно этого Екатерина и стремилась добиться.

Тем не менее осенью 1764 г. Панин, а возможно, и сама императрица были склонны подумать об умеренных реформах в Польше, способных сделать ее более «управляемой». А Станислав Август надеялся заключить род сделки: добиться мажоритарного голосования в сеймиках и отмены liberum veto[38] в обмен на известные уступки

---

[36] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 129 и далее; Кн. XIV. С. 358.

[37] Ст. Понятовский — Ржевускому, 15/26 сентября 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 138.

[38] Термин «liberum veto» означал право каждого депутата сейма наложить запрет на любое постановление или меру. Так как на обычных сеймах полагалось принимать решения единогласно, право вето подразумевало, что всякое постановление, вызывавшее разногласия, обрекалось на провал, и вообще символизировало возможность отмены всех законов и решений, принятых сеймом.

в области статуса и прав диссидентов. Панин понимал, что мажоритарное голосование в Польше не станет препятствием к вмешательству иностранных держав в ее управление, совсем как в Швеции. Но Фридрих II решительно отмел все подобные идеи, полагая, что если Станиславу Августу доверять можно, то его преемники могут преподнести неприятные сюрпризы. Таким образом, Пруссия уже ограничивала свободу действий Екатерины II в Польше.

Предвыборный сейм в апреле 1764 г. являлся, согласно польской конституции, Генеральной конфедерацией сословий, на которой решения могли приниматься большинством голосов, а не единогласно. Поэтому сейм успел во время междуцарствия (с момента смерти Августа III до избрания Станислава Понятовского) одобрить некоторые реформы, направленные на централизацию контроля над финансами и вооруженными силами. Коронационный сейм 22 ноября / 3 декабря того же года утвердил эти планы и решил оставить Генеральную конфедерацию в действии. Поэтому временно в общепольском сейме стало возможно принятие решения простым большинством голосов.

Новый сейм созвали на сентябрь—октябрь 1766 г. Русский посол князь Н. В. Репнин получил инструкции настаивать на полномасштабных уступках диссидентам и поощрять последних при необходимости к образованию конфедерации и обращению за российской помощью[39]. Кроме того, Репнин получил указания использовать имеющиеся в его распоряжении денежные средства для «воздействия» на короля и Чарторыйских, а также на подкуп депутатов сейма. Инструкции Репнину сопровождались текстом декларации о диссидентах, с которой ему следовало выступить. Екатерина рассчитывала, что к этому заявлению присоединятся протестантские государства — Пруссия, Дания и Англия[40]. В декларации перечислялись благодеяния, которые Россия уже оказала Польше, помогая свободному избранию короля польского происхождения, а дальше

---

[39] Образование конфедерации являлось в Польше конституционным способом выступления против короля или действующего правительства.

[40] Рескрипт князю Н. В. Репнину от 15/26 августа 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 76 и далее. Французский текст декларации см.: Там же. С. 84 и далее. Английский перевод: *Kaplan H.* Op. cit. P. 219 ff. Экземпляр декларации был передан русскому послу в Лондоне с просьбой добиться от английской стороны письменного выражения поддержки этого документа для предъявления в Польше. Устная поддержка была уже обещана. См.: СбРИО. Т. LXVII. С. 63 и далее; *Kaplan H.* Op. cit. P. 54.

значилось требование полной свободы вероисповедания для всех диссидентов, с которых не следует взимать налоги в пользу официальной католической церкви и которые должны перейти под исключительную юрисдикцию светских судов. Согласно декларации, следовало восстановить первоначальную конституцию Речи Посполитой, по которой все вероисповедания имели равное представительство в органах администрации. Панин вполне понимал, что провести эту русскую программу через сейм удастся только в том случае, если последний будет объединен в конфедерацию, а значит, отпадет обязательность единогласного голосования. Если же право вето будет применяться как обычно, то требования России, несомненно, будут отвергнуты. Поэтому Репнин получил указания также всячески продлевать существование Генеральной конфедерации[41].

В Польше сложились три точки зрения на эту проблему. Король и его приближенные желали конституционных изменений ради укрепления королевской власти и были готовы гарантировать политические права диссидентов, хотя и понимали, что при существующем состоянии общественного мнения такая политика покажется неприемлемой католическому большинству. Вторая группа одобряла изменения в конституции, но не принимала веротерпимости, не говоря уже о политических правах диссидентов. Наконец, самые твердолобые консерваторы выступали и против конституционных перемен, и против веротерпимости. Накануне открытия сейма, вместе с английскими, датскими и прусскими коллегами-дипломатами надавив на депутатов, Репнин сделал новую попытку добиться дарования политических прав диссидентам, но даже король отказался рассматривать возможность допуска диссидентов на законодательные или административные посты. Поняв, что цели России могут быть достигнуты только силой, Репнин послал за отрядом русских войск, переданных в его распоряжение, и приказал солдатам 24 сентября / 4 октября занять владения епископов Краковского и Виленского[42].

Когда через два дня открылся сейм, консерваторы, составлявшие самую крупную фракцию, обрели вождя — что и неудивительно — в лице краковского епископа Солтыка. Тот сразу же потребовал оставить все как было и распустить Генеральную конфедерацию.

---

[41] Н. И. Панин – Н. В. Репнину, 2/13 сентября 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 108.

[42] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 150 и далее.

Тем временем Чарторыйские сумели провести через конфедеративный сейм программу реформ, первоначально принятую на предвыборном сейме в апреле 1764 г. Екатерина разгневалась на то, что партия сторонников преобразований получила одобрение своей политики, т.е. конституционных реформ, раньше, чем обеспечила законодательное подтверждение политических прав диссидентов, которого требовала императрица. Она бранила короля и Чарторыйских, которые злоупотребили ее благосклонностью и норовили укрепить собственную власть, ничего не уступив России. Теперь Репнину велели порвать с Генеральной конфедерацией и присоединиться к врагам Чарторыйских, исходя из понимания того, что «Польша не имеет ни одного соседа, который бы не предпочел лучше видеть ее правительство, составленное из диссидентов, нежели допустить ей быть зависимой в своих податях, налогах и умножении военной силы от 40 или 50 человек креатур Чарторижских, которые по натуре настоящей ее формы правительства могут всегда составлять большинство голосов на сеймах»[43].

Эта перемена фронта в отношении Генеральной конфедерации встретила полное одобрение Фридриха II. Он неоднократно требовал, чтобы Россия не допускала мажоритарного голосования в рядовых польских сеймах, и с большим недоверием смотрел на готовность России позволить проведение в Польше хотя бы некоторых реформ[44]. Поэтому в начале ноября Россия и Пруссия обратились в сейм с требованием отмены Генеральной конфедерации, учрежденной предвыборным сеймом, и сохранения в силе права вето в отношении всех финансовых и военных вопросов, рассматривавшихся в рядовых сеймах, что означало аннулирование реформ Чарторыйских. В то же время обе державы огласили декларации в пользу диссидентов, к которым затем присоединились Дания и Англия[45].

Осознав, что обеспечить проведение политических преобразований они смогут, только поддерживая русскую политику в отношении диссидентов, Чарторыйские вообще отказались от программы реформ. 11/22 ноября 1766 г. большинством голосов было принято предложение ни в коем случае не повышать налоги и не увеличивать армию без единогласного решения всего парламента в

---

[43] Рескрипт от 6/17 октября 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 178 и далее.

[44] PCFG. Bd. 25, passim (особенно s. 281—282: Фридрих — Сольмсу, 15/26 октября 1766 г.).

[45] *Kaplan H.* Op. cit. P. 60, примеч.10; *Beer A.* Op. cit. S. 188.

полном составе и без дискуссий. Чарторыйские безмолвствовали, король был в отчаянии[46]. Но 13/24 ноября консерваторы добились полной победы в вопросе о диссидентах: единогласно был принят закон, подтвердивший все прежние установления, касавшиеся диссидентов, в котором перечислялись все их ограничения в правах. Политика России покончила с реформами в Польше, но заодно сокрушила и собственные цели.

Из всего этого Репнин извлек урок для русского двора. Из Варшавы ему было гораздо лучше, чем из Петербурга, видно, сколь сильные страсти пробудились в Польше. Он не верил в то, что король или Чарторыйские вообще в состоянии провести в жизнь план Екатерины относительно диссидентов, как бы горячо они этого ни желали. Об этом, по его мнению, свидетельствовал их отказ от требования мажоритарного голосования, как ни дорого оно было их сердцу, лишь бы не прогневить Россию. Но уступка России в вопросе о правах диссидентов означала для них политическую смерть[47]. Поистине в подходе к проблеме диссидентов Екатерина проявила глухоту и нечуткость, далеко выходящие за рамки простого высокомерия или неловкой дипломатии. Будущая императрица выросла в семье набожного лютеранина, каким был ее отец, но ее собственная вера была довольно поверхностной, и потому она с легкостью перешла в православие. По личному опыту и наблюдениям Екатерина ровно ничего не знала ни о характере католической церкви, ни о католических странах, а свои представления о католицизме почерпнула у Вольтера, Рейналя и из Энциклопедии. Она не только не представляла себе, какой глубокий отпечаток налагает католическая культура повсюду, где устанавливается ее преобладание, но и по своей натуре была неспособна понять, какой силой может обладать вера. Католический фанатизм польского шляхтича из глухого медвежьего угла был непостижим для этой дочери Просвещения, которая, кстати, своим обращением с Арсением (Мацеевичем) доказала такую же неспособность понять и фанатизм православного.

Более того, Екатерина II не имела опыта взаимодействия с политической системой, в которой церковная иерархия составляла бы часть правящей структуры. Князь Репнин изо всех сил старался убе-

---

[46] Понятовский разрыдался, когда Н. В. Репнин поздравил его с отменой мажоритарного голосования (см.: Н. В. Репнин — Н. И. Панину, 9/20 ноября 1766 г. // *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 158 и далее).

[47] Там же. См. также: *Beer A.* Op. cit. S. 201—202.

дить поляков в том, что если права диссидентов в духовной сфере вполне можно обсуждать с епископами, то их гражданские права вообще не касаются духовенства. Но поляки, как он говорил, «отказывались понимать его». Когда вопрос о статусе диссидентов сейм передал на рассмотрение совета епископов, государыня в ответ немедленно возразила, что не годится передавать вопросы, поставленные иностранными державами перед сеймом и королем, на усмотрение совета церковников. Это, по ее мнению, была «неучтивость, которой удивится вся Европа». Положение диссидентов, как считала императрица, следует урегулировать при помощи законодательного процесса, а не постановлениями каких-то епископов, не располагавших собственной законодательной властью.

Надо отметить, что Екатерина обладала весьма неглубокими познаниями в области взаимоотношений церкви и государства. Причину правовых ограничений английских католиков она видела в Пороховом заговоре, а о неправоспособности британских диссентеров (из-за которой декларация Британии в поддержку польских диссидентов выглядела несколько комично) она, похоже, ничего не знала. По поводу польских церковных иерархов она как-то заметила, что «следовало бы постараться подкупить нескольких епископов — они привыкли любить червонцы»[48]. Панин, со своей стороны, тоже никогда не служил в католических странах и в полной мере проявлял furor theologicus [воинствующее богословское невежество. — *лат.*], свойственное Просвещению. Панинское отношение к вере ярко отразилось в депеше Репнину, написанной в минуту досуга. Он объяснял, что Россия не намеревалась допустить распространения протестантизма в Польше. Протестантская религия, как выразился Панин, «обуздывая суеверия и сокращая власть духовенства, может излишним своим в Польше распространением легко вывесть поляков из невежества, в котором они теперь по большей части погружены, а освобождением от оного довести их еще по ступеням и до учреждения новых порядков...», т.е. принести такие реформы, которые могли бы способствовать интересам России. Он добавил, что России не нужно в этом смысле бояться за православных единоверцев, однако, если их численность возрастет, а положение укрепится, им уже не понадобится русская защита. Поэтому не сле-

[48] Екатерина II — Понятовскому, 6/17 октября 1766 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 149; замечание к депеше кн. Репнина к Панину от 9/20 ноября 1766 г. // Там же. С. 204.

дует поощрять население к переходу из католичества в православие. Мало того, если в Польше православные будут жить вольно и в безопасности, то русские побегут туда через границу. Что же до униатов, то даже имени их не следует упоминать. Эти отступники от истинной православной веры не заслуживают никакого уважения, так как даже не стали настоящими католиками, и именно они виноваты в том, что православных преследуют[49].

До сих пор Россия была готова вести переговоры о польской конституции при условии, что она получит уступки в статусе диссидентов. Известие об отказе сейма во всяких послаблениях в Санкт-Петербурге встретили скептически; Россия решила прибегнуть к силе. Репнин получил указание настаивать на внеочередном созыве сейма и тайно организовывать конфедерации диссидентов, открытое выступление которых нужно было приурочить к тому моменту, когда русские войска вторгнутся в Польшу зимой 1767 г. Кроме того, ему следовало привлечь на свою сторону противников конституционной реформы, внушая им, что русское вторжение является результатом реформаторских планов, выдвинутых на предыдущем сейме[50].

31 января / 11 февраля 1767 г. Репнин получил последнюю инструкцию. В ней говорилось, что 26 февраля / 9 марта надлежит открыто провозгласить те диссидентские конфедерации, которые вдохновляла Россия. Когда новости об объявлении конфедерации достигнут Варшавы, гласила инструкция, князь Н. В. Репнин выступит с призывом созвать внеочередной сейм. Если король и его сторонники прибегнут к силе против диссидентов, русские войска встанут на их защиту. Если же король спокойно останется в Варшаве, Репнину следует уверить его, что Россия желает вступить в переговоры с Речью Посполитой, чтобы раз и навсегда устранить разногласия между обеими странами[51].

Репнин, не теряя времени, создавал организации противников короля, и к началу 1767 г. под защитой русских штыков образовались диссидентские конфедерации в Слуцке (в нее вошли литовс-

---

[49] Н. И. Панин — Н. В. Репнину, 14 августа 1767 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 409 и далее.

[50] Рескрипт Репнину и письмо Панина Репнину от 24 декабря 1766 г. / 4 января 1767 г. // Там же. С. 205 и далее.

[51] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 184—185; Н. И. Панин — Н. В. Репнину // СбРИО. Т. LXVII. С. 301 и далее.

кие православные) и в Торуни (из польских протестантов). Появились также католические конфедерации противников короля, которые просили Екатерину II обеспечить сохранение нереформированной польской конституции. Многие католики примкнули к этим конфедерациям в надежде избавиться от короля, которого связывали с конституционной реформой. Но Екатерина не собиралась смещать Станислава Августа или допускать, чтобы его свергли. Репнину было велено убедить короля, что он будет защищен от католических конфедераций. Так под нажимом Репнина конфедераты-католики были вынуждены отказаться от противостояния королю и согласиться на созыв внеочередного сейма, который и был объявлен на 24 сентября / 5 октября 1767 г.

Теперь императрица с Паниным поняли, что политическое равноправие диссидентов недостижимо. Поэтому Н. В. Репнину было велено несколько умерить российские требования на предстоящем сейме: прежде всего русскому послу следовало внушить полякам, чтобы те попросили Россию стать гарантом их конституции и территориальной целостности, тем самым вручив свою политическую свободу в руки России. Во-вторых, Репнин должен был добиться для диссидентов восстановления такого уровня равноправия с католиками, какой окажется возможным, не вызывая очевидных «неудовольствий». Екатерина была готова согласиться с тем, что для диссидентов будут недоступны высшие министерские и военные посты, но не законодательные (т.е. в сейме и в Сенате)[52].

Сеймики для избрания депутатов внеочередного сейма были созваны на 13/24 августа 1767 г., и князь Репнин активно применял угрозы, взятки, связи и русские войска, чтобы добиться избрания в сейм тех депутатов, которые были нужны, — приверженцев планов России. Но все пошло вкривь и вкось. Члены католических конфедераций начали понимать, что Репнин обманом добился от них обе-

---

[52] Панин писал, что ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем вид православного епископа Белоруссии (несмотря на «недостаток персональных качеств белорусского архиерея»), занимающего место в польском Сенате. Но пришлось отказаться от этого требования, когда Станислав Август собрался даровать такие же права униатским иерархам. «... Ни собственная ее [императрицы] слава, ни достоинство короны не могут дозволить, дабы сии отщепенцы под сению высочайшего ее покровительства достигнули наравне с другими таких авантажей, коих не могли они по сю пору приобресть от республики и самым своим с римскою религиею соединением» (Н. И. Панин — Н. В. Репнину, 21 сентября 1767 г. // СбРИО. Т. LXVII. С. 464; 26 июня 1767 г. // Там же. С. 388 и далее).

щания равных прав для диссидентов взамен за сохранение польской конституции в нетронутом виде. Некоторые из самых ревностных католиков во главе с непримиримым и откровенным епископом Солтыком гневно отвергали всякие подобные уступки. Раздавались вопросы по поводу присутствия в Польше русских войск. На некоторых сеймиках происходили стычки. Казавшаяся хорошо организованной и управляемой группа сторонников, готовых выступать за интересы России, разваливалась из-за разногласий по поводу религии, недоступных пониманию Екатерины (и, судя по всему, также и князя Репнина).

Дабы внушить депутатам правильный образ мыслей, Репнин в середине сентября выдвинул русский корпус в предместья Варшавы, а в саду у него встал лагерем казачий отряд. На этот раз сейм имел возможность принять решение простым большинством голосов, так как он собрался под эгидой конфедерации. Но его окончательные решения подлежали одобрению очередным сеймом. В тот самый день, когда он должен был собраться, 24 сентября / 5 октября 1767 г., папский нунций призвал лидеров католических конфедераций встать на защиту своей веры[53]. Этот призыв сильно затронул чувства большинства, а меньшинство, в том числе король, примас, маршалы конфедерации и ряд депутатов, было беспомощно. Тут на сейм обрушился Репнин и посреди все более бурных стычек, там разыгрывавшихся, пригрозил депутатам, что намерен применить силу. Он надеялся подвести собрание к двум решениям: во-первых, о назначении полномочной комиссии для обсуждения статуса диссидентов и союзного договора с Россией, в котором Россия гарантировала бы польскую конституцию; во-вторых, о временном прекращении деятельности сейма. Но сейм просто не послушался Репнина. Все его старания оказались тщетными, и тогда он перешел к принудитель-

[53] Вмешательство папского нунция заставило Н. И. Панина распорядиться, чтобы князь Репнин уговорил короля и примаса Польши указать папе, что «не то теперь время, когда папы управляли делами по своей прихоти; что он неуместною своею горячностью может нанести католической вере вместо пользы большой вред, вывести Польшу из настоящего повиновения римскому престолу; что мы, имея теперь в Польше столько способов и силы всем управлять, можем вследствие его непристойных поступков решиться на истребление там папской власти и на установление независимой иерархии». Репнин должен был внушить королю, что Польша окажется порабощенной папством, «в то время когда все другие католики очищают себя от этой заразы» (*Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 228—229). Однако Репнин все же понял, что подобные шаги могут завести слишком далеко.

ным мерам. В середине октября арестовали самых горластых лидеров, включая и епископа Солтыка, и отправили их в Россию. Станислав Август, все время маневрировавший между различными партиями, перенося бесчисленные унижения от Репнина и от Екатерины в надежде спасти свой трон и хотя бы часть задуманных преобразований, старался всех утихомирить, но потрясение, вызванное решительными действиями Репнина, и так уже отрезвило горячие головы. Комиссия полномочных представителей была назначена, а 8/19 октября 1767 г. сейм постановил прервать работу до февраля 1768 г. Во время этого перерыва князь Репнин и польские делегаты пришли к соглашению, определившему гражданские и политические права диссидентов. Все дворяне, как католики, так и иноверцы, получали равные права, но королем Польши мог стать лишь католик; Россия соглашалась признать католицизм польской государственной религией. Князь Репнин, очевидно, не был таким уж зверем — драматические события, пережитые им в Польше, и несоответствие между словами и делами в позиции России, кажется, не прошли для него бесследно. Он обратился к Панину с не лишенным красноречия призывом отнестись сочувственно к положению, в котором оказался король, и хотя бы немного усовершенствовать форму правления в Польше. Если России угодно ввести неограниченное право liberum veto, она может это сделать, но, предупреждал Репнин, «этим не только не утвердим доверенность нации к нам и наше здесь влияние, напротив, совсем их разрушим, оставя рану в сердцах всех разумных и достойных людей... а на этих людей одних надеяться можно». Прочитав это, Екатерина написала на полях: «Никита Иванович, вы можете приказать ответы заготовить в силе того, на чем мы согласились, ибо лишь бы остался нам способ иметь пользу от либерум вотум, то для чего бы не дозволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться»[54].

Итак, конституционные реформы, за которые проголосовал предвыборный сейм, с разрешения России частично уцелели, как, например, решение простым большинством голосов текущих экономических вопросов. Но во всех делах, касающихся налогообложения и армии, по-прежнему царствовало требование единогласия, а просьба короля об учреждении постоянного совета для работы в перерывах между заседаниями сейма была отвергнута. В русско-

[54] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 212 и далее, письмо не датировано.

польский договор, почти единодушно утвержденный внеочередным сеймом, возобновившим работу 13/24 февраля 1768 г., были включены документы, относящиеся как к политическому устройству, так и к вопросам вероисповедания. В договоре весьма многословно провозглашалось, что в ответ на просьбу Польского государства российская императрица навечно берет под свое высокое покровительство конституцию, форму правления, свободы и законы Польши. В других статьях в соответствии с соглашением между польскими представителями и Репниным оговаривались права диссидентов, причем особо перечислялись все гражданские и военные должности, открытые теперь для некатоликов. В одной из статей закреплялись взаимные гарантии территориальной целостности обеих стран. Отдельным соглашением определялось, на какие именно «государственные дела» распространяется применение liberum veto. Затем Генеральная конфедерация и внеочередной сейм, исполнившие свои задачи, были распущены[55].

Тем временем присутствие в Польше такого огромного количества русских войск вызывало немалую тревогу в соседних странах. Фридрих II ревниво наблюдал за русским вторжением в Польшу и настоял на заключении в апреле 1767 г. специальной конвенции с Россией, обязывавшей его лишь к дипломатической поддержке борьбы России за права диссидентов в Польше. Впрочем, если бы Австрия напала на Россию, Фридрих пришел бы ей на помощь, за что Россия обещала ему соответствующее возмещение[56]. Поэтому прусский король с большим облегчением услышал новость о договоре между Россией и Польшей, и особенно его обрадовала статья о сохранении liberum veto.

Одновременно, поскольку Россия добилась политического господства в Польше и теперь уже не было необходимости в военном присутствии, русским войскам приказали покинуть страну. Казалось, пришел час триумфа России, но он обернулся самым настоящим провалом: посягательства на глубокую веру поляков и их драгоценные свободы вызвали в стране открытый бунт. Русский корпус еще не был полностью выведен, когда заговор, зревший уже некоторое время среди магнатов — противников уступок диссидентам, а главное — противников российского диктата, оформился в кон-

---

[55] См.: *Lutoslanski K.* Recueil des actes diplomatiques, traités et documents concernant la Pologne. Lausanne; Paris, 1901. Vol. I. P. 25 ff.

[56] *Martens F.* Op. cit. Vol. VI: L'Allemagne. P. 43 ff.

федерацию, открыто провозглашенную в маленькой крепости Бар в Подолии. Манифест конфедератов отверг постановления внеочередного февральского сейма 1768 г. как принятые под давлением. Их собственная программа, насколько она была вообще согласована, являлась прямым вызовом России, ибо если что-нибудь и объединяло конфедератов, то в первую очередь их антирусские позиции.

Когда к Барской конфедерации примкнуло несколько польских провинций, Репнин остановил вывод русского корпуса и послал за подкреплением. Но Польша вступила в кризис, преодолеть который было нелегко. Многие бедные шляхтичи добывали средства к существованию партизанскими действиями, грабежом и набегами. Первые отряды конфедератов не могли противостоять организованному русскому войску и к июню 1768 г. были рассеяны. Однако возникали новые конфедерации, временами не отличимые от разбойничьих шаек. Борьба с обеих сторон была отмечена страшной жестокостью. В стране воцарился такой хаос, что никакие налоги не доходили до короля, и оказалось совершенно невозможно провести очередной сейм в октябре 1768 г., потому что до столицы добрались лишь тридцать депутатов.

И все же причиной этой войны стал православный религиозный фанатизм, хотя ни один русский государственный деятель этого не признавал. С тех самых пор, как Екатерина выступила защитницей диссидентов, в польской Правобережной Украине, где дворянство было польским и католическим, а крестьянство состояло из украинцев — православных или униатов, началось религиозное брожение. Решение проблемы вероисповедания, одобренное сеймом в феврале 1768 г., наполнило сердца униатов тревогой, так как у них были все основания полагать, что теперь-то православные выместят на них все свои прежние обиды, причиненные католическим гнетом. Религиозный фанатизм стал той искрой, которая подожгла всегда готовую вспыхнуть Украину: казаки, мелкая шляхта и крестьяне поднялись против католиков, униатов, дворян и евреев волной гайдамачества[57]. В июле 1768 г. шайка православных казаков-гайдамаков в погоне за польскими конфедератами перешла на турецкую территорию, напала на город Балта — вассальное владение крымского хана — и принялась резать евреев.

К несчастью, русский посол в Турции успел заверить местные власти, что русские войска будут выведены из Польши после завер-

[57] См. гл. 8, с. 217.

шения февральского сейма 1768 г. Теперь же в Польше находилось больше русских войск, чем когда-либо, и по мере того как операции против конфедератов с неизбежностью приближались к турецким рубежам, в Стамбуле волновались все сильнее. Намерение русских занять мощную польскую крепость Каменец-Подольский на берегу Днестра, охранявшую южные границы Речи Посполитой, представляло угрозу безопасности Турции; известие о нападении казаков на Балту привело в ярость и турок, и крымского хана. Стамбул все настойчивее требовал через русского посла полного вывода русских войск из польской Подолии.

Затруднения Екатерины сыграли на руку Франции. В 1766 г. герцог де Шуазель сменил своего кузена Шуазель-Праслена на посту министра иностранных дел. Ему пришлось смириться с тем, что знаменитая восточная оборонительная система Франции лежит в руинах: Франция без борьбы понесла поражение в Польше, а после некоторого сопротивления также и в Швеции. Оставалась только Османская империя. И если польские конфедераты были слишком слабы и разобщены, чтобы имело смысл открыто их поддерживать, то турки вполне годились таскать для Франции каштаны из огня. Во Франции все еще верили, что достаточно нескольких военных неудач — и Екатерина лишится престола[58]. Растущее недовольство турецкой стороны, подкрепленное 3 млн ливров от Франции, перевесило все уверения (как и 70 тыс. руб.) русского посла в том, что Россия выведет войска из Польши, как только конфедераты будут подавлены. В конце августа миролюбивый великий визирь был заменен на более воинственного, и в начале октября Турция выдвинула России ультиматум с требованием очистить Польшу от русских войск, отказаться от гарантий польской конституции и от защиты диссидентов. Русский посол отверг требования ультиматума и был немедленно посажен в Семибашенный замок, что в Турции означало объявление войны[59]. Итак, своей политикой Россия навлекла гражданскую войну на Польшу и войну с Турцией на самое себя. «О господи, уж лучше бы мы не брались сажать в Польше короля!» — сокрушался Фридрих II[60].

---

[58] Россиньоль — Шуазелю, 11/22 ноября 1786 г. // СбРИО. Т. CXLI. С. 475.

[59] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 251 и далее.

[60] Фридрих II — Сольмсу, 26 ноября / 7 декабря 1768 г. // PCFG. Bd. 26. S. 498—499.

Глава 13

Русско-турецкая война 1768—1772 гг.

Объявление войны Турцией заставило Екатерину II пересмотреть очередность осуществления своих проектов. В итоге работа Уложенной комиссии была прервана, планы административной реформы отложены на потом. Кроме того, начавшаяся война убедила императрицу в необходимости постоянного консультативного органа для координации военных действий и внешнеполитических мероприятий. Она спросила мнения Н. И. Панина, кого включить в этот Совет, и тут (наверно, к удивлению императрицы) оказалось, что он — ярый противник учреждения такого органа. Никита Иванович полагал, что из-за Совета будут одни проволочки в принятии решений и что императрице лучше всего, как и прежде, созывать своих советников по мере необходимости. Впрочем, если она настаивает на создании постоянного Совета, заметил Никита Иванович, он предложил бы включить в него фаворита графа Григория Орлова, вице-президента Военной коллегии графа З. Г. Чернышева, князя А. А. Вяземского, его самого — вице-канцлера и, наконец, графа Кирилла Разумовского. Последнего за границей считают человеком, близким к императрице, и его присутствие в Совете убедит всех в единодушии, царящем в правительстве[1].

Возражения Н. И. Панина против организации официального совещательного органа были вызваны не только опасениями возникновения расширенного варианта елизаветинской Конференции[2], т.е. органа с неопределенными полномочиями, который станет вмешиваться во все дела и даст в руки фаворитам ничем не оправданное влияние. Панин вполне сознавал, что Совет возник бы в укор ему самому, потому что его внешняя политика ввергла Рос-

---

[1] СбРИО. Т. X. С. 302; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 301.

[2] См. выше, гл. 2, с. 80—81.

сию в войну. Ведь это по его подсказке союз с Пруссией был сделан краеугольным камнем политического курса страны, и он же вместе с Екатериной затеял кампанию в защиту польских диссидентов. Таким образом, создание Совета означало личное поражение Панина и наносило крупный ущерб его влиянию. В ноябре—декабре 1768 г. десять раз собирали на заседания по различным поводам всех тех, кого Панин предложил в новый Совет, а сверх того — фельдмаршала А. М. Голицына и генералов П. И. Панина и М. Н. Волконского. На каждом из заседаний присутствовала императрица. Н. И. Панин в этот период изо всех сил старался сохранить свое влияние. 14/25 ноября Григорий Орлов затеял с ним спор по поводу причин новой войны. Уклончивые формулировки протоколов не могут скрыть тот факт, что Панину пришлось оправдываться за свою политику в Польше и защищать меры, которые он теперь принимал для восстановления порядка: «И на все вышеописанное происходили разные политические рассуждения», — отмечалось в протоколе[3]. Первое столкновение произошло по поводу назначения главнокомандующего русскими войсками, направленными воевать против Турции. Очевидных кандидатов было двое — генерал П. А. Румянцев, президент Малороссийской коллегии, и генерал П. И. Панин. В конце концов пришли к компромиссу, назначив командующим фельдмаршала А. М. Голицына, который был старше обоих генералов, но далеко еще не являясь дряхлым старцем, ведь ему не исполнилось и пятидесяти лет. В этом споре Н. И. Панин, конечно, выступал против Румянцева в поддержку кандидатуры своего брата, Петра Ивановича, а Григорий Орлов, с 1764 г. генерал-фельдцейхмейстер, предпочел поддержать фельдмаршала Голицына, чтобы не допустить П. И. Панина к командованию. Тогда Никита Панин попытался занять позицию «премьер-министра» и взять на себя общее политическое руководство, включая и военные действия, но нашел противника в Захаре Чернышеве, который сумел настоять на своем праве лично докладывать императрице[4].

---

[3] АГС. Т. I. С. 11.

[4] Эти события восстановлены по донесениям иностранных послов, помещенным в СбРИО. Т. CIX. С. 333 и далее; Т. CXLI. С. 492 и далее; Т. XXXVII. С. 188 и далее. Можно добавить, что Фридрих II считал П. А. Румянцева лучшим из русских генералов и находил, что для руководства военными действиями З. Г. Чернышев подходит больше, чем П. И. Панин. См.: Фридрих II — Сольмсу, 8 января 1769 г. // PCFG. Bd. 28. S. 19 ff; Фридрих II — Сольмсу, 22 января 1769 г. // Ibid. S. 54 ff. Кстати, фельдмаршал Голицын был женат на сестре Румянцева, который его терпеть не мог.

Наконец 22 января 1769 г. особым указом было провозглашено учреждение на время войны Совета при Высочайшем дворе, на который возлагалось согласование политических шагов во всех сферах, связанных с этой войной, включая мирные переговоры. Кроме того, Совет получил право непосредственно сноситься с отдельными коллегиями. В Совет вошли те же лица, что участвовали в консультативных встречах прошедшей осенью, за исключением фельдмаршала Голицына и генерала Волконского, которых долг призвал на войну. Новый Совет являлся неофициальным органом, состав его не был постоянно утвержденным, никто не входил в него по должности. Члены Совета участвовали в заседаниях, когда находились в столице, но могли отлучаться по каким-нибудь срочным делам, а по возвращении снова присутствовать в Совете. Этот орган обладал меньшей властью, чем Конференция при Елизавете, так как он не издавал указов. Фактически именно это и было нужно Екатерине: орган, в котором политические противники могли бы вести борьбу между собой, нейтрализуя друг друга, и одновременно способный давать императрице самые квалифицированные советы, какие только можно было получить в то время. Кроме того, она сумела добиться, чтобы Совет разделял с ней ответственность за решения, принятые по его рекомендации. В записке, направленной в Совет 8/19 декабря 1768 г., она писала так:

> Как все здесь полагаемые меры я намерена с большою твердостию производить в действие, ибо я их приемлю за такие, кои вы, быв побуждаемы ревностию, усердием и любовию ко мне и к отечеству, мне единогласно советовали в таком важном случае, следовательно, естьли кто имеет еще какое ни есть сумнение о взятых мерах, то имеет оные объявить, не теряя времени[5].

Задачи России в начавшейся войне обсуждались еще до того, как объявили о создании Совета: нужно было восстановить право свободного плавания русских кораблей в Черном море, запрещенное по Белградскому договору 1739 г.[6], а также обеспечить надежные границы с Польшей. По стандартам того времени русская армия отличалась чрезвычайно высокой боеспособностью. Многие из ее

---

[5] АГС. Т. I. С. 1 и далее; СбРИО. Т. X. С. 310.

[6] Белградский договор был заключен по итогам Русско-турецкой войны 1736—1739 гг.

вспомогательных служб не уступали по уровню соответствующим службам других армий, хотя русская армия больше привыкла опираться на ресурсы тех стран, где размещалась. В ней служило много иностранных офицеров, но не существовало традиции брать в солдаты иностранных наемников. Не считая особых частей легкой кавалерии и ландмилиции, а также казаков, в 1767 г. общая численность вооруженных сил составляла 186 869 человек, в том числе 149 303 пехотинца и 37 566 кавалеристов. Сверх того около 92 тыс. солдат несли гарнизонную службу[7]. С началом войны были приняты незамедлительные меры для повышения численности армии. 8/19 октября объявили о наборе одного рекрута с каждых 300 душ мужского пола, но это дало в масштабе всей страны лишь 19,5 тыс. рекрутов из расчетных 33 тыс. 14/25 ноября вышел указ о втором наборе, что позволило поднять общее число взятых в армию за 1768 г. до 50 747 человек[8].

Во все войны с Россией Турция вступала, имея определенные преимущества. Во-первых, под верховной властью турок находился Крым, из которого, как из открытых ворот, турецкие армии могли хлынуть в южнорусские степи. Во-вторых, турки контролировали Черное море, что позволяло им доставлять подкрепления и припасы своим войскам в любую точку Черноморского побережья. В-третьих, военные операции главных сил турецкой армии разворачивались гораздо ближе к своим опорным базам, чем действия русских войск, которым приходилось удаляться от центров снабжения на громадное расстояние, везя и неся с собой все необходимое. К тому же в начавшейся войне русским было важно предотвратить всякое боевое взаимодействие между турками и польскими конфедератами.

Русские силы решили разделить на две армии: Первая в составе около 80 тыс. солдат под командованием фельдмаршала Голицына сосредотачивалась под Киевом и оттуда выступала в польскую Подолию. Целью похода было занять крепость Каменец-Подольский и двинуться на главную турецкую крепость на Днестре, Хотин. Вторая армия, примерно в 40 тыс. солдат, под началом генерала П. А. Румянцева, дислоцировалась в Новороссии, вдоль линии Екатеринослав —

---

[7] *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1951. С. 35—36; *Бескровный Л. Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 202—203.

[8] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 286; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 294.

Бахмут, в готовности начать операции против Крыма, а также прикрывать тыл Первой армии и защищать ее коммуникации[9].

Теоретически турки могли выставить 600 тыс. солдат, не считая татарские вспомогательные части, хотя на практике вряд ли эта цифра когда-либо достигалась. Турецкие силы разделялись на три части: примерно четырехсоттысячный главный корпус шел через Хотин на Каменец-Подольский, на соединение с отрядами польских конфедератов. Второй корпус во взаимодействии с крымской конницей должен был занять Украину. Третий корпус выступал на Северный Кавказ, имея конечной целью захват Астрахани.

В течение зимы происходили лишь мелкие стычки между русскими войсками и отрядами татарской конницы. Весной Голицын занял Каменец-Подольский, но при Хотине потерпел поражение. 13/24 августа 1769 г. Совет при Высочайшем дворе постановил отозвать фельдмаршала и передать командование Первой армией Румянцеву. Во главе Второй армии теперь поставили Петра Панина. Тем временем 10/21 сентября Голицын взял Хотин, а неделей позже занял Яссы. Екатерина радостно писала бывшему маршалу Уложенной комиссии генералу Бибикову: «Новая молдавская княгиня вам кланяется»[10]. Теперь русская армия дошла уже до Бухареста, где местный магнат, князь Кантакузин, взял под стражу господаря — турецкого ставленника и передался России. Русские войска взяли Азов и Таганрог и немедленно приступили к строительству флотилии на Азовском море. Но к тому моменту, когда в сентябре Румянцев принял командование Первой армией, русские рубежи оказались под угрозой удара со стороны мощной турецкой крепости Бендеры в низовьях Днестра. Для дальнейшего развертывания кампании было уже поздно, и армия ушла на зимние квартиры на польскую территорию, в междуречье Днестра и Буга.

Совет при Высочайшем дворе постановил, что в кампании 1770 г. главной задачей Второй армии под командованием П. И. Панина будет взятие Бендер, в то время как П. А. Румянцев будет играть вспомогательную роль, но события повернулись иначе. Румянцев, в стремлении не упустить из рук Молдавию и Валахию, решил разыскать и сокрушить главную турецкую армию в составе 22 тыс. ту-

---

[9] *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 66. Остается непревзойденным классическое изложение военных событий в кн.: *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1866—1874. Т. I—V.

[10] 14/25 декабря 1769 г. см.: СбРИО. Т. X. С. 389.

рецких солдат и 50 тыс. татар, стоявших лагерем где-то на южном берегу Прута. С тридцатисемитысячным корпусом он 17/28 июня 1769 г. перешел Прут и атаковал правый фланг турецких сил. Возглавлявший резерв генерал-лейтенант Г. А. Потемкин получил задание переправиться через Прут на три мили ниже по течению и обойти турок с тыла. Операция блестяще удалась; турецкую армию охватила паника[11]. Стараясь не потерять темп наступления, Румянцев пошел вниз по течению Прута и там примерно 21 июня / 2 июля встретился с восьмидесятитысячным войском турок и крымских татар, которые стояли лагерем на левом берегу при впадении в Прут реки Ларга, ожидая подхода главной турецкой армии во главе с великим визирем. 7/18 июля 1770 г. Румянцев все с тем же маленьким тридцатисемитысячным корпусом атаковал и разбил неприятеля.

Тем временем Петр Панин, задержавшийся в Молдавии из-за вспышки чумы, наконец 17/28 июля подошел к Бендерам и осадил город. Турецкий великий визирь вознамерился не допустить соединения сил Румянцева с армией Панина. Перейдя на северный берег Дуная, визирь поднялся вверх по течению Прута к озеру Кагул, где к нему присоединились разбитые при Ларге турецкие силы. Однако Румянцев не стал ждать, пока на него нападут, и 21 июля / 1 августа с двадцатипятитысячным корпусом атаковал огромную турецкую армию, насчитывавшую около 150 тыс. человек, и в жестокой битве наголову разбил неприятеля. Эта победа открыла перед русской армией всю территорию от Дуная до Днестра. К 26 июля пал Измаил, 10 августа русские войска взяли Килию, а 28 августа — Аккерман. 16 сентября Панин штурмом захватил Бендеры, а 10 ноября пал Браилов, осажденный Румянцевым, который после этого завершил кампанию и отошел на зимние квартиры к Яссам. Весть о его великой победе при Кагуле была радостно встречена в столице, где под звуки пушечного салюта отслужили благодарственный молебен, а Екатерина произвела своего победоносного генерала в ранг фельдмаршала[12].

1770 год стал воистину славным годом для России, когда увенчались триумфом не только сухопутные операции, но и первый по-

---

[11] Данные о потерях с обеих сторон приведены в работе: *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 96.

[12] Рескрипт Екатерины II П. А. Румянцеву, 2/13 августа 1770 г. // Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов / Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1947. С. 191 и далее.

ход русского флота в Средиземное море. Идею послать флот бить турок в их собственных водах впервые высказал Григорий Орлов на заседании Совета при Высочайшем дворе в ноябре 1768 г. Этот проект пришелся по нраву Екатерине, да и его исполнитель уже был на месте, в Средиземноморье: Алексей Орлов поправлял здоровье в Италии после болезни. Он не имел никакого опыта морских баталий и, скорее всего, вообще никогда не бывал на военном корабле. Но вера императрицы в «Алехана» была безгранична, и поэтому 29 января 1769 г. его уведомили о предстоящей морской экспедиции и приказали держать связь с русскими послами при иностранных дворах и поддерживать православное население Османской империи[13]. В это время полным ходом шла подготовка русского флота к плаванию. Имя, которое прежде всего приходит в голову в связи с этими событиями, принадлежит человеку, известному в России как Самуил Карлович Грейг. Этот шотландец в 1764 г. поступил на службу в русский флот и занимал положение ведущего командира и советника из иностранцев на русской службе, пока не погиб в сражении в 1788 г.[14] Нужно было срочно набрать матросов в России и Ливонии, нанять британских офицеров и договориться, чтобы русским кораблям разрешили заходить в дружественные порты по пути из Балтийского в Средиземное море и пополнять запасы.

Эти военно-морские приготовления невозможно было долго сохранить в тайне. Екатерина, вне себя от радости при мысли о «звоне», который поднимется в Европе, 14—20 / 25—31 декабря написала Ивану Чернышеву, вице-президенту Адмиралтейской коллегии, отправленному послом в Лондон в июле 1768 г.:

> ...и вот разбудили спавшего кота, и вот кошка бросилась на мышей, и вот смотрите, что вы увидите, и вот о нас заговорят, и вот мы зададим такого звону, какого от нас не ожидали, и вот турки побиты, и вот с французами везде станут обращаться так же, как обращаются с ними корсиканцы, и вот много болтовни, прощайте, милостивый государь[15].

---

[13] 4/15 ноября: АГС. Т. I. С. 1—5; 12/23 ноября 1768 г.: Там же. С. 8—11. Приказы, направленные А. Г. Орлову в период этой Русско-турецкой войны см.: СбРИО. Т. I. С. 2 и далее.

[14] См.: *Cross A.* Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral // Mariner's Mirror. 1976. Vol. 60. P. 251—266.

[15] Письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. 1764—1773 // РА. 1871. № 9. Стб. 1321 и далее.

Появление русского флота в Северном море, в Ла-Манше, в Средиземном море было таким вызовом сложившемуся балансу военно-морской мощи европейских государств, что требовало обширной дипломатической подготовки. К концу мая 1769 г. французский поверенный в делах уже доносил герцогу Шуазелю, что в Кронштадте снаряжается русская эскадра, которую собираются направить в Адриатическое и Эгейское моря поднимать православных против турок[16]. В июле 1769 г. Чернышев получил приказ конфиденциально известить о планах России британское правительство и попросить, ввиду дружбы, связывающей оба двора, оказать прием русским кораблям в британских портах, а также всю возможную помощь (за соответствующую плату), не нарушающую нейтралитет Британии в русско-турецком конфликте. Было также необходимо избежать инцидентов с кораблями недружественных держав, например Франции, в открытом море. Поэтому Панин объявил о намерении императрицы не мешать мореплаванию ни одной из христианских стран в Средиземном море. Кроме того, тайно приказав русским адмиралам приспустить флаги еще до входа в Ла-Манш, чтобы можно было ограничиться лишь оружейным салютом встречным судам, Панин сумел избежать щекотливого положения, когда русским кораблям пришлось бы первыми салютовать флагом судам Британского королевского флота[17].

Сперва Дания, а за ней Англия, Португалия и британские средиземноморские базы Гибралтар и Менорка оказали русской эскадре самый дружественный прием в своих портах. Но в другие порты направили специальных представителей — в Венецию, на Мальту и в Ливорно. Сначала британская помощь поступала в изобилии, потому что Россию рассматривали как противника Франции, а Францию открыто считали подстрекательницей Турции к войне. И вот первая русская эскадра под командованием адмирала Спиридова в составе одиннадцати линейных кораблей и нескольких меньших судов зашла в Гулль в октябре 1769 г., имея на борту свыше 800 больных. Крестьяне, оторванные от земли и загнанные на флот, не выдерживали матросской пищи, тесноты и духоты в кубриках. Как

---

[16] 23 мая 1769 г. См.: СбРИО. Т. CXLI. С. 561.

[17] Н. И. Панин — И. Г. Чернышеву, 18/29 июля 1769 г. // Там же. Т. LXXXVII. С. 473. Русские инструкции для средиземноморских каперов, в основном греческих, были составлены по английскому образцу. См.: Екатерина II — А. Г. Орлову, 11/22 августа 1769 г. // Там же. Т. I. С. 22.

доносил И. Г. Чернышев, посетивший корабли в Гулле и Портсмуте, только архангелогородцы оказались настоящими моряками[18]. Британское адмиралтейство предоставило за плату остро необходимую помощь — мачты, парусное вооружение и судовое оборудование, и к концу октября адмирал Спиридов, к которому присоединился Грейг, был готов поднять паруса, а к середине декабря дошел до Порт Маона на Менорке.

Прибыв в Порт Маон, Спиридов получил приказ перейти в распоряжение Алексея Орлова и поддерживать с моря задуманное тем выступление черногорцев и греков. Генерал-майор Юрий Долгорукий уже был командирован осенью 1768 г. начинать пропаганду в Черногории. Впрочем, его миссия была отмечена невероятно комичными событиями. Прибыв на место, он обнаружил, что некто Степан Малый (выдававший себя за итальянца по имени Бандини), который раньше жил в России, а затем бежал, скрываясь от правосудия, ныне объявил себя императором Петром III и правит в Цетинье. Тем временем признаки волнений среди населения Адриатического побережья, подстрекаемого русскими к восстанию, встревожили Венецианскую республику. Венеция опасалась как прибытия русского флота в ее порты на Адриатике, так и мести Турции. Наконец венецианский Сенат издал декларацию о нейтралитете, отказавшись принимать в своих портах любые иностранные военные корабли. Когда оказалось, что русский флот не сможет помочь Долгорукому в Черногории, все его труды пошли прахом. Сначала он было арестовал местного «Петра III», но затем выпустил, пожаловал русскую офицерскую форму и оставил править черногорцами[19]. С этих пор политическая активность русских ограничивалась Мореей.

Алексей Орлов надеялся, что, подняв местное греческое население на борьбу против турецкого ига, ему удастся устроить достаточно крупные выступления, чтобы туркам пришлось отвести войска с русского фронта. Но русские сильно недооценили трудность организации единых действий рассеянного, неподготовленного, в основном не имеющего вождей населения, на языке которого они, к тому же, даже не говорили. Самые большие надежды возлагались

---

[18] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 301 и далее; см. классический труд: *Тарле Е. В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774 гг. М., 1945. С. 28 и далее.

[19] *Petrovich M.B.* Catherine II and a Fake Peter III in Montenegro // Slavic Review. 1955. Vol. XIV. № 2. P. 169—194.

на греков-майниотов Пелопоннеса, известных своей воинственностью. Было произведено несколько высадок, но скоро стало очевидно, что объединенных сил русских и греков недостаточно, чтобы разгромить турок на суше или хотя бы удержать какой-нибудь порт[20]. Конечно, у русских начало складываться о греках весьма нелестное мнение. Орлов писал, что все они льстецы, обманщики, изменники, наглецы и трусы, жадные до денег и трофеев, что исповедуют свою веру только на словах, а в сердце не имеют и следа христианских добродетелей. Не добившись главной цели, Орлов решил покинуть Наварин, который успешно осаждал и взял 10/21 апреля 1770 г., и 26 мая / 6 июня русский флот отплыл из порта. Вскоре на помощь ему пришла новая эскадра из России под командованием англичанина, Джона Эльфинстона, вступившего на русскую службу контр-адмиралом. Его присутствие вызвало довольно недостойную склоку из-за старшинства между английскими и русскими адмиралами, которую Алексею Орлову пришлось прекратить своей властью.

Весь следующий месяц русский флот гонялся за турецкой Эгейской эскадрой среди греческих островов, пока 24 июня / 5 июля турецкий командующий наконец не решил принять сражение в проливе между о. Хиос и Анатолийским берегом, близ крепости Чешме (Чесма). У турок было шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и несколько мелких судов. У русских, не считая небольших судов, было девять линейных кораблей и три фрегата. Но у турок к тому же имелось шесть судов, несших на борту по 80—90 пушек, а у русских только одно подобное, «Святослав», под командованием адмирала Эльфинстона. Адмирал Спиридов с Федором Орловым находились на «Евстафии», а Алексей Орлов с адмиралом Грейгом — на «Трех иерархах». Сражение началось в одиннадцать утра, в грохоте канонады горящая мачта турецкого флагмана рухнула на палубу «Евстафия», отчего вспыхнул пороховой погреб. Корабль взорвался и сразу же затонул, но Спиридова и Федора Орлова спасли. В сущности, не столько огонь русских орудий, сколько неудачное маневрирование турецких кораблей расстроило ряды турецкой эскадры и заставило ее в панике отойти в порт Чесма. На военном совете русские военачальники решили попытаться поджечь турецкий флот в порту. Атака произошла в ночь с 25 на 26 июня и увенчалась полным успехом. Огонь перекидывался с корабля на корабль,

---

[20] А. Г. Орлов — Екатерине II (письмо не датировано) // *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 377 и далее.

по мере того как брандеры делали свое дело под прикрытием русской корабельной артиллерии. К утру был уничтожен весь турецкий флот, потерявший около 11 тыс. человек[21].

Чесменское сражение стоит в одном ряду с битвой при Лепанто и Трафальгаром как морской бой, изменивший ход истории и вошедший в народное сознание овеянной легендой славной победой русского флота. В Санкт-Петербурге триумф флота встретили невероятным ликованием, в честь его отслужили благодарственный молебен и особую поминальную службу, воздав тем самым заслуженные почести памяти Петра Великого[22]. Ликующая императрица осыпала моряков наградами, а Алексей Орлов получил почетную приставку «Чесменский» к своей фамилии[23].

Однако дальнейшие действия русского флота не оправдали ожиданий, порожденных победой при Чесме. Попытки перекрыть Дарданеллы и занять о. Лемнос провалились, и Орлов решил разместить свою главную базу в Паросе и в порту Ауза. Русские могли рассчитывать на дружественный прием в Архипелаге как победители турок, и жители многих островов даже присягнули императрице. Тем временем из Балтийского моря пришла третья эскадра, на этот раз под командованием датчанина, адмирала Арфа. Оставив Спиридова главнокомандующим русским флотом в Средиземноморье, Алексей Орлов в ноябре 1770 г. уехал на зиму в Ливорно.

В марте 1771 г. Орлов приехал ненадолго в Россию и советовал отказаться от идеи поднять греков на войну с турками, как он выразился, из-за их природной склонности к рабству и легкомыслия. С этого времени флоту было приказано вплотную перейти к блокированию Дарданелл и перерезать турецкие коммуникации с Архипелагом. Кроме того, Орлова уполномочили, если представится возможность, вести прямые мирные переговоры с турецкой стороной[24].

Кампания 1771 г. была не такой драматичной, как в 1770 г. В сентябре 1769 г. снова объявили рекрутский набор по одному солдату со 150 человек, другой такой же провели в 1770 г. и, наконец,

---

[21] *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 45 и далее. Классическое описание Чесменского сражения (с картой) см.: *Anderson R.C.* Naval Wars in the Levant. 1559—1853. Liverpool, [s. a.] P. 287 ff.

[22] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. С. 383.

[23] Екатерина II — А. Г. Орлову // СбРИО. Т. I. С. 61—62.

[24] АГС. Т. I. С. 368 и далее (записи от 8/19, 10/21, 14/25, 17/28 марта, 21 марта / 1 апреля, 23 марта / 3 апреля 1771 г.); указы А. Г. Орлову от 22 марта / 2 апреля 1771 г. // СбРИО. Т. I. С. 65 и далее.

самый крупный — один человек из ста — в 1771 г.[25] Стратегия новой кампании обсуждалась в Совете при Высочайшем дворе в ноябре 1770 г. Протокол заседания составлен очень сдержанно, но он не может скрыть, что Григорий Орлов склонялся к идее высадки десанта в Константинополе. Однако сначала главный удар сухопутной русской армии решили направить на Крымское ханство[26]. В Молдавии и Валахии турки не приняли сражения, а со своими 45 тыс. солдат Румянцев мало что мог сделать против 120 тыс. турок. Обе стороны страдали из-за неурожая и чумы, бушевавшей в Южной и Восточной Европе. Лето прошло в мелких операциях, зато в октябре 1771 г. русские нанесли крупный удар по турецким крепостям в устье Дуная, взяли их и захватили множество орудий и припасов.

Петра Панина, командующего Второй армией, назначили ответственным за сложные переговоры с татарскими ордами, и он заключил соглашение с ногайцами, которые наконец-то согласились покинуть свои земли между Дунаем и Днестром и переселиться на Кубань. Кроме того, генерал П. И. Панин получил инструкцию вести переговоры с крымским ханом, имея в виду отколоть его от Османской империи и сделать Крым независимым ханством. Но осенью 1770 г. Панин вдруг обиделся, бросил командование и попросил полной отставки от государственной службы. Он был жестоко задет тем, что его победу при Бендерах в глазах Екатерины затмили успехи Румянцева в придунайских княжествах и триумф Орлова при Чесме, и Панину казалось, что его не наградили по достоинству[27]. Екатерина никогда не любила Петра Панина и потому отпустила его в отставку. Командование принял князь В. М. Долгорукий, получивший приказ приступить к оккупации Крымского полуострова, одновременно пообещав восстановить его независимость от Османской империи. Русские войска вступили в Крым 3/14 июня 1771 г., и к середине июля те крымцы, которые не успели перейти на сторону русских, капитулировали. Хан Селим-Гирей скрылся и бежал к туркам.

Теперь предстояло придумать для Крыма новое политическое устройство и выработать условия его взаимодействия с Россией. Вскоре избрали нового хана, Сахиб-Гирея, а его младший брат Шахин-Гирей был отправлен в Петербург заключать договор. Здесь

---

[25] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 295 и далее.

[26] 11/22 ноября 1770 г. См.: АГС. Т. I. С. 67; Там же. С. 368 и далее (см. примеч. 24); Екатерина II — А. Г. Орлову, 22 марта / 2 апреля 1771 г. // СбРИО. Т. I. С. 69.

[27] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 450—451.

возникли затруднения в связи с вопросом о том, насколько велика власть крымского хана над другими ордами, в том числе ногайской, и в связи с требованием России поставить свои гарнизоны в Керчи, Еникале, на Кинбурне и в Кафе. Контроль над Керченским проливом позволил бы русскому флоту, который адмирал А. Н. Сенявин спешно строил в Азове, наконец-то вырваться в Черное море. Переговоры с татарскими ханами (которые были разобщены и постоянно испытывали давление со стороны Турции) завершились Карасубазарским договором в ноябре 1772 г. Согласно договору, признавалась самостоятельность Крыма, провозглашалась вечная дружба и союз между Россией и Крымом и право России содержать гарнизоны во всех портах, кроме Кафы[28]. Если сухопутная и морская кампании 1771 г. были не так эффектны, как в 1770 г., все же оккупация Крыма снабдила Екатерину внушительным запасом аргументов для любых мирных переговоров.

А мир и вправду становился все желаннее. К концу лета 1771 г. Екатерина столкнулась с растущими проблемами не только во внешней политике, где Фридрих II показал себя слишком требовательным союзником, а Австрия — непредсказуемым потенциальным противником[29], но и внутри страны, которую тяготило бремя войны. Чтобы покрывать военные расходы, пришлось увеличить налоги: оброк, который платили все податные, кроме крепостных крестьян, сверх подушной подати, повысился с июля 1769 г. до 2 руб., хотя для приписных крестьян удар смягчился благодаря постепенному повышению их жалованья[30]. Налоги и рекрутский набор тяжким бременем лежали на населении, и на этом фоне растущего социального напряжения надо рассматривать мощные чумные бунты в Москве осенью 1771 г.

Чума с 1769 г. бушевала на юге России и в европейской части Турции, а к середине 1770 г. появилась уже в центральных областях России и даже вынудила власти на некоторое время приостановить рекрутский набор после кампании 1771 г.[31] К августу 1771 г. чума

---

[28] *Fisher A. W.* The Russian Annexation of the Crimea, 1772—1783. Cambridge, 1970. P. 40 ff.

[29] См. ниже, гл. 14.

[30] ПСЗ. Т. XVIII. № 13194, 13 ноября 1768 г.; № 13303, 27 мая 1769 г.; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма XVIII в. М., 1966. С. 142 и далее. Выплаты приписным крестьянам выросли летом до 6 коп. на душу и 12 коп. на человека с лошадью, а зимой соответственно до 5 и 8 коп. На дорогу (по 25 верст в день) выделялось теперь по 3 коп. в день на человека.

[31] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 295 и далее.

дошла до Москвы, где ежедневно умирало по 400—500 человек. Город объяла паника. Дворяне бежали в сельские имения, фабрики и мастерские закрывались, работники и крестьяне, оставшиеся без денег, еды и работы, оказались предоставлены самим себе в городе, покинутом высшими слоями населения. Уехал даже главнокомандующий, фельдмаршал П. С. Салтыков. Архиепископ Московский Амвросий, стремясь сдержать распространение болезни, не позволял людям собираться в толпы и даже убрал с одних из московских ворот чудотворную икону, в которую народ очень верил. Но его благое намерение спровоцировало бунт, начавшийся 16/27 сентября 1771 г. Толпа ворвалась в монастырь, где укрылся архиепископ, выволокла его наружу и растерзала, как предсказывал некогда митрополит Арсений (Мацеевич)[32]. Затем толпа пустилась громить город, и беспорядки выплеснулись в сельскую местность. Подавить волнения удалось только войсками. Арестовали около 300 человек.

Екатерина в ответ назначила вместо Салтыкова нового губернатора, генерала П. Д. Еропкина, и отправила своего фаворита Г. Орлова бороться с эпидемией и восстанавливать порядок. Орлов, может быть, впервые в жизни получивший шанс показать, на что он способен, оказался одаренным и гуманным начальником. Он обещал волю крепостным, вызвавшимся работать в госпиталях, открыл сиротские приюты, распределял продовольствие и деньги, вновь открыл торговые бани, закрытые на карантин (их закрытие сильно подогрело бунт). Свыше 3 тыс. старых домов предали огню, 6 тыс. дезинфицировали, и это позволило приставить к делу рабочие руки. За два с половиной месяца Орлов истратил 95 тыс. руб., из них 16 тыс. — на одежду для населения и 17 тыс. — на продовольствие. Уровень смертности, достигший в сентябре 21 тыс. человек, в октябре снизился до 17 561, в ноябре до 5 255, а в декабре упал до 805 человек — благодаря мерам Орлова, или, скорее, из-за наступления холодов. Общее число умерших в Москве оценивалось примерно в 55 тыс. человек, а во всей империи — около 120 тыс.[33].

---

[32] См. гл. 7. С. 117.

[33] *Алефиренко П. К.* Чумной бунт в Москве в 1771 г. // ВИ. 1947. № 4. С. 82 и далее. Из арестованных по этому делу 161 человека подвергли пыткам и приговорили к обычным телесным наказаниям и каторге. П. К. Алефиренко приводит для интересующихся подробные сведения о социальном составе взбунтовавшихся толп. В. В. Мавродин рассуждает, в какой степени справедливо считать этот бунт ранним примером политической активности промышленного пролетариата (среди арестованных оказалось 12 рабочих) (см.: Крестьянская война в России. Л., 1965. Т. 1. С. 458).

Глава 14

Русско-турецкая война 1768—1772 гг. и внешняя политика России

Как только Турция объявила войну, внешнеполитическое положение России стало гораздо уязвимее. Как и в Польше, вмешательство России в межпартийную борьбу Шляп с Колпаками в Швеции оставило заметный осадок враждебности, и теперь сохранять влияние России там приходилось при помощи щедрых пенсий лидерам партии Шляп в риксдаге. А в это время события в Польше наглядно показывали, что может ожидать Швецию. «Из Польши вечно одни и те же новости: анархия и коррупция. Та же участь ждет нас, если мы вскоре не примем решительные меры», — записал в своем дневнике шведский кронпринц Густав в ноябре 1767 г.[1].

Необходимую Густаву помощь принесла перемена, происшедшая в политике Франции. Вновь вступив в должность министра иностранных дел Франции в апреле 1766 г., герцог де Шуазель твердо решил сделать ставку на укрепление шведской короны в противовес партиям Шляп и Колпаков. Задача была непростая, ведь если что-нибудь и объединяло обе партии, то это решимость не допустить восстановления в Швеции ни абсолютной королевской власти, ни хотя бы конституции 1720 г. в ее первозданном виде. Но Франции сыграло на руку то обстоятельство, что Н. И. Панин, однажды снабдив русского посланника в Швеции графа И. А. Остермана в марте 1768 г. суммой в 26 тыс. руб., оставил его практически без руководства и сосредоточился на польских делах и на защите собственных позиций при дворе[2]. Остерману приходилось сражаться не только со Шляпами; он оказался втянутым в великосветскую войну против шведской королевы, возглавлявшей придворную

---

[1] *Amburger E.* Russland und Schweden, 1762—1772. Die Schwedische Verfassung und die Ruhe des Nordens. Berlin, 1934. S. 184.

[2] См. выше, гл. 13, с. 332—333.

партию, которую поддерживала Франция. Стоило королеве, как доносил Остерман, услышать, что он дает прием или обед, как она назначала свой прием на тот же самый вечер.

Чтобы добиться своих целей, необходимо было созвать риксдаг. Заговорщики решили вопрос при помощи удивительно современной уловки: в декабре 1768 г. король собрался забастовать, т.е. пригрозил отречением, а в этом случае непременно полагалось созвать риксдаг. Реакции Совета не последовало, и тогда кронпринц Густав объехал все правительственные коллегии и воинские части. Все учреждения решили прекратить выполнение служебных обязанностей перед правительством, пока Совет не уступит. Наконец 9/20 декабря это случилось, и риксдаг был созван.

В то же самое время причуды датского короля Кристиана VII — человека неуравновешенного, хотя пока еще сохранявшего рассудок, — требовали постоянной бдительности со стороны России. Уже стало заметным влияние, которое приобрел на короля его врач, Иоганн Фридрих Струензе. Явно не без участия последнего король, по всем признакам, захотел отказаться от политической ориентации на Англию и Россию. Однако с началом Русско-турецкой войны в октябре 1768 г., и в особенности после переворота в Швеции, совершенного Адольфом Фридрихом в декабре того же года, обозначилось русско-датское сближение. В обеих странах понимали, что их безопасность зависит от слабости Швеции, заключенной в ее действующей конституции. Датский министр иностранных дел Бернсторф часто намекал на желательность заключения pacte de famille — семейного соглашения между Данией и Россией (чтобы «дом Ольденбургов правил от Эльбы до Китая»). Услышав, что происходит в Швеции, Н. И. Панин проявил большую, чем прежде, склонность пойти навстречу проектам Бернсторфа, особенно в связи с необходимостью согласования военных операций в случае, если бы конституционный переворот в Швеции привел к началу войны с Россией. При подобном повороте событий Панин был готов признать за Данией территориальные приобретения, которые она сделала бы за счет Швеции, а также их гарантировать.

Бернсторфа события в Швеции встревожили не меньше, чем Панина, и в феврале 1769 г. он приступил к мобилизации датской армии. Это, в свою очередь, взволновало Шуазеля, который поспешил предостеречь Бернсторфа от нападения на Швецию. К предостережению Франции присоединилась Испания. Но французские угрозы лишь опять подтолкнули датского министра в объятия Рос-

сии, и он продолжал настаивать на переговорах о новом датско-русском соглашении, с тем чтобы к маю объединенные силы обеих стран включали в себя десять линейных кораблей и двадцатитысячную армию в полной боевой готовности. Дания предлагала бросить половину своих сухопутных сил на высадку в Сконе, а вторую половину разместить на границе Швеции с Норвегией. Однако ради придания постоянства новому союзу Бернсторф хотел также немедленно осуществить на деле договор 1767 г. о размене Голштинии на Ольденбург[3]. С его точки зрения, существовал ряд причин для спешки: если Екатерина будет свергнута и ее место займет сын Павел, то вполне вероятно, что, достигнув совершеннолетия, он аннулирует договор о размене. Но Павел тоже мог умереть, а тогда герцогство Голштинское — если бы не удалось заранее заставить Адольфа Фридриха уступить его права датскому королю в обмен на Ольденбург — унаследовал бы шведский король.

Однако Екатерина II не торопилась с разменом. Она твердо решила, что Павел сам должен участвовать в соглашении о передаче его герцогства в другие руки, а значит, он сможет завершить переговоры, когда достигнет совершеннолетия. К тому же императрица прекрасно понимала, что, пока этот размен не состоится и Бернсторф сохранит свою власть, Дания и шагу не ступит без ее позволения. Поэтому Екатерина отклонила предложения Бернсторфа относительно «семейного соглашения», но была готова уже считать Голштинию датским владением и гарантировать ее от посягательств всех других сторон[4].

Тем временем выборы в шведский парламент шли под аккомпанемент все усиливающегося золотого дождя. К середине февраля Франция издержала на эти выборы 750 тыс. ливров, а Россия к апрелю — свыше 930 тыс.[5]. В общей сложности Остерман испросил у своего двора 205 250 руб.[6]. Когда 19 апреля 1769 г. шведский парламент наконец собрался в маленьком городке Норчепинге, стало ясно, что Шляпы одержали полную победу. Но между ними не было

---

[3] Об этом договоре см. выше, гл. 12. См. также: *Amburger E.* Op. cit. S. 189—190; Н. И. Панин — Философову, 21 декабря 1769 г. / 2 января 1770 г. // СбРИО. Т. LXXXVII. С. 246 и далее.

[4] Недатированное замечание Екатерины II на полях письма Философова к Панину от 13/24 февраля 1769 г. // Там же. Т. LXXXVII. С. 335.

[5] *Amburger E.* Op. cit. S. 194 ff.

[6] Остерман — Панину. 21 февраля / 3 марта 1768 г. // *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 351.

единства: да, король, может быть, им и помог, но это вовсе не значило, что победившая партия единодушно готова помочь королю. Раскол в ее рядах позволял Остерману, при поддержке датских и британских союзников, продолжать борьбу против изменений в существующей конституции и возобновления договорных отношений Швеции с Францией (которые Франция и не собиралась возобновлять до тех пор, пока в Швеции не укрепится королевская власть). Когда в январе 1770 г., несмотря на все суммы, потраченные заинтересованными иностранными державами, парламент был все-таки распущен, единственным реальным итогом их усилий оказалось то, что король с королевой расплатились со своими долгами[7].

А пока в Швеции с апреля и до конца 1769 г. кипела политическая борьба, Россия с Данией вели затяжные переговоры о новом союзе. Обе страны мобилизовали флоты и сухопутные силы, но Дания не могла знать наверняка, относятся ли военно-морские приготовления России к войне со Швецией или (как и оказалось на деле) они нацелены на Турцию. Передвижения русских войск к финской границе выглядели до того скромными, что Бернсторф испугался, как бы Россия не бросила Данию в последний момент нести основную тяжесть войны на суше[8].

И Дания и Россия старались втянуть прусского короля Фридриха II в борьбу в Швеции и навязать ему роль активного защитника шведской конституции. Но Фридрих никому не позволял управлять собой. Когда началась Русско-турецкая война, он предложил Порте свои посреднические услуги (как и английский король Георг III). Но когда с тем же обратились к Екатерине, она отмела все подобные предложения как преждевременные — по крайней мере, до тех пор, пока Россия не добьется решающей победы. Весть о том, что Адольф Фридрих в декабре 1768 г. совершил переворот, ненадолго оживила переговоры об англо-русском союзе, заглохшие было после того, как в 1766 г. отозвали посла Макартни. Теперь Россия была готова отказаться от условия casus foederis [случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору. — *лат.*] относительно Турции (т.е. не добиваться создания военного союза, по договору обязывающего Англию вступить в войну с Турцией на стороне России) и удовольствоваться крупными английскими субсидиями на

---

[7] По оценке Э. Амбургера, в страну было ввезено свыше 5 млн талеров серебром (*Amburger E.* Op. cit. S. 223 ff).

[8] Ibid. S. 192.

борьбу с французским влиянием в Швеции. Но русский посол в Лондоне граф И. Г. Чернышев неизменно получал все тот же ответ: британский парламент ни за что не согласится выделять субсидии в мирное время, а действующее правительство, придя к власти, не может осуществлять то, против чего боролось в оппозиции[9].

Поэтому России было крайне необходимо заручиться содействием Пруссии. Но Фридрих II воспользовался этой возможностью, чтобы требовать возобновления русско-прусского договора. Этот договор истекал только в 1772 г., но Фридрих хотел, чтобы он оставался в силе и после того, как Панин потеряет расположение императрицы. Екатерина не торопилась раньше времени продлевать договор: ей все еще приходилось считаться с тем, что с началом войны явно обозначился раскол русского двора на сторонников Пруссии и Австрии. Но события в Швеции и созыв внеочередной сессии риксдага в апреле 1769 г. заставили ее более благосклонно прислушаться к пожеланиям Пруссии. Впрочем, Фридрих дал понять, что не намерен придерживаться российской политической линии в отношении Швеции. Он был готов возобновить свою гарантию шведской конституции в целом, но не собирался соглашаться на то, чтобы малейшее изменение в ней служило casus foederis его союза с Россией[10].

Летом 1769 г. у Фридриха II появились и другие причины для того, чтобы заставить Россию ждать. На приближавшийся август была намечена его встреча на Нейсе с императором Иосифом II, и Фридрих рассчитывал, что это внезапное сближение Пруссии с Австрией сделает Россию уступчивее. «Нужно затягивать [эти переговоры], потому что мне любопытно узнать, что скажет император, — писал Фридрих в августе 1769 г. — Если император не скажет ничего интересного, мы всегда успеем заключить наш договор с русскими»[11]. Плодом встречи двух монархов, прошедшей в конце августа, оказалось тайное соглашение о сохранении мира в Германии в случае войны между Англией и странами, где правили Бурбоны, или любой другой войны. Столь успешная нейтрализация Германии сняла один из самых тяжких грузов с плеч прусского короля, тем более что, как он полагал, Франция тайно дала на это свое согла-

---

[9] Н. И. Панин — И. Г. Чернышеву, 2/13 января 1769 г. // СбРИО. Т. LXXXVII. С. 299 и далее; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 260 и далее, с. 355.

[10] Фридрих II — Сольмсу. 28 июня 1769 г. // PCFG. Bd. 28. S. 406ff.

[11] Ibid. Bd. 29. S. 11 ff.

сие[12]. При этом Фридрих продолжал настаивать на продлении русско-прусского договора, и, как он и ожидал, его краткий флирт с Австрией на Нейсе сделал Россию сговорчивее. Наконец 12/23 октября договор был подписан. Условились о распространении прусских гарантий на шведскую конституцию, перечислив те конкретные изменения, которые будут сочтены нарушением фундаментальных законов Швеции. Нападение Швеции на Россию или восстановление абсолютизма в Швеции («la souverainete») должны были рассматриваться по договору как casus foederis — причина вооруженного вмешательства Пруссии. Фридрих II брался нанести отвлекающий удар по шведской Померании, где мог рассчитывать на некоторые территориальные приобретения[13].

Бернсторф тем временем настаивал на заключении датско-русского договора. Державы под властью Бурбонов не переставали угрожать Дании, и он стремился укрепить связи с Россией на случай войны со Швецией, которая несколько раз этим летом казалась почти неизбежной. Наконец 2/13 декабря 1769 г. договор был подписан. В секретной статье оговаривалось, что любое изменение в конституции Швеции будет рассматриваться по договору как casus foederis. В случае войны со шведами Дания могла приобрести территории по границе с Норвегией, а Россия — в Финляндии. Обе стороны обязывались подготовить морские и сухопутные силы для весенней кампании 1770 г.[14]

Но эта кампания так и не состоялась. Угроза войны со Швецией исчезла после роспуска внеочередной сессии риксдага в январе 1770 г. Осенью того же года кронпринц Густав отбыл из Швеции с визитом в Западную Европу, и в частности во Францию. У России были причины испытывать особенное облегчение после разрядки напряженности на Севере, потому что дела в Дании одно время принимали крайне нежелательный оборот. Влияние доктора Струензе на короля Кристиана VII возросло настолько, что в сентябре 1770 г. король прогнал Бернсторфа. Дания на время отклонилась от пророссийской политики, которой придерживалась в интересах окончательного разрешения голштинского вопроса.

---

[12] Фридрих II — Роде, 20 сентября 1769 г. // PCFG. Bd. 29. S. 89.

[13] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 340 и далее; *Martens F. de.* Recueil des traites et conventions conclus par la Russie... Vol. VI. P. 48 ff; о секретной статье см.: *Geffroy A.* Gustave III et la cour de France. Paris, 1867. P. 39, примеч. 1.

[14] *Martens F.* Op. cit. Vol. VI. P. 11; Danske Traktater. 1751—1800... P. 229.

Сразу за падением Бернсторфа последовал новый удар: 1/12 февраля 1771 г. внезапно умер шведский король Адольф Фридрих. Густав только что успел приехать в Париж 4 февраля, еще кронпринцем, а 14/25 марта, сохраняя инкогнито, но уже став королем, он покинул страну, успев провести во Франции переговоры о возобновлении выплаты французских субсидий и получив обещание о финансовой и дипломатической поддержке во время будущей сессии парламента. Несмотря на отставку в 1770 г. Шуазеля, его преемник продолжал проводить политику укрепления шведской короны за счет ослабления парламентских партий.

Начавшаяся в это время война с Турцией вынудила Россию постараться как-нибудь уладить польские дела, чтобы можно было вывести войска из страны. Князя Н. В. Репнина отозвали и разрешили ему отправиться к армии, воюющей с турками. Его сменил князь М. Н. Волконский. Но, судя по инструкции, полученной Волконским 31 марта / 11 апреля 1769 г., российская политика в Польше почти не изменилась. Ему предписывалось оказывать поддержку польскому правительству, подтвердить российские гарантии территориальной целостности Польши и неприкосновенности ее конституции, принятой февральским сеймом 1768 г. Волконский должен был оберегать польский престол и не дать полякам примкнуть к туркам. В вопросе о диссидентах посол получил известную свободу действий: не следовало допускать никаких официальных изменений в их статусе, но ради поддержания мира в стране он все же мог закрывать глаза на новшества, вводимые по их предложению. Однако при этом он имел полное право без колебаний припугнуть поляков религиозной войной: «Не только Россия была заинтересована в диссидентах, но и все протестантские державы, и если вмешаются католические страны, то последует война, сокрушительная для всего христианского мира, в ходе которой католицизм в Польше может быть полностью уничтожен»[15]. Но Волконский добился в Польше не больших успехов, чем Репнин. Ясно было, что польские конфедераты станут выжидать, пока в Русско-турецкой войне одна из сторон не получит перевес.

Своими частыми вторжениями в пределы Пруссии и Австрии своевольные конфедераты уже привели к тому, что последняя в феврале 1769 г. окружила округ Ципс в Польше военным кордоном

[15] СбРИО. Т. LXXXVII. С. 372 и далее; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 328 и далее.

под предлогом защиты Венгрии от конфедератских набегов. В июле 1770 г. кордон развернули почти до Кракова, использовав как дополнительный предлог введение карантина против расползавшейся чумы[16]. В ответ на протест польского двора против этой оккупации австрийский канцлер князь Кауниц заявил, что теперь Польше придется доказать свои права на эти земли. Новый шаг к согласию, сделанный Пруссией и Австрией на Нейсе, очевидно, заставил Фридриха II взглянуть сквозь пальцы на эту австрийскую оккупацию, а сам он использовал ее как предлог, чтобы выдвинуть собственный военный кордон до Мариенвердера на Висле под видом обороны коммуникаций с Восточной Пруссией и установления карантина по примеру австрийцев[17].

Фридрих II, которому не терпелось прекратить Русско-турецкую войну, пока его русские союзники не добились слишком больших успехов, позволил себе еще на шаг сблизиться с Иосифом II во время второй встречи двух монархов в Нейштадте в сентябре 1770 г. «Мое маленькое путешествие в Моравию лучше убедит русскую императрицу в моих мирных намерениях, чем все войска и все газеты в мире», — писал он своему брату принцу Генриху 6/17 июня 1770 г.[18] Екатерина же продолжала уклоняться от всех предложений о посредничестве, но зато, распорядившись начинать крупные приготовления к кампании 1771 г., она в августе 1770 г. уполномочила фельдмаршала П. А. Румянцева напрямую обсудить с турками условия мира (правда, лишь после освобождения русского посла из Семибашенного замка)[19].

Князь Кауниц сопровождал императора Иосифа II в Нейштадт, и именно австрийскому канцлеру Фридрих подробно объяснил, почему ему так хочется, чтобы установился мир между Россией и Турцией. Он также выразил уверенность, что Австрии не понравится, если Россия слишком расширит свои владения. Кауниц признал, что Австрия не может согласиться на полное унижение Турции и что России нельзя оставлять слишком много завоеванных земель[20].

---

[16] См. выше, гл. 12, о последствиях этой эпидемии в России.

[17] *Kaplan H.* The First Partition of Poland. N.Y., 1962. P. 126—127; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 401—402.

[18] PCFG. Bd. 30. S. 520.

[19] АГС. Т. I. С. 52—54, 12/23 августа 1770 г.; С. 59, 13/24 сентября 1770 г.

[20] Беседы Кауница с Фридрихом II 3 и 4 сентября 1770 г. // PCFG. Bd. 30. S. 101ff.

Пока Австрия сговаривалась с Пруссией о том, как отобрать у России плоды ее побед, стало известно, что Турция официально просит посредничества обеих держав. Кауниц предложил Фридриху как союзнику России взять на себя передачу этой просьбы Екатерине II, после чего они согласовали позиции в отношении России[21].

В сентябре 1770 г. Фридрих II переслал русской императрице просьбу Турции о прусско-австрийском посредничестве. Но она все же предпочла вести переговоры напрямую, через П. А. Румянцева, который тут же получил приказ попытаться в кратчайшие сроки начать переговоры с великим визирем прямо на месте[22]. Инициативу Пруссии пока отклонили, объяснив, что Россия не хочет обидеть Англию, любезно предложившую свои посреднические услуги еще в начале войны. Одновременно на заседании Совета при Высочайшем дворе были выработаны новые условия мира со стороны России. Теперь к ним относились: сохранение за Россией Азова и Таганрога; свободное плавание торговых судов в Черном море; амнистия всем подданным Турции, принявшим в войне сторону России; сохранение за Россией острова в Архипелаге, если таковой будет завоеван; независимость для татар, которым пора бы сбросить турецкое иго (намек на предполагаемое русское завоевание Крыма); и, наконец, достаточно долгая оккупация Придунайских княжеств, чтобы Россия могла налогами с этих земель компенсировать свои военные расходы. Впрочем, этими выплатами можно было бы и пренебречь ради более крупного успеха — признания независимости княжеств от Турции[23].

Когда турки отвергли предложение Румянцева о прямых переговорах и настойчиво потребовали посредничества Австрии и Пруссии, русские условия договора конфиденциально сообщили Фридриху II. Тот ужаснулся. «У меня волосы встали дыбом, — написал он принцу Генриху 3 января 1771 г. — Я никогда не решусь предложить это ни туркам, ни австрийцам... этот документ можно считать объявлением войны... Над нами насмехаются». Он писал, что не намерен воевать с Австрией ради того, чтобы доставить России все эти преимущества. Австрийскому послу в Берлине Фридрих II тоже вполне ясно дал понять: предъявленные русскими условия мира «непо-

---

[21] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 401.

[22] Екатерина II — П. А. Румянцеву, 17/28 сентября 1770 г. // СбРИО. Т. XCVII. С. 138—139.

[23] АГС. Т. 1. С. 59—61.

мерны, нестерпимы». Предупредив, таким образом, своего партнера-посредника о том, что не намерен поддерживать эти условия заключения мира, Фридрих написал письмо Екатерине, в котором внушал ей, что Австрия никогда на них не согласится. Императрице следовало удовольствоваться Азовом, свободным плаванием в Черном море и кое-какими территориальными уступками на Кавказе[24].

Стоит ли говорить, что Екатерина была весьма далека от подобного шага. Она заметила, что никак не ожидала найти в лице Фридриха II защитника турок и что речь шла о мире с Турцией, а не с Австрией. «Держитесь крепко и ни шага назад; все обделается как нельзя лучше, а если увидят, что мы гонимся за миром, получим мир дурной»[25]. 19/30 января 1771 г. Екатерина снова написала Фридриху. В письме она отстаивала свои условия заключения мира и разоблачала так называемое «равновесие на Востоке» — «equilibre d'Orient» (это выражение начинало входить в употребление и, как подозревала императрица, было пущено в ход французами): «Кто определил, что это равновесие правильно, пока границы турецких владений доходят до Днестра, и что оно нарушится, как только эти самые границы окажутся ограничены Дунаем?» Екатерина явно не собиралась отдавать территории, которые, как она полагала, русская армия завоевала для нее[26].

Волнение Фридриха из-за возможной реакции австрийцев на русские условия мира (особенно на требование независимости Дунайских княжеств) было вполне понятным. Он серьезно опасался, как бы это не подтолкнуло Австрию взяться за оружие и встать на сторону Турции. Хотя он и надеялся, что договоренность, достигнутая на Нейсе в 1769 г., оградит его от нападения австрийцев, Фридрих тем не менее изо всех сил стремился поскорее покончить с этой войной. Кстати, она слишком дорого ему обходилась, ведь договор обязывал Пруссию платить России субсидию. Но в действиях Фридриха была и еще одна сторона: он надеялся, что Пруссия сумеет извлечь из этой войны для себя какую-нибудь выгоду. Он уже давно подумывал о приобретении польских земель, чтобы соединить вместе свои разбросанные владения. Еще в феврале 1769 г. он просил своего посланника в России, графа Сольмса, обсудить с Н. И. Паниным план раздела Польши. Этот план Фридрих II приписывал некоему

[24] PCFG. Bd. 30. S. 357, 361, 3 января 1771 г.
[25] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 444, б.д.
[26] PCFG. Bd. 30. S. 460 ff.

графу Линару[27], хотя фактически сам был его автором. Фридрих предполагал отдать Австрии округ Ципс и часть Галиции, себе взять Восточную Пруссию, Вармию и протекторат над Данцигом, а Россия могла забирать, что ей будет угодно. Зато после этого Пруссия и Австрия выступили бы вместе с Россией против турок. Но тогда, зимой 1769 г., когда Сольмс начал зондировать почву, Н. И. Панин не проявил интереса к этой идее, хотя и Россия давно уже подумывала о «пограничном урегулировании» с Польшей[28].

Фридрих II остался недоволен результатом рекогносцировки в России и решил повторить этот опыт с Австрией. В мае 1770 г. при встрече с австрийским посланником Нюгентом в Берлине он предложил австрийцам взять себе Парму и Пьяченцу, «да еще что-нибудь из венецианских владений», в ответ на что Нюгент предложил Пруссии взять себе взамен какой-нибудь аккуратненький «округ» в Польше[29]. Но одним из главных сторонников прусской экспансии в Польше выступал принц Генрих Прусский, который в сентябре 1770 г. нанес длительный визит в Россию. В декабре 1770-го или в начале января 1771 г. при дворе Екатерины вели один шутливый, беззаботный и циничный разговор. Государыня упомянула о том, что в декабре Австрия захватила польский округ Зандец, и воскликнула: «А почему бы всем остальным тоже не взять себе что-нибудь?» Тут Захар Чернышев добавил: «Главное — чтобы каждому что-нибудь досталось»[30]. В длинном донесении Фридриху II Сольмс подробно рассказывал об этом. Он писал, что при русском дворе поговаривают, что раз Австрия оправдывает свои захваты в Польше тем, что эти территории в старину принадлежали венгерской короне, то нужно порыться в российских и прусских архивах, и наверняка найдутся вполне законные основания претендовать одной на епископство Вармийское, а второй — на Польскую Лифляндию. Россия может даже взять себе земли до самой Двины, а затем соединить их прямой линией с Днепром,

> что составило бы, по крайней мере, нечто вроде вознаграждения за шестилетнюю войну в Польше и против турок, и что такому верному союзнику, как Вашему Величеству, тогда досталось бы тоже вознаграж-

---

[27] Линар был датчанином и выступал посредником в переговорах по поводу Клостерсевенского соглашения между герцогом Кумберлендом и французским командующим в 1757 г.

[28] См. выше, гл. 12, с. 307.

[29] Нюгент — Кауницу, 25 мая 1770 г. // PCFG. Bd. 29. S. 462ff.

[30] Принц Генрих — Фридриху II, 8 января 1771 г. // PCFG. Bd. 30. S. 406ff.

дение за все издержки и расходы, которые вы имели вследствие союза, и что, наконец, отнятие этих провинций от Польши нисколько бы не уменьшило ни могущества, ни значения ее короля, который оставался бы при том положении, в котором и был[31].

Итак, судя по всему, при русском дворе одобряли замысел заставить Польшу расплатиться за русскую оккупацию и возместить Пруссии субсидии, которые та выделила России.

Принц Генрих возвратился в Берлин в феврале 1771 г., убежденный, что Россия не станет противиться прусским приобретениям в Польше, призванным уравновесить ее собственные новые земли, полученные за счет Турции. Не так уж важно, Генрих ли уговорил брата согласиться на этот план, или сам Фридрих II обнаружил, что созрели его собственные тайные замыслы. Так или иначе, король принялся уговаривать Россию снабдить его «мазью против ожога», как выразился он в письме к Сольмсу 20 февраля 1771 г.[32] Панин тоже наконец-то открыто признался прусскому посланнику, что между русскими приобретениями в Османской империи и компенсацией для Пруссии за счет Польши существует прямая связь. В решающей беседе с Сольмсом в середине февраля 1771 г. российский министр пообещал, что Россия не станет продолжать войну лишь ради того, чтобы отнять еще больше земель у Турции. В частности, он упомянул Крым, еще не оккупированный русскими войсками. Но России понадобится компенсация за те приобретения, от которых она пока воздерживалась. Поскольку Россия «отказывается от выгод, которые Порта должна была ей доставить, то ее следовало бы в той же мере и соответственно вознаградить за военные издержки», — сказал Панин Сольмсу, и последнему стало ясно, что это возмещение будет найдено в Польше[33]. Фридрих не возражал против этого выхода, открывавшего путь и для него. А так как Австрия уже отхватила себе кусок, он написал: «Я не смогу таким же способом ни избавиться, ни тем более обзавестись каким-нибудь маленьким кусочком Польши, разве что в виде возмещения моих субсидий...»[34]. Поэтому король принялся за подготовку своих «законных требований» на те территории, захват которых, по его мнению, мог тогда

---

[31] Сольмс — Фридриху II, 28 декабря 1770 г. / 8 января 1771 г. // СбРИО. Т. XXXVII. С. 339—340.

[32] Там же. С. 391—392, 20 февраля 1771 г.

[33] Сольмс — Фридриху II, 1/12 февраля 1771 г. // Там же. С. 366 и далее.

[34] Фридрих II — Сольмсу. 27 февраля 1771 г. // PCFG. Bd. 30. S. 482ff.

сойти ему с рук, т.е. на Померанию[35]. Ее он собрался занять на том основании, что ему необходимо расширить противочумной кордон, как поступили и австрийцы. Так и без того сомнительное династическое притязание должно было использоваться для сокрытия прямого требования компенсации, способной сохранить равновесие сил между Россией и ее союзницей Пруссией.

Относительная пассивность, с которой Австрия наблюдала за победами русского оружия в начале 1771 г., уступила место настоящей панике из-за успехов России и характера выдвинутых ею условий мира. К февралю 1772 г. Австрия начала вооружаться и размещать войска в Венгрии. В великой тайне начались австрийско-турецкие переговоры, Австрия готовилась вступить в войну на стороне Османской империи, чтобы положить предел продвижению России. Панин, побуждаемый Пруссией согласиться на компенсацию в Польше, попытался выяснить, какими соображениями Австрия оправдывала аннексию Ципса, но Кауниц отделался от него уверениями, что эти территории заняты лишь на время, а их будущее решится полюбовным соглашением с Польшей[36].

Молниеносный приезд Алексея Орлова из Италии в Санкт-Петербург в марте 1771 г. привел к изменению акцентов в мирных условиях России. Был принят совет Орлова отказаться от претензий на один из островов в Архипелаге, так как его оборона будет обходиться слишком дорого. Но между Екатериной II и ее советниками возникло расхождение по вопросу о Дунайских княжествах. Императрица предпочитала добиться их независимости, а не получить возмещение за возврат княжеств под власть Османской империи. Но в конце концов (предположительно — по совету Н. И. Панина и А. Г. Орлова) было решено потребовать за их возврат Турции огромного возмещения в 25 млн руб. с выплатой в течение одного года[37]. Эти условия А. Орлов неофициально сообщил Кауницу, возвращаясь в Италию через Вену. Австрийский канцлер счел требова-

---

[35] Exposé des droits de Sa Majesté le roi de Prusse sur le duché de Pomerellie... // *Hertzberg, Comte de.* Recuiel de déductions, manifestes etc. redigés et publiés par le Comte de Herzberg. Berlin, 1789. Vol. I. P. 324 ff.

[36] Сольмс — Фридриху II, 19/30 апреля 1771 г. // СбРИО. Т. XXXVII. С. 459 и далее. Слова ван Свитена приведены в письме Финкенштейна Фридриху II от 13 мая 1771 г. (PCFG. Bd. 31. S. 148—149).

[37] АГС. Т. I. С. 371 и далее. 17/28 марта 1771 г.; рескрипт А. Г. Орлову от 22 марта / 2 апреля 1771 г. // СбРИО. Т. XCVII. С. 246 и далее.

ния России слишком неумеренными[38] и продолжил переговоры с Турцией. Намеки Панина австрийскому послу Лобковичу на то, что и Австрия могла бы получить что-нибудь в возмещение российских приобретений, остались незамеченными. Напрасно он уверял, что всегда можно найти династические или иные поводы, и толковал послу Австрии, что «нет государства, которое не имело бы никаких претензий к своему соседу и не могло бы предъявить соответствующие акты, когда представится возможность пустить их в ход»[39].

В это время Пруссия и Австрия как потенциальные посредники общими усилиями добились освобождения российского посланника А. М. Обрескова из Семибашенного замка. Екатерина не могла долее отклонять посредничество Австрии и Пруссии, и чтобы рассмотреть условия мирных переговоров в мае 1771 г. опять собрался Совет при Высочайшем дворе. Впервые его члены были информированы о переговорах с Пруссией по поводу Польши, которые, похоже, позволяли разрешить проблему Дунайских княжеств в том случае, если, согласно желанию Екатерины, их не собирались вернуть Турции. Панин объяснил, что если Фридрих II решил следовать примеру Австрии и аннексировать часть польской территории, то Россия должна потребовать Польскую Лифляндию, чтобы границей между Россией и Польшей служила водная преграда. Польше в возмещение потерь передавались Молдавия и Валахия[40].

Российские условия заключения мира, в том числе план расплатиться с Польшей Дунайскими княжествами за потерю Лифляндии, были сообщены Лобковичу 18/29 мая. А на следующий день Панин и Сольмс уже обсуждали «с картой на столе», что именно Фридрих II намерен получить в Польше. Условия России, сообщенные также и самому Фридриху, он счел теперь «вполне умеренными». Более того, мысль отдать в возмещение Польше Молдавию и Валахию показалась ему очень удачной. Во всяком случае, он хотел, чтобы так восприняли его позицию в Вене[41].

---

[38] АГС. Т. I. С. 80 и далее, 9/20 мая 1771 г. (здесь приведена выдержка из письма Кауница Лобковичу 2 мая 1771 г. по новому стилю); см. также письмо Иосифа II своему брату Леопольду от 2 мая 1771 г. // *Arneth A. von.* Maria Theresia und Joseph II, Ihre Correspondenz. Wien, 1867. Bd. II. S. 338 ff.

[39] Панин — Сальдерну, 29 апреля / 10 мая 1771 г. // СБРИО. Т. XCVII. С. 258 и далее; ср.: Лобкович — Кауницу, 26 апреля 1771 г. // Там же. Т. CIX. С. 524 и далее.

[40] АГС. Т. I. С. 82—83, 16/27 мая 1771 г.

[41] Фридрих II — Роде, 16 июня 1771 г. // PCFG. Bd. 31. S. 196—197; Фридрих II — Сольмсу, 19 июня 1771 г. // Ibid. S. 202—204; 3 июля 1771 г. // Ibid. S. 223ff.

Однако Австрия ни при каких условиях не согласилась бы на передачу Польше Дунайских княжеств[42] и на ослабление подобной потерей Османской империи. Австрии было выгоднее держаться заодно с турками против русских, и 25 июня / 6 июля 1771 г. была заключена австро-турецкая конвенция, согласно которой Турция бралась заплатить Австрии субсидию в 20 тыс. кошельков по 500 пиастров и передать ей часть Валахии, если Австрия дипломатическими или военными средствами добьется возвращения Турции всех земель, завоеванных Россией, и гарантий политической независимости и территориальной целостности Польши[43].

Теперь совместное посредничество Пруссии и Австрии между воюющими сторонами временно расстроилось. Очевидно, что не было ни малейшего шанса уговорить Фридриха, уверенного, что он получит свою долю в Польше, вместе с Австрией склонять Россию к умеренности[44]. Австрия тем временем пыталась заставить Россию удовольствоваться приобретением Кабарды на Кавказе, свободным мореплаванием в Черном море и денежной компенсацией и объявила о своем намерении отдать Польше отнятые у нее воеводства, если Россия гарантирует целостность территории Речи Посполитой[45]. В течение осени росла напряженность, и Россия потребовала, чтобы Фридрих обязался прийти к ней на помощь с двадцатитысячным войском, если Австрия пошлет армию в Польшу и в турецкие владения, оккупированные Россией[46].

Тогда Екатерина II проявила ту твердость, которую в дальнейшем всегда показывала в международных отношениях. 22 августа / 2 сентября в Совете было решено, что Австрия блефует и что вряд ли австрийцы и вправду собираются воевать, а просто они пытаются демонстрацией силы заставить Россию изменить свою политику. В ответ явно необходимо было также продемонстрировать силу, а заодно и укрепить решимость Фридриха II хранить верность своему союзнику. Наметили послать в Польшу подкрепление, а если на помощь Австрии придет Франция, снова вступить в переговоры

---

[42] PCFG. Bd. 31. S. 235, примеч. 2 (приведена выдержка из письма Кауница Лобковичу от 1 июля 1771 г.).

[43] *Martens G.F. de.* Recueil de traités. Göttingen, 1817. Vol. II: 1771—1779. P. 19ff.

[44] Фридрих II — Сольмсу, 14 августа 1771 г. // PCFG. Bd. 31. S. 305ff.

[45] АГС. Т. I. С. 117—118, 31 октября / 11 ноября 1771 г.

[46] СбРИО. Т. XXXVII. С. 527.

о союзе с Британией, не предусматривающем пункта о британской военной помощи России в случае войны с Турцией — casus foederis[47].

Но в это время русско-прусские переговоры опять зашли в тупик: Фридрих поднял цену за прусскую помощь России при возможной австрийской интервенции в Польше и Придунайских княжествах. Он потребовал себе Данциг[48] и продолжал настаивать, чтобы Россия отказалась от притязаний на Молдавию и Валахию, полагая, что если Австрия еще сможет смириться с присоединением Крыма к России, то за Молдавию и Валахию она будет воевать[49]. С другой стороны, в Австрии понимали, что после падения Шуазеля в декабре 1770 г. уже нельзя рассчитывать на помощь Франции. А могла ли Австрия ополчиться на Россию, не имея никаких союзников, кроме Турции? Екатерина также начала пересматривать свои условия. Успокоившись относительно Крыма, который летом 1771 г. заняли победоносные российские войска, Совет при Высочайшем дворе 24 октября / 5 ноября 1771 г. постановил отдать Дунайские княжества Турции, потребовав себе взамен Очаков и Кинбурн — крепости при впадении Днепра в Черное море[50]. Эта решимость была подтверждена на заседании Совета 22 ноября / 2 декабря, где впервые упоминались слухи о намерении Австрии прийти на помощь туркам[51]. Тогда же Екатерина согласилась возобновить осенью мирные переговоры с Турцией — военные расходы слишком обременяли казну, а в стране свирепствовала чума, которая уже вызвала бунт в Москве[52].

После того как Россия согласилась вернуть Турции Дунайские княжества, Австрия получила возможность выбирать, как поступить дальше — ратифицировать австро-турецкий договор 25 июня / 6 июля 1771 г. и вступить в войну с Россией за территориальную целостность Польши (и получить за это компенсацию от Османской империи), или, видя, что главное требование австрийской стороны выполнено, бросить турок и попробовать, не воюя, получить компенсацию в Польше или еще где-нибудь (раз уж с турок теперь ниче-

[47] АГС. Т. I. С. 104—106, 22 августа / 2 сентября 1771 г.

[48] Фридрих II — Сольмсу, 25 сентября 1771 г. // PCFG. Bd. 31. S. 399—401.

[49] Отчет Роде о беседе с Марией Терезией 5 сентября 1771 г. // Ibid. P. 363ff.

[50] АГС. Т. I. С. 115—116; Ср.: Сольмс — Фридриху II, 12/23 сентября 1771 г. // PCFG. Bd. 31. S. 443, примеч. 1.

[51] АГС. Т. I. С. 122 и далее.

[52] Там же. С. 119 и далее, 10/21 ноября 1771 г.

го не получишь). Мария Терезия надеялась лишь на небольшие территориальные уступки в свою пользу, зато Иосиф II рассчитывал, что Австрия получит Глатц и часть Силезии, в то время как Фридрих прихватит еще кусок Польши[53].

В это время в России стали известны подробности тайного австро-турецкого соглашения 25 июня 1771 г. Угроза вступления Австрии в войну на стороне Турции заставила Панина в беседе с австрийским послом в Санкт-Петербурге приоткрыть карты. Он признался, что если Россия отдаст туркам Дунайские княжества, то она намерена вознаградить себя в Польше, и пригласил Австрию сделать то же самое, а не искать компенсации у турок («нет такого государства, которое не имело бы всегда явных прав на своих соседей... также нет ни одного, которое не было б удостоверено о надобности равновесия могущества...»). Итак, Панин открыто приглашал Австрию вместе с Россией и Пруссией установить это равновесие сил[54].

Пока Кауниц, Мария Терезия и Иосиф II размышляли, где лучше получить компенсацию — в Турции, в Пруссии или в Польше, Фридрих торопил Россию с заключением секретной конвенции. Он хотел, чтобы это произошло раньше, чем Россия помирится с Турцией, опасаясь, что, освободившись от этой войны, Россия уже не захочет учитывать его интересы при разделе Польши. Таким образом, Фридрих считал, что раздел должен произойти до заключения мира, а русские, естественно, стремились сначала заключить мир, а потом уже делить Польшу. Сделка состоялась 23 декабря / 4 января 1772 г., когда Фридрих отказался от требования уступить Пруссии Данциг, в чем Россия ему упорно препятствовала.

К концу января Кауниц сумел охладить воинственный пыл Фридриха и убедить Марию Терезию в том, что Австрии не следует отказываться от посредничества между Россией и Турцией и упустить из-за этого свою долю польских земель. Оставалось внушить туркам, что от австрийской поддержки в мирных переговорах с Россией они получат не меньшую выгоду, чем от помощи австрийско-

---

[53] См.: *Beer A.* Op. cit. S. 100, где приведен анализ Кауница, посвященный политическим шагам Австрии в течение сентября 1771 г. См. также: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 498.

[54] Черновик письма Панина Д. А. Голицыну в Вену от 5/16 декабря 1771 г. // СбРИО. Т. XCVII. С. 501 и далее; личный ответ императрицы от 6/17 декабря 1771 г. на неофициальное письмо Марии Терезии и Иосифа II // Там же. С. 508 и далее.

го оружия. Австрийский посланник в Стамбуле Тугут получил приказ действовать в согласии со своим прусским партнером.

С этого момента события развивались очень быстро. Новость о том, что австрийцы отступились от намерения военного вмешательства, достигла России 1/12 февраля 1772 г.[55] Это ускорило подписание русско-прусской конвенции, состоявшееся 6/17 февраля 1772 г. Правда, датировали ее задним числом — 4/15 января, — чтобы дело не выглядело так, как будто конвенцию подписали лишь тогда, когда в нее вот-вот должны были вступить австрийцы. 7/18 марта 1772 г. три двора заключили предварительное соглашение. Теперь Кауниц всячески затягивал переговоры, стремясь выжать из них всю возможную выгоду для Австрии, чем дал повод Фридриху II сказать свои жестокие слова о Марии Терезии: «Она плачет, но брать не забывает». Тройственная конвенция между Россией, Австрией и Пруссией была подписана 5 августа 1772 г.[56] Оставалось навязать ее Польше, насильно принесенной в жертву.

---

[55] АГС. Т. I. С. 145–146; см. также: *Beer A.* Op. cit. P. 168ff. Разумеется, Фридрих II не имел бы никакого отношения к размену австрийской части Польши на Силезию и графство Глац. См.: Ван Свитен — Кауницу, 4 февраля 1772 г. // PCFG. Bd. 31. S. 722ff.

[56] Ее текст см.: *Lutoslanski K.* Recueil des actes diplomatiques, tratés et documents concernant la Pologne. Lausanne; Paris, 1918. Vol. I. P. 36 ff, примеч. 30, 34. Россия получила 93 тыс. кв. км польской территории.

Глава 15

От раздела Польши к Кючук-Кайнарджийскому миру

Решив отказаться от непосредственного вмешательства в ход Русско-турецкой войны, Австрия в мае 1772 г. информировала Турцию о том, что секретный договор от 6 июля 1771 г. Веной ратифицирован не будет. Тем не менее Турция согласилась в случае возврата при заключении мира обоих Дунайских княжеств и Крыма заплатить Австрии условленную цену за услуги — отдать ей Малую Валахию и, кроме того, не требовать с нее обратно суммы в 3 млн пиастров, уже полученной по договору с Турцией[1].

Одновременно в апреле 1772 г. начались прямые переговоры о перемирии между Румянцевым и командующим турецкими войсками. Дипломатические усилия фельдмаршала подкрепляли как посредники прусский и австрийский послы в Стамбуле. Перемирие было подписано 19/30 мая 1772 г.[2], а 20/31 июля его действие распространили и на Средиземное море. Тем не менее Россия продолжала строительство флотилии на Дунае и флота на Азовском море.

Полномочные представители должны были собраться в Фокшанах в Молдавии, которую нужно было теперь рассматривать как российскую территорию, и поэтому русским предстояло выступить здесь в роли хозяев[3]. А. М. Обресков, русский резидент, освобожденный из Семибашенного замка в начале 1771 г., прожил в Османской империи около 34 лет и теперь был назначен одним из полномочных представителей России на переговорах. Но главным среди них был Григорий Орлов. Можно только гадать о причинах этого

---

[1] *Beer A.* Die erste Theilung Polens. Wien, 1873. Bd. II. S. 248—252.

[2] Рескрипт А. Г. Орлову от 31 декабря 1771 г. / 11 января 1772 г. // СбРИО. Т. I. С. 77—78; приказ П. А. Румянцеву от 3/14 января 1772 г. // *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 151—152. Текст договора см.: *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1874. Т. IV. Приложение. С. 187—192.

[3] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 156—159.

назначения. Орлов не обладал никаким дипломатическим опытом, но, возможно, хотел отличиться на войне, в которой все лавры до сих пор доставались его брату Алексею. Предполагали, что Екатерина назначила Орлова в противовес влиянию Н. И. Панина на переговорах, так как Обресков считался «человеком Панина». Во время переговоров он напрямую переписывался с Паниным, причем не раз отзывался об Орлове весьма нелестно[4]. Турцию на переговорах представляли Осман-эффенди, бывший реис-эффенди (глава канцелярии Порты — ведомства великого визиря), и Ясинизаде, присланный защищать духовные интересы мусульман. 8/19 июля 1772 г. турецкие представители прибыли на Дунай в сопровождении прусского посла Цегелина и австрийского посланника Тугута и свиты в 500 человек. 27 июля / 8 августа переговоры начались.

В начале января на горизонте российской внешней политики стало одной тучей меньше: в Дании в результате придворного заговора было покончено с влиянием королевского фаворита — врача Струензе. В апреле 1772 г. его предали суду и казни. Все это время Дания играла пассивную роль в международных делах, однако вскоре, после назначения в начале 1773 г. на должность канцлера Андреаса Петруса Бернсторфа, датская политика вошла в прежнее русло. Известия о начале русско-турецких мирных переговоров побудили к действиям шведского короля Густава III. Успех переворота при датском дворе, снова приведшего Данию в русский лагерь, а особенно известия о надвигающемся разделе Польши вызвали его лихорадочную активность — король спешил действовать, пока не был заключен мир между Россией и Турцией и русские войска, освободившиеся на юге, не обратились против Швеции. 8/19 августа он приказал арестовать лидеров фракций от сословий в парламенте и приостановил действие шведской конституции. Британия и Россия были предупреждены о намерениях Густава III благодаря письмам, перехваченным в Ганновере, и посол И. А. Остерман получил очередные 50 тыс. руб. на организацию оппозиции королю. Но деньги и инструкции, отправленные 13/24 августа 1772 г., прибыли слишком поздно. Вся русская политика, проводившаяся Паниным в 1750-е и Остерманом в 1760-е гг., оказалась разрушенной.

С точки зрения государыни, переворот Густава III был крайне несвоевременным. Хотя перемирие с турками удалось продлить до 10/21 сентября, переговоры в Фокшанах зашли в тупик, потому что Россия требовала предоставить полную независимость Крымскому

---

[4] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 160.

ханству, а Турция настаивала на сохранении за собой хотя бы сюзеренитета в религиозной сфере. Учитывая, что переворот в Швеции мог привести к войне на севере, России было необходимо продолжать переговоры с Турцией и не допустить возобновления боевых действий на юге. Русские послы в Фокшанах получили инструкции более не затрагивать вопрос о независимости Крыма. Но инструкции опоздали[5]. 17/28 августа Орлов предъявил туркам, по сути дела, ультиматум. Те прервали переговоры и были отозваны. Сам Орлов, не дожидаясь дальнейших указаний, покинул Фокшаны 23 августа / 3 сентября 1772 г.[6] и уехал в Санкт-Петербург, где князя ждали большие перемены: его десятилетний фавор пришел к концу[7].

Итак, Екатерина переживала не только внешнеполитический, но и личный кризис. Но она собралась с духом и велела Орлову оставаться в карантине в Гатчине под тем предлогом, что он приехал из Молдавии, где свирепствовала чума. А пока его место занял новый фаворит, А. С. Васильчиков. В такой ситуации дела Н. И. Панина пошли в гору, и он принялся исправлять ущерб, нанесенный Орловым в Фокшанах. Немедленно П. А. Румянцеву был послан приказ связаться напрямую с великим визирем и сообщить, что ему доверено возобновить мирные переговоры. Одновременно фельдмаршалу надлежало готовиться к продолжению военных действий. На заседании Совета при Высочайшем дворе 1/12 сентября 1772 г. была разработана линия поведения на случай нападения Швеции: разорить Дунайские княжества, а их население вывезти в Россию; затем отвести армию за Днепр и сосредоточить все силы на удержании Крыма[8].

Турция тоже нуждалась в мире, и 7/18 сентября сам Осман-эффенди обратился к Румянцеву с просьбой продлить перемирие. Румянцев, еще не зная о перевороте в Швеции, решился своей властью продлить перемирие всего на сорок дней, до 20/31 октября, и сообщил в Петербург, что турецкая сторона хочет возобновить мирные переговоры — на этот раз в Бухаресте. Поэтому новая инструкция Н. И. Панина от 1/12 сентября пришлась Румянцеву очень кстати. Угроза войны со Швецией вынудила Панина согласиться на то, чтобы жителям Крыма было позволено избрать себе нового хана, после чего султан пожаловал бы ему «инвеституру». Взамен русские просили отдать им Керчь и Еникале и готовы были отказаться от

---

[5] АГС. Т. I. С. 195, 27 августа / 7 сентября 1772 г.

[6] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 156—159.

[7] О кризисе при русском дворе в 1772—1774 гг. см. гл. 17.

[8] АГС. Т. I. С. 195, 27 августа / 7 сентября 1772 г.

претензий на Очаков и Кинбурн, если удастся сохранить Бендеры[9]. Теперь уже и речи быть не могло не только о посредничестве, но и о самом присутствии Тугута и Цегелина, которые не сыграли в Фокшанах почти никакой роли. Наконец обе стороны согласились продлить перемирие до 9/20 марта 1773 г. Но позиции России в Бухаресте были подорваны новостью о перевороте Густава III, наконец достигшей турок. Те отказались уступить в вопросах о независимости Крыма и свободном мореплавании в Черном море и не согласились утвердить передачу России Керчи и Еникале, к чему обязывал крымцев Карасубазарский договор[10].

Совет снова рассмотрел условия мира, которые предстояло предложить туркам, и опять не обошлось без решающего вмешательства Екатерины. В записке, представленной ею в Совет на заседании 3/14 января, она откровенно заявила:

> Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки указывали, какой род кораблей мне иметь или не иметь на Черном море. Турки биты, не им России предписать законы... Что касается до Керчи и Еникале, то мы их не от них [турок] получили, мы оных завоевали у татар, они [татары] нам их после уступили трактатом. Зачем нам турецкое от них согласие? Предать этот артикул молчанию всего лучше, и его более не предлагать.

Далее государыня рекомендовала Обрескову на вопросы турок об этих статьях отвечать, что он не имеет соответствующих указаний. Он также мог сообщить туркам, как написала Екатерина, «что по истечении 9 марта перемирия, я оное не велю возобновить»[11].

И все-таки Совету удалось в тот же день убедить императрицу в том, что ограничения в мореплавании на Черном море (т.е. запрет выходить в него военным кораблям) — это цена, которую стоит заплатить за предотвращение военной угрозы Крыму со стороны Турции. (Тем более что, как сказано в протоколах Совета, торговые суда легко превратить в боевые корабли.) Для Обрескова поэтому были составлены инструкции иного содержания[12]. Но турки упорно сто-

---

[9] АГС. Т. I. С. 201—202, 10/21 сентября 1772 г. См. также: *Ульяницкий В. И.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. 408.

[10] См. выше, гл. 13, с. 344.

[11] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 215. Автор этой работы критически оценивает воинственность императрицы и полностью поддерживает так называемую «группировку Панина», хотя трудно понять почему — ведь именно благодаря настойчивости Екатерины II Россия получила такие большие территории. См. также изложение этого письма: АГС. Т. I. С. 224, 2/13 января и 3/14 января 1773 г.

[12] Там же.

яли на своем, потому что Порта с часу на час ожидала шведской диверсии (впрочем, так и несостоявшейся).

Осенью 1772 — зимой 1773 гг. оставалось неясно, начнется ли война на Балтике. Густав III проводил мобилизацию, ставя двойную цель: выдвинуть свою границу в Норвегию и не позволить Дании с Россией напасть на Швецию. Россия обновила гарнизоны вдоль финской границы, опасаясь, что Франция подстроит (и оплатит) шведский поход на Россию, чтобы облегчить положение Турции на юге. Дания готовилась защищать Россию согласно договорным обязательствам и отражать атаку шведов. Фридрих II не проводил мобилизации, но, боясь войны, так отругал своего племянника — шведского короля, что тот подумал, уж не собирается ли и Пруссия примкнуть к его врагам. Ведь, в конце концов, Фридрих II был связан с Россией договором о защите шведской конституции 1720 г. и должен был получить в награду шведскую Померанию.

Осенью 1772 г. войны удалось избежать благодаря самообладанию датчан, которые, невзирая на шведские военные приготовления, не дали себя спровоцировать, а также благодаря сдержанности Англии, не ввязавшейся в обмен угрожающими заявлениями с Россией. Кажется, Россия просто отложила свою месть до весны, когда можно было бы развернуть военную кампанию в Балтийском море и, устрашив Швецию совместной демонстрацией силы четырех дворов — английского, прусского, русского и датского, — заставить ее отказаться от экспериментов с конституцией[13]. Но, как оказалось, лихорадочные консультации между европейскими дворами касались не столько сдерживания воинственных порывов Густава, сколько возобновления мирных переговоров в Бухаресте.

Тем временем странам — участницам раздела Польши предстояло заставить ее подчиниться их решению. Посол России князь Волконский так и не смог ничего добиться в зыбучих песках польской политики. В Польше продолжалась гражданская война между королем, русскими и конфедератами. В 1771 г. Волконского сменили на Каспара фон Сальдерна, а так как он был человеком штатским, то командование русскими войсками возложили на генерала А. И. Бибикова. Сальдерн, весьма критически смотревший на политику своего предшественника, которая, по его мнению, отвратила от России и короля, и ее верных друзей, вскоре убедился, что у России в Польше

[13] *Roberts M.* Great Britain and the Swedish Revolution 1772–1773 // The Historical Journal. 1964. Vol. VII. № I. P. 14. См. также: Ганнинг — Саффолку, 14/25 сентября 1772 г. // СбРИО. Т. X. С. 320 и далее.

нет никаких друзей, ни верных, ни неверных. Его призывы к конфедератам сложить оружие остались тщетными, и Сальдерн, презиравший поляков, которые платили ему тем же, почувствовал, что этот пост нравится ему все меньше, и запросился в отставку.

К лету 1772 г. русские войска разгромили конфедератов. 4/15 августа Сальдерна заменили графом Штакельбергом, и тот 7/18 сентября вместе с прусским послом Бенуа вручил полякам совместную декларацию о разделе их страны. Екатерине, в отличие от ее партнеров, пришлось преодолеть одно небольшое препятствие: в мартовском договоре 1768 г., навязанном ею полякам, она гарантировала территориальную целостность Речи Посполитой. Теперь нужно было обосновать отказ от этих гарантий убедительными аргументами, и скоро они нашлись. В заявлении России говорилось, что внутренние беспорядки в Польше, порожденные духом раздора, обуревающим часть ее населения, отражаются и на соседних странах, которые не намерены это терпеть. Поэтому три соседних государства объединились, дабы принять меры к восстановлению в Польше порядка и доброго правления, сообразного с ее старинной конституцией. Но если они объединились теперь ради предотвращения распада Польши, то в дальнейшем, возможно, они не всегда будут в состоянии это сделать снова и потому решили сейчас высказать все свои оправданные претензии на польские территории. Поляков призывали смириться с этим и собраться на сейм, чтобы выработать политическую программу своего спасения[14]. В декабре 1772 г. Екатерина призвала Станислава Августа созвать сейм не позднее 1/12 февраля 1773 г., с тем чтобы на нем сами поляки признали справедливость раздела и договорились о том, как восстановить мир в стране. Окончательно уладить дела между тремя дворами и Польшей надлежало к концу марта 1773 г.[15]

Уложиться в расписание, предложенное Екатериной II, оказалось невозможно, но 8/19 апреля 1773 г. сейм был созван. План дей-

---

[14] Declaration faite au roi de Pologne: // СбРИО. Т. XIX. С. 305 и далее. Копия была доставлена Саффолку Мусиным-Пушкиным 30 сентября 1775 г. Текст совместной декларации трех государств см.: *Lutoslanski K.* Op. cit. P. 45, 18/29 сентября 1772 г.

[15] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 578; Protestation du Ministere de Pologne, 6/17 октября 1772 г. // *Lutoslanski K.* Op. cit. P. 47; Contreprojet d'une declaration à remettre au Roi et à la republique de Pologne, 14/25 декабря 1772 г. // СбРИО. Т. CXVIII. См. также: Н. И. Панин — Штакельбергу, 23 декабря 1772 г. / 3 января 1773 г., 31 марта /11 апреля 1773 г. // Там же. С. 304, 378 и далее.

ствий трех дворов был разработан в деталях: собственноручно исправленный императрицей, он был разделен на две части, касающиеся подготовки к сейму и политики, которую следует на нем проводить. Согласно плану, надлежало создать общий фонд в 45 тыс. дукатов на подкуп депутатов в сеймиках. Предусматривалось также, что сейм придется сделать конфедеративным (т.е. ввести голосование по большинству, отменив право вето), так как независимый сейм никогда не утвердит раздел. После того как будет обеспечен конфедеративный характер сейма, послы трех держав добьются его согласия на территориальные уступки государям каждой из них и перейдут к конституционному устройству Польши («la fixation de l'état de la republique»).

На этот раз предложения Екатерины II звучали гораздо категоричнее, чем в 1768 г. «Правление Польши будет навечно республиканским правлением», — постановила она. Король будет избираться, но лишь из числа природных поляков. Ради достижения должного равновесия между короной, Сенатом и дворянством надлежало еще больше урезать королевскую власть. Право вето сохранялось полностью. Родственники королей (и королев) не допускались на высшие посты. Королю не разрешалось командовать в Речи Посполитой ни одним из родов войск, кроме небольшой личной охраны, набранной из иностранцев. Некатоликам разрешалось «добровольно» и в интересах мира отступиться от притязаний на участие в Тайном совете и в Сенате взамен за отмену смертного приговора виновным в отступлении от католичества. Предложение отстранить Радзивиллов, Чарторыйских, Потоцких и Мнишеков от участия в польских внутриполитических делах было отвергнуто Екатериной на том основании, что она всем сердцем ненавидит «личные преследования, считая их низкими, презренными и недостойными ее»[16].

Организовать выборы сейма оказалось труднее, чем предполагали державы — участники раздела, потому что депутаты сеймиков не пошли у них на поводу. Некоторые сеймики вообще не собрались, другие отказались выбирать депутатов. Но сейм, пусть и в неполном составе, все же открылся 8/19 апреля 1773 г. Попытки

---

[16] Проект с пометами Екатерины, приложенный к письму Панина Штакельбергу от 24 февраля / 7 марта 1773 г. // Там же. С. 338 и далее; окончательный вариант см.: Там же. Т. LII. С. 317—334. Решение по поводу вооруженных сил см.: Там же. Т. CXVIII. С. 372 и далее (Панин — Штакельбергу, 21 марта / 2 апреля 1773 г.).

сделать сейм конфедеративным были встречены затяжной обструкцией, но в конце концов все же прошли. Но даже этот искалеченный сейм отказался назначить делегацию для обсуждения с участниками раздела условия признания Польшей этого акта и новую конституцию Речи Посполитой. В середине мая три державы снова развернули свои войска, угрожая сейму. Только после того, как 6/17 мая работа сейма была приостановлена, удалось назначить делегацию, согласованную между королем и объединенными в конфедерацию депутатами. Вопрос о признании раздела был поставлен перед сеймом, когда его вновь созвали в сентябре 1773 г. Ответом было молчание, лишь немногие пробормотали: «згода» — «согласны». 30 сентября, не поставив вопрос на голосование, маршал сейма объявил, что соглашения между Польшей и государствами — участниками ее раздела утверждены[17]. За кулисами многие уже успели договориться с русскими о снятии ареста со своих имений, об оплате всего, что было реквизировано, или заключить другие выгодные условия.

Все детали политического урегулирования — согласно выдвинутому Екатериной плану — были разработаны лишь в марте 1775 г. Сохранилось право вето, но постарались также восстановить королевские доходы. Отдельным актом 4/15 марта 1775 г. Россия и Польша ввели новую конституцию, включавшую и политические права диссидентов, но не столь обширные, как те, на которых настаивала Екатерина в 1767 г. Россия официально гарантировала польскую конституцию в теперешнем ее виде[18].

В Европе не нашлось ни одного двора, готового заступиться за Польшу, да и общественное мнение было не слишком тронуто ее судьбой — по крайней мере, публично это не проявлялось. Если в деле участвовала Австрия, то Франция не могла протестовать. Англию больше беспокоило, останется ли свободным портом Данциг, ведь Польша была всего лишь форпостом французского влияния, почти ничего не значившим, тогда как Британия время от времени делала ставку на союз с Россией. Более того, поляков-конфедератов изображали в британской прессе фанатичными католиками, жаждущими истребить всех протестантов и православных. Только

---

[17] Об этих событиях см.: *Lelewel J.* Histoire de Pologne. Paris; Lille, 1844. Vol. II. P. 78—83; *Kaplan H.* The First Partition of Poland... P. 174ff. Тексты всех трех соглашений, датированные 7/18 сентября 1773 г., см.: *Lutoslanski K.* Op. cit. P. 66 (с Россией), 71 (с Пруссией), 75 (с Австрией).

[18] Ibid. Op. cit. P. 81—82, 82—83.

Эдмунд Берк понял опасность: «Польша была всего лишь завтраком... а где они будут обедать?»[19] Зато большинство философов, в том числе и Вольтер, оправдывали раздел или не осуждали его — главным образом потому, что Польша в век Просвещения казалась воплощением даже более фанатичного католицизма, чем Испания. Сам Дидро был слишком глубоко предан Екатерине II, чтобы выразить малейший публичный протест против того, что частным образом он именовал «оскорблением рода человеческого»[20].

В мае 1773 г., когда собрался польский сейм, русско-турецкие переговоры в Бухаресте снова зашли в тупик из-за вероятности нападения Швеции на Россию, способного облегчить положение Турции. В самом деле, между Францией и Швецией в феврале 1773 г. было заключено секретное соглашение, и в России полагали, что за ним последовал еще и договор между Швецией и Османской империей[21]. Россия немедленно приняла в отношении Швеции более мягкий тон: в апреле 1773 г. шведов заверили, что русские не собираются на них нападать, а Британия предостерегла Францию от любых попыток помочь Швеции или Турции морским путем[22]. И вновь непосредственная угроза конфликта на Балтике была временно предотвращена. В таких обстоятельствах неудивительно, что Панин возобновил, хотя и в иной форме, переговоры о союзе с Англией. Теперь, в апреле 1773 г., он предложил, чтобы Дания заняла бывшее место Швеции в политике Британии в Северной Европе: отныне Англии следовало взять на себя защиту Дании от Швеции (и от Франции). Как только будет заключен британско-датский союз, по-

---

[19] См.: *Reddaway W.P.* Great Britain and Poland, 1762—1772 // Cambridge Historical Journal. 1934. Vol. IV. № 3. P. 221—262; *Konopczynski W.* England and the First Partition of Poland // Journal of Central European Affaires. 1948. Vol. I. P. 1—23; *Horn D.B.* British Public Opinion and the First Partition of Poland. Edinburgh; London, 1945; *Burke E.* Correspondence. London, 1844. Vol. I. P. 403.

[20] *Tourneux M.* Diderot et Catherine II. Paris, 1899. P. 252.

[21] О якобы заключенном шведско-турецком договоре см.: АГС. Т. I. С. 237—238, 18/29 марта 1773 г.; Там же. С. 238—239, 21 марта / 1 апреля, 26 марта / 6 апреля 1773 г. Совет при Высочайшем дворе обсуждал возможность разрыва мирных переговоров (см.: Там же. С. 239—240). Инструкцию Остерману от 28 марта / 8 апреля 1773 г. см.: СбРИО. Т. CXVIII. С. 374.

[22] В работе М. Робертса говорится, что английская политика состояла в том, чтобы внушить России, будто французский флот может беспрепятственно появиться в Балтийском море (*Roberts M.* Great Britain and the Swedish Revolution... P. 19, примеч. 87). Если так, то британские министры оказались исключительно неудачливыми, тщетно стараясь убедить русских послов доложить об этом своему двору. См.: АГС. Т. I. С. 225—226, 14/25 января 1773 г., и особенно с. 228, 28 января / 8 февраля.

следует и соглашение с Россией[23]. Эти предложения были совершенно бесполезны Британии, чьей главной заботой в Европе все еще оставалась оборона Ганновера. При этом Екатерина не хотела отступаться от casus foederis в отношении Турции без существенного возмещения, а англичане ни за что не соглашались положить в основу договора с Россией условие выплаты субсидий Дании. Не хотели они и гарантировать русские «захваты» в Польше[24]. Сейчас Англия поддерживала Россию далеко не столь безусловно, как в 1769 г. Из недоверия к Франции летом 1770 г., затем снова в марте 1772 г. и, наконец, в апреле 1773 г. Англия заставляла французов бросить всякие попытки помешать действиям русского военно-морского флота в Средиземном море. Но после 1771 г. уже сама Британия не слишком охотно помогала русскому флоту и надеялась в будущем ограничить его активность пределами Черного моря, для чего и воспротивилась приобретению Россией острова в Эгейском море[25].

Екатерина не стала дожидаться разрыва мирных переговоров с турками, чтобы начать обсуждение плана военной кампании на 1773 г. 18 февраля / 1 марта Совет при Высочайшем дворе постановил, что по турецким силам к югу от Дуная надо нанести внезапный удар[26]. Румянцеву этот план совсем не понравился. Районы к югу от Дуная были густо усеяны турецкими крепостями, но в Санкт-Петербурге вопрос решили, совершенно не смущаясь отсутствием карт этих мест[27]. Совершив несколько рекогносцировочных бросков за реку, главные силы русской армии переправились через Дунай между 6/17 и 11/22 июня. Однако решающая русская атака на крепость Силистрия была отбита, и Румянцев, понимая, что его армия не имеет надежного прикрытия, в начале июля отошел обратно на левый берег. Он написал несколько писем, оправдываясь перед разочарованной императрицей, в которых объяснял, что невозможно держать к

---

[23] Инструкция Ганнингу // СбРИО. Т. XIX. С. 265 и далее. См. также: Кэткарт — Ганнингу (в письме Ганнинга Саффолку от 13/24 июля 1772 г.) // Там же. С. 289—290; Саффолк — Ганнингу, 10 ноября 1772 г. // Там же. С. 333 и далее; Ганнинг — Саффолку, 29 марта / 9 апреля 1773 г. // Там же. С. 348 и далее.

[24] Ганнинг — Саффолку, 24 мая / 4 июня 1773 г. // Там же. С. 358 и далее; 16/27 июля 1773 г. // Там же. С. 371 и далее; Саффолк — Ганнингу, 16/27 августа 1773 г. // Там же. С. 374—375.

[25] *Anderson M.S.* Great Britain and the Russian Fleet. 1769—1770 // SEER. 1952. Vol. XXXI. № 76. P. 148—163.

[26] АГС. Т. I. С. 232—233.

[27] *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1874. Т. IV. С. 5.

югу от Дуная ослабленную из-за действий в Польше русскую армию, когда крепости с мощными гарнизонами, такие как Силистрия, угрожают русским коммуникациям. С первого взгляда на карту даже непосвященным становилось понятно, что эти опасения оправданны. Наконец Румянцев пожаловался Панину и самой Екатерине на то, что его просьбы о подкреплениях встречают невниманием и пренебрежением, а враги плетут против него интриги[28].

Доклады Румянцева обсуждались на заседании Совета 15/26 июля 1773 г. Было ясно, что Россия потерпела неудачу на глазах у турок и у всей Европы. К счастью, турецкая армия была не в состоянии перейти к наступательным действиям. Румянцев писал о необходимости удвоить или утроить армию. Это было совершенно нереально, но несколько полков все же перебросили из Польши на южный фронт. Екатерина поспешила успокоить и утешить своего самого блестящего полководца. В длинном письме Румянцеву от 18/29 июля она открыто выразила разочарование его отступлением за Дунай, потому что это неизбежно оттягивало заключение мира. Но, уверяла Екатерина Румянцева, «людей... качествами своими и заслугами себя столь же как и чинами от других отличивших, как вы, я не привыкла инако судить, как по делам и усердию их». Относительно конкретных просьб фельдмаршала она напомнила ему, сколь малое войско одержало великую победу при Кагуле в 1770 г. Эта победа утвердила ее веру в то, что армия сильна не числом, а умением полководца и послушанием и храбростью солдата. Императрица соглашалась с ним, что земли к югу от Дуная совершенно непригодны для ведения войны. Она не могла удвоить или утроить его армию, но направляла подкрепления из Польши. Она понимала, что за время нынешней кампании больше ничего сделать не удастся: «В сем и в прочем я вам руки не связываю: как теперь, так и прежде, в совершенной вашей воле состоит нанести неприятелю все те удары, которые по мере сил ваших вам Бог на сердце положит. Более доверенности, кажется, вы от меня уже желать не можете...»[29]. Это пись-

---

[28] См.: *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1951 (здесь приводится переписка Румянцева с Н. И. Паниным из «Русского архива» за 1882 г.); Переписка императрицы Екатерины II с графом Румянцевым-Задунайским. М., 1805. С. 1 и далее; см. также: Переписка Екатерины II с разными особами. СПб., 1807; Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 235—236.

[29] СбРИО. Т. XIII. С. 349 и далее. Ю. Р. Клокман использовал это письмо с необычайной изворотливостью и даже утверждал, что Екатерина «категорически отказалась» увеличить численность армии Румянцева (*Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 145—146).

мо очень характерно для обхождения Екатерины II с самыми высокопоставленными из ее сподвижников. Трудно сказать, боялся ли Румянцев за свое положение, или, как бывало с русскими людьми (в том числе и с Петром I), он вдруг полностью утратил уверенность в себе, столкнувшись с задачей, показавшейся ему невыполнимой. Но горькие сетования в письмах к Панину говорят о том, что Румянцев пытался оправдаться за то, что не сумел одержать блестящую победу, и перед самим собой, и перед императрицей.

После неудачной кампании 1773 г. было необходимо заранее взвесить, какие цели и задачи стоят перед кампанией 1774 г. В августе 1773 г. был объявлен новый рекрутский набор одного человека из ста — уже шестой набор с 1767 г. Он дал армии 74 739 человек. Таким образом, за пять лет было призвано в общей сложности около 323 360 новобранцев[30]. Рассчитывали довести численность армии Румянцева до 116 тыс. солдат, что позволило бы ему с достаточными силами воевать за Дунаем[31].

Румянцев послал свой план кампании 1774 г. в Санкт-Петербург 28 ноября / 9 декабря 1773 г. Конечной задачей он считал захват ставки турецкого визиря в Шумле, но сначала нужно было взять главные турецкие крепости к югу от Дуная — Силистрию, Рущук, Варну. Но там не было ни мостов через Дунай, ни тяглового скота, ни дорог. Чтобы защитить свой левый фланг, фельдмаршал предлагал бросить Азовскую флотилию и армию, находившуюся в Крыму, на взятие Очакова[32]. Инструкции с окончательным одобрением его плана были направлены Румянцеву 17/28 января 1774 г.[33], но почти сразу же пришли новости, придававшие делу новый оборот: умер султан Мустафа III, и на трон вступил его брат, султан Абдул Хамид. Чего же захочет новый султан — мира или войны? И Румянцев снова получил полномочия вести прямые мирные переговоры с великим визирем, если представится такая возможность.

Потерпев неудачу в кампании 1773 г., Россия еще раз ограничила свои условия. Австро-прусское посредничество успело полностью себя изжить, но Фридриху II все еще не терпелось закончить эту войну, и его посланник в Стамбуле, Зегелин, продолжал выступать в роли

---

[30] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 295 и далее.

[31] АГС. Т. 1. С. 256—257, 27 августа / 7 сентября 1773 г.

[32] Ход обсуждения кампании на заседаниях Совета 11/22, 14/25 и 18/29 ноября 1773 г., 23 декабря 1773 г. / 3 января 1774 г. см.: Там же. С. 264 и далее; протоколы заседаний 9/18, 13/24 и 16/27 января 1774 г. см.: Там же. С. 271 и далее.

[33] *Петров А.* Указ. соч. Т. V. С. 119 и далее.

неофициального посредника между Россией и Турцией после провала переговоров в Бухаресте. В ноябре 1773 г. Зегелин доносил, что турки, возможно, согласятся отдать Кинбурн, если Россия откажется от претензий на Керчь и Еникале. Но, как указал на заседании Совета Григорий Орлов, вновь выполнявший некоторые из своих политических функций, хотя Кинбурн и помогал держать под контролем Очаков, сам он портом не являлся. Поэтому его нельзя было считать достаточным возмещением за Керчь и Еникале, контролировавшие пролив между Азовским и Черным морями. Наконец Екатерина согласилась через Зегелина уведомить турок о том, что Россия готова уступить Керчь и Еникале взамен за Кинбурн, Очаков и полосу берега между устьями Днепра и Буга. Но она ни за что не хотела отказываться от «основанной ныне вольности татар и от плавания по Черному морю, хотя бы война еще десять лет продолжалась»[34].

Однако скоро выяснилось, что великий визирь, который, правда, хотел бы поскорее заключить мир, чтобы вернуться в Стамбул и укрепить свои позиции при новом царствовании, был уполномочен всего лишь продолжить переговоры с того пункта, на котором они были прерваны в Бухаресте в марте 1773 г. Но за истекшее время обстановка на юге изменилась, ведение мирных переговоров перешло в руки военачальников действующих армий и вышло из-под влияния прусского и австрийского послов при султанском дворе, что полностью отвечало интересам Екатерины. Несмотря на значительные разногласия по поводу окончательных условий заключения мира, отразившиеся в протоколах Совета при Высочайшем дворе[35], Румянцев получил новые инструкции 10/21 апреля 1774 г. В соответствии с этими указаниями ему следовало сохранить те десять статей договора, которые уже были согласованы в Бухаресте. Румянцева уполномочили заявить, что Россия потребует только права торгового мореплавания в Черном море, а Керчь и Еникале оставит в руках крымских татар, если Порта уберет из Крыма все турецкие гарнизоны и отдаст России Тамань, Кубань, земли между Бугом и Днепром, а также Очаков и Кинбурн[36]. Эти условия казались

---

[34] Сольмс — Фридриху, 9 ноября 1773 г. // PCFG. Bd. 34. S. 294—295; Зегелин — Фридриху, 3 февраля 1774 г. // Ibid. Bd. 35. S. 158; АГС. Т. I. С. 264—268, 1/22, 14/25 и 18/29 ноября 1773 г.

[35] АГС. Т. I. С. 273—274, 10/21 марта 1774 г.; *Петров А.* Указ. соч. Т. V. С. 7 и далее; Зегелин — Румянцеву, 8/19 марта 1774 г. см.: Там же. Прил. 3. С. 120—121.

[36] Н. И. Панин предложил это осенью, когда пытался смягчить высказанные Г. Орловым амбициозные требования на все земли между Днестром и Днепром. См.: *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 256; *Петров А.* Указ. соч. Т. V. Прил. 7. С. 130 и далее; указ 7/18 апреля 1774 г. см.: Там же. С. 138 и далее.

Екатерине довольно щедрыми, ведь все остальные ее завоевания возвращались Турции: и Придунайские княжества, и Бессарабия, и два десятка островов в Архипелаге.

Выслушав Румянцева, великий визирь отклонил эти условия. Тогда русский фельдмаршал снова перешел в наступление: отказался от требования оставить Керчь и Еникале за Крымом, но зато потребовал Кинбурн, Очаков и Гаджибей. Крепость Гаджибей впервые упоминалась на переговорах; Румянцев включил ее в условия по собственной инициативе как единственный действительно удобный порт от Бута до Днестра. Его присоединение к России было еще делом будущего, но Румянцев уже предвидел преимущества и возможности будущей Одессы. Великий визирь снова отказался отдавать какие-либо территории, кроме Азова. Ни военная, ни дипломатическая ситуация не позволяла русским принудить Турцию к большим уступкам, чем те, на которые она была согласна в 1772 г. Возможно, здесь сказалось и то, что Франция настоятельно советовала туркам не отступать. Но Пугачевский бунт, охвативший всю Башкирию, наверно, сыграл еще более важную роль.

Итак, боевые действия возобновились, и основные силы русской армии во главе с самим П. А. Румянцевым 9/20 июня 1774 г. переправились на паромах через Дунай. Фельдмаршал предполагал отрезать турецкие крепости друг от друга, не тратя времени на правильную осаду и одновременно пытаясь навязать туркам генеральное сражение. Русский авангард под командованием генералов М. Ф. Каменского и А. В. Суворова переправился еще в апреле, а в день основной переправы, 9/20 июня, неожиданно напал на главные силы турецкой армии под Козлуджи, разгромил их и захватил турецкий лагерь. Это поражение сломило сопротивление турок. Ставка великого визиря была отрезана от главных турецких крепостей, а русские войска даже сумели южнее Шумлы прорваться к Балканам. 20 июня / 1 июля турецкий командующий запросил перемирия. Но на этот раз Румянцев не попался на удочку: никакого перемирия и никаких встреч и бесед. Пусть великий визирь пришлет послов к нему в лагерь для подписания мира, а не для переговоров[37]. Сам фельдмаршал приехал в деревню Кючук-Кайнарджи, куда 5/16 июля прибыли и турецкие послы. Румянцев дал им пятидневный срок для подписания мира. К тому же теперь он вернулся к максимальным требованиям русской стороны и настаивал на уступке турками Керчи,

[37] П. А. Румянцев — великому визирю, 28 июня / 9 июля 1774 г. // Фельдмаршал Румянцев... С. 247.

Еникале, а также Кинбурна и побережья от Буга до Днепра, но готов был отдать Очаков. Статья о мореходстве в Черном море, как и договаривались, не предусматривала плавания военных кораблей. Зато, как объяснил Румянцев Екатерине, не подверглось ограничению количество пушек на торговых судах и не был введен запрет на строительство военного флота[38]. Россия должна была вернуть завоеванное, но получала контрибуцию в 4,5 млн руб. Пять дней турки вели безнадежную дипломатическую битву, а 10/21 июля мир был наконец подписан. Это было, как писал Румянцев Екатерине, соглашение, достигнутое без посольских формальностей, manu militari — вооруженной рукой[39].

Это был очень славный мир для России. Его радостно приветствовали не только из-за опасного внутреннего положения в стране, но и потому, что Румянцев добился гораздо большего, чем Россия могла ожидать[40]. Больше всех договор обрадовал Екатерину. Румянцева, заболевшего малярией, сменил на посту главнокомандующего русской армией князь Н. В. Репнин. Благодарная императрица устроила герою триумфальную встречу в Москве в 1775 г.,

---

[38] П. А. Румянцев — Екатерине II, 17/28 июля 1774 г.: // Фельдмаршал Румянцев.... С. 248.

[39] Там же.

[40] Текст Кючук-Кайнарджийского договора см.: *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 349 и далее. По договору Россия получила Азов с окрестностями, Керчь, Еникале, Кинбурн и побережье от Буга до Днепра. Крым становился суверенным и самостоятельным (во всем, кроме вопросов веры) ханством под властью выборного хана «Чингисского поколения», а все турецкие гарнизоны подлежали выводу из Крыма. Другие важные статьи договора предусматривали: свободное плавание в Проливах для русских торговых судов; право России торговать по суше и по морю на территории Османской империи на условиях наибольшего благоприятствования; разрешение для купцов обеих стран проживать в странах-партнерах по договору; право России назначать консулов и вице-консулов туда, куда сочтет нужным (статья 11). Статья 14 позволяла России возвести кроме домашней посольской церкви в Стамбуле, в районе Галата, «публичную грекороссийского вероисповедания церковь». Статья 7 тоже со временем оказалась очень важной. Она звучала так: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14-м артикуле церкви, так и служащих оной разные представления, и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно-дружественной державы». Надо отметить, что, согласно тексту договора, русские получили право делать представления только от одной конкретной православной церкви, а не в пользу всей православной общины в целом или христиан вообще. Согласно статье 23, Россия возвращала Турции ряд захваченных ею кавказских крепостей.

когда был восстановлен мир внутри России, и пожаловала Румянцеву титул «Задунайский» в увековечение его подвигов. Русских войск не видали за Дунаем со времен князя Святослава в X в.

Если на юге Россия одержала блестящую победу и сделала ряд существенных приобретений по Кючук-Кайнарджийскому миру, то на Балтике и в Польше заплатила за них некоторую цену. Переворот Густава III нанес серьезный удар по престижу России на севере, и Екатерине пришлось проглотить свою досаду и мужественно перенести испытания.

Серьезнее по своим долговременным последствиям был раздел Польши. Не секрет, что при русском дворе возникли из-за него весьма глубокие разногласия. Некоторые, как Григорий Орлов, готовы были предоставить Пруссии компенсацию в Польше, если никак иначе нельзя было сохранить отвоеванные у Турции владения[41]. Панин же, судя по всем данным, держался исходной концепции Северной системы, в которой заметная роль отводилась Польше, находившейся под господством России[42]. К сожалению, у нас очень мало прямых свидетельств об эволюции этих взглядов и о ходе событий. Иностранные послы сообщали своим дворам то, что им говорили (а это не всегда была правда), или то, что предполагали они сами (а они нередко ошибались). Споры по поводу раздела Польши не отразились даже в протоколах Совета при Высочайшем дворе, где этот вопрос впервые был поднят в мае 1771 г.

Не раз пытались выяснить, кто и в какой мере несет ответственность за первый раздел Польши. Когда Екатерина обронила свою фразу: «Почему бы нам и не взять себе по куску?», всерьез ли она подразумевала раздел? Или императрица думала лишь о приграничных приобретениях, наподобие австрийской оккупации округа Ципс? Неужели принц Генрих просто подхватил эти бездумные, но жестокие слова и привез их домой, приняв за чистую монету? Мы не знаем, как развивались события в течение двух решающих месяцев — в декабре 1770 г. и в январе 1771 г.[43]

---

[41] 7/18 февраля 1771 г. Орлов отстаивал в Совете мнение о том, что граница между Россией и Польшей должна проходить по рекам. Дальше в протоколе интригующая запись: «...почему были в Совете многие политические рассуждения, и генерал-фельдцейхмейстер заключил оные обещанием подать о том свое мнение письменно», но это мнение так и не было опубликовано (АГС. Т. I. С. 74).

[42] См., например: Принц Генрих — Фридриху II, январь 1771 г. // PCFG. Bd. 30. S. 417.

[43] См. рассуждения С. М. Соловьева по этому вопросу: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. XIV. С. 468 и далее.

Однако, как представляется, в эти месяцы у России не было неотложных причин военного характера, которые заставили бы ее уступить требованиям Пруссии о компенсации за счет Польши. Австрия, правда, начала выражать тревогу по поводу русских побед, но до заключения секретного австро-турецкого договора оставалось еще полгода. В этот период не кто иной, как Фридрих, жаждущий «мази против ожога», перед русскими муссировал австрийскую угрозу, а перед австрийцами негодовал по поводу «возмутительных» условий мира, предложенных Австрии Россией. На самом деле проблема заключается в том, что казалось предпочтительнее России: «независимость» Молдавии и Валахии (что именно Екатерина понимала под независимостью, видно по ее политике в отношении польских диссидентов) или присоединение Польской Лифляндии. Только вооруженные приготовления Австрии и ее решимость не соглашаться ни на что, кроме возврата Турции Дунайских княжеств, помогли в конце концов Фридриху уговорить Россию отступиться от обмена независимости княжеств на польские земли. Тогда Австрия оказалась перед выбором: или она получит компенсацию от Турции, если ратифицирует союзный договор, вступит в войну и поможет Турции победить Россию, или получит компенсацию и от Польши, и от Турции, не пролив ни капли крови, если бросит турок в беде и примкнет к Пруссии и России. Завладев осенью 1773 г. частью Польши, Австрия не преминула также получить от Порты Буковину в уплату за возврат туркам Россией Дунайских княжеств[44]. В итоге Екатерина обнаружила, что ее свобода действий в Польше ограничена, а отношения с Пруссией испорчены бесконечными придирками Фридриха. Территории, приобретенные Россией, можно было со временем ассимилировать. Но способ, которым они были получены, и обязанность делиться с двумя другими державами-хищницами постоянно ослабляли западный рубеж России.

[44] Иосиф II решил оккупировать часть Молдавии, а не Малую Валахию, которая первоначально должна была отойти Австрии по договору 6 июля 1771 г. нового стиля. Австрийская оккупация молдавской территории между Семиградьем и польской границей, включая Черновцы и Сучаву, состоялась по прямому соглашению с Румянцевым (втайне от его приближенных) в августе 1774 г. Турция не в состоянии была возражать, и 7 мая 1775 г. был подписан договор об уступке, а через год последовала и конвенция о разграничении.

Часть V

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС 1773—1774 гг.

Глава 16

Восстание казаков и крестьянская война

Мощное народное восстание 1773—1775 гг. следует рассматривать на фоне роста недовольства в казачьих землях по мере неизбежного проникновения туда «регулирующей» власти Русского государства. Вспышка произошла после пяти лет войны, эпидемии чумы, роста цен, непрерывного повышения норм барщины и рекрутчины, когда у казаков появился потенциальной лидер, беглый донской казак Емельян Пугачев. Свидетельства сильного недовольства казаков звучали еще в инструкциях казачьим депутатам Уложенной комиссии и в их выступлениях. О том же говорили и непрерывные волнения казачества в конце 60-х и в 70-е гг. XVIII в. Во всех казачьих областях ощущались трения и противоречия между старшиной и рядовыми казаками, между богачами и беднотой, между теми, кто мог откупиться от службы, и теми, кто должен был служить, и всюду казаки страдали от поборов и злоупотреблений со стороны властей и от личных амбиций казачьих атаманов. В 1768 г. восстали запорожцы, и их атаман Петр Калнишевский просил прислать русские войска на защиту старшины. Вскоре он уже грозился обратиться за помощью к Турции, если русские власти не смогут исправить бедственное положение казаков Запорожского войска[1].

На Дону не утихало брожение в казачьем войске, подогреваемое честолюбивыми устремлениями атамана Ефремова. Он был участником екатерининского переворота 1762 г. и получил за это щедрое

[1] Наказы донских, яицких и запорожских казаков полностью не публиковались, хотя они использованы, например, в исследованиях Рознера, Голубицкого, Пронштейна и Андрущенко. Материалы о дебатах в Уложенной комиссии см.: СбРИО. Т. XXXII. С. 169, 10 июля 1768 г. Наказы запорожского казачества см.: Там же. Т. XXXVI. С. 296. См. также: *Kohut Z.* The Abolition of the Ukrainian Autonomy, 1763—1786. A Case Study in the Integration of a non-Russian Area into the Empire. P. 208ff.

вознаграждение[2]. Но с тех пор как началась Русско-турецкая война, атаман завел интриги с ногайскими татарами, вассалами Османский империи, и норовил расширить свою власть в Землях Войска Донского за счет ущемления интересов центрального правительства. Когда в ноябре 1772 г. власти решили арестовать Ефремова, казаки восстали и убили нескольких армейских офицеров. Наконец атамана все-таки арестовали и судили за предательские связи с ногайцами. Его приговорили к ссылке в Лифляндию, а Войско Донское кое-как замирили[3].

Но куда страшнее по своим последствиям оказались волнения в Яицком казачьем войске, где разногласия между старшиной и рядовыми казаками раскололи общество на два лагеря — «послушных» и «непослушных». В 1769 г. несколько сот «непослушных» отказались служить в одной из дальних крепостей и взбунтовались. Правительственные войска под началом генерала Траубенберга разгромили мятежников. Виновные получили обычные суровые наказания. Отправленная казаками в Санкт-Петербург депутация с жалобой на строгость наказаний вернулась ни с чем, и тогда в январе 1773 г. на Яике снова вспыхнули волнения, во время которых генерал Траубенберг был убит. Власти послали на усмирение новые войска во главе с генералом Фрейманом. Прибыв на Яик в июне 1773 г., Фрейман реорганизовал управление казачьим войском, взял под контроль властей новые назначения и учредил особую комиссию для суда над зачинщиками бунта 1773 г. И вновь суд приговорил многих к наказанию кнутом, каторжным работам и т.п., а на 2461 рядового участника бунта наложили штраф общим размером в 20 тыс. руб. Приговоры приводили в исполнение на месте, прямо в Яицке, в июле 1773 г. В итоге казачество уподобилось пороховой бочке, и недоставало лишь искры, чтобы произошел взрыв[4].

В такой ситуации слухи о том, что на свете есть «настоящий» царь, который может придать законность требованиям недовольных, неизбежно должны были упасть на благодатную почву.

---

[2] *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов, 1961. С. 236, примеч. 1.

[3] Там же. С. 297 и далее; *Карасев А. А.* Атаман Ефремов // Исторический вестник. 1902. Т. 9. С. 876 и далее.

[4] О событиях на Яике см.: *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966; *Он же.* Яицкое казачество накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. // ВИ. 1958. № 10. С. 97—112. См. также: *Андрущенко А. И.* Классовая борьба яицких казаков накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. // История СССР. 1962. № 1. С. 149 и далее.

В XVII—XVIII вв. русские люди не раз возлагали свои вольнолюбивые надежды на пребывающего где-то настоящего царя, лишенного трона происками бояр. Неустойчивость престолонаследия в XVIII в. породила целую вереницу самозваных претендентов на престол, выдававших себя то за царя Петра II (1727—1730), то за юного Ивана VI, а то и за царевича Алексея Петровича, сына Петра Великого. Верили ли сами самозванцы, что они те, за кого себя выдают? А их приверженцы? Кажется вероятным, что все они жили одновременно и в вымышленном, и в реальном мире. Верили, чтобы оправдать свои поступки, чтобы не согрешить против царя — помазанника Божия, единственного, кто мог бы облегчить их долю, но теряли веру, как только сталкивались с суровой реальностью ареста и жестокого наказания. Простонародье редко просило иных доказательств царского происхождения самозванца, кроме осмотра, позволявшего убедиться в наличии на его теле «царских знаков». Слухи всегда окружали тех царственных особ, которые никогда не правили, или правили очень недолго, или умерли молодыми. Они оставались незнакомыми, таинственными, что порождало мечты о хорошей жизни при несостоявшемся царствовании. Поэтому весь феномен самозванства относился к сфере фольклора, мифа, былины и героической поэзии, в которой всегда находила прибежище душа униженных и угнетенных. Кстати, стоит отметить, что никто и никогда не пытался выдать себя за Петра Великого или утверждать, будто этот император не умер[5].

Краткое правление Петра III не могло не повлечь за собой появления самозванцев. Слухи о том, что царь все еще жив, пошли по Петербургу почти сразу же после его смерти. В 1763 г. допрашивали одного солдата, говорившего, будто Петр III жив. Спрошенный, откуда он об этом узнал, солдат отвечал, что епископ Ростовский [Арсений (Мацеевич)] был лишен сана за то, что похоронил вместо Петра III кого-то другого. Вот классический пример превращения реальных политических событий в мифы. В том же году в Оренбурге ходили слухи, будто Петр III скрывается на Яике, у тамошних казаков[6]. Появлялись и исчезали другие самозванцы (всего с 1764

[5] Чрезвычайно глубокий анализ самозванства проведен в работе: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.

[6] *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. С. 168. Рассказывали, что И. Ульянов, один из руководителей группы яицких бунтовщиков, укрывал у себя «Петра III» еще с 1762 г.

по 1772 г. было десять таких случаев), среди которых самую важную роль в становлении казачьих надежд на тайного царя сыграл беглый крепостной Ф. И. Богомолов. В марте 1772 г. он при поддержке казаков открыто объявил себя «Петром III». В декабре Богомолов был арестован и умер по дороге в Сибирь. Но слухов о нем ходило такое множество, что власти приказали предать широчайшей огласке в Землях Войска Донского и в Поволжье весть об аресте и наказании лжецаря. Но в результате этих мер вера в то, что Петр III жив, еще шире распространилась среди казачества.

Не прошло и нескольких недель после исполнения приговоров над яицкими казаками в июле 1773 г., как объявился новый, еще более грозный самозваный Петр III. Емельян Пугачев родился примерно в 1742 г. в семье простого донского казака. Он воевал в Семилетнюю войну, в 1768 г. ушел на Русско-турецкую войну, там дослужился до звания хорунжего — низшего казачьего офицерского чина. В 1771 г. дезертировал из армии и отправился на юг, в Таганрог, где у него были родственники, а потом ушел к терским казакам. Пространствовав некоторое время от одного старообрядческого селения к другому, Пугачев воспользовался одной из многих амнистий, объявленных русским правительством для вернувшихся беглых, и снова появился на Дону под видом такого выходца из Польши. В августе 1772 г. Пугачев получил паспорт и снова пустился в странствия, останавливаясь у староверов, причем часто выдавал себя за богатого купца. В ноябре он вернулся в Яицк и поселился в доме очередного старообрядца. К этому времени прошло всего пять месяцев после мятежа донцев, приговоры зачинщикам еще не были вынесены.

На этом этапе Пугачев выдавал себя за богатого купца с капиталом больше 200 тыс. руб. за границей, не говоря уже о товаре на 70 тыс. руб. Он предполагал вывести недовольных казаков из России на Кубань, подвластную крымскому хану, обещал по 12 руб. каждому казаку, который пойдет за ним, и уверял, что «турецкий паша» им обрадуется. Здесь, в Яицке, Пугачев впервые назвался Петром III. При каких обстоятельствах это произошло, остается загадкой, так как показания Пугачева и его приверженцев, стремившихся обелить себя, весьма противоречивы. По словам Пугачева, он будто бы объявил своему хозяину, что он и есть император Петр III, который чудесным образом спасся от смерти, а потом странствовал в Египте, Константинополе и в Польше.

Несомненно, Пугачева воодушевили на это настроения в среде яицких казаков. Неясно, каковы были тогда его планы, ведь он уже

давно жил в мире фантазий. Еще в армии он хвастался, что «верную саблю» подарил ему его «крестный отец государь Петр Великий». Вести о том, что Богомолов объявил себя Петром III и что он арестован, возможно, послужили для Пугачева недостающим толчком, чтобы объявить себя царем. С другой стороны, вероятно, что эта идея изначально принадлежала яицким казакам, которые и предложили ее Пугачеву. Советские историки считают, что выдать себя за государя решил сам Пугачев. Это подкрепляет одно из их главных положений — о том, что Пугачев сознательно планировал общероссийское восстание против крепостного права, и выдать себя за Петра III было ему крайне необходимо для осуществления стратегического замысла всей кампании. Однако, по рассказам сподвижников Пугачева, сначала он собирался увести их за границу, в Турцию. Конечно же, они могли давать ложные показания, чтобы уменьшить свою вину в глазах русских властей. Но уход в чужую землю был более созвучен казачьим традициям, чем открытый поход против российского государства. Судя по речам Пугачева, его заботило то, что жизнь казачества под гнетом государства стала невыносимой, а совсем не беды и горести русского крестьянства в целом.

В этот свой первый приезд на Яик Пугачев пробыл здесь всего неделю, а по возвращении на Дон он вскоре был арестован как дезертир. В начале января 1773 г. его препроводили в Казань, где на допросе он сознался в том, что подговаривал яицких казаков бежать за границу, но не упомянул, что назывался Петром III. В мае 1773 г. Пугачеву удалось уйти из-под стражи, и он находился в бегах до августа, когда снова появился среди яицких казаков. В бане он показал хозяевам дома, где остановился, «царские знаки». На самом деле на груди у Пугачева были следы от золотухи — довольно курьезный вариант традиционных атрибутов помазанника Божия, но с этих пор вера в то, что «купец» Пугачев на самом деле — император Петр III, все шире и шире распространялась в Яицком войске, еще страдавшем под тяжестью наказаний, вынесенных бунтовщикам в июле 1773 г. Прохожие казаки рассказывали о своих бедах «Петру III»: власти хотели вводить новые «заведения», новый строй, а казаки желали служить по-старому, как во время Петра Великого и согласно жалованным грамотам. Вместе с шайкой отчаянных голов из казаков и татар Пугачев придумал план, как добиться, чтобы все Яицкое войско признало его императором Петром III. Он обещал сохранить навечно старую вольную жизнь казачества, что можно в целом свести к свободному доступу к рыбным ловлям на Яике,

использованию «без покупки и оброку» земли с «произрастаниями», сенокосных угодий и соляных озер и к выдаче денежного и хлебного жалованья — каждому казаку по 12 руб. и 12 четвертей зерна в год[7].

Эта группа ближних сподвижников прекрасно знала, что их Петр III — беглый донской казак Емельян Пугачев. Именно их и нужно считать вдохновителями замыслов восстания. Они понимали, что если уж они хотят, чтобы выступление стало массовым, то необходимо придать ему ореол законности. И когда в атмосфере растущего недовольства появился решительный человек, готовый взять на себя роль вождя, они без колебаний приветствовали его. Постепенно кружок осведомленных о подлинной личности Пугачева расширялся. Теперь в него входили как простые казаки с их обычными интересами, так и фигуры вроде бывшего беглого предводителя яицких «непослушных» И. Ульянова, который рассчитывал, что, когда Пугачев «захватит государство», он тоже «станет большим человеком»[8]. Может быть, правда и то, что притязания Пугачева на царство воспринимали с такой готовностью именно потому, что он был простой казак, в котором легко было увидеть «отца народа», и его не отделяла от приверженцев непреодолимая культурная пропасть. Поэтому можно предположить, что сподвижники обращались с Пугачевым одновременно и фамильярно, и почтительно не потому, что такой у них был уговор. Просто они искренне пытались жить сразу и в реальном, и в вымышленном мире[9].

Выступить наметили после зимнего ледостава. Тем временем приближенные Пугачева подыскали ему подходящий наряд — алый

---

[7] Пугачевскому бунту посвящена обширная литература. Приведенный в данном исследовании очерк составлен на основе работ: Пугачев и его сообщники / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1884. Т. I—III (эта книга все еще не утратила своего значения); Крестьянская война в России / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1961—1970. Т. I—III (см. в первую очередь: Т. I. С. 503 и далее); *Андрущенко А. И.* Крестьянская война. М., 1969. Документы, в том числе протоколы допросов пойманных бунтовщиков, включены в бесценное трехтомное собрание «Пугачевщина». А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» использовал документы, до нас не дошедшие. Самое полное современное исследование: *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy in a National Crisis: the Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773—1775. Bloomington, 1969; *Idem.* Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article // CSS. 1970. Vol. IV. P. 602—617.

[8] *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. С. 168. Его надежды осуществил примерно через полтора столетия другой Ульянов.

[9] См.: Крестьянская война... Т. II. С. 94; Пугачевщина / Под ред. С. А. Голубцова и др. М., 1929. Т. II. С. 127. Некоторые казаки свидетельствовали, что признали Пугачева царем из страха (*Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 31).

кафтан и бархатную шапку, а также «секретаря», Ивана Почиталина (сам «государь» грамоты не знал)[10]. Но внешние причины заставили ускорить выступление. До коменданта Яицкой крепости дошли слухи о появлении самозванца, и он отрядил несколько воинских команд арестовать Пугачева. Тогда заговорщики решили начинать немедленно. Поспешно набросали первый манифест Пугачева и утром 17 сентября 1773 г. огласили его народу на хуторе одного зажиточного казака. Это происходило примерно в ста верстах от Яицка в присутствии 60—100 казаков и нескольких калмыков и татар. От имени «амператора Петра Федоровича» Пугачев прощал подданных «во всех винах» против себя и излагал цели казаков — жаловал их «рекою с вершин до устья, и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом».

Пугачев сразу же двинулся на Яицк, и на следующий день, когда он подошел к крепости, его силы насчитывали уже 300 человек. Высоко на пиках они несли казачьи значки — штандарты времен восстания 1772 г. с нашитыми староверскими крестами. У яицкого коменданта было свыше тысячи войска, но он знал, что подчиненные ему казаки ненадежны. Многие из них сразу же перебежали к Пугачеву. Других бунтовщики хватали и вешали для устрашения остальных. Однако 19 сентября осажденным удалось отбить штурм крепости, и Пугачев понял, что ему не выстоять против пушек регулярной армии. Он отступил вдоль Яика, сметая с лица земли мелкие крепости, попадавшиеся на пути. Повсеместно казаки и солдаты переходили к бунтовщикам, в противном же случае их расстреливали. Казачьих и армейских офицеров, а также некоторых священников вешали. Один казачий офицер, Т. Падуров, передавшийся Пугачеву, был раньше депутатом Уложенной комиссии.

Выбор следующей цели говорит о том, что на этом этапе восстания на первом плане находились интересы казачества. Пугачев мог бы повернуть в сторону Самары и внутренних губерний России, но вместо этого пошел на Оренбург — военно-административный центр, которому с основания города в 1735 г. подчинялось Яицкое казачество. Пугачев подступил к Оренбургу 5 октября 1773 г., располагая войском в три с лишним тысячи человек и 20—30 орудия-

---

[10] Этот пробел в царском воспитании Пугачев скрывал, выводя каракули на листках бумаги и выдавая их за «иностранные языки». Один из последователей Пугачева был уверен, что он немец, потому что слыхал, как тот говорил «по-немецки» (как полагалось настоящему Петру III). См.: Крестьянская война... Т. II. С. 101, примеч. 49.

ми, но этих сил не хватило, чтобы взять крепость штурмом. Тогда он обложил город осадой, избрав своей ставкой Бердскую слободу верстах в пяти от Оренбурга.

Тем временем весть о появлении на Яике нового Петра III 15 октября 1773 г. наконец дошла до Петербурга. Издали показалось, что это всего лишь мелкое местное выступление, отголосок событий 1772 г. Власти хорошо знали, что Оренбургская губерния, охватывавшая почти все башкирские земли, заселена негусто и имеет мало гарнизонов. В соседней обширной Казанской губернии имелось всего 80 постоянных чиновников на 2,5 млн населения. Но Екатерина стремилась бросить все силы в новое наступление против турок и не могла разбрасываться испытанными в боях войсками. Поэтому на бунтовщиков послали небольшую карательную экспедицию из Казани под командованием генерала В. А. Кара, а также еще два отряда из Симбирска и из Тобольска. Но в начале ноября отряд Кара потерпел поражение, а сам генерал поспешил с докладом в столицу[11]. Через неделю силы Пугачева разбили корпус правительственных войск, шедший из Симбирска, и повесили полковника. Воодушевленный победой, даже опьяненный ею (в прямом смысле слова), Пугачев упустил третью колонну в 2400 солдат при 22 орудиях, направлявшуюся на подмогу в Оренбург. Ее подход позволил стойкому оренбургскому губернатору Рейнсдорпу собраться с силами, чтобы выдержать предстоящую шестимесячную осаду. В Яицке комендант тоже заперся в крепости и приготовился ее оборонять, но сам город остался в руках бунтовщиков.

Поражение карательных экспедиций, посланных Екатериной II, открыло восставшим путь в Башкирию. Чика Зарубин, один из способнейших соратников Пугачева, в конце ноября осадил Уфу; другой же, Илья Арапов, в конце декабря 1773 г. ненадолго овладел Самарой. Здесь его встречали колокольным звоном и молились за здоровье «Петра III».

К этому времени успехи восставших породили некоторые организационные проблемы управления и снабжения мятежного войска, и маленький кружок приближенных Пугачева, возглавлявших выступление в его начале, уже не справлялся с ними. Поэтому 6 ноября 1773 г. в ставке Пугачева в Берде был образован главный орган

---

[11] В. А. Кара предали военному суду и в итоге разжаловали. Некоторые историки объясняют суровость этого наказания тем, что, не сумев победить Пугачева, генерал сделал достоянием гласности тот факт, что восстание действительно опасное.

руководства восстанием — «Военная коллегия». Название позаимствовали у известного правительственного учреждения, потому что Военная коллегия лучше других была знакома казакам. К тому же появление «коллегии» укрепляло иллюзию, будто восстанием руководит сам царь, но могло при этом и поставить преграду между собой и своими последователями, с одной стороны, необходимую для эффективной организации восстания, а с другой, способную ослабить элемент эгалитарности, присущей предыдущим стадиям выступления[12].

Начальником пугачевской «Военной коллегии», или «судьей», как традиционно называли в России главу приказа, выступал богатый член яицкой старшины Андрей Витошнов. Иван Почиталин, составлявший пугачевские манифесты, был назначен «думным дьяком» (это был тоже старомосковский титул, не употреблявшийся после реформ Петра Великого). В «Военную коллегию» бунтовщики привлекли также нескольких грамотных людей в роли канцеляристов и одного из редких потомственных дворян, пошедших за Пугачевым. Это был М. А. Шванвич, который вел переписку бунтовщиков по-немецки и по-французски. Двое татарских вождей, Идыр Баимбеков и его сын Балтай, писали письма и манифесты «по-арабски, по-персидски, по-турецки и по-татарски». «Коллегия» выполняла как гражданские, так и военные функции: принимала добровольцев, толпами стекавшихся к Пугачеву и, как правило, вооруженных косами и вилами или кольями, сводила их в военные отряды по образцу казачьих подразделений. С момента приема в армию Пугачева добровольца признавали казаком, чтобы отличать его от «солдат», сражавшихся за Екатерину. С тех пор как Пугачев обосновался в Бердской слободе под Оренбургом, повстанческое движение столкнулось с проблемой притока новых людей. Крупные отряды бунтовщиков начали действовать довольно далеко от ставки Пугачева, в окрестностях Уфы и даже под Екатеринбургом и Челябинском. Необходимость расширить территорию военных действий и готовиться к отражению правительственных войск вскоре заставила бунтовщиков позаимствовать оружие из царского арсенала, а именно ввести воинскую повинность. Были изданы приказы населению поставить «по одному рекруту с трех дворов», а то и «по

[12] А. И. Андрущенко высказывает предположение, что бунтовщики создали также «Сенат», но нет никаких свидетельств его деятельности (*Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 59, примеч. 3).

одному с двора»[13]. В январе 1774 г. указом бунтовщиков было велено брать людей на службу к государю Петру Федоровичу даже против их воли, убивать тех, кто откажется, и отбирать их имущество[14]. Клятва верности «Петру III» служила формальной присягой, и все, кто представал перед самозванцем или попадал в плен, были вынуждены тем самым открыто заявлять о своих взглядах. Выбирать особенно не приходилось, так как приговор за неподчинение следовал незамедлительно и обычно означал мучительную смерть тому, кто не признавал Пугачева государем.

Пугачевская «Военная коллегия» занималась также снабжением войска боеприпасами, продовольствием и фуражом. Это заставляло ее вступать в контакт с мирным населением в районах, занятых силами Пугачева, или в тех, где его последователи сами поубивали прежних представителей власти и поставили новых, выборных. Во время первой вспышки восстания некоторые местные помещики с женами, детьми и дворовыми, наряду с чиновниками, церковниками и другими были уничтожены, нередко с варварской жестокостью[15]. «Военная коллегия» пыталась как-то обуздать эту стихию при помощи «указов», согласно которым только ставка имела право судить и карать. Она же объявлялась высшей инстанцией при решении споров, неизбежно вспыхивавших между казаками и башкирами, с одной стороны, и мирным населением — с другой.

Для поддержания «царистских иллюзий» в лагере бунтовщиков придумали способ, проливающий свет на сложные взаимоотношения внутри верхушки восставших. Пугачев устроил собственный «двор» — как и многое другое — по образцу двора императрицы Екатерины. Некоторые из его ближайших сподвижников приняли имена и титулы екатерининских вельмож. М. Шигаев, в числе первых примкнувший к «государю» и выступавший хранителем медной казны (серебряную Пугачев держал при себе), фактически являлся заместителем атамана и назывался «графом Воронцовым». Один из

---

[13] Пугачевщина... Т. I. С. 147—148.

[14] Там же. С. 172. Существовали также штрафы. Советские ученые считают это «мобилизацией», в отличие от царских рекрутских наборов. См.: Крестьянская война... Т. II. С. 474, примеч. 77.

[15] Женщин насиловали и избивали до смерти, мужчин вешали вниз головой. С коменданта одной из захваченных крепостей заживо содрали кожу, его жену изрубили саблями, а дочь взял себе в наложницы сам Пугачев. Позже казаки, обеспокоенные ее влиянием на атамана, застрелили ее. См.: *Пушкин А. С.* История Пугачева. М., 1983. С. 30.

самых преданных и способных пугачевских военачальников, Овчинников, именовался «графом Паниным», другой командир стал «графом Орловым», а Чика Зарубин, самый свирепый из всех, прозывался «фельдмаршалом Чернышевым», вслед за вице-президентом Военной коллегии в Петербурге. В феврале 1774 г. Пугачев, у которого на Дону остались жена и дети, «обвенчался» с дочерью яицкого казака Устиньей Кузнецовой. Ее называли «Ваше императорское величество» и приставили к ней фрейлинами казачек. Тем не менее женитьба Пугачева ослабила его позиции. Все знали, что у Петра III есть жена — императрица Екатерина, захватившая его престол. И простые люди примкнули к нему как раз затем, чтобы отнять этот престол у жены-узурпаторши. К тому же настоящий царь не женился бы на простой казачке. Так личные побуждения самозванца Пугачева прорывались наружу сквозь покров иллюзии.

Ради придания подлинности своей особе «Петр III» издавал написанные, по мере способностей, на официальном бюрократическом жаргоне XVIII в. «указы», в которых отражалось единственное представление о законном источнике власти, доступное казачьему миру. Некоторые из этих документов даже издавались в печатном виде (в России признавали законными только печатные экземпляры указов) и снабжались разнообразными печатями. Один из самых живописных документов был издан Пугачевым в августе 1774 г. Он украшен печатью с надписью «Петр III милостью Божьей император каруны», окружающей портрет усатого мужчины в парике и в латах, с широкой орденской лентой через плечо — больше всего это напоминало портрет Петра Великого, сделанный с чьих-то слов. Другие предводители восстания пользовались печатями с гербами знатных родов, заводскими печатями и даже штампом какой-то винокурни.

Очень трудно определить, насколько велика была власть Пугачева в пределах ближнего круга сподвижников, знавших, кто он такой на самом деле. На людях они к нему относились почтительно. В частной обстановке главари восстания сидели и пировали все вместе. Те, кто с самого начала занял высшие места, стремились не допустить, чтобы другие вошли в окружение Пугачева и приобрели влияние на «царя». «Улица моя тесна», — крикнул он однажды какому-то собутыльнику. Он не всегда мог спасти кого-либо по своему желанию и часто оказывался перед свершившимся фактом[16].

---

[16] *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 39. В. В. Мавродин и А. И. Андрущенко почти ничего не сообщают об устройстве «двора» Пугачева, в отличие от его «Военной коллегии».

Хотя руководители, возможно, и надеялись наладить хоть какую-то дисциплину в рядах восставших, те все равно, по словам современников, оставались распущенным сбродом. Ежедневно молились за императора «Петра III» и, пока Пугачев не женился на Устинье, за его жену императрицу Екатерину II[17]. Но лагерь был полон жен и дочерей гарнизонных офицеров, захваченных бунтовщиками и поделенных как трофеи. То и дело кого-нибудь казнили, окрестные овраги были завалены непогребенными телами, в лагере не прекращались попойки.

С самого начала восстания, с сентября 1773 г., Пугачев обращался с воззваниями к инородцам, населявшим обширные земли между Волгой, Яиком и Западной Сибирью. Среди восьмидесяти его сподвижников с первых дней находились 20 татар и 20 калмыков, и первый его манифест был специально обращен также и к ним. В нем говорилось об амнистии всем, кто долго и упорно сражался против русских властей, воевавших с башкирами в 40-х гг.[18] В октябре 1773 г. вышло несколько манифестов с обещанием сохранить традиционный образ жизни башкир, которых «государь» жаловал землей, водами, лесами, травами, реками, законами, «верою и молитвою», хлебом, пашнями, денежным жалованьем, свинцом и порохом и даже «телами». Последнее, вероятно, означало обещание не закрепощать башкир и сохранить за ними право «пребывать так, как степные звери», т.е. вести вольную жизнь кочевников. Но, в отличие от призывов к своим русским последователям, Пугачев обращался не к обездоленным башкирам, чтобы призвать к восстанию против их вождей, а к верхушке башкирских родов, чтобы поднять их против гнета Русского государства.

В октябре 1773 г. к Пугачеву уже примкнуло не менее тысячи башкир под началом Кинзи Арсланова, который до самого конца оставался рядом с ним. Почти сразу же башкиры набросились на один из самых ненавистных знаков русского присутствия на их землях: литейные заводы. К концу года в руки бунтовщиков перешли 44 литейных завода и шахты, что принесло Пугачеву крупные запасы оружия и боеприпасов наряду с возможностью производить новые. Но не все промышленные предприятия сразу сдавались бун-

---

[17] *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 39. Пушкин добавляет, что Пугачев, как старовер, сам в церковь не ходил. Однако нет свидетельств о том, что он был раскольником.

[18] См.: *Donnelly A.* The Rusian Conquest of Bashkiria. 1552—1740. Yale University Press, 1968.

товщикам, так как в своих манифестах Пугачев не касался нужд приписных крестьян и крепостных людей владельцев мануфактур. Иногда повстанцы заставляли приписных продолжать работу, чтобы заводы не останавливались. Работные, уже свыкшиеся с заводской жизнью, иногда обороняли предприятия от башкир, пытавшихся их разрушить[19].

К началу января 1774 г. смешанный двухтысячный отряд татар, крепостных с заводов, пашенных солдат и приписных крестьян под началом молодого башкирского предводителя Салавата Юлаева и И. Кузнецова пошел на медеплавильни Урала. Кунгур и Екатеринбург отбились, а Челябинск был на время захвачен бунтовщиками. Затем они двинулись на крупный Далматов монастырь, пользовавшийся очень дурной славой во времена, когда церковь владела крепостными. Монастырь был обнесен высокими стенами, в нем имелось 16 пушек разного калибра. Силы оборонявшихся составляли монахи, церковнослужители и крестьяне, на которых была плохая надежда. Но 14 марта монастырь освободили от осады правительственные войска, разбив армию повстанцев под его стенами[20].

И в самом деле, правительственные войска наконец-то выступили на подавление бунта. Получив вести о поражении отряда Кара в ноябре 1773 г. и донесения от оренбургского губернатора, императрица осознала всю серьезность положения. 29 ноября 1773 г. генерал А. И. Бибиков, бывший маршал Уложенной комиссии, получил приказ подавить восстание, а также право распоряжаться действиями всех местных военных, гражданских и духовных властей «на основании государственных наших гражданских и военных законов»[21]. Кроме того, Бибиков должен был учредить комиссию для расследования корней и хода восстания, впоследствии известную как Казанская секретная комиссия.

Бибиков, прибывший на место 26 декабря, разместил свой штаб в Казани и незамедлительно принял меры к восстановлению авторитета центральной власти и укреплению боевого духа. Дворян уговорили организовать несколько добровольческих отрядов, дав оружие своим крестьянам. Императрица внесла свой вклад в общее дело как «казанская помещица» — приказала провести рекрутский на-

---

[19] Пример см.: *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 254—256.

[20] Правительственными войсками командовал Я. де Кастро де ла Серда, испанец на русской службе, что, конечно, было большой редкостью.

[21] СбРИО. Т. XIII. С. 367 и далее.

бор среди дворцовых крестьян и направила офицеров командовать ими[22]. Церковная верхушка деятельно трудилась над обнародованием манифестов правительства и разоблачением самозванства Пугачева[23]. К концу января подошла большая часть войск, переданных под командование Бибикова, и воинские подразделения были направлены очистить земли между Казанью и Уфой от орудовавших там шаек бунтовщиков.

Уфа с середины ноября 1773 г. оказалась в осаде, хотя и не слишком плотной. Восстало почти все нерусское население Уфимской провинции[24], но воевода с гражданским населением города и командующий гарнизоном с его подчиненными не потеряли присутствия духа и наладили прочную оборону. 24 января 1774 г. Чика Зарубин во главе 12 тыс. человек атаковал крепость и был отбит. Тогда бунтовщики полностью блокировали город. В феврале—марте боевые действия заглохли, но Зарубин вел с осажденными интенсивные переговоры о сдаче Уфы. Тем временем к городу приближались правительственные войска под командованием подполковника Михельсона, ветерана Семилетней войны, а среди главарей восставших начались раздоры. 23—24 марта Чика Зарубин, имевший под началом от 7 до 10 тыс. человек, был разбит в жестоком бою с регулярными частями Михельсона. Осада Уфы была снята, казаки схватили Зарубина и Ульянова и выдали их Михельсону[25].

Оставался еще Оренбург, осажденный уже полгода, да и комендант Яицка по-прежнему сидел запертый у себя в крепости. В обеих крепостях всю зиму царила острая нехватка продовольствия, фуража, топлива. Для их освобождения в районе Бугуруслана и Бугульмы были сосредоточены крупные силы под общим командованием генерала князя П. М. Голицына. Ожидалось наступление на самого Пугачева. Вождь бунтовщиков решил дать отпор императорским войскам у крепости Татищевой, где сходились дороги из Оренбурга и Яицка, и привел туда примерно 9 тыс. человек при 36 орудиях. У Голицына было 6,5 тыс. солдат и 22—25 пушек. Решающее сражение произошло 22 марта, когда после яростной артиллерийской перестрелки регулярные войска Голицына сломили сопротивление повстанцев. Снова бунтовщики доказали свою неспособность

---

[22] *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy... P. 70, 89, 280, примеч. 3.

[23] Ibid. P. 96.

[24] *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 326—327, таблица 1, с. 135—136.

[25] Крестьянская война... Т. III. С. 35 и далее.

справиться с меньшими по численности, но правильно обученными частями, хотя обе стороны понесли тяжелые потери. У Голицына насчитывалось 140 человек убитых и свыше 500 раненых, у пугачевцев 1315 человек погибло в бою, еще 1180 перебили солдаты, преследуя отступавших, и почти 4 тыс. пугачевцев попало в плен. Пугачев с несколькими приближенными ускакал в Берду.

Поражение при Татищевой привело к расколу среди восставших. Яицкие казаки — стержень восстания, самая близкая к Пугачеву группа из его воинства — сменили крестьян и беглых солдат на карауле в Берде. В то же время некоторые казаки принялись грузить свое добро на телеги, что пробудило подозрения у остальных повстанцев. Правительственные войска подходили все ближе, и всем стало ясно, что спастись сумеют лишь те, у кого есть лошади. Крестьян приходилось бросить на произвол судьбы. Но, предоставляя плохо вооруженных мужиков их участи, казаки вольно или невольно проявляли глубинное презрение воинов к земледельцам, «ибо расейский народ не воин; расейский народ просто баран...»[26]. В то же время многие казаки начали всерьез подумывать о спасении собственной шкуры. Возник заговор с целью захватить Пугачева и выдать его властям, который раскрылся буквально в последнюю минуту. Обстановка в Берде накалялась, и 23 марта Пугачев покинул свою ставку с двухтысячным отрядом и десятком пушек. В тот же день головной отряд Голицына вступил в Берду, где бушевали грабеж, пьянство и паника. Остатки убегавшего отряда Пугачева были настигнуты и захвачены, в том числе многие главари из «Военной коллегии» и «секретарь» Почиталин. Осаду Оренбурга сняли. 16 апреля был освобожден едва не вымерший от голода гарнизон Яицка, и две недели спустя от бунтовщиков очистили крепость Гурьев при впадении Яика в Каспийское море. Но победитель прожил недолго и не сумел закрепить достигнутое — Бибиков, руководивший действиями войск, внезапно заболел лихорадкой и, к великому отчаянию Екатерины, умер 7 апреля[27]. Военное командование перешло к генерал-лейтенанту князю Ф. Ф. Щербатову.

Секретная следственная комиссия, учрежденная Бибиковым в Казани, все это время расследовала истоки бунта: как пришла Пуга-

---

[26] Крестьянская война... Т. III. С. 28, примеч. 96.

[27] Бибиков — Екатерине, 7 апреля 1774 г., Екатерина — Бибикову, 20 апреля 1774 г. // *Грот Я. К.* Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова // Записки императорской Академии наук. Т. I. Прил. № 4. СПб., 1862. С. 16.

чеву в голову мысль назваться «Петром III»? Не было ли тут иноземного наущения со стороны французов или турок? Какова роль в восстании недовольных властью дворян и староверов? Тайной комиссии, а также Бибикову единолично было дано право выносить смертные приговоры и распоряжаться об их исполнении, хотя дела дворян и чиновников, как правило, передавались на высочайшее утверждение. В первые недели работы Казанская секретная комиссия не слишком щедро раздавала смертные приговоры. Повесили одного крепостного за убийство помещицы и еще нескольких солдат из татар за участие в бунте[28]. Остальных приговаривали к обычным видам телесных наказаний, а многих, лишь косвенно причастных к бунту, приводили заново к присяге императрице и отпускали. Секретная комиссия, несомненно, прибегала к классическому методу добычи признаний, а именно — к кнуту, невзирая на стремление Екатерины II сократить применение пыток. «Я не сомневаюсь, что вы станете придерживаться моих правил, — писала она Бибикову 15 января 1774 г., — хотя временами суровость будет необходима». «Пожалуйста, велите Секретной комиссии проявлять осмотрительность при выборе наказаний: по-моему, солдат X и Y высекли безвинно. И какая нужда сечь во время следствия? За двенадцать лет Тайная экспедиция у меня на глазах не высекла ни одного подследственного, и каждое дело было должным образом рассмотрено и узнавалось даже больше, чем нам нужно было знать», — снова писала она 15 марта[29]. Но смертные приговоры, особенно офицерам, изменившим присяге, императрица утверждала, хотя сам выбор казни оставляла на усмотрение Бибикова, и те, кому удавалось выжить после наказания шпицрутенами (в правление Екатерины разрешалось прогонять сквозь строй до 6 раз), служили рядовыми в гарнизонах.

По мере того как правительственные войска одну за другой разбивали шайки бунтовщиков, пленных становилось все больше и Казань их уже не вмещала. Командиры воинских отрядов, освобождавших крепости от осады, нередко наказывали пойманных бунтовщиков прямо на месте, отправляя в Казань только главарей, а всем прочим выдавали свидетельства о прощении[30]. Со смертью Биби-

---

[28] Крестьянская война... Т. III. С. 383; *Alexander J.* Op. cit. P. 90.

[29] РА. 1886. С. 388 и далее, особенно с. 390, 397. В работе Н. Ф. Дубровина высказано предположение, что Бибиков преднамеренно опускал подробности приговоров, вынесенных захваченным бунтовщикам, в своих донесениях Екатерине. См.: Пугачев и его сообщники... СПб., 1884. Т. II. С. 257.

[30] Там же. Т. III. С. 94.

кова следственная комиссия осталась без хозяина, имея на руках 169 узников в Казани, свыше 4 тыс. в Оренбурге и множество размещенных по другим пунктам. 16 апреля 1774 г., полагая, что хребет восстания уже сломлен, Екатерина назначила генерала Ф. Ф. Щербатова на место Бибикова. Его полномочия были менее обширными, чем у предшественника, но распоряжение Щербатова о создании в Оренбурге самостоятельного отделения Секретной комиссии императрица утвердила. Обе Секретные комиссии временно поступили в подчинение местных губернаторов.

Но власти поторопились опочить на лаврах, ведь Пугачева еще не схватили. Отчаявшись пробиться на Кубань, а тем более в Персию, он в сопровождении около 5 тыс. плохо вооруженных башкир, с горсткой работных и казаков широкой дугой пошел по Башкирии от одного завода к другому. Некоторые башкирские вожди уже начинали замиряться с центральными властями и помогать отрядам регулярных войск[31]. Зато другие, подобно Салавату Юлаеву, продолжали борьбу, хотя и неясно — ради дела Пугачева или в своих собственных интересах. Подполковник И. И. Михельсон, командовавший правительственными войсками на этих территориях, гонялся за Пугачевым от завода к заводу, но установившаяся надолго распутица затрудняла действия обеих сторон. Через сорок дней почти непрерывной погони солдаты Михельсона так ослабели, что он отвел их в Уфу отдохнуть и подкрепиться. Вся Башкирия была охвачена волнением, и даже Уфа опять дрожала за свою безопасность. Никто не знал, где находится Пугачев и где он нанесет следующий удар. Он же обошел Уфу, пошел на север и 18 июня 1774 г. появился возле крепости Оса. После трехдневной осады крепость сдалась «Петру III» и встретила его вступление воинскими и императорскими почестями. Следующим шагом бунтовщиков была переправа через Каму и поход на Казань. Работные и крестьяне из Пермской губернии толпами стекались на подмогу восставшим, как и множество башкир. Пугачев немного задержался, чтобы предать огню Ижевский и Воткинский заводы, где, несмотря на усилия оборонявшихся гарнизонов, крестьянство и работный люд встречали «государя» колокольным звоном и иконами. Армия Пугачева, которую никто не преследовал и никто не останавливал, подступила к беззащитной Казани.

---

[31] В работе В. В. Мавродина высказана мысль о том, что в этот период от восставших отпали только богатые башкиры, но не приведено убедительных доказательств. См.: Крестьянская война... Т. III. С. 46—47.

Население Казани составляло около 11 тыс. человек, среди которых было немало татар. Почти весь город был деревянным, не исключая даже кремль. Больной казанский губернатор генерал Брандт уже понял, какая ему грозит опасность, и 24 июня направил главнокомандующему правительственных войск на всей восставшей территории, князю Ф. Ф. Щербатову, срочное доношение, требуя подкреплений. Из Казани во все стороны понеслись курьеры в поисках помощи, прежде всего — к Михельсону. Щербатов до 5 июля сидел на месте, в Оренбурге, но Михельсон бросился вперед, чтобы успеть перейти через Каму и перехватить Пугачева. Он рассчитывал добраться до Казани к 8—9 июля, но ему нужно было перейти вброд несколько рек, и лишь 3 июля корпус Михельсона переправился через Каму, сильно отстав от Пугачева. Тот 11 июля подступил к Казани с двадцатитысячным войском. 12 июля бунтовщики ударили с трех сторон и сокрушили импровизированную оборону города. Гарнизон отступил в крепость и там забаррикадировался. Город был предан на поток и разграбление, продолжавшиеся с шести часов утра до полуночи. По словам современника, «все, кто был в немецком платье и без бороды, были убиты», женщин «в немецком платье» хватали и тащили в лагерь Пугачева. Все, кто был в плену у правительственных сил, получили свободу, и среди них первая и единственная настоящая жена Пугачева с его детьми. Их привезли в лагерь, где появление семейства поставило самозванца в довольно неловкое положение. Но их представили окружению «императора» как жену и детей его старого друга, донского казака Емельяна Пугачева, и поселили вместе с женщинами, составлявшими гарем атамана. Казань подожгли с девяти концов, и пугачевский сброд бушевал на улицах, грабя, пьянствуя, насилуя, пока дым не выгнал его прочь из города. Из 2873 домов Казани сгорело 2063[32].

А Михельсон вечером 11 июля находился всего в 65 верстах от Казани. Дав лошадям трехчасовой отдых, он в час ночи 12 июля выступил ускоренным маршем. Скоро показались клубы дыма, поднимавшиеся над городом. В деревне Царицыно Михельсон узнал, что Пугачев ждет его с двенадцатитысячным войском. Но хотя у него было под началом всего 800 измотанных походом солдат, Михельсон атаковал центр позиции Пугачева, и после пятичасового сражения бунтовщики были рассеяны. Преследовать бегущих усталые солдаты Михельсона уже не могли.

---

[32] Пугачев и его сообщники... Т. III. С. 94.

13 июля 1774 г. корпус Михельсона вступил в Казань и сразу же начал очищать город от мародеров. С Пугачевым еще покончено не было, и тот с уменьшившимся отрядом на следующий день опять пошел на Михельсона и снова потерпел поражение. Но и это его не сломило. Отойдя верст на 20 от Казани, Пугачев провел перегруппировку и пополнение своих сил и вернулся к городу уже не с армией, а с настоящей ордой в 15 тыс. человек. Михельсон вышел встречать его на то же поле битвы под стенами Казани, где они сражались впервые. Пугачевцы дрались на этот раз с отчаянным мужеством, но после четырехчасового боя понесли полное поражение, потеряв 2 тыс. убитыми и ранеными и 5 тыс. пленными. Правительственные войска освободили из лагеря бунтовщиков около 10 тыс. пленников обоего пола.

Куда же теперь намеревался отправиться Пугачев? Поход на Нижний Новгород привел бы к бунту в сердце крепостной России. Занявший теперь пост генерал-губернатора Москвы князь М. Н. Волконский начал разрабатывать план обороны города и окрестностей. В ряде мелких городов местное дворянство и горожане сговаривались о сборе ополчения, чтобы отразить беду. Но она не пришла, потому что Пугачев повернул на юг. Собирался ли он и вправду идти на Москву? Об этом часто говорили в кругу его ближайших соратников. Ходили слухи, будто Пугачев говорил: «Если де мне удастся взять Оренбург и Яик, то я с одною конницею пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург, и тамо государыню постригу в монастырь, а боярам всем отплачу их хлеб и соль»[33]. Это мало напоминает тщательно продуманный план военной кампании. «Поход на Москву» был нужен Пугачеву как психологически убедительный шаг ради обоснования законности его роли «Петра III»: по вине «злодеев-бояр» «государь» много лет скитался в чужих землях, а теперь вернулся, чтобы вступить на свой престол. Однако, оказавшись перед угрозой поражения, Пугачев поступил вполне предсказуемо: он пошел домой, в те места, которые он хорошо знал, — в земли донских казаков[34].

Решение двигаться на юг потребовало несколько изменить акценты в манифестах Пугачева, учитывая особенности тех областей, где теперь разворачивались действия. От Башкирии он был отрезан (хотя бунт там не стихал), как и от мест, где мог рассчитывать на поддержку заводского люда. Он вступал в местности, где прожива-

---

[33] Пугачевщина... Т. II. С. 188.

[34] Там же. С. 226, 390.

ло много мелких помещиков, не имевших и двух десятков крепостных каждый[35]. Правда, там же встречались и очень крупные имения. По тогдашним меркам крестьяне здесь были сравнительно зажиточными, но их хозяйство было в основном натуральным, а для продажи или местного обмена почти ничего не выращивали. Преобладала барщинная обработка земли, хотя часть крупных имений была на оброке[36]. Города тоже представляли собой, как правило, разросшиеся села и не могли служить рынком сбыта для деревни, потому что сами производили для себя пропитание. Вся местность была редконаселенной, и здесь находили прибежище всякого рода отчаянные головы, беглые крестьяне, староверы. 1—2% населения составляли малороссы и племена инородцев.

В манифестах Пугачева, которые возили по деревням его эмиссары, теперь звучали особые обращения к крестьянам: их призывали восстать против хозяев, уничтожить всю систему крепостного права и взять землю в свои руки. Новоявленный Петр III призывал в свои ряды и староверов, обещая им сохранить «крест и молитвы, головы и бороды». Он сулил им волю, обещал, что они навечно останутся казаками, свободными от подушной подати и рекрутского набора, от налогов и поборов, налагаемых злодеями-помещиками и продажными судьями. Пугачев звал крестьян хватать своих бывших помещиков и угнетателей, казнить, вешать — в общем, поступать с ними так же безбожно, как они сами обращались с крестьянами[37]. Под влиянием пугачевских манифестов, или из-за присутствия самого Пугачева, или сами по себе, но крестьянские восстания, как огонь, перекидывались от деревни к деревне. Иногда в деревню приезжали небольшие группы казаков и подстрекали крестьян выступить против хозяев, в других местах крестьяне поднимались по собственному почину, наслушавшись молвы и слухов. Нередко большие толпы крестьян пускались бродить вдали от своих мест, громя поместья и привлекая к себе новых бунтовщиков, причем у них хватало сил даже противостоять в сражениях правительственным войскам. Если такой бунт происходил поблизости от глав-

---

[35] *Тхоржевский С. И.* Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930. С. 30 и далее.

[36] В Воронежской губернии из 393 имений, разоренных бунтовщиками, 384 были на барщине и только 9 на оброке (Там же. С. 36).

[37] Манифест Пугачева от 31 июля 1774 г.: Пугачевщина... Т. 1. С. 40—41. В. В. Мавродин опубликовал несколько отличный от этого текст, датированный 28 июля, см.: Крестьянская война... Т. III. С. 132.

ных сил Пугачева, то крестьяне приводили захваченных дворян и чиновников к нему в ставку, чтобы их судил сам «амператор». В других местах помещиков — мужчин, женщин, детей, — как и чиновников, управляющих, священников, подрядчиков, ждала немедленная расправа. Примечательно, что убивали главным образом мелкопоместных дворян, с которыми крестьяне жили в близком личном общении и у которых работали большей частью на барщине[38].

Тем временем само пугачевское войско шло от города к городу, оставляя за собой мертвую, опустошенную полосу. 23 июля бунтовщики вступили в Алатырь, где население встречало «государя Петра Федоровича» присягой на верность, молебнами и крестными ходами. Тут Пугачев пополнил свои ряды добровольцами и заодно провел набор «среди пригодных к службе». Ту же акцию повторили 26 июля в Саранске, где Пугачев отобедал в доме вдовы местного воеводы, а потом ее повесил[39]. Дикость этих мест и людей, участвовавших в гражданской войне с обеих сторон, порождала все более страшную жестокость. И до восстания здесь случались иногда вооруженные столкновения между рассорившимися дворянами во главе их крепостного «воинства», а власть гражданской администрации над «шляхетством» была весьма слабой. Майор Меллин, командовавший одним из армейских полков, пришел в ужас, услышав донесения, «которым отказался поверить», — о том, что, пользуясь всеобщим хаосом, некоторые дворяне сражаются друг с другом, крушат поместья врагов и вешают хозяев[40]. С другой стороны, вид убитых дворян, гроздьями висящих в петлях, с отрезанными головами, руками и ногами, побуждал силы правопорядка к столь же свирепым расправам.

1 августа группа казаков объявила на рыночной площади в Пензе, что в город едет «Петр III» и что если его не встретят хлебом-солью, то всех до последнего младенца перережут. Пугачева приветствовали как полагается, городская казна была разграблена, а 200 человек насильно взяты в армию бунтовщиков. Зная, что правительственные войска идут за ним по пятам, Пугачев со своей разношерстной ватагой отправился в Саратов на Волге. Численность его «армии» нельзя установить точно. Современники оценивают его силы

---

[38] Крупным помещикам, конечно, легче было уехать из своих имений. Анализ количества разоренных поместий и убитых помещиков в зависимости от размеров владения см.: *Тхоржевский С. И.* Указ. соч. С. 115 и далее.

[39] Пугачев и его сообщники... Т. III. Passim.

[40] Там же. С. 125.

по-разному — от 800 до нескольких тысяч человек. Но это уже не было боеспособное войско. Ядро боевой силы составляли волжские бурлаки и беглые крепостные, но они не были обучены военному делу. Крестьяне, добровольно сбегавшиеся толпами к Пугачеву, так же быстро и рассеивались. Старая гвардия из 300—400 яицких казаков тоже сильно поредела, и уже не все в ней сохраняли былую преданность «Петру III».

Вместе с тем «городки», которыми успел до сих пор завладеть Пугачев, были городами лишь по названию. Другое дело — Саратов, один из важнейших центров Нижнего Поволжья, административная столица иностранных колонистов. В окрестностях города было несколько небольших фабрик (чулочных, шляпных, канатных). Население Саратова насчитывало около 7 тыс. человек, в том числе примерно тысячу купцов. Но в мае 1774 г. город пострадал от опустошительного пожара и теперь стоял практически без укреплений, хотя и имел гарнизон в 780 солдат.

Разногласия между защитниками города (в которых довольно бесславную роль сыграл поэт Державин) много способствовали его падению 6 августа. Три дня Пугачев простоял лагерем возле Саратова. Население торжественно присягало «Петру III», в церквах служили молебны во здравие «амператора», его наследника «Павла» и супруги Устиньи. Были повешены 24 помещика, 21 канцелярский чиновник, продолжались резня и избиение жителей обоего пола и всех состояний. Полупьяные попы приводили к присяге Пугачеву всех мужчин, годных к службе. Взломали и разграбили государственные склады зерна и спиртного, а также городскую казну. И даже после ухода главных сил Пугачева целых 29 шаек бунтовщиков еще долго орудовало в окрестностях Саратова, грабя, убивая и разрушая.

Пугачев спешил на юг, к Царицыну, не прекращая попыток привлечь на свою сторону донских казаков. Но в самом начале бунта власти предвидели эту угрозу и приняли меры к ее предотвращению. В октябре 1773 г. поступило распоряжение следить за малейшими признаками недовольства в Войске Донском, перехватывать и жечь все пугачевские манифесты. Канцелярия Донского казачьего войска издавала свои указы в противовес манифестам Пугачева и предостерегала казаков от самозванца. И лишь когда Пугачев действительно появился в междуречье Волги и Дона, возникла серьезная опасность. 13 августа 1774 г. он издал манифест, специально адресованный донским казакам, в котором объявил, что «почти уже вся Россия добропорядочным образом по прежней своей присяге скло-

нилась» под его, «Петра III», скипетр и корону, а часть казачества на службе ему уже снискала себе «свободную вольность и нашу монаршую милость и награждение древнего святых отец предания крестом и молитвою, головами и бородами». Пугачев призывал к себе всех казаков Войска Донского, которые все еще «ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытясь Россиею, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род». Но тщетно Пугачев снова пытался прибегнуть к староверческой казачьей утопии. За его поимку уже было обещано вознаграждение в 20 тыс. руб., а донские казаки в большинстве своем остались верными престолу. Скорее всего они удержались от присоединения к бунтовщикам по двум причинам: во-первых, они понимали, что с подписанием Кючук-Кайнарджийского договора 14 июля 1774 г.[41] кончилась Русско-турецкая война и освободившиеся войска будут брошены на подавление восстания, а во-вторых, казаки не хотели примыкать к заведомо проигравшей стороне[42]. Поэтому если кое-кто из казаков и пошел с Пугачевым, то в целом Донское казачество воевало против мятежников. Во всяком случае, казаки Нижнего Дона отлично знали, что Пугачев — это Пугачев, а не Петр III.

Все еще надеясь поднять на борьбу своих собратьев-казаков, Пугачев издал новый указ — один из самых красноречивых документов, говорящих о конечных целях движения: происками врагов «закон христианский совсем нарушен и поруган, а вместо того от их зловредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерзкое брадобритие и разные христианской вере как в кресте, так и прочем, неистовства»[43]. В нем Пугачев опять объявил, что лишился трона из-за своего стремления «учинить во всей России вольность» и что его уже признали государем Казань, Оренбург, калмыки и башкиры.

---

[41] См. выше, гл. 15.

[42] См.: Пугачевщина... Т. II. С. 233. П. Голицын писал П. И. Панину 16 августа 1774 г., что некоторые казаки присоединятся к бунту, если их не удержит от этого известие о мире с Турцией. Историк Донского казачества А. П. Пронштейн делает попытку доказать, что казаки активно примкнули к Пугачеву на последнем этапе восстания; подобно Мавродину, он отождествляет тех, кто принял сторону властей, с «зажиточными казаками». Но это положение не доказано, и автор не упоминает о разорении пугачевцами ряда казачьих поселений в верховьях Дона (об этом см.: Пугачев и его сообщники... Т. III. С. 223).

[43] Там же. С. 225.

Наконец, 21 августа Пугачев подошел к Царицыну. Комендант заранее принял меры для обороны города, призвав казачьи полки, и ждал подкреплений от Второй армии, с юга. Самозванец разбил лагерь под Царицыном и отправился на переговоры с группой донских казаков, вышедших ему навстречу, и тут его принародно узнали в лицо как казака Емельяна Пугачева. С этой минуты среди донских казаков и даже многих ближайших сподвижников Пугачева начало расти недоверие к «государю». Их вера в самозванца дала трещину, условный мир, в котором они жили, начал рушиться, и на первый план вышли соображения собственной безопасности[44].

После пятичасовой артиллерийской перестрелки с гарнизоном Царицына Пугачев отступил вниз по течению Волги, ненадолго задержавшись, чтобы разорить колонию немцев-гернгутеров в Сарепте. На следующий день комендант Царицына перехватил пугачевские баржи, нагруженные добычей и везшие пленников дворянского и прочих званий. В тот же день полковник И. И. Михельсон, изо всех сил гнавшийся за Пугачевым, прибыл в город. Он оставил в городе больных, дал передохнуть лошадям, забрал с собой донских казаков из местного гарнизона и 23 августа снова пустился в погоню. Через два дня произошла решающая битва. У Пугачева было 10 тыс. человек, больше половины из них — безоружные крестьяне. Михельсон разделил свой отряд на три части, сам возглавил центральную и вскоре смял центр позиции Пугачева, несмотря на мощный артиллерийский огонь. Эта победа оказалась настоящим разгромом Пугачева. Самозванец с тремя десятками приближенных едва сумел переправиться через Волгу, захватив с собой жену (на этот раз настоящую).

Куда ему теперь было идти? Силы Пугачева составляли примерно 200 яицких казаков, снова присоединившихся к нему, Кинзя Арсланов и еще несколько близких сподвижников. Он отказался от намерения, которое высказывал перед последним сражением, — уходить в Персию через Туркестан, «где у него есть дружественные ханы». Вместо этого Пугачев предложил отправиться или в Запорожскую Сечь, или в Сибирь, или за Каспий, поднимать татарские орды. Но яицкие казаки отказывались уходить в эти «чужие земли» (относя к ним и Запорожье) и требовали вернуться на Яик, ведь, в конце концов, там остались их дома и семьи.

Как показывал на допросе в Секретной комиссии Иван Творогов, который с самого начала, с октября 1773 г., участвовал в бунте,

---

[44] Пугачевщина... Т. II. С. 224 и далее. Показания Пустобаева.

он обнаружил, что Пугачев — самозванец, перед самым нападением на Саратов. Творогов вместе с еще одним яицким казаком, тоже из первых последователей самозванца, составили заговор: чтобы спасти себя самих, решили схватить Пугачева и выдать его властям. В заговор вступили еще некоторые казаки, и в конце концов им удалось уговорить Пугачева идти в калмыцкую степь, к Узеню и озеру Эльтон. В дороге казаки увели лошадей у всех остальных спутников Пугачева, и те отстали. Заговорщики взяли с собой только Кинзю Арсланова, потому что иначе Пугачев заподозрил бы неладное. Вместе с ними ехали также жена Пугачева и сын Трофим. Перейдя Узень, заговорщики схватили и разоружили Пугачева. Он изо всех сил вырывался, но его все-таки связали. Как рассказывал Творогов, «Петр III» кричал: «Как де вы смели на императора своего руки поднять? За это де воздастся вам, естьли не от меня, так есть еще у меня наследник, Павел Петрович», — но уже никто не верил в его обман. Прослышав, что в Яицке поставлен «милосливой» судья, казаки решили доставить пленника к нему. Так 15 сентября 1774 г. пугачевский бунт закончился там же, где и начался, — на Яике[45].

[45] Пугачевщина... Т. II. С. 141 и далее. Допрос Ивана Творогова.

Глава 17

Кризис при дворе 1773—1774 гг. и восстановление порядка

В то время как войска Екатерины II одерживали блестящие победы над турками, а ее генералы заключали триумфальные мирные договоры, внутри страны императрице предстояло столкнуться с самой серьезной опасностью для ее власти за все царствование: ей выпало на долю пережить глубокое душевное потрясение, преодолеть тяжелый политический кризис и отразить серьезную угрозу своим позициям со стороны единственного реального соперника — собственного сына.

Если Павел своим существованием представлял постоянную угрозу для положения Екатерины на престоле, то он же служил единственным оправданием самого ее прихода к власти. Пока великий князь оставался несовершеннолетним, вероятность заговора с целью возведения его на престол была невелика, потому что в подобных обстоятельствах власть досталась бы регенту, скорее всего — Никите Ивановичу Панину. С другой стороны, в случае смерти Павла (а он был слабого здоровья) Екатерина вообще лишилась бы преемника, что широко открывало путь на престол иным кандидатам. Тогда ей трудно было бы найти достаточное число сторонников своего дальнейшего правления[1].

Смерть Павла означала бы также конец влияния Никиты Панина. Таким образом, Екатерина и Панин были едины в стремлении оберегать здоровье великого князя. Из тех же политических соображений императрица согласилась оставить сына на попечении Н. И. Панина. Много лет спустя она объясняла своему секретарю А. В. Храповицкому: «Там не было мне воли сначала, а после, по политическим причинам, не брали от Панина. Все думали, что если не у Панина, так он пропал»[2].

---

[1] В случае смерти Павла престол формально переходил к кому-нибудь из младших братьев или сестер Ивана Антоновича.

[2] *Храповицкий А. В.* Дневник. 1782—1793. СПб., 1874. С. 434—435, 20 июля 1793 г.

В этом замечании Екатерины содержится намек на одно дополнительное осложнение: у нее был еще один сын — от Григория Орлова. Разумеется, этот ребенок не был и не мог быть официально признан законным отпрыском императрицы. Но все знали о его существовании, и враги Орловых опасались, как бы графа Бобринского не предъявили в качестве наследника в случае кончины Павла. То, что Павел, очень популярный в Петербурге, а еще больше в Москве, был претендентом на ее место на троне, конечно, отравляло отношения матери с сыном, особенно когда он достаточно подрос, чтобы понимать свое положение.

К образованию великого князя подходили с великим тщанием. Оно включало в себя языки, историю, географию, математику, изящные искусства (рисование, танцы, фехтование, музыку). Физике и астрономии его обучал Ф. И. Эпинус, впоследствии известный в России ученый[3], а Закону Божьему — архимандрит Платон, будущий митрополит, один из наиболее просвещенных деятелей русской церкви. Выпускник кадетского корпуса Семен Порошин, образованный молодой человек с добрым сердцем, преподавал наследнику естественные науки и математику. Дневник Порошина, относящийся к 1766—1768 гг., содержит описание повседневной жизни юного цесаревича. Панин ввел в обычай приглашать сенаторов, генералов, старших офицеров обедать к великому князю. Разговор за столом шел о придворных интригах, любовных и политических, критиковали политику Екатерины и тех, кто ее проводил. При этом безудержно восхищались Фридрихом II. Что говорил Панин своему воспитаннику об июньском дворцовом перевороте 1762 г., неизвестно. Но он, конечно, сумел оправдаться в глазах Павла от всех обвинений в причастности к заговору, приведшему к убийству отца великого князя и захвату престола его матерью. Панин вполне мог сообщить Павлу, что собирался провозгласить его императором при регентстве Екатерины, но ее сторонники расстроили этот план. Отношения Павла с фаворитом, Григорием Орловым, были непростыми. По меркам XVIII столетия в длительной связи Екатерины с Орловым, тянувшейся почти двенадцать лет, не было ничего возмутительного. Однако Орлов не в силах был снять с себя вину в причастности к свержению Петра III. Сначала он попытался было подружиться с Павлом, но мальчик, подрастая,

---

[3] Об Эпинусе см.: *Home R.W.* Science as a Career in 18th Century Russia: the Case of F.U.T. Aepinus // SEER. 1973. Vol. LI. № 122. P. 75—94.

держался с ним все более неприязненно, и фаворит забросил эти старания. В какой-то момент Павел, вероятно, узнал о существовании своего сводного брата, Алексея Бобринского. Как он воспринял это, неизвестно, но позднее, став императором, он обходился с братом по-дружески.

Летом 1771 г. Павел тяжело заболел. И Екатерина и Панин не отходили от больного, снова поползли слухи о том, что, если умрет великий князь, наследником будет провозглашен Бобринский. В России не только отсутствовал законный порядок престолонаследия, но не было даже прецедента, чтобы определить, с какого возраста Павла можно будет считать совершеннолетним. Впрочем, было ясно, что едва ли удастся надолго оттянуть этот момент после того, как в сентябре 1772 г. ему исполнится восемнадцать лет. Именно в это время Екатерине следовало особенно остерегаться попыток возвести цесаревича на престол. Здоровье великого князя было хрупким, поэтому особую остроту приобрел вопрос о его женитьбе — нужно было позаботиться о дальнейшем престолонаследии. Чтобы убедиться, что он способен произвести наследника, Павла поощрили к связи с некой покладистой вдовой, от которой в 1772 г. у него родился сын, известный как Симеон Великий. Воспитанный Екатериной в ее собственных покоях (в отличие от Бобринского), он вступил на службу в русский, а затем в британский флот и умер в Вест-Индии в 1794 г.[4]

Еще в 1768 г. Екатерина договорилась с датским послом в Санкт-Петербурге, фон дер Ассебургом, что тот устроит «смотр» всем германским принцессам брачного возраста, чтобы найти подходящую партию для великого князя. Лучше всех оказалась София Вюртембергская, но она была слишком молода, так что выбор Екатерины (и, между прочим, также и Фридриха II) пал на одну из дочерей ландграфа Гессен-Дармштадтского, известного солдафона, отдававшего свои войска внаем всем желающим. Старшая дочь ландграфа была замужем за племянником и наследником Фридриха Великого. Вопрос о совершеннолетии Павла теперь отложили до его свадьбы, а ландграфиню с дочерьми пригласили в 1773 г. посетить Россию.

Ненадежность прав Екатерины II на трон в значительной мере объясняет ее зависимость от братьев Орловых и, в первую очередь, от Григория. Она любила его и рассчитывала, что братья защитят

---

[4] *Кобеко Д. И.* Царевич Павел Петрович. 1754—1796. СПб., 1883. С. 67 и далее.

ее от разных опасностей, подстерегающих женщину на престоле, особенно узурпаторшу. Императрице нужны были люди, связанные с ней теснейшими узами, объединенные одной судьбой, чтобы их руками создать себе прочную опору в вооруженных силах. Григория Орлова в 1763 г. назначили генерал-фельдцейхмейстером, а Алексей Орлов был подполковником первого полка императорской гвардии, Преображенского. Их старший брат Иван не играл видной роли в политической жизни, но все пятеро всегда были заодно, дружно защищали общие интересы и даже нераздельно владели большей частью семейного имущества. Орловы не пользовались всеобщей любовью, но зато были надежной опорой для Екатерины. Григорий, несмотря на свое выдающееся место при дворе, остается для нас довольно туманной фигурой. Он интересовался литературой, приглашал Руссо поселиться в России (правда, тщетно), поддерживал планы пастора Эйзена относительно реформы крепостного права[5]. Судя по всему, он был человеком широких взглядов и, по многим отзывам, отличался добротой. Утверждали, что они с братом Алексеем не говорили по-французски, а только по-немецки. Молва приписывала Екатерине двоих, а то и пятерых детей от Орлова (кроме Бобринского), которых якобы воспитывала одна из ее фрейлин и кузина Орловых А. С. Протасова. Но подтвердить эти слухи нечем. Известно, что Протасова вырастила двух девочек, носивших фамилию Алексеевых, и возможно, что они были дочерьми Орлова, но не обязательно от Екатерины. Они не были официально признаны, а в последующие годы Павел относился к ним не так тепло, как к Бобринскому[6]. Так или иначе, с детьми или без них, Екатерину соединяли с Орловым многочисленные узы привязанности и общих начинаний, и она безоговорочно доверяла ему.

В этот период Екатерина не зря испытывала тревогу: на рубеже 60—70-х гг. произошло несколько вспышек недовольства в гвар-

---

[5] См. выше, гл. 4 и 9.

[6] Я не обнаружила никаких упоминаний современников о болезнях императрицы в 1762—1772 гг., за которыми могла бы скрываться беременность. Девицы Алексеевы упомянуты в письме Ганнинга Саффолку от 28 июля / 8 августа 1772 г. (СбРИО. Т. XIX. С. 296 и далее). См. также: *Corberon M.D.B. de.* Journal intime: Un Diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780. Paris, 1901. Vol. I. P. 135, примеч. 1. Одна из Алексеевых впоследствии вышла замуж за немецкого драматурга М. фон Клингера, сделавшего карьеру при дворе великого князя. Вторая стала женой генерала Буксгевдена. См.: *Кобеко Д. И.* Указ. соч. С. 277.

дейских полках. Офицеры негодовали главным образом из-за того, что государыня слишком милостива к крепостным. Как писала позднее Екатерина, при обсуждении вопроса об улучшении жизни крестьянства в Уложенной комиссии в Кремлевский дворец, где она заседала, полетели камни[7]. В начале войны с турками, в 1768 г., некий конногвардейский капитан сетовал, что «теперь отнимут наши имения окончательно, а когда дадут волю крестьянам, на что мы станем жить?». Всплыло имя великого князя, большие надежды возлагались на 1769 год: «Вот как Венера-то пройдет [прохождение Венеры через Солнце было в том году сенсацией в научной жизни. — *Авт.*], так что-нибудь Бог и сделает, она ведь уже даром не проходит». Другие офицеры были уличены в критике предполагаемого «нового закона об освобождении крестьян». Последовал донос, заговорщиков (если к ним применимо обвинение в заговоре) приговорили к разжалованию, каторжным работам и ссылке на поселение в Сибирь.

Гвардейским офицерам, встревоженным тем, что они сумели уяснить из дебатов Уложенной комиссии, показалось, что императрица пренебрегает интересами дворянства. Весной 1772 г. против жестокости и несправедливости командиров взбунтовались рядовые солдаты. Отъезд Григория Орлова в Фокшаны на мирные переговоры с турками в июне 1772 г. подтолкнул гвардейцев к заговору. Некоторые унтер-офицеры и солдаты Преображенского полка решили, что Орлов уехал к войскам уговаривать их присягнуть ему, потому что норовил «сделать себя молдавским князем или императором». Так не лучше ли, думалось им, опередить Орлова, провозгласить императором Павла, а Екатерину запереть в монастырь? Если же Павел не согласится вступить на престол, его придется убить, а народ выберет себе нового царя — кого-нибудь из гвардии или на худой конец князя М. М. Щербатова. Среди участников заговора называли от трех десятков до сотни гвардейцев[8]. Сначала

---

[7] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 170.

[8] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. XV. С. 156 и далее. В работах К. В. Сивкова и В. С. Джинчарадзе практически ничего нового не прибавлено к тому, что уже известно из труда Соловьева (см.: *Сивков К. В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского государственного педагогического института. М., 1946. Т. 11. С. 96—110; *Джинчарадзе В. С.* Из истории тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского педагогического института. Историко-филологический факультет. 1957. Т. II. № 2. С. 83—118). См. также: Сольмс — Фридриху II, 7 июля // PCFG. Bd. 32. S. 347—348.

Екатерина, казалось, была до глубины души этим потрясена и, как доносил один дипломат, укрылась в Финляндии с Кириллом Разумовским, Иваном Чернышевым и Григорием Потемкиным, чтобы обсудить меры к очищению рядов гвардии[9]. Кончилось тем, что заговорщиков признали виновными и осудили, но по молодости лет в основном приговорили к очень мягким наказаниям.

Совершеннолетие Павла Петровича неуклонно приближалось, атмосфера накалялась, а Екатерину к тому же подстерегал кризис в личной жизни. Вскоре после отъезда Григория Орлова в Фокшаны какой-то доброжелатель открыл императрице глаза на его многочисленные измены[10]. Возможно, фаворит и так уже успел ей надоесть, и эта новость оказалась последней каплей. Во всяком случае, Екатерина воспользовалась отсутствием Орлова и заменила его новым возлюбленным, А. С. Васильчиковым, назначенным камергером императрицы 1/12 августа 1772 г. Орлов со всех ног поспешил назад в столицу, но получил императорский указ, запрещавший ему въезд, а 30 августа / 10 сентября Васильчикова официально назначили уже генерал-адъютантом императрицы и вселили в дворцовые апартаменты, прежде занятые Орловым.

Екатерина удалила Орлова по личным причинам, но из-за неудачи фаворита в Фокшанах и самовольного возвращения в столицу к ним прибавились и политические мотивы. Кроме того, Екатерина знала, на что он способен в ярости, и явно побаивалась отвергнутого возлюбленного. Личная жизнь императрицы сразу сделалась предметом пересудов всего двора; многие противники Орловых поспешили сплотиться вокруг нового фаворита. Никита Панин, казалось, вновь обрел всесилие — ведь это он направил любовную ладью Екатерины в тихую гавань, отразил атаки Швеции, окончательно сформулировал планы раздела Польши. Но Захар Чернышев, хотя и не был другом Орловых, все равно боялся, что его вытеснят вон из Военной коллегии и заменят на генерала Петра Панина, а потому тайно поддерживал бывшего фаворита. Брат же его, Иван Чернышев, служил посредником, через которого Екатерина обсуж-

---

[9] *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia... P. 323, примеч. 13. О присутствии там Потемкина доносил в июле 1772 г. шведский посол. Это одно из немногих указаний на гораздо более раннее начало связи Екатерины с Потемкиным, чем обычно считается.

[10] А между тем еще 25 июня / 6 июля 1772 г. Екатерина с пылкостью отзывалась об Орлове в письме к приятельнице, мадам фон Бельке (СбРИО. Т. XIII. С. 258—261).

дала условия окончательного расставания с Григорием Орловым. В отношении бывшего фаворита была проявлена великая щедрость как в мелочах, так и в крупном. Государыня позволила ему с этих пор официально носить титул князя Священной Римской империи, пожалованный императором Францем еще в 1763 г. Далее, Орлову выделили пенсию в 150 тыс. руб. в год и единовременное пожалование в 100 тыс. руб. на обзаведение хозяйством в строившемся тогда Мраморном дворце. Его общие с братом Алексеем владения выросли с 4 до 10 тыс. крепостных душ, он получил в подарок два серебряных столовых сервиза, повседневный и парадный[11]. Но неизмеримо трогательнее, чем этот золотой и серебряный дождь, кажутся заботливые распоряжения Екатерины почт-директору следить за тем, чтобы на глаза Орлову не попадались газеты с упоминанием о его опале[12]. Поскольку государыне было угодно избежать личной беседы с отставным фаворитом, Григорий Орлов лишь ненадолго показался при дворе на Рождество 1772 г. и провел всю зиму в Ревеле.

После удаления Орлова борьба придворных партий приобрела новую остроту и стала еще опаснее, потому что все интриги сосредоточились вокруг фигуры Павла, по голштинским законам уже считавшегося совершеннолетним. В хаотическом переплетении слухов и подлинных свидетельств сейчас уже почти невозможно распутать хитросплетения всех политических ходов. В них играл важную роль Каспар фон Сальдерн, вернувшийся в столицу летом 1772 г. после провала своей миссии в Польше. В это время он имел прямой доступ к великому князю, так как ему было поручено завершение переговоров о передаче Голштинского герцогства Дании. Именно он вместе с Паниным как-то просидел с молодым человеком всю ночь напролет, уговаривая его подписать письменное отречение от своего голштинского наследства[13].

Зимой 1773 г., когда Орлов находился еще в Ревеле, Сальдерн высказал Н. И. Панину следующую идею: поскольку великий князь уже достиг совершеннолетия, нужно заставить его мать поделиться

---

[11] СбРИО. Т. XIII. С. 270—272. О том, как Захар Чернышев поддерживал Орлова, см.: Ганнинг — Саффолку, 5/16 января 1773 г. // Там же. Т. XIX. С. 339—340; 28 мая / 8 июня 1773 г. // Там же. С. 364 и далее; 20 сентября / 1 октября 1773 г. // Там же. С. 377 и далее.

[12] Там же. Т. XIII. С. 274, 275—276. Об этом известно благодаря тому, что почт-директор не послушался Екатерину и не сжег ее записку.

[13] *Brandt O.* Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zeitalter Katharinas II. Erlangen; Kiel, 1932.

с ним властью как с императором и соправителем (у всех перед глазами как раз был свежий пример Иосифа II). Сальдерн предлагал себя в руководители заговора, но, как свидетельствуют источники, Панин из малодушия отказался пойти за ним (или, по другой версии, Панин с благородным негодованием отверг эти предательские наущения). Тогда Сальдерн затеял склонить на свою сторону самого Павла, и молодой человек был до того ослеплен перспективой власти, что будто бы связал себя письменным обязательством следовать во всем за Сальдерном. Как объяснял Панин графу Сольмсу, Сальдерн насел на великого князя, которому говорил «таким непристойным языком и о его матери, и о русских вообще, и о графе Панине в особенности, что молодой великий князь совсем растерялся...». В это время Павел испытывал недоверие ко всем, кто его окружал, но он, Панин, заметив холодность великого князя, сумел все же расположить его к себе. Павел во всем открылся воспитателю, и «с той поры великий князь понял злой характер Сальдерна и перестал видеться и говорить с ним»[14]. Ради того ли, чтобы защитить Павла, или ради собственной безопасности, но Панин на этом этапе воздержался от разоблачения козней Сальдерна.

А тем временем судьба готовила Павлу утешение. В конце июня 1773 г. ландграфиня Гессен-Дармштадтская и ее три дочери с большой торжественностью (и на русские деньги) прибыли в Санкт-Петербург. Павел размышлял недолго и, как все и ожидали, выбрал среднюю дочь, принцессу Вильгельмину. 15/26 августа 1773 г. ее приняли в лоно православной церкви под именем Натальи Алексеевны (Фридрих II назвал это событие «нализацией» принцессы)[15]. Как было когда-то с самой Екатериной, мать невесты равнодушно отнеслась к перемене религии ее дочерью. Сама невеста тоже оказалась «достаточно просвещенной», чтобы не заметить большой разницы между православием и лютеранством. Возражал лишь ее отец — издалека и слишком поздно.

Незадолго до свадьбы было покончено со всеми формальностями, связанными с договором об уступке Голштинии и передаче ее

---

[14] Сольмс — Фридриху II, 14/25 июля 1773 г. // СбРИО. Т. LXXII. С. 373 и далее; 30 июля / 11 августа 1773 г. // Там же. С. 384 и далее. Краткий перечень материалов, касающихся интриг Сальдерна, см.: *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy in a National Crisis: the Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773—1775. Bloomington, 1969. P. 286, примеч. 69.

[15] Фридрих II — ландграфине Гессен-Дармштадтской, 5 октября 1773 г. // PCFG. Bd. 34. S. 190ff.

под эгиду Дании. Он был заключен в Царском Селе 1/12 июня. 14/25 июля Павел официально отказался от графств Ольденбург и Дельменхорст, полученных им взамен Голштинии, в пользу Фридриха Августа, епископа Любекского, представителя младшей ветви Гольштейн-Готторпского дома (он приходился братом бабке Павла, принцессе Иоганне Елизавете, матери Екатерины II). 12 августа 1773 г. последовало подписание решающего союзного договора России с Данией[16].

Свадьба Павла неуклонно приближалась, и Никита Панин изо всех сил боролся, тщетно пытаясь сохранить свое влияние на великого князя. Он терял пост наставника — свой главный пост при дворе, позволявший ему жить во дворце. После женитьбы Павел должен был стать менее зависимым от матери. Екатерине же хотелось, чтобы он вышел также из-под влияния Панина, особенно с тех пор, как она узнала, что ее министр старается войти в доверие к будущей великой княгине[17]. Тогда императрица прибегла к помощи Сальдерна и, возможно, еще некоторых лиц, чтобы заставить Панина удовольствоваться постом в Коллегии иностранных дел и отказаться от контроля за двором великого князя[18].

Еще осенью 1772 г. Панин находился на гребне успеха, ведь это он помог Екатерине порвать с Орловым. Но уже в мае 1773 г. бывший фаворит вернулся в столицу, а в июне был снова допущен в Совет при Высочайшем дворе[19]. И сам Орлов, и его сторонники просто рвались поменяться местами с Никитой Ивановичем и помочь Екатерине покончить с его влиянием на великого князя. К сентябрю битва разгорелась в полную силу. По одну сторону сражались съехавшиеся в столицу Вяземский, Чернышевы, Орловы. Кирилл Разумовский держался нейтралитета, а вице-канцлер А. М. Голицын, фельдмаршал П. М. Голицын и фаворит Васильчиков стояли за Панина[20]. Сам же Панин грозился окончательно уйти в отставку, если его разлучат с великим князем. Как писал Сольмс со слов Панина, «это значило бы отнять от него единственную опору и, в

---

[16] Danske tractater. 1751—1800... P. 322.

[17] *Ransel D.* Op. cit. P. 237—238.

[18] Ibid. См. также: Сольмс — Фридриху II, 30 июля / 10 августа 1773 г. // СбРИО. Т. LXXII. С. 384 и далее; Екатерина II — мадам фон Бельке, 6/17 октября 1773 г. // Там же. Т. XIII. С. 361.

[19] Указ от 31 мая / 10 июня 1773 г. См. также: Сольмс — Фридриху II, 21 мая / 1 июня 1773 г. // СбРИО. Т. LXXII. С. 356—357.

[20] *Кобеко Д. И.* Указ. соч. С. 70.

таком случае, он оставит все и удалится»[21]. Екатерина нашла изящный, хотя и дорогостоящий, выход из этого положения: Панин перестал быть наставником цесаревича, так как этот пост был упразднен, и освободил свои комнаты во дворце. Ему дали чин первого класса по Табели о рангах, равный фельдмаршальскому (по некоторым сведениям, он даже отказался от звания канцлера!) и оставили во главе Коллегии иностранных дел с ежегодной тридцатитысячной пенсией и жалованьем в 14 тыс. руб. Сверх того Панину подарили имение в 9 тыс. душ на бывших польских землях. Наконец, Екатерина написала ему благодарственное письмо, в котором высоко оценила его заботы о Павле[22]. Ради равновесия между придворными группировками Захара Чернышева произвели в фельдмаршалы и президенты Военной коллегии.

Венчание молодой великокняжеской четы состоялось 29 сентября / 10 октября. Затем последовали десятидневные празднества, балы, театральные представления, маскарады для знати и купечества, фейерверки для простонародья[23]. Отдельного двора для новобрачных не учредили, но приставили генерала Н. И. Салтыкова руководить их небольшим хозяйством[24].

За несколько дней до свадьбы великого князя Пугачев поднял бунт на Яике. Сначала Екатерина не слишком встревожилась по этому поводу. У нее была другая забота — она уже знала, что предстоит новая кампания против Турции. Но к декабрю наконец стало ясно, каковы истинные масштабы восстания на юго-востоке страны. Как отражались все эти события на личной драме императрицы, можно только гадать. Однако в начале января 1774 г. с Дунайского фронта в столицу приехал генерал-поручик Григорий Александрович Потемкин. Вот-вот должен был начаться великий роман всей жизни императрицы.

---

[21] Сольмс — Фридриху II, 14/25 июля 1773 г. // СбРИО. Т. LXXII. С. 372 и далее. См. также недатированное письмо Д. И. Фонвизина к сестре: *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. II. С. 353 и далее.

[22] Сверх того Панин получил дом в Петербурге, годовой запас продовольствия и различных хозяйственных припасов от двора, право пользоваться придворной каретой и ливреей для лакеев. См.: *Фонвизин Д. И.* Указ. соч. С. 406 и далее, 28 сентября 1773 г. Свои 9 тыс. душ в Польше он раздарил ближайшим сотрудникам по Коллегии иностранных дел — Фонвизину, Бакунину и Убри.

[23] *Кобеко Д. И.* Указ. соч. С. 95 и далее.

[24] Инструкцию Н. И. Салтыкову см.: РА. 1864. Стб. 482. Гофмейстериной назначили жену фельдмаршала П. А. Румянцева.

Потемкин происходил из небогатого, но старинного дворянского рода из окрестностей Смоленска. Дату его рождения относят то к 1736, то к 1739, то к 1742 гг. Скорее всего, он родился в 1739 г.[25] Он воспитывался в Москве, проявлял замечательные способности к языкам, овладел французским, немецким, латынью и греческим. Кроме того, Потемкин интересовался богословием и приобрел обширные познания в церковнославянском языке и русской духовной литературе. Согласно некоторым жизнеописаниям, в начале 60-х гг. он провел некоторое время в монастыре. По тому, как учился Потемкин в Московском университете, можно было судить о взлетах и падениях, характерных для всего его жизненного пути: заслужив золотую медаль в один год, на другой он был исключен за леность. Записанный в гвардию в 1755 г., Потемкин продвигался по службе заочно, как было принято в то время, и к 1760 г. получил звание капрала Преображенского полка, после чего влился в толпу столичной золотой молодежи. За участие в июньском перевороте 1762 г. он был произведен в следующий чин и пожалован поместьем с крестьянами и придворным рангом камер-юнкера[26]. Возможно, приняв во внимание его связи с духовенством, Екатерина в 1763 г. назначила Потемкина товарищем обер-прокурора Святейшего синода. В 1767 г. он был в свите, сопровождавшей императрицу в Москву на заседания Уложенной комиссии, и попал в число лиц, приставленных к депутатам от инородцев, чтобы опекать их и официально представлять в собрании (в чем снова проявилась его тяга к экзотике). Потемкин стал членом гражданской и церковной «частных» комиссий Уложенной комиссии.

Вероятно, в эти годы Потемкин, в качестве камер-юнкера имевший доступ ко двору, довольно часто попадался на глаза императрице. Ходили многочисленные истории о нем и о его отношениях с Орловыми, которым даже приписывали подлое нападение на Потемкина (вдвоем на одного) и которых винили в том, что он лишился глаза, отчего пострадала его в остальном, по рассказам, красивая наружность. Потемкин обладал талантом подражателя и, как го-

---

[25] Современной научной биографии Потемкина не существует. До сих пор сохраняют значение работы: *Брикнер А.* Потемкин. СПб., 1892; *Adamczyk T.* Furst G. A. Potemkin. Emsdetten, 1936; *Фатеев А. Н.* Потемкин Таврический. Прага, 1945.

[26] Придворный ранг камер-юнкера обозначал, по сути, постельничего, а более высокий ранг камергера был равен гофмейстерскому.

ворили, иногда смешил Екатерину, прямо при ней передразнивая ее сильный немецкий акцент. Он нравился императрице и не скрывал, что влюблен в нее.

Когда началась война с Турцией, Потемкин вызвался добровольцем идти в армию[27]. Он быстро продвигался по службе и к 1773 г. достиг чина генерал-поручика. На заседаниях Совета при Высочайшем дворе дважды упоминались выигранные сражения, которыми командовал Потемкин[28]. Благодаря высокому званию Потемкина, а может быть, потому, что знали о его близости к кружку императрицы, ему позволялось отлучаться из действующей армии и уезжать в столицу во время зимнего перерыва в боевых действиях. Он делал это дважды — зимой 1770—1771 и 1771—1772 гг.[29]

Может быть, сама Екатерина и послала за Потемкиным в декабре 1773 г., потому что уже успела полюбить его и хотела заменить им ничтожного Васильчикова? Или Потемкин по собственному почину примчался осаждать ее сердце, уже раненное однажды Орловым и не находившее утешения с Васильчиковым? Неизвестно, как именно развивались события зимой 1774 г. До сих пор все попытки восстановить их ход основывались на письме Екатерины к Потемкину от 16/27 декабря 1773 г. — единственном, которое относится к этому времени и которое было опубликовано. В этом письме она не просит его приехать, во всяком случае, открыто[30]. Однако в январе 1774 г. Потемкин явился в столицу, а в конце февраля (очевидно, с ведома Екатерины) обратился к ней с официальным прошением о назначении личным генерал-адъютантом императрицы. Этот чин, как все знали, носил очередной фаворит. Незадачливый Васильчиков был отставлен, получив на прощание солидную пенсию[31].

Назначение Потемкина генерал-адъютантом было первым внешним признаком наступления нового порядка. Затем последовало

---

[27] Г. А. Потемкин – Екатерине II, 24 мая 1769 г. // РС. 1878. № 12. С. 716—717.

[28] *Alexander J. T.* Autocratic Politics... P. 279, примеч. 54.

[29] См. выше, примеч. 9.

[30] По утверждению Дж. Т. Александера, в собрании ЦГАДА в Москве хранятся и другие письма Потемкина к Екатерине, но советские чиновники не разрешают с ними ознакомиться (*Alexander J. T.* Op. cit. P. 279, примеч. 54) [см. новейшее изд.: Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997].

[31] Он получил 20 тыс. руб. в год и 100 тыс. на обзаведение домом, уехал в Москву и прожил там до 1803 г.

его назначение командиром Преображенского гвардейского полка (этот пост раньше принадлежал Алексею Орлову), а в мае 1774 г. — членом Совета при Высочайшем дворе[32]. Иностранные дипломаты, как и русские высшие сановники, сразу же поняли, что открылась новая страница. «Фигура у него гигантская и корявая, а физиономия далеко не располагающая», — писал сэр Роберт Ганнинг 4/15 марта 1774 г.[33], но дипломат еще не успел разобраться, к чему приведет смена фаворита. Фридрих II в раздражении требовал от своего брата сведений об этом «генерале Патюкине или Тапюкине», опасаясь, как бы он «не навредил благополучному ходу дел»[34].

Прощупав сначала придворную почву, Потемкин как будто выбрал сторону Панина против Орловых и Чернышевых. Понемногу стало ясно, что Потемкин — это не бесцветный Васильчиков и что его приход означает конец власти Орловых, да и Захара Чернышева тоже. Теперь следовало ожидать, что в столицу понаедет весь «клан» Потемкиных и его члены примутся собирать урожай щедрот императрицы. С их появлением расширится сеть сторонников нового фаворита, откроются новые пути для получения покровительства, и по ним пойдут уже новые искатели протекции. Помимо всего прочего, Потемкин, в отличие от Панина и даже от Григория Орлова, не служившего со времен Семилетней войны, обладал в полной мере авторитетом воина, закаленного в боях и сделавшего достойную военную карьеру. Однако первый удар он нанес не по Орлову, а по Захару Чернышеву, чьи позиции пошатнулись из-за Пугачевского бунта, который недруги Чернышева приписывали его неумелому обращению с казаками. Схватка Чернышева с Потемкиным была краткой и яростной, и к концу июля первый оказался вытесненным из Военной коллегии, а Потемкин вошел в нее в ранге вице-президента[35]. Алексей Орлов[36] отбыл, чтобы снова принять коман-

---

[32] Ганнинг — Саффолку, 6/17 мая 1774 г. // СбРИО. Т. XIX. С. 413.

[33] Там же. С. 405; см. также письмо от 7/18 марта 1774 г. // Там же. С. 457.

[34] PCFG. Bd. 35. S. 215 ff, 30 марта 1774 г.

[35] Ганнинг — Саффолку, 13/24 июня 1774 г. // СбРИО. Т. XIX. С. 415 и далее; 15/26 июля 1774 г. // Там же. С. 420 и далее. См. также недатированное письмо Екатерины к Потемкину, изданное в работе: *Ouvrard G.* Lettres d'amour de Catherine II à Potemkine. Correspondence inédite. Paris, 1934. P. 162.

[36] Прежде чем навсегда уйти с государственной службы, Алексей Орлов оказал Екатерине еще одну важную услугу. Он устроил похищение «княжны Таракановой» (кстати, сама себя она так никогда не называла), которую группа польских конфедератов во главе с князем Карлом Радзивиллом объявила дочерью императрицы Елизаветы. Заключение Кючук-Кайнарджийского мира

дование Средиземноморским флотом, а Григорий Орлов после горячей перепалки с Екатериной удалился в длительное заграничное путешествие. Тем временем двоюродный брат Григория Потемкина, генерал П. С. Потемкин, был в июне поставлен во главе Секретной комиссии, которая все еще работала в Казани, расследуя причины восстания Пугачева. Итак, Потемкин отделался от Орловых и от Захара Чернышева, и теперь в июле 1774 г. ему предстояло столкнуться с Паниными.

Весть о разгроме Казани отрядами Пугачева достигла Петербурга 21 июля и вызвала там ужас и смятение. К тому же из последнего донесения Румянцева вытекало, что, хотя мир с турками и близок, он все-таки еще не заключен. На заседании Совета при Высочайшем дворе, созванном в тот же день, решили немедленно отрядить в Москву подкрепления и послать на подавление бунта «знаменитую особу с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибиков»[37]. Сама Екатерина в запальчивости заявила, что намерена лично ехать в Москву и своим появлением восстановить у жителей присутствие духа. Советники императрицы сначала онемели от изумления, но в конце концов сумели ее отговорить, объяснив, что подобная мера лишь подчеркнет всю опасность восстания[38]. Совет постановил дождаться новостей от Румянцева, пока не ведая, что мир с Турцией уже был подписан за два дня до взятия Казани пугачевцами.

Между тем никак не могли найти «знаменитую особу» для руководства военными операциями против мятежников. Наконец Н. И. Панин поставил вопрос ребром, заявив, что отправится на бунтовщиков сам, и поручился за готовность своего брата Петра, находившегося в Москве, также выступить на Пугачева. 22 июля Екатерина с неохотой согласилась назначить командующим Петра Панина, но

разрушило все надежды самозванки получить поддержку со стороны Турции. Орлов заманил «княжну» на борт своего флагмана, стоявшего в порту Ливорно, пообещав выступить на ее стороне. Здесь адмирал С. Грейг ее арестовал и препроводил в Россию. В июне 1775 г. ее доставили в столицу, а в декабре того же года самозванка умерла от чахотки в Петропавловской крепости. Ее показания на допросах и письма к Екатерине изданы в: СбРИО. Т. I. С. 169—196. Жалобы Таракановой на суровые условия содержания в крепости поистине душераздирающи. Однако она так и не призналась, кто она такая на самом деле, и унесла эту тайну в могилу.

[37] АГС. Т. I. С. 454.

[38] Там же. Ср. также: Н. И. Панин — П. И. Панину, 22 июля 1774 г. // СбРИО. Т. VI. С. 74 и далее.

не успела она подписать это назначение, как 23 июля Петербурга достигли новости о долгожданном мире с Турцией. Огромная тяжесть упала с плеч императрицы; теперь она могла бросить все свои испытанные в боях войска и лучших генералов на подавление внутренних беспорядков.

Братья Панины общими усилиями все-таки добились своего и вынудили Екатерину назначить командующим Петра Ивановича, несмотря на ее глубокое недоверие к нему, на пост, дающий большую власть[39]. Петр Панин потребовал полного подчинения себе всех воинских подразделений, брошенных на подавление бунта, а также всего населения и местных представителей власти на затронутых волнениями территориях, с правом казнить и миловать всех, за исключением высших военных и сановников. Он пожелал составить собственный штаб и получить под свое начало все сухопутные вооруженные силы, кроме Первой армии Румянцева, Второй Крымской армии и сил, стоявших в Польше[40].

Реакцию Екатерины на столь обширные требования можно было предвидеть. «Увидишь, голубчик, — писала она Потемкину, — из приложенных при сем штук, что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властию в лучшей части империи... что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский [генерал-губернатор и главнокомандующий Москвы. — *Авт.*] будет и огорчен и смешон, но я сама ни малейше не сбережена, но пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю»[41].

Когда рядом появился Потемкин, Екатерина почувствовала, что достаточно сильна, чтобы противостоять давлению со стороны Паниных. Кстати, оно заметно ослабло после получения известий о мире с турками и донесений о победах Михельсона над Пугачевым в окрестностях Казани и о том, что город отбит. Стремление Екатерины урезать полномочия П. И. Панина отразилось в многочисленных черновиках инструкции, в конце концов ему направленной. Его командованию подчинили только те войска, которые уже были за-

---

[39] Предупрежденный братом Никитой, Петр Панин немедленно прислал из Москвы письмо с выражением готовности служить императрице (СбРИО. Т. VI. С. 78 и далее, 26 июля 1774 г.).

[40] П. И. Панин — Н. И. Панину, 26 июля 1774 г. // Там же. С. 76 и далее.

[41] Недатированое письмо за июль 1774 г. // Там же. Т. XIII. С. 420.

няты на подавлении бунта, а также губернаторов и чиновников Казани, Оренбурга и Нижнего Новгорода. Отдельный указ предписывал всем духовным, военным и гражданским властям исполнять все требования и приказания генерала Панина «в делах комиссии его, которые для общего государственного блага и для восстановления драгоценного покоя толико нужны». Однако императрица строго потребовала, чтобы Панин, осуществляя свои полномочия, не преступал законы. Не получил он под свое командование и того из генералов, которого хотел, — князя Н. В. Репнина. Вместо этого ему на помощь отрядили генерала А. В. Суворова[42]. На предложение Вяземского переподчинить Казанскую секретную комиссию П. С. Потемкина графу П. И. Панину «для избежания коллизий» Екатерина кратко заметила на полях: «Нет, для того, что оная подо мною»[43]. За лето 1774 г., довольно успешно маневрируя между придворными группировками, Екатерина сумела при помощи Потемкина освободиться от эмоциональной и политической зависимости от братьев Орловых, одновременно отдалив Паниных и Чернышевых. Тем не менее она была вынуждена принять услуги графа Петра Ивановича главным образом под влиянием паники, вызванной взятием Казани бунтовщиками.

По иронии судьбы Петр Панин получил назначение, почти соразмерное его амбициям, в тот момент, когда требовался не столько военный, сколько политический талант. А подобным даром он не обладал. В Панине качества вояки-солдафона, считавшего, что женщине на российском престоле делать нечего[44], соединялись с убежденностью в высших политических и социальных правах аристократии, убежденностью, из-за которой он не находил нужным сдерживать свой взбалмошный нрав. Будучи большим педантом по части военного этикета, Панин мог тем не менее явиться в приемной своего штаба в «сероватом атласном широком шлафроке, в французском большом колпаке, перевязанном розовыми лентами»[45]. 2 августа 1774 г. П. И. Панин получил в Москве адресованную ему

---

[42] СбРИО. Т. XIII. С. 427, 428; рескрипт императрицы Екатерины II графу П. И. Панину, 29 июля 1774 г. // Там же. Т. VI. С. 81; отверстый указ императрицы Екатерины II о назначении графа Петра Панина от 29 июля 1774 г. см.: Там же. С. 83; Н. И. Панин — П. И. Панину, 2 августа 1774 г. // Там же. С. 86.

[43] Там же. С. 421, 29 июля 1774 г.

[44] *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 23.

[45] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1869. Т. V. С. 498.

инструкцию, но решил повременить с отъездом, пока не станет известно, куда движется Пугачев. По его мнению, немедленно сокрушить бродячую орду пугачевцев было не так важно, как уберечь Москву от проникновения в нее мелких шаек, способных взбунтовать простонародье.

Ни Панина, ни Суворова[46], в сущности, не заботила поимка Пугачева. Но когда казаки вероломно выдали вождя бунтовщиков властям в Яицке, то многие генералы действующей армии поспешили приписать заслугу его поимки себе и наперебой старались завладеть пленным самозванцем. Как известно, генерал П. С. Потемкин, утвержденный Екатериной в роли начальника Казанской секретной комиссии, еще в июле неожиданно для себя очутился комендантом города и был вынужден оборонять его от Пугачева. А с 3 августа, из-за смерти губернатора фон Брандта, ему пришлось перейти к еще более активным действиям, заняться очисткой губернии от банд мятежников и наведением порядка. Большинство пленников из числа 10 тыс. бунтовщиков, взятых в боях под Казанью, пришлось отпустить по домам, выдав по 15 коп. на дорогу, хотя некоторых из их предводителей судили и казнили на месте. В общей сложности Казанская комиссия рассмотрела дела 9164 человек, из которых 38 были казнены, а 8342 отпущены на свободу без наказания[47].

Как ни старалась Екатерина тщательнейшим образом разделить полномочия Петра Панина и Павла Потемкина, между этими горячими и заносчивыми людьми все равно скоро начались трения. К тому же на обоих влияла не стихавшая в столице борьба между их могущественными родственниками и покровителями, Никитой Паниным и Григорием Потемкиным. Павлу Потемкину было поручено расследовать причины восстания, а задачей Петра Панина было разделаться с недобитыми бандами бунтовщиков и навести порядок. Но в ходе карательных экспедиций в руки Панина попадало много важных пленников, которых он не хотел отдавать Потемкину для допросов[48]. Их конфликт обострился, когда Панин не

---

[46] Для своеобразного суворовского чувства юмора было характерно, что по пути из Дунайской армии к Петру Панину он время от времени выдавал себя за Пугачева. См.: Пугачев и его сообщники / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1884. Т. III. С. 254.

[47] Пугачевщина. М., 1931. Т. III. С. 467.

[48] См. один из таких эпизодов: Там же. С. 440. Еще хуже был случай, когда под пытками умер секретарь пугачевской Военной коллегии, А. И. Дубровский, которого Павел Потемкин так и не смог допросить.

допустил Потемкина к самому Пугачеву, а затем не дал ему ознакомиться с записями речей главаря восстания. Теперь, когда пленные оказались во власти Петра Панина, существование Казанской секретной комиссии явно потеряло смысл. Екатерина решила эту проблему, учредив в Москве Особую комиссию Тайной экспедиции Сената[49] под началом князя М. Н. Волконского и его заместителя С. И. Шешковского для подготовки суда над главарями бунтовщиков. В эту комиссию она и назначила Павла Потемкина, а работу Казанской секретной комиссии с отделениями в Оренбурге и Яицке велела свернуть[50].

В первые месяцы восстания, до апреля 1774 г., бунтовщиков страха ради приговаривали к суровым наказаниям. После снятия осады Оренбурга, когда Пугачев скрылся в Башкирии, большинство его последователей, попавших в плен и раскаявшихся в своих злодеяниях, отпускали на все четыре стороны, выдав пропуска[51]. Но когда бунт вступил в последнюю отчаянную стадию с походом Пугачева вниз по Волге и когда погибло больше всего дворянских семей, правительство ответило молниеносным кровавым возмездием. 24 августа 1774 г. П. И. Панин издал обращение, в котором сулил всем участникам восстания, повинным в смерти людей, и вожакам шаек бунтовщиков казнь через четвертование (после христианского покаяния и приготовления к смерти по всем правилам). В каждой деревне он приказал ставить виселицы и колеса, под которыми следовало приводить в исполнение приговоры[52]. В письме к императрице Панин объяснил, что пошли слухи, будто он, брат воспитателя самого великого князя Павла Петровича, идет встречать Пугачева хлебом-солью. Единственным способом пресечь эти слухи и были самые свирепые угрозы, которые, впрочем, предназначались лишь для устрашения, и Панин никогда не осуществил бы их на

---

[49] Крестьянская война в России / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1970. Т. III. С. 403; см. также относящееся к сентябрю 1774 г. письмо Екатерины к Потемкину: «Голубчик, Павел [П. С. Потемкин. — *Авт.*] прав. Суворов тут участия более не имел [в поимке Пугачева. — *Авт.*], как Томас [собачка императрицы. — *Авт.*], а приехал по окончании драк и по поимке злодея; а надеюсь, что все распри и неудовольствия Павла кончатся, как получит мое приказание ехать к Москве» (СбРИО. Т. XIII. С. 446—447).

[50] Крестьянская война... Т. III. С. 403.

[51] *Alexander J.T.* Op. cit. P. 212—213.

[52] Пугачев и его сообщники... Т. III. С. 292 и далее; *Державин Г. Р.* Указ. соч. Т. V. С. 288.

деле, зная, что это не в его власти[53]. Но императрица согласилась с ним, что смертная казнь в тех селениях, где действовали его карательные отряды, все же нужна.

Особенную суровость П. И. Панин проявлял в отношении изменников-дворян, чиновников и прежде всего священников[54]. Он без колебаний казнил духовных лиц, примкнувших к бунтовщикам. Правосудие вершили прямо на месте, в городках и в деревнях. Сельскую местность наводнили воинские команды и, по свидетельству уцелевших помещиков, крестьян «под виселицами наказывали плетьми»[55] или предавали более тяжелому наказанию — пороли кнутом, отрезали уши. По собственным подсчетам П. И. Панина, за то время, что он состоял верховным правителем Казани и Поволжья, 324 бунтовщика были казнены, 399 подверглись порке кнутом и отсечению ушей, а примерно 7 тыс. человек получили другие телесные наказания. По его приказу тела казненных оставили висеть на виселицах по городам и селениям Поволжья, пока саратовский воевода в январе 1775 г. не доложил об исходящей от них угрозе повальных болезней[56].

4 ноября 1774 г. в Москву доставили самого Пугачева в железной клетке, поставленной на телегу, и провезли по улицам, запруженным народом, глядевшим на пленного главаря кто с радостью, кто со страхом. В письме к генерал-губернатору Москвы князю Волконскому Екатерина предупреждала: «Для Бога, удержитесь от всякого рода пристрастных расспросов, всегда затемняющих истину». В самом деле, кажется, к Пугачеву и его сподвижникам пытки не применялись[57]. Судьбу обвиняемых должен был решить специально учрежденный суд из высокопоставленных чиновников и членов Святейшего синода. Какой они вынесут приговор, можно было не сомневаться, но Екатерина все же попыталась смягчить почти неизбежную свирепость наказаний. «Пожалуй, помогайте всем [судьям] внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников», — писала она Волконскому 1 января 1775 г., а в письме к генерал-про-

---

[53] СбРИО. Т. VI. С. 116—117, 25 августа 1775 г.

[54] Там же. С. 145 и далее, 17 сентября 1774 г.

[55] В издании С. А. Голубцова приводится пример такого «замирения» (Пугачевщина... Т. III. С. 390; см. также с. 463—464).

[56] Крестьянская война... Т. III. С. 434—435.

[57] Пугачев и его сообщники... Т. III. С. 356; Осьмнадцатый век. М., 1867. Кн. I. С. 139 и далее.

курору Вяземскому, прибывшему в Москву наблюдать за ходом суда от лица императрицы, она выразилась еще определеннее: «При экзекуциях, чтоб никакого мучительства отнюдь не было, и чтоб не более трех или четырех человек»[58]. Но нелегко было идти против обуявшей московское дворянство жажды возмездия, особенно усилившейся с прибытием в старую столицу П. И. Панина. Теперь настал черед Панина испытать обиду из-за того, что его не включили в Московскую особую комиссию, а П. С. Потемкина включили[59].

Суд собрался 30 декабря. Когда в зал заседаний ввели Пугачева, ослабевшего в длительном заключении, он пал на колени, сознался, что он донской казак Емельян Пугачев и что кается перед Господом, перед всемилостивейшей императрицей и перед всем христианским народом[60]. Приговор суда не вызвал сомнений, он подкреплялся ссылками на Священное Писание, Соборное уложение 1649 г., Устав воинский 1716 г. и Морской устав 1720 г. Затруднения вызвал приговор Падурову, так как он был депутатом Уложенной комиссии и, согласно Манифесту 14 декабря 1766 г., не подлежал смертной казни. Выход из положения нашли, постановив, что иммунитет распространяется только на тех депутатов, которые участвовали в составлении проектов в «частных» комиссиях[61]. В итоге суд приговорил Пугачева и еще одного бунтаря к четвертованию, а троих к повешению. Чику Зарубина приговорили к отсечению головы и казнили в Уфе, а еще 21 человека присудили к различным видам телесных наказаний и каторжным работам.

Тем временем А. А. Вяземский во исполнение приказа императрицы тайно договорился с московским полицмейстером о том, чтобы Пугачева сначала обезглавили, а уж потом завершили исполнение ужасного приговора. Все осужденные, кроме заядлого старовера

---

[58] Екатерина II — М. Н. Волконскому, 1 января 1775 г.// Осьмнадцатый век. Кн. I. С. 139. Недатированное письмо Екатерины А. А. Вяземскому см.: Крестьянская война... Т. III. С. 420.

[59] *Alexander J. T.* Op. cit. P. 301, примеч. 6, p. 186.

[60] Обвиняемых разбили на группы — «сорты» — сообразно их вине. Пугачев проходил «вне сортов».

[61] Крестьянская война... Т. III. С. 419, 425. Однако в деле депутата Уложенной комиссии Давыдова, рассматривавшемся ранее, Екатерина разрешила Панину провести всю церемонию подготовки к смертной казни и лишь в последний момент объявить приговоренному о помиловании и отправить на каторжные работы в Ригу (см.: Пособники и сторонники Пугачева. Очерки и рассказы // РС. 1876. Т. 17. С. 53—65).

Перфильева, отвергшего попа-никонианца, получили последнее напутствие священника. 10 января 1775 г. в присутствии громадной толпы произошел последний странный эпизод этой истории. К ярости многих зрителей, палач, как им показалось, испортил все дело: он сразу же отрубил голову Пугачеву. Стоявший рядом чиновник набросился на палача со словами: «Ах, сукин сын! Что ты это сделал!» — тем самым убедив толпу, что палач либо неопытен, либо подкуплен сторонниками Пугачева[62]. Современники предполагали, что бедняга был потом сурово наказан за свою ошибку[63]. На самом же деле он просто выполнял тайный приказ императрицы[64].

Остальные приговоры были исполнены немедленно, и на следующий же день эшафот и все останки поспешно убрали и сожгли. Екатерина торопилась поскорее стереть все следы этого события. Из 832 узников Тайной экспедиции в Москве 605 отпустили без всякого наказания, а остальных приговорили к каторжным работам или к ссылке, причем часть из них еще и высекли кнутом[65]. Двух жен и троих детей Пугачева заключили в крепость Кексгольм в Карелии. Им выделили по 15 коп. в день на содержание и позволили свободно передвигаться в стенах крепости[66]. Казаков, выдавших Пугачева властям, простили, но запретили им возвращаться в Яицк. Дом, принадлежавший Пугачеву в станице Зимовейской на Дону, снесли, а станицу переименовали в Потемкинскую в честь восходящей при дворе новой звезды.

Большая часть башкирских отрядов после поражения восставших под Казанью вернулась на родину, и там они продолжали бороться, стремясь уничтожить появившиеся на их земле русские промышленные предприятия. Однако к осени в башкирской верхушке произошел раскол. После пленения Пугачева высвободились войска, которые направили на усмирение башкир, а главного связующего звена восстания, «Петра III», больше не существовало. В середине ноября только шестеро из известных башкирских вождей

---

[62] Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. III. С. 189—192.

[63] Цит. по: *Alexander J.T.* Op. cit. P. 305, примеч. 46.

[64] Екатерина II — г-же Бельке, 6 марта 1775 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 31—32. Как именно Екатерина все это устроила, наконец выяснилось благодаря публикации в 1966 г. соответствующих документов в работе: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3—5, 7, 9.

[65] Пугачевщина... Т. III. С. 468.

[66] *Гернет М.* История царской тюрьмы. 1762—1825. М., 1960. Т. I. С. 207.

еще оказывали сопротивление правительству. Наконец 24 ноября в руки властей попал Салават Юлаев с несколькими верными сподвижниками. Пойманных башкирских главарей ожидали самые тяжелые наказания: их высекли кнутом, вырвали ноздри, заклеймили и отправили на каторгу в Рогервик, где их видели еще через много лет, в 1797 г.[67]

Там и сям все еще вспыхивали искры восстания, которые немедленно гасили, а власти уже торопливо сворачивали все меры по подавлению Пугачевского бунта. Едва услыхав, что казнь Пугачева состоялась, Екатерина отправилась в Москву, куда прибыла 25 января 1775 г. Была разработана внушительная церемония торжественной встречи. Триумфальные арки, сцены, символизирующие победы русской армии над внешними и внутренними врагами, аллегории, отображающие заботу государыни о законе и справедливости, — все это предваряло заключительный акт, прощение, дарованное императрицей бунтовщикам, чтобы поскорее покончить со всеми делами, связанными с недавними беспорядками[68]. 17 марта 1775 г. был провозглашен императорский манифест об амнистии за все преступления, совершенные во время Пугачевского бунта, «ибо дела такого рода выходят из того общественного порядка, для которого законы и их течение устроены». Всем, кто был осужден на смерть за участие в восстании или по иным причинам, приговор заменили каторгой; телесные наказания смягчили или заменили ссылкой в Сибирь на вечное поселение. Дела по государственным преступлениям, тянувшиеся больше 10 лет, следовало закрыть и вообще предать забвению все проступки свыше десятилетнего срока давности. Дезертирам из армии и беглым государственным крестьянам и горожанам обещали прощение при условии, что те сдадутся властям или вернутся домой в течение года[69].

Три положения манифеста отражали дальнейшее развитие социальной политики Екатерины: статьей 16 разрешалось любому из подданных открыть мастерскую или заниматься ремеслом, не спра-

---

[67] *Андрущенко А. И.* Крестьянская война. М., 1969. С. 299 и далее, с. 308 и далее. Предводителей башкир не включили в общую мартовскую амнистию 1775 г., о которой см. ниже.

[68] См.: АГС. Т. I. С. 456, протокол заседания от 9 февраля 1775 г.

[69] ПСЗ. Т. XX. № 14275, 17 марта 1775 г. Амнистию первоначально распространили и на беглых крепостных, если те явятся на место в течение года, но в результате дебатов в Совете частновладельческих крестьян исключили из этой статьи указа (АГС. Т. II. С. 749, 12 марта 1775 г.).

шивая официального разрешения, — большой шаг вперед в либерализации ремесленного производства в России. Статья 47 внесла изменения в социальную структуру городов, выведя часть горожан из податной категории. И, наконец, Екатерина воспользовалась случаем воплотить в законе идею, которую она поначалу хотела включить в «Большой наказ»[70]: в статье 46 манифеста провозглашалось, что крепостной, освобожденный своим хозяином, мог приписаться к любому состоянию по собственному выбору: к государственным крестьянам, к купцам, к горожанам и платить соответствующие налоги[71]. Эта статья получила развитие и разъяснение в важнейшем указе 6 апреля 1775 г., согласно которому отпущенных на волю крестьян больше никогда нельзя было закрепостить, даже если бы они сами этого пожелали. Ответственность за уплату подушной подати за отпущенных крестьян до следующей переписи возлагалась на их хозяев[72].

Хотя Екатерина II изо всех сил старалась сделать все, чтобы Пугачевский бунт поскорее забыли, этому мешали тягчайшие людские и материальные потери, нанесенные пугачевщиной. Точных цифровых данных, конечно, не существует, но считается, что бунтовщики убили 1572 дворянина, включая женщин и детей, 237 священников, 1037 офицеров и гражданских чиновников. Эти данные не учитывают дворовых, крестьян и горожан, павших жертвой шаек мятежников. Например, в Казани погибло 50 дворян, но, кроме того, лишились жизни 49 купцов, 42 крестьянина и дворовых[73]. Потери правительственных войск оценивали в 600 убитых и 1 тыс. раненых. Потери пугачевцев были неизмеримо выше: около 20 тыс. убитых в сражениях. К ним следует прибавить казненных П. И. Паниным бунтовщиков и башкир с татарами, которых никто не считал[74].

Большой урон был также нанесен имуществу — частному, государственному и церковному. Дворянки, освобожденные из плена правительственными войсками, нередко находились в крайне бедственном положении, оставшись без отцов и мужей, убитых бун-

---

[70] См. в гл. 10 об этой неопубликованной в «Наказе» статье.

[71] ПСЗ. Т. XX. № 14275.

[72] Там же. № 14294, 6 апреля 1775 г.

[73] Пугачевщина... Т. III. С. 389. Вероятно, женщин, погибших по той или иной причине с обеих сторон, считали не столь тщательно.

[74] См. обзор потерь в результате восстания в работе: *Alexander J.T.* Op. cit. P. 211–212.

товщиками, с разоренными имениями. Императрица распорядилась, чтобы Петр Панин помог семьям, оказавшимся без гроша, и он раздал почти 100 тыс. руб. 1038 семьям[75]. По предложению Панина пострадавшим помогал долговременными займами Дворянский банк, отделения которого открылись в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде[76]. От рук бунтовщиков пострадало имущество многих церквей. Утварь разворовывали или делили поровну, разломав на куски, а яицкие казаки — староверы выкалывали глаза на иконах[77]. Промышленность Урала, впрочем, в результате Пугачевского восстания не потерпела непоправимого ущерба, хотя общие материальные потери с учетом готовой продукции оценивались в 5 536 193 руб.[78]. П. И. Панин был уполномочен снова наладить работу местной администрации, набрав новый штат вместо убитых или запятнавших себя участием в мятеже чиновников. Были приняты экстренные меры для предотвращения голода в местностях, пострадавших от восстания, где многие крестьяне просто бросили пахать землю. Наконец, когда к августу 1775 г. Панин восстановил порядок и спокойствие (по его собственному выражению) и привел народ к повиновению, императрица освободила его от этого чрезвычайного поручения и прислала теплое благодарственное письмо[79]. Из их переписки явствует, что больше они так и не виделись. П. И. Панин снова удалился в Москву, где и прожил до конца своих дней, надутый, угрюмый и величественный.

С самого начала восстания Екатерина очень хотела выяснить, не замешаны ли тут Турция или Франция, нет ли следов заговора с участием ее подданных и, наконец, что побудило Пугачева принять

---

[75] П. С. Завадовский — П. И. Панину, 19 ноября 1775 г. // СбРИО. Т. VI. С. 217—218; *Alexander J.T.* Op. cit. P. 220 (автор называет цифру 1230 семей).

[76] *Боровой С. Я.* Кредит и банки в России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 59.

[77] Пугачевщина... Т. III. С. 385 и далее.

[78] См. таблицу в кн.: *Павленко Н. И.* История металлургии в России в XVIII в. М., 1962. С. 475 и далее. Дж. Александер приводит общую сумму ущерба частной собственности, исключая промышленность, равную 5 685 000 руб., а государственной собственности — 613 000 руб. (*Alexander J.T.* Emperor of the Cossacks. Lawrence (Kansas), 1973. P. 196).

[79] Екатерина II — Н. И. Панину, 16 сентября 1774 г. // СбРИО. Т. VI. С. 135—136; указ П. И. Панину от 2 сентября 1774 г. // Там же. С. 121 и далее; письмо от 9 августа 1775 г. // Там же. С. 213. Еще перед мартовской амнистией 1775 г. Панин был лишен права выносить смертные приговоры (указ от 16 февраля 1775 г. см.: Там же. С. 207).

имя Петра III и каковы его связи со староверами. Широкомасштабные расследования, проведенные Казанской и Оренбургской секретными комиссиями, убедили ее, что ни внешнего, ни внутреннего заговора не было. Труднее было прийти к заключению относительно причин восстания и истоков самозванства. Со временем следователи сошлись в том, что бунт возник в результате внутренних разногласий в Яицком казачьем войске. Нигде больше Пугачев не мог бы найти достаточно сторонников, чтобы поднять восстание и привлечь к себе людей обещанием восстановить старую веру и права казачества.

При попытке с современной точки зрения проанализировать это крупнейшее из внутренних выступлений в России историку мешает традиционное определение пугачевщины как крестьянской войны. Ведь лишь на заключительном этапе, после поражения у стен Казани, оно превратилось в настоящую Жакерию. Никто из современников не видел в Пугачевском бунте крестьянской войны. Так, Павел Потемкин и князь Волконский в докладе, представленном императрице, заключили, что уничтожение дворян Пугачевым не было его сознательной политикой, но случайным результатом бешеной ярости бунтовщиков и рабов, недовольных своими хозяевами[80].

При ближайшем рассмотрении кажется, что подлинной причиной, приведшей к бунту и принесшей ему первоначальные успехи, был протест Яицкого казачества против наступления на него реформированного Петром Великим государства, отказ казаков нести повинности в форме, требуемой властями. Преобладание среди казаков старообрядчества укрепляло их традиционалистские позиции, уходящие корнями в Московское государство и его обычаи. Яицкое войско было удалено от центра и менее других интегрировано в государственную систему. Подобно всем казацким сообществам, оно с уверенностью считало себя элитой. Угроза потери этого статуса и установления «регулярства» (т.е. включения казачества в регулярную армию) и вызвала протест, породив движение, психологические истоки которого сходны с корнями стрелецкого бунта против Петра I в конце XVII в. В манифестах, адресованных яицким казакам, Пугачев не только обещал возместить им все нанесенные государством обиды и исполнить их особые требования (напри-

---

[80] Различные донесения и доклады, поданные Екатерине II, тщательно проанализированы в работе: *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy... P. 192 ff. См. также письмо Маврина Павлу Потемкину от 15 сентября 1774 г. в: *Овчинников Р. В.* Указ. соч. № 3. С. 131—132.

мер, простить их за восстание 1772 г.), но и сулил в будущем сделать казаков самым привилегированным слоем. «Как вы, так и потомки ваши первые выгоды иметь в государстве моем будете и славную службу при лице моем служить определитесь»[81].

Во время восстания политические концепции Пугачева и его сторонников (если можно применить слово «политические» к столь туманным и бесформенным взглядам) никогда не выходили за рамки создания общества, устроенного на казачий манер, в котором казаки были бы правящей верхушкой. По словам И. Я. Почиталина, Пугачев собирался сделать казаками всех, невзирая на сословия[82]. Но этот казачий мир повернулся бы спиной к модернизации (а заодно и ко всем порокам, ей сопутствующим). Пугачев говорил, что, если Бог даст ему власть над государством, он прикажет всем держаться старой веры, носить русское платье, запретит брить бороды и всех острижет по-казацки[83]. Эта старомосковская психология объясняет, почему в Казани нападали на иностранцев и столь жестоко расправлялись с офицерами и их женами, одетыми в европейское платье: «новый царь-батюшка бар да немцев не любит»[84].

Первые представители неказачьего населения, примкнувшие к бунту, руководствовались теми же мотивами отрицания петровского государства. Приписные крестьяне поднялись против образа жизни, отрывавшего их от традиционных занятий, чтобы обслуживать на заводах механических чудовищ ради нужд регулярной армии. Но ретроградный характер идей восстания объясняет двойственное отношение работных людей к мятежникам. Если приписные крестьяне, все еще связанные с землей, находили в обещаниях бунтовщиков ответ на свои молитвы, то у работных, как ни тяжела была их доля, уже складывалась психология новой профессиональной группы, а связи с деревней были окончательно разорваны. В стране казачьей утопии для них не было места. Разрушение заводов грозило лишить их средств к существованию, пусть и скудных, и хотя

---

[81] Пугачевщина... Т. I. С. 31—32. Рядовым казакам он обещал денежное и натуральное вознаграждение, «чины», а их потомкам — «первое место в государстве».

[82] *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 127.

[83] Показания Падурова см. в: Пугачевщина... Т. II. С. 187—189. Сомнительно, что сам Пугачев был старообрядцем. Кстати, он был несколько озадачен, когда его жена-казачка Устинья спросила, отчего он не ходит чисто выбритым, как предыдущие русские цари.

[84] Крестьянская война... Т. III. С. 94.

многие работные примкнули к восставшим, другие все же старались не допустить разрушения заводов на последних этапах восстания. Что касается башкир, то они поднялись на защиту своей свободы и родной земли. Сначала они пошли за Пугачевым, но после взятия Казани покинули его, чтобы дальше бороться за собственные интересы. Впрочем, можно не сомневаться в том, что если бы самозванец оказался удачливее, их порой непростые отношения с «Петром III» могли бы продолжаться. Главным врагом для башкир было Русское государство в любой его форме.

Куда проще объяснить отношение к Пугачеву крепостных крестьян. Их вера в «царя Петра III» росла, как на дрожжах, от слухов, например, о том, что по вступлении на трон он издал указ, повелевающий крестьянам «впредь не быть во владении дворянском». Поэтому-де дворяне и лишили государя Петра Федоровича престола. А теперь, через 11 лет, он «объявился» и снова повелел дать волю крестьянам[85]. В различных манифестах и устных заявлениях самозванец обещал крестьянам освободить их от налогов на два года, на семь лет, на десять, навечно, отменить рекрутский набор, позволить захватывать имущество помещиков. Их призывали убивать своих господ, обещая тому, кто убьет помещика и разрушит его дом, заплатить 100 руб., а тому, кто убьет десять помещиков и разрушит их дома, — 1000 руб. и генеральский чин[86].

Но, как ни глубока была крестьянская ненависть к крепостному праву, одна черта, характерная для многих показаний в следственных комиссиях[87], ускользает от внимания советской историографии. Речь идет о том обстоятельстве, что крестьяне не спешили примкнуть к восстанию, как только пугачевское войско приходило в их края, а дожидались указа «Петра III» или приезда в деревню казаков (обычно речь идет о яицких казаках)[88]. Причем у крестьян, в сущности, не было выбора: «Смотрите же де, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите; а если де мы вперед застанем вас на помещичьей работе, так всех переколем»[89]. Проще всего предположить, будто все крепостные поголов-

---

[85] Пугачевщина... Т. I. С. 74—75.

[86] Там же. Т. III. С. 7.

[87] Впрочем, следует отметить, что была издана лишь одна подборка документов и что подследственные так или иначе старались приуменьшить свою вину и переложить ее на кого-нибудь другого.

[88] *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 119.

[89] Описание событий в имении родителей Н. М. Карамзина, будущего историка, см. в: Пугачевщина... Т. III. С. 8.

но восстали против помещиков. Но некоторые из крестьян, особенно дворовые и домашние слуги, сложили головы за своих хозяев. Бунтовщики-пугачевцы часто грабили и убивали зажиточных крестьян, как крепостных, так и вольных[90]. Это была война, в которой «кто не с нами, тот против нас», и пугачевцы без колебаний казнили дезертиров-крестьян, взятых в войско силой и сбежавших оттуда, или брали среди них заложников — но многие крестьяне все равно потихоньку пробирались домой, как только представлялся случай ускользнуть из рядов повстанцев. Другие выжидали, сидя по своим деревням и надеясь, что восстание пройдет стороной.

История восстания Пугачева еще не написана, хотя по этому предмету существует огромная литература. До сих пор в Советском Союзе к нему подходили с предвзятой точки зрения, приписывая восставшим более сознательные политические взгляды, а их героическим руководителям более изощренные планы, чем это было на самом деле. Кроме того, восстанию Пугачева отводится уж слишком «прогрессивная» роль согласно марксистской схеме, с чем немарксист никогда не согласится. Ведь никакими усилиями воображения невозможно сделать из казацкой утопии буржуазную, несмотря на то что имущественные отношения и система землепользования у казаков в основном избежали мертвой хватки крепостного права. В итоге ни высокое, ни низкое начала в этом порыве к свободе не привлекали внимание исследователей, а ведь в Пугачевском бунте была и дикая поэзия, и страшные зверства, и пьяные оргии, и смятение умов, отвага, надежды и отчаяние. Для казаков Пугачев был «надежа-государь», а он говорил им: «Ну, детушки мои, соколы ясные, смотрите же не покиньте вы меня; теперь у вас пеший сизый орел, подправьте сизому орлу крылья; сумею я вас нарядить и разрядить»[91]. Падуров признавался на следствии: «...счел я его тогда совершенным обманщиком и помышлял было от него отстать. Но сего исполнить, не знаю — по какой причине, не в состоянии был... словом сказать, привязан я был к нему так, как бы невидимою силою или, просто сказать, волшебством; но от чего со мною сие последовало — я не знаю...»[92].

Насколько же серьезным потрясением стал Пугачевский бунт для режима Екатерины? Все сходятся в оценке географического распространения восстания на разных этапах, но численность на-

---

[90] См. примеры в: Пугачевщина... Т. III. С. 102–103, 109.

[91] Пугачев и его сообщники... Т. I. С. 189.

[92] Пугачевщина... Т. II. С. 187 и далее, с. 189.

селения, примкнувшего к нему, оценивается по-разному[93]. Очевидно, что за тот год, что продолжалось восстание, оно так или иначе вовлекло в себя и затронуло огромные массы людей — тех, кто добровольно или против воли шел за Пугачевым, активно участвуя в восстании или пассивно следуя за войском, и тех, кто пал его жертвами. Но, несмотря на то что значительная часть русской армии воевала с турками, у Пугачева все равно никогда не хватало сил, чтобы напасть на центральные районы России, в отличие от окраин. Его успех при взятии Казани в июле 1774 г. не должен вводить в заблуждение. Ведь ни один современный маленький городок не мог бы отбиться от атаки двадцатитысячного отряда, ураганом налетевшего откуда-то из окрестных мест[94]. Но разношерстный сброд Пугачева не мог устоять против профессиональной армии. Его разгром под Казанью силами Михельсона совпал по времени с подписанием мира с Турцией, и произошло это раньше, чем освободившиеся войска были переброшены с турецкого фронта. С этого момента восстание превратилось в самую обыкновенную крестьянскую войну, которая постепенно закипала на обоих берегах Волги и выплеснулась наружу с появлением поблизости «Петра III». И как бы ни боялись бунта дворяне в обеих столицах, какие бы слухи ни ходили по городам и деревням, в сущности больше нигде никто так и не восстал. Народ лишь «выжидал», пока явится «Петр III». Поэтому невозможно определить, насколько реальной была опасность, судя лишь по испугу дворянства и мерам предосторожности со стороны правительства. Чем дальше уходил Пугачев от своей казачьей опоры на Яике, тем меньше оставалось у него шансов на успех. В сущности, вполне можно утверждать, что если после разгрома Пугачевского бунта в России уже не случалось таких крупных народных восстаний, то именно благодаря тому, что еще тогда властям удалось навсегда усмирить казаков и подчинить их задачам Русского государства[95].

---

[93] По мнению Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова, в восстании участвовало 3 млн крестьян, в том числе 40% крепостных (Народные движения в России XVII—XVIII вв. С. 77). Дж. Александер считает, что их было свыше 200 тыс. Для примера, анализ состава 4638 пленных пугачевцев дает 27% казаков, 22% инородцев, 29% крестьян всех категорий (*Alexander J. T.* The Emperor of the Cossacs... P. 187). В Уфимской провинции насчитывалось 86 579 душ мужского пола, и почти все они участвовали в восстании. Из них русских было 10 772 человека, среди которых только 1284 относились к частновладельческим крестьянам (*Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 137).

[94] Достаточно вспомнить хотя бы о разрухе, причиняемой мелким городам наездами футбольных болельщиков.

[95] См. ниже, гл. 23.

Часть VI

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ

Глава 18

Реформа местной системы управления

Пугачевский бунт с катастрофической ясностью обнажил недостатки российской системы местного управления, которые раньше были столь выразительно описаны в дворянских наказах Уложенной комиссии и освещены в ходе ее дебатов[1]. С заключением Кючук-Кайнарджийского мира Екатерине II больше не нужно было направлять все свое внимание и душевные силы на ведение войны, и уже в августе 1774 г. она написала новгородскому губернатору Якову Сиверсу, что собирается провести реформу местной администрации[2]. Императрица располагала весьма обширным материалом для разработки подобного преобразования. Еще в октябре 1764 г. она приказала губернаторам продумать, как заново разбить территорию их губерний на уезды приблизительно по 30 тыс. жителей в каждом[3]. Тем самым примерно уравнивались суммы налоговых поступлений с уездов. Губернаторам предписывалось также назначить уездными центрами города, расположенные посередине каждой новой административной единицы, с тем чтобы жители уездов при необходимости могли без труда туда добираться. Кроме того, Екатерина велела составить и прислать карты всех губерний и списки городов, в них расположенных. Ведь до сих пор всем проектам реформы местного управления мешало отсутствие точных данных о числе и границах существующих уездов.

---

[1] См. гл. 11.

[2] *Иловайский Д. И.* Сочинения. М., 1884. С. 537—538. В письме к Вольтеру от 22 июля / 2 августа 1771 г. Екатерина упомянула, что заново перечитала свой «Наказ» в надежде вскоре снова взяться за работу над законодательным уложением. См.: Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W.F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 124 ff.

[3] ПСЗ. Т. XVI. № 12259, 11 октября 1764 г.

Доклады, предложения и замечания, присланные из разных губерний, поступали в Сенат и 11 января 1768 г., после начала заседаний Уложенной комиссии, были переданы императрице. Многие губернаторы не ограничились простым исполнением указа от октября 1764 г. и написали о своих трудностях. Четверо из них в феврале 1768 г. даже подали императрице совместную записку, в которой говорили о необходимости увеличить денежные ассигнования на местную администрацию, расширить ее штат, а также полномочия губернаторов. Они предлагали предоставить главам губерний право решать судебные дела на местах во время инспекционных поездок, что позволило бы избежать обычной затяжной бюрократической процедуры, принятой в судебной системе. Авторы записки хотели сами назначать свой штат сотрудников и полностью ими распоряжаться, включая право продвижения подчиненных по служебной лестнице, — до сих пор Сенат ревниво оберегал свою прерогативу жаловать чинами всех государственных служащих, кроме военных. Кроме того, губернаторы просили позволить им по мере необходимости привлекать живущих в провинции дворян к выполнению особых поручений, что явно расходилось с принципом свободы дворян от государственной службы[4].

Уложенная комиссия передала вопрос о местном управлении в «частную» комиссию с неуклюжим названием «О порядке государства в силе общего права», учрежденную между 16 и 22 апреля 1768 г.[5] В распоряжении комиссии имелись выдержки из прежних законов, касающихся местной администрации, наказы от местных органов управления и депутатов и доклад Сената императрице от 11 января 1768 г.[6]. К тому же Екатерина снабдила эту подкомиссию тремя «уроками» — письменными наставлениями, которые очень важны для нас, так как проливают свет на ход ее мысли. В первом «уроке», датированном 29 апреля 1768 г., звучали отголоски идей учителя Екатерины Монтескье. В преамбуле она объяснила депутатам,

---

[4] См. прежде всего: *Готье Ю. В.* История областного управления в России... Т. II. С. 215 и далее, с. 223, примеч. 3; Там же. Т. I. С. 113—115.

[5] В подкомиссию входили граф А. Шувалов — депутат от вольных однодворцев Орловской провинции, граф И. Головкин, депутат от финляндского дворянства, А. Нарышкин, депутат от старицкого дворянства, Ф. Веригин, депутат от новгородской Деревской пятины, и барон Левенвольде, депутат от эстляндского дворянства. См.: СбРИО. Т. XXXII. С. 22 и далее.

[6] См.: *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России... С. 460—491, 462.

что их подкомиссия «имеет два важные предмета: первый о властях средних, подчиненных, зависящих от верховной и составляющих существо правления; второй — распределение на части целого общества для лучшего соблюдения в нем порядка». Поскольку ничего этого нельзя было сделать, не имея четкой картины существующего положения, «частной» комиссии предлагалось составить доклад о действующем территориальном делении с анализом структуры, полномочий и иерархии местных органов власти. Во втором «уроке», написанном 20 мая 1768 г., императрица призывала подкомиссии рассмотреть принципы новой местной административно-территориальной структуры. В третьем «уроке» от 26 мая Екатерина подчеркивала необходимость разделения функций между администрацией и судом. Она вынесла на обсуждение членов «частной» комиссии вопрос о количестве административных постов, об их функциях, внутренней структуре, взаимном соподчинении и отношении к центральному правительству. Им надлежало очертить круг обязанностей предлагаемых учреждений и должностных лиц и составить штатное расписание, указав желательный размер жалованья для каждой должности[7].

«Частная» комиссия приступила к работе в апреле 1768 г. Она опиралась на деятельность еще двух подкомиссий — правовой и общественного порядка — и функционировала до октября 1771 г., пока ее деятельность не заглохла. Работа комиссии была налажена плохо и шла довольно беспорядочно, но надо признать, что на нее была возложена поистине титаническая задача. Взявшись за описание существующей структуры местного управления, ее члены обнаружили, что на картах, полученных из Сената, «многих губерний границы не обозначены... некоторые губернии хотя и означены, но весьма неправильно; провинциям и уездам границ совсем не обозначено». Две губернии — Новороссийская и Слободская Украина — просто не попали на карты, так как едва успели появиться. Вызвало обеспокоенность членов комиссии местонахождение города Ка-

---

[7] Текст всех трех «уроков» издан в работе Ю. В. Готье (*Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 295 и далее). Р. Джонс в своей в целом очень полезной статье (*Jones R. E.* Catherine II and the Provincial Reform of 1775. A Question of Motivation // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 497—512) об этих «уроках» не упоминает. Но они в значительной мере опровергают его утверждение о том, что «до 1774 г. не было признаков, показывающих, что Екатерина действительно планирует провести широкую реформу местной администрации» (Ibid. P. 506).

дуя, которого они вообще не нашли на карте, но вскоре все же сумели локализовать, «получа партикулярное известие»[8].

Судя по всему, в итоге этих заседаний законченный план действий не сложился, но общие принципы, на которые опиралась «частная» комиссия в своей работе, можно восстановить. Они включали в себя полное преобразование системы местной администрации, а не просто совершенствование имеющейся, разделение правовых, административных и финансовых функций, учреждение полиции — нового органа охраны общественного порядка, новое административное деление территории страны по принципу уравнивания единиц. Именно тогда была наконец признана необходимость наладить взаимодействие местных властей с выборными представителями общества, и прежде всего, разумеется, с дворянами. Императрица, высшие правительственные сановники, члены «частной» комиссии, депутаты — все сошлись во мнении о необходимости коренной перестройки и о ее основных принципах[9].

Осенью 1771 г., когда «частная» комиссия прекратила собираться, Россия переживала мучительные испытания войны с Турцией. В результате Пугачевского бунта, вспыхнувшего в сентябре 1773 г., ресурсы страны истощились до критического уровня. Все это время никакого формального продвижения в реформировании местной администрации не происходило, но отдельные законы, вышедшие в 1768—1774 гг., говорят о том, что от замысла преобразований в целом не отказались. Стоит напомнить, что декабрьский манифест 1766 г. содержал одно примечательное положение — об избрании на местах «маршалов» уездного дворянства и «городских голов». Первый срок избрания составил два года, а в 1768 и 1771 гг. издавались новые распоряжения о проведении выборов[10]. Но эти должностные лица не

---

[8] *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 241. В 1763 и 1764 гг. Екатерина II уже издавала распоряжение составить карты, но, судя по всему, они еще не были готовы. Впоследствии императрица позаботилась о том, чтобы составили хорошие карты новых «наместничеств». См., например: *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1780 гг. М., 1959. С. 7 и далее.

[9] При написании этих страниц я широко использовала уже названное исследование Ю. В. Готье по истории областного управления, в частности: *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II С. 234 и далее. Автор отмечает, что, к несчастью, сами тексты «Ответов» «частной» комиссии и проектов, в ней обсуждавшихся, в архивах не обнаружены (Там же. С. 248, примеч. 6). Поэтому ее работу приходится реконструировать по дневным запискам заседаний.

[10] ПСЗ. Т. XVIII. № 13119, 21 мая 1768 г.; № 13600, 29 апреля 1771 г.; №13661, 25 сентября 1771 г.

имели пока никаких специальных полномочий; они просто должны были при необходимости служить связующим звеном между правительством и местным дворянством или городским сообществом. Возможно, ярчайшим показателем намерений правительства стала организация в 1773 г. системы местного управления в двух новых губерниях, Могилевской и Псковской, образованных из земель, отнятых у Польши по первому разделу, и из прилегающих русских территорий. После того как Потемкин вытеснил генерала З. Г. Чернышева из Военной коллегии, тот был назначен генерал-губернатором вышеназванных губерний, подразделенных на четыре провинции под началом воевод. Новые институты, разработанные для управления этими губерниями, представляют собой переходную фазу в процессе реформирования местной администрации в России[11].

Возможно также, что полное преобразование местной администрации было отложено до 1775 г. по причине, связанной с характером самой Екатерины II: после 1766 г. она явно возлагала большие надежды на Уложенную комиссию как источник будущих крупных законодательных постановлений. В ее заметках часто упоминаются вопросы, которые она не хотела решать прежде, чем Уложенная комиссия выскажет свое мнение. К тому же Екатерине, конечно же, были ближе крупномасштабные реформы, чем возня с мелочами, это отвечало ее рационалистическому мировоззрению и «просвещенному» взгляду на управление страной. Но Пугачевский бунт убедил императрицу в срочной необходимости реформы местного управления.

С точки зрения центрального правительства успехи разношерстным полчищам Пугачева приносили «слабость, лень, нерадение о должностях своих, праздность, ссоры, несогласия, лихоимства, притеснения и неправосудие частных правителей» — местных чиновников[12], наряду с неуверенным поведением военных и гражданских властей[13].

---

[11] См.: *Григорьев В.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 102 и далее; *Lehtonen U.L.* Die Polnische Provinzen Russlands unter Katharina in den Jahren 1772—1782. Berlin, 1907; *Закалинская Е. П.* Вотчинное хозяйство Могилевской губернии во второй половине XVIII в. Могилев, 1958; Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1961. Т. 3; *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 254 и далее (автор отмечает польское влияние на местную систему администрации).

[12] СбРИО. Т. XXVII. С. 9—10. См. также: АГС. Т. I. С. 455—456, заседание 18/29 декабря 1774 г.; ПСЗ. Т. XVIII. № 14230.

[13] СбРИО. Т. VI. С. 135.

По возвращении в Москву в январе 1775 г. Екатерина с жаром принялась за работу. Сначала она разобрала все материалы, полученные «частной» комиссией, а затем документы, изданные Сенатом или поступившие в него[14]. В ноябре 1774 г. казанский губернатор князь П. С. Мещерский вслед за другими губернаторами представил план реформы управления своей обширной губернией, в котором предлагал отделить друг от друга административные, финансовые и судебные функции властей, разбить губернию на более мелкие единицы, для чего уезды поделить на «комиссариаты» во главе с земскими комиссарами[15]. Екатерина немедленно приказала казанскому губернатору провести эти планы в жизнь. Московский губернатор князь Волконский подал императрице проект скорее обобщенного характера. Он выступал сторонником существенной децентрализации высших правительственных учреждений, территориального сокращения губерний и назначения земских судов нижнего уровня для наблюдения за порядком на местах и под началом комиссара, выборного от местного дворянства, в роли личного представителя губернатора[16]. Наконец, Екатерина могла в своей работе использовать записки о правовой системе Лифляндии, Эстляндии и Восточной Финляндии[17].

Проект реформы переписывали шесть раз; это делала сама Екатерина или кто-то под ее руководством. До нас дошло свыше шестисот страниц черновиков, написанных ее рукой[18]. Она советовалась с генерал-прокурором А. А. Вяземским, секретарями П. В. Завадовским и А. А. Безбородко, с выборгским губернатором Н. Энгельгардтом. Но ближайшим сотрудником императрицы выступал граф Яков Сиверс, который уже помогал ей советами при составлении инструкций губернаторам в 1764 г.[19]. Сиверс, как выходец из Прибалтики, был знаком с местной системой управления и, что еще важнее, семь лет прожил в Англии (1748—1755), хорошо знал и вы-

---

[14] *Павлова-Сильванская М. П.* Указ. соч. С. 464 и далее.

[15] Екатерина II — П. И. Панину (о докладах князя Мещерского), 20 ноября 1774 г. // СбРИО. Т. VI. С. 182—183. См. также: *Jones R.E.* Op. cit. P. 206.

[16] СбРИО. Т. V. С. 122—127; *Jones R. E.* Op. cit. P. 206—207.

[17] *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос. С. 389 и далее; *Павлова-Сильванская М. П.* Указ. соч. С. 473; *Она же.* Создание в 1775 году сословных судов для крестьян // Вестник Московского университета. 1963. № 3.

[18] *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy... P. 240.

[19] См. гл. 4.

соко оценивал ее политические институты[20]. Сама Екатерина в это время с жадностью читала «Комментарии к английским законам» У. Блэкстона во французском переводе, сменившие труд Монтескье «О духе законов» на ее ночном столике; как написала она Гримму, «я не делаю ничего из написанного в его книге, но для меня это пряжа, которую я разматываю по-своему»[21]. Интерес к этим вопросам мог также побудить ее обратиться к обученному в Шотландии юристу С. Десницкому, но прямых свидетельств его участия в работе мы не имеем[22].

При попытке анализа внутренней политики Екатерины II следует учитывать еще два закона, изданных, соответственно, в декабре 1774 г. и в марте 1775 г. Первый из них, «Инструкция сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г.[23], предписывал ежегодно в декабре проводить в деревнях выборы «сотских», «пятидесятских» и «десятских» для несения всей полноты полицейских функций. Этих сельских должностных лиц приводили к присяге, и они были обязаны надзирать, исправно ли их односельчане посещают церковь, смотреть, не появились ли еретики и колдуны, предотвращать преступления (в частности, воровство и разбой), ловить шпионов и распространителей слухов, бороться с эпидемиями и т.д. Крестьянские должностные лица должны были также следить за тем, чтобы перевод крестьян «из других уездов вотчины» фиксировался в местных канцеляриях и чтобы с них не брали больше податей, чем положено. Им же полагалось надзирать за охраной дичи и строевого леса, и наконец, доносить властям о появлении «монстров и куриозных птиц и зверей». Сотскому полагалось знать свою инструкцию назубок, а потому священник или кто-то из грамотных людей должен был еженедельно читать ему ее вслух.

В этом указе много интересных особенностей. Во-первых, он специально адресован как государственным крестьянам, так и частновладельческим крепостным — ведь в указе весьма обстоятельно говорится, что, когда сотский находится при исполнении служеб-

---

[20] *Blum K.L.* Ein Russischer Staatsman. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwurdigkeiten zur Geschichte Russlands. Leipzig; Heidelberg, 1857. Bd. I. S. 25 ff.

[21] СбРИО. Т. XXIII. С. 52, 4 августа 1776 г.

[22] *Jones R.E.* Op. cit. P. 213—214. Автор согласен с мнением В. Григорьева о причастности Десницкого к разработке проектов местного управления, но не приводит доводов в пользу этого мнения.

[23] ПСЗ. Т. XIX. № 14231.

ных обязанностей, его нельзя привлекать к другим работам ни управителю, ни помещику. Напротив, их призывали всячески помогать сотским. Таким образом, государство утверждало свое право вмешиваться в отношения помещика и крепостного, определяя, какую форму должно иметь управление деревней, и требуя, чтобы крепостной сотский присягал государю. Но при этом в документе совершенно не учтены реальные обстоятельства жизни крепостных. Сотские не располагали средствами для исполнения некоторых из возложенных на них обязанностей, например, санитарного и медицинского надзора. И как могли они добиваться, чтобы перевод крепостных из поместья в поместье регистрировался в местных канцеляриях? Мало того, по истечении срока полномочий крепостные сотские возвращались в прежнее состояние и снова попадали в полную зависимость от господ. При таких условиях вряд ли они могли всегда быть на высоте тех требований, которые предъявляла к ним «Инструкция». И все же, при всей нереалистичности этого постановления, оно свидетельствовало о намерении сначала упорядочить нижнее звено системы управления в самой мелкой территориальной единице — в деревне и лишь после этого переходить к более крупным[24].

Вторая мера, относящаяся к местному самоуправлению, была обнародована в Манифесте от 17 марта 1775 г. по случаю окончания войны с Турцией. В статье 46 вводилась реорганизация структуры городского населения, с очевидным намерением модернизировать его в свете приближающейся реформы. Купеческий статус теперь присваивался всем горожанам, располагающим капиталом в 500 руб. и выше. Остальных приписывали к мещанам или рядовым горожанам. Приобретение купеческого статуса было исключительно денежным вопросом. Всякий мещанин, накопивший нужную сумму, мог просить о зачислении в купечество, а если купец терял состояние, то его статус понижался до мещанского. Сохраня-

[24] *Григорьев В.* Указ. соч. С. 116—117 (это единственная работа, в которой вообще упомянут этот указ). Впрочем, М. П. Павлова-Сильванская отмечает, что еще до восстания Пугачева Екатерина II начала собирать сведения, намереваясь улучшить положение государственных крестьян, и набросала на бумаге ряд возможных мер. А. А. Вяземский также составил для нее записку об управлении государственными и помещичьими крестьянами и о собственном опыте управления крепостными. Эти документы остаются неизданными (*Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II... С. 484).

лось деление купечества на три гильдии. Купцы освобождались от подушной подати, вместо которой ежегодно платили 1% от заявленного капитала, — ожидалось, что это принесет казне больше доходов[25]. Купечество было освобождено от рекрутской повинности и получило разрешение вносить взамен определенную плату[26].

Эта, на первый взгляд, незначительная мера имела тем не менее большую важность с точки зрения задуманной реформы местного управления, так как вводила прямое разделение на сословия сообразно имущественному положению, т.е. новый принцип социальной стратификации городского населения. Этот принцип был призван отразить существующую экономическую реальность и очистить купеческое сословие от тех, кто, официально к нему принадлежа, фактически являлись мелкими торговцами, ремесленниками, наемными работниками, трудились на земле. В результате подобной перетасовки всего купеческого сословия его численность в 1775 г. сократилась до 27 тыс., в то время как раньше к купцам было приписано, по разным данным, от 221 573 до 222 767 человек. Таким образом, оказалось, что свыше 194 тыс. из них не располагали — или объявляли, что не располагают, — минимальным капиталом в 500 руб.[27].

Документ, носивший полное наименование: «Учреждения для управления губерний Российской империи», был представлен Совету при Высочайшем дворе 2 ноября и без дальнейшего обсуждения был принят 5 ноября 1775 г. В нем устанавливались основы организации местной системы управления в России, судебной системы, сохранявшейся до реформы 1864 г., а также принципы территориального устройства, которые оставались неизменными до Октябрьской революции. Намечалось провести новое деление территории страны на губернии, так, чтобы в каждой проживало по 300—400 тыс. человек. Губернии подразделялись на уезды с населением от 20 до 30 тыс. жителей. Прежние промежуточные единицы, провинции, упразднялись. В каждую губернию назначался губернатор; две губернии образовывали наместничество во главе с намес-

---

[25] ПСЗ. Т. XX. № 14275, Манифест от 17 марта 1775 г. с разъяснениями в апрельском указе и в указе от 25 мая 1775 г. (№ 14327).

[26] Со 184 смоленских купцов по новой системе в 1775 г. было собрано 1920 руб. налогов — значительно больше, чем когда они просто платили подушную подать. Ср.: *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 135.

[27] Там же. С. 91. Цифры взяты из двух разных докладов от третьей переписи 1761—1767 гг.

тником или генерал-губернатором, который одновременно являлся губернатором одной из двух губерний. В новом документе предусматривалось четкое разграничение административных, финансовых и судебных функций, учреждение отдельных судебных инстанций для каждого сословия с участием их выборных представителей, а также известная доля общественного участия в руководстве сословными благотворительными и образовательными организациями.

На вершине пирамиды стоял губернатор (или генерал-губернатор) — глава исполнительной власти, обязанный следить за должным функционированием всех органов местного управления, хранитель общественного спокойствия и благоденствия, оплот справедливости, защитник обиженных и угнетенных. Особо подчеркивалось, что губернатор — не судья и не имеет судебных полномочий[28]. Он мог напрямую писать императрице и имел собственное место в Сенате, когда пребывал в столице. У генерал-губернатора и губернатора был заместитель — вице-губернатор, ведавший финансами, и губернское правление, составленное из вышеназванных чинов и двух назначаемых советников. Это был коллегиальный орган, издававший приказы. Ему подчинялись новые судебные учреждения: выше всех стояли уголовный и гражданский суды с назначаемым составом и с правом апелляции в Сенат. Дела, касающиеся всех сословий, рассматривались этими двумя судами. Ниже судебная система разветвлялась на отдельные ветви для каждого «состояния». Для дворян существовали высший земский суд и уездный суд. В первый судья назначался, но ему помогали заседатели, избранные дворянами, а в последнем выборными были и судья и заседатели.

Параллельная система управления для горожан состояла из губернского и городского магистратов. В первый назначались двое судей, а горожане избирали шесть заседателей, во второй — горожане избирали двух судей и четырех заседателей. В мелких городках выбирали ратушу в составе бургомистра и двух заседателей. Кроме того, в различных городских районах сохранились словесные суды, где процедура велась исключительно в устной форме. Они решали дела о мелких денежных спорах[29]. Там, где свободное население составляло не меньше 30% общей численности, «Учреждения

---

[28] ПСЗ. Т. XX. № 14392, глава 4, параграфы 81, 82.

[29] Там же. Т. XIV. № 10486, 1 декабря 1755 г.; № 12721, 10 августа 1766 г.; *Григорьев В.* Указ. соч. С. 115.

для управления губерний» разрешали создавать скорые суды нижней инстанции — «нижние расправы» (на 10—30 тыс. населения) и такие же суды высшей инстанции («верхние расправы») там, где имелось больше одной нижней расправы. Они предназначались для однодворцев, государственных, дворцовых, экономических и приписных крестьян. Судей назначали из числа обладателей чинов, но заседатели нижней и верхней расправы (десять и восемь соответственно) избирались крестьянами, подведомственными данному суду, из крестьян же, дворянства, чиновников, ученых людей или разночинцев[30].

Не выходя за пределы правового поля, в «Учреждениях...» была сделана попытка ввести в российскую юриспруденцию совершенно новый принцип, а именно так называемые совестные суды, в которые имели доступ все слои населения. Судья совестного суда назначался и получал двух помощников, избранных от дворян, горожан или вольных крестьян для слушания дел представителей соответствующих сословий. Происхождение этого новшества было предметом дискуссий в русской исторической литературе. В. Григорьев, историк реформ 1775 г., предполагает, что главным образцом послужил английский совестный суд и что относящуюся к нему главу «Учреждений...», возможно, написал С. Е. Десницкий. Но дальнейшие исследования говорят, что непосредственным источником происхождения екатерининских совестных судов послужила скорее великая Энциклопедия, а не Блэкстон. Среди черновиков и бумаг Екатерины были найдены выдержки из статей «Equite [Справедливость]», «Droit [Право]» и «Habeas Corpus», содержавших хвалебные отзывы об английском суде лорда-канцлера[31]. Екатерина II в своих совестных судах объединила ряд принципов английского канцлерского суда и некоторые положения закона habeas corpus.

В обязанности судьи совестного суда, как определено в параграфе 397 главы XXVI «Учреждений для управления губерний», входило отправление справедливости по закону и забота о неприкосновенности личности. При решении гражданских дел он должен был вы-

---

[30] *Павлова-Сильванская М. П.* Создание в 1775 г. сословных судов для крестьян... С. 69 и далее.

[31] *Григорьев В.* Указ. соч. С. 251 и далее. Другие авторы указывали на сходство с украинским Глуховским кодексом 1743 г. (см. гл. 4). См. также: *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II... С. 485 и далее.

ступать как арбитр, чье суждение обязательно для сторон, обратившихся к нему в поисках справедливости. Люди, просидевшие под арестом больше трех дней без предъявления обвинения, имели право обращаться к совестному судье. Судья мог велеть привести к себе арестованного и освободить его под залог, если тот не обвинялся в оскорблении величества, государственной измене, убийстве, воровстве или разбое. За неповиновение приказам совестного судьи следовал крупный штраф — до 300 руб.[32] Круг дел, к которым прилагался бы российский вариант закона habeas corpus, был значительно уже, чем в Англии, но само представление о том, что человека можно отпустить под залог, было совершенно новым для России.

Впрочем, судебная и административная функции вновь объединялись на низшем уровне администрации, в сельской местности. Нижний земский суд был учрежден в каждом уезде. Он работал под председательством земского исправника при участии двух асессоров, избираемых уездным дворянством. Низший земский суд был обязан поддерживать порядок в подведомственном ему сельском округе и исполнять распоряжения органов местного управления и решения вышестоящих судов. Земский исправник в роли его председателя и представителя исполнительной власти был облечен разнообразными полномочиями, включавшими в себя поддержание общественного порядка, сношения с военными властями по поводу постойной повинности, борьбу с эпидемиями и пожарами, поимку беглых крестьян и нищих, строительство дорог и мостов и т.п. Он не располагал правом налагать штрафы или

[32] Есть данные о том, что Екатерина II намечала учредить центральный совестный суд, в который могли бы передавать дела из судов низших инстанций и который мог бы стать частью высшего центрального канцлерского суда. Но этот проект так и не осуществился. Одна из причин многочисленности российских совестных судов, приведенная Екатериной, состояла в том, что «понеже Англия мала, то неудобности мало в том, что все сие в Лондоне отправляется, но с конца света неудобно тащить в столицу, а местное устроение и отправление правосудия ежедневно текущих дел удобнее» (Там же. С. 488). Однако М. П. Павлова-Сильванская напоминает, что английский канцлерский суд «имел право утверждать или отвергать королевские указы», и объясняет отказ Екатерины от учреждения Верхней расправной палаты как очередное доказательство ее боязни ограничить самодержавие — она лишь «создала учреждения, ставшие бессильными придатками сословных судов» (Там же. С. 487—488). Но если предполагалось, что эти суды должны отпускать людей под залог или на поруки, то они могли быть только местными.

наказания своей властью, так как оно принадлежало земским судам низшей инстанции[33].

Соотношение полномочий земских исправников и сотских, которых предстояло выбирать в деревнях, в «Учреждениях...» не оговаривалось. Но все же есть доводы в пользу того, что императрица в своих планах каким-то образом связывала их между собой. «Не соизволит ли ваше величество бросить взгляд на проект генерал-прокурора об уездных смотрителях [так сначала назывались земские исправники. — *Авт.*], который я просмотрел вместе с ним поправили, — и на указы, которые учреждают в округах сотских и определяют их функции — может, оттуда можно что-нибудь извлечь для нижнего земского суда», — писал Сиверс императрице[34]. В одном из ранних набросков Екатерины II говорилось, что в местностях, где все деревни принадлежат частным владельцам, выбор земского исправника следует доверять дворянству; там, где деревни в государственном владении, его нужно назначать, а от деревень избирать асессора нижнего земского суда. В «Учреждениях...» же просто значилось, что в тех уездах, где мало дворянских имений или их нет совсем, на должность земских исправников следует назначать людей чиновных (что не обязательно подразумевало дворян, так как этот пост соответствовал всего лишь девятому классу Табели о рангах). Но не было никаких указаний насчет того, как ликвидировать разрыв между деревенскими сотскими и земскими исправниками.

Если в сельской местности полиция находилась в основном в руках дворянства, то в городах она подчинялась бюрократии. О необходимости особых городских должностных лиц, ответственных за общественный порядок, Екатерине говорил Сиверс. Та в ответ заметила: «Если мы сделаем этого человека чересчур значительным, он будет постоянно вступать в конфликты с судьями, а если он будет слабым, то не будет иметь никакого значения». Поэтому она ввела в каждом уездном городе пост городничего, чьи обязанности описывались теми же самыми словами, что и функции земского

---

[33] Функции земского исправника, как представляется, соединяют деятельность лифляндских крейс-комиссаров и задачи, включенные в инструкцию мая 1774 г. для должности особых комиссаров, введенной в Санкт-Петербургской губернии в 1771 г. в связи с беспорядками, вызванными чумой в Центральной России. См.: Там же. С. 472—473.

[34] Там же. С. 472 (дата письма не указана); *Jones R.E.* Op. cit. P. 214, примеч. 8 (также без указания даты).

исправника. Как и земские исправники, городничие не являлись судьями, но в отличие от них имели под началом мелкие подразделения вооруженных караульных. Городничим строго предписывалось оставаться на посту, когда городу грозила опасность (здесь звучал укор недостойному поведению некоторых чиновников во время Пугачевского бунта). Городничих назначал Сенат с присвоением восьмого класса — следовательно, они или уже были дворянами при назначении, или возводились в дворянство. Власть городничего распространялась на всех жителей города — купцов, мещан или простых горожан. Хотя в «Учреждениях...» это и не значилось, городничий, вероятно, мог даже арестовать дворянина.

В завершение обзора судебной системы надо упомянуть и о роли прокуроров. Их назначали в губернское правление, губернский магистрат, высший земский суд и верхнюю расправу. Прокурорам надлежало стоять на страже законности действий административных органов и судов, следить, чтобы разные институты не вторгались в зону деятельности друг друга, надзирать за тем, каким образом исполняются законы и указы, а также и за поведением чиновничества. Губернский прокурор доносил о беззакониях не только губернатору или наместнику, но также генерал-прокурору в Санкт-Петербург. Кроме того, он был обязан следить за содержанием арестованных и заключенных. Таким образом, хотя прокуроры подчинялись губернаторам, прокуратура продолжала выступать как самостоятельная сеть, охватывающая всю страну, ответственная перед генеральным прокурором и подотчетная только ему.

Финансовые функции местной администрации были вверены новому органу — казенной палате, которая рассматривалась как местное отделение центрального учреждения, ведавшего доходами, — Камер-коллегии и центрального аудиторского органа — Ревизион-коллегии. Казенная палата, руководимая вице-губернатором с помощью распорядителя финансов и коллегиального правления, отвечала за проведение переписей, учет местных доходов и расходов, сбор налогов, проверку счетов, соляную монополию, сдачу на откуп налогов за спиртное, содержание государственных построек. Казенная палата не располагала судебными полномочиями и могла лишь преследовать неплательщиков по суду при посредстве финансовых поверенных — стряпчих.

Еще одним нововведением в «Учреждениях...» было основание приказа общественного призрения при губернском правлении. В него входил губернатор, два асессора из высшего земского суда (дво-

ряне), два асессора из губернского магистрата (купцы) и два из верхней расправы (вольные крестьяне), если таковая имелась. Приказам общественного призрения государство выделяло основные фонды по 15 тыс. руб. в каждой губернии. На эти средства они устраивали и содержали школы, больницы, богадельни и исправительные дома. «Учреждения...» предписывали приказам общественного призрения открывать начальные школы в тех городах и селах, где имелись верхние расправы. Обучение в этих школах было добровольным, а бедным разрешалось учиться бесплатно. В «Учреждениях...» кратко затрагивалась учебная программа (письмо, чтение, арифметика и Закон Божий), но весьма подробно рассматривались вопросы гигиены — например, было указано, что следует держать окна в классах открытыми все лето, а иногда и зимой. Учителям запрещалось применять телесные наказания.

Предписывалось также заводить госпитали вблизи крупных городов (но все же за их пределами и ниже по течению протекающей по городу реки). Больных мужчин и женщин велено было содержать по отдельности, а инфекционные больные подлежали изоляции[35]. Особое внимание уделялось чистоте помещений и свежести воздуха; неизлечимых больных и лунатиков рекомендовалось содержать в особых помещениях. Для бедных, но здоровых людей учреждались работные дома, а для тех мужчин и женщин, которые пошли по дурному пути, создавались специальные исправительные дома. В них попадали те, кто шел против воли родителей, был расточителен и впал в долги, вел бесчестную жизнь, «добронравию и благочинию противную», «рабы непотребные, которых никто в службу не принимает», женщины дурного поведения. Таких людей могли временно, а то и навсегда приговорить к заключению в исправительный дом по решению губернского правления или суда, по просьбе родителей, обратившихся в приказ общественного призрения, помещика или хозяина. В трех последних случаях содержание заключенных возлагалось на самих ходатаев, без чего в исправительный дом не принимали. По своему обыкновению, Екатерина в «Учреждениях...» во всех деталях расписала, как обращаться с обитателями ис-

---

[35] В «Учреждениях...» содержался также образец предписания по организации больницы. В нем были даже такие подробности: возле кровати каждого больного должен быть маленький столик, на нем оловянный кувшин с кружкой и маленький колокольчик, чтобы позвать служителя. Курить в палатах разрешалось только дважды в день.

правительных домов, — их следовало заставлять работать, содержать в прочных, хорошо охраняемых зданиях с банями. Не желавших работать могли наказать тремя палочными ударами, посадить на три дня на хлеб и воду или на срок до недели в карцер[36].

Теперь остается рассказать о двух должностях, перешедших в «Учреждения об управлении губерний» из Манифеста 14 декабря 1766 г. о процедуре избрания Уложенной комиссии, а именно о предводителях дворянства и о городских головах. В «Учреждениях...» их функции нигде не оговаривались. Предводителя дворянства полагалось избирать в уездах каждые три года; он ведал организацией выборов дворян в асессоры и должностные лица различных судов, но все это в «Учреждениях...» не значилось. Дворянское собрание по выборам должностных лиц собиралось каждые три года и получило право, весьма необычное для России, — обращаться с коллективными (а не индивидуальными!) прошениями к императрице. Предводитель дворянства, кроме того, возглавлял такой орган, как опека, подчиненный высшему земскому суду и обязанный оберегать интересы дворянских вдов с детьми и круглых сирот. Городской голова, избираемый раз в три года, возглавлял сходный орган — городской сиротский суд, подведомственный городскому правлению и опекавший вдов и сирот городских сословий.

В «Учреждения...» вошло и еще одно новшество, уже затронутое Екатериной в «Наказе»[37], а именно право вносить в Сенат протест против принятия новых законов, пожалованное губернаторам совместно с тремя высшими судами — уголовным, гражданским и казенной палатой. Такие представления должны были приниматься единогласно. Но это не было право ремонстрации на французский манер, о чем ясно говорилось в предписании, гласившем, что, если закон после подобных представлений все-таки утверждается высшей властью, его следует выполнять без всяких разговоров.

Насколько же эта система институтов местного управления удовлетворяла запросам, высказанным депутатами разных сословий в Уложенной комиссии? Она, несомненно, отвечала интересам и желаниям дворянства: было увеличено число органов местной ад-

---

[36] Это один из первых случаев в русском законодательстве, когда оговаривается точное число ударов при наказании.

[37] Глава IV, статья 27: суды могут «вообще единогласно делать свои представления в Сенат, а в случае подтверждения от верховной власти непременное и безмолвное исполнение последовать имеет».

министрации, их разместили поближе к живущим в провинции дворянам; теперь дворянство могло участвовать в работе местного управления и контролировать систему охраны порядка в сельской местности. В тех районах, где преобладало крепостное землевладение, земский комиссар доступными ему средствами помогал помещикам держать крестьян в повиновении, но о том, чем он занимался в местностях, где было мало или совсем не было дворянских имений, почти ничего не известно[38]. Однако необходимо подчеркнуть, что, хотя многие наказы, поданные дворянами в Уложенную комиссию, и требовали установления более тесных связей дворянства с местной властью, на практике дворяне крайне неохотно принимали должности в местных бюрократических органах. «Учреждения...» же, вводившие новую лестницу должностей провинциальной администрации (в большинстве — на жалованье), сделали службу в ней гораздо привлекательнее и выгоднее, чем раньше[39]. Таким образом, принцип дворянской службы был снова внедрен в провинции, причем в более цивилизованном и гибком варианте. Правда, требование о выборности воеводы не было выполнено, и высшие посты местной администрации замещались по назначению сверху, а не в результате выборов на местах, но зато дворянские собрания избирали асессоров на все должности. Однако жалованье им платило государство, которое в конечном счете и заказывало музыку.

В городах сохранилось многое от прежней системы судов, избиравшихся купеческим сословием: в выборах судей и асессоров участвовали только приписанные к городам посадские, купцы и мещане. Лишь с городским головой дело обстояло иначе, ведь его выбирало все «городовое» сообщество (т.е. все домовладельцы). Впрочем, часть требований, предъявленных депутатами от городов Уложенной комиссии, в «Учреждениях...» была удовлетворена: ввели ограничение срока службы в выборных должностях тремя годами, повысили статус магистратов до уровня соответствующих дворянских судов, предоставили чины и жалованье выборным городским должностным лицам, возместив тем самым убытки, которые они несли, отвлекаясь от своих дел, и защитив от дурного обраще-

---

[38] Мне не удалось обнаружить ни одного исследования о деятельности земских комиссаров в таких местностях, где не было помещичьего землевладения. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

[39] Этот вопрос рассмотрен в работе: *Jones R.E.* Op. cit. P. 192. В ней отмечено влияние лифляндских образцов, проникшее через посредство Сиверса. См. также: *Blum K.L.* Op. cit. Bd. II. S. 85 ff.

ния со стороны членов высших сословий. Правда, «Учреждения...» не освободили горожан всех рангов от таких повинностей, как постойная. И все-таки служба в местном управлении стала для горожан, в отличие от прошлых времен, не столько принудительной обязанностью, сколько доходным местом[40].

Поначалу Екатерина намеревалась ввести «Учреждения...» в действие только в новоучреждаемой Тверской губернии (которую предстояло выкроить из земель Новгородской губернии) под управлением самого Сиверса. Но члены Совета при Высочайшем дворе настаивали на скорейшем повсеместном проведении реформы из-за ужасающего состояния, в котором находилась страна после пугачевщины[41]. На практике реформа местного управления оказалась весьма крупным начинанием и затянулась на многие годы. Приходилось решать немало сложных вопросов: нужно было определить административные центры новых губерний и уездов, обеспечить местную власть помещениями, завершить старые текущие дела, разделить архивы и перевезти их в новые учреждения, заместить новые должности назначаемым и выборным персоналом. По мере внедрения новых институтов в «Учреждениях для управления губерний» обнаруживалось все больше упущений и пробелов. Возникали и другие проблемы, уже практического порядка, — нехватка сотрудников, трудности с приисканием населенных пунктов, пригодных к превращению в уездные города.

С 1775 по 1785 г. исходные 25 российских губерний были переделены на 41; 42-я, Таврическая, губерния была учреждена после присоединения Крыма в 1787 г. К моменту смерти Екатерины в 1796 г. Россия состояла из 50 губерний, в том числе образованных из захваченных частей Польши, а число уездов увеличилось со 169 в 1775 г. до 493[42].

Реформа была тщательно подготовлена и начата при активном участии Сената и под постоянным личным надзором императрицы. Генерал-губернаторами она назначила своих специально отобранных доверенных слуг. Они получили особые предписания, составленные по образцу инструкции графу Сиверсу. Первым делом сле-

---

[40] См. обстоятельный анализ в работе: *Павлова-Сильванская М. П.* Указ. соч. С. 475 и далее. Разрешение носить шпаги членам магистратов пока еще пожаловано не было.

[41] АГС. Т. II. С. 208—209; *Blum K.L.* Op.cit. Bd. II. P. 66.

[42] *Григорьев В.* Указ. соч. С. 31 и далее; *Jones R.E.* Op. cit. P. 126.

довало провести территориальное разграничение новых губерний и уездов. Выбор губернских центров, кажется, не составил большого труда, но определить уездные города оказалось куда сложнее: если в избранном для этой цели населенном пункте проживали в основном государственные крестьяне, то надо было менять их статус, а если, как иногда бывало, он принадлежал частному владельцу, то надо было выкупать у него крепостное население. Эта процедура позволяла росчерком пера превратить вольных и крепостных крестьян в посадских людей. При этом с крестьян, пожелавших записаться в посадские, не взимали двойной налог за принадлежность к двум сословиям до следующей ревизии, как надлежало бы по правилам[43]. Далеко не все крестьяне приветствовали свое насильственное превращение в горожан, но малочисленное городское население России просто не могло служить основой для создания такого количества городов, которое предписывалось «Учреждениями...». В экономически развитой дворцовой деревне Балашово Саратовской губернии лишь 19 из 87 семей согласились стать мещанами[44].

Насколько трудно было отыскать подходящие уездные города, можно судить по Смоленской губернии — одной из первых новых губерний, призванных служить «образцовыми». Чтобы получить все 12 предписанных «Учреждениями...» уездных городов, здесь пришлось создать 8 новых. Из них в городе Сычевке проживало 3 купца и 112 мещан, в Ельне тоже 3 купца и 175 мещан, в Каспле насчитывались те же 3 купца и 64 мещанина, а в Рупосово имелось только 40 мещан и ни одного купца. В этих городах некем было заполнить выборные посты местной администрации, особенно в связи с тем, что, как в Сычевке и Рупосово, купцы не знали грамоты. Губернатор предложил разрешить населению выбирать в городской магистрат дворян, но и это не помогло, так как оказалось, что Рупосово — слишком глухой угол, а население Сычевки состоит наполовину из дворцовых крестьян и наполовину из крепостных А. И. Нарышкина. В 1778 г. казна за 15 тыс. руб. выкупила у Нарышкина 133 крепостные души мужского пола вместе с землей.

При разбивке губерний на уезды придерживались количественного принципа, отмеряя на каждый по 20—30 тыс. населения. Где удавалось, учитывали существующие экономические, географические и этнические единицы, но они не играли первостепенной роли.

---

[43] Но это происходило не везде. См.: *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 103.

[44] Там же. С. 103—104.

Важным фактором считалось число дворян, достаточное, чтобы заполнить необходимые должности в каждом уезде[45]. Кроме того, старались выбирать уездные города из числа заселенных государственными, дворцовыми или экономическими крестьянами, чтобы избежать расходов на их выкуп у помещиков. В ряде губерний (в Смоленской, Ярославской, новой Московской), несомненно, принимались во внимание экономические факторы, что, возможно, отражало личный подход к делу местных генерал-губернаторов. В центральном промышленном регионе России треть из 35 новоиспеченных городов уже раньше являлись городами в экономическом смысле слова, еще треть составляли села с значительным потенциалом развития, а остальные не имели соответствующей экономической базы и были обречены на отставание или даже на понижение статуса в будущем. В целом в этом регионе после реформы стало 114 городов вместо прежних 75. Лишь 8 из них были впоследствии выведены за штат, т.е. потеряли статус уездных.

В Центральной черноземной зоне существующее административное деление устарело особенно сильно. Поэтому реформа здесь практически не увеличила общее число городов (23 вывели за штат, а 25 возвели в статус уездных), но привела систему управления в большее соответствие экономическому потенциалу, а также повысила эффективность местного управления.

В Поволжье бесспорным кандидатом на роль столицы губернии (составленной из 13 уездов) был Нижний Новгород, но зато здесь предстояло основать еще 9 новых уездных городов. Даже в селе Макарьево, где происходила знаменитая ежегодная ярмарка, во время реформы насчитывалось всего 246 душ мужского пола. Обширная Казанская губерния представляла особые трудности при реорганизации, так как население в ней распределялось крайне неравномерно. В самом Казанском уезде было 312 216 жителей, в Симбирском — 188 358, и в то же время имелись удаленные уезды с населением в 10—13 тыс. человек. Было очень трудно найти села, пригодные для возведения в статус городов, а уж тем более такие, в которых уже зародилась какая-то собственная экономическая жизнь. В Нижнем Поволжье пришлось придать городской статус ряду преимущественно земледельческих сел, заселенных дворцовы-

[45] Ср.: Р. Л. Воронцов — Екатерине II, июнь 1779 г. (из Владимира) // *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 126.

ми крестьянами или вольными землепашцами, хотя их обитатели не изменили ни образ жизни, ни род занятий.

В Приуралье, совсем недавно опустошенном Пугачевским бунтом, на укрепление местной администрации обращали особое внимание, мало учитывая экономический потенциал. Заметным исключением стало лишь основание нового города Перми в роли центра одноименного генерал-губернаторства. Избранная благодаря своему размещению при слиянии Камы и Чусовой, Пермь была центром, где сходились многие торговые пути, и быстрый рост города скоро доказал правильность выбора. Оренбург обошли в роли губернской столицы в пользу Уфы, чтобы усилить контроль правительства над территориями, населенными в основном башкирами — недавними участниками восстания. Особое внимание правительства к проблеме контроля над Уралом выразилось в том, что количество городов здесь выросло с 19 до 41, хотя в большинстве это были скорее административные, чем экономические центры.

На севере России столицами губерний стали 2 главных города — Архангельск и Вологда, а к имевшимся 11 уездным городам с великим трудом прибавили еще 10, потому что земли Русского Севера были обширными и редконаселенными. Сибирь разделили на 3 новые губернии, Тобольскую, Колыванскую и Иркутскую. Тобольск и Иркутск были старыми развитыми центрами торговли, но большинство новых городов, созданных согласно «Учреждениям...» 1775 г., представляли собой укрепленные посты, едва ли имевшие отношение к местной экономической жизни. В итоге реформы в 1787 г. по всей стране насчитывалось в общей сложности 499 официально зарегистрированных городов, но уже к концу столетия около 50 новых городов, не сумевших достаточно окрепнуть, чтобы стать настоящими городскими поселениями, были исключены из штата.

Несмотря на то что часть требований горожан об особых административных и социальных привилегиях в «Учреждениях...» 1775 г. осталась неучтенной, можно с уверенностью считать, что это законодательство существенно повлияло на структуру городов России. Подобно тому как Манифест 17 марта 1775 г., открыто признавший принцип стратификации городского населения по имущественному признаку, привел к общему сокращению численности купечества и установил более тесное соотношение между финансовым и правовым положением горожан, «Учреждения об управлении губерний» 1775 г. вызвали пересмотр городской структуры и понижение статуса административных и военных центров, переставших удов-

летворять реальным потребностям[46]. С другой стороны, там, где экономические условия были благоприятны, создание разветвленной сети местного управления оживляло городскую жизнь, помогало складыванию более широкого и разнообразного рынка и способствовало экономическому и культурному развитию провинции[47].

К этому последнему аспекту реформы местного управления правительство, судя по всему, подошло очень основательно. Возводили новые каменные здания присутственных мест, старые перестраивали и ремонтировали. Генерал-губернаторам выделялись специальные фонды на покупку мебели и столового серебра. Новые учреждения открывались с помпезными церемониями. Местное дворянство толпами стекалось в губернские города, где после торжественных богослужений проводились выборы на различные должности. Губернаторы устраивали балы и маскарады, в театрах давали оперы, вечерами небо озарялось фейерверками. В Полоцке по случаю выборов молились сразу и в православных, и в католических, и в униатских церквях, и в синагогах, расположенных за городскими стенами[48]. Открытие новых учреждений в Казани ознаменовалось замечательной музыкальной программой и чтением стихов на латыни, греческом, татарском, немецком, калмыцком, вотяцком, мордовском, чувашском и черемисском языках и, конечно, на русском. Всех участников торжества пригласили на обед к митрополиту[49]. Случалось, впрочем, что генерал-губернаторы присваивали

---

[46] Существующие источники и исследования, впрочем, не объясняют, что происходило с городами, выведенными за штат. Возвращались ли их жители в сословие государственных крестьян? Ликвидировались ли ратуши? Или же они продолжали оставаться городами, просто перестав быть уездными центрами?

[47] Ср.: *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. На эту работу я неоднократно ссылалась на предыдущих страницах. Ее автор полагает, что губернская реформа внесла в развитие буржуазии позитивный вклад, в то время как М. П. Павлова-Сильванская находит, что «сословная» организация городского управления, скорее, препятствовала развитию буржуазии (см.: *Павлова-Сильванская М. П.* Указ. соч. С. 490). В целом кажется более убедительным мнение Ю. Р. Клокмана, обоснованное данными об экономическом развитии городов после реформы (см.: *Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 207 и далее).

[48] См., например: Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793. Л., 1931. Т. III. С. 720—725 (где рассказывается, как происходили эти события в Туле). Сиверс докладывал, что в Новгород на церемонию открытия губернии съехалось 625 дворян (ср.: *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 272 и далее, примеч. к с. 273).

[49] *Корсаков Д. А.* Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908. С. 123 и далее.

средства, выделенные на обстановку новых резиденций и присутственных мест. Об этом говорит опыт поэта Г. Р. Державина, который, будучи назначен в 1784 г. губернатором Олонца, вынужден был обставлять резиденцию на собственные средства[50].

Реформа местного управления привела к значительному росту численности чиновников и затрат на местную администрацию. В 1773 г. общее число чиновников, занятых в центральной и местной администрации, составляло 16,5 тыс. человек[51]. В 1774 г., до начала реформы, только в местной администрации служило 12 712 человек. Эта цифра выросла приблизительно до 20 тыс. в 1781 г. и до 27 тыс. к 1796 г.[52] Свыше трети из указанного общего числа составляли выборные чиновники на жалованье. Расходы на местную администрацию поднялись с 1 712 465 рублей в 1774 г. до 5 618 957 рублей в 1785 г. и до 10 921 388 руб. в 1796 г.[53]

Хорошо ли работала эта новая местная система управления? К сожалению, существует мало характеризующих ее прямых данных, которые были бы извлечены из материалов судебного и административного делопроизводства. Некоторую информацию удается почерпнуть из официального отчета об инспекционной поездке, совершенной императрицей в 1780 г. по Санкт-Петербургской, Псковской, Полоцкой, Могилевской, Смоленской и Новгородской губерниям. Чиновники ее свиты получили приказ выяснять в каждой из этих губерний, как выполняются предписания «Учреждений...» 1775 г., и докладывать императрице. В частности, им надлежало узнавать, много ли имеется нерассмотренных гражданских и уголовных дел, сколько содержится осужденных, изучать работу приказов общественного призрения и состояние экономики, а также принимать письменные заявления по поводу местных нужд от дворянских маршалов и городских голов.

Представленные доклады говорят о том, что с точки зрения количества рассмотренных дел суды работали неплохо. Портфель нерассмотренных дел оказался не слишком большим — 230 дел в Пскове, 284 в Новгороде, а в Порхове, уездном городе с примерно

---

[50] Ср.: *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. VI. С. 540 и далее.

[51] Р. Джонс проводит сравнение с Пруссией, где эта цифра составляла 14 тыс. (*Jones R.E.* Op. cit.).

[52] Цифры взяты из той же работы (p. 511).

[53] Этот рост отчасти объясняется увеличением территории России к 1796 г., а отчасти — падением курса рубля.

тридцатитысячным населением, их нашлось всего 43. Число осужденных колебалось от 64 в Новгороде и 19 в Пскове до 1—7 в мелких уездных городах. Смоленский и Полоцкий совестные суды удостоились особых похвал. В Смоленске совестным судом со времени его учреждения было рассмотрено 18 уголовных и 700 гражданских дел[54]. Кстати, эти цифры наводят на мысль о том, что совестный суд использовался не предусмотренным в «Учреждениях...» образом и люди часто прибегали к нему потому, что процедура там была короче, чем в обычных «сословных» судах. К сожалению, очень мало известно о процедуре судопроизводства в совестных судах и о том, как часто в них передавались уголовные дела[55]. Приказы общественного призрения также, судя по докладам, серьезно относились к своим обязанностям — открывали новые школы, заботились об уже существующих. В Могилеве было 32 школы с 850 учениками, в Пскове 6 школ, где училось 300 дворян и 130 горожан, в Смоленске 12 школ с 359 учениками, а в Новгороде всего 10 школ, зато с целой тысячей учащихся. В большинстве уездов имелись дома призрения числом от 42 в Могилевской губернии до 8 в Новгородской.

Инспекционная поездка императрицы, по всей вероятности, послужила толчком к дальнейшему развитию всех этих структур, так как сопровождалась раздачей дополнительных денежных пожалований на школы, дома призрения, возведение каменных домов для горожан и т.п. Но, несмотря на то что первоначальные достижения местной администрации на бумаге могли выглядеть удовлетворительными, качество управления, а особенно судопроизводства, вряд ли сильно изменилось после реформы. Например, судья совестного суда в Уфе хвастался, что за 12 лет не рассмотрел и 12 дел, а его

---

[54] Полный отчет см.: Дневная записка путешествия императрицы Екатерины II в Могилев // СбРИО. Т. 1. С. 384 и далее. «Записка» содержит интересные данные о расходовании средств, выделяемых местному самоуправлению. Например, в Старой Руссе было потрачено 2 тыс. руб. на строительство 100 каменных домов, 1 тыс. руб. заплачена мастеровым на солеварнях, 200 руб. пошло на городскую школу со 122 учениками, по 100 руб. на каждую из четырех богаделен, 300 руб. — на монастырь.

[55] Я опиралась на текст доклада д-ра Дж. Хартли, сделанного на семинаре по всемирной истории в Институте исторических исследований Лондонского университета. Автор доклада написала диссертационное исследование о проведении в жизнь «Учреждений...» 1775 г. и Уставов 1785 г. и пришла к некоторым новаторским выводам. Р. Джонс полагает, что совестные суды прекратили свою деятельность, проработав несколько лет (см.: *Jones R.E.* Op. cit. P. 229). Фактически же, с небольшим перерывом при Павле I, они функционировали до 1864 г.

слуга прогонял чувашей и мордву с их жалобами прочь от дверей. Мог ли простой судья разобраться в деле о колдовстве? Как язвительно заметил уфимский мемуарист Г. Винский, бывали случаи, когда причастными к колдовству признавали целые деревни — одних жителей как колдунов, других как околдованных (по их собственному признанию)[56]. Как обычно бывало в России в XVIII в., самую большую проблему представлял собой недостаток подготовленного персонала. Екатерина, понимавшая это, стремилась взять в новую администрацию из прежней только лучших чиновников. Но все-таки многие из бывших губернаторов снова попали на службу, а ниже по чиновной лестнице пореформенная администрация почти полностью комплектовалась из сотрудников старого местного управления. Эти люди образовали мост, перекинутый через пропасть между прежними и новыми институциями, принеся с собой старые привычки, которые пышно расцветали на новой почве. Но совершенно независимо от неизбежного наследия былого мздоимства и крючкотворства даже некоторые из доверенных людей, специально назначенных императрицей, проявляли полную неспособность понять вводимые ею новые принципы законности. И надо признать, что в конце концов сама императрица допустила исчезновение жесткой грани между судебной и административной властью и не смогла добиться осуществления тех принципов, которые так старалась ввести в России[57].

---

[56] *Винский Г. С.* Мое время / Introduction by I. de Madariaga. London, 1973. P. 42.

[57] Ср.: *Готье Ю. В.* Указ. соч. Т. II. С. 277 и далее. Родившийся в 1752 г. Г. Винский писал свои мемуары в 1813 г. и очень критически оценил реформу 1775 г. В заслугу реформе он ставит то, что она позволила обрести средства к существованию многим бедным семьям, так как жалованье чиновников было достаточно высоким по тогдашним стандартам, хотя крестьяне вскоре ощутили разницу между тремя овцами, которые уходили у них прежде на «подмазывание» местных властей, и теперешними пятнадцатью (*Винский Г. С.* Указ. соч. С. 40). В другом месте мемуарист отметил, что взятки не играли большой роли ни по масштабам, ни по последствиям, так как шли в ход главным образом в связи с судебными процессами (!) или ради получения правительственных подрядов. Он добавляет, что продажа должностей в России была неизвестна и что в те времена не взятки, а протекция была единственным способом добиться продвижения по службе.

Глава 19

Реформы 80-х гг. XVIII в.

После выхода в свет «Учреждений для управления губерний» 1775 г. реформаторский пыл Екатерины нисколько не остыл. По мере того как этот документ проводился в жизнь, в нем обнаруживались несоответствия и лазейки, по поводу которых требовались указания императрицы. Таким образом, «Учреждения...» не могли не послужить отправным пунктом для многих последующих реформ, призванных восполнить пробелы в социальной или административной организации или осуществить до конца некоторые меры, вытекающие из децентрализации управления. Так, изданный в 1782 г. «Устав благочиния, или полицейский» дополнил «Учреждения...» правовой и организационной системой поддержания общественного порядка в городах, а Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. упорядочили организацию дворянства и городского сословия и заложили основы институтов городского самоуправления, которые просуществовали до реформ Александра II.

Упразднив в феврале 1762 г. Тайную канцелярию, Петр III невероятно усилил власть и возвысил положение санкт-петербургского полицмейстера, которого сделал главой всех полицейских начальников Российской империи[1]. Екатерина II покончила с такой непомерной концентрацией власти в одних руках, возвратив в 1764 г. полицейские функции губернаторам и воеводам на местах[2]. Департамент, ведавший службой безопасности, при Екатерине сохранился в том же виде, в каком оставил его Петр III, — это был один из департаментов Сената, подчиненный генерал-прокурору, который, в свою очередь, непосредственно подчинялся императрице.

---

[1] См. выше, гл. 1, с. 56.

[2] См. гл. 4, с. 106.

Свои собственные соображения по поводу полиции Екатерина обнародовала в первой дополнительной главе к «Наказу» в 1768 г.[3] Источники, которыми она пользовалась, легко установить. Известно, что императрице был знаком классический труд Николя де Ла Мара «Traité de Police», опубликованный в Париже в 1713 г. Из него она почерпнула список полицейских функций, перечисленных в «Дополнении» к «Наказу»[4]. Сам де Ла Мар всего лишь передал по-французски положения теории и практики, основательно разработанные камералистами Германии еще в XVII в., а в XVIII в. углубленные такими исследователями Polizeiwissenschaft — учения о полиции, как Юсти и Зонненфельс[5].

Слово «полиция» в данном контексте не относилось к группе людей, а означало функцию, а именно — рациональное устройство социальной и экономической деятельности в интересах государства, а следовательно, и народа. Таким образом, полиция выступала не просто как орган подавления и принуждения, призванный добиваться, чтобы в обществе царило кладбищенское спокойствие, а как институция творческая, как инструмент социального строительства XVIII в. Как писал де Ла Мар, «полиция... есть наука управлять людьми и делать им добро, способ сделать их, насколько возможно, тем, чем они должны быть в интересах всего общества»[6].

В «Учреждениях...» 1775 г. Екатерина предусмотрела пост городничего, приставленного осуществлять полицейские функции в го-

---

[3] См. гл. 12, с. 248, 259—260. Возможно, императрица написала это дополнение в ответ на наказ, представленный в Уложенную комиссию от Главного полицейского управления (его текст см.: СбРИО. Т. XLIII. С. 296 и далее). Исследование этого наказа см.: *Papmehl K.* The Problem of Civil Liberties in the Records of the «Great Commission» // SEER. 1964. Vol. XLII. № 99. P. 274—291.

[4] Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English text of 1768 / Ed. by W.F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 295.

[5] Причины и источники составления «Устава благочиния» 1782 г. исследовались сравнительно мало, но о постановлениях, предшествовавших ему в XVII—XVIII вв., можно прочесть в исследовании: *Raeff M.* The Well Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // AHR. 1975. Vol. LXXX. № 5. P. 1—235. Сочинение Дидро «Essai sur la Police de la France depuis son origine jusqu'a son extinction actuelle» не имеет к полиции никакого отношения (см.: *Diderot D.* Memoires pour Catherine II / Ed. P. Verniere. Paris, 1963. P. 1 ff).

[6] В полезной в целом статье Дж. Ле Донна остался невыявленным этот позитивный аспект деятельности полиции XVIII в., в которой автор статьи видит лишь инструмент принуждения (см.: *Le Donne J. P.* The Provincial and Local Police under Catherine the Great, 1775—1796 // CSS. 1970. Vol. IV. № 3).

родах. Городничий не был судьей; его обязанностью было следить за общественным порядком и благочинием и исполнять решения органов местной администрации и судов. Возможно, что к дальнейшему расширению законодательства о полиции Екатерину подтолкнула встреча с императором Иосифом II в 1780 г. Иосиф был большим приверженцем регулирования мельчайших деталей в жизни общества и любил, чтобы государственная машина работала как часы. Не исключено, что именно через него Екатерина II получила экземпляр записки о парижской полиции (составленной Ж.-Б. Лемэром для императрицы Марии Терезии по приказу французского министра Сартина), из текста которой она многое для себя почерпнула[7]. Так или иначе, два года спустя после беседы двух монархов, 8 апреля 1782 г., был издан «Устав благочиния, или полицейский»[8]. В этом непомерно длинном документе из 274 статей речь идет не только об организации и полномочиях городской полиции. Он также представляет собой попытку кодифицировать законы о гражданских и уголовных правонарушениях в целом, относя те и другие к сфере полицейской юрисдикции, а более серьезные преступления — к юрисдикции суда. Таким образом, получили правовое определение многие конкретные нарушения (контрабанда, торговля недоброкачественными продуктами, участие в дуэлях, захват чужой земли, не разрешенные властями собрания и т.д.) и были установлены для них конкретные наказания, причем телесные к ним не относились и даже ни разу не упоминались.

Система организации полиции основывалась на делении городов на части по 200—700 дворов в каждой, а частей — на кварталы по 50—100 дворов. Городничий (это был чин восьмого класса) назначался Сенатом и возглавлял городскую управу благочиния, в которую входили также два пристава (чин девятого класса) — один по гражданским, а другой по уголовным делам — и двое ратманов, избиравшихся местным магистратом. Городничий, таким образом, должен был являться дворянином или получал дворянство по назначении на должность. Городская управа благочиния напрямую подчинялась местному губернскому правлению, возглавляемому губернатором. В каждую городскую часть назначался частный пристав, а в кварталах каждые три года избирались квартальный над-

---

[7] *Le Maire J.B.C.* La Police de Paris. Memoire inédit compose par ordre de G. de Sartine sur la demande de Marie Therese // Memoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ille de France / Ed. A. Gazier. Paris, 1879. Vol. V. P. 1—131.

[8] ПСЗ. Т. XXI. № 15379, 8 апреля 1782 г.

зиратель с квартальным поручиком. Реальная численность полиции была очень невелика, но городничий имел в своем распоряжении воинскую команду, несшую караульную службу и обеспечивавшую правопорядок. Эти команды насчитывали примерно по 30 солдат в уездных годах и до 100 в губернских[9].

Управы благочиния получили в качестве руководства типично екатерининский наказ. Вводная часть документа включала в себя дидактическую статью, поименованную «Наказ Управе Благочиния» и состоявшую из правил нравственного поведения, описания общественных обязанностей населения и правил исполнения полицейских обязанностей. К правилам добронравия относились такие ходячие истины, как: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «В добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю не имеющему, напой жаждущего», «Сжалься над утопающим, протяни руку помощи падающему». Затем следовал раздел о христианском долге мужей и жен, родителей и детей. В третьем разделе полицию призывали служить верно и усердно, проявлять здравомыслие и благосклонность, не брать взятки, ибо они «ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду»[10].

В последующих статьях детально излагались обязанности полиции и процедура их отправления. Полиции надлежало надзирать за всеми публичными собраниями и увеселениями, за исполнением законов, регулирующих расходы населения в интересах государства, инспектировать здания, следить за тем, чтобы в торговых банях мужчины и женщины мылись в разных отделениях, налаживать службу пожарной охраны, освещение улиц, надзирать за торговлей в лавках и вразнос. Кроме того, полиции полагалось присматривать за иностранцами и иногородними, следить за деятельностью маклеров — содержателей контор по найму прислуги и работников. Наконец, полиция, разумеется, была призвана бороться с преступностью. Полагалось во всех частях города открывать бесплатные школы, но полиция не получила в этом отношении никаких особых полномочий[11].

---

[9] *Le Donne J.P.* Op. cit. P. 519.

[10] ПСЗ. Т. XXI. № 15379. Наказ Управе Благочиния, ст. 41, параграфы I—XIV. Управе благочиния было велено также заботиться о вдовах и сиротах, о бедняках, калеках, иностранцах, и вообще беспристрастно выслушивать все жалобы — богатых и бедных, высших и низших. Ср. взгляды Николая I на обязанности его жандармов.

[11] ПСЗ. Т. XXI. № 15379, ст. 83. В этой статье отразилась одновременная работа над Уставом о народном просвещении. См. ниже, гл. 31.

Полицию уполномочили пресекать мелкие правонарушения (вроде открытия трактира до окончания воскресной обедни и «взыскать пеню, дневное пропитание нищего, да сажать под стражу, дондеже заплатит») при помощи штрафов и краткосрочных арестов или содержания в смирительных домах. Во всех других случаях и в спорах, касающихся сумм свыше 20 руб., следовало передавать дело в суд и решать там по закону. Нигде не сказано, что полиция была вправе назначать телесные наказания, хотя именно она исполняла такие наказания, назначенные судом. Штрафы устанавливались большей частью исходя из размеров суточного или более содержания в смирительном доме. С пьяницами обходились мягко: сажали на сутки на хлеб и воду. Более оригинальное наказание было придумано для мужчин и женщин старше семилетнего возраста, проникших в баню для противоположного пола. Их штрафовали на сумму, равную стоимости полусуточного содержания в смирительном доме, которую они могли отработать там же, топя бани[12].

Городские словесные суды с устной процедурой судопроизводства были реорганизованы, а их круг обязанностей уточнен. Такой суд учреждался в каждой части города и состоял из одного или более судей и нескольких присяжных. Всех членов суда, выбранных из жителей данной части, утверждал городничий. Словесный суд занимался только гражданскими делами, причем каждое из них полагалось разрешить в течение одного дня, а вся процедура была устной. Апелляции подавались в суд городового магистрата. Судя по всему, здесь полиция также не располагала никакими полномочиями, кроме утверждения состава суда[13].

Полиция ни в коей мере не была политическим органом безопасности в современном понимании. Однако горожанам вменялось в обязанность докладывать квартальному о приезде и отъезде любых визитеров, а в маклерские книги следовало заносить полные данные о личности обратившихся за услугами и по первому требованию предоставлять эти данные полиции[14]. Позже, в 1783 г., полиции было поручено также давать разрешение на издание книг в частных типографиях[15].

---

[12] ПСЗ. Т. XXI. № 15379, ст. 262.

[13] Там же. № 15146, 2 апреля 1781 г.

[14] Эти же функции возложены на полицию в трактате Н. де Ла Мара.

[15] ПСЗ. Т. XXI. № 15634, 15 января 1783 г.

Как же действовало на практике это тщательно разработанное постановление? Большинство историков России уверено, что оно вообще не действовало, а служило лишь дополнительным инструментом политического контроля над угнетенным населением. Но, к сожалению, мы совершенно не располагаем детальными исследованиями по этому вопросу, на которые можно было бы опереться[16]. Конечно, люди есть люди, и потому естественно предполагать, что предписания «Устава благочиния» чаще нарушались, чем соблюдались. Можно утверждать лишь, что этот закон помог создать систему новых институтов и установить правила, в рамках которых могли развиваться определенные навыки и практика, и что благодаря ему, наверно, несколько укрепился порядок в крупных и мелких городах. Даже если сеть квартальных надзирателей и поручиков, к которым теперь можно было обратиться с жалобой, всего лишь обеспечила повседневное разрешение мелких споров и наказание за малозначительные проступки, значит, жизнь русских городов уже начала налаживаться по-новому.

Однако «Устав благочиния, или полицейский» был лишь первым этапом в осуществлении сложной программы модернизации общества и системы управления. В 1785 г. за ним последовали две «Грамоты», одна из которых относилась к дворянству, а вторая — к городам. Оба документа посвящались организации сословий русского общества, а Жалованная грамота городам, сверх того, заложила основы разветвленной структуры городского управления.

Для того чтобы задуманные Екатериной провинциальная система местного управления и городская администрация могли заработать, требовалось содействие со стороны сословий русского общества. Но, чтобы добиться такого сотрудничества, она считала нужным первым делом создать и закрепить в законе корпоративные институты дворянства и городского населения — те институты, которые не смогли самостоятельно сформироваться внутри сословий. Дело тут не в том, что императрица мыслила консервативно, а скорее в том, что на нее повлияли готовые модели других стран (в осо-

---

[16] См., например: *Голикова Н. Б.* Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России... С. 243 и далее. «Хотя ни в "Учреждениях о губерниях", ни в "Уставе благочиния" прямо и открыто о политических преступлениях не говорилось, несомненно, что главным видом деяний, против которых нацеливался губернский аппарат, были именно политические преступления» (Там же. С. 278). Автор не приводит никаких доказательств этого утверждения, которое само по себе является чисто политическим.

бенности приверженность Монтескье идее сословной структуры общества); к тому же императрица вполне сознавала, что в России мало подготовленных кадров чиновничества и что силами одной бюрократии власть не сумеет справиться с управлением.

Следовательно, перед ней стояла задача точно определить как личные права дворян, так и коллективные права дворянства в целом. Одновременно требовали разъяснений положения о роли дворянства в местном управлении, зафиксированные в «Учреждениях...» 1775 г. Вскоре обнаружилось, что губернаторам, привыкшим к авторитарным традициям правления, очень трудно понять, какую степень самостоятельности Екатерина предполагает пожаловать дворянству. В чем состояла суть этих затруднений, показывают ответы государыни на перечень вопросов, поданный ей губернатором Яковом Сиверсом в октябре 1778 г. Ответы были опубликованы в ноябре того же года в виде резолюции, обязательной для всех. Отвечая Сиверсу, Екатерина особо выделила самостоятельную роль дворянских предводителей и дворянских собраний. Если губернатор обладал правом созыва дворянского собрания, то ему не дозволялось присутствовать ни на его заседаниях, ни при выборах на должности в местном управлении. Не губернатор, а предводитель дворянства приводил к присяге избранных должностных лиц из дворян и председательствовал на выборах своего преемника. Контуры корпоративных прав дворянского собрания уже наметились: дворяне могли собираться и помимо выборов, чтобы обсудить местные дела и потребности, выделить из своей среды представителей, которые доставили бы требования дворянства императрице. Кроме того, дворянским собраниям было позволено вводить некоторые налоги. На вопрос Сиверса, должна ли каждая сессия дворянского собрания проводиться в точности по той же процедуре, как при открытии этого нового института, Екатерина дала характерный ответ: «При открытии заседания должность каждого места прочесть; но кропление единажды навсегда уже было»[17]. На протяжении 80-х гг. ее политика в этом вопросе постоянно углублялась и совершенствовалась, о чем свидетельствует указ, позволивший чиновникам, занимающим выборные должности, сверх жалованья получать и пенсию, а также указы, запретившие губернаторам увольнять выборных должностных лиц или назначать на выборные вакансии новых слу-

[17] ПСЗ. Т. XX. № 14816, 25 ноября 1778 г.; Р. Джонс справедливо придает большое значение этому указу (*Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. 1762—1785. Princeton, 1973. P. 266).

жащих. Дворянские собрания еще до введения Жалованной грамоты 1785 г. получили полную свободу устанавливать процедуру выборов и, в частности, определять возрастной и имущественный ценз для дворянских выборщиков[18].

Жалованная грамота дворянству, как и Жалованная грамота городам, была издана в ознаменование дня рождения императрицы, 21 апреля 1785 г. В ней подтверждались уже существующие гражданские права дворянства и формулировался ряд новых прав, а также устанавливалась законодательная основа для осуществления корпоративных прав дворянского сословия. Среди личных дворянских прав в Жалованной грамоте закреплялась невозможность лишить дворянина его статуса, имения, чести или жизни иначе, как по суду его собратьев-дворян. Дворянство определялось как наследственное состояние. Женщина-дворянка, выходя замуж за недворянина, не теряла своего статуса, но не могла передать его детям. Человека можно было лишить дворянства за клятвопреступление, государственную измену, грабеж и т.д. Дворяне были свободны от телесных наказаний, а те из них, кто служил в армии в унтер-офицерском чине, подлежали наказаниям, положенным для офицеров. Во всех этих вопросах Жалованная грамота дворянству впервые узаконила то, что фактически являлось практикой уже с середины XVIII в. В грамоте также подтверждались права, дарованные дворянам Манифестом 1762 г., — свобода служить или не служить, право путешествовать за границей и поступать там на службу. Далее, в Жалованной грамоте подтверждались или вводились впервые некоторые имущественные права, например, исключительное право дворянства покупать деревни, заводить фабрики и заводы в своих имениях, продавать оптом их продукцию или товары ремесленного производства, учреждать ярмарки, покупать дома в городах и открывать в них ремесленные мастерские (при условии, что дворяне, желавшие пользоваться городскими правами, должны были подчиняться городским законам), неограниченно эксплуатировать все, что произрастает на земле (в том числе леса), а также и богатства земных недр в своих имениях[19]. Наконец, дворяне были объявлены

---

[18] ПСЗ. Т. XXI. № 15100, 24 марта 1781 г.; № 15280, 18 ноября 1781 г. (ответ на вопросы Г. А. Потемкина); № 15477, 25 июня 1782 г.; № 15763, 19 июня 1783 г.

[19] Перечисленные здесь экономические права были уже ранее дарованы дворянству и другим землепользователям Манифестом 28 июня 1782 г. (ПСЗ. Т. XXI. № 15447).

свободными от личного налогообложения, а их дома в имениях освобождены от постоя.

Основной единицей корпоративной организации дворянства выступала губерния. Губернскому дворянству разрешалось учредить свое сословное собрание и съезжаться на него раз в три года по призыву губернатора. Общественной обязанностью губернского дворянства было избрание кандидатов на различные выборные должности местной администрации. Этот выбор утверждался губернатором. Не подлежали избранию дворяне, не располагавшие минимальным сторублевым доходом от земли или не достигшие двадцатипятилетнего возраста. Губернское дворянское собрание могло обращаться с представлениями по поводу местных нужд к губернатору. Было также подтверждено право дворянства обращаться через своих представителей в Сенат или к самой императрице, если эти ходатайства не содержали ничего противозаконного. Кроме того, дворянское собрание получило право приобрести дом для заседаний, иметь архив и печать, выборного секретаря, создать бюджетный фонд из добровольных взносов. Дворянство в целом не несло ответственности за преступление, совершенное отдельным дворянином. В суде дворянское собрание могло участвовать только в лице своего ходатая и представителя — стряпчего. Все дворяне, записанные в данной губернии и достигшие совершеннолетия, могли присутствовать в дворянском собрании, но те из них, кто никогда не служил или не достиг на службе офицерского чина, не могли ни участвовать в голосовании, ни занимать выборные посты.

Но главной обязанностью дворянского собрания было ведение регистрации дворянства, проживавшего в губернии. От каждого уезда избирались представители, чтобы вместе с губернским предводителем дворянства участвовать в составлении губернских родословных книг и в дальнейшем продолжать вести в них записи. В Жалованной грамоте излагались принципы составления этой документации. Все дворяне подразделялись на шесть групп. К первой относились те, кому дворянство было пожаловано лично Екатериной II или другими монархами, и те, чье дворянство насчитывало не меньше ста лет. Во вторую группу входили военные, дослужившиеся в армии до приносящих дворянство чинов четырнадцатого класса, в третью — гражданские чиновники, получившие дворянство благодаря тому, что доросли на службе до восьмого класса Табели о рангах. К четвертой группе относились дворяне иностранных родов, к пятой все носители княжеских, графских и баронских титулов, а к

шестой те, чье неоспоримое благородное происхождение уходило корнями в седую древность. Наконец, в Жалованной грамоте оговаривалось, какие доказательства принадлежности к дворянству положено представлять для внесения в родословные книги. Таких доказательств насчитывалось пятнадцать (в добавление к законам XVII в. о местничестве), в том числе и столь бесспорные, как грамоты и патенты. Но по крайней мере шесть из этих условий касались подтверждения прав на владение землей с крестьянами, что ясно говорило о том, какой именно из атрибутов принадлежности к дворянству сделался главным к 1785 г. Доказательством дворянского происхождения было признано также утверждение двенадцати добропорядочных свидетелей о том, что предки человека жили, как подобает дворянам, или несли службу, соответствующую дворянскому чину.

Хотя Жалованная грамота дворянству, как и большинство российских законодательных актов XVIII в., местами грешила небрежностью формулировок, она все же была гораздо более четким документом, чем Манифест 1762 г., а определение в ней сословных прав и обязанностей согласовывалось с соответствующими статьями «Учреждений для управления губерний». Закон, установленный «на вечные времена», поставил теперь русское дворянство в равное положение с дворянством европейских стран, по крайней мере в отношении личного статуса и прав. Естественно, что место Жалованной грамоты в истории отношений между российской короной и дворянством оценивалось по-разному. Некоторые видят в ней первый шаг к введению в России гражданских прав, которые впоследствии можно было бы распространить от высшего сословия вниз, на все общество в целом. Другие усматривают здесь концентрацию привилегий в руках меньшинства за счет крепостного населения. Третьи находят, что с появлением Жалованной грамоты правительство утратило контроль над дворянством, потому что уступило ему право решать, кто дворянин, а кто нет, и что параллельно с этой потерей государство лишилось и контроля над бюрократией, когда в 1764 и 1767 гг. якобы предоставило гражданским чиновникам право автоматического продвижения по службе[20].

---

[20] Последний из этих аргументов приведен Р. Пайпсом в кн.: *Pipes R.* Russia under the Old Regime. London, 1974. P. 135 ff. С этой точкой зрения не согласен С. М. Троицкий, утверждающий, что, как и раньше, правительство само решало вопросы продвижения по службе (*Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974. С. 152—153). Это мнение кажется мне более убедительным.

Личные права, дарованные дворянству Жалованной грамотой, удовлетворяли (хотя и не полностью) всем требованиям, включенным в дворянские наказы в 1767 г. и в проект Уложения 1768 г. Но если в проекте определенно говорилось, что служилые дворяне имеют преимущество перед никогда не служившими и временно не служащими, то Жалованная грамота, подтвердив возможность получить дворянство за службу согласно Табели о рангах, оставила открытым вопрос о первенстве. На практике при исполнении должностных обязанностей первенство по-прежнему зависело не от титула, богатства или происхождения, а от служебного чина. Но придворные вельможи новых и старых родов, обладатели огромных богатств, обычно принадлежали к первым четырем классам Табели о рангах и не слишком зависели от ее градаций. Впрочем, теперь Екатерина польстила кастовой спеси дворянства, введя разделение на шесть категорий, из которых две последние явно отличались от остальных четырех социальной исключительностью[21]. Более того, вторая и третья группы, отделившие дворян, выслужившихся из рядовых на военной и гражданской службе, от старого дворянства по рождению или по личному пожалованию, неизбежно воспринимались как второразрядные. Постановления же о возведении личных дворян в статус потомственных лишь закрепили «второсортность» дворянства, полученного за службу[22]. Введенное таким образом различие отвечало желанию природных дворян обособиться от выслужившегося дворянства, приток которого особенно усилился после 1781 г., когда права русских дворян были распространены на украинскую шляхту и на казачье офицерство[23]. Кроме того, очевидно, что активно участвовать в работе дворянских собраний могло сравнительно ограниченное число дворян, так как ежегодный доход не ниже 100 руб. получали только хозяева достаточно больших поместий и не менее 25 крепостных душ. Поэтому выборные посты были недоступны постоянно растущему числу безземельных дворян

---

[21] Принцип разделения дворянства на группы был принят еще в 1768 г. См.: *Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 276, примеч. 17.

[22] Если три поколения семьи подряд заслуживали личное дворянство, то четвертое поколение могло ходатайствовать о возведении в потомственное дворянство, или если отец и сын прослужили по 20 лет, то «настоящего» дворянства мог просить уже внук (ст. 20).

[23] См. гл. 20.

или владельцев поместий, в которых не было и двух десятков крепостных (такие дворяне составляли 59% от общего числа в 1777 г.)[24].

Но если корона сохранила за собой контроль над дворянством, то насколько велика была цена, которую она заплатила за это, передав частновладельческих крестьян в еще более полную власть помещиков? В историографии России XVIII в. стало общим местом утверждение о том, что Жалованная грамота закрепила исключительное право дворянства на владение землей с крестьянами и «изъяла их [крепостных] как имущество из-под защиты закона... отдав их во власть произвола и деспотизма хозяина»[25]. Но нельзя не заметить, что если Жалованной грамотой и были введены какие-то новшества в этой сфере, то скорее по упущению, чем сознательно. Крепостные в грамоте нигде прямо не упоминаются; косвенно же о них идет речь только в статье 26, где право дворян покупать деревни с крепостными подтверждается.

Намеревалась ли Екатерина вообще включить в Жалованную грамоту дворянству правила, регулирующие отношения помещиков с крепостными? При существующих данных ответить на этот вопрос невозможно. Имеется лишь ничем не подтвержденное сообщение, что она составила план, согласно которому все крепостные, родившиеся после 1785 г., должны были получить свободу[26]. Более существенным кажется то, что среди документов, подготовленных для императрицы в помощь работе над Жалованной грамотой, обнаружился список вопросов, относящихся к законопроекту о правах дворянства, подготовленному «частной» комиссией по правам сословий Уложенной комиссии[27]. Четыре из этих вопросов касались

---

[24] Формулировки Жалованной грамоты о возрастных и имущественных требованиях особенно нечетки. Из статьи 62 неясно, может ли занимать выборные должности дворянин, имеющий доход с земли ниже 100 руб., но достигший 25 лет, хотя вполне понятно, что дворянин, не достигший низшего офицерского чина (14-го класса), не может быть избран независимо от размеров имения. Судя по тому, что имения обыкновенно являлись семейной собственностью, очень многие молодые люди, вероятно, не имели ничего своего.

[25] *Jones R.E.* Op. cit. P. 291; *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Revolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973. P. 143. В последней работе говорится, что Жалованная грамота «формально признала крепостных частной собственностью дворян».

[26] *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII в. Киев, 1912. С. 378. По рассказам, этот документ будто бы видел граф Блудов.

[27] См. гл. 13.

крепостного права, а именно: может ли право помещичьего владения крепостными деревнями превратиться во владение вольными деревнями? Можно ли закрепощать вольные деревни? Можно ли отпускать крепостных на волю? В каких случаях донос или свидетельство крепостного против хозяина недействительны?[28] Все эти вопросы Жалованная грамота обходит молчанием. Возможно, Екатерина отступилась от попыток решить проблему крепостного права потому, что это был слишком больной вопрос. Или, может быть, она сочла, что в Жалованной грамоте, посвященной правам дворянства, не место для рассмотрения статуса и обязанностей крепостных. «Частная» комиссия по третьему «роду людей» в Уложенной комиссии составила законопроект («Проект правам третьего или нижнего рода государственных жителей»), в котором и отнесла крепостных вместе с государственными крестьянами к этому сословию. При этом в законопроекте имелось весьма категоричное утверждение о том, что помещичьи крестьяне «состоят в совершенной власти своего господина»[29]. Никакого проекта Жалованной грамоты крепостным крестьянам до сих пор в бумагах Екатерины обнаружено не было и в печати не появилось.

Зато императрица потратила немало времени и чернил на подготовку проекта Жалованной грамоты государственным крестьянам, составленного точно по тому же образцу, что и грамоты дворянам и городам. В проекте крестьянским «обществам» жаловались сословные права (в том числе право подавать коллективные жалобы), широкая самостоятельность через посредство выборных должностных лиц, крестьянские суды, неприкосновенность собственности. Вводились реестры сельского населения, разделенного на шесть категорий по примеру дворянства (причем категория богатейших сельских жителей освобождалась от телесных наказаний). Эта

---

[28] *Филиппов А. Н.* К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г. // Известия АН СССР. Серия 6. 1926. Т. XX. № 5/6. С. 430—444.

[29] СбРИО. Т. XXXVI. С. 275 и далее. В ранней редакции проекта, составленной бароном Унгерн-Штернбергом, предлагалось учредить суды первой инстанции из крепостных старейшин, с правом апелляции к помещику, а в качестве высшей инстанции — в специальные государственные суды каждой провинции, но из окончательного текста эти суды исчезли. Текст проекта Унгерн-Штернберга см: Там же. С. 259 и далее. См. также его рассмотрение в работах: *Флоровский А. В.* Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. 166 и далее; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. СПб., 1888. Т. II. С. 126 и далее.

Жалованная грамота так и осталась непровозглашенной, может быть, из-за начавшейся новой Русско-турецкой войны и Французской революции, а может быть, потому, что Екатерина поняла, какое брожение среди крепостных способна возбудить Жалованная грамота государственным крестьянам, или потому, что масштабы крестьянского вопроса были не по плечу императрице[30]. Но, вопреки общему мнению, Жалованная грамота дворянству не усилила власть дворян над их крепостными. Она просто оставила все как есть.

Жалованная грамота городам представляет собой документ гораздо более широкого значения и охватывает три самостоятельные проблемы. Во-первых, это личные и коллективные права городского сословия, во-вторых — устав ремесленных цехов и, в-третьих — система организации городского самоуправления. При работе над этим документом Екатерина II снова широко использовала материалы и проекты, обработанные или составленные подкомиссиями Уложенной комиссии, а также городские законы Прибалтийских провинций, Магдебургское право (применявшееся в некоторых малороссийских городах), Литовские статуты, Устав шведских гильдий 1669 г., Прусский ремесленный устав 1733 г. и предписания для Восточной Пруссии, изданные Фридрихом II в 1774 г. Получившийся в итоге документ был в значительной части делом рук самой императрицы (сохранилось несколько ее собственноручных черновиков с замечаниями на полях), чем, возможно, и объясняется некоторая непоследовательность в терминологии, на которую указывали критики Жалованной грамоты городам[31].

Еще один источник, с которым, конечно, была знакома Екатерина, — «Проект о выгодах и должностях купечества и мещанства», разработанный Сенатом в 1775—1778 гг. В этом проекте были собраны воедино многие требования, выдвинутые горожанами в 1767 г., особенно относящиеся к монополии на оптовую торговлю в целом и

---

[30] См.: СбРИО. Т. XX. С. 447 и далее. Публикатор указанного тома СбРИО подчеркивает, что никому в России не приходило в голову кодифицировать законы о государственном крестьянстве и разъяснять его права и привилегии, пока за дело не взялась Екатерина II.

[31] См. фундаментальный труд А. А. Кизеветтера: *Кизеветтер А. А.* Городовое Положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 134, примеч. 2. Эта работа очень устарела, но лучше пока никто не написал. Книга Дж. Хиттла вышла слишком поздно, чтобы я успела ее основательно использовать (см.: *Hittle J.M.* The Service City: State and Townsmen in Russia, 1600—1800. Cambridge (Mass.), 1979).

на розничную торговлю в городах. В проекте были сделаны заметные уступки групповому сознанию купечества: предлагалось разрешить купцам первой гильдии являться ко двору и носить шпаги. Обладатели капитала свыше 80 тыс. руб. приравнивались к восьмому классу Табели о рангах, а купцы, ведущие заграничную торговлю с оборотом свыше 50 тыс. руб. в течение пяти лет, — к седьмому классу[32].

Как будто для того, чтобы подчеркнуть, в сущности, сословный характер задуманной структуры, Жалованная грамота была адресована именно городам, а не горожанам и начиналась с изложения прав и привилегий городов как таковых: ни представители власти, ни Сенат не вправе были облагать города никакими налогами без утверждения государя; все вновь поселившиеся в городе должны были подписывать обязательство подчиняться его гражданским законам и нести вытекающие из этого тяготы; дворянин, имевший собственность в городе, даже если сам он жил там же, был обязан платить все городовые налоги и освобождался только от личных податей и повинностей. Город, а не горожане, получил право открывать школы, фабрики, постоялые дворы и т.п. Далее в Жалованной грамоте городам шла речь о сословных правах городских жителей, начиная с права создавать «общество градское» — эквивалент дворянского собрания. Права градского общества очень близки к правам дворянского собрания: выбирать должностных лиц на разные посты, введенные «Учреждением...» 1775 г.; обращаться с коллективными ходатайствами по поводу местных нужд к губернатору (но не в Сенат и не к императрице); обязанность выслушивать и подобающим образом отвечать на предложения со стороны губернатора; иметь дом для собраний, архив, секретаря, печать; собирать добровольные взносы. Градское общество, как и дворянское собрание, не несло ответственности за своих членов перед законом.

Градское общество составляли все приписанные к городу «обыватели», но существовал имущественный и возрастной ценз, ограничивавший активное участие в деятельности общества: занимать выборные посты не мог мещанин, не располагавший капиталом, который приносил бы ежегодный минимальный доход в 50 руб. (это вдвое меньше, чем для дворян), а также не достигший 25 лет (по крайней мере, в крупных городах). Исключение делалось для не-

[32] *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 109 и далее. К сожалению, документ не датирован.

больших городов, где насчитывалось мало богатых купцов. Молодой человек моложе 25 лет, не имеющий капитала, мог присутствовать на собраниях градского общества, но не имел права ни выступать, ни голосовать.

Далее, явно ради соответствия с положением благородного сословия, вводился реестр городских жителей — городовая обывательская книга, составлявшаяся выборными старейшинами и депутатами городов. Все жители города, имевшие в нем дом, или другие строения, или только землю, а также все, приписанные к купеческой гильдии или к ремесленному цеху, и все, занятые деятельностью, подобающей горожанам, вносились в этот реестр. Как и дворянские родословные книги, городовые обывательские книги делились на шесть частей. В первую записывали владельцев городских домов и недвижимости; во вторую — купцов трех гильдий, располагавших капиталом от 10 до 50 тыс. руб., от 5 до 10 тыс. руб. и от 1 до 5 тыс. руб. соответственно. Третья категория охватывала зарегистрированных ремесленников, четвертая — иностранцев и иногородних. К пятой принадлежали «именитые граждане», т.е. лица, свыше одного раза занимавшие выборные должности, а также выпускники университетов или других учебных заведений, артисты, в том числе архитекторы, художники, скульпторы, композиторы, имеющие общепризнанные заслуги, «капиталисты» всех видов, обладающие капиталом свыше 50 тыс. руб., банкиры, распоряжающиеся суммами от 100 до 200 тыс. руб., оптовики и судовладельцы, занятые экспортом. Наконец, шестая категория включала всех тех родившихся или поселившихся в городе жителей, кто не входил ни в одну из остальных групп. Дворяне, имевшие дома в городе, тоже заносились в эти книги. Как и дворянству, горожанам полагалось представлять различные письменные свидетельства для регистрации в обывательской книге, поэтому в Жалованной грамоте городам перечислено 26 видов подтверждающих документов.

Что касается личных прав жителей городов, то и здесь образцом послужила Жалованная грамота дворянству. В Жалованной грамоте городам горожанин определен как принадлежащий ко второму, или среднему, сословию. В статье 80 Жалованной грамоты несколько неуклюже сказано: «Городовых обывателей, среднего рода людей, или мещан, название есть следствие трудолюбия и добронравия, чем приобрели отличное состояние». Мещане передавали свой статус женам и детям, их нельзя было лишить имущества, жизни и доброго имени без решения суда, также состоящего из мещан. Мещанин терял свое звание за те же преступления, за которые лиша-

ли дворянства. Мещане имели право, не испрашивая на то разрешения, заводить любые ремесленные мастерские. Вводились детально разработанные правила о наказаниях за оскорбление чести мещан, их жен, а особенно дочерей. До этих пор речь в Жалованной грамоте городам шла о правах, общих для членов всех категорий мещан, но в отличие от дворян, которые были равноправны в глазах закона, некоторые категории горожан получили дополнительные права. Члены купеческих гильдий могли сами откупаться (и выкупать членов семьи) от рекрутчины и отработочных повинностей и не подлежали привлечению к работе в Соляной конторе и в других правительственных учреждениях. Купцам первой гильдии разрешалось ездить в карете, запряженной парой лошадей, а купцам второй гильдии — только в коляске парой. Купцам третьей гильдии вообще не разрешалось ездить в экипажах, а запрягать полагалось только одну лошадь, зимой и летом, что бы они ни везли с собой и куда бы ни ехали. С «именитыми гражданами» обошлись еще великодушнее, позволив им ездить в каретах, запряженных четверкой лошадей. Они же, наряду с членами первых двух гильдий, не подлежали телесным наказаниям. Кроме того, именитые граждане в третьем поколении могли ходатайствовать о возведении в дворянство. Им разрешалось владеть загородными домами и садами. Купцы первой и второй гильдий, именитые граждане и иностранцы могли владеть заводами и фабриками. Принадлежность к той или иной категории горожан (кроме именитых граждан и иностранцев) полностью зависела от финансового положения человека.

Тот раздел Жалованной грамоты городам, в котором устанавливались новые институты городского самоуправления, имел мало сходства с проектом о правах среднего сословия 1768 г. и с Жалованной грамотой дворянству. Так, принципы организации городского управления теперь совершенно не имели отношения к сословной структуре в рамках города. Хотя градское общество и подразделялось на социальные категории, независимо от этого все люди, приписанные к городу, имели равное право участвовать в выборах и быть избранными (с единственным ограничением по имущественному цензу). Это положение Жалованной грамоты, как и ряд других, Екатерина, вероятно, позаимствовала в системе устройства германских городов. Сама концепция всесословного городского общества в Германии восходит к раннему периоду, когда всякий владелец участка земли в городе, в том числе и дворянин, относился к Burgerschaft — сообществу жителей города, хотя не обязательно при этом принадлежал к третьему сословию — Burgerstand.

В основном городские институты распадались на три отдельных уровня: градское общество как целое, выборная дума и выборный же исполнительный орган. Городская дума состояла из представителей вышеперечисленных шести категорий зарегистрированных городских жителей (в этом явственно отразилась принятая в Германии система обеспечения представительства городских корпораций), избиравшихся по отдельности каждые три года всеми жителями города. Городская дума в свою очередь избирала шестигласную думу из шести человек (по одному от каждой категории городовых обывателей). В последней председательствовал городской голова (его избрание было предусмотрено законом еще в 1767 г.). В обязанности городской думы входила забота о благосостоянии города и его обывателей, ради чего она должна была создавать благоприятные условия для торговли, следить за состоянием строений — складов, амбаров, пакгаузов и т.п. Городская дума была обязана поддерживать добрососедские отношения с окрестными городами, следить за общественным порядком, пусть и не вмешиваясь в дела полиции и судов. Ей же надлежало печься о приращении городских доходов, особенно в связи с тратами приказа общественного призрения. Никаких судебных функций городская дума не имела. Недовольные деятельностью шестигласной думы или городской думы могли жаловаться в губернский магистратский суд.

Значительный раздел Жалованной грамоты городам посвящался порядку функционирования ремесленных цехов. Это было сравнительно ново для России, в которой ремесленные корпорации по примеру средневековых западноевропейских цехов так и не сложились. В свое время Петр I признал их полезными и попытался организовать русских ремесленников в некую структуру наподобие гильдий, но они оставались слишком искусственными[33]. При создании своего устава для ремесленных цехов Екатерина II по примеру Петра Великого прибегла к иностранным источникам. Императрица не была слепой поклонницей цеховой системы: она считала цехи полезными на ранних этапах экономического развития для заведения ремесел и контроля за качеством продукции. Однако в долгосрочной перспективе она видела в цехах монопольные организации, препятствующие свободной экономической деятельности[34]. Понятно поэтому, отчего указания Екатерины по поводу цехов сосредо-

[33] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 186 и далее.

[34] Там же. С. 269 (автор ссылается на один из ранних проектов екатерининского «Наказа»).

точены в основном на социальной организации городских ремесленников, на необходимости поддержания высоких стандартов качества продукции и честного ведения дел. Согласно составленным ею правилам, ремесленникам каждой специальности следовало выбирать собственных должностных лиц и никому не полагалось заниматься этой профессией или ремеслом, не вступив в цех (для чего работа мастера проходила оценку специалистов). Но цехи не имели права ни устанавливать максимальную цену, ни ограничивать количество произведенного товара. Выборные должностные лица от каждого цеха входили в городскую думу и поочередно выбирали главу всех ремесленных цехов, который заседал в составе шестигласной думы. Тем самым создавалась прямая связь между ремесленниками и исполнительной властью города. Со свойственной ей в каждом деле любовью к тщательно разработанным деталям Екатерина расписала организацию работы цехов. Достойно внимания, что в статье 103 ремесленникам предписывалось работать только шесть дней в неделю, а отдыхать по воскресеньям и в двунадесятые праздники[35].

На основании имеющихся фактов крайне трудно оценить, насколько эффективно работали корпоративные институты дворянства и городов, так же как и полиция, и институты городского самоуправления. Не существует ни одного западного исследования о функционировании хоть какого-нибудь из этих институтов в конкретной местности. Исследования, касающиеся сословных институтов в России в целом, носят слишком общий характер, а многие из них устарели[36]. К тому же всего через одиннадцать лет после провозглашения обеих Жалованных грамот Екатерина II умерла, и многие из ее начинаний отменили или исказили до неузнаваемости ее сын Павел I и внук Александр I. И хотя первое поколение специально подобранных Екатериной губернаторов, возможно, и сумело поднять престиж провинциальной службы, но высшее, наиболее образованное дворянство, особенно после начала войны 1787 г., явно стремилось искать чинов и славы скорее в армии и в столице,

---

[35] ПСЗ. Т. XXII. № 16188, 21 апреля 1785 г.

[36] О дворянстве см.: *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч.; *Корф М. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906. О городах см.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. М., 1875—1877. Т. I—II; *Рындзюнский М. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

чем в губерниях. И все же к 1796 г. на выборные посты в провинции было привлечено 4053 дворянина[37]. Как отметил один современник, при других политических обстоятельствах губернские дворянские собрания могли бы оказаться рассадниками революции (вероятно, по аналогии с ассамблеями нотаблей во Франции). Но после первых успехов при Екатерине эти собрания, насколько можно судить по имеющимся теперь данным, столкнулись с враждебностью Павла I и равнодушием Александра I, и работа собраний свелась в основном к управлению делами дворянского сословия. Дворянские собрания очень мало использовали свои полномочия, хотя и просуществовали до 1917 г.

По разным причинам органы городского самоуправления также не смогли достичь большой самостоятельности. В течение 1785—1788 гг. они, судя по всему, были постепенно введены в большинстве городов. Но мало где удавалось построить всю систему во всей ее сложности (за исключением двух столиц), в частности — из-за нехватки в городах нужных категорий населения. В Жалованной грамоте городам в вопросах представительства отдавалось предпочтение зажиточным мещанам — обладателям недвижимости и минимального капитала в 1 тыс. руб., приносящего ежегодный доход не ниже 50 руб.[38]. Но даже в Лифляндии с ее развитыми городами только в Риге имелось достаточно зарегистрированных горожан, чтобы заполнить все выборные должности. Поэтому 12 октября 1787 г. Сенат принял более скромный, упрощенный план, пригодный в качестве модели для небольших городов по всей России.

Жалованная грамота городам тоже была несвободна от многочисленных противоречий. Мог ли зарегистрированный горожанин принадлежать к нескольким категориям жителей? И мог ли он голосовать сразу в нескольких? Каково было соотношение между обществом градским, городской думой и шестигласной думой? По-

---

[37] *Jones R.E.* Op. cit. P. 233. Автор ссылается на записку, подготовленную для Екатерины II. Следуя неприятному обыкновению советских ученых, он не привел информацию о цитируемом документе — ни даты, ни описания. В тот же период на административные посты были избраны 2704 крестьянина и 3851 горожанин из общего числа в 15 тыс. выборных, добавленных к провинциальным органам управления. Таким образом, 10 тыс. из 15 составляли выборные должностные лица.

[38] Ю. Р. Клокман ошибочно утверждает, что правом быть избранными пользовались только те, у кого было не меньше 5 тыс. руб. капитала (*Клокман Ю. Р.* Указ. соч. С. 118).

дотчетна ли шестигласная дума городской? А городская дума — градскому обществу? Еще сложнее было соотношение между шестигласной думой и губернским магистратом, все еще сохранявшим некоторые административные обязанности, из-за чего возникало множество неувязок.

Однако главным недостатком шестигласной думы была ее неспособность противостоять губернатору и губернскому правлению. Многие губернаторы были совершенно не в состоянии избавиться от привычки командовать городским сословием и призывать его членов к выполнению разной службы. Даже Екатерина не всегда держала обещание обеспечить представителям городской власти личную свободу от службы. В финансовой сфере шестигласная дума строго подчинялась губернатору. И когда местные доходы позволяли, как, например, в Москве в 1787 г., губернатор мог без колебаний велеть думе раскошелиться на 4968 руб. для приказа общественного призрения, открыть недостающие по разнарядке 14 школ и даже потребовать 5 тыс. руб. на отряд полиции и 300 руб. на военный оркестр[39]. В мелких городах по всей России расходы на городские органы были еще обременительнее. Со временем оказалось, что старые традиционные купеческое и ремесленное сословия также заправляют в новых городских органах, как и в старых.

Утверждали также, что с тех пор, как Сенат поставил городничих во главе полиции, жизнь городов оказалась во власти дворянского сословия. Городничий в роли начальника полиции имел под началом небольшую воинскую команду. Вполне логично, что он был офицером, а следовательно — дворянином. Однако по чину он стоял ниже первого и второго президентов губернского магистрата, и ему предстояло иметь дело с относительно более зрелым, чем сельское, населением городов. Поэтому назначаемый городничий олицетворял не победу дворянства над городами, а сплочение бюрократической администрации вокруг престола[40].

Широкомасштабная реформа городского и провинциального управления неизбежно отражалась и на структуре центрального правительства. Совет при Высочайшем дворе, учрежденный Екатериной в январе 1769 г. как совещательный орган на период войны,

---

[39] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 447 и далее.

[40] *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России... С. 483. Я согласна с этим автором.

сохранился и после заключения мира и просуществовал до самой смерти императрицы. В нем обсуждалась внутренняя и внешняя политика, финансы, ход боевых действий. Судя по протоколам, дискуссии в Совете даже в присутствии императрицы проходили исключительно откровенно и свободно. Но Совет не обладал самостоятельными полномочиями; его члены могли давать императрице советы по политическим делам, но многие из важнейших реформ Екатерины вообще не выносились на обсуждение Совета. Главной целью существования этого органа было собирать вместе высших государственных сановников, чтобы добиться хоть какой-то координации политических шагов высшей власти.

Рост числа органов государственного управления в провинции привел в 1786 г. к роспуску ряда коллегий. Юстиц-коллегия теперь не отвечала никаким задачам, так как апелляции поступали из губернских уголовных и гражданских судов прямо в Сенат. Точно так же потеряло смысл существование Вотчинной коллегии: регистрация помещичьего землевладения велась уже в губернских городах. Стала ненужной и Коллегия экономии, потому что «экономические» крестьяне слились с государственными крестьянами и подчинялись теперь губернским казенным палатам. Главный магистрат, т.е. центральная коллегия по делам городского сословия, был упразднен в 1782 г., Мануфактур-коллегия — в 1779 г., а Берг-коллегия — в 1784 г. Коммерц-коллегия была отменена только в 1796 г.[41]. Это массовое упразднение центральных правительственных учреждений историки России оценивали по-разному[42]. Некоторые полагали, что оно было результатом хорошо продуманного плана децентрализации власти параллельно с переходом в новые руки (президентов трех главных коллегий — Военной, Адмиралтейской, Иностранных дел, а также генерал-прокурора) функций координации внутреннего управления, принадлежавших Сенату. Действительно, «Учреждения...» 1775 г. не привели к настоящей децентрализации власти в России. Напротив, они послужили умножению числа местных учреждений. Однако эти учреждения больше не подчинялись целому

---

[41] См.: *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leyden, 1966. P. 118—119; *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

[42] См. обсуждение этого вопроса в работе: *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени императора Павла I. Пг., 1916. С. 143 и далее.

ряду центральных правительственных органов. Все они были подчинены местному губернатору или генерал-губернатору, и лишь он отвечал за губернию перед Сенатом и императрицей. Таким образом, власть губернатора невероятно усилилась, а центральная власть, по крайней мере теоретически, приобрела более прямой контроль над местной администрацией, чем раньше. По этим соображениям и были уничтожены центральные коллегии. С другой стороны, закрытие центральных учреждений происходило случайным, хаотическим образом, и это привело некоторых современников к убеждению, что в центре недоставало согласованности административных шагов и что лишь Павел I сумел поправить дело, восстановив ряд коллегий после смерти Екатерины.

В отсутствие детальных исследований о центральных органах управления в последние пятнадцать лет екатерининского царствования этот вопрос остается нерешенным. Но не вызывает сомнений, что в эти годы появилось множество комиссий и должностей, возникавших по случаю той или иной необходимости. Получившаяся в итоге картина наводит на мысль, что последствия децентрализации власти на местах для центральной системы управления не были тщательно взвешены заранее. Впрочем, в защиту этих мер надо сказать, что власти систематически совершенствовали управление финансами. До Екатерины II дошло наследство Петра Великого — финансовая система, поделенная между тремя разными коллегиями. Камер-коллегия вела учет и координацию государственных доходов, Штатс-контор-коллегия ведала расходами казны, а Ревизион-коллегия занималась аудиторским контролем финансов. Ни одна из этих коллегий толком не справлялась со своими задачами, и хотя Екатерина в 1763 г. реорганизовала Ревизион-коллегию и удвоила ее штат, она все равно ничего не могла сделать, пока цифры, которыми она оперировала, оставались неточными.

Генерал-прокурору было поручено навести порядок в этом хаосе, и он в 1771 г. начал с того, что приказал всем правительственным департаментам представить точные сведения о доходах и расходах. После провозглашения «Учреждений...» 1775 г. к казенным палатам немедленно были причислены чиновники, ответственные за сбор на местах подушной подати, податей с государственных, экономических и дворцовых крестьян, доходов от аренды на предпринимательскую деятельность. Казенные палаты сделались местными отделениями центральных финансовых коллегий и получи-

ли распоряжение доставлять в новую сенатскую Экспедицию государственных доходов сведения обо всех поступлениях и выплатах из губернской казны. Понемногу, по мере того как вся информация собиралась в руках одного чиновника — А. А. Вяземского, удалось составить полный отчет о доходах и расходах за три года, принятых за образцовые (1769, 1773, 1776—1777 гг.). В 1780 г. Экспедиция государственных доходов была разделена на четыре департамента под началом казначея (в лице самого Вяземского), ведавшие доходами, расходами, контролем и сбором недоимок. Наконец, в 1787 г. императрице впервые был представлен бюджет, с тех пор составлявшийся ежегодно[43]. После того как управление финансами сосредоточилось в Первом департаменте Сената, финансовые коллегии стали излишними и были упразднены[44]. Как дореволюционные, так и советские историки признавали, что финансовое управление при Екатерине улучшилось. Многие процедуры, введенные в употребление в то время, использовались до 60-х гг. XIX в.[45].

Не собиралась ли Екатерина преобразовать даже само правительство? В неизданных набросках 70—80-х гг. она наметила план создания Императорского совета, назначаемого государем в дополнение к Сенату, а также совершенно нового учреждения — Главной расправной палаты, т.е. высшего органа юстиции[46]. Эта расправная палата, как описала ее Екатерина, должна была состоять из трех департаментов. Один ведал бы уголовным судопроизводством, другой выступал бы как высший совестный суд, а третий был бы наделен законодательными функциями. Все три департамента должны были состоять из назначаемых председателей и советников, а также выборных асессоров от дворянства, горожан и вольного крес-

---

[43] Эти бюджеты опубликованы в работе: *Куломзин А. Н.* Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II // СбРИО. Т. V—VI.

[44] Штатс-контор-коллегия была упразднена в 1780 г., Камер-коллегия — в 1784 г., а Ревизион-коллегия в 1788 г. См.: *Amburger E.* Op. cit. P. 119.

[45] См.: *Duran J.A.* The reform of Financial Administration in Russia during the Reign of Catherine II // CSS. 1970. Vol. IV. P. 483—496. Классическим исследованием по этой теме является книга: *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб, 1906. Более современное исследование С. М. Троицкого хронологически ограничено серединой XVIII столетия (см.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966).

[46] См. новый материал, опубликованный в работе: *Raeff M.* The Empress and the Vinerian Professor // Oxford Slavonic Papers. 1974. Vol. VII. P. 18—40.

тьянства каждой губернии. Раз в три года во всех губерниях следовало избирать по одному представителю от каждого сословия, с тем чтобы в общей сложности набиралось около 150 должностных лиц, готовых выступать асессорами в делах, касающихся их сословий. Главная расправная палата должна была находиться в подчинении Сената. В разных набросках Екатерина наделяла ее различными функциями, но ее первый департамент неизменно нес законодательные функции (хотя и не полномочия). Он должен был получить право законодательной инициативы, был бы обязан рассматривать все законы, а принятые решения передавать в Сенат, откуда они поступали бы к государю. Кроме того, в обязанности расправной палаты входила бы оценка новых законов с точки зрения их соответствия действующему законодательству.

Планы Екатерины по переустройству центральных политических институтов России говорят о ее глубоко эклектическом подходе к этому вопросу. Так, в расправной палате можно увидеть некоторые черты английского парламента в роли высокого суда правосудия. Прослеживаются также особенности французских парламентов с их правом ремонстрации и (по мнению М. Раева), возможно, также признаки австрийского Государственного совета 1760 г. с его выборностью членов. Вероятно, есть там даже отзвуки проектов реформаторов 1730 г. и земских соборов XVII в. Так или иначе, очевидно, что даже в 80-е гг. Екатерина все еще могла уделять много времени и энергии размышлениям о глубоких политических переменах и что она по-прежнему предусматривала участие выборных представителей в качестве советников правовых и законодательных учреждений. В ее дерзновенном взгляде в будущее (вспомним, что она писала все это еще до Французской революции) было больше живости воображения и дальновидности, чем у всех последующих правителей России[47].

С этими далеко идущими планами были в известной степени связаны проекты Екатерины относительно реорганизации Сената, над которыми она собралась работать в 1787 и 1788 гг. Действительно, во время поездки в Крым в 1787 г. императрица с удовольствием по-

[47] М. Раев отметил сходство взглядов Екатерины с подходом к политическим преобразованиям Валуева и Лорис-Меликова в правление Александра II или Булыгина при Николае II (Ibid. P. 35). Для Главной расправной палаты предусматривались даже определенные функции на случай наступления регентства или прекращения династии.

священа этим занятиям свой досуг. Конечно, она оставила бы за Сенатом роль главного координатора системы управления, особенно в связи с тем, что генерал-прокурор А. А. Вяземский на своем посту в Первом департаменте Сената фактически выступал как министр внутренних дел. Секретарю императрицы, А. В. Храповицкому, было велено взять с собой в поездку текст «Наказа», ее заметки к «Комментариям» Блэкстона и черновые наброски проекта реформы Сената[48].

Об этих планах Екатерины известно немного, за исключением того, что она намеревалась заново разделить Сенат на четыре департамента. Первый должен был руководить системой управления, второй выступать апелляционным судом по уголовным делам, третий — по гражданским делам, а четвертый руководить вопросами экономики[49]. Екатерина рассчитывала успеть провозгласить новую реформу Манифестом 28 июня 1787 г. в ознаменование двадцать пятой годовщины своего вступления на престол, но этот день был отмечен другими пожалованиями. Кажется, манифест был готов к октябрю 1787 г., но, вероятно, из-за войны от реформы отказались. В конце марта 1788 г. Храповицкий кратко записал в дневнике слова Екатерины: «Не время теперь делать реформы»[50]. Тем не менее она время от времени возвращалась к мысли о реформировании Сената. Императрица определенно склонялась к замыслу об учреждении своего рода верховного суда, поставленного над Сенатом и состоящего из Сената, Синода, высших сановников Российской империи первых четырех классов, президентов коллегий и судов. В набросках Екатерины состав этого органа был разработан до мелочей, и она даже расписала подробности процедуры его работы[51]. К несчастью,

---

[48] *Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб., 1874. С. 32, 16 апреля 1787 г.

[49] *Коркунов Н. М.* Два проекта преобразования Сената второй половины царствования императрицы Екатерины II (1788 и 1794 гг.). СПб., 1899.

[50] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 71, 27 марта 1788 г.

[51] *Коркунов Н. М.* Указ. соч. Автор датирует создание проекта верховного суда 1794 г. Но императрица пользовалась выражением «генеральный суд» еще в 80-е гг. См. записи А. В. Храповицкого за 16 апреля 1787 г., когда государыня говорила с ним о «Расправной Палате» и о «Генеральном Суде» (*Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 32). К сожалению, Коркунов не приводит оснований, по которым он датировал эти проекты, и не говорит, где он их нашел. Можно добавить, что среди прочих реформ, начатых, но не осуществленных в царствование Екатерины, было издание Свода законов и описания формы правления в России. См.: *Лаппо-Данилевский А.* Собрание и свод законов империи Российской, составленных в царствование Екатерины II // ЖМНП. 1897. № 1, 3, 5, 12.

остается неясной главная цель этого органа — какие именно дела он должен был рассматривать. Однако те бумаги, что дошли до нас, показывают, что императрица никогда не испытывала удовлетворения своими реформами и продолжала читать, размышлять и писать проекты почти до самого конца своего царствования.

Глава 20

Интеграция Малороссии и Лифляндии в состав Российской империи

Деятельность П. А. Румянцева на посту президента Малороссийской коллегии (куда он был назначен в 1764 г.) шла с некоторыми перерывами, так как с 1768 по 1775 г. военные дела требовали его присутствия в другом месте. По подсказке вездесущего Теплова в мае 1764 г. Румянцев составил программу реформ, включавшую в себя возврат государственных земель под власть короны, перевод чиновников на денежное содержание вместо земельных пожалований (тем самым устранялись пережитки поместной системы в ее украинском варианте), преобразование суда и системы образования, секуляризацию церковных земель. Екатерина II очень опасалась неосторожными мерами оттолкнуть от себя украинцев и потому передала почти все предложения Румянцева на рассмотрение специальных комиссий. Зато она сразу одобрила его идею наладить почтовую службу, чтобы надежно связать Малороссию с остальной империей.

На Малороссию, население которой не облагалось подушной податью, русская казна тратила средств больше, чем получала от нее доходов. Но местное население несло очень большие тяготы от постойной повинности и натуральных поставок для армии, ведь через малороссийские земли проходили пути из России к границам Польши и Крыма. На этих малонаселенных территориях нередко два из каждых трех дворов отводились под постой. Чтобы облегчить повинности населения и добиться более регулярного поступления доходов в казну, Румянцев ввел новый налог в размере 1 руб. с каждого двора, взимавшийся со всех, кроме дворян, офицеров и духовенства. Собирать этот налог оказалось трудно, росли недоимки. Но все-таки получаемый доход значительно превысил потребности на армию, так что избыток денег можно было направить на нужды уп-

равления провинцией[1]. Рост недоимок[2], который объясняли постоянными переходами крестьянства с места на место, привел в 1770 г. к появлению закона о возврате беглых к хозяевам, чтобы добиться исправной уплаты податей[3]. Повторялась история прикрепления крестьян к земле на московский манер.

Еще один важный шаг, предпринятый П. А. Румянцевым в 1765 г. в целях модернизации и централизации управления Малороссией, представлял собой всеобщую перепись населения, причем куда более подробную, чем при обычных ревизиях. Румянцев старался внушить украинцам, что эта перепись в их же интересах, но ему никто не верил. Даже помещики-дворяне не хотели сообщать о себе информацию и потому все время ночевали в разных местах, скрываясь от переписчиков. Поэтому перепись едва тянулась, пока в феврале 1769 г. ее не прекратили из-за начавшейся войны. К несчастью, материалы переписи лежали в архивах в таких условиях, что в 1778 г., когда Румянцев вспомнил об их существовании, часть документов успела сгнить. В XVIII столетии их так и не пустили в дело, зато в XIX в. материалы переписи служили историкам богатыми охотничьими угодьями, нередко приносившими добычу, хотя расшифровывать эти документы было довольно затруднительно[4].

За короткое время, имевшееся в его распоряжении, Румянцев попытался также наладить управление казачеством и укрепить его дисциплину. Он не слишком щадил чувствительность сторонников украинской автономии, но зато по-настоящему серьезно подходил к ослаблению враждебности между украинцами и великороссами, привлекая украинскую элиту на русскую службу и жалуя ее чинами и званиями. Слабостью малороссийского шляхетства (так называли его на польский манер) было страстное желание сравняться в своем статусе с русским дворянством. В 1761 г. малороссам отказа-

---

[1] См.: *Максимович Г. А.* Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссии. Нежин, 1913. С. 88 и далее, с. 110 и далее; *Рубан В. Г.* Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год. СПб., 1777. С. 232—233.

[2] *Мякотин В. А.* Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Прага, 1926. Т. I. Вып. 2. С. 259 и далее. В 1767 г. недоимки составляли 79 703 руб., а в 1770 г. достигли 177 142 руб. См. также: *Он же.* Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в XVII- XVIII вв. // Годишник на Софийския университет. София, 1932. С. 125—126.

[3] *Kohut Z.* The Abolition of Ukrainian Autonomy 1763—1786... P. 129.

[4] *Максимович Г. А.* Указ. соч. С. 346 и далее. См. также: Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 584.

ли в праве приема в Шляхетский кадетский корпус на том основании, что в Малороссии никакого дворянства не имелось. Но в 1767 г. Румянцев добился, чтобы это решение отменили, а в Смольный институт начали принимать «дворянских» девиц из Малороссии[5].

Уложенная комиссия 1767 г. дала малороссийскому дворянству возможность настаивать на возрождении или подтверждении своих традиционных политических и юридических прав, а также на поддержании культурных традиций (например, звучало требование открыть в Малороссии университет)[6]. Единственным средством уравнять малороссийское дворянство в правах с великорусским (поскольку ни происхождение, ни титулы не обеспечивали малороссийскому шляхетству желаемых чинов) было распространение на малороссийскую и казацкую социальную иерархию действия Табели о рангах. Но с точки зрения русских властей в отношении малороссийского шляхетства это мешали сделать два обстоятельства. Во-первых, не существовало достаточно четкого и удовлетворительного определения дворянства, так что неясно было, кого считать дворянином, а кого нет. Сами малороссы утверждали, что дворянство было пожаловано им некогда дипломами польских королей и грамотами русских царей или же основывается на фактическом владении землей с крестьянами из поколения в поколение, на дворянском статусе их рода в стране, откуда вышли их предки — в Польше, Валахии, Литве и т.д., или на принадлежности к казацкой старшине. Мало того, все казаки могли бы попробовать доказать свое дворянство согласно Литовскому статуту, по которому свидетельством принадлежности к благородному сословию могло служить подтверждение со стороны двенадцати дворян. Даже белое духовенство в Малороссии претендовало на дворянство. К несчастью, документальные подтверждения некоторых (или всех) вышеназванных претензий, как правило, отсутствовали, чем во многом и объяснялось то пренебрежение, с которым относились к малороссийскому шляхетству. Румянцев докладывал, что многие просто присваивали себе

---

[5] *Миллер Д.* Очерки из истории юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство. Киев, 1897. С. 26. Живое описание города Глухова в 1760-е гг. и обстоятельства службы бедного молодого украинского дворянина в гвардейском полку см.: *Винский Г. С.* Мое время... Passim.

[6] См. гл. 9 о выборах в Малороссии и гл. 11 о дебатах в Уложенной комиссии. Малороссийские наказы рассмотрены в работах: *Максимович А.* Указ. соч.; *Kohut Z.* Op. cit. P. 129; *Миллер Д.* Указ. соч.

знатные фамилии, что, по его мнению, было запретным и непростительным.

Вторая проблема, а именно реальный спектр прав малороссийского дворянства, была еще сложнее: на бумаге эти права вытекали из разных версий Литовских статутов (начиная с 1588 г.), к которым были «привиты» статьи Переяславского договора 1654 г. между гетманом Украины Богданом Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем, а также различные указы Петра I и его преемников, которые в одностороннем порядке аннулировали многие из этих теоретически существующих прав. Так, формально статус малороссийского дворянина мог быть пожалован лишь государем за выдающуюся доблесть, с согласия Сената и во время сейма. Следовательно, речь шла о польском короле. Военную службу малороссийское шляхетство тоже должно было нести, подчиняясь приказам сейма. Некоторые из малороссийских дворян додумались до того, что они равноправны с польской шляхтой, а потому имеют право участвовать в выборах короля. Дворянина можно было приговаривать к различным мучительным казням, но пытать не полагалось, как и подвергать принятым в России унизительным телесным наказаниям. Семья дворянина не несла ответственности за его преступления, а судить его могли лишь равные. Имение и крестьяне, принадлежавшие дворянину, не облагались налогами и натуральными податями. Он выступал полновластным хозяином своей земли вместе с ее недрами и был волен распоряжаться всем этим как пожелает[7].

Сам Румянцев был сторонником распространения на Украину действия Табели о рангах. Так как практика предоставления земель чиновникам в условное держание за службу была отменена в 1760 г., он полагал, что было бы только справедливо дать им «классные чины» Табели о рангах и положенное жалованье. Кроме того, подобные меры укрепили бы связи Малороссии с Россией[8].

Последний удар по специфическим украинским институтам и остаткам украинской автономии был нанесен в мае 1779 г., когда императрица решила ввести в действие в Малороссии «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. П. А. Ру-

---

[7] *Миллер Д.* Указ. соч. С. 36 и далее.

[8] Там же. С. 30 (здесь приводится письмо Румянцева к А. А. Вяземскому от 3 мая 1774 г.). В указе от 21 февраля 1769 г. провозглашалось, что малороссийские офицеры могут оставить себе «ранговые земли» сверх жалованья на правах поместий, однако рассматривать их не как наследственные, а лишь прилагаемые к чину (ПСЗ. Т. XVIII. № 13260).

мянцева, уже имевшего опыт преобразований в Курской и Харьковской губерниях, оставили осуществлять общее руководство, а в помощники ему дали представителя видной украинской фамилии, генерала А. С. Милорадовича. Малороссийское гетманство разделили на три губернии — Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую, полностью пренебрегая историческими связями и экономической целесообразностью. Должно было исчезнуть само понятие «Малороссия». Вместо нее возникли три губернии, напрямую подчиненные российской короне и не имеющие между собой никаких организационных взаимосвязей, хотя все три возглавлял один наместник. Торжественное открытие новых губерний состоялось в январе 1782 г.

Введение «Учреждений...» 1775 г. означало полное переустройство не только административных и судебных институтов Малороссии, но и ее социальной структуры, военной организации, церковной иерархии, системы собственности, финансов. В записке, поданной Екатерине II, Румянцев указывал на ряд трудностей в применении «Учреждений...», изначально рассчитанных на условия России, к более сложно организованному обществу Украины. Прежде всего здесь и духовенство, и горожане, и казаки традиционно участвовали в выборах многих должностных лиц, которых, согласно «Учреждениям...», имели право избирать только дворяне. Кроме того, казаки при гетманстве находились в юрисдикции тех же судов, что и дворянство. Далее, малороссийские города имели право владения землями, из которых они извлекали доход. Отвечая Румянцеву 26 октября 1781 г., Екатерина снова изъявила желание установить полное организационное единообразие во всей империи: городские и казацкие земли в каждой губернии подлежали передаче в ведение новых казенных палат, отвечавших за финансовые дела; казаки впредь подлежали юрисдикции верхних и нижних расправ, а следовательно, их положение приравнивалось к статусу государственных крестьян[9]. С 1782 г. старые титулы и должностные чины, основанные на Литовских статутах, Магдебургском праве или малороссийских традициях, упразднялись и заменялись чинами согласно «Учреждениям для управления губерний»[10].

Для комплектования штатов различных выборных органов было в первую очередь необходимо разобраться, кто в Малороссии мо-

---

[9] *Kohut Z.* Op. cit. P. 228—231.

[10] ПСЗ. Т. XXI. № 15478, 27 июля 1782 г.

жет считаться дворянином. Дабы помочь отделить агнцев от козлищ, Екатерина в 1781 г. прислала Румянцеву первый вариант проекта будущей Жалованной грамоты дворянству. В нем перечислялись способы доказательства принадлежности к российскому дворянству, но это плохо помогало пробиваться сквозь чащу постановлений, согласно которым можно было претендовать на малороссийское дворянство[11]. Проект Екатерины предусматривал, что выносить решения об обоснованности претензий на дворянский статус будут местные дворянские собрания. И настоящие дворяне, и претенденты на дворянство заваливали эти собрания горами сомнительных доказательств дворянства и чинов, а также своими родословными. Многие через польских евреев покупали польские дворянские патенты, обеспечивавшие признание статуса в России. Ходили разговоры, что, когда поляков в 1686 г. выгнали из Малороссии, там было всего 10 тыс. дворян, а теперь их стало 100 тыс. По самым достоверным оценкам, эта цифра в 80-е гг. XVIII в. составляла около 30 тыс. человек[12].

Общепризнано, что перепись 1782 г. проводилась кое-как, а беспечные малороссы к тому же еще не сознавали, что, позволив тогда приписать себя к определенному месту, в 1783 г. они будут обречены постоянно жить в этом месте и сохранять указанный в переписи статус. Отсюда и тот поток просьб о регистрации в дворянском звании, который обрушился на дворянские собрания начиная с 1782 г. В целом эти инстанции, кажется, не скупились на признания дворянства — при помощи взяток или без них. Румянцев, успевший пустить корни на Украине и ставший здесь популярной и уважаемой фигурой, благоволил к украинскому шляхетству и даже не был чужд симпатий к некоторым взглядам сторонников автономии[13]. В итоге он щедро раздавал разрешения на перемену статуса.

Вероятно, из-за того, что некоторые из претендентов на дворянство, чьи просьбы были удовлетворены, являлись на самом деле крепостными, далеко не все малороссийские дворяне с одобрением смотрели на слишком легкий подход дворянских собраний к этим делам. Может быть, докатившееся эхо возникавших споров

---

[11] ПСЗ. Т. XXI. № 15265, 26 октября 1781 г.

[12] *Kohut Z.* Op. cit. P. 270; *Миллер Д.* Указ. соч.

[13] *Ohloblin O.* Ukrainian Autonomists of the 1780s and 1790s and Count P.A. Rumyantsev Zadunaysky // Annals of the Ukrainin Academy of Arts and Sciences. 1958. Vol. VI. № 3/4. P. 1313ff.

заставило Сенат указом 14 июня 1789 г. потребовать полного отчета обо всех, чьи претензии на дворянство были удовлетворены, а имена все еще значились в ревизских сказках плательщиков подушной подати[14].

Это требование Сената поступило уже после того, как Румянцев покинул пост генерал-губернатора Малороссии, чтобы принять командование одной из армий на турецком фронте с началом войны в 1787 г. Его преемник, генерал Кречетников, с рвением принялся умерять аппетиты малороссийских претендентов на дворянство. Это оказалось совсем нетрудно, так как с 1790 г. три малороссийские губернии успели утвердить ходатайства о дворянстве 22 702 человек, числившихся в подушном окладе, тем самым лишив государство такого же числа плательщиков подушной подати[15]. После этого Сенат распорядился, чтобы дворянские собрания переделали заново всю работу, причем быстро и как следует.

Сменивший Румянцева генерал Кречетников был доволен тем, что деятельность предшественника подверглась критике, и оказывал нажим на дворянские собрания. Подгоняемые новым генерал-губернатором, собрания завершили работу в рекордный срок, и в итоге к 1795 г. только 12 597 претендентов были признаны настоящими дворянами, что составляло меньше половины общего числа зарегистрированных до 1791 г. Типичным для российской правовой безграмотности оказалось то, что при этом дворянские собрания в Черниговской губернии действовали, сообразуясь с указами Сената от 1789 и 1791 гг., а в Киевской и Новгород-Северской губерниях опирались на статью 36 Жалованной грамоты дворянству. Протесты против постановлений дворянских собраний продолжали поступать из Украины до тех пор, пока этот вопрос в 1835 г. не решил Николай I, проявивший при этом известное великодушие[16].

---

[14] ПСЗ. Т. XXII. № 16776, 11 июня 1789 г. Конкретным поводом, заставившим Сенат сделать этот шаг, стало дело одного татарского мурзы сомнительного происхождения.

[15] *Миллер Д.* Указ. соч. С. 64 и далее. Из 5948 просьб о дворянстве, удовлетворенных в Новгороде-Северском, 9 подали священники, 1095 — разночинцы, 4414 — казаки, 87 — государственные крестьяне, а 83 человека были «закрепощены» собственными родственниками.

[16] Николай I приказал внести в родословные книги провинциальных дворянских собраний всех малороссийских титулованных держателей земли или их потомков, кроме самых нижних чинов. См.: *Миллер Д.* Указ. соч. С. 84 и далее, а также гл. 4; см. также: *Kohut Z.* Op. cit. P. 319ff.

«Учреждения для управления губерний» 1775 г. полностью подорвали также основы самостоятельной военной организации Малороссии — казацкого войска. Постепенно под эгидой Румянцева были сформированы десять регулярных полков карабинеров с шестилетним сроком службы, в которых поэтому быстро сменялся личный состав. Они входили в состав русской регулярной армии, но сохраняли названия и территориальные связи старых казацких полков. Однако различия между вольным казаком-воином и крестьянином, взятым в солдаты, начали стираться только в 1786 г., когда казаков преобразовали в обычных драгун, и еще сильнее нивелировались, когда во время второй войны с Турцией, в 1789 г., в Малороссии был введен рекрутский набор, от которого ранее она была свободна. С этих пор малороссийских казаков забирали в солдаты точно так же, как и всех крестьян, положенных в подушный оклад, и могли на 25 лет приписать к любому из российских полков, где бы он ни находился. Карабинерные полки окончательно упразднил Павел I, и хотя малороссийские казацкие формирования иногда создавались при военной опасности, они, как правило, существовали недолго. Малороссийское казачество как образ жизни перестало существовать[17].

Украинская церковь избежала секуляризации в 1764 г. Но Екатерине совсем не нравилась идея самостоятельности малороссийской церковной иерархии, а попытка Киевского митрополита Арсения (Могилянского) присвоить себе титул «митрополита Киевского и Малороссийского» была пресечена Святейшим синодом. С распространением на Малороссию действия «Учреждений...» 1775 г. императрица получила возможность в 1785 г. пересмотреть границы украинских епархий и привести их в соответствие с границами губерний[18]. Затем последовала секуляризация церковных земель по российскому образцу. В указе Синоду (в котором так и сквозит подспудное «вольтерьянство», которого всегда хватало в Екатерине) императрица объясняла, что, «преуспев с Божьей помощью распорядить епархии и монастыри в большей части империи нашей, на таком основании, которое и с первоначальными правилами благочестивой церкви христианской, и с общею пользою сходствует», теперь она намерена распространить эти благодеяния

[17] *Kohut Z.* Op. cit. P. 246ff.

[18] В Великороссии проводилась та же политика, но менее поспешно. См.: *Kohut Z.* Op. cit. P. 254; ср.: ПСЗ. Т. XXII. № 16174, 27 марта 1785 г.

и на Малороссию. Это позволит «освободить» священников и монахов от обязанности управлять крестьянами, что не подобает их сану, особенно потому, что связано с постоянными судебными тяжбами[19]. Церковных крестьян следовало теперь рассматривать как государственных, подведомственных директору экономии и обязанных платить подушную подать в 70 коп., ежегодный оброк в сумме 1 руб. и еще 2 коп. на администрацию. Лишние церковные дома и монастыри надлежало использовать для общественных нужд. Митрополит Киевский получил такой же статус (и доход), как митрополит Московский, а другие епархии и монастыри были отнесены к различным категориям. Киевской академии выделили ежегодное пожалование в 8 тыс. руб. из церковных фондов. Некоторые обители передали приказам общественного призрения под начальные школы[20].

Еще одну проблему, собственно в России неведомую, представляло собой частное землевладение малороссийских духовных лиц. Помимо того, что малороссийские священники зачастую действительно принадлежали к дворянским родам, многие здесь верили, что духовный сан сам по себе приносит дворянское звание. Один такой претендент на дворянство представил длинное обоснование, в котором ссылался не только на Ветхий и Новый Завет, но даже на «Устав морской» Петра Великого[21]. Но в России считалось, что дворянин, ставший священником, терял дворянский статус и переходил в духовенство. При Румянцеве, в целом хорошо расположенном к украинцам, духовенство не принуждали расставаться с имениями. Но Кречетников подобных слабостей не питал и рьяно взялся за дело. Вскоре поднялся такой вопль протеста, что в 1792 г. Сенат приостановил проведение этой меры впредь до решения вопроса о критериях принадлежности к дворянству. Впрочем, речь шла о не таком уж большом числе священников[22]. Но самым серьезным из

---

[19] Указ Синоду, 10 апреля 1786 г. // ПСЗ. Т. XXII. № 16375. Новый указ от 25 апреля 1788 г. распространил секуляризацию церковных земель на Харьковскую, Курскую, Воронежскую губернии и на Екатеринослав (Там же. № 16649).

[20] Указ Сенату, 10 апреля 1786 г. // ПСЗ. Т. XXII. № 16374. О трудностях, вызванных необходимостью содержать сверхштатных монахов и монахинь см.: *Kohut Z.* Op. cit. P. 260ff.

[21] *Миллер Д.* Указ. соч. С. 48—49.

[22] Там же. С. 70. В Черниговской губернии духовенству принадлежало 8942 крепостных обоего пола. Я не прослеживаю дальнейшую судьбу частного землевладения духовенства, но, судя по всему, давление на церковников, чтобы заставить их расстаться со своими имениями, постепенно росло.

всех новшеств по своим долговременным последствиям оказалось введение в Малороссии подушной подати, в результате чего крестьяне окончательно потеряли право ухода к новым владельцам. Первым шагом на этом пути был еще закон 1770 г.[23]. Саму подушную подать в Малороссии ввели указом, направленным на установление единообразного налогообложения на территории Российской империи. Этот закон гласил, что в губерниях Малороссии, Слободской Украины, в Прибалтийских губерниях и в Финляндии, а также на новоприобретенных польских землях вводились те же порядки, что и в остальной России. Конечно, о «закрепощении» в указе речь не идет, там просто сказано, что прежний налог в 1 руб., существовавший в Малороссии, заменяется налогом в 1% с купеческого капитала, в 1 руб. 20 коп. — с горожан и в 70 коп. — с вольных, государственных, церковных и частновладельческих крестьян. Государственные крестьяне должны были платить сверх того обычный ежегодный оброк в 1 руб. С казаков вводился налог в размере 1 руб. 20 коп. взамен прежних произвольных поборов. В статье 8 жителям Черниговской, Киевской и Новгород-Северской губерний предписывалось ради упрощения сбора налогов оставаться на старых местах и в том самом статусе, в котором они были внесены в последнюю перепись (если только они не уехали раньше появления указа). Всякому же уехавшему после выхода указа грозила ответственность перед законом[24]. В статье 11 эти положения распространялись также на Слободскую Украину, Курскую, Харьковскую и Воронежскую губернии. Распространять закон о прикреплении податных к месту проживания на Лифляндию, Эстляндию и Белоруссию не было нужды — там крестьянство уже и так было прикреплено к земле.

Закон 1783 г. окончательно свел на нет существовавшие в Малороссии крестьянские переходы, с которыми упорно старались покончить с середины XVIII в. Он лишил крестьян права договариваться с помещиком о переходе к другому хозяину. Общее число крестьян, уже частично прикрепленных к земле, из-за этого указа не увеличилось, но характер их зависимости как от государства, так и от частного владельца изменился. В полной ли мере с введением этого указа в Малороссии установилось крепостное право в россий-

[23] См. выше, с. 308.

[24] ПСЗ. Т. XXI. № 15724, 3 мая 1783 г.

ском варианте? Можно ли было продавать и покупать малороссийских крестьян, отделять их от земли, переводить из имения в имение? Этот вопрос требует дальнейшего исследования[25].

Неминуемое прикрепление к земле и месту проживания грозило даже людям, не принадлежавшим к крестьянству, поэтому они изо всех сил старались добиться патентов на дворянство или хотя бы казацкого звания. Казаки, которые постепенно превратились в крестьян, пытались выбраться наверх, крестьяне пробивались в казачество, разночинцы просачивались в дворяне. Крестьяне поступали как обычно: бунтовали и бежали. Вряд ли они питали особую привязанность к исконным малороссийским институтам как таковым; их жалобы и протесты вызывало прежде всего прикрепление к земле (причем иногда жалобы спасали от закрепощения). В 1781—1782 гг. около 35 тыс. крестьян — почти 5% населения двух губерний — бежали с Киевщины и Черниговщины на юг Украины и Дон[26].

Одновременно с введением подушной подати было устранено множество обнаруженных в жизни Украины несоответствий российским стандартам. Владевшие землями большие и малые города были теперь лишены контроля над ними. Они перешли в ведение директора экономии, на которого, согласно «Учреждениям...» 1775 г., возлагалось управление государственными землями (хотя доходы от них поступали городам). Следующий удар нанесли по дворянскому землевладению в городах, а потом по купеческому и мещанскому землевладению, которое было довольно широко распространено на Украине и не сопровождалось владением рабочей силой. Теперь же, когда землевладение слилось с владением рабочей силой, правительство приказало очистить земли от всех зависимых от хозяев крестьян или слуг и записать как вольных в соответствующий статус, потому что закон никогда не позволял горожанам владеть

---

[25] Е. И. Дружинина полагает, что подобный же указ за декабрь 1796 г. касательно Новороссии сам по себе, не сопровождаемый другими законами, не может рассматриваться как означающий установление полномасштабного крепостного права (*Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1780 гг. М., 1959. С. 195—196, примеч. 30).

[26] *Kohut Z.* Op. cit. P. 377. Почти во всех крестьянских выступлениях обнаруживаются или предводители, или подстрекатели из казаков (или и те и другие) (Ibid. P. 379, примеч. 216). На этот важный факт, как правило, не обращают внимания исследователи.

дворянскими имениями[27]. Отныне четкое разделение между дворянами и горожанами, принятое (по закону) в Великороссии, вводилось также и в Малороссии.

До малороссийских городов очередь дошла в апреле 1785 г. с провозглашением Жалованной грамоты городам. К январю 1786 г. городские институты Малороссии были реорганизованы, учреждены магистраты и ратуши, а население разделено на шесть категорий, перечисленных в Жалованной грамоте. Учреждалась полиция согласно положениям «Устава благочиния, или полицейского» 1782 г., а все институты казачества упразднялись. Судам предписывалось решать гражданские дела, руководствуясь Литовскими статутами и Магдебургским правом, но казаков по-прежнему судить согласно петровскому Воинскому уставу.

Был ли смысл вводить эти реформы на Украине — вопрос весьма спорный. С точки зрения помещиков, давно уже требовавших окончательного прикрепления крестьян, он, конечно, был. Для дворянства, статус которого был надежен, реформы означали утрату остатков традиционной автономной структуры (которая, в сущности, никогда толком не работала), но зато взамен принесли право избирать предводителей, образовывать уездные и губернские дворянские собрания, а также выбирать представителей в ряд местных административных органов (последним правом многие пользовались и раньше). В 1781 — 1783 гг., когда учреждались новые институции, личные права малороссийского дворянства, определенные Литовскими статутами, были шире, чем права великорусских дворян. Последние «доросли» до таких же прав только с принятием Жалованной грамоты дворянству в 1785 г., которая, разумеется, тогда же вступила в силу и в Малороссии.

Для казака и для крестьянина эта «реформа», и прежде всего подушная подать с ее неизбежным следствием — прикреплением к земле, означала конец вольной жизни. Русские правительственные круги считали, что реформа необходима для развития гражданского общества. Но казак-крестьянин потерял свободу переходов, которой гордился. Трагедия 1783 г. и роль в ней Екатерины II увековечена в одной украинской народной песне. С. А. Тучков в своих мемуарах рисует идиллическую картину богатства и изобилия в

[27] ПСЗ Т. XXI № 15724, 3 мая 1783 г. В статье 12 предписывалось уничтожить помещичье и чиновничье землевладение в городах путем выкупа этих земель государством (Там же № 15907, 17 января 1784 г.). Этим постановлением изымались у недворян заселенные земли

Малороссии в 60-е гг. XVIII в., когда здесь раздавались веселые бойкие песни под «скрипки, гусли и цимбалы», такие непохожие на печальные и унылые русские напевы. Но когда начались «реформы» 80-х гг., «в одно мгновение вся Малороссия пришла в великую унылость». «Не было ничего несноснее для вольных казаков, как слово: подушный оклад. Как, говорили они, и душа наша принадлежит уже не Богу, а Государю? Пускай бы одно тело...» Тучков писал, что многие тогда в отчаянии убивали собственных жен и детей и сдавались властям, другие бежали за границу — в Польшу, Молдавию или Турцию. Сам он покинул Малороссию в 1783 г. шестнадцатилетним юношей и не мог наблюдать последствия тех мер, которые он критиковал. Однако много лет спустя взявшись за перо, Тучков заметил, что в простом народе в 80-е гг. появилось неприятие России и русских, хотя о большинстве дворян этого сказать было нельзя[28].

Происходило это потому, что интеграция с Россией достигалась благодаря созданию благоприятных условий для малороссийского дворянства и офицерства. Все больше выгодных мест открывалось для них в малороссийской и украинской администрации, а высокопоставленные украинцы, образовавшие целую колонию в Санкт-Петербурге во главе с такими фигурами, как А. А. Безбородко и П. В. Завадовский, обеспечивали вакансии на государственной службе своим друзьям, родственникам и вассалам. Но затаенная тоска по былым малороссийским и казацким вольностям сохранялась, и выразителем ее стал драматург Василий Капнист, предводитель киевского дворянства. Самое же полное письменное воплощение эти чувства украинцев нашли в анонимной «Истории русов», получившей хождение в начале XIX в. Не исключено, что в 1791 г., во время Русско-турецкой войны, Капнист вел тайные переговоры в Берлине с целью разузнать, могут ли сторонники самостоятельности Украины, если Россия вступит в войну с Пруссией, рассчитывать на помощь пруссаков в их попытке отложиться от России. О миссии Капниста в то время совершенно никто не знал, а когда Россия и Пруссия вдвоем принялись делить Польшу во второй раз, это положило конец всем надеждам, которые он еще мог питать[29].

---

[28] Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766—1808. СПб., 1908. С. 5 и далее, с. 17 и далее.

[29] См.: *Kohut Z.* Op. cit. P. 309 ff. Автор этой работы анализирует данные о том, кто из Капнистов — Петр, Михаил или Василий — посетил Герцберга в Берлине, и приходит к заключению, что Василий. Именно Василий, будучи масоном-розенкрейцером, мог получить доступ к высшим придворным сановникам Пруссии.

То обстоятельство, что Екатерина немало позаимствовала из практики Лифляндии и Эстляндии, составляя проект «Учреждений для управления губерний» 1775 г., совсем не означало, что она готова сохранить за ними самостоятельный статус. Еще в феврале 1777 г. она раздумывала, как ввести «Учреждения...» в Лифляндии[30]. Остзейские привилегии, которые Екатерина подтвердила, — как мы помним, еще не вполне отчетливо представляя себе, что именно она подтверждает[31], — имели внушительную родословную, восходящую к Привилегии короля Сигизмунда Августа 1561 г. Другие грамоты были пожалованы шведскими королями, гарантировавшими права Ландратсколлегиума — коллегии ландратов, или корпоративного органа лифляндского дворянства, затем последовали условия капитуляций, подписанных с Петром I в 1710 и 1712 гг., и постановления последующих правителей России[32]. Поэтому, вводя свои «Учреждения...» в остзейских провинциях, Екатерина II была обязана действовать осторожно, так как имела дело с обществом, готовым оборонять хорошо подготовленные позиции при помощи исторических и правовых доводов, в то время как ее собственная власть на этих территориях была ограничена договорными обязательствами. Поэтому императрица старалась уговорами и угрозами вынудить местных баронов самих просить о введении «Учреждений...». Это должно было предупредить и обезвредить любую попытку Швеции вмешаться в защиту прав Лифляндии на том основании, что Россия нарушает условия Ништадтского (1721 г.) и Абоского (1743 г.) мирных договоров.

Но в броне лифляндцев имелись две трещины, и в них-то Екатерина направила свой удар. Первой была судебная система[33], а второй — система землевладения и эксплуатации земель. Поводом для нападок на лифляндское правосудие послужила одна из статей Патента 1765 г., позволявшая крепостным жаловаться на дурное обращение хозяев в низший суд — «ординунгсгерихт» (что, впрочем, не гарантировало им справедливости). В 1777 г. генерал-губернатор Броун напомнил лифляндским помещикам об этой статье Патента и о том, что им полагалось официально зафиксировать размеры

[30] См.: Беседы императрицы Екатерины II с Дашем. 1772—1777 // РС. 1876. № 9. С. 17, запись за 4 февраля 1777 г.

[31] См. гл. 4.

[32] См.: *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 514—516.

[33] Беседы императрицы Екатерины II с Дашем. С. 17.

крестьянских повинностей в своих имениях, а они это правило часто нарушали. Но гораздо хуже был случай пристрастного суда, происшедший в 1776—1777 гг., когда граф Яков Сиверс подал в суд на некоего майора фон Клодта с женой, арендовавших одно из его поместий. Сиверс обвинил арендаторов в том, что они в течение нескольких месяцев истязаниями довели до смерти десятилетнюю девочку из его крестьян. Суд приговорил супругов к пожизненному заключению, но рижский гофгерихт — высшая лифляндская судебная инстанция — смягчил приговор до публичного церковного покаяния и шести лет тюрьмы. Однако в 1779 г. Сенат отменил приговор и объявил членов лифляндского гофгерихта недостойными судейского звания. Екатерина никак не вмешивалась в это дело (тем более что чета Клодтов в промежутке умерла в заключении), но «не замедлила вынести смертный приговор гофгерихту и остзейским привилегиям»[34].

Что касается земли, то тут русское правительство интересовали прежде всего расположенные в Лифляндии, Эстляндии и на острове Эзель мызы, первоначально представлявшие собой феодальные пожалования. Русские власти утверждали, что условия владения землей, установленные при шведах, остаются в силе. А эти условия предусматривали, что феодальное держание надлежит возобновлять с каждым новым царствованием и что недопустимы никакие земельные сделки без согласия сюзерена[35]. На протяжении XVIII в. под равнодушными взорами благосклонных императриц незаметно поглощались аллодиальными имениями не только земли, находившиеся в феодальном держании, — многие государственные податные крестьянские земли, арендованные помещиками, также оказались поглощены хозяевами-дворянами, что привело к ущербу государственных доходов. Новый земельный кадастр отложили до окончания войны с Турцией в обмен за выплату Прибалтийскими провинциями крупной суммы налогов, но в 1774 г. идея возникла

---

[34] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 484—489.

[35] Там же. С. 496 и далее. Здесь приведены данные (которые автору работы кажутся заниженными) о количестве владельцев таких имений. В Лифляндии насчитывалось 329 аллодиальных имений, 139 (или 141) ленных и 5 имений неустановленного свойства. Свыше половины ленных владений перешло в руки их тогдашних хозяев «незаконным» образом. В Эстляндии имелось всего 43 ленные мызы, а на Эзеле — 6. Несколько иные цифры приведены в работе: *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit in Liv- und Estland, 1783—1796. Leipzig, 1886. S. 52.

снова. Был составлен новый план переписи земель, и землемеры получили указание «спасать» податные крестьянские земли для государства. Конечно, это привело в смятение помещиков, противившихся любым попыткам разграничить крестьянские и помещичьи земли, и Екатерина на этот раз отступила от принципов, заложенных в проекте кадастра.

Пристрастие лифляндцев к затяжным судебным процессам из-за земли сыграло на руку императрице, которая лишний раз убедилась в достоинствах своих «Учреждений...» 1775 г., — в них был предусмотрен двухлетний срок для подачи претензий после продажи имения, по истечении которого никакие ходатайства больше не рассматривались[36]. Поэтому первым залпом в начатой Екатериной кампании послужил указ 14 февраля 1777 г., запретивший продажу, дарение и заклад земель, полученных на правах феодального держания, — этот указ поверг в ужас всю Лифляндию. В ответ дворяне летом 1779 г. обратились к государыне с петицией о признании всех земель провинции аллодиальными, по примеру того, как императрица Анна Иоанновна в 1731 г. наконец признала слияние русского поместья или условных пожалований за службу с вотчиной или наследственным владением.

Тем временем Екатерина II руками губернатора Броуна расчищала путь для введения в Лифляндии «Учреждений...» 1775 г. Так, появилась записка, якобы составленная Броуном, а на деле, по всей вероятности, тщательно разработанная Екатериной и князем А. А. Вяземским, в которой излагались преимущества новой системы управления для Лифляндии. Русский «план» подавали как совершенно безвредный для прав и привилегий Лифляндии — наоборот, местным жителям «Учреждения...» будто бы сулили расширение и упрочение их прав. Предстояло реорганизовать суды, чтобы привести их в соответствие с новым разделением между гражданским и уголовным судопроизводством и с системой выборных асессоров от разных сословий. Юстиц-коллегия по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии в Санкт-Петербурге упразднялась. На смену ей должны были прийти расположенные в Риге верховные суды — уголовный и гражданский — с правом апелляции к генерал-губернатору и в Сенат. Однако судить в них следовало по лифляндским, а не по

[36] *Bienemann F.* Op. cit. S. 50—51. Надо отметить, что доказать право собственности в лифляндском законодательстве было трудно, так как существовало 24 закона, обосновывающих ее принадлежность владельцу.

российским законам. В августе 1779 г. содержание этой записки было конфиденциально сообщено избранным лифляндским дворянам, а в октябре они снова встретились с Броуном и передали ему свои соображения[37].

Двое из них, Карл Шульц фон Ашераден и Фридрих Рейнгольд фон Берг, изложили весь перечень прав и привилегий, важных для лифляндцев, а именно: официальное признание лютеранской веры; применение немецкого языка в суде; «индигенат» — исключительное право на занятие должностей местными уроженцами (кроме поста генерал-губернатора, который мог быть русским или иностранцем и в чьей канцелярии могли служить русские сотрудники); сохранение таких органов, как ландесштат (Landesstaat) и ландтаг с его двенадцатью ландратами, маршалом и секретарем на жалованье в установленных размерах; неограниченные права собственности на аллодиальные и ленные владения, в том числе на их беспрепятственный обмен и продажу (в отношении ленных владений русское правительство воспротивилось); свобода от налогообложения дворянских земель (но не крестьянских, там, где они еще сохранились); сохранение германского обычного права, уложений и судебной процедуры.

Среди новшеств, вызвавших особенно острую критику фон Берга и Шульц фон Ашерадена, находились придававшиеся генерал-губернатору полномочия надзора за деятельностью всех судебных органов и право вмешательства властей в отношения помещиков с крепостными. Устройство административных органов не могло вызвать возражений, потому что оно воспроизводило лифляндский образец, но сильный протест вызвало предложенное в записке участие в них выборных русских асессоров. Главные же возражения возникли по поводу идеи создания в Лифляндии чисто российского института прокуратуры, независимой от местной правовой системы и подчиненной генерал-прокурору в Санкт-Петербурге. По мнению лифляндцев, им было вполне достаточно местной фискальной системы. Учреждение приказа общественного призрения затруднений не представило, хотя он и показался излишним. Совестный суд приветствовался как полезное нововведение, но разделение суда на уголовный и гражданский отвергли на том основании, что

---

[37] Полный текст этого меморандума опубликован под названием «Anmerkungen betreffend der neuen Etat liefländischen Gouvernements» в работе: *Bienemann F.* Op. cit. S. 58—62.

среди остзейских баронов преступность почти отсутствовала. Уездные дворянские собрания также не встретили одобрения как излишество, потому что лифляндское дворянство составляло единую корпорацию, а его ландтагов вполне хватало для избрания необходимых должностных лиц. Кстати, авторы отзыва сочли, что этих должностных лиц в проекте слишком много, как и судов, которые лифляндское дворянство не смогло бы ни занять работой, ни заполнить персоналом. Некоторые суды, придуманные для России (например, нижние словесные суды), были здесь просто не нужны, потому что практически все крестьяне являлись крепостными[38].

Единодушная отрицательная реакция лифляндского дворянства на «Учреждения...» 1775 г. заставила даже генерал-губернатора Броуна отчасти охладеть к мерам, намеченным Екатериной (которые, помимо всего прочего, должны были увеличить расходы казны на 70 тыс. руб.)[39]. Кроме того, он получил конфиденциальные записки от депутатов высшего суда и городского совета. В целом лифляндцы из привилегированных слоев не видели в «Учреждениях...» 1775 г. никаких особых улучшений и не считали нужным только ради единообразия менять свои складывавшиеся столетиями институты на новые. Генерал-губернатор Броун не спешил пересылать Екатерине ответ лифляндцев на ее меморандум, но дал понять, что сам он является сторонником трансформации ленных земель в аллодиальные, и посоветовал местным дворянам направить в Петербург своих представителей с изложением всех позиций. Этими представителями были избраны Каспар Хайнрих фон Розенкампф от Лифляндии и Густав Рейнгольд фон Ульрих (тот самый Ульрих, который снабжал Екатерину информацией в 1775 г.) — от Эстляндии. 7 ноября 1779 г. они подали петицию императрице, и почти сразу стало понятно, какую сделку намеревается заключить Екатерина: она благосклонно отнесется к просьбе о слиянии ленов с аллодами, если лифляндцы проявят сговорчивость по поводу «Учреждений...» 1775 г.[40]. А тем временем осенью 1781 г. Сенат объявил, что перепись в Прибалтике будет отныне проводиться каждые 20 лет, как и по всей России, и что считать будут «души», а не «гаки»[41].

---

[38] *Bienemann F.* Op. cit. S. 62; Sentiment der Herren Landrathe v. Berg und Baron Schoultz zu den «Anmerkungen».

[39] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 50 и далее; *Bienemann F.* Op. cit. S. 65ff.; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 12 мая 1780 г. // АКВ. Т. XIII. С. 15.

[40] *Bienemann F.* Op. cit. S. 68ff.

[41] ПСЗ. Т. XX. № 15278, 16 ноября 1781 г.; № 15296, 10 декабря 1787 г.

Теперь многое зависело от Броуна, который посетил столицу в июне 1782 г. А. Р. Воронцов, президент Коммерц-коллегии, испытывавший все больший интерес к делам Лифляндии, получил задание пообещать Броуну звание генерал-губернатора, если он добьется согласия лифляндского дворянства с русской точкой зрения[42].

В это время престижу Лифляндии был нанесен серьезный удар: в конце 1781 г. фон Розенкампфа обвинили в растрате свыше 35 тыс. руб., и он скрылся из Петербурга. В Риге растратчика арестовали, водворили назад в Петербург, потом опять в Ригу, где и предали суду за подлог. То, что такой человек оказался избранным лифляндским ландратом, да еще представителем своей страны перед лицом государыни, дало русской стороне отличный повод считать лифляндские институты хуже, чем «Учреждения...» 1775 г.[43]. В начале лета 1782 г. было принято решение начинать реформу в обеих прибалтийских провинциях.

Броун продолжал настраивать эстляндское дворянство (к которому в целом относились помягче) «попросить» Екатерину ввести у них «Учреждения...», а вернувшись из Петербурга, созвал 23 июня 1782 г. в Риге дворянское собрание. Собранию (на котором самому губернатору не полагалось присутствовать) предстояло обсудить послание Броуна. В нем он разъяснял решение императрицы, убеждал дворян, что она намерена утвердить их права, и предлагал дворянам представить ему список условий, которые следует соблюсти при проведении реформы, дабы уберечь в целости все их привилегии[44]. В ответ лифляндцы 7 июля предъявили устрашающих размеров список всех своих привилегий начиная с XV в., который составили в октябре 1779 г. Шульц фон Ашераден и Рейнгольд фон Берг. Постановления ландтага от 1765 г., гарантировавшие право крепостных на движимое имущество и установившие нормы их отработок, также были сочтены одной из необходимых «привилегий». Вместо судов, предусмотренных «Учреждениями...» 1775 г., было предложено выносить споры между крестьянами и помещиками на рассмотрение Орднунгсгерихта (как и раньше), а апелляции подавать в особые комиссии, составленные из ландрата и двоих депутатов от дворянства. Судьи всех судов, кроме нижнего, должны были

---

[42] *Bienemann F.* Op. cit. S. 82 ff.

[43] Ibid. P. 47ff. 8 июня 1783 г. рижский гофгерихт приговорил фон Розенкампфа к пожизненному заключению за подлог. Он умер в заключении.

[44] Ibid. P. 85—86.

иметь университетское образование или длительный опыт, благодаря чему отпадала нужда переизбирать их каждые три года. Устанавливать размеры податей и собирать их следовало как и раньше, а землю и экономическую деятельность дворянства надлежало оставить свободными от налогов[45].

В это время эстляндское дворянство тоже готовило свой ответ с перечислением привилегий с 1321 г. и указанием восемнадцати пунктов, в которых «Учреждения...» противоречили эстляндским установлениям. Они возражали против состава судов, учреждения прокуратуры, отрицали необходимость в высшем и низшем крестьянских судах из-за отсутствия вольных крестьян (что фактически не соответствовало действительности) и напоминали Екатерине ее обещание, данное 24 января 1775 г., оградить Эстляндию от подобных реформ[46]. Броун передал эти не слишком вдохновляющие ответы в Санкт-Петербург в надежде, что А. Р. Воронцов выступит в роли его посредника перед Екатериной. Но в столице Воронцов вместе с Безбородко, Вяземским и Далем выступал горячим поборником реформы. Он отказался представить императрице документы, которые обязательно создали бы у нее неблагоприятное мнение о Прибалтийских провинциях. Как написал Даль Броуну, Екатерина не станет торговаться с этими провинциями: она уже «поднималась на такие горы», что легко «одолеет холмы». В заключение Даль вел речь (очевидно, на основании намеков из официальных кругов) о возможной отставке Броуна – как-никак, тому уже исполнилось 84 года! Наконец 3 декабря 1782 г. появился краткий указ о том, что Броуну велено начинать разделение Лифляндии и Эстляндии на уезды, чтобы проложить путь дальнейшим реформам[47].

Декабрьский указ 1782 г. произвел на прибалтийское дворянство впечатление разорвавшейся бомбы. «Нашим благословенным привилегиям, наследию предков, приходит конец, – писал один из них, – Delenda est Carthago [Карфаген должен быть разрушен. — *лат.*], слово сказано»[48]. Но можно было еще поспорить о способах введения в действие «Учреждений...» 1775 г. на переговорах с Броуном, который в основном продолжал держаться в рамках данного императрицей в 1778 г. обещания не жертвовать правами Лифлян-

[45] *Bienemann F.* Op. cit. P. 88–89. *Зутис Я. Я.* С. 514 и далее.
[46] *Bienemann F.* Op. cit. S. 91.
[47] ПСЗ. Т. XX. № 15606, 3 декабря 1782 г.
[48] *Bienemann F.* Op. cit. S. 114.

дии. Привести лифляндские и эстляндские институции в соответствие с «Учреждениями...» было тем легче, что сам этот документ в значительной степени воспроизводил местные образцы. Но еще больше помогла делу крупная уступка остзейским баронам, которую Екатерина сделала весной 1783 г., когда уже уверилась, что все идет, как она желала. 3 мая 1783 г. она издала два указа, сыгравшие огромную роль в ассимиляции Прибалтийских провинций. Первым были наконец уничтожены различия между феодальным держанием и аллодиальным землевладением[49]. Таким образом, прибалтийские бароны получили то, чего так долго добивались, но не в виде особого личного пожалования, а как условие слияния с Россией. Но, к их ужасу, ассимиляция этим не ограничилась, и в тот же день вторым указом был введен подушный оклад[50]. Односторонне принятое решение об изменении всей системы обложения земли и городских жителей открыло лифляндцам глаза на всю меру их беспомощности перед лицом русского абсолютизма[51]. Не существовало никакого механизма, при помощи которого они могли бы протестовать против политики властей.

Следующий удар обрушился на них с указом 3 июля 1783 г., которым Броуну предписывалось приступить к разделению Лифляндии на восемь уездов, а Эстляндии — на пять. Дворянам и горожанам надлежало избирать должностных лиц в новые или реформированные старые органы управления, следуя выборным процедурам, установленным в екатерининском Манифесте 14 декабря 1766 г. о созыве Уложенной комиссии[52]. Все бесчисленные усилия добиться «гар-

---

[49] Сохранились правовые ограничения относительно завещания поместий, но и в них уже не проводилось различие между поместными и вотчинными землями (см.: ПСЗ. Т. XX. № 15719).

[50] ПСЗ. Т. XX. № 15724, 3 мая 1783 г. Этим же указом вводилась подушная подать в губерниях, образованных на территории Малороссии, а также в Могилевской и Полоцкой губерниях на бывших польских землях. Крестьяне отныне должны были платить 70 коп. подушной подати, горожане по 1 руб. 20 коп., купечество — 1% от капитала, и дополнительно со всех взималось по 2 коп. с 1 руб.

[51] *Blum K.L.* Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands... Vol. II. P. 449 ff. Я. Сиверс, в целом поддерживавший «Учреждения...» и много сделавший для их введения в России, 4 мая 1783 г. писал Екатерине, что он против подушной подати и полного переворота в ценах на имущество, вытекающего из новой системы налогообложения.

[52] ПСЗ. Т. XX. № 15776, 3/14 июля 1783 г.; немецкий перевод указа вышел 20 июля. О Манифесте 14 декабря 1766 г. см. гл. 9.

монизации», предпринимавшиеся с декабря предыдущего года, пошли прахом. С местными ландтагами никто ни разу не посоветовался.

Ничто не могло яснее показать, что Екатерина твердо намерена добиться единообразия во всей империи, чем ее категорический отказ допустить приоритет лифляндского уголовного права над уголовными статьями «Учреждений...». Она отрицала традиционное право лифляндских судей принимать плату от тяжущихся сторон, запретила местную систему номенклатуры судов, а главное - дала право местным прокурорам напрямую докладывать в Петербург генерал-прокурору, минуя генерал-губернатора. Чтобы положить конец всем спорам, она написала Броуну 15 апреля 1784 г., что долг властей — ввести единообразие во внутреннем управлении империей, и выразила удовольствие тем, что другие провинции, ранее имевшие свои собственные законы (Малороссия и Белоруссия), восприняли реформу как улучшение их прежнего положения[53].

Новые институты были торжественно открыты 29 октября 1783 г. в Риге и 10 декабря в Ревеле. Показателем дальнейшей «русификации» явилось первенство, отведенное на всех церемониях православным богослужениям[54]. Для приверженцев старых традиций эти торжества ознаменовали конец конституционной свободы Прибалтики и установление деспотизма, а другим вводимые новшества сулили возможности найти хорошо оплачиваемые места на государственной службе.

Для дворянства слияние феодальных и аллодиальных земель означало гарантии собственности. С введением подушного оклада было покончено со страхами, порожденными прежними намерениями российских властей в 1774 г. выявить и отобрать бывшие крестьянские земли и обложить их налогами. Сверх того помещик мог покрыть расходы на подушную подать, увеличив барщину. Однако крестьянам, платившим часть семидесятикопеечного взноса натурой, из-за низких цен на зерно и сено становилось все тяжелее, и в 1783 1784 гг. произошло немало бунтов. Сенат наконец немного увеличил расценки в начале 1784 г. Но главный ущерб введение

---

[53] См.: *Bienemann F.* Op. cit. P. 163ff., и особенно сенатский указ Броуну от 19 марта 1784 г., в котором его сурово порицали за отклонение от норм «Учреждений...». Требование властей о назначении русских чиновников в губернское правление и в высшие суды также вызвало тревогу (ср.: Ibid. Op. cit. P. 157). В 1784 г. губернатором под началом Броуна был назначен А. Беклешов.

[54] Ibid. P. 162.

подушного оклада нанесло свободе передвижения. Лифляндский крестьянин, издавна был прикреплен к земле. Но и вольные крестьяне, и ремесленники, и даже горожане, не попавшие по бедности или роду занятий в купечество (отныне разделенное на гильдии, как в России), оказались привязанными к месту проживания в момент переписи. Теперь помещики и городские советы должны были выдавать паспорта тем, кто желал уйти на заработки. Этот процесс необходимо было отрегулировать, так как иначе помещики начали бы требовать подушную подать за двадцать лет вперед, прежде чем отпустить свободного ремесленника из деревни, к которой он приписан. Были разработаны сложные правила и тарифы регистрации отпусков и паспортов в судах, но все равно власть помещиков над всеми, кто жил на их земле, естественно, возросла. Городские магистраты тоже сетовали на подушный оклад, потому что он противоречил их привилегиям; кроме того, часть земель, принадлежавших городам, всегда считалась свободной от налогообложения. Но их протесты никто не слушал.

Введение подушной подати, а особенно то, что, как правило, ее собирал, оценивал и вносил в казну помещик (хотя крепостной мог платить ее и напрямую), невероятно усилило власть помещиков над крестьянами. Но, по крайней мере, в одном аспекте «Учреждения...» 1775 г. улучшили положение прибалтийских крестьян. Положения Патента 1765 г. остались в силе и постоянно подтверждались, а так как власти не переставали напоминать помещикам о необходимости зафиксировать нормы отработок на барщине, то многие наконец подчинились[55]. Но еще важнее было сохранение за крестьянами дарованного в 1765 г. права жаловаться в нижний земский суд на хозяев за дурное обращение. Более того, по настоянию русских властей были учреждены верхняя и нижняя расправы, а 4 сентября 1784 г. личным рескриптом на имя генерал-губернатора Броуна Екатерина распорядилась проследить, чтобы при выборах асессоров в эти суды в них попали не чиновники, а «сельские жители». В итоге «реформа» в некоторых отношениях ухудшила экономическое положение крестьян, но расширила их права на защиту закона от несправедливости и эксплуатации. Теперь не только вольные крестьяне получили доступ в суды, но и крепостным стало полегче с учреждением должности «сель-

---

[55] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 548—549. Автор, ссылаясь на других историков, утверждает, что в целом регистрация размеров барщины не пошла на пользу крепостным, однако доказательств не приводит.

ских заседателей» в нижних земских судах. Последние и в самом деле нередко были крепостными и следили за тем, чтобы жалобы их собратьев на плохое обращение, сверхурочные отработки или злоупотребления при сборе налогов не оставались нерассмотренными[56].

Следующим этапом преобразования лифляндской системы управления на российский лад стало провозглашение Жалованной грамоты дворянству в 1785 г. Большинство личных и имущественных прав, пожалованных согласно этому документу, было предоставлено прибалтийскому дворянству без затруднений, потому что они в значительной мере были разработаны на основе прав лифляндского дворянства[57]. Но тот раздел Жалованной грамоты, где говорилось о корпоративных сословных правах, немедленно вызвал противостояние прибалтийского дворянства российскому государству. Лифляндские привилегии предусматривали регулярные заседания ландтага, или сейма, имевшего право инициировать обсуждение новых законов и постановлений, высказывать свои мысли о вводимых государством налогах (которые теоретически можно было даже отклонить). В ландтаг входили только дворяне, внесенные в матрикулу. Они составляли корпорацию, которую представляли двенадцать ландратов в ранге генерал-майора, выступавшие советниками губернатора. Депутаты районов — крейсов — регулярно собирались обсуждать местные вопросы, у дворянства имелась своя казна, оно могло создавать добровольные фонды на «сословные» нужды.

Жалованная грамота дворянству совершенно изменила законодательную основу как управления Лифляндией, где ландтаг должен был прекратить существование, так и корпоративного статуса дворянского сословия. Соотношение власти между центральным правительством и провинциальными органами коренным образом менялось в пользу первого, а изменения состава и прав дворянского сословия наносили ущерб старым родам, внесенным в матрикулу.

Слабость лифляндского дворянства заключалась в существовании в Прибалтике landsassen (так называемого «земства» или «лан-

[56] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 551–554. Автор указывает, что в законе не говорилось об избрании именно крепостных заседателей от крестьянства, но отмечает, что еще во времена Ливонского ордена существовали «рехтсфиндеры», или крестьянские судьи. Со временем их функции были ограничены, но их по-прежнему могли призывать в свидетели, и, как выясняется, они с успехом представляли нужды крестьян.

[57] Там же. С. 569 и далее. Здесь приведен подробный анализ критики Жалованной грамоты со стороны лифляндцев. См. также: *Bienemann F.* Op. cit. P. 264.

дзасов»). В России они, несомненно, воспринимались бы как «дворяне», потому что владели землей и обычно служили офицерами в русской армии, но в Лифляндии дворянами не считались, а потому по лифляндским установлениям не располагали правом представительства. Их существование уже привело к путанице при выборах в Уложенную комиссию в 1766 г., и тогда Екатерина II сама решила вопрос, приказав, чтобы они избрали собственного отдельного депутата[58]. Зато Жалованная грамота открыла для ландзасов доступ в дворянскую корпорацию и дала право занимать выборные посты в местной администрации, прежде доступные только родовитым дворянам. Теперь в Санкт-Петербурге они обратились в Сенат с петицией — с ними не советовались по поводу Жалованной грамоты. Вскоре, 22 ноября 1785 г., последовало распоряжение Сената: лифляндскому дворянству велели приступить к составлению родословных книг по русскому образцу вместо матрикулы. Но совет ландратов отказался выполнять приказ на том основании, что доступ к матрикуле разрешался только ландтагу в полном сборе. 29 ноября 1785 г. они представили губернатору длинную памятную записку, в которой указывалось на различия между российской Жалованной грамотой 1785 г. и их собственными правами, подчеркивались конституционные функции ландтага и ландратов и говорилось, что в Лифляндии право избирать и быть избранными в кандидаты на публичные должности не зависело, как в России, от имущественного и служебного положения, но принадлежало от рождения каждому дворянину, записанному в матрикулу. Здесь ландтаг, а не Герольдмейстерская контора, как в России, решал, принимать ли новичков в дворянскую корпорацию. По этим причинам дворяне не могли согласиться с разделением их сословия на шесть категорий, как предписывали статьи 76—82 Жалованной грамоты. Прибалтийское дворянство, в том числе и обладатели российских титулов, составляло единый класс, доступ в который определялся не столько службой, сколько происхождением, как было и в Германии[59]. Они писали, что благодарны за доступ к особым привилегиям, предоставляемым

---

[58] См. гл. 4 и 9.

[59] Лифляндское дворянство особенно встревожилось из-за уже начавшегося торга русскими дворянскими грамотами (см.: *Bienemann F.* Op. cit. P. 274). В работе Я. Зутиса приведен детальный анализ критики Жалованной грамоты со стороны лифляндцев, содержащейся в меморандуме 29 ноября 1786 г. (который Ф. Бинеманну обнаружить не удалось) (см.: *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 569 и далее).

российскому дворянству (займы из дворянского банка, служба в гвардейских полках, поступление в специальные учебные заведения), но эти блага не могли заставить их слиться с русским дворянством. В заключение лифляндцы самым вежливым образом уверяли, что Жалованная грамота очень хороша для русского дворянства, но не подходит им самим[60].

Генерал-губернатор, которому была адресована памятная записка, 8 декабря ответил ее авторам, что единое устройство системы управления империи требует единообразия сословной структуры общества. Он просил дворянство с благодарностью принять Жалованную грамоту, обещая, что шероховатости можно будет устранить на ближайшем ландтаге. Но остзейцы твердо вознамерились продолжать борьбу: 29 января 1786 г. собрался съезд дворянских представителей, который подготовил новый анализ конституционных расхождений, основанный на уже известных аргументах, а 9 февраля этот документ был подписан. Отвезти его в Петербург доверили барону Игельстрому, но Екатерина, поддерживаемая Вяземским, не собиралась допускать никаких отклонений от своей модели. Все петиции были переданы в Первый департамент Сената (которым руководил Вяземский), и там 7 августа 1786 г. наконец издали неслыханной суровости указ на имя генерал-губернатора Броуна. В задержке с проведением в жизнь Жалованной грамоты дворянству винили нерешительность генерал-губернатора и его администрации. В указе говорилось, что небольшая часть дворян, недовольных представляемыми им преимуществами, но держащихся традиционных обычаев и укоренившихся мнений, выдвинула необоснованные возражения, в то время как остальные дворяне, как хорошо известно Сенату, всем сердцем надеются на скорое принятие законов, которыми они хотят воспользоваться. Далее в указе говорилось, что долг правительственных учреждений – проводить законы в жизнь. А администрация Прибалтийских провинций позволяет себе без конца требовать объяснений, чего не делала ни одна другая губерния. Распоряжения же правителей во все времена должны приниматься с уважением и выполняться безропотно, особенно когда государыня одарила дворянство и города такими привилегиями. Броуну велели без дальнейших промедлений исполнять предписания Жалованной грамоты[61].

---

[60] *Bienemann F.* Op. cit. P. 268.

[61] Ibid. P. 282–283.

После этого ландратской коллегии было велено заняться составлением родословных книг, а выборы назначили на 1 октября. В августе на прибалтийское дворянство обрушился последний удар. Указ от 14 августа 1786 г. попросту упразднил в Лифляндии и Эстляндии такие институты, как ландраты, ландтаг, ландратская коллегия. Как объяснял Сенат, эти органы были созданы в стародавние времена, чтобы должным образом руководить отдельными частями административной системы. Теперь же необходимость в них отпала, потому что все права и привилегии перешли под защиту законов страны и институтов, «созданных властью нашей государыни». Теперь дворяне получили право избирать предводителей и депутатов и составлять родословные книги, а также обращаться с прошениями о своих нуждах к губернатору, в Сенат и к самой императрице. Поэтому выборы в эти традиционные местные органы впредь проводиться не будут, а принадлежащие им земли и средства перейдут к казенным палатам и пойдут на другие цели. Ландраты, не имеющие иного чина, смогут получить чины четвертого класса и сделаться действительными статскими советниками[62]. 26 августа ландраты ушли в отставку со своих должностей.

Жалованная грамота городам была введена при таком же произволе властей. Например, протесты города Риги полностью проигнорировали. По словам немецкого историка этих событий, Ф. Бинеманна, «то, что медленно росло целое столетие, а потом сберегалось 150 лет, было сметено за 10 дней — в этом было нечто от сокрушительной мощи Тамерлана или Сен-Жюста»[63].

Историки по-разному интерпретировали отмену остзейских привилегий в зависимости от национальных воззрений и идеологических взглядов. Бинеманн передает мнения и чувства немецкого дворянства Лифляндии, оскорбленного объединением в одну группу с ландзасами — «выслужившимися офицерами и чиновниками, без традиций и воспитания, которые даже численно не имели никакого веса, потому что составляли лишь одиннадцатую часть всего дворянства»[64]. Я. Зутис, с другой стороны, видит в устранении

---

[62] *Bienemann F.* Op. cit. P. 283—284.

[63] Ibid. P. 284. Я. Сиверс 29 сентября 1786 г. собрался с духом и написал Екатерине письмо — скорее печальное, чем гневное, — в котором сокрушался о том, что советники ввели государыню в глубокое заблуждение относительно лифляндских установлений. Он не предлагал восстановить ландтаг, но просил послаблений для крестьян по части натуральных повинностей — продовольственной и фуражной.

[64] Ibid. P. 266.

замкнутости остзейской дворянской олигархии и в упразднении сословных органов дворянства триумф абсолютистского государства, «расчищавшего путь для экономического, социального и политического прогресса». По его мнению, «даже немецкие историки из остзейцев» признают прогрессивный характер политики России, но оправдывают оппозицию прибалтийского дворянства необходимостью сохранять немецкое влияние в этих областях[65].

«Реформа» лифляндского дворянства была проведена с педантизмом и одновременно с грубостью, достойными императора Иосифа II. Единообразие было так или иначе желательно, но прежде всего не следовало допускать никаких автономных политических прав в противовес центральной власти. При этом особенности социальной структуры Лифляндии играли на руку Екатерине. Ее поддерживали ландзасы и беднейшие безземельные дворяне, получившие теперь доступ к должностям. Они пожаловались в Сенат на то, что родовое дворянство совершенно не допускает их к политической деятельности, хотя они владеют 20% земли, и даже «самым государственным крестьянам дозволено, чтоб им самим выбирать своих судей»[66]. Кроме того, политику императрицы поддерживало русское дворянство, почуявшее возможность приобрести земли и влиятельное положение в Лифляндии, а также высшие сановники государства, вместе с Екатериной II выступавшие за единообразие и централизацию всех владений империи[67].

---

[65] *Зутис Я. Я.* Указ. соч. С. 585.

[66] Там же. С. 582—583.

[67] В Эстляндии события развивались таким же образом. 16 декабря 1785 г. местные дворяне вручили Броуну протест против Жалованной грамоты. Вторая петиция, поступившая к генерал-губернатору 3 марта, уже 31 числа того же месяца была доставлена Екатерине. Ее постигла та же участь, что и воззвания лифляндцев. В Курляндии, аннексированной Россией в 1793 г., реформу провозгласили 27 ноября 1795 г. (Там же. С. 448, примеч. 1).

Часть VII

ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА

Глава 21

Двор и культура

С самого начала своего царствования Екатерина II в полной мере осознавала, как важно навести порядок при дворе, чтобы он служил надежным средством формирования общественного мнения в стране и благотворно воздействовал на восприятие России за рубежом. Вскоре после вступления на престол императрица положила конец хаосу, царившему при Петре III, для которого императорский двор представлял собой нечто среднее между казармой и кабаком. Новые правила установили систему придворных чинов, а дворцовое хозяйство, хотя и казавшееся критикам излишне экономным, все же улучшилось теперь настолько, что фрейлины Екатерины больше никогда не голодали, как бывало при ее муже[1].

Двор монарха был не просто частным жилищем государя. Он являлся центром, излучавшим традиции культуры на всю страну, куда только доходил этот свет. Екатерина II, как и Елизавета Петровна, поощряла развитие театра, но она дала гораздо более мощный толчок подъему интеллектуальной жизни в России, оказывая покровительство также литераторам, переводчикам и журналистам.

Придворный театр и опера не были открыты широкой публике на коммерческой основе, но там бывал более широкий круг людей, чем можно было бы ожидать: «Тогда в придворный театр впускаемы были без всякой платы одни классные обоего пола чины и гвардии унтер-офицеры», — писал поэт Державин о 1760-х гг.[2] В 70-е гг. И. И. Дмитриев отмечал, что если места в ложах и в партере разда-

---

[1] *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. I. С. 226—228. Екатерина едва не спровоцировала забастовку при дворе, отказавшись автоматически возводить в капитанские и полковничьи чины Табели о рангах официантов, лакеев и других дворцовых слуг, привыкших таким способом пробираться даже на должности воевод.

[2] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. VI. С. 434.

вали бесплатно в зависимости от чина, то на галерку допускались люди всех сословий, лишь бы они не были одеты в ливреи[3]. Представления в придворном театре шли на русском и на французском языках[4].

Русским придворным театром сначала руководил ведущий русский драматург того времени А. П. Сумароков, чьи пьесы часто играли на его сцене. Сумароков происходил из древнего боярского рода и стал первым профессиональным литератором знатного происхождения. Он же первым в России начал в 1759 г. выпускать периодическое издание – журнал «Трудолюбивая пчела». Трагедии Сумарокова, особенно в ранние годы, принадлежали к жанру высокого классицизма и отвечали правилам, разработанным Буало. Но в комедиях, повестях и поэтических произведениях он выходил за рамки классицизма, испытывая влияние Вольтера и Шекспира. Первым из русских драматургов Сумароков вывел на сцену крестьян.

В январе 1766 г. директором придворного театра и музыки был назначен один из личных друзей Екатерины И. П. Елагин. Он еще раньше выступал в роли неофициального покровителя нескольких молодых российских драматургов, самыми заметными из которых были В. И. Лукин и Д. И. Фонвизин. Лукин особенно преуспел как сторонник приспособления иностранных моделей к русской почве, заимствуя извне сюжеты и персонажи и высмеивая недостатки русского общества. Между Сумароковым и Лукиным шло яростное соперничество как профессионального, так и личного порядка (Лукин не был дворянином). Полемика между драматургами разыгрывалась в их пьесах, в которых они безжалостно высмеивали и передразнивали друг друга. В сатирах они выставляли своих личных врагов, не щадя ни родственников, ни должностных лиц, и актеры, знавшие всю подноготную, старались показать зрителям, кто имелся в виду, подражая манерам, речам и костюму оригинала[5].

Но самым выдающимся драматургом века Екатерины оказался Денис Иванович Фонвизин. Он происходил из остзейского рода, учился в Московском университете и начал служебную карьеру в качестве переводчика Коллегии иностранных дел. В 1763 г. его при-

---

[3] *Burgess M.* Russian Public Theatre Audiences of the 18th and Early 19th Centuries // SEER. Vol. 37. № 88. P. 160 ff.

[4] *Mooser R. A.* L'opera comique français en Russie au XVIIIe siècle. Geneve; Monaco, 1954. P. 28.

[5] *Welsh D. J.* Russian Comedy 1765–1823. The Hague, 1966. P. 20–21.

командировали к канцелярии И. П. Елагина. Опубликовав несколько переводных произведений, Фонвизин взялся за главную свою пьесу, «Бригадир» (1766—1769). Эта сатира на галломанию, охватившую дворянские круги, была также замечательна галереей русских типов, частью, как утверждали, взятых прямо из жизни. Она дала выдающийся пример театра социального звучания, высмеивающего пороки, восхваляющего то, что достойно похвалы, обеспечивающего конечную победу добродетели. Пьесу прочитали Екатерине в 1769 г. Она имела такой успех, что автора пригласили повторить чтение при великом князе Павле Петровиче, где драматурга заметил Н. И. Панин. После этого Фонвизина сделали секретарем Панина в Коллегии иностранных дел, с чего началась целая череда лет близкой личной дружбы и единства политических взглядов между драматургом и министром[6].

Сама императрица также была не чужда драматургии. Четыре ее сатирические пьесы увидели свет в 1772 г. Они касались таких тем, как суеверие, лень, невежество и браки, которые устраивались по воле родителей. Другие сочинители пьес высмеивали продажность чиновников и судейских, обычно подчеркивая, что просвещенная императрица приняла меры для искоренения этих пороков. В некоторых пьесах проявлялось гуманное отношение к крестьянству, как, например, в пьесе Н. Николева «Розана и Любим», где показано, что крестьянин может любить и быть не менее великодушным, чем царь. Я. Б. Княжнин в либретто русской комической оперы «Несчастье от кареты» (1779) приблизился к осуждению системы, позволявшей паре завзятых франкофилов разрушить планы свадьбы между дворовыми, чтобы добыть денег на покупку французской кареты. Вообще жестокие и бессердечные помещики высмеивались как недостойные своего высокого положения, однако институт крепостного права сам по себе не обсуждался, а уж тем более не осуждался.

Но самое устойчивое воплощение крестьянская тема обрела в комической опере. Начало этой традиции положила опера «Анюта», сочинение автора-недворянина М. И. Попова, в которой, правда,

---

[6] По мнению Д. Уэлша, «Бригадир» был поставлен при дворе только в 1772 г., а в публичном театре — в 1780 г., потому что Екатерина нашла пьесу слишком дерзкой. Однако в его работе не указано, на чем основаны эти утверждения, заимствованные автором у историков русской литературы (*Welsh D. J. Op. cit.* P. 29). Согласно другим мнениям, «только благодаря Екатерине эти пьесы вообще удалось поставить» (*Papmehl K. A.* Freedom of Expression in Eighteenth Century Russia. The Hague, 1971. P. 105).

выясняется, что молодая крестьянка Анюта — на самом деле дворянская дочь, но говорится и о тяжелой крестьянской доле, а герои изъясняются простонародным языком. Высшее развитие эта тема получила в опере А. А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779) — истории крестьянской любви, тоже рассказанной народным языком. Использование народных песен в этих комических операх придавало им чисто русский колорит[7].

При дворе и в русском обществе прижились разнообразные музыкальные представления. Во времена Елизаветы Петровны придворному оркестру и хору щедро покровительствовали любившие музыку Разумовские. Петр III играл на скрипке, и в его недолгое царствование при дворе часто звучала камерная музыка в любительском исполнении. При этом к государю присоединялись в роли музыкантов такие исполнители, как Г. Н. Теплов[8]. Екатерина, напротив, не отличалась музыкальностью — кажется, у нее вообще не было слуха, — но музыка была одним из элементов, придающих блеск двору. Поэтому там постоянно ставили оперные спектакли. Серьезные оперы (иногда на русском языке) чередовались сначала с итальянской комической оперой, а с 1764 г. — с французской[9].

Характерной чертой русской культуры оставалась любовь к вокальной музыке. Придворный хор и хор мальчиков исполняли русскую хоровую музыку на церковных службах и русские народные песни при дворе; здесь звучали хоровые симфонии и концерты таких молодых русских композиторов, как М. С. Березовский и Д. С. Бортнянский. В 1765 г. в Санкт-Петербург на место дирижера придворного оркестра приехал итальянский композитор Б. Галуппи, превративший его в настоящую теплицу для вокальных и инструментальных дарований[10]. Как ранее фаворит Елизаветы Алексей Разумовский, Григорий Орлов, кажется, тоже любил русские народные песни. В камер-фурьерском журнале так описан один вечер при дворе: «По окончании стола е.в. изволила возвратиться во внутренние свои

---

[7] См.: *Seaman G.* Folk-Song in Russian Opera of the Eighteenth Century // SEER. Vol. XLI. № 96. P. 144—157.

[8] Записки Штелина о Петре III. Цит. по: *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1953. Т. II. С. 401.

[9] *Mooser R.A.* Op. cit. P. 32 ff.

[10] На посту капельмейстера Галуппи сменили Томмазо Траетта (1768—1776), Джованни Паизиелло (1776—1784), Джузеппе Сарти (1784—1788), Доменико Чимароза (1788—1791) и Висенте Мартин и Солер (1788—1794).

апартаменты, а господа кавалеры в картинной комнате, между употреблением виноградных разных вин, пели сами песни; потом придворные певчие и лакеи, а в других комнатах, по приказанию... графа Г. Г. Орлова, пели увеселительные песни ж от состоящего караула в Селе Царском гвардии рейтары и солдаты»[11].

Благодаря тому, что музыке покровительствовал двор и она преподавалась в государственных учебных заведениях, любовь к ней распространилась в высшем обществе, где появилось немало искусных музыкантов. Но это явление вовсе не ограничивалось только придворными кругами. Возникали так называемые «вольные театры», в которых ставились популярные комедии и работали музыканты, игравшие на разных инструментах. В таких театрах также поощряли исполнение народных песен и постановку популярных сочинений, ходивших в списках[12]. Эти новые, более демократические зрительские аудитории прокладывали путь для восприятия буржуазной комедии, крестьянских сюжетов и народной песни.

Русская музыка в своем развитии питалась и еще из двух источников. Во-первых, все больше и больше крепостных становились музыкантами. У многих дворян были собственные оркестры, игравшие на балах и танцевальных вечерах, к которым большей частью сводилась светская жизнь общества. Вдобавок русская армия создала свой особый вид музыки — уникальные роговые оркестры, в которых каждый исполнитель играл на роге, издававшем единственную ноту[13].

60-е годы XVIII в. едва ли можно назвать золотым веком русской литературы. Гигант Елизаветинской эпохи Ломоносов умер в 1765 г., и никто не унаследовал его гения. Но приход к власти новой правительницы, явный интерес к литературе самой Екатерины II, многочисленные переводы, осуществлявшиеся при ее поддержке, придали громадную энергию литературной жизни столицы и подвигли целую плеяду новых писателей дворянского и недворянского происхождения к экспериментам с новыми формами романа, повести, поэзии и публицистики.

С самого начала своего царствования Екатерина поощряла переводы иностранной литературы, научных и философских трудов на русский язык. Более того, она сама подавала пример. Весной 1767 г.,

---

[11] Цит. по: *Ливанова Т.* Указ. соч. С. 406.

[12] Там же. С. 124—125.

[13] Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1785—1787. P. 247.

во время путешествия в Казань по Волге, императрица и ее ближайшее окружение развлекались, переводя «Велизария» Мармонтеля, изданного только что, в январе (и немедленно осужденного Сорбонной). Главы этого сочинения были розданы придворным Екатерины, а себе она оставила главу об обязанностях монарха. В ней Мармонтель, обращаясь к Юстиниану устами Велизария, выступал в защиту правления по закону и предостерегал от власти произвола, неизбежно приводящего к тирании. Та же группа придворных пробовала силы в переводе избранных статей из Энциклопедии, опубликованных издательством Московского университета в трех томах в 1767 г.

4/15 ноября 1768 г. Екатерина II основала Собрание, старающееся о переводе иностранных книг и пожаловала ему исходную сумму в 2 тыс. руб. Через своего литературного секретаря Г. Козицкого императрица постоянно следила за деятельностью Собрания, проработавшего до учреждения Российской академии в 1783 г. Оно выполняло обширную программу переводов, от «Илиады» до «Путешествия Гулливера», от новейшей французской комедии до «Робинзона Крузо». Так, в течение 60– 70-х гг. в русском переводе появились все сочинения Руссо, кроме книги «Об общественном договоре»[14].

Основная масса книг, издававшихся в России, по-прежнему состояла из молитвенников на церковнославянском языке, но старый алфавит использовался и для светских сочинений[15]. Зато среди книг, печатавшихся гражданским шрифтом, подавляющее большинство составляли переводы, выполненные многими из будущих известных авторов. В их числе были, например, Д. И. Фонвизин и А. Н. Радищев. Н. И. Новиков, быстро понявший, что за публикацией книги должны следовать ее распространение и продажа, основал в 70-е гг. недолго прожившую компанию по продвижению на рынок переводных сочинений, выходивших из Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. Но это оказалось пока еще весьма трудным делом, так как спрос на книги в провинции оставался ничтожным, и все усилия В. Г. Орлова, директора Академии наук, распространять академические издания в провинции терпели полный крах[16].

---

[14] Генерал П. С. Потемкин перевел «Рассуждение о неравенстве» и «Новую Элоизу», «Признания савойского викария» вышли анонимно в 1777 г.

[15] *Афанасьева Т. А.* Реестры книг XVIII в. Московской синодальной типографии // Книга в России до середины XIX в. / Под ред. А. А. Сидорова, С. П. Луппова. Л., 1978. С. 169–176.

[16] *Мартынов И. Ф.* Книга в русской провинции 1760—1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Там же. С. 109—125.

Центральной фигурой на литературной арене был М. Херасков. Как директор, а затем как куратор Московского университета он в начале 60-х гг. издавал два журнала, «Полезное увеселение» и «Свободные часы», в которых печатал собственные литературные произведения, а также сочинения молодых поэтов и писателей, группировавшихся вокруг университета. За свою долгую жизнь Херасков испробовал много жанров, в том числе в подражание «Генриаде» Вольтера написал внушительную эпическую поэму «Россиада» о взятии Казани Иваном Грозным. Перу Хераскова принадлежат пьесы, лирические стихи, торжественные оды. Как в театре, так и в поэзии он занял важное место, олицетворяя переход от классической драмы к буржуазной и мелодраме, от классицизма к сентиментализму в поэзии. Не менее важным было влияние его личности — московский дом Хераскова более всего напоминал настоящий литературный салон.

Ни один из поэтов 60-х гг. не мог сравниться с Михаилом Ломоносовым. Поэт В. Петров был простолюдином и привлек к себе внимание одой по случаю карусели — это был род рыцарского турнира, очень модный при дворе Екатерины в это время. В апреле 1769 г. Петрова взяли переводчиком в секретариат императрицы, и до конца ее царствования он продолжал торжественными одами отмечать все важные события[17]. Способность Петрова писать стихи к случаю снискала ему титул карманного стихотворца Екатерины II.

В 60-е гг. романы начали превосходить популярностью стихи, а переводы, затеянные Екатериной, проторили путь для развития оригинального русского романа. Ф. Эмин за семь лет издал семь романов, два из которых находились в русле философских и политических идей Просвещения и предназначались для читательской аудитории, охватывавшей не только дворянство, но и значительную часть «третьего сословия». Самое известное его произведение «Письма Эрнеста и Доврары», написанное по следам «Новой Элоизы», стало провозвестником русского сентиментализма. Херасков тоже писал длинные романы в духе классицизма, проникнутые идеями Просвещения, в которых знатоки могли различить и подводное течение масонского оккультного символизма[18]. В ином ключе

---

[17] *Martynov I.F.* Notes on V.P. Petrov and his Stay in England (New Materials) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. № 7.

[18] См.: *Baehr S.L.* The Masonic Component in Eighteenth-Century Russian Literature // Russian Literature in the Age of Catherine the Great / Ed. by A.G. Cross. Oxford, 1976.

была написана «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» М. Чулкова, нечто вроде русской «Молль Флэндерс». Чулков прославился также «Пересмешником» — сборником сказок всех времен и народов, выдержавшим несколько изданий, и монументальным собранием русских народных и казачьих песен. К тому же простонародному жанру принадлежало сочинение М. Комарова «Ванька-Каин», восходящее к устной народной повести XVII в.

Вслед за журналом Сумарокова «Трудолюбивая пчела» в 1762—1764 гг. появилось еще несколько недолговечных периодических изданий. Затем последовало затишье, нарушенное в начале 1769 г. объявлением о предстоящем издании русского еженедельника «Всякая всячина». Издателем выступал секретарь Екатерины Г. Козицкий, и это обстоятельство ясно говорило посвященным, что императрица принимает личное участие в судьбе журнала, хотя масштабы этого участия тогда еще полностью не осознавались. Пока еще не найдено убедительного объяснения, почему именно в это время у Екатерины возник внезапный интерес к изданию журнала. Возможно, она хотела иными средствами продолжить формирование общественного мнения, что возлагалось раньше на Уложенную комиссию. Или императрицей руководило желание установить каноны и рамки, в которых будет позволено цвести российской сатире, потому что злословие, едкая персонифицированная насмешка в русской драме перешли грани приличия. Образцом для «Всякой всячины» послужил английский журнал «Спектейтор»[19], а ее анонимная издательница представала под маской «Бабушки». В первом номере еженедельника «Бабушка» с напускной скромностью выражала надежду на то, что ее примеру последуют другие. «Я вижу будущее, — писала она. — Я вижу бесчисленное потомство "Всякой всячины". Вижу, что за ней последуют законные и незаконные дети». [нужен оригинал, но где искать?] И уже в январе 1769 г. появились «То и се», «Ни то, ни се», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Самым известным из этих изданий как благодаря содержательности, так и качеству издания был «Трутень» Н. И. Новикова.

Н. И. Новиков (1743—1820) происходил из старого служилого дворянского рода, сравнительно зажиточного, хотя и небогатого (семья владела тремя сотнями душ). Он получил образование в

[19] См.: *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. // Эпоха просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967

Московском университете, где учился в одно время с Д. И. Фонвизиным и Г. А. Потемкиным[20]. Затем он вступил в Измайловский гвардейский полк, в котором служил во время прихода к власти Екатерины, и был отобран на роль составителя «экстрактов» из протоколов Уложенной комиссии в 1767—1768 гг. Новикова произвели в поручики и с началом войны перевели в пехотный полк, но потом по неизвестным причинам двадцатипятилетнего полевого офицера в военное время отпустили в отставку ради того, чтобы он посвятил себя литературным трудам[21].

Название журнала Новикова — «Трутень», — вероятно, восходит к «Трудолюбивой пчеле» Сумарокова, но при этом содержит намек на связь с английскими «Спектейтором», «Айдлером», «Тэтлером» и на ловко используемую редакторскую «маску», придающую последовательность позиции журнала[22]. В самом деле, уже установлено, что русская периодика немало почерпнула из английских образцов, в частности определение «границ дозволенного» в сатире, напечатанное во «Всякой всячине». Согласно мнению «Всякой всячины» и «Спектейтора», сатира должна быть нацелена против порока вообще, а не против конкретных узнаваемых лиц. По-русски это обозначалось как «сатира на порок», в отличие от «сатиры на лицо». «Всякая всячина» семь раз возвращалась к определению допустимых границ сатиры и соглашалась со «Спектейтором» в осуждении болезненных личных выпадов.

Спор о границах сатиры, не новый для России, был подхвачен периодикой 60-х гг. с особым удовольствием. Если «Всякая всячина» держалась той точки зрения, что сатиру следует направлять против порока вообще, то Новиков в «Трутне» был готов идти дальше и допустить персональную критику, правда не называя имен. Дебаты между этими журналами велись при помощи вымышленных персонажей: Новиков насмехался над дамами средних лет, не умевшими правильно писать по-русски, а «Бабушка» обвиняла «Трутня» в

---

[20] Новиков, как и Потемкин, сначала получал в университете очень высокие оценки, а кончил тем, что был исключен за непосещение лекций и безделье. Но возможно, что Новикову помешали доучиться проблемы в семье, потребовавшие его присутствия.

[21] Факт его отставки (без всяких объяснений) приведен в работе: *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951.

[22] *Jones G.W.* Novikov's Naturalized Spectator // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J. J. Garrard. Oxford, 1973.

таком желчном расположении, что он готов сечь людей кнутом за каждую мелочь.

Однако эта полемика никоим образом не ограничивалась «Всякой всячиной» и «Трутнем». Все журналы увлекались острой полемикой друг с другом и со своей общей прародительницей, «Всякой всячиной», как и сатирой на высокопоставленных особ, князей и бояр, злых помещиков и подрядчиков, которые жиреют на крестьянском «кровавом поте». В журналах также немало подшучивали над «слабой» и «рассеянной» бабушкой[23]. В советской историографии стало расхожим утверждением, что дебаты о сатире между Новиковым и Екатериной наряду с нападками Новикова на крепостное право на страницах «Трутня» заставили императрицу закрыть его журнал. Однако нет никаких свидетельств того, что «Трутень» закрылся в результате какого бы то ни было вмешательства властей[24]. «Всякая всячина» просуществовала всего лишь год, как и было задумано с самого начала, но и все остальные журналы тоже один за другим закрывались, ненадолго пережив свою первую годовщину. Главное препятствие развитию журнального дела составляла немногочисленность читающей публики. Она не могла поглотить восемь новых периодических изданий за год, а новизна скоро поблекла. Сам Новиков это понял и выбранил своих непостоянных читателей за то, что они его бросили, в сатирическом прощальном слове, где грозился, что не напишет больше ни строчки[25]. Два обстоятельства наводят на мысль о том, что журналы закрывались из-за финансовых затруднений, а не из-за цензуры или давления со стороны властей: во-первых, пять из тогдашних журналов печатались от начала до конца в Академической типографии (в том числе «Смесь» и «Трутень»), а в 1771 г. вышла перепечатка «Смеси» в виде отдельной книги. Во-вторых, когда закрылся «Трутень», Новиков уже успел договориться об издании второго журнала, «Пустомеля», в той же Академической типографии.

На протяжении 70-х гг. Новиков не прекращал свои издательские начинания. В двух появившихся в свет выпусках «Пустомели»

---

[23] *Jones G. W.* The Polemics of the 1769 Journals. A Reappraisal // CSS. 1982. Vol. XVI. P. 432–433.

[24] *Idem.* The Closure of Novikov's «Truten» // SEER. 1972. Vol. L. № 1. P. 47–67.

[25] Этот текст перепечатан из выпуска за 27 апреля 1770 г. и помещен в «Хрестоматии по русской литературе XVIII в.».

он продолжал литературную полемику с другими писателями и откровенные нападки на российскую бюрократию. Эти выпады нисколько не вредили карьере Новикова, о чем говорит его возвращение в это время на службу переводчиком в Коллегию иностранных дел, как и то, что при благосклонном покровительстве Екатерины он взялся за одно из ценнейших начинаний на благо русской культуры — сбор и публикацию исторических документов в «Древней российской вивлиофике». Ему было позволено без ограничений пользоваться книгами из библиотеки императрицы и получать документы из государственных архивов. В апреле 1772 г. Новиков снова объявил о намерении издавать сатирический журнал, причем в завуалированной форме отдал его под покровительство императрицы[26]. Утверждают, что сама Екатерина печаталась в «Живописце», хотя именно в нем из всех журналов Новикова появлялись самые ядовитые осуждения крепостничества, самая едкая сатира на отсталых, диких, неотесанных дворян и даже «письмо» некой «беспутной девицы лет за сорок», гордой тем, что никто не сможет сказать, будто она «жила с одним человеком и любила только его». «Живописец» прекратил выходить в свет после пятидесяти двух довольно нерегулярных выпусков, и в советской историографии опять-таки утверждается, что его заставили закрыться препятствия, которые власти чинили Новикову. Но это непохоже на правду, потому что Новиков переиздал «Живописца» одной книгой в 1775 г. и не упустил случая еще больше заострить некоторые высказывания[27]. Более того, он продолжал издание «Древней российской вивлиофики» после закрытия «Живописца» и предпринял издание нового журнала «Кошелек» (было напечатано два его выпуска). В обоих этих изданиях отразилось стремление Новикова опровергнуть иностранную критику в адрес России и противостоять низкопоклонству русских перед наносными иноземными модами и ложными кумирами. В его сочинениях зазвучала новая нота народности, он начал утверждать ценность исконно русских традиций и обрядов. Программа Новикова не была программой радикального политика. Он

---

[26] Издатель «Живописца» заявлял, что намерен следовать руководству автора пьесы «О время!». Этим автором была Екатерина II, высмеивавшая в ней провинциальное дворянство.

[27] В царствование Екатерины «Живописец» в виде книги переиздавался еще пять раз, причем последнее издание появилось в 1793 г., после ареста и заключения Новикова.

был прежде всего моралистом, стремившимся представить русской публике портрет идеального дворянина, а вовсе не ниспровергателем дворянства как класса. Трудно усмотреть в его деятельности этого этапа решительное и демонстративное отрицание всего, за что выступала Екатерина. Предположение о глубинном конфликте между императрицей и литератором опирается не столько на факты, сколько на перенесение в более ранние годы их трагического конфликта 90-х гг.

Советским ученым потребовалась немалая изобретательность, чтобы усмотреть в комедиях и трагедиях, одах и эпических поэмах намеки на оппозицию Екатерине, понять которые у нее самой, надо полагать, не хватило ума, иначе она бы непременно их запретила[28]. Это толкование порождено крайней узостью подхода к интеллектуальному климату России 60—70-х гг. XVIII в., как будто «прогрессивные» авторы могли думать только об одном: об оппозиции императрице. Но в этот период исключительной свободы самым разным писателям позволялось выражать дерзкие мысли по целому ряду проблем, лишь бы они не относились напрямую к российскому правительству. Так, когда молодой Радищев в 1773 г. издал свой перевод «Размышлений над греческой историей» аббата Г. Б. де Мабли, он безнаказанно высказал в примечаниях свой взгляд на абсолютизм как на состояние, самое противное человеческой природе.

Какой же была тогда цензура в России? Оценивая ее, необходимо различать контроль над ввозом иностранной литературы и надзор за местными печатными изданиями. Принципы в отношении первого были изложены Екатериной в указе 6/17 сентября 1763 г., где было сказано, что поскольку книжные лавки находятся без присмотра, то в них продаются нежелательные книги наподобие «Эмиля» Руссо, «мемуаров» Петра III, «Еврейских писем» на французском языке и других. Внимание Екатерины привлекли, в первую очередь, «мемуары» Петра III, так что она повелела книгопродав-

[28] В пьесе «Дидона» Княжнин вывел группу карфагенских заговорщиков, задумавших свергнуть Дидону с престола из ненависти к ее фавориту-«троянцу». Всеволодский-Гернгросс утверждает, что Екатерина не поняла, что это относится к ней, и восприняла трагедию как панегирик (*Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960. С. 86). Д. Рэнсел также полагает, что существовала «литературная оппозиция» Екатерине, так как казалось, что она отошла от политики внутренних реформ и перешла к политике военной агрессии. Однако статья Г. У. Джонса, названная в примеч. 24, показывает, что нет никаких доказательств существования подобной «оппозиции»

цам представлять списки книг, которые они намеревались ввозить из-за рубежа, в Академию наук или в Московский университет, с тем чтобы книги, противные религии, приличиям и императорской власти, из этих списков вычеркивались[29]. Таким образом, право цензуры вверялось не полиции, а «интеллектуальным» государственным учреждениям и касалось только привозных книг. В 1760-е гг. Екатерина раз или два лично вмешивалась в дела цензуры, чтобы запретить или разрешить ту или иную книгу, а в целом в этот период царила значительная свобода и устного, и печатного слова[30].

Теоретические принципы свободы слова впервые в России были публично затронуты в «Наказе» Екатерины II и проиллюстрированы на практике в ходе дебатов в Уложенной комиссии. В «Наказе» свобода слова получила негативное определение в том смысле, что императрица не провозгласила ее как несомненное право. Она отличала «оскорбление величества» от допустимой критики, но указывала, что слова «не составляют вещи подлежащей преступлению» и что творческому уму необходима свобода: «Так как же из сего делать преступление толь великое, каково оскорбление Величества, и наказывать за слова так, как за самое действие?» (статья 482). К письменному же слову следовало подходить с осторожностью, «представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение: а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого и охоту писать отнимет» (статья 484).

Но в России того времени не было правительственного учреждения, главной обязанностью которого являлась бы цензура. Некоторые губернаторы иногда доносили о бунтарских речах или подметных письмах, а церковные власти следили за делами и словами, направленными против общественной нравственности и веры. Что касалось сочинений, издававшихся в России, то тут дело значительно упрощалось благодаря тому, что все наличные типографии принадлежали учреждениям, которые содержало правительство (Шляхетскому корпусу, Академии наук, Сенату, Синоду, Московскому университету и т.д.). Когда в 1771 г. было разрешено учредить пер-

---

[29] См.: *Papmehl K.* Op. cit. P. 37ff.

[30] Дипломатические донесения этого времени подтверждают, что русские высказывались об общественных вопросах перед иностранцами с большой свободой. Ср., однако: *Richardson W.* Anecdotes of the Russian Empire. London, 1784 [репринт: London, 1968]. P. 103—104, 244ff.

вую частную типографию для издания книг на иностранных языках, то в указе об этом запрещалось печатать материалы, направленные против христианской религии, приличий и правительства[31]. Владелец типографии был обязан заранее представлять все материалы, намеченные к публикации, в Академию наук[32].

Так как большинство журналов печаталось в академической типографии, то предполагалось, что именно Академия наук и должна рассматривать рукописи, предложенные к опубликованию. Но похоже, что в первой половине 1769 г. этой предосторожностью пренебрегали, и потому по сей день остаются неизвестными истинные имена издателей некоторых журналов. Тем не менее открытый выпад против церкви, появившийся на страницах «Смеси», повлек за собой приказ директора Академии о том, чтобы в дальнейшем все рукописи перед напечатанием обязательно прочитывались. В январе 1770 г. к журналу «Трутень» приставили специального цензора, академика С. К. Котельникова. Ничего не известно ни о том, как работали эти цензоры, ни о вмешательстве в цензуру императрицы (если такое случалось)[33].

Екатерина II немало сделала для развития культурной жизни в России и помимо поощрения словесности, устанавливая и укрепляя связи своей страны с интеллектуальной Европой. Она не только вывела Россию в число европейских стран, но и наладила прямые контакты с некоторыми из выдающихся мыслителей эпохи Просвещения. Первым ее шагом в этом направлении было приглашение д'Аламбера осенью 1762 г. на роль воспитателя великого князя Павла Петровича. Но д'Аламбер отказался. «Я слишком подвержен геморроидам, а они слишком ужасны в этой стране», — писал он Вольтеру, намекая на официальную причину смерти Петра III. Кроме того, помимо нежелания покидать своих парижских друзей д'Аламбер состоял пенсионером прусского короля (у которого провел почти все лето 1763 г.) и не мог так просто бросить одного высочайшего патрона ради другого. Его переписка с Екатериной про-

---

[31] ПСЗ. Т. XIX. № 13572, 1 марта 1771 г.

[32] Я не нашла никаких упоминаний об указе, запрещающем россиянам открывать типографии. То, что они их не заводили, говорит скорее о состоянии умов, чем о суровости законов. В 1776 г. было дано разрешение открыть вторую типографию для печатания русских и иностранных книг. Религиозные сочинения подлежали одобрению Святейшего синода.

[33] *Papmehl K.* Op. cit. P. 75–76.

должалась, в основном по инициативе д'Аламбера, до 1767 г., но никогда не достигала той непринужденности, которой были отмечены отношения императрицы с Вольтером или с Гриммом. Конечно, Екатерину, как показывают ее письма, задел отказ д'Аламбера. Может быть, она прослышала о его грубом намеке на смерть Петра III? Так или иначе, когда в 1772 г. д'Аламбер позволил кому-то сослаться на себя в ходатайстве на высочайшее имя об освобождении нескольких французских офицеров, сражавшихся за польских конфедератов и захваченных в плен, он получил крайне сухой ответ, положивший конец всякой переписке между ними[34].

Прямые связи с Вольтером императрице удалось наладить гораздо успешнее. Вольтера издавна интересовала Россия. Первая часть его «Истории Петра Великого» была издана в 1760 г., вторая появилась в 1763 г., и он послал несколько экземпляров для ознакомления императрице через ее секретаря, женевца Пикте[35]. При посредстве Пикте Екатерина еще раньше снабдила Вольтера «достоверным» описанием своего восшествия на престол, но он не торопился вступить в общение с императрицей, не зная, долго ли она процарствует. В августе 1762 г. Екатерина через посредников дала знать Вольтеру, что готова позволить энциклопедистам перенести подготовку и печатание их великого труда в Ригу из-за тех препятствий, которые мешали им во Франции. Вольтер, с тех пор как он поссорился с Фридрихом II в 1753 г., обходился без собственного короля-философа, и возможно, что занятая им позиция странствующего рыцаря-интеллектуала подталкивала его сделаться рыцарем императрицы, которая была еще молода и, как говорили, хороша собой[36]. Екатерина поблагодарила Вольтера за «Историю Петра Великого», и между ними завязалась переписка, продолжавшаяся до смерти Вольтера в 1778 г. Это была переписка, процветавшая благодаря расстоянию, разделявшему корреспондентов, и тому, что они никогда не встречались лично. В самом деле, с годами Екате-

---

[34] См.: СбРИО. Т. VII. Passim. (переписка Екатерины II с д'Аламбером); *Lariviere C. de.* La France et la Russie au XVIII siècle. Paris, 1909. P. 1—69.

[35] О Пикте см.: *Hans N.* Francois Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // SEER. 1958. Vol. XXVI. № 87. P. 229—235.

[36] «...Это единственная коронованная голова, которая осталась у меня, а мне она абсолютно необходима», — написал Вольтер мадам д'Аржанталь 13 августа 1767 г. (цит. по: *Lortholary A.* Le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 93).

рина стала всячески стараться отговорить Вольтера от приезда в Россию. В марте 1778 г. она просила Гримма сказать Вольтеру, что «Като хороша только издали»[37]. Помимо той ценности, которую они видели друг в друге, составляя общество взаимного восхищения, Вольтер был очень полезен Екатерине как рупор ее взглядов и побед над их общими врагами — католической церковью, клерикализмом, варварством, фанатизмом, турками (не как мусульманами, но как разрушителями греческой античности). Подобно другим философам — врагам католицизма, Вольтер приветствовал русское завоевание Польши, предназначенное, как он выразился, установить веротерпимость вооруженной рукой и победить «и святого отца, и муфтия». Он даже сочинил и издал на средства Екатерины русскую версию истории религиозного раскола в Польше[38], а когда пришло время, приветствовал раздел этого «подарка королей» — католической Польши. Заискивание Вольтера перед «нотр дам де Санкт-Петербург»[39] и бессердечие, крывшееся за легкой болтовней по поводу сражений в Польше и Турции, показывают его не с лучшей стороны. Дидро, который был большим обязан Екатерине, вел себя сдержаннее.

Несмотря на многочисленные препятствия, Дидро удалось продолжить издание «Энциклопедии» во Франции. Но его личные финансовые трудности снова привели его в поле зрения Екатерины и позволили ей сделать чрезвычайно удачное приобретение. Дидро, которому в отдаленном будущем нужны были деньги на приданое тогда еще шестилетней дочери, решил пожертвовать своей библиотекой. Услыхав, что библиотека Дидро продается, Екатерина заплатила ту сумму, которую он просил, но этим ее щедрость не ограничилась: она оставила за ним право пожизненного пользования библиотекой, назначила ему жалованье в тысячу ливров в год как библиотекарю и заплатила круглую сумму вперед. Дидро поначалу лишился дара речи от этого поистине царского обхождения, а потом, будучи по натуре человеком сердечным и экспансивным, возглавил хор похвал в адрес Семирамиды Севера[40]. Он с головой по-

[37] СбРИО. Т. XXIII. С. 84.

[38] *Lortholary A.* Op. cit. P. 110ff.

[39] Вольтер — Екатерине II, 3 января 1773 г. // Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W. F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 177–178.

[40] *Wilson A. M.* Diderot. Oxford, 1972. P. 466–467. *Lortholary A.* Op. cit. P. 97ff.

грузился в поиски талантов для Екатерины, помогал советами приезжим из России, а однажды оказал ей важную услугу, уговорив Клода де Рюльера, занимавшего пост секретаря французского посольства во время екатерининского переворота, не издавать написанные им «Анекдоты», в которых тот довольно прозрачно намекал на роль Екатерины в смерти Петра III.

Именно благодаря стараниям Дидро удалось склонить французского скульптора Фальконе к поездке в Россию, где он создал памятник Петру I, воспетый в поэме Пушкина «Медный всадник». Меньше ему повезло с другим кандидатом на службу в России, Мерсье де Ла Ривьером. Последний служил интендантом на Мартинике и написал труд «О естественном и непременном порядке политических обществ», который Дидро прочел в рукописи и пришел в неописуемый восторг. По рекомендации Дидро Екатерина распорядилась, чтобы Н. И. Панин начал переговоры с этим французом о приглашении его на русскую службу. Но с самого начала между императрицей и философом возникло недоразумение. Екатерина видела в Мерсье человека, чье сочинение преследовали во Франции: поэтому он желал служить и навсегда поселиться в России. Сам же Мерсье де Ла Ривьер собирался на пару лет осчастливить императрицу своим присутствием и советами, а потом вернуться домой. В январе 1768 г. Екатерина несколько раз беседовала с Мерсье и, очевидно, нашла его придурковатым. Она не намеревалась принимать в конфиденциальные советники француза, который скорее всего через два года вернется на родину и выдаст ее драгоценнейшие секреты политическим противникам. В свою очередь и Мерсье де Ла Ривьер с разочарованием обнаружил, что ему предстоит стать не главным министром императрицы, а всего лишь одним из нескольких советников-правоведов при генерал-прокуроре для законотворческой работы Уложенной комиссии. Заносчивость Мерсье и его неосторожно высказанные в письме к Рейналю нелицеприятные впечатления о России[41], вероятно прошедшие полицейскую перлюстрацию, настроили русских против

[41] «В этой стране все предстоит сделать... Еще точнее говоря, все нужно разрушать и переделывать... Как вы прекрасно понимаете, невозможно, чтобы самовластный деспотизм, абсолютное рабство и невежество не наплодили всевозможных злоупотреблений...» (письмо от 19/30 октября // *Lariviere C. de.* Op. cit. P. 98—99).

него, и он вернулся во Францию (впрочем, став на 100 тыс. руб. богаче, чем был[42]).

Приезд Мерсье де Ла Ривьера в Россию в любом случае пришелся некстати, потому что в это время императрица особенно сильно гневалась на Шуазеля из-за публикации в Париже «Путешествия в Сибирь... с описанием нравов и русских обычаев и т.д.» аббата Шаппа д'Отроша (с выполненными в романтическом духе гравюрами Лепренса). Шапп д'Отрош, член Французской академии, астроном, прибыл в Санкт-Петербург в 1761 г. по пути в Сибирь, где намеревался наблюдать прохождение Венеры. Он был гостеприимно принят в России и провел в Тобольске несколько месяцев. Книга аббата вышла в 1768 г., и нельзя было представить себе худшего для Екатерины момента ее появления, потому что Россия только что вступила в войну с Турцией. Естественно, императрица заподозрила, что здесь не обошлось без ее врага Шуазеля, ведь Шапп д'Отрош не только описал Россию как варварскую страну, но и отозвался с насмешкой о ее военной мощи. Россия показалась этому французу страной, погрязшей в праздности и невежестве, населенной рабами, живущими в ужасной нищете под игом крепостничества: «В России никто не осмеливается думать; душа, униженная и отупелая, почти теряет к этому способность. Ядовитое дыхание деспота охватывает все искусства, все предприятия и проникает во все мастерские. Там можно видеть художников, прикованных цепями к мольберту. Достаточно единственного пожелания [Екатерины], чтобы лишить ее подданных жизни и имущества... Нельзя предстать перед ней, не пав ниц...» Разделавшись с русским правительством, аббат взялся поносить русский народ в таких выражениях, что становится понятно, отчего Екатерина так разъярилась: «Можно с легкостью заключить... что у русских, наверно, грубая нервная организация, незатейливая и пассивная, скорее способствующая формированию ярких характеров, чем гениальных людей...» Может быть, она разгневалась, прочитав, что при воцарении Петра III «императрица, его

[42] Ларивьер увековечил это недоразумение следующим риторическим вопросом: «Приходило ли ей [Екатерине II] когда-нибудь в голову призвать его, чтобы поставить председателем на заседаниях этой великой ассамблеи нотаблей или поручить ему возглавить ее труды? Весьма сомнительно...» (Ibid. P. 92). Впрочем, задав такой вопрос, Ларивьер может утверждать, что Мерсье отпустили из России, потому что императрица убоялась его «взгляда Аргуса» и забеспокоилась, как бы он не отнял у нее славу законодательницы.

жена, бросилась к его ногам и, биясь лбом о землю, принесла ему присягу на верность как первая из его рабов»[43].

«Путешествие в Сибирь» не встретило в Париже хорошего приема[44]. Екатерину же оно подтолкнуло к самому объемному, если и не самому удачному, ее писательскому опыту. Ответ императрицы Шапп д'Отрошу, озаглавленный «Антидот», получил еще худшие отзывы[45]. Это утомительное и скучное сочинение, написанное мелочно, с разбором и опровержением каждой якобы злостной ошибки Шапп д'Отроша. Но все же оно не лишено интереса, так как показывает, что́ именно Екатерина II в действительности считала правдой о прошлом и настоящем России, а не в чем она старалась уверить других. Сочинение проникнуто неподдельным патриотическим негодованием:

> Нет народа, о котором было бы выдумано столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский. Однако же, если бы взяли на себя труд рассматривать вещи добросовестно и беспристрастно и сравнивать их философским взглядом с тем, что мы видим в остальном человеческом роде, то увидели бы, что он стоит приблизительно в уровень с остальными народами Европы... Немецкие писатели, например... искали в русских немцев, не находя сердились; все было дурно; русским было непростительно быть русскими дома[46].

По крайней мере, еще в одном случае Екатерина сумела обратить аргументы философов против них самих — когда она отвергла одиозное название «деспота», которое Шапп д'Отрош постоянно прилагал к правительнице России. В чем именно она превосходит деспотизмом французского короля? — вопрошала императрица.

---

[43] *Chappe d'Auteroche, Abbe.* Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761. Paris, 1768. Vol. I. P. 118, 122, 220.

[44] «Книга в дурном вкусе, в дурном тоне и в дурной манере, написанная невеждой, который строит из себя философа», — писал Гримм в «Корреспонданс литтерэр», еще не будучи на русском денежном содержании (цит. по: *Lortholary A.* Op. cit. P. 196).

[45] «Антидот — это худшая из книг, какую можно вообразить, по своему тону, самая жалкая в своей основе, самая нелепая по своим претензиям... Тот, кто дал отпор Шаппу, заслуживает большего презрения своей льстивостью, чем Шапп своими ошибками и измышлениями», — написал Гримму Дидро 4 марта 1771 г. Судя по всему, Дидро же и был автором отзыва на «Антидот» в «Корреспонданс литтерэр» (Correspondence Litteraire. Vol. IX. P. 414, январь 1772 г.). См.: *Lortholary A.* Op. cit. P. 197, 365, примеч. 131.

[46] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. VII. С. 9.

Если во Франции существовали парламенты с правом ремонстрации (которое король мог преодолеть), то и в России был Сенат с его правом представлений императрице. Если во Франции сохранялась Бастилия (а она все еще стояла на своем месте) и издавались королевские указы о заточении подданных без суда и следствия — lettres de cachet, то в России Тайную канцелярию уже упразднили. Даже о существовании во Франции фундаментальных законов можно было поспорить. Наконец, автор «Антидота» мог, торжествуя, указать на тот факт, что «Большой наказ» русской императрицы во Франции был запрещен, а Сорбонна осудила «Велизария», которого императрица с приближенными лично перевели на русский язык.

Отношение Екатерины к Руссо было двойственным. Запрещая «Эмиля» в 1763 г., она, вероятно, его еще не читала, так как книга едва успела выйти во Франции. Запрет мог исходить от Святейшего синода, так как «Признания савойского викария» понравились русским иерархам не больше, чем французским. В 1765 г. Григорий Орлов предложил Руссо поселиться в России, а такое приглашение не могло быть передано без ведома Екатерины. Большинство сочинений Руссо было переведено на русский язык, но труд «Об общественном договоре» Екатерина оценила как антироссийское произведение[47]. Кроме того, как она заявила в 1770 г., ей не нравились и педагогические идеи Руссо[48].

Тем временем Дидро собирал все свое мужество, чтобы отправиться в путешествие в Россию, которое, как всем казалось, он был обязан предпринять ради Екатерины. Наконец в октябре 1773 г. он прибыл в Петербург. В известном смысле он неудачно выбрал время для визита, потому что Россия все еще вела изнурительную войну с Турцией, а на горизонте уже вставала неясной тучей пугачевщина. Но зато французское правительство приветствовало поездку Дидро в надежде использовать его репутацию для сближения с Россией[49].

[47] СбРИО. Т. XIII. С. 68—69, примеч. 4 к письму Екатерины к Вольтеру от 3/14 1771 г., в котором она упоминает, что «новый Сен-Бернар проповедует духовный крестовый поход против меня...».

[48] Екатерина II — мадам Бельке, 13 сентября 1770 г. // Там же. С. 36 и далее.

[49] «Я сказал господину Дидро, чего я ожидаю от настоящего француза. Он обещал мне развеять, если удастся, предубеждения этой государыни против нас и дать ей понять, что ее слава могла бы приобрести блеск благодаря тесному союзу с одной нацией...» (Дюран — д'Эгильону, 6 ноября 1773 г. // AAE. Correspondence Politique, Russie).

Екатерине не составило труда пресечь вынужденные дипломатические потуги Дидро. История их дружбы хорошо известна: императрица принимала философа частным образом примерно трижды в неделю пополудни. Сначала в их беседах затрагивался широкий круг тем и оба высказывались очень свободно. Но, как потом говорила Екатерина, пришло время, когда ей показалось, что реформаторские планы Дидро хороши только в кабинете, а не в реальной жизни. «...Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит, — сказала она философу, — между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы»[50]. Судя по письмам самого Дидро, к декабрю 1773 г. первая тонкая трещина в их отношениях сгладилась. Но здоровье его все ухудшалось, он был одинок при чужом дворе, его русские враги плели интриги (одни из-за того, что он был французом, а другие из-за того, что он был философом), и все это заставляло Дидро тосковать и стремиться домой. В России он не видел почти ничего, кроме столицы, но зато он очень много виделся с Екатериной.

Так или иначе, долгие беседы императрицы с Дидро осенью 1773 г. иначе как необыкновенными не назовешь. Даже если он никогда не шлепал ее по коленке в пылу красноречия[51], все же их регулярные вечерние встречи были совершенно неформальными. Екатерина усаживалась на роскошном диване, иногда с шитьем в руках, а ее гость помещался в удобном кресле напротив. Сердечность ее приема внушила Дидро надежду, что наконец-то он нашел правительницу, готовую усваивать от него идеи Просвещения и применять их в управлении страной. Более того, подобно многим современникам, Дидро думал, будто Россию реформировать проще, чем Францию, потому что она представляла собой чистый лист, на котором история еще ничего не успела написать, страну без учреждений и институтов.

Примерно представляя себе, какие темы будут обсуждаться, Дидро обычно готовил более или менее длинные записки, которые и читал императрице, а потом они спорили о прочитанном. Эти бумаги сохранились. Они говорят о присущей их диалогу удивительной свободе выражений, письменных и устных. Дидро высказывал

---

[50] Письмо Екатерины за 1785 г. к французскому послу графу де Сегюру. Приведено в кн.: *Segur L.P. de.* Mémoires ou Souvenirs et Anecdotes. Paris, 1827. Vol. III. P. 37.

[51] Этот казус Екатерина будто бы описала мадам Жоффрен, но оригинал письма императрицы обнаружен не был.

Екатерине свои взгляды на образование, веротерпимость, процесс законодательства, разводы (которые он одобрял), азартные игры (которые он не одобрял). Он просил ее дать России закон о престолонаследии, сохранить Уложенную комиссию как «вместилище законов» и гарантию того, что народ дал свое согласие на введение этих законов. Он уговаривал Екатерину ввести преподавание анатомии в школах для девочек, дабы они вырастали хорошими женами и матерями, защищенные от происков соблазнителей не невежеством, а целомудрием[52].

Часто высказывались предположения, что поскольку Екатерина не принимала некоторые или даже все идеи Дидро, то восторгалась Просвещением из чистого лицемерия, чтобы склонить в свою пользу общественное мнение за рубежом, а дома по-прежнему делать, что захочется. Гораздо реже замечают (если вообще замечают), что идеи Дидро не несли в себе практической программы ни для России середины 70-х гг., ни для любой другой страны в любое другое время. Философу не обязательно быть политиком-практиком и администратором, и Дидро, конечно, им не был. Многие его идеи казались привлекательными в теории, но не имели никакого отношения к реальности. Благородные, щедрые, во многом идеалистические, они представляли собой скорее образ мыслей, чем политическую программу.

Дидро покинул Россию 4 марта 1774 г. На прощание обменялись подарками, Екатерина оплатила дорожные расходы философа и снабдила его специально сделанным экипажем, в котором он мог ехать лежа[53]. В Гааге он остановился в доме русского посла князя Д. А. Голицына. Во время пребывания там Дидро договорился об издании на французском языке «Устава об образовании» и Генерального плана воспитательного дома, составленного для Екатерины И. И. Бецким[54]. В это же время Дидро написал свои «Размышления о Наказе» — комментарии к екатерининской инструкции

---

[52] См. введение к книге: *Tourneaux M.* Diderot et Catherine II. Paris, 1899. Более современное и точное издание текста «Записок для Екатерины II» Дидро см.: *Diderot D.* Mémoires pour Catherine II / Ed. P. Vernière. Paris, 1966. См. также: *Haumont E.* La culture française en Russie. Paris, 1910. P. 92—93 («Он [Дидро] хотел ввести и преподавание анатомии, в том числе и тех ее интимных подробностей, которые скромность всех народов исключает из программы обучения»).

[53] *Wilson A.* Op. cit. P. 646 ff.

[54] См. ниже, гл. 31

депутатам Уложенной комиссии[55]. Их передали Екатерине II после смерти Дидро в 1784 г., и некоторое время в 1785 г. она их изучала. При этом критика Дидро явно задела ее за живое. «Это сочинение — суший вздор, в котором не найдешь ни знания вещей, ни рассудительности, ни предвидения... Критиковать легко, а творить трудно», — добавила она, — особенно тому философу, который «был до того благоразумен, что жил под чужим покровительством»[56].

До конца дней Дидро Екатерина не теряла к нему сердечного расположения, но истинного друга-литератора на всю жизнь она обрела только во Фридрихе Мельхиоре Гримме. Он был сыном лютеранского пастора, родился в Регенсбурге в 1723 г. и перебрался в Париж в надежде сделать карьеру. При помощи своего покровителя, наследника герцога Саксен-Готского, тогда гостившего во Франции, Гримм скоро попал в парижские салоны и сделался близким другом Дидро и Руссо. С 1754 г. Гримм возглавил и «Корреспонданс литтерер» — литературный журнал, основанный аббатом Рейналем. Это был очень элитарный двухнедельный обзор парижских новостей в мире книг, поэзии, театра, живописи и скульптуры. Примерно пятнадцать подписчиков из числа европейских королей и князей Священной Римской империи получали его экземпляры через свои посольства в Париже, что позволяло Гримму достаточно свободно высказывать свои взгляды. Екатерина II была давней подписчицей, но личное ее знакомство с Гриммом началось тогда, когда в сентябре 1773 г. он в свите молодого ландграфа Гессен-Дармштадтского прибыл в Санкт-Петербург на свадьбу сестры последнего, Вильгельмины, с великим князем Павлом Петровичем.

Гримм не обладал пылкой и непрактичной опрометчивостью Дидро и, наверно, нравился Екатерине немецким благоразумием и здравым смыслом в сочетании с остроумием и неожиданным обаянием. С сентября 1773-го по апрель 1774 г. Екатерина часто принимала его наедине и обращалась с ним так же, как с Дидро. Гримм тем не менее отказался вступить в русскую службу и остаться в Санкт-Петербурге, но, когда он уехал, между ним и императрицей завязалась постоянная переписка, продолжавшаяся без перерывов многие годы. Последнее письмо Гримму Екатерина написала за

---

[55] Текст издан П. Верньером в кн.: *Diderot D.* Oeuvres Politiques / Ed. P. Verniere. Paris, 1963. P. 331—458.

[56] Екатерина II — Гримму, 28 октября — 23 ноября 1785 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 372.

месяц до своей смерти. Второй визит Гримм нанес в Петербург в 1776 г. (и попал на второе бракосочетание великого князя Павла), а вернулся в Париж официальным агентом Екатерины II с жалованьем в 2 тыс. руб. в год, обязанным исполнять ее художественные и интеллектуальные поручения, а также конфиденциальные частные задания — например, присматривать за ее сыном от Григория Орлова, Алексеем Бобринским, который вел весьма разгульную жизнь.

Гримм служил Екатерине своеобразным предохранительным клапаном, ее «козлом отпущения», как она его всегда называла. Ему и только ему из всех своих корреспондентов она писала с такой свободой, с какой могла обращаться разве что к брату или к дяде, в то время как он никогда не переходил границы, оставаясь ее «слугой». Лишь Гримму она могла с безграничным увлечением рассказывать о своих возлюбленных и изливать горе, когда один из них, А. Д. Ланской, умер в 1784 г.

Однако установившиеся контакты с французскими и немецкими мыслителями и поток переводов на русский язык пока еще не привели к созданию оригинальных русских сочинений политического характера. Тем замечательнее были «Философические предложения» Я. П. Козельского, изданные в сенатской типографии в 1768 г.[57] Едва ли их можно назвать оригинальным произведением, так как они состоят в основном из перечня пронумерованных юридических, политических и философских тезисов, извлеченных из трудов современников Козельского (в частности, как признает сам автор, Руссо, Монтескье, Гельвеция и одного анонимного писателя, которым оказался Шафтсбери в переложении Дидро)[58]. Козельский не обсуждал форму правления в России, в общих чертах признавал общественный договор между правителем и подданными и отдавал предпочтение республиканской форме правления, а именно такой, как в Голландии («которая в своей простоте и умеренности полагает себя и считается другими счастливейшим народом в Европе»)[59]. Он осуждал большое неравенство состояний, позволявшее богатым угнетать бедных и развивавшее в последних раболепство (пункт 415); предлагал отводить восемь часов в день на работу, оставляя

[57] О Я. П. Козельском см. гл. 11.

[58] «Principes de la Philosophie Morale» — перевод сочинения Энтони Эшли Купера, третьего графа Шафтсбери, «An Inquiry Concerning Virtue» (s.l., 1745).

[59] *Козельский Я. П.* Философические предложения // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / Под ред. С. А. Покровского. М., 1959. С. 338 и далее

восемь на развлечения и восемь на сон (пункт 426), и считал облегчение бремени простого народа единственным средством цивилизовать его. Поэтому Козельский исходил из принципа: «освободите народ, если хотите видеть его просвещенным», а не из более распространенной идеи: «когда народ достигнет просвещения, он будет достоин свободы». В «Предложениях» Козельского не содержится никакой организованной системы, но он явно был рационалистически мыслящим республиканцем, а полное отсутствие упоминаний о религии как источнике нравственности, да и о религии вообще, следует отметить особо.

Если Козельский черпал вдохновение в трудах французских и немецких политических теоретиков, то его современник С. Е. Десницкий в основном опирался на английских и шотландских мыслителей. Десницкий в 1761 г. был послан в Глазго, где учился в университете и слушал лекции Джона Миллара и Адама Смита[60]. По возвращении в Россию Десницкий был назначен лектором Московского университета по римскому праву в применении к российским законам[61], а в 1773 г. он получил кафедру российского права (кстати, он был первым профессором права, читавшим лекции на русском языке, а не на немецком и не по-латыни). Как в изданных сочинениях Десницкого (серия его публичных речей в университете), касавшихся широкого круга проблем юриспруденции и истории права, так и в «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», который он представил Екатерине в феврале 1768 г., заметно огромное влияние английских мыслителей, в частности труда Блэкстона «Комментарии к английским законам», а также английской практики. «Представление» Десницкого было издано только в 1905 г., но его работа в университете и вольный перевод «Комментариев» Блэкстона на русский язык, выполненный в 80-е гг., несомненно, сказались на развитии юридического образования в России.

---

[60] О подробностях пребывания Десницкого в Шотландии и его отношениях с шотландскими просветителями см.: *Brown A.H.* Adam Smith's First Russian Followers // Adam Smith, Bicentennery Essays / Ed. by A. Skinner, T. Wilson. Oxford, 1974; *Idem.* S.E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. VII. Oxford, 1974. P. 42—59, а также литературу, процитированную в этих работах.

[61] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. III: 1767—1786. М., 1963. С. 75, 17 августа 1767 г.; с. 141, 17 мая 1768 г. (в этом издании ошибочно указан 1767 год).

Глава 22

Фаворитизм

Назначение Г. А. Потемкина генерал-адъютантом императрицы зимой 1774 г. не только отметило начало новой фазы политической истории ее царствования. С ним открылась и новая захватывающая страница в личной жизни Екатерины II. Между ними вспыхнула страстная любовь, оставившая множество красноречивых человеческих документов и свидетельств. Потемкин страшно ревновал Екатерину к ее прошлым возлюбленным, и она написала ему «Чистосердечную исповедь», в которой оправдывала себя, волнующую историю своей сердечной жизни. Это письмо полно любви и смирения, в нем она предстает не Мессалиной Севера, а женщиной, жаждущей любить и быть любимой. «Естьли бы я в участь получила смолода мужа, которого бы любить могла, – писала она, я бы вечно к нему не переменилась...» Она объясняла, какие обстоятельства толкнули ее сначала к Сергею Салтыкову, а потом к Понятовскому. Она любила их, но их у нее отняли. Она никогда не отпустила бы Орлова, если бы не его неверность. Только из-за истории с Васильчиковым, писала Екатерина, она испытала грусть и стыд. И вот она послала за своим «богатырем» в надежде, что его чувства к ней таковы, как ей о том говорили[1].

Следующий документ показывает, какого рода ссоры возникали между ними и как они их улаживали:

Рукой Потемкина:	Рукой Екатерины:
Позволь, голубушка, сказать последнее, чем, я думаю, наш процесс и кончится. Не дивись,	*Дозволяю*
	Чем скорее, тем лучше

[1] Екатерина II – Г. А. Потемкину, 1774 г. // Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. С. 697 и далее

что я беспокоюсь в деле любви нашей. Сверх безчетных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у себя на сердце. Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним, для того, что тебя никто так не любил; а как я дело твоих рук, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро; чтоб ты придумывала все к моему утешению и в том бы находила себе отдохновение по трудах важных, коими ты занимаешься по своему высокому званию

Аминь.

Будь спокоен.
Рука руку моет.

Твердо и крепко есть и будешь.
Вижу и верю.
Душою рада.
Первое удовольствие.

Само собою придет.
Дай успокоиться мыслям, дабы чувства действовать свободно могли; они нежны, сами сыщут дорогу лучшую.
Конец ссоры.

Аминь[2].

В письмах Екатерины Потемкину, многие из которых сохранились благодаря тому, что он носил их при себе, в кармане, поразительно смешаны воедино ноты страсти и нежности к ее «московиту», «Пугачеву с Яика» (ни больше ни меньше!), «золотому тигру», «казаку» и «гяуру» с четкими деловыми сообщениями[3]. Эти письма в известной степени подтверждают предположение о том, что Екатерина и Потемкин были тайно обвенчаны. В письмах она часто называет его своим мужем, как в следующей записке: «Мой муж мне тогда сказал: "Куда мне идти? Куда деть себя?" Мой дорогой и любимый супруг, придите ко мне, вас примут с распростертыми объятиями»[4]. Может быть, из-за своего невероятного накала физическая страсть Екатерины и Потемкина быстро сгорела, но они продолжали вести себя как супружеская пара, хотя и несколько необычная, до конца своих дней, соединенные глубокой привязанностью и абсолютным взаимным доверием.

---

[2] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 795—796.

[3] Lettres d'amour de Catherine II à Potemkine, correspondence inédite / Ed. G. Ouvrard. Paris, 1934. К несчастью, это очень плохое издание. Письма, судя по всему, подлинные. Издатель сообщает, что вывез их из России и опубликовал в том порядке, в котором они были написаны. Фактически же хронология нарушена, и к тому же издатель поправил французское правописание Екатерины

[4] См. рассказ об этом в работе: *Soloveytchik G.* Potemkin. London, 1939. P. 100—102; Lettres d'amour... P. 194.

Если допустимо порассуждать о том, отчего они перестали быть любовниками, то, кажется, разлад мог возникнуть, как однажды Екатерина написала Потемкину, «из-за власти, а не из-за любви». С другой стороны, они часто ссорились и почти всегда это случалось из-за того, что Потемкин ревновал или обижал Екатерину. «Мой дорогой, разве тебе не стыдно за то, что ты сказал: тот, кто меня заменит, меня не переживет! Как можешь ты пытаться удержать сердце в рабстве страхом?» — говорится в одном из писем Екатерины к ее буйному возлюбленному. Однажды государыне Всея Руси пришлось грустно удалиться от дверей покоев Потемкина, потому что с ним находился там его камердинер[5]. Никто не может сказать, от кого из них двоих исходила инициатива разрыва. Может быть, Потемкин понял, что рискует потерять существенное — власть, из-за призрачного — любви, если не перестанет изводить Екатерину непрерывными припадками ревности. Может быть, Екатерине показалось, что Потемкин больше любит в ней императрицу, чем женщину. Или ей наскучили его объятия и она надеялась, что сумеет удержать своего друга, или даже мужа, если оставит ему власть, а физического удовлетворения поищет где-нибудь еще, и ему тоже позволит дать волю своим наклонностям турецкого паши. Главные актеры этой семейной драмы не оставили записей своего диалога. К зиме 1776 г. русский двор переполнился слухами; многие считали, что Потемкин близок к падению.

Императрица уже выбрала себе следующего фаворита. Когда в июне 1775 г. в Москву приехал праздновать окончание войны с Турцией фельдмаршал П. А. Румянцев, он привез с собой двоих молодых украинцев, которым предстояло сделать блестящую карьеру при дворе — П. В. Завадовского и А. А. Безбородко. Оба они были хорошо образованны и служили в канцелярии Румянцева во время мирных переговоров. Там зародилась их дружба с С. Р. Воронцовым, которую они сохранили на всю жизнь. Когда Екатерина попросила Румянцева рекомендовать ей двух молодых сотрудников, он назвал имена своих протеже. Завадовского назначили секретарем императрицы для приема жалоб, а Безбородко — ее литературным секретарем вместо Г. Козицкого, покончившего самоубийством. Завадовский, по рассказам, был очень хорош собой (в противоположность Безбородко, который был почти уродлив), а Екатерина питала слабость к красивым мужчинам. Замена Потемкина Завадовским была

[5] Lettres d'amour . P. 189, 191—192, 67—68

обставлена так незаметно и тактично, как ни один из последующих романов Екатерины. Английский посол Ганниг упоминает имя Завадовского в январе, а француз Корберон в феврале 1776 г. В марте Потемкин получил право пользоваться княжеским титулом, пожалованным ему императором Священной Римской империи, — таким же отличием сопровождалось окончание фавора Григория Орлова.

Кризис в отношениях Екатерины и Потемкина совпал с трагедией в жизни великого князя Павла Петровича. По распоряжению Екатерины в течение некоторого времени в 1773 г. сын приходил к ней несколько раз в неделю обсуждать политические вопросы. Она планировала, что это будет род стажировки в государственных делах (а Екатерина II всю жизнь гордилась своим умением обучать этому предмету), а не участие в управлении. Она понимала, что стоит дать наследнику палец, как силой обстоятельств он заполучит и всю руку. Будучи допущен в Совет, он волей-неволей стал бы главой «оппозиционной партии», так как императрица в конечном счете являлась по отношению к Павлу главой «правящей партии». Ее сторонники были обречены на оппозицию великому князю, в котором видели мстителя за убитого Петра III.

В этом смысле популярность Павла в стране сослужила ему плохую службу: его имя использовали в своих интересах некоторые заговорщики и бунтовщики в 60—70-х гг., и прежде всего Пугачев. После этого не оставалось уже ни малейшей надежды на то, что цесаревича когда-нибудь допустят к активному участию в управлении.

К тому же близкие контакты с сыном убедили Екатерину в том, что их взгляды и характеры совершенно противоположны. Но в восемнадцать лет Павел едва ли мог иметь самостоятельные взгляды. И не обладая особой проницательностью, можно было разглядеть в записке, представленной им матери, влияние братьев Паниных. Мир, как писал Павел, был первой необходимостью после мучительных тягот войны. Поэтому России следует отказаться от всякой наступательной политики и отойти на укрепленные рубежи, занятые гарнизонами из наследственной касты солдатских детей (предвестие военных поселений времен Александра I). Ради искоренения процветающей в стране некомпетентности, коррупции и произвола следовало установить строжайшую субординацию и дисциплину[6]. В этой программе уже прослеживается намек на привержен-

[6] *Кобеко Д. И.* Цесаревич Павел Петрович. 1754—1796. СПб., 1883. С. 103 и далее; см. также: РС. 1874. № 4. С. 678 и далее; *Шумигорский Е.* Император Павел I. СПб., 1906. С. 34 и далее.

ность Павла идее милитаризации общества, столь враждебной методам правления его матери.

Тем временем молодой человек находил утешение в радостях счастливого супружества. Его жена, великая княгиня Наталья Алексеевна, казалось, обладала всем, о чем он мог мечтать, но она не отвечала требованиям Екатерины II. Великая княгиня наделала долгов, чего, конечно, следовало ожидать, но к тому же оказалась «непослушной». Она так и не одолела русский язык и к тому же совала нос в политику. Тем не менее она исполнила свою главную обязанность перед государством: в апреле 1776 г. ожидалось ее разрешение от бремени. Но роды оказались затяжными и неудачными, а через пять дней она умерла. Смерть Натальи Алексеевны вызвала крупный скандал. При вскрытии ее личных документов обнаружилось, в сколь тесных отношениях она состояла с одним из ближайших друзей Павла, Алексеем Кирилловичем Разумовским, сыном бывшего гетмана[7]. По слухам, ходившим при дворе, Наталья Алексеевна была его любовницей, и ребенок был от него. Эти слухи в известной степени подтверждаются тем фактом, что Екатерина, по крайней мере однажды, предупреждала Павла о неосторожном поведении его жены, как и тем, что Алексею Разумовскому приказали покинуть столицу на следующий день после похорон великой княгини, а затем назначили послом в Неаполе и не разрешили ему проститься с великим князем[8].

Вскрытие тела великой княгини показало, что из-за дефекта сложения она не в состоянии была производить на свет живых детей и спасти ее было невозможно. Но в эту официальную версию тогда не поверили, в противоположность другой, гласившей, что поскольку необходим был наследник престола, а великая княгиня вряд ли была способна родить в будущем других детей, то ей сознательно позволили умереть[9]. Во всяком случае, Екатерина II спокой-

---

[7] Алексея Разумовского, человека в целом незначительного, ставшего впоследствии русским послом в Вене, обессмертил Бетховен.

[8] *Кобеко Д. И.* Указ. соч. С. 120 и далее; придворные слухи, менявшиеся день ото дня, лучше всего отражены в таком источнике, как *Corberon M. D. B. de.* Journal Intime: Un Diplomate français à la cour de Catherine II, 1775–1780. Paris, 1901. Vol. I. P. 221 ff. Корберон часто ошибается в фактах, но зафиксировал то, что он сам и другие считали тогда истиной.

[9] *Corberon M. D. B. de.* Op. cit. Vol. I. P. 230—321, см. письмо Екатерины к мадам Бельке от 28 апреля / 9 мая 1776 г. (СБРИО. Т. XXVII. С. 79 и далее; с. 95 и далее), в котором императрица подтверждает, что великая княгиня страдала недостатком сложения.

но отнеслась к кончине своей невестки и в тот же день набросала записку о шагах, которые надлежит предпринять, чтобы устроить брак ее сына с той кандидаткой, которую она на самом деле всегда желала видеть его женой - с принцессой Софией Доротеей Вюртембергской (во время первой женитьбы Павла она была слишком молода)[10].

Дело упрощало присутствие в Петербурге принца Генриха Прусского, во второй раз приехавшего в Россию. Поскольку намеченная Екатериной невеста приходилась ему внучатой племянницей, а будущий брак должен был снова упрочить связи между Россией и Пруссией, принц Генрих принялся устранять все препятствия. Вскоре стороны пришли к согласию и договорились о том, что молодые встретятся в Берлине. Поездка за границу пришлась очень кстати для Павла, не столько нуждавшегося в утешении из-за потери жены, сколько страдавшего от мучительного унижения обманутого супруга. К концу июня он отбыл в сопровождении принца Генриха и целого созвездия русских вельмож. Тогда придворные слухи снова обратились к теме неизбежной потери фавора Григорием Потемкиным. Некоторые считали, что на старое место вернется Григорий Орлов, а его брат Алексей возглавит Военную коллегию. Тем временем, видимо по договоренности с Екатериной, Потемкин 23 июня / 4 июля отправился в инспекционную поездку по Новгородской губернии, причем ему вслед летели теплые письма императрицы, а встречали его везде триумфальными арками[11]. Екатерина не внимала требованиям Алексея Орлова отпустить Потемкина и оставалась столь же глуха к требованиям самого Потемкина отпустить Завадовского[12]. Слухи росли как снежный ком, но не прошло и месяца, как Потемкин опять водворился в своих комнатах в императорской резиденции.

Тем временем в Берлине Фридрих II не жалел усилий и средств, чтобы покорить великого князя. Деньги рекой текли на парады, приемы, триумфальные арки, и у Павла немного закружилась голова от такого внимания, к которому он совсем не привык дома. Молодые сразу же понравились друг другу. София Доротея не только цвела юностью и здоровьем, она была к тому же красива и добро-

[10] СбРИО. Т. XXVII. С. 78—79.
[11] Lettres d'amour... Passim.
[12] Ibid. P. 189.

душна. В конце августа Павел, с мечтами о скорой свадьбе, вернулся в Россию, а через несколько дней за ним последовала и невеста. Екатерина тоже была в восторге от будущей невестки. Просвещенный лютеранский пастор и просвещенный же православный священник поспешили убедить Софию Доротею в том, что разница между лютеранством и православием невелика. Свадьба состоялась 26 сентября / 7 октября 1776 г., и церемония, как и празднование, были те же самые, что и при первом бракосочетании великого князя. Более того, новая великая княгиня Мария Федоровна с похвальной поспешностью принялась исполнять свой долг перед династией. Первый сын, будущий Александр I, родился 12/23 декабря 1777 г. Изменившаяся картина придворной жизни стала полной, когда в ноябре 1776 г. Завадовский официально сделался фаворитом императрицы.

Но если Потемкин и перестал быть любовником Екатерины еще зимой 1776 г., то он по-прежнему играл решающую роль в ее частной и публичной жизни до самой своей кончины в 1791 г. В 70-е гг., пока он еще взбирался к подножию трона, он отличался живым и быстрым умом, необыкновенной памятью, честолюбием, смелостью и готовностью постоять за правое дело. Во всяком случае, так отзывался о нем его племянник[13], и описания других современников подтверждают эту оценку. В те годы Потемкин еще был способен соблюдать известные правила почтительности в отношении императрицы и других придворных и еще не успел превратиться в испорченного баловня Фортуны. По мере того как укреплялось его положение, а сам он становился старше, Потемкин пристрастился к таким выходкам, которые поражали общественное мнение и в стране, и за рубежом. Он принимал иностранных послов, валяясь в постели, облаченный только в подбитый мехом халат на голое тело и домашние тапочки. Французский посол граф де Сегюр описывает, как, будучи принят таким образом, он пригласил Потемкина на обед, предупредив других гостей о готовящемся сюрпризе, и встретил фаворита императрицы точно в таком же наряде. Потемкин, что характерно, не обиделся, но намек понял и в дальнейшем принимал Сегюра или одетый, как полагается, или хотя бы извинившись за свой вольный костюм. Но все же князь продолжал расхаживать

[13] См. *Самойлов А. И.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. С. 585 и далее.

по дворцу, направляясь в покои императрицы одетый в ночной халат или мундир, с головой, обвязанной розовым платком[14].

Талантливый и оригинальный человек, обладавший даром интуитивно постигать суть вещей, Потемкин был при этом набожен и даже суеверен и страстно увлекался историей церкви. Его всегда можно было заинтересовать, заговорив о расколе между греческой и латинской церквями, о Никейском или Флорентийском соборе[15]. В этом отношении он представлял собой ценный противовес вольтерьянствующему двору Екатерины, потому что его личные отношения с иерархами церкви и с простыми священнослужителями всех вероисповеданий служили связующим звеном между европеизированным двором и простым народом. В самом деле, из всех возлюбленных и сподвижников Екатерины Потемкин был несомненно самым русским по духу, наименее подверженным холодному западному рационализму. Как и Алексей Орлов, он был отлит природой по образу древнерусского былинного героя, богатыря. В победах и поражениях Потемкина было нечто исполинское. В один момент он мог превратиться из неряшливого лежебоки, лениво мычащего свои распоряжения, в изящного и нарядного царедворца; его заносчивость переходила в непринужденную любезность, лень — в кипучую энергию, а веселость и добродушие — в глубокую хандру. Современники оставили красноречивые свидетельства способности Потемкина очаровать кого угодно, когда он бывал в настроении. Как писал о нем сэр Джеймс Харрис, «он обнаруживал такую смесь остроумия, ветрености, учености и юмора, какой я никогда не встречал сразу в одном человеке»[16]. Судя по его многочисленным победам, женщины явно находили Потемкина очень привлекательным[17]. Князь был покровителем искусств, литературы, а особенно музыки; его экстравагантные костюмы, драгоценности, стол, экипажи, лошади, дворцы и сады стали легендарными. Он

[14] *Segur L. Ph., comte de.* Mémoires ou Souvenirs et Anecdotes... Vol. II. P. 254ff. См. также письмо лорда Харриса жене от 20/31 августа 1781 г.: *Madariaga I. de.* Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. London, 1963. P. 341, примеч. 15; *Энгельгардт Л. Н.* Записки. 1766—1836. М., 1868. С. 389.

[15] *Segur L. Ph.* Op. cit. P. 254 ff.

[16] См., например: Харрис — Стормонту, 21 июля / 1 августа 1780 г. // *Malmesbury J. H., First Earl of.* Diaries and Correspondence. London, 1844. Vol. I. P. 327.

[17] Сохранилось несколько писем Потемкина к племяннице Варваре как образец любовных посланий XVIII в. См.: *Брикнер А.* Потемкин. СПб., 1891. С. 259 и далее.

располагал уникальной возможностью прибегать к неограниченным ресурсам государства, позволявшим осуществлять наяву каждую картину, нарисованную его воображением, каждый каприз его прихотливой натуры. В результате Потемкина нередко одолевало пресыщение и он впадал в прострацию. Как-то раз он пожаловался, что единственное удовольствие, которого он лишен, это удовольствие дожидаться желаемого[18]. В то же время Потемкин отличался шаловливым юмором, проявлял большую щедрость к друзьям и нуждающимся и при этом скупился платить собственные долги купцам и ремесленникам. Абсолютная незлобивость Потемкина делала его возвышение в фавориты не столь невыносимым для окружающих.

Вероятно, Потемкин действительно был тайно обвенчан с Екатериной — с такой непоколебимой уверенностью в себе он держался, а все вокруг обходились с ним как с принцем-супругом, отдавая ему официальные почести и первенство даже в частном кругу. Получив в 1776 г. титул князя Священной Римской империи, Потемкин стал повсеместно известен как «Светлейший». Когда в 1786 г. он покинул столицу и отправился осматривать свои южные владения, его всюду принимали с не меньшими почестями, чем наследника престола[19]. Длительная и частая переписка между Екатериной и Потемкиным (а они привыкли по нескольку раз в день обмениваться записками, даже живя под одной крышей) касалась как деловых, так и личных вопросов. В этих посланиях Екатерина то и дело переходит от расспросов о здоровье Потемкина к проблемам высокой международной политики, меняет русский язык на французский, официальное «вы» на интимное «ты». Потемкин называл ее в письмах «матушка государыня», а Екатерина его — «князюшка».

При этом многочисленные любовные похождения Потемкина с придворными дамами, а прежде всего с его пятью племянницами, шокировали публику, но не задевали Екатерину. Более того, старшая из племянниц Потемкина, Александра, оставалась одной из ближайших подруг Екатерины. Но ни интрижки Потемкина, ни «воспитанники» Екатерины не ослабляли необыкновенно тесную привязанность, соединявшую их. Впрочем, не нужно думать, будто Потемкин всегда поступал, как хотел. Екатерине случалось не одоб-

[18] *Энгельгардт Л. Н.* Указ. соч. С. 116 и далее.

[19] Самое полное, хотя и очень недоброжелательное жизнеописание Потемкина помещено в журнале «Минерва» за 1797—1800 гг., издававшемся в Гамбурге и Берлине Й. В. Архенгольцем.

рять его планы, отвергать предложения. Пока они еще были любовниками, Потемкин мог дуться, рвать и метать, устраивать сцены ревности. Когда же он уверился в нерушимости своей власти, он научился проявлять гибкость и снисходительность и к самой Екатерине, и к другим людям. Через какое-то время, как писал прусский посол Гертц, даже самые ярые ненавистники Потемкина привыкли с ним ладить, исходя из того, что если его сместят, то могут заменить кем-нибудь похуже[20].

Безграничная щедрость по отношению к фаворитам была в характере Екатерины, но даже этой щедрости недоставало, чтобы удовлетворить обширные потребности Потемкина. Хотя он и тратил без разбору и казенные, и собственные деньги как на государственные, так и на личные цели, ему всегда их не хватало. Екатерина без числа одаривала его фарфоровыми обеденными сервизами, столовым серебром, драгоценностями, пожаловала несколько имений в Белоруссии площадью в тысячу квадратных миль с населением в 14 тыс. душ крепостных, осыпала его сотнями тысяч рублей на уплату долгов[21]. Сам Потемкин непрестанно покупал и продавал имения, причем весьма интересовался возможностью эксплуатации их природных ресурсов. У него были стеклянные и фарфоровые заводы, а белорусские имения превратились в процветающий производственный комплекс, занятый поставками для флота в Херсоне[22].

Алчность Потемкина была не просто следствием его страсти покрасоваться. В накоплении богатств у него была некая скрытая метода, порожденная ненадежностью его положения. Князь мог смело надеяться на императрицу, но он знал (как, несомненно, знала и Екатерина), что с ее смертью его ждет опала, а то и ссылка, и Павел лишит его всех богатств. Если отношения великого князя с Григорием Орловым всегда были натянутыми, то еще хуже скла-

---

[20] См. проницательный словесный портрет Потемкина, принадлежащий перу прусского посла Й. Э. фон Гертца, прослужившего в Санкт-Петербурге с 1779-го по 1785 г. (*Goertz J. E. von.* Mémoire sur la Russie. Wiesbaden, 1969. P. 41—42).

[21] Состояние Потемкина после его смерти оценили примерно в 7 млн руб., включая в эту сумму стоимость Таврического дворца. См.: *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 314; *Брикнер А.* Указ. соч. С. 274.

[22] См.: *Christie I.R.* Samuel Bentham and the Western Colony at Krichev, 1784—1787 // SEER. 1970. Vol. XLVIII. № 111. P. 232—247; *Закалинская Е. П.* Вотчинное хозяйство Могилевской губернии во второй половине XVIII в. Могилев. 1958.

дывались у Павла отношения с Потемкиным: под влиянием Никиты Панина Павел оставался приверженцем альянса с Пруссией, который Потемкин намеревался подорвать.

Уязвимость положения Потемкина (независимо от того, был ли он обвенчан с Екатериной) заставила его с самого начала своего фавора носиться с идеей отыскать себе надежное убежище за пределами России. Сначала он думал о Курляндии, и в мае 1776 г. Екатерина велела своему послу в Варшаве, графу Штакельбергу, начать длительный переговорный процесс, чтобы заставить Польшу согласиться на смещение тогдашнего курляндского герцога Петра Бирона в пользу своего экс-фаворита[23]. Из этого ничего не вышло, и тогда внимание светлейшего князя привлекла Польша, а за ней Молдавия и Валахия. Потемкин без конца продавал и покупал имения, и можно было судить, какие именно территории его интересовали в разное время. В 1775 г. он купил польский «индигенат», что дало ему право натурализации в Польше. Одно время ходили слухи, будто Потемкин рассчитывает создать себе княжество в Крыму. Позже полагали, что Екатерина собирается сделать его греческим королем[24]. Самый серьезный из этих слухов, который подтверждался поступками самого Потемкина, представлял собой план создания опорной базы в Польше. Уже весной 1781 г., во время подписания секретного русско-австрийского договора, сообщали, что Потемкин готовит наличные деньги, распродавая поместья, лошадей и драгоценности, чтобы поместить свои средства за пределами России[25]. Осенью австрийский посол Кобенцль доносил Иосифу II, что князь приобрел в Польше большие земельные владения[26].

Будучи вице-президентом Военной коллегии и членом Совета при Высочайшем дворе, Потемкин играл важную роль в выработке внешней политики России. Он разделял увлечение Екатерины «греческим проектом» и выступал движущей силой сближения с Австрией в 1781 г. Конечно, он не мог не столкнуться с Никитой Паниным в битве за личное и политическое влияние. Никита Панин держался своей ориентированной на Пруссию Северной системы

[23] См.: *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. II: Присоединение Курляндии. С. 205–266, 236 и далее.

[24] Эти слухи приведены у Брикнера как совершенно беспочвенные (*Брикнер А.* Указ. соч. С. 64).

[25] Харрис — Стормонту, 25 июня / 6 июля 1781 г. // *Malmesbury J. H., First Earl of.* Op. cit. Vol. I. P. 428 ff.

[26] Кобенцль — Иосифу II, 12 сентября 1781 г. // *Beer A., Fiedler J.* Joseph II und Graf Ludwig Kobenzl: Ihr Briefwechsel. Wien, 1873. Vol. I. P. 226.

отчасти потому, что она нравилась великому князю Павлу Петровичу, с чьими интересами и возможным царствованием Панин все больше связывал свое будущее. В 1780 г. столкновения между Потемкиным и Паниным по вопросам внешней политики достигли неслыханной ожесточенности[27].

Эти столкновения отражались и на отношениях Екатерины с сыном. Потемкин попытался было привлечь к себе Павла в 1774 г., но потом отказался от этой затеи. Он перестал бывать на великокняжеских приемах в Павловске — прелестном дворце, который Екатерина подарила Павлу в полную собственность, — и обращался с Павлом с той же беспечной заносчивостью, как и со всеми людьми, если не хотел их очаровать.

К концу 70-х гг. «молодой двор» начал причинять Екатерине все больше беспокойства. Второй брак Павла оказался счастливым. Великая княгиня, наверно, в самом деле любила и уважала мужа, и потому в домашнем кругу расцветали все его лучшие качества. Счастливая семейная жизнь, благодаря которой у Павла появилась сфера, где он был полноправным господином, придала подозрительному и неустойчивому характеру цесаревича большую глубину и гармонию. Но все же его отношения с матерью не улучшились. Больше всего Павел страдал из-за существования материнских фаворитов. Громадные суммы, которые Екатерина тратила на них, особенно на Потемкина, конечно, ясно показывали вечно сидевшему в долгах ее сыну, какая большая разница между ним и любым из фаворитов. Постоянно недовольный своим отстранением от власти, Павел страдал и от полного невнимания матери ко всем его предложениям, направленным на благо государства. Кроме того, цесаревич так восхищался Фридрихом II, что стал яростным противником внешней политики Екатерины и едва не дошел до открытого бунта.

Возможно, для того, чтобы убедить Павла в выгодах союза с Австрией, императрица в начале 1781 г. косвенно дала понять великокняжеской чете, что им следует отправиться в путешествие по Европе с посещением Вены, Италии, Монбельяра, Парижа и Дрездена. К большому разочарованию Павла Пруссия в маршрут включена не была. Когда великий князь, как всегда подозрительный в отношении замыслов своей матери, обнаружил, что идея исходит от нее, он уверился в том, что она задумала отстранить его от престо-

---

[27] *Corberon M. D. B. de.* Op. cit. Vol. II. P. 370, 23 сентября 1780 г. К несчастью, издатель «Архива Государственного совета» опустил все материалы заседаний Совета, касающиеся внешней политики, за период 1774—1787 гг.

лонаследия и помешать вернуться в Россию[28]. Но Екатерина жестко настаивала на отъезде, который и был назначен на середину сентября 1781 г. Напряженность между матерью и сыном усилилась из-за отставки Никиты Панина из Коллегии иностранных дел, последовавшей тогда же, в сентябре 1781 г.[29] Отставной министр сделал последнюю попытку уговорить Павла и великую княгиню не покидать Россию, но в конце концов 1 октября 1781 г. их усадили в карету[30]. В заграничном путешествии Павла должна была сопровождать свита, назначенная его матерью. Он чувствовал, что его окружают шпионы, и лишь после долгих уговоров ему позволили взять с собой друга детства и неизменного компаньона А. Б. Куракина (это был внучатый племянник и подопечный Никиты Панина). Разумеется, Потемкин и проавстрийская партия при дворе ловили малейшую неосторожность со стороны Павла и пристально следили за его перепиской с друзьями в России[31]. Во время пребывания великого князя в Вене император Иосиф II сообщил ему о подписании тайного австрийско-русского договора в мае/июне 1781 г. Внешне Павел воспринял эту новость спокойно, но его истинные чувства вырвались наружу во Флоренции, в присутствии герцога Леопольда Тосканского, когда он в запальчивости обвинил Потемкина, А. Р. Воронцова, Безбородко и всех ответственных за заключение договора с Австрией в том, что они брали золото от австрийцев: «Я их высеку, разжалую и выгоню», - - кричал он[32].

То, чего дожидались враги Павла, не замедлило произойти. Молодой офицер П. А. Бибиков (сын маршала Уложенной комиссии) был так дерзок, что в апреле 1782 г. с официальным курьером отправил из России письмо А. Б. Куракину. Конечно же, письмо перехватили. Оказалось, что в нем содержится поношение политики Екатерины, Потемкина (который был назван «кривым»), высказы-

[28] См., например: Иосиф II – Кобенцлю, 19 февраля 1782 г. // *Beer A., Fiedler J.* Op. cit. P. 302. О приготовлениях к путешествию см.: *Шильдер Н.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 146 и далее, с. 542 и далее.

[29] См.: *Griffiths D. M.* The Rise and Fall of the Northern System: Court Politics and Foreign Policy in the First Half of Catherine II's Reign // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 562 ff; *Goertz J. E. von.* Mémoire sur la Russie. 1788. Wiesbaden, 1969. P. 59. См. также ниже, с. 614–615.

[30] Великая княгиня боялась за жизнь своих детей, которым предстояла прививка оспы. Об этом см.: *Griffiths D. M.* Op. cit. P. 346; FO 65/4, Харрис – Стормонту, №137 от 17(28) сентября и №156 от 21 октября (1 ноября) 1781 г.

[31] Кобенцль – Иосифу II, 4 декабря 1781 г. // *Beer A., Fiedler J.* Op. cit. Vol. I. P. 262.

[32] Леопольд Тосканский – Иосифу II, 5 июня 1782 г. // Ibid. P. 115. См. ниже, с. 385 и далее.

ваются надежды на будущие перемены с выражениями готовности Бибикова доказать делом свою преданность великому князю[33]. Бибикова арестовали и долго допрашивали о письмах, которые курьер якобы вез также от Панина и других, но больше ничего выяснить не удалось. Бибикова без суда сослали в Астрахань, где он вскоре умер от лихорадки, а А. Б. Куракина после возвращения в Россию сослали до конца царствования Екатерины в его деревни, хотя и позволили навещать великого князя раз в два года. Куракин служил одним из каналов связей Павла с прусским послом, чем и объясняется суровость, с которой с ним обошлись[34].

Лестный прием, повсюду ожидавший графа и графиню Северных (этот псевдоним раздражал шведского короля Густава III — тому чудился в нем намек на притязания России на всю северную Европу), укрепил представление Павла о собственной важности, отчего возвращение в Россию, к былой незначительности, казалось ему особенно невыносимым. Приезд великой княгини домой был встречен императорским запретом модных высоких дамских причесок,.что положило конец ее надеждам ввести в России французские модели, которых она за большие деньги накупила у знаменитой мадемуазель Бертен. «Прическа не должна превышать два с половиной дюйма в высоту, а все постановление (мудрое и разумное по целому ряду причин) нацелено на то, чтобы свести украшения частного лица к естественному и пристойному виду», — как выразился сэр Джеймс Харрис[35].

По приезде домой Павел обнаружил, что его «партия», если таковая вообще существовала, в его отсутствие разгромлена. В Коллегии иностранных дел у него больше друзей не осталось — даже Д. И. Фонвизин весной 1782 г. ушел в отставку. Петр Иванович Панин постоянно жил в Москве. Никита Иванович, чье здоровье пошатнулось после отъезда Павла, все еще был серьезно болен. Павел посетил отставного министра по возвращении, а потом долго не только не навещал больного, но и не справлялся о нем. Возможно, бояться гнева Екатерины его заставили письма П. И. Панина, в которых тот жаловался на «ужасные примеры» притеснений «над целыми родами сынов [отечества] за одни только и рассуждения

---

[33] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 555.

[34] *Долгорукий И. М.* Капище моего сердца. М,. 1890. С. 164; Екатерина II — Павлу Петровичу, 25 апреля 1782 г. // СбРИО. Т. IX. С. 145 и далее; 7 июня 1782 г. // Там же. С. 157 и далее; *Goertz J.E. von.* Op. cit. P. 58.

[35] Харрис — Грэнтаму, 1/12 ноября 1782 г. // *Malmesbury J. H., First Earl of.* Op. cit. Vol. II. P. 8 ff.

противу деспотизму»[36]. Правда, великий князь с супругой все-таки присутствовали у смертного одра того, кто фактически был другом и защитником великого князя на протяжении двадцати трех лет[37].

Перед смертью, в апреле 1783 г., Н. И. Панин, как утверждали, продиктовал Денису Фонвизину свое политическое завещание — примечательный документ, озаглавленный «Рассуждение о фундаментальных законах государства». Возможно, что в этом произведении выражены взгляды самого Панина, хотя недавние исследования приписывают авторство Фонвизину. Автор «Рассуждения» утверждает, что, подобно Богу, который всемогущ потому, что может вершить лишь добро, просвещенный правитель «постановляет в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем, которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем»[38]. Монарх не может стать достойным, пока не признает необходимость оберегать свободу и собственность подданных посредством фундаментальных законов, приспособленных «к физическому положению государства и нравственному характеру его народа». Переходя от этой апологии просвещенного абсолютизма, опирающегося на общество, разделенное на сословия с особыми привилегиями, Фонвизин посвящает взволнованный фрагмент описанию страны, в которой престолонаследие отдано на милость звероподобных кабацких толп, ни одно из сословий не располагает законными привилегиями, нет свода законов, а люди владеют себе подобными. Это не деспотическое государство, потому что в нем есть суды; не монархическое, потому что в нем нет фундаментальных законов; не аристократическое, потому что управляется бездушной машиной; не демократическое, потому что простой народ несет бремя жестокого рабства.

В «Рассуждении» говорится, что просвещенный монарх должен в самом начале правления издать фундаментальные законы, чтобы исцелить страну от тех зол, которые навлекла на нее абсолютная власть (хотя Фонвизин предостерегает от скоропалительного и неподготовленного пожалования привилегий, которыми европейские страны пользуются уже давно). Этим просвещенным монархом, как подразумевалось, предстояло стать Павлу, потому что «Рассужде-

[36] *Голицын Ф. А.* Записки // РА. 1874. № 1. Стб. 1286; *Шумигорский Е. С.* Указ. соч. Приложение. С. 2—3, 20.

[37] См.: *Фонвизин Д. И.* Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. II. С. 279—290.

[38] Там же. С. 254—267. Английский перевод см. в изд.: Russian Intellectual History. An Anthology / Ed. by M. Raeff. 1966. P. 96—195.

ние» Фонвизина было, по всей вероятности, написано как преамбула к составленному Петром Паниным манифесту Павла I по случаю его восшествия на престол. В этом документе Панин скорее с печалью, чем с негодованием, описал (в предложении на двадцать семь печатных строк) страдания наследника, принужденного наблюдать коррупцию и злоупотребления правительства. Затем он предлагал ввести фундаментальные законы, никоим образом не ограничивающие власть монарха в формальном смысле, но позволяющие заложить основы некоторых постоянных процедур, относящихся к управлению, налогообложению, правосудию и правам граждан. Следовало определить права помещиков в отношении крепостных и обязанности крепостных перед помещиками. Сомнительно, кстати, чтобы фонвизинское «Рассуждение» или конституционный проект Петра Панина побывали в руках великого князя[39].

Если что-нибудь могло еще больше обострить отношения Павла Петровича с Потемкиным, то это политика последнего на посту президента Военной коллегии. Павел больше всего на свете завидовал роли верховного военного предводителя, которую с таким блеском играл Фридрих II. Но цесаревич был вынужден лишь наблюдать, как Потемкин реформирует русскую армию. Неспециалисту довольно трудно оценить достижения светлейшего князя в этой сфере. Многие из введенных им новшеств сурово критиковали современники, но они нередко делали это из своекорыстных побуждений. Потемкина обвиняли в слишком большом внимании к легкой кавалерии, особенно к казачьим войскам[40]. Другие жаловались на то, что князь будто бы подрывает дисциплину в стремлении снискать популярность у простых солдат[41]. Он, конечно, приобрел их

---

[39] *Шумигорский Е. С.* Указ. соч. Приложение. Экземпляр «Рассуждения» Фонвизина обнаружился среди бумаг Н. И. Панина. Рукописные копии документа ходили среди декабристов и породили множество легенд. Новый анализ «Рассуждения» см.: *Ransel D.* An Ambivalent Legacy: The Education of Grand Duke Paul // Paul I. A Reassessment of His Life and Reigh. Pittsburg, 1979.

[40] О легкой кавалерии см. записки графа С. Р. Воронцова (АКВ. Т. X. С. 479), а также князя Ю. В. Долгорукого (РС. 1889. № 9. С. 509). О «пристрастии» Потемкина к казакам см. письмо Безбородко А. Р. Воронцову (АКВ. Т. XIII. С. 227). Несомненно, Потемкин питал некую слабость к казацкому образу жизни, и это выражалось также в его крайне терпимой политике в отношении староверов. См. донесение Потемкина Екатерине от 10 августа 1785 г.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. VI. С. 119.

[41] «...Чтобы заставить солдат себя полюбить, он принизил авторитет офицера...», — писал герцог де Ришелье 2 сентября 1790 г. (Journal de mon voyage en Allemagne // СбРИО. Т. LIV. С. 149).

любовь, введя новую униформу. В записке к Екатерине Потемкин утверждал, что ошибка офицеров-иностранцев, служивших в российской армии, состояла в том, что они сводили «регулярство» (т.е. дисциплину, так отчаянно страшившую казаков) к «косам, шляпам, клапанам и кантам...». «Завивать, пудриться, плести косы — солдатское ли это дело? — вопрошал князь. — У них камердинеров нет. На что же букли? Всякий должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами? Туалет солдатский должен быть таков, что встал — и готов!»[42] Кроме того, он отменил тесную форму с гетрами и заменил ее свободными мундирами и штанами, спускающимися на короткие сапоги, широкими плащами и круглыми фетровыми шляпами с кожаным козырьком от солнца[43].

Князь пытался также смягчить обращение офицеров с солдатами и подход к самим офицерам в воинских уставах[44], проявлял заботу о продовольственном снабжении и медицинском обслуживании армии[45]. Его здравый смысл и гуманное отношение не прошли для солдат бесследно. Один из адъютантов Потемкина спросил как-то раз старого гренадера, кого солдаты больше любили — Потемкина или Румянцева. Ответ чрезвычайно точно отражает характерные черты обоих военачальников: «Покойный его светлость [Потемкин] был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем уже мы иметь подобного ему командира». О Румянцеве же старый гренадер сказал: «...хотя и жутко нам было, но служба была веселая; молодец он был... и оживлял нас особым духом храбрости»[46].

Павлу потемкинские мундиры и методы подготовки солдат были ненавистны. После смерти Григория Орлова в 1783 г. Екатерина отдала имение Гатчина, бывшее владение фаворита, своему сыну. Павел удалился за город и принялся создавать в Гатчине образцовую, с его точки зрения, армию и такое же селение. Как генерал-

[42] РС. 1873. № 8. С. 722—777; см. также: РА. 1888. № 11. С. 364—367. Уже в 1775 г. Потемкин издал распоряжение, запрещавшее пудру, ленты и локоны во всех кавалерийских и пикинерных полках под его командой (Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. VI. С. 38).

[43] См. также: Иосиф II — фельдмаршалу Ласи // *Arneth A. von.* Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869. S. 354 ff.

[44] См.: ПСЗ. Т. XX. № 14890, июнь 1779 г.

[45] См.: *Самойлов А. Н.* Указ. соч. Стб. 581—582, 129 и далее.

[46] *Энгельгардт Л. Н.* Указ. соч. С. 130.

адмирал Павел набрал матросов и нанял прусского знатока строевой подготовки, говоря, что он будет тем же, кем Лефорт был для Петра Великого. К 1788 г. личная армия Павла состояла из пяти рот, затянутых в застегнутые до ушей мундиры, наряженных в громадные сапоги, парики и прочие причиндалы солдат Фридриха II, и изнемогала от строевых учений. Сама деревня Гатчина существовала под благосклонным, но тираническим надзором нового хозяина[47].

Удалившись в Гатчину, Павел в какой-то степени отгородился от зрелища придворной жизни и от ослепительной череды материнских фаворитов. Фавор графа П. В. Завадовского продлился недолго. Потемкин все еще слишком ревновал Екатерину, чтобы допустить хоть малейшую попытку затмить в ее глазах себя как государственного деятеля. Завадовский был не мальчик и, судя по его последующей карьере, стремился стать для императрицы не только любимцем на содержании. Может быть, он наскучил Екатерине тем налетом тупого педантизма и посредственности, которые заметно проявились в нем с годами. Так или иначе, летом 1777 г. Завадовский получил шестимесячный отпуск, ежегодную пенсию в 5 тыс. руб. и еще 80 тыс. руб. сверх того, 1800 душ в Малороссии и 2000 в Польше, золотую и серебряную посуду стоимостью 81,5 тыс. руб. На некоторое время он удалился от двора, но в 1780 г. был произведен в чин тайного советника, а в 1781 г. назначен директором Государственного банка (организованного в основном по предложенному им же плану). Впоследствии П. В. Завадовский активно участвовал в начинаниях Екатерины в области народного просвещения. Он был единственным, кроме Потемкина, из возлюбленных императрицы, кто сделал карьеру на государственной службе после того, как кончился его фавор. В политическом отношении Завадовский тяготел к своим друзьям молодости — Безбородко и Воронцовым, и вместе они составили ядро группы способных бюрократов, противостоявшей непредсказуемому и своенравному Потемкину[48].

С отставкой Завадовского смена фаворитов Екатерины II приобрела скандальный характер. Императрица навязывала своих любовников русскому двору, сделав из фаворитизма официальный институт. Очередной фаворит получал пост адъютанта императрицы, высокий воинский чин и апартаменты рядом с комнатами Ека-

---

[47] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 192—193. См. также: Записки Михаила Гарновского // РС. 1876. № 5. С. 7.

[48] Завадовский Петр Васильевич // РБС. Пг., 1916. Т. Жабокритский-Зяловский.

терины во всех дворцах. С этих пор он повсюду сопровождал ее, вечерами присутствовал вместе с ней на дворцовых приемах, играл с ней в карты и удалялся на покой. По мере того как императрица старела, фавориты становились все моложе, а разница в возрасте — все разительнее.

Семену Зоричу, который занимал пост фаворита в течение года после отставки Завадовского, было тридцать два года. Зорич был родом серб, отличился большой храбростью на поле боя, пять лет просидел в плену у турок. В мае 1777 г. он состоял адъютантом Потемкина, а уже в июне его называли новым фаворитом. Этот красавец был человеком ограниченного ума и низкой культуры, так что уже в феврале 1778 г. его звезда стала клониться к закату, а в мае он был отставлен и удалился в свое белорусское владение Шклов, где и зажил большим вельможей. Единственным его славным делом было основание в Шклове кадетского корпуса для дворянских сыновей, составившего впоследствии ядро Московского кадетского корпуса. Зорич был маниакальным картежником и в павловское царствование кончил дни в опале за растрату армейской казны[49].

Зорича сменил двадцатичетырехлетний И. Н. Римский-Корсаков, который продержался в фаворе очень недолго, так как был застигнут в разгаре интрижки с графиней Брюс, старшей фрейлиной Екатерины и ее давней ближайшей подругой. Весь двор сплетничал о страсти графини к Корсакову задолго до того, как императрица узнала о его неверности[50]. В письмах к Гримму Екатерина восторгается красотой Корсакова: он так хорош собой — сущий «камень преткновения для художников и отчаяние скульпторов». В октябре 1779 г. Корсаков уже отправился в Москву, где к нему присоединилась не графиня Брюс, вернувшаяся к мужу, генерал-губернатору Москвы Якову Брюсу, а жена одного из первых вельмож Екатерины, графа А. С. Строганова[51].

Императрица повременила с выбором нового фаворита примерно полгода, а весной 1780 г. на этот пост был назначен двадцатидвух-

---

[49] *Фурсенко В.* Зорич Семен Гаврилович // Там же; см. также: Харрис — У. Идену, 2/13 февраля 1778 г. // *Malmesbury J.H., First Earl of.* Op. cit. Vol. I. P. 172—173; Харрис — Саффолку, 2/13 февраля 1778 г. // Idem. P. 174; Харрис — Саффолку, 12 мая / 2 июня 1778 г // Idem. P 200

[50] Харрис — Саффолку, 29 января / 9 февраля 1779 г. // *Malmesbury J.H., First Earl of.* Op. cit. Vol. I. P. 227--228.

[51] Римский-Корсаков умер глубоким стариком в 1831 г. Отношения между Строгановым, его женой и экс-фаворитом были весьма красочными, но недостаток места не позволяет углубиться здесь в их описание.

летний А. Д. Ланской (Екатерине был 51 год). Он служил в конной гвардии и несколько месяцев пробыл адъютантом Потемкина. Возможно, Екатерина еще раньше обратила на него внимание, но официально он водворился в апартаментах, освобожденных Корсаковым, не раньше Пасхи 1780 г. Кажется, Екатерина внушила Ланскому настоящую привязанность. Образование его было довольно скромным (Ланской происходил из хорошей, но провинциальной и обедневшей семьи), однако он по-настоящему интересовался науками, живописью и архитектурой. Императрица находила его добрым, веселым, честным и нежным. По ходившим тогда слухам, когда весной 1781 г. она начала было засматриваться на соперника, Ланской так страдал при мысли о расставании с государыней, что она передумала, и их союз возобновился, став еще теснее, чем прежде. Некоторые родственники Ланского извлекали пользу из его положения, а его сестры, выданные за скромных дворян, стали камер-фрейлинами. Сам он не участвовал в политической жизни и отказывался служить каналом доступа к императрице. Все считали, что он делал больше добра, чем зла. Но Екатерине опять не повезло — едва у нее сложились, казалось бы, прочные отношения с возлюбленным, как вмешалась смерть. Сплетники приписывали смерть Ланского употреблению возбуждающих средств, но медицинские свидетельства говорят о том, что он умер от скарлатины, которая унесла его в шесть дней. 25 июня 1784 г. Ланской умер. Сердце Екатерины было разбито: «Я погружена в самую мучительную скорбь, моего счастья не стало», — писала она барону Гримму 2/13 июля[52]. Безбородко немедленно послал за Потемкиным, находившимся тогда в южных губерниях, и 1/21 июля он был уже рядом с Екатериной. Князь утешал императрицу, рыдая вместе с ней, — действительно, как заметил австрийский посол Кобенцль, в минуты большого горя Екатерины Потемкин снова входил в роль ее мужа[53]. Без Ланского Царское Село стало невыносимо императрице, и тем летом она туда уже не возвращалась. Более того, она вообще не появлялась на людях до сентября. В столице государыня также отказалась вернуться в свои покои в Зимнем дворце и до февраля 1785 г. прожила в соседнем здании Эрмитажа. Ее горе было глубоким и искренним, и в годовщину смерти Ланского она все еще описывала Гримму его

[52] СбРИО. Т. XXIII. С. 316 и далее (письмо начато 7/18 июня 1784 г. и продолжено 2/13 июля).

[53] Письмо от 9/18 сентября 1784 г. // Там же. С. 317—318; Кобенцль — Иосифу II, 5 мая 1780 г. // *Beer A., Fiedler J.* Op. cit. Vol. 1. S. 17.

добродетели[54]. Одной добродетелью Ланской обладал несомненно – он был бескорыстен. Умирая, он завещал императрице все то внушительное состояние, которое составил как фаворит, поэтому уже сама Екатерина раздала наследство Ланского его родственникам.

Следующее увлечение Екатерины оказалось несчастливым и продолжилось лишь несколько месяцев. Тридцатилетний А. П. Ермолов тоже служил адъютантом Потемкина. Судя по всему, он был полным ничтожеством и сделал ошибку, позволив себе по наущению врагов Потемкина критиковать князя при императрице. В июле 1786 г. он был поспешно отставлен[55].

За Ермоловым последовал Александр Дмитриев-Мамонов, двадцати шести лет. Он состоял в дальнем родстве с Потемкиным, был, конечно, прекрасен собой, но к тому же хорошо образован, бегло говорил по-французски и по-итальянски, любил музыку, обладал живым умом и интересовался государственными делами. Он был самым культурным и интеллигентным из молодых любовников Екатерины и приобрел заметное влияние при дворе. Императрице не терпелось подготовить его не только для частной, но и для государственной службы и обеспечить ему продвижение. Однако вскоре их отношения стали натянутыми, потому что Мамонов норовил уклониться от своих обязанностей и показывал, что жизнь с государыней его тяготит. Растущее напряжение отразилось в лаконичных дневниковых записях секретаря Екатерины А. В. Храповицкого: «слезы», «после обеда к<нязь> Г. А. Потемкин Таврический миротворствовал». Фавор Дмитриева-Мамонова кончился в июне 1789 г.[56]

Сплетни о любовных похождениях Екатерины неисчислимы. Драму ее сердечной жизни раздули до того, что она вызывает больше интереса, чем ее государственная деятельность. Поэтому уместно подчеркнуть, что не существует ни малейших подтверждений самых пикантных историй, вроде испытаний мужественности, будто бы проводившихся фрейлинами Екатерины – графиней Брюс или Анной Протасовой («проверяльщицей» из байроновского «Дон-Жуана»), или осмотров на предмет венерических болезней, которые якобы совершал доктор Дж. Роджерсон. Нет и свидетельств того, что

[54] СбРИО. Т. XXIII. С. 321–322. 19/30 сентября 1784 г., с. 334 и далее, 22 апреля / 3 мая 1785 г., с. 344 и далее, 28 июня / 9 июля 1785 г.

[55] Впоследствии Ермолов поселился в Вене и купил в Штирии имение Фросдорф, позже ставшее резиденцией графа де Шамбора. Двое сыновей Ермолова были воспитаны в Австрии в католичестве, а сам он умер там же в 1834 г.

[56] *Храповицкий А. В.* Дневник. СПб., 1874. С. 290 и далее. См. ниже, с. 649–650.

Потемкин выбирал любовников для императрицы, — эти рассказы, вероятно, вызваны тем, что трое из них были его адъютантами, и естественно, что императрица скорее могла заметить молодых людей, вращавшихся при дворе. Что до рассказов о массовых оргиях в преклонные годы Екатерины, то их можно отбросить как вымысел[57]. Об интимной стороне сексуальной жизни Екатерины II абсолютно ничего не известно наверняка, так что об этом остается только гадать. Зато много известно о ее эмоциональной жизни, но не потому, что она открыто выставляла ее на всеобщее обозрение, — нет, она была сдержанной и даже немного чопорной, особенно в последние годы. Сегюр рассказывает, как он попробовал позабавить императрицу несколько рискованной шуткой во время поездки в ее санях в путешествиях 1787 г. Императрица совсем не развеселилась и перевела разговор на другую тему[58]. Она нашла «Женитьбу Фигаро» Бомарше предосудительной, потому что, в отличие от пьес Мольера, в ней присутствовали непристойности и двусмысленности, вставленные ради эффекта[59]. Публично с фаворитами Екатерины обходились как с особенно высокопоставленными придворными сановниками, путешествующими в ее экипаже и постоянно находящимися при ней. Видное положение, предоставленное этим незрелым молодым людям, то терпение, с которым Екатерина выслушивала их и даже им уступала, вызывали неблагоприятные отзывы со стороны ее пуритански настроенных гостей, например Иосифа II, который почувствовал, что его императорское достоинство было уязвлено, когда пришлось потакать капризам какого-то Дмитриева-Мамонова[60]. Но публично соблюдались все приличия.

Только в письмах к Гримму и к Потемкину Екатерина давала полную волю своим чувствам. Гримму она изливала надежды, опи-

---

[57] Ш. Массон упоминает о «маленьком обществе» Екатерины, в котором «северная Кибела» справляла свои «тайные мистерии». В моем экземпляре этой книги, некогда принадлежавшем Джеймсу Харрису, первому лорду Малмсбери, владелец в этом месте приписал на полях: «выдумки» (*Masson C.F.P.* Mémoires secrets sur la Russie. Paris. 1800. Vol. I. P. 163). См. также потрясающее сочинение «La Messaline du Nord», произведенное на свет некоей «VR» (автор — дама!) и изданное в 1834 г.

[58] *Segur L.P.* Op. cit. Vol. III. P. 18.

[59] Екатерина II — Гримму, 22 апреля 1785 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 334. История о том, как Екатерина восхитилась чьей-то остроумной репликой, слишком вульгарной, чтобы ее напечатать, рассказанная Корбероном, кажется в этом свете невероятной (*Corberon M.D.* Op. cit. Vol. II. P. 137—138).

[60] *Segur L.P.* Op. cit. Vol. III. P. 183—184. Правда, Иосиф II был не в восторге и от самой «оекатеринившейся принцессы Цербстской».

сывала свои поступки, рассказывала, как она обучает молодых людей ремеслу государственного деятеля. Ее любовь к «Пирру, царю Эпира» (т.е. к Римскому-Корсакову), к «Красному Кафтану» (Мамонову) или к «Чернушке» (Зубову) сквозит в каждой строке, написанной о них. Во всех них она видела только достоинства — никогда еще не бывало на свете таких прекрасных молодых людей. Написанное ею о смерти Ланского наводит на мысль о том, что в этой связи появилась глубина отношений, которой прежде не бывало: она видела в нем друга навсегда. «Я надеялась, что он будет опорой моей старости... это был юноша, которого я воспитывала...»[61]

Если окинуть взглядом все известные сведения об отношениях императрицы с ее возлюбленными, можно заметить некоторые характерные особенности, объясняющие хотя бы часть ее причуд. Эмоциональная и сексуальная жизнь Екатерины подверглась нескольким очень тяжелым испытаниям: ее выдали замуж четырнадцатилетней, и больше восьми лет супруг оставался бессильным или равнодушным к ней. Затем ее поторопили произвести на свет наследника престола от возлюбленного по ее выбору. Материнские чувства Екатерины были искалечены сначала физическим отстранением от детей, на которое ее обрекла Елизавета, а потом политическими обстоятельствами жизни, в силу которых Павел стал опаснейшим соперником матери, а сын от Орлова, граф Бобринский, не мог быть признан. Неудивительно поэтому, что Екатерина страдала некоторым искажением эмоциональной сферы. Но мучительнее всего, по всей вероятности, было для нее то, что она не могла «удержать» ни одного из возлюбленных. Действительно, Понятовского, искренне и преданно любившего Екатерину, от нее удалили. И Салтыков, и Орлов оказались неверны, и даже Потемкин, самая большая любовь ее жизни, бежал от нее. Вероятно, это оказалось решающим психологическим потрясением для императрицы. До этого момента (за исключением истории с Васильчиковым) за Екатериной, как за всякой другой женщиной, ухаживали влюбленные или просто желавшие ее соблазнить мужчины. После него мужчин стала выбирать она и, судя по всему, разделила свою сердечную жизнь на две сферы. С одной стороны — Потемкин: друг, сотрудник, деловой партнер, наперсник, которому Екатерина полностью доверяла, несмотря на все их ссоры, единственный человек, перед которым можно было не притворяться. Может быть, он был ее мужем, а иногда по-прежнему и любовником — во всяком случае, этот человек продолжал ее любить, даже если больше

[61] Екатерина II — Гримму, 7/18 июня 1784 г. // СБРИО. Т. XXIII. С. 316–317.

и не желал ее. С другой стороны, были молодые фавориты, удовлетворявшие ее физически и в то же время позволявшие давать выход материнским инстинктам, глубокой страсти к «просвещению» (столь ясно проявившейся в «Наказе» и во многих законопроектах, как и в отношениях императрицы с внуками). Ибо Екатерина искала в своих возлюбленных большего, чем просто красивых животных. Тем из них, кто проявлял подлинный интерес к ее интеллектуальным и художественным занятиям, кто не боялся государственных дел, был обеспечен длительный фавор.

Нет сомнений в том, что великолепный князь Тавриды (титул «Таврический» Екатерина пожаловала Потемкину в 1787 г.) затмевал при русском дворе всех своих соперников. Утверждали также, что он сознательно окружал Екатерину собственными креатурами, оттесняя старую знать, и защищал интересы среднего и мелкого дворянства, из которого происходил сам и которое поддерживало самодержавие против так называемых «аристократов-конституционалистов», таких как Н. И. Панин или Воронцовы. Эти предположения очень трудно обосновать документально. Определенно можно сказать, что между 1777 и 1785—1786 гг. произошли заметные изменения в составе высших придворных кругов. За эти годы многие выдающиеся деятели ушли в отставку или умерли, в частности Никита Панин, скончавшийся в апреле 1783 г., и последовавший за ним в 1789 г. его брат Петр. Осенью 1782 г. потерял рассудок Григорий Орлов. К удивлению собственных придворных и британского посла, Екатерина II обращалась с прежним возлюбленным с гуманностью, редкой по тем временам — временам жестокого отношения к безумцам. Хотя больной иногда разражался туманными упоминаниями о возмездии за былые злодейства, Екатерина, как писал посол Харрис, «строжайше запрещает применять какие-либо суровые меры, отвергает любую мысль о заключении или наказании... и... принимает его в любое время и в любом наряде»[62]. Орлов умер в 1783 г. Екатерина всегда вспоминала его с любовью, восхищением и благодарностью[63]. В том же году умер фельдмаршал А. М. Голицын, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, а в 1784 г. — фельдмаршал З. Г. Чернышев, генерал-губернатор Москвы. С 1779-го

---

[62] Харрис — Грэнтаму, 4/15 ноября 1782 г. // *Malmesbury J.H., First Earl of.* Op. cit. Vol. II. P. 10.

[63] СбРИО. Т. XXIII. С. 274—275.

по 1789 г. ушли из жизни девятнадцать сенаторов, в то время как в 1762–1779 гг. не стало только восьмерых[64].

Гораздо важнее вопрос о том, какими критериями определялось «старинное дворянство». В России XVIII в. существовали очень «старинные» дворянские роды, слишком обнищавшие и малозначительные, чтобы играть какую-то роль в политике. В сущности, «старинным» дворянином считался такой человек, который думал и поступал как представитель «старинного» дворянства и который, благодаря чинам, или богатству, или и тому и другому, удостоился попасть в магический круг новоиспеченных вельмож-аристократов. Однако эти крупные магнаты в XVIII в. принадлежали в основном к «новым» родам, вышедшим на передний план благодаря родству с царскими женами, как Нарышкины и Скавронские, или фаворитизму, как Воронцовы, Шуваловы, Разумовские, Орловы, или службе, как Чернышевы, Румянцевы и Панины[65]. Тщательное изучение состава тех, кто занимал важнейшие посты в екатерининской центральной и местной администрации, при дворе, в армии, во флоте и в дипломатической службе, показывает, что в целом, а в особенности на высшем уровне, сменяемость сановников была очень невелика.

Из высших сановников Екатерины больше всех пострадал Захар Чернышев, потому что Потемкин пожелал и получил его пост. Но в остальном многие из тех, кто считался врагами Потемкина, проявляли удивительные способности к выживанию: А. А. Вяземский оставался генерал-прокурором и членом Совета до 1792 г., И. Г. Чер-

---

[64] *Le Donne J. P.* Appointments to the Russian Senate, 1762–1796 // CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 27–56. Автор этой статьи попытался проанализировать семейные группировки в составе Сената, отнеся всех его членов к одной из двух основных партий — Паниных или Вяземских. Это полезный прием, но там, где семьи так тесно взаимосвязаны, нередко бывает трудно определить их принадлежность к той или иной группе. Ле Донн вообще не упоминает о группировке Потемкина.

[65] К сожалению, в своем в целом очень полезном издании сочинения М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» Э. Лентин спутал возведение в дворянство с пожалованием титула. От этого его анализ «старого и нового дворянства», которому посвящено Приложение II (с. 302 и далее), вводит читателя в большое заблуждение. Потомки прежних княжеских фамилий описываются здесь как возведенные в дворянство до петровского царствования, в то время как их, конечно, вообще никогда не возводили в дворянство. Других автор публикации считает возведенными в дворянство в тот день, когда они получили титул, а третья группа, состоящая из таких старых нетитулованных родов, как Зиновьевы, Бибиковы, Загряжские, Мельгуновы, Ушаковы, Аладуровы и т. д., названа недворянами, хотя это настоящие природные дворяне (*Shcherbatov M. M.* On the Corruption of Morals / Tr. and ed. by A. Lentin. Cambridge, 1969).

нышев, назначенный вице-президентом Адмиралтейства в 1768 г. (президентом был великий князь Павел), оставался на этом посту, как и в составе Совета, до смерти императрицы. А. Р. Воронцов был президентом Коммерц-коллегии с 1773-го по 1793 г., когда он добровольно вышел в отставку после смерти Потемкина. Более того, когда в 1787 г. Совет был преобразован в связи с обновлением состава, среди его новых членов оказались А. Р. Воронцов, генерал Н. И. Салтыков, граф В. П. Мусин-Пушкин и А. П. Шувалов. Единственными выскочками в Совете были А. А. Безбородко и П. В. Завадовский — всего лишь две креатуры Потемкина. Также и на других придворных должностях постоянно встречаются имена старых признанных родов, нередко по многу лет подряд. Далее, если после 1775 г. многие из крупных вельмож начального периода царствования Екатерины отсутствовали при дворе, это объяснялось главным образом крайней нуждой в опытных и талантливых кадрах для новых институтов, образованных в провинции согласно «Учреждениями для управления губерний» 1775 г. Екатерина использовала каждого имевшегося в наличии способного человека на весьма ответственных постах, сопряженных с громадной властью. Высшие военачальники, такие как П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, Н. В. Репнин, да и сам Потемкин, назначались на особо сложные должности губернаторов пограничных провинций или сочетали посты губернаторов и главнокомандующих в той или другой столице. Если было возможно, то Екатерина, кажется, предпочитала держать губернаторов на их постах достаточно длительное время. Так было в случае с генералом Джорджем Брауном (Броуном), замечательным ирландцем, вступившим в российскую службу в 1730 г., которого в 1762 г. назначили лифляндским губернатором, в 1775 г. — губернатором Лифляндии и Эстляндии и который умер в этой должности в 1792 г., в почтенном возрасте девяноста четырех лет. С другой стороны, недостаток квалифицированных кадров приводил к известной текучести. Однако в этих переменах невозможно проследить умышленного искоренения врагов Потемкина. В Москве сидели и дулись на Екатерину в первую очередь Алексей Орлов и П. И. Панин — вельможи, не принадлежавшие к старинному дворянству, а также отставные фавориты (Римский-Корсаков, Дмитриев-Мамонов — оба из старинных родов!), а в 80-е гг. там сложился кружок интеллектуалов-вольнодумцев, искавших убежища от сурового петербургского просвещения в радостях масонства.

Глава 23

Вице-король Юга

Григорий Потемкин занял сначала пост генерал-губернатора Новороссии, на который он был назначен 31 марта 1774 г., затем в 1775 г. стал генерал-губернатором новообразованных Азовской и Новороссийской губерний[1]. С 1785 г. он возглавил также Екатеринославскую губернию и Таврический уезд (Крым) и сделался фактическим вице-королем Южной России и полновластным правителем всех земель от Буга до Каспия.

Первой задачей, которую пришлось решать Потемкину в этой новой роли, оказалась реорганизация казачьих войск ради предотвращения возможных будущих вспышек наподобие разрушительной пугачевщины. Разумеется, в первую очередь предстояло привести к покорности Яицкое казачество. Часть яицких казаков выселили, а оставшихся передали под начало надежного атамана, назначенного правительством. На землях Яицкого войска разместили регулярные воинские части, город Яицк переименовали в Уральск, а реку Яик — в Урал. Поволжское казачество тоже расформировали и большинство казаков перевели на Терскую линию и на Кавказ[2].

Труднее было решить проблему Донского казачества. Донцы достойно сражались против турок и не примкнули к Пугачеву, но их тяга к сепаратизму, проявившаяся ненадолго в 1772 г., сулила угрозу государству. Поэтому Потемкин создал новый устав Донского казачества, основанный на проектах, подготовленных в «частных» комиссиях Уложенной комиссии. О введении нового Устава было объявлено в Манифесте от 15 февраля 1775 г. Согласно этому документу, администрация казачьего войска отныне делилась на военное и гражданское отделения. Руководство первым вверялось

[1] ПСЗ. Т. XX. № 14252. 14 февраля 1775 г.

[2] СбРИО. Т. XXVII. С. 37 (рекомендации Потемкина, утвержденные Екатериной II). ПСЗ. Т. XX. № 14235. 15 января 1775 г., № 14464. 5 мая 1776 г.

казачьей старшине, благодаря чему участие казаков в вооруженной защите отечества по-прежнему строилось на традиционной основе. Гражданская администрация, ведавшая правосудием и налогообложением, передавалась в руки выборных и назначаемых должностных лиц, подчиненных высшей власти губернских гражданских институтов. Таким образом, казаки больше не были самоуправляемым автономным сообществом. Столица Донского казачества Черкасск вместе со всеми казачьими землями отошла к Азовской губернии[3].

Дальнейшая ассимиляция Донского казачества в состав Российского государства развивалась благодаря частичному признанию властями требований старшины о ее равноправии с русским дворянством. Февральский манифест 1775 г. постановил, что командиры казачьих полков должны рассматриваться как дослужившиеся до офицерского чина, а значит, как потомственные дворяне. Но низшие казачьи офицерские чины дворянства выслужить не могли, а казачьи полковники считались по Табели о рангах ниже майоров русской армии[4].

Не охваченным преобразованиями оставалось Запорожское войско. В особой прокламации 21 июня 1774 г. новый верховный глава запорожцев Г. А. Потемкин восславил их подвиги в Русско-турецкой войне. Но Кючук-Кайнарджийский мир сулил конец существованию Запорожского казачества. Запорожцы всегда были смутьянами, вторгались на земли Новороссии и Слободской Украины подобно разбойникам. После заключения мира с Портой они потребовали себе земли между Бугом и Днепром, отнятые у турок[5], лишний раз показав тем самым, что считают себя «государством в государстве» с вполне определенным территориальным составом[6].

---

[3] ПСЗ. Т. XX. № 14251, 14252, 15 февраля 1775 г.; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов, 1961. С. 240 и далее. Кадастровый обмер войсковых земель, начатый в 1766 г., закончился в 1786 г., а в 1793 г. права Донского казачества на эти земли были гарантированы особой грамотой. С этих пор казачьи земли не подлежали продаже, хотя покупать новые земли разрешалось. См.: Там же. С. 33—34.

[4] Там же. С. 179—180. Так получили дворянство 89 казачьих офицеров в 1776 г., еще 95 — в 1777 г., 138 — в 1788 г. и 206 — в 1796 г.

[5] См. протоколы заседаний за 8, 12, 19 мая и 16 июня 1774 г. // АГС. Т. II. С. 219—220; 7 мая 1775 г. // Там же. С. 222. Ср.: *Nolde B.* La formation de l'Empire russe. Etudes, notes et documents. Paris, 1953. Vol. II. P. 108; СбРИО. Т. CXXXV. С. 353.

[6] АГС. Т. II. С. 221, 19 февраля 1775 г.

Но с точки зрения России, с тех пор как Крым получил независимость, Запорожское войско перестало выполнять функцию защитника границы от потенциальной турецкой агрессии. Русское правительство было гораздо более заинтересовано в эксплуатации его богатых земель путем колонизации и заселения под защитой постоянной гражданской администрации.

Предложенное Потемкиным решение сводилось к уничтожению Запорожской Сечи и роспуску казачьего войска. Эти меры были одобрены Екатериной и Советом при Высочайшем дворе, и 6 июня 1775 г. перед днепровской ставкой запорожцев появился отряд регулярных войск, призывавший казаков сдаваться. Три тысячи находившихся там казаков сложили оружие без единого выстрела. Последний казачий гетман П. Калнишевский и другие члены старшины были задержаны и заключены в монастыри. Восьмидесятидвухлетнего Калнишевского, человека, несомненно, богатого, с почетом препроводили в Соловецкий монастырь на Белом море. Следом ехало шесть телег с его добром. Ему выделили на содержание по рублю в день. В 1801 г. старца освободили из заточения, но он остался в монастыре, где и умер в возрасте ста десяти лет[7].

Об уничтожении Запорожской Сечи было объявлено Манифестом 3 августа 1775 г. Все претензии казачества на самостоятельное существование, не говоря уже о территориальном статусе, были решительно отброшены. Та же судьба ждала и саму Сечь, которую заклеймили как «совсем особливое странное и намерению самого Творца, в размножении рода человеческого от него благословенном, противоборствующее политическое сонмище» — намек на то, что запорожцы якобы жили без женщин и вымерли бы, если бы не принимали в свои ряды беглецов, не разбирая, какого они роду-племени и веры. В манифесте перечислялись преступления запорожцев: они присваивали или требовали себе «не только все те земли, которые нами чрез последнюю войну от Порты Оттоманской приобретены, но даже и занятые селениями Новороссийской губернии,

[7] *Голобуцкий В. А.* Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 109 и далее. Почти дословно это повторено в работе того же автора (*Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 421 и далее). На момент конфискации имущества Калнишевский владел зерном и поголовьем лошадей и рогатого скота на общую сумму в 38 718 рублей (Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 586, примеч. 1). См. также: *Ефименко П. С.* Калнишевский, последний кошевой атаман Запорожской сечи // РС. 1875. № 11. С. 405–420; *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. 1762–1825. М., 1960. Т. 1. С. 174–179.

предъявляя, будто им и те и другие издревле принадлежали...», угнали и продали в рабство свыше 8 тыс. жителей Новороссии, давали прибежище беглым, даже склоняли крестьян бежать из Малороссии в Сечь, чтобы затем подчинить их себе «и завесть у себя собственное хлебопашество», в чем весьма преуспели, так что теперь на них работало до 50 тыс. душ. Очевидно, говорилось в манифесте, они так стараются развивать земледелие, чтобы ослабить зависимость от русского престола, а также стремятся создать полностью независимую область «под собственным своим неистовым управлением». Более того, прямая русская торговля с Турцией, для которой теперь был открыт путь, не могла процветать, подвергаясь «хищности и грабительству» «вредного скопища Запорожских казаков». Поэтому Запорожская Сечь «в политическом ее уродстве» должна была прекратить существование, ее имя следовало предать забвению, а территорию включить в состав Новороссийской губернии[8].

В 1774—1775 гг. Потемкин пытался собрать информацию о местности и населении запорожских владений, но оказалось, что совершенно невозможно провести по всем правилам обмер земель и подсчет населения столь обширной и редконаселенной области, где земля большей частью представляла собой коллективные пастбища и никто никогда не заботился о разграничении ее для постоянного пользования. Поскольку была арестована лишь небольшая часть казацкой верхушки, большинство старшины и рядовых казаков сохранили свои земли. Некоторые приписались к купечеству или мещанству. Другие остались на земле, хотя их права на владение иногда были сомнительными и они рисковали оказаться приписанными к новому владельцу, т.е. закрепощенными. Ибо большие пространства земель, с виду ничьих и незаселенных, уже были розданы фаворитам и высшим российским сановникам (А. А. Вяземский получил около 100 тыс. десятин, немало досталось и самому Потемкину). Те, кто отказался пойти на условия, предложенные Потемкиным в 1775 г., бежали за границу, в Турцию, где их по требованию русского правительства обещали разместить к югу от Дуная (хотя многие на самом деле селились на турецкой территории к северу от Буга). Остатки Запорожского казачества Потемкин преобразовал во время второй войны с Турцией в русское Черноморское казачье войско[9].

---

[8] ПСЗ. Т. XX. № 14354.

[9] *Nolde B.* Op. cit. P. 113—114; *Багалей Д.* Наследники Запорожских земель // Киевская старина. 1885. № 4. С. 783—790.

От своего предшественника-фаворита Григория Орлова Потемкин унаследовал политику поощрения иммиграции и заселения пустующих земель Юга. В середине XVIII столетия популярна была доктрина зависимости мощи государства от численности его населения, и планы привлечения иностранных колонистов более или менее успешно осуществлялись в Пруссии, Австрии и Испании. Конечно, и сама Екатерина II подхватила модную идею. Еще великой княгиней она осуждала всякое ограничение полигамии у иноверцев — ведь чем больше в семье жен, тем больше детей. Вскоре после ее воцарения Сенат получил распоряжение допускать в Россию всех иностранцев, желающих здесь поселиться, кроме евреев. Той же политикой вдохновлялись многочисленные амнистии с призывом к беглым возвращаться в Россию из Польши, Швеции и Турции. В декабре 1762 г. был издан манифест, приглашавший иностранцев в Россию, но в нем оказалось так много упущений, что пришлось сформулировать более четкий план — главным образом по настоянию самой Екатерины[10].

22 июля 1763 г. под началом Григория Орлова была учреждена Канцелярия опекунства иностранных, приравненная в статусе к коллегиям и призванная осуществить программу создания иностранных поселений[11]. В тот же день был издан указ, который должен был заложить основы российской иммиграционной политики на следующие сорок лет и определить «гражданское состояние» иммигрантов. Иностранцам, пожелавшим поселиться в России, разрешалось выбирать место жительства и род занятий. Принеся присягу на «верное подданство», они получали право свободно исповедовать свою веру и строить в деревнях храмы с колокольнями. Иностранцам запрещалось проповедовать свою религию среди местных жителей, кроме мусульман. Иностранные поселенцы-крестьяне на тридцать лет освобождались от налогов, а те, кто становились горожанами, — на более краткие сроки. С них не требовали ни поставки рекрутов, ни постойной повинности. Канцелярия опекунства иностранных получила 200 тыс. руб. на свою работу[12].

---

[10] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. С. 615; ПСЗ. Т. XVI. № 11720, 4 декабря 1762 г.

[11] ПСЗ. Т. XVI. № 11879, 11811, 11890.

[12] См.: *Bartlett R.* Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge, 1979. В этой работе проведено самое современное и полное исследование екатерининской политики в отношении иммигрантов и поселенцев.

Так как во многих европейских странах было запрещено обнародование этого российского манифеста, а подданным не разрешалось эмигрировать, то «вербовка» переселенцев шла успешно лишь в западных и южных германских княжествах и в вольных городах Священной Римской империи. Проводили ее профессиональные вербовщики, с которыми русские власти расплачивались деньгами или земельными пожалованиями.

Первые иностранные поселения в России страдали болезнями роста, общими для всех подобных начинаний. Вербовщики часто оказывались жуликами, поселенцы не имели опыта работы в сельском хозяйстве, нередко выяснялось, что местные власти не удосужились решить, куда расселять уже прибывающих иммигрантов. Но с годами на правом берегу Волги выросли немецкие колонии, из которых самым известным стало поселение гернгутеров в Сарепте. В 1774 г. немецкие поселения пострадали от разгула пугачевщины. Несколько сот колонистов примкнули к восставшим, а другие, в частности гернгутеры, этого не сделали. Но сама Сарепта была разграблена и некоторое время лежала в руинах[13]. Эти несчастья заставили основательно пересмотреть положение в колониях и очистить их от поселенцев, непригодных к сельскохозяйственным занятиям. Со временем 25 тыс. первоначальных иммигрантов превратились в трехмиллионное немецкое население Поволжья (которое впоследствии депортировал Сталин и из которого вышла мать Ленина).

Помимо колоний, организованных государственными вербовщиками, появлялись и иностранные поселения, учреждавшиеся с индивидуального разрешения властей русскими помещиками (которые самостоятельно договаривались с переселенцами) на их собственной или арендованной у государства земле[14].

Несколько иной подход был избран в 1764 г. при заселении Новороссии — территории, длинной узкой полосой тянувшейся от Буга до Донца и образовывавшей в то время границу Южной России с землями запорожцев. Здесь специально старались привлекать

---

[13] Многие из побывавших в Сарепте оставили воспоминания. В 1792 г. Дж. Паркинсон писал: «Мы остановились в гостинице, удобства которой сделали бы честь хорошей гостинице в Англии... Мы отбыли из Сарепты, и я никогда не видел места, которое сравнилось бы с ней любезностью жителей и всевозможными жизненными благами и удобствами» (*Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792—1794 / Ed. by W. Collier. London, 1971. P. 142 ff).

[14] *Bartlett R.* Op. cit. P. 81 ff.

на поселение как гражданских, так и военных колонистов. Переселенцам давали щедрые земельные наделы, достигавшие 26 десятин, а там, где участки были безлесными, — до 30 десятин. Помещикам и государственным вербовщикам выделяли до 48 таких наделов — каждому при условии, что они поселят на них гражданских или военных переселенцев. Кроме того, вербовщикам жаловали чин по Табели о рангах: за 300 привлеченных на новые места военных поселенцев давали чин майора, за 150 — чин капитана, а если их было всего-навсего 30 человек, то землевладелец становился сержантом. Предпринимателей, купцов и ремесленников тоже поощряли к переселению и предлагали им субсидии, а переселенцев освобождали от налогов на несколько лет. На бумаге была разработана детальная программа просвещения и благотворительности для переселенцев, хотя о ее внедрении в жизнь ничего не известно. В результате этой политики в 1764—1774 гг. колонизация Новороссии шла полным ходом. Только в одной из ее провинций мужское население выросло за этот период с 32 571 до 62 299 человек[15].

Когда Потемкин в 1775 г. стал губернатором Новороссийской и Азовской губерний, он взял на вооружение план 1764 г. и приспособил его к задачам заселения и колонизации территорий, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, а также земель Запорожского казачества. На протяжении последующих двадцати пяти лет этот план оставался основой организации заселения Юга, хотя в него и внесли ряд изменений — сократили количество поселенцев, которых должен был перевести сюда отдельный помещик, продлили период вербовки, облегчили налоги. По площади здешние наделы превосходили те, что выделялись в Новороссии, потому что земли было очень много. Срочная необходимость в рабочей силе заставила Потемкина предложить крестьянам особенно благоприятные условия, гарантировав им личную свободу и защитив от возможного закрепощения. Беглым крепостным, возвращавшимся из Польши на новые земли, раскольникам,

[15] ПСЗ. Т. XVI. № 12099, 12 марта 1764 г.; см. также № 12180, где речь идет о распространении этого плана на Славяно-Сербию. Ср.: *Polonska-Vasylenko N.* The Settlement of the Southern Ukraine, 1750—1775 // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences. 1955. Vol. 4—5; более ранний вариант этой работы см.: *Полонская-Василенко Н. Д.* Из истории Южной Украины в XVIII в.: Заселение Новороссийской губернии (1764—1775) // ИЗ. [М.,] 1942. [Т.] 13. С. 130 и далее.

скрывавшимся от религиозных преследований, дезертирам и преступникам предлагалась амнистия и выгодные условия; Потемкин отказывался возвращать хозяевам тех крепостных, которые бежали к запорожцам в дни расцвета Сечи. Ремесленников покупали или нанимали, а из других губерний присылали осужденных отрабатывать наказания по приговору на новых землях[16].

Иностранцы тоже стекались на новые территории, причем это были не столько организованные колонии переселенцев, как поволжские немцы, сколько беженцы, в основном из Османской империи. Среди них были молдаване, валахи, болгары, греки, православные из Польши — единоверцы русских, обретавшие здесь все преимущества принадлежности к государственному вероисповеданию, а также польские евреи[17]. В результате этого усиленного притяжения на новые земли здесь сложилась социальная структура населения, существенно отличавшаяся от общества Великороссии. Повсюду на южных территориях размещались войска. Большую часть дворянства в этих местах составляли офицеры на действительной службе. К тому же присутствие здесь удачливых «вербовщиков» или крупных предпринимателей, подобных купцу М. Л. Фалееву, получившему в 1779 г. майорский чин, вносило заметное разнообразие в эту картину. После присоединения Крыма в 1783—1787 гг. раздача земель ускорилась. Многие сотни десятин переходили в руки купцов, промышленников, горожан, священников, чиновников, а также тысяч богатых и влиятельных дворян и армейских офицеров. В Большом атласе Новороссийского генерал-губернаторства, составленном по указанию Потемкина, все землевладельцы, независимо от социального происхождения, назывались просто помещиками, а ведь этим словом всегда обозначали дворян-землевладельцев. Большинство крестьян были свободными, поэтому отношения в экономической сфере строились на найме свободной рыночной рабочей силы, а не на внеэкономическом принуждении. Свободная рыночная экономика новороссийских и казачьих земель распространилась на всю территорию Юга и в соединении с плодородием

---

[16] *Bartlett R.* Op. cit. P. 126 ff; Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. VI; СПб., 1895. Вып. VIII. Г. А. Потемкин — генералу Муромцеву, 31 августа 1775 г. См. также: *Auerbach H.* Die Besiedelung der Südukraine in den Jahren 1774—1778. Wiesbaden, 1965; *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье. 1775—1800 гг. М., 1959. С. 64—65.

[17] Там же. С. 67.

почвы и удобными речными коммуникациями, несомненно, способствовала ее быстрому развитию[18].

Рост городов на Юге тоже шел семимильными шагами. После 1774 г. укрепили Таганрог и Азов, а после заключения Кючук-Кайнарджийского мира были приняты меры к расширению Керчи и Еникале. В 1778 г. был основан Херсон[19], в 1782 г. Мариуполь, предназначенные стать домом для христианского населения, вывезенного из Крыма в 1778 г. Город Херсон разместили в устье Днепра, примерно в 70 верстах от моря, что защищало его от турецких пушек Очакова. В итоге оказалось, что необходимо перегружать товары в глубоководном порту, ближе к выходу в море, а суда, построенные на херсонских верфях, приходилось сплавлять к морю на камелях[20]. Но при всех недостатках Херсона как порта не прошло и двух лет, как предприимчивый агент Потемкина Фалеев уже основал Черноморскую компанию и развернул торговлю в Черном море[21]. В мае 1779 г. на Херсонской верфи был заложен шестидесятипушечный линейный корабль, а в мае 1781 г. началась постройка еще двух военных кораблей[22]. Все острее становилась потребность, пользуясь новыми возможностями, торговать с Османской империей, а также — через проливы — со странами Средиземноморья, причем не столько ради потребностей экспорта, сколько из политических соображений[23].

[18] Е. И. Дружинина приводит следующие данные о численности населения Азовской и Новороссийской губерний по четвертой переписи 1782 г.: 365 457 душ мужского пола или 529 538 обоего пола (следует помнить, что, когда были сформированы эти две губернии, в них входили части более густонаселенной Южной Украины). См.: Там же. С. 69. Из названного числа 365 457 человек 195 815 были государственными крестьянами, а 132 202 — вольными крестьянами, расселенными на частных землях. Колонистов было около 10 тыс., из них крепостных только 4514 душ. См.: Там же. С. 161—162.

[19] Основателем Херсона был Иван Абрамович Ганнибал, сын «арапа Петра Великого» и двоюродный дед поэта А. С. Пушкина. О Херсоне см.: *Halm H.* Grundung und erstes Jahrzehnt von Festung und Stadt Cherson 1778—1788. Wiesbaden, 1961. Строительство города обошлось ценой многих человеческих жизней из-за нездорового климата, в котором работали мобилизованные на строительство солдаты. Им платили по 5 коп. в день (и по 10 коп. на каменотесных работах). См.: Ibid. S. 49—50.

[20] Специальные суда для придания кораблям дополнительной плавучести, понтоны.

[21] *Halm H.* Op. cit. P. 48.

[22] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 83.

[23] По мнению О. Марковой, Потемкин задумал установить дружественные отношения с Эфиопией, чтобы наладить русскую торговлю в Красном море. См.: *Маркова О.* О нейтральной системе и франко-русских отношениях. (Вторая половина XVIII в.) // История СССР. 1970. № 6. С. 47.

Следующий крупный шаг русской колонизации под руководством Потемкина был сделан в результате присоединения Крыма в 1783 г. Крымское ханство подверглось основательному разорению и обезлюдело из-за обрушившихся на него войн (и с внешним врагом, и гражданской), из-за чумы и эмиграции большой группы населения — христиан. Оставшихся жителей мужского пола, согласно донесениям нового русского губернатора, насчитывалось около 53 600 человек[24].

Согласно манифесту о присоединении Крыма к России татарам было обещано свободное исповедание их религии и сохранение всех имущественных прав[25]. Татарам надлежало принести присягу императрице по правилам их веры, а те, кто этого не пожелает, могли уехать, забрав с собой свое движимое имущество. Временное управление Крымом возлагалось на назначенного Потемкиным губернатора[26] при участии Крымского земского правления, составленного из татарской знати. В основном русские власти оставили административные и судебные полномочия в руках традиционных татарских институтов, а на себя взяли финансы и налогообложение. Татарским чиновникам платили жалованье в 300 руб., т.е. примерно в том же размере, что и их русским коллегам в Поволжье.

Реорганизация местного управления (согласно «Учреждениям для управления губерний» 1775 г.) в Казанском и Поволжском регионах с их крупным татарским населением совпала по времени с присоединением Крыма. Екатерина использовала свой опыт в Поволжье в организации нового управления в Крыму и, наоборот, опиралась на крымский опыт при окончательном установлении порядков на Волге и в Казани. Администрация Крыма строилась по образцу той системы, которая была введена в итоге в Поволжье, и отвечала генеральной политической линии Екатерины II — установлению единообразия в империи. Указом 2 февраля 1784 г. все бывшие земли Крымского ханства, кроме Кубани, были отнесены к

---

[24] См. ниже, гл. 24; *Fisher A.* The Russian Annexation of the Crimea, 1772—1783. Cambridge, 1970. Здесь приведены разные цифры численности эмигрантов из Крыма: 300 тыс. или 150—200 тыс. (P. 142—146). В. Зуев, побывавший в Крыму в 1782 г., оценил местное население примерно в 50 тыс. человек (см.: Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах. СПб., 1787).

[25] ПСЗ. Т. XXI. № 15707, 8 апреля 1783 г. См. также проект манифеста 8 апреля 1783 г. в рескрипте Г. А. Потемкину: СбРИО. Т. XXVII. С. 244.

[26] ПСЗ. Т. XXII. № 15920, 2 февраля 1784 г.

новой Таврической области до тех пор, пока ее население и институты не достигнут губернского статуса. Область разделили на несколько уездов, в которых надлежало учредить структуру управления, отвечающую «Учреждениям...» 1775 г., и заполнить ее татарской знатью, раздав ей русские чины[27]. Чтобы привести татарскую систему управления в полное соответствие с русскими образцами, была соответствующим образом модифицирована социальная структура: указом 2 февраля 1784 г. всем мурзам казанских татар (т.е. главам родов, владевших землями) присвоили статус русских дворян[28]. В мае того же года его распространили и на всех крымско-татарских мурз, которым позволялось отныне владеть землей и крепостными из мусульман (но не из христиан)[29]. Рекрутская повинность на татар не распространялась, но из добровольцев было создано содержавшееся на налоги с Крыма небольшое воинское формирование, которое стало ступенью служебного продвижения для молодых знатных татар[30]. Крестьянство Крыма приравняли к российским государственным крестьянам.

И Екатерина и Потемкин были сторонниками веротерпимости, и их действия ознаменовали собой отход от прежней активной и часто грубой политики обращения иноверцев в православие[31]. Ислам и его священнослужители были включены в русскую административную систему, чтобы нести в ней те же функции, которые выполняла православная церковь и духовенство в самой России. Поэтому прежний муфтий был заново назначен Потемкиным, взят на

---

[27] ПСЗ. Т. XXII. № 15925, 8 февраля 1784 г. Как указывает А. Фишер, императрица обнаружила во время работы Уложенной комиссии 1767—1768 гг., что «использование русских администраторов в национальных регионах было неэффективно, особенно при решении мелких судебных дел» (*Fisher A.* Op. cit. P. 142). Теперь в Поволжье местных старшин приставили к решению судебных споров между местными жителями. Тяжбы между местным населением и русскими передавались в русские военные суды.

[28] Ibid. P. 143. Ср.: Распоряжения Г. А. Потемкина касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 гг. // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII. С. 304.

[29] ПСЗ. Т. XXII. № 15936; Екатерина II — Потемкину, 30 мая 1784 г. // Распоряжения Г. А. Потемкина... С. 303.

[30] Екатерина II — Потемкину, 1 марта 1784 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 300; см. также приложение, предусматривающее создание пяти татарских дивизий в составе 207 офицеров и рядовых каждая при общей сумме расходов на жалованье в 41 450 руб. (от 300 руб. годового содержания майору до 35 руб. рядовому).

[31] *Lemercier-Quelquejay C.* Les Missions Orthodoxes en Pays Musulmans de Moyenne et Basse-Volga, 1552—1865 // CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 369—403.

государственное жалованье и поставлен во главе всех мечетей и медресе, а также всех кади, т.е. мусульманских судей, чью юрисдикцию ограничили чисто религиозной сферой[32].

Отток населения из Крыма не прекратился с его присоединением к России, и многие татарские землевладельцы продолжали эмигрировать в мусульманские страны. Оставшиеся же землевладельцы уговаривали русские власти (чему те были только рады) препятствовать эмиграции татарского крестьянства, которое обычно не продавало свое имущество, а просто уходило вместе со стадами. В результате этого исхода и конфискации ханских владений образовался громадный фонд пустующих земель, и часть их была сразу же роздана под руководством Потемкина. К 1787 г. успели раздать около 148 тыс. десятин земли — иногда крупными наделами высшим сановникам и фаворитам императрицы, а чаще мелкими пожалованиями чиновникам и офицерам, в том числе — кроме русских — татарам, грекам, украинцам[33]. Землю жаловали и недворянам для заведения различных промышленных производств или переработки сельскохозяйственной продукции. К тому же Потемкин продавал землю, но ее было так много, что покупали редко.

Потемкин всячески старался привлечь в Крым столь необходимую рабочую силу. Конечно, русские помещики могли привозить сюда своих крепостных, но в целом делали это редко. В 1793 г. в Крыму насчитывалось всего-навсего 226 русских крепостных обоего пола[34]. Главным источником происхождения русских поселенцев были государственные или дворцовые крестьяне, бывшие солдаты, а кроме того, староверы, которых Потемкин специально старался привлекать в Крым. Для этих переселенцев полагалось подготовить жилье, обеспечить их рабочим скотом и инвентарем. Особые меры принимались, чтобы выправить численное преобладание

---

[32] В Крыму в 1783 г. насчитывалось свыше 1500 мечетей, а земли, принадлежавшие духовенству, составляли 25% всех земель ханства (*Fisher A.* Op. cit. P. 147).

[33] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 119—120. Здесь приведены подробные сведения о земельных пожалованиях в размерах от 53 тыс. десятин (полученных Василием Поповым, начальником канцелярии Потемкина) или 73 тыс. десятин (пожалованных самому Потемкину для создания образцовой фермы) до сравнительно мелких пожалований офицерам армии и флота, дипломатам и др. См. также: *Fisher A.* Op. cit. P. 147.

[34] *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731—1823 гг. Одесса, 1836. Ч. I. С. 221. Цит. по: *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 122.

мужчин; так, однажды в Крым к мужьям, служившим в полках под началом Потемкина, перевезли 4425 солдатских жен. Вербовщики получали по 5 руб. за каждую девицу брачного возраста, которую удавалось привезти в Тавриду и выдать замуж за переселенца[35]. Русское правительство всячески поощряло переселенцев православного вероисповедания из Османской империи и из Польши, а Потемкин поворачивался своим незрячим глазом к беглым крепостным, время от времени являвшимся в Крым через польские земли. Считается, что к 1800 г. в Крыму обосновалось примерно 35 тыс. немусульман[36].

Развитие городов на Крымском полуострове и в прилегающих районах также было одной из неотложных задач правительства. В 1775 г. на всех землях Запорожского казачества не было ни одного города, а к югу от них только один — Ростов-на-Дону, близ границы с владениями крымских ханов. Положение в Крыму было несколько иным. Там уже давно существовали городские поселения, хотя многим из них сильно досталось в предшествующие бурные годы. Установление мира и открытие торговли способствовало возрождению городов, таких как Симферополь, превратившийся было в груду камней. Маленькая деревушка Ахтияр была выбрана местом нового порта и быстро разрослась в военно-морскую базу русского флота Севастополь. Этот город, а также Феодосия и Херсон, были объявлены порто-франко, через которые теперь шла растущая торговля с Турцией. При этом широко использовалась российская практика разрешения иностранным кораблям ходить под русским флагом. Таким способом удавалось обойти запрет, наложенный Турцией на плавание в Черном море любых судов, кроме русских и османских[37]. Новым стимулом к росту и украшению городов, к улучшению путей сообщения стало известие о том, что сама императрица намерена посетить свои новые владения.

---

[35] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 128. См.: Записки Д. В. Мертваго. 1760—1824 // РА. 1867. Приложение. С. 180; Распоряжения Г. А. Потемкина... Т. XII. С. 315.

[36] *Fisher A.* Op. cit. P. 147, где приведены данные из книги П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе пришествие в Тавриду» (СПб, 1803. Т. I. С. 185): численность крепостных крестьян здесь определяется в 8746 человек — цифра поразительная, особенно в сравнении с цифрой, указанной Скальковским за 1793 г. (226 человек).

[37] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 78 и далее, с. 89 и далее. См. гл. 30 о развитии иностранной торговли.

Надо признать, что русские завоеватели Крыма, по крайней мере на бумаге, старались, насколько возможно, смягчить для татарского населения горечь присоединения их страны к России. Но татарам было трудно привыкнуть и приспособиться к новой ситуации. Эмиграция населения на территории Османской империи, поощряемая мусульманскими религиозными лидерами, продолжалась и даже возросла в годы Русско-турецкой войны 1787—1891 гг., а в последующие годы превратилась в массовый исход. Как утверждал один из высших местных русских чиновников, к 1812 г. полуостров покинуло две трети татарского населения[38]. Русские помещики с их традиционным крепостническим мировоззрением, русские чиновники с их традиционной же неспособностью воспринимать любого человека, а тем более крестьянина, как свободного или рассматривать землю как частную собственность крестьянина, а не государства с неизбежностью пытались ограничить личные и имущественные права татарского крестьянства. Но к чести русской короны нужно отметить, что когда в 1796 г. вопрос о правах татар достиг столицы, он был разрешен в пользу татарских крестьян, чьи свободы и имущественные права были сохранены в первоначальном виде[39].

Эмиграция татар из Крыма стала формой молчаливого протеста против нового, чуждого уклада жизни, навязываемого их мусульманскому миру. Оставшиеся знатные татары хотя и получили крупные земельные пожалования, но далеко не все сделались настоящими российскими верноподданными, и нередко между ними и русскими чиновниками возникали трения. В русле государственной политики ассимиляции новых подданных и стремления к унификации из татар создавалось новое российское дворянство, для чего всем мурзам пожаловали чины по Табели о рангах и распространили на них дворянское состояние. Но все равно этих людей было слишком мало, чтобы заполнить все должности в органах местной администрации, предусмотренных «Учреждениями для управления губерний» 1775 г.; правда, русское правительство находило целесообразным разбавлять татарский элемент, вводя в состав администрации представителей других этнических и религиозных групп — греков, евреев, армян.

---

[38] *Nolde B.* Op. cit. P. 193—194. См. также: Архив графов Мордвиновых / Ред. В А. Бильбасов. СПб., 1902. Т. III. С. 195.

[39] *Nolde B.* Op. cit. P. 189—190.

Аннексия Крыма не замедлила отразиться на положении прилегающих областей, население которых с этих пор перестало являться пограничной боевой силой. В 1783 г. на Новороссийскую и Азовскую губернии было распространено действие «Учреждений...» 1775 г., хотя численность населения здесь была еще значительно ниже требуемой. Столицей нового наместничества стал город Екатеринослав, первоначально основанный в 1778 г. на берегах реки Самары, но в 1784 г. перемещенный в более здоровую местность на Днепре[40].

Планы строительства Екатеринослава вызывали насмешки историков XIX в., никогда не слыхавших о централизованном городском планировании. Градостроительный замысел был тщательно разработан в соответствии с систематическим подходом к проектированию городов, который Екатерина избрала еще в 1763 г.[41]. Широкая главная улица существует в Днепропетровске по сей день под названием проспекта Карла Маркса, хотя старая застройка не сохранилась[42]. Первоначальные планы предусматривали создание в городе университета, театра, музыкальной академии, собора, не уступающего римскому Св. Петру, зданий присутственных мест, биржи, магазинов, богаделен, особого промышленного района и т.д. Большинство этих грандиозных планов было заброшено после начала второй войны с Турцией, и фактической столицей губернии до 1789 г. оставался Кременчуг. И все же можно сказать, что Потемкин с самого начала заботился о культурном развитии вверенных ему областей. Он основал школы в Херсоне, училище для девочек в Кременчуге. Походная типография Потемкина помогала создавать местные печатни с греческим, латинским, французским и русским шрифтами, где издавался обычный репертуар европейских классических литературных произведений, богословские и религиозные сочинения[43]. Общая числен-

---

[40] К 1784 г. в первом Екатеринославе насчитывалось 2194 жителя и две школы (*Дружинина Е. И.* Указ. соч.).

[41] Нижеследующие наблюдения взяты из работы: *Jones R.E.* Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762—1796 // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.

[42] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 176, примеч. 72, с. 232, где помещен план застройки Екатеринослава, на котором обозначены целых три госпиталя. Потемкин принялся набирать преподавателей для будущего Екатеринославского университета задолго до того, как город из проекта стал превращаться в реальность.

[43] СбРИО. Т. XXVII. С. 230—231. По утверждению М. Раева, «Медико-хирургическая школа в Симферополе, основанная в 90-е гг. XVIII в., обязана своим появлением образовательной политике Потемкина» (*Raeff M.* The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G.A. Potemkin // Statesmen and Statescraft of the Modern West .. Barre (Mass.). 1967. P. 51, примеч. 60).

ность трудоспособного сельского населения на территории Екатеринославского генерал-губернаторства (т.е. всех его жителей, кроме чиновников и военных) в 1784 г. составляла 351 507 душ мужского пола, из которых крепостными были только 4139 человек, хотя на частновладельческих землях числилось 14 480 поселенцев. Общее мужское население в 1787 г. оценивалось в 724 678 человек, а в 1793 г. достигло 819 731[44]. Светлейший князь постоянно привечал на земле Тавриды переселенцев из разных стран: шведов, корсиканцев, немцев — и, к крайнему негодованию русского посла в Лондоне, готов был принимать даже осужденных преступников из Англии[45].

Существование территории с минимальным распространением крепостничества, где землевладение не являлось исключительной прерогативой дворянства и где к тому же управлял ее фаворит, позволило Екатерине II испытать в деле некоторые из своих замыслов организации вольного крестьянства, зафиксированных в особой инструкции, изданной в декабре 1787 г. Эта инструкция предусматривала значительный уровень крестьянского самоуправления с участием выборных должностных лиц от крестьянства в правосудии, в раскладке и сборе податей. Сотские и десятские должны были контролировать экономическую деятельность деревень, заниматься общественным призрением, предотвращать крестьянские побеги[46]. Несмотря на всю суровость жизни на новом месте, на все трудности в осуществлении планов колонизации, государственные крестьяне определенно получили здесь возможность обогащения и почувствовали вкус свободы, давно забытый в самой России. Мало того, их положение на Юге было надежнее, чем у крестьян, работавших по найму на частных землях, которым приходилось постоянно бороться с поползновениями помещиков закрепостить их при помощи нехитрого приема — вписав в сказки во время очередной ревизии. Многие крестьяне жаловались в официальные учреждения, но результаты, к сожалению, неизвестны[47].

---

[44] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 150, 154—155, табл. 3, с. 200, табл. 5. См. также с. 152, табл. 2, где перечислено 2209 населенных пунктов наместничества, 1863 из которых представляли собой частновладельческие деревни и хутора.

[45] *Bartlett R.* Op. cit. P. 171. В июле 1785 г. снова был издан манифест, призывавший иностранных колонистов на поселение в Россию. Около 700 человек прибыло из Данцига, а впоследствии в Россию переселилось некоторое число меннонитов (*Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 165—166).

[46] ПСЗ. Т. XXII. № 16603. Положения этой инструкции в других губерниях применили в отношении государственных крестьян в 1790 г.

[47] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 167 и далее.

По сей день крайне трудно прийти к определенным выводам о том, насколько успешно справился Потемкин с освоением обширных земель Юга. Его современники и более поздние критики подчеркивали огромный разрыв между намерениями и достижениями, между безудержным размахом его планов и скромными их результатами, замечали в страсти Потемкина к показному великолепию элементы иллюзии или даже «"игры" в том смысле, который вкладывает Хейзинга в это слово»[48]. Потемкин довольно часто строил планы, а потом и руководил их исполнением издали, но он необыкновенно пристально следил за ходом дел через переписку с доверенными лицами, и решения всегда оставались за ним. Он располагал великими преимуществами, так как в его руках находилось и верховное военное командование во всей Российской империи, и высшая гражданская власть в его генерал-губернаторстве. Это позволяло светлейшему князю наладить прямое руководство и избежать трений между соперничающими ведомствами. Его управление было организовано в целом на военный лад и по этой причине страдало неспособностью соотносить цену той или иной операции с ее результатом. Для Потемкина цена почти не имела значения — вряд ли он отчитывался даже перед императрицей в громадных суммах, которые расходовал[49]. Конечно, временами князя обманывали подчиненные; несомненно и то, что сам он понимал, что не сумел осуществить многие планы. И тем не менее едкую критику современников в адрес Потемкина нужно рассматривать в историческом контексте: эти критики нередко были его врагами или завистниками. Ни один немец (и редкий француз) не мог признать, что русские способны самостоятельно хоть чего-нибудь достичь, а тем более добиться успеха. Весьма поучительно сопоставить едкие замечания императора Иосифа II о Херсоне («крепость построена из песка и развалится даже от салюта») и о флоте («он построен из непросушенной древесины и изъеден червями»)[50] с комментариями южноамерикан-

[48] *Raeff M.* In the Imperial Manner. P. 30. Мне непонятно, на чем основывает М. Раев свое мнение, будто главной целью Потемкина было «*всего лишь* прославить свою владычицу, продемонстрировать собственные таланты и власть и потешить свою тягу к роскоши и показному великолепию» (курсив мой. — *Авт.*).

[49] Сохранились обширные опубликованные материалы (как, вероятно, и неопубликованные) об администрации Потемкина, историю которой еще предстоит написать. Я опиралась на глубокое исследование М. Раева (см. примеч. 43), хотя и не во всем с ним согласна.

[50] Иосиф II — фельдмаршалу Ласи, 19/30 мая 1787 г. // *Arneth A.* Op. cit. S. 353ff.

ца Франсиско де Миранда, у которого, вероятно, были не столь строгие критерии и никакой предвзятости. В дневниковых записях в Херсоне, куда он прибыл в ноябре 1786 г., Миранда жаловался на страшный холод и обилие грязи. Зато хвалил план укреплений, хотя тоже заметил, что строительные материалы плохи. Что касалось кораблей, то, по его мнению, ни древесина, ни работа не нуждались в улучшении. Построенные по английским образцам (а если Миранду и можно обвинить в предвзятости, то только в пользу Англии), они показались ему лучше как французских, так и испанских кораблей[51].

Потемкин действительно не жалел сил на развитие российского Черноморского флота, сначала в Херсоне, а затем в Севастополе. Первый военный корабль, заложенный в Херсоне в 1778 г., хотели назвать «Слава Екатерины». Но государыня с обычной осмотрительностью заметила, что трудно соответствовать столь возвышенным именам, почему их и следует избегать: «Лучше быть, чем казаться и не быть», — писала она Потемкину 13/24 июня 1783 г.[52]. Руководить херсонскими верфями приставили опытного морского офицера Н. С. Мордвинова, обучавшегося в Британии. Строительство Черноморского флота пошло полным ходом.

По границам Российской империи располагались земли, пока еще недосягаемые для реформаторского пыла императрицы, но основы для будущего русского проникновения в Большую и Малую Кабарду и в закавказские царства были заложены в ее время. Решение присоединить к России Кабарду было принято во время первой из Русско-турецких войн в царствование Екатерины II[53], а сама ее передача была оформлена Карасубазарским договором 1 ноября 1772 г. между Россией и крымским ханом. Впоследствии Османская империя неохотно включила этот пункт также в статью 21 Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.[54]. Долгое время Россия не предпринимала систематических попыток для установления контроля над этими территориями. Лишь в 1793 г. здесь были введены в действие «Учреждения для управления губерний» 1775 г. (правда, с весьма скромным успехом). В XVIII в. проблема ассимиляции Северного Кавказа оставалась нерешенной[55].

---

[51] Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1775—1777. P. 204 ff, 22 ноября 1786 г. [см.: *Миранда Ф.* Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 34].

[52] СбРИО. Т. XXVII. С. 265.

[53] Там же. С. 288—318; *Nolde B.* Op. cit. Vol. II. P. 86—87.

[54] См. выше, гл. 1.

[55] *Nolde B.* Op. cit. Vol. II. P. 341 ff.

Отношения России с государствами Закавказья были сложными и напряженными, и многое в них предоставлялось благоразумному (или неблагоразумному) усмотрению местных командующих. (Об этих краях в России знали так мало, что, когда в 1768 г. посол имеретинского царя Соломона попросил принять его в Петербурге, Екатерина потребовала карты и обнаружила, что на одних Тифлис помещался на Черном море, а на других — на Каспийском.) Грузинский царь Ираклий II, которому удалось объединить несколько разношерстных частей и основать горное царство, надеялся укрепить свои политические позиции в Грузии при помощи русского протектората. Во время первой Русско-турецкой войны отряд русских войск был направлен на Кавказ воевать против турок совместно с грузинскими войсками. В 1771 г. царь Ираклий выразил желание перейти под суверенитет России, но тогда эту инициативу оставили без внимания. Грузия получила в то время единственное приобретение в виде статьи 23 Кючук-Кайнарджийского договора, предусматривавшей амнистию всем грузинам, воевавшим против турок, и прекращение набора в турецкую армию невольников-христиан. Но сюзеренитет Турции на Кавказе был признан безоговорочно, и Россия обещала не вмешиваться в дела закавказских владений.

И все же в 70-е гг. Потемкин взялся готовить почву для дальнейшей экспансии. Казачья пограничная линия была усилена с основанием ряда крепостей — Екатериноградa, Георгиевска, Ставрополя, а государственные крестьяне из Великороссии начали освоение Кубани. Следующим шагом стало строительство крепости Владикавказ (ее название звучало пророчеством установления русского владычества на Кавказе), от которой до Моздока на Тереке протянулась линия крепостей. В 1782 г. была построена новая дорога, дающая удобный доступ в Грузию, «минуя горы, чрез что стала открыта вся Турция»[56]. Царь Ираклий II продолжал настаивать на российском протекторате и наконец-то добился своей цели, пригрозив обратиться в противном случае к императору Иосифу II. 24 июля 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, которым Россия гарантировала территориальную целостность Грузии и власть правящей в ней династии, а Грузия обещала помогать России по первому требованию и вести внешнеполитические сношения только через посредничество России. Грузинские правители должны были в дальнейшем получать инвеституру от России, а грузинское благородное сословие сравнялось по статусу с русским дворянством. Двоюрод-

[56] *Храповицкий А. В.* Дневник. СПб., 1874. С. 1, апрель 1782 г.

ный брат Потемкина, генерал П. С. Потемкин, отправился в Грузию первым русским послом, а 24 января 1784 г. в Тифлисе было провозглашено установление верховной власти России[57].

По причинам как политического, так и личного характера Екатерина не раз откладывала посещение Крыма, но наконец поездку наметили на январь 1787 г. Императрица сумела принудить Иосифа II (которому этого страшно не хотелось) еще раз прибыть с визитом в Россию, что сильно повысило ее престиж в Европе. Встреча монархов намечалась на июнь в Херсоне. Польский король Станислав Август, со своей стороны, дожидался, когда Екатерина II соблаговолит и его призвать для встречи, хотя сама инициатива исходила на этот раз от него. У короля были собственные проекты, которые ему хотелось обсудить с ведущими сановниками России. 9(20) марта 1787 г. он принял в Хвостове Потемкина вместе с русским послом в Польше Штакельбергом, польским коронным гетманом Ксаверием Браницким (женатым на племяннице Потемкина) и другими членами княжеской свиты. Беседа не ограничилась обсуждением планов Потемкина основать в Екатеринославе консерваторию наподобие венецианской под руководством композитора Сарти. Князь явился к королю, надев свои польские ордена и мундир брацлавской шляхты. Он позволил русскому послу намекнуть Станиславу Августу, что светлейший князь надеется получить согласие ближайшего сейма на создание своего рода феодального княжества в обширном польском имении Смила, которое он недавно приобрел. В свою очередь Станислав Август заметил вскользь, что надеется на оборонительный союз с Россией, который позволит ему провести ряд внутренних реформ при помощи конфедеративного сейма[58]. После этого договорились о встрече Екатерины II и Станислава Августа.

7(18) января 1787 г. Екатерина начала свое знаменитое путешествие. По приглашению императрицы ее сопровождали послы Британии, Франции и Австрии, а также высшие придворные чины. Весь кортеж состоял из 14 карет, 124 саней и 40 дополнительных повозок. На каждой почтовой станции императорский поезд ожидали подставы в 560 лошадей. Зима была в разгаре, сани так и летели по гладкому снегу. Путешественникам, закутанным в медвежьи шубы, с бобровыми шапками на головах, мороз был не страшен. Ночью

---

[57] См.: *Nolde B.* Op. cit., а также: *Lang D.M.* A Modern History of Georgia. London, 1962; *Allen W.E.D.* A History of the Georgian People. London, 1932.

[58] *Liske X.* Beiträge zur Geschichte der Kaniower Zusammenkunft (1878) und ihr Vorläufer // Russische Revue. SPb., 1874. Bd. IV. S. 481—508.

вдоль прекрасной дороги пылали, озаряя путь, громадные костры из сосновых, еловых и березовых дров. Зато днем смотреть было не на что, кроме бескрайних заснеженных просторов, изрезанных следами бесчисленных саней, перевозивших людей и грузы. На закате (около 3 часов пополудни) снова вспыхивали костры, и снежную равнину пересекал огненный проспект, по которому мчался императорский кортеж. Жители городов выходили ему навстречу, чтобы приветствовать императрицу. На остановках Екатерина принимала местных дворян во главе с их предводителями, городничих и чиновников городской управы. Время от времени она жаловала пожертвования городам - на восстановление после пожаров, на учебные заведения, на приюты и т.д. Некоторые крупные магнаты пользовались случаем принять и угостить саму императрицу со свитой у себя дома. Но случалось и так, что иноземным послам приходилось довольствоваться квартирой в доме какого-нибудь богатого купца, а то и в крестьянской избе -- с печкой, детьми и бабами.

В дороге Екатерина не изменяла привычному распорядку дня. Она вставала в 6 часов и работала с министрами, затем завтракала, принимала иностранных послов, а в 9 утра вся процессия трогалась в путь. В 2 часа обедали в каком-нибудь заранее поставленном шатре или в частном доме. Ехали до 7 часов вечера. Затем императрица переходила в приготовленное для нее жилище, быстро приводила в порядок свой костюм и присоединялась к послам, с которыми вела приятные беседы часов до 9, и без ужина (Екатерина никогда не ужинала) удалялась поработать перед сном до 11 часов.

Наверно, такие дни, в течение которых она никогда не оставалась одна, но постоянно тратила силы, принимая то одного, то другого из своих высокопоставленных спутников, были очень утомительны. В самом деле, приехав 12(23) января 1787 г. в Смоленск, Екатерина решила сделать трехдневную остановку. Однако, как заметил французский посол Сегюр, бесконечные аудиенции, приемы, балы для местного дворянства и долгие церковные службы («Мы, латиняне, проще относимся к поискам вечного спасения») были, вероятно, еще тяжелее. Наконец 29 января (9 февраля) Екатерина прибыла в Киев; ее встречали генерал-губернатор Малороссии фельдмаршал Румянцев и Потемкин. В Киеве, где государыня провела почти три месяца, проявились некоторые тайные разногласия между Потемкиным и другими высшими государственными сановниками. П. А. Румянцев теперь занимал открыто враждебную ему позицию, так как чувствовал себя на посту малороссийского генерал-губернатора отодвинутым на

второй план, и не упускал случая посетовать на Потемкина и покритиковать его. Потемкин поселился отдельно от двора, в Киево-Печерской лавре, где принимал у себя поляков, грузин, татар, евреев и представителей прочих колоритных народов Российской империи[59]. Наконец 22 апреля (3 мая) императрица со свитой разместилась на семи специально оборудованных галерах, предназначенных для путешествия вниз по Днепру. Следом плыли еще 80 судов с 3000 солдат на борту. Флотилия была богато украшена, галеры, драпированные шелком, превратились в изящные гостиные с уютными диванами. На каждом судне помещался особый маленький оркестр. Избранное общество из десяти послов и высших государственных лиц ежедневно собиралось в час дня к столу на галере императрицы, а кроме того, она угощала более многочисленное общество на второй галере, рассчитанной на шестьдесят гостей.

По обоим берегам Днепра флотилию приветствовали толпы крестьян, казаков, горожан. Городки, деревни, барские усадьбы и крестьянские хаты были нарядно разукрашены гирляндами из цветов, а иногда и триумфальными арками[60]. Потемкин тщательно рассчитал, где будут сделаны остановки, чтобы галеры всякий раз обязательно причаливали возле деревни или каких-нибудь живописных старинных развалин. По описанию Сегюра, на просторах полей паслись тучные стада, толпы поселян выходили на берег, к галерам во множестве подплывали лодки, полные крестьянских парней и девушек[61]. Именно эти зрелища и породили злую шутку о том, будто деревни были картонные, корабли и пушки в Севастополе нарисованные, и вообще весь спектакль путешествия Екатерины был иллюзией, поставленной ловким фокусником. С тех пор выражением «потемкинские деревни» обозначают достижения, являющиеся лишь видимостью. Принц де Линь, один из гостей Екатерины, уже тогда назвал его пустой игрой слов, хотя и признавал, что не все по пути императрица могла осмотреть лично, а они проезжали и недостроенные города и дома. Ей же, конечно, старались показывать

---

[59] Описание Киева того времени см.: *Segur L.P. de.* Mémoires... Vol. III. P. 41—42 (о Румянцеве); Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 254 ff. См. также записки специального посла Иосифа II, принца Шарля де Линя: *Ligne Ch., prince de.* Mémoires et melanges historiques et littéraires. Paris, 1827. Vol. II. Passim; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. Passim.

[60] См.: Журнал высочайшего путешествия ея Величества Государыни Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М. 1787. Passim; *Segur L.P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 8ff, особенно с. 96.

[61] Ibid. P. 112.

южные провинции России только с лучшей стороны. При этом принц подтверждал, что сделано уже очень много[62].

Графа де Сегюра тоже поразили достижения за столь короткое время, хотя и он заметил признаки поспешности в замысле и исполнении[63]. Но убедительнее любого из этих комментариев кажется описание, составленное Кириллом Разумовским (а он далеко не был другом Потемкина) в 1782 г., во время поездки в Херсон: «... зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, где в недавнем времени едва кое-где рассеянные обретаемы были ничего не значущие избушки... особливо по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большею же частью при обильных водах... Херсон для меня столь показался приятен, что я взял в нем и место для постройки дома...»[64]. Разумеется, в деревнях и городах украшали, чинили, подкрашивали дома к приезду императрицы — подобные приготовления к высочайшему визиту не чужды и нашему времени[65]. Но лишь один из авторов воспоминаний об этом путешествии описал случай, когда специально прятали от глаз императрицы картины народной нищеты. Это все тот же Миранда, который отметил, что в Тульской губернии (кстати, вдали от владений Потемкина) на окраине города поставили вдоль улицы два ряда досок примерно на протяжении версты, чтобы государыня не увидела бедных хижин местных жителей; дома получше были выкрашены заново, другие были искусственными, а в целом все казалось фальшивым. Но зато Миранда отмечает, что жители Тулы одевались лучше и выглядели более обеспеченными, чем жители других городов[66].

25 апреля (6 мая) императрица приблизилась к Каневу, расположенному на польской территории, где ее дожидался инкогнито король Станислав Август, чтобы встретиться с ней на галере. Встреча бывших любовников — первая после более чем двадцатипятилет-

---

[62] *Ligne Ch., prince de.* Lettres et pensées. . London, 1809. Vol. I. P. 137ff.

[63] *Segur L.P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 66—67, 112—113, 120—123.

[64] Цит. по: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 370—371.

[65] См. инструкцию В. Черткова от 31 мая 1787 г. относительно проезда императрицы по Харьковскому генерал-губернаторству с приказом очистить улицы от нищих, а горожанам выходить только в лучшем платье (Осмнадцатый век. Исторический сборник. М., 1868. Кн. I. С. 306 и далее). Современный пример см. в кн.. *Donaldson F.* Edward VIII: The Road to Abdication. Philadelphia. 1978. P. 65 (когда королевская семья посещала Кеннингтон, «ряду домов по Кеннингтон Роуд придали видимость заселенных... повесив в окнах занавески»).

[66] Archivo del General Miranda. . Vol. II. P. 324, 9 мая 1787 г. по новому стилю.

ней разлуки — происходила в присутствии пожиравшей их глазами толпы придворных. Екатерина и Станислав обменялись холодными величественными приветствиями и удалились на полчаса. Когда они вернулись к прочему обществу, можно было заметить на их лицах следы печали и смущения. Угощение на императорской галере было, как всегда, великолепное, но Екатерина отказалась сойти на польский берег и посетить бал, который король Станислав Август давал русским гостям и своей польской свите.

Станислав Август внушал свои идеи по поводу союза с Россией и созыва конфедеративного сейма всем русским должностным лицам, прибывавшим выразить ему почтение, пока императрица находилась в Киеве. Но никакого ответа так и не последовало, хотя Потемкин и уверял, что императрица благосклонно воспримет его проекты. Екатерина же не намеревалась вмешиваться в польские дела ради интересов Потемкина, а еще менее стремилась помочь Станиславу Августу в осуществлении программы, нацеленной на укрепление власти и вооруженных сил Польши. Тем временем Потемкин вел двойную игру, то заверяя польского короля в расположении к нему России, то тайно подстрекая антироялистскую партию в Польше, к которой принадлежали его приближенные Браницкий и Потоцкий.

Возможно, отказ Екатерины II на некоторое время задержаться в Каневе был вызван неловкостью встречи с человеком, которого она некогда любила и с которым позже обошлась так жестоко. Она приводила разные оправдания: устала, в парадном платье так жарко и тяжело, император Иосиф II будет ждать... Станислав Август не мог скрыть, как он огорчен отказом Екатерины, а Потемкин, опасавшийся за свои польские проекты, рассердился на нее и явно надулся[67].

Следующую большую остановку сделали в Кременчуге, фактической столице потемкинских владений, где Екатерина принимала депутации от татарских племен и дала обед для дворянства и горожан. Через несколько дней, узнав, что император Иосиф II, уже прибывший в Херсон, выехал ей навстречу в Новый Хайдак, Екатерина сошла с галеры и с небольшим эскортом поспешила к Иосифу по суше. Она уехала столь торопливо, что не успели распорядиться о столе для знаменитого гостя, так что эта забота оказалась возложенной на Потемкина к большому неудовольствию императора.

12(23) мая австрийский император и русская императрица торжественно въехали в Херсон. Ко времени этого визита, девять лет

---

[67] См.: *Liske X.* Op. cit. P. 494ff; *Храповицкий А. В.* Дневник... С. 33, 25, а также запись от 2 апреля 1787 г.

спустя после основания, в городе насчитывалось свыше 1200 каменных зданий, а население состояло из 24 тыс. солдат и матросов, свыше 4 тыс. каторжников и примерно 20 тыс. чиновников, купцов, ремесленников[68]. Находясь в Херсоне, Екатерина, как обычно, угощала обедом чины первых шести классов, принимала купцов и простых людей, допущенных к ее руке[69], раздала 3000 руб. на церкви и по рублю каждому солдату и матросу (всего 24 560 руб.). Кроме того, она посетила верфь, чтобы посмотреть, как спускают на воду линейные корабли и фрегат, построенные в Херсоне. Новый восьмидесятипушечный корабль, заложенный в Херсоне, был назван «Св. Иосиф».

17(28) мая императрица и ее коронованный гость выехали в Крым. 22 мая (2 июня) обедали в Инкермане, с видом на всю Севастопольскую бухту, где стояли на якоре 15 военных кораблей и фрегатов и 16 бомбардирских судов. Когда Екатерина приблизилась к флоту, стоявшему в бухте, корабли, разукрашенные сверху донизу, распустили паруса, с бортов выпалили пушки, матросы грянули: «Ура!» Император Иосиф явно был восхищен. Посетив Бахчисарай, Симферополь и Карасубазар, австрийский император и русская императрица расстались в Бериславе. Иосифу II по возвращении предстояло столкнуться с восстанием в Австрийских Нидерландах, а Екатерина продолжила свое блистательное путешествие и другим путем (через Полтаву, где Потемкин воспроизвел для нее знаменитое сражение) вернулась в Москву, где ее встречали внуки, а потом и в Царское Село, куда она приехала 11(22) июля 1787 г.

Это путешествие было поистине триумфальным, и прежде всего для Потемкина. Екатерина сияла от удовольствия при мысли, что доказала неправоту всех тех, кто шептал, будто Крым бесполезен для России и будто огромные суммы, доверенные светлейшему князю, растрачены на его личные цели. Конечно, не все увиденное ею смогло бы выдержать слишком пристальный взгляд ревизора, но результаты были налицо, их видел австрийский император и трое иностранных послов. Правда, турки тоже сделали свои выводы из этой поездки и в августе того же года объявили России войну.

---

[68] *Дружинина Е. И.* Указ. соч. С. 173—174. Как узнал Миранда, в общей сложности население Херсона составляло 40 тыс. человек. См.: Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 216.

[69] Согласно сведениям Брикнера, чиновники Потемкина, впрочем, постарались, чтобы никакие жалобы на светлейшего князя не достигли ушей императрицы. См.: *Брикнер А.* Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // ЖМНП. 1872. № 7. С. 10.

Часть VIII

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОЛЬША И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 24

От войны до войны. Внешняя политика России в 80-е гг. XVIII в.

Кючук-Кайнарджийский мир, заключенный в июне 1774 г., принес России весьма необходимую передышку, время, нужное для освоения вновь приобретенных территорий и завоеванных коммерческих привилегий. Однако нежелание Турции смириться с понесенными потерями мешало провести в жизнь положения договора, впрочем, как и явная ненадежность договоренностей в отношении Крыма. Турция сразу же потребовала пересмотра договора, но в январе 1775 г. обострение ситуации на границе с Персией вынудило Порту ратифицировать его. Россия получила первую часть контрибуции: турки передали Кинбурн русским войскам. Но хотя Турция пошла на уступки в большинстве вопросов и даже согласилась отдать Австрии Буковину в надежде на поддержку австрийской дипломатии против России, она продолжала препятствовать русской черноморской торговле и проведению политики в отношении Крыма.

Несмотря на то что русско-крымские отношения были урегулированы Карасубазарским договором 1772 г., крымский хан Сахиб-Гирей в конце 1773 г. неожиданно изменил свою политику и посадил под арест русского резидента Веселицкого. Таким образом, в момент подписания Кючук-Кайнарджийского договора, гарантировавшего самостоятельность Крыма, правитель этого независимого государства находился в состоянии открытого конфликта с Россией. Но судьбу Крыма решили распри, раздиравшие ханский род Гиреев. В декабре 1774 г. Сахиб-Гирея сверг с престола Девлет-Гирей. Новый хан попытался снискать себе поддержку России, освободив из заключения Веселицкого, и получил из Стамбула довольно неохотно пожалованную инвеституру. Екатерина II также пока что признала Девлет-Гирея, хотя у нее имелся наготове собственный кандидат на крымский трон, Шахин-Гирей, живший тогда в Полтаве. Россия начала подготовку к завоеванию Крыма в марте

1776 г., а в ноябре генерал Прозоровский взял крепость Перекоп. При этом учитывалась угроза расширения конфликта, но Турция была поглощена приготовлениями к войне на восточных границах, Австрия и Пруссия, казалось, не намеревались действовать, а внимание Франции уже было приковано к надвигающемуся англо-американскому конфликту[1].

Причины завоевания Крыма объяснялись в манифесте, провозгласившем намерение России охранять права и свободы населения Крыма и независимость полуострова в соответствии с Карасубазарским договором[2]. Русский командующий умело воспользовался расколом среди крымцев, многие из которых теперь отступились от Девлет-Гирея и приняли сторону ставленника России Шахин-Гирея. В апреле 1777 г. Шахин-Гирей был избран крымским ханом, а Девлет-Гирей, которого Порта оставила без поддержки, удалился в Стамбул, где и умер через несколько лет.

Русское правительство, поставив у власти в Крыму «подлинно самостоятельного» хана, в значительной мере предоставило Шахин-Гирею править как ему заблагорассудится. Шахин-Гирей видел себя реформатором, ведущим страну к европеизации. В итоге в октябре 1777 г. в Крыму поднялось восстание против хана, которое удалось окончательно подавить только в феврале 1778 г., после яростных и жестоких сражений, в которых участвовали русские войска[3]. Усилия Турции посадить на крымский престол соперника Шахин-Гирея остались бесплодными, а так как ни одна из сторон не хотела войны, то дело взяли в руки дипломаты.

А пока Россия и Турция ссорились из-за Крыма, под влиянием событий в Новом Свете ведущие европейские державы сходили со своих традиционных политических орбит. Екатерина пристально наблюдала, как растет напряженность между Британией и Америкой, и летом 1775 г. довольно резко отказала англичанам в просьбе ссудить их двадцатитысячной русской армией[4]. Гораздо сильнее ее

---

[1] *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1859. Bd. VI. S. 86. См. также: Екатерина II — П. А. Румянцеву, 8 марта 1776 г. // СбРИО. Т. CXLV. С. 45 и далее; АГС. Т. I. С. 291, 6 октября 1774 г.

[2] Обращение к жителям Крыма от имени П. А. Румянцева, одобренное Екатериной II, от 6 октября 1776 г. см.: СбРИО. Т. CXLV. С. 240–241.

[3] *Fisher A. W.* The Russian Annexation of the Crimea, 1772—1783. Cambridge, 1970. P. 94–95. Ср. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. ... Кн. XV. С. 195 и далее.

[4] СбРИО. Т. XIX. С. 463–506. Переписка сэра Роберта Ганнинга

беспокоили мелкие разногласия с Пруссией по поводу определения точных границ прусских владений в Польше, в особенности из-за поползновения пруссаков взять под контроль хотя бы торговлю Данцига, если не сам город. Стремление Фридриха II выжать все, что возможно, из Польши, которую Екатерина теперь предпочитала защищать, а не делить, превратило для нее союз с Пруссией в обузу. Он больше не сулил России, в сущности, никаких выгод[5]. Тогда, в надежде вернуть Пруссии былую дружбу с Екатериной, в апреле 1776 г. в Петербург отправился со вторым визитом принц Генрих Прусский. В итоге была заключена довольно посредственная сделка: король Фридрих шел на уступки в вопросе о прусско-польской границе и о Данциге в обмен на немедленное подтверждение договора с Россией (который должен был истечь только в 1780 г.). Пограничное соглашение между государствами — участниками раздела было подписано в Варшаве 11/22 августа 1776 г.[6], а 20/31 марта 1777 г. договор России с Пруссией возобновили и продлили еще на восемь лет[7]. Россия теперь могла более уверенно проводить активную политику в отношении Турции, зная, что Фридрих II непременно использует все свое влияние, чтобы не допустить войны.

Однако следующий кризис возник в Германии, и пользу из договора с Россией извлек Фридрих II. 19/30 декабря 1777 г. скоропостижно скончался баварский курфюрст. Император Иосиф II не упустил случая осуществить один из своих излюбленных замыслов усиления Австрии и частично прибрать к рукам Баварию. Он заставил наследника баварского трона соглашением от 23 декабря 1777 г. / 3 января 1778 г. уступить ему вожделенные земли. Но, с точки зрения Фридриха II, всякое усиление Габсбургов представляло собой угрозу для Пруссии, поэтому он тут же обратился к России за помощью, положенной ему по договору в случае войны с Австрией. Одновременно он пригласил Россию выступить посредником в кон-

---

[5] *Stribny W.* Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen. 1764—1786. Würzburg, 1966. P. 90—91.

[6] См. гл. 15.

[7] Текст договора см.: *Martens F. de.* Recueil des traités... Vol. V—VI: L'Allemagne. P. 101 ff. Этот договор был идентичен договору 1769 г., с той разницей, что по нему германские владения великого князя Павла Петровича закреплялись за младшим поколением русской императорской семьи, а также гарантировался февральский договор 1772 г. (о разделе Польши). 13 апреля 1777 г. в Берлине был подписан отдельный акт, касающийся ратификации прусской стороной договора 11/22 августа 1776 г. о польско-прусском разграничении.

фликте и принял меры к ослаблению напряженности между ней и Турцией, тем самым освободив России руки для помощи Пруссии.

В то же самое время, хотя и по другим причинам, Франция тоже склоняла турок к миру. Переговоры о признании юных Соединенных Штатов завершились подписанием союзного и торгового договоров 6 февраля 1778 г. Заключив их, Франция связала себя обязательством воевать с Британией, но поддерживать мир в Европе. Поэтому она отвергла требования Иосифа II о помощи против Пруссии по австро-французскому договору 1756 г., и, более того, французский посол в Турции получил распоряжение призывать Порту к примирению с Россией[8]. Пока Франция таким образом пыталась погасить боевой пыл турок, ее союзница Австрия тайно подстрекала их напасть на Россию, рассчитывая, что когда в империи разразится война за баварское наследство, то Россия, союзница Пруссии, будет отвлечена своими проблемами с Турцией. На другом конце Европы союза с Россией искала Англия, мечтавшая о военно-морском подкреплении в преддверии неизбежной войны с Францией. Таким образом, в Европе наметились три потенциальных очага вооруженных конфликтов: напряженность между Россией и Турцией, конфронтация Австрии и Пруссии в Священной Римской империи и англо-французская дуэль, готовая вот-вот возобновиться. Можно ли было не допустить их разрастания в общеевропейский конфликт?

Было очевидно, что ни Россия, ни Франция не желают оказаться втянутыми в войну в Германии. Их интересы на этот раз совпали, так что неудивительно, что они хотя бы на время пришли к взаимопониманию. На просьбы Фридриха II о вооруженной поддержке или о денежных субсидиях Екатерина реагировала прохладно и в марте 1778 г. предложила вынести спор о Баварии на рассмотрение рейхстага и попытаться разрешить конфликт согласно букве закона[9]. Однако нежелание России помочь Фридриху скрывали от Австрии в надежде удержать ее от каких-либо шагов до тех пор, пока турки угрожают Крыму. Но в августе потерпела неудачу крупная экспедиция турецкого флота. Русские пушки и боевые корабли, присутствие которых было нарушением Кючук-Кайнарджийского договора, не позволили туркам высадить десант. По возвращении флота после

---

[8] Верженн — Корберону, 28 декабря 1777 г. // Recuiel des Instructions données aux ambassadeurs de France / Ed. A. Rambaud. Vol. 9: Russie, 1749—1789. Paris, 1890. P. 337ff.

[9] *Stribny W.* Op. cit. P.107.

этой последней попытки спасти независимость Крыма от посягательств России партия сторонников войны в турецком правительстве уступила тем, кто предпочитал путь переговоров, и было принято предложение Франции о посредничестве в отношениях Турции с Россией[10].

Тем временем в июне 1778 г. Франция и Британия втянулись в войну, а в июле Фридрих II объявил войну Австрии. Британия продолжала искать союза с Россией, и теперь, когда война действительно вспыхнула, к ее предложениям прислушивались несколько благосклоннее, хотя прежнее препятствие установлению более тесного союза между державами сохранялось: Россия не желала отказываться от пункта о casus foederis в отношении Турции, особенно сейчас, когда, казалось, вот-вот начнется война с Портой.

Боевые действия между Пруссией и Австрией на границе Богемии велись поначалу до того вяло, что этот конфликт прозвали «картофельной войной»*. Наконец закулисные переговоры были прерваны, и Фридрих снова запросил помощи у союзницы. Но еще в июле 1778 г. Франция успела предложить посредничество в австро-прусском конфликте. Поэтому Фридрих II, прося русской помощи, одновременно сообщил Верженну, министру иностранных дел Франции, о своей готовности принять французское посредничество при условии, что и Россия, как его союзница, будет в этом участвовать. Обстоятельства теперь играли на руку Екатерине. Турки согласились на французское посредничество, и это означало, что обстановка на южных границах уже не должна вызывать у России больших опасений; а если французы предложили Пруссии свое посредничество, значит, они не станут подогревать воинственность австрийцев, помогая им. Теперь Екатерина могла рискнуть: решительно встать на сторону Пруссии, торопя при этом Австрию начинать переговоры с противником. Выделив, наконец, Пруссии вспомогательный корпус (при условии, что та оплатит все его расходы), Екатерина 22 сентября / 3 октября 1778 г. направила в Вену грозную декларацию. А навстречу уже мчался курьер из Вены, чтобы объявить о согласии Австрии на совместное русско-французское посредничество в конфликте. Так, в значительной мере благодаря инициативе Франции, два из потенциальных очагов войны погасли примерно в одно и то

---

[10] *Fisher A.W.* Op. cit. P. 106—109; *Zinkeisen J.W.* Op. cit. Bd. VI. S. 208ff.

* От немецкой поговорки «Jeden Tag Kartoffelsuppe» — «Каждый день одно и то же». — *Примеч. пер.*

же время, высвободив Франции руки для войны с англичанами в Америке (как и рассчитывал Верженн).

Сен-При, французский посол в Стамбуле, быстро сумел привести стороны к согласию, и 10 марта в Айналы-Каваке было подписано русско-турецкое соглашение. В нем торжественно подтверждалась самостоятельность Крыма, а турки признали Шахин-Гирея крымским ханом. Русская сторона согласилась на определенные уточнения в процедуре религиозной инвеституры крымских ханов и признала, что назначение кади, или судей, подлежит ведению духовных, т.е. турецких, властей, а не светской власти крымских ханов[11]. На этих условиях Россия согласилась вывести войска с полуострова.

Но прежде, чем заключить это соглашение, Россия совершила шаг, которому предстояло сыграть решающую роль в подрыве стабильности Крымского ханства: она эвакуировала христианское население Крыма. Этот план возник в 1777—1778 гг., порожденный, вероятно, вполне обоснованным страхом перед возможными мусульманскими репрессиями в отношении христиан после выхода русских войск. Но выгода от привлечения большой группы поселенцев-христиан на южнорусские территории скоро заслонила собой первоначальную причину переселения, и опасения за безопасность крымских христиан стали обычным предлогом. В Крыму христиане играли роль, сходную с той, которую выполняли еврейские общины в Западной Европе, и пользовались особым покровительством ханов как самые надежные налогоплательщики. Христиане составляли не только наиболее развитую экономически часть общества, но также служили главной опорой проводимой Шахин-Гиреем политики «европеизации». Поэтому последний поспешил выразить Екатерине протест против замысла переселения христиан. Но, невзирая на его возражения, исход христиан под защитой русских войск начался в июле 1778 г. К сентябрю в общей сложности 31 098 христиан покинули свои крымские дома (причем многие, конечно, делали это неохотно и вынужденно) ради туманного будущего в Азовской губернии[12]. Новым колонистам пожаловали щедрые зе-

---

[11] Текст Айналы-Кавакского соглашения см.: *Martens G.F. de.* Op. cit. Supplement. Vol. III. P. 653.

[12] См.: *Fisher A.W.* Op. cit. P. 100 ff; *Nolde B.* La formation de l'Empire Russe. Paris, 1953. P. 140—152; *Bartlett R.* Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia, 1762—1804. Cambridge, 1979. P. 130—131 (автор этой работы приводит другую цифру: 31 386).

мельные наделы и значительную гражданскую и религиозную автономию в рамках российских законов[13].

Параллельно с переговорами о примирении России с Портой в марте 1779 г. в Тешене начались переговоры об установлении мира в Германии, и 13 мая 1779 г. был подписан договор. По его условиям Австрия аннексировала небольшую часть Баварии — Иннерфиртель — и согласилась поддержать претензии Фридриха II на маркграфства Аншпах и Байрейт, когда там пресечется правящая династия.

Для России ее совместное с Францией участие в посредничестве при разрешении баварского конфликта было выдающимся успехом. Оно позволило русскому влиянию проникнуть в самое сердце Священной Римской империи, и хотя Россия не имела там территориальной базы, теперь она могла претендовать на тот авторитет, которым раньше пользовалась Швеция. С этих пор она получила возможность преследовать свои политические цели непосредственно в империи, «не проходя» через Пруссию[14]. Более того, выступив гарантом Вестфальского мира, возобновление которого было предусмотрено Тешенским мирным договором, Россия приобрела право судить о том, насколько верно понимаются и выполняются эти соглашения Священной Римской империей[15]. Так, благодаря посреднической деятельности Россия приобрела влияние в центре Европы и одновременно в процессе сотрудничества при замирении в Германии установила взаимопонимание с Францией. Из обоих потенциальных конфликтов, к которым Россия была причастна, она

---

[13] Колонистов освободили от всех налогов на 10 лет, по истечении которых с купцов предполагалось взимать общий для российского купечества однопроцентный налог с капитала, горожане должны были платить по 2 руб. с двора, а крестьяне по 5 коп. с десятины земли (это, насколько я знаю, первый пример прямого поземельного налогообложения в России). Колонистов навечно освободили от постоя и рекрутского набора. Первоначальное переселение было, как всегда, сопряжено с множеством трудностей, так как обещания властей не выполнялись. Но после этих первых неувязок колонии достигли процветания.

[14] *Stribny W.* Op. cit. P. 113ff. См. также инструкцию Н. П. Румянцеву от 23 декабря 1785 г. о назначении его послом в Берлине (*Трачевский А.* Союз князей. СПб., 1877. С. 495).

[15] Подробное изложение истории этого конфликта и заключения мира, наряду с политической корреспонденцией Фридриха II, см.: PCFG. Bd. XLI—XLIII. См. также: *Unzer A.* Der Friede von Teschen. Kiel, 1903; *Reimann E.* Geschichte des Bairischen Erbofolgkrieges. Leipzig, 1869; *Oursel P.* La diplomatie française sous Lous XVI: Succession de Bavière et paix de Teschen. Paris, 1921. Русские документы см.: СбРИО. Т. LXV (переписка князя Н. В. Репнина).

вышла окрепшей. Она не оказала Фридриху II той поддержки, на которую он рассчитывал, а истолковала русско-прусский договор в собственных интересах. Император Иосиф II понял, что без союза с Россией он ничего не добьется. Кроме того, на какое-то время интересы Франции и России в деле сохранения мира в Европе полностью совпали.

Тогда же угроза испанского вмешательства в англо-французскую войну заставила Англию в октябре 1778 г. снова предложить союз России, крайне неохотно отказавшись от «турецкой статьи»: в случае начала русско-турецкой войны Англия бралась предоставить России только субсидию и ничего больше взамен на привлечение части русского флота к боевым действиям против Франции в продолжающейся войне[16]. Успех параллельно проходивших переговоров в Турции и в Германии позволил русской стороне в декабре 1778 г. отклонить эти предложения. В то же время удовлетворительный ход переговоров внес в политику Н. И. Панина два новых элемента, а именно стремление сделать Россию посредницей в конфликте между Британией и Францией и защитницей торговли нейтральных государств от грабежа, чинимого воюющими странами, особенно Англией.

Отклоняя в декабре 1778 г. инициативу Британии относительно заключения союза, Панин ссылался не только на то, что Россия надеется примирить Британию с Францией. Он также (и впервые) выразил протест против британской практики задержания всех нейтральных судов, идущих во Францию[17], и признания всех грузов, отправленных во Францию, имуществом противника. Одним лишь голландцам платили за грузы, арестованные в Англии, потому что на основании договора 1647 г. они могли требовать от англичан выполнения принципа «свободные корабли — свободные товары» (означавший соблюдение права торговать с воюющими сторонами любыми товарами, кроме признанных военной контрабандой, к которой, впрочем, не относилось шкиперское имущество). Столкнувшись с протестами нейтральных стран, лорд Саффолк, министр правительства Норта, 10 ноября 1778 г. выступил с заявлением, подтверждающим позицию Англии: нейтральные суда будут задерживаться, шкиперское имущество будет признаваться контрабандой, грузы противной стороны будут конфисковываться. Запасы шкиперского имущества, захваченные до этой даты, будут выкупаться,

---

[16] *Madariaga I. de.* Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780... P. 44—46.

[17] Ibid. P. 52.

Политику Франции, которая сначала была еще более суровой в отношении нейтральных стран, чем английская, Верженн несколько смягчил в июле 1778 г., учитывая нужды французского флота и стремясь укрепить влияние Франции на нейтральные государства в противовес Британии[18].

Целый ряд причин склонял Россию к защите нейтральной торговли — например, желание освободить свою внешнюю торговлю от зависимости от британского флота или стремление воспользоваться повышенным спросом на российские товары, и прежде всего — на шкиперское имущество, возникшим во время войны на море. Предлог отыскался легко, так как статьи 10 и 11 англо-русского коммерческого договора 1766 г. гласили, что флаг защищает товар, и не относили шкиперское имущество к военной контрабанде. Поэтому, по мнению русской стороны, ее кораблям разрешалось беспрепятственно доставлять эти грузы врагам Британии[19]. Но торговый флот России был слишком мал для того, чтобы она могла как следует использовать свое выгодное положение. Однако экспорт российского шкиперского имущества во все воюющие страны мог бы возрасти, если бы другие государства, а особенно Голландия, смогли добиться от Англии признания их права торговать этими товарами со всеми воюющими странами и если бы их доступ в русские порты удалось обезопасить от нападений каперов.

Появление в августе 1778 г. в русских водах американского капера заставило Екатерину II вместе с союзной Данией весной 1779 г. наладить военно-морское патрулирование для охраны своих берегов. Скрытое давление, которое оказывала Франция на Данию, Швецию и Соединенные провинции, наконец вдохновило датского министра иностранных дел графа А. П. Бернсторфа выступить в сентябре 1778 г. с более обширным планом введения ряда принципов, осуществлением которых занимались бы военно-морские патрули договаривающихся сторон. К этим принципам относилось

---

[18] Весь этот комплекс проблем рассмотрен в вышеназванной работе (Ibid. P. 57 ff).

[19] Текст англо-русского договора см.: *Martens F. de.* Op. cit. Vol. IX. P. 242. При возобновлении договора 1734 г. в 1766 г. и британский посол, и государственный секретарь лорд Сэндвич сочли, что «теперь мы будем решать, что следует считать боеприпасами». Но в статье 11 совершенно ясно сказано, что помимо специфических контрабандных товаров «ни суда, ни пассажиров, ни иные грузы, обнаруженные в то же время, не следует задерживать или препятствовать продолжению их пути».

правило: «свободные корабли — свободные товары», а контрабанда определялась таким образом, чтобы позволить Дании торговать шкиперским имуществом. Вскоре и Швеция поспешила предложить свое сотрудничество с флотами Дании и России.

Этот датский план был пока еще слишком далекоидущим для России. Ей нужно было охранять не торговые суда в открытом море, а лишь подступы к своим берегам, а боевое столкновение с профранцузской Швецией могло оказаться опасным. Поэтому Россия ограничилась жесткой словесной нотой Великобритании в декабре 1778 г. В феврале 1779 г. Екатерина отклонила предложение о конвенции с двумя другими Балтийскими государствами и заявила, что намерена действовать самостоятельно и снарядить небольшую эскадру для охраны подходов к русским берегам[20]. Но эта ограниченная акция России так же сильно не понравилась французам, как и англичанам, и ни одна из этих стран не захотела принять услуги России, которые Панин пытался навязать Британии в декабре 1778 г., а Франции — в мае 1779 г. Когда в июне 1779 г. в войну вмешалась Испания, вся картина изменилась, и теперь помощь России на море стала Британии гораздо нужнее ее предложений о посредничестве.

Появление летом 1779 г. в Ла-Манше флотов Франции и Испании заставило британское правительство снова хлопотать о военно-морском содействии со стороны России — на этот раз в обмен на формальное включение турецкого casus foederis в союзный договор, хотя Британию больше устроило бы посредничество России, подкрепленное силовой угрозой. И опять в январе 1780 г. Екатерина отклонила предложение, которое, как она ясно видела, непременно вовлекло бы ее в войну. Вскоре после этого императрица избрала политическую линию, которой было предназначено окончательно закрепить нейтралитет России и еще больше расширить ее влияние в Европе.

На протяжении 1779 г. российская сторона пеняла англичанам на то, что они задерживают ее грузы, направленные во Францию на голландских кораблях, а также суда под российским флагом. Когда в начале 1780 г. российский корабль был задержан испанцами, Екатерина получила возможность перейти к политике, внешне не выглядевшей откровенно антибританской, хотя она в значительной мере была нацелена на сдерживание вмешательства Англии в датское, голландское и шведское мореплавание. Итак, в середине февраля 1780 г. Екатерина торжественно провозгласила правовые принципы, кото-

---

[20] См.: *Madariaga I. de.* Op. cit. Ch. 3.

рые следовало положить в основание нейтральной торговли и мореплавания, и предложила образовать Лигу нейтральных государств для защиты этих принципов. В первую очередь в эту Лигу должны были войти Россия, Дания, Соединенные провинции и Швеция[21].

Затем последовали переговоры о заключении ряда конвенций по поводу подготовки флотов нейтральных стран к защите принципов мореплавания. 9 июля 1780 г. была подписана конвенция с Данией, и Дания обратилась с декларацией к воюющим сторонам, в которой контрабанда определялась согласно статье 2 англо-датского договора 1670 г. Но в то же самое время Бернсторф тайно вел переговоры с Британией об отказе Дании от права торговать шкиперским имуществом в обмен на определенные права вывозить продовольствие во Францию и Испанию. Декларация Швеции была обнародована 21 июля, а ее конвенция с Россией подписана 1 августа 1780 г. В сентябре Дания и Швеция присоединились, соответственно, к русско-шведской и русско-датской конвенциям[22].

Переговоры с голландцами тянулись дольше. Генеральные штаты назначили полномочных представителей вести переговоры в Санкт-Петербурге, куда те прибыли только в сентябре 1780 г. Тем временем в российской внешней политике произошел некоторый сдвиг, который назревал раньше, но теперь наглядно проявился благодаря инициативе Иосифа II.

Со времен войны за баварское наследство австрийский император понял, что его цели останутся недостижимыми, пока не удастся расколоть союз России с Пруссией. Поэтому в январе 1780 г. он предложил Екатерине устроить встречу во время ее путешествия по новым провинциям, отделенным от Польши, которое было намечено на весну. Это предложение являлось официальным признанием ведущей позиции, которую Россия заняла в Европе под властью Екатерины II, и она поспешила принять его[23]. Ни тот, ни другой

---

[21] Из пяти предложенных ей принципов два были весьма противоречивы, а именно — универсальное применение принципа «вольные суда — вольные товары» и столь же универсальное распространение определения контрабанды, в том виде как оно было заложено в статьях 10 и 11 англо-русского договора 1776 г. Текст этого документа см.: *Madariaga I. de.* Op. cit. P. 172.

[22] С полными текстами всех этих соглашений удобнее всего познакомиться в издании: The Armed Neutralities of 1780 and 1800 / Ed. J.B. Scott. London; N.Y., 1918. P. 295 ff, 307, 311, 321—322.

[23] О том, по каким причинам император пришел к этому решению, см.: *Arneth A. von.* Maria Theresias letzte Regierungszeit, 1763—1780. Wien, 1879. Bd.IV. S 667—670.

монарх не предусматривали установления каких-либо формальных отношений между государствами, к тому же Екатерина нисколько не стремилась ввязываться в авантюры Иосифа II в Германии, но под влиянием Потемкина она начинала обращаться мыслями к осуществлению так называемого «греческого проекта», т.е. к ниспровержению Османской империи и освобождению Константинополя[24]. В предвидении этих событий второго внука Екатерины нарекли греческим именем Константин и приставили к нему няньку-гречанку, чтобы готовить его к будущей роли.

Было бы преувеличением считать, что «греческий проект» представлял собой конкретный, хорошо продуманный политический план, однако он не был и всего лишь пробным шаром в отношениях между Россией и Австрией. Это была цель, направление, мечта, причем требующая сотрудничества с Австрией, а не с Пруссией[25]. Новая ориентация екатерининской политики стала предметом острых разногласий при российском дворе. Н. И. Панин, видевший в «греческом проекте» гибель союза с Пруссией, которому он придавал большое политическое значение и с которым связывал свои личные надежды на будущую власть и высокие посты, всеми явными и тайными средствами боролся против новой проавстрийской ориентации, за которую выступал Потемкин. Но визит Иосифа II, который под именем графа Фалькенштейна в конце мая 1780 г. встретился с императрицей в Могилеве, оказался чрезвычайно успешным — в основном, конечно, потому, что обе стороны решительно настроились на успех. Для восстановления равновесия Фридрих II в сентябре того же года прислал в Россию своего племянника и наследника (которому Екатерина дала обидное прозвище «Толстяк Гю»). Императрице его визит показался утомительным[26], но дело было скорее в том, что в это время она приняла важное решение — идти на сближение с Австрией, а союзу с Пруссией предоставить постепенно сойти на нет.

Лишь с вступлением голландцев в Лигу нейтральных держав это сообщество могло составить серьезную угрозу снабжению Британии

---

[24] Новейший обзор этой проблемы см.: *Hösch E.* Das sogenannte «griechische Projekt» Katharinas II // JGOE. 1964. Bd. XII. S. 168—206; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого «греческого проекта» (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52—78.

[25] СбРИО. Т. XXVII. С. 180; *Raeff M.* In the Imperial Manner. P. 5, примеч. 6.

[26] Екатерина II — Иосифу II, октябрь 1780 г. // *Arneth A. von.* Joseph II und Katharina von Russland, ihr Briefwechsel... S. 11.

по морю, потому что у Нидерландов был и тоннаж для перевозки русских экспортных грузов, нужных французскому и испанскому флотам, и военный флот, способный защищать торговые суда Лиги. Англия решила, что лучше открытый разрыв, чем тайная вражда, и под искусственным предлогом прекратила отношения с голландцами. 20 декабря началась война на море, а через две недели, 4 января 1781 г., в Санкт-Петербурге голландские полномочные представители подписали с Россией договор о присоединении к вооруженному нейтралитету, еще не зная, что представляют государство, больше не являющееся нейтральным. Однако Англия, приобретя нового врага, одновременно начала двойной дипломатический маневр: настаивая на совместном посредничестве Австрии и России в англо-французском конфликте, зимой 1781 г. она в последний раз попыталась привлечь Россию к участию в войне в роли своего союзника, предложив отдать ей за это остров Минорка.

Но, как ни соблазнителен был этот приз («невеста слишком хороша... меня хотят обмануть», как выразилась Екатерина), императрица осознавала, что ее могут втравить в войну, предложив такое территориальное приобретение, удерживать которое она сможет лишь с позволения англичан. Более того, как созидательница Лиги нейтральных держав, она могла больше выиграть, сохраняя нейтралитет и укрепляя свое влияние в Европе в роли посредницы между воюющими сторонами. К тому же еще раньше, чем до нее дошло английское предложение Минорки, императрица успела принять сделанное по наущению англичан предложение, которое прислал в январе 1781 г. Иосиф II, — о совместном посредничестве в англо-французском конфликте.

Также благодаря посредничеству императрице удалось выйти из неловкого положения, в котором она оказалась из-за разрыва Британии с голландцами. Когда началась война с Британией, Нидерланды обратились к собратьям по Лиге нейтральных держав за военной помощью. Россия не намеревалась ввязываться в войну ради голландской торговли, а избежать выполнения договорных обязательств можно было под тем предлогом, что война началась раньше, чем голландцы подписали договор. В середине февраля Екатерина предложила официальное посредничество в примирении Британии с Голландией, причем ни другие участники Лиги, ни Австрия в число посредников не включались[27].

---

[27] *Madariaga I. de.* Op. cit. P. 302 ff.

В ноябре 1780 г. умерла Мария Терезия, после чего начались переговоры о заключении союза между Россией и Австрией. Екатерина II, у которой после недавних дипломатических успехов сложилось преувеличенное мнение о престиже России, едва не завела переговоры в тупик, потребовав, чтобы Иосиф II предоставил России «альтернативу», т.е. отказался от традиционного права императоров Священной Римской империи первыми подписывать оба экземпляра любого договора. С ноября по май дело не двигалось, но наконец Екатерина предложила выход, приемлемый для императора Иосифа: договор должен иметь форму тайного обмена собственноручными посланиями двух монархов с изложением взаимных обязательств сторон. Поскольку и сами переговоры, и спор по поводу «альтернативы» сделались достоянием гласности, было решено официально объявить, что переговоры прерваны. Иосиф и Екатерина тем временем своими собственными августейшими руками начертали обязательства, которые брали на себя в отношении друг друга, и императрица, кажется, от души радовалась тому, как они обманули всех дипломатов, вместе взятых[28].

Договором предусматривалась взаимная защита территорий стран-участниц, в том числе и польских земель, приобретенных ими по разделу 1772 г. Исключение составляли азиатские владения России и итальянские владения Австрии. В случае агрессии третьей стороны против австрийских Нидерландов Россия бралась предоставить Австрии субсидию. Обе державы взялись оберегать существующую конституцию Польши и защищать ее территориальную целостность. Отдельными письмами в одностороннем порядке гарантировались действующие договоры между каждой из сторон и Турцией. В случае нарушения турками их договорных обязательств или объявления ими войны одной из договаривающихся сторон другая должна была прийти на помощь в течение трех месяцев[29]. России этот договор давал основу для проведения наступательной политики на юге. Хотя этот союз с австрийцами фактически перечеркнул еще не утративший силу договор России с Пруссией, Екатерина все же могла быть вполне уверена в том, что в случае войны между двумя

---

[28] Более подробное исследование этого вопроса см.: *Madariaga I. de.* The Secret Austro-Russian Treaty of 1781 // SEER. Vol. XXXVIII. № 90. P. 114—145.

[29] Текст писем см.: *Arneth A. von.* Joseph II und Katharina von Russland... S. 67 ff. Здесь письма Иосифа II датированы 20 и 21 мая, в то время как правильная дата обоих писем — 18 мая; письма Екатерины были датированы 24 мая / 4 июня 1781 г.

новоявленными союзниками и Портой Пруссия нападет не на Россию, а, скорее всего, примется за Австрию.

Пока длился спор об альтернативе, невозможен был никакой прогресс в совместном посредничестве Австрии и России в англо-французском конфликте, потому что страны-посредники не могли поставить свои подписи под одним документом. Но не успели высохнуть чернила на письмах, которыми обменялись два монарха, как посредничество вступило в силу. Все это время Екатерина не прекращала настаивать на скорейшем образовании Лиги нейтральных держав. Хотя голландцы перестали быть нейтральными, оставались другие страны, которые можно было привлечь к участию. Действующие принципы мореплавания, в том числе и правило «свободные корабли — свободные товары», провозглашенные императрицей, в апреле 1780 г. с энтузиазмом приняла Франция и — несколько неохотно — Испания. В 1782—1783 гг. к вступлению в альянс склонили также Португалию и Королевство Обеих Сицилий[30]. В конечном счете более неблагоприятным для военных усилий Британии оказалось присоединение к вооруженному нейтралитету Австрии и Пруссии. Оба монарха удостаивали лишь саркастических отзывов этот, как они считали, доморощенный проект Екатерины. Но Фридрих II хватался за любую соломинку, лишь бы укрепить отношения с Россией. Присоединение Пруссии к альянсу, состоявшееся в мае 1781 г. (как раз тогда, когда Екатерина писала свои обязательства перед Иосифом II), естественно, заставило и Австрию благосклонно отнестись к приглашению Екатерины примкнуть к нейтралитету. В октябре 1781 г. она также вошла в число участников союза. Русский экспорт выиграл от их вступления, потому что голландские корабли теперь в больших количествах переходили под флаг Пруссии или Австрийских Нидерландов и, таким образом, получали право торговать русскими товарами с Францией и Испанией[31].

Успешная политика Екатерины II в отношении мореплавания расширила европейские дипломатические связи России до самой Португалии и, судя по всему, принесла ей доминирующее положение в Европе — ведь она вошла в число посредников в англо-фран-

[30] Русско-португальская конвенция была подписана 24 июля 1782 г. Соглашение с Королевством Обеих Сицилий — в феврале 1783 г. Тексты см.: *Scott J. B.* Op. cit. P. 420, 433.

[31] *Madariaga I. de.* Op. cit. P. 320—321, 340—341. Тексты договоров см.: *Scott J. B.* Op. cit. P. 397, 403, 405, 409. Присоединение Австрии к союзу ввиду неразрешенного спора об альтернативе тоже вылилось в форму обмена актами о вступлении Австрии в союз и согласии на него России.

цузском конфликте. Поэтому пришло время разработать устав для мореплавания русского торгового флота, заняться систематическим расширением сети русских консульств во всей Европе и заключить ряд торговых соглашений[32]. Кроме того, русский флот, в 1779 г. ограничивавшийся патрулированием в северных водах, теперь снова появился во всей мощи в Средиземном море под предлогом защиты русских купеческих кораблей от французских и испанских каперов.

Договор с Австрией, по сути дела представлявший собой глубокий сдвиг в ориентации российской внешней политики — отход от Северной системы, — вызвал серьезные потрясения и при русском дворе. С именем Н. И. Панина всегда отождествляли союз России с Пруссией, и сначала министр противился созданию Лиги нейтральных держав, но затем, поняв, что Лига действительно занимает нейтральную позицию, причиняющую ущерб Британии, от всего сердца ее поддержал. Резкая антибританская настроенность Панина объяснялась действиями английского посла сэра Джеймса Харриса — тот, отчаявшись получить военную помощь от России через президента Коллегии иностранных дел, принял сторону князя Потемкина и пытался добиться смещения Панина. Но в битве за влияние на Екатерину британские интересы играли лишь второстепенную роль. Это была борьба между Паниным с его Северной системой и Потемкиным — сторонником проавстрийской ориентации внешней политики России. Учитывая крайнюю остроту своих отношений с Потемкиным, Панин предвидел неизбежную опалу и утрату власти. Он не играл никакой роли в переговорах с Австрией, которые вели Потемкин и Безбородко. Более того, он прямо заявил, что не станет «пачкать руки», подписывая свое имя под таким договором, и испросил позволения удалиться в деревню. Екатерину, в свою очередь, все сильнее раздражало, что Панин вечно мешает ис-

---

[32] См.: *Ульяницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Т. II. Приложение 128. С. DLXXV и далее. Положение об общих принципах, которые намеревалась проводить Россия во всех торговых договорах см.: *Martens F. de.* Op. cit. Vol. II. P. 143, записка графу Кобенцлю от 9 сентября 1782 г. Первый торговый договор был подписан с Данией 8/19 октября 1782 г. В его статьях 16 и 17 подтверждалась приверженность обеих сторон принципам вооруженного нейтралитета (в мудрости которых договаривающиеся стороны были твердо убеждены). За договором о вооруженном нейтралитете с Португалией последовало подписание торгового договора с Турцией — 10/12 июля 1783 г., с Австрией — 1/12 ноября 1785 г., с Францией — 31 декабря 1786 г. / 11 января 1787 г., с Королевством Обеих Сицилий 6 января 1787 г. и с Португалией 9/20 декабря 1787 г. Принцип вооруженного нейтралитета подтверждался во всех этих торговых договорах.

полнению ее желаний, и когда в сентябре 1781 г. он вернулся из деревни, ему было велено сдать дела Коллегии иностранных дел вице-канцлеру графу И. А. Остерману, а А. А. Безбородко, член коллегии, сделался главным советником императрицы по иностранным делам.

Отставка Панина ознаменовала собой окончание целой эпохи во внешней политике России. Несмотря на то что существование (не говоря уже об условиях) договора с Австрией, заключенного в мае 1781 г., оставалось тайной, было вполне очевидно, что Россия и Австрия сотрудничают во внешней политике, чего не делали раньше, и не менее ясно, что союз России с Пруссией изжил себя[33]. Фридрих II сделал отсюда неизбежные выводы и взялся за укрепление своих позиций на других направлениях.

В продолжение 1782 г. все державы проводили выжидательную политику. Падение Йорктауна в Америке в декабре 1781 г. привело в марте следующего года к отставке правительства Норта, и к власти в Британии пришли виги. Политика нового государственного секретаря по иностранным делам, Чарлза Джеймса Фокса, предусматривала сближение с Россией. С этой целью Фокс, в отличие от своих предшественников, согласился включить принцип «свободные корабли — свободные товары» в условия мирных переговоров с голландцами, и Екатерина II вернула Англии свою благосклонность. В мае 1782 г. между Францией и Британией начались секретные переговоры. Ни одна из сторон пока еще не была готова признать поражение, хотя обе стремились избежать вмешательства в дело императоров-посредников с их добрыми услугами. В июне 1782 г. Фокс сделал еще один шаг к заключению союза с Россией и был готов заплатить за него согласием с выдвинутыми Екатериной принципами судоходства[34]. Но в этот момент у императрицы появилась более важная забота.

Зимой 1780—1781 гг. в Крымском ханстве опять вспыхнул мятеж, и к маю 1782 г. это привело к бегству хана Шахин-Гирея в русский порт Керчь. На престол в Крыму избрали его соперника, хана Бахадыр-Гирея, который собирался просить признания и помощи у Турции. В нарушение условий Айналы-Кавакского договора, согласно которым Порта пожизненно признала крымским ханом Шахин-Гирея, турки решили теперь признать нового хана. Перед Екатериной встал выбор: снова восстанавливать на престоле Шахин-Гирея или раз и навсегда решить проблему Крыма. Пока Потемкину

---

[33] *Madariaga I. de.* Op. cit.

[34] *Idem.* Armed Neutrality... P. 497—498.

просто было велено указом 3/14 августа 1782 г. выступить в Крым и вернуть трон Шахин-Гирею. Тем временем Екатерина занялась выяснением вопроса о том, как отнесется император Иосиф II к перспективе войны с Турцией. В длинном письме к Иосифу от 10/21 сентября императрица предложила заключить дополнительное русско-австрийское соглашение о возможных выгодах для каждой из сторон: Россия намеревалась ограничиться Очаковом, Черноморским побережьем от Буга до Днестра и «одним-двумя островами» Греческого архипелага. (О русских территориальных приобретениях в Крыму императрица при этом не упомянула.) Притязания России выглядели довольно скромно, но помимо них Екатерина предлагала создать новое владение в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии, независимое навечно как от России, так и от Австрии (без слов было ясно, что это и есть будущее потемкинское королевство — Дакия).

Излагая свою политическую линию, Екатерина предприняла общий обзор позиций других государств: Польша под контролем, Дания — верный союзник, Швеция начнет действовать, только если ее к этому подтолкнут (и субсидируют), а задача императора Иосифа II — отговорить французов выделять эти субсидии. Главным препятствием может стать Пруссия, но ее король стар и не выступит без поддержки Франции или Англии. Францию может сдержать Иосиф, а Британию сдержит Россия. К тому же Австрия и Россия вместе достаточно сильны, чтобы с успехом противостоять Пруссии. И если соединенными усилиями они сумеют избавить Европу от турок, то, как она надеется, Иосиф II поможет ей возвести внука Константина на константинопольский престол[35]. На эти обширные замыслы Иосиф откликнулся заведомо нереальными пожеланиями. Он претендовал на Хотин (для защиты Буковины), часть Валахии, города Белград, Орсова, Видин. Прямая линия, соединяющая Белград с морем, послужила бы границей австрийских владений по Дринскому заливу. Венеция должна была отдать Австрии Истрию и Далмацию, но зато получить Морею, Кипр и Крит, и пусть тогда Константин владеет своей империей, а Потемкин — Дакией. Однако всего этого, как подчеркнул Иосиф, невозможно добиться, понадеявшись лишь на то, что Фридрих слишком стар для решительных действий. Без содействия Франции и ее гарантий относительно Пруссии он, Иосиф, выступать не намерен. Поэтому придется по-

[35] *Arneth A. von.* Op. cit. S. 143 ff, 10/21 сентября 1782 г. См. также: Екатерина II — Фридриху II, 15/26 июня 1782 г. // Ibid. S. 134.

зволить Франции участвовать в разделе добычи, может быть — в Египте, а Венеции тоже выделить компенсацию[36].

Одновременно Иосиф II поддержал дипломатическое давление России на Стамбул с целью заставить турецкое правительство смириться с правлением Шахин-Гирея на Крымском полуострове[37], и в октябре 1782 г. крымского хана восстановили на престоле силой русского оружия. Теперь Потемкин занялся развитием пророссийского движения в Крыму, при этом не переставая внушать Екатерине II преимущества овладения полуостровом или хотя бы портом Ахтияр, в чем его поддерживал Безбородко. 14/25 декабря 1782 г., понимая, как дерзок ее план и как велик риск войны с Турцией, Екатерина все же отдала приказ Потемкину, уполномочивший его аннексировать Крымский полуостров, но лишь при определенных обстоятельствах и условиях: если умрет Шахин-Гирей, если против него поднимется восстание, если Турция откажется уступить другим требованиям России или если Шахин-Гирей не захочет отдать Ахтияр[38].

Однако турки уступили под совместным нажимом Австрии и России, тем самым выбив почву у русских из-под ног (как не замедлил отметить Иосиф II)[39]. Пришлось временно отложить в сторону амбициозный «греческий проект». Но в марте Потемкин вернулся в Санкт-Петербург и употребил все свое влияние, чтобы убедить императрицу в преимуществах немедленного присоединения Крыма[40]. Использовав сфабрикованный предлог (якобы турецкий набег на Тамань), 8 апреля 1783 г. Екатерина подписала манифест, в котором объявила о своем намерении присоединить Крым к российским владениям. Это решение она обосновывала тем, что Россия уже истра-

---

[36] Иосиф II — Екатерине II, 13 ноября 1782 г. // *Arneth A. von.* Op. cit. S. 169ff. См. также: Иосиф II — Кобенцлю, 22 ноября 1782 г. // *Beer A., Fiedler J.* Joseph II und Graf Ludwig Kobenzl... Bd. I. S. 345; 24 февраля 1783 г. // Ibid. S. 367ff.

[37] *Zinkeisen J. W.* Op. cit. Bd. VI. S. 349, 383 (о встречных меморандумах Австрии и России в августе 1782 г.).

[38] *Nolde B.* Op. cit. P. 163—164; СбРИО. Т. XXVII. С. 221—225.

[39] Харрис — Грэнтаму, 18/29 января 1782 г. // Malmesbury Diaries. Vol. II. P. 27ff; Иосиф II — Екатерине II, 25 февраля 1783 г. // *Arneth A. von.* Op. cit. P. 188ff; Кобенцль — Иосифу II, 10 мая 1783 г. // *Beer A., Fiedler J.* Op. cit. Bd. I. S. 407ff.

[40] Возможно, что на решение Екатерины лишить протекции Шахин-Гирея повлияла его безжалостная жестокость в отношении противников. Императрица приказала Потемкину позаботиться о том, чтобы русские войска в Крыму не имели никакого отношения к репрессивной политике Шахин-Гирея, и велела своему послу выразить хану протест при личной встрече. См.: *Fisher A. W.* Op. cit. P.132—133; Екатерина II — Потемкину, 7/18 февраля 1783 г. // СбРИО. Т XXVII. С. 231—232.

тила на защиту самостоятельности ханства 12 млн руб., и тем, что Турция нарушила связывающие ее с Россией договорные обязательства, напав на Тамань. В манифесте содержалось обещание уважать личную и имущественную неприкосновенность татарского населения, предоставить ему возможность беспрепятственно исповедовать свою веру и распространить на него права всех подданных России[41].

В тот же день Екатерина подписала и второй указ Потемкину, касающийся военных приготовлений на случай начала войны с Турцией[42]. В интересах дипломатии следовало выступить немедленно; более того, может быть, идеальный момент императрица уже упустила, так как 20 января 1783 г. Франция и Британия подписали предварительные условия мирного договора (причем обошлись без обоих коронованных посредников). Это значило, что обе державы постепенно начнут обретать былую свободу действий и им будет легче препятствовать начинаниям России. Извещая Иосифа II о своем намерении раз и навсегда разрешить проблему Крыма, Екатерина не попросила у него военной помощи, уверенная, что русские армии, как и прежде, сумеют справиться с турками[43]. Она писала Потемкину: «Как мало я считаю на союзника, так мало я опасаюсь и уважаю французский гром или, лучше сказать, зарницы». Но «когда пирог будет испечен, у каждого явится аппетит»[44]. Вскоре Потемкин, не спеша, выступил на завоевание Крыма. В начале апреля он выехал из Санкт-Петербурга, а вслед ему одно за другим летели письма Екатерины, в которых она требовала, чтобы ее импульсивный министр писал почаще и датировал свои письма. В мае 1783 г. Екатерина все еще ожидала известия о занятии Крыма, когда узнала, что Густав III, собиравшийся в июне посетить Финляндию, принял ее настоятельное предложение о встрече[45].

Густав III не оставлял мысли подчинить Норвегию шведской короне, ведь едва ли он мог надеяться на возврат земель, отнятых у Швеции по Ништадтскому миру 1721 г. Но в апреле 1783 г., с известием о намерении России аннексировать Крым, эти надежды возро-

---

[41] Текст манифеста см.: ПСЗ. Т. XXI. № 15707, 8 апреля 1783 г. Он дополнен черновым вариантом «Плаката», с которым Потемкин должен был обратиться к населению Крыма, призвав его в течение месяца принести присягу Екатерине II.

[42] СбРИО. Т. XXVII. С. 240 и далее.

[43] Екатерина II — Иосифу II, 7/18 апреля 1783 г. // *Arneth A. von.* Op. cit. P. 195ff.

[44] Екатерина II — Потемкину, 14/25 апреля 1783 г. (в Страстную пятницу) // СбРИО. Т. XXVII. С. 250—253.

[45] Екатерина II — Потемкину, 24 апреля / 5 мая 1783 г. // Там же. С. 253—254; 26 мая / 6 июня 1783 г. // Там же. С. 259—260; *Oakley S.* Gustawus III's Plans for War with Denmark in 1783—1784 // Studies in Diplomatic History. London, 1970. P. 271ff.

дились, так как Турция могла теперь начать войну, и это полностью поглотило бы внимание Екатерины. Шведский король предполагал, что она согласится не поддерживать Данию, если Швеция, со своей стороны, не станет помогать туркам, и делал ставку на Русско-турецкую войну, или на соглашение с Россией, или и на то, и на другое вместе. Но если бы ничего из этого не получилось, Густаву III пришлось бы отказаться от замысла напасть на Данию летом 1784 г. Екатерина прекрасно понимала, чего хочет шведский король, но личная встреча и беседа двух государей в этот момент должна была показать туркам, что им нечего рассчитывать на помощь Швеции в случае войны с Россией. Встречу назначили сначала на май, но ее пришлось отложить, так как Густав упал с лошади и сломал руку. «Ей-Богу, друг мой, вот-то неловкий герой, упасть таким образом во время маневра перед своими войсками», — насмешливо писала Екатерина Потемкину[46].

Встреча Екатерины с Густавом III состоялась наконец 18/29 июня в Фридрихсхамне, в Восточной Финляндии, и продолжалась три дня. Густав был разочарован: в ответ на его план войны с Данией Екатерина предложила проект союза между Россией, Данией и Швецией против государств, находящихся под властью различных ветвей династии Бурбонов[47]. Зато императрице встреча со шведским королем сослужила хорошую службу как предупреждение для Турции. В начале июля Потемкин вступил в Крым, и целых пять недель Екатерина не имела от него никаких известий. В отчаянии она написала ему 15/26 июля, что ожидала объявления об аннексии Крыма еще в середине мая, «а я о том не более знаю, как и папа римский». Особенно сильно государыня тревожилась из-за эпидемии чумы в Стамбуле, которая уже проникла в Крым[48]. Наконец 20/31 июля она получила долгожданное донесение о том, что крымцы и две ногайские орды присягнули России[49]. Оставалось только заставить турок безропотно смириться с этим внезапным ходом.

По иронии судьбы как раз несколько дней спустя Екатерина получила текст торгового соглашения с Портой, о котором сумел договориться новый посол в Стамбуле, искусный дипломат Яков Булгаков. Екатерина приветствовала идею заключить торговый договор, когда турки ее выдвинули, но отклонила сопутствующее

---

[46] Екатерина II — Потемкину, 5/16 июня 1783 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 261—262.

[47] *Oakley S.* Op. cit. P. 277.

[48] Екатерина II — Потемкину, 15/26 июля 1783 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 269.

[49] Екатерина II — Потемкину, 20/31 июля 1783 г. (в ответ на его донесение от 10/21 июля // Там же. С. 270.

предложение оборонительного и наступательного союза с Портой, почуяв в нем «французскую замашку противу Константина II»[50]. Кроме того, в конце июня 1783 г. Булгаков доносил, что война страшит турецкое правительство и что оно изо всех сил старается утаить потерю Крыма от населения. Поэтому он считал, что если не поднимется народное восстание и султан не будет свергнут, миру с Турцией ничто не будет угрожать[51].

Европейские державы со своей стороны старались воздействовать на турецкое правительство, чтобы предотвратить войну. Новое британское правительство, пришедшее к власти в апреле 1782 г., высказывалось в дружественном тоне по поводу российской политики[52]. В декабре 1782 г. Дж. Харрис по собственной инициативе уверил Потемкина в том, что Британия дружелюбно воспримет шаги России в отношении Крыма, а британский посол в Стамбуле призывал турок к миру[53]. Верженн сначала надеялся было заручиться помощью Англии и вместе повлиять на Россию, но обнаружил, что Фокс совершенно не склонен к сотрудничеству. Затем открылось существование тайного русско-австрийского договора, заключенного в мае / июне 1781 г., который обязывал Иосифа II прийти на помощь России в случае войны с Турцией, и это парализовало внешнеполитическую инициативу Франции[54].

Иосиф II испытывал большой соблазн поживиться за счет Порты, но все же не хотел рисковать и ввязываться в войну, в которой Австрии, возможно, пришлось бы принять на себя удар Пруссии, а в помощи или хотя бы в нейтралитете Франции никакой уверенности не было. Не захотел он и присоединиться к Франции, чтобы оказать давление на Россию, — боялся потерять союзника и уступить его Пруссии. Так что пришлось австрийскому императору смириться с тем, что он вышел из кризиса с пустыми руками[55].

---

[50] Екатерина — Потемкину, б.д. // Там же. С. 264; 10/21 июля // Там же. С. 268, примеч. 1. Текст торгового соглашения с Турцией см.: ПСЗ. Т. XXI. № 15757; см. также: *Zinkeisen J. W.* Op. cit. Bd. VI. S. 404 ff.

[51] Доклад Я. Булгакова от 15/26 июня 1783 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 268, примеч. 1. См. также: *Nolde B.* Op. cit. P. 170 ff; Из бумаг Я. И. Булгакова // РА. 1905. № 7. С. 337—408; СбРИО. Т. XLVII: Донесения Я. Булгакова Екатерине II, 1779—1798.

[52] *Madariaga I. de.* Op. cit. P. 430 ff.

[53] Я. Булгаков — Екатерине II, 1/12 декабря 1782 г. // СбРИО. Т. XLVII. С. 44—47.

[54] *Salomon R.* La Politique Orientale de Vergennes. 1780—1784. Paris, 1935. P. 134 ff; *Madariaga I. de.* The Secret Austro-Russian Treaty of 1781...

[55] См.: *Anderson M.* The Great Powers and the Russian Annexation of the Crimea, 1783—1784. // SEER. 1958. Vol. XXXVII. № 88. P. 17—41.

Всеми покинутая, запуганная Австрией и Россией, осенью Турция была вынуждена согласиться на российские требования. 28 декабря 1783 г. / 8 января 1784 г. было подписано новое соглашение между двумя государствами, подтвердившее действующие договоры 1774 и 1779 гг. и торговый договор 1783 г. (кроме тех статей, которые касались Крыма). Таким образом, никто не заставлял Порту выступить с словесным признанием русской аннексии Крыма. Она просто потеряла право на инвеституру крымского хана и молча приняла потерю Крымом независимости[56]. Екатерина без единого выстрела добавила к своим владениям 18 тыс. квадратных миль. Кроме того, неизмеримо возрос ее авторитет в Европе, а соотношение сил в Черном море решительно изменилось в пользу России.

Императрицу нельзя было упрекнуть в неблагодарности. Она не только от души выразила Иосифу II свою признательность, но и обещала помочь ему с замыслами расширения территории в Германии[57]. Тот не замедлил поделиться своими планами: императору хотелось обменять Австрийские Нидерланды на Баварию, чего не удалось добиться в 1778—1779 гг. Ему было очень важно поспешить с этим, пока благодарность Екатерины еще не остыла, а другие державы, наконец-то помирившиеся после заключения Версальского договора в сентябре 1783 г., не сумели выстроить новую систему союзов. Вдохновленный неофициальным ответом России, Иосиф II в письме к Екатерине, написанном 2/13 мая 1784 г., набросал свой план приобретения Баварии и Верхнего Палатината вместе с архиепископством Зальцбургским в обмен на Австрийские Нидерланды. Он рассчитывал добиться свой цели, заключив соглашение с баварским курфюрстом и его наследником, герцогом Цвайбрюкенским. Этот размен, с точки зрения императора, никоим образом не должен был повлиять на состав империи, зафиксированный в Тешенском мирном договоре[58].

Екатерина ответила немедленно и сразу же предложила помощь, даже подтвердила готовность выполнить свои обязательства в случае нападения на Австрию Пруссии или Франции[59]. Тем временем

---

[56] Текст договора см.: СбРИО. Т. XLVII. С. 100—101. Он приложен к письму Булгакова Екатерине от 28 декабря 1783 г. / 8 января 1784 г. (Там же. С. 98—100).

[57] *Arneth A. von.* Op. cit. S. 205.

[58] Ibid. P. 224 ff. См. также: Кауниц — Мерси Аржанто, 2 августа 1784 г. // *Arneth A. von, Flammermont J.* Correspondence secrète de Comte de Merci Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kauniz. Paris, 1889. P. 275, примеч. 3.

[59] Екатерина II — князю Д. М. Голицыну в Вену, 15/26 марта 1784 г. // *Beer A., Fiedler J.* Op. cit. Vol. I. P. 467, примеч. 1. См. также: Екатерина II — Иосифу II,

Иосиф II старался повлиять на голландцев, чтобы те открыли проход по Шельде для судов Австрийских Нидерландов, в расчете на поддержку и Франции и России. Конечной целью он ставил принятие французского варианта разрешения конфликта с Соединенными провинциями взамен за содействие Франции в размене Баварии на Австрийские Нидерланды[60]. Соединенные провинции вышли из американской Войны за независимость как сторона, проигравшая больше всех. Среди прочих потерь был их традиционный союз с Англией. Франция помогла в заключении окончательного мирного договора между Соединенными провинциями и Британией 9/20 мая 1784 г., положившего конец войне, причем патриотическая партия, которая теперь пошла в гору в Гааге, с удовольствием настаивала на заключении более постоянного оборонительного соглашения с Францией. Подписание этого договора в октябре 1784 г. почти в точности совпало по времени с «инцидентом» на Шельде, спровоцированным Иосифом II: одно голландское судно дало залп по австрийскому кораблю, который не подчинился приказу остановиться. И австрийская и голландская стороны апеллировали к Франции, якобы в надежде предотвратить войну, хотя на самом деле никто из них не собирался воевать. Тем временем Иосиф II продолжал выяснять, не согласится ли баварский курфюрст на проект размена, а посол Екатерины при нескольких германских дворах, граф Н. П. Румянцев, получил задание уговорить герцога Цвайбрюкенского, баварского наследника, дать свое согласие. Но Франция все еще противилась размену, потому что ее стратегическим интересам отвечало скорее сохранение государств — потенциальных вассалов в составе Священной Римской империи, чем усиление владений Габсбургов[61]. Герцог Цвайбрюкена, знавший, что Франция против этого плана и что он может рассчитывать на поддержку Пруссии, отверг предложение о размене в начале января 1785 г., так что Иосифу II пришлось пока что отказаться от своего любимого замысла.

Тем не менее в обществе по-прежнему ходило множество слухов и домыслов, и Фридрих II, размахивая, как мечом, Тешенским договором, сумел вырваться из изоляции, в которой он находился

---

23 мая / 3 июня 1784 г. // *Arneth A. von.* Op. cit. S. 229 ff, приказ Голицыну от 22 мая / 2 июня: *Трачевский А.* Указ. соч. С. 120.

[60] *Ranke L. von.* Die deutsche Machte und der Furstenbund. Leipzig, 1875. S. 144.

[61] См.: *Bindoff S. T.* The Scheldt Question to 1839. London, 1945. P. 140 ff; Мерси Аржанто — Кауницу, 31 декабря 1784 г. // *Arneth A., Flammermont J.* Op. cit. P. 308 ff, 365, примеч. 2.

(ведь у него была одна-единственная союзница — Россия), и создать систему альянсов внутри империи. К июлю 1785 г. он сколотил направленный против Иосифа II союз, к которому после примкнули почти все германские князья, включая и ганноверского курфюрста — английского короля Георга III. Образование этой лиги стало громким дипломатическим провалом для императора Иосифа II и в меньшей степени — для Екатерины II. В споре с Соединенными провинциями Иосифу II тоже пришлось ради спасения престижа Австрии согласиться на то, чтобы голландцы заплатили ему солидное возмещение, но проход по Шельде остался закрытым.

Екатерина преданно стояла за своего союзника, обращалась с протестами в Гаагу и старалась запугать герцога Цвайбрюкенского. Но она не собиралась воевать из-за Баварии, и как только непосредственная опасность кризиса миновала, 23 мая / 3 июня 1785 г. она разослала циркуляр к германским дворам, в котором заверяла, что не имеет ни малейшего намерения ниспровергнуть существующее устройство германских княжеств[62]. Но образование Лиги германских князей, а особенно участие в ней Ганновера, привело к значительному охлаждению англо-русских отношений, сказавшемуся на переговорах о возобновлении англо-русского торгового соглашения. Он истекал в 1786 г., и в марте 1785 г. британский посланник в Санкт-Петербурге А. Фитцгерберт (будущий лорд Сент-Хеленс) напомнил своему двору о необходимости позаботиться о возобновлении договора. В ноябре 1785 г. русская сторона назначила обычную комиссию для ведения переговоров. Англичане рассчитывали просто подтвердить договор 1766 г. со всеми преимуществами, которые он давал британской торговле. Но Екатерина не оставляла надежд, некогда внушенных ей Фоксом, добиться согласия Англии на принципы мореплавания, заложенные в политике вооруженного нейтралитета. Поэтому поступивший в феврале 1786 г. русский вариант проекта договора оказался неприятной неожиданностью для Уильяма Питта, занимавшего теперь пост первого лорда Казначейства: в проекте утверждались принципы мореплавания, а также появилось новое условие российской стороны — о том, что русские купцы должны платить меньшие экспортные пошлины, чем британские купцы в России[63]. Присоединение Ганновера к Лиге германс-

---

[62] *Трачевский А.* Указ. соч. С. 173—174; *Stribny W.* Op. cit. S. 225.

[63] Об этих переговорах см.: *Ehrman J.* The British Government and Commercial Negotiations with Europe, 1783—1793. Cambridge, 1963. P. 92 ff.

ких князей в 1785 г. привело Екатерину в такое раздражение, что она решила поставить англичан на место и собралась выслушать очередные предложения о торговом договоре с Францией. В июне 1785 г. императрица отправилась в путешествие по Ладоге, Волхову, озеру Ильмень и Верхней Волге, в которое она пригласила послов Англии, Франции и Австрии. Французский посланник граф Сегюр решил ковать железо, пока горячо, и по совету Потемкина составил записку, положившую начало переговорам о торговом соглашении между Францией и Россией (причем одолжил для этого дорожный несессер у Фитцгерберта)[64]. И если Питт осенью 1786 г. решительно отклонил спорные предложения России[65], то переговоры между Францией и Россией, длившиеся около полутора лет, завершились подписанием договора 11/22 января 1787 г.[66].

Твердо веря в то, что Россия больше нуждается в экспорте в Англию, чем Англия в импорте из России, Питт позволил англо-русскому договору утратить силу в апреле 1787 г., как раз в момент ратификации русско-французского договора. Точно так же и Екатерина II со своими советниками была уверена, что Британии не обойтись без российского сырья, и отказалась пойти на уступки. В итоге теперь британские купцы в России должны были платить пошлину в иностранной валюте и лишились освобождения от воинского постоя. Некоторые из них, чтобы защитить себя, получали права горожан[67].

Тем временем близились к концу приготовления к давно намеченной и неоднократно откладывавшейся поездке императрицы по ее южнорусским владениям, в том числе и на Крымский полуостров, и в январе 1787 г. она тронулась в путь. К моменту ее возвращения осенью того же года Россия уже опять воевала с Турцией.

---

[64] *Segur L.P. de.* Mémoires ou Souvenirs et Anecdots... Vol. II. P. 314 ff, 330 ff.

[65] *Ehrman J.* Op. cit. P. 107—108.

[66] *Martens F. de.* Op. cit. Vol. XIII. P. 194 ff. Этот договор следует рассматривать в контексте других торговых договоров, которые в это время обсуждала Екатерина (см. примеч. 32). В нем предусматривался режим наибольшего благоприятствования для обеих сторон и сокращались пошлины на ряд товаров, в частности на французские вина. Французским купцам разрешалось платить пошлины русскими деньгами, а не риксдалерами, как прежде. Купцы в обеих странах подлежали юрисдикции местных судов в тяжбах с местными жителями. Во всех пунктах договора строго соблюдался принцип взаимности, независимо от того, имел ли он практическое применение в каждом случае. Сформулированный Екатериной принцип вооруженного нейтралитета тоже вошел в договор как статья 27.

[67] *Ehrman J.* Op. cit.

Глава 25

Русско-турецкая война 1787—1791 гг.

С тех пор как Франция и Австрия общими усилиями заставили Османскую империю смириться с присоединением Крыма к России[1], турки выжидали случая полностью пересмотреть итоги войны. Скрытая напряженность между двумя государствами росла из-за русской политики на Кавказе и установления протектората над Грузией, из-за вмешательства России в персидскую торговлю, из-за того, что она открыто поощряла подрывную деятельность против турецких ставленников — господарей Молдавии и Валахии, из-за провокационного поведения русских консулов в Архипелаге и в Египте[2]. Осенью 1786 г. спор между Россией и Турцией обострился еще сильнее. Потемкин жаловался на то, что турки нарушили договоренность 1784 г., дававшую России некоторое право голоса при назначении господарей Дунайских княжеств, и поэтому когда один пророссийски настроенный господарь бежал в Россию, ему предоставили убежище. В ответ турки высказали недовольство тем, что турецкие купцы платят в российских портах более высокие пошлины, чем русские в Османской империи, и что жителям Очакова не разрешают производить соль в нужном количестве на варницах Кинбурна.

В 1786-м и в начале 1787 г. члены Совета при Высочайшем дворе сильно расходились во взглядах на политику по отношению к Турции. А. А. Безбородко, фактически министр иностранных дел, по-прежнему предпочитал благоразумную сдержанность. Но Екатерина II в октябре 1786 г. доверила всю полноту ответственности за переговоры с Портой Г. А. Потемкину, получившему также

---

[1] См. гл. 24.

[2] *Zinkeizen J. W.* Geschichte des Ossmanischen Reiches in Europa... Bd. VI. S. 515ff; *Uebersberger H.* Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten. Stuttgart, 1913. Bd. I. S. 370 ff.

неограниченные права распоряжаться русскими вооруженными силами по своему усмотрению. Потемкин получил даже право отозвать из Константинополя русского посла, Якова Булгакова, что было бы почти равнозначно объявлению войны. 13/24 декабря 1786 г. светлейший князь воспользовался своими правами и проинструктировал Булгакова говорить с Портой в таком угрожающем тоне, чтобы это неизбежно приводило к недоразумениям[3]. Но едва ли Потемкин хотел спровоцировать Турцию на объявление войны именно тогда, когда Екатерина отправлялась в свое триумфальное путешествие в волшебную страну, которую он для нее готовил[4]. Наверное, он просто недооценил воздействие угроз со стороны России. Впрочем, заносчивые речи русского посла, наверно, казались туркам лишь досадной мелочью на фоне приезда в Крым самой императрицы, осматривавшей свою новую военно-морскую базу в Севастополе, откуда можно было за один день доплыть до Стамбула. Потемкин перебросил крупные воинские силы в Херсон, в Крым и в Астрахань. На верфях Херсона и Севастополя стоял шум и грохот — здесь строили военные корабли, и многие из них уже вышли в Черное море, которое до 1774 г. было внутренним водоемом Османской империи. Приезд в Россию императора Иосифа II означал соглашение по поводу раздела турецких владений, а надпись на воротах Херсона — «Здесь — путь в Византию» — это подтверждала. Булгакова и австрийского посланника Герберта вызвали из Стамбула в Херсон, что слишком очевидно подчеркивало новое соотношение сухопутных и морских вооруженных сил России и Турции. Единственным выходом для турок, пока военная мощь России не возросла еще больше, вполне мог представляться упреждающий удар.

Император Иосиф весьма неохотно отправился в свою вторую поездку в Россию. До сих пор он извлек очень мало пользы из союза с ней и не видел причин рисковать своим и без того слабым здоровьем, чтобы потешить тщеславие Екатерины. В 1784—1785 гг. Франция усиленно противостояла его проекту размена Баварии,

---

[3] Собственноручные бумаги князя Потемкина // РА. 1865. Стб. 740 и далее; Потемкин — Булгакову, 13/24 декабря 1788 г. // Там же. Стб. 721 и далее. Потемкин признался Сегюру, что позволил себе слишком вспылить (см.: *Segur L. P. de.* Mémoires... Vol. III. P. 74 ff).

[4] 7/18 января 1787 г. Потемкин приказал Булгакову раздобыть точную копию парадной султанской яхты, вплоть до последней детали обстановки, и прислать ее в Севастополь (Собственноручные бумаги князя Потемкина // РА. 1865. Стб. 742).

поэтому Иосиф II некоторое время подумывал о сближении с Пруссией, которое стало казаться более приемлемым после смерти Фридриха II в августе 1786 г. Такой альянс помог бы австрийскому императору осуществить его планы в отношении Баварии, при условии, что Пруссия получила бы компенсацию — по всей вероятности, в Польше. Но Кауниц уговорил Иосифа II отказаться от этих замыслов и укреплять связи с Екатериной, приняв ее настоятельное приглашение. Однако ни император, ни канцлер Австрии не были расположены воевать с Турцией, так как эта война (по крайней мере, с точки зрения Кауница) отвлекла бы Россию от ее главной задачи — контроля над Пруссией. Победа же над турками в этой войне привела бы к нежелательному усилению Российской империи[5]. В результате Иосиф II, находясь в России, не поощрял воинственные замыслы Потемкина и признался Сегюру, что Австрия не потерпит дальнейшей экспансии России, в особенности захвата Стамбула, и что «для Вены, во всяком случае, безопаснее иметь соседей в чалмах, нежели в шляпах»[6].

В последнем усилии сохранить мир в Херсон съехались Безбородко, Булгаков, посланник Герберт, Фитцгерберт, Кобенцль и Сегюр, чтобы обсудить условия соглашения, которые они собирались предложить Турции, а в июле русский и австрийский посланники вернулись в Стамбул. Но хотя Булгаков не жалел денег на щедрые взятки, чтобы оттянуть время до следующей весны или хотя бы до осени, когда закончится военная кампания текущего года, теперь настала очередь Порты выдвигать свои условия[7]. Турция в последнее время систематически перевооружала свою армию с помощью французских специалистов, и в ее интересах было выступить именно теперь — или никогда. Поэтому 15/26 июля турки предъявили Булгакову ультиматум: Россия должна была вывести свои войска из Грузии и отказаться от всяких притязаний на суверенитет над ней, выдать Турции беглого молдавского господаря, уступить тридцать солеварен близ Кинбурна, согласиться на назначение турецких консулов в Крым и в Россию, разрешить Порте досматривать русские суда в турецких водах и предоставить ей другие торговые права. Не дав Булгакову времени получить ответ из России, 5/16 августа по-

---

[5] *Roider K. A.* Kaunitz, Joseph II and the Turkish War // SEER. 1976. Vol. LIV. № 4. P. 538—556.

[6] *Segur L. P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 176 ff.

[7] *Zinkeisen J. W.* Op. cit. Bd. VI. S. 624.

сла вызвали снова и объявили ему, что Турция денонсирует все договоры с Россией и требует возвращения Крыма. Булгаков, естественно, отверг эти условия, был арестован и заключен в Семибашенный замок[8].

Несмотря на то что почти весь 1787 год был отмечен непрерывным бряцанием оружием, когда война действительно началась, она застигла Россию врасплох. Ее международное положение было неблагоприятным. В мае вспыхнуло восстание в Австрийских Нидерландах, которое отвлекло внимание императора Иосифа II, а потом и его армию. В Соединенных провинциях патриотическая партия выступила против штатгальтера и нанесла оскорбление его жене, приходившейся сестрой прусскому королю Фридриху Вильгельму II. Новый король Пруссии не был отягощен грузом былых антипатий короля Фридриха II, и волнения в Соединенных провинциях привели к сближению между Пруссией и Англией, которое завершилось подписанием союзного договора в августе 1787 г. Это новое направление открыло путь возможному англо-прусскому вмешательству в Русско-турецкую войну и усилило страх Иосифа II перед вторжением Пруссии. Отношения между Англией и Россией так и не восстановились после удара, нанесенного им вступлением Ганновера в Лигу германских князей, и Екатерина II была убеждена — и не без оснований, — что Англия подстрекала турок к войне. Хотя императрица и приняла заверения Питта, данные русскому послу в Лондоне, в том, что британский посол в Стамбуле не имел подобных инструкций, она все же написала Потемкину: «Иностранные дела Великобритании не управляемы ныне английским министерством, но самым ехидным королем по правилам ганноверских министров»[9].

---

[8] *Петров А. Н.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787—1791 гг. СПб., 1880. Т. I. С. 53; *Брикнер А.* Разрыв между Россией и Турцией в 1787 г. // ЖМНП. 1873. № 8. С. 134, примеч. 2. А. Брикнер предполагает, что по настоянию Потемкина Булгаков, помимо умеренной программы, принятой в Херсоне, предъявил секретные (и совершенно неприемлемые для Турции) требования, например передачу России Бессарабии и порта Бююк-Дере. В обоснование этого автор приводит лишь утверждение князя М. М. Щербатова о том, что Россия высказала такие требования, а Турция ей, разумеется, отказала (Там же. С. 149 и далее). Но Щербатов по своему положению не мог знать подобных вещей, а все предыдущие и последующие события говорят о том, что Потемкин не мог желать войны именно в тот момент.

[9] СбРИО. Т. XXVII. С. 425 и далее, 24 сентября / 4 октября 1787 г.; с. 427.

Когда Турция 5/16 августа 1787 г. объявила России войну, Австрия встала перед выбором — признавать или нет свои обязательства по casus foederis русско-австрийского договора 1781 г. Формально Екатерина подверглась нападению, и долг обязывал Иосифа II прийти к ней на помощь. Кроме того, Кауниц утверждал, что, только вступив в войну, Австрия сможет надеяться на «равновесие завоеваний» и ограничить экспансию России за счет захвата владений Османской империи. 19/30 августа 1787 г., не дожидаясь, пока его попросят, Иосиф II написал Екатерине письмо, в котором заявил, что ее дело — его дело[10]. Впрочем, он пока еще не объявил войну Турции, рассчитывая внезапно нанести удар по Белграду.

31 августа / 11 сентября 1787 г. Екатерина II председательствовала на расширенном заседании Совета при Высочайшем дворе[11], где официально сообщила своим советникам, что Турция объявила войну, и обсудила с ними состояние военных и финансовых ресурсов России[12]. Хотя сама Екатерина, безгранично верившая в Потемкина, считала, что сейчас Россия лучше готова к войне, чем в 1768 г., в известном смысле момент был хуже некуда. Из-за неурожая в ряде областей цены на зерно резко подскочили и кое-где достигли 7 руб. за четверть. Южные провинции, по которым недавно проехала императрица, отличались особенным плодородием и как будто не пострадали. Но зрелище наступающего голода в центральных районах омрачило возвращение государыни в Москву[13]. Екатерина поспешила разрешить свободную торговлю зерном между различными губерниями, ограничить перегонку зерна на водку, распорядилась увеличить поставки хлеба в столицу и отсрочить всякое увеличение налогов на финансирование войны[14]. 7/18 сентяб-

---

[10] *Arneth A. von.* Joseph II und Katharina von Russland... P. 300.

[11] АГС. Т. I. С. 429. В Совет были назначены Я. Брюс, В. П. Мусин-Пушкин, А. П. Шувалов, А. Р. Воронцов, С. Ф. Стрекалов и П. В. Завадовский.

[12] Там же. С. 459—465.

[13] *Segur L. P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 203; *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staates. Gotha, 1860. Bd. VII. S. 153; *Брикнер А.* Указ. соч. С. 163 (автор отмечает, что хлебные цены выросли с 86 коп. за четверть в 1760 г. до 2 руб. 19 коп. в 1773 г. и до 7 руб. в 1787 г.).

[14] См.: *Храповицкий А. В.* Дневник... С. 80. 20 сентября 1787 г.; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 371; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 26 января 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 489; 26 февраля // Там же. С. 478: «Налоги наложить теперь не время: ибо хлеба недорода и так недоимок немалое число».

ря императрица подписала манифест об объявлении войны Турции, который читали по всем русским церквям 12-го числа. «Плакали», — коротко записал секретарь императрицы в дневнике за этот день[15]. В период между заключением Кючук-Кайнарджийского мира и 1781 г. ежегодный рекрутский набор сократили до одного рекрута с пятисот душ. В 1782 г. его повысили до одного с двухсот (и одного со ста для однодворцев), возможно, в предвидении похода на Крым. В 1783 г. набор вырос до двух рекрутов с пятисот душ; в 1784 г. с пятисот душ брали одного человека, в 1785 г. — двух, в 1786 г. — опять одного, что дало за эти годы общее число в 142 911 человек (при наборе одного с пятисот душ собирали около 18 тыс. рекрутов в год). С началом войны в августе 1787 г. объявили призыв из расчета два человека на пятьсот душ, затем в сентябре еще раз набрали по трое с пятисот, так что получилось всего 92 373 рекрута. Но, поскольку купцы и богатые крестьяне могли за 500 руб. откупиться от набора, эти освобождения нередко заметно сокращали общее число призванных в армию. Например, в 1790 г. 9251 человек из 73 651 получили освобождение от службы[16]. Армия, преобразованная Потемкиным, включала в себя кавалерийский корпус в 62 416 человек и сверх того иррегулярные казачьи части, насчитывавшие 73 651 человека по всей стране. В артиллерии состояло на вооружении 244 полевых орудия и 178 осадных. Пехота насчитывала 218 306 солдат, включая четыре гвардейских полка, десять гренадерских и армейскую пехоту.

Русские военно-морские силы включали в себя Балтийский и Черноморский флоты. На вооружении Балтийского флота с главной военно-морской базой в Кронштадте состояло 37 линейных кораблей и 13 фрегатов (не считая более мелких судов). В 1785 г. штаты Черноморского флота предусматривали 12 линейных кораблей, 20 фрегатов и мелкие суда. Во время войны 1787—1791 гг. в строю находились 22 линейных корабля, а также 12 фрегатов и 17 крейсерских судов. Для операций на Дунае была построена флотилия мелких судов, а в Каспийском море патрулировали три фрегата и бомбардирский корабль[17].

---

[15] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 49, 12 сентября 1787 г.; ПСЗ. Т. XXV. № 16567, сентябрь 1787 г.

[16] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 296—297. В 90-е гг. XVIII в. в армию было взято около 3,1% населения (Там же. С. 302).

[17] Там же. С. 334—336.

Потемкин, с 1784 г. бывший президентом Военной коллегии, был назначен главнокомандующим русскими полевыми силами, делившимися на две группировки. Главная Екатеринославская армия состояла под его непосредственным командованием, насчитывала около 82 тыс. солдат и размещалась от Кавказа вдоль Черноморского побережья и до устья Буга, причем ее правое крыло соединялось на суше, в Ольвиополе, с Украинской армией. Последняя рассматривалась как резервная сила и насчитывала около 40 тыс. солдат. Екатерина призвала П. А. Румянцева ею командовать, хотя тот находил очень тягостной свою службу под началом Потемкина. Украинская армия состояла из трех дивизий, растянутых от Ольвиополя на Буге до Хотина на турецкой территории и до Каменец-Подольского в Польше, где предстояло соединение с австрийской армией. Двенадцатитысячный корпус под командованием генерала Текелли должен был воевать на Кавказе, а два пехотных, два кавалерийских и 27 донских казачьих полков охраняли Кубань[18].

Первой задачей Екатеринославской армии был захват громадной турецкой крепости Очаков, доминировавшей над тянувшимся на тридцать миль Днепровским лиманом, напротив русской крепости Кинбурн. Очаков препятствовал выходу русского флота в Черное море и подрывал значение Херсона как главной базы снабжения Черноморского флота, а также служил ключом к побережью между Бугом и Днестром. Во вторую очередь стратегический замысел Потемкина предусматривал наступление русской армии через Днестр и освобождение от турок территории между Днестром и Прутом. Планировалось, что, пока русские войска будут штурмовать Бендеры, австрийцы, наступая из Буковины, возьмут Хотин, после чего обе армии двинутся на Дунай. Украинской армии отводилась второстепенная задача прикрытия правого фланга армии Потемкина. Главной защитой Крыма должно было служить море, но на оборону Кинбурна и Херсона был направлен особый корпус генерала А. В. Суворова. Тем временем главные силы турецкой армии, насчитывавшие около 60 тыс. солдат, в конце августа выступили из Адрианополя к Измаилу, чтобы сдержать продвижение русско-австрийских сил.

---

[18] См.: *Петров А. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 77—83; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 520 и далее. В издании «Фельдмаршал П. А. Румянцев» (Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 251, примеч. 1) приведены другие оценки численности армии. Я отдаю предпочтение тем данным, которые приведены в работах А. Н. Петрова и Л. Г. Бескровного.

Но турки рассчитывали в основном на численное превосходство своего флота в 120 судов и на преимущество внутренних коммуникаций. Располагая кораблями в Варне, а также теми судами, что уже находились в Очакове, и очаковским 24-тысячным гарнизоном, они собирались захватить Кинбурн и Херсон, отвоевать у России Крым, а затем вдоль морского берега выйти к Бугу. Одновременно шло сосредоточение турецких сил в Анапе, чтобы разжечь восстание против России на Кубани[19].

Боевые действия начались 19/30 августа 1787 г., когда отряд турецких кораблей обстрелял два русских фрегата недалеко от Очакова и начал бомбардировку Кинбурна. В яростном сражении были отбиты два турецких десанта на узкую косу, на которой стояла крепость Кинбурн. Командовавший здесь Суворов был большим приверженцем холодного оружия: «Пуля дура, штык молодец», — говаривал он. Русская атака на турецкий флот удалась хуже, после чего боевые операции прекратились, так как в октябре устье Днепра стало покрываться льдом. В это время главные силы русского флота, шедшие из Севастополя, попали в суровый шторм в открытом море. Один корабль был захвачен противником, другой пошел ко дну, а остальной флот потерял мачты и понес тяжкий урон[20].

Это были тревожные дни для Екатерины. Двадцать один день она не имела известий от Потемкина, пока наконец не узнала, что 22 сентября / 3 октября Кинбурн был атакован. Кроме того, вдобавок ко всем ее заботам ее мучило постоянное беспокойство о здоровье Потемкина. «В настоящее время, мой милый друг, — писала она, — вы не просто частный человек, который живет и все делает как ему угодно; вы принадлежите государству и мне». «Молю Бога, — добавляла она в том же письме, — чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию»[21]. Но неуверенность относительно исхода турецкого штурма Кинбурна привела Потемкина на грань нервного срыва, и он попросил освободить его от командования. «Империя останется Империею и без Кинбурна», — написала ему Екатерина, стараясь внушить, насколько его служба необходима как ей самой, так и империи. Потеря его драгоценного детища, Черноморского

---

[19] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 76.

[20] Там же. С. 94—102; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 526—529. См. также: *Christie I.R.* Samuel Bentham and the Russian Dnieper Flotilla // SEER. 1972. Vol. L. № 111. P. 232—247.

[21] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 24 сентября 1787 г.: СбРИО. Т. XXVII. С. 425 и далее.

флота, совершенно разбила Потемкина. Оказавшись перед лицом громадного превосходства турок на море, он решил, что не сумеет защитить Крым, и предложил отвести войска с полуострова на Перекоп. Во всем светлейший князь винил себя и снова хотел отказаться от командования, от чинов и привилегий. Отвечая своему приунывшему, растерянному другу, Екатерина сумела выразить и свою привязанность, и стремление приободрить его, и всеобъемлющее здравомыслие. Она писала, что шторм на море был катастрофой, нанесшей вред не только России, но и неприятелю, а поскольку ни она, ни Потемкин в этом неповинны, то и говорить не о чем. Что до отступления с Крымского полуострова, то подумал ли Потемкин, «куда девать флот Севастопольский»? И к чему торопиться и в самом начале войны уступать неприятелю провинцию, которой ничто не угрожает? Чтобы успокоить Потемкина, она приложила к письму приказ о передаче командования П. А. Румянцеву, однако, как она заключала в приписке, «вы нетерпеливы как пятилетнее дитя, между тем как дела, порученные вам в сие время, требуют непоколебимого терпения. Прощай, друг мой. Ни время, ни отдаленность и никто на свете не переменят моего образа мыслей к тебе и об тебе»[22]. К началу октября Потемкин достаточно пришел в себя, чтобы Екатерина перестала тревожиться о нем[23], и она с обычной своей щедростью приступила к награждению защитников Кинбурна[24]. В то же самое время императрица начала планировать отправку флота с Балтики в Средиземное море, как в 1768 г.

Прежде чем Иосиф II выступил с объявлением войны в феврале 1788 г., дипломатическая картина в Европе претерпела некоторые изменения. В сентябре 1787 г. прусские войска по соглашению с Британией вступили в Соединенные провинции, чтобы восстановить власть штатгальтера. Свержение голландской патриотической

---

[22] Г. А. Потемкин — Екатерине II, 24 сентября 1787 г. // *Соловьев С. М.* История падения Польши. М., 1863. С. 176; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 25 сентября 1787 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 428; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 2 октября 1787 г. // Там же. С. 433.

[23] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 9 октября 1787 г. // СбРИО. Т. XVII. С. 436. Что касается его «спазмов», то Екатерина советовала князю последить за своей диетой, потому что «все спазмы причиняются ветрами».

[24] Екатерина II — Г. А. Потемкину // Там же. С. 428. Рядовые получили по рублю на человека, унтер-офицеры — по два рубля. Шла раздача орденов. Суворову назначили вознаграждение в 10 тыс. руб. наличными или в виде равноценного подарка.

партии нанесло удар престижу Франции, и без того падавшему из-за развивающегося внутреннего кризиса. Все усилия Сегюра составить четырехсторонний союз между двумя государствами под властью Бурбонов — Францией и Испанией, а также двумя империями — Российской и Австрийской — остались тщетными. Франция ничем не могла быть полезна России, колебания французской политики возродили недоверие Екатерины, и к тому же России не хотелось лишиться торговых отношений с Англией[25].

Впрочем, на Иосифа II гораздо сильнее повлияло раскрытие далекоидущего плана Пруссии — воспользоваться вступлением Австрии в войну с Турцией, чтобы добиться ценных приобретений в Польше, не вынимая меч из ножен. Так называемый план Герцберга предусматривал передачу турецкой стороной Молдавии и Валахии под власть Австрии. После этого Австрия должна была уступить Галицию Польше, Пруссия получила бы от Польши Данциг и Торн, а Россия приобрела бы Бессарабию и Очаков. В ответ Пруссия с союзниками гарантировала бы турецкие владения к югу от Дуная. План Герцберга был сообщен прусским послам в столицах разных стран в декабре 1787 г., и его подробности довольно скоро просочились наружу, обеспокоив Иосифа II перспективой войны с Пруссией. Екатерина II не собиралась воевать с турками ради расширения прусских владений за счет Польши, не хотела она и возбуждать подозрения в двойной игре у Иосифа II. Поэтому 1/12 марта 1788 г. прусское предложение о посредничестве и о возобновлении давным-давно забытого русско-прусского договора, в том числе о субсидиях на текущую войну, было официально отвергнуто Россией[26]. Отказ России от прусских авансов сопровождался тайной официальной декларацией в адрес Австрии от 10/21 мая 1788 г., в которой Россия брала на себя обязательство присоединиться к Австрии, если потребуется противостоять словом или делом попыткам Пруссии прибрать к рукам польские земли[27].

---

[25] *Gerhardt D.* England und der Aufstieg Russlands. Munchen; Berlin, 1933. S. 200—203. См.: Екатерина II — Г. А. Потемкину, 4/15 ноября 1787 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 444: «Колико можно далее себя менажировать со Францией и с Англией без союза нам будет полезнее...».

[26] *Lord R. H.* The Second Partition of Poland. Cambridge (Mass.), 1915. P. 77. Тот факт, что Потемкин примерно в ноябре 1787 — январе 1788 г., кажется, склонялся к союзу с Пруссией, явно небезотносителен к его собственным намерениям по поводу Польши (Ibid. P. 86—87).

[27] Ibid. P. 60. Полный текст декларации впервые опубликован Р. Лордом (Ibid. P. 509).

Как для того, чтобы защитить от прусской агрессии Польшу, так и затем, чтобы как можно крепче привязать ее к России, Екатерина взялась за разработку плана русско-польского союза, плана, который так настойчиво пытался развернуть перед ней король Станислав Август в Каневе в мае 1787 г. В сентябре того же года король прислал в Петербург проект договора, особо подчеркнув готовность Польши принять участие в войне с Турцией, а за это получить (помимо территориальных приобретений — Бессарабии, части Молдавии и одного из портов на Черном море) поддержку королевской власти со стороны России и российские субсидии, а также увеличить польскую армию. Этот союз надо было провести через польский сейм при помощи конфедерации, и это гарантировало бы сохранение порядка внутри страны на время боевых действий.

Но Потемкин преследовал в Польше собственные интересы. Он продолжал расширять там свои владения, которые достигли 112 тыс. душ. Его земельные приобретения лежали в основном в Киевском воеводстве и вклинивались в русские территории треугольником (между Киевом, Кременчугом и Уманью), направленным вверх по течению Днепра. Имения Потемкина были столь обширны (особенно огромное поместье в Смиле), что выглядели как форма русской аннексии польских земель. Потемкин совершенно не скрывал от Екатерины II некоторые из целей этих своих покупок, которые, без сомнения, делал с ее одобрения. Он утверждал, что логическим следствием союза России с австрийским императором является союз с Польшей. Он покупает эти имения потому, что, став польским магнатом, получает право вмешиваться в управление страной и ее воинское командование. Но от Екатерины не укрылось, что светлейший мог задумать создание собственного княжества, независимого и от Польши, и от России[28]. Убедившись в надежности своей территориальной и финансовой базы, Потемкин принялся разыгрывать одновременно несколько политических ходов. С виду казалось, что он — сторонник переговоров со Станиславом Августом. За кулисами же князь замышлял со своими польскими приверженцами, в первую очередь с мужем племянницы, графом Францисом Ксаверием Браницким, создание национального «воинства» в

[28] Г. А. Потемкин — Екатерине II, б.д. // *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 198; *Lord R.H.* Op. cit. P. 514. См. также: *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 16, 16/27 марта 1787 г.; Г. А. Потемкин — Екатерине II, 27 марта / 7 апреля 1788 г. // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. VI. 252 и далее.

юго-восточных польских провинциях - Волыни, Подолии, Брацлаве, где еще были сильны традиции казачества и дух православия. Возглавить его должен был Браницкий с другими польскими магнатами, такими как граф Феликс Потоцкий и прочие — Ржевуские, Сапеги, Валевские. Войско следовало организовать в полнейшей тайне, после чего объявить конфедерацию, потому что, как выразился Потемкин, «необходимо, чтобы народ привлек короля на свою сторону, а не король привлек народ». Конфедерация (в которую можно было пригласить короля и других магнатов) имела бы целью защиту Польши от турецких набегов, сохранение римско-католической религии, свобод и привилегий польского дворянства[29]. Таковы были официальные мотивы Потемкина. Но он вполне мог замышлять создание совершенно иного типа «олигархической федерации», в которой сам играл бы решающую роль как польский магнат. Он постоянно набирал новые казачьи формирования, и в итоге у него появились местные вооруженные силы, на которые он мог опереться в осуществлении своих планов и при создании польской конфедерации[30]. Кто знает, насколько близко к истине было замечание племянницы Потемкина, графини Александры Браницкой, сделанное после его смерти: дядюшка намеревался «привлечь к себе всех казаков, соединиться с польской армией и объявить себя польским королем»[31].

Однако Екатерина не хотела жертвовать Станиславом Августом, который оставался в Польше самым надежным орудием в ее руках[32]. Поэтому, отсылая в июне 1788 г. в Варшаву свой ответ на проект русско-польского союзного договора, она согласилась на создание конфедерации под началом короля и на использование в войне дополнительного 12-тысячного польского корпуса под верховным

---

[29] См.: РА. 1874. Т. II. С. 270 и далее (здесь содержатся недатированные записки Потемкина Екатерине, относящиеся предположительно к январю 1788 г.). Браницкий еще раньше, в сентябре 1787 г., напрямую предлагал Екатерине нечто в этом роде — возможно, по наущению Потемкина, — и получил от нее отказ (*Lord R.H.* Op. cit. P. 84, примеч. 2).

[30] Об этих планах упоминается в работе: *Lord R. H.* Op. cit. Appendix III. P. 515--516; см. также: *Kohut Z.* The Abolition of Ukrainian Autonomy, 1763—1786... P. 299—300.

[31] Цит. по: *Lord R. H.* Op. cit. P. 513, примеч. 2.

[32] См. ее замечания на записку Потемкина о целях задуманной им конфедерации (РА. 1874. № 8. С. 225—280, записка Потемкина и комментарии Екатерины, перечисленные в алфавитном порядке).

командованием русской стороны[33]. Но не следовало позволять Польше добиваться территориальных приобретений или конституционных реформ, и она должна была подстраивать свою внешнюю политику под внешнюю политику России. Когда условия предполагаемого договора стали известны в Пруссии, они вызвали серьезную озабоченность. Герцберг сразу же понял, что это означает конец всяким надеждам заручиться согласием России на расширение Пруссии за счет польских земель, поэтому перед Пруссией встала неотложная задача — отвратить Россию от задуманного союза с Польшей[34].

Пруссия совершила этот поворот в политике и перешла от ухаживаний за Россией к созданию антироссийского «фронта» в такое время, когда Екатерина была особенно уязвима. Весной и летом 1788 г. боевые действия против турок не приносили успеха ни Австрии, ни России. В январе этого же года провалился австрийский бросок на Белград. Стратегия австрийцев, из-за которой их войска были растянуты от Адриатики до Днестра, делала их везде одинаково слабыми. Командование армией общей численностью в 120 тыс. солдат было разделено, и принц Кобургский, командовавший корпусом в Буковине, должен был взаимодействовать с правым крылом армии Румянцева. Сам император Иосиф II возглавлял армию под Белградом.

Главной целью русской стратегии по-прежнему оставался захват Очакова. Но даже в мае 1788 г. Потемкин, переживавший очередной душевный кризис, снова предлагал уйти из Крыма и позволить туркам занять его, в надежде потом отвоевать полуостров обратно. Потребовалась вся твердость и здравомыслие Екатерины, чтобы внушить ему, что война идет именно из-за Крыма: оставив Крым, Россия лишится базы Черноморского флота, а главные силы окажутся отрезанными от Кавказской армии. «Когда кто сидит на коне, — писала она Потемкину, — тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост»[35]. Как и в прежней Русско-турецкой войне, Екатерина планировала поднять восстание среди православных подданных Турции. 17/28 февраля 1788 г. Россия выступила с призывом к на-

---

[33] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 16/27 мая 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 489 (она торопила его уговорить Браницкого присоединиться к ее замыслам).

[34] *Lord R. H.* Op. cit. P.88—90.

[35] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 27 мая 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 490 и далее.

селению Дунайских княжеств, а русские агенты на Мальте, в Италии и на греческих островах получили приказ готовить почву для выступления и закупать припасы в ожидании прибытия русского флота в Средиземное море для поддержки сухопутных операций. Ожидаемым восстанием против турок, в первую очередь в Черногории, должен был руководить адмирал Грейг, уполномоченный набирать там солдат в русскую армию[36].

Но посылка русского флота в Средиземное море встретила неожиданные препятствия. Привыкнув рассчитывать на дружбу с англичанами, Екатерина не учла, что Англия, видевшая ее притворное сближение с Францией летом и осенью 1787 г. и еще с 1780 г. испытывавшая неудовольствие из-за политики вооруженного нейтралитета, утвердилась в решимости ни в коем случае не вмешиваться в войну. Поэтому зимой 1788 г. России отказали в разрешении нанимать британские транспортные суда, брать на службу британских моряков, пользоваться для ремонта русских кораблей и пополнения запасов британскими портами как на острове, так и в Средиземном море[37].

Но окончательно убедило Екатерину отказаться от военно-морской экспедиции в Средиземное море угрожающее поведение Швеции. Густава III возмущали и пугали заигрывания российской стороны со шведской дворянской оппозицией его политике восстановления абсолютизма, а также с недовольным дворянством в Финляндии[38]. Военные амбиции короля и политический расчет привели его к решению укрепить свою власть при помощи победоносной войны. Русско-турецкий конфликт дал ему отличную возможность отомстить за былые поражения Швеции: в случае войны на два фронта, когда главные силы русской армии были сосредоточены на юге, Санкт-Петербург оказывался под ударом.

---

[36] Подробные инструкции Грейгу изданы А. Н. Петровым в приложении 9 за 5 июня 1788 г. О планах самого Грейга, восходящих к 1783 г., см.: Там же. С. 116. См. также: *Gerhardt D.* Op. cit. S. 205; АГС. Т. I. С. 539, 21 февраля / 3 марта 1788 г. (Инструкции генералу Заборовскому, командующему сухопутными силами в Средиземноморье. Екатерина предложила Алексею Орлову взять командование на себя, но тот отказался вернуться на службу.)

[37] *Gerhardt D.* Op. cit. S. 208. В ряде случаев английских моряков просто снимали с русских торговых кораблей встречные британские военные суда (Ibid. S. 208, примеч. 63).

[38] А. Брикнер указывает, что во время работы шведского парламента в 1786 г. члены оппозиции собирались в доме русского посла (*Brückner A.* Schweden und Russland, 1788 // HZ. 1869. № 22. S. 342).

В марте 1788 г. до Екатерины дошли слухи о том, что Швеция вооружается, а Густав III утверждает, будто средиземноморский поход русского флота на самом деле направлен против него[39]. Совет при Высочайшем дворе начал обсуждать, как укрепить Балтийское побережье России на случай нападения шведов[40]. Императрица использовала все средства, чтобы избежать разрыва со Швецией, а Густаву III приходилось всячески маневрировать, чтобы представить Россию агрессором и благодаря этому избежать слишком сильного нарушения шведской конституции. Неуклюже составленная нота России, которая, казалось, вбивала клин между королем Швеции и ее народом, дала королю необходимый предлог, чтобы потребовать отзыва русского посла́, графа А. Разумовского, в ультиматуме от 12/23 июня. Екатерина отвечала на это Манифестом 30 июня / 11 июля, в котором бестактно намекнула, что Густав III обязан своей короной России (ведь это императрица Елизавета в 1743 г. настояла на том, чтобы корона перешла к Адольфу Фридриху Гольштейн-Готторпскому)[41]. Густав III в свою очередь направил в Россию ультиматум с требованием наказать Разумовского, вернуть Швеции русские владения в Финляндии, включая Кексгольм, в возмещение его расходов на военные приготовления, и согласиться на шведское посредничество в войне с Портой при исходном условии возвращения России в границы 1774 г. или даже 1768 г., если Турция будет на этом настаивать. Не менее бестактно, чем Екатерина, он похвастался, что не пошел на Россию войной в 1773—1774 гг., когда она боролась против Пугачевского бунта, а ведь мог бы. Как отметил Сегюр, даже сам султан не обратился бы к молдавскому господарю в подобных выражениях[42].

При таких обстоятельствах недоставало лишь искры, чтобы вспыхнул пожар конфликта. Нападение некоего казачьего отряда из Восточной Финляндии на шведскую территорию позволило Густа-

---

[39] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 24 марта 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 487; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 27 мая 1788 г. // Там же. С. 490.

[40] АГС. Т. I. С. 549, 20/31 марта 1788 г.; с. 552, 23 марта / 3 апреля, 27 марта / 7 апреля.

[41] ПСЗ. Т. XXII. № 16679.

[42] *Segur L. P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 315—316; *Brückner A.* Op. cit. P. 365. Густав III продолжил пропагандистскую войну в «Декларации» 10/21 июля 1788 г., напечатанной в Хельсинки. В ней перечислялись все горести Швеции. Екатерина составила на нее ответ по-немецки, который был без подписи распространен в сентябре 1788 г.

ву III объявить Россию агрессором, хотя уже пошли слухи, что «казаками» были шведские солдаты, переодетые в театральные костюмы из Королевской оперы[43]. В ответ шведские войска обстреляли русскую крепость Нейшлот 22 июня / 3 июля 1788 г.

Но король Густав слишком поторопился ввязаться в войну. Русская средиземноморская эскадра еще не покинула Балтику; здесь находилось 17 линейных кораблей и 7 фрегатов под командованием адмирала Грейга, а у герцога Карла Зюдерманландского было 15 линейных кораблей и 5 фрегатов. Оба флота сошлись 6/17 июля в море недалеко от острова Гогланд. В завязавшемся сражении обе стороны понесли большие потери. Это была скорее ничья, чем русская победа[44], однако на время она отвратила от Петербурга опасность высадки шведского десанта. 12/23 июля шведские войска под командованием самого Густава III осадили Фридрихсхамн, но после битвы при Гогланде король остался без прикрытия с моря и в августе был вынужден отступить.

В этот момент начали приносить плоды интриги Екатерины со шведской и финской дворянской оппозицией. Противостояние реставрации абсолютизма, которую проводил Густав III, в Швеции и Финляндии приобрело разную форму. Если в первой дворяне жаждали аристократического конституционного правления, то в последней развивалось движение за самостоятельность, особенно среди дворянства шведского происхождения. Лидер этих финляндских оппозиционеров Горан Магнус Шпренгтпортен вступил на русскую службу в 1786 г. и представил Екатерине II проект устройства Финляндской республики под протекторатом России. Он сумел найти сторонников своих идей в среде финляндских офицеров, негодовавших при мысли о возможном чужеземном завоевании их страны в третий раз за сто лет. Свыше сотни шведских и финляндских офицеров подписали пакт в местечке Аньяла, в котором провозглашалось низвержение Густава III за неконституционное вступление в войну. Участники Аньяльского союза послали в Петербург эмиссара с предложением к Екатерине начать мирные переговоры с риксдагом (на основе шведских границ 1721 г.). Это удовлетворило бы

---

[43] *Brückner A.* Op. cit. S. 393; *Segur L.P. de.* Op. cit. Vol. III. P. 325.

[44] *Anderson R. C.* Naval Wars in the Baltic during the Sailing Ship Epoch. 1522—1850. London, 1910. P. 243 ff. В своем докладе императрице адмирал Грейг описал это сражение как русскую победу (АГС. Т. I. С. 582, 10/21 июля 1788 г.). Л. Г. Бескровный считает так же (*Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 577), а Р. Андерсон находит, что сражение закончилось вничью.

шведских дворян, рассчитывавших при помощи риксдага ограничить власть короля, однако финским участникам хотелось пойти еще дальше. Екатерина предложила, чтобы финны также учредили представительный орган, с которым она могла бы обсуждать вопросы мира и автономии Финляндии.

Из неловкого положения Густава III вызволила косвенным образом сама Екатерина. С началом войны она сразу же обратилась к Дании за помощью, положенной ей по договору. Датчане сначала заколебались, но в конце августа все-таки объявили войну Швеции (возможно, их на это вдохновил мятеж в шведской армии). Тогда король Густав, который уже и без того был оскорблен открывшимся предательством участников Аньяльского союза, воззвал к патриотизму шведов и его контроль над армией был восстановлен[45].

Первым открытым совместным выступлением тройственного альянса Британии, Пруссии и Соединенных провинций стало их сделанное в конце августа 1788 г. предложение о посредничестве в отношениях между Россией и Швецией и между Россией и Турцией. Появление этого альянса придало смелости двум самым инициативным британским дипломатам — послу в Копенгагене Хью Эллиоту и послу в Берлине Дж. Эварту — броситься на спасение Швеции от русско-датской опасности, грозившей вот-вот нарушить равновесие сил на Балтике. Датчане оккупировали Южную Швецию и быстро приближались к Гетеборгу. Эллиот, заранее крайне враждебно настроенный к России, взялся разорвать связи между Россией и Данией и вовлечь оба скандинавских государства в англо-прусский союз. 5/16 сентября он пригрозил датчанам интервенцией со стороны Пруссии и Англии, если они не остановят свое наступление. На следующий день он отправился в Швецию (не получив на то инструкции из Лондона). Он собирался угрозами заставить Густава III согласиться на посредничество Тройственного альянса (и тем отлучить его от Франции). Пруссия тоже навязывала Дании посредничество, пугая ее прусским корпусом и британской эскадрой. Эллиот догнал Густава в конце сентября, а 28 сентября / 9 октября заставил датчан согласиться на перемирие, продленное затем до следующего лета. Больше Дания в этой

---

[45] См.: *Nordmann C.* Grandeur et Liberté de la Suède. Paris, 1971. P. 380 ff; *Colin du Terrail H.* La Finlande et les Russes depuis les Croisades Suedoises. Paris; Strasbourg, 1963. P. 97 ff; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 576 и далее; АГС. Т. I. С. 589, 3/14 августа 1788 г.

войне не участвовала[46]. И хотя впоследствии действия Эллиота были отчасти дезавуированы его начальником, секретарем по иностранным делам Уильямом Питтом, вряд ли стоит сомневаться в том, что вмешательство британского дипломата спасло Густава III, дав ему необходимую передышку на восстановление своих позиций в Швеции и организацию дальнейшей кампании.

Предложения тройственного союза о посредничестве встретили холодный прием в России. То, что Пруссия поддерживает шведские претензии, казалось обидным и к тому же опасным для России. Поэтому предложения Пруссии решили отклонить на том основании, что это Швеция должна дать России удовлетворение за неоправданную агрессию и что в любом случае России придется сначала посоветоваться с союзниками — Данией и Австрией. Одновременно нужно было предотвратить наступательные шаги со стороны Пруссии, для чего войну с Турцией предстояло превратить в оборонительную, отведя войска в Польшу в готовности встретить более страшного врага, чем турки[47].

После объявления войны Швецией Екатерина пережила едва ли не самое напряженное лето в своей жизни. А сколько-нибудь утешительных новостей с турецкого театра войны не поступало. Иосиф II в очередной раз доказывал, что он — далеко не Фридрих II. 16/27 апреля 1788 г. была взята маленькая турецкая крепость Шабач на Саве. Затем австрийскую армию поразила эпидемия лихорадки, и к концу августа великий визирь Юсуф-Паша с 70-тысячной армией перешел реку Темеш и начал опустошать страну. В сентябре 1788 г. продолжались ожесточенные бои, завершившиеся турецким штурмом австрийского лагеря в Лугоще в ночь на 9-е / 20-е число, когда Иосиф II едва унес ноги.

Австрийские войска в Буковине оказались удачливее. Они воевали во взаимодействии с русской армией Румянцева, наступая на мощную турецкую крепость Хотин. Командир австрийцев, принц Фридрих Саксен-Кобург-Заальфельд, надеялся добиться сдачи крепости без штурма и потому наступал очень медленно. Тем временем Румянцев перешел Прут, но, не доверяя Кобургу, тоже двигался очень медленно, помня, что должен защищать фланг потемкинской Ека-

---

[46] *Gerhardt D.* Op. cit. S.228. О предложении посредничества со стороны тройственного альянса см.: АГС. Т. I. С. 603, 4/15 сентября 1788 г.; с. 606, 18/29 сентября 1788 г.

[47] АГС. Т. I. С. 606, 18/29 сентября 1788 г.

теринославской армии. И русские и австрийские командующие, казалось, готовы были пожертвовать взятием Хотина ради оккупации Дунайских княжеств. После многочисленных недостойных ссор между командирами разных чинов и званий, множества бессмысленных маршей и контрмаршей, во время которых главные силы турок не принимали сражение, Хотин наконец-то был вынужден сдаться австрийцам 4/15 сентября, а те, к ярости Румянцева, дали туркам десять дней на эвакуацию из крепости со всеми воинскими почестями[48].

Между тем Потемкин неторопливо осаждал Очаков. В середине июня он перешел Буг с 50-тысячным войском, чтобы обложить крепость с суши. Но она все еще оставалась открытой со стороны моря, и 20/31 мая к Очакову подошел турецкий флот[49]. Русский флот, который за зиму успел повысить боеспособность, был разделен на гребную флотилию под началом принца Карла Нассау-Зигена (его заместителем был Сэмюэл Бентам) и парусную эскадру, во главе которой поставили чрезвычайно сомнительную фигуру — знаменитого американского капера Пола Джонса, чьи услуги были куплены Екатериной. Зная, что многочисленные британские офицеры на Балтийском флоте с ним служить ни за что не станут, Екатерина послала Джонса прямо на Черное море, где его появление все равно вызвало некоторое недовольство[50].

У турецкого флота было преимущество в линейных кораблях, а также в легких судах, зато русские канонерские лодки благодаря Сэмюэлу Бентаму были лучше вооружены[51]. 7/18 июня, после перестрелки, не принесшей перевеса ни одной из сторон, турки атаковали русскую гребную эскадру и завязалось настоящее сражение. Турки были разбиты, их флотилия отошла к Очакову, а русские остались хозяевами на море. 17/28 июня развернулось крупное стол-

---

[48] *Zinkeisen J. W.* Op. cit. Bd. V. S. 650 ff; *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 150 и далее; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 55 и далее.

[49] *Anderson R. C.* Op. cit. P. 323 (приведенные в этой работе сведения о мощности флотов отличаются от данных, сообщаемых современниками и очевидцами, описавшими взятие Очакова, — Суворовым, Полом Джонсом, Нассау-Зигеном).

[50] *Christie I. R.* Op. cit. P.185; Г. А. Потемкин — Екатерине II, 15/26 июня 1788 г. // Императрица Екатерина и князь Потемкин-Таврический. Подлинная их переписка. 1782—1891 // РС. 1876. № 7. С. 470; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 13/24 февраля 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 474; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 22 февраля / 4 марта 1788 г. // Там же. С. 475.

[51] *Christie I.R.* Op. cit.

кновение между главными силами обоих флотов, снова завершившееся с перевесом на стороне русских. Тогда турецкий адмирал решил вывести свою парусную эскадру из устья Днепра, но для этого ему надо было пройти под огнем только что построенной русской батареи на Кинбурнской косе. Турки взяли слишком далеко на север, чтобы избежать пушечного обстрела, и посадили на мель девять кораблей. Вскоре подошла русская гребная флотилия и вступила в сражение, чтобы их уничтожить. Считается, что турецкий флот за два дня боев потерял пятнадцать судов, из них десять крупных[52].

Остатки турецкого флота вышли в открытое море, где напряженно ожидали, не появится ли севастопольская эскадра и не идут ли к ним подкрепления. Наконец 3/14 июля 1788 г. оба флота сошлись при острове Фидониси, недалеко от устья Дуная. Сражение опять не принесло решающей победы никому, и 7/18 июля турецкий флот, несмотря на превосходство в силе, отступил, а русский флот вернулся в Севастополь на доукомплектование.

Пришло время замкнуть кольцо вокруг Очакова, одной из мощнейших крепостей Османской империи, чей гарнизон оценивался в 20 тыс. солдат. В течение нескольких недель Потемкин, не решаясь штурмовать крепость из страха перед неизбежными тяжелыми потерями, продолжал сжимать кольцо батарей, окружавших крепость. Левым флангом осаждавшей крепость русской армии командовал Суворов. 27 июля / 7 августа, преследуя противника после отбитой турецкой вылазки, он решил атаковать крепость и был ранен в бою. В итоге он получил суровый нагоняй от Потемкина за неподчинение приказам. Глубоко обиженный Суворов запросился в отпуск, «ехать на воды» для поправки здоровья, но светлейший его не отпустил.

Вероятно, осторожность Потемкина была оправданной, так как турецкий флот все еще не был окончательно разбит. 29 июля / 9 августа турецкие корабли появились в Днепровском лимане в новой попытке снять осаду с Очакова, но никаких сражений не произошло. В последующие два месяца часто происходили мелкие стычки, в которых русские пытались полностью блокировать Очаков, а турки старались сохранить морские коммуникации открытыми. На боеспособности русского флота не лучшим образом отражалась борьба за старшинство, развернувшаяся между принцем Нассау-Зигеном и Полом Джонсом. Но после того, как 8/19 октября два турецких

---

[52] Описание составлено по работам Андерсона, Кристи и Петрова.

корабля прорвались сквозь блокаду и высадили в Очакове полторы тысячи солдат, обоих флотоводцев сместили. Теперь командование всеми силами русского флота возглавил контр-адмирал Н. С. Мордвинов.

Далее оправдывать промедление со штурмом Очакова было уже нечем, так как лиман замерз и снабжать крепость с моря турки уже не могли. Потемкин задумал при помощи корабельных пушек днепровской флотилии сделать проломы в стенах крепости со стороны лимана, где они были слабее укреплены. Обстрел Очакова продолжался больше месяца, и наконец 6/17 декабря князь отдал приказ к штурму. В результате яростного сражения уже через час с четвертью Очаков был наконец-то взят. Путь русского наступления к Днестру и Дунаю был открыт.

Для Екатерины известие о взятии Очакова, полученное 16/27 декабря, стало единственным светлым пятном за весь этот тревожный год. «За ушки взяв тебя обеими руками, мысленно тебя целую, друг мой сердечной, князь Григорий Александрович», — писала она Потемкину, понимая, что наконец-то укрепились ее позиции в том шатком внешнеполитическом положении, в котором оказалась Россия. В первую очередь императрица подумала об убитых и раненых, о храбрецах, заслуживших награды: всем участникам осады было велено выплатить полугодовое жалованье[53]. И наконец-то сам Потемкин получил возможность отлучиться из армии и приехать к Екатерине в столицу, чтобы помочь организовать оборону от шведов и вместе с императрицей оплакать ее лучшего адмирала, Сэмюэла Грейга, умершего в море в октябре 1788 г. Русская армия тем временем получила приказ зимовать в Польше, где дела складывались неприятным для России образом. Возражения Пруссии по поводу задуманного русско-польского союзного договора, высказанные в тот момент, когда Пруссия готовилась бросить войска на помощь Швеции против Дании, союзницы России, вынудили Екатерину в сентябре 1788 г. отказаться от этого замысла. Позиция Пруссии и в самом деле стала крайне угрожающей. Герцберг приказал прусскому послу в Варшаве препятствовать созыву конфедеративного сейма, а если понадобится, создать в Польше в противовес существующей конфедерации другую, которая обратилась бы за

---

[53] Г. А. Потемкин — Екатерине II, 7/16 декабря 1788 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 536; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 16/27 декабря 1788 г. // Императрица Екатерина II и князь Потемкин-Таврический... // РС. 1876. № 9. С. 23

военной помощью к Пруссии. Было ясно, что октябрьский сейм станет ареной борьбы за контроль над Польшей между Россией и Пруссией.

Ненависть поляков к России была так сильна, что лишь маленькая партия приверженцев короля Станислава Августа одобряла его политику опоры на Россию, взамен на которую Екатерина соглашалась лишь на весьма ограниченные реформы. Оппозицию королю составляли те, кто тосковал о золотых временах ничем не ограниченной вольности и надеялся, что Потемкин поможет свергнуть неугодного им короля, а также сторонники глубоких преобразований, понимавшие, однако, что добиться их можно, лишь освободив Польшу от железной хватки России. Для этого нужна была поддержка какого-то сильного сторонника, в роли которого в сложившейся ситуации могла выступить только Пруссия. Относительно Пруссии самой по себе у поляков было мало иллюзий, но существовала надежда, что тройственный альянс Англии, Соединенных провинций и Пруссии удастся расширить в «федеративную систему», которая включала бы в себя также Швецию, Турцию, Данию и Лигу германских князей, объединенных в противостоянии двум империям — что-то вроде Северной системы наоборот.

В итоге, когда 25 сентября / 6 октября собрался польский сейм, он почти немедленно получил статус конфедеративного, что позволило принимать решения большинством голосов. Выгоды обещания России несколько увеличить численность вооруженных сил Польши были забыты, как только 2/13 октября в сейме огласили декларацию, в которой Пруссия возражала против проекта союза Польши с Россией и предлагала себя в союзницы[54]. Вся подспудная ненависть поляков к России вырвалась теперь наружу, и предупреждения Станислава Августа о том, что опасно самовольно производить изменения в конституции, гарантированной императрицей, были отметены. В течение ближайших месяцев конфедеративный сейм разрушал польскую систему управления в том виде, как ее гарантировала Россия, под аккомпанемент многочисленных словесных оскорблений в адрес России и Екатерины. К этому поляков тайно подстрекала Пруссия. Она рассчитывала извлечь для себя пользу из внутренних неурядиц в Речи Посполитой, получив от противников Станислава Августа приглашение в новую конфедерацию,

[54] АГС. Т. 1. С. 619—627, 16/27 октября 1788 г.

и таким образом добиться долгожданной компенсации в Данциге и Торне. С другой стороны, зимой 1789 г. в Берлине лелеяли надежду на то, что Потемкин, может быть, уговорит Екатерину пойти на соглашение с Пруссией за счет Польши.

И действительно, мнения в Петербурге разделились. Растущая напряженность в отношениях с Пруссией вызвала острые разногласия в Совете. А. Р. Воронцов, Безбородко, Завадовский, да и сама императрица были скорее готовы воевать с Пруссией, чем уступить ей, а другие, например А. А. Вяземский и особенно А. П. Шувалов, твердили, что нельзя принимать никаких решений по поводу требований Пруссии, не согласовав их с Потемкиным как с президентом Военной коллегии. Шувалов имел в виду (хотя и не говорил этого вслух), что Потемкин, возможно, посоветует помириться с Турцией, чтобы затем прийти к взаимопониманию с Пруссией, поделив между собой земли в Польше. В результате такого резкого расхождения в Совете было решено пока избрать более сдержанный тон в отношениях с Пруссией и ждать приезда князя, но даже это «вызвало много слез»[55], как отметил в своем дневнике секретарь императрицы.

В это время события в Польше встревожили Иосифа II и Кауница, для которых не было ничего страшнее Пруссии. Поэтому австрийцы принялись настаивать, чтобы русские заключили мир с Портой uti possidetis (на условиях сохранения за каждой стороной ее прежних владений), после чего обе державы могли бы уделить внимание польскому кризису[56]. Начиная с декабря 1788 г. граф Кобенцль внушал российской стороне, что она должна проявлять сдержанность и даже готовность уступить самым крайним требованиям поляков, например вывести русские войска[57]. Австрийцы настаива-

---

[55] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 185, 3/14 ноября 1788 г. [неточность: в записи Храповицкого от 3 ноября 1788 г. «слезы» не упоминаются]; АГС. Т. I. С. 630, 2/13 ноября 1788 г. (а также отдельный протокол мнения А. П. Шувалова). См. также: Записки Михаила Гарновского. 1787—1790 // РС. 1876. № 6. С. 225 и далее, 7 ноября 1788 г. Гарновский был агентом Потемкина в столице, и его донесения помогали его господину находиться в курсе придворных интриг. Поэтому вполне вероятно, что в них особенно внимательно фиксировались все проявления враждебности к Потемкину.

[56] *Lord R. H.* Op. cit. P. 106. Предпринимались новые усилия, чтобы привлечь Францию и Испанию к союзу с двумя империями, но они ни к чему не привели. Источники сведений по этому вопросу см.: Ibid. P. 106, примеч. 2. Материалы обсуждения его в Совете при Высочайшем дворе 14—16 / 25—27 декабря 1788 г. см.: АГС. Т. I. С. 638 и далее.

[57] *Lord R. H.* Op. cit. P. 108.

ли на окончании войны, да и международное положение самой России было опасным, и поэтому в декабре 1788 г. Совет выработал российские условия заключения мира с Турцией. К ним относилось, прежде всего, требование освободить Булгакова из турецкого плена, а также возобновить все договоры, утверждавшие права России на Крым, Таманский полуостров и Кубань. Уступка Очакова с прилегающей территорией (которые уже были завоеваны) также являлась непременным условием. Другие спорные вопросы, приведшие к войне, могли служить предметом переговоров. Русская сторона была согласна с тем, что Австрии, возможно, понадобится заключить с Турцией отдельный мирный договор[58].

В первые недели 1789 г. все ожидали приезда Потемкина в столицу. Сама Екатерина была больна. Она сокрушалась об отсутствии князя, нуждалась в его советах, но при этом опасалась, как бы он не попытался заставить ее переменить существующую внешнеполитическую систему, чего она делать не собиралась. Союз с Австрией и сохранение на троне неразделенной Польши Станислава Августа все еще оставались главными направлениями ее политики, а ненависть к Пруссии и презрение к ее королю все росли: «Что за жалкий человечишка, уж я его научу как следует его ремеслу». Более того, Екатерина прекрасно понимала, что Пруссия упорно навязывает ей союз с Портой, намереваясь в той или иной форме осуществить знаменитый план Баварского размена, созданный Герцбергом. Потемкин, судя по всему, был единственным человеком, который мог бы уговорить Екатерину пойти на соглашение с Пруссией за счет польских земель (которые следовало, в свою очередь, компенсировать территориями, отнятыми у Османской империи), но и ему это не удалось. Он возвращался к армии из Петербурга, где пробыл с 4 февраля по 6 мая, капитулировав перед императрицей[59]. Союз с Австрией остался в силе и даже возобновился благодаря новому обмену письмами между Екатериной и Иосифом II в мае—июне 1789 г. В отношении Пруссии избрали более успокоительный тон и провели кое-какие переговоры с неопределенным результатом. Россия согласилась вывести войска из Польши, чтобы у Пруссии не осталось и тени повода к

---

[58] АГС. Т. I. С. 638 и далее, 14—16 / 25—27 декабря 1788 г.; проект мирного договора с Турцией // Там же. С. 649 и далее.

[59] Записки Михаила Гарновского... С. 235, 21 января / 1 февраля 1789 г.; Г. А. Потемкин — Екатерине II, б.д. // *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 198.

разрыву отношений[60]. Екатерине пришлось на время сделать вид, будто ее не беспокоит крушение русской власти в Польше.

Вскоре после отъезда Потемкина на южный фронт в мае 1789 г. хрупкое равновесие сил при дворе коренным образом изменилось: Екатерина наконец обнаружила то, что многие уже знали, — что ее тогдашний фаворит, Александр Дмитриев-Мамонов, ей изменяет. Заметив, что молодой человек тяготится своим положением, Екатерина написала ему письмо, в котором предложила фавориту прекрасную партию с богатой наследницей, чтобы удержать его при дворе (хотя и не уточнила, в каком именно качестве). Услыхав об этих матримониальных планах государыни, Мамонов сознался, что уже некоторое время влюблен в молодую княжну Дарью Щербатову, и просил позволения жениться на ней. Это известие и стало полной неожиданностью для Екатерины, глубоко задев ее. Начались хождения туда-сюда, долгие беседы между Екатериной и Мамоновым, императрица рыдала горькими слезами. Но, как она написала Потемкину, «я ничей тиран никогда не была», а потому вызвала к себе юную чету и сама совершила их помолвку. Потемкину она пеняла на то, что он, однажды намекнув, будто Мамонов ее обманывает, мог бы давным-давно раскрыть ей глаза на происходящее. Храповицкому, своему секретарю, императрица тоже призналась, как она несчастна (что ему и без того было совершенно очевидно) и как потрясена этим обманом. «Матушка, плюнь на него», — говорил ей Потемкин, когда зимой приезжал в столицу, но Екатерина отказывалась внимать голосу разума. Теперь, когда свое горе она изливала в письмах единственному человеку, способному понять даже такое интимное разочарование, он отвечал ей: «Матушка родная! Вы назвали меня своим задушевным другом. Это истина во всем смысле слова: будь уверена, что тебе предан нелицемерно... я никогда не обманывался в нем; это смесь безразличия и эгоизма. Из-за этого последнего он сделался Нарциссом... Не думая ни о ком, кроме себя, он требовал всего, ни-

---

[60] *Lord R. H.* Op. cit. P. 109–111. Здесь приведены выдержки из подготовленной Безбородко для Екатерины записки, в которой рассматривались возможности использовать Пруссию при заключении мира со Швецией и с Турцией, дав ей некоторую компенсацию в Польше (ср.: РА. 1875. № 2. С. 36 и далее). См. также: А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, октябрь 1789 г. // СбРИО. Т. XXVI. С. 415 и далее; *Zinkeisen J.W.* Op. cit. Bd. VI. S. 728 ff. Письма, которыми обменялись Иосиф II и Екатерина II, см.: *Arneth A. von.* Op. cit. S. 333, 335 (Иосиф II — Екатерине II, 20 мая 1789 г., Екатерина II — Иосифу II, 30 мая / 11 июня 1789 г.).

кому не платя взаимностью...» Князь советовал обвенчать влюбленных и отправить Мамонова послом в Швейцарию[61]. Екатерина так и поступила, но услала молодых в Москву.

В отчаянии императрица обратилась за утешением к старой подруге, Анне Никитичне Нарышкиной, и она-то в тот самый день, когда был отставлен Дмитриев-Мамонов, обратила высочайшее внимание на двадцатидвухлетнего Платона Александровича Зубова, которому суждено было стать последним фаворитом императрицы. Подробности «случая» Зубова, в том числе 10 тыс. руб., полученные от императрицы самим Зубовым, и часы в две тысячи, подаренные Зубовым Анне Нарышкиной, можно проследить по дневнику Храповицкого. 6/17 июля 1789 г. Екатерина написала Потемкину и приложила к этому письму послание князю от своего нового фаворита, что означало официальное признание их связи, которая оказалась для Зубова далеко не счастливой. Екатерина рассказывала о его деликатности, скромности, стремлении угодить Потемкину, а тем временем «Чернушка», как она прозвала Зубова, принялся добывать милости для своих родственников и обзаводиться собственными приверженцами[62].

К счастью, вскоре Потемкин прислал Екатерине лучшее средство, чтобы ее взбодрить, — хорошие новости с поля боя. С уходом русских войск из Польши перед ним встали новые проблемы, а пополнение Украинской армии рекрутами, снабжение боеприпасами и провиантом затруднилось, потому что стало невозможно посылать обозы через земли Речи Посполитой. Екатерина решила передать под командование Потемкина и Украинскую, и Екатеринославскую армии и возложить на Румянцева приготовления к отпору возможного нападения Пруссии[63]. Румянцев воспринял известие о том, что

---

[61] См.: Записки Михаила Гарновского... С. 399, 21 июня 1789 г.; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 290—294, 18—23 июня 1789 г.; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 14 июля 1789 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 21—23; Г. А. Потемкин — Екатерине II, [18 июля] 1789 г. // РА. 1865. Стб. 768 и далее.

[62] Екатерина II — Потемкину, 14 июля 1789 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 21; 12 августа 1789 г. // Там же. С. 24 (здесь она описывает Зубова как «довольно милое дитя: не глуп, имеет доброе сердце и, надеюсь, не избалуется...»). По мнению М. Гарновского, Зубова поддерживали А. А. Вяземский и Н. И. Салтыков, обер-камергер при Александре и Константине.

[63] См.: Там же. С. 2, начало 1789 г.; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 246, 29 января 1789 г. (здесь приведены слова Екатерины II о недовольстве П. А. Румянцевым); Екатерина II — Румянцеву. 8/19 марта 1789 г. // Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов. М., 1947. С. 304.

его отзывают, крайне болезненно. Расценивая его как несомненное смещение с должности, подстроенное Потемкиным, он в ответ сложил с себя командование и, подобно Суворову, попросился в отставку, чтобы ехать «на воды» для поправки здоровья. Екатерина удовлетворила его просьбу, после чего Румянцев поселился в Яссах и полтора года там ко всему придирался и брюзжал, пока наконец Екатерина не велела ему уехать весной 1790 г.[64] Генерал князь Н. В. Репнин сменил Румянцева во главе Украинской армии, находившейся в составе войск под общим командованием Потемкина. На белорусскую границу направили четыре полка на случай наступления пруссаков.

В ходе кампании 1789 г. Украинская армия во взаимодействии с австрийцами под началом принца Кобургского должна была наступать вдоль по течению реки Серет. Главные силы русской армии под командованием Потемкина должны были взять под контроль Днестр, после чего обе армии двинулись бы к Дунаю. Главным силам австрийцев во главе с фельдмаршалом Г. Е. Лаудоном предстояло перейти Дунай и ударить на Белград[65]. Кампания началась удачно, молниеносным рейдом русских войск на Галац, в результате которого удалось захватить крупные запасы продовольствия и боеприпасов. Основная Екатеринославская армия Потемкина начала наступление 11/22 мая и подошла к Ольвиополю на Буге 27 июня / 8 июля. 11 июля она перешла Буг и направилась в низовья Днестра. Турки предприняли отвлекающий рейд флота на Крым, но полуостров оказался слишком хорошо укрепленным, и они не сумели отвлечь Потемкина от наступления.

Тем временем Суворова назначили командовать левым крылом русских войск на реке Бырлад, двигаться на соединение с принцем Кобургским и его 18-тысячным австрийским войском. С намерением не допустить этого соединения великий визирь пошел на армию Кобурга с тридцатью тысячами солдат. Кобург воззвал к Суворову о помощи, и тот подошел с 4-тысячным отрядом, вступил в сраже-

---

[64] См. письма П. А. Румянцева Екатерине II за 7/18 мая и 15/26 июля 1790 г. // Фельдмаршал Румянцев... С. 314—315; а также: Екатерина II — Г. А. Потемкину, 19 апреля 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 75—76; Екатерина II — Потемкину, 6 сентября 1789 г. // Императрица Екатерина II и князь Потемкин-Таврический... // РС. 1876. № 9. С. 35. А. Н. Петров высказывает предположение, что «преклонные годы» Румянцева (тому было 64 года) и слабое здоровье лишили фельдмаршала былой энергии и способности к выдающимся свершениям (*Петров А. Н.* Указ. соч. С. 23—24).

[65] Там же. Т. II. С. 6—9.

ние со значительно превосходящими турецкими силами и наголову разбил их 21 июля / 1 августа при Фокшанах. Потемкин продолжал неторопливое наступление, вышел к Днестру 12/23 августа, а оттуда повернул на юг к Бендерам. Один отряд направили помогать с тыла флоту при взятии турецкой прибрежной крепости Гаджибей.

Теперь Потемкин прочно обосновался возле Бендер, которые собирался взять без боя, а Репнин пока затевал отдельные стычки с турками под Измаилом, но на штурм крепости у него не хватало сил. Великий визирь опять попытался разбить принца Кобургского под Фокшанами, и снова тот обратился к Суворову за помощью. В два дня ускоренным маршем Суворов прошел 70 км, форсировал две реки и присоединился к Кобургу 10 сентября. На следующий день австрийские и русские войска, прибегнув к умелому маневру, в яростном сражении оттеснили турок назад за реку Рымник, где располагались их тылы; турки понесли потери примерно в 15 тыс. убитых. Сам великий визирь сложил с себя командование и вскоре умер[66].

Потемкин не преследовал бегущих турок, а выжидал, пока все течение Днепра не перейдет под его контроль. 14 сентября был взят Гаджибей. Турецкий флот не принял сражение с русской Севастопольской флотилией и 23 сентября / 2 октября ушел в Константинополь, оставив без прикрытия Аккерман, крепость на Днестровском лимане. 28 сентября / 9 октября ее гарнизон сдался русским войскам. Теперь Бендеры оказались полностью отрезаны. После непродолжительных переговоров 20-тысячный гарнизон Бендер 3/14 ноября сдался, и, как и рассчитывал Потемкин, при этом обошлось без потерь. Австрийским войскам в кампании 1789 г. тоже сопутствовала удача. 19/30 сентября они взяли Белград, а 4 ноября принц Кобургский вступил в Бухарест. Екатерина II была довольна успехами союзных армий и пожаловала всем русским солдатам по рублю. Суворова (по предложению Потемкина) сделали графом Российской империи и Священной Римской империи и пожаловали почетную приставку к его фамилии — «Рымникский». Кроме того, императрица со свойственной ей щедростью наградила полководца[67].

---

[66] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 27 и далее; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 539 и далее.

[67] *Петров А. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 76 и далее, с. 90—92. Суворов получил именную шпагу за битву при Фокшанах (как и принц Кобургский) и другие дорогие подарки («телегу бриллиантов»), о которых Екатерина писала Потемкину 26 сентября, 5 октября и 18 октября 1789 г. (СбРИО. Т. XLII. С. 37, 39, 43—44). О предложении Потемкина пожаловать Суворову графский титул и приставку «Рымникский» см.: Г. А. Потемкин — Екатерине II, 22 сентября 1789 г. // РС. 1875. № 10. С. 222.

Победоносная кампания укрепила Екатерину в намерении начать мирные переговоры с Портой. Пруссия по-прежнему занимала угрожающую позицию, а кампания против шведов в 1789 г. не принесла решительной победы. Благодаря вмешательству Хью Эллиота Густав III получил передышку, во время которой он арестовал участников Аньяльского союза и совершил второй политический переворот в Швеции за время своего правления. На заседании сейма, созванного на 6/17 февраля 1789 г., он заставил принять «Акт единства и безопасности», усиливший власть короны и урезавший привилегии дворянства. Несмотря на шаткое состояние шведских финансов, король решил продолжать войну. Весной и летом 1789 г. произошло несколько мелких столкновений на Балтике между русским и шведским флотами, а 13/24 августа 1789 г. при Свенскунде произошло более значительное сражение, которое надо признать русской победой, так как шведы отступили, позволив русским беспрепятственно снабжать свои войска в Финляндии по морю[68]. Однако 30 июня / 11 июля 1789 г. Густав получил серьезную поддержку от Порты, подписав с ней договор о субсидии, по которому турки обязались выделять Швеции по миллиону пиастров в год до тех пор, пока будет продолжаться война, и выплатить десять миллионов после ее окончания. Шведы же обещали не заключать сепаратного мира[69].

Екатерина II в Санкт-Петербурге предпринимала энергичные усилия, чтобы набрать новые войска для обороны от Швеции и для пополнения армий, воевавших на юге. В 1789 г. было приказано набирать в рекруты пять из пятисот человек, что дало общее число 92 822 человека (из них 66 549 откупились от службы за 500 руб.)[70]. Но ей не хватало опытных генералов. Мусин-Пушкин («Он каналья, pardonnez le terme») был медлителен и нерешителен; на него жаловались даже гвардейские полки, писала Екатерина Потемкину, прося его прислать ей несколько «хороших» генерал-майоров, но «не все немцев»[71].

Но если Екатерина, возможно, и желала мира, то Порта пребывала в воинственном настроении. 27 марта / 7 апреля 1789 г. умер

---

[68] *Anderson R. C.* Op. cit. P. 254 ff.

[69] Текст договора см.: The Consolidated Treaty Series / Ed. C. Parry. N.Y., 1969. Vol. 50. P. 435 ff.

[70] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 297, 299.

[71] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 306, 3 сентября 1789 г.; СбРИО. Т. XLII. С. 48, 25 ноября 1789 г.

султан Абдул Хамид и на престол вступил восемнадцатилетний султан Селим III, который не намеревался начинать мирные переговоры. Австрии, правда, везло в кампании 1789 г., но в Австрийских Нидерландах Иосиф II сталкивался со все большими трудностями, да и здоровье начинало его подводить. Более того, Порту неустанно обхаживала Пруссия, рвавшаяся осуществлять непомерного размаха замыслы Герцберга. Прусский министр все еще надеялся приобрести для Пруссии Данциг и Торн (или в войне, в которой Пруссия образовала бы коалицию со Швецией и Портой против России, или путем вооруженного посредничества между Россией и Турцией, за которое с Пруссией расплатились бы в Польше, компенсировав Польшу за счет Австрии). Но, обнаружив, что инструкции Герцберга прусскому послу в Константинополе предусматривают, что Турция отдаст России Крым, а Австрии — Молдавию и Валахию, чтобы в итоге обогатилась Пруссия — единственная держава, вообще не провоевавшая ни дня, турки не спешили заключать с ней соглашение. 13/24 октября султан Селим III издал манифест («хатт-и шериф» — «священное обращение»), провозгласивший «священную войну», и тем самым положил конец тайным мирным переговорам, которые его более миролюбивый великий визирь вел с Потемкиным с русской стороны и с фельдмаршалом Лаудоном — с австрийской. Потемкин отверг идею перемирия, не исключив его возможность при подготовке к настоящим переговорам о мире. Российские условия этого мира он определил так: возобновление всех прежних договоров между Турцией и Россией (в том числе о передаче Крыма России), уступку Турцией территории между Днепром и Днестром, образование независимого княжества Дакии в составе Молдавии, Валахии и части Бессарабии под властью православного правителя, а именно — великого князя Константина, мир с Иосифом II и отстранение Швеции от участия в переговорах. Балансируя между миром с Россией или союзом с Пруссией, осенью турки отпустили на свободу русского посла Булгакова[72].

В это время Герцберг, воспользовавшись растущими затруднениями Иосифа II в Нидерландах, придал своим замыслам новый поворот. Пруссия поможет Австрии вернуть себе Австрийские Ни-

---

[72] Переговоры, которые вели пруссаки в Стамбуле, можно проследить по изд.: *Zinkeisen J.W.* Op. cit. S. 690 ff. См. также: Екатерина II — Г. А. Потемкину, 25 ноября 1789 г. // СБРИО. Т. XLII. С. 48; 7 декабря 1789 г., б.д., декабрь 1789 г. // Там же. С. 52; А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 20/31 декабря 1789 г. // Там же. Т. XXIX. С. 418.

дерланды, а Австрия взамен за это откажется от всех притязаний на Молдавию и Валахию и вернется в границы Пассаровицкого мира. Галицию австрийцы отдадут Польше, Пруссия же получит Данциг и Торн. Турки на это отвечали, что не пойдут ни на какой мир, если не получат назад Крым, и спросили, когда же Пруссия предполагает объявить войну Австрии и России.

Прусский посол тут же приступил к переговорам о союзе между Пруссией и Портой, который и был подписан 20/31 января 1790 г., и простодушно взвалил на Пруссию обязанность объявить войну, помочь туркам отвоевать Крым и гарантировать на будущее его принадлежность Турции. Зайти так далеко не предполагали ни Герцберг, ни его господин. Посла отозвали и разжаловали, а Фридрих Вильгельм отложил ратификацию договора, чтобы уклониться от «этой ужасной статьи о Крыме».

В этот критический момент, когда контроль над Австрийскими Нидерландами был потерян, а Венгрия кипела недовольством, 9/20 февраля скончался удрученный и разочарованный неудачами австрийский император Иосиф II. 5/16 февраля он написал Екатерине II последнее — и он сам это знал — письмо, в котором назвал себя «самым преданным из друзей», «самым истинным почитателем» императрицы[73]. Она в письме к Потемкину вынесла ему такой вердикт: «Об союзнике моем я много жалею, и странно, как, имея ума и знания довольно, он не имел ни единого верного человека, который бы ему говорил пустяками не раздражать подданных»[74].

А тем временем вокруг России сжималось кольцо — 18/29 марта 1790 г. Пруссия и Польша заключили союзный договор. Станислав Август был против него, уверенный, что альянс с Пруссией будет для Польши смертным приговором. Приняв во внимание взгляды польских патриотов, больной вопрос о Данциге и Торне в договоре не упомянули. Зато в статье 6 предусматривалась помощь со стороны Пруссии (если потребуется, то и военная) при любой попытке вмешательства иностранной державы (читай: России) во внутренние дела Польши во имя прежних гарантий польской конституции[75].

---

[73] *Arneth A. von.* Op. cit. P. 349.

[74] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 6/17 февраля 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 58—59.

[75] АГС. Т. I. С. 757, 20/31 декабря 1789 г.; А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 20/31 декабря 1789 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 418. Текст договора см.: *Martens F. de.* Recuiel... Vol. IV. P. 471 ff. Надежды Польши на участие в союзе Англии были перечеркнуты безразличием Питта к осложнениям на континенте.

Оставалось выяснить, что станет делать новый король Венгрии и Богемии, Леопольд II. Помощи от Франции, с тех пор как там началась революция, ждать не приходилось. Королю досталось в наследство такое опасное положение, что он решил поскорее закончить войну с Турцией, пожертвовав, если понадобится, всеми австрийскими завоеваниями. Одним из первых шагов Леопольда было приглашение к посредничеству Англии. Мир на основе сохранения status quo был той политикой, которую Питт навязывал Пруссии, а Фридрих Вильгельм хотел бы навязать Леопольду II, уверенный, что тот не откажется от австрийских завоеваний. Но если Герцберг надеялся, что status quo не будет истолковано настолько буквально, чтобы исключить приобретение Данцига и Торна, и Пруссия получит эти вожделенные города, то Фридрих Вильгельм все-таки больше рассчитывал на войну. В результате Пруссия, кажется, проводила сразу три политические линии, из которых одна предусматривала переговоры на базе строгого соблюдения status quo, другая — переговоры на основе status quo, понимаемого по-новому (чтобы Пруссия могла извлечь необходимые выгоды), а третья вела к войне.

С тех самых пор, как русская императрица в декабре 1789 г. впервые услышала о прусско-турецком договоре, она не оставляла надежду на то, что тайные переговоры Потемкина с турками приведут к миру. Она тоже отвергала идею перемирия. Перед ней стоял выбор между миром и войной на три фронта. В эту зиму 1789—1790 гг. светлейший князь оставался со своим двором в Яссах и даже не побывал в столице[76]. Нетерпеливое ожидание новостей было для Екатерины мучительно, «как деторождение», и она, чтобы заполнить время тревожного ожидания и сохранить присутствие духа, вместе с Платоном Зубовым переводила вечерами «Жизнеописания» Плутарха. Наконец 13/24 марта прибыл курьер, подтвердивший, что летом Россию ждет война[77]. Тем временем австрийцы торопили Екатерину II принять меры к обороне Галиции от возможного совместного польско-прусского нападения и согласовать действия на случай этой новой войны.

До подписания прусско-турецкого договора Екатерина считала, что планы Потемкина в Польше, которые она в целом от души одобряла, могли осуществиться только после заключения мира с турками. Однако теперь (очевидно, по предложению светлейшего

---

[76] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 318, 23 ноября 1789 г.

[77] Там же. С. 320, 19, 23, 24 декабря 1789 г.; с. 321, 31 декабря 1789 г.; с. 322, 12 января 1790 г.; с. 327, 7 марта 1790 г.

князя) она была согласна на вторжение русской армии в Польшу, чтобы упредить нападение Пруссии на Россию и не дать ей завладеть польскими землями[78]. В марте был обнародован указ (направленный Потемкину еще 10/21 января 1790 г.) о назначении его Великим гетманом всего Екатеринославского и Черноморского казачества. Теперь Потемкин с одобрения Екатерины собирался занять воеводства Киевское, Подольское и Брацлавское и образовать конфедерацию православных украинцев, более или менее сходную с той, что создал Богдан Хмельницкий[79]. Упрямое нежелание России выступить совместно с австрийцами против прусской угрозы укрепило намерение Леопольда II выйти из войны с наименьшими потерями: если придется, то при строгом соблюдении status quo, если удастся — при частичном его соблюдении, с небольшими приобретениями в турецких владениях (за которые Пруссия сможет себя вознаградить в Польше)[80]. Тем временем силы Тройственного альянса — Британии, Пруссии и Соединенных провинций — начали принуждать Россию к согласию на мир на условиях жесткого status quo, грозя ей вооруженным вторжением.

В июне 1790 г., казалось, вот-вот должна была разразиться война между Пруссией и Австрией. Но 16/27 июня в Рейхенбахе, в Прусской Силезии, начались переговоры. Леопольд II согласился вернуть Турции все отвоеванное у нее, и в тот же день была подписана Рейхенбахская конвенция, предусматривавшая немедленное заключение перемирия между Австрией и Турцией и созыв конгресса для обсуждения окончательного мирного договора[81].

Теперь Екатерина II осталась одна против Швеции и Турции, и к тому же ей грозила война с Пруссией и Польшей, поддержанными Британией.

---

[78] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 2/13 декабря 1789 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 50.

[79] Екатерина II — Г. А. Потемкину: Там же. С. 57. По поводу таинственности, которая окружала этот указ, см.: Записки Михаила Гарновского... С. 426, 21 марта 1790 г.; А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 20 апреля / 1 мая 1790 г.; Г. А. Потемкин — Екатерине II, 18/29 марта 1790 г. // РА. 1865. Стб. 730 и далее. См. также: СбРИО. Т. XXIX. С. 71–73; Р. Лорд высказывает предположение, что в 1790 г. Екатерина не одобряла эти планы Потемкина (*Lord R.H.* Op. cit. P. 139). Несомненно, раньше так и было, но в 1790 г. она, кажется, уже их разделяла.

[80] Ibid. P. 142.

[81] Ibid. P. 144–149; текст конвенции см.: The Consolidated Treaty Series... Vol. 51. P. 23 ff. Хотин и часть Молдавии должны были остаться в руках австрийцев до окончания Русско-турецкой войны.

Глава 26

Рейхенбахский мир, очаковский кризис и окончание войны с Турцией

Итак, Тройственный союз навязал Австрии свою волю. Оставалось попробовать, не удастся ли также навязать мир на условиях полного сохранения status quo Екатерине II. В качестве первого шага и для того, чтобы оказать давление на Екатерину, в июле Пруссия ратифицировала мир с Портой, подписанный 20/31 января 1790 г. (Именно в это время в Рейхенбахе шли переговоры с Австрией[1].)

Но императрица была готова заключить мир только на своих условиях и без посредников, а пока взялась за ближайшего из своих врагов, Густава III. Главной стратегической задачей России в кампании 1790 г. было закрыть Финский залив от шведского флота, уничтожить шведскую галерную флотилию и перенести боевые действия на земли шведской части Финляндии. Густав III, в свою очередь, собирался в 1790 г. сконцентрировать все силы и нанести удар по Санкт-Петербургу, для чего был необходим контроль над Балтийским морем. Но шведы были разгромлены в сражении 2/13 мая у Ревеля между эскадрой адмирала В. Я. Чичагова и шведской эскадрой из Карлскруны под командованием герцога Карла Зюдерманландского. Атака шведского галерного флота под личным командованием Густава III на русскую гребную флотилию при Фридрихсгаме 4/15 мая тоже провалилась[2]. Крупное сражение между русской Кронштадтской эскадрой и главными силами шведского флота произошло в Финском заливе, у Красной горки, 23 мая / 3 июня и продолжалось с перерывами два дня. От пушечных выстрелов, отчетливо слышных

---

[1] *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa. Gotha, 1859. Bd. VI. S. 781.

[2] Подробности описания морских сражений взяты из кн.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958; *Anderson R. C.* Naval Wars in the Baltic during the Sailing Ship Epoch, 1522—1850. London, 1910. P. 283—293.

в Санкт-Петербурге, дребезжали даже оконные стекла у Екатерины в Зимнем дворце. Ни одна из сторон не потеряла ни одного линейного корабля, хотя оба флота понесли тяжелые потери. Никто не одержал явной победы, но больше всего выгод это сражение принесло России. Теперь Ревельская эскадра и Кронштадтская флотилия были достаточно сильны, чтобы блокировать шведов в Выборгском заливе. Инициатива перешла к галерным флотилиям, которые шведы применяли для высадки войск на побережье между Выборгом и Санкт-Петербургом. За следующие две недели произошло несколько малозначительных стычек, и наконец 21 июня / 2 июля русская гребная эскадра, которой командовал теперь принц Нассау-Зиген, нанесла крупный удар по шведской флотилии, охранявшей главные силы шведского флота в Выборгском заливе, к югу от Бьеркезунда. Вскоре шведская флотилия ушла, чтобы прикрыть бегство главного линейного флота, которому удалось таким образом прорваться из Выборга и уйти в открытое море, потеряв, впрочем, при этом двенадцать линейных кораблей.

Гребные эскадры продолжали свои маневры между островами и к 28 июня / 9 июля сошлись под Свеаборгом, примерно там, где в 1789 г. состоялась битва при Свенскзунде. Вдохновленный мыслью о том, что 28 июня — годовщина воцарения Екатерины II, принц Нассау-Зиген старался вырвать победу из рук противника. Но погода портилась, и его эскадру весь день упорно относило назад рассеянным строем, а суда шведов, сохранявших свежие силы, подгоняло вперед. На следующий день шведы продолжили преследование, и русские потеряли пять фрегатов и еще в общей сложности 64 различных судна и 7369 человек, из которых 6,5 тыс. попали в плен[3]. Это было первое крупное поражение России на море в этой войне, и Нассау-Зиген впал в отчаяние. Он отказался от командования, наград и чинов и просил предать его военному суду. Для Екатерины II это поражение было тяжелым политическим ударом, а особенно болезненно она переживала громадные людские потери[4]. Но императрица старалась делать вид, что все в порядке, и написала Нассау-Зигену одно из тех писем, благодаря которым люди так преданно служили ей всю жизнь. Она отказалась воспринимать его неудачу как измену фортуны, упомянула о многих его былых побе-

---

[3] *Бескровный Л. Г.* Указ.соч. С. 590—591; *Anderson R.C.* Op. cit. P. 283—293.

[4] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 17/28 июля 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 91.

дах, просила своего адмирала снова ей послужить и приняла его при дворе как обычно[5].

Но победа шведских галер при Свенскзунде не могла искупить потерю линейных кораблей, из-за которой силы шведского флота теперь не достигали и половины сил флота русского. Густав III, как и Екатерина, хотя и по другим причинам, нуждался в мире. Незавершенные переговоры, открытые в 1790 г. по испанскому предложению о посредничестве, расчистили путь для прямых переговоров в маленьком городке Верела. Старания Англии удержать Швецию в состоянии войны потерпели неудачу из-за нежелания британцев вовремя предоставить крупные субсидии, так что русско-шведские переговоры быстро закончились подписанием мирного соглашения 3/14 августа 1790 г. Оно опиралось на status quo, безо всяких компенсаций и возмещений. Но Швеция получила одно преимущество: договор подразумевал, что Россия согласится на изменения в шведской конституции, введенные Густавом III[6]. Тем не менее Екатерина была довольна, в особенности оттого, что Англия с Пруссией ничего о переговорах не знали и оказались к ним совершенно непричастными. «On les a joues [Мы их обыграли. — *фр.*]», — воскликнула государыня, как сообщает ее статс-секретарь[7], и без промедления подписала ратификацию. Через курьера она известила об этом Потемкина и молила Бога, чтобы светлейшему князю удалось теперь заключить мир с Турцией. «Одну лапу мы из грязи вытащили, как вытащишь другую, то пропоем аллилуя», — писала она[8].

Из-за того, что намерения Пруссии были неизвестны, военная активность Потемкина весной и летом 1790 г. оказалась парализованной. Пруссия сосредоточила сорокатысячное войско на границах Лифляндии и еще столько же в Силезии, располагая к тому же

---

[5] О принце Нассау-Зигенском см.: *d'Aragon L.A.C.* Un paladin du XVIII siècle. Le Prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondence originale inédite de 1784 à 1789. Paris, 1893. Письма адмирала к Екатерине и ее ответ см.: СбРИО. Т. I. С. 210 и далее; также см.: Екатерина II — Г. А. Потемкину, 17 июля 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 91; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 29 августа 1790 г. // Там же. С. 102 и далее.

[6] Текст см.: The Consolidated Treaty Series... Vol. 51. P. 47 ff. О роли Испании см. работу: *Schop Soler M.* Die Spanisch-Russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1971. S. 153 ff.; А. А. Безбородко — И. А. Игельстрому, 13/24 апреля 1790 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 71.

[7] *Храповицкий А. В.* Дневник, 1782--1793. СПб.. 1874. С. 343, 5/16 августа 1790 г.

[8] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 9 августа 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 101.

стотысячным резервом[9]. Потемкину пришлось отвести войска из Молдавии для охраны польской границы и строго придерживаться оборонительной тактики на суше, одновременно возобновив интенсивные мирные переговоры с турками. Екатерина II уполномочила князя отступиться от требования о создании независимого княжества Дакия; даже от идеи независимой Молдавии в качестве удела для Константина пришлось отказаться из опасения, как бы не спровоцировать этим требованием вступление в войну Пруссии[10]. Но если турки лишились союзника в лице Швеции, то они потеряли также и врага — Австрию и полагали, что могут рассчитывать на помощь Пруссии[11].

Пока шли переговоры, Черноморский флот под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова 16/27 мая подошел к северным берегам Анатолии, совершил рейд на Синоп и Самсун, а затем отошел к Анапе, где сосредоточивался турецкий флот, перебрасывавший войска для высадки десанта на крымский берег. После столкновения, не принесшего победу ни одной из сторон, Ушаков вернулся в Севастополь готовиться к новому походу. Усилив эскадру, адмирал вышел в море 2/13 июля 1790 г. 8-го/19-го близ Керченского пролива был замечен турецкий флот, и Ушаков дал ему бой. Сражавшиеся флоты разошлись в сумерках, причем турки потеряли только один корабль. И если, на первый взгляд, это сражение никому не принесло решающей победы, то на деле оно расстроило турецкие планы высадки десанта на берегу Керченского пролива.

Более важным в исторической перспективе оказалось сражение 28 августа / 8 сентября возле острова Тендра, близ Гаджибея, когда турецкий флот в беспорядке отступил, потеряв два линейных корабля, в том числе и взорвавшийся флагман[12]. Угроза Крыму с моря была устранена, и теперь, когда со Швецией заключили мир, князь Потемкин получил свободу и смог 11/22 сентября отдать приказ к генеральному наступлению на суше. Он ставил цель захватить ту-

---

[9] *Петров А. Н.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787—1791 гг. СПб., 1880. Т. II. С. 101—102.

[10] Рескрипт Потемкину, март 1790 г. (без указания точной даты) // *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 552.

[11] Г. А. Потемкин — великому визирю, 1 августа 1790 г.; а также письма Потемкина Лашкареву от 2, 8, 29 августа и 7 сентября 1790 г. см.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1895. Вып. VIII. С. 127 и далее.

[12] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 553—557; *Anderson R. C.* Naval Wars in the Levant. 1559—1853. Liverpool, [s.a.]. P. 334—341.

рецкие крепости в низовьях Дуная и отрезать их от моря. Генерал А. В. Суворов получил приказ атаковать Галац, а тем временем в середине октября гребная Лиманская флотилия под началом неаполитанского авантюриста Жозе де Рибаса вошла в устье Дуная в сопровождении бывших запорожских казаков на чайках и разгромила турецкие галеры. 18/29 октября Лиманская флотилия взяла Килию, за ней 7/18 ноября Тульчу, а вскоре и Исакчи[13]. Настал черед Измаила.

Измаил представлял собой одну из мощнейших турецких крепостей, стоявшую на левом берегу Дуная, напротив острова Сулия. Гарнизон крепости насчитывал 35 тыс. человек при 265 орудиях; боеприпасов и продовольствия в Измаиле было достаточно. Осада началась 23 ноября / 4 декабря, но дело продвигалось так медленно, что трое генералов, руководивших войсками, созвали военный совет, на котором было решено осаду снять. Потемкин в отчаянии послал за Суворовым: «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе, присутствие там личное твое соединит все части. Много тамо равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род Сейма нерешительного». В то же время Потемкин предоставил Суворову полную свободу решать, переходить ли к штурму крепости или отступить: если генерал считает, что штурм провалится, то лучше и не пытаться[14].

Суворов, направлявшийся под Измаил, чтобы принять командование, встретил отходившие части и велел им тут же поворачивать назад. Он прибыл к Измаилу 2/13 декабря 1790 г., оценил обстановку и распорядился устанавливать батареи, объявив Потемкину, что будет штурмовать крепость через пять дней. 7/18 декабря он предложил туркам сдаться, а 10/21 декабря на рассвете пошел в атаку. К 11 часам утра трое из крепостных ворот Измаила оказались в руках штурмующих, и турки уже отчаянно дрались за каждую улицу и каждый дом, пока, наконец, не были принуждены сложить оружие. Потери турецкой стороны были огромны: 26 тыс. убитых, 9 тыс. пленных, все 265 орудий захвачены русскими. Как Суворов и обещал своим солдатам (и турецкому гарнизону), разграбление крепости продлилось три дня и принесло победителям добычи при-

---

[13] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 147 и далее.

[14] Приказ Суворову, 25 ноября / 6 декабря 1790 г.: Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. С. 191; *Петров А. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 173.

мерно на 2 млн руб. помимо пленных, невольников, продовольствия и боеприпасов из турецких складов. Захват одной из мощнейших крепостей в Европе был заслугой военного гения и полководческих талантов Суворова, которые уже сделали его имя олицетворением побед русской армии. Но штурм Измаила стал и одним из самых кровопролитных сражений в русской истории[15].

Впрочем, опасность для России еще далеко не миновала. Державы Тройственного союза не оставляли замысла принудить ее к миру с турками на условиях полного сохранения status quo. Но в течение осенних месяцев все стороны выжидали, пока готовилось заключение итогового соглашения между Австрией и Турцией на мирном конгрессе, начавшем работу лишь 3 января 1791 г. в Систово, в турецких владениях. Внимание британской внешней политики было временно отвлечено от Восточной Европы из-за конфликта с Испанией по поводу пролива Нутка, конфликта, грозившего осенью 1790 г. перерасти в войну. Однако к концу октября он разрешился, так как Испании пришлось отступить: революционная Франция не намеревалась выполнять условия семейного соглашения Бурбонов. После этого У. Питт, возглавлявший английское правительство, получил возможность заняться восточноевропейскими делами, на которых болезненно отражались политические колебания Пруссии. Король Фридрих Вильгельм по-прежнему склонял Екатерину II согласиться на status quo в переговорах с Турцией, хотя и перестал требовать, чтобы она приняла посредничество Тройственного союза[16]. Но он не мог решиться на войну с Россией, не уверившись в том, что Австрия сохранит в этом случае нейтралитет, а император Леопольд II был непревзойденным мастером уклоняться от обязательств и затягивал дискуссии на конгрессе в Систово, намекая пруссакам, что останется нейтральным, и одновременно уверяя Екатерину, что будет верен союзнице, насколько возможно.

---

[15] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 562—563. Зимой 1790 г. русский корпус шел с Кубани на Анапу, но припасы закончились и солдатам пришлось возвращаться назад, потеряв примерно две тысячи человек. Императрица разгневалась из-за бесполезной потери живой силы, и командир был предан военному суду и отставлен от службы. Осенью 1790 г. дела у русских войск на Кавказе пошли лучше — в сентябре они разбили турецкий отряд, перешли Кубань и опустошили местность. См.: *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 43, 162—163; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 14/25 мая 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 79.

[16] АГС. Т. 1. С. 819 и далее, 9/20 декабря 1790 г.

Но за спиной своих английских, польских и турецких союзников Пруссия тоже предлагала России тайно и напрямую договориться, что ей будет гарантирован Очаков, если, конечно, Пруссия получит Данциг и Торн от Польши, а Екатерина II сначала тайной конвенцией примет на себя обязательство возобновить союз с Пруссией после того, как подпишет мир с турками. И Екатерина, со своей стороны, использовала каждую лазейку и даже вступила в секретные переговоры с революционной Францией, которые кончились ничем со смертью Мирабо[17].

Зимой—весной 1791 г. Европа находилась в напряженном состоянии — в основном из-за политики Британии. Питт заботился не только о сохранении равновесия сил в Европе, как он его себе представлял, т.е. в форме так называемой федеративной системы, объединяющей Тройственный союз, страны Скандинавии, Польшу и Турцию в обширную лигу и направленной против двух империй — российской и австрийской, а также Франции и Испании. Кроме того, он задумал заменить Россию Польшей в британской системе торговых связей. Если бы британская экономика смогла получать из Польши необходимые поставки для флота, а также зерно и кожи, то Англия перестала бы так сильно зависеть от России. Эти идеи усердно поддерживал Дж. Эварт, британский посол в Берлине и завзятый враг России, который находился в отпуске в Англии. Он утверждал, что Очаков в руках России станет серьезной угрозой Османской империи, а если русские границы дойдут до Днестра, то Польша потеряет этот выход для своей торговли и будет отрезана от прямых сношений с Турцией. Для того чтобы добиться создания нового политического и торгового блока в Восточной Европе, Питт решил, что Польша должна будет уступить Данциг и Торн Пруссии. Затем Тройственный союз заставит Россию согласиться на заключение мира с соблюдением status quo, если понадобится — то и военной силой[18].

Питт развернул дипломатическое наступление на Россию в январе 1791 г. Его поощрял к этому сэр Чарльз Уитворт, британский посол в Санкт-Петербурге, — он принадлежал к школе, мечтавшей

---

[17] См. документы С. Р. Воронцова: АКВ. Т. VIII. С. 22; *Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 281—283.

[18] См.: *Lojek J.* The International Crisis of 1791: Poland between the Triple Alliance and Russia // East Central Europe. 1975. Vol. II. № 1. P. 1—63.

видеть Россию «поставленной на то место, которое ей положено занимать среди государств Европы». В своих донесениях посол подчеркивал плачевное состояние российских финансов, и прежде всего — вооруженных сил, и писал об упрямстве императрицы, которое можно сломить только ультиматумом, подкрепленным демонстрацией силы[19].

На заседаниях 10/21 и 11/22 марта британский кабинет принял политику Питта, и сам премьер-министр составил ультиматум России, в котором давал Екатерине II десять дней, чтобы принять мир с Турцией на условиях status quo под угрозой посылки британских эскадр в Балтийское и Черное моря и ввода прусских войск в Лифляндию. Первым делом британский ультиматум был 16/27 марта отправлен с курьером в Берлин[20].

Слухи о начинаниях Англии и Пруссии дошли до Екатерины еще в начале года. 16/27 января Совет при Высочайшем дворе обсуждал меры обороны от грозящего нападения Пруссии или, возможно, Швеции[21]. В самом деле, Густав III в этот момент готов был продаться тому, кто предложит самую выгодную цену. Англия звала его примкнуть к антирусской коалиции, предоставить союзникам свои корабли и порты и за это получить субсидию чистоганом. Екатерина же, со своей стороны, бралась оплачивать содержание шведской армии и флота[22]. На этот раз аукцион выиграла русская императрица, и в начале февраля 1791 г. начались серьезные переговоры о заключении нового русско-шведского союзного договора, который должен был обеспечить Густаву III персональные субсидии[23].

Тем временем Потемкин сидел в Яссах в окружении своего пышного двора, организовывал передислокацию русской армии в связи с прусской угрозой и переживал бурный роман с женой своего двоюродного брата, Прасковьей Потемкиной[24]. Он оставался на юге отчасти по желанию императрицы, чтобы проследить за реакцией Турции на потерю Измаила[25]. Но 28 февраля / 11 марта 1791 г.

---

[19] *Lojek J.* The International Crisis... P. 26, 36.

[20] Текст ультиматума см.: Ibid. P. 39, примеч. 92.

[21] АГС. Т. I. С. 826 и далее.

[22] *Lord R. H.* Op. cit. P. 166ff.; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 356, 2 февраля 1791 г.

[23] Там же. С. 357, 11 февраля 1791 г.

[24] См. его письма к ней: *Брикнер А.* Потемкин. СПб., 1891. С. 259 и далее.

[25] СбРИО. Т. XLII. С. 135—136, 22 января / 2 февраля 1791 г.

князь все-таки явился в столицу. Он начал ощущать последствия увлечения Екатерины Платоном Зубовым, которое распространилось и на его младшего брата Валериана. Молодой человек уже начал создавать собственную партию приверженцев. Но многие уже поняли, какие опустошения нанесет новый фаворит, и потому уважительнее смотрели на прежнего и мечтали о его возвращении. Было ясно, что грядет борьба за власть — Потемкин собрался в Петербург, чтобы «зубы дергать» (его каламбур по поводу фамилии фаворитов)[26].

Екатерина, испытывая растущее давление со стороны враждебной коалиции, должна была к тому же бороться с разногласиями и слабодушием окружающих. Всю зиму 1791 г. она почти в одиночестве стояла на своем, стараясь ни за что не поддаваться англо-прусскому шантажу, который считала наглым и унизительным. Приезд Потемкина принес ей мало утешения. Далеко превосходя авторитетностью всех ее советников (ведь он лучше любого из них знал, как слаба Россия в военном отношении перед лицом прусской армии и британского флота), князь начал запугивать императрицу, чтобы склонить ее к переговорам с Пруссией. Собственные его планы были, как обычно, грандиозны: он поднимет казацкое восстание на Польской Украине и одновременно подготовит раздел более обширных польских земель, в результате которого удастся откупиться от Пруссии, Россия будет вознаграждена, и, может быть, кое-что останется и на его долю[27].

Однако эти попытки сломить сопротивление Екатерины всяким переговорам с Пруссией слишком затянулись. «Беспокойство относительно Пруссии давно уже продолжается», — отметил ее секретарь в дневнике. 10/21 марта слышали, как князь кричал, что императрица упряма, не слушает советов и что он с ней поссорится. «Плачет с досады, не хочет снизойти и переписаться с королем прусским»; «Нездоровы, лежат; спазмы и сильное колотье с занятием духа»; «Досада. Упрямство доводит до новой войны»[28]. Наконец Потемкин уломал Екатерину. Она согласилась в строжайшей тай-

---

[26] См.: *Кудряшов К.* Зубов Платон Александрович // РБС. Т. Жабокритский—Зяловский. Пг., 1916. У Платона Зубова было трое братьев и три сестры. Его отец был богатым человеком и к тому же служил управляющим имениями Н. И. Салтыкова, наставника молодых великих князей.

[27] *Lord R.H.* Op. cit. P. 180 ff.

[28] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 359. 15, 17, 22 и 23 марта 1791 г.; *Соловьев С.* История падения Польши. М., 1863. С. 219.

не принять прусское предложение, связав себя секретным соглашением о возобновлении договора с Пруссией и передаче ей Данцига и Торна после того, как Россия подпишет мир с Турцией на условиях императрицы (возобновление всех прежних договоров и уступка Очакова)[29].

Тем временем Потемкин в течение апреля продолжал внушать австрийскому послу Кобенцлю преимущества раздела Польши, особенно подчеркивая, как важно добиться, чтобы Пруссия сама это предложила. Эту идею он считал средством расколоть Тройственный союз и откупиться от Пруссии как от самого опасного для России его члена. Если же начнется война с Пруссией, князь вернется к своему плану заключения конфедеративного союза с Польшей, который позволит перетянуть ее на сторону российской и австрийской империй[30].

Сопротивление Екатерины англо-прусскому нажиму отчасти подкреплялось упрямым нежеланием ее посла в Лондоне, графа С. Р. Воронцова, поверить в то, что Британия всерьез намерена послать свой флот на Балтику[31]. 17/28 марта, на следующий день после отправки в Берлин текста британского ультиматума России, Питт внес на рассмотрение парламента королевское послание о частичной мобилизации флота. Его утвердили обе палаты 18/29 и 19/30 марта, но вскоре Питт обнаружил, что почва уходит у него из-под ног. Он не подготовил британское общественное мнение к этим политическим шагам, и не все его коллеги их одобряли. Несмотря на то что вооруженный нейтралитет Екатерины в 1780 г. нанес ущерб традиционному образу России как естественного союзника Британии, торговые связи между двумя странами оставались слишком прочными, чтобы их перечеркнул растущий страх перед угрозой русской мощи британским интересам. Более того, яблоко раздора — Очаков, местонахождение которого было неизвестно большинству англичан, — казалось, едва ли стоило такого громогласного возмущения. Общее мнение прекрасно выражено в словах лорда Окленда: надо ли так рисковать, чтобы «сломить гордость старой мегеры или со-

---

[29] Остерман — Алопеусу (русскому послу в Берлине), 14/25 марта 1791 г. // *Lord R. H.* Op. cit. P. 181, appendix 5. См. также письмо А. А. Безбородко С. Р. Воронцову от 7/18 марта 1791 г., в котором он указывает на давление со стороны Потемкина из-за общеизвестного пристрастия светлейшего князя к Англии (СбРИО. Т. XXIX. С. 110; ср.: АКВ. Т. XIII. С. 177—181).

[30] *Lord R.H.* Op. cit. P. 181. См. донесения Кобенцля в примеч. 3.

[31] АГС. Т. 1. С. 839, 6/17 марта 1791 г.

хранить за турками кусок пустынной земли между двумя реками...»[32].

Слабость позиции У. Питта делала его уязвимым для нападок противников — вигов, которых поддерживала пресса (многие газеты примыкали к «Морнинг кроникл» — рупору вигов). Тут в дело вступил посол России Воронцов, сумевший талантливо использовать британскую свободную прессу, чтобы развернуть кампанию в поддержку своей абсолютной властительницы. Он не только снабжал лидеров вигов информацией о британско-русской торговле, что помогало им вести парламентские дебаты, но к тому же организовал публикацию памфлета. Это сочинение называлось «Серьезное рассмотрение причин и последствий нашего теперешнего возмущения против России» и получило широкое хождение. При помощи различных посредников Воронцов дирижировал целой кампанией собраний по всей стране. На них принимали резолюции для передачи членам парламента, в которых британская общественность сокрушалась по поводу войны, сулившей закрытие российских рынков для товаров британских мануфактур[33].

Екатерина еще не получила британский ультиматум, хотя уже знала его содержание. Она все еще не уступала уговорам Потемкина и А. А. Безбородко[34], и если уж пошла на тайные контакты с Пруссией, то на британский шантаж поддаваться не собиралась. Русский флот в Балтийском море получил приказ занять позиции[35], чтобы встретить британскую эскадру и дать ей отпор. Но к этому времени Питт уже начал идти на попятную. Правда, он трижды добивался парламентского большинства в поддержку своей политики[36], но кабинет оставался расколотым. «Нет войне с Россией!» — было написано мелом на множестве домов, и слишком много людей было против того, чтобы для Пруссии Англия таскала каштаны из огня.

---

[32] Цит. по: *Lord R.H.* Op. cit. P. 164.

[33] См., напр., газету «Норвич кроникл» от 21 апреля 1791 г. См. также: С. Р. Воронцов — А. Р. Воронцову, 11/22 и 15/26 апреля 1791 г. // АКВ. Т. IX. С. 191—193.

[34] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 361, 9/20 апреля 1791 г. Сведения о королевском послании парламенту достигли России к 7/18 апреля. См.: АГС. Т. I. С. 842, 10/21 апреля 1791 г.

[35] Там же. С. 847, 19/30 апреля 1791 г. На заседании присутствовали адмиралы Чичагов, Крузе и Нассау-Зиген. См.: Там же. С. 848, 24 апреля / 5 мая 1791 г.

[36] См.: *Gerhardt D.* England und der Aufstieg Russlands. München; Berlin, 1933. S. 364, примеч. 269.

Еще 20/31 марта Питт предложил прусскому королю Фридриху Вильгельму II повременить с предъявлением ультиматума России, но уже в ближайшие дни ему пришлось убедиться в том, что его политика потерпела крах.

Но Фридрих Вильгельм по-прежнему хотел воевать. Он не знал, что Екатерина наконец согласилась на тайные переговоры с Пруссией без посредников, и 27 марта / 7 апреля, в тот день, когда в Берлине обсуждался текст ультиматума, предложенный Питтом, он приказал сосредоточить 88 тыс. прусских солдат на границе с Лифляндией[37]. Теперь против войны выступил Герцберг, которому не нравилось, что Пруссия будет играть вторую скрипку при Британии — получит Данциг по милости англичан и окажется втянутой в войну с Россией ради того, чтобы Англия получила контроль над торговлей с Польшей. Но не успели в Пруссии отдать приказ о мобилизации, как пришло известие о крахе политики Питта. 31 марта / 11 апреля на заседании британского кабинета министров было решено отказаться от требования об условии жесткого status quo, предложив России вместо этого умеренный вариант, по которому оба берега Днестра остались бы в руках у турок[38]. Фридрих Вильгельм II не сразу понял, что это означало отказ от всего плана «размена», что не будет английского флота в Балтийском море и что рухнула вся система союзов, на которой он строил свою политику в отношении России. Когда до прусского короля наконец дошло, что его понапрасну ввели в огромные расходы на глазах у всей Европы, он пришел в бешенство[39]. Унизительная уступка Пруссии, сделанная Екатериной, ее согласие на тайные переговоры с Фридрихом Вильгельмом тоже оказались ни к чему. Правда, официально об этих ее шагах прусскому двору не сообщалось, но в частной беседе с доверенным лицом короля, полковником Бишофсвердером, русский посол в Берлине Алопеус упомянул о них. Довольный полковник воскликнул, что если бы Пруссию уведомили десятью днями раньше, «ее не втянули бы в махинации Питта». Словом, в результате Екатерине едва удалось выйти сухой из воды[40]. Кроме того, эти события озна-

---

[37] *Lord R. H.* Op. cit. P. 187.

[38] См.: *Gerhardt D.* Op. cit. S. 368 ff.

[39] См.: *Lord R. H.* Op. cit. P. 188 ff; *Gerhardt D.* Op. cit. S. 370—371. Решение англичан об отказе от вооружения флота было принято еще 25 апреля / 6 мая, но Фридрих Вильгельм полностью осознал его значение лишь в июне.

[40] См.: Алопеус — Остерману, 28 марта / 8 апреля 1791 г. // *Dembinski B.* Documents relatifs à l'histoire du deuxième et troisième partages de la Pologne. Vol. I: 1788—1791. Львов, 1902. С. 126; 20 апреля / 1 мая 1791 г. // Там же. С. 144.

меновали собой начало конца для Польши. Теперь Пруссия должна была покинуть свою союзницу и добиваться «компенсации» при помощи соглашения с Россией.

Что касается самой Екатерины, то она в начале мая почти успокоилась. Мужество и выдержка помогли ей пережить самое мучительное испытание в жизни. Едва ли не в полном одиночестве она хранила веру в то, что Россия способна выстоять и против британского флота, и против прусской армии. И вот 30 мая / 11 апреля она наконец узнала, что Британия отступилась от требования жесткого status quo и шлет к ней специального посланника, Уильяма Фоукнера, для обсуждения компромисса[41]. Неудивительно, что у Екатерины наступила физическая реакция на эти новости. Она незаметно удалилась в Царское Село, где некоторое время страдала от своих обычных желудочных колик[42].

В феврале 1791 г., отправляясь с южного фронта в Петербург, Потемкин изменил диспозицию русских войск, чтобы подготовиться к возможной прусской угрозе. В ожидании удара со стороны Пруссии предполагалось разместить обсервационный корпус вдоль Двины и еще один в Киеве на случай нападения из Польши. В случае атаки оба русских корпуса должны были выдвинуться в пределы Польши и идти там на соединение. Суворова перевели с юга и поставили руководить обороной Финляндии, чтобы защитить северную столицу от возможного коварного удара из Швеции. На турецком фронте войска под командованием князя Н. В. Репнина должны были ограничиться оборонительными мероприятиями, но, если представится возможность, ударить по туркам за Дунай. Второй армии было приказано захватить Анапу на Кубани, а флоту — перерезать турецкие коммуникации между европейским и азиатским театрами боевых действий. Гребной эскадре предстояло пресечь сообщение между войсками на Дунае и Стамбулом[43].

Потемкин оставался в столице всю весну и лето 1791 г., погрузившись в подготовку к восстановлению позиций России в Польше. Поляки сами спровоцировали кризис. Конфедеративный сейм,

---

[41] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 362, 30 апреля / 11 мая 1791 г.; АГС. Т. I. С. 850, 1/12 мая 1791 г. Старания Воронцова были вознаграждены с обычной екатерининской щедростью: его жалованье выросло на 6 тыс. руб. в год, и сверх того он получил орден Св. Владимира первой степени. См.: А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 11/22 октября 1791 г. // СбРИО. Т. XXVI. С. 426.

[42] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 362, 1/12, 2/13, 3/14 мая 1791 г.

[43] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 196—197.

собравшийся в октябре 1788 г., продолжал работу. Пользуясь прикрытием русско-польского договора и видя неизбежность войны с Россией, он разработал новую конституцию Польши при активном участии Станислава Августа. Принятие этой конституции частично обновленным составом сейма 22 апреля / 3 мая 1791 г. было ускорено известием о грядущем отказе Британии от своего ультиматума России и о крахе политики Питта. Новая конституция была одобрена подавляющим большинством собравшихся. Она предусматривала установление в Польше наследственной монархии Саксонской династии, в ней говорилось об укреплении исполнительной власти и о выборности законодательной, отменялись право liberum veto, обязательный мандат и институт конфедераций. Польской буржуазии предоставлялись более широкие юридические, политические и экономические права, крестьянство также получало определенную защиту закона. Король Станислав Август сразу же присягнул на верность новой конституции, которую провозгласили по всей стране.

Польская конституция ни в коей мере не была якобинской. Но для Екатерины II весной 1791 г. не было большой разницы между революционной Польшей и революционной Францией. Подобно большинству европейских правителей, императрица наблюдала за событиями 1788—1789 гг. со смешанным чувством злорадства, возмущения и презрения к слабости и бездарности Людовика XVI. 16/27 сентября 1789 г. она воскликнула: «Да! Ils sont capables de pendre leur Roi à la lanterne, c'est affreux [Они способны повесить своего короля на фонаре, это ужасно. — *фр.*]»[44]. Но до тех пор, пока Екатерина сражалась на два фронта, она ничем не могла помочь французской монархии. Императрица не имела возможности даже вмешаться в дела Польши, расположенной гораздо ближе Франции.

В первые годы Французской революции сообщения о событиях во Франции во множестве появлялись в русской периодической печати, на страницах санкт-петербургских и московских «Ведомостей», которые увеличили свой тираж соответственно до 2 и 4 тыс. экземпляров. «Декларация прав человека и гражданина» была полностью напечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях». О речах французских политиков сообщали наряду с другими устрашающими событиями. Например, писали о толпе «пьяных баб», ворвавшей-

[44] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 366, 16 сентября 1789 г.

ся прямо в покои королевы в Версале[45]. Хотя эти сообщения, возможно, преподносились тенденциозно, русская читающая публика получала в целом достаточно полную информацию. Но с польской конституцией 3 мая 1791 г. дело обстояло совсем по-другому. В ней явно усматривали «революцию» с французскими корнями, хотя в Польше провозгласили наследственную монархию и отменили права вето. По мнению Екатерины, для введения роялизма в Польше применили революционные средства: «Надо быть сущими ветрогонами, чтобы так пренебречь своим главным принципом... Король польский им сказал, что соседи будто бы снова собираются разделить Польшу, и тут все вдруг согласились вручить ему власть самоуправную», — раздраженно писала она Гримму[46].

За этими многословными тирадами Екатерина скрывала, в чем кроется для нее истинная опасность реставрации «абсолютизма» в Польше. Ведь возрожденная Польша не только бы вышла из-под опеки России; свободное, реформированное польское государство могло сделаться достаточно сильным, чтобы действовать, не считаясь со своими соседями. На переговорах с австрийским послом А. Р. Воронцов опять затронул вопрос о разделе, а Потемкин вернулся к своему замыслу образовать конфедерацию в Польской Украине[47]. Но после первой вспышки гнева русские прекратили откровенные высказывания и, казалось, смотрели на польские дела равнодушно. Однако на самом деле польская революция и внезапный поворот британской политики привели к глубокой переоценке политики России в отношении Швеции, Польши, Франции, Тройственного союза и, конечно, Турции.

14/25 мая британский полномочный посланник Уильям Фоукнер прибыл в Санкт-Петербург. Но прежде, чем начались переговоры с Британией, Екатерина 16/27 мая подписала приказ Потемкину, касавшийся в основном военной диспозиции на тот случай, если англичане будут настаивать на линии Питта относительно жесткого status quo. Она подчеркнула необходимость остерегаться Пруссии и одновременно заставить Турцию просить мира, уничтожив турецкий флот, «посеяв ужас на Босфоре», захватив Анапу на Кубани. Но, кроме того, императрица была уверена, что Англия и

---

[45] *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956. С. 47 и далее, с. 60.

[46] СбРИО. Т. XXIII. С. 567.

[47] Донесение Кобенцля от 13 мая 1791 г. // *Lord R. H.* Op. cit. P. 207, примеч. 2.

Пруссия ограничатся демонстрациями, а воевать не станут. Поэтому, когда мир с турками будет заключен, русским войскам предстоит обратиться против «нового врага», т.е. Польши. Один корпус разместится в Могилеве, другой в Киеве, а главные силы армии встанут вдоль Днестра, от Бендер до польской границы. Пока еще нежелательно, продолжала Екатерина, идти на разрыв с поляками, хотя они и дали России множество оснований для этого. До тех пор, пока они не проявляют открытой враждебности, а пруссаки не ввели войска ни в Курляндию, ни в Польшу, Россия не станет действовать. Но как только они это сделают, Потемкин уполномочен перейти границу Польши. Кроме того, князю следовало пытаться отвратить польский народ от «ненадежного» короля и заинтересовать Польшу, предложив ей Молдавию (при сохранении там православной веры), союз с Россией, а также обещание не вмешиваться в ее внутренние дела. Если же все это не поможет, тогда ему следует перейти к «крайним мерам». Последние тоже были четко расписаны: изменение конституции могло послужить поводом для «реконфедерации», организованной прорусской «аристократической» партией. Вторая «крайняя мера» состояла в тайном проекте русского вторжения в Киев, Подолию и Волынь под предводительством Потемкина в качестве великого гетмана Екатеринославского и Черноморского казачества. Целью такого вторжения ставилось освобождение народа «одной с нами расы и веры», а также «изгнание национального врага прочь из страны». В отношении раздела в рескрипте говорилось, что император австрийский заявил о своем отказе от всех претензий на польские земли, если Пруссия тоже ничего не получит; поэтому императрица решила, что Пруссии ничего не достанется, разве что придется уступить ей какие-то земли во избежание войны. Возможность раздела будет рассматриваться лишь в том случае, если никакие другие меры не помогут покончить с нынешними беспорядками в Польше. Потемкина информировали также о параллельных переговорах со Швецией[48].

Весь план действий в отношении революционной Франции, которые Екатерина якобы считала необходимыми, она изложила в распоряжении русскому послу в Стокгольме от 22 мая / 2 июня 1791 г. В нем императрица заявила, что, во-первых, дела во Франции — это забота всех коронованных голов Европы, во-вторых, всем европей-

[48] РА. 1874. Ч. II. С. 246—258. См. также: *Liske X.* Zur Polnischen Politik Katharinas II, 1791 // HZ. 1873. Bd. XXX. S. 281 ff.

ским державам следует объединиться в союз, чтобы вернуть Людовику XVI его права и привилегии. Речь шла не просто о разгроме Французской революции, но о том, чтобы позволить Франции занять свое традиционное место противовеса Британии и Пруссии в системе равновесия сил в Европе. Поэтому Швеции была предложена субсидия на содержание десятитысячного корпуса до его вступления во Францию, когда эти расходы лягут на французского короля[49]. Было бы наивно принимать эту политическую диспозицию за чистую монету. Истинным намерением Екатерины было ни в коем случае не дать Густаву III заключить союз с Англией и Пруссией, выдвинув шведского короля на ту роль, которой он и без того жаждал всей душой, — роль предводителя крестового похода против Французской революции. Потому она и бралась защищать шведские владения в случае датской агрессии и предлагала Густаву начать переговоры с Испанией, Сардинией и мелкими германскими княжествами об организации совместного похода на Францию[50].

А тем временем Россия затягивала переговоры с Фоукнером об условиях заключения мира с Турцией[51]. Но к соглашению пришли быстро. Все усилия добиться от Екатерины согласия на то, чтобы территории, которые переходили к ней, оставались нейтральными или неукрепленными, императрица отвергла, не видя причин приносить жертвы ради гордости пруссаков и британцев[52]. 15/26 июля английский и прусский послы дали формальное согласие на переход под власть России земель между Бугом и Днестром, и императрица поспешила известить турецкую сторону об этом решении через неаполитанского посла[53]. Позиции Екатерины на переговорах с Фоукнером сильно укрепились с прибытием из Лондона в июне некоего Роберта Адэра, явившегося в роли эмиссара оппозиции вигов. Он советовал русским, как им надо отвечать Фоукнеру, и, зная изнутри всю ситуацию на переговорах, помогал друзьям в Англии в биржевых спекуляциях. Неудивительно, что Екатерина зака-

---

[49] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 296. Указ, вероятно, относится к 15/26 мая (автор работы не указывает, какого стиля он придерживается).

[50] См. дискуссию по этому поводу: АГС. Т. I. С. 854—858, 19/30 мая 1791 г.

[51] Там же. С. 858, 19/30 мая 1791 г.

[52] Там же. С. 863, 23 июня / 4 июля 1791 г.

[53] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 366, 11/22 июля 1791г.; *Martens G.F. de.* Recueil de traités. Göttingen, 1817. Vol. V. P. 59 ff. Ноту России от 10/21 июля и императорский указ Потемкину 18/29 июля 1791 г. см.: СбРИО. Т. XXIX. С. 119—120.

зала мраморный бюст Чарлза Джеймса Фокса, бронзовую копию которого установили в Камероновой галерее в Царском Селе между бюстами Цицерона и Демосфена, ведь это «он красноречием своим не допустил Англию до войны с Россиею»[54].

Теперь, когда англо-прусская угроза была успешно отражена, оставалось разобраться с Польшей. Официально политика Екатерины II сводилась к тому, чтобы Россия оставалась мирным наблюдателем за событиями в Польше, пока поляки сами не «пригласят» ее помочь с восстановлением их свобод[55]. В то же время Австрию, настаивавшую на признании конституции 3 мая, заверили в том, что Россия, откладывая пока окончательное решение, в целом смотрит на дело благосклонно[56].

Подлинные намерения Екатерины были изложены в указе Потемкину от 18/29 июля, подготовленном к его отъезду на турецкий фронт. Конституция 3 мая не принесет ничего хорошего соседям Польши, писала государыня, и России придется принимать меры. Но ей нужна свобода рук в Польше, а потому придется дожидаться окончания войны с Турцией. Когда же мир будет заключен и основная часть армии двинется домой через польские земли, можно будет оказать поддержку противникам конституции и осуществить те планы, которые они предложат[57]. Оправдывая интервенцию в Польшу, Екатерина утверждала, что поляки нарушали договоры с Россией и собственные основополагающие законы, затрудняли для России войну с турками и даже подписали с ними союзный договор. Противники конституции должны начать действовать раньше, чем новая конституция вступит в силу, и обратиться за помощью к России как к гаранту прежних вольностей. Трудно было предвидеть, к чему приведет эта политика, но Екатерина прежде всего ставила цель восстановления старой конституции и, как следствие, незыблемой безопасности для России. Но если придется покупать согласие Пруссии, то Россия будет вынуждена пойти на новый раздел Польши в интересах трех союзных государств. Границы России расширятся, она приобретет новых подданных-единоверцев и братьев

---

[54] *Gerhardt D.* Op. cit. P. 379—380 (здесь цитируется письмо Адэра к Фоксу от 17/28 июля 1791 г.); *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 363, 16/27 июня 1791 г.

[55] *Соловьев С.* Указ. соч. С. 247.

[56] *Lord R.H.* Op. cit. P. 208.

[57] См., например, письмо Феликса Потоцкого к Потемкину от 3/14 мая 1791 г. // Ibid. appendix IX. P. 527.

по крови, а Польша будет низведена к положению буферного государства. Потемкина уполномочили обсудить планы конфедерации с Феликсом Потоцким и другими сторонниками, которых он сумеет привлечь к себе. Что касается формы правления вместо той, что предусматривалась Майской конституцией, то Потемкину надлежало предоставить полякам решать, примут ли они план Потоцкого о создании федерации четырех гетманств или возродят ограниченную монархию. В отношении тактики этих действий Екатерина советовала непременно добиться, чтобы поляки публично протестовали против новой конституции и ссылались бы при этом на гарантии России. Она считала, что будет лучше, если конфедерация образуется прежде, чем русские войска вступят в Польшу, а самый удобный момент для выступления настанет после подписания мирного договора с турками, если конфедераты будут уже готовы. Наконец, если Пруссия пожелает нового раздела и у России не найдется иного способа добиться своих целей, то надо соглашаться на раздел, но это следует тщательнейшим образом таить от всех поляков без исключения[58].

Историки немало спорили об этих двух рескриптах Екатерины Потемкину относительно Польши. Согласно одной из теорий, императрица сознательно «лишь для вида дала Потемкину неограниченные полномочия», а сама наложила множество «ограничительных условий» на его действия, потому что князь к весне 1791 г. якобы страдал общим параличом мозга, приобретенным в результате давнего заражения сифилисом[59]. Но подобные оценки искажают значение рассматриваемых документов, потому что их изучали, вырывая из контекста, как будто это были единственные инструкции, полученные Потемкиным на протяжении четырех месяцев. Не учитывался также характер отношений Екатерины и Потемкина.

Действительно, весной и летом 1791 г. между ними часто возникали разногласия. Единственное прямое свидетельство ссор между императрицей и ее фаворитом касается его попыток уговорить ее

---

[58] РА. 1874. Ч. II. С. 281—289; *Liske X.* Op. cit. P. 295 ff.

[59] См.: *Lojek J.* Catherine II's Armed Intervention in Poland: Origins of the Political Decisions at the Russian Court in 1791 and 1792 // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 580—582; Р. Лорд утверждает, что бутафорским был только указ 16/27 мая (*Lord R.H.* Op. cit. P. 246—247, примеч. 1); теория о том, что оба указа были «ненастоящими», высказана польским историком С. Аскенази.

начать тайные переговоры с Пруссией в марте—апреле[60]. В донесениях дипломатов не раз упоминается, что Потемкин просил Екатерину прогнать Зубова, и это вызвало охлаждение между князем и императрицей. Но это охлаждение совершенно не отразилось на положении Потемкина как главного советника государыни, президента Военной коллегии, главнокомандующего на южном театре военных действий, уполномоченного на мирных переговорах. Императрицу и Потемкина связывали слишком прочные отношения, чтобы какой-нибудь Зубов мог их уничтожить — он мог лишь их чуть омрачить.

На самом деле весьма вероятно, что оба указа — от 16/27 мая и 18/29 июля — были составлены если не самим Потемкиным, то, во всяком случае, в результате совместного обсуждения с ним, и представляли собой ту польскую программу-минимум, на которой они с Екатериной сошлись во мнениях. Анализ этих документов показывает, что в них подытожена и заново подтверждена ранее согласованная политическая линия. Здесь, пожалуй, следует отметить, что Потемкин в целом не считал раздел Польши наилучшим решением польского вопроса, но по причинам исключительно личным[61]. Если он (что кажется более чем вероятным) строил планы собственного будущего на случай смерти Екатерины, то, судя по имеющимся свидетельствам, он намеревался уехать из России в Польшу. Там в качестве польского магната одного уровня с Потоцкими и Чарторыйскими князь мог рассчитывать на ведущую роль в военных и политических делах нереформированной Польши, причем географически его база размещалась на территориях с православным населением. Так что он не мог желать, чтобы его польские владения отошли по разделу к России и оказались под властью императора Павла Петровича. Но и в Польше, живущей по конституции 3 мая, его не ожидало ничего хорошего. Поэтому с точки зрения интере-

---

[60] В частности, Дж. Лойек опирается на донесения польского посла Деболи, который, по словам Безбородко, вел себя отвратительно и всячески чернил Россию вообще и князя в особенности (А. А. Безбородко — Г. А. Потемкину, 16/27 сентября 1791 г. // СбРИО. Т. XXVI. С. 308.). С другой стороны, Зубов определенно пытался подорвать влияние советников Екатерины, причем одним из главных пострадавших был сам Безбородко (А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 7/18 марта 1791 г. // Там же. С. 423).

[61] См.: *Helbig G. von.* Potemkin der Taurier // Minerva. 1797. Bd. III. S. 266, где сказано, что Потемкин не хотел ни раздела («Theilung»), ни уничтожения («Vernichtung») Польши.

сов Потемкина (да и Екатерины тоже, пока не был подписан мир с Турцией) прежде всего следовало восстановить бывшую польскую конституцию. Но если бы реформированная Польша все-таки вступила в войну против России на стороне Пруссии, тогда Потемкин возглавил бы восстание православных казаков против Польши и польских помещиков на Украине. И наконец (и лишь в том случае, если бы России не удалось добиться своих целей иными способами) пришлось бы создать марионеточную «польскую» конфедерацию и ввести войска в Польшу, а от Пруссии откупиться, что и означало бы раздел.

В указе 16/27 мая была намечена политическая линия, которую следовало проводить, пока еще не появилось полной уверенности в том, что Пруссия и Британия отступились от своих позиций. Июльский указ отличался большей ясностью и точностью, но конкретные шаги все еще зависели от подписания мира с Турцией. Несколько дней спустя после подписания второго рескрипта, 24 июля / 2 августа, Потемкин простился с императрицей, и больше они никогда не виделись.

А тем временем положение на южном фронте изменилось самым неожиданным образом. В конце марта 1791 г. генерал-фельдмаршал Репнин совершил молниеносный рейд через Дунай и 28 марта / 8 апреля ненадолго завладел крепостью Мачин, нанеся туркам тяжелые потери в живой силе. За столкновением 31 марта / 11 апреля под Браиловом последовало более серьезное сражение: 3/14 июня 12 тыс. русских солдат перешли Дунай и разгромили пятнадцатитысячное турецкое войско под Бадабагом. В Мачине еще оставалось около 30 тыс. турецких солдат, и, как говорили, приближалась восьмидесятитысячная армия великого визиря. Репнин решил снова нанести удар за Дунай прежде, чем обе турецкие армии успеют соединиться. 23 июня / 4 июля русские войска опять переправились через реку, и 29 июня / 10 июля в тяжелой битве при Мачине, в которой особенно отличился будущий фельдмаршал М. И. Кутузов, турки снова были разгромлены. Одновременно русские войска 22 июня / 3 июля взяли крепость Анапа на Кубани[62].

Серия поражений, нанесенных туркам, кульминацией которой стала вторая битва при Мачине, заставила отчаявшегося получить помощь от Пруссии султана возобновить мирные переговоры с Рос-

[62] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 196–223.

сией. На следующий день после битвы он послал к Н. В. Репнину парламентеров. Договоренность о предварительных условиях мирного договора была достигнута удивительно быстро и подписана 31 июля / 11 августа в Галаце. В этот же день российский Черноморский флот одержал крупную победу над турецким флотом к югу от мыса Калиакрия, в 25 милях к северо-востоку от Варны. Ни одна из сторон не потеряла ни одного корабля, но за русскими было стратегическое преимущество в сражении, гром канонады которого доносился до Стамбула[63].

Потемкин ехал очень быстро и прибыл в ставку командования русской армии в Яссах 1/12 августа 1791 г., на следующий день после подписания Репниным предварительных условий мира. Между двумя военачальниками тут же вспыхнула яростная ссора, о которой рассказывают по-разному. Согласно одной из версий, Потемкин разгневался на Репнина из-за его побед и отругал за то, что тот отнял лавры победителя у него, Потемкина, подписав документ, противоречивший интересам России. По второй версии выходит, что Потемкин рассердился за слишком поспешное подписание предварительного соглашения — ведь фельдмаршал Репнин прекрасно знал, что его главнокомандующий находится всего в одном дне пути от ставки. Возможно, в каждом из этих вариантов есть доля истины, но Потемкин, кроме того, разъярился, когда выяснилось, что хотя Репнин и добился удовлетворения всех очевидных требований России (возобновления Кючук-Кайнарджийского мирного договора и всех последующих соглашений, уступки земель между Бугом и Днестром, включая Очаков), он согласился на требование турецкой стороны не укреплять названные территории и пошел на восьмимесячное перемирие. Потемкин всегда возражал против перемирия, которое позволило бы туркам перевести дух и собраться с силами. Теперь они могли на много месяцев оттянуть заключение окончательного мирного договора, тем самым не давая России долгожданной свободы действий в Польше[64].

---

[63] *Anderson R. C.* Op. cit. P. 343—344; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, начало августа 1791 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 121—122.

[64] См.: *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 245, где приводятся воспоминания Ф. П. Лубяновского; *Брикнер А.* Потемкин. СПб., 1891. С. 209—210. См. также критику Безбородко в адрес условий мира, заключенного Репниным (Безбородко — Завадовскому, 12/23 ноября 1791 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 143 и далее).

Известие о предварительном мирном соглашении, полученное Екатериной 11/22 августа, принесло ей огромное облегчение после всех тревог последних четырех лет. Но она тоже сразу заметила унизительные статьи и немедленно отправила Потемкину приказ добиться пересмотра этих уступок, ссылаясь на то, что право строить крепости вдоль русской границы вошло в Кючук-Кайнарджийский мир[65].

За несколько дней до подписания перемирия в Галаце, 24 июля / 4 августа завершился Систовский конгресс. На нем был подписан окончательной мир между Австрией и Турцией. Австрия получила обратно почти все свои завоевания[66]. Затем турецкие полномочные послы переехали в Яссы, чтобы вести переговоры с Россией об окончательном примирении. Турки сломились под обрушившимися на них летом ударами русского оружия, а кроме того, призывы к миру раздавались уже из самого Стамбула, где от крупного пожара погибла значительная часть города. Наконец, турецкие послы боялись, что, когда австрийцы уйдут из Валахии после заключения Систовского мира, ее займут русские войска. Но турки все же были готовы торговаться так долго и упорно, как потребуется, и события играли им на руку. Не только русские участники переговоров, назначенные Потемкиным, но и сам князь заболели лихорадкой, которая свирепствовала в окрестностях Галаца и Ясс. Между приступами болезни Потемкин продолжал вести переговоры, требовал крупных репараций, передачи Анапы, даже независимости Молдавии, все время сознавая, что великий визирь с огромной армией стоит прямо напротив, на другом берегу Дуная. Ход его болезни, приступы и временные улучшения, прослеживается по письмам Екатерины, которые становились все тревожнее, и по дневнику ее секретаря, зафиксировавшего каждое неблагоприятное известие лаконичной надписью «слезы»[67].

К отчаянию своих приближенных, Потемкин отказывался принимать прописанный ему хинин и придерживаться диеты, назначенной докторами. Послали за племянницей князя, Александрой

---

[65] АГС. Т. I. С. 879—890, 11/22 августа 1791 г.; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 12/23 августа 1791 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 194—195; Приказ Потемкину, 12/23 августа 1791 г. // Там же. Т. XXIX. С. 122—123.

[66] Текст договора см.: The Consolidated Treaty Series. Vol. 51. P. 21 ff.

[67] См.: СбРИО. Т. XLII. С. 195—203. Письма Екатерины II, написанные между 28 августа / 8 сентября и 3/14 октября 1791 г, когда князя уже не было в живых. См. также: *Храповицкий А. В.* Указ. соч. 16/27 сентября, 3/14 октября, 11/22 октября.

Браницкой, в надежде, что та переубедит его и заставит лечиться. Потемкин, страдавший от удушливой жары, попросил перевезти его из Ясс в Николаев — город, основанный по его приказу в устье Буга. 5/16 октября он продиктовал свое последнее письмо к Екатерине: «Матушка, всемилостивейшая государыня, не могу больше терпеть эти мучения, одна надежда — уехать из этого города... Не знаю, что со мной будет. Твой вечно благодарный подданный», — и приписал своей рукой: «Одна у меня надежда, что останусь жив». Его положили в карету и увезли. С ним была его племянница, верный адъютант Василий Попов и доктора. Но верстах в сорока от Ясс князь попросил вынести его из экипажа и положить на землю, на свежем воздухе. Через некоторое время он поцеловал свою икону и скончался[68].

[68] См. подробный рассказ о смерти князя в письме Безбородко Завадовскому от 12/23 ноября 1791 г. (СбРИО. Т. XXIX. С. 143 и далее), также см.: *Брикнер А.* Указ. соч. С. 214—222. Болезнью князя была, вероятнее всего, малярия. Гробницу Потемкина в Яссах позже перенесли в придел церкви Св. Екатерины в Херсоне. В 1798 г. император Павел приказал засыпать ее землей и уничтожить все следы его существования. Памятник, воздвигнутый Екатериной II, также был разрушен (Там же. С. 228—229).

Глава 27

Второй раздел Польши

Смерть Потемкина открыла новую фазу в русской внешней политике и совпала с возникновением новых проблем. 9/20 июня французский король с королевой бежали из Парижа, но были с позором возвращены из Варенна. За их поимкой последовал Падуанский циркуляр, изданный императором Леопольдом II 25 июня / 6 июля 1791 г., с призывом ко всем европейским державам помочь в реставрации монархического правления во Франции. Но этот призыв был неискренним — ведь сам Леопольд вовсе не собирался пускаться в донкихотовские авантюры. Однако готовность Фридриха Вильгельма II участвовать в этом предприятии (небезвозмездно) была среди причин, заставивших его ратовать за сближение с Австрией, которое воплотилось в Венской конвенции 14/25 июля 1791 г., после которой ожидалось заключение официального договора. Пока же обе державы договорились также защищать «ту самую» свободную конституцию Польши и территориальную целостность республики и, совершенно ничего не зная о взглядах императрицы (выраженных в ее указах Потемкину), собрались пригласить ее примкнуть к их соглашению.

За Венской конвенцией последовало заключение Систовского мира между Австрией и Османской империей, а 31 июля / 11 августа закончилась Русско-турецкая война. На короткое время в Европе воцарился мир. Но уже 16/27 августа в Пильнице, в Саксонии, прозвучал первый «выстрел» в кампании против революционной Франции: Австрия и Пруссия открыто объявили о своем намерении помочь французской монархии (причем в таких сильных выражениях, что вызвали возмущение в Национальном собрании Франции), хотя втайне намеревались прилагать для этого как можно меньше усилий.

Что касается России, то Екатерина II не торопилась ввязываться в дело, пока не был подписан мир с турками. Зато она приветство-

вала Пильницкую декларацию и призывала германских принцев обращаться к ней как к гаранту конституции Священной Римской империи согласно Тешенскому миру 1779 г. Всю весну и лето 1791 г. Остерман не покладая рук подталкивал Англию, Пруссию, Испанию и Сардинию совершить поход на Французскую революцию. Самого большого успеха он добился у короля Швеции Густава III. 7/18 октября 1791 г. был подписан договор, включавший в себя секретную статью, по которой Россия взяла на себя обязанность поставить Густаву 8 тыс. солдат и несколько боевых кораблей или платить в течение восьми лет по 300 тыс. руб. ежегодно. Вторжение во Францию было намечено на весну 1792 г.[1].

И Екатерина II, и Леопольд хотели, подняв много шума по этому поводу, от вступления в боевые действия уклониться. Людовик XVI, 2/13 сентября 1791 г. формально признавший французскую конституцию, облегчил их задачу. Екатерина презрительно отозвалась об этом новом доказательстве монаршей слабости. «Итак, вот вам — сир Людовик XVI сопроводил-таки своей подписью эту нелепую конституцию», — написала она барону Гримму 25 сентября / 6 октября 1791 г. «Я в страшном гневе, я топала ногами, читая об этих... этих... ужасах», — и отказалась впредь принимать французского поверенного в делах[2].

Но хотя Екатерина заявила о своей солидарности со всеми коронованными особами, субсидировала короля Густава, обещала участвовать в любом совместном выступлении ради реставрации монархии во Франции и снабдила братьев короля 500 тыс. руб. через своего личного эмиссара, принца Нассау-Зигена, истинные ее взгляды гораздо яснее предстают в словах, сказанных в запальчивости статс-секретарю: «Je me casse la tête [я ломаю голову над тем. — *фр.*], чтобы подвигнуть венский и берлинский дворы в дела французские» — и добавила, что пруссаки готовы начать, но австрийцы их задерживают. «Il y a des raisons qu'on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires, pour avoir les coudées franches [Есть соображения, которых нельзя высказать; я хочу вовлечь их в эти дела, что-

---

[1] Consolidated Treaty Series. Vol. 51. P. 251 ff. См. также: *Brevern de la Gardie, comtesse.* Un ambassadeur de Suède à la Cour de Catherine II. Feld Marechal Comte de Stedingk. Stockholm, 1919. Vol. I: 1790—1793. P. 141 ff, 14/25 мая 1791 г.; *Алефиренко П. К.* Правительство Екатерины и французская буржуазная революция 1789 г. // ИЗ. [М.,] 1947. [Т.] 22. С. 206—251.

[2] СбРИО. Т. XXIII. С. 560; Т. XXIX. С. 547.

бы развязать себе руки. — *фр.*|; у меня много предприятий неконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали»[3].

Смерть Потемкина отразилась прежде всего на политике России в отношении Польши. Теперь не осталось никого, кто мог бы выступить в роли крупного польского магната или стремился бы сделаться королем. И тем более не было человека, способного играть харизматическую роль великого гетмана православного казачества. Отныне более приземленные и прагматичные умы проводили более приземленную и прагматичную политику.

Леопольд II упорно продолжал убеждать Екатерину признать польскую конституцию 3 мая 1791 г. В мае 1791 г. никакого официального ответа из России на обращения Кауница по этому поводу не последовало, и тогда канцлер возобновил свои попытки в ноябре. Он согласился с тем, что новую конституцию придется подправить, чтобы ограничить королевскую власть и сохранить независимость дворянства, причем заметил, что, если Польша не получит устойчивого правления, ею могут овладеть революционные идеи из Франции[4]. Но доводы Кауница не смягчили Екатерину, особенно потому, что император Леопольд, судя по всему, совершенно не рвался подавлять революционные идеи в самом их гнезде. 3/14 декабря королева Мария-Антуанетта секретным посланием сообщила Екатерине II, что короля силой принудили подписать конституцию. Она также торопила императрицу примкнуть к планам созыва вооруженной коалиции держав, который она уже успела тайно предложить Леопольду II и королям Швеции и Испании[5]. Но Екатерина успела извлечь свои собственные выводы из пассивной политики Леопольда в отношении Франции: она убедилась, что положение французского короля безнадежно и он с семейством уже не жилец на свете.

В начале января 1792 г. императрица получила радостное известие о подписании окончательного варианта мирного договора с Турцией. После смерти Потемкина Безбородко вызвался ехать в Яссы. Он добрался туда 4/15 ноября и привел переговоры к благополучному завершению 29 декабря 1791 г. / 9 января 1792 г. Турки без возражений признали русскую аннексию Крыма и отдали Рос-

---

[3] *Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб., 1874. С. 379—380, 386, 21 октября / 1 ноября 1791 г.

[4] См.: *Lord R. H.* The Second Partition of Poland. Cambridge (Mass.), 1915. P. 223—224; *Соловьев С.* История падения Польши. М., 1863 (здесь приведено более полное изложение инструкции Кауница Кобенцлю от 12/23 ноября 1791 г.).

[5] *Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 322 323.

сии полосу территории между Бугом и Днестром с крепостью Очаков[6]. Наконец-то Екатерина освободилась от турецкой угрозы, хотя ее радость была омрачена потерей человека, сумевшего хотя бы отчасти осуществить ее «греческую мечту». Но горе не могло отвлечь императрицу от преследования политических целей, и потому, стремясь обеспечить себе свободу маневра в отношении Польши, она продолжала втягивать Пруссию в антифранцузскую коалицию. Императрица пришла в крайнее раздражение, когда шведы пожаловались, что, так как их финансы истощены, Швеции не хватит русской помощи, обещанной по договору в октябре 1791 г., чтобы развернуть антиреволюционную кампанию[7]. Императрица оказывала давление на германских принцев Священной Римской империи, одновременно увещевая французских принцев-эмигрантов, чтобы они навели порядок у себя дома и научились действовать сообща. Кроме того, она поддерживала идею созыва конгресса принцев, чтобы выработать совместную программу реставрации французской монархии с оружием в руках или путем мирных переговоров с Национальным собранием, для чего умело распределила некоторые суммы[8]. Наконец, она неутомимо настаивала на том, чтобы сам Леопольд II внимательнее относился к интересам своей сестры, королевы Марии-Антуанетты, и последовательно выступал в защиту монархического принципа[9].

---

[6] Переписку Екатерины II с А. А. Безбородко см.: СбРИО. Т. XXIX. С. 131—208, 548 и далее. Текст договора см.: Consolidates Treaty Series... Vol. 51. P. 279 ff.

[7] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 298; ср.: *Brevern de la Gardie, comtesse.* Op. cit. Passim; Екатерина II — Фридриху Вильгельму II, 28 сентября / 9 октября 1791 г. // *Beer A.* Leopold II, Franz II and Catharina. Ihre Correspondenz, nebst eine Einleitung zur Geschichte der Politik Leopold's II. Leipzig, 1874. S. 157—158.

[8] Екатерина II — Н. П. Румянцеву во Франкфурт-на-Майне, 30 октября / 10 ноября 1791 г. // РС. 1892. № 10. С. 16 и далее. Румянцев был отправлен посланником к французским принцам в изгнании.

[9] См.: Екатерина II — А. А. Безбородко, конец ноября 1791 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 176 и далее. В письме Екатерина с убийственной иронией пишет про «флюгероподобного» Леопольда. К. Е. Джеджула, кажется, полагает, что это письмо адресовано самому Леопольду (*Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 306), в чем совершенно заблуждается. Его дальнейшее утверждение, основанное будто бы на архивных источниках, что на каждое требование Екатерины идти воевать против Французской революции Леопольд II отвечал требованием польских территорий, совершенно смехотворно. Судя по всему, этот автор незнаком с классическим трудом Лорда (см.: Там же. С. 306—307). Утверждая, что не может приступить к действиям, пока не уладятся польские дела, Леопольд II добивался не раздела Польши, а официального признания Россией польской конституции 3 мая.

Тем временем Леопольд старался привлечь Фридриха Вильгельма к совместным действиям против Франции на своих собственных условиях, однако был вынужден согласиться на прусский вариант статьи Венской конвенции, посвященной польской конституции: было решено защищать свободную польскую конституцию вообще, а не реально существующий документ, и тем самым исключались какие-либо конкретные гарантии майской конституции 1791 г. Со времен неудачи Тройственного альянса Фридрих Вильгельм не видел причин поддерживать новую Польшу. То, чего он не сумел получить от поляков, он мог теперь получить, договорившись с двумя императорскими дворами. На этих условиях и был 27 января / 7 февраля 1792 г. заключен австро-прусский договор, основанный на Венской конвенции. Он был составлен по образцу Версальского договора 1756 г.

А. А. Безбородко, сидя в Яссах, продолжал поддерживать кипение в польском котле вместе с руководителями оппозиции — Феликсом Потоцким и Северином Ржевуским, отказавшимися присягать конституции 3 мая, и Ксаверием Браницким, который присягнул, но был готов нарушить клятву. Смерть Потемкина застигла их врасплох. Но Безбородко продолжил обсуждать с ними планы, намеченные в указе Екатерины II Потемкину от 18/29 июля, а поляки, в свою очередь, излагали собственные взгляды на конфедерацию, на будущую форму правления в Польше (конституцию 1773 г. или «Соединенные провинции Польши») и на русские гарантии целостности их страны[10].

Однако теперь, когда не стало хозяйской руки Потемкина, в Санкт-Петербурге начались серьезные расхождения во взглядах на намеченные политические шаги. Потемкин хотел получить королевство или громадные владения в полную власть, и для него раздел Польши был целью, а не средством. Другие, как П. А. Зубов и его наставник во внешнеполитических вопросах, граф А. И. Морков, член Коллегии иностранных дел, выступали за прямую аннек-

---

[10] А. А. Безбородко — Екатерине II, 5/16 ноября 1791 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 136. Ср.: Екатерина II — А. А. Безбородко, 19/30 ноября // Там же. С. 149—150; А. А. Безбородко — Екатерине II, 21 ноября / 2 декабря 1791 г. // Там же. С. 168—169. Доклад Безбородко подтверждает, что этот указ действительно предназначался к исполнению и не являлся «фиктивным» (*Lojek J.* Catherine II's Armed Intervention in Poland: Origins of Political decisions at the Russian Court in 1791 and 1792 // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 580; *Lord R. H.* Op. cit. P. 250—251).

сию польских владений на Украине. В любом случае необходимо было вторжение в Польшу, чтобы восстановить прежнюю конституцию. Что касается императрицы, то ее точка зрения была изложена в записке, направленной в Коллегию иностранных дел в декабре 1791 г. В записке Екатерина прямо заявила, что никогда не согласится с новыми порядками, установленными в Польше в нарушение договора, без ее разрешения, при многочисленных оскорблениях в адрес России. «Мы можем сделать все, что нам угодно в Польше, — добавила она, — потому что противоречивые полуволи дворов Венского и Берлинского противопоставят нам только кипу писаной бумаги и мы покончим наши дела сами». Когда Морков предупреждал ее, что надо заранее создавать в Польше прорусскую партию и известить другие дворы о своих намерениях, Екатерина ответила: «А я говорю, чтоб дворам не сказывать ни слова, а партия сыщется всегда, когда нужно будет. Нельзя, чтоб не было людей, кои бы лучше желали старину; тут же дело идет о продаже староств и о уничтожении гетманов. Взять, кажется, тут Волынию и Подолию много разных предлогов, лишь выбрать»[11].

Политика России в Польше стала теперь объектом фракционной борьбы при дворе. Зубов и Морков рассчитывали провести ее по своему произволу и ведали боевыми приготовлениями. Но Екатерина по-прежнему опиралась на Безбородко, доверялась его мнению и сама написала ему, торопя с возвращением из Ясс в начале февраля 1792 г. Безбородко же еще 25 января / 5 февраля 1792 г. предупреждал о том, что Пруссия может воспринять ввод русских войск в Польшу как casus foederis прусско-польского договора и объявить войну обессиленной России, которая не сможет рассчитывать на австрийскую помощь. Он особо отметил, что намерения Пруссии следует прояснить заранее: лучше всего было бы заключить с ней сепаратный союз, в котором стороны взаимно гарантировали бы существующие владения друг друга (т.е. никаких новых территориальных приобретений). Если бы удалось убедить пруссаков в том, что целью русского завоевания Польши является лишь восстановление конституции, то они лишились бы всякого предлога требовать Данциг и Торунь. Они должны понимать, что теперь, когда

---

[11] Екатерина II — А. А. Безбородко, цит. по: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 258—259; также: СбРИО. Т. XXIX. С. 175 и далее. Письмо не датировано, но восходит к концу ноября 1791 г.

у России развязаны руки, Пруссия ничего не сможет приобрести иначе, как путем договора трех держав о разделе с равными выгодами для всех трех[12].

Возможно, под влиянием призывов Безбородко Екатерина II взялась уговаривать обе германские державы одобрить ее политику. 17/28 февраля 1792 г. наконец-то с большим опозданием был дан ответ Кауницу на его первый официальный запрос по поводу польской конституции, сделанный еще в мае 1791 г. Екатерина заявила, что никогда не согласится стерпеть нарушение Польшей договора с Россией и намерена ниспровергнуть конституцию 3 мая. Она надеется, говорилось в письме, что Пруссия и Австрия присоединятся к ней и тоже выступят с резкими заявлениями в адрес Варшавы, чтобы принудить поляков подчиниться. На возражения Австрии императрица отвечала, что австрийцы и сами связаны договором, обязывающим их защищать старую польскую конституцию, а Пруссия непременно, вслед за Россией, потребует ее восстановления. Предположения австрийцев, что интервенция неизбежно приведет к новому разделу, Екатерина решительно отвергла: Россия ни в коем случае не согласится на раздел. Все послание было выдержано в неприятном менторском тоне с оттенком иронии, к которому Екатерина привыкла прибегать в международных сношениях, особенно когда речь шла о Польше[13].

Любезность Пруссии была неудивительна: в конце января до сведения прусского посла дошло содержание записки императрицы к Платону Зубову. В ней говорилось, что Екатерина собирается направить в Польшу войска, возвращающиеся из Молдавии через Украину, а если Австрия и Пруссия станут против этого возражать, то она предложит им или компенсацию, или раздел[14].

Именно теперь, когда всего нужнее было смягчающее влияние австрийского императора, 19 февраля / 1 марта Леопольд II внезапно умер, оставив трон сыну, неопытному и слабому двадцатичеты-

---

[12] А. А. Безбородко — Екатерине II, 25 января / 5 февраля 1792 г. // *Lord R. H.* Op. cit. Appendix 10. P. 528—530.

[13] Ibid. P. 253—254.

[14] Ibid. P. 237. Историки расходятся во мнении о том, преднамеренно ли прусского посла ознакомили с этой запиской в рамках зубовского плана (см.: *Lojek J.* Op. cit. P. 585—586, примеч. 13), или она просто дошла до его ушей в результате обыкновенной утечки информации (что кажется более убедительным: *Lord R. H.* Op. cit. Appendix VIII. P. 525—527).

рехлетнему Францу II. Еще большее потрясение Екатерина испытала, когда 5/16 марта на балу-маскараде в Стокгольмской опере подосланный убийца смертельно ранил короля Густава III и тот скончался от полученных ран 29 марта / 9 апреля. Тем временем из Ясс в Санкт-Петербург приехали Феликс Потоцкий, Северин Ржевуский и Ксаверий Браницкий. Их хорошо приняли в кружке приближенных императрицы, в котором завершалась разработка планов новой конфедерации. Схему управления Польшей разработала сама императрица, восстановив в ней многие черты старой конституции, но ее не провозгласили официальной политической линией новой конфедерации. Сам Акт о конфедерации, основанный на исходном плане Потемкина, был подписан 27 апреля / 8 мая в Санкт-Петербурге. В нем варшавские «узурпаторы» обвинялись в ниспровержении конституции. Кроме того, в документе содержался зловещий намек на «заразу демократических идей» и «отмену свободы и равенства» — надо понимать, речь шла о правах дворянства. Сверх того конфедераты обнародовали просьбу о помощи к Екатерине, «богине-хранительнице» Польши, и о гарантии целостности польских территорий. Русские вооруженные силы были реорганизованы и сведены в четыре армии; приготовления к вторжению в Польшу, разработанные в основном Платоном Зубовым и графом Морковым, шли полным ходом, когда 10/21 марта Безбородко наконец вернулся из Ясс в столицу. Несмотря на то что его влияние стараниями Зубова было основательно подорвано, Екатерина все же не хотела действовать, не посоветовавшись с Безбородко, и он уговорил ее вынести политику в отношении Польши на рассмотрение Совета.

29 марта / 9 апреля 1792 г., впервые за много месяцев, в Совете при Высочайшем дворе говорили о Польше. Присутствующим под строгим секретом были представлены проекты манифестов к полякам и приказов по армии. (Зубов в Совет не входил.) Совет, очевидно под влиянием Безбородко, решил, что завоевание Польши без предварительного умиротворения двух германских дворов, в особенности прусского, — опасная затея. Могли вступить в действие условия прусско-польского союза, а потому важно было заранее предупредить Берлин о том, что Россия намерена только восстановить в Польше прежнюю конституцию. Было бы также полезно дать понять пруссакам, что Россия желает прийти к более тесным отно-

шениям с Пруссией, — намек на то, что их интересы будут учтены в свое время[15].

Согласно рекомендациям Совета, план создания конфедерации и вторжения в Польшу был сообщен в Берлин и в Вену 10/21 апреля. О вторжении уже открыто говорили в российской столице. Хотя Безбородко все еще утверждал, что Екатерина не желает раздела, сам он допускал возможность соглашения о разделе с Пруссией, а Зубов и другие русские, жаждавшие получить земли в Польше[16], настаивали на решительных мерах[17].

7/18 мая русские войска перешли польскую границу и одновременно русский посол в Польше Я. И. Булгаков вручил польскому правительству декларацию императрицы, представив ее как ответ на коммюнике польской стороны о принятии майской конституции 1791 г., сообщенное России лишь в декабре. Теперь революционная Франция играла на руку Екатерине: 9/20 апреля французы объявили войну Австрии. Известие об этом пришло в Россию 28 апреля / 9 мая, когда русские войска уже выступили в поход. Теперь Екатерина могла быть уверена, что ни Австрия, ни Пруссия не вмешаются в русское завоевание Польши. Поляки, следовавшие с русскими войсками, поспешили провозгласить Акт о конфедерации в Тарговице, сразу за польской границей, датировав его 3/14 мая 1792 г. (т.е. еще до русского вторжения). Русские войска почти без сопротивления заняли западные и южные пограничные польские районы и Литву[18].

---

[15] АГС. Т. I. С. 906—908, 29 марта / 9 апреля 1792 г. См. также: А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 15/26 мая 1792 г. // АКВ. Т. XIII. С. 225 и далее. Дж. Лойек утверждает, что первый комплект протоколов этого заседания был изъят по настоянию Екатерины, потому что они содержали возражения против ее политики, но не приводит доказательств своего утверждения (*Lojek J.* Op. cit. P. 585—586 и примеч. 31). Существующие протоколы ясно показывают, что члены Совета не намеревались лишь вводить войска в Польшу без договоренности с Пруссией, но не отказывались полностью рассматривать вопросы о вводе войск и разделе Польши. См. также: *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 394, 3/14 апреля 1792 г. (здесь отмечено, что государыня была недовольна рекомендациями Совета).

[16] Об острой нехватке земель для раздачи в награду в 90-х гг. XVIII см. мою статью: *Madariaga I. de.* Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // SEER. 1974. Vol. LII. № 126. P. 34—62.

[17] Штединк — Густаву IV, 18—19/29—30 апреля 1792 г. // *Brevern de la Gardie, comtesse.* Op. cit. P. 265, 268.

[18] Тексты инструкций генералам Каховскому и Кречетникову, русского манифеста и Акта Тарговицкой конфедерации см.: СбРИО. Т. XLVII: Дела Польши. С. 241 и далее, с. 293 и далее, с. 310 и далее.

Пока король Станислав Август клялся защищать конституцию, а его племянник Юзеф начал организовывать оборону Польши, Игнатий Потоцкий отправился в Берлин, чтобы привести в действие casus foederis польско-прусского договора. Но Фридрих Вильгельм решительно отказал ему на том основании, что конституция 3 мая изменила положение вещей и аннулировала обязательства Пруссии перед Речью Посполитой. В пределах своих скромных возможностей (около 45 тыс. пригодных к строевой службе против русской стотысячной армии) поляки сумели оказать некоторое вооруженное сопротивление, в частности 7/18 июля под Дубенкой, где будущий герой Т. Костюшко с 6 тыс. солдат сразился с девятнадцатитысячным русским отрядом. Но русские организовывали все новые конфедерации и собирали подписи среди магнатов и дворянства, что создавало известное подобие поддержки русской интервенции со стороны польского общества[19].

11/22 мая сейм провозгласил короля Станислава Августа «диктатором» и объявил о численном увеличении армии, после чего самораспустился. Таким образом, с этого времени политикой Польши руководил Станислав Август. Тем временем русские войска вступили в Вильно, где 14/25 июня была торжественно провозглашена Литовская генеральная конфедерация под покровительством России. Куда бы ни приходили русские войска, конфедераты сразу же объявляли недействительными все законы, введенные конституцией 3 мая, и пытались, насколько позволяло военное время, восстановить в какой-то форме «республиканское» правление и социальную структуру[20]. Воля к победе среди польских патриотов была подорвана полным отсутствием союзников и отступничеством короля, который уже делал попытки договориться с Екатериной II. По его наущению 11/22 июня Юзеф Понятовский, командующий польскими силами под Острогом, попросил у русских перемирия на четыре недели[21]. 21 июня / 2 июля Екатерина велела решительно отказать в просьбе, а полякам предложить разойтись по домам или подчиниться законной власти Тарговицкой конфедерации[22].

---

[19] Екатерина наняла некоего барона де Бюлера заняться «политической» работой, которую не могли выполнить сами ее военачальники. Инструкции Бюлеру см.: СбРИО. Т. XLVII. С. 293 и далее. 19/30 апреля 1792 г. Бюлер должен был следить за деятельностью конфедератов.

[20] Донесение о провозглашении Литовской генеральной конфедерации: СбРИО. Т. XLVII. С. 396.

[21] Там же. С. 391—392.

[22] Екатерина II — генералу М. В. Каховскому, 21 июня / 2 июля 1792 г. // Там же. С. 400.

Станислав Август снова попытался задобрить Екатерину, предложив польский престол ее внуку Константину с заключением вечной династической унии. Это предложение обсудили на заседании Совета 21 июня / 2 июля и отвергли, сочтя его хитростью, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и возбудить подозрения в Вене и в Берлине. Станиславу Августу было сказано прогнать советников, которые сбили Польшу с пути истинного, и примкнуть к Тарговицкой конфедерации[23]. Польский король, покинутый Пруссией, представил требование России на рассмотрение Совета министров, собравшегося на чрезвычайное заседание 12/23 июля. Перед лицом столь тяжких испытаний семеро проголосовали за и пятеро — против[24]. 13/24 июля король примкнул к конфедерации и приказал своим войскам прекратить всякое сопротивление России. Многие из тех, кто имел отношение к конституции 3 мая, избрали тернистый путь изгнания, в том числе Юзеф Понятовский и Костюшко. Власть перешла к Тарговицкой конфедерации.

Вспыхнувшая война с Францией и взаимная подозрительность помешали Пруссии и Австрии предпринять какие-либо шаги, когда Екатерина поставила их перед свершившимся фактом. Россия оккупировала Польшу, в то время как обе германские державы вели с императрицей переговоры о союзе. Она отказалась присоединиться к австро-прусскому договору от 27 января / 7 февраля 1792 г., но была готова заключить двухсторонний договор с Пруссией. Одновременно, чтобы не поссориться с Австрией, Екатерина предложила возобновить австро-русский договор 1781 г. Его заключили 3/14 июля 1792 г. Как и в 1781 г., этот договор гарантировал неизменность конституции и границ Польши. Русско-прусский договор был подписан 27 июля / 7 августа и также предусматривал восстановление прежней польской конституции[25].

Несмотря на то что польские дела поглощали Екатерину, она не забывала и о Франции. Ближайшей ее союзницей здесь выступала Швеция. Но молодой король Густав IV, правивший при регентстве своего дядюшки герцога Зюдерманландского, отступился от отцовской политики в тот самый момент, когда Франция объявила войну. С самого начала боевых действий Австрия и Пруссия требовали участия в боевых действиях крупных русских сил. Екатерина отве-

---

[23] АГС. Т. I. С. 922—927; *Lord R. H.* Op. cit. P. 292—294.

[24] *Lojek J.* Upadek Konstytucji 3 Maja. Wrocław, 1976. P. 240.

[25] Тексты этих договоров см.: Consolidated Treaty Series... Vol. 51. P. 359 ff, 399 ff.

чала, что ее войска заняты подавлением якобинства возле своих границ, но летом 1792 г. согласилась наконец выделить союзникам субсидию в 500 тыс. руб. — сумму, которую обе германские державы сочли совершенно недостаточной[26]. Тем временем между Россией, Пруссией и Австрией велись непростые переговоры — решался трудный вопрос о «возмещении» для всех сторон, сражающихся против революционной Франции. Первая стадия переговоров включала в себя соглашение между Пруссией и Австрией, и к июню новый правитель Австрии, Франц II, согласился на то, чтобы Пруссия искала возмещения в Польше, а Австрия постаралась заполучить Баварию в обмен на Австрийские Нидерланды — это был полный отход от политики Леопольда II. Более того, Австрия, казалось, считала, что России никакие компенсации не положены, а можно простить ей невыполненное обещание вступить в войну с Францией и тем ограничиться[27]. Екатерина же намекнула, что о компенсации Пруссии за счет Польши можно было бы вести разговор, если бы Пруссия все силы бросила на войну с Францией и благосклонно восприняла план размена Баварии. Но летом проявилась ненадежность австро-прусского союза, когда Австрия начала требовать себе немедленной компенсации (как у Пруссии), вместо того чтобы смиренно дожидаться всеобщего переустройства Европы после окончательной победы над Францией, в том числе и размена Баварии. Но тут военные события вывели политиков на чистую воду. 10 августа 1792 г. Париж, в ответ на манифесты принцев в эмиграции, упразднил французскую монархию. Вскоре после этого прусские войска вступили во Францию и заняли Верден. Следствием этого стало сентябрьское кровопролитие в Париже и заключение королевской семьи в Тампль. 9/20 сентября произошла битва при Вальми, пруссаки отступили к Рейну, и вторжение союзников окончилось. Французы быстро продвигались вперед и заняли Шпейер, Майнц, Франкфурт. В ноябре они уже были в Австрийских Нидерландах. В итоге надежды Австрии на компенсацию за счет Франции или размена Баварии пошли прахом, а ее зависимость от прусских войск в дальнейшей войне с Францией возросла. Пруссия смогла с удовольствием заявить, что как всего лишь вспомогательная участница в

---

[26] *Алефиренко П. К.* Указ. соч. С. 220. Договором с Австрией Екатерина II обязывалась поставить 12 тыс. солдат или 400 тыс. руб., но она повысила эту сумму до 500 тыс. См.: АГС. Т. I. С. 931—935, 12/23 июля 1792 г.

[27] *Lord R. H.* Op. cit. P. 319—320.

войне против Франции она должна получить сначала возмещение (в Польше) за свои былые старания, а уж потом вступить во вторую кампанию.

Тем временем Россия столкнулась с трудностями в Польше, так как выяснилось, что невозможно просто возродить старую конституцию во всей красе. Временное правительство конфедератов раздирала борьба между группировками, все силы у них уходили на сведение старых счетов. Постыдный провал австро-прусского похода на революционную Францию привел Екатерину в ноябре 1792 г. к заключению, что ни одна из этих держав вообще не заслуживает никакой компенсации[28]. Но при русском дворе все громче требовали раздела Польши, и даже А. А. Безбородко и А. Р. Воронцов, опасавшиеся усиления Пруссии, все же, в сущности, были сторонниками присоединения к России польских земель. Кроме того, Екатерина могла опасаться, как бы Фридрих Вильгельм не взялся за дело один, если она не станет с ним сотрудничать[29]. Руководители конфедератов, в свою очередь, играли ей на руку, обвиняя всех своих противников, даже самых умеренных, в якобинстве и проявляя явную неспособность не только взять в руки власть в стране, но хотя бы найти там опору. Победы французских армий поощряли немногочисленных настоящих якобинцев в Польше к провокационным выходкам. Некоторые горячие головы, не обремененные познаниями в географии, воображали, будто французы уже в нескольких милях от польской границы[30].

В начале декабря 1792 г. Екатерина решила, что раздел — единственное решение проблемы. Она не стала советоваться с австрийцами, чтобы не дать им возможности потребовать свою долю и возразить против намерений России аннексировать большие территории. Не заключила она и договора с Пруссией. 5/16 декабря императрица без дальнейших формальностей предоставила пруссакам полную свободу оккупировать те территории, которые они рассчитывали заполучить. 5/16 января Фридрих Вильгельм объявил полякам, что собирается направить в Польшу войска — защищать Прус-

---

[28] *Lord R. H.* Op. cit. P. 551, 29 октября / 8 ноября 1792 г.

[29] А. А. Безбородко — Н. П. Румянцеву, 27 января 1793 г. // АКВ. Т. XIII. С. 268. См. также: Екатерина II — Я. Е. Сиверсу, 22 декабря 1792 г. / 2 января 1793 г. // *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений: Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1871. С. 430—431.

[30] Булгаков — Остерману, 30 октября / 10 ноября 1792 г. // *Соловьев С.* Указ. соч. С. 297.

сию от заразы свирепствующего там якобинства, а 12/23 января 1793 г. между Россией и Пруссией был подписан договор о втором разделе Польши — Санкт-Петербургская конвенция[31].

Хотя Екатерина II — возможно, под влиянием знакомства с русской историей — не была чужда высказываний о возвращении России земель, «единоплеменниками ее населенных и созданных и единую веру с нами исповедующих», присоединение польских земель оправдывали в основном политической угрозой соседним государствам, исходящей от агрессивного революционного французского духа. Вследствие этого договор также обязывал участников, хотя и в очень неравной степени, к продолжению войны против Франции. Если Фридрих Вильгельм, казалось, был связан неким неопределенным обязательством, то Екатерина взялась действовать согласно существующим договорам и навести порядок в Польше. Зато вознаграждения составляли обратную пропорцию к участию, во всяком случае если говорить о размерах присоединенных территорий. Россия получила 250 200 кв. км с более чем трехмиллионным населением. Пруссии достались вожделенные Данциг и Торунь и миллион жителей, а Австрии — лишь уверения в том, что Пруссия продолжит воевать с Францией и вместе с Россией поддержит план размена Нидерландов на Баварию.

И Россия и Пруссия открыто заявили, что их политика направлена на искоренение якобинства в Польше. А так как польская конституция 3 мая едва ли заслуживала наименования якобинской, то эти высказывания всегда рассматривались как чисто демагогические. Но при этом недооценивали характер и объем информации, доступной в то время Екатерине и ее советникам, как и нарастающий накал идеологической борьбы, с обменом лозунгами и колкостями. Императрица с растущим страхом смотрела на события во Франции, особенно после бегства короля в Варенн. Полный развал общественного устройства старого режима, изгнание эмигрантов, сентябрьские казни, упразднение монархии нанесли слишком много сокрушительных ударов традиционному социальному порядку и форме правления. Дело было не в том, что Екатерина II в 90-е гг.

---

[31] Текст русского манифеста 27 марта / 7 апреля 1793 г. см.: *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 447—448. В нем Екатерина оправдывает аннексию необходимостью защитить народы, некогда входившие в состав России, единоверцев-православных, от безбожного польского якобинства. Текст договора см.: Consolidated Treaty Series... Vol. 51. P. 449 ff.

стала «реакционной», а в том, что Франция стала революционной. Как в дни Пугачевского бунта, когда русскую знать гораздо сильнее затрагивали вести о том, что восставшие крестьяне насилуют дворянок и вспарывают им животы, чем о порках и пытках крепостных девок их благородными владельцами, так и теперь Екатерину гораздо сильнее, чем все остальное, задевали посягательства на ее коронованных собратьев. Убийство короля Густава III свидетельствовало о нездоровой политической атмосфере, после него началось срочное полицейское расследование слухов о том, что некий француз будто бы едет в Санкт-Петербург, чтобы убить Екатерину. Она писала Гримму в мае 1792 г., что варшавская «компания якобинцев» состоит в переписке с клубом своих единомышленников в Париже. Так должна ли она, вопрошала императрица, бросить своих друзей в Польше, чтобы сражаться с якобинством во Франции? Нет, она предпочитает бороться с ним в Польше[32]. Узнав о казни Людовика XVI, Екатерина расхворалась и слегла в постель[33].

Остается еще один вопрос. Был ли второй раздел Польши продолжением политики, которую Екатерина систематически проводила начиная с 1788 г.? Был ли он заложен уже в первом разделе? Многое свидетельствует в пользу предположения, что в начале второй войны с Турцией, в 1787—1788 гг., такого плана не существовало. Россия, скорее, стремилась вступить с Польшей в союз, причем на весьма неравноправных условиях. С тех пор как в октябре 1788 г. Польша избрала антироссийскую ориентацию на Пруссию, ее завоевание стало, несомненно, одним из многих вариантов политики, которые рассматривала Екатерина, а особенно Потемкин. С провозглашением майской конституции 1791 г. в России открыто заговорили о разделе как о способе вновь пробудить в Речи Посполитой чувство долга перед партнерами по договору. Но прежде всего российская политика была нацелена на восстановление дореформенной конституции Польши. Пока Тройственный союз ее шантажировал, Екатерине и в голову не приходило позволить Пруссии завладеть польскими землями. Если бы в 1792 г. не началась война с Францией, ей, возможно, все-таки пришлось бы после русского вторжения в Польшу в мае поделиться добычей с Пруссией. Но раз уж эта война вспыхнула, то «якобинской» Польше почти

---

[32] См.: Екатерина II — Гримму, 3/14 апреля 1792 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 565; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 395, 8/19 апреля 1792 г.

[33] Там же. С. 420, 2/13 февраля 1793 г.

неизбежно предстояло расплатиться за продолжение войны против якобинской Франции.

Был ли договор о разделе Польши победой или поражением внешней политики России? На этот вопрос нет простого ответа. Можно ли точно измерить, что было выгоднее — управлять неразделенной Польшей косвенно или приобрести в собственность обширные и богатые земли с редким населением, которое в большинстве своем легко поддавалось ассимиляции? В ближайшей перспективе все преимущества были на стороне аннексии, пусть даже ценой усиления Пруссии. Поэтому расхождения при русском дворе возникали скорее по поводу образа действий, чем по поводу самого раздела. И лишь один критический голос прозвучал в русских придворных кругах: в течение всего 1792 г. Семен Воронцов предупреждал из Лондона, что русская оккупация Польши в мае непременно приведет к разделу, который он позже назвал «предприятием непростительного вероломства» и вечным позором для России[34].

На роль проводника своей политики в Польше Екатерина II призвала из Лифляндии полуопального Я. Е. Сиверса, который служил ей правой рукой в 60-е гг. при проведении реформ местного управления, но впал в немилость из-за того, что защищал лифляндские привилегии и вольности. Сиверс был старым другом Станислава Августа, они встречались еще в Англии в 50-е гг. Однако, подобно своим предшественникам, в Варшаве он держался повелителем и, по сути дела, чувствовал себя представителем высшей власти, стоящим над конфедерацией и над королем.

Несмотря на то что слухи об угрозе с Запада ходили с ноября 1792 г., руководителей конфедерации как громом поразило известие о прусском вторжении, и 11/22 февраля 1793 г. они призвали население к оружию — но только против пруссаков. Наконец-то осознав неизбежность гибели Польши, С. Ржевуский направил Екатерине письмо, в котором протестовал против раздела и указывал на невыносимое положение верхушки конфедерации. Екатерина насмешливо заметила своему секретарю, что конфедераты — виновники собственных несчастий: «Я думала войти в Польшу к готовой конфедерации, но вместо того войска мои дошли до Варшавы, и конфедерацию открыли за спиной армии. Они сами не сдержали сло-

---

[34] С. Р. Воронцов — А. Р. Воронцову, 26 мая / 6 июня 1792 г. // АКВ. Т. IX. С 239; 26 апреля / 7 мая 1792 г. // Там же. С. 302.

ва, и теперь беру Украйну взамен моих убытков и потери людей»[35]. В Польше Сиверс поспешил добиться отмены приказа о всеобщем вооружении против Пруссии. Но главы конфедератов по-прежнему требовали от Екатерины обещания хранить неделимость Польши.

Однако все было напрасно. Сиверс принялся уговаривать Станислава Августа переехать в Гродно, центр конфедерации. Король сопротивлялся, подозревая, что это станет его окончательным позором и унижением. Но его душили долги, составлявшие 34 млн польских флоринов, которые Екатерина могла заплатить лишь при условии его покорности, и король неспособен был выстоять против психологического давления Сиверса, который то пугал его, то умасливал[36]. В начале апреля Сиверс приехал в Гродно, а 27 марта / 7 апреля были опубликованы русский и прусский манифесты о разделе Польши[37]. Оставалось добиться, чтобы поляки смирились со своей участью.

Екатерина избрала для этого меры утонченной жестокости. Станиславу Августу следовало созвать сейм в Гродно, подальше от «якобинской» Варшавы. В тот момент, когда Польше грозил экономический крах, Сиверсу нужно было лишь задержать плату за продовольствие и фураж, взятые русской армией, или пригрозить секвестром имений, чтобы получить согласие на все, чего он пожелает. 3 мая 1793 г., во вторую годовщину майской конституции, король подписал воззвание о выборах нового сейма. Принуждением и подкупом Сиверс обеспечил избрание более-менее надежных депутатов. Прибыв в Гродно, они были удостоены пышного приема у русского посла и получили свою плату. Но у Сиверса не было гарантий, что они исполнят то, за что им заплатили. Возложенные на него задачи Екатерина сформулировала в двух рескриптах, представляющих собой шедевры цинизма. Сиверс должен был добиться от сейма избрания делегации для обсуждения русско-польского и прусско-польского договоров о передаче земель, причем эти договоры должны были оставаться совершено независимыми друг от друга. И лишь покончив с этим, он мог заняться будущей конституцией Польши — делом, от которого Пруссию следовало полностью от-

---

[35] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 422, 24 февраля 1793 г.

[36] См.: *Blum K. L.* Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. S. 486; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 438—443.

[37] Там же. С. 447—452.

странить. Наконец, в следующем рескрипте Екатерина коснулась вопроса о том, что Австрия, увидев, как размен Баварии растаял в воздухе без следа, потребовала какой-нибудь компенсации в другом месте, предпочтительно в Польше, где ей подошел бы Краков. Но императрица не считала разумным дальнейшее сокращение пределов Польши и потому предложила, вместо того чтобы дать долю австрийцам, уговорить Пруссию вернуть обратно часть своих приобретений, чтобы отодвинуть ее подальше от австрийской границы. Поэтому Сиверсу следовало потихоньку внушать полякам, чтобы те не уступали пруссакам Ченстохову, при этом открыто выступая примирителем обеих сторон[38].

Запутанность польской конституции позволила депутатам сейма и конфедератам погрузиться в затяжные маневры и интриги. Станислав Август попытался восстановить свое доброе имя, публично заявив, что никогда не подпишет договор о передаче польских земель. В ответ Сиверс распорядился о секвестре королевских доходов. Наконец под русским давлением сейм был вынужден 1/12 июля назначить делегацию на переговоры с послами России и Пруссии. Через четыре дня делегаты доложили сейму условия русско-польского договора о разделе. После бурных дебатов даже самые горячие польские патриоты были вынуждены склониться перед непреодолимой силой и при двадцати голосах «против» утвердили договор, который был подписан 22 июля / 2 августа[39].

В мае 1793 г. Екатерина размышляла над полным присоединением к России оставшейся части Польши. В этом ее поддерживали донесения Сиверса (в которых он выдавал желаемое за действительное), внушавшие ей, что «некоторые благоразумные поляки после раздела Польши, ожидая, что за этим со временем последует новый раздел и совершенное уничтожение польского имени, нашли, что лучше всего им отдаться под какое-нибудь сильное государство и желали присоединиться к России»[40].

Сам Сиверс советовал присоединить к России все жалкие остатки польской территории, но императрица ясно понимала, что такого беззастенчивого захвата не потерпит Пруссия. Впрочем, к той же

---

[38] Два указа (от 26 мая / 6 июня и от 23 июня / 4 июля 1793 г.) опубликованы в работе: *Lord R. H.* Op. cit. Appendix XVIII. P. 552 ff.

[39] См.: *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 476, 486.

[40] Указ Екатерины II от 26 мая / 6 июня // *Lord R. H.* Op. cit. Appendix XVIII. P. 552 ff.

цели можно было прийти, договорившись о союзе, таком тесном, что, хотя ни одна из сторон не будет подчинена другой, Россия и Польша соединятся неразрывно. Однако никаких упоминаний об этом задуманном союзе не прозвучало в договоре о разделе, и в статье 5 поляков заверили, что Россия не станет противиться переменам старой формы правления, вводимым сеймом, и готова выступать гарантом польской конституции[41].

Теперь задачей Сиверса было уговорить поляков вступить в переговоры с Пруссией, скрывая при этом от Пруссии желание России отнять у нее некоторые приобретения и вернуть их Польше. После еще более бурных всплесков польских патриотических чувств в конце июля все-таки начались переговоры пруссаков с польской делегацией, продлившиеся три недели, причем Сиверс играл роль свахи. 15/26 августа депутаты представили договор на рассмотрение сейма, который встретил его еще более резкими выходками, чем договор с Россией. Тогда Сиверс перешел к силовым действиям. Под видом предотвращения заговора против короля, маршала сейма и сенаторов он окружил здание сейма войсками и впустил в палату заседаний русских офицеров. Депутатам объявили, что никого не выпустят из зала до тех пор, пока договор не будет утвержден. Заседание затянулось далеко за полночь, и наконец депутаты одобрили договор с пятью условиями. Одно из них — о том, что русская императрица должна выступать гарантом этого договора, и в частности торгового польско-прусского соглашения, которое еще предстояло заключить, — нарочно поставили первым как крайне оскорбительное для Пруссии[42].

Известие об этом очередном польском предательстве возмутило Фридриха Вильгельма II и его советников. Те рекомендовали королю пригрозить, что Пруссия немедленно выйдет из войны с Францией, прервет переговоры с Австрией по вопросу об австрийской «компенсации» и бросит свои войска в Польшу добиваться требуемого. Потому ли, что Екатерина и вправду испугалась, как бы Фридрих Вильгельм не прекратил войну с Францией, или оттого, что она хотела поскорее уладить дела с конституционным устройством Польши (что было возможно только после заключения договора с Пруссией), но она велела Сиверсу побыстрее покончить с этим делом. Ее посол успел предвосхитить распоряжение своей госу-

---

[41] Текст договора см.: Consolidated Treaty Series... Vol. 52. P. 83 ff.

[42] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 515.

дарыни, действуя по обычной схеме: арестовал четверых лидеров оппозиции, ввел солдат в гродненский замок, где заседал сейм, а в самой палате заседаний 12/23 сентября появились русские офицеры. Депутатам сообщили, что никому не позволят покинуть помещение, пока польско-прусский договор о разделе не будет одобрен. Опять последовали сцены бурного протеста, но затем депутаты применили иную тактику: они погрузились в полное молчание и неподвижно замерли на местах. Когда в 4 часа утра русский генерал пригрозил ввести в палату своих гренадеров, маршал сейма нашел выход: он трижды спросил, уполномочивает ли сейм своих делегатов на подписание договора с Пруссией. Трижды никто ему не ответил, после чего маршал воскликнул: «Молчание есть знак согласия», — и через три дня договор был подписан[43].

Теперь оставалось заключить союзный договор между Россией и оставшимся от Польши обрубком. При помощи своих польских марионеток Сиверс добился, чтобы депутаты попросили о союзе с Россией именно в тех выражениях, которые стояли в проекте самой Екатерины. 5/16 октября проект был единодушно одобрен с небольшими поправками, за чем последовали новые балы и пиршества, на которых русские и поляки в безудержном веселье на время потопили свои разногласия. Договор предусматривал взаимную защиту территорий договаривающимися сторонами, причем командование армией переходило к России. Россия получила право ввести свои войска в Польшу после предварительных консультаций с польским правительством. В военное время или при другой необходимости она могла набирать в Польше солдат или увеличивать польскую армию. Польша обязывалась не вступать в союзы с другими державами без согласия России, ее послы при иностранных дворах должны были действовать совместно с русскими послами, а там, где при дворах не было польских послов, интересы Польши отныне представляла Россия. Россия гарантировала польскую конституцию, которую теперь нельзя было изменить без ее согласия. Православное население, оставшееся в Польше, подчинялось митрополиту Киевскому[44].

Фактически этот договор превратил Польшу в протекторат России, но все равно Екатерина была недовольна поправками, которые

---

[43] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 526—530; там же напечатан текст договора. См. также: Consolidated Treaty Series... Vol. 52. P. 137 ff. 14/25 сентября 1793 г.

[44] Текст см.: Ibid. Vol. 52. P. 165 ff. 5/16 октября 1793 г.

Сиверс позволил внести в его текст. В частности, ее ужасно рассердило то, что по договору любое решение России ввести войска в Польшу подлежало обсуждению с польским правительством. Императрица писала:

> Мое намерение было отклонить соображения других государств в отношении вступления моих войск, чтобы приучить их к этому нечувствительно и во всяких случаях. Польское правительство было бы избавлено от необходимых объяснений, если бы у него спросили, на каком основании вошли наши войска; оно могло бы сказать: как в договоре, и более ничего. Само собою разумеется, я бы не обременила себя тягостью защищать и поддерживать слабое государство... если бы не рассчитывала, что с его стороны будет полная покорность моим советам, планам и видам. У кого я буду спрашивать согласия на ввод моего войска? У короля? Но у него нет власти. У Постоянного Совета или сейма? Но тогда следовало бы каждый раз излагать им причины...

Как заметила здесь же Екатерина, одно дело договор, а другое — способ его исполнения. Сиверс получил инструкцию действовать не через короля, а создать независимую партию и не позволять Станиславу Августу выступать в роли выразителя национальных интересов Польши. Ему надлежало заполнить правительственные посты «верными и скромными слугами» и объяснить королю, что во исполнение договора тот должен расширить влияние русской императрицы «до права назначать на места и должности общественного управления людей, которые в последнее время оказали нам услуги...». Многие декреты конфедератов теперь были аннулированы, но тем не менее никаких преследований сторонников Екатерины за многочисленные несправедливости, совершенные ими в краткий период своей власти, допускать не надлежало[45].

Услыхав, каковы условия договора, один польский депутат воскликнул: «Польша сделалась теперь провинциею России. Гораздо лучше было бы нам прежде присоединиться к России совсем, мы были бы тогда целее и счастливее»[46]. Екатерина думала так же. Она бы с радостью «соединилась» со всей Польшей, но обстоятельства не позволили. Однако окончательное поглощение Польши осталось пока делом будущего, потому что в ходе войны против революционной Франции отношения между тремя державами на востоке от нее снова крайне обострились.

---

[45] Указ Сиверсу, к сожалению недатированный, см.: *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 536—538.

[46] Там же. С. 534.

Глава 28

Finis Poloniae

За победой французов над Пруссией при Вальми последовала победа при Жемаппе в ноябре и декларация Национального собрания, в которой Франция предлагала помощь всем народам, желающим освободиться от абсолютистских режимов. В декабре 1792 г. Национальное собрание Франции провозгласило, что на всех территориях, занятых французскими армиями, существующая форма правления будет ниспровергнута и заменена суверенитетом народа. Идеи самой императрицы по поводу политической линии в отношении Франции изложены в «Записке императрицы Екатерины II о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства»[1]. Этот документ, к сожалению, не датирован, но, вероятно, был написан в течение 1792 г. и предназначался для французских принцев в эмиграции. Для русской императрицы дело короля Франции было делом всех государей, а ради равновесия в Европе требовалось, чтобы Франция «снова заняла положение, подобающее великому государству». Во Франции царил такой хаос, что, как писала Екатерина, «переворот неизбежен... Переворот этот без сомнения должен состоять не в чем ином, как в восстановлении монархического правления... Уравновешенные власти, каковы дворянство, духовенство и судебное сословие, не соединятся ли между собою вокруг вождей, одушевленных желанием столь законным,

---

[1] РА. 1866. Стб. 399 и далее. В этом документе Екатерина II говорит, с какой легкостью десятитысячный отряд может пройти сквозь всю Францию, королевскую семью называет пленниками, но тем не менее считает Францию монархией. См. также воспоминания В. Эстерхази, где сообщается, что Екатерина считала необходимым восстановление французских парламентов и трех сословий, «без которых не может быть никакой монархии». Она также настаивала на амнистии, так как положение правителя, вернувшего себе престол с помощью иноземных войск, непременно оказалось бы весьма деликатным (*Esterhazy V. de.* Mémoires. Paris, 1905. P. 321).

столь справедливым, столь умеренным?» Исходя из своих представлений о монархии (в духе Монтескье), императрица настаивала, чтобы все сословия носили положенные им внешние знаки различия, которыми «в публике вселяется уважение к чинам». Ни малейшего желания мстить и подавлять в ее взглядах пока не прослеживалось. Несколько «разбойников» придется наказать, а затем должен немедленно последовать акт забвения и прощения всем тем, кто вернется в верноподданное состояние. Екатерина утверждала, что и «многие выборные перейдут на сторону власти и справедливости, как скоро увидят себе поддержку». Так или иначе, они превысили свои полномочия, ведь их избиратели не требовали упразднить монархию, а тем более — христианскую религию. «Отнюдь не имеется в виду нанести ущерб разумной свободе отдельных лиц, а только уничтожить правительство, несовместимое с существованием большого государства в виде республики...» Однако «не следует оставаться глухими к общему крику народа»: ни к требованиям об уничтожении парламентов, ни к требованиям свободы, «противным восстановлению монархии». Но требования свободы можно удовлетворить хорошими и мудрыми законами. Екатерина предлагала заключить род общенационального соглашения как средство сплотить принцев в эмиграции и королевскую семью (было общеизвестно, какая пропасть разделяла королеву и принцев) вокруг программы действий, которую можно было бы предложить народу, причем внимательно следить за тем, чтобы субсидии использовались только на реставрацию монархии и католицизма. Императрица писала, что реставрации легко достичь силами германских армий и французских изгнанников. Хотя поначалу иностранные войска могут быть более надежными, французское дворянство могло бы создать «королевскую дружину», которую не распускать и после восстановления короля на престоле.

Екатерина II воздерживалась от прямого вступления в войну с Францией, пока была занята оккупацией Польши и подготовкой ко второму ее разделу. Но она не переставала заявлять о своих антиреволюционных настроениях, чтобы отвлечь европейские державы от польских дел. Так или иначе, все это время императрица считала, что без Англии ничего нельзя добиться, но та вовсе не собиралась воевать за восстановление французской монархии. Осенью 1792 г. Екатерина обратилась к британской стороне, чтобы согласовать совместные шаги, но даже объявленное Францией в ноябре 1792 г. открытие навигации по реке Шельде не заставило премьер-министра У. Питта объявить войну. Он ограничился заявлением о

том, что главная забота британской политики — безопасность в Европе, а вовсе не форма правления во Франции[2].

Казнь Людовика XVI 10/21 января 1793 г., известие о которой дошло до Санкт-Петербурга 29 января / 9 февраля, после подписания договора России и Пруссии о разделе Польши, заставила Екатерину II сделать решительный шаг к вступлению в военные действия против Франции. После консультаций в Совете, который в рассуждениях опирался на прецедент — линию поведения правительства царя Алексея Михайловича в связи с казнью английского короля Карла I, Екатерина объявила о полном разрыве отношений с революционной Францией. Поверенного в делах Франции Эдмона Женэ перестали принимать при дворе еще раньше, на том основании, что французский король являлся пленником с тех пор, как был захвачен в Варенне при попытке бегства из Франции. В июле 1792 г. Женэ выслали, и дипломатические отношения между двумя странами фактически прервались. Указ императрицы от 8/19 февраля 1793 г. официально узаконил это положение. Кроме того, Екатерина аннулировала франко-русский торговый договор 1787 г., запретила всякие торговые сношения с Францией, отозвала из Франции всех российских подданных и выслала на родину всех французов, кроме присягнувших на верность французской монархии. Ввоз газет и книг из Франции также был запрещен[3].

Англичане после казни Людовика XVI также перешли к активным действиям. Французскому послу велели немедленно покинуть страну. В ответ Конвент 21 января / 1 февраля 1793 г. объявил войну Англии, а затем — Соединенным провинциям, Испании, Португалии, Королевству Обеих Сицилий. Это усилило позиции Екатерины, так как британцы оказались в состоянии войны, не успев заключить никакого договора с Россией. Через шесть дней после объявления войны Франции русская сторона вступила в переговоры с британским послом в Санкт-Петербурге о заключении англо-русского договора. Эти переговоры в рекордный срок завершил в Лондоне русский посланник С. Р. Воронцов. 14/25 марта 1793 г. был подписан торговый договор, возобновивший давно просроченное соглашение 1766 г., и еще один документ, обязавший стороны помогать друг другу в вой-

---

[2] Екатерина II — П. А. Зубову, б. д. // СбРИО. Т. XLII. С. 337; Гренвилл — Уитворту, 29 декабря 1792 г. // Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. I: 1783–1815. N. Y., 1922. P. 229–230.

[3] АГС. Т. I. С. 951 и далее. 31 января / 11 февраля 1793 г.; ПСЗ. Т. XXIII. № 17101. 8 февраля 1793 г.

не против Франции, не заключать сепаратного мира, закрыть все порты для французских судов и препятствовать французской торговле с нейтральными странами. Это последнее положение полностью шло вразрез с принципами вооруженного нейтралитета, столь помпезно провозглашенными Екатериной в 1780 г.[4]

Тем не менее у обеих держав были крайне различные представления о том, как перенести войну на территорию Франции. Екатерина была на этот раз готова выделить войска, но на собственных условиях: русский корпус должен быть доставлен к месту на английских кораблях вместе с французским пяти-шеститысячным корпусом; русские войска, сосредоточившись в Данциге, соединятся с силами французской эмиграции на Нормандских островах; верховным главнокомандующим станет граф д'Артуа. Цель операции — произвести высадку в Бретани или Нормандии и обеспечить плацдарм во французской провинции, так как, по мнению Екатерины, именно провинцию можно было противопоставить развращенному Парижу[5]. Союзным державам следовало вывести на передний план французских принцев и помогать им во всех начинаниях. На эти услуги Екатерина просила субсидию в 600 тыс. руб. и ожидала, что Британия возьмет на себя расходы всего предприятия, которые позже возместит ей Франция. В обоснование просьбы о субсидии императрица указала, что уже тратит крупные суммы на содержание французских принцев в эмиграции. Зато Англия сможет вознаградить себя не только французскими репарациями, но и аннексией колониальных владений Франции. Принятую на себя Екатериной II роль политического лидера антифранцузской коалиции Англия решительно отвергла, отказавшись выделить субсидию и потребовав, чтобы русский корпус был предоставлен в ее распоряжение. Относительно военного взаимодействия еще возможно было прийти к соглашению, но взгляды двух стран на будущее Франции слишком расходились, чтобы стать основой политического взаимодействия. Вполне вероятно, что именно к такому результату и стремилась Екатерина, ведь теперь она могла вообще отказаться предоставить русские войска («ведь мы же не гессенские наемники»). Россия не только испытывала серьезные

---

[4] Текст договора см.: Consolidated Treaty Series. Vol. 51. P. 491 ff.

[5] См. «Записку» императрицы, опубликованную в «Русском архиве» (примеч. 1 к наст. гл.). Граф д'Артуа посетил Санкт-Петербург в марте 1793 г. Екатерина сочла, что его приезд бесполезен и что можно было найти потраченным деньгам лучшее применение. Однако она принимала его как брата короля, с соблюдением такого же церемониала, как во время приема принца Генриха Прусского. См.: *Esterhazy V. de.* Op. cit. P. 346 ff.

финансовые трудности, но и крайне нуждалась в войсках — и в Польше, и для надзора за турками, и для охраны рубежей от шведов, которых все сильнее раздражало высокомерие, с каким русский флот выполнял свою задачу пресечения торговли с Францией.

Еще в январе 1793 г. Екатерина снарядила эскадру из 25 линейных кораблей в Балтийское море, чтобы препятствовать французской торговле, а по договору с Британией она была обязана предоставить несколько судов в распоряжение англичан, чтобы помочь британской блокаде побережья Франции. Инструкции для адмирала Чичагова от 27 мая / 7 июня 1793 г. показывают, что русская эскадра должна была действовать против кораблей Дании и Швеции, так как обе эти страны отказались участвовать в торговой блокаде Франции. Протесты шведов были отвергнуты на том основании, что война против Франции не может подчиняться обычным правилам. Идеологический элемент этой войны, или, как выразился Остерман, тот факт, что французы были бунтовщиками, оправдывал задержание нейтральных судов и конфискацию французских товаров, как и товаров, происходящих из Франции или направляющихся туда (или куда угодно) на борту нейтральных судов[6].

Швеция, в которой установилось регентство герцога Зюдерманландского, упорно держалась своего нейтралитета, из-за чего, кстати, потеряла русские субсидии, обещанные по октябрьскому договору 1791 г. Такая политика обострила напряженность в отношениях с Россией и на время перечеркнула излюбленный замысел Екатерины II — устроить брак между Густавом IV и ее старшей внучкой, Александрой Павловной. Встревоженные российскими действиями на море, Швеция и Дания приняли меры, чтобы защитить себя на время навигации 1794 г. от русских морских каперов, и в апреле 1794 г. договорились снарядить боевые эскадры для совместной охраны своих торговых коммуникаций[7]. В Западной Европе попытки укрепить «первую коалицию» против революционной Франции подрывало нежелание Пруссии воевать без крупных английских субсидий, а также громадный разрыв между словом и делом в России. Наконец в апреле 1794 г. Пруссия заключила с Англией договор о субсидиях, но с Россией не было подписано никакого офи-

---

[6] *Алефиренко П. К.* Правительство Екатерины и Французская буржуазная революция 1789 г. // ИЗ. [М.,] 1967. [Т.] 22. С. 227–228, 232 и далее.

[7] *Brevern de la Gardie, comtesse de.* Un ambassadeur de Suède à la cour de Catherine II... Vol. II. P. 25 ff, донесения от 11, 16, 20, 21 апреля 1794 г.; А. А. Безбородко – А. Р. Воронцову, апрель 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 284.

циального соглашения, и вскоре снова вспыхнули разногласия по поводу выполнения условий англо-русского торгового договора.

В период революционной горячки, когда французские армии так часто одерживали победы, польским патриотам казалось невыносимым смиренно взирать, как калечат их отчизну, и примириться с рабским конституционным устройством, навязанным Екатериной II. В ноябре 1793 г. графа Сиверса отозвали из Польши и заменили его генералом, бароном И. А. Игельстромом, который одновременно был командующим русскими вооруженными силами. Тот принялся за сокращение польской армии до 15 тыс. солдат. Даже члены Тарговицкой конфедерации теперь почувствовали, что русское иго тяжелее, чем они ожидали. В этой обстановке в Польше росло сопротивление, подогреваемое связями с польской эмиграцией, в особенности с Т. Костюшко, и направленное против Пруссии и России (Австрии это не касалось, так как она не участвовала во втором разделе Польши). Проводились даже переговоры с лидерами республиканской Франции, правда не давшие определенных результатов.

Разоружение польской армии привело к взрыву восстания в марте 1794 г. Костюшко, надеявшийся повременить с выступлением до того, как Турция или Франция пообещают помочь полякам, вернулся на родину, возглавил силы повстанцев и 24 марта / 4 апреля 1794 г. разбил русский отряд при Рацлавицах. Через десять дней против оккупационных сил поднялась Варшава. Русский гарнизон, насчитывавший 7 тыс. солдат, был больше чем наполовину перебит или взят в плен[8]. Генерал Игельстром с несколькими батальонами пробился прочь из города и бежал под защиту прусских войск, стоявших неподалеку в своей зоне оккупации. К 11/22 апреля восстание охватило занятую русскими войсками Литву и даже Курляндию. Литовского гетмана Коссаковского, горячего приверженца России, публично повесили в Вильно, как предателя. Около 4 тыс. польских офицеров, застигнутых восстанием на землях, занятых Россией, вернулись в Польшу и присоединились к отрядам Костюшко. Было поспешно сформировано временное правительство, Костюшко назначили верховным главнокомандующим польскими войсками. Король Станислав Август оставался в Варшаве, лишенный доверия польских патриотов. Он сдержанно сочувствовал повстанцам, но вместе с многими другими опасался, как бы «якобинский» элемент не взял здесь верх, как произошло в Вильно.

---

[8] Согласно данным Костомарова, 2256 человек были убиты, 121 ранен, 1764 попали в плен (*Костомаров Н. И.* Последние годы Речи Посполитой // Собрание сочинений. СПб., 1871. С. 578).

Как было и во Франции, война против внешнего врага шла в Польше параллельно с политической революцией внутри страны, вызвавшей неприятие у многих поляков. 17/28 апреля была учреждена следственная комиссия для выявления и наказания предателей, с правом арестовывать и допрашивать, но не пытать и не выносить приговоры. Провозгласили всеобщее вооружение, а также ввели десятипроцентный вычет с доходов. В попытке привлечь на сторону национального дела простой народ Костюшко 7/18 мая 1794 г. издал манифест, в котором опровергал обещания Екатерины II о том, что польским крепостным при русской власти будет житься лучше, чем при польской, провозглашал личную свободу крестьян и сокращение их отработочных повинностей[9]. Фактически этот манифест в жизнь не проводился, а большинство его положений встретило крайнее неодобрение польского шляхетства, но в глазах иностранных наблюдателей он укрепил якобинский образ польского восстания. В Литве пошли гораздо дальше в словесном подражании французским образцам: в публичных прокламациях подчеркивалась общность целей французов и поляков, был учрежден Комитет общественного спасения. В Варшаве к концу мая всеобщее бунтарство привело к публичному повешению предварительно лишенного сана епископа Коссаковского (брата гетмана Литовского) и еще троих лидеров пророссийской партии. Еще несколько человек казнили в других местах, но, учитывая накаленную атмосферу в стране и провокации, казни можно считать немногочисленными[10].

На первые раскаты Польского восстания в России внимания не обратили. Когда же в конце апреля до столицы дошли вести о бунте, Екатерина, как всегда, сохранила внешнее самообладание, но престижу России был нанесен жестокий удар. 20 апреля / 1 мая положение в Польше рассматривалось в Совете при Высочайшем дворе. По части военных мер было решено или сосредоточить все русские войска, введенные в Польшу, на территории Литвы для защиты русских границ, или выдвинуть их как можно ближе к прусской границе. Постановили призвать Фридриха Вильгельма взять на себя борьбу с восстанием к западу от Вислы, а австрийцам намекнуть, что пора бы и им вводить войска в Польшу и заодно перекрыть свою галицийскую границу для польских повстанцев. В то же время Со-

[9] Полный текст манифеста см.: Там же. С. 591 и далее.

[10] Я не пытаюсь изложить историю Польского восстания, а стараюсь показать, как его могла воспринимать Екатерина II и ее двор.

вет рекомендовал провести секвестр всех имений, принадлежащих бунтовщикам и расположенных в областях, занятых Россией[11].

Надежды Екатерины II на прусские и австрийские войска в этих чрезвычайных обстоятельствах отражают не только степень ее растерянности, но и тот факт, что основные силы русской армии в это время стояли на турецкой границе, ожидая нападения. К счастью для России, вторжение из Турции было предотвращено благодаря дипломатическим талантам посланного в Порту генерала М. И. Кутузова. Теперь значительную часть русских войск на границе с Турцией передали под командование фельдмаршала П. А. Румянцева, которого вновь призвали в действующую армию, чтобы возглавить подавление Польского восстания[12]. Князь Н. В. Репнин, губернатор провинций, образованных из бывших польских территорий, командовал русскими войсками в Литве. Тем временем Фридрих Вильгельм через вездесущего принца Нассау-Зигена предложил императрице Екатерине военную помощь и поднял вопрос о своем вознаграждении. То, что итогом восстания может оказаться новый раздел Польши, было ясно всем, так что, бросив прусские войска на осаду Варшавы, Фридрих Вильгельм усиливал свои позиции. Провал австрийской весенне-летней кампании 1794 г. в Нидерландах против Франции, а также прусская интервенция в Польшу заставили и Австрию обратить взоры в ту же сторону. Путь для Екатерины был свободен, и 11/22 июля 1794 г. она открыто предупредила Австрию и Пруссию о том, что пришло время «задуть последнюю искру [якобинского. — *Авт.*] костра в Польше»[13].

То, что Австрию допустили к участию в возможном разделе — а этот замысел Екатерина рассматривала с самого начала, чтобы связать руки Пруссии, — рассердило Фридриха Вильгельма, и тот поспешил бросить войска на Краков, чтобы не дать австрийцам завладеть городом. 26 мая / 6 июня объединенные русско-прусские силы разбили польскую армию под Равкой, а 4/15 июня пруссаки вошли в Краков. Австрийские войска заняли Сандомирское и Люблинское воеводства и Волынь 30 июня / 11 июля и официально предъявили Екатерине II свою претензию получить Краков. Обе

---

[11] АГС. Т. I. С. 978—980; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, апрель 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 284.

[12] Екатерина II — Румянцеву, 25 апреля / 6 мая 1794 г. // Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов. С. 316; *Дженджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 408—409 (здесь описаны неудачные попытки Франции науськать турок на Россию).

[13] *Lord R.H.* The Third Partition of Poland // SEER. 1925. Vol. III. № 9.

германские державы предъявили Петербургу крупные территориальные требования в Польше, в то время как императрица могла не опасаться за собственную долю добычи, которую ее войска понемногу отвоевывали у повстанцев, и выступать в роли арбитра.

К середине июля война против революционной Польши — а это была именно война — стала еще более жестокой. Примерно 25 тыс. прусских солдат и 14 тыс. русских наступали на Варшаву. Неудачи повстанцев усиливали напряженность в городе. Экстремисты ворвались в тюрьму, схватили несколько поляков из числа сторонников России и без долгих рассуждений повесили. В конце июля началась настоящая осада Варшавы, которой руководил сам Фридрих Вильгельм, бросивший воевать против Франции в надежде побыстрее получить возмещение в Польше. Но в сентябре ему пришлось отвести войска из-под Варшавы и подавлять восстание в оккупированной Пруссией Великой Польше.

При виде того, как прусский король бежит из-под Варшавы, забыв о своем достоинстве, Екатерина «так хохотала, что даже не почувствовала никакого негодования». Она скоро поняла, что если Россия в одиночестве сокрушит бунт в польской столице, ее позиции будут гораздо сильнее, когда придет время диктовать условия разрешения конфликта[14]. Улучшившееся стратегическое положение России позволило Румянцеву направить примерно 13-тысячный корпус в наступление через Волынь на Брест-Литовск и прикрыть левый фланг армии Репнина в Литве. Командовать этим корпусом Румянцев назначил генерала А. В. Суворова — как выразился фельдмаршал, одно только имя Суворова стоит нескольких тысяч солдат[15]. Быстро наступавшие солдаты Суворова одержали победу в двух мелких сражениях с польскими повстанцами. Костюшко теперь сосредоточил все усилия, чтобы помешать соединению двух главных русских армий, но 28 сентября / 9 октября он потерпел сокрушительное поражение в битве при Мацеевицах. 7 тыс. поляков сражались с двукратно превосходящими силами противника, а сам он был ранен и попал в плен вместе с некоторыми другими польскими командирами.

С подходом войск из Литвы Суворов почувствовал, что у него хватит сил углубиться в польскую территорию и осадить Прагу —

---

[14] Екатерина II — Гримму, 3/14 сентября 1794 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 610. См. также: *Brevern de la Gardie.* Op. cit. Vol. II. P. 88—90, 8/19 сентября 1794 г.; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 25 сентября / 6 октября 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 310.

[15] П. А. Румянцев — А. В. Суворову, 7/18 августа 1794 г. // Фельдмаршал Румянцев. М., 1947. С. 319.

укрепленное предместье Варшавы, расположенное на противоположном берегу Вислы, — и завладеть мостами. 24 октября / 5 ноября на рассвете русские войска пошли в атаку, и через три часа поле боя осталось за ними. «Вся Прага была устлана мертвыми телами, кровь текла потоками», — писал Суворов в донесении[16]. Посреди сцен резни, давно уже не виданных в европейских войнах, остатки польских войск, не сумевшие бежать в Варшаву по мостам, бросались в Вислу и тонули, или их рубили на куски на узкой отмели посреди реки. «Это все собаки; они против нас дрались, так пусть все погибают!» — воскликнул один русский гренадер, в ожесточении раскалывавший топором головы своим жертвам[17]. Политики (например, Безбородко) и позднейшие историки утверждали, что Суворов не в силах был удержать своих солдат от мести за товарищей, погибших от рук поляков во время Варшавского восстания. Но этот довод кажется довольно натянутым и не объясняет резню женщин, детей, священников и монахинь. Часть из тех, кто принял предложение Суворова укрыться в русском лагере, спасли свою жизнь, если не имущество, но несколько монахинь-бернардинок и их молодых воспитанниц подверглись насилию и были убиты. По оценке Безбородко, погибло около 20 тыс. поляков и еще 10 тыс. было взято в плен. Судя по тому, как Суворов обычно обходился с турками, он всегда сначала на определенное время отдавал взятые крепости своим солдатам на поток и разграбление, после чего решительно пресекал все бесчинства. В пользу этого мнения говорит и тот факт, что он пообещал поступить с Варшавой так же, как с Прагой, если она не сдастся[18].

Угроза устрашила варшавян. Городской совет договорился о сдаче города и капитуляции его защитников через восемь дней, а Суворов обещал оградить жизнь и имущество горожан от посягательств. 28 октября / 8 ноября 1794 г. он вступил в Варшаву под крики «Да здравствует Екатерина!». Станислав Август, все время остававшийся в Варшаве, все еще был официально королем Польши, каким его и признавал Суворов. В Санкт-Петербурге отслужили благодарственный молебен, а Суворова, к крайней зависти многих старших по чину военачальников, произвели в фельдмаршалы.

Екатерина с самого начала была очень решительно настроена в отношении подавления Польского восстания. Костюшко служил

---

[16] Цит. по: *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 653.

[17] Там же.

[18] См., напр.: А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 9/20 ноября 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 315; *Longworth P.* The Art of Victory. The Life and Achievements of Generalissimo Suvorov, 1729—1800. London, 1965. P. 204—207.

для нее воплощением чистейшего, ярого якобинства, фанатиком, готовым перебить всех, кто думает не так, как он. Его манифесты были проникнуты «французскими принципами» и издавались не от имени короля, а от лидера «народного» восстания против законной власти, который, как считали, состоял в переписке с Робеспьером и Сен-Жюстом. Императрица думала, что он лишь притворялся, будто поддерживает короля, церковь и дворянство, чтобы потом обрушиться на них и уничтожить. По слухам, Костюшко говорил правителям Франции, что собирается взбунтовать Крым и сжечь русский флот, и он же склонял французов поднять против России турок и послать полякам 10 млн ливров сверх 1,3 млн, якобы уж присланных[19].

Поведение, риторика и политика польских повстанцев способствовали тому, что в России прочно утвердилось представление о гнезде якобинства на самой границе страны. Польский вопрос вышел теперь на передний план, вызывая многочисленные разногласия. Безбородко писал в апреле, что Англия и Австрия предпочтут восстановить все как было. Пруссия хотела раздела — или полного, или с сохранением небольшого буфера между державами-участницами. Сам Безбородко еще в мае высказался за полный раздел, так как не приходилось рассчитывать, что Польша сделается спокойной и надежной. Но если придется обойтись без уничтожения «польского имени и бытия», то, полагал он, потребуются основательные изменения границ в Литве и в Волыни, чтобы возместить убытки России. Польские войска надлежало бы тогда разоружить и свести к минимальной численности, столицу перенести из Варшавы в Гродно или Белосток, а Вильно предать огню. Затем Россия должна получить верховную власть над Курляндией[20].

Но со временем угроза «якобинства» вырисовывалась для русских все яснее: ядовитое «семя столько утвердилося в поляках, что нельзя их оставить неразделенных под наблюдением государей, которые сами в том интересованы, чтобы нелепое равенство и мнимая вольность, наконец, всего в свете не опрокинули»[21]. Прошлый опыт доказывает, писал Безбородко, что из поляков невозможно сделать друзей России, особенно после второго раздела. В случае

---

[19] См.: Екатерина II — Гримму, 31 марта, 3 апреля 1794 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 600, 611; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, апрель 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 284; б.д., вероятно от начала мая // Там же. С. 288.

[20] А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, май 1794 г. // Там же. С. 294 и далее.

[21] А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 15/26 июля 1794 г. // Там же. С. 301 и далее.

войны с Турцией они примут сторону Пруссии и постараются причинить вред России. Сейчас их страна слишком мала, чтобы представлять собой надежную преграду между Россией и ее соседями, и в любом случае буферное государство, в которое любой может вторгнуться, когда пожелает, есть не что иное, как химера. Безбородко понимал, что идеи также способны преодолевать границы и зараза может с легкостью распространиться за пределы Польши; свобода крестьян и прочих подтолкнет наших собственных поселян, столь сходных языком и обычаями, в то время как близость Австрии не заключает в себе подобной опасности.

Более того, по словам Безбородко, Россия была сильнее любого из германских государств, которые никогда не объединятся против нее. Хотя бы одно из них всегда будет в союзе с Россией. По этим соображениям Россия и выступает за уничтожение Польши, вместо того чтобы создавать там новую конфедерацию или прорусскую партию[22]. Безбородко имел обыкновение делить ответственность с другими, поэтому был созван Совет при Высочайшем дворе для обсуждения его рекомендаций. 13/24 ноября 1794 г. Совет постановил, что Варшаву надо рассматривать как завоеванную территорию, что частная собственность там будет уважаться, но город должен уплатить контрибуцию товарами и деньгами. Арсенал и военные склады следовало ликвидировать, все регалии, знамена, гетманские булавы, бунчуки, печати, маршальские жезлы и т.п. вывезти в Россию, как и государственный архив с публичной библиотекой. Править в Варшаве декретом был назначен Суворов, причем его обязали распустить все «революционные» учреждения. Участников Варшавского восстания 6/17 апреля 1794 г. постановили арестовать и выслать в Россию, а Варшаву крепко взять в русские руки[23]. Короля следовало отправить в Гродно, а так как Польше предстояло вот-вот прекратить существование, то надо было принудить его к отречению. Станислав Август поначалу все еще надеялся играть хоть какую-то роль в каком-нибудь польском государстве, но скоро разочаровался в надеждах и против воли уехал в Гродно, чтобы никогда больше не увидеть Варшавы[24].

Оставалось протолкнуть дипломатическое соглашение. Осенью 1794 г. Екатерина срочно предложила обоим германским государствам

---

[22] А. А. Безбородко — Н. В. Репнину, 26 ноября / 7 декабря 1794 г. // СбРИО. Т. XVI. С. 57 и далее, с. 61 и далее.

[23] АГС. Т. I. С. 991, 13/24 ноября 1794 г.; А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 16/27 ноября 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 318 и далее.

[24] А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 29 ноября / 10 декабря 1794 г. // Там же. С. 321—326.

ограничить свои требования до масштабов, казавшихся ей приемлемыми. Австрия любезно уступила, но Фридрих Вильгельм не сдавался и требовал своего в полном объеме (что, соответственно, сокращало долю Австрии), одновременно стараясь выпутаться из войны с Францией на западе, чтобы всей мошью обрушиться на восток. Поэтому, пока Пруссия разворачивала тайные переговоры с Францией, Россия с Австрией 23 декабря 1794 г. / 3 января 1795 г. поспешили заключить соглашение, вошедшее в число трех договоров. (Как и при заключении всех русско-австрийских договоров со времен спора с Иосифом II об альтернативе в 1781 г., эти соглашения оформлялись в виде обмена декларациями.) В соглашениях предусматривался окончательный раздел Польши с выделением прусской доли (на тот случай, если Пруссия позже захочет примкнуть к договору); признавалось запоздалое присоединение Австрии к договору о втором разделе Польши между Россией и Пруссией; возобновлялся договор 1781 г. о разделе владений Турции с дополнительной статьей, которой стороны гарантировали друг другу помощь при нападении Пруссии. Кроме того, Россия взялась поддерживать требования Австрии о территориальных возмещениях на западе[25]. Однако провести положения договора в жизнь было совершенно невозможно, так как пруссаки оккупировали Краков и все еще вели переговоры о мире с Францией.

Чтобы возместить неизбежное отпадение Пруссии от антифранцузской коалиции, Англия снова попыталась привлечь русские войска к войне против революционной Франции. Осенью 1794 г. начались переговоры о заключении соответствующего соглашения, но стороны имели в виду разные цели. Британии нужны были свежие силы, а Екатерине — гарантии от возможного нападения со стороны Турции, Швеции или даже Пруссии. Она поставила условие, что не будет обязана выставлять русские войска, если они понадобятся ей самой для собственной защиты (подразумевая, в сущности, свои дела в Польше). Англо-русский договор был окончательно подписан 7/18 февраля 1795 г. Он предусматривал взаимную помощь в виде экспедиционного корпуса (со стороны России) или военной эскадры (Англия), или ежегодной субсидии в 500 тыс. руб. В секретной статье договора значилось, что хотя на идущую теперь войну с революционной Францией, как обычно, он не распространяется, тем не менее Россия выделит эскадру в двенадцать линейных кораблей и шесть фрегатов для взаимодействия с британским флотом в Ла-Манше и в Атлантике (но не в Средиземном море и не за

[25] Тексты договоров см.: Consoliated Treaty Series... Vol. 52. P. 285ff.

пределами европейских морей). В других секретных статьях шла речь о вводе британской эскадры в Балтийское море в случае нападения неприятеля на Россию и об открытии британских портов для русского флота в случае войны с Портой[26].

В этих двух статьях содержался намек на новые трудности, вставшие перед российской внешней политикой. Отношения России со Швецией все ухудшались после изменения политического курса, произведенного регентом, герцогом Карлом, со смертью Густава III в 1792 г. Одним из первых шагов регента была отставка барона Г. М. Армфельдта, любимца короля Густава, назначенного по воле короля в регентский совет. На его место регент поставил своего фаворита, барона Г. А. Рейтерхольма, личного врага Армфельдта. Последний бежал из Швеции и устроил заговор с целью свержения регента и Рейтерхольма, для чего вел переговоры с Россией через одного из личных секретарей П. Зубова. Когда заговор провалился, Армфельдта в его отсутствие судили в Швеции в июле 1794 г. и приговорили к казни за предательство. После этого Екатерина II предоставила ему убежище, поселила в Калуге, и все попытки Швеции добиться его выдачи русская сторона встречала жестким отказом, утверждая, что Армфельдта в России нет. Даже когда регент попробовал искушать Екатерину такой приманкой, как брак между Густавом IV и ее внучкой, на условиях выдачи Армфельдта, она и слушать не стала. Вся эта история отравляла отношения между двумя коронами и все больше отдаляла их друг от друга[27].

В это время на южных границах Россия сталкивалась с угрожающим поведением турок. Франция подстрекала их объявить войну Австрии, а Екатерина, как союзница Австрии, была обязана прийти ей на помощь. «Греческая мечта» снова ненадолго замаячила перед глазами императрицы. В подобных обстоятельствах защита со стороны британского флота на Балтике и право пользования британскими портами для русских кораблей служили весьма полезной гарантией. Но тем временем первая коалиция против революционной Франции распадалась на глазах. 25 марта / 5 апреля 1795 г. при заключении Базельского мира из коалиции дезертировала Пруссия, а 5/16 мая мир с Францией заключили Соединенные провинции. Между Францией и Испанией немедленно начались мирные переговоры, и, несмотря на попытки Остермана внушить всем, что, пока Пруссия завидует Австрии, а Испания завидует Британии, революю-

---

[26] *Алефиренко П. К.* Указ. соч. С. 238—239. Тексты договоров см.: Consoliated Treaty Series... Vol. 52. P. 315ff.

[27] *Brevern de la Gardie.* Op. cit. Passim.

ционная Франция преспокойно разрушает коалицию, 30 июня / 11 июля 1795 г. Испания и Франция подписали мир. Затем одна за другой последовали мелкие страны, покинув Англию и Австрию, оставшихся почти в одиночестве на поле боя.

Англо-русский договор пригодился Екатерине и еще в одной ситуации, возникшей с выходом Пруссии из войны против Франции. Одновременно с тем, как Пруссия получила свободу, чтобы напасть на Россию и завладеть своей долей польских земель, Россия приобрела нового союзника — Британию. Екатерина не преминула заявить Британии, что русские войска можно гораздо эффективнее применить против сдружившейся с французами Пруссии, чем против самих французов[28]. Весной и в начале лета 1795 г. русские войска были сосредоточены на границе, чтобы отразить прусское нападение; положение, по оценке Безбородко, было серьезнее, чем даже в 1790—1791 гг.[29] В это время австрийцы концентрировали войска в Богемии, Моравии и Галиции. Но в августе две имперские державы разоблачили маневр Пруссии. Договор о разделе Польши был представлен почти как ультиматум Пруссии, и Фридрих Вильгельм согласился на переговоры о своей части польских земель. Окончательные соглашения были подписаны 13/24 октября 1795 г., их основой послужил русско-австрийский договор о разделе 23 декабря 1794 г. / 3 января 1795 г. Австрия уступила Пруссии некоторые районы и наконец получила в октябре 1796 г. вожделенный Краков как посреднический подарок от Екатерины[30].

Россия по третьему разделу получила Литву, оставшуюся часть Белоруссии и Западную Украину — всего около 120 тыс. кв. км с преимущественно православным населением, среди которого не было ни одного поляка, как с гордостью заявила Екатерина. (Это немногим меньше, чем приобрел Сталин в 1945 г.) Оставалась нерешенной мелкая проблема герцогства Курляндского, которую А. Р. Воронцов настоятельно советовал Безбородко не упустить из виду[31]. Ее решили, созвав заседание местного сейма. Курляндцы пригласили Екатерину стать их верховной владычицей[32] и обеспечили отречение герцога Петра Бирона (унаследовавшего герцогство от своего отца в 1772 г.), а также отречение действующего сюзерена, Станислава Августа,

---

[28] *Lord R.H.* Op. cit. P. 496.

[29] А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 11/22 июля 1795 г. // АКВ. Т. XIII. С. 347—348.

[30] Тексты договоров см.: Consolidated Treaty Series... Vol. 53. P. 345ff. О передаче Кракова 10/21 октября 1796 г. см.: Ibid. P. 301ff.

[31] А. Р. Воронцов — А. А. Безбородко, 1794 г. // АКВ. Т. XIII. С. 460 и далее.

[32] *Lord R. H.* Op. cit. P. 498.

которое состоялось 15/26 ноября 1796 г. Окончательным соглашением, подписанным Павлом I после смерти Екатерины, было установлено, что наименование «Царство Польское» более никогда применять не следует, так что память о некогда великом государстве должна была исчезнуть навсегда[33].

Главных действующих лиц второго и третьего разделов Польши ждали щедрые награды от императрицы. За период с середины 1795 г. до 28 июня / 9 июля 1796 г., когда она подписала последнее в жизни пожалование, было роздано 96 имений с населением 130 тыс. крепостных душ мужского пола. 121 589 из них проживали на бывших польских землях. Большие владения с крестьянами достались великим полководцам П. А. Румянцеву, А. В. Суворову, фавориту П. А. Зубову и его родным, племянницам Потемкина, а пожалования поменьше, в 100—400 душ, — отличившимся офицерам и чиновникам. А. А. Безбородко получил единовременно 50 тыс. руб. и ежегодную пенсию в 10 тыс. руб.

Объективно рассматривая внешнюю политику России в 1792—1796 гг., трудно согласиться с мнением о том, что главной целью Екатерины II была борьба против Французской революции, а Польша имела для нее меньшую важность и что лишь катастрофическое финансовое положение и истощение ресурсов после второй войны с Турцией помешали России направить во Францию экспедиционный корпус[34]. В самом деле, свободу действий России ограничивали денежные затруднения, но несомненно, что до падения французской монархии Екатерина II мирилась с революцией, но зато ни минуты не могла вынести польскую конституцию 3 мая, бросившую вызов как русской власти в Польше, так и идее абсолютной монархии, которую олицетворяла императрица. Екатерина чувствовала, как бурлит революционное подводное течение в Польше (и нет смысла делать вид, будто его там не было), и сокрушила революцию там, где ей было легче до нее дотянуться.

Но и с третьим разделом имя Польши не исчезло навсегда. Начиная с 1795 г., как призрак Банко у Шекспира, польская проблема стояла в центре российской внешней политики в Европе, и Россия не могла сделать ни шагу, не взвесив возможные последствия для хрупкого равновесия сил между тремя державами — участницами раздела.

---

[33] Тексты конвенций, касающихся Польши, см.: Consolidated Treaty Series... Vol. 53. P. 345ff; о согласии Екатерины: Ibid. P. 365ff; об уничтожении титула польского короля см.: Ibid. P. 411ff. 15/26 января 1797 г.

[34] Это главная мысль в работе: *Джеджула К. Е.* Указ. соч. Доводы автора весьма искусственны и нацелены на то, чтобы очистить Россию от одиозной славы инициатора второго и третьего разделов Польши.

Часть IX

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ

Глава 29

Сельское хозяйство и промышленность

В то время, когда Екатерина II взошла на престол, Европейская Россия была сплошь аграрной страной, причем очень неравномерно развитой в зависимости от характера почв, плотности населения, климата, путей сообщения, степени интеграции тех или иных ее частей в общенациональный рынок. Специалисты по экономической истории России группировали эти области, исходя из различных критериев. В настоящей работе мы будем придерживаться классификации, предложенной Н. Л. Рубинштейном[1]. Ядро старомосковского царства образовало Центральный промышленный район, включавший в себя Московскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую и Калужскую губернии. Далее, выделялись Северо-Западный торгово-промысловый район (Тверская, Смоленская, Новгородская, Псковская, Петербургская губернии), Северный промысловый район, охватывавший Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую губернии, а на юге лежал Центральный черноземный район товарного земледелия (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губернии, причем в последних четырех еще не завершился процесс освоения и экономической интеграции в общенациональных рамках).

На юге, юго-западе и востоке лежали земли, постепенно включавшиеся в российскую экономическую систему по мере их заселения, развития путей сообщения и распространения русской колонизации. Экономика Среднего Поволжья (Нижегородская, Казанская, Симбирская, частично Саратовская губернии) сохраняла промысловый характер, но начинала переходить к товарному зем-

---

[1] *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 21 и далее. Настоящая глава в целом во многом опирается на это исследование.

леделию. Подобный процесс шел и в губерниях Приуралья – Пермской, Оренбургской, Вятской, где размещались также важнейшие крупные центры тяжелой промышленности. Малороссия и Слободская Украина принадлежали к плодородному Черноземью, но их экономика еще не была полностью включена в систему всероссийского внутреннего рынка[2]. Прибалтийские провинции, польские территории, отошедшие России по первому разделу 1772 г., и земли на Черном море, приобретенные за счет Турции в 1774 г., сохраняли свои экономические особенности.

Характерные особенности вышеперечисленных районов определялись в первую очередь почвами и климатом. Европейская Россия была подвержена превратностям гораздо более сурового климата, чем ее западные соседи. Белое море, Финский залив, Северное побережье Черного моря, Азовское море зимой замерзали, как и большинство внутренних озер. Снег покрывал всю Россию до самого Черного моря на период от трех до восьми месяцев в году. Через всю страну, от Санкт-Петербурга до Урала и дальше, тянулась так называемая таежная зона хвойных лесов и болот. Она служила бесценным источником леса и мехов, но была совершенно непригодна для земледелия. Южнее располагалась зона смешанных лесов, хвойно-лиственных, простиравшаяся от Польши на юг, к Киеву, и на восток – к Москве и Казани. Здесь все еще стояли густые леса, а почва не имела достаточного плодородного слоя и с трудом поддавалась обработке. Вообще, леса еще покрывали значительную часть российской территории, занимая, например, половину всей площади в Калужской губернии, до трех четвертей нижегородских и владимирских земель. Южнее размещалась житница России – богатая черноземная лесостепная и степная зона, которая уходила в сторону Сибири, к предгорьям Кавказа, огибая стороной низовья Волги, рукавами вьющиеся среди прикаспийских пустынных солончаков.

Население тоже размещалось крайне неравномерно. Самыми густонаселенными были старомосковские земли. В 1762 г. в Центральном промышленном районе насчитывалось 2 189 768 жителей, а в Северо-Западном торгово-промысловом районе 1 039 243, в то время как в Северном промысловом районе проживало лишь 413 718 человек (причем в Олонецкой губернии всего лишь 97 329, а в Ар-

[2] Разумеется, тип экономики не может в точности совпадать с административными границами, поэтому приведенная классификация несколько приблизительна.

хангельской — 77 708 человек). Население богатого черноземного пояса к югу от Москвы, заселенного в XVII столетии по мере выдвижения сюда засечных черт, достигало 2 363 051, в то время как на Нижней и Средней Волге проживало только 615 034 человека; в Вятской и Пермской земле, примыкающих к Уралу, примерно столько же; в Оренбургской губернии лишь 236 040 жителей, а во всей Сибири 392 742[3].

Количество земли, находившейся в индивидуальном пользовании (у дворян, крепостных, государственных крестьян), как и соотношение числа крепостных и некрепостных крестьян, также значительно различалось от местности к местности. Сводные данные о величине частного землевладения в разных районах страны встречаются крайне редко. Вместе с тем имеющиеся неполные сведения показывают, что, например, в Орловской губернии располагалось 10 имений с количеством душ свыше 1000, в 62 имениях насчитывалось от 500 до 1000 душ, а в 2129 — меньше 500. Подробные данные о точных размерах этих владений отсутствуют, хотя по другим цифрам и ясно, что в большинстве поместий последней категории фактически имелось менее сотни душ. Напротив, в Воронежской губернии, густо заселенной однодворцами, совсем не было поместий с количеством крепостных свыше 1000 душ, только в двух насчитывалось свыше 500 душ, а в 424 — меньше 500. В Пензенской же губернии добрая половина дворян имела не больше 20 крепостных душ. В Нижнеломовском уезде у одного только князя Голицына было больше крепостных, чем у 194 мелких владельцев, составлявших 71% местных помещиков. Но существовали и совсем бедные помещики — хозяева менее 10 душ, вообще не получавшие дохода со своих владений[4]. И в Петербургской губернии тоже имелось всего лишь семь поместий с числом крепостных свыше 1000, 14 — от 500 до 1000 душ и 188 — менее 500. В целом, однако, можно уверенно утверждать, что области старого хозяйственного освоения вокруг Москвы, на запад до Смоленска, на северо-запад до Пскова и Новгорода и ближайшие южные районы были местом высочайшей

---

[3] Эти цифры взяты из работы В. М. Кабузана и применены к системе районирования, предложенной Н. Л. Рубинштейном (*Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 83 и далее).

[4] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 31; *Тхоржевский С. И.* Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930. С. 32 и далее.

концентрации частного землевладения, где размещались и наиболее крупные имения. По этой причине большинство крестьян здесь составляли крепостные (в Калужской губернии — 82,18%, в Рязанской — 75%, в Смоленской — 79,41%). В то же время в Пензенской губернии доля крепостного населения достигала только 58,2%, в Симбирской — 52,55%, в Тамбовской — 47,26%, в Казанской — 18,21%, в Пермской — 33,91%, а к северу и северо-востоку сокращалась до 4,89% в Олонецкой губернии, до 2,03% в Вятской и до 0,07% в Архангельской.

В масштабах экономики страны в целом помещики создавали систему, в рамках которой развивалось крепостное земледелие, в то время как государственные крестьяне пользовались, теоретически, большей хозяйственной свободой. Но, судя по всему, в одной и той же местности не наблюдалось ни большой разницы между типом земледелия, применявшимся в обоих видах хозяйств, ни заметного расхождения в продуктивности крепостного и свободного крестьянского хозяйства. И в крепостных, и в государственных деревнях нормой являлось общинное управление землей. Помещичья земля обычно делилась на полосы, перемежавшиеся крестьянскими наделами, что чрезвычайно затрудняло предприимчивому хозяину попытки отказаться от традиционных крестьянских методов обработки земли и ввести новые культуры или технику.

Развитие земледелия сдерживалось и тем, что как крепостные, так и свободные крестьяне пользовались своими собственными сельскохозяйственными орудиями и тягловыми животными. Почти по всей России пахали при помощи сохи, поднимавшей землю на глубину всего лишь 4 дюймов. Тяжелый колесный плуг мог вспахать борозду глубиной в 7 дюймов, но, чтобы его тянуть, требовалось не меньше трех-четырех пар быков. Поэтому его могли применять только сравнительно зажиточные крестьяне черноземных областей.

Относительная нехватка скота почти по всей России порождала общий недостаток навоза. Из-за сурового климата разведение скота подвергалось особенно тяжким превратностям. На Севере, где сельскохозяйственный сезон длился с мая по сентябрь, скот с трудом переживал голодную зиму, а к осени обессилевал от работы. И даже там, где период вегетации был длиннее, как в черноземном поясе и на Украине, скот все равно приходилось содержать в стойле по полгода.

Из-за того, что в России удобрение навозом играло в земледелии незначительную роль, крестьянство традиционно применяло

трехпольную систему, при которой посадки озимой ржи сменяла яровая рожь, а затем поле оставляли под паром. Но недостаток удобрений и при этой системе часто приводил к истощению почвы, так что ее дополняли другими приемами. В некоторых местностях, например на Северо-Востоке, все еще использовалась старинная система подсечно-огневого земледелия, вводившая в севооборот пустующие земли. В других местах, особенно на Юге и Юго-Востоке, существовали крупные резервы земель, которые обрабатывали с перерывами, после чего на десять—двадцать лет запускали стихийно зарастать (эти земли назывались залежными)[5]. В абсолютном смысле в России не было нехватки земли. Помимо свободных земель, которые богатые крестьяне могли брать в индивидуальную аренду, а крестьянские общины в коллективную, количество земли, как правило, приходившееся на каждого крестьянина, обычно превышало ту площадь, которую он мог обработать в единицу времени. Но на Северо-Западе, на Севере, в Центральном промышленном районе существовал недостаток лугов, составлявших всего 6% всех площадей, и лишь в Московской губернии их было 8%.

Размеры крестьянских наделов очень сильно колебались в разных частях страны и даже в пределах одной губернии. В губерниях Центрального промышленного района и в западных губерниях их средняя площадь составляла 3—3,5 десятины пахотной земли на душу мужского пола. Там, где крестьяне находились на барщине, этот надел обычно был больше, чем у крестьян на оброке. До 6,6 десятины доходил он и в местностях с неразвитыми кустарными промыслами. В собственных владениях Екатерины II под Тулой на крестьянина приходилось по 13 десятин пахотной земли. В южных степях однодворцы, занятые скотоводством, получали крупные земельные угодья. В Воронежской губернии, освоение которой завершилось только в XIX в., наделы, как правило, достигали 8 десятин пахотной земли и 18 десятин лугов на душу мужского пола. В общих чертах, в Центральном промышленном районе, на Северо-Западе и в Прибалтике, в западной части Нижегородской губернии и на

---

[5] См.: *Kahan A.* The Costs of Westernization in Russia: The Gentry and the Economy in XVIII Century Russia // Slavic Review. 1966. Vol. XXV. № 1. P. 42 ff; *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Etude de structures agraires et de mentalites economiques. Paris, 1963. P. 126—127. Этот вопрос более детально рассмотрен в работе: *Idem.* Systemes agraires et progres agricole: L'assolement treinnal en Russie aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris; La Haye, 1969.

Севере крестьянский надел составлял 3—4 десятины пахотной земли на душу мужского пола, а в старой черноземной зоне, на Востоке и на Юге, он доходил до 5—6 десятин. Луговые угодья были гораздо меньше — 0,5—1,5 десятины (за исключением Юго-Запада и Поволжья, где они достигали 3—6 десятин, и 11 в Оренбургской губернии). Но не все земельные наделы обрабатывались. Их средняя величина превышала физические возможности тягла – единицы рабочей силы. Разрыв между общей площадью надела и реальным количеством пахотной земли нередко доходил до 3 десятин на душу мужского пола, особенно там, где существовали развитые ремесла как альтернативный источник дохода. В России имелись также богатые лесные массивы для вырубки, целинные степные угодья, и даже в старомосковском Центральном районе запасы земель еще не были исчерпаны. Сокращение запашки, происшедшее в Центральной России в середине XVIII в., говорит не столько об истощении почвы, сколько о емкости московского рынка как потребителя продукции промыслов и центра притяжения рабочей силы.

Любая попытка дать верную общую оценку состояния российского сельского хозяйства в XVIII в. обречена на неудачу из-за фрагментарности имеющегося материала. Доклады губернаторов и Экономические примечания, прилагавшиеся к Генеральному межеванию, содержат много описательных данных об урожаях и ценах. Но изучение крестьянского хозяйства почти полностью основывалось на архивах крупных помещиков, поставивших свое хозяйство на деловую ногу. Такого рода материалов нет ни о мелких помещичьих хозяйствах, составлявших большинство, ни о деревнях с государственными крестьянами. Этим односторонним характером сведений, вероятно, объясняется общее мнение о том, что большинство русского крестьянства составляли крепостные, тогда как на самом деле (и в отличие от большинства европейских стран) почти половина русских крестьян в XVIII в. имела только одного хозяина — государство.

Главными зерновыми культурами в это время в России являлись озимая рожь и яровой овес; постепенно расширялись посадки ячменя. Их выращивали для потребления на скудных почвах Севера и Центрального промышленного района. В Центральном черноземном земледельческом районе рожь и овес также выступали главными культурами, которые, впрочем, дополнялись гречихой и яровой пшеницей. На Юге же сеяли и озимую пшеницу, во все большей степени ориентируясь на рыночное производство. В Юго-Западном

районе (о котором не имеется конкретных данных), т.е. в Слободско-Украинской и в Малороссийской губерниях, зерно не выращивали на вывоз за пределы губернии. Хлеб, скорее, ввозили сюда извне: дворяне и казачество использовали его в винокурении[6]. В Среднем Поволжье и к востоку зерно выращивалось на вывоз речным путем в Санкт-Петербург и в Москву через Казань. Но вся область Симбирска и Саратова оставалась еще недостаточно освоенной. Дальше на восток, в Уфимской и Оренбургской губерниях, сеяли зерновые культуры для снабжения уральских заводов — рожь, овес, ячмень, просо, гречиху. Вблизи городов, как правило, развивалось огородничество. Помещичьи хозяйства обычно сами обеспечивали себя его продукцией, но существовал широкий рынок фруктов и овощей.

Несмотря на обилие земли, из-за непродолжительного земледельческого сезона, сурового климата, примитивных орудий обработки земли и нехватки удобрений здесь преобладали низкие урожаи, за исключением особенно благоприятных местностей. В 60-е гг. XVIII в. в Центральном промышленном районе и на Северо-Западе урожайность составляла не выше, чем 1:3 — 1:4, причем в Твери падала до уровня 1:2, а в интенсивно возделываемой Лифляндии поднималась до 1:6. В черноземной зоне товарного земледелия урожаи достигали 1:6, 1:8 и даже 1:9, а в Казанской губернии, как и в Слободской Украине с Малороссией, даже доходили до уровня 1:10. В рамках этих средних величин отмечались заметные местные колебания, и нередко цифры вдруг катастрофически падали из-за частых неурожаев. Они в XVIII столетии носили, скорее, локальный характер, и даже часто упоминаемый недород 1766 г., поразивший многие области Центральной России (Московскую, Новгородскую, Смоленскую губернии), лишь местами ощущался в Центральном черноземном районе, в Казанской, Нижегородской, Оренбургской губерниях[7].

Производительность сельского хозяйства зависела в значительной степени от физической силы и числа рабочих рук каждого дво-

[6] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 261.

[7] Там же. С. 79, 363—371. Автор привлекает материалы сенатской анкеты, разосланной местным губернским властям в 1767 г. ради выяснения причин роста хлебных цен. Он отрицает выводы других советских экономических историков, в частности П. Лященко, который предположил, что сельское хозяйство в России XVIII в. переживало упадок. По заключению Сената, рост хлебных цен в Москве был вызван ростом спроса на него в промышленном сердце страны, что и повлекло за собой повышение цен в зернопроизводящих областях.

ра. Чем больше было молодых трудоспособных мужчин, тем больше земли, скота (а значит, и навоза). В крепком хозяйстве урожайность могла достигать уровня 1:4 или 1:5 в Центральном промышленном районе и 1:7 в Центральном черноземном районе. При таких обстоятельствах хозяйство могло предусматривать производство продукции на рынок. По подсчетам Н. Л. Рубинштейна, надел в три десятины на душу мужского пола приносил около 10 четвертей ржи (одна четверть составляла 5,77 бушеля) и 15 четвертей овса. Он определил потребности тягла на собственное потребление и на корм скоту в 6 четвертей, количество семенного зерна в 5,5 четвертей. Таким образом, излишек составлял 12 четвертей на тягло, а в хозяйстве, где имелось 3 души мужского пола, — свыше 30 четвертей. В Черноземном районе этот излишек был значительно выше: общий урожай мог достигать 25 четвертей на душу мужского пола или около 75 четвертей в хозяйстве с тремя мужчинами. Там, где имелось больше рабочей силы, излишки доходили до 100—150 четвертей на двор. Однако хозяйство, не располагавшее хорошим инвентарем, могло получать лишь урожай 1:3, т.е. такой, которого хватало только на собственное потребление и на семена, а крестьянин был не защищен на случай недорода. С увеличением разницы урожайности углублялось экономическое расслоение деревни, как крепостной, так и государственной, на богатых крестьян, середняков и бедняков. Последние часто отдавали свою землю в аренду зажиточным соседям и либо становились на ней работниками, либо уходили искать работу в промышленности.

Что именно означали эти категории зажиточных, средних и бедных крестьян и как велика была каждая из них? В голицынской вотчине Голунь Орловской губернии в 1784 г. насчитывалось 84 богатых («первостатейных») крестьянских двора (40% от общего числа), производивших 83,4% ржи, 66,6% овса, 69% гречихи, 78,6% гороха. Товарные остатки зерна в каждом хозяйстве составляли 50 четвертей, а в некоторых случаях доходили до 100 — обычно там, где в хозяйстве имелось достаточно тяглового скота (свыше 20 лошадей). Каждое хозяйство в среднем располагало 27,6 десятин собственной земли и 10,75 десятин барской запашки. Кроме того, в изобилии имелись арендные земли. На другом полюсе была иная картина: на составлявшую 20% дворов группу бедняцких хозяйств приходилось менее 2% наличного зерна, причем половина из них вообще не имела зерна. Последние, очевидно, передали свою землю в аренду зажиточным собратьям и трудились на ней как наемные работники. В пензенской вотчине Куракиных, на недавно освоенных землях,

бедные крестьянские хозяйства составляли 64%, 36% были обеспеченными, но лишь половина из них производила излишки зерна на продажу. В другом пензенском имении, у Полянских, в 1770-х гг. 37 дворов (15% от общего числа) имели в среднем по 14 десятин пахотной земли, выращивали на ней 40% ржи, держали 44% лошадей и 37% коров. Что касается государственных крестьян, то в топографическое описание Курской губернии, выполненное при Генеральном межевании, внесено 120 тыс. хозяев. Примерно 20% среди них отнесены к «богатым» (которые имели по 10 лошадей, 10 коров, 10 овец и 50 свиней на хозяйство и израсходовали на продажу в общей сложности 500 тыс. четвертей зерна). 55% составляли «средние» (по 5 лошадей, коров и овец, 25 свиней), вырастившие 600 тыс. четвертей зерна на продажу. 25% были «бедными» (2 лошади, 1 корова, 5 овец, 10 свиней) и произвели все вместе только 180 тыс. четвертей[8]. В Поволжье, от Симбирска до Саратова, и к западу, в Пензенской губернии, в среднем, кажется, 27,83% крестьянских хозяйств имело по одной лошади, 40,16% по две лошади, 19,16% по три, а 10,52% всех хозяйств располагало 4—6 лошадьми. В 1775 г. в пензенской вотчине Полянских, селе Богословском (Салтыковка), в 44 дворах состояло 368 лошадей, 208 коров, 1112 овец. В самом богатом дворе насчитывалось 30 лошадей, 40 коров и 80 овец на супружескую пару («на венец»)[9].

Зерно продавали в северные города и губернии, жившие на привозном хлебе, или на винокурни. Цены также сильно колебались в разных областях России в зависимости от спроса, средств доставки, качества урожая. В течение XVIII в. цены постоянно росли: в Центральном промышленном районе в начале 60-х гг. рожь стоила 0,6—1 руб. за четверть, в конце десятилетия вздорожала до 1,2—2 руб., а к середине 80-х гг. до 2,6—5 руб. В Московской губернии цены изначально стояли выше и росли быстрее, как и в Санкт-Петербурге, где царила особенная дороговизна на продукты прожиточного минимума. В начале 60-х гг. рожь здесь стоила 2—3 руб. за четверть, в 70-е гг. — 3 руб., а в 80-е гг. — 5—6 руб. Напротив, в Центральном

---

[8] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 254 и далее (а также таблица на с. 258).

[9] *Тхоржевский С. И.* Указ. соч. С. 43—44. Автор отмечает, что крестьяне имения Куракина под Пензой (всего 303 двора и 937 душ мужского пола) в 1774 г., накануне восстания Пугачева, имели гораздо больше скота, чем в 1916 г. (лошадей в 1774 г. 2,18 на каждое хозяйство, а в 1916 г. — 0,94, жеребят — 1,79 и 0,35 соответственно; коров — 1,42 и 0,77, овец — 11,33 и 4,73, свиней — 1,90 и 0,23). См. также: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 293.

черноземном земледельческом районе и на Волге цены соответственно равнялись сначала 0,6 и 0,4 руб. за четверть, а потом дошли до 1—2 и 3—4 рублей к середине 80-х гг. Овес был дешевле и стоил на Средней Волге 0,2—0,3 руб. в 60-е гг., а в 80-е гг. подорожал до 1,8—2,5 руб. за четверть. Пшеница всегда ценилась выше и, как правило, выращивалась на продажу. В Центральном промышленном районе ее цена составляла 1,5—2 руб. в начале 60-х гг., 3—4 руб. в конце десятилетия и дошла до 5—7 руб. за четверть в середине 80-х гг. Впрочем, в Центральном черноземном районе и в Среднем Поволжье цены на пшеницу были значительно ниже и выросли с 1,5—2,5 руб. в конце 60-х гг. до 2,5—5 рублей в 80-е гг.[10] Но в рамках каждого десятилетия происходили заметные колебания цен. Так, в 60-е гг. самые высокие цены пришлись на 1764—1765 гг., а не на 1766—1767, которые считаются неурожайными. Эти колебания были более заметны в областях, ввозящих хлеб, чем в производящих, и слабо чувствовались в районах, еще не полностью включенных в российский рынок, например в южных частях Воронежской, Харьковской, Саратовской губерний.

Условия большинства центральных областей Европейской части России были неблагоприятны для скотоводства. Тем не менее на Севере, где земли были непригодны для земледелия, получило развитие выращивание на специальных сортах травы хороших европейских пород скота, завезенных при поощрении императрицы (тимофеевка и др.). Но зато в южных и восточных областях России развитие скотоводства превышало потребности крестьянского хозяйства и превратилось в коммерческое занятие. В южных районах Воронежской губернии однодворческие хозяйства содержали до 200 голов крупного рогатого скота и 1500 овец. В поместье Турбай (под Миргородом), принадлежавшем Базилевским, в крепостных хозяйствах имелось в среднем по 6—7 голов крупного рогатого скота, а у нескольких богатых хозяев их было до 70 и, кроме того, по 30 голов лошадей и 250 овец. (Лошадь оценивалась в 4—7 руб. в сельской местности, а в Москве могла стоить 20—70 руб.) Быки продавались в России по 3—4 руб., а в Киеве по 10—15 руб., наверное потому, что здесь они очень широко использовались на сельскохозяйственных работах. Овец продавали по 50—70 коп., баранов — по 30—50, свиней — от 60—80 коп. до 1—2 руб. Растущий спрос и более безопасная обстановка в южных районах вели к интенсивному разви-

[10] Цифры взяты из работы Н. Л. Рубинштейна, см.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 413, а также Приложение III к его книге.

тию скотоводства в черноземных степях Курской и Воронежской губерний. В Курске оно приносило 20% общей прибыли от сельскохозяйственного производства, включая доходы от шкур и шерсти. Тучные стада гнали на городские рынки из Тамбовской губернии и Слободской Украины, из Поволжья, где был крупный рынок в Саратове, а у крестьян в хозяйствах содержалось по 10—12 лошадей и 15—20 коров. Напротив, мелкую живность разводили в относительно скромном количестве: в среднем хозяйстве содержали по 5—10 кур, в богатом хозяйстве – до 15, 20 или даже 50, и несколько уток и гусей. В 80-е гг. XVIII в. цыплята на местных рынках стоили по 5—15 коп., а индейки по 20—40 коп.

Хотя сельское хозяйство являлось главным занятием русского крестьянина, оно дополнялось, а иногда и замещалось выращиванием технических культур, таких как лен и конопля. То и другое шло на изготовление пряжи и тканей для домашнего употребления и на продажу, а также на масло. Эти две культуры выращивали по всему Северо-Западу и Северу России, в Центральной черноземной зоне, на Средней Волге. Прядение и ткачество нередко составляли часть отработок, взимавшихся с крепостных женщин и детей, особенно в таких местах, как Псковская губерния, где выращивали почти исключительно лен и коноплю и редко сеяли зерновые культуры, а пряжа продавалась на ярмарках или на городские фабрики. За год крестьянка могла выткать 20—30 аршин полотна (или 15—23 ярда)[11]. Иногда помещики участвовали в торговле пряжей и полотном, собирая со своих крепостных высокие натуральные повинности и продавая их продукцию в столицу, но чаще в поместьях почти все их производство и продажа находились под контролем зажиточных крестьян, которые организовывали также изготовление конопляного и льняного масла. Менее распространенным было выращивание хмеля в Заволжском районе и на Средней Волге, а также табака на Украине.

Другими отраслями крестьянской экономической деятельности, по собственной инициативе или в рамках помещичьего хозяйства, было изготовление веревок, пчеловодство и эксплуатация гигантских лесных ресурсов России. На Севере и Северо-Востоке, где леса были обширны, а помещики немногочисленны, крестьяне производили древесный уголь, деготь, смолу и древесину. Повсемест-

---

[11] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 267 и далее. Один пуд льна стоил 1,5 руб. Производство могло достигать 100 аршин в год (ср. с. 305).

но занимались также строительством барж и лодок. Лес пилили и обрабатывали для внутреннего применения в строительстве и на экспорт для кораблестроения. Южнее леса находились в основном в руках помещиков, извлекавших большие доходы из их эксплуатации при помощи наемного труда, когда не хватало сил собственных крестьян на лесопилках, верфях и т.д.

Рыбные ловли также служили в России крупным источником доходов. Казенные пруды и реки власти сдавали в аренду купцам или государственным крестьянам, использовавшим наемный труд. Частные озера, реки и пруды, судя по всему, эксплуатировались для внутреннего домашнего потребления. В некоторых районах рыба бывала так дешева, что ее невозможно было продать. В одном отношении русские крестьяне жили благополучнее своих европейских собратьев: в России не существовало никаких общегосударственных законов по охране дичи. Помещики устанавливали правила охоты у себя в имениях по собственному произволу. Обычно крестьянам разрешали свободно охотиться на оленей, кабанов, диких уток, вальдшнепов, перепелов, куропаток и т.п. Дичь замораживали и отправляли в город. Водоплавающая птица водилась в таком изобилии, что входила в обычный крестьянский рацион питания и даже в городах стоила дешево. В самом деле, внутри страны продукты питания были дешевле, чем где-либо в Европе[12].

Переработка сельскохозяйственной продукции, такой как древесина, лен и конопля, воск и сало, наряду с доставкой на рынок и продажей зерна, тканей и т.п. не выходят за обычные рамки аграрной экономики. Но русские крестьяне, особенно в менее плодородных регионах, играли также все возрастающую роль в развитии промышленности на уровне мелких мануфактурных производств. Именно крестьянские ремесленные промыслы удовлетворяли спрос на повседневные потребительские товары несложной или совсем грубой выработки.

По всей России крестьяне производили изделия из железа (гвозди, замки, пряжки и т.п.), столовые приборы (в нижегородском селе Павлово все три тысячи жителей занимались этим промыслом), гли-

[12] *Stroch H. von.* Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie. Paris; Basel, 1901. Vol. I. P. 55; Ibid. Vol. II. Ch. 1: De la chasse. P. 8: «До сих пор охота разрешена свободно почти на всем пространстве Российской империи. Лишь немногие хозяева запрещают своим крестьянам носить оружие»). См. также: ПСЗ. Т. XVII. № 12348, 5 марта 1765 г.

няную посуду, кожаные изделия, колеса, телеги. Но в дополнение к этим простым изделиям крестьянская домашняя индустрия производила немалую часть таких товаров, как шляпы, обувь, мебель, шелковые и хлопчатобумажные ткани, платки, ленты, тафту и т.п. Были даже специалисты по изготовлению листового золота и серебра. Другие красили кожи, выделывали меха, выпускали набивной ситец и китайку.

Рост активности крестьянства в этих отраслях встречал одобрение дворянства, извлекавшего выгоду из экономического предпринимательства своих крепостных, и одновременно порождал по-настоящему острую конкуренцию с купеческим сословием, так как крестьяне, работая у себя в деревнях, не платили городских налогов. Это вызвало в 1767 г. схватку в Уложенной комиссии между дворянством, заинтересованным в доходах от мастерства и предприимчивости своих крепостных, узаконив их ремесла в городах, и купечеством, желавшим монополизировать торговлю в городе для себя[13]. Но соперничество существовало также и в более узкой сфере обрабатывающей промышленности, потому что в ней дворянство после 1762 г. пользовалось монополией на покупку крестьянской рабочей силы, а сырье зачастую могло производить в собственных имениях. Если конкуренция в этой отрасли не была крайне острой, то лишь потому, что купцы и дворяне производили различные по характеру товары. Дворянство выпускало преимущественно парусину, полотно, тонкие ткани, шелка, предметы роскоши — стекло, фарфор, зеркала, писчую бумагу и т.п. Более того, в целом дворянское производство было крупнее по масштабам и сохраняло приоритет в тех отраслях промышленности, которые восходили к эпохе Петра Великого. Купцы же, использовавшие наемный труд, преобладали в мелком производстве потребительских товаров, и многие их предприятия существовали лишь с 1762 г.

Однако была одна сфера производства, в которой дворянство приобрело почти полную монополию, а именно винокурение. Алкогольные напитки, к которым в России относили слабое пиво, или «вино», изготовлявшееся из ржи и иногда из овса с добавлением солода, дрожжей и хмеля, а также «водку», т.е. крепкий напиток, получавшийся при перегонке «вина», служили важным источником национального дохода. До середины 50-х гг. XVIII в. производство

---

[13] См.: *Яковецкий В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостной России. М., 1953.

спиртного значительно превышало его потребление в принадлежащих государству или лицензированных им питейных заведениях — кабаках, и немало казенных доходов пропадало в результате прямой продажи спиртного потребителям. Монополия на частное винокурение была дарована дворянству в 1754 г., а купеческое винокурение было постепенно свернуто. Производство спиртного на дворянских и государственных винокуренных заводах постепенно росло и общими усилиями заполняло нишу, освобожденную купечеством. В 1765 г. дворянские производства поставили 1 895 957 ведер спиртного (1 ведро = 3,23 галлона), а в 1775 г. это количество выросло до 2 103 325 ведер. Государственное производство служило для того, чтобы удерживать дворянских водочных фабрикантов от произвольного повышения цен[14].

Многочисленность производителей и пунктов торговли спиртным делала винокуренную промышленность в целом особенно благоприятным полем для взяточничества, уклонения от налогов, контрабанды и т.п. Поэтому Екатерина II, следуя своей обычной практике, 23 марта 1764 г. учредила комиссию для изучения организации продажи вина, чтобы повысить ее доходность для государства[15]. Комиссия рекомендовала отдавать продажу спиртного на откуп населению, что и было введено в действие в 1767 г.[16] Откупщикам предложили подавать заявки на четырехлетние контракты на торговлю спиртным, закупаемым из государственных запасов, и на сбор питейного налога. Чтобы повысить статус откупщиков, им позволили носить шпаги (если они состояли в купечестве) и пожаловали определенные налоговые льготы как «агентам короны». Кабаки, ассоциировавшиеся с пьянством, также попытались облагородить, переименовав их в «питейные дома». Откупщиками могли выступать дворяне, разночинцы и зажиточные крестьяне (даже крепостные).

Эта система, выработанная в 1765 г., просуществовала с 1767 г., когда ее ввели в действие, до 1775 г., когда ответственность за организацию откупов была возложена на местные казенные палаты. Вошло в норму большее, чем прежде, количество контрактов на мелкие поставки, зафиксированное в новых правилах 24 августа

[14] *Павленко Н. И.* История металлургии в России в XVIII в. М., 1962.

[15] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12105.

[16] См.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1966. С. 158; ПСЗ. Т. XVII. № 12444 и 12446, 1 августа 1765 г. Устав о винокурении был издан 9 августа 1765 г. (Там же. № 12448).

1781 г. В них устанавливалось, что при равных условиях заявки на подряд предпочтение получают мелкие производители, в сельской местности — дворяне, в районах с государственными крестьянами — государственные крестьяне, в городах — горожане. Новый Устав о винокурении был издан 17 сентября 1781 г.[17].

Покупная цена спиртного при Екатерине постоянно росла и дошла от 85 коп. за ведро в 1768 г., до 1,1 руб. в 90-е гг. (при значительных местных расхождениях). В 1763 г. откупщики продавали потребителям ведро вина за 2,54 руб. В 1768 г., с началом Русско-турецкой войны, цена выросла до 3 руб., а к 1794 г. достигла 4 руб. Годовое потребление на душу мужского пола оценивалось в полведра, или около 1,75 галлона, по цене 2 руб.[18] Если это было выгодно государству, то было выгодно и производителю. К 1795—1796 гг. дворяне производили 3 348 278 ведер (не считая Малороссии). Даже если дворяне покупали зерно для своих винокуренных заводов, их прибыль составляла около 1,25 руб. за ведро. Многие магнаты увеличивали свои и без того внушительные доходы, разворачивая крупные винокуренные производства. Вклад князя Куракина в производство вина в 90-е гг. составил 111 785 ведер, а К. Г. Разумовского — 99 200 ведер. Поэт Г. Р. Державин действовал в более скромных масштабах и в 1796 г. произвел 10 616 ведер, для чего использовал зерно из собственного поместья в 400 душ, да еще прикупил зерна на 7000 руб.[19] Откупщики также делали состояния, а некоторых из них со временем возводили в дворянство. Но незаконная продажа спиртного все равно оставалась прорехой в государственных доходах, а уклонение от налогов лишь усилилось после децентрализации контроля в 1775 г., так как появилась возможность давать многим людям мелкие взятки[20].

Екатерина II вступила на престол, четко понимая необходимость выработать для России экономическую политику. Взгляды императрицы на экономику были отмечены разумным эклектизмом, вообще присущим ее подходу к управлению. Государыня верила в приори-

---

[17] См.: *Le Donne J.P.* Indirect Taxes in Catherine's Russia. The Liquor Monopoly // JGOE. 1976. Vol. 24. № 2. P. 173—207.

[18] Ibid. P. 195, примеч. 58.

[19] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 449.

[20] См.: *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. Прибалтийские провинции, Малороссия и Белоруссия (с 1772 г.) пользовались правом свободной продажи спиртного (или при минимальных налогах) (Там же. С. 164).

тет сельского хозяйства как главного источника человеческого существования[21]. Она отдавала предпочтение мелким надомным производствам перед крупными предприятиями, так как они помогали удержать крестьян на земле и занять их работой в долгие зимние месяцы. Более того, домашние промыслы не требовали государственной помощи ни рабочей силой, ни деньгами. Жалованье на мелких домашних предприятиях было ниже, а потому их продукция имела более низкую себестоимость. В них не вкладывали крупных капиталов, благодаря чему мелкий производитель меньше зависел от колебаний спроса. По мнению императрицы, крупные заводы требовали больших капиталов и более профессионального штата работников, но, подобно мелким, страдали от воровства и некомпетентности, а рабочие на них, замученные суровой дисциплиной, были забиты и запуганы, терпели грубость и жестокость мастеров и десятских[22].

Кроме того, Екатерина полагала, что «невольные руки хуже работают, нежель вольные, и покупки фабрикантами деревень прямо истребление земледелия»[23]. Предпочтительность наемного труда в промышленности, в противоположность труду крепостных, самым четким образом выражена в наказе от Мануфактур-коллегии ее депутату в Уложенной комиссии. В наказе говорилось, что принудительный труд крепостных был необходим в петровское время, когда промышленность еще только создавалась, теперь же трудности, связанные с принуждением, перечеркивают его преимущества. Далее в документе сказано, что покупка имений промышленниками к тому же позволила им пользоваться дворянскими привилегиями и даже вступать в военную службу, тем самым усиливая непоправимое и нежелательное смешение сословий. Предприятия стали полностью зависеть от крепостного труда, что подавляет развитие промышленности в стране. Промышленные крестьяне превратились в новый вид частновладельческих крепостных, вместо того чтобы влиться в число ремесленников и процветающих горожан. Промышленность, отмечалось в наказе, нужно предоставить самой себе, и пусть каждый работает, сколько хочет[24]. Наконец, государы-

---

[21] См.: Наказ, ст. 294, 313, 606.

[22] См. замечания Екатерины II на доклад Мануфактур-коллегии, приведенные в работе: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 107—108 (автор ссылается на изд.: РА. 1868. Стб. 503).

[23] Замечание на полях доклада Мануфактур-коллегии. Цит. по: *Флоровский А. В.* Из истории екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. 219, примеч. 2.

[24] СбРИО. Т. XLIII. С. 204 и далее.

ня выступала решительной противницей всех форм монополии, как в производстве, так и в продаже. Она была сторонницей ограничения государственного вмешательства в производство и распределение товаров (в первую очередь, потребительских), поощрения конкуренции, установления минимального государственного надзора и регулирования как в интересах развития национальной экономики, так и ради повышения национального дохода.

В своих взглядах императрица была далеко не одинока. От краткого правления Петра III ей достались в наследство экономические советники (такие, как Д. В. Волков, Г. Н. Теплов) и экономические мероприятия. 23 марта 1762 г. Петр III издал указ, осуждающий монополии. За ним последовал указ, запретивший покупку деревень с крепостными фабрикантам-недворянам[25]. В указе Екатерины II от 31 июля 1762 г. эта политика получила дальнейшее развитие, а 8 августа был подтвержден запрет на покупку промышленниками крепостных деревень[26]. Дарованная всем без разбора свобода заводить промышленные производства любого масштаба повлекла за собой открытие все большего числа предприятий. Многочисленные крестьяне, обычно уходившие из деревни на работу в услужение или на обрабатывающие предприятия, образовали резервуар подготовленной рабочей силы для ряда производственных процессов. Свои навыки они приносили назад в деревню, где начинали собственное дело силами своей семьи. Кроме того, теперь имелось больше квалифицированной рабочей силы на заводах. Рост городского населения и крестьянской мобильности облегчал предпринимателям-недворянам поиски наемных рабочих рук без крупных расходов при покупке деревень с крепостными[27].

Исключением в практике освобождения промышленного предпринимательства было налогообложение продукции металлургической промышленности. В 1763 г. с доменных печей пришлось заплатить по 100 руб. налога, с медеплавилен — по 5 руб. Кроме того, взимался сбор в 4 коп. с пуда металла. В 1769 г. размеры налогов удвоились, чтобы обеспечить военные расходы[28]. Но Екатерина

---

[25] ПСЗ. Т. XV. № 11489, 11490, 29 марта 1762 г. См. выше, гл. 1.

[26] Там же. № 11630, 31 июля 1762 г.; № 11635, 8 августа 1762 г.

[27] Екатерина оставалась сторонницей применения наемного труда. «Что касается до покупки деревень для заводов и пр., то твердо держаться моей конфирмации 1762 г. на Сенатский доклад о сей материи», — написала она на докладе Сената за 1769 г. (СбРИО. Т. X. С. 380). См. также: *Zaozerskaya E. I.* Le salariat dans les manufactures textiles russes au XVIII siècle // CMRS. 1965. Vol. 6. P. 189—222.

[28] См: *Portal R.* L'Oural au XVIII siècle. Paris, 1950. P. 322.

воспользовалась первой же возможностью, чтобы не только отменить эти экстраординарные военные налоги, но и провозгласить свободу промышленного предпринимательства. В Манифесте 17 марта 1775 г. по случаю ратификации мира с Османской империей было объявлено, что члены всех сословий вольны повсеместно заводить мелкие и крупные производства в любой отрасли[29]. В 1779 г. с чугунолитейных заводов было снято принудительное обязательство продавать часть продукции государству. Через пять лет дворянство освободили от последних пут, которыми государство ограничивало его свободу пользования частной собственностью. Указом 28 июня 1782 г. дворянам пожаловали свободу эксплуатации недр и продуктов их земли, открыв путь к неограниченной самостоятельности дворянского промышленного предпринимательства. Тем самым было окончательно аннулировано право свободных изыскателей вести разведку недр, которое некогда ввел Петр I, рассчитывая на развитие добычи полезных ископаемых[30].

Либерализация экономической политики властей сказалась на развитии отходничества. Наглядным примером динамики этого процесса служит Ярославская губерния. В 1778 г. крестьянам, уходившим на зиму из деревни на работу, здесь было выдано 53 656 паспортов. В 1788-м эта цифра возросла до 70 144, а в 1798-м достигла 73 663 при общей численности мужского населения 385 тыс. душ (по пятой ревизии), т.е. составила около 20%. Число предприятий, составлявшее 600—700 в 1762 г., в 1796 г. превысило 2 тыс. [31] Еще в 60-е гг. XVIII в. 61,9% крестьянства обширной дореформенной Московской губернии, помимо земледелия, были заняты в прядильном и ткацком производстве, изготовляя полотно и пеньку, а в 70-е гг. уже 40% из них работало на рынок. В России, как и повсеместно в Европе, в 60-е гг. XVIII в. бурно развивалась ситценабивная промышленность, налаженная впервые в 1755 г. английской фирмой «Чемберлен и Казинс». Как и в других странах, в России широко применялся детский труд в промышленности. Именно на производстве ситца составили свои громадные капиталы крепост-

---

[29] ПСЗ. Т. XX. № 14275.

[30] *Portal R.* Op. cit. P. 390; ПСЗ. Т. XXI. № 15447.

[31] *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. М.; Л., 1934 (во «Введении» указаны цифры соответственно 984 и 33 161, но сейчас эти данные пересмотрены в сторону понижения, хотя споры все еще не утихают. См.: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton Unversity Press, 1961. P. 293—294).

ные миллионеры в Иванове, владении П. Б. Шереметева. Первопроходцем здесь был крепостной крестьянин, открывший мастерскую в 1762 г. К 1774 г. в Иванове насчитывалось уже 14 ткацких и ситценабивных фабрик, на которых работало 614 станков. К концу XVIII столетия предприятий стало 49 (а к 1825 г. — 125). Крепостные фабриканты использовали большей частью труд наемных крестьян, но со временем сами становились владельцами крепостных, хотя, разумеется, эти покупки осуществлялись на имя их хозяина[32].

Если российская перерабатывающая промышленность была сосредоточена в Центральном промышленном районе и в Москве и Петербурге с окрестностями, то основная часть тяжелой промышленности размещалась на Урале и в Приуралье, хотя высокая концентрация железоплавилен, кузниц и домен отмечалась и вокруг Москвы — в Туле, Переславле-Залесском, Калуге. В 1754 г. было запрещено открывать новые металлургические предприятия в радиусе 200 верст от Москвы, чтобы предотвратить уничтожение лесов. Это повлекло за собой упадок Тулы, которая так и не оправилась даже после того, как запрет был снят в начале 60-х гг.

Преображенная сверхчеловеческой энергией Петра Великого, российская горнодобывающая и металлургическая промышленность сумела пережить и его смерть, и переход экономики от военной к мирной модели развития. Не произошло сколько-нибудь заметного сокращения выплавки железа и меди на частных и казенных заводах. Характерной чертой послепетровского периода был переход многих предприятий от государства в частные руки, сопровождавшийся усилением контролирующей и регулирующей роли государства. Тогда считалось, что частные предприятия эффективнее, а потому, если государственные предприятия не приносят дохода, их лучше передавать частным владельцам. Государство же выиграет, ограничившись ролью надзирателя. Но производства, переданные частным владельцам, должны были выполнять государственные заказы по установленным ценам.

Переход предприятий от государства в частные руки ускорился в Елизаветинскую эпоху, когда многие представители высшей знати увидели для себя шанс сделать крупные состояния, и в их руки отошло около 32 предприятий либо в виде подарков, либо в результате покупки. Ряд литейных заводов был основан возведенными в дворянство династиями предпринимателей, таких как Строгановы

[32] Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 94 и далее.

и Демидовы[33]. Эти могущественные династии продолжали главенствовать в уральском чугунолитейном производстве до конца столетия, хотя благодаря российской системе наследования они успели разделиться на семейные группы: у шести ветвей Демидовых было 25 заводов, четыре ветви Строгановых владели восемью предприятиями[34]. Но немногие из дворян, просто купивших себе заводы, — Шуваловы, Чернышевы, Воронцовы — были способны вести дело эффективно и с выгодой, и впоследствии им приходилось продавать государству эти предприятия с убытком[35]. Среди новых предпринимателей выделялся Савва Яковлев, построивший за Уралом семь домен и кузниц с 1769 по 1779 г.[36] В общей сложности в 1763—1796 гг. было основано 31 новое предприятие, хотя некоторые из них оказались недолговечными. Производство постоянно возрастало и дошло от 60 050 тонн чугуна в чушках в 1760 г. до 83 705 тонн в 1770 г., 110 132 тонн в 1780 г. и 162 427 в 1800 г., опередив английскую промышленность. Русское железо пользовалось большим спросом во время обеих войн с Турцией, а также в Англии во время американской Войны за независимость[37].

Тем не менее в 60—70-е гг. металлургическая промышленность переживала экономический кризис (не говоря уже об ущербе, нанесенном ей восстанием Пугачева), который можно объяснить ростом относительной стоимости перевозок и услуг и отсутствием технической модернизации. Перевозки чаще всего осуществлялись силами наемных работников за высокую плату, а не приписными крестьянами, количество которых оставалось неизменным, так как после волнений 1762—1764 гг. практика перевода в приписные больше не применялась[38]. Более того, в 1769 г., когда оброк с государственных крестьян повысился до 2 руб.[39], чтобы покрыть расходы на войну с Турцией, правительство подняло жалованье приписных крестьян, которое не менялось с 1724 г.: летом до 12 и 6 коп. в день соответственно крестьянину с лошадью и безлошадному, а зимой до 8 и 5 коп. плюс по 3 коп. в день на дорожные расходы[40]. Это повышение жалованья,

---

[33] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 464 и далее.

[34] *Portal R.* Op. cit. P. 351—354, таблицы.

[35] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 327 и далее.

[36] *Portal R.* Op. cit. P. 302 ff.

[37] Очерки по истории СССР... С. 101, таблица; *Portal R.* Op. cit. P. 156 (см. также таблицу данных по экспорту).

[38] Ibid. P. 320.

[39] См. выше, гл. 13.

[40] ПСЗ. Т. XVIII. № 13303, 27 мая 1769 г.

которое, вероятно, покрывало 10—15% нужд крестьянина, уже поставленного перед стопроцентным увеличением оброка, не принесло ему облегчения, особенно в период роста цен на продовольствие, а при этом тяжелым бременем легло на предприятия, уже и без того отягощенные налогами на производство, введенными в начале 60-х гг.[41] Это возросшее давление на приписных крестьян объясняет, отчего они так спешили примкнуть к Пугачеву в 1773—1775 гг.[42]

Индустриальные предприятия Урала понесли в результате восстания тяжелый урон, главным образом в Башкирии, вдоль линии, идущей от Златоуста, к югу от Екатеринбурга, Кунгура и Перми, по течению Камы. К северу от этой линии русское население сопротивлялось башкирам и защищало себя и свои заводы. Около 89 заводов в разной степени пострадали, 25 были разрушены полностью, 35 прекратили работу и были разграблены. Суммарная убыль живой силы на предприятиях убитыми и беглыми оценивалась в 2716 человек. Общие материальные потери достигли 2 716 506 руб. (в эту сумму входило свыше миллиона руб. за разрушенные крестьянские хозяйства). Потери готовой продукции определялись в 2 819 687 руб.[43]

Уже весной 1774 г. правительство приняло меры к тому, чтобы вновь ввести в действие все промышленные предприятия и оценить размеры ущерба. Те заводы, которые бунтовщики только разграбили и сожгли, можно было восстановить довольно быстро. Но в Башкирии, где были сосредоточены медеплавильные производства, разрушения оказались более основательными. Тем не менее к 1776 г. было отстроено около 30 заводов, и, за исключением нескольких предприятий в Башкирии, не подлежавших восстановлению, все следы разрухи, причиненной восстанием, исчезли к 1780 г.[44] К несчастью, ни в частном, ни в государственном секторе восстановление не сопровождалось каким-либо техническим обновлением.

Поведение приписных крестьян, их почти немедленное бегство с предприятий домой в деревню или к Пугачеву, заставило правительство принять ряд мер к улучшению их положения. Манифестом 21 мая 1779 г.[45] были точно установлены виды работ, к которым разрешалось привлекать приписных крестьян на государственных

---

[41] *Portal R.* Op. cit. P. 322.

[42] См. выше, гл. 16.

[43] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 475, таблица, и далее. Автор утверждает, что реальный ущерб был гораздо меньше, чем предполагают эти цифры.

[44] *Portal R.* Op. cit. P. 341—343.

[45] ПСЗ. Т. XX. № 14878.

предприятиях (жжение и доставка древесного угля, лесоповал, перевозка руды, строительные и ремонтные работы и т.д.). Значительно повысилось жалованье — до 10 коп. пешему крестьянину и до 20 — лошадному летом, до 8 и 12 коп. соответственно зимой. Новым указом в 1780 г. удвоили дорожные деньги на лошадь с одной копейки до двух зимой и летом. Но эти существенные повышения жалованья и выплат обесценились уже в 1783 г., когда оброк с государственных крестьян возрос до 3 руб., вследствие чего общая сумма, положенная на крестьянина в год, составила 3,7 руб.[46] Но, несмотря на выросший оброк, приписные крестьяне все-таки жили лучше, чем в 60-е гг., — разумеется, если им действительно выплачивали все новые прибавки. Свыше половины приписных крестьян (170 000 из 230 000) фактически работали на государственных предприятиях, где выплаты были гарантированы. Сложнее было проследить за правильностью выплат на частных предприятиях, и еще труднее добиться исполнения указов, устанавливавших жалованье крепостных работных людей или квалифицированных рабочих. С 1760-х гг. их жалованье к концу столетия выросло процентов на 20, но не отставали и цены под объединенным воздействием обесценивания бумажных денег, особенно в 90-е гг., и подъема сельского хозяйства. В итоге, с учетом всех обстоятельств, вполне возможно утверждать, что приписные крестьяне к концу столетия стали жить относительно лучше, а посессионные крепостные относительно хуже.

Но даже в отсутствие новых предприятий, как и технических новшеств на старых заводах, российское производство чугуна в чушках в последние два десятилетия XVIII в. продолжало расти. Это объяснялось повышением цены на чугун из-за растущего заграничного спроса, а также из-за расширения потребностей рынка в металлообрабатывающей промышленности Центрального промышленного района. В 80—90-е гг. эта отрасль переживала период необычайного расцвета, причем доля в ней государственных предприятий постоянно уменьшалась. В 1782 г. на государственных предприятиях выпустили 182 363 пуда чугуна, а на частных — 2 876 049 пудов[47]. Однако отсутствие модернизации к началу XIX в. постепенно привело к отставанию российской металлургической промышленности от зарубежных конкурентов.

XVIII век был свидетелем также некоторого развития горнодобывающей и металлургической промышленности в Западной Сибири,

---

[46] ПСЗ. Т. XXI. № 15724. 3 мая 1783 г.

[47] *Portal R.* Op. cit. P. 359.

на территории между Иртышом и Енисеем, на Колыванских медных шахтах в Алтайских горах, являвшихся частной собственностью императорской семьи и превышавших площадью территорию Англии. Большую часть рабочей силы здесь составляли приписные крестьяне из Сибири (приписных было 55 306 человек, остальных категорий — 6797)[48]. К шахтам и заводам приписывали также членов других социальных групп, высланных в Сибирь на поселение, чтобы те отрабатывали свою подушную подать. Почти вдвое больше могли заработать крестьяне, нанимавшиеся на крайне важную и сравнительно выгодную работу по доставке руды из шахт на заводы, где ее переплавляли. При цене 6 коп. с пуда крестьянин, имеющий десяток лошадей, сделав десять ездок, мог заработать до 120 руб. Поэтому крестьяне старались приобретать как можно больше тягловой силы; у самых богатых бывало по 50—100 лошадей.

Все эти территории вместе с горнодобывающим комплексом сначала управлялись Кабинетом — органом, ведавшим частными императорскими доходами, несомненно, потому, что там располагались золотые и серебряные рудники. На Змеиногорских рудниках добывали основную часть сибирского золота и серебра, причем особенно высокое содержание драгоценного металла в руде отмечалось здесь в 70-е гг. и постепенно сокращалось на протяжении 80—90-х гг., дойдя от максимума в 1311 пудов серебра на 1 338 753 пуда руды до 952 пудов серебра на 1131 466 пудов руды в 1793 г. 1 мая 1779 г. Екатерина приказала распространить действие «Учреждений для управления губерний» 1775 г. на Западную Сибирь[49], вследствие чего местная Контора по управлению заводами была поглощена новыми казенными органами, а ее судебные функции перешли к новым судам. В 1783 г. Колывань стала губернией, разделенной на уезды, с сетью уголовных и гражданских судов, которые невозможно было полностью укомплектовать персоналом. Те же органы местной власти были обязаны открывать школы для детей квалифицированных рабочих: в 1787 г. имелось шесть школ, в которых училось около 800 детей.

Дальше к востоку лежали Нерчинские рудники. В 1774 г. на их серебряных шахтах добыли около 619 пудов серебра, а в 1778 г. здесь началась добыча золота. Но имя Нерчинска, расположенного за Байкалом, близ границы с Монголией, звучало зловеще, потому что в XVIII в. именно сюда ссылали самых страшных преступников, осужденных на поселение или каторжные работы.

---

[48] *Карпенко З. Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1963.

[49] См. гл. 25; ПСЗ. Т. XX. № 14868.

Глава 30

Торговля и финансы

В 1779 г. Екатерина II описала мрачную картину состояния российских финансов и экономики при ее вступлении на престол: основная часть армии, находившаяся тогда в Пруссии, не получала жалованья, приказ выплатить 17 млн руб. не выполнялся. Почти все отрасли торговли были розданы в монополию. Таможенные сборы перешли в руки откупщиков всего за 2 млн руб., а 16 млн руб., ходившие в стране, относились к 12 различным весовым стандартам[1]. Нелестное мнение государыни о положении дел разделяли ее главные советники по экономическим вопросам, которые в большинстве своем приобрели влияние еще при Петре III[2]. Указом 23 марта 1762 г. Петр III объявил, что «всякому торгу свободну быть надлежит», осудил монополии и подчеркнул необходимость развивать экспорт, удерживать русскую валюту внутри страны и вести торговлю на русских кораблях[3]. Все эти начинания Екатерине предстояло осуществить в свое царствование, к чему она и приступила сразу же, издав указ 31 июля 1762 г. об отмене всех казенных монополий, открытии караванной торговли с Китаем для всех купцов и свободной торговле некоторыми видами мехов[4]. Указ носит следы поспешности, но он послужил исходной точкой к последующей постепенной либерализации российской экономики как в сфере производства, так и во внешней и внутренней торговле. Вскоре за ним последовало изъятие таможенных сборов из рук тогдашнего откупщика, накопившего изрядные недоимки. После со-

---

[1] СбРИО. Т. XXVII. С. 170, после 21 мая 1779 г.

[2] *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902.

[3] ПСЗ. Т. XV. № 11489. Были также отменены меры дискриминации в отношении Архангельска, введенные Петром I в интересах развития Санкт-Петербурга.

[4] Там же. № 11630.

крушительного обвинительного акта в адрес откупной системы, написанного Г. Н. Тепловым, в 1762 г. было наконец решено сохранить сбор таможенных налогов за государством. Надзирателем всех таможен империи был назначен граф Э. Миних, сын фельдмаршала[5].

Взгляды самой государыни на коммерческую политику были выражены в ее «Наказе» 1767 г. Она была согласна с необходимостью государственного регулирования торговли в интересах ее развития, в чем следовала английской модели. «Вольность торговли не то, когда торгующим дозволяется делать, что они захотят, сие было бы больше рабство оныя. Что стесняет торгующего, то не стесняет торговлю» (статья 321). «Англия не положенного торговых пошлин устава (или тарифа) с другими народами... Чрезмерные имея всегда подозрения на торговлю, в ее земле производимую, мало когда с другими державами обязуется договорами и ни от чьих, кроме своих законов, не зависит» (статья 324). Таким образом, долг государства — проторить путь для торговли и предпринимательства, постоянно помня при этом о национальном доходе. Екатерина II придавала торговле такую большую важность, что вскоре учредила специальную Комиссию о коммерции, непосредственно подчинив ее себе. Круг обязанностей этого органа, очерченный в декабре 1763 г. согласно плану Теплова, охватывал как изучение состояния внутренней и внешней торговли России, так и выработку нового законодательства для ее развития в целях повышения кредита, роста денежного обращения и лучшего использования казенных привилегий.

Комиссия о коммерции являлась чисто совещательным органом, не имея никаких исполнительных функций, как нередко бывало в административных импровизациях Екатерины, а ее соотношение с другими определяющими политику или исполнительными органами было неопределенным. Она не обладала монопольным правом вырабатывать коммерческую политику, эти вопросы могли обсуждаться также в Совете при Высочайшем дворе и в Коммерц-коллегии. В состав Комиссии о коммерции в разные годы входили такие эксперты, как Г. Н. Теплов, князь М. М. Щербатов, а главное — А. Р. Воронцов. Он был назначен в комиссию в 1774 г. и составил полезный обзор ее деятельности, будучи президентом Коммерц-коллегии. Время от времени в эту комиссию включали русских купцов. Члены комиссии погрузились в занятия, посвященные

---

[5] ПСЗ. Т. XVI. № 11975, 20 ноября 1763 г.; *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 178 и далее.

чрезвычайно глубокому и исчерпывающему анализу причин пороков экономической жизни России: правовой незащищенности, плохих путей сообщения, отсутствия банковской системы, некомпетентной и продажной администрации[6].

Одной из важнейших задач комиссии на протяжении ее существования было формулирование российской тарифной политики и составление тарифов. Сенат посвятил некоторое время пересмотру тарифа 1757 г. и передал свой проект в комиссию, которая приступила к коренной переработке документа, основанной на нескольких определенных ею экономических принципах. Товары делились на категории, и в каждой оговаривалось, какой цели нужно достичь при помощи сборов. Наконец 1 сентября 1766 г. был провозглашен новый тариф, который должен был вступить в силу с 1 мая 1767 г. во всех таможенных постах империи, за исключением расположенных в Оренбургской губернии (через которую шла торговля с Азией), в Сибири, в Русской Финляндии и в Прибалтике (здесь действовали правила, установленные шведской королевой Кристиной в XVII в., а потому в русскую таможенную зону эти провинции не включались).

По характеру новый тариф был умеренно протекционистским. Он облегчал ввоз в Россию сырья и полуфабрикатов для обработки силами российской промышленности; разрешал ввоз товаров, не производившихся в России; те товары, которые могли производиться в России, облагались пошлиной в 15%, а те, которые уже производились, — тридцатипроцентной. Ввоз товаров, которыми Россия сама себя обеспечивала, запрещался или облагался 200% пошлины, как и предметы роскоши, например золотые и серебряные ткани. «Необходимые» предметы роскоши (такие, как шелк) облагались сбором в 20%, но с мебели, произведений искусства, «дорогих» продуктов и напитков брали 100% пошлины. Предвосхищая современные теории диетического питания, Екатерина разрешила свободный ввоз лимонов и каштанов, а сладости и консервы обложила пошлиной. Русские купцы платили пошлины русскими деньгами или серебряными талерами («ефимками» — от серебряных иоахимстале-

---

[6] См. классический труд А. С. Лаппо-Данилевского: *Lappo-Danilevsky A.S.* Die Russische Handelskommission von 1763—1796 // Beiträge zur Russischen Geschichte. Berlin, 1907. S. 176—213. Ср.: *Daniel W.* The Merchantry and the Problem of Social Order in the Russian State: Catherine II's Commission on Commerce // SEER. 1977. Vol. 55. № 2. P. 185—203.

ров). Иностранные купцы платили серебряными талерами, оценивавшимися в рубль с четвертью. К экспорту подходили не менее гибко. Вывоз зерна в те годы, когда в России стояли умеренные цены, разрешался беспошлинно. Вывоз солонины, рыбы и икры подлежал умеренному обложению, а на товары высшего качества были установлены низкие пошлины, чтобы повысить конкурентность русской торговли на зарубежных рынках. Тариф полагалось пересматривать каждые пять лет[7]. Заслуживает внимания, что согласно тарифу запрещался или облагался высокими пошлинами ввоз предметов роскоши, имевших особую ценность для дворянства. Поэтому едва ли можно утверждать (как делали некоторые советские историки экономики), что таможенный тариф был составлен в интересах дворянства. Например, пошлина с шампанского достигала 144%[8].

На бумаге в российской внешней торговле существовал перевес экспорта над импортом, составлявший в 1761—1770 гг. в среднем 2 млн руб. в год. Он постоянно рос и достиг 4,2 млн руб. в год в 1771—1775 гг. и 5,2 — в 1778—1780 гг. Но эти цифры, к сожалению, не учитывают широкий размах беспошлинного провоза товаров в Россию через долго остававшуюся без охраны сухопутную границу с Польшей[9], который по своим размерам вполне мог превратить активное сальдо экспорта в дефицит.

Тариф 1766 г. не пересматривался до 1781 г., когда это понадобилось в связи с расширением российской торговли во время американской Войны за независимость. Под влиянием А. Р. Воронцова был избран тот же принцип, что и в 1766 г., и 27 сентября 1782 г. государыня утвердила новый тариф.

В отличие от своего предшественника издания 1766 г., новый тариф был распространен на Прибалтийские провинции, система управления которых годом позже была интегрирована в общегосу-

---

[7] ПСЗ. Т. XVIII. № 12735, 1 сентября 1766 г.

[8] С. А. Покровский противопоставляет эту точку зрения мнению автора классического труда по экономической истории России П. Лященко (см.: *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947; *Lyashchenko P. I.* History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. N. Y., 1949).

[9] Контрабанда не была исключительно российским явлением. В начале 80-х гг. XVIII в. стоимость товаров, ежегодно ввозимых контрабандой в Англию, оценивалась в 2—3 млн фунтов, в то время как официальный импорт не превышал 12—13 млн фунтов в год. См.: *Ehrman J.* The Yonger Pitt, The Years of Acclaim. Constable, 1969. P. 241.

дарственную (хотя Рига по-прежнему платила налоги серебряными талерами, а рубль не считался законным платежным средством в Лифляндии до 1793 г.)[10]. Продукция из Малороссии, Белоруссии и соседней Польши должна была допускаться в собственно российские области беспошлинно. Специальные пониженные пошлины, введенные в черноморских портах в 1775 г.[11], были сохранены в тарифе 1782 г., а для азиатской торговли через Оренбург и Троицк вводились особые правила. Большинство товаров здесь ввозилось с выплатой десяти-двенадцатипроцентного таможенного сбора, но многие совсем запрещались к ввозу.

Тариф 1782 г. оказался еще либеральнее, чем тариф 1766 г. Пошлина на ввоз сырья сократилась до двухпроцентного уровня. Низкими остались и сборы с полуфабрикатов. Предметы роскоши и потребительские товары для «средних сословий» (в отличие от товаров для богатых дворян) подлежали восьми-десятипроцентному обложению. С дорогих же привозных предметов роскоши, которые уже производились к тому времени в России, взималось до 20% пошлины (мебель, высококачественные ткани и т.п.). Продукты, не являвшиеся предметами первой необходимости, но вошедшие в широкое употребление, такие как кофе, сахар, шоколад, облагались умеренно. Книги, картины, музыкальные инструменты, все товары, связанные с науками и искусствами, а также все медицинские инструменты и лекарства были освобождены от пошлин. Экспорт ряда ранее запрещенных предметов был теперь разрешен (речь идет, например, об оружии и селитре). Вывоз соли, спиртного, окрашенных мехов, золотой и серебряной парчи, русской монеты и предметов с изображением святых запрещался. По меньшей мере половина пошлин платилась серебряными талерами, а остальное русскими рублями. Контрабанда по-прежнему оставалась проблемой. Сокращение ввозных пошлин не помогло уменьшить ее размах, а потому была учреждена новая система пограничных постов на расстоянии 10 верст друг от друга, отданных в подчинение местным казенным палатам. В 80—90-х гг. она была распространена на все европейские границы Российской империи. Судя по обзору, составленному в 1795 г., контрабанда продолжалась, не ослабевая, при деятельном участии пограничной стражи, приставленной с ней бороться[12].

---

[10] ПСЗ. Т. XXIII. № 17117, 15 апреля 1793 г. Указ, разрешающий рижским торговцам платить пошлину русскими деньгами (по ставке 2,5 руб. за талер).

[11] Там же. Т. XX. № 14335, 4 августа 1775 г.

[12] *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 185 и далее.

Благодаря давней традиции, зафиксированной торговыми договорами 1734 и 1766 гг., ведущее положение во внешней торговле России занимали британские купцы. В 1756 г. доля Британии составляла в торговле Санкт-Петербурга 70% экспорта и 20% импорта. Но возможно, что это преобладание британской торговли было даже еще весомее, так как часть по виду российских фирм на самом деле принадлежала англичанам. В 1773 г. вывоз через Санкт-Петербург осуществляли 188 русских фирм и 272 иностранные, в том числе 65 британских[13].

Британские фирмы владели фабриками в Москве, Вологде, Туле, Ярославле, Казани и даже в Астрахани. Здесь они перерабатывали российское сырье на экспорт. Англичане сохраняли, согласно торговому договору 1766 г., право платить таможенные пошлины российской валютой, что ставило их в выгодное положение по сравнению с купцами из других стран. Хотя торговый баланс между двумя странами был в пользу России, английская сторона извлекала выгоду от перевозок и комиссионных[14].

Слабой стороной российской коммерции было отсутствие торгового флота. В 1773—1777 гг. *во всех* российских портах, вместе взятых, насчитывалось в среднем всего лишь 227 кораблей, причем только 12—15 судов водоизмещением свыше 200 тонн действительно принадлежали России. Зато в тот же самый период из 1748 кораблей, приходивших в русские порты, свыше 600 были британскими (для сравнения, в российской фрахтовой отрасли состояло 642 голландских корабля). В 1764 г. группа тульских купцов образовала экспортную компанию с капиталом в 100 000 руб. Екатерина купила 20 паев по 500 руб., выделила компании фрегат и сократила тарифы, чтобы поощрить это начинание, но после первой же операции оно потерпело крах[15].

За походом русского флота в Средиземное море в 1769 г. последовало назначение консулов во многие порты Атлантического и

---

[13] Очерки по истории СССР. XVIII в. Вторая половина. М., 1956. С. 128. См. также: *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // ИЗ. [М.,] 1955. [Т.] 54. С. 343—361.

[14] В 1770—1772 гг. Россия экспортировала в Англию товаров на сумму 1 110 093 фунтов стерлингов и ввезла из Англии на сумму 145 125 фунтов. В 1779 г. эти цифры составляли соответственно 1 201 377 и 306 072 фунта (*Storch H. von.* Historisch-Statistisches Gemalde des Russischen Reichs... Riga; Leipzig, 1801. Th. VI. S. 21).

[15] Ibid. S. 6.

Средиземноморского побережья. Тем самым было заложено основание системы защиты русской торговли. К 1780 г. в портах Балтийского и Северного морей, на побережье Атлантики, в Средиземном море (в особенности на греческих островах) появилось 16 генеральных консулов России и 32 консула. Мощный рывок к освобождению от зависимости от британских перевозок Россия сделала с провозглашением политики вооруженного нейтралитета в 1780 г.[16] В последующие годы Екатерина II заключила ряд торговых договоров, причем почти все они содержали в себе принципы вооруженного нейтралитета. В этих договорах, основанных на строгом равноправии партнеров, договаривающиеся стороны гарантировали друг другу режим наибольшего благоприятствования и соглашались на взаимное снижение тарифов на часть товаров при условии, что они будут экспортироваться на собственных судах каждой из сторон. Все тогда понимали, что эти договоры были ударом по преобладающей роли Британии в российской торговле, особенно потому, что Россия разрешила отныне всем партнерам платить половину пошлин русскими деньгами, тем самым обесценив льготы, которыми до сих пор пользовались только британские купцы[17].

Спрос на российскую продукцию в годы Войны за независимость Соединенных Штатов и вооруженного нейтралитета разбудил у Екатерины надежду расширить свой торговый флот. Но россияне (кроме жителей Лифляндии) не были прирожденными моряками, и относительная доля русских перевозок во внешней торговле оставалась по-прежнему низкой. В 1775 г. общее число русских кораблей, осуществлявших внешнеторговые перевозки, равнялось семнадцати. В 1780 г. из Санкт-Петербурга вышло 38 русских торговых кораблей, а к 1781 г. ожидалось увеличение коммерческого флота до 51 судна. В 90-е гг. количество купеческих кораблей, ходивших под российским флагом, выросло почти в десять раз. В 1794 г. из российских портов отплыли 406 русских кораблей, но британских все равно было больше (1011 судов). Доля русских купцов в импорте и экспорте через Санкт-Петербургский порт постепенно увеличивалась, достигнув в 1782 г. соответственно 45,6% и 22,6%, а в 1795 г. — 66% и 37,4%, в

[16] См. выше, гл. 24.

[17] См. гл. 25 и примеч. 36. Исключение составлял торговый договор с Османской империей. Принципы Нейтральной лиги были включены в российскую инструкцию для каперов, изданную с началом войны 31 декабря 1787 г.

то время как соответствующие данные о британских купцах равны 23,4% и 55% в 1782 г. и 29% и 60% в 1795 г.[18]

При первой же возможности императрица постаралась извлечь пользу из гарантированного Кючук-Кайнарджийским договором права России посылать торговые суда через Проливы в Средиземное море. В 1776 г. она выделила четыре фрегата, замаскированные под купеческие суда, в распоряжение торговой компании, за спиной которой стояло правительство. Однако турки отказались пропустить эти суда через Проливы, признав их за военные. Но, несмотря на эту первую неудачу, черноморская торговля развивалась бурно, причем до 1787 г. шла в основном через порт Таганрог. В 1792 г., с заключением Ясского мира, Россия получила Днестровский лиман, и когда с окончанием второй войны с Турцией возобновилась черноморская торговля, ее общий оборот уже в 1794 г. превысил сумму в 2 млн руб. с полумиллионным балансом в пользу России. К 1796 г. черноморские порты России посетило 357 кораблей, причем 87 из них пришло в Одессу[19].

Торговые отношения между Россией и Китаем регулировались Кяхтинским договором от 21 октября 1727 г., заложившим основы организации караванной торговли. Россия экспортировала в Китай главным образом меха и шкуры, а ввозила оттуда дорогие шелка и камку, золото и серебро, табак, а также ревень (это была государственная монополия). Указом 1 июля 1762 г. всем купцам был открыт широкий доступ к участию в торговых караванах, но воспользоваться этим разрешением в напряженной атмосфере российско-китайских отношений конца 50-х гг. XVIII в. было трудно. Кончилось это разрывом дипломатических и торговых связей на период 1764—1768 гг. 4 октября 1764 г. Екатерина II созвала конференцию для обсуждения отношений с Китаем и подготовки к вероятной войне, хотя Россия проводила чисто оборонительную политику[20].

Потеря таможенных доходов от китайской торговли послужила мощным стимулом для Екатерины, чтобы возобновить контакты с Поднебесной. В июле 1768 г. в Кяхте начались русско-китайские переговоры, а 16 октября был подписан протокол, содержавший дополнения и исправления к Кяхтинскому договору 1727 г. По

---

[18] См.: *Storch H. von.* Op. cit. Riga; Leipzig, 1803. Th. [9]: Supplementband... Таблица VIId; *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 348.

[19] *Storch H. von.* Op. cit. Th. VII. S. 133ff.

[20] СбРИО. Т. LVII. С. 37—47.

протоколу Россия согласилась снять таможенные посты на границе, была установлена взаимная процедура поимки и размена беглецов и воров. Вскоре русско-китайская торговля возобновилась, но она по-прежнему время от времени испытывала помехи и придирки с китайской стороны и даже прерывалась по ее вине, особенно во время русско-турецких войн. К концу екатерининского царствования торговый оборот в этом регионе достигал 5 млн руб. в год[21].

В 1793 г., с решением наложить запрет на торговлю с революционной Францией, российская коммерческая политика приобрела новый характер. С одной стороны, Екатерина возобновила торговый договор с Британией 1766 г., не высказав при этом требований к англичанам признать принципы вооруженного нейтралитета. С другой стороны, она запретила всякую торговлю с Францией, но воспользовалась также возможностью ограничить ввоз в Россию большого количества импортных товаров из других стран, подрывавших российскую промышленность благодаря либеральному тарифу 1782 г. Жертвой этого нового протекционизма пала английская полосатая шерстяная ткань для нижних юбок, а вместе с ней фарфор, зеркала, кареты и многие предметы роскоши — дорогая одежда, шляпы, перчатки и т.п.[22]

Несмотря на снижение в 80-е гг. XVIII в. обменного курса рубля[23], данные об импорте и экспорте свидетельствуют о разительном увеличении общего объема внешнеторгового оборота в правление Екатерины II.

Общий внешнеторговый оборот (в тыс. руб.)[24]

Год	Всего	Импорт	Экспорт	Баланс
1772	31 253	15 563	15 690	127
1782	40 301	19 242	21 059	1817
1787	48 867	22 753	26 114	3361
1792	78 218	37 521	40 697	3176
1794	85 004	39 530	45 474	5944
1795	90 424	36 652	53 772	11 893
1796	109 519	41 879	67 640	25 761

[21] См.: *Foust C.M.* Muscovite and Mandarin. Russia's Trade with China and its Setting, 1727—1805. Chapel Hill (N. C.), 1969 (из этого исследования я почерпнула приведенные сведения о торговле с Китаем).

[22] *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 339 и далее; ср.: *Brevern de la Gardie, comtesse de.* Un ambassadeur de Suede à la cour de Catherine II... Vol. II. P.19ff, 23 марта 1794 г.

[23] См. ниже, с. 769—770.

[24] Цифры из работы: *Storch H. von.* Op. cit. Таблицы Xa, XI.

Если в экспортной торговле России с Западом первенствовали иностранные купцы, то в торговле с восточными и южными странами, как и во внутренней торговле, ведущая роль принадлежала русским купцам. Центром торговли была Москва, поддерживавшая прямые контакты с некоторыми европейскими странами и простиравшая свои связи в Персию, Сирию, на греческие острова, в Стамбул. Отмена внутренних пошлин в 1753 г. дала сильный толчок движению товаров в пределах страны. В то же время правительство пыталось урегулировать статус купцов и процедуру торговых операций. Купцам не позволялось торговать в розницу в городах, к которым они не были приписаны, а крестьяне, согласно существовавшим правилам, могли торговать только в деревнях, расположенных не ближе пяти верст от города. Доступа на внешний рынок они не имели. Дворянам разрешалось продавать излишки продукции своих имений и вести оптовую торговлю на внешнем рынке[25]. Другие правила запрещали открывать лавки в частных домах — их полагалось сосредоточивать в гостиных дворах или на крытых рынках. Значительная доля торговых операций осуществлялась на рынках и ярмарках, которых в России насчитывалось несколько тысяч в год. На некоторые ярмарки собирались купцы и товары со всей страны. Самой знаменитой была Макарьевская ярмарка (длившаяся с 10 июля по 17 августа), но важными считались и ярмарки в Курске, Харькове, Ирбите в Сибири. Нижний Новгород и Тверь служили крупными центрами торговли зерном. Местные рынки и ярмарки сохраняли свое значение благодаря громадным транспортным проблемам России. Купцам с товарами приходилось пересекать огромные пространства, причем зачастую дороги становились проезжими только зимой, по санному пути. Этим объясняется огромная роль крупных и мелких речных путей сообщения. Помимо распределения товаров, ввозимых из Европы, основной объем российской торговли приходился на местное зерно, железо, шкуры, кожи, жиры, рыбу, икру, воск, пеньку, лен, веревки, смолу, меха и т.д., а также продукцию крестьянских хозяйств.

По мере приближения к концу столетия верховенство купцов во внутренней российской торговле начали оспаривать, с одной стороны, крестьяне, а с другой — дворянство. И те и другие имели возможность продавать в городах сельскохозяйственную или промышленную продукцию, изготовленную в деревне, не платя налоги,

[25] ПСЗ. Т. XIV. № 10486.

обременявшие тех, кто был приписан к городскому сословию. Свобода производственной деятельности, дарованная в 1775 г. всем сословиям, была выгодна государственным крестьянам и помещикам, имевшим крепостных, и повлекла за собой быстрый подъем ремесленного и промышленного производства в удалении от городов. Соперничество между крестьянином и купцом нашло отражение в дебатах в Уложенной комиссии в 1767 г., а впоследствии проявлялось в разнообразных купеческих жалобах властям. Тем не менее Екатерина и ее экономические советники ни разу не пошли на ограничение крестьянской и дворянской торговли. Утверждают, что эту политику навязывали императрице ее знатные советники, исходя из классовых интересов. Конечно, так оно и было, но в результате пользу извлекало обширное сословие государственных крестьян и однодворцев наряду с самими крепостными. Хотя немногие из крестьян воспользовались правом приписаться к гильдиям (и платить городовые налоги), они все равно толпами стекались в города и образовывали тот слой, из которого вырастал новый, более предприимчивый торгово-промышленный класс, свободный от бремени порабощения городом, которое Московское царство взвалило на плечи русской буржуазии.

Размах торговых операций, все более широкий выбор товаров и растущий спрос, конечно, позволяли части купечества накапливать крупные состояния: некоторые купцы сумели даже увенчать свои достижения, добившись дворянского звания в первом или во втором поколении. Но внутри устаревшей социальной категории купечества явно шел процесс расслоения. Крупные купцы первой гильдии создавали мощные коммерческие империи и накапливали капиталы, в то время как многие члены третьей гильдии скатывались назад, в наемные служащие и даже в работники, а новоявленные незарегистрированные торговцы из крестьян занимали их место.

В числе препятствий быстрому развитию российской торговли был не только низкий образовательный уровень и недостаток деловых навыков у торгового сословия, но и отсутствие некоторых основных характеристик развитой экономики — системы банков, кредита, корпоративных институтов, акционерных обществ и т.д. Не существовало, например, правового определения банкротства. В 30-е гг. XVIII в. Монетный двор получил разрешение отдавать деньги в долг под 8%, беря в залог золотые и серебряные изделия, но эта практика применялась в очень скромных масштабах. В 80-е гг. деньги давали в долг и другие правительственные учреждения, например

Адмиралтейская коллегия, Коллегия иностранных дел, но, судя по всему, редко получали их обратно. П. И. Шувалов — двигатель российской экономики в 50-е гг. XVIII в. — сыграл важную роль в учреждении двух первых российских банков, Дворянского и Петербургского банка для поощрения торговли, известного также как Коммерческий банк. Одновременно был издан указ о запрете ростовщичества[26].

Дворянский банк получил право выдавать ссуды в размере от 500 до 10 000 руб. на три года под 6%. Залогом служили дворянские имения, оценивавшиеся по количеству крепостных душ мужского пола, по 10 руб. за каждую (отметим, что рыночная цена одной крепостной души составляла 30 руб.). Вскоре скромные ресурсы банка, составлявшие 750 000 руб., без остатка поглотил спрос на займы. Тем не менее ему постепенно позволили выдавать мелкие ссуды и принимать в обеспечение каменные дома. Одним из клиентов Дворянского банка был Н. И. Новиков, в 1768 г. взявший в долг 100 руб. — наверное, чтобы начать издание «Трутня». Ссуды стали менее обременительными для должников с повышением банковской ставки на крепостные души до 20 руб. в 1766 г. и до 40 руб. в 1786 г. В принципе, если помещик оказывался несостоятельным должником, его имение переходило к Канцелярии конфискаций и управлялось ею от имени банка, причем владельцу выделялась десятая часть дохода до выплаты долга в полном размере. Однако финансовая стабильность банков подрывалась из-за того, что многие крупные должники были весьма высокопоставленными лицами и заставить их платить долги было невозможно. После 1775 г. функция Канцелярии конфискаций по управлению заложенными имениями была передана опекунским советам, учрежденным под началом приказов общественного призрения[27].

Банки, открытые в 1754 г., задумывались прежде всего как учреждения, извлекающие процент от займов. Обратная сторона финансовых операций, т.е. выплата процентов от вкладов, была узаконена только в 70-е гг. Банк платил 5% по вкладам, но финансовая стабильность все же оставалась недостижимой из-за трудностей

---

[26] *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 44—45.

[27] В 1758—1762 гг. недолгое время просуществовал Медный банк. Похоже, что его функции состояли в том, чтобы ссужать деньгами П. И. Шувалова и других вельмож под 4%.

получения обратно от должников и процентов, и самих одолженных сумм. Поэтому во избежание банкротства государство время от времени выделяло банкам субсидии. С 1762 по 1786 г. эти субсидии составили 6 млн руб. В 1782 г. Коммерческий банк пришлось закрыть, а его активы в размере 802 тыс. руб. перевести в Дворянский банк, продолжавший функционировать до 1786 г., когда его включили в Государственный заемный банк[28].

Но существовали и другие источники кредита. Заемное казначейство Воспитательных домов выдавало краткосрочные ссуды до тысячи руб. под залог золотых и серебряных изделий[29]. Масштабы его операций были довольно внушительны: например, в 1795 г. было выдано ссуд на рекордную сумму в 808 000 руб. Сберегательный банк, также принадлежавший ведомству Воспитательных домов, платил проценты по срочным вкладам и один процент по бессрочным. Сумма вкладов Московского и Петербургского сберегательных банков почти равнялась капиталу Дворянского банка и составляла в 1781 г. 4,7 млн руб., а в 1787 г. 8,6 млн руб. К сожалению, источник этих накоплений неизвестен. Часть их, несомненно, составляли купеческие деньги — однако приток фондов в Сберегательный банк и Государственный заемный банк отражает тот факт, что только эти институции имели законное право выплачивать проценты по вкладам[30]. Это также отражает начало диверсификации российского национального богатства, помимо земли и ростовщичества, и возникновение класса рантье. Сберегательный банк пускал свои фонды на ссуды под залог имений, заводов, каменных домов под 6%, сначала на десять лет, а потом на пять и в исключительных случаях на восемь лет. В целом его условия были менее выгодными, чем в Дворянском банке, хотя в 80-е гг. они стали благоприятнее с ростом цены на крепостных крестьян. Как и другие учреждения, Сберегательный банк оказался не в силах получать с должников ссудные проценты и возвращать взятые капиталы, так как не мог сопротивляться давлению со стороны крупных вельмож, в том числе, например, Потемкина. Спрос на ссуды был так велик, что Московский сберегательный банк приступил к выпуску собственных

---

[28] См. ниже, с. 767. В эти 6 млн руб. входили и полтора миллиона, выделенные на покрытие ущерба, нанесенного Пугачевским восстанием.

[29] ПСЗ. Т. XIX. № 13909, 20 ноября 1772 г.

[30] *Боровой С. Я.* Указ. соч. С. 67—72 (данный очерк в значительной мере основан на этом исследовании).

облигаций, сумма которых к 1795 г. достигла 1 млн руб. Это привело к дискредитации банка, потому что его облигации не имели обеспечения и обесценились до 20—25%. В 1795 г. они были выкуплены казной, а Сберегательному банку запретили выпускать новые. При цене на крепостных по 40 руб. за душу к концу столетия Московский и Санкт-Петербургский сберегательные банки выдали займов на сумму свыше 14 млн руб., причем часть из них, вероятно, ссудили купцам. Подобные функции сберегательных банков выполняли в провинции приказы общественного призрения и кассы провинциальных дворянских собраний, которые принимали деньги на хранение и выдавали ссуды. К сожалению, почти ничего не известно о масштабах этих операций.

Исходя из доступной информации, трудно установить точные цифры дворянской задолженности к концу екатерининского царствования, как невозможно и оценить, сколько задолжало купечество. В 1798 г. долги помещиков государственным кредитным инстанциям (не считая частных кредиторов) оценивались в 45,5 млн руб., или, иначе говоря, заложено было гораздо больше миллиона крепостных, что составляло 7% мужского податного населения.

Мы не знаем, на что расходовались эти громадные деньги, взятые в долг. Судя по имеющимся данным, самыми крупными должниками являлись высокопоставленные вельможи и богатейшие предприниматели. Уходили ли эти огромные ссуды на барскую жизнь на европейский манер? Или их вкладывали в новые экономические начинания? А. Кахан предполагает, что в интересах государства было развивать вестернизацию дворянства, и, как было принято везде в Европе, субсидии и займы дворянам позволяли им жить на уровне европейских требований. Избранный же метод раздачи субсидий позволял правительству контролировать их характер и размеры и решать, кому их выдавать[31].

Как и в других странах, государственный доход России складывался преимущественно из прямых и косвенных налогов. Главным из них была подушная подать, введенная Петром I, которую платили все

[31] *Kahan A.* The Cost of Westernization in Russia: the Gentry and the Economy in XVIIIth Century Russia // Slavic review. 1966. Vol. XXV. № 1. P. 65. Автор оценивает количество крепостных, к концу XVIII в. отданных в залог, в 708 тыс. человек при цене крестьянина в 60 руб. Но многих могли заложить и раньше, и по более низким ценам.

взрослые мужчины, внесенные в ревизские сказки, за исключением некоторых особых категорий населения: дворян (так как предполагалось, что они служат офицерами или чиновниками), солдат и унтер-офицерских чинов, священников и их ближайших родственников и т.д. Сверх того существовал ряд косвенных налогов, объединенных общим названием «канцелярских сборов» (в том числе знаменитые петровские налоги на бани, бороды и старорусское платье); доход от государственных или находящихся в государственном управлении предприятий, таможенные сборы, доход от питейной и соляной монополий, а также оброк, т.е. налог, выплачиваемый государству податным некрепостным населением.

Централизованного сбора и выплат из общественных фондов не существовало, и многие налоги все еще заранее предназначались на конкретные статьи расходов. Так, подушная подать предназначалась для армии, и потому собирала ее Военная коллегия. Таможенные сборы, согласно петровскому закону, шли на флот вместе с частью доходов от питейной монополии. Соляной сбор поступал на содержание императорского двора, а остаток средств от питейной монополии — в частный доход государя. Некоторые из мелких канцелярских сборов собирали и расходовали на местах — эта практика вдохновлялась отсутствием бумажных денег и хождением очень тяжелой медной монеты, которую было трудно перевозить даже в небольших количествах.

Подушная подать была самым крупным источником государственного дохода, составляя около 30% его общей суммы. Установленная в 1725 г. на уровне 70 коп. в год, она сохранялась в неизменном виде почти до конца екатерининского царствования. Это был единственный налог, который помещичьи крестьяне платили напрямую государству, как и церковные крестьяне до секуляризации в 1764 г. Но все остальное податное население сверх подушной подати платило оброк, или денежный сбор, введенный Петром I, чтобы уравнять тяготы крепостных и остального населения. Оброк был первоначально установлен в сумме 40 коп. с крестьян и однодворцев и в 50 копеек с посадских людей, а 12 октября 1760 г. оброчный сбор с государственных крестьян был повышен до 1 руб. — несомненно, из-за напряжения финансов в связи с Семилетней войной. В 1764 г. это повышение распространилось на однодворцев и крестьян Сибири, а после секуляризации церковных земель в 1764 г. так называемых «экономических» крестьян обложили оброком в полтора рубля сверх подушной подати в 70 коп.

Война заставила Екатерину II в 1769 г. поднять оброк до 2 руб. в год. Таким образом, с этих пор дворцовые, государственные и «экономические» крестьяне, так же как и горожане, платили государству 2,7 руб., а однодворцы платили с 1765 г. ту же сумму или меньшую – 1,7 руб., — если служили в ландмилиции. В Малороссии крепостные, государственные и бывшие церковные крестьяне, а также горожане продолжали платить более низкий налог в один рубль, что приносило в казну около 480 000 руб. в год, а в бывших польских провинциях Белоруссии, присоединенных в 1772 г., до 1783 г. сохранялся налог в 60 коп.[32] Особая двойная подушная подать со староверов приносила в казну всего 25—30 тыс. руб. в год, что позволяет заключить, что, вероятно, миллионы староверов уклонялись от налогов.

В 1783 г. подушную подать (но не оброк в полном объеме) ввели в Прибалтике, Малороссии, Белоруссии. Казаки и горожане платили по 1,2 руб., государственные крестьяне — по 70 коп. плюс оброк в 1 руб. вместо отработочных или натуральных повинностей. Тем временем в собственно России оброк опять вырос на рубль, так что составил вместе с подушной податью 3,7 руб. Купцов в 1775 г. выделили в самостоятельную податную категорию, заменив им подушную подать однопроцентным налогом с объявленного капитала. По мнению советников Екатерины, оброк, взимаемый с некрепостного населения сверх основной подушной подати, соответствовал денежному доходу, получаемому помещиками со своих крестьян. Поэтому если в 1783 г. помещик увеличил оброк со своих крепостных, то и государство могло повысить оброк с растущего производства, не боясь слишком обременить крестьян[33].

Доходы от подушной подати и оброка при Екатерине II постоянно росли. В 1763 г. они составили 5 667 000 руб., а в 1769 г. — 9 275 000 руб. После повышения оброка на рубль в 1769 г. сумма поднялась в 1770 г. до 12 163 000 руб. Она колебалась в пределах 12—13 млн руб. до 1784 г., когда в результате повышения оброка в 1783 г. государственные доходы достигли 21 691 000 руб. И снова эта цифра продержалась на уровне 21—23 млн руб. до 1794—1795 гг., когда

---

[32] ПСЗ. Т. XV. № 11120. См.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1966. С. 121, 142 и далее. См. также: ПСЗ. Т. XVIII. № 13194, 13 ноября 1768 г. Существовали некоторые незначительные отличия, например, в Слободской Украине.

[33] АГС. Т. I. Ч. II. С. 416. 1 мая 1783 г.

в последний раз в царствование Екатерины II была повышена ставка оброка.

Вторым по объему поступлений источником дохода была государственная питейная монополия, приносившая в казну примерно 25% дохода[34]. В 1763 г. Екатерина повысила цену на вино с 2 руб. 23 коп. за ведро до 2 руб. 54 коп., чтобы получить средства на осуществление введенных с этого года реформ. Повышение цены на спиртное поначалу привело к падению продаж, но вскоре они восстановились, и чистый доход казны вырос с 4 376 000 руб. в 1763 г. примерно до 5 081 000 руб. в 1767—1769 гг. Во время Русско-турецкой войны, в 1771 г., цена снова повысилась и достигла 3 руб. за ведро, а в 1772—1774 гг. средний годовой доход от продажи спиртного возрос до 6 641 000 руб. К 1779 г. он дошел до 9 млн и оставался немногим ниже или выше этой цифры до 1794 г.

Соль, приносившая около 8% национального дохода, являлась государственной монополией, причем ее производство и продажа на откуп не отдавались. Ежегодно продавалось около 6,7 млн пудов соли по 50 коп. за пуд. При годовых расходах на производство соли примерно в 1 млн руб. чистый доход достигал 2,2 млн руб. По вступлении на престол Екатерина, стремясь завоевать популярность, снизила цену на соль до 40 коп. за пуд, предвидя снижение дохода примерно на 600 тыс. руб. Но фактически продажа подешевевшей соли в 1763—1764 гг. возросла, так что убыток оказался меньше расчетного. К 1771 г. доходы от соляной монополии опять вышли на уровень 2 млн руб., а в 1775 г., по случаю окончания войны с Турцией, цену на соль вновь снизили до 35 коп. за пуд. В 1781 г. производство и продажа соли, оставаясь в руках государства, были децентрализованы и переданы в ведение казенных палат, предусмотренных «Учреждениями для управления губерний» 1775 г. Однако предписания нового Соляного устава 1781 г. возлагали на местные органы управления слишком тяжкое бремя и оказались невыполнимыми. С этих пор началось медленное падение доходов от соляной монополии. В первые 20 лет царствования Екатерины II чистый доход колебался между 1 510 000 и 1 900 000 руб. в год, а в 80-е гг. упал до 1 200 000 руб. в год. К 1790 г. соль производилась и продавалась в убыток государству, получившему в 1795 г. всего 1 175 000 руб. Добыча и транспортировка соли стоила уже от 43 до 72 коп. за пуд, но продажная цена так и осталась неизменной — 35 коп. за пуд, несмот-

[34] Об организации производства и продажи спиртного см. выше, гл. 29.

ря на инфляцию. Среднегодовая потребность в соли составляла 15 фунтов на человека, т.е. на сумму менее 15 коп. Это была самая дешевая соль в Европе. Впоследствии, в 1810 г., цену на нее повысили до 1 руб. за пуд.

Правительство могло рассчитывать также на доходы от государственных золотых, серебряных и медных рудников, от чеканки золотой и серебряной монеты и от налога на металлы, производимые на частных предприятиях. Среднегодовой доход по этим статьям в 70-е гг. составлял 1 350 000 руб. Наконец, существовали разнообразнейшие канцелярские сборы. К ним относились налоги с постоялых дворов, с гербовой бумаги, штраф за неявку к исповеди в течение года, сбор с крестьянских паспортов и множество других. Некоторые из этих сборов носили исключительно местный характер, другие, восходившие еще к XVI столетию, ко временам царя Иоанна Васильевича, просто забыли отменить. Кроме того, были пошлины с коммерческих сделок, с покупки и продажи домов, с договоров о купле-продаже (в размере 12% стоимости объекта договора), с завещаний (по 5 коп. с завещанной десятины), на наследство (по 3 коп. на четверть земли), на пользование государственными землями без положенного разрешения, на повышение в чине по Табели о рангах (этот сбор в размере месячного жалованья предназначался на лечение служащих того ведомства, где деньги были собраны), на выдачу дворянских патентов, на пожалование имений. Эти сборы порождали бесчисленные жалобы, так как их взимали совершенно произвольно. Например, в 1782 г. обнаружилось, что с 1750 г. в Малороссии гербовой бумагой не пользуются, потому что гетман Кирилл Разумовский решил, что «как при прежде бывших гетманах во всех малороссийских судебных местах гербовой бумаги не было», то и при нем будут обходиться простой[35].

К этой же группе канцелярских сборов относились доходы от аренды предприятий, находившихся в собственности или управлении казны: рыбных ловель, мельниц, торговых бань и т.д. Суммарный доход от канцелярских сборов в 1762 г. оценивался в 675 000 руб., а в 1766 г. превысил миллион рублей. В 1768 г. он составил 1 468 000 руб., в 1789 г. — 4 млн, а в 1795 г. — 5,7 млн руб. Общая их

---

[35] *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 245 (данные страницы опираются в основном на эту работу). Труд Н. Д. Чечулина до сих пор сохраняет научное значение, и советские историки широко его используют.

доля достигала примерно 4—6% национального дохода[36]. К этим источникам дохода следует добавить все таможенные сборы с внешней торговли, постепенно возраставшие с 3 072 000 руб. в 1763 г. до 4 963 000 руб. в 1783 г. В 1792 г. они дошли до 7 228 000 руб., а в 1796 г. упали до 6 470 000 руб.

Итак, в общей сложности подушная подать приносила в казну 30% дохода, питейная монополия — 25%, соляная монополия в начале екатерининского царствования — 7—10% и таможенные сборы 9—10%. Общий доход государства в 1763 г. оценивался в целом в 18,5 млн руб., хотя оставалось еще много недоимок. В 1773 г. общая сумма доходов выросла до 30,7 млн, в 1784 г. (после повышения оброка в 1783 г.) — до 51,1 млн руб., в 1793 г. — до 57,9 млн, а в 1795 г. — до 71,9 млн (после очередного повышения оброка в 1794 г.). Но эти цифры совершенно не учитывают стоимость сбора налогов. Реальный доход за эти годы по оценкам экономических историков таков: 1763 г. — 14,5 млн руб.; 1773 г. — 25,6; 1784 г. — 40,5; 1793 г. — 41,3; 1795 г. — 55,1. Затраты же на взимание налогов, неуклонно возраставшие, составляли определенный процент суммы дохода: примерно от 25% в 1763 г. до 37% в 1796 г.

Первая екатерининская бюрократическая реформа оказалась весьма дорогостоящей, так как она предусматривала введение жалованья для ранее не оплачиваемых публичных должностей. На их оплату с 1 января 1764 г. вводился ряд новых и повышалась часть старых налогов[37]. В их число попали: тридцатикопеечный сбор с ведра вина; сбор в 3 коп. с четверти завещанной или отданной в заклад земли плюс процент со стоимости сделки — 10 коп. с 10 руб., 50 коп. со 100 руб., 1 руб. с 1000 (это правило распространили и на сделки Дворянского и Коммерческого банков); восьмипроцентный сбор с переводных векселей. Жалобы отныне обходились челобитчикам в 25 коп., повторные апелляции — в 3 и 6 руб.; гербовый сбор удваивался. Промышленные предприятия облагались либо в размере 1% с капитала, либо в 1 руб. в год с верстака; кузницы платили по 100 руб. с горна; стоимость паспортов возросла до 10 коп. на год и 50 коп. на два года. Были установлены новые таксы выплат за чины по Табели о рангах. Они охватывали суммы от 25 коп. за младший

---

[36] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 245. Вот некоторые любопытные цифры: банный сбор принес за один (неуказанный) год 21 925 руб., при 13 061 руб. недоимок. В 1775 г. налог на продвижение по службе принес в казну 9200 руб.

[37] ПСЗ. Т. XVI. № 11988. 15 декабря 1763 г.

офицерский чин и 1 руб. за капитанский, до 30 руб. за чин генерал-майора и до 50 за чин полного генерала (известного в России под живописным наименованием генерал-аншефа) и до 100 руб. за фельдмаршальский. Налоги на пожалованные имения установили на уровне 25 коп. с крепостной души (и 5 руб. с гака в Лифляндии). При пожаловании графского титула брали 100 руб., за возведение в дворянство — 50. Доходы от всех этих поступлений, которые, по расчетам, должны были в 1764 г. составить 615 000 руб., и предполагалось направить на выплату вновь назначенных жалований. Всего на эти цели, по оценкам, должно было уходить 1 144 000 руб. в год, но уже в 1765 г. они обошлись почти в 2 млн руб. Впрочем, благодаря новым налогам, доходы казны в 1764 г. выросли на 3 с лишним млн руб. и составили 21,9 млн. Еще 1 366 000 — 1 530 000 руб. принесла в казну в 1764 г. секуляризация церковных земель (из этих денег 500 тыс. руб. выделили на церковные и монастырские расходы, а 120 тыс. — на благотворительность).

В первые четыре года своего правления, благодаря экономному хозяйствованию, Екатерина ухитрялась держать расходы меньше доходов и даже понемногу откладывать. На этом этапе она казалась слишком бережливой, что вызывало критику в ее адрес со стороны тех, кто привык к роскоши елизаветинского царствования[38]. После 1763 г. динамика главных статей государственных расходов выглядела следующим образом (цифры даны в сотнях тысяч руб.)[39]:

	1763 г.	**1768 г.**
Двор	1,648	2,790
Армия	7,920	10,013
Флот	1,200	1,313
Центральная и местная администрация	4,020	4,525
Затраты на сбор налогов	2,443	4,992
Всего	17,235	23,633

С началом войны в 1768 г. немедленно пришлось задуматься, где взять на нее средства. Для начала Екатерина бросила в дело резерв в 8,5 млн руб.[40] Она отказалась от какого бы то ни было повышения

---

[38] См., напр.: *Macartney G.* The Present State of Russia. London, 1768. P. 124; донесения барона де Бретейля // СбРИО. Т. CXL. Passim.

[39] Данные из таблицы: *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 283.

[40] См. доклад А. А. Вяземского там же (С. 272).

подушной подати, которое ударило бы по помещикам, а также по остальному населению, и предпочла повысить оброк, взимавшийся со всего некрепостного податного населения, а также питейный налог[41]. Специальный сбор в 115 000 талеров возложили на Прибалтийские провинции[42], еще ряд экстраординарных военных сборов наложили на заводы и на купечество, оброк с которого возрос на 18 коп.[43] Специальные военные налоги принесли примерно 500 тыс. руб. в год. Но затраты на снабжение полевой армии (хотя и уменьшавшиеся благодаря русскому обычаю жить за счет оккупированной земли, например в Молдавии), и прежде всего — расходы на многочисленные военно-морские походы в Средиземное море, серьезно истощали ресурсы России. Дефицит отчасти покрывался прусскими субсидиями в общей сумме 1 200 000, которые Фридрих II платил всю войну, с трудом отрывая от себя. Сверх того Екатерина сделала займы в Голландии и в Генуе[44]. Но главным новым приемом, к которому она прибегла, был выпуск бумажных денег, или ассигнаций.

В России и раньше задумывались о введении бумажных денег, чтобы заменить ими тяжелую медную монету. В правление Елизаветы Петровны ввели переводные векселя, но пользоваться ими могли только купцы при операциях между столицей и некоторыми провинциальными городами, со скидкой в 6%. В мае 1762 г. Петр III заменил переводные векселя банкнотами, которые полностью оплачивались медью по первому требованию предъявителя, но Екатерина не подтвердила этот указ. На заседании Совета при Высочайшем дворе 17 ноября 1768 г. А. А. Вяземский вновь поставил вопрос о выпуске бумажных денег, а 29 декабря 1768 г. вышел манифест об учреждении в Москве и Санкт-Петербурге ассигнационных банков[45].

---

[41] См выше, с. 758—759.

[42] АГС. Т. II. С. 405—406, 17 ноября, 8 и 29 декабря 1768 г; ср.: ПСЗ. Т. XVIII. № 13222, 30 декабря 1768 г.

[43] АГС. Т. II. С. 410, 11 июля 1769 г.

[44] 2 апреля 1769 г. был издан указ о выпуске первого русского внешнего займа через посредство голландских банкиров Де Светс на срок в 10 лет под 5% на сумму 7,5 млн гульденов (около 3,7 млн руб.), обеспеченных таможенными доходами балтийских портов. Заем реализовывался постепенно: в 1769 г. было реализовано обязательств на 4 млн гульденов, в 1770—1771 гг. — на 1,5 млн и в 1772 г. — еще на 2 млн. В 1771—1772 гг. был заключен заем в Генуе на 1 170 000 руб. Этот генуэзский заем реализовывался еще медленнее, а в 1776 г. был полностью выплачен (*Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 326).

[45] АГС. Т. II. С. 517; ПСЗ. Т. XVIII. № 13219, 13220.

Поначалу дело пошло очень успешно. В обеих столицах открылись банки, в которых медные деньги можно было обменять на ассигнации пятирублевого достоинства и выше. Власти принимали ассигнациями деньги по различным налогам и сборам. Общее количество ассигнаций в стране держали невысоким, примерно на уровне 5% годового дохода. К концу Русско-турецкой войны в 1774 г. было выпущено примерно 20 млн руб. ассигнациями, а их стоимость колебалась в размере 101—103 коп. к серебряному рублю. Стабильность валюты казалась заманчивой, и в 1775—1776 гг. было выпущено еще 3,5 млн руб. ассигнациями, не обеспеченных монетным покрытием. После этого до 1781 г. ассигнаций больше не выпускали.

Таким образом, первую войну с Турцией государство сумело финансировать, не взвалив на население постоянного непосильного бремени. Конечно, военные налоги были тяжелыми, а подавление Пугачевского бунта увеличило государственные расходы, в то время как низкопроцентный заем жертвам восстания в размере 1,5 млн руб. выплачивался очень медленно. Но Манифестом 17 марта 1775 г., изданным в честь окончания войны, все экстраординарные налоги были отменены, а заодно и часть старинных сборов, например банный[46].

В следующие пять лет Екатерина снова старалась экономить. В 1774—1778 гг. было выплачено 3 млн руб. по займам (на что пошла турецкая контрибуция). В 1779 г. баланс в 4,4 млн руб. был конвертирован на следующие десять лет с 5 на 4%. Эта операция прошла безболезненно, что свидетельствовало о прочном финансовом положении правительства Екатерины II. Более того, с восстановлением в 1775 г. мира внутри страны и на внешнеполитической арене, продлившегося до 1786 гг., вооруженные силы России подверглись сокращению и стали малочисленнее, чем были до 1768 г. Если в период 1765—1768 гг. рекрутский набор осуществлялся по норме в среднем 5 человек с 300 душ, а в 1770—1774 гг. брали 10 с 300, то в 1775—1786 гг. эта цифра упала до одного со ста, а расходы на армию, соответственно, уменьшились в относительных пропорциях, а при этом от земли и промышленности отрывалось меньше рабочих рук[47].

И все же в начале 80-х гг. расходы казны пошли вверх. Постепенное внедрение в жизнь «Учреждений для управления губерний» вело к постоянному росту доли бюджета, направлявшейся на внут-

---

[46] ПСЗ. Т. XX. № 14275.

[47] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 281, 331.

реннюю администрацию: с 37,5% в 1763 г. до 54,2% в 1781 г.[48] Приток управленческого персонала в провинцию вызвал на местах немалую инфляцию, нарушавшую равновесие между серебряным рублем и ассигнациями. В 1779—1782 гг. государство также расходовало крупные суммы на флот — снаряжались эскадры для проведения политики вооруженного нейтралитета[49]. Поэтому пришлось еще дважды выпускать ассигнации — на 5,5 млн руб. в 1781 г. и 7 млн — в 1782 г., а также произвести два новых внешних займа на сумму 4,5 млн руб.

Весной 1783 г. была секретно образована комиссия для умножения государственных доходов. В нее вошли А. А. Вяземский, А. П. Шувалов (директор Ассигнационного банка), А. Р. Воронцов и А. А. Безбородко. Комиссия рекомендовала провести ряд мер, таких как повышение оброка с государственных крестьян разных категорий до 3 руб. и распространение подушной подати на Лифляндию и Малороссию[50], а также замену для купечества поставки рекрутов уплатой по 500 руб. за человека[51], а 1 мая 1783 г. был одобрен ряд налогов, суливших казне еще по 7 млн руб. в год. Но эти дополнительные поступления скоро были съедены расходами на аннексию Крыма и заселение Новороссии и южных окраин под управлением Потемкина. Траты постоянно превышали поступления. А. А. Вяземский продолжал настаивать на увеличении налогов, в том числе на повышении подушной подати до 1 руб., и предлагал переложить уплату расходов по местному управлению на губернии (сообразно числу душ). Другие, включая А. А. Безбородко, утверждали, что увеличение налогов в конце концов приведет к уменьшению платежеспособности податного населения и что гораздо важнее стимулировать рост национального богатства и сокращать расходы на сбор налогов и на ведение бухгалтерии. Но когда в распоряжение Потемкина выделялись громадные средства — сверх того, что было предусмотрено в бюджете, — на строительство Черноморского флота и на организацию путешествия императрицы в Крым, становилось ясно, что ограничить расходы будет нелегко.

Наконец, Екатерина предпочла поддержать предложения Безбородко о «доходном приращении». Однако средствами, для этого

---

[48] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 313.

[49] См. гл. 24.

[50] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 332; о результатах принятых мер см. выше, с. 759, а также гл. 20.

[51] АГС. Т. II. С. 415, 1 мая 1783 г.; ПСЗ. Т. XXI. № 15720, 15724, 3 мая 1783 г.; СбРИО. Т. I.С. 279—312.

избранными, были реорганизация ассигнационных банков и печатание новых денег. В апреле 1786 г. была сформирована комиссия в том же составе, что в 1783 г., с добавлением П. В. Завадовского и тогдашнего фаворита императрицы А. П. Ермолова. Осторожный Вяземский снова был побежден. Решили выпустить на крупную сумму ассигнаций, которые государство собиралось затем взять в долг. Поэтому 28 июня вышел манифест об учреждении нового Государственного заемного банка с торжественным обещанием, что количество ассигнаций, ходящих в стране, никогда не превысит 100 млн руб.[52] Из них 33 млн собирались пустить на займы по ставке 8%, которые должны были окупиться через 20 лет, причем 22 млн предназначались дворянству, а 11 млн — городам. Эти 22 млн, выделенные дворянству, должны были перекрыть 4,5 млн, уже выданные дворянам ассигнационными банками[53]. Государственный заемный банк мог также принимать вклады под 4—5%. По этим расчетам выходило, что в резерве останется 17 млн руб. Процент, получаемый с займов дворянству и городам, собирались израсходовать на уплату долгов Кабинета и лично государыни, а также государственных займов.

Этот план имел много недостатков. Бумажные деньги в нем отождествлялись с реальными деньгами, предполагалось, что все долги и проценты по ним будут пунктуально выплачиваться, а дворянство и города немедленно возьмут займы в полном объеме и тут же примутся платить проценты государству.

С началом войны 1787 г. все это сооружение обрушилось. Военные действия со Швецией и Турцией, война в Польше и окончательный ее раздел, наряду с субсидиями французским роялистам, довели расходы России в период 1788—1795 гг. на армию и флот в среднем до 40—42 млн рублей в год. Дефицит бюджета, составлявший 1 млн руб. в 1781 г., в 1784 г. достиг 6 млн, а в 1787 г. 11 млн. К 1791 г. он дошел уже до 25,4 млн, и лишь к 1794 г. опять снизился до 13,1 млн руб.

Для России началось весьма напряженное в финансовом смысле существование. Резервы Государственного заемного банка были исчерпаны в первый же год войны. Пришлось залезать в суммы, теоретически предназначенные на приносящие доход займы дворянам и горожанам, и пускать их на текущие расходы. В 1788 г. насту-

---

[52] ПСЗ. Т. XXII. № 16408.

[53] В эту цифру в 4,5 млн входили и 1,5 млн, выданные *всем* пострадавшим от Пугачевского бунта (АГС. Т. I. Ч. II. С. 442).

пила нехватка уже и медных денег, ассигнации упали до 108 коп., а в 1789 г. до 109 коп. В бесконечных спорах в Совете Вяземский выступал сторонником осторожной финансовой политики и высокого налогообложения. Он периодически предлагал повысить до 500 руб. выплату за освобождение от рекрутского набора, но его предложение отклоняли на том основании, что вооруженные силы нуждаются в солдатах и что для крестьян это будет слишком тяжело (по 5 руб. за душу при уровне набора один рекрут со ста человек). Тогда Вяземский предложил собрать единовременный рублевый налог поголовно со всех крестьян и мещан и пятирублевый с купцов. В остзейских, белорусских и малороссийских губерниях, с его точки зрения, следовало, кроме того, собрать особый налог в 1 руб., учитывая, что там население не подлежало рекрутскому набору. И опять идеи Вяземского по ряду причин были отвергнуты. Его оппоненты подсчитали, что крестьяне, в том числе и крепостные, выплачивали государству и помещикам примерно 8—10 руб. в год в виде налогов и оброка. Увеличить эту сумму еще на рубль, как предлагал Вяземский, означало бы возложить на них слишком тяжкое бремя, которое вместо крепостных придется нести помещикам. Начнутся постоянные недоимки, а доход будет существовать лишь на бумаге. Экстраординарные налоги с нерусских провинций также казались нежелательными, особенно в областях, пограничных с Польшей, где русские власти старались убедить население в том, что русская администрация лучше польской. Другие члены Совета предлагали возобновить некоторые статьи налогов с промышленности времен прошлой войны с турками, поднять подушную подать на 30 коп., а налог с купечества довести до 2% с капитала, повысить питейный сбор и, наконец, обложить дворянство чем-то вроде подоходного налога (за исключением офицеров на действительной службе) в размере до 20% жалованья и пенсий, превышающих 500 руб. в год, 10% с жалованья от 100 до 500 руб., и не брать ничего лишь с жалованья ниже 100 руб. Пятая часть столовых денег офицеров и чиновников также подлежала изъятию. Наконец поступило предложение ввести сбор так называемых «квадратных денег» с обывательских дворов в городах[54].

Эти интересные предложения, касавшиеся всех слоев общества (кроме духовенства), не были проведены в жизнь. Вместо этого Ека-

[54] АГС. Т. I. Ч. II. Passim (многочисленные обсуждения финансовых проблем); материалы вышеописанной дискуссии см. на с. 466, 25 сентября 1789 г.

терина попыталась заткнуть дыру иностранными займами и выпуском в обращение ассигнаций на сумму 156,7 млн руб., т.е. на 50 млн больше, чем обещала в манифесте об учреждении Государственного заемного банка. В 1787—1792 гг. за границей велись переговоры о займах, превышающих в сумме 39 млн руб. 22 апреля 1790 г. Совет при Высочайшем дворе решил, что некоторым правительственным учреждениям, в частности Адмиралтейской коллегии, нужно позволить расплачиваться с долгами при помощи ассигнаций по ставке 0,5% в месяц. Россия далеко зашла по пути, ведущему к образованию как внешнего, так и внутреннего долга.

В 1794 г. уже нельзя было больше медлить с повышением налогов. На заседании Совета 4 мая 1794 г. был рассмотрен целый ряд предложений, в том числе о налогах с окон и о десятирублевом сборе за каждую лошадь с жителей обеих столиц, имеющих больше одной пары лошадей. Наконец, Екатерина согласилась повысить подушную подать на 30 коп. с учетом общего роста цен и прибылей с тех пор, как Петр I впервые ввел ее. Подушная подать с горожан выросла до 1,8 руб., гербовый сбор удвоился, как и пошлина на дворянские патенты и дипломы. Стоимость паспортов поднялась до 1 руб. на год, до 2 руб. на два года и до 4 — на три. Купцам полагалось теперь платить налог на наследство в 1% с капитала. Налоги с заводчиков, которым были пожалованы приписные крестьяне или казенные леса, также повышались. Предложение обложить сборами окна и лошадей не вызвало в Совете энтузиазма, и вместо этого генерал-прокурору поручили выяснить, нельзя ли освободить казначейства от выплаты жалованья должностным лицам, избираемым дворянами, мещанами и поселянами (кроме жалованья капитанов-исправников). Наконец, Совет предложил продавать пустующие государственные земли, что принесло бы солидную сумму, прибыль с которой могла служить резервом для экстренных случаев. Для начала такие продажи следовало провести только в Орловской и Санкт-Петербургской губерниях. Было также намечено провести новую ревизию душ, поскольку приходские книги свидетельствовали о росте населения[55].

Расстройство финансов, о котором свидетельствует эта серия мероприятий, усугублялось падением обменного курса рубля, отчасти вызванным явным снижением положительного баланса россий-

[55] АГС. Т. I. Ч. II. С. 505—509, 4 и 8 мая 1794 г. Неясно, проводились ли в жизнь эти предложения о продаже государственных земель.

ской торговли. Падение курса рубля на амстердамском валютном рынке до 39 штиверов за рубль в 1774 г. сочли результатом временного дефицита торгового баланса. Но курс продолжал падать (возможно, в этом сказывался выпуск ассигнаций) — до 36,5 в 1784 г. и даже до 30,25 штиверов — в 1788 г. Военные расходы и крупные иностранные займы России привели в 1792 г. к очередному спаду до 22,5 штиверов за рубль. Нет сомнений в том, что это падение рубля было одним из элементов, способствовавших введению нового ограничительного торгового тарифа в 1793 г. Якобы нацеленный на пресечение торговли с Францией, он сократил импорт настолько, что обменный курс рубля вырос до 24,5 штиверов в 1793 г. и до 27 — в 1794 г. Но из-за потери за границей доверия к рублю внешние займы становилось получать все труднее, а их выплата делалась все обременительнее.

Финансовая политика последних лет екатерининского царствования подверглась суровой критике со стороны единственного историка, который посвятил ей научное исследование, а именно Н. Д. Чечулина. С его точки зрения, хотя Екатерина и ее правительство не были экспертами в политической экономии, им все же следовало, заметив катастрофическое воздействие эмиссии бумажных денег на финансовое положение страны, больше их не печатать. Лучше было бы сократить правительственные расходы, особенно на такие ненужные статьи, как войны и содержание двора, и повысить налоги. На деле же население было измучено налогами, экономика по-прежнему находилась в застое, а национальное богатство не возрастало[56].

Но эту картину удушающих налогов и экономического застоя не подтверждают позднейшие историки. В последней трети царствования Екатерины II происходил несомненный экономический рост[57]. Согласно подсчетам современного западного историка-экономиста, опирающегося на данные, приводимые советскими исследователями, повышение подушной подати, выплачиваемой государству, и оброка, выплачиваемого помещикам, требует пересмотра с точки зрения обесценивания рубля. Так, подушная подать в размере 70 коп. в 30-е гг. XVIII в. в 90-е гг., по сути дела, превратилась в 16,8 коп. Реальная тяжесть налогообложения, лежащая на помещичьем крестьянине, при такой корректировке составляла (принимая

[56] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 374.

[57] См. в гл. 35 более полное рассмотрение этой проблемы.

за 100% размер подушной подати 30-х гг.) в 60-е гг. XVIII в. 81,3%, в 80-е гг. — 79,6%, а в 90-е гг. — 77,7%.[58]

Наконец, каким образом расходовались российские доходы? Оставляя в стороне экстраординарные военные расходы и средства на проценты по иностранным долгам, соотношение расходов за 1762—1773 и 1781—1796 гг. можно проследить по следующей таблице:

	1762—1773 гг.
Двор	10,7% всех расходов
Армия	39,5%
Флот	6,5%
Внутреннее управление	43,3%
	1781—1796 гг.
Двор	11,2% всех расходов
Армия	31,9%
Флот	8,8%
Внутреннее управление	48,1%

Однако, если рассмотреть первый и последний годы каждого периода, можно заметить следующие изменения:

	Двор	Армия	Флот	Внутреннее управление
1763	9,5%	45,9%	7,1%	37,5%
1773	9,5%	34,5%	4%	52%
1781	11,5%	26,3%	8%	54,2%
1796	11,8%	28,4%	9%	50,8%

В период 1762—1796 гг. общий доход вырос больше чем в четыре раза, с 17 235 000 руб. до 73 970 000 руб. Расходы на двор были, очевидно, высоки, но не выше, чем при французском дворе в XVIII в. Более того, понятие расходов на императорский двор охватывало широкий спектр деятельности — от строительства и содержания императорских дворцов до создания театров, картинных галерей, публичных и полузакрытых официальных мероприятий, выплаты пенсий, покровительства искусствам и словесности и т.п. Рост расходов на содержание двора во второй половине царствования можно также в 80-е гг. относить за счет влияния экстравагантного Потемкина, а в 90-е гг. связывать с появлением самостоятельных хозяйств цесаревичей Александра и Константина.

[58] *Kahan A.* Op. cit.

Заслуживает внимания то, что процент расходов на армию в течение всего царствования Екатерины понижался. Несмотря на решительную внешнюю политику императрицы и необходимость содержания армии в боевой готовности, оказалось возможно значительно увеличить суммы, расходуемые на гражданские цели, а не на военные. В абсолютных цифрах расходы на армию выросли с 7 920 000 руб. в 1763 г. до 21 млн в 1796 г. Но расходы на внутреннюю администрацию выросли куда заметнее, с 4 020 000 руб. в 1763 г. до 31 231 000 руб. в год к концу царствования. К этому надо прибавить пожалования церквям и монастырям, поднявшиеся с 470 000 в 1781 г. при общих расходах казны в 40 960 000 руб., до 820 000 в 1796 г. (из общей суммы 78 160 000 руб.); расходы на народное просвещение, воспитательные дома, на выкуп пленных (помимо расходов на мероприятия согласно «Учреждениям по управлению губерний» 1775 г.), поднявшиеся с 540 000 руб. в год в 1781 г. до 1 340 000 в 1796 г.; а также траты на строительство портов, каналов, дорог и зданий, возросшие с 1 950 000 руб. в 1781 г. до 4 700 000 руб. в 1796 г.[59] Примечательно, что в эпоху, когда так много времени, денег и внимания уделялось войне, Екатерина II все-таки не только не оставляла забот о совершенствовании внутреннего управления, но и направляла на него все возрастающую долю национального дохода.

[59] Цифры за период 1763—1773 гг. доступны не всегда. Все данные почерпнуты из работы Н. Д. Чечулина (*Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 282 и далее), но сам автор указывает, что существуют зияющие пробелы в материале, которые ему приходилось восполнять путем умозаключений. Вероятно, настало время, чтобы его работа, при всех ее достоинствах и тщательности, была заново пересмотрена на основе новых приемов изучения экономической истории.

Глава 31

Основание российской системы просвещения

Все свое царствование Екатерина II проявляла страстный интерес к просвещению, твердо веря в то, что оно способно преобразить человеческую натуру. Со временем императрица стала считать себя крупным знатоком в этой области. Когда она пришла к власти, начальными школами — там, где они существовали, — руководили в основном приходские священники. В городах простые церковники иногда брали учеников или содержали пансионы, как умели. Иногда то же самое делали купеческие жены или отставные унтер-офицеры. Случалось, что помещики открывали школы у себя в имениях; в некоторых дворцовых владениях тоже существовали начальные школы, где крестьян обучали грамоте и основным навыкам хозяйствования в имениях.

Основу среднего образования составляли епархиальные училища, учрежденные при Петре I по образцу классических средних учебных заведений, распространенных во всей Европе[1]. К 1764 г. в России насчитывалось 26 таких училищ, в которых обучалось примерно 6 тыс. учеников в основном из духовного сословия. Случалось, что и дети из других слоев общества получали классическое образование в училищах, а потом делали карьеру в армии или составляли ядро профессиональных кругов третьего сословия. Петр I повелел монастырям и церковным приходам открывать так называемые «цифирные школы» для подготовки мальчиков 10—14 лет к службе на флоте. Но эти школы не стали популярными и впоследствии слились с оказавшимися более удачными и долговечными армейскими гарнизонными школами, дававшими начатки образования детям бедного дворянства и офицерства, духовенства,

---

[1] См.: *Okenfuss M.* The Jesuit Origin of Petrine Education // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.

рядовых солдат, унтер-офицеров, а также бродягам и сиротам, которые затем попадали в армию[2].

При Академии наук в Санкт-Петербурге существовала гимназия, но набирать в нее учеников оказалось трудно. В 1747 г. был принят новый устав, согласно которому Академию обязали предоставлять гимназии двадцать стипендий. Гимназия была открыта для всех сословий общества, кроме податных (т.е. закрыта почти для всех, за исключением дворян и разночинцев, например — солдатских и унтер-офицерских детей, а также сыновей священников и части церковников). Дворяне и разночинцы могли учиться в академической гимназии и на собственные средства. Но в основном гимназия комплектовалась учениками достаточно скромного происхождения, в том числе, например, детьми слуг президента Академии Кирилла Разумовского[3].

Предполагалось, что гимназия будет готовить детей к университету при Академии, но затея позорно провалилась: несмотря на академические стипендии, в 1760 г. составлявшие 100 руб. в год, учащихся в ней практически не было[4]. Та же необходимость учредить одновременно среднее и университетское обучение ощущалась и при создании Московского университета в 1755 г. При нем открылись две гимназии — для дворян и для недворян, и выпускники обеих учились потом вместе в университете. Условия поступления в недворянскую гимназию были куда более гибкими, чем в Санкт-Петербурге. В этом, несомненно, отразилось влияние автора и двигателя всего замысла, ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова.

---

[2] Нередко приходилось посылать детей в эти школы издалека, поэтому, чтобы они не сбегали, их размещали в тюрьмах или держали под стражей. См. исторический обзор системы просвещения, написанный Д. А. Толстым, министром просвещения при Александре III: *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть в России с XVIII столетия до 1872 г. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. XXXVIII. № 4. С. 3.

[3] *Он же.* Академическая гимназия в XVIII столетии // Там же. № 1. С. 1—114. За пятнадцать лет, с 1751 по 1765 гг., из 590 учащихся, окончивших академическую гимназию, 80 были из бедного, большей частью безземельного дворянства, 22 — из купечества, 13 — из духовенства, 80 — из канцеляристов. Самая большая группа — 132 человека — происходила из солдатских детей, еще 50 — из сыновей ремесленников Академии и Адмиралтейства, 16 — из дворовых, 2 — из крестьян, 93 — из иностранцев и 23 — из прочих сословий (*Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция в России в XVIII в. М., 1965. С. 120).

[4] *Толстой Д. А.* Академический университет в XVIII столетии // Сборник Отделения языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. XXXVIII. № 6. С. 1—67.

Гимназия была открыта для учащихся всех сословий, в том числе и для сыновей крепостных крестьян, отпущенных хозяевами на волю, чтобы учиться. Такие ученики должны были приносить с собой документы об освобождении — «вольные», которые им возвращали по окончании учебы, чтобы никто не мог снова их закрепостить[5].

Как и в Санкт-Петербурге, первый курс студентов Московского университета пришлось набирать из учащихся епархиальных училищ, но затем уже гимназия поставляла студентов для университета, хотя и немногочисленных: в среднем по двадцать человек в год с 1756 по 1774 г.[6] До 1767 г. университетское преподавание велось главным образом по-французски и по-латыни. Большинство студентов было родом из бедных семей, но многие делали выдающуюся карьеру — вспомним хотя бы публициста Н. И. Новикова, драматурга Д. И. Фонвизина и самого блистательного из всех Г. А. Потемкина. Фонвизин оставил краткое описание весьма неблаговидных способов, при помощи которых его учитель помогал студентам обманным путем сдавать экзамены, но с благодарностью вспоминал, что в гимназии его обучили латыни, что в будущем позволило ему заниматься самообразованием[7].

В 1758 г. в Санкт-Петербурге была основана Академия художеств, открывшая новые возможности продвижения для мещан, разночинцев и даже крепостных (если хозяин отпускал их на волю). Первых студентов набирали из столь же пестрых социальных слоев, как и в Академический университет. Всех студентов Академии художеств обучали живописи, архитектуре, скульптуре, черчению, музыке и т.д.

Кроме того, в России середины XVIII столетия имелось несколько профессиональных военных училищ, главным образом готовивших офицеров для вооруженных сил, — Сухопутный и Морской шляхетские кадетские корпуса, Инженерное и Артиллерийское училища. Эти учебные заведения сумели отойти от первоначально разработанной для них строго утилитарной программы. В частности, Сухопутный кадетский корпус, основанный в 1731 г. и рассчитанный на 200 учащихся, являлся истинной теплицей, где вырастало

---

[5] *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 293.

[6] В 1759 г. в Московский университет поступило 18 учащихся, в 1760 г. — 20, в 1763 г. — 25, в 1764 г. — 23, в 1769 г. — 18, а всего за период 1756—1775 гг. — 318 студентов.

[7] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. II. С. 87—88.

первое поколение русских интеллектуалов[8]. Кадетский корпус привлекал множество учеников, потому что их выпускали с офицерским званием, и в 1762 г. там училось 600 человек.

Но государственные училища и частные учебные заведения были не единственным каналом, по которому в российском обществе распространялись блага просвещения. Среди дворянства широко привилась практика найма наставников, хотя, к несчастью, наставники-иностранцы слишком часто оказывались непригодными к этому занятию в нравственном отношении и в смысле образовательной подготовки. Бросив взгляд на мемуарную литературу того времени, можно убедиться, что и школьные, и домашние учителя были одинаково грубы с детьми, да и по части педагогических талантов разница между ними была невелика. В 1758 г. правительство, встревоженное притоком французских авантюристов, издало указ о том, что кандидаты в домашние наставники и гувернеры должны сначала экзаменоваться в Академии наук в Санкт-Петербурге или в Московском университете и получать там заключение о праве преподавания[9].

Как только Екатерина II пришла к власти, она начала проявлять интерес к проблемам образования. «La manie de cette année est d'ecrire sur l'education [В этом году царит пристрастие писать о воспитании. — *фр.*]», — писала она в 1762 г. Целью было «создание идеального человека и безупречного гражданина»[10]. В первые годы царствования императрица находилась преимущественно под влиянием Дж. Локка (чей труд «О воспитании» был переведен в России в 1759 г.), Фенелона (его «Приключения Телемака» и «Трактат о воспитании девиц» к середине столетия переводились несколько раз), а также Энциклопедии. Влияние Руссо было неоднозначным. Запрет «Эмиля» в 1763 г., скорее всего, не имел отношения к его педагогическим теориям, но Екатерине они не нравились («Особенно я не люблю Эмилевского воспитания...»[11]). Кроме того, она отвергала идеи Руссо, поскольку он отрицал способность официальной системы просвещения «воспитывать» людей. Считалось не

---

[8] Среди его выпускников в середине XVIII в. были поэты Сумароков и Херасков, И. П. Елагин и А. В. Олсуфьев (оба впоследствии стали секретарями Екатерины II).

[9] См.: Документы и материалы по истории Московского университета во второй половине XVIII в. М., 1963. Т. III. С. 49.

[10] *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв. СПб., 1912. Т. I. С. 314.

[11] Екатерина II — мадам Бельке, 13 сентября 1770 г. // СбРИО. Т. XIII. С. 36—37.

требующим доказательств, что именно просвещение может служить самым действенным фактором создания «идеального человека и безупречного гражданина», поскольку никаких «врожденных идей» не существует.

В 1763 г. Екатерина назначила своим главным советником по вопросам просвещения И. И. Бецкого. Он же был директором Сухопутного кадетского корпуса, президентом Академии художеств и руководил строительством дворцов и общественных зданий. Это был человек большой культуры, гуманизма и самых добрых намерений, но при этом, кажется, суетливый, тщеславный и непрактичный. Тем не менее Бецкой многие годы оставался одним из ближайших сподвижников Екатерины II[12]. Через него она получала информацию из России и из других стран о принципах педагогики и организации учебных заведений.

Как и в других сферах, первым шагом императрицы в области просвещения стало создание комиссии в составе Г. Н. Теплова, Т. фон Клингштедта, Ф. Г. Дилси (профессора Московского университета) и историка Г. Миллера. Преподобного Дэниэла Дюмареска, до 1762 г. служившего капелланом церкви английской колонии в Петербурге, Екатерина в 1764 г. пригласила вернуться в Россию и тоже назначила в состав комиссии. Комиссия изучила проекты образовательной реформы, которые выдвигал И. И. Шувалов при Елизавете Петровне и при Петре III, и представила собственные рекомендации по поводу учреждения государственной системы просвещения для русских православных подданных, кроме крепостных, в возрасте от 5—6 до 18 лет[13]. Но на практике для осуществления многочисленных планов, выдвинутых комиссией, ничего сделано не было— по всей вероятности, из-за того, что дискуссии в ней совпали по времени с созывом Уложенной комиссии.

В екатерининском «Наказе» вопросы народного просвещения затронуты очень бегло. В документе просто говорится, что оно не-

---

[12] Утверждали, что Бецкой был любовником матери Екатерины, княгини Анхальт-Цербстской, когда та приезжала в Россию в 1744 г., а также и после смерти ее мужа. Ходили даже совершенно невероятные слухи о том, будто Бецкой — отец самой Екатерины.

[13] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 272 и далее. Дилси составил отдельный план создания школ четырех ступеней. Нижняя ступень — «рабские школы» — предназначалась для воспитания крепостных дядек, т.е. крестьянских слуг при дворянских детях. См. также: *Hans N.* Dumaresq, Brown and some Early Educational Projects of Catherine II // SEER. 1961. Vol. XL. № 94. P. 229—235.

обходимо, и высказаны некоторые общие принципы педагогики, но не самой организации системы образования. Екатерина признавала, что государство не в состоянии «дать общего воспитания многочисленному народу... в нарочно для того учрежденных домах»[14]. Но одна из «частных» комиссий Уложенной комиссии получила задание разрабатывать план системы народного просвещения. Екатерина направила членам этой «Частной комиссии об училищах и призрения требующих» специальную инструкцию, в которой указывала, что, поскольку домашнее образование поручено вниманию другой «частной» комиссии, их задача — заниматься не «хитростями наук», а системой организации начального, среднего и высшего образования, призванного обучить детей обязанностям будущих членов общества. Инструкция предусматривала открытие начальных училищ в городах и селах, в которых будут давать элементарное образование, и в частности, учить детей грамоте «попеременно из церковных книг и из тех книг, которые законодательство содержат»[15].

Прежде всего «Частной комиссии об училищах» было поручено объединить и сопоставить все, относящееся к образованию в депутатских наказах от различных сословий и учреждений. Таких упоминаний оказалось немного, но там, где они были, со страниц наказов вставала мрачная картина положения дел с образованием в провинции. Во многих наказах звучало предупреждение: дворяне не смогут служить государству, если оно не позаботится об их образовании. Верейское дворянство жаловалось на то, что неграмотные дети бедных дворян, неспособных оплатить обучение сыновей в столичных училищах, вынуждены записываться в армию простыми солдатами. На недостаток школ сетовали и горожане, но, кажется, они не были так уверены, что именно государство должно их учреждать. Меньше всего говорилось об образовании для крестьян, хотя несколько учреждений местного управления, несколько дворян (в том числе и фаворит государыни Г. Г. Орлов), один епископ и некоторые крестьянские депутаты предлагали открывать хотя бы на зиму приходские школы для крестьянских детей 5—12 лет[16].

---

[14] Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W.F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 271—272, гл. XIV, ст. 347—356.

[15] Ibid. Гл. X, ст. 158.

[16] По подсчетам М. Д. Курмачевой, проблемы образования затрагивались только в 83 наказах (это менее 10% общего числа) (*Курмачева М. Д.* Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй

«Частная» комиссия приступила к работе в мае 1768 г. и обратилась к примеру английских университетов, прусской системы народного просвещения и «ирландских школ». Она также изучила различные проекты первой екатерининской комиссии по образованию. Однако к тому времени, когда деятельность этой подкомиссии окончательно заглохла в 1771 г., никакого документа, пригодного к представлению государыне в качестве законченного проекта, она так и не составила. Но если за десять лет поиски модели системы просвещения плодов не принесли, то Екатерина достигла некоторого прогресса в выработке принципов обучения, а также учредила несколько учебных заведений и реорганизовала другие, где эти принципы могли применяться на практике.

12 мая 1764 г. было обнародовано «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», составленное Бецким и одобренное Екатериной (а возможно, отчасти продиктованное ею)[17]. В нем формулировались принципы, теоретически предназначенные для всех российских воспитательно-образовательных учреждений. Главной задачей объявлялось воспитание «новой породы человека», нового поколения. Добиться этого было возможно лишь при помощи полной изоляции ребенка с 5 до 21 года от вредоносного влияния родителей и неграмотной, грубой, развращенной окружающей среды. Главной задачей учебных заведений должна была стать не профессиональная подготовка, а воспитание добрых граждан и совершенных людей. Воспитывать предполагалось наставлениями и нравственным убеждением. Через два года Бецкой составил дополнение к «Генеральному учреждению», касающееся физического аспекта воспитания детей от рождения до юношеского возраста. Предписания, «отобранные у лучших авторов», говорили о необходимости прививать детям привычку к гигиене, воздержанности, свежему воздуху, свободной одежде, удобной обуви на низком каблуке и т.п. Идеи Локка о допустимости телесных наказаний отвергались:

> Не должно бить детей почти никогда, а паче не следовать в жестоких наказаниях безрассудным и свирепым школьным учителям; не упоми-

---

России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 240—264). Анализ требований в дворянских наказах см. в работе: *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967. P. 189ff.

[17] ПСЗ. Т. XVII. № 12103, 12 марта 1764 г.

ная, что от сего приходят дети в посрамление и в уныние, вселяются в них подлость и мысли рабские, приучиваются они лгать, а иногда и к большим обращаются порокам. Всякие побои, кроме того, что чувствительны, по всем физическим правилам без сомнения вредны здоровью[18].

Цель издания этих предписаний была наставительной. Их надлежало напечатать и разослать по всем соответствующим государственным учреждениям России и в Святейший синод.

Практика буквально шла по пятам за теорией. Указ об основании Московского воспитательного дома с родовспомогательной больницей был подписан в июне 1763 г., а уже в апреле 1764 г. открылись двери этого учреждения. Воспитательный дом был задуман как частное, а не государственное заведение, т.е. подчинялся напрямую императрице, не отчитываясь ни перед каким государственным институтом. Он не получал никаких средств от государства и должен был существовать на общественные деньги, собранные по подписке, и, кроме того, на доходы от операций страхового фонда был обязан снабжать пенсиями вдов. В первые годы больница получала очень солидную финансовую поддержку. Екатерина II и цесаревич Павел Петрович щедро жертвовали на нее деньги. Не отставали и митрополит Дмитрий (40 тыс. руб.), и князь Д. М. Голицын (22 тыс. руб.). Один московский купец пожертвовал на восемь лет прибыль с капитала в 180 тыс. руб. Когда же эти даяния начали иссякать, больница продолжала существовать на разнообразные пожалованные ей «привилегии» — например, на выручку от налогов с карточной игры[19].

Воспитательный дом не только позволял проверить на деле новые педагогические теории. Его существование отвечало также политике Екатерины в отношении народонаселения в целом, и в частности — модному стремлению создать в России третье сословие. Всех брошенных детей, как законных, так и внебрачных, полагалось принимать в Воспитательный дом и следить за тем, чтобы они выходили из него вольными людьми и сохраняли этот статус в даль-

---

[18] ПСЗ. Т. XVII. № 12785, 16 ноября 1766 г., ст. 88. Впрочем, не все эти рекомендации приемлемы сегодня: так, все духовые музыкальные инструменты в них объявлялись вредными для здоровья, но зато рекомендовалось умеренное употребление табака в лечебных целях людям флегматического сложения или подверженным головной простуде (ст. 118).

[19] Там же. Т. XVI. № 11908, 10 июня 1763 г.; Там же. Т. XIX. № 13909, 20 ноября 1772 г.

нейшем. Воспитанников надлежало обучать каким-нибудь рукоделиям или ремеслам, а самых способных отдавать учиться дальше, в Московский университет или в Академию художеств. Воспитанницам выделяли по 25 руб. на приданое при вступлении в брак, и всем по выходе из Воспитательного дома выдавали по рублю на первое время.

Условия, заложенные в «Генеральном учреждении» Бецкого, были таковы, что Воспитательному дому было трудно обеспечить детей именно таким образованием, которое требовалось согласно этому документу. Кроме того, Воспитательный дом страдал сначала от того же бедствия, которое было сущим бичом всех сиротских домов других стран, — от высокой детской смертности[20]. В 1778 г. Московский воспитательный дом посетил английский архидиакон Кокс и был приятно удивлен. Он увидел просторные спальни, полные свежего воздуха, где у каждого ребенка была своя кровать, постельное белье меняли часто, так что не чувствовалось никаких нездоровых запахов. Колыбели были здесь не приняты, и укачивать детей строго запрещалось. Младенцев не пеленали туго по русскому обычаю, а держали в свободной одежде. Кокса поразила непосредственность, с которой дети окружили директора и принялись хватать его за руку, тянуть за полу, целовать ему руки. По словам Кокса, трудно было определить, хорошо ли они обучены, но зато было сразу видно, что дети здоровы и счастливы. Ему меньше понравилось представление «Деревенского колдуна» Руссо, которое ему показали, потому что все это пение с танцами «должно было неизбежно отвлекать их внимание от рукоделий»[21].

Общие принципы учреждения в России воспитательных училищ были опубликованы Бецким уже в 1767 г.[22], после чего такие заведения появились в Санкт-Петербурге и в ряде других городов. Некоторые из них основывали дворяне, другие духовенство или государственные крестьяне, одно устроил крепостной — все на собственные

---

[20] В 1777 г. смертность в Московском воспитательном доме составила 14,03%, в 1778 г. — 7,45%, в 1786 г. — 8,65%. В XIX в. смертность оказалась еще выше. См.: *Майков П. М.* Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 162—163.

[21] *Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1784. Vol. I. P. 530; *Idem.* An Account of the Prisons and Hospitals in Russia, Sweden and Denmark. London, 1781. P. 18.

[22] Части II и III «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» // ПСЗ. Т. XVIII. № 12957, 13 августа 1767 г.

средства[23]. После реформы местного управления 1775 г. воспитательные дома постепенно переходили в ведение приказов общественного призрения и губернаторов на местах[24].

В мае 1764 г. было основано первое в России учебное заведение для девочек. Смольный институт благородных девиц во многом воспроизводил порядки Сен-Сира мадам де Ментенон. Расписание занятий включало чистописание и катехизис, а также обучение хорошим манерам и нравственному поведению, иностранным языкам, музыке и танцам. Затем открылся Новодевичий институт для воспитания мещанских девиц. Здесь давали такое же образование, хотя опускали, например, изучение генеалогии[25].

Затем Екатерина обратила внимание на Сухопутный шляхетский корпус, и в 1766 г. для него был разработан новый устав[26]. Отныне в корпус принимались дети с очень раннего возраста и обучались до 21 года. Учебную программу расширили, включив в нее естественные науки, философию, этику, историю, международное право и другие дисциплины. Хотя Сухопутный кадетский корпус оставался прежде всего училищем, готовившим профессиональных военных, он стал также школой политического и гражданского воспитания[27] по образцу немецких риттеракадемий (учебных заведений для дворянства, таких как Берлинская дворянская академия), но в еще большей степени в подражание знаменитому парижскому королевскому военному училищу — Эколь милитэр.

Несмотря на то что в период Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. никакого прогресса в создании российской системы народного просвещения не наблюдалось, императрица продолжала следить за теорией и практикой образования в других странах, в частности за работой Йоганна Базедова в Германии. В 1774 г. он основал в Дес-

---

[23] *Майков П. М.* Указ. соч. С. 148, примеч. 1.

[24] С точки зрения П. М. Майкова, такой официальный надзор не мог не означать сокращения общественного участия в Воспитательных домах и последующего их упадка. Но принять этот вывод без дальнейшего исследования невозможно.

[25] ПСЗ. Т. XVI. № 12154, 5 мая 1764 г. В этом документе также подробно развернуты организационные принципы. Девочек надлежало принимать в институт с 6 лет, и родители должны были обещать ни под каким видом не забирать их домой до 18 лет.

[26] Там же. Т. XVII. № 12741, 11 сентября 1766 г. Были составлены также новые инструкции для училища при Академии художеств.

[27] Там же. № 12338, 7 марта 1765 г. Приведено у М. М. Штранге (*Штранге М. М.* Указ. соч. С. 78).

сау свою школу «Филантропин», которая немедленно привлекла к себе всеобщий интерес. Простая жизнь на открытом воздухе, преподавание Realien — «реальных предметов», обучение в процессе игры, совместное обучение мальчиков и девочек, религиозное воспитание без различия конфессий придают идеям Базедова поразительно современное звучание. Екатерина II помогла одному из его учеников, К. Х. Вольке, открыть такую же школу в Санкт-Петербурге, заказала много экземпляров трудов Базедова, которые были распространены по учебным заведениям и розданы частным лицам, пожертвовала сама, а за ней и великий князь Павел крупную денежную сумму на его филантропические учреждения[28]. Однако не кто иной, как сам Дидро, яснее всех других показал, что Россия нуждается не столько в теориях воспитания, сколько в разработке системы образования, а это, по его мнению, лучше делали в Германии, чем во Франции, и скорее протестанты, чем католики. Так или иначе, в его «Очерке об образовании в России», присланном Екатерине в 1773 г., выдвигалась в качестве модели протестантская Германия[29].

В 1775 г. императрица вновь обратилась к проблемам образования в связи с разработкой «Учреждений для управления губерний». Обязанность открывать училища губернского и уездного уровня была возложена на приказы общественного призрения, которые надлежало учредить на местах при участии выборных представителей трех свободных сословий (статья 388 «Учреждений для управления губерний»). Приказы получали исходную сумму в 15 тыс. руб., частью на прямые расходы, а частью на периодические траты из прибыли. Сверх того многие штрафные сборы, налагаемые по суду, должны были перечисляться в приказы общественного призрения на нужды учебных заведений.

По мере того как новые институты постепенно вводились в губерниях, приказы общественного призрения брали под контроль

---

[28] Главными трудами Й. Базедова были «Vorstellung an Menschenfreude» (1768), «Metodenbuch für Väter und Mütter der Familien und Völker» (1770), «Das Elementarbuch für die Jugend und für Ihre Lehrer» (1774). См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 317. Сочинение «Metodenbuch...» было переведено на русский язык в 1771 г. Вольке содержал один из самых уважаемых пансионов в русской столице с 1784 по 1801 гг. См.: *Woltner M.* Das Wolgadeutche Bildungswesen und die Russische Schulpolitik. Leipzig, 1937. T. I.

[29] *Diderot D.* Essai sur les Etudes en Russie // *Diderot D.* Oeuvres completes. Paris. 1875. Vol. III. P. 415—428. Этот «Очерк» Дидро, кажется, произвел на Екатерину большее впечатление, чем его «План создания университета в России», который он прислал ей в 1776 г.

существующие школы и открывали новые. Насколько успешной была эта их деятельность, зависело во многом от местных губернаторов и от личного и финансового участия дворянства. Инспекционная поездка, которую в 1780 г. предприняла государыня по северо-западным областям России, дает некоторое представление о том, чего удалось добиться за пять лет и что еще предстояло сделать. Например, в Пскове ей доложили, что дворянство сумело собрать вполне приличную сумму на свое училище, а вот школу для мещанских детей так и не открыли. Екатерина немедленно пожаловала 1000 руб. на заведение городской школы, 500 руб. — на духовную семинарию, 300 — на сиротский приют и 400 — на богадельню.

Заметные сдвиги произошли в Полоцкой губернии. Как отмечено в «Дневной записке» путешествия императрицы, до присоединения к Российской империи Полоцк был городом только по названию, а население его состояло почти из одних евреев. Зато в 1780 г. в Полоцкой губернии было уже шесть разных училищ, где училось 300 дворян и 130 человек из мещан. В Могилевской губернии открылись 32 школы, в которых насчитывалось 858 учащихся. В Смоленской губернии появилось 12 городских школ (не считая семинарии), где училось 359 детей купцов и мещан. В Новгородской губернии с населением 350 816 человек имелось 10 мещанских училищ с 1173 учениками. Капитал в местном приказе общественного призрения вырос до 27 000 руб.[30] В 1783 г. дворянство Орла и Курска пожертвовало приказам общественного призрения для заведения училищ «в пользу дворянства, купечества и разночинцев» в общей сложности 10 000 руб.[31]

В развитии образовательных учреждений в Санкт-Петербурге играла роль как государственная, так и частная инициатива. В 1777 г. было открыто государственное Коммерческое училище для купечества. В том же году публицист Н. И. Новиков объявил, что доходы от его нового начинания — издания ежемесячного журнала «Утренний свет» (с сильным масонским уклоном) — будут направляться на организацию и содержание двух столичных школ. Первая из них, которая, кажется, называлась училищем Св. Екатерины, открылась

[30] СбРИО. Т. I. С. 384 и далее («Дневная записка путешествия ее императорского величества через Псков и Полоцк в Могилев...»). На каждой остановке Екатерина раздавала щедрые денежные пожалования на содержание школ и благотворительных учреждений, а также на развитие каменного строительства.

[31] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 450.

в ноябре 1777 г. при храме Владимирской Богоматери. Там обучались приходящие ученики и пансионеры всех свободных сословий, мальчики и девочки, на платной и бесплатной основе. Вторая — Александровская — школа была открыта в августе 1778 г. на тех же основаниях. Обе школы торжественно освятил архиепископ Гавриил в полном парадном облачении, с участием высшего духовенства. Содержались школы на пожертвования светских и церковных благотворителей, среди которых находился и один из секретарей императрицы и даже глава Тайной канцелярии Сената С. И. Шешковский. В 1781 г. в обеих школах насчитывалось 95 учащихся[32]. Эти учебные заведения до того преуспели в сборе пожертвований, что в конце концов уже они субсидировали журнал «Утренний свет», а не наоборот, как было задумано[33].

В Санкт-Петербурге Екатерина II на собственные средства в 1781 г. основала учебное заведение при Исаакиевском соборе[34]. В том же году при храмах было организовано еще шесть школ на средства и под руководством приказа общественного призрения. Ученики набрались в основном из купечества, детей офицеров, канцеляристов, солдат, придворных должностных лиц и дворянских слуг. К 1781 г. в них обучалось 486 человек (причем двенадцатую часть составляли девочки), а Санкт-Петербургский приказ общественного призрения собрал капитал в сумме 31 663 руб. от частных жертвователей и из официальных источников[35].

В конце 70-х гг. Екатерина отказалась от того подхода к принципам образования, которые изложил в своем Уставе Бецкой. Она поняла, что поскольку «Учреждения для управления губерний» 1775 г. требовали, чтобы во всех губернских и уездных городах открывались школы, то государство обязано выработать руководящие указания для единой всероссийской системы образования, а не пускать учреждение школ на самотек. Более того, у нее теперь пробудился

---

[32] *Jones G. W.* The Morning Light Charity Schools, 1777—1780 // SEER. 1978. Vol. LVI. № 1. P. 47—67. В 1780 г. на школу Св. Екатерины было израсходовано 499,9 руб., а на школу Св. Александра — 1398 рублей.

[33] Ibid.

[34] ПСЗ. Т. XXI. № 15121, 16 февраля 1781 г. См. также: *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1848. С. 10.

[35] На «свою» школу Екатерина выделила 1000 руб., а на остальные шесть — по 600 руб. каждой. Великий князь Павел Петрович пожертвовал 2000 руб. (*Воронов А. С.* Указ. соч. С. 12).

интерес к педагогическим методам — этот аспект просвещения в прежних Уставах едва затрагивался[36]. Императрица стала обращать пристальное внимание на германские модели, при помощи которых удавалось воспитывать полезных и верноподданных граждан. В 1769 г. была создана государственная система образования в Пруссии. В 1773 г. в Польше после закрытия иезуитских школ был учрежден Комитет народного просвещения. Еще большее воздействие оказала на Екатерину полученная из первых рук (от императора Иосифа II во время его визита в Россию в 1780 г.) информация об успешной реформе австрийской системы просвещения, проведенной в 1774 г., как и в Польше, в связи с роспуском ордена иезуитов. Австрия ввела у себя методы, которые разработал в Прусской Силезии австрийский аббат Иоганн Игнаций фон Фельбигер, и привлекла на службу самого аббата. Его новые методы включали в себя создание единых учебников и организацию одновременного обучения тому или иному предмету сразу нескольких детей. Дети усваивали материал, хором читая вслух, заучивали его при помощи таблиц или по первым буквам слов, в форме вопросов и ответов. Преимущества этого метода состояли в том, что в процесс обучения вовлекались одновременно все учащиеся[37].

В 1782 г. Екатерина II учредила комиссию экспертов для изучения различных систем образования. Душой комиссии стал выдающийся математик, академик Ф. Эпинус, который был одно время наставником великого князя Павла Петровича, затем возглавлял

---

[36] Это впервые было отмечено в работе: *Okenfuss M. J.* Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia // JGOE. 1979. Vol. 27. № 1. P. 48.

[37] Дидро в своем «Плане университета, составленном для правительства России» признал, что частное образование лучше всего, но большая часть населения не может себе этого позволить. Поэтому власти обязаны наладить всеобщее начальное обучение силами учителей на государственном жалованье (*Diderot D.* Plan d'une université pour le gouvernement de Russie // *Diderot D.* Oeuvres complètes. Paris, 1875. Vol. III. P. 429 ff). Точно так же И. Г. Юсти в своих «Основах могущества и благоденствия государств» («Die Grundsätze zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten») утверждал, что государство, желающее иметь добрых и полезных граждан, должно создать систему просвещения и руководить ею (см.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 387 и далее). Идеи французских и немецких философов по вопросам образования не слишком отличались друг от друга. М. Окенфусс весьма уничижительно отзывается о методике Фельбигера (*Okenfuss M. J.* Op. cit.). Мне представляется, что он исходит в своих оценках из современных американских принципов воспитания, между тем как педагогика — такая область, в которой мода меняется удивительно быстро.

шифровальный департамент Коллегии иностранных дел[38]. Эпинус решительно выступал сторонником принятия в России австрийской трехступенчатой модели «тривиальной», «реальной» и «нормальной» школ на сельском, городском и губернском уровнях и посоветовал императрице попросить Иосифа II направить в Россию советника — человека православного вероисповедания, знающего один из славянских языков. Екатерина послушалась совета. Метод Фельбигера с его явной тенденцией к единообразию хорошо подходил для задач интеграции многоязычного населения империи, принадлежавшего к различным культурам. В ответ Иосиф II, по рекомендации самого Фельбигера, направил в Россию Ф. И. Янковича де Мириево, который играл ведущую роль при распространении новой австрийский системы просвещения в населенных православными сербами областях империи Габсбургов. Янкович прибыл в Петербург 4 сентября 1782 г. Уже 6 сентября его приняла императрица, а 7-го числа вышел указ об образовании Комиссии для заведения в России народных школ под председательством бывшего фаворита императрицы П. В. Завадовского[39].

На комиссию возложили создание новой сети школ, системы подготовки учителей, составление учебников. В 1783 г. в Санкт-Петербурге было открыто училище, при котором имелась также учительская школа. В это время Янкович руководил переводом с немецкого и сербского языков и адаптированием целого ряда учебников, написанных или одобренных Фельбигером, по таким предметам, как история, география, чтение, письмо, Закон Божий, латынь, греческий, грамматика и т.д.[40] Кроме того, Янкович составил катехизис, получивший высокую оценку Эпинуса, а может быть, и самой императрицы. Он сумел «так обойти все точки разногласий, придер-

---

[38] Кроме него в комиссию входили фельдмаршал А. М. Голицын, И. И. Мелиссино — тогдашний директор Дворянского кадетского корпуса, географ и путешественник С. Паллас. Об Эпинусе см.: *Home R.W.* Science as a Career in Eighteenth-Century Russia: The Case of F.U.T. Aepinus // SEER. 1973. Vol. LI. № 122. P. 75—94.

[39] Другими членами этой комиссии стали Эпинус, секретарь Екатерины II П. И. Пастухов, а также Янкович, дополнительно включенный в комиссию как советник-эксперт. См.: ПСЗ. Т. XXI. № 16507, 7 сентября 1782 г.

[40] Янкович вышел из комиссии в 1785 г., чтобы сосредоточить все силы на руководстве учительской школой, а его место в комиссии занял О. П. Козодавлев. Впоследствии Янкович снова участвовал в работе комиссии. См.: *Воронов А. С.* Указ. соч. С. 10—11. К 1786 г. было готово уже 27 учебников (Там же. С. 38 и примеч. 2).

живаясь самой чистой нравственности, что среди христианских вероисповеданий не найдется ни одного, которое не могло бы прибегать к этому катехизису»[41].

Тем временем новая комиссия взяла под контроль все частные школы в России, чтобы добиться их соответствия общегосударственным стандартам. На протяжении 1782 г. новые методы преподавания были введены в столичных школах. В 1784 г. комиссия получила приказ провести ревизию всех частных школ и пансионов (которых в одном только Петербурге насчитывалось 26, хотя учились в них в основном иностранцы) и проэкзаменовать их преподавателей. В результате этой ревизии одна школа для иностранцев была закрыта, а остальные перешли в ведение комиссии. Все русские частные школы были закрыты, а их ученикам пришлось добровольно или принудительно перейти в новые государственные школы, открывавшиеся в Петербурге и Москве начиная с 1783 г. Обе школы, основанные Новиковым и его кружком, также были поглощены государственной системой просвещения.

В русской и советской историографии стало общим местом утверждение о том, что Екатерина II сознательно душила «просветительские» начинания Новикова. Сохранилась ее записка, в которой она просила навести справки о школах, открытых «Утренним светом», для выяснения их «нужд и недостатков»[42]. Это истолковывали как попытку выделить школы Новикова и предать их особому осуждению. Но так как все частные школы в тот период интегрировались в государственную систему, было бы гораздо удивительнее, если бы школы «Утреннего света» оказались исключением[43]. В октябре 1775 г. комиссия получила распоряжение обследовать все московские школы и убедиться, что обучение ведется только по утвержденным учебникам[44].

5 августа 1786 г. был принят Устав народным училищам Российской империи. Он предусматривал создание двухступенчатой системы бесплатных, доступных всем свободным сословиям России

---

[41] Кобенцль — Иосифу II, 15 марта 1783 г. // *Beer A., Fiedler J.* Joseph II und Graf Ludwig Kobenzl: Ihr Briefwechsel. Vienna, 1873. S. 399.

[42] *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 206, примеч. 3.

[43] Немецкая школа при лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге также получила распоряжение подчиниться государственным правилам в указе от 7 сентября 1783 г. См.: *Jones W.G.* Op. cit.; *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 14—16.

[44] ПСЗ. Т. XXII. № 16058, 5 сентября 1784 г.; № 16275, 7 октября 1785 г.

«главных народных училищ» в губернских городах и «малых народных училищ» в уездных городах с совместным обучением мальчиков и девочек. Создание сельских школ не предусматривалось, хотя в ранних проектах Екатерины они значились. Комиссия для заведения народных школ должна была выделить фонды на исходные капитальные затраты, но в дальнейшем средства на содержание школ должны были отчислять местные приказы общественного призрения от прибыли со своих капиталов и добровольных пожертвований.

Уставом в деталях предписывалось, какие предметы следует преподавать учащимся, в каком возрасте, какими методами. Малые народные училища имели два класса (каждый класс — по одному году обучения) и направляли главные усилия на чтение, письмо, арифметику, а также на религиозное и нравственное воспитание. В главных народных училищах было четыре класса (из них последний — с двухлетним курсом обучения), где к названным предметам добавлялась геометрия, архитектура, механика, физика, история, география, рисование, а также языки, нужные в России, — латынь, в южных губерниях греческий, на юго-востоке татарский и арабский, в Иркутске и Колывани — китайский. Преподавание французского оставили в руках частных учителей, вероятно потому, что дворяне и так обучались ему дома, а прочим французский был ни к чему[45].

В дополнение к учебникам, переведенным на русский язык стараниями комиссии, учителя получили и наставление относительно своих моральных обязанностей. Это «Руководство учителям», изданное по-русски в 1783 г., опиралось оно на сербский перевод сочинения аббата Фельбигера. В нем в мельчайших деталях, столь любезных сердцу императрицы, перечислялись качества идеального учителя: это был благочестивый христианин, полный любви («не робяческой, но соединенной всегда с постоянным и важным видом»), бодрый, терпеливый, усердный, беспристрастный и снисходительный. Он был обязан помнить, что его дело — не только прививать знания, но и «просвещать», т.е. воспитывать. Поэтому каж-

---

[45] ПСЗ. Т. XXII. № 16421. В Устав входила инструкция о преподавании иностранных языков с подробной программой занятий. Предполагают, что французский язык исключили из школьной программы как язык извращенной вольнодумной мысли (*Матль И.* Ф. Я. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России // XVIII век. Сб. 10. М., 1975. С. 80).

дый поступок и жест учителя должны были тщательно взвешиваться, чтобы служить этой цели[46].

И ученикам тоже, вдобавок к катехизису, предназначалось нравственное руководство в виде брошюры, составленной на основании другого труда Фельбигера и изданной в 1783 г. Она называлась «Книга о должностях человека и гражданина» и была призвана внушить юношеству уважение к закону и властям. Брошюра состояла из четырех разделов. В главе 1 говорилось об обязанностях перед Богом и людьми, в главе 2 — о здоровье и гигиене, в главе 3 — о долге перед обществом, а в главе 4 — о правилах домоводства. Детей призывали любить Бога (причем не уточнялось, о христианском ли Боге идет речь) и проявлять смирение. Самая интересная — глава 3, где объяснено, как складывается человеческое общество: люди объединяются, нуждаясь во взаимной помощи, затем некоторые группы отдают власть одному лидеру. В других группах несколько людей заботятся об общем благе и пользуются тою властью, которая в монархии принадлежит государю. Такие общества называются республиками. Но независимо от того, один человек стоит у власти или много, все должны им подчиняться. Утверждение о том, что правители не были бы правителями, если бы Господь этого не пожелал, подкреплено авторитетом Священного Писания. Их власть установлена Богом на благо их подданных, и они должны править справедливо, ежечасно об этом помня. Брошюра учила детей принимать как должное разделение общества на сословия и довольствоваться своей участью. В ней говорилось, что общество состоит из хозяев и слуг, и даже из господ и рабов, и у каждого в нем своя роль. В подкрепление различных сентенций подобного рода приведены слова из Ветхого и Нового Заветов[47].

---

[46] Я пользовалась 3-м изданием: Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы. СПб., 1794.

[47] Мне не удалось познакомиться с экземпляром этого сочинения, основанного на «Руководстве к честности и правости» на сербском языке. Последнее, в свою очередь, опиралось на работу Фельбигера «Anleitung zur Rechtschaffenheit», которую мне также не удалось разыскать. Отрывки русской версии в немецком переводе можно найти в издании Л. Бакмейстера: Russische Bibliotek zur Kenntniss des Gegenwartiger Zustandes der Litteratur in Russland. SPb.; Riga; Leipzig, 1789. Bd. IX. S. 19ff. Выдержки на русском языке помещены в работах: *Демков М. И.* История русской педагогики. М., 1910. Т. II: Новая русская педагогика. XVIII в.; *Желваков Н. И.* Хрестоматия по истории педагогики. М., 1938. Т. IV. Ч. I. С. 172 и далее. Полное рассмотрение вопроса см.: *Okenfuss M.J.* Op.

Несмотря на постоянное обращение к авторитету Библии, тон «Книги о должностях человека и гражданина» был совершенно светским. Пусть она предназначалась для воспитания верноподданных, «язык ее был языком просвещения». Людей нужно приучать верить в то, что «повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно, что они ничего иного не желают, кроме того, что обществу за полезное признают»[48]. Столь светский тон Устава 1786 г. и всех опубликованных с ним материалов поразил в XIX в. министра народного просвещения Дмитрия Толстого. В 1886 г. он писал, что во всех 113 статьях Устава церковь не упомянута вообще, как будто христианское и нравственное воспитание — это не ее дело[49]. Религии в новых школах учили, но не священники, а светские учителя, причем по учебникам, исходившим от Комиссии для заведения народных школ, а не от церкви.

В 60-е гг. Екатерина II имела возможность использовать церковь как инструмент для развития образования в России. В это время Комиссия о церковных имениях обращалась к ней с предложениями о реформе духовных школ, об учреждении в Москве духовного университета. Впоследствии они были переданы в «частную» комиссию по вопросам образования в Уложенной комиссии, чем дело и кончилось. В 1771 г. императрице снова представили проект системы народного образования под руководством церкви на всех уровнях[50]. Под просвещенным руководством архиепископа Платона уровень приходских училищ несколько повысился, а число выросло с 6 тыс. в момент воцарения Екатерины II до 11 329 в 1783 г.[51] Однако духовенство в целом оставалось до того малообразованным, что императрица никак не могла преодолеть свое глубинное недоверие к нему и привлечь священников на роль учителей начальной школы. Дух ее собственных педагогических сочинений, таких как «Гражданское начальное учение», написанное ею для внуков, был

---

cit. Полный текст сочинения в английском переводе (но, к сожалению, без указаний на соответствующие библейские цитаты) опубликован лишь недавно, так что я не успела его использовать (см.: *Black J. L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators and Pedagogical Ideas in Eighteenth Century Russia. N. Y., 1979).

[48] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 565 и далее.

[49] *Толстой Д. А.* Городские училища в царствование Екатерины II // Записки имп. Академии наук. СПб., 1887. Т. LIV. Прил. № 1. С. 1—213.

[50] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 309 и далее.

[51] *Демков М. И.* Указ. соч. С. 359 и далее.

совершенно светским. В этой серии моральных сентенций, которые государыня, как умела, приспособила к детскому восприятию, Бог упомянут лишь дважды. В § 35 говорится: безупречен лишь Бог, а под номером 111 стоит высказывание, приписанное Ксенократу и советующее чтить сперва Бога, а потом уж своих родителей. Об Иисусе Христе речь не идет вообще, зато не забыты Сократ, Платон, Александр Великий и Юлий Цезарь. Здесь задан вопрос: «Что такое герой?», но не: «Что такое святой?»[52].

Еще в одном отношении педагогические взгляды Екатерины, выраженные в Уставе 1786 г., далеко опережали принципы и практику ее времени: в школах полностью запрещались любые телесные наказания, не позволялось даже драть учеников за волосы[53].

Согласно Уставу 1786 г., главам 25 губерний надлежало немедленно приступить к организации новых народных училищ, а в 1788 г. было приказано открыть училища еще в 16 губерниях[54], в том числе в Прибалтике, в трех губерниях Малороссии, в Тобольской и в Иркутской губерниях. В 1786 г. в России существовало уже 165 училищ, где преподавало 394 учителя и училось 10 230 мальчиков и 858 девочек. К 1792 г. эти цифры почти удвоились — 302 училища, 718 учителей, 16 322 ученика и 1178 учениц. После смерти Екатерины эти показатели снизились, но снова поднялись в 1800 г., так что к концу XVIII в. в России насчитывалось 315 школ с общим числом учителей, равным 790, а среди учащихся было 18 128 мальчиков и 1787 девочек. В 1800 г. училища имелись, например, во всех десяти уездах Московской губернии и во всех двенадцати уездах Рязанской губернии[55].

Комиссия для заведения народных школ продолжала выступать как своего рода Министерство народного просвещения, хотя ее функции, кажется, были прежде всего контрольными и судебными. Она ведала координацией учебных программ, следила за квалификацией учителей, их служебным продвижением, жалованьем, учебниками и т.д., а также обеспечивала училища исходными фондами. В дальнейшем их должны были содержать приказы общественного призрения. За губернаторами сохранилось попечительство над народными училищами, которыми на местах руководили директора,

---

[52] Российская азбука для обучения юношества... СПб., 1781; Продолжение начального учения [СПб., 1783].

[53] Руководство учителям первого и второго разряда... С. 106. Запрещались также дурацкие колпаки, ослиные уши и т.п.

[54] ПСЗ. Т. XXII. № 16726, 3 ноября 1788 г.; ср.: Там же. № 16147.

[55] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 606.

входившие в губернские приказы общественного призрения, а в уездах — назначаемые инспектора. Обязанностью Управы благочиния было следить, чтобы ни одна школа не открывалась без разрешения приказа общественного призрения. Последний, в свою очередь, отвечал за то, чтобы в училищах применялись лишь учебники и методы преподавания, предписанные комиссией[56]. Учителя двух старших классов губернских народных училищ (главных) получали штатный годовой оклад в 400 руб. при готовой квартире, отоплении и освещении, и, соответственно, меньшее жалованье получали учителя младших классов главных училищ и начальной школы (малых училищ). Преподаватель старших классов начинал службу с чина двенадцатого разряда по Табели о рангах, а остальные получали чин четырнадцатого, т. е. низшего разряда. При действующей в России системе автоматического продвижения по службе преподаватель губернского училища мог выслужить потомственное дворянство, т.е. чин восьмого класса, за 22 года преподавания, а учитель младшей школы — за 36 лет[57]. Таким образом, учителя составили первый учрежденный в России профессиональный корпус гражданских служащих. Как и все гражданские служащие, учителя были приписаны к своей должности и подлежали юрисдикции Комиссии по заведению в России народных школ. Чтобы предотвратить бегство учителей со службы по достижении дворянского чина, тем из них, кто получил образование за государственный счет, было запрещено уходить из школ. Учителя, совершившие проступки, по постановлению комиссии подвергались наказаниям, причем иногда очень суровым[58]. Педагога, напившегося пьяным (это был обычный проступок), могли приговорить к содержанию под стражей на хлебе и воде. За более серьезные преступления учитель мог даже попасть в солдаты[59].

---

[56] Типография Брейткопфа получила лицензию на печатание этих учебников в Санкт-Петербурге (ПСЗ. Т. XXII. № 6086, 1 ноября 1784 г.). На лютеранскую церковь Св. Петра в Санкт-Петербурге возложили общее руководство всеми российскими школами с немецким языком и печатание учебников в немецких переводах (*Woltner M.* Das Wolgadeutche Bildungswesen und die Russische Schulpolitik. Leipzig, 1937. T. I. S. 36—37).

[57] Устав 1786 г.; ПСЗ. Книга штатов. Т. XLIV. С. 200. См. также: Там же. Т. XXII. № 16930, 16 декабря 1790 г.; *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 581 и далее.

[58] Там же. С. 584 и далее; *Толстой Д. А.* Городские училища... С. 112—113.

[59] Там же.

Одновременно с тем, как формировалась новая общегосударственная система народного образования, императрица обратила критический взор на уже существующие образовательно-воспитательные учреждения, открытые в 60-е гг. по советам Бецкого, которые явно не сумели вырастить «новую породу людей». Комиссия по народным школам в апреле 1783 г. получила указание инспектировать Смольный институт благородных девиц. По итогам проверки она доложила, что преподавание там ведется в основном по-французски, что обязательное расписание не составлено, а учителя плохо подготовлены. Комиссия взялась исправлять положение в институте, введя для начала преподавание на русском языке, постоянное расписание, а также свои собственные методы обучения, установленные Янковичем де Мириево, который, кроме того, разработал особую «Инструкцию» для учителей[60]. В то же время реформировали Сухопутный и Морской шляхетские корпуса, причем из их программы были исключены некоторые далекие от военного дела предметы, такие как скульптура. Сократилось и еженедельное число уроков, разросшееся было до сорока пяти[61].

А каковы же были результаты этих образовательных начинаний? Насколько эффективными оказались новые педагогические принципы и широко ли они применялись? В XIX в. на эти вопросы отвечали весьма критически. Екатерину обвиняли в неспособности выделить достаточно крупные средства на осуществление образовательной программы. Но чтобы окончательно разрешить этот вопрос, требуется более детально изучить финансирование образования в России, чем это делалось до сих пор. В столице выделялись гораздо более крупные суммы на специальные и профессиональные школы, чем на народные училища: от прибыли с 2,5 млн руб. на школы для дворянских и мещанских девиц (что при обычной ставке в 6% приносило им общий доход в размере 150 тыс. руб. в год) до 46 тыс. руб., выделенных Морскому шляхетскому корпусу в 1783 г. (эти деньги к 1792 г. выросли до 187 тыс.)[62]. Кроме того, не исклю-

---

[60] *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть... С. 54—55.

[61] Там же. С. 22 и далее. Другие государственные учебные заведения, такие как Морской шляхетский корпус, Артиллерийское и Инженерное училища, Пажеский корпус, Горное училище и медицинские школы (которые сначала состояли при больницах) были реформированы в 80-х гг. и приведены в соответствие с основными характеристиками нового плана.

[62] *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть... Passim; М. Окенфусс приводит следующие данные: в порту Санкт-Петербурга на школы взимался двухпроцент-

чено, что правительству не хватало опыта практического финансирования школьных нужд[63].

Что касается общественного вклада в развитие системы просвещения, то он был, конечно, неравномерным и во многом зависел от позиции губернаторов на местах. Ярославский генерал-губернатор А. П. Мельгунов вдохновил жителей своей губернии пожертвовать на нужды просвещения 30 тыс. руб. и каменное здание стоимостью в 20 тыс. Кроме того, он организовал «Дом призрения ближнего» для воспитания бедных детей обоего пола (кроме крепостных), куда принимались также оставшиеся без средств к существованию сироты, вдовы с малолетними детьми, увечные и престарелые. В первоначальный фонд Дома призрения местное дворянство и купечество собрали еще 30 тыс. руб., и процентами с этой суммы было обеспечено содержание сорока детей[64]. К концу столетия тверское дворянство пожертвовало на образование свыше 77 тыс. руб., в Пензенской губернии дворянство постановило выделить в пользу училищ по 5 коп. с крепостной души, что принесло более 9 тыс. руб.[65] Рязанский губернатор выстроил на свои средства каменный дом, в котором верхний этаж отвели под дворянское собрание, балы и маскарады, а в нижнем этаже разместился пансион для дворянских де-

---

ный сбор с импорта и однопроцентный налог с экспорта, доходивший до 10 тыс. руб. в год (*Okenfuss M. J.* Op. cit. P. 63, примеч. 89). Подобные налоги взимались и в других портовых городах.

[63] Профессор Дилси в 60-е гг. XVIII в. полагал, что 3 университета, 9 гимназий, 21 начальную школу, 2 сельские школы и центральные государственные органы управления образованием можно содержать на 104 721 руб. в год, затратив 150 тыс. руб. на первоначальное строительство и обзаведение. Годовой бюджет городского училища был установлен в размере 2,5 тыс. руб. (*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 597). Преподаватель двух старших классов уездного училища получал 400 руб. в год, учитель во втором классе — 200 руб., в первом — 150 руб. Учителям младшей школы платили по 100 руб. в год в первом классе и по 150 — во втором. Преподаватели иностранных языков зарабатывали 300 руб. в год, а учителя танцев — 60 (*Толстой Д. А.* Городские училища... С. 113, примеч. 1). Для сравнения можно отметить, что в 1898 г. учителя начальных школ получали 200—250 руб. в год, а в 1892 г. опытный квалифицированный учитель городского училища зарабатывал 600 руб., остальные — 480 (См.: Board of Education. Special Reports on Educational Subjects. Vol. 23: Education in Russia. Cund. 4812. 1909. P. 261ff).

[64] ПСЗ. Т. XXII. № 16344, 10 марта 1786 г.; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 203—204.

[65] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 602 и далее.

тей[66]. Это, несомненно, было лучше, чем существование училища под одной крышей с кухмистерской и питейным заведением![67]

Итак, общество не распространяло свое попечение на образование крепостных детей, но заботилось об образовании девочек. Джон Паркинсон, побывавший в 1791 г. на проводившихся раз в два года публичных экзаменах учеников астраханских школ, «с удивлением увидел в первом классе четырех девочек»[68]. Но цифровыми данными дело не исчерпывается. Многие дворяне не хотели посылать своих детей в государственные школы, где учились все подряд, без деления на сословия. Это служило стимулом к развитию частного образования; в России открывалось все больше частных пансионов. Поэт Державин, находясь на посту тамбовского губернатора, поощрял эту тягу к классовой обособленности. С его разрешения учителя из губернского училища за скромное вознаграждение преподавали грамматику, арифметику и геометрию прямо у него в доме тем девочкам и мальчикам, чьи родители считали неприличным для своих детей посещение публичной школы[69].

Через два года после провозглашения образовательной реформы один из членов Комиссии по заведению в России народных школ совершил инспекционную поездку, из которой вернулся с несколько удручающими результатами. Общество откликнулось на начинания правительства в сфере просвещения, но далеко не единодушно. Если дворянство и наиболее просвещенная часть городских жителей вносили на школы довольно щедрые пожертвования, то большинство купечества и мещанства считало обучение классическим языкам и словесности, предусмотренное в третьем и четвертом классах училищ, совершенно бесполезным. Они вбили себе в голову, что для получения места в гражданской службе не требуется ничего, кроме хорошего почерка. Мещанство не устраивали также и младшие школы с их новомодными педагогическими методами, в

---

[66] Историческая записка Рязанской мужской гимназии. Рязань, 1904. С. 6.

[67] ПСЗ. Т. XXII. № 16443, 22 октября 1786 г. (указ с распоряжением немедленно это прекратить); *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 602.

[68] *Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792—1794. London, 1971. P. 177. Однако, по данным И. Дубасова, с 1788 по 1804 г. в Орле из 3008 учащихся 1041 (34%) составляли крепостные (*Дубасов И.* Тамбовский край в конце XVIII — начале XIX столетия // Русский вестник. 1884. № 17—18). См. также: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 286 (о детях крепостных, учившихся в школах).

[69] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1869. Т. V. С. 557.

которых собирались вместе дети бедных дворян, крестьян, солдат и прочие. Ощущалась острая нехватка подготовленных чиновников для инспекции школ в приказах общественного призрения.

Правы ли историки, полагающие, что русское общество довольно равнодушно относилось к нуждам просвещения, так как власти все равно с ним не советовались и подавляли его инициативы? Конечно, очевидно, что политика Екатерины II, проводившаяся комиссией, была направлена на установление полного государственного контроля над системой образования и ее унификации по всей стране. Этот монополистский подход опирался на веру в то, что власть просвещеннее общества, — мнение, которое без конца внушали императрице многие ее иностранные советники, от Дидро до Джона Брауна, которым она с готовностью верила[70]. С точки зрения императрицы, высшим властям было виднее, что надо делать, а значит, следовало добиться, чтобы предложенная ими модель воспроизводилась повсеместно. Частным же лицам надлежало запретить учить детей как заблагорассудится, а разрешать это лишь при условии, что они станут избегать «всего колобродного, обманом или невежеством выдуманного» и «странных мудрствований»[71]. Первое из этих предупреждений было направлено против церковного мракобесия, а второе — против обскурантизма масонов. И то и другое говорит о твердом намерении Екатерины посадить Россию на строгую рационалистическую диету, приправленную полезной дозой утилитарной религиозности. И все же трудно отстаивать точку зрения о том, что в деле народного просвещения удалось бы достичь большего, если бы русскому обществу предоставили действовать свободно и сообразно его собственным убеждениям и взглядам. Ведь до 1786 г. оно достигло в этой сфере весьма немногого, а инициативу властей с самого начала встретило на удивление хорошо.

Означает ли выбор австрийской модели, что императрица потеряла былой интерес к воспитанию как к средству развивать безупречного разностороннего человека и склонилась в пользу системы,

---

[70] См., например, у Дидро: «Ее величество имеет перед собой обширное поле, пространство, лишенное всяческих препятствий, на котором она может строить по своему усмотрению...» (*Diderot D.* Oeuvres complètes. Paris, 1875. Vol. III. P. 44). Весьма сходные мысли приведены в работе: *Hans N.* Op. cit. P. 229—235.

[71] ПСЗ. Т. XXII. № 16344, 10 марта 1786 г. (предупреждение А. П. Мельгунову); № 16362, 27 марта 1786 г. (указ московскому губернатору Брюсу с предупреждением в адрес Н. И. Новикова).

учившей, что цель воспитания — выращивать смиренных и полезных членов общества? «В поисках альтернативы традиционной зубрежке классических текстов в гимназиях Екатерина выбрала не "естественное" воспитание по Локку или Руссо, но весьма германский по духу режим дисциплины, повторения и порядка», — пишет современный специалист по педагогике[72]. Но мы можем задать вопрос: а разве где-нибудь реально существовала хотя бы одна школа, не говоря уже о целой системе просвещения, построенная на учении Руссо? Екатерина не видела, почему невозможно совместить воспитание «совершенного человека» с выращиванием добрых и полезных граждан, готовых честно трудиться каждый на своем месте. Принципы, которые она стремилась насадить посредством «Книги о должностях человека и гражданина», должны были приучить подданных проявлять покорность властям и не выступать против статичного иерархического общественного строя. Но, несмотря на это, зимой 1794 г. поползли слухи, будто бы книга изъята из обращения, как подрывная. Однако это была неправда, и брошюра еще одиннадцать раз переиздавалась до 1819 г., когда митрополит Филарет наконец запретил ее, полагая, что сознание долга должно основываться на религиозной, а не на светской морали[73].

Выбор унифицированной системы образования логически вытекал из того умонастроения, которое руководило Екатериной при разработке «Учреждений об управлении губерний». Подобно тому как в Остзейских провинциях и в Малороссии устанавливалась система управления без учета давних местных традиций, новая школьная программа и педагогические принципы внедрялись по всей Российской империи, в частных и государственных школах, независимо от языка обучения — русского, немецкого, татарского[74].

Воплощались ли в жизнь педагогические принципы, заложенные в Уставе? Действовал ли запрет на телесные наказания? Мы не располагаем достаточным материалом для рассуждений об этом, но, например, барон Штейнгель, будущий декабрист, с чувством опи-

---

[72] *Okenfuss M.J.* Op. cit. P. 51.

[73] *Parkinson J.* Op. cit. P. 223. Экземпляры книги были переработаны в бумажную массу, которая продавалась по 50 коп. за пуд. См.: *Желваков Н. И.* Указ. соч. С. 172 и далее, с. 197, примеч. 10.

[74] Большинство национальных языков Российской империи еще не имело собственной письменности или только вырабатывало ее. Поэтому не могло быть и речи о переводе и печатании учебников на этих языках, за исключением, пожалуй, татарского. Правда, в Остзейских провинциях русский язык в школах не преподавался.

сывал дурное обращение, которому подвергался в Морском шляхетском корпусе в 80-е гг. XVIII в.[75] Помня о главной слабости русских учителей — пьянстве, можно полагать, что грубое обращение с детьми не прекратилось, да и в Европе того времени оно было общепринятым.

Учениками новых народных училищ никак не исчерпывалось число российских учащихся, получавших начальное и среднее образование вне дома. Около 1980 кадетов обучалось в военных училищах, примерно 12 тыс. училось в гарнизонных школах. В общей сложности, считая вместе с техническими училищами, семинариями, приходскими школами, к концу екатерининского царствования в 549 государственных учебных заведениях обучалось около 62 тыс. детей[76]. Никаких цифровых данных о сельских образовательных учреждениях не существует, но они там, конечно, действовали, хотя бы не периодически. Приведенное число учащихся кажется каплей в море на фоне реальной численности населения России, но все же начало было положено. Развитие народного образования — процесс очень длительный, так что урожай от семян, посеянных Екатериной, собрал ее внук Александр I.

В рассматриваемое время еще не делалось никаких попыток создания новых университетов. Императрица предложила Школьной комиссии разработать планы учреждения университетов во Пскове, Чернигове и в Пензе с медицинскими факультетами, но без богословских, как было принято в России[77]. Псковский университет обслуживал бы и обе Прибалтийские губернии, и весь Север России. Чернигов как университетский центр должен был соперничать в Малороссии с Киевом, а Пенза составила бы противовес Казани. Но из этих планов ничего не вышло, да и вообще, при виде того, как трудно было набирать нужное количество студентов в Московский университет, казалось гораздо разумнее сначала сосредоточить ресурсы на развитии нижних ступеней системы образова-

---

[75] Записки барона Штейнгеля // Общественные движения в России в первую половину XIX века / Под ред. В. И. Семевского. СПб., 1905. Т. I. С. 283 и далее. Кроме того, в Кронштадтском Морском кадетском корпусе старшие кадеты помыкали младшими, в чем, возможно, отразилось сильное британское влияние на российский флот.

[76] По другим подсчетам, в 1782—1800 гг. через государственные школы прошло 176 730 учащихся, 7% из которых (12 595 человек) составляли девочки (Board of Education Report... P. 28).

[77] ПСЗ. Т. XXII. № 16315, 29 января 1786 г.

ния[78]. Но в продолжение всего екатерининского царствования русские дворяне, разночинцы, сыновья духовенства непрерывным потоком отправлялись (на средства родителей или за казенный счет) учиться в иностранные университеты. В 1764 г. Екатерина, как всегда, организовала комиссию для отбора кандидатов на обучение за границей. Первая группа в ноябре 1765 г. выехала в Лондон (в нее входил, в частности, младший брат будущего митрополита Платона). Часть студентов была принята в колледжи Оксфорда на обучение греческому, латыни, французскому языку, этике, математике. Не все русские студенты сумели закончить курс обучения — кто заболел, кто залез в долги, но двое все же получили в 1775 г. магистерскую степень[79]. Лучше известны приключения русских студентов, учившихся в Глазго у Адама Смита (Десницкий и Третьяков)[80], а также группы, прибывшей в Лейпциг в 1766 г., в которую входил юный Радищев. Других направляли в Париж, Страсбург, Йену. В 1785 г. в Страсбургском университете училось 44 русских студента, а в 1796 г., когда император Павел I отозвал из-за границы всех русских студентов, 65 человек училось в Йене и 36 в Лейпциге. Развивать университеты в России выпало императору Александру I.

---

[78] Возможно, что все шаги в этом направлении были отложены из-за начала Русско-турецкой войны в 1787 г.

[79] См.: *Cross A.G.* Russian Students in Eighteenth-Century Oxford (1766—1775) // Journal of European Studies. 1975. Vol. V. P. 91—110.

[80] См.: *Браун А. Х.* С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете, 1761—1767 гг. // Вестник Московского университета. 1969. № 4. С. 75—88.

Глава 32

Религиозная политика Екатерины II

Легкость, с которой Екатерина перешла из лютеранства в православие накануне бракосочетания с великим князем Петром Федоровичем, говорит о том, что она не отличалась большой религиозностью. Всю свою жизнь императрица, пожалуй, принадлежала к числу агностиков. Правда, упоминания о Боге, о Божественном провидении стоят на заметных местах в ее официальных обращениях и документах, да и в частной переписке, а почетные религиозные функции православной государыни Екатерина II отправляла с величайшей пунктуальностью. Но глубинные течения религиозной, духовной жизни не затрагивали ее души, а мистицизм казался ей мракобесием и чепухой. К тому же императрица была совершенно лишена музыкального слуха, так что даже эта сторона православной литургии ничего не говорила ее воображению и чувствам. Будучи разумным человеком, она не считала допустимыми ни насильственное обращение, ни преследования религиозных меньшинств — лишь бы все ее подданные верили в какого-нибудь бога и выполняли обряды, положенные их вероисповеданию. В религии она видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности, однако никогда не допускала, чтобы церковь оспаривала влияние государственной власти.

Взгляды императрицы на религию были открыто изложены в статьях 494—496 ее «Наказа». Здесь она высказала строго утилитарные принципы, не затрагивая богословские вопросы. Выступая сторонницей «разумной» веротерпимости ради спокойствия в обществе многонациональной империи, она в статье 496 отметила: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца...»[1]

---

[1] Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W. F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 209.

В первое десятилетие царствования Екатерине в ряде случаев приходилось решать вопросы, касающиеся отдельных религиозных сообществ, но лишь 13 июня 1773 г. императрица издала генеральный документ о религиозной политике в Российской империи. Это не был официальный «патент» о веротерпимости по примеру указа императора Иосифа II. Веротерпимость в нем провозглашалась, по типично русскому обыкновению, не прямо, а, скорее, косвенно — в контексте разрешения строить мечети. В указе объявлялось: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество, из тех же правил, сходствуя Его Святой вере, и в сем поступать изволит». Поэтому Святейшему синоду приказали запретить церковным властям по всей стране браться за решение всех вопросов, связанных с другими вероисповеданиями, предоставив это гражданским властям (в том числе и вопросов о строительстве культовых зданий)[2].

Первая проблема религиозной политики, вставшая перед Екатериной после восшествия на престол, касалась евреев. В России тогда было очень мало евреев, так как в старомосковские времена им не разрешалось селиться в стране. Однако евреи населяли польскую часть Украины, некоторые их общины в Малороссии сумели пережить свирепые погромы времен восстания Богдана Хмельницкого в XVII в. Несколько евреев-военнопленных поселились даже в Великороссии, и на это смотрели сквозь пальцы, хотя в Москву их не пускали. В 1727 г. Екатерина I издала указ об изгнании всех евреев из России и из Малороссии, однако его не выполняли, потому что евреи играли слишком важную роль в малороссийской экономике[3]. Религиозная нетерпимость XVIII в. достигла вершины, когда в 1738 г. одного еврея обвинили в обращении в иудаизм русского морского офицера, и обоих публично сожгли 15 июля 1738 г. в Санкт-Петербурге[4]. Более действенный, чем в 1727 г., указ об изгнании евреев издала императрица Елизавета в 1742 г. Согласно ее воле даже заслуженному придворному врачу, еврею-сефарду Антонио Нунь-

---

[2] ПСЗ. Т. XIX. № 13996, 23 июня 1773 г. Между казанским губернатором и православным духовенством возник конфликт, так как губернатор, опираясь на соответствующие статьи «Наказа», дал разрешение построить две мечети.

[3] *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. I. С. 9 и далее. В 1740 г. 292 евреям и 281 еврейке, проживавшим в 130 дворах, было приказано покинуть Малороссию.

[4] ПСЗ. Т. X. № 7612, 3 июля 1738 г.

ес Рибейро Санчесу, запретили вернуться на свой пост в Россию и лишили его почетного членства в Академии наук[5].

Екатерина II, спустя четыре или пять дней после своего воцарения, присутствовала на одном из рядовых заседаний Сената и обнаружила в повестке дня восходящее к времени Петра III предложение позволить евреям селиться в России. Императрица решила, что вряд ли мудро начинать царствовать с такого шага, который будет воспринят как серьезное отступление от только что данного ею слова оберегать православную веру. Из затруднения ее вывел один из сенаторов, предложив обратиться сначала к указу императрицы Елизаветы по поводу предыдущего аналогичного проекта. Прочитав слова покойной государыни: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли», Екатерина набралась смелости отложить решение этого вопроса[6]. В Манифесте 4 декабря 1762 г. о приглашении иностранцев на поселение в Россию было ясно сказано, что евреев оно не касается[7].

Однако императрица все-таки считала поселение еврейских колонистов на российских землях, во-первых, полезным для освоения пустующих земель Новороссии, а во-вторых — средством увеличить донельзя малочисленное российское «третье сословие». Поэтому одновременно с указом 1762 г., евреев не касавшимся, вышла инструкция властям Юга России: допускать на свои земли всех переселенцев без различия расы и веры. Именно эта формулировка обыкновенно применялась тогда, когда речь шла о евреях[8]. В 1764 г. Екатерина приказала князю Дашкову, находившемуся с русской армией в Польше, взять под свою защиту всех евреев, желающих выехать в Россию[9]. Первое специальное разрешение евреям селиться в Новороссии было дано в 1769 г.[10]

Ничто не свидетельствует ярче об ограниченности абсолютной власти, чем те секретные меры, к которым прибегала Екатерина, чтобы развивать поселение евреев в России. В апреле—мае 1764 г.

---

[5] ПСЗ. Т. XI. № 8673, 2 декабря 1742 г.

[6] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. С. 570.

[7] ПСЗ. Т. XVI. № 11720.

[8] *Bartlett R.* Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1764—1804. Cambridge, 1979. P. 90.

[9] СбРИО. Т. LI. С. 440.

[10] *Bartlett R.* Op. cit.; ПСЗ. Т. XVIII. № 13383, 16 ноября 1769 г. Еврейские военнопленные получили позволение жить в России (см.: *Гессен Ю.* Закон и жизнь: Как созидались ограничительные законы о жительстве в России. СПб., 1911. С. 18).

частным письмом (его составил Г. Г. Орлов – главный помощник императрицы в вопросах об иностранных колонистах) она велела лифляндскому губернатору Броуну разрешить нескольким купцам (очевидно, еврейским) из Новороссии поселиться в Риге, а также выдать паспорта ряду лиц, направляющихся из Митавы в Санкт-Петербург, «без указания их расы и веры». Екатерина своей рукой приписала по-немецки: «Если вы меня не поймете — не моя вина... Держите все это в тайне»[11]. Таким образом, семерых евреев, в том числе и раввина, тайно провезли в столицу, где на некоторое время поселили в доме исповедника самой государыни, а двор делал вид, что не замечает их вероисповедания[12].

С появлением в Риге евреев, которым было поручено вербовать и перевозить еврейских колонистов в Южную Россию, снова встал вопрос о статусе еврейского населения Лифляндии. Бесконтрольный приток евреев в Ригу «по пути в Новороссию» встревожил городской совет, и его члены прибегли к старой практике — открыли особую «гостиницу» для евреев за чертой города. Там всем им и полагалось селиться, если только они не откупались от этого ограничения сотней талеров. В 1765 г. среди жителей Риги насчитывалось 36 евреев. 8 февраля 1766 г. губернатор Броун издал патент, ограничивший деятельность евреев пределами Риги. Здесь им позволялось торговать некоторыми товарами (кроме всякого старья) при посредничестве рижских купцов. Евреям, не купившим освобождения за сто талеров, полагалось жить вне стен Риги. В остальной Лифляндии евреям не разрешалось ни селиться, ни наниматься на работу[13].

Права евреев на постоянное проживание в Остзейских провинциях были более четко сформулированы в 1783 г., когда, по соглашению между Россией и Курляндией, это бывшее герцогство уступило Лифляндии небольшой кусок земли вокруг Шлока. В 1785 г. Екатерина разрешила селиться там людям «без различия расы и вероисповедания». Теперь рижские евреи в основном приписывались в Шлоке. Исключение составляли лишь так называемые «шютцюден» — привилегированные евреи, свободные от ограничения на проживание, которым разрешалось селиться в самой Риге[14]. Итак,

---

[11] *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 16—17.

[12] Там же (цитата из письма Екатерины II к Дидро).

[13] *Buchholtz A.* Geschichte der Juden in Riga. Riga, 1899. S. 64, 67—69, 123—128.

[14] ПСЗ. Т. XXII. № 16146, указ генерал-губернатору Броуну от 4 февраля 1785 г. См.: *Buchholtz A.* Op. cit. S. 69ff. Речь шла об очень малых цифрах: в 1895 г. в Шлоке было всего 89 еврейских купцов и 44 мещанина.

в Лифляндии, где уже существовало развитое организованное городское сословие, а потому не было нужды искусственно увеличивать численность «третьего рода людей», Екатерина удовольствовалась скромной дозой веротерпимости, достаточной для того, чтобы помочь торговле и дать людям, ею занятым, определенную защиту закона, но недостаточной для получения евреями статуса постоянных жителей или равных прав с населением всей Лифляндии.

С присоединением к России части Речи Посполитой в 1772 г. возник совершенно новый комплекс проблем. Несмотря на все страдания, которые претерпели евреи в XVII—XVIII вв. от украинских казаков, польских католиков, шведских лютеран, православных русских, на этих землях все-таки сохранились крупные еврейские общины, которые в ряде городов превосходили по численности христианское население[15].

Традиционной еврейской системой организации общества, сложившейся на протяжении столетий, являлся кагал — выборный орган, как правило, во главе с раввином, управлявший всеми делами еврейской общины данной местности и отвечавший перед короной за уплату налогов и исполнение всякого рода повинностей. В мелких селениях имелись подкагалы. Представители кагалов играли роль лобби при польском сейме, действуя в интересах польского еврейства в целом[16].

В манифесте, которым была провозглашена аннексия белорусских провинций Польши, специально говорилось и о евреях как о группе, на которую распространяются милосердие и щедрость императрицы. Им подтвердили пожалованные польскими королями права на свободное отправление ритуалов своей религии и на имущество[17]. Несмотря на то что критерии определения, кто еврей, а кто

---

[15] *Гессен Ю.* История еврейского народа... Т. I. С. 58 и примеч. 33. В 1784 г. в Могилевской губернии к купечеству был приписан 1 161 еврей (купцов из христиан было 321 человек), а к мещанству — 14 258 евреев (и 7126 христиан). В Полоцкой губернии проживало 467 еврейских купцов и 646 христианских, 6955 евреев-мещан и 7824 христианина. Евреи здесь составляли 2,76% от общего населения и 37% городского населения. Впрочем, И. Левитац указывает на ненадежность цифровых данных (*Levitats I.* The Jewish Community in Russia 1772—1844. N.Y., 1970. P. 18).

[16] *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 30 и далее.

[17] ПСЗ. Т. XIX. № 13850, 16 августа 1772 г. С этих пор оскорбительное слово «жид» официально исчезло из российских указов, сменившись нейтральным словом «еврей».

нет, никогда четко не формулировались, они были чисто религиозными. Еврей, обращенный в христианство, в правовом смысле переставал быть евреем[18]. Но политика России в отношении ее новых еврейских подданных разрывалась между двумя противоположными тенденциями: нужно было сохранять кагал с его властью в общине и способностью выполнять те функции, которые государство пока не в силах было взять на себя, а при этом хотелось покончить с еврейской обособленностью, которую консервировал автономный институт кагала, и включить евреев в общероссийское городское сословие.

Поначалу русские власти поддерживали систему кагалов и числили каждого еврея за его общиной, как любого купца или мещанина за соответствующим магистратом или ратушей. Он подлежал власти кагала не только в духовных делах, но и в правовых, финансовых и административных. Евреи платили подушную подать в размере одного рубля с души мужского пола и налог вместо рекрутского набора. Евреи, проживавшие на частновладельческих землях, подлежали юрисдикции помещиков, как в польские времена.

С вводом в действие «Учреждений об управлении губерний» в новых Могилевской и Полоцкой провинциях в 1778 г. заметно усилилась интеграция евреев в российское общество. Тяжбы евреев с христианами или дела по векселям теперь рассматривали магистраты, если речь шла о горожанах, и нижние земские суды для сельских жителей. В январе 1780 г. евреям Могилева и Полоцка позволили записываться в купечество или мещанство в зависимости от размеров капитала. Еврейским купцам вместо подушной подати теперь полагалось платить налог в один процент с объявленного капитала, как и русским купцам[19]. В 1783 г. евреям велели платить те же налоги, что платило русское население, прямо в русские магистраты, которым были переданы от кагалов также функции выдачи паспортов. Евреи участвовали в местных выборах 1783 г., причем несколько человек были избраны в органы управления. В ответ на протесты общественного мнения и даже противодействие местных чиновников Екатерина велела губернатору Могилева и Полоцка генералу П. Б. Пассеку проследить за тем, чтобы выбранные евреи допускались к исполнению их должностных обязанностей[20]. Но

---

[18] Этот вопрос был четко поставлен в указе 17 октября 1776 г. См.: *Klier J.D.* The Ambiguous Legal Status of Russian Jewry in the Reign of Catherine II // Slavic Review. 1976. Vol. 35. № 3. P. 804—817.

[19] ПСЗ. Т. XX. № 14962, 7 января 1780 г.; Т. XXI. № 15130, 10 марта 1781 г.

[20] *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 58 и примеч. 33.

антисемитизм здесь был слишком силен, в районах с преобладающим еврейским населением выборы проводились по отдельным куриям, и все вместе преследовало цель исключить появление евреев на крупных руководящих постах. Так, хотя в Могилевской губернии было избрано 25 евреев, в том числе семеро бургомистров или членов ратуш, ни один из них не попал в городской магистрат, хотя там проживало 375 купцов-евреев и 196 купцов-христиан, а также 2709 еврейских мещан и 2703 христианских.

Всего двумя годами позже, в 1785 г., возник спор о гражданских правах евреев Могилева и Полоцка в связи с тем, что согласно Жалованной грамоте городам расширился спектр выборных органов, в которые евреи как члены городского сословия могли выбирать депутатов. Магистраты и администрация часто проявляли нежелание наделять этими правами своих еврейских земляков. Чтобы призвать магистраты к порядку, в 1786 г. императрице пришлось направить могилевскому генерал-губернатору именной указ. Подействовал ли он, остается неизвестным. В то же самое время Екатерина решительно отклонила просьбу евреев сохранить их традиционную судебную систему[21]. На повестке дня стояла ассимиляция.

Либеральные, на первый взгляд, меры, даровавшие евреям равенство перед законом с христианским городским населением, налагали на них такие ограничения, которых они не знали в Польше, но которые лежали на российском городском сословии. Речь идет об ограничении свободы передвижения, связанном с регистрацией в городе. Указ, по которому всем людям, приписанным к городскому сословию, надлежало покинуть сельскую местность и переселиться в города, очень больно ударил по евреям, да, наверно, и был нацелен против них[22]. Ведь очень многие евреи обосновались в сельской местности, зарабатывая на жизнь в качестве помещичьих факторов, арендуя винокурни и корчмы. А белорусские города в основном представляли собой жалкие скопления деревянных домов, где евреям трудно было бы расселиться и добывать средства к существованию. Еще один удар нанесло им введение в действие в Белоруссии в 1783 г. Устава о винокурении 1781 г., в котором подтверждал-

---

[21] ПСЗ. Т. XXII. № 16391, 7 мая 1786 г. Ни в одной другой европейской стране, кроме Тосканы, евреи не имели таких муниципальных прав. См.: *Baron S. W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. N.Y., 1964. P. 18.

[22] *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 74—77.

ся запрет на этот промысел всем недворянским сословиям — и купечеству, и мещанству, и евреям[23].

Депутаты от кагалов не раз обращались к императрице с жалобами на эти правовые ограничения, и наконец 7 мая 1786 г. вышел указ, явившийся самым ранним в Европе официальным признанием гражданского равноправия евреев[24]. В нем признавалось, что евреи — подданные Российского государства, пользующиеся всеми правами и привилегиями, положенными им по статусу и роду занятий. Им следовало разрешить арендовать винокурни и корчмы на тех же условиях, что и всем остальным. Это означало, что отныне власти станут неофициально терпеть присутствие евреев в сельской местности. Евреям позволили выбирать представителей во все городские институты наравне с другими группами населения и передали их под юрисдикцию губернских судов. Кагалам оставили те функции, которые в христианских общинах выполняли мирские сходы, возложив на них ответственность за уплату подушной подати. Им же предоставили решать вопросы веры и ритуала и выполнять некоторые функции приказов общественного призрения.

Законодательство 80-х гг. принесло еврейским общинам известную защиту и статус, по крайней мере — в бывших польских провинциях. Неудивительно поэтому, что когда в 1780 г. Екатерина посетила Могилев вместе с австрийским императором Иосифом II, самым пышным и ярким оказалось убранство еврейских улиц и устроенные кагалами иллюминации и фейерверки[25]. И все же, хотя власти, возможно, и намеревались создать серьезные предпосылки для развития еврейского городского сословия, в издаваемых ими распоряжениях нередко царила такая двусмысленность и неточность, что антисемитски настроенным губернаторам или местным властям легко было их обойти[26].

В 90-е гг. XVIII в. в российской политике в отношении евреев произошла перемена, которая так и не получила удовлетворитель-

---

[23] См.: *Le Donne J.* Indirect Taxes in Catherine's Russia. II. The Liquor Monopoly // JGOE. 1976. Vol. 24. № 2. P. 173—207; *Гессен Ю.* Закон и жизнь... С. 33.

[24] *Pipes R.* Catherine II and the Jews // Soviet Jewish Affaires. Vol. 5. № 2. P. 3—20; ПСЗ. Т. XXII. № 16391, 7 мая 1786 г.

[25] СбРИО. Т. I. С. 384 и далее («Дневная записка путешествия императрицы Екатерины II»).

[26] Вопрос о том, в какой степени проводились в жизнь положения майского указа 1786 г., нуждается в дальнейшем исследовании.

ного объяснения. В декабре 1789 г. евреи Белоруссии обратились с просьбой разрешить им приписываться к купечеству за пределами Минска и Полоцка, а небольшая группа очень богатых еврейских купцов фактически обосновалась в Москве. Московское купечество, не терпевшее никаких конкурентов, будь то православный крестьянин или белорусский еврей, в 1790 г. пожаловалось в Сенат на лживых и лукавых конкурентов, наносящих урон их торговле, причем подчеркнуло, что делает это не из религиозных предрассудков, а радея об интересах торговли. Жалоба московских купцов была рассмотрена Советом при Высочайшем дворе 7 октября 1790 г. В Совете шла речь о том, что ни в одном законе не позволено евреям селиться во внутренних российских городах и что их присутствие там не приносит никакой особенной пользы. Поэтому было решено позволить евреям свободно селиться только в Белоруссии, а также в Екатеринославской и Таврической губерниях (т.е. в Крыму)[27]. Однако в это время у властей еще не было намерения ограничить права евреев на выбор места проживания в большей степени, чем у православного населения. Нельзя забывать, что, за исключением дворянства, все сословия в России испытывали большие трудности с передвижением по стране. Евреев направили в обширные области с малочисленным населением, внутри которых они получали большую свободу передвижения, чем русские купцы в самой России. (Потемкин приветствовал на своих землях всех переселенцев; говорили даже, что одно время он собирался создать особый «Израиловский» полк[28].)

По второму и третьему разделам Польши Россия присоединила к своим владениям новые районы со значительным еврейским населением (в 1793 г. — Волынь и Подолию, а в 1795 г. — Виленскую и Гродненскую губернии). На их еврейское население распространили в целом те же гражданские и религиозные права, что и на белорусских евреев. Но в 1794 г. Екатерина объявила о резком изменении курса политики в отношении евреев. Указом 23 июня 1794 г. была вдвое повышена ставка подушной подати и налогов с еврейского населения по сравнению с христианами тех же сословий[29].

---

[27] ПСЗ. Т. XXII. № 17006, 23 декабря 1791 г. См. также: АГС. Т. I. С. 365—368.

[28] О взглядах Потемкина см.: *Ligne Ch. prince de.* Mémoires et melanges historiques et littéraires. Paris, 1827. Vol. II. P. 103 ff (письмо к Иосифу II).

[29] ПСЗ. Т. XXIV. № 17224, 1 июля 1794 г.; *Гессен Ю.* История еврейского народа... Т. I. С. 86 и примеч. 11.

Одновременно территории законного расселения евреев были расширены за счет трех малороссийских губерний (Киевской, Черниговской и Новгород-Северской).

Указ 1794 г. истолковывали по-разному. Ознаменовалось ли его появлением начало государственного антисемитизма? Или это была мера, нацеленная исключительно на повышение налоговых поступлений во время финансового кризиса, чтобы восполнить убытки, которые несла казна из-за освобождения евреев от рекрутского набора? Или в указе отразился страх перед евреями как носителями и проводниками бунтарских идей Французской революции?[30] Или, может быть, этот указ отвечал желанию правительства переместить людей из густо заселенных западных пограничных областей в пустынные южные районы, полученные от Порты по Ясскому миру? Ведь переселенцы получали временное освобождение от всех налогов, а впоследствии это способствовало развитию одного из крупнейших городов русского еврейства, Одессы[31].

С мусульманами Россию связывали гораздо более давние и тесные отношения, чем с евреями. Они начались во времена Золотой Орды, обращенной в ислам в XIV в., и стали интенсивнее после завоевания в XVI в. татарских ханств — Казанского и Астраханского, принесшего России многочисленных подданных-мусульман. На протяжении XVII в. государство проводило суровые меры для обращения мусульман в православие и наказывало за возвращение в ислам. Мусульман же, совративших христиан с пути православия, жгли на кострах. К середине века мусульманское население почти совсем покинуло города и существовало в основном в сельских общинах, сознательно замкнувшись в своем мире.

Петр I добивался перехода мусульман в православие при помощи таких стимулов, как пожалование денег и шуб с царского плеча, освобождение от налогов или рекрутского набора, не отказываясь и от принудительных мер. В 1731 г. была учреждена Комиссия

---

[30] Р. Пайпс особо выделяет этот последний аспект политики Екатерины (*Pipes R.* Op. cit.). Но я нахожу его аргументы неубедительными, так как присутствие евреев в Москве, конечно, было бы менее опасным, чем в пограничных областях империи. Тот факт, что всем иностранным евреям было в 1792 г. приказано покинуть Россию, отражает, скорее, подозрительность в отношении иностранцев вообще, а не только евреев.

[31] Следует отметить, что евреи продолжали оставаться свободными от рекрутского набора (при уплате особого налога) (ПСЗ. Т. XXIII. № 17432, 21 января 1796 г.).

для крещения иноверцев Казанской и Нижегородской губерний и других мест, а в 1740-е гг. ее переименовали в Канцелярию офицера от новокрещенских дел. Она ведала гражданской и религиозной администрацией исламских общин в целом. Эти функции в мусульманских районах Канцелярия исполняла крайне грубо: похищали детей, насильно крестили взрослых, разрушали мечети[32].

Первым шагом Екатерины в отношении ислама было упразднение Канцелярии офицера от новокрещенских дел в 1764 г.[33] Крещеных татар уравняли по положению с остальными государственными крестьянами, освободив их еще на три года от подушной подати и рекрутчины. Но как только новообращенные татары перестали испытывать давление со стороны Канцелярии, они начали массами отпадать от православия и возвращаться к исламу. Новая позиция правительства в отношении мусульман снова проявилась в декабре 1766 г., когда татарскому населению Урала и Поволжья было предложено направить депутатов в Уложенную комиссию[34]. Депутаты прибыли в Москву, снабженные, как положено, наказами избирателей, в которых излагались их нужды и печали. Большая часть наказов носила экономический характер. Среди них были жалобы на захват земель, на ограничение хозяйственной деятельности татарского населения, но шла речь также и о религиозных гонениях. Депутаты от мусульман просили снять все экономические ограничения, восстановить в правах татарскую знать, узаконить исламскую веру[35]. Во время дебатов двое депутатов-мусульман резко воспротивились предложению рассматривать свидетельства мусульман под присягой на тех же основаниях, что и свидетельства русских раскольников, и настаивали на полной правомочности клятвы на Коране[36].

На саму императрицу Казань во время поездки 1767 г. произвела очень благоприятное впечатление. Как писала она Никите Па-

---

[32] *Lemercier Quelquejay C.* Les Missions Orthodoxes en Pays Musulmans de Moyenne et Basse Volga, 1552—1865 // CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 369—403; *Zenkovsky S. A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Harvard University Press, 1960.

[33] ПСЗ. Т. XVII. № 12721, 2 апреля 1764 г.

[34] Среди 52 депутатов от нерусского населения было двадцать татар и двое башкир. Трое из этих татар были христианами и 17 мусульманами. См.: *Флоровский А. В.* Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915. С. 469.

[35] Некоторые из этих наказов были опубликованы в изд.: СбРИО. Т. CXV. С. 304 и далее. Они свидетельствуют о скоординированности действий различных групп мусульманского населения Казанской губернии.

[36] Там же. Т. XIV. С. 135, 156—159.

нину 27 мая, этот город был достоин стать столицей какого-нибудь царства. Она поселилась в купеческом каменном доме, где были «девять покоев анфиладою, все шелком обитые, кресла и канапеи вызолоченные, везде трюмо и мраморные столы под ними»[37]. Находясь в Казани, Екатерина принимала делегации разных сословий и разрешила строить мечеть[38].

Указ о веротерпимости, если можно так назвать этот документ, появился в 1773 г. именно по поводу строительства мечетей и стал началом нового периода в жизни мусульманской общины России[39]. Религиозные преследования официально прекратились, сменившись пассивной веротерпимостью. Затем последовал указ 1776 г., отменивший ограничения экономической деятельности татар[40]. Когда к России был присоединен Крым, здесь начали проводить более последовательную политику — вероятно, в значительной мере благодаря тому, что Екатерина и Потемкин полностью сходились во взглядах на эти проблемы. Оба они понимали, что необходимо привлечь на свою сторону религиозную и светскую верхушку Крыма, где имелось около полутора тысяч мечетей, а 25% земель принадлежало мечетям и различным культовым учреждениям[41]. Поэтому существующие исламские структуры российские власти оставили без изменений, а православной церкви не велели вмешиваться в местные духовные дела.

Инициатива создания центральной администрации мусульманского населения России принадлежит предприимчивому оренбургскому губернатору Игельстрому, который пришел к заключению, что, оказывая поддержку исламу, Российское государство могло бы отучить татарские племена от их кочевых обычаев. Осенью 1785 г. Екатерина согласилась с рекомендациями Игельстрома, в результате чего началось строительство многочисленных мечетей, караван-сараев, медресе[42]. В 1786 г. мусульманские школы подчинили ведению Комиссии по заведению в России народных школ, которой было поручено печатать учебники для мусульман за счет рус-

---

[37] СбРИО. Т. X. С. 202.

[38] *Zenkovsky S.A.* Op. cit. P. 17.

[39] ПСЗ. Т. XIX. № 13996. См. выше, с. 802.

[40] ПСЗ. Т. XX. № 14540, 22 ноября 1776 г.

[41] См.: *Fisher A.W.* Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. P. 542—553.

[42] ПСЗ. Т. XXII. № 16255, 4 сентября 1785 г.

ского правительства на русском и татарском языке, отныне получившем права официального языка мусульман России[43]. Наконец, в 1788—1789 гг. была учреждена центральная администрация всех мусульман Российской империи, сначала размещавшаяся в Оренбурге, а затем в Уфе. Это был орган, параллельный Святейшему синоду для православных, хотя и не получивший такого же статуса. Он имел форму верховной ассамблеи мусульманского духовенства и ведал надзором за религиозной жизнью, контролировал профессиональную подготовку духовенства, раздавал назначения муллам, инспектировал школы при мечетях. Духовная ассамблея рассматривала вопросы вероучения, дела о браках и разводах. Гражданские дела, касавшиеся мусульман, должны были передаваться на рассмотрение в русские светские суды. Мусульманский муфтий, или глава Духовной ассамблеи, как и другие высшие мусульманские должностные лица, получил дворянство и право владеть имениями с мусульманскими крестьянами. Допускать в Россию мулл и улемов из Османской империи или из Бухарского ханства запрещалось[44].

Грамота мусульманской Духовной ассамблее служила законодательной основой и оформлением религиозной и культурной жизни мусульманства России до большевистской революции[45]. Она создала систему ассимиляции татар-мусульман в Российском государстве при помощи и силами их собственных руководителей. На этой стадии задача культурной «русификации» преследовалась лишь настолько, насколько это было необходимо для осуществления административного контроля. Официальным языком Духовной ассамблеи мусульман провозгласили русский (с переводом на татарский), но во всех других случаях внутри мусульманской общины сохранилось неограниченное применение национальных языков.

Прекращение религиозного противостояния и включение мусульманской элиты в русскую государственную систему весьма способствовало развитию областей с татарским населением и установлению в них спокойствия. Постепенно местная знать утратила прежнее значение, а когда главным занятием татар стала торговля

---

[43] Рескриптами от 25 февраля 1782 г. и 2 мая 1784 г. было разрешено строительство мечетей на землях киргиз-кайсаков (*Lemercier-Quelquejay C.* Op. cit. P. 393).

[44] См.: ПСЗ. Т. XXII. № 16710, 22 сентября 1788 г.; № 16711; Т. XXIII. № 16759, 20 апреля 1789 г.

[45] *Zenkovsky S.A.* Op. cit. P. 18.

со Средней Азией, среди них сложился мощный купеческий слой, которому пошел на пользу новый порядок[46].

Имея дело с евреями и мусульманами, Екатерина II пользовалась совершенной свободой рук: одно из этих религиозных сообществ, иудейское, вообще не имело верховного главы, а второе, мусульманское, формально подчинялось турецкому султану как халифу, но Россия могла себе позволить его игнорировать. Более сложные проблемы возникали с католической общиной, потому что у католиков был верховный глава за пределами России, и с его авторитетом нельзя было не считаться.

В XVII в. приток в Россию иностранцев, среди которых было много шотландцев-католиков, вроде Патрика Гордона, вызвал необходимость в католических церквях и школах. В 1685 г. пара отцов-иезуитов сумела неофициально открыть церковь и школу, но патриарх Иоаким уговорил Петра I в 1689 г. иезуитов изгнать. Обширная программа привлечения на русскую службу иностранных специалистов привела Петра I к решению в 1702 г. проводить политику широкой веротерпимости (хотя и ограниченной христианскими вероисповеданиями), запретив, однако, любые формы прозелитизма. Понемногу в России начали появляться члены различных католических орденов, а пасторам позволяли проживать в частных домах в роли капелланов или духовных наставников[47]. В 1721 г. были разрешены смешанные браки при условии, что православных супру-

---

[46] Оборот торговли со Средней Азией возрос с 83 000 руб. в 1773—1777 гг. до 624 000 руб. в 1793—1797 гг. и до 11 336 000 руб. в 1830 г. (*Zenkovsky S.A.* Op. cit. P. 20). Русские историки XIX в., например Д. А. Толстой, резко критиковали эту политику веротерпимости и старания властей добиться «обрусения» татар при помощи татарских мулл. Ср. работу Э. Фишера (*Fisher A.W.* Op. cit. P. 551), где приведены выдержки из предпринятого Д. А. Толстым издания бумаг графа О. А. Игельстрома (РА. 1886. № 11. С. 346).

[47] История католичества в России изучена П. Пирлингом (*Pierling P.* La Russie et le Saint Siege. Paris, 1912. Vol. I—V) и Д. А. Толстым (*Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: Историческое исследование. СПб., 1876. Т. I- II), чья работа впервые вышла на французском языке в 1863—1864 гг. Пирлинг смотрит на дело как завзятый папист, а Толстой — как православный русский националист. Часто бывает трудно свести воедино их версии тех или иных событий, но все же такая попытка предпринята в данной работе. М. Морошкин, подобно Д. А. Толстому, был решительно настроен против иезуитов (*Морошкин М.* Иезуиты в России в царствование Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867—1870. Ч. I—II). Ср. также: *Zatko J.J.* The Organizatin of the Catholic Church in Russia, 1772—1874 // SEER. 1965. Vol. LVIII. № 101. P. 303—313.

гов не будут обращать в другую веру, а детей станут воспитывать в православии[48].

Католическим общинам в России, кажется, исключительно не везло с выбором священников. Здесь происходили вечные раздоры между духовенством и верующими, между священниками разных орденов, причем, как правило, из-за церковных средств и имущества, а за справедливостью обращались к русским властям. Самая крупная из этих недостойных склок произошла вскоре после восшествия Екатерины на престол, в 1766 г.[49] Императрица с удовольствием вмешалась в это дело и, не советуясь ни с какими католическими авторитетами, 12 февраля 1769 г. издала свой «Регламент, данный Сактпетербургской римско-католической церкви» в России. В нем она заявила о намерении не вмешиваться в вопросы католического вероучения, а далее предписала разрешить пребывание в России шестерых священников-францисканцев. Императрица постановила, что католическая община должна выбирать себе главу и в помощь ему восемь синдиков, или старшин, для решения финансовых проблем; что нужно открыть школу для детей-католиков (которую не разрешалось посещать ученикам других вероисповеданий); что принадлежащие католикам здания и имущество освобождаются от городских налогов; что католические священники обязываются не заниматься прозелитизмом и, наконец, что все споры следует передавать на рассмотрение в Юстиц-коллегию по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии (которая уже ведала делами лютеран)[50].

Тем самым Екатерина II отвергла право Рима назначать священников или контролировать католическое имущество в России. Для русского православного историка, каким был Д. А. Толстой, ее политика воплощала мудрое утверждение государственного контроля над римско-католической общиной в России, защищенной теперь от произвола ее духовенства[51]. С точки зрения католического историка П. Пирлинга, эта же мера представала как пример русского деспотизма, отнявшего у Рима право назначения священников. Она

---

[48] ПСЗ. Т. VI. № 3814, 18 августа 1721 г. (о разрешении шведским военнопленным жениться на русских женщинах). Закон был принят для того, чтобы выдать цесаревну Анну Петровну за герцога Голштинского.

[49] Там же. Т. XVII. № 12776, 6 ноября 1766 г.

[50] Там же. Т. XVIII. № 13251, 13252.

[51] *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 178—179.

никогда не признавалась законной со стороны папского престола (среди прочих причин и потому, что подрывала главенство Рима, поощряя участие выборных представителей общины в управлении ее делами). Тем не менее, несмотря на старания Рима в последующие годы заставить Екатерину смягчить эти меры, «Регламент» 1769 г. был принят на практике и даже пережил конкордат, заключенный между Россией и Римом в 1847 г.[52]

Первый раздел Польши и здесь полностью изменил прежнюю картину. Под властью России вдруг оказалось примерно 100 тыс. подданных-католиков, а также около 800 тыс. униатов. Это ставило перед русским правительством тройную проблему. Во-первых, следовало обеспечить независимость католических общин Белоруссии от польской католической иерархии. Во-вторых, необходимо было создать новую иерархию и структуру церкви восточнокатолического вероисповедания, а также урегулировать отношения между этой новой церковной организацией, Российским государством и папским престолом. В-третьих, Россия почти сразу столкнулась с вопросом, подчиняться ли папскому постановлению о роспуске ордена иезуитов, объявленному под давлением Франции и Испании буллой Dominus ac Redemptor от 21 июля 1773 г. (по новому стилю).

В манифесте о присоединении Белоруссии Екатерина обещала уважать веру ее населения, а сентябрьским 1773 г. договором с Польшей обязалась сохранять неизменными позиции католичества. Однако успевшая прочно укорениться российская традиция главенства государства над церковью с неизбежностью означала, что государыня по-своему истолкует понятие status quo и устранит всякий независимый от государства внешний (или внутренний) контроль над институтами католической церкви. Это означало, что российские католики будут пользоваться свободой отправления церковных обрядов, а государство не станет вмешиваться в вопросы вероучения, но при этом те принципы, которыми регулировались отношения между государством и православной церковью, будут теперь управлять и его отношениями с римско-католическим вероисповеданием. В известном смысле политика России в отношении католиков носила еще более произвольный характер, потому что у католиков не было даже такого органа, как Святейший синод, способного выступать посредником между паствой и властью.

---

[52] *Pierling P.* Op. cit. Vol. V. P. 16.

Итак, совершенно игнорируя Рим и не советуясь с католическим духовенством, 14 декабря 1772 г. императрица издала указ, определивший статус римских католиков в Белоруссии и по всей России, полностью изъяв их из-под власти польских епископов и аббатов. Отныне учреждалось новое Могилевское епископство, куда назначили епископа Станислава Сестренцевича-Богуша. Все католики Российской империи подчинялись Могилевскому приходу, где бы они ни жили, а все римско-католические монастыри передавались под власть епископа Сестренцевича (что шло вразрез с обычной католической практикой). В помощь епископу избиралась консистория (наподобие протестантской) для управления церковным имуществом согласно Уставу 1769 г. Епископ получил поистине царское казенное жалованье — 10 тыс. руб. в год. В тяжбах, не касающихся вопросов веры, судами для католиков первой и второй инстанций назначались Юстиц-коллегия по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии и Сенат. Имущество монахов, не присягнувших русской императрице, а также монастырей на бывших польских землях подлежало конфискации. В 1786 г. католической церкви запретили приобретать имения, хотя отдельным священникам и епископам все еще позволялось владеть землей как частным лицам[53]. Кроме того, Екатерина ввела практику, впоследствии подтвержденную официальным указом, — не допускать вступления в силу на территории России папских булл и бреве прежде, чем их рассмотрит Сенат[54].

Эти действия ни с кем не считавшейся императрицы, по собственному произволу устраивавшей дела католической церкви в России, оскорбляли папство, в особенности такие шаги, как назначение епископа императорским указом, установление размеров епархии и правовое подчинение церкви власти светской Коллегии. Епископ Сестренцевич, нуждавшийся в конфирмации от папы, безуспешно маневрировал между Санкт-Петербургом и Римом, по мере надобности подправляя свои донесения. Но папа мало что мог

---

[53] ПСЗ. Т. XVIII. № 13580; Т. XIX. № 14073, 22 ноября 1773 г.; Т. XXII. № 16616, 26 января 1788 г.; *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 43. Известно, что политика Екатерины II в отношении польской церкви формировалась под влиянием З. Г. Чернышева (генерал-губернатора двух новых губерний), Сальдерна, ведшего тогда переговоры в Польше, и Г. Н. Теплова, который и в этой области показал себя ревностным приверженцем идей Просвещения.

[54] *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 22; ПСЗ. Т. XXI. № 15326.

сделать, так как находился в неловком положении — ему нужна была помощь Екатерины в подавлении ордена иезуитов.

На польских землях, аннексированных Россией, размещались четыре иезуитские коллегии, две резиденции и четырнадцать миссий, в том числе крупная иезуитская коллегия в Полоцке, основанная Стефаном Баторием, с библиотекой в 35 тыс. томов. В них служило около 200 иезуитов, в том числе 98 священников[55]. Поначалу Екатерина велела З. Г. Чернышеву, генерал-губернатору Могилевской и Полоцкой губерний, присматривать за иезуитами «яко за коварнейшими из всех латинских орденов»[56]. Впрочем, иезуиты, казалось, были готовы подчиниться приказам из Рима и свернуть свою деятельность. Троих из них, присягнувших на верность России, вызвали в Санкт-Петербург, и Екатерина была приятно удивлена их блестящим умом и светским обхождением[57].

При дворе теперь начали обсуждать, как быть с иезуитами. Граф Захар Чернышев хотел, чтобы все осталось как прежде, потому что ценил иезуитов за их умение учить и воспитывать. Того же мнения, судя по всему, придерживался и Г. Н. Теплов. Но Н. И. Панин был невысокого мнения об этом «сектантском сборище святых отцов, которые к вящему своему позору плохо справляются с обучением юношества»[58]. Можно лишь гадать, на каком решении остановилась Екатерина в этот момент. Разумеется, было бы трудно заменить чем-то иезуитские коллегии, не «ввозя» новых священников из Польши или еще откуда-нибудь, поэтому она могла почесть за лучшее привлечь к себе тех, кого отверг Рим. С другой стороны, нельзя недооценивать, как велико было искушение покрасоваться мощью России перед папством. Екатерина относилась к Риму во многом так же, как Мария Терезия, но, будучи православной государыней, она могла позволить себе и поиронизировать над Святейшим престолом.

В ноябре 1773 г. русская императрица решила не вводить в действие на своих территориях папскую буллу о роспуске ордена иезуитов. Как сказал Захар Чернышев тем иезуитам, которые уже приготовились подчиниться Риму, «поверьте, святейшие владыки еще когда-нибудь будут нам благодарны за то, что мы вас уберегли»[59].

---

[55] *Морошкин М.* Указ. соч. С. 53—54 и примеч. 3 к с. 54.

[56] ПСЗ. Т. XVIII. № 13808.

[57] *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 45.

[58] Н. И. Панин — О. М. Штакельбергу, 23 октября 1779 г. // СбРИО. Т. I. С. 478.

[59] *Pierling P.* Op. cit. P. 52.

Итак, пока папа Пий VI уговаривал Екатерину умерить реорганизаторский пыл в отношении католической иерархии и, под давлением Бурбонов, добивался запрета деятельности иезуитов в ее владениях, императрица создавала для них привилегированное положение в Российской империи. Единственные из всех религиозных орденов, они были исключены из юрисдикции епископа Сестренцевича. Иезуиты избирали собственного отца-провинциала и сами распоряжались своим имуществом. Еще более дерзкий шаг был сделан в 1777 г., когда Екатерина разрешила открыть в Полоцке иезуитский новициат, служивший ордену источником пополнения[60]. В 1780 г. по случаю встречи с императором Иосифом II императрица посетила иезуитскую коллегию в Полоцке и была поражена их деятельностью. До конца своего царствования она покровительствовала иезуитам. Все старания Рима оспаривать ее решения или прийти с ней к сделке решительно пресекались. По словам императрицы, она защищала орден иезуитов, как «общество, толико выгодное для того края, и, конечно, полезнейшее других институтов монашеских Римских, кроме праздности и отлучения себя от всякого гражданского взаимного пособия, ничего иного не заключающих»[61]. Покровительство ее зашло так далеко, что она велела изъять из обращения чрезвычайно критическую «Историю ордена иезуитов», напечатанную Н. И. Новиковым в начале 80-х гг.[62]

К середине 70-х гг. различными маневрами удалось вынудить папу признать Сестренцевича епископом Могилевским, но Екатерина хотела добиться для него более высокого сана. Она всегда могла надавить на Рим, припугнув католиков восточного обряда. Как большинство ее современников из православных должностных лиц и последующих православных историков, императрица считала униатскую веру уродливым гибридом из догматов одного вероисповедания и обрядов другого, искусственным сооружением, придуманным специально для того, чтобы отвращать население Белоруссии от его приверженности Москве, ведь волку в овечьей шкуре легко сбить доверчивую паству с пути истинного. Униатский епископ

---

[60] См. рассмотрение этого вопроса у Пирлинга (Ibid. P. 95 ff) и у Д. А. Толстого (*Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 19), а также: ПСЗ. Т. XIX. № 14582, 16/27 февраля 1777 г.

[61] Екатерина II — О. М. Штакельбергу в Варшаву, 14 февраля 1780 г. // СбРИО. Т. 1. С. 488.

[62] *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 83 и далее; письмо Екатерины II неизвестному лицу, написанное до 23 сентября 1784 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 338.

Смогожевский после первого раздела остался в Польше, и Екатерина, естественно, не признала авторитет епископа, находящегося вне границ ее государства. Подходя к униатам точно так же, как к римским католикам, она учредила новое униатское Полоцкое епископство, обладавшее юрисдикцией над всеми униатами Российской империи и над монахами униатского базилианского ордена. Управление униатским имуществом осуществлялось отныне согласно Уставу 1769 г. Но императрица оставила униатскую епископскую кафедру вакантной, а пока руководство осуществляла консистория[63]. Когда же папа стал требовать назначения епископа для униатов, Екатерина в ответ попросила рукоположить Сестренцевича в сан архиепископа. Но папа медлил, и тогда она сама возвела Могилевскую католическую епархию в ранг архиепископства, а Сестренцевич-Богуш был 20 февраля 1782 г. поставлен во главе ее. Теперь пришла очередь Екатерины просить у папы мантии для нового архиепископа, который вызывал в Риме глубокое недоверие как потенциальный «nuovo papa dell'impero russo» — «новый папа Российской империи». Именно этим Екатерина теперь и пугала Рим. В составленном в резких выражениях рескрипте своему посланнику в Польше, графу Штакельбергу, через которого там велись переговоры с папским нунцием, она заявила, что, если ее пожеланиям не пойдут навстречу, Папа Римский лишится в России всякого влияния, римско-католическая церковь будет запрещена как несовместимая с законами Российского государства, а Белоруссия будет потеряна для Рима навсегда, потому что ее народ ждет лишь сигнала, чтобы объявить себя православным[64].

Угроза подействовала, и в январе 1783 г. Рим сдался. В Россию был направлен папский легат, и 15/26 декабря 1783 г. было подписано окончательное соглашение по поводу архиепископства Могилевского. Новый архиепископ был рукоположен в сан 10 января 1784 г. Но и тут Екатерина сумела добиться изменения в формулировке клятвы, приносимой архиепископом. Формула: «Я стану все-

---

[63] *Pierling P.* Op. cit. P. 116 ff; ПСЗ. Т. XXI. № 15326, 17/28 января 1782 г. Архиепископ получил неограниченную власть над белым и черным католическим духовенством в Российской империи. Сам он находился в прямом подчинении Сенату, а потом и императрице. Этот указ в 1792 г. сторонники конституционного устройства церковной иерархии во Франции приводили как пример уступки, сделанной папством, одобрившим «гражданскую организацию» духовенства (*Pierling P.* Op. cit. P.144).

[64] Ibid. P.123; СбРИО. Т. I. С. 525, 4 ноября 1782 г.

ми силами преследовать и разить еретиков, раскольников и бунтовщиков против Господа нашего и против его нареченных наместников [т.е. пап. — *Авт.*]», как заявила императрица, противоречила суверенным правам Российской империи и наносила ущерб «неотъемлемому уважению, которое религия, лишь терпимая, обязана в данном случае оказывать главенствующему вероисповеданию в той стране, где она нашла прибежище»[65]. Тогда текст архиепископской присяги соответствующим образом подправили.

В уступчивости Рима не последнюю роль сыграло назначение Екатериной в 1784 г. униатского епископа Ираклия Лисовского главой всего белого и черного униатского духовенства России. Довольная Екатерина не замедлила потребовать кардинальской шапки для Сестренцевича, но тут папа ей отказал на том основании, что в страны, где правят некатолические монархи, кардиналы не назначаются[66].

Второй и третий разделы Польши не вызвали качественных перемен в политике Екатерины, но невероятно расширили сферу ее применения. Россия поглотила шесть римско-католических и четыре униатские епархии. Императрица, опять по собственной инициативе, учредила три новые католические епархии на руинах прежних, а именно — Инфлянцкую (с кафедрой в Вильно), Пинскую и Летичевскую. Новые епископы состояли на казенном жалованье в 3—4 тыс. руб. в год и были поставлены в равное положение с архиепископом Могилевским[67]. Положение униатов стало крайне уязвимым. Если когда-то они преследовали православных, то теперь пришла их очередь терпеть притеснения. Вскоре во всей Подолии не осталось ни одной униатской приходской церкви. Многие униатские приходы стали излишними и упразднялись по мере того, как их паства «стадами возвращалась» в православие. Лишь постоянное присутствие иезуитов, как утверждает историк Д. А. Толстой, поме-

---

[65] *Толстой Д. А.* Указ. соч. Приложение. С. 6, 36 и примеч. 2. Екатерина также приказала опустить одну фразу в тексте клятвы, гласившую, что архиепископ обязуется не отчуждать церковное имущество без разрешения Папы Римского. Одобрение поправок, намеченных императрицей, было даровано папой в двух бреве от 17 января 1784 г.: «Pastoralis Sollicitudo» (его датировали задним числом, 26 апреля 1783 г.) и «Onerosa pastoralis officii» (датировано 19 декабря 1783 г.). См.: *Sipovic C.* The Diocese of Minsk, its Origin, Extent and Hierarchy // Journal of Belorussian Studies. 1970. Vol. II. № 2. P. 177 ff.

[66] *Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 38.

[67] Там же. С. 44; ПСЗ. Т. XXIII. № 17370, 17380, 6 сентября 1795 г.

шало всей Белоруссии перейти в православие[68]. Четыре униатских епископства на бывших польских землях теперь были просто упразднены, а вся униатская община подчинена епископу Полоцкому Ираклию Лисовскому. О папском утверждении этих самоуправных шагов Екатерины зашла речь уже при Павле I, когда переговоры вел папский легат архиепископ Литта[69].

В итоге императрица, то ли под влиянием светского духа Просвещения, то ли, что кажется вероятнее, движимая русской традицией подчинения церкви государству, наладила существование католических общин у себя в империи так, как ей было угодно. Она оставила за государством право определять, какие вопросы относятся к сфере вероучения и ритуала, чтобы в них не входить, а какие касаются организации и финансов общины, на которые распространила государственный контроль. Она также утвердила право государства определять размеры приходов, решать, кто ими будет руководить, а также назначать епископа. Императрица передала неправославные общины под юрисдикцию русских светских судов и сделала государство посредником между папой и католической иерархией в пределах границ России, даже в таких традиционно католических областях, как аннексированные польские земли[70].

С протестантскими общинами подобных проблем не возникало. И не потому, что православная церковь одобряла Реформацию, нет: когда протестанта крестили в православие, он должен был совершенно недвусмысленно предать Лютера проклятью. Конфликты между православными и протестантами несколько раз приводили к насилию и разрушению протестантских церквей, но потом их

---

[68] Д. А. Толстой утверждает, что русским властям было велено силы не применять. Но трудно поверить в то, что на аннексированных польских землях почти 3,5 млн человек обратили из униатской веры в православную, не применив никакого давления.

[69] *Sipovic C.* Op. cit. P. 181—182.

[70] Екатерина твердо намеревалась поступать в Польше так же, как в Белоруссии, т. е. уничтожить все монастыри, посвященные созерцательной жизни, как «праздные и бесполезные», а сохранить лишь те, что занимались полезными для общества делами. Лишь смерть помешала ей осуществить эти меры. Отношение русских чиновников к церковному имуществу отражено в словах князя Н. В. Репнина, псковского губернатора, полагавшего, что имущество монастырей есть государственное имущество, пожалованное им для богослужебных целей. То, что немалая доля церковного имущества была пожертвована частными лицами, ему, очевидно, в голову не приходило (*Толстой Д. А.* Указ. соч. С. 45—46, 48, примеч. 2).

отстроили заново в пригородах Москвы, за кольцом городских стен, куда перенесли иноземную слободу в 1652 г. С отменой Нантского эдикта в 1685 г. последовал эдикт о терпимости в отношении протестантов, а в 1689 г. гугенотов пригласили селиться в России. Петр Великий утвердил статус протестантов в России манифестом, обращенным к иностранцам, 1702 г., в котором обещал уважать свободу совести. При Петре I число протестантов в пределах России росло очень быстро, и не только благодаря иммиграции, но и в результате завоевания Остзейских провинций, а также появления многочисленных шведских военнопленных, решивших осесть в России. Многие высшие государственные сановники из петровского окружения тоже были протестантами. К неудовольствию православной церковной иерархии Петр даже пожаловал Лифляндии, Эстляндии и Восточной Финляндии право сохранить лютеранство как государственную религию.

Религиозные общины Прибалтийских областей были организованы в консистории и подчинены Юстиц-коллегии по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии. Никакой другой единой общей организации лютеранских и реформатских общин не существовало, они оставались независимыми друг от друга и набирали себе священников в Германии. Во второй половине XVIII в. протестантские общины стали гораздо многочисленнее в результате политики развития колоний и роста числа немецких поселений в России. К 1790 г. в Санкт-Петербурге проживало в общей сложности около 20 тыс. протестантов различного толка, а «Петершуле» — школа при лютеранской церкви Св. Петра — славилась ученостью наставников[71].

Оставалась еще одна религиозная община, главой которой выступал иноземный государь, а именно — англиканская. Но никто из русских правителей XVIII в. не пытался установить государственный контроль над этой общиной, являвшейся, в сущности, самым настоящим английским клубом. Впервые самостоятельная англиканская конгрегация образовалась в 1706 г. в Москве, но в 1723 г. переместилась в Санкт-Петербург, когда английскую факторию перевели из Архангельска в новую столицу. С этих пор именно английская фактория или Русская компания назначали и содержали на свои средства капелланов британского землячества и вместе выделили средства на строительство небольшой церкви и дома для священника в Санкт-Петербурге, открывшихся в 1754 г. Один из ее

[71] См.: *Amburger E.* Geschichte der Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961.

настоятелей, преподобный Дэниэл Дюмареск, назначенный на должность в 1747 г. и проживший в России с перерывами до 1762 г., был хорошо знаком Екатерине II. Она советовалась с ним по поводу воспитания великого князя Павла, а в 1764 г. послала за ним, чтобы пригласить в комиссию для разработки образовательной реформы[72].

Большинство англиканских священников были людьми заслуженными, а двое из них особенно отличились благодаря успехам в деле ознакомления британской публики с Россией и русской православной церковью. Джон Глен Кинг в 1772 г. издал книгу «Обряды и церемонии греческой церкви в России», а Уильям Тук, прослуживший священником в Санкт-Петербурге с 1771 по 1792 г., перевел на английский язык многие сочинения о России и сам состоял членом Вольного экономического общества.

Политические события не сказывались на положении англиканской общины в России, так как, не будучи ни в коем случае официальным институтом, местная англиканская церковь служила в какой-то мере посольской церковью, с особой скамьей для британского посла[73].

Не только иноземным вероисповеданиям пошла на пользу атмосфера сравнительной веротерпимости в 70-е гг. XVIII в. Принимались и меры к тому, чтобы привлечь на сторону властей староверов, как имевших священников, так и «беспоповцев», игравших важную роль в экономическом развитии России. В самом деле, их роль сравнивали с вкладом английских пуритан и кальвинистов на континенте в развитие европейской экономики.

Главные центры старообрядчества начиная с 70-х гг. формировались в Москве. Одна из самых крайних сект, отрицавшая частную собственность, наследование мирских благ и идущие с Запада излишества — табак, картофель, алкоголь, чай, европейское платье, основала в 1771 г. общину вокруг своего кладбища в подмосковном селе Преображенское. Параллельно обосновалась в Рогожске поповская община. Эти поселения с молчаливого согласия императрицы активно поддерживал Григорий Орлов. Старообрядческие кладбища, служившие общественными, религиозными и благотворительными центрами общин, вскоре превратились в источники

---

[72] См. гл. 31.

[73] См.: *Cross A.G.* Chaplains to the British Factiry in St. Petersburg 1723—1813 // European Studies Review. 1972. Vol 2. № 2. P. 273—287 (а также см. ссылки, приведенные автором этой статьи, на его собственные работы и другие издания).

финансовой и предпринимательской силы. Все больше староверов стекалось обратно в Москву. Их аскетический образ жизни, религиозная и нравственная дисциплина, строгое соблюдение обычаев скоро позволили им накопить капитал. В старообрядческих общинах по всей России у них образовалась сеть надежных деловых агентов. У староверов даже был собственный тайный язык. Все это объясняет все более и более важную роль, которую играли старообрядцы (происходившие из крепостных или государственных крестьян) в таком крупном ткацком центре, как Иваново, в промышленности и торговле всего Юга России, на Урале[74].

Проводимая Екатериной политика в отношении староверов, которую, судя по всему, заложил на Украине Румянцев, а в столице проводил Потемкин, заключалась в компромиссе, согласно которому староверам разрешалось придерживаться собственного ритуала, признавая при этом авторитет православной церкви. Это течение было известно в России как «единоверие». В 1781 г. начались первые дискуссии в Малороссии с участием староверческого попа Никодима и продолжились в Петербурге с участием Потемкина. Требование староверов о том, чтобы все они были переданы под начало единого епископа, подчиненного непосредственно Синоду, независимо от места их проживания, Потемкин отверг как противоречащее церковным законам. Но светлейший князь нашел способ пойти навстречу пожеланиям староверов, когда была учреждена новая Крымская епархия в его собственной Таврической губернии, и всех староверов возглавил единый епископ. Тем самым они избегали юрисдикции местных православных иерархов там, где проживали. Потемкин питал склонность к старой вере и хотел поскорее заселить свои обширные пустующие земли, а потому в 1785 г. построил единоверческий монастырь и несколько староверческих приходских храмов в Крыму, стремясь привлечь их на поселение. Положение староверов улучшилось и в других отношениях: их больше не заставляли носить отличительную одежду, с 1782 г. их запретили именовать раскольниками, а с 1785 г. стали брать на государственную службу. Им позволили носить бороды и традиционный русский костюм, потому что запреты Петра I больше не были обязательными.

---

[74] См.: *Portal R.* Aux origines d'une bourgeoisie industrielle: *Blackwell W.* The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early 19th-Century Moscow // Slavic Review. 1965. Vol. 24. № 3. P. 407—424.

Конечно, далеко не все староверческие общины откликнулись на эти реформы. Наибольшим успехом преобразования пользовались у «поповских» общин и среди экономически процветающей части старообрядцев. Беднейшие общины нередко изо всех сил сопротивлялись новшествам, а среди «беспоповцев» эти преобразования провалились вообще. Во всяком случае, все единоверческое движение потеряло размах со смертью Потемкина[75].

В статистических данных о населении России XVIII—XIX вв. никогда не указывалась точно численность староверов. Они вполне могли составлять до 20% крестьянства. В XVIII в. среди дворян их было очень мало, но зато солидное число в купечестве. Роль староверов в российском обществе и экономике постепенно возрастала.

[75] См.: *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870. С. 294 и далее.

Часть X

ГОДЫ ЗАКАТА

Глава 33

Масонство в России

Наверно, нигде в Европе масонство не сыграло такой большой роли в развитии культурной жизни на протяжении целых трех, а то и четырех поколений, как в России. Может быть, в этом сказалась относительная бедность и неоригинальность русской культуры XVIII столетия, по сути дела заимствованной. Возможно также, что в этом отразилось отсутствие православных богословских и пиетистских сочинений, написанных доступным мирянину языком и стилем, которые обладали бы достаточной научной строгостью или эмоциональной глубиной, чтобы удовлетворить взыскательного читателя. Иногда внедрение масонства в России датируется концом XVII в., причем в некоторых случаях приписывают его Петру I. Одно время провинциальным великим мастером в России был генерал Джеймс Кейт, который вступил на русскую службу в 1728 г., а в 1744 г. перешел на службу в Пруссию. Поначалу масонское движение охватывало в основном общины иностранцев, но уже к началу 60-х гг. елизаветинская Тайная канцелярия зафиксировала, что к масонам принадлежат многие высшие должностные лица в государстве. Среди них выделялись братья Захар и Иван Чернышевы, Р. Л. Воронцов, братья П. И. и И. И. Мелиссино, князь М. М. Щербатов, оба Панины. В масонах состояли и видные аристократы — такие, как Голицыны, Трубецкие, — служившие в гвардии, в Кадетском корпусе, и лица недворянского происхождения. Во времена Елизаветы Петровны многие представители церковных и светских властей верили, что цель масонов — построить Вавилон, трон Антихриста, и что масонские ритуалы не только богохульны, но и кровавы[1]. Говорили, что Петр III устраивал масонские собрания у себя во дворце в Ораниенбауме[2].

---

[1] См. отзывы о масонах тетушки Г. Р. Державина: *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1869. Т. V. С. 437—438. См. также: *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 96 и далее.

[2] См.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 8—9.

Очень мало известно о том, кто состоял в масонах в начале екатерининского царствования и какова была организация, но, как выясняется, молодые офицеры, интересовавшиеся искусствами, а также писатели, актеры, художники и музыканты любили собираться в ложах. В середине 1770 г. пост провинциального великого магистра занимал И. П. Елагин, главный директор музыки и театра, управляющий дворцовыми имениями. Под его началом находилось примерно четырнадцать лож — немецких, английских и двуязычных, поочередно работавших на русском и иностранном языке. Эти ложи принадлежали к системе «слабого наблюдения» и ограничивались тремя степенями — ученика, товарища и мастера. Но, как и везде, в России росло желание усиливать таинственность ритуала и множить число степеней. В 1770 г. на русскую службу вступил барон Рейхель, привезший с собой из Брауншвейга систему доктора Циннендорфа, которая вскоре завоевала многие из лож под началом Елагина. В 1776 г. обе группы объединились и перешли под общее верховенство герцога Фердинанда Брауншвейгского.

Но даже система, привнесенная Рейхелем, казалась слишком прагматичной, в ней недоставало ритуала и эзотерического знания, чтобы удовлетворить запросы адептов, искавших в масонстве того, что уже не могла дать им церковь. Разочарованные нашли ответ в Ордене рыцарей храма, или в розенкрейцерстве. Храмовники видели в своем ордене возрождение или продолжение жизни древнего ордена тамплиеров, уничтоженного в 1307 г. Их орден был строго иерархичен и включал много степеней. Он пользовался большим успехом в Швеции, откуда его идеи и завез в Россию в 1776—1777 гг. друг великого князя Павла Петровича князь А. Б. Куракин. Орден укоренился в России после визита шведского короля Густава III летом 1777 г., привезшего с собой основные масонские организационные документы. Но попытки объединить все русские ложи в одну систему под началом одного великого магистра (брата шведского короля, герцога Зюдерманландского) провалились: Елагин счел, что неразумно будет вручить иноземцу руководство движением, где заместителем великого магистра выступал отвечавший за внешнюю политику России Никита Иванович Панин[3]. Поэтому две си-

[3] См., напр., инструкцию Директории, изданную герцогом Зюдерманландским (§ 5): «...каждый капитул... империи всея России, обязаны во всем и без замедления повиноваться Директории, представлять ей точные донесения о своем состоянии, о способе своих работ, о своих экономических делах, о про-

стемы масонства остались самостоятельными, а князь Г. П. Гагарин, обер-прокурор Сената и друг великого князя Павла Петровича, возглавил шведскую систему в России. Двое племянников Н. И. Панина, князь А. Б. Куракин и князь Н. В. Репнин состояли некоторое время в шведском ордене, к которому на более или менее длительные сроки примыкало в 80-е гг. семнадцать масонских лож.

Ложи шведского ритуала строгого наблюдения возбуждали некоторые опасения в том, что они вдохновляются иезуитами и тяготеют к католицизму и абсолютизму, но отчуждение россиян вызывали скорее их политические взгляды, чем эзотерические аспекты, и многие члены этих лож ушли в другие системы. Самая влиятельная из русских масонских лож процветала в Москве: в 1781 г. некоторые московские масоны отпали от шведской системы и образовали новую «тайную сиентифическую» ложу Гармонии, в которую входил Н. И. Новиков, а движущей силой был И. Г. Шварц[4].

Шварц, трансильванец по рождению, приехал в Москву в 1779 г., чтобы занять пост профессора немецкого языка в гимназии при Московском университете, вероятно, полученный благодаря масонским связям. По-настоящему Шварц принадлежал к розенкрейцерам, которых в ту пору возглавляли Й. фон Вёллнер и хирург Й. Теден, — оба они были связаны с двором кронпринца Пруссии. С лета 1781 г. по февраль 1782 г. Шварц прогостил в Германии, а когда вернулся, то ложа Гармонии была реорганизована в центр розенкрейцерства, подчиненный Тедену и Вёллнеру. Сам Шварц получил полномочия привлекать в масоны новых членов и руководить их действиями, а кроме того, он был обязан посылать своему начальству в Пруссию ежегодный доклад о новых братьях, принятых в ложу, и по 10 руб. за каждого новообращенного. Затем, на Вильгельмштадтском конвенте масонов в 1782 г. Шварц добился признания России восьмой провинцией масонства системы строгого наблюдения под началом генерального мастера, герцога Фердинанда Бра-

---

изводимых ими принятиях и о том, как они исполняют приказания Директории или Великого мастера» (Там же. С. 45 и далее). См. также: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 110 и далее (о приказах Екатерины II начальнику полиции Санкт-Петербурга следить за перепиской между герцогом Зюдерманландским и российскими ложами).

[4] Среди членов были куратор Московского университета М. М. Херасков, его сводный брат князь Н. Н. Трубецкой, князь А. А. Черкасский, И. П. Тургенев, а также судья уголовного суда И. В. Лопухин, автор масонских религиозных сочинений, часть которых была переведена на английский язык.

уншвейгского. Таким образом, будучи внешне подчиненным герцогу Фердинанду, кружок Шварца на деле, а возможно — без ведома большинства его членов, состоял в подчинении берлинских розенкрейцеров. В официальном капитуле восьмой провинции европейского масонства пост провинциального великого мастера оставался вакантным. Надеялись, что его займет великий князь Павел Петрович. Но Шварц сделался провинциальным канцлером розенкрейцеров и фактическим главой ширящейся сети масонских лож России. Он один знал полный список розенкрейцеров, и лишь мастера основанных в общей сложности шести десятков лож знали, что центральной целью их системы служит розенкрейцерство[5].

Именно благодаря масонским связям Новиков получил в 1779 г. предложение арендовать типографию Московского университета и перенес свою деятельность в старую столицу. Указ Екатерины 1783 г. о разрешении частным лицам открывать типографии, предварительно зарегистрировав их в полиции, дал толчок к появлению множества типографий как в столицах, так и в провинции, и розенкрейцеры в полной мере воспользовались удобным моментом. Н. И. Новиков и И. В. Лопухин открыли собственные частные типографии. В 1784 г. розенкрейцеры открыли акционерное издательское дело — Московскую типографскую компанию (представлявшую подробные донесения о своей деятельности масонскому начальству в Пруссию), официально зарегистрированную в полиции. Кроме того, Н. И. Новиков тайно содержал незарегистрированную типографию, в которой по приказу прусских розенкрейцеров печатались в русском переводе сочинения оккультного и розенкрейцерского содержания. И. В. Лопухин тоже устроил у себя тайную типографию, где печатал мистические и алхимические труды. На этих книгах не указывалось место издания, а перед печатанием их рукописи не предъявляли начальнику полиции.

Появление сети типографий послужило отправной точкой для просветительской деятельности Новикова и Шварца. В ноябре 1779 г. при Московском университете была организована Педагогическая семинария для подготовки учителей. Она содержалась на частные пожертвования видных масонов и работала под руководством

---

[5] См.: *In-ho Li Ryu.* Moscow Freemasons and the Rosicrucian Order.A Study in Organization and Control // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J. G. Garard. Oxford, 1973. Я широко использовала эту работу, внесшую ценную поправку в оценку деятельности Шварца, которого идеализировала историография XIX в.

Шварца. К 1782 г. число учеников семинарии разрослось до тридцати, и содержание каждого обходилось в 100 руб. в год. За Педагогической семинарией последовало учреждение в марте 1781 г. Собрания университетских питомцев, имевшего две цели: просветительскую (работу над разного рода сочинениями и переводами «наилучших мест из древних и новых писателей» для публикации в журналах и в частных типографиях) и нравственную (воспитание высокого морального духа у членов Собрания, что должно было со временем привести их в ряды масонов-розенкрейцеров). Открылась также специальная Переводческая семинария, и для воспитанников обеих семинарий, Педагогической и Переводческой, был куплен дом, в котором помещалась также квартира Шварца и тайная немецкая типография. Масонская деятельность вокруг Московского университета увенчалась открытием официального Дружеского ученого общества в 1782 г. с разрешения московского главнокомандующего, графа З. Г. Чернышева (он был масоном) и с благословения архиепископа Платона. Дружеское ученое общество было предназначено стать ареной культурной жизни Москвы. Кроме того, оно платило стипендии студентам, слушавшим университетские курсы, печатало и распространяло учебники. Масонские идеи пропагандировались во многих литературных произведениях того времени, наряду с песнями масонов, сопровождавшими их ритуалы. Неудивительно, что первой из опер Моцарта, заслуживших популярность в России, стала «Волшебная флейта»[6].

Переехав в Москву в 1779 г., Новиков чрезвычайно расширил свою издательскую деятельность. Университетская типография извлекала крупную прибыль от публикации серии переводов, начиная с «Комментариев к английским законам» Блэкстона (этот перевод был заказан самой императрицей) и кончая «Путешествием пилигрима» Беньяна, «Эмилем» Руссо, «Словом против безбожия» Гроция в переводе архиепископа Московского Амвросия. Новиков продолжал редакторскую деятельность, сам участвовал в ряде периодических изданий, часть которых была явно с масонским уклоном, а часть была нацелена на развитие у публики интереса к экономи-

---

[6] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 207 и далее. См. также: *Baehr S.* The Masonic Component in Eighteenth-Century Russian Literature // Russian Literature in the Age of Cathrine the Great / Ed. by A.G. Cross. Oxford, 1976; *Green M.* Masonry, Kheraskov and Mozart: A Footnote // Study Group in Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. № 7.

ческим и культурным вопросам («Городская и деревенская библиотека», «Покоящийся трудолюбец» и, возможно, самое известное из его изданий — серия публикаций для детей под названием «Детское чтение»). Интересы Новикова не ограничивались только изданием: он занимался также распространением своей продукции и внес крупный вклад в развитие книжной торговли в русской провинции.

В то время, когда продукция большинства местных типографий не могла найти выхода в книготорговлю, издания Новикова, как показывают цензорские документы, продавались в ряде крупных городов, от Архангельска до Тамбова, от Нижнего Новгорода до Иркутска. Почти во всех этих провинциальных центрах книжной торговли имелись масонские ложи, чаще всего подчиненные московским масонам, а многие из сотрудников, ведавших снабжением и управлением книжными магазинами, были активными масонами[7].

Но издательская деятельность Новикова имела и еще одну сторону. Тайные типографии, которые содержал он сам и его друг Лопухин, непрерывным потоком выпускали мистические, масонские и оккультные сочинения — например, переводы книг «О заблуждениях и истине» Л. К. де Сен-Мартена, «Новая Киропедия» А. М. Рамсэя, трудов Мигеля де Молина и мадам Гюйон, «Дух масонства» Уильяма Хатчинсона, «Об истинном христианстве» И. Арндта, «О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. И тайные типографии, и Типографическая компания действовали под контролем ордена розенкрейцеров. Шварц умер в 1784 г., но его сменил барон Шредер, подчиненный тем же Вёллнеру и Тедену, которым в Пруссию переправлялись средства, собранные под разными предлогами с русских братьев[8].

Екатерина сначала смотрела на масонство, к которому принадлежали столь многие среди ее придворных, достаточно терпимо, и все это ее даже забавляло. Но это ее отношение переросло в острое недовольство из-за визита в Петербург в 1779 г. графа Калиостро — шарлатана-сицилийца по имени Джузеппе Бальзамо, который был не столько масоном, сколько выдавал себя за алхимика. В 1780 г. императрица издала без подписи статью в осуждение «нелепого общества», а позже высмеяла Калиостро под именем Калифанкерста-

---

[7] См.: *Мартынов И. Ф.* Книга в русской провинции 1760—1790 гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XVIII в. / Ред. А. А. Сидоров, С. П. Луппов. Л., 1978. С. 118—119.

[8] *In-ho Li Ryu.* Op. cit. P. 219, примеч. 50.

на в своей пьесе «Обманщик», где показала, как он выманивает золото у своих жертв. Пьеса была сыграна на сцене в 1786 г. и переведена на французский и немецкий языки. Екатерина снова обращалась к этой теме в двух своих пьесах 1785—1786 гг., которые тоже ставили в театрах обеих столиц[9]. Подобно многим людям, непричастным к масонству, Екатерина не делала различий между опасными революционерами — иллюминатами, которых только что, в 1784 г., разогнали в Баварии, мартинистами, т.е. последователями мистика Сен-Мартена[10], и руководимыми из Пруссии розенкрейцерами, чьи интересы были направлены на внутреннюю жизнь человека.

Мнение, принятое издавна в российской и советской историографии, гласило, что Новикова с самого начала его карьеры издателя и редактора преследовала становившаяся с годами все более реакционной императрица — враг всякой самостоятельной общественной инициативы[11]. Однако первые трения с властями у Новикова произошли не из-за его масонской или реформаторской деятельности, а из-за обыкновенного нарушения авторского права. Комиссия по заведению в России народных школ в августе 1784 г. пожаловалась на то, что Новиков напечатал два учебника, нарушив тем самым исключительное право, предоставленное ею другому издателю. Новиков в оправдание ссылался на разрешение самого главнокомандующего Москвы, но, несмотря на это, напечатанные учебники были изъяты, а их издатель понес финансовые убытки. Но этот случай нельзя считать злостным беспрецедентным выпадом против прессы, потому что с другими издателями в подобных обстоятельствах поступали точно так же: в России постепенно укоренялось представление об охране авторских и издательских прав[12]. Вскоре внимание Екатерины было привлечено к одной из журнальных публикаций Новикова (возможно, это сделал кто-то сочувство-

---

[9] «Тайна противу нелепого общества» — статья, изданная также во французском и немецком переводе. «Обманщик» был представлен на сцене 2 февраля 1786 г., «Обольщенные» и «Шаман Сибирский» были сыграны в том же году. См.: *MacArthur G.H.* Catherine II and the Masonic Circle of N.I. Novikov // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 529—546 (в этой работе содержится более подробный анализ отношения Екатерины к масонству).

[10] Луи Клод де Сен-Мартен, автор трактата «О заблуждениях и истине», изданного в 1775 г.

[11] См. выше, гл. 31.

[12] *Западов В. А.* К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 38 и далее.

вавший иезуитам): речь шла о «ругательной» истории иезуитского ордена. В ней иезуиты изображались безбожными, вероломными, властолюбивыми, норовящими создать государство в государстве, т.е. именно такими, какими их видели тогда многие «просвещенные» умы. Екатерина велела изъять эту книгу из печати, «ибо, дав покровительство наше сему ордену, не можем дозволить, чтобы от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было»[13]. Таким образом, государыня распространяла на иезуитов ту защиту, которую российский цензурный устав предоставлял всем религиозным институтам.

Но в 1785 г., именно в то время, когда Екатерина одну за другой изливала на масонов свои театральные сатиры, ее беспокойство вызвал характер некоторых книг, которые издавал Новиков в университетской типографии. В декабре 1785 г. генерал-губернатор Брюс и московский архиепископ Платон получили приказ освидетельствовать книжные публикации Новикова и установить, не заключаются ли в них «колобродства, нелепые умствования и раскол», а архиепископу велели еще и испытать твердость Новикова в православии.

Новиков с честью прошел испытание своей веры. Архиепископ доносил императрице, что молит Бога, «дабы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Что касалось его изданий, то, выразив неодобрение «гнусным и юродивым порождениям так называемых энциклопедистов», которые нужно искоренять как плевелы среди злаков, Платон составил список из двадцати трех «сумнительных» книг. Среди них было, в частности, сочинение Штарка «О древних мистериях, или О таинствах, бывших у всех народов», в котором, по оценке архипастыря, восхвалялись языческие обряды, которые церковь находит греховными, и объявлялось, что церковь ведет свои ритуалы и таинства от язычества[14].

Из названных Платоном двадцати трех книг Екатерина запретила только шесть, причем все масонские, в том числе «Хризомандер» — розенкрейцерскую повесть, привезенную Шварцем из Германии в 1782 г., и «Химическую псалтырь», одно из многочисленных

---

[13] Указ Н. П. Архарову от 23 сентября 1784 г. // *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. Приложение. С. 016; Екатерина II — неизвестному адресату, б. д. // СбРИО. Т. XXVII. С. 338. Из названной записки как будто следует, что императрица не знала, кто издал историю масонов. См. гл. 32.

[14] *Западов В. А.* Указ соч. С. 39 и далее.

сочинений, приписываемых Парацельсу. Остальные книги разрешили пустить в продажу — и «вольтерьянские», и масонские, и просто непристойные[15]. Но Екатерину явно не радовал шедший из Москвы масонский дух. В январе 1786 г. она приказала московскому начальнику полиции инспектировать устроенную масонами больницу, «равно буде от них заведены какие-либо школы, то и сии освидетельствовать в подробности... чтоб тут раскол, праздность и обман не скрывался»[16]. Одновременно ему было приказано вызвать к себе Новикова и предупредить о том, что он пользуется арендой университетской типографии, чтобы печатать книги полезные и нужные обществу, а не сочинения, «наполненные новым расколом для обмана и уловления невежд»[17]. Однако никаких школ не нашлось, как и больницы, а только маленький лазарет для работников типографии[18]. Но Новиков был так неосторожен, что тайно сохранил у себя запас запрещенных книг, которые затем пустил в продажу в Москве и на сельских ярмарках.

Подлить масла в огонь подозрительности Екатерины к московским розенкрейцерам оказалось очень легко, хотя следующий удар был нанесен не по ним. Ее исповедник И. Памфилов поддерживал оживленную переписку с архиепископом Петром Алексеевым, настоятелем Архангельского собора в Москве и завзятым интриганом, который был на ножах с архиепископом Платоном. Вероятно, через Памфилова Екатерина и узнала, что множество книг религиозного содержания печатались в светских издательствах в нарушение законной (и прибыльной) монополии издательства Святейшего синода[19]. Так или иначе, 27 июля 1787 г., вскоре после последнего своего визита в Москву, императрица велела составить список всех этих книг и запретила издание молитвенников, церковных книг и богословских трудов всем типографиям, кроме имеющих на это

---

[15] ПСЗ. Т. XXII. № 16362, 27 марта 1786 г.

[16] Екатерина II — П. В. Лопухину, 23 января 1786 г. // СбРИО. Т. XXVII. С. 362.

[17] Там же. С. 363.

[18] См. доклад П. В. Лопухина Екатерине от 30 января 1786 г. в кн.: *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 581 и далее.

[19] См.: *Корсанов А. И.* Петр Алексеев, протоиерей Московского Архангельского собора, 1727—1801 // РА. 1880. № 2. С. 153 и далее; см. также: Из бумаг протоиерея Петра Алексеева // РА. 1882. № 2. С. 76 и далее. Алексеев доносил, что Платон слишком благосклонен к французскому Просвещению. Протоиерей Алексеев был замешан в позорных сварах с братом Платона, тоже протоиереем, из-за первенства в богослужениях.

официальное разрешение — при Святейшем синоде и при Комиссии народных училищ. Обнаружилось, что только в Москве светскими издательствами опубликована религиозная литература 313 наименований (166 из них — дело рук Новикова), не считая выявленных в Петербурге и в ряде провинциальных центров. В сентябре 1788 г. Екатерина, изучив доклады церковных цензоров, приказала вернуть 299 из 313 московских изданий их владельцам, запретила 14 и объявила, что в будущем надлежит все религиозные издания перед публикацией представлять в Синод (а не просто в полицейскую управу). К этим 299 наименованиям принадлежали труды верховных русских митрополитов и епископов, в том числе и самого Платона. Запрещенные же 14 наименований подверглись репрессиям по религиозным, а не политическим мотивам. Здесь была «Новая Киропедия» А. М. Рамсея (во второй раз), перевод «Мессии» Клопштока, выполненный А. М. Кутузовым — убежденным розенкрейцером и другом Радищева. В последней книге обнаружили «выражения, противные Священному Писанию и низкие по отношению к Божеству». Из четырнадцати запрещенных книг одиннадцать (большей частью масонского содержания) были изданы Новиковым[20]. Это новое свидетельство религиозного сектантства, которое Екатерина находила в Новикове («c'est un fanatique!»), укрепило ее решимость не продлевать его аренду типографии Московского университета по истечении срока в 1789 г.[21]

Тем временем у Новикова в результате конфискации его книжного запаса в 1787 г. начались серьезные финансовые трудности как в Типографической компании, так и в университетской типографии, дела которых были взаимосвязаны. Так как розенкрейцеры вложили крупные средства в Типографическую компанию, их отношения с Новиковым, как и собственное отношение Новикова к его немецкому начальству, сделались напряженнее. Барон Шредер потребовал вернуть вложенные деньги, а кончилось тем, что берлинское начальство объявило «silanum», т.е. приостановку, всей масонской деятельности в России. Со смертью Фридриха II и вступлени-

---

[20] *Западов В. А.* Указ. соч. С. 41 и далее. Среди типографий, которым на будущее запретили печатать религиозные книги, были типографии Академии наук, Кадетского корпуса, Сената и т.д. Как указывает В. А. Западов, в противоположность прежним мнениям, 313 наименований книг не были сожжены, а все книги, кроме четырнадцати запрещенных, вернули владельцам.

[21] *Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб., 1874. С. 173, 15 октября 1788 г.

ем на престол в 1786 г. Фридриха Вильгельма II в отношениях между Москвой и Берлином произошли дальнейшие изменения. Глава розенкрейцеров Й. К. фон Вёллнер, став одним из министров Фридриха Вильгельма, поддерживал теперь розенкрейцерские контакты через князя Н. Трубецкого, а не через Новикова[22]. В 1787 г. А. М. Кутузов отправился в Берлин изучать розенкрейцерство. В 1788 г. М. И. Невзоров и В. Я. Колокольников уехали туда же на средства московских масонов изучать химию как первооснову алхимии.

Несмотря на свои денежные проблемы, летом и осенью 1787 г. Новиков помогал бороться с голодом, обрушившимся на Московскую губернию. Он принялся за это дело со свойственным ему идеализмом, сочетая предприимчивость с финансовой беспомощностью. Он стремился создать жизнеспособную систему общественного спасения. Заняв большие деньги (свыше 50 тыс. руб.) у своего приятеля-масона, Новиков снабжал хлебом и семенным зерном примерно сотню частных и государственных деревень, а у себя в имении построил амбары, из которых и в последующие годы выдавалось нуждающимся зерно для посева. За это зерно крестьяне платили деньги или отрабатывали долг в поместье Новикова Авдотьино, на прядильно-ткацкой фабрике, на обжиге кирпича или на строительстве, что было выгодно и его крестьянам, и ему самому. Осенью 1787 — весной 1788 г. Новиков уделил много сил этим делам, а с потерей аренды университетской типографии в 1789 г. он стал еще больше времени проводить у себя в имении[23]. В 1791 г. была свернута и деятельность Типографической компании, причем к этому моменту она была в очень крупных долгах.

Тем временем росла подозрительность Екатерины к масонам вообще и к московским в частности: она винила их в связях с зарубежными революционными движениями. В марте 1790 г. императрица приказала новому московскому главнокомандующему, князю А. А. Прозоровскому, установить за московскими масонами строгий надзор. Ближе к концу года она велела генералу П. И. Мелиссино, основавшему свой собственный, чисто русский, масонский орден в Петербурге, закрыть его[24].

---

[22] *In-ho Li Ryu.* Op. cit. P. 228—229.

[23] *Белявский М. Т.* Новиковское Авдотьино в 1792 г. // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 49—61.

[24] См.: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 500, 521.

В этом, возможно, снова сыграл зловещую роль протоиерей Алексеев. Продолжая свою вендетту с Платоном (к тому времени ставшим уже митрополитом), он собрал сведения о том, что Платон разрешил принимать в семинарии людей, обученных «мартинизму» Шварцем и его последователями, а значит, знакомых с учением о естественном состоянии человека, «несовместимом с монархическим правлением». Эти семинаристы, доносил он, стали теперь приходскими священниками и сеют мартинистское учение. Кроме того, Алексеев утверждал, что в доме Новикова не прекращается подпольное книгопечатание[25].

Возможно, в результате жалоб, возникших в связи с закрытием Типографической компании, Екатерина в ноябре 1791 г. приказала Прозоровскому расследовать деятельность Новикова в его имении: что за здания он там строит, что за предпринимательством занят, какую жизнь ведет?[26] Затем, в марте 1792 г., пал от рук убийцы шведский король Густав III. В том же месяце вернулись из Берлина упомянутые выше студенты-химики Невзоров и Колокольников и были немедленно арестованы по подозрению в том, что ездили в Париж и участвовали там в революционных выступлениях[27].

За их арестом по времени последовал приказ Прозоровскому от 13 апреля 1792 г. выяснить, не Новиков ли издал книгу о раскольниках — «страдальцах Соловецких», наполненную «ложными чудесами, а притом искажениями дерзкими и как благочестивой нашей церкви противными, так и государственному правлению поносительными» (как это опять похоже на руку протоиерея Алексеева!), ведь Новикова подозревали в том, что у себя в деревне он держит тайную типографию[28]. Прозоровский, по выражению Потемкина, был «самой старой пушкой» Екатерины (меж тем как ему исполнилось всего лишь пятьдесят восемь лет), которая промаха не даст, но может «запятнать кровью в потомстве имя вашего величества»[29]. Никаких следов этой книги о раскольниках Прозоровский в Моск-

---

[25] Из бумаг протоиерея Петра Алексеева... С. 76 и далее; записка Алексеева московскому прокурору Колычеву от 17 августа 1790 г. // Там же. С. 78.

[26] А. А. Безбородко — А. А. Прозоровскому, 15 ноября 1791 г. // СбРИО. Т. XIX. С. 96. И. В. Лопухин полагал, что Безбородко и Архаров (обер-полицмейстер Санкт-Петербурга) были весной 1791 г. направлены в Москву для следствия над московскими масонами. См.: Записки И. В. Лопухина. Лондон, 1860. С. 36—37.

[27] *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 522.

[28] Указ Прозоровскому см.: *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. С. 061.

[29] Там же. С. 301.

ве не нашел, но зато обнаружил в продаже экземпляр одной из шести книг, запрещенных в 1786 г. Этого было достаточно. Князь конфисковал весь новиковский книжный склад в Москве и послал своих подручных обыскивать его бумаги и книги в деревню, а самого Новикова велел доставить в Москву и посадить под домашний арест.

В первых же донесениях императрице Прозоровский подтвердил, что Новиков продолжает печатать и продавать запрещенные масонские сочинения[30]. Тогда она распорядилась законным образом предать Новикова суду (составленному из «надежных людей»), которому предстояло также выяснить, что это за громадные суммы истратил Новиков на борьбу с голодом[31]. Но когда князь Прозоровский копнул поглубже, он обнаружил доказательства того, что розенкрейцерами руководил из-за границы Вёллльнер и что с предложением вступить в масоны и даже возглавить орден в России обращались к самому великому князю Павлу Петровичу. Среди бумаг, найденных Прозоровским, находилась записка архитектора В. Баженова, также завзятого масона, который трижды посещал наследника престола — в 1784, 1787 и 1791 гг. — и преподносил ему изданные Новиковым религиозные книги (что и послужило предлогом для установления контакта с великим князем)[32].

Прозоровский не любил и презирал Новикова, считая его лукавым, хитрым и дерзким мошенником, с которым такому простому честному солдату, как он сам, не справиться. Он совершенно заблудился в лабиринтах сложного мира масонов и решил, что Новиков и ему подобные — это сторонники всеобщего равенства в обличье человеколюбцев и что они виновны в подкупе цензоров и Тайной канцелярии[33].

Последующие донесения Прозоровского убедили государыню в том, что было бы нежелательно судить Новикова обычным откры-

---

[30] Донесения от 25 и 26 апреля 1792 г. // *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. С. 065—066, 067—068.

[31] *Новиков Н. И.* Указ. соч. С. 599.

[32] Новейшее исследование этого вопроса с датировками см.: *Западов В. А.* Указ. соч. С. 47. *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 399—400, 26 мая 1792 г. В записке было сказано, что Павел еще не стал масоном.

[33] Прозоровский — С. И. Шешковскому, 17 мая 1792 г. // СбРИО. Т. II. С. 104—105. См. также: *Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792—1794. London, 1971. P. 215: «Князь Гагарин, бывший некогда гроссмейстером франкмасонов в Москве, утверждает, что знает наверное, что якобинские идеи зародились именно на собраниях этого общества».

тым судом. Поэтому она велела доставить его под усиленной охраной кружным тайным путем прямо в Шлиссельбург, где расследование продолжил сам С. И. Шешковский, глава Тайного департамента Сената. Теперь обвинения против Новикова выглядели куда серьезнее: он устраивал тайные собрания с клятвами на Евангелии, на которых обманутых заставляли присягать на вечную покорность ордену розенкрейцеров, что они передались под власть герцога Брауншвейгского, что при помощи тайного шифра переписывались с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вёльнером «в такое время, когда прусский двор крайне враждебно относился к России», что разными способами пытались заманить в свою секту «некую особу» (Павла Петровича), что издавали запрещенные и безнравственные книги и завели собственные «архиепископства», «приходы» и «обряды», независимые от святой православной церкви[34]. Безо всякого официального суда Новикова в августе 1792 г. приговорили к пятнадцатилетнему заключению в Шлиссельбургской крепости. Ему разрешили взять с собой личного врача, розенкрейцера М. И. Багрянского, и крепостного слугу. По приказу Шешковского каждому из заключенных выделили по рублю в день на содержание (356 руб. в год составляло примерно 90 фунтов стерлингов). Впоследствии по просьбе коменданта крепости эту сумму удвоили, а всего через три недели после этого, в ноябре 1796 г., умерла императрица, и Новикова освободили[35].

Те, кто смотрит на заточение Новикова с традиционной точки зрения[36], не учитывают, до какой степени обостренной была чувствительность Екатерины ко всему, что касалось ее сына. Из показаний Новикова очевидно, что еще в 1781—1782 гг. в переписке Шварца с его германским начальством выражалась надежда на то, что Павел вступит в орден — может быть, во время своего заграничного путе-

---

[34] Указ 1 августа 1792 г. Прозоровскому см. в: *Новиков Н. И.* Указ. соч. С. 671—672. О пристальном интересе императрицы к следствию над Новиковым свидетельствуют составленные ею вопросные пункты (СбРИО. Т. XLII. С. 224—226).

[35] См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. 1762—1825 гг. М., 1960. Т. I. С. 236, 244. Комендант привел интересные цифры, характеризующие стоимость жизни в то время: мясо продавалось по 6 копеек за фунт, белый хлеб — 3 коп., фунт масла стоил 15 коп., полфунта чая — 75 коп., сахар — по 55 коп. за фунт, яйца —по 15 коп. штука.

[36] Последним из авторов, пишущих по-английски, высказал эту точку зрения Дж. Мак-Артур: *MacArthur G. H.* Op. cit. P. 546.

шествия 1781 г. После того как в 1784 г. у Павла Петровича впервые побывал В. Баженов, он прислал Новикову записку, исполненную тех же ожиданий. Новиков через Шредера сообщил в Берлин Вёлльнеру содержание этой записки. Таким образом, вся операция по привлечению великого князя в розенкрейцеры была в каком-то смысле передана под руководство пруссаков. Из показаний Новикова, полученных Шешковским, явствовало также, что он регулярно докладывал Шредеру, как своему руководителю, о ходе издательской работы, а также о своих масонских духовных упражнениях[37].

Хотя едва ли можно говорить о существовании партии приверженцев Павла Петровича, Екатерина, конечно, чувствовала, что в русском обществе есть течение, враждебное ее собственной политике и стилю правления и возлагающее надежды на новое царствование. Сам Павел, нечуждый критического взгляда на политику своей матери и на ее сподвижников и фаворитов, кажется, все-таки не решался на настоящее подстрекательство к бунту и был виновен лишь, пожалуй, в тайных контактах с прусским двором[38]. Но он добивался популярности, подчеркивая свою верность традиционному русскому образу жизни, еще сохранявшемуся в среде купечества и мещанства. Тем самым он уподоблялся царевичу Алексею, противостоявшему своему великому отцу. Наследник престола даже открыто предпочитал Москву Санкт-Петербургу[39].

О политических взглядах московских розенкрейцеров сведений мало, хотя из их поступков можно заключить, что их интересовали не столько политические перемены, сколько социальные реформы средствами филантропии. В чисто российском контексте в их взглядах воплотился возврат к нравственной позиции янсенистов, влияние которой заметно уже в журнале Новикова «Утренний свет», где печатались выдержки из классических трудов по этике: сочинений Бэкона, Гроция, Христиана Вольфа, и прежде всего Паскаля[40]. Су-

---

[37] СбРИО. Т. II. С. 156, примеч. 59; *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 520.

[38] См.: *Goertz J.E. von.* Mémoire sur la cour de Russie. Wiesbaden, 1969. P. 58. Русский посол в Берлине в 1789 г., М. М. Алопеус, состоял в переписке с Павлом Петровичем и был близким другом Бишофсвердера. См. также: *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 231.

[39] Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1775—1777. P. 385, 394.

[40] См.: *Боголюбов В.* Н. И. Новиков и его время. М., 1916. С. 273. Вероятно, розенкрейцеры также являлись предтечами (опять-таки в русском контексте) движения в духе сторонников Высокой евангелической церкви, возникшей в Англии на рубеже XVIII—XIX столетий в качестве протеста против разнузданности ума и тела, порожденной эпохой Просвещения.

ровые возвышенные масоны отвергали проявляемое Екатериной вопиющее неуважение к правилам христианского брака, особенно заметное на фоне семейного счастья великого князя Павла[41]. На стенах в усадьбе Новикова висели портреты великокняжеской четы, но ни одного портрета императрицы в перечне его имущества не числится[42]. Розенкрейцеры даже слагали гимны в честь Павла:

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим;
В чете твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом![43]

Если попытаться перечислить масонов — сторонников Павла, то надо назвать имена друзей детства великого князя, братьев Куракиных, затем Никиту и Петра Паниных и адмирала Плещеева, военно-морского адъютанта цесаревича, бывшего генерал-адмиралом. В 1788—1789 гг. Плещеев ездил во Францию и в Страсбурге навестил Сен-Мартена, а в Авиньоне примкнул к тайному мистическому обществу графа Грабянки, которое учредил потом в России. Это общество «Народа Божьего» или «Нового Израиля» в России особого развития не получило, но зато в него входил племянник жены Панина, генерал князь Н. В. Репнин[44]. Так был ли масоном великий князь Павел Петрович? Сам он это отрицал. Но его, несомненно, привлекали некоторые стороны мистического вероучения, а возможно, и оккультных знаний. Он, вероятно, понимал, какую роль сыграло его имя в падении Новикова, и потому, взойдя на трон, первым делом распорядился выпустить узника из крепости. Кроме того, Павел приказал прислать ему все документы по делу Новикова, а после смерти императора их обнаружили в его комнате запертыми в шкатулку. Возвратившись в столицу, Новиков продолжил

[41] О домашней жизни семейства великого князя см. ниже, в Эпилоге.

[42] См.: *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 58—59.

[43] Стихи из журнала «Магазин свободнокаменщической» (1784. Т. I, ч. 1. С. 132).

[44] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 82—83; *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 520. См. также приказ Екатерины разъяснить деятельность Репнина, Плещеева и Куракина (СбРИО. Т. XLII. С. 225—227).

масонскую деятельность, однако издательские его начинания были позади, хотя ему исполнилось всего 53 года[45].

Нравственная оппозиция Екатерине и всему, за что она ратовала, возможно, была весьма популярна в официальной церкви и среди староверов, но этот вопрос современные исследователи оставляют без внимания. Между тем именно здесь может крыться объяснение, почему такому человеку, как митрополит Платон, известному своей неодобрительной оценкой масонской оккультной литературы, был все же ближе Новиков и его друзья, чем Екатерина с ее светскими идеями «просвещения», особенно в сфере народного образования. Сама императрица была глубоко уязвлена, когда еще один рыцарь масонства, король Густав III, осудил ее «атеистскую и идолопоклонническую» школьную программу[46]. Однако нельзя забывать, что во Франции шла революция, только что погиб шведский король, да и самой императрице грозила опасность. И вот на этом фоне в России обнаружилась группа людей, которыми дирижировали из Пруссии враги императрицы и которые явно располагали крупными средствами (у Новикова одних долгов было на сумму свыше 700 тыс. руб.). Эти люди вдохновлялись масонскими идеями — от крайнего эгалитаризма до алхимических и оккультных «писаний» — и, судя по всему, были готовы свергнуть ее с престола в пользу цесаревича Павла. Все это, конечно, могло казаться стареющей императрице более реальной угрозой, чем представляется нам сегодня[47].

И все же было нечто необъяснимое в отношении Екатерины к Новикову, ведь с ним обошлись очень сурово по сравнению с мягкими наказаниями других московских розенкрейцеров — Н. Трубецкого, И. Лопухина, И. Тургенева, отделавшихся просто ссылкой в собственные имения. Правда, эти трое не были причастны к попытке втянуть наследника в масонское движение. Но даже архитек-

---

[45] Когда Новикова освободили из Шлиссельбурга, он задал по этому случаю обед своим деревенским соседям, на котором шестнадцатилетний крепостной слуга, разделявший с ним заточение, был посажен на почетное место. Но Новиков был все-таки сыном своего времени, а потому впоследствии продал этого самого слугу за 2000 руб., чтобы поправить расстроенные дела. См.: *Вяземский П. А.* Записные книжки. 1813—1848. М., 1963. С. 110—111.

[46] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 218, 24 декабря 1788 г.

[47] *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 39. См. также: *Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 246 и далее (по поводу покушений на Екатерину).

тор Баженов, посещавший Павла Петровича по поручению Новикова, похоже, вышел сухим из воды. Возможно, первых троих не стали трогать потому, что они принадлежали к высшей аристократии, а последнего потому, что он был слишком скромного происхождения[48]. Отголоски дела Новикова разошлись довольно широко. Арестовали и допросили ряд книгоиздателей, но всех отпустили, сделав предупреждение. Около 20 тысяч экземпляров главным образом масонских сочинений, конфискованных при аресте Новикова, были сожжены в 1793 г., а безобидные богословские труды передали в Заиконоспасский монастырь и в университет[49].

Нередко высказывалось мнение, что Новикова травили до тех пор, пока не нашлось достаточно веской причины его арестовать, чтобы покончить с его независимой общественной и издательской деятельностью. Но свидетельства документов не дают оснований для этого толкования. Единственные из напечатанных Новиковым книг, подвергшиеся запрету, были масонскими произведениями, которые признал вредными даже митрополит Платон. Как и другим издателям, ему запретили нарушать монополию Святейшего синода на публикацию религиозных книг, и лишь когда открылись тайные сношения Новикова с прусскими магистрами ордена розенкрейцеров, произошло его падение. Но это был печальный конец для одного из самых выдающихся российских литераторов, оставившего неизгладимый след и в душах людей, знавших его, и тех, кто пользовался плодами его трудов по распространению знаний, в которых он так преуспел.

---

[48] Примечательно, что Баженов проектировал дом для Прозоровского. Не могло ли это повлиять на его судьбу?

[49] Прозоровский докладывал императрице, что 1965 книг передал в семинарию, 5194 в Московский университет, а 18 656 уничтожил как «вредоносные». См.: *Моисеева Г. Н.* Дополнительные данные к обстоятельствам преследования Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 150.

Глава 34

Рождение интеллигенции

С 1775 по 1787 г. Россия ни с кем не воевала, и царствование Екатерины переживало свой наивысший подъем. В 1775 г. императрице исполнилось 46 лет. Это была женщина в расцвете духовных и физических сил, исполненная живого ума, энергии и чувственности. Она уверенной рукой правила обширной империей и успешно решала задачу перевода ее администрации на солидную бюрократическую основу. Но, как ни погружена была Екатерина во внутренние реформы и во внешнюю политику, не забывала она и о не менее важной обязанности — вести и направлять русскую культуру. Она вполне осознавала важность различных видов искусств для укрепления своего политического господства, а кроме того, ее и в самом деле интересовали архитектура, живопись, скульптура. Подобно своим предшественникам, она была завзятой строительницей. «Строительная лихорадка — это что-то дьявольское, — писала она Гримму в 1779 г., — она пожирает деньги, и чем больше строишь, тем больше хочется. Эта болезнь сродни пьянству»[1].

Но увлечение архитектурой не было лишь царской прихотью, а строительство рассматривалось не только как средство укрепить авторитет короны, символизируемый императорскими дворцами, причудливыми летними беседками и парковыми руинами. Архитектура служила также для материального воплощения тех новых широких функций, которые правительство отныне возлагало на города всей России. Еще в 1762 г. Екатерина учредила Комиссию о строении в Петербурге и Москве под началом Захара Чернышева, И. И. Бецкого и князя Дашкова, которая просуществовала до конца ее царствования. Под руководством Комиссии облицовывали гранитом набережные Невы и каналов, возводили каменные мосты, мостили улицы. Комиссия же развивала и поощряла стро-

---

[1] СбРИО. Т. XXIII. С. 157.

ительство прекрасных столичных общественных зданий и частных домов.

Когда в мае 1763 г. сгорела старая деревянная Тверь, Комиссии о строении было поручено разработать план ее реконструкции, ставший лишь первым опытом городского планирования[2]. Поистине широкий размах эта деятельность комиссии получила с вводом в действие в 1775 г. «Учреждений для управления губерний», которые предписывали возводить во вновь созданных городах и в населенных пунктах, «возведенных» в статус городов, весь комплекс общественных зданий — губернаторский дворец, здания присутственных мест, школы, больницы, приюты, дворянское собрание и т.д. К городскому планированию подходили с рациональных позиций, особо выделяя районы жилой застройки и размещения центров деловой активности. Старинные памятники русского зодчества, как правило, сохраняли в неизменном виде, одновременно проектируя большие площади, широкие проспекты с просторно стоящими домами, чтобы уменьшить риск пожаров. Публичные здания и церкви располагались в центре города, в окружении добротных каменных домов дворян и купечества, а дальше начиналась скромная деревянная застройка — жилища горожан победнее. На многих путешественников того времени российские города производили приятное впечатление. Так, Ф. де Миранда хорошо отозвался о Севске и в особенности о заново отстроенной Твери. В городке Крестцы, который ему понравился, путешественник увидел неплохие дома и широкую главную улицу, а в конце ее — церковь, окруженную фонарями. Новгород же показался ему унылым и запущенным. Впрочем, составленные комиссией правила мощения, освещения и уборки улиц далеко опережали привычные российские представления и воплощали собой, скорее, тот идеал, которого надеялась достичь императрица, чем реальное состояние городов[3].

С самого начала правления Екатерина восстала против пышного барокко, которым Бартоломео Растрелли столь щедро украшал эпоху Елизаветы Петровны. Архитекторы, которые работали в Петербурге для новой императрицы, вводили новый стиль — классицизм. Это были А. Фельтен, А. Ринальди, Ж.-Б. Валлен де ла Мотт и рус-

---

[2] Краткий и одобрительный очерк деятельности Комиссии см.: *Jones R. E.* Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762—1796 // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.

[3] Ibid.; Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1775—1777. Passim.

ские М. Ф. Казаков, И. Е. Старов, В. Т. Баженов. Баженов получил образование во Франции и в Италии, а в России отличился созданием нескольких величественных, но так и не осуществленных проектов. В последние годы жизни Баженов, убежденный масон, был охвачен стремлением соединить неоготический стиль с традиционными русскими мотивами. Он работал главным образом в Москве, и его творениям подражали русские архитекторы, строившие дворянские загородные усадьбы. Старов, тоже учившийся в Италии, был создателем величественного Таврического дворца, построенного для князя Потемкина в 1783—1788 гг., с его великолепным центральным колонным залом, выходящим в огромный зимний сад. Личные вкусы Екатерины лучше других умели выразить архитектор-шотландец Чарльз Камерон, в 80-е гг. обновивший ее апартаменты в Царском Селе (в стиле английского архитектора эпохи классицизма Роберта Адама) и построивший изящный Павловский дворец для великого князя, и итальянец Джакомо Кваренги, который возвел для государыни, в подражание театру в Виченце, Эрмитажный театр в стиле Палладио, где ставились ее собственные пьесы и оперы.

Такое бурное строительство дало мощный толчок не только развитию живописи и скульптуры, но и всевозможным декоративным искусствам и промыслам — изготовлению мебели, фарфора, стекла, зеркал, гобеленов, изящных нарядов. Екатерина крупными партиями закупала произведения искусства, тем самым закладывая основы прекрасных российских живописных собраний, которые открывали целые миры новых идей русским художникам, не бывавшим за границей. В 1772 г. Екатерина купила коллекцию Пьера де Круаза и в том же году — собрание герцога де Шуазеля (конечно, не без некоторого злорадства). Она так и ухватилась за Хутонское собрание картин, составленное сэром Робертом Уолполом и проданное его расточительным наследником в 1779 г. В царствование Екатерины II в России работали многие иностранные художники, в том числе Ротари, Торелли, Лампи, Рослен, а в 1795 г. приезжала ненадолго мадам Виже-Лебрен. Императрица покровительствовала и русским художникам: ее писали Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий. М. Шибанов, бывший крепостной князя Потемкина, нарисовал известный портрет императрицы в дорожном платье времен путешествия в Крым и был автором жанровых сцен крестьянского быта. Ф. И. Шубин, наиболее выдающийся русский скульптор, учился в Париже у Пигаля и в Англии у Ноллекенса. Он оставил скульптурные портреты большинства крупных екатерининских вельмож. Но

самым выдающимся произведением скульптуры этого времени стал Медный всадник — знаменитая конная статуя Петра Великого, заказанная Екатериной. Императрица смело поставила себя наравне с великим преобразователем, повелев высечь на постаменте чеканные слова: Petro Primo Catharina Secunda.

Если во времена Елизаветы Петровны даже у самой императрицы не хватало мебели, чтобы обставить все ее дворцы, а провинциальное дворянство обитало в суровой простоте деревянных жилищ, то при Екатерине постепенно повышались требования к изяществу и удобству домашней обстановки у дворян, чиновников, купечества в городах, а дома элиты обеих столиц начали соперничать с резиденциями Западной Европы. Вокруг Санкт-Петербурга и Москвы строились летние дворцы и усадьбы знати, например элегантная дача княгини Дашковой Кирьяново под Петербургом или выросший под Москвой самый настоящий дворец, в котором граф Александр Воронцов любовался представлениями пьес Фонвизина в исполнении своих крепостных актеров и актрис. Бюро, трюмо, канапе и диваны везли из-за границы или делались по последней европейской моде русскими мастерами, а одновременно традиционные русские плотницкие и столярные изделия находили все более широкий сбыт. Фарфор и фаянс занимали место прежних деревянных мисок на столе всех сословий, кроме крестьянского. Их производили на государственном фарфоровом заводе близ Санкт-Петербурга и на фабрике англичанина Фрэнсиса Гарднера под Москвой.

Екатерина, как и ее предшественники, прибегала и к более эфемерным искусствам, чтобы снискать народную поддержку своей власти. Победы и годовщины отмечались живыми картинами, триумфальными арками, процессиями, иллюминациями, фейерверками, угощениями и, не в последнюю очередь, возлияниями. Отмечаемые события представляли на сцене в виде драматических постановок, а мораль выводилась в символических образах. Подобно Елизавете Английской (хотя и с меньшими основаниями) Екатерину иногда изображали Астреей, античной девственной богиней справедливости. Но чаще ее представляли Минервой Торжествующей — воительницей и законодательницей, стоящей со свитком «Наказа» в руках. По России XVIII в. запоздалым эхом прокатилась мода на придворные спектакли с политическим подтекстом, сложившаяся в эпоху Возрождения и пышно расцветшая при дворе

Людовика XIV[4]. Екатерина сознательно использовала театральные постановки почти таким же образом и почти с теми же целями, что Людовик XIV (и, надо сказать, почти с таким же успехом).

В это время продолжался расцвет музыкального искусства как элемента придворных спектаклей и украшения частных приемов и собраний. Императрице композиторы были нужны затем, чтобы писать музыку к ее либретто, но истинным покровителем музыкантов выступал Потемкин — человек, гораздо более одаренный и сложный, чем можно судить по его публичной жизни. Он пытался привлечь на русскую службу самого Моцарта и сумел уговорить приехать в Россию современника Моцарта, композитора Висенте Мартин-и-Солера. На Потемкина работали итальянцы Сарти и Паизиелло. По заказу князя Сарти положил на музыку традиционный русский гимн «Тебе, Бога, хвалим» под аккомпанемент пушечных залпов — Екатерине очень понравилась такая аранжировка, и она лишь сожалела, что в этом сопровождении гимн нельзя исполнять в церкви[5].

После первой попытки заняться журналистикой в 1768—1769 гг. императрица больше никогда журналов не издавала, ни сама, ни через подставных лиц, хотя и продолжала писать в журналы, издаваемые другими. Академия наук оживилась с назначением в декабре 1782 г. ее новым директором не кого иного, как княгини Екатерины Романовны Дашковой, сестры князей Семена и Александра Воронцовых[6]. Вдовствующая княгиня, которую Екатерина после переворота 1762 г. некоторое время держала на почтительном расстоянии от двора, много лет провела в зарубежных путешествиях, отчасти ради удовольствия, отчасти ради образования сына. Эта сварливая, придирчивая, тщеславная и вздорная женщина была тем не менее по-настоящему культурным и образованным человеком, обладала широкими литературными и научными интересами, име-

---

[4] Наиболее глубокое исследование этой темы см.: *Baehr S. L.* «Fortuna Redux»: The Courtly Spectacle in Eighteenth-Century Russia // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons / Ed. by A.G. Cross. Newtonville (Mass.), 1979. Автор приводит прелестный пример аллегорического и дидактического балета 1768 г. «Побежденный предрассудок». В нем Минерва, восседая в храме Эскулапа, разрешает привить себе оспу, после чего убеждает Рутению, восседающую в храме Невежества, тоже согласиться на прививку, и обе пускаются в пляс.

[5] Екатерина II — Г. А. Потемкину, 9 августа 1790 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 101.

[6] См. очерк, приведенный княгиней Дашковой в ее мемуарах (*Dashkova E. R.* Memoirs. London, 1958. P. 203ff).

ла множество друзей в пестром многонациональном интеллектуальном мире Европы и отличалась завидной энергией. То, что императрица поставила женщину во главе организации, исконно являвшейся мужским заповедником, делает честь ее проницательности и свободе от предрассудков. Кроме того, теперь княгиня Дашкова с ее навязчивой неугомонностью всегда была при деле[7]. Под руководством Дашковой Академия встряхнулась и ожила, хотя княгиня при этом приобрела немало врагов.

Императрица еще раз проявила уверенность в способностях Дашковой, когда назначила княгиню еще и президентом Российской академии, основанной в 1783 г. Русский язык все еще страдал от отсутствия грамматических правил и точного определения значений слов. Поэтому первой задачей новой академии было составление словаря и грамматики русского языка. Дашкова распределила написание словарных статей среди самых выдающихся литераторов своего времени, и в 1789—1794 гг. вышли в свет первые шесть томов Академического словаря. Словарь много критиковали, потому что Дашкова избрала не алфавитный, а этимологический принцип построения материала, и тем не менее он занимает почетное место в филологии как первая попытка систематизировать понятия на русском языке.

В 1783—1784 гг. Дашкова (вместе с О. П. Козодавлевым, впоследствии — ведущим деятелем Комиссии по народным училищам) издавала печатный орган Российской академии — журнал под названием «Собеседник любителей русского слова». Екатерина вела в журнале постоянную рубрику «Факты и фантазии». Но кроме этого государыня на страницах журнала печатала свои объемистые произведения о том, что стало предметом ее главного интереса — о российской истории.

История всегда привлекала Екатерину, полагавшую, что Россия нуждается в достойной, написанной по всем правилам истории как в одном из факторов, необходимых для того, чтобы в Европе ее признавали как равную. В 1766 г. императрица назначила Г. Ф. Миллера директором архива Коллегии иностранных дел, а позже определила князя М. М. Щербатова, хотя и не питала к нему личной симпатии, официальным российским историографом, разрешив ему

---

[7] «Ей некогда заниматься интригами, у нее забот полон рот, так что она будет вести себя прилично» (Екатерина II — Гримму, 29 апреля 1783 г. // СбРИО. Т. XXIII. С. 277). Указ о назначении Дашковой датирован 24 января 1783 г.

свободный доступ к государственным архивам. После смерти Щербатова в 1790 г. она купила у его наследников обширное собрание рукописей[8]. Екатерина помогла и Н. И. Новикову, открыв ему доступ в государственные книжные и рукописные собрания, откуда он извлекал документы для публикации в «Древней российской вивлиофике».

Собственные же «Заметки по русской истории» императрицы Екатерины, первая часть которых вышла в свет в «Собеседнике», были назидательны по тону и должны были опровергнуть предвзятые писания иностранных историков и возвысить русских князей как строителей государства[9]. Ее подход к делу был любительским, но императрица честно старалась собирать и использовать материалы источников, отделять мифы от фактов, оценивать достоверность различных свидетельств, обсуждать теории развития Древней Руси, приводить информацию. Кроме того, она решительно отнесла Россию к европейскому миру и даже приложила для каждого исторического периода синхронную таблицу западноевропейских правителей и пап наряду с вселенскими патриархами.

Интерес императрицы к истории отразился в ее поздних пьесах, в которых она, кстати, выступила драматургом-новатором, нарушив традиционные драматические единства и открыто следуя за Шекспиром. Ее драма «Историческое представление из жизни Рюрика. (Подражание Шакеспиру)» была опубликована в 1788 г., хотя на сцене поставлена так и не была. Она взяла за основу мифический сюжет из генеалогии Рюрика (слишком мифический, чтобы попасть на страницы ее «Заметок по русской истории»)[10]. В этой сказке у Рюрика был двоюродный брат Вадим — славянский князь, который поднял Новгород на борьбу против наступающих на него викингов

---

[8] О М. М. Щербатове см.: *Мякотин В. А.* Из истории русского общества. Этюды и очерки. СПб., 1902. Я не смогла использовать неизданную диссертацию Дж. Афферика (Колумбийский университет). См. также: *Afferica J.* The formation of the Hermitage Collection // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24 [см.: *Афферика Д.* К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. XXXV: Рукописное наследие Древней Руси. С. 376—393].

[9] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. VIII. С. 5. Большинство исторических трудов Екатерины не было издано при ее жизни и увидело свет лишь в публикации А. Н. Пыпина.

[10] Так она писала Гримму. См.: СбРИО. Т. XXIII. С. 638—639, 25 мая 1795 г.

во главе с Рюриком, призванных навести порядок на Руси. Рюрик (т.е. сама Екатерина) шлет армию подавить этот бунт, Вадим прощен и, склонившись перед великодушием Рюрика, становится первым из его верных подданных[11]. В 1787 г. за «Рюриком» последовали еще два либретто на исторические сюжеты, положенные на музыку придворными композиторами, и — вполне естественно для политических предпочтений государыни — незаконченная драма о русском князе Олеге, возглавившем удачный поход на Византию в начале X в. В 1789 г., в разгар войны со Швецией, Екатерина бросилась в настоящий водоворот литературной и исторической работы — отчасти чтобы заглушить тревогу, а отчасти оттого, что, как сказала она сама, «теперь за законы не могу приняться, но думаю, что могу взяться за историю»[12]. Она утешалась, сочиняя либретто комической оперы «Горе-богатырь Косометович» на музыку Мартин-и-Солера, в которой шведский король Густав III высмеивался нудно и безвкусно[13]. Впрочем, императрица была довольна успехом своего произведения при малом собрании в Эрмитажном театре в декабре 1788 г., и ее едва отговорили разрешить публичные постановки оперы в Петербурге до тех пор, пока свое мнение не выскажет Потемкин. Увидев оперу по возвращении в столицу, князь воспротивился публичным показам, так что «Горе-богатыря» в конце концов представляли только в Москве, где было меньше риска задеть чувствительность шведов[14]. В 1791 г. Екатерина откопала свою пьесу про князя Олега, Сарти положил ее на музыку, и опера с балетными номерами, с пышными костюмами была представлена публике. Средствами балета была выражена мораль: Екатерина изображалась преемницей Олега в походе на Константинополь[15].

Как ни любила Екатерина писать, ее собственное место как автора в русской литературе лишь второстепенно. Но постоянное по-

---

[11] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. II. С. 219—251.

[12] *Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб, 1874. С. 318, 1 декабря 1789 г.

[13] *Segur L. Ph. comte de.* Memoires ou souvenirs et anecdotes. Paris, 1827. Vol. III. P. 324. Сегюр нашел этот спектакль жалким зрелищем, а великому князю Павлу он понравился (*Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 248, 1 января 1789 г.)

[14] Там же. С. 243, 25 января 1789 г.; с. 249, 5 и 6 февраля 1789 г.

[15] *Baehr S.A.* Op. cit. В эти же годы Екатерина написала удачную комическую оперу «Февей», основанную на сказке, сочиненной ею для внуков. Последней ее работой такого рода была опера «Федул с детьми» — комедия из крестьянской жизни, составленная ее секретарем в основном из крестьянских песен на сюжет, придуманный государыней.

кровительство и живой интерес к драматургии со стороны государыни, несомненно, поощряли развитие в 80—90 гг. русской драмы и комедии. Первой пьесой и по времени создания, и по художественным достоинствам стал «Недоросль» Д. И. Фонвизина. Его поставили, благодаря высочайшему покровительству, в сентябре 1782 г. в Санкт-Петербурге[16], а в 1783 г. и в Москве. В обеих столицах «Недоросль» получил невероятный успех. В пьесе затрагивались две главные темы: неспособность родителей толком воспитывать детей (воплощенная в образе неотесанного и испорченного Митрофана) и грубая бесчеловечность диких помещиков-крепостников в отношениях с подвластными им крестьянами. Эту тему иллюстрирует образ помещицы Простаковой, которая высказывается в классической фразе: «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» Сам Фонвизин, враждебно настроенный к Екатерине и особенно к Потемкину, все-таки имел достаточно веры в реформаторские возможности абсолютного монарха, чтобы закончить пьесу официальной конфискацией имений Простаковой за жестокое обращение с крестьянами, согласно закону, введенному Петром I и возобновленному Екатериной II в 1775 г. в «Учреждениях для управления губерний»[17].

После появления Устава благочиния 1782 г. цензура печатной продукции перешла в руки полицейского начальства. Но в отношении театральных постановок местные губернаторы могли исходить из собственных произвольных суждений, что они и делали. Так, в 1785 г. московский генерал-губернатор Я. Брюс отменил постановку пьесы «Сорена и Замир» слепого драматурга Н. М. Николева. В этой драме пара влюбленных отдана на милость русского князя-тирана. В многочисленных репликах героев против тирании советские критики прочли законченную политическую программу (хотя подобные тирады можно найти и у Корнеля, и у Расина), в которой русский деспотизм противопоставлен вольной политической организации кочевников-половцев. Екатерина посмотрела на дело по-другому. Когда Брюс обратил ее внимание на самые дерзкие реп-

---

[16] *Сементковский Р. И.* Наш первый скептик // Исторический вестник. 1895. № 7. С. 112—133; *Пигарев К. И.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 209.

[17] В период 1782—1799 гг. пьеса двадцать раз представлялась в Петербурге и в гатчинском придворном театре для Павла Петровича, и двадцать шесть раз в Москве. См.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960. С. 224. А. Р. Воронцов ставил ее у себя в крепостном театре.

лики, она не увидела в них намека на себя и ответила, что автор протестует против произвола тиранов, а ее все называют матерью народа[18]. Именно в это время в России вышли в свет переводы почти всех трагедий Вольтера, причем многие из них («Смерть Цезаря», «Брут» и др.) издал Н. И. Новиков. В трагедиях Вольтера из древнеримской истории встречались длинные тирады с осуждением тирании и прославлением свободы, но они беспрепятственно миновали цензуру[19]. В сущности, театр во времена Екатерины — и классическая трагедия, и мещанская комедия, и сатира, и комическая опера — пользовался значительной свободой, лишь бы театральные постановки отвечали требованиям Устава благочиния и Правил для театров[20].

15 января 1783 г. вышел указ, оставивший глубокий след в культурной жизни России и изменивший ее картину. Это было разрешение открывать книгопечатни всем желающим, для чего требовалось уведомить об этом полицию и в дальнейшем представлять рукописи на утверждение местному полицейскому начальству. Появлением этого указа ознаменовалось наступление эры интеллектуальной жизни в России. До сих пор власть вела российских интеллектуалов за руку, учила их, снабжала переводами, нанимала на службу, печатала их произведения в государственных типографиях. Отныне же правительство признало, что интеллектуальная и литературная жизнь набрала собственный разбег, прочно встала на ноги и способна сама о себе позаботиться. Интеллигенция превратилась в независимую, творческую влиятельную силу. Типографии росли как грибы по всей России — в дворянских имениях, в городских домах купцов и иностранцев[21].

В результате этого указа периодическая печать получила новый импульс к жизни. Даже в далеком Тобольске в 1789 г. появился журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Но среди тех, чьи усилия не увенчались успехом, оказался Фонвизин. Он ушел с государ-

---

[18] Цит. по: *Paptehl K.A.* Freedom of Expression in Eighteenth-Century Russia. The Hague, 1971. P. 106, примеч. 64.

[19] См.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978. С. 44.

[20] ПСЗ. Т. XXI. № 15783, 12 июля 1783 г.

[21] Там же. № 15634. С января 1783 г. по сентябрь 1796 г. в Петербурге открылось 13 типографий, столько же в Москве и 11 в провинции, в том числе одна в Тобольске (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. М., 1967. Т. V. С. 278 и далее).

ственной службы, когда Никиту Панина отстранили от должности летом 1781 г., и провел 1784—1785 гг. в заграничном путешествии. Он задумал издавать журнал «Стародум, или Друг честных людей», но петербургский полицмейстер запретил издание примерно в 1788 г. Из материалов, которые Фонвизин успел подготовить, явствует, что они посвящались «сатире на лицо», а ее императрица запретила еще в 60-е гг. Может быть, поэтому она и отказала Фонвизину в разрешении издавать новый журнал[22].

Но в 80—90-х гг. выходило множество разнообразных журналов. Некоторые предназначались только для развлечения, другие ставили перед собой более серьезные цели. Многие издания оказались недолговечными, но сам журнальный жанр был теперь вполне независим от правительственной опеки и государственных типографий. Среди самых замечательных журналов была «Почта духов» — ежемесячное издание двадцатилетнего И. А. Крылова, выходившее в 1789 г. Крылов, человек скромного происхождения, уже успел снискать известность. В девятнадцать лет он написал комическую оперу, в которой жестоко высмеял драматурга Княжнина и его жену-поэтессу. Он нажил много врагов, и дорога в театр для Крылова была закрыта. Связь «Почты духов» с журналами 60—70-х гг. (в частности, с «Адской почтой» Ф. Эмина) очевидна. Журнал погрузился в такую же, как его предшественники, острую полемику с современными литераторами (в данном случае с Княжниным). В нем звучала едкая сатира, которая влагалась в уста нимф и чертей, нацеленная и на лица, и на пороки. Он бил по классическим мишеням русской сатиры, в первую очередь — по ужасам крепостничества. Прошло двадцать лет с тех пор, как почти такой же молодой Новиков начал издавать «Трутень», и вот теперь уже Крылов печатал подобную сатиру на правящие круги и законы, причем даже более радикальную и откровенную. Крыловский журнал не продержался обещанные двенадцать выпусков и прекратил выходить в августе 1789 г. Обычно без всяких доказательств утверждается, что

---

[22] Этот эпизод остается неясным. Может быть, Фонвизин начал издание журнала без официального разрешения, но не существует никакой опубликованной информации о причинах его запрета (если его вообще запретили). Единственным источником сведений об этом служит письмо Фонвизина П. И. Панину от 4 апреля 1788 г., из которого не ясно, когда именно, в период с 1783 по 1788 г., ему было отказано в разрешении, и советовались ли при этом с Екатериной. Письмо Фонвизина см.: *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений. М; Л., 1959. Т. II. С. 356.

журнал закрыла Екатерина. Через два года, в феврале 1792 г., Крылов начал издавать в собственной типографии в Петербурге журнал «Зритель», в котором печатал свои сочинения и материалы других авторов — литературные произведения, критику, сатиру. Скандал, связанный с арестом Новикова в 1792 г., привел к официальному обыску крыловской типографии, но Крылов продолжал печатать свои острые произведения в «Зрителе», пока и этот журнал в конце года не закрыли[23]. Ему на смену пришел «Санкт-Петербургский Меркурий», но он едва ли мог называться сатирическим, а сочинений Крылова в нем печаталось все меньше и меньше. Выпуск журнала продолжался всего год, после чего имя Крылова на время исчезло со страниц русской литературы. Он предстал на них вновь уже в XIX в. знаменитым баснописцем.

В этом кратком обзоре периодической печати 80—90-х гг. необходимо упомянуть еще одно имя — Н. М. Карамзина. Он родился в 1766 г., учился в Москве, где тяготел к масонскому кругу, редактировал журнал «Детское чтение» (или «Чтения для просвещения детского сердца и разума»), издаваемый Новиковым. Это было первое серийное издание, специально предназначенное для детей и следовавшее в русле модных социально-политических течений. Разойдясь в 1789 г. со своими друзьями-масонами, Карамзин в мае отправился в путешествие по Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Судя по тому, что он писал — правда, несколько лет спустя, — он не был поклонником революционной Франции, да и Англия не слишком его восхитила. Вернувшись в Россию, Карамзин основал в 1791 г. «Московский журнал», в котором печатал свою прозу и стихи, сочинения других авторов, книжные обзоры, литературную критику, переводы с иностранных языков. «Московский журнал» пользовался умеренным успехом и имел всего лишь 300 подписчиков, так что Карамзину пришлось через год его закрыть. Тем не менее он послужил образцом для прославленных литературных журналов XIX столетия. На его страницах Карамзин издал свои «Письма русского путешественника» с описанием заграничной поездки и знаменитую повесть «Бедная Лиза» — самое известное произведение русского сентиментализма, написанное приятным и изящным слогом.

Одним из первых и лучших авторов «Собеседника» Дашковой (а позднее и «Московского журнала» Карамзина) был крупнейший

[23] Об аресте Новикова см. гл. 33.

русский лирический поэт XVIII в. Г. Р. Державин. Сын бедного дворянина, армейского офицера и хозяина нескольких крепостных душ, Державин прошел тяжелый путь наверх. Десять лет он прослужил рядовым солдатом Преображенского гвардейского полка. Став сержантом гвардии (что равнялось офицерскому чину в армии), он деятельно участвовал в подавлении Пугачевского бунта, хотя больших успехов не достиг и проявил сварливость[24]. Потратив немало времени в приемных у фаворитов, Державин наконец в 1774—1775 гг. получил в награду за службу имение (правда, в нищей Белоруссии!). В связи с тем, что Державин умудрился поссориться и с генералом П. И. Паниным, и с генералом П. С. Потемкиным, его заставили перейти на гражданскую службу и в 1783 г. назначили губернатором в Олонец. Но там у него случились неприятности, среди прочего из-за того, что он не донес о случае оскорбления величества: некий юнец по легкомыслию усадил медведя в губернаторское кресло — символ императорского трона, который занимал губернатор как представитель высшей власти. В итоге Державина перевели в Тамбов, но и там у него начались неприятности. В 1792 г. он получил место секретаря императрицы у приема прошений, но вскоре она сочла, что будет лучше, если Державин ограничится занятиями поэзией[25].

Внимание Екатерины к Державину привлекла его веселая и остроумная ода «Фелица», опубликованная в «Собеседнике» в 1783 г. «Фелица» была представлена публике как перевод арабских стихов, адресованных мудрой царевне киргиз-кайсацкой орды, направившей царевича Хлора по пути, ведущему к мудрости, — намек на сказку о поисках розы без шипов, написанную императрицей для внука Александра. Державин сумел найти верный тон между лестью и сатирой, так что стихи, указывавшие на Потемкина и на других фаворитов, не задели государыню. Ода моментально прославилась, Екатерина была в восторге, Потемкин доволен, а Державин навек обеспечил за собой место в русской литературе.

Близкое знакомство с двором и с самой Екатериной внушило Державину более скептическое отношение к правителям и вельможам, но он продолжал писать оды на важные события, такие как взятие Измаила. Величайшая его ода «Водопад» написана на смерть

---

[24] См.: *Alexander J. T.* The Politics of Autocracy in a National Crisis: The Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773—1775. Bloomington, 1969. P. 179.

[25] *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 301, 1 августа 1789 г.

князя Потемкина. Это аллегория человеческой судьбы, подобной реке, которая стремится вниз по долине и низвергается в пропасть.

Державин был настоящим поэтом, а не политиком и не чиновником. Не выходя за рамки традиций классицизма, он владел слогом высокопарным и нежным, язвительным и остроумным, пасторальным, любовным, патриотическим. Он всегда помнил о прирожденном человеческом достоинстве, о радостях человеческой жизни, и хотя не выступал против российской политической и социальной системы, страстно возмущался продажностью и раболепием придворного мира. В стихотворном переложении 81-го псалма «К правителям и судьям» он ополчился на несправедливых и призывал Господа восстать на злых правителей. Это стихотворение, написанное в 1780 г., было напечатано в 1787 г. Но в 1795 г. оно навлекло на Державина обвинение в сочувствии якобинцам, главным образом потому, что к тому времени этот псалом вошел в моду у самих якобинцев в Париже[26]. Другие поэты были осторожнее, например В. В. Капнист, который написал, но не напечатал свою «Оду на рабство»[27]. В 1793—1794 гг. он закончил свою известнейшую пьесу «Ябеда» — сатиру на бюрократов, но и ее не печатали и не ставили на сцене до 1799 г.

Если при деятельной поддержке со стороны императрицы российская интеллектуальная жизнь становилась все богаче и разнообразнее, то одновременно (особенно после указа о разрешении открывать частные типографии) она приобретала и все большую независимость от власти, в адрес которой, по мере того как на передний план выходило новое поколение молодых авторов, уже начинала раздаваться критика. Эта растущая самостоятельность была, с одной стороны, следствием развития общества, все более многообразного, зрелого и разностороннего, членам которого — по крайней мере, высшему сословию — наконец-то стал доступен досуг, необходимый для занятий искусствами и словесностью. С другой стороны, это новое движение явилось откликом образованных россиян на иностранные интеллектуальные течения и на политические события за рубежом, на массовую публикацию переводных сочинений и на американскую и французскую революции.

---

[26] См. *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1864. Т. I. С. 57—58 и примеч. 1 к с. 58.

[27] В советской историографии принято утверждать, что ода Капниста касается «закрепощения» Украины в 1783 г. Но более вероятно, что она посвящалась введению «Учреждений» 1775 г. и уничтожению украинских «политических свобод».

Французская революция в конце концов убедила Екатерину II в том, что многие рассуждения философов, которыми она в свое время так восхищалась, опасны для абсолютной монархии. По словам Сегюра, падение Бастилии, ошеломившее русский двор, с восторгом встретили простые жители Петербурга. «Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы — все поздравляли друг друга на улицах, обнимались, как будто освободились от невыносимых цепей»[28]. Вряд ли весь смысл падения Бастилии был понятен любому русскому человеку с улицы, но открытие ворот тюрьмы — любой тюрьмы в любые времена — наверно, могло вызвать общий энтузиазм.

В первые два года Французской революции довольно много информации о событиях во Франции свободно распространяла российская периодическая печать, в частности Санкт-Петербургские и Московские «Ведомости», у которых тираж возрос соответственно до 2 и 4 тыс. экземпляров. В «Санкт-Петербургских ведомостях» был напечатан полный текст «Декларации прав человека». Здесь сообщалось о выступлениях депутатов Национального собрания, о его декретах. Совершенно свободно продавалась масса революционной литературы всякого рода и достоинства[29]. Спрос на труды классиков Просвещения вырос невероятно, а заметно расширившаяся сеть издательств и книжных магазинов облегчала их распространение. Начальник Сухопутного кадетского корпуса устроил в библиотеке специальную выставку революционной литературы, вызывавшей горячие споры среди воспитанников. Лозунги Французской революции находили отклик в российском мещанстве и купечестве, а иногда даже среди грамотных, а то и неграмотных крестьян[30]. Двое молодых Голицыных участвовали в штурме Бастилии. Юный Стро-

---

[28] *Segur L.Ph. de.* Op. cit. Vol. III. P. 434.

[29] Как установил К. Е. Джеджула, в России можно было купить многие памфлеты и брошюры, декреты Национального собрания Франции, карикатуры и такие периодические издания, как «Père Duchene», «L'Ami du Peuple», «Le vieux Cordelier», «La revolution de Paris» и др. (*Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 396).

[30] Однако я не могу согласиться с утверждением К. Е. Джеджулы о том, что на Россию Французская революция повлияла так же, как на страны, непосредственно соседствующие с Францией. Совершенно невозможно доказать прямую связь между каким-либо из крестьянских выступлений 90-х гг. в России и событиями во Франции. См.: *Джеджула К. Е.* Указ соч. С. 146 и далее, с. 155 и далее.

ганов вместе со своим наставником Жильбером Роммом посещал в Париже собрания якобинского клуба[31]. Революционные песни вроде «Ca ira» исполнялись в присутствии императрицы.

До того как Людовика XVI схватили в Варенне в июне 1791 г., Екатерина все еще могла рассматривать его как человека, обладающего свободой воли. Но когда его вернули в Париж, а в особенности после сентябрьского кровопролития 1792 г., перехода власти в руки якобинцев и провозглашения республики, было уже невозможно питать иллюзии относительно революционного характера установившегося во Франции режима и не замечать той легкости, с которой революционные идеи пересекали границы. Если еще сохранившиеся сторонники «аристократического конституционализма» 60-х гг., такие как [А. Р.] Воронцов и остатки приверженцев Панина, могли воображать себя законодателями в рамках конституционной монархии, то крайности якобинства их возмущали, и они переходили на все более консервативные позиции. Так, Фонвизин принялся защищать крепостное право, а П. С. Потемкин ополчился на Руссо, большинство трудов которого сам же перевел на русский язык. Более благодарную почву для революционных идей представляли собой молодые интеллектуалы из среды гвардейских офицеров, образованного дворянства, растущего класса разночинной интеллигенции — духовенство, судейские, врачи, предприниматели, чиновники, управляющие и т.п. Царствование Екатерины давало им мало простора для политического энтузиазма, и волнующие события, разыгравшиеся во Франции, воспламенили немало сердец начиная с самого великого князя Александра.

Перед лицом этой новой угрозы, отвратить которую не умело ни одно из правительств старого режима, Екатерина оказалась в то время, когда ее уже покидала жизнеспособность и гибкость молодых лет, когда ее окружали уже не столь выдающиеся умы, как в годы былых триумфов. Теперь в написанных на бумаге словах ей виделись опасности, которых раньше она не замечала, а потому императрица поспешила ограничить свободу слова, хотя поощряла ее все свое царствование. Среди первых пострадавших оказался А. Н. Радищев.

Александр Радищев родился в 1749 г., старшим из одиннадцати детей богатого помещика — владельца свыше 3 тыс. душ. В возрас-

---

[31] О Ромме см.: *Galante Garrone A.* Gilbert Romme. Storia di un Revoluzionario. Torino, 1959; о Кадетском корпусе см.: *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 255.

те семнадцати лет он был избран, в числе пятерых юношей, ехать учиться в Лейпциг пенсионером казны. Хотя приставленный к ним руководителем генерал-майор Бокум был для этого совершенно непригоден — груб, развращен и скверно обращался со студентами, — молодые люди все же получили прекрасное образование и возможность слушать лекции самых знаменитых немецких мыслителей того времени. При этом все они читали по-французски и пожирали последние парижские новинки.

В 1771 г. Радищев вернулся в Россию, где служил сначала в Сенате, затем обер-аудитором (военным прокурором) в дивизии генерала Я. Брюса, командовавшего военным округом Русской Финляндии. В этот период Новиков заказал Радищеву перевод «Размышлений о греческой истории» Мабли с его идеализацией республиканской Спарты. В сравнительно свободной атмосфере 70-х гг. собственные пояснения Радищева к достаточно вольному переводу не вызвали ни малейшего недовольства, даже его мысль о том, что «неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками»[32].

В 1775 г. Радищев женился и оставил службу. Но два года спустя, не сумев свести концы с концами на доходы от 300 душ, он вернулся в столицу и получил место в Коммерц-коллегии, где подружился с Александром Воронцовым. Тот оставался его покровителем и впоследствии, когда для Радищева настали мрачные дни. В 1790 г. он стал директором Петербургской таможни с чином шестого класса по Табели о рангах.

В 1789 г. Радищев, и раньше время от времени писавший в журналы, анонимно издал жизнеописание своего друга, с которым вместе учился в Лейпциге, — Ф. Ушакова, умершего там от сифилиса. Это и дань дружбы, и интеллектуальная биография молодого человека, который погиб из-за потворства своим желаниям, так и не успев послужить России своими дарованиями. Она не вызвала ничьего недовольства, невзирая на многочисленные тирады против деспотизма, войн, безнравственности придворной жизни и т.п. Судя по всему, ободренный приемом «Жизни Ушакова», Радищев взялся печатать (на собственном печатном станке) и распространять через книготорговцев свой главный труд, «Путешествие из Петербурга в Москву». Он вышел в 1790 г., в тот критический для России,

---

[32] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. II. С. 282.

воевавшей со шведами, момент, когда австрийцы к тому же собрались выйти из войны с Турцией.

Книга Радищева, по форме — подражание «Сентиментальному путешествию» Стерна, представляет собой написанное языком сентиментализма страстное осуждение зол, причиняемых человеку человеком, в том числе и крепостного права. Она дышит столь же страстной верой в способность человека найти в себе те качества — правдивость, справедливость, — которые помогут преобразить жизнь. В эпизодах, происходящих по пути на каждой станции, он рассказывает о бесчеловечности рекрутчины, о мучительном труде крепостных, о беззащитности крепостных девушек перед сластолюбцами-помещиками, о неправедных приговорах продажных судей, о страданиях честных людей. Автор прибегает к приему случайной находки «связки бумаг», чтобы изложить свой план освобождения крестьян, предпослав ему сокрушительный приговор рабству вообще и русскому крепостничеству в частности. Он предупреждает: «Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности». Ведь рабы, доведенные гнетом до отчаяния, живущие без малейшего проблеска надежды на будущее, лишь ждут случая, чтобы взбунтоваться. Тогда вырвется на свободу «пагуба зверства... Мы узрим окрест нас меч и светочу. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие». Радищев открыто напоминает об ужасах Пугачевского восстания, когда крестьяне «не щадили ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз». Опасность растет, предупреждает Радищев, и крепостные пойдут за первым же демагогом — «льстецом или любителем человечества»... Понимая, что «высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно», Радищев предлагал постепенно освобождать крестьян. Всякое домашнее рабство холопов необходимо отменить сразу же, но крестьянам нужно сначала отдать в полную собственность их личные наделы, а затем разрешить выкупаться на волю за определенную сумму. Другой мишенью Радищева были чины, получаемые за придворную службу, а также цензура, даже в отношении «сочинений любострастных»: «не они разврату корень... ценсура да останется на торговых девок, до произведений же, развратного хотя разума, ей дела нет», ведь еще ни от одной книги никто не заразился дурной болезнью.

Свою книгу Радищев представил без подписи начальнику полиции Санкт-Петербурга, отвечавшему за цензуру, и тот, бегло про-

глядев ее, принял за описание путешествия в духе Стерна, одобрил и отослал обратно в таможенную контору, откуда она поступила. Радищев не упустил случая добавить еще несколько пассажей, в том числе упоминание о Французской революции, а уж потом напечатал книгу и пустил в продажу.

Императрица прочла «Путешествие из Петербурга в Москву» в июне 1790 г., когда она уже начала негласно устанавливать карантин против проникновения французской заразы. Еще в апреле она велела остерегаться махинаций клуба, устроенного в Париже для организации пропаганды за границей. Полиции было велено незаметно следить, не начал ли он действовать в России, и запрещать все тайные «сходбища», собрания масонских лож и тому подобные «потаенные и нелепые сборища»[33]. Мнение Екатерины о книге Радищева можно проследить по дневникам ее секретаря и прежде всего по собственноручным припискам на ее экземпляре книги[34].

Императрица опровергала и критику Радищева в адрес помещиков, и его взволнованные рассказы о страшной доле крепостных. Подобно большинству россиян, в том числе, например, Фонвизину, государыня искренне полагала, что русские крестьяне при хороших хозяевах живут лучше, чем где бы то ни было в мире[35]. Она лишь отметила мысли Радищева по поводу освобождения крестьян, но разгневалась на его предупреждения об их неотвратимой мести. Радищев показался ей бунтовщиком хуже Пугачева (которого тот, кстати, осудил), подстрекателем крестьян к кровавому бунту. Не только крестьян, но и народ в целом он призывает пренебречь властью правителей, царей, императоров, вельмож и чиновников, решила Екатерина. К тому же Радищев сравнивал себя с таким вольнодумцем, как Франклин. Тут императрица усмотрела «французскую заразу», которая еще явственнее просматривалась в нескольких стихах оды «Вольность», включенных в текст «Путешествия».

---

[33] Эти слова приведены у М. М. Штранге, но без всякого указания, что это за документ, и без точной даты (*Штранге М. М.* Русское общество и французская революция. М., 1956. С. 78).

[34] *Храповицкий В. А.* Указ. соч. С. 338, 24 июня 1790 г.; с. 339, 1 июля 1790 г.; с. 340, 7 июля 1790 г.

[35] Фонвизин — П. И. Панину в Париж, 20/31 марта 1778 г. // *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. Т. II. С. 466; см. также «Путешествие» Радищева в переводе Л. Винера, где замечания Екатерины II удобно соотнесены с номерами страниц английского текста (*Radishchev A.N.* Journey from St. Petersburg to Moscow. Cambridge (Mass.), 1958).

Стихотворение это Радищев написал в 1781—1783 гг., упомянув в нем об американской революции и включив длинные тирады против деспотизма попов и царей. Радищев призывает духи Брута и Вильгельма Телля и восхваляет Кромвеля, который возвел короля на плаху. Но Кромвель вызывает и осуждение поэта, так как отнял власть у Карла I и уничтожил свободу Англии. Возле известной аллегорической сцены сна (в которой слепой правитель изображен сидящим в славе в окружении лицемерных царедворцев, как вдруг паломница-Правда возвращает ему зрение, и он видит ужасную действительность, нищету и разврат, ужасы войны, полководца, погрязшего в роскоши и удовольствиях) Екатерина лишь приписала: «Автор злонамерен». Так что рассердило государыню не это безудержное посрамление ее власти и Потемкина, а попытка внедрить в России французские революционные идеи о насильственном свержении существующей власти и социального строя[36].

Екатерине не понадобилось много времени, чтобы узнать имя автора, и вскоре Радищева арестовали и препроводили в Петропавловскую крепость. Тут его долго допрашивал С. И. Шешковский, глава Тайной экспедиции Сената, опираясь во многом на пометы Екатерины к «Путешествию». Судя по всем имеющимся данным, Радищева не подвергали никакому физическому воздействию, не говоря уже о пытках, хотя заключение в мрачной крепости само по себе было достаточно устрашающим опытом.

Ответы и признания Радищева наводят на мысль о том, что арест пробудил его к действительности из мира грез: он наконец понял, как неразумно было высказывать столь откровенно свои мысли, особенно в накаленной атмосфере 90-х гг.[37]. Поэтому он показал на следствии, что главной целью его было добиться литературного при-

---

[36] См. ее замечания к краткому памфлету Радищева «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», написанному в 1782 г. и изданному в начале 1790 г. Императрица прочла памфлет после «Путешествия»: «...видно из подчерченных мест, что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем... до протчих добраться нужно, изо Франции еще пришлют вскоро паричко» (*Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 164).

[37] Екатерина усмотрела в сочинениях Радищева влияние Рейналя, которое он и сам признал. Но исследователи Радищева отрицали сколько-нибудь серьезное постороннее влияние на автора «Путешествия». См.: *Lang D.* The First Russian Radical. London, 1959. P. 247, 132, 297, 115; *MacConnell A.* A Russian Philosophe. Alexander Radishchev, 1749—1802. The Hague, 1964. P. 69—70; p 69, примеч. 1, 2.

знания, что он совершенно не хотел посягать на существующую в России форму правления и, в частности, не осуждал «Учреждения...» 1775 г., а только хотел указать на некоторые конкретные недостатки, о которых говорит общественное мнение; он не собирался поднимать крестьян против помещиков, а лишь пытался заставить плохих помещиков устыдиться своей жестокости. Радищев сознался, что мечтал об освобождении крестьян, но лишь при помощи нового закона, наподобие тех, что уже приняты императрицей, — о запрете продавать крепостных и приписывать государственных крестьян к промышленным предприятиям, о правилах обращения с посессионными крестьянами и о запрете без суда подвергать солдат телесным наказаниям.

Таким образом, не повторяя сути того, что он написал, Радищев, осознавший, какие последствия это могло иметь для его семьи, всячески старался смягчить их. Он признал, что книга написана в преувеличенных и оскорбительных выражениях и содержит дикие обвинения в адрес властей. Он уповал на милость Екатерины, но, несмотря на его призывы к ней, предстал перед Петербургским уголовным судом по обвинению в подстрекательстве к мятежу и в оскорблении величества. 24 июля 1790 г. писателя приговорили к смерти. Приговор подлежал утверждению Сената и государыни. Сенат, как и следовало ожидать, 8 августа утвердил приговор, и до 4 сентября Радищев мучился неведением о своей участи, пока не услыхал, что императрица смягчила приговор по случаю заключения мира со Швецией. Радищева ожидало лишение дворянства и десятилетняя ссылка в Илимск, дальний сибирский острог[38]. Почти сразу же его грубо поволокли в ссылку в цепях, но благодаря А. Р. Воронцову судьба Радищева была значительно облегчена. Воронцов рассказал императрице, что осужденного забили в железа, и она велела немедленно снять кандалы. Кроме того, граф Воронцов дал Радищеву 500 руб. на теплую одежду и дорожные припасы[39]. Несколько раз ссыльному в пути разрешали делать длительные остановки (так что до Илимска Радищев доехал только через год и четыре месяца). Наконец, Воронцов все годы ссылки выплачивал ему ежегодное содержание сначала в 500 руб., затем 800, а потом и 1000.

---

[38] *Бабкин Д. С.* Указ. соч. С. 282.

[39] А. Р. Воронцов — тверскому губернатору. 12 сентября 1790 г. // Там же. С. 282, 320.

Со временем к Радищеву в Сибирь приехали младшие дети и сестра его покойной жены. У них с Радищевым родилось в Сибири еще трое детей, но жениться на ней он не мог из-за того, что та приходилась ему свояченицей. Ссыльный построил себе новый удобный деревянный дом, где и поселился со всем семейством, слугами и книгами, которыми его снабжал Воронцов. Климат в Илимске был ужасный, а среди трех сотен его жителей не нашлось людей, способных составить Радищеву компанию, так что он посвящал свое время изучению естественных наук и окрестного туземного населения. По стандартам XX в. его доля была не так уж жестока. Радищев провел в ссылке всего пять лет, а в 1796 г., по воцарении Павла I, получил разрешение вернуться к себе в имение. При жизни Екатерины он больше ничего не публиковал, но «Путешествие из Петербурга в Москву» и суровый приговор сразу принесли ему славу, до сих пор не померкшую в истории российской культуры. Все нераспроданные экземпляры книги были уничтожены (до нашего времени дошло лишь восемнадцать), но новость о ней распространилась, как лесной пожар. Она моментально стала ценностью на черном рынке. Книга Радищева в списках ходила по стране, ее повсюду, хотя и тайно, читали в просвещенных кругах столицы и провинции. Это был настоящий самиздат XVIII в.

Екатерина все болезненнее воспринимала описание политических конфликтов в литературе и в драме, что проявилось в 1791 г. с постановкой на сцене пьесы Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Княжнин, автор пользовавшейся большим успехом комической оперы «Несчастье от кареты», написал эту драму в 1789 г., переработав ту же тему, к которой сама Екатерина обращалась в драме «Рюрик». Но если в обеих драмах Рюрик предстает просвещенным «иноземцем», абсолютным монархом, народным избранником, то Вадим у Княжнина выступает поборником вольных республиканских институтов, в то время как Екатерина изображает его самовлюбленным честолюбцем, легкомысленно посягающим на законную власть. В 1785 г. речи героя Княжнина прошли бы незамеченными, но в напряженной интеллектуальной атмосфере, царившей в Европе после Французской революции, вызов, брошенный Вадимом Рюрику, олицетворявшему принцип монархии, не мог не привлечь внимания властей. Княжнин сам снял пьесу с постановки перед своей смертью в 1791 г. Но в 1793 г. «Вадим Новгородский», пройдя цензуру самого О. П. Козодавлева, члена Комиссии по народным училищам, был опубликован княгиней Дашковой — и отдельной

книгой, и в одном из томов «Российского феатра» (антологии русской драматургии).

Екатерина сурово отчитала Дашкову за издание («...вы распространяете высказывания, опасные для меня и моей власти») и велела Сенату выявить и уничтожить все попавшие в частные руки или лежащие в магазинах экземпляры сочинения[40]. Но изъять все экземпляры «Вадима» не удалось, и его продолжали читать в широких кругах общества. Нарядили тайное следствие для изучения неизданных сочинений Княжнина, и выяснилось, что, хотя автор далеко не был революционером, он, подобно Радищеву, верил, что в России нужно проводить реформы, чтобы предупредить слишком резкий разрыв с прошлым[41].

По мере того как ужасы Французской революции становились все страшнее для монархов, после суда и казни короля и королевы, после массовых казней на гильотине, политический климат в России становился все жестче. В 1793 г. Екатерина приказала провинциальным губернаторам конфисковать в типографиях и книжных лавках книги, «клонящиеся к развращению или относящиеся к правлению, а паче к французской революции или о кончине покойного короля французского»[42].

В 90-е гг. произошел еще ряд арестов и политических процессов — не столь громких, как дело Радищева, но не менее убедительно говоривших о том, что между императрицей и молодым поколением русских интеллектуалов разверзлась пропасть. В 1794 г. был арестован двадцатидвухлетний майор Б. Р. Пассек, у которого нашли рукописный экземпляр книги Радищева. Арестованный утверждал, что читал ее в печатном издании у князя Потемкина, а потому не предполагал, что это запрещенная книга! Как сказал Пассек, он

---

[40] См.: *Dashkova E.R.* Memoires. London, 1958. P. 243; *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 221 и далее; Безбородко — Трощинскому, 14 ноября 1793 г. // АКВ. Т. XII. С. 381. К. Е. Джеджула приводит рассказ о том, что в 1790 г. Шешковский допрашивал Княжнина в Тайной канцелярии и что он умер от пыток (*Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 222). Никаких доказательств в подтверждение этой истории, основанной на несколько отличающемся от нее изложении Пушкина, автор не приводит. Но если бы Княжнин и вправду умер в результате подобного допроса, его пьесу не опубликовали бы в 1793 г.

[41] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 225—226; *Ефремов Э.* Я. В. Княжнин. Вадим Новгородский // РС. 1871. № 3. С. 722 и далее.

[42] *Алефиренко П. К.* Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 6. С. 521—535.

купил этот список за несколько рублей на базаре в Яссах уже после смерти князя. Пассека обвинили в сочинении антимонархических стихов и отправили служить в Лифляндию, в провинциальный полк, запретив въезд в столичные города[43]. В общей сложности известно с полдюжины дел об аресте сочинителей дерзких записок или литературных произведений, в основном молодых офицеров, на разный срок угодивших в тюрьму. В апреле 1793 г. крепостной человек донес на офицера Ф. В. Кречетова. Последний, вероятно, был недворянского рода, отличался страстным интересом к просвещению, был любимцем женщин и противником войны. Доносчик обвинял Кречетова в подстрекательстве крестьян и солдат к свержению правительства, в оскорбительных речах об императрице. Кречетов якобы говорил, что Екатерина ведет развратную жизнь, не умеет править и пользуется для этого наемниками и что ее нужно лишить престола как мужеубийцу и запереть в монастыре. Ее «Наказ» — это только пустые слова, которые она не хотела или не могла осуществить на деле, а ее реформы внушены лишь необходимостью укрепить мощь короны, потрясенной Емелькой Пугачевым. Из документов Кречетова и его речей на длительном следствии, в которых он открыто излагал свои взгляды, выяснилось, что он противник церкви, христианский республиканец эгалитарного толка. Он признал, что склонял солдат нарушать присягу и подговаривал их освободить крестьян. Он надеялся увидеть в России революционное движение, как во Франции, которое приведет к появлению Собрания народных представителей, новой конституции, свержению монархии. Что до императрицы, то пусть сидит в клетке и смотрит сквозь прутья, что делают революционеры. Кречетова без суда приговорили к заключению, запретили ему свидания и письменные принадлежности. В декабре 1794 г. его перевели из Петропавловской крепости в Шлиссельбург, а в 1801 г. Александр I его выпустил, после чего следы Кречетова затерялись[44].

Но Екатерина репрессировала не только писателей. Был поставлен таможенный барьер против свободного притока в Россию фран-

---

[43] О Пассеке см.: *Светлов Л.* А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. // Из истории русской философии / Ред. И. Я. Щипанов. М., 1952. С. 38—64. Воспоминания Пассека см.: РА. 1863. № 5—6. См. также: *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 177 и далее. Пассек отстаивал свое мнение, ссылаясь на екатерининский «Наказ I».

[44] См.: *Светлов Л.* Указ. соч. С. 52 и далее; *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 214 и далее.

цузской революционной литературы, да и всякой иностранной литературы вообще, и теперь императрица считала опасными те самые сочинения французских просветителей, для пропаганды которых так много сделала в свое время. Сам Вольтер был предан огню при деятельном участии генерала Прозоровского, который в 1793—1794 гг. спалил 825 экземпляров книг 67 наименований[45]. «Нелепые» новые французские календари были запрещены, но тайком их продавали, как и раньше, наряду с изображениями казни королевской семьи, привозными или напечатанными прямо в России. Прозоровский и князь Н. В. Репнин, занявший пост генерал-губернатора Прибалтийских провинций вместо умершего генерала Броуна, обратили внимание государыни на то, что из-за границы потоком везут карикатуры, высмеивающие европейских монархов, и революционные символы вроде игральных карт с портретами главарей якобинцев. В мае 1794 г. на борту датского судна обнаружилась модель гильотины, которую немедленно сожгли. Труднее было пресекать ввоз писчей бумаги с водяными знаками в виде древа свободы и с надписью «Liberté». Единственным способом положить конец революционной пропаганде из Франции было закрыть границу на замок, о чем и было фактически объявлено в сентябре 1796 г. Теперь вся ввозимая литература подлежала проверке на трех пропускных пунктах — в Риге, в Одессе и на польской границе. К ним были прикомандированы цензоры, обязанные осматривать всю ввозимую печатную продукцию, выявлять и жечь все политически неблагонадежные материалы[46]. И все равно Радищев мог в далеком Илимске читать «Père Duchene», а призывы Жана Карра к свержению королевского деспотизма и установлению власти народа находили в России живой отклик[47]. Нападкам властей подвергалось и преподавание французского языка. Консервативные взгляды находили выражение во множестве сочинений, которые можно обозначить общим видовым названием «Разоблаченный Вольтер»[48].

---

[45] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 256; *Алефиренко П. К.* Указ. соч. С. 533.

[46] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 256 и далее; ПСЗ. Т. XXIII. № 17508.

[47] Эта революционная речь под названием «L'Orateur des Etats Generaux Français» многократно переводилась на русский язык (см., например: *Винский Г. С.* Мое время. London, 1974).

[48] *Джеджула К. Е.* Указ. соч. С. 264. Эту работу следует использовать с осторожностью. Ссылки в ней неточны, автор часто опирается на вторичные источники, представляющие собой всего лишь собрания сплетен. См. также: *Заборов П. Р.* Указ. соч. С. 71 и далее.

Не вызывает сомнений, что в 90-е гг. в России разошлись пути правительства и мыслящей части общества — тех людей, которых уже позволительно назвать интеллигенцией. Для охлаждения между Екатериной и молодыми литераторами 90-х гг. было несколько причин. Во-первых, сама императрица с годами стала менее восприимчива к новым идеям. Более того, теперь ее окружали люди далеко не блестящего ума — какой-то Платон Зубов вместо Потемкина, — подогревавшие нервозность и страхи императрицы, ее надменную веру в собственную правоту, которая все крепла с возрастом и успешным правлением.

Далее, учения, особенно привлекавшие Екатерину в расцвете лет, предлагали образцы модернизации, пригодные в социально-политических условиях отсталого и неповоротливого государственного устройства наподобие российского. Главный французский учитель Екатерины Монтескье наряду с такими германскими камералистами, как Бильфельд, снабжали Екатерину моделями, которые она использовала по-своему в Уставе благочиния 1782 г., в жалованных грамотах 1785 г. Но французская мысль, в своей основе направленная на подрыв традиционных устоев, вдохновила и другие, более радикальные политические движения. Даже Монтескье, выразитель идеи сословной организации общества, абсолютной монархии, подчиненной фундаментальным законам, или аристократического конституционализма, мог использоваться как знамя и мятежными парламентариями, и сторонниками конституционной монархии. «Конструктивные» мыслители времен расцвета Екатерининской эпохи к 1789 г. додумались до новых, угрожающих идей, которым стареющая императрица сочувствовать уже не могла: об отмене законодательного разделения общества на классы, об установлении социального равенства, об ограничении абсолютной власти, об индивидуальных убеждениях, противопоставляемых обществам, авторитетам и заведенным порядкам. К тому же эта новая идеология поворачивалась к привилегированным сословиям Европы, в том числе и к правителям, особенно неприглядной стороной: ненасытный террор Французской революции, пожиравшей без разбора молодых и стариков, мужчин и женщин, производил на высшие классы общества такое же впечатление, как Дахау и Освенцим на общественное мнение XX столетия.

Наконец, за те тридцать лет, что Екатерина правила Россией, заметно изменился характер русского просвещенного общества. Как в результате политики предшественников императрицы, так и бла-

годаря ее собственным усилиям двор уже не играл прежней роли единственного центра и средоточия всей культурной жизни в стране. Культура все шире проникала в столичное и провинциальное общество. Несмотря на отсутствие цифрового материала, вполне очевидно, что к 90-м гг. российское общество стало гораздо более дифференцированным. Появилось больше образованного среднего дворянства и разночинцев. Возникло множество профессий «среднего класса», требовавших грамотности и по-настоящему высокой образованности, — профессора, учителя, врачи, архитекторы, художники, предприниматели, землемеры, технические специалисты разного рода. Всех их нелегко было вогнать в примитивные российские сословные рамки, где раньше помещались лишь воины, купцы да земледельцы. Для людей, которых слишком часто унижали спесью и несправедливостью те, кто был в социальном отношении выше, а в культурном ниже их, принципы Французской революции представляли собой крепкий и опьяняющий напиток. Но даже те, у кого, как у Карамзина, эти идеи пробудили лишь временный энтузиазм, начинали испытывать смутное недовольство грозным бряцанием оружием, исходившим из придворных и правительственных кругов, и мелкими придирками, которыми их донимала полиция.

Но было бы неправильно закончить описание литературной жизни при Екатерине такой негативной картиной. Этот период был во всех отношениях оживленным и творческим. Уже то обстоятельство, что сама императрица писала, пусть и плохо, делало литературу и драматургию респектабельным занятием. Ее покровительство вдохновляло и ободряло авторов. Русский театр в ее царствование пережил становление национальной комедии, в которой творили Фонвизин, Капнист, Княжнин. Державин заложил основы русской лирической и элегической поэзии, Карамзин стоял у истоков нового, более чистого литературного языка. А кроме крупных писателей появилась целая школа романистов, от сентиментальных до социальных, сатирики, поэты, барды в духе Оссиана, журналисты, творчество которых пользовалось то большим, то меньшим успехом у публики. Многие авторы 80—90-х гг. дожили до вольной атмосферы первых лет царствования Александра I и проложили путь литературному буму в России XIX в.

Глава 35

Социальные и экономические изменения в 1775—1796 гг.

Вторая война с Турцией, дела в Польше и Французская революция до такой степени поглощали слабеющие силы Екатерины II в последние десять лет ее царствования, что о крупных внутренних преобразованиях почти не могло быть речи. Возможно, что, откладывая на потом многие свои планы, императрица понимала, что русскому обществу нужно сначала освоиться с немалым количеством новых законов, принятых в предыдущие годы и все еще не полностью введенных в действие. Двадцать лет ушло на то, чтобы внедрить по всей России «Учреждения для управления губерний» 1775 г., а Генеральное межевание все еще тянулось и в XIX в. Недоработки, допущенные при составлении многих законов, в частности обеих Жалованных грамот 1785 г., часто заставляли Екатерину заниматься их толкованием и разъяснением. Кроме того, она постоянно уделяла внимание петициям и жалобам, с большей охотой, чем ее предшественники, занимаясь обращениями к ней лично. После ухода в 1792 г. в отставку генерал-прокурора А. А. Вяземского порядок работы Сената стал менее строгим. Но императрица рассматривала все уголовные дела, поступавшие в Сенат, и неоднократно приказывала пересмотреть или ускорить решение. По существующим оценкам, за 34 года екатерининского царствования через Сенат прошло в общей сложности примерно 120—150 тыс. дел, из которых в момент ее смерти остались нерешенными 11 456, т.е. немногим больше годовой нормы. Но эта растущая гора залежавшихся дел свидетельствует не только о недостатке служебного рвения. Они накапливались из-за притока документов, хлынувших из многочисленных новых правительственных учреждений, основанных при Екатерине. Императрица, как могла, старалась ускорить прохождение дел. В 1792 г. она пригрозила лишить сенаторов их законных летних вакаций, если они к этому времени не рассмотрят одно дело, а в 1794 г. действительно не отпустила

Второй департамент Сената на каникулы[1]. И тем не менее, судя по описаниям современников (даже весьма расположенных к Екатерине), ослабление контроля со стороны центральной власти ощущалось не только в гражданской сфере, но даже в армии. Повсюду царило взяточничество, а из средств, выделявшихся на содержание полков, составилось не одно состояние[2].

За долгое правление Екатерины II российское общество очень сильно переменилось. Петровские реформы еще прокладывали себе путь в различных его слоях, охватывая все более широкие круги, когда нахлынула вторая волна великих преобразований, уже екатерининских. Не только прямые усилия власти преобразовать общество сверху, но и развитие экономики, более тесная коммерческая интеграция и политическое сотрудничество с Европой способствовали формированию несравнимо более сложной социальной структуры в России. Правовые различия между сословиями постепенно уменьшались, но зато невероятно усилилась экономическая, социальная и культурная дифференциация, которая шла параллельно с заметным ростом численности населения и с формированием новых профессиональных подгрупп.

На 1786—1796 гг. пришелся поразительный подъем российской экономики, которому не помешала даже война. Отчасти это было связано с колонизацией южных земель и присоединением Крыма, а кроме того, дало результаты Генеральное межевание, благодаря которому было куплено и взято в аренду очень много невозделанных земель в Центральной России и резко возросла запашка. В Московской губернии она расширилась на 60% под влиянием близости московского рынка. В Центральном промышленном районе, в Северо-Западном торгово-промышленном районе и в Тульской губернии площади возделанных земель выросли на 30—40% в 80-е гг. и еще на 5—20% в 90-е гг. В Псковской губернии, снабжавшей Санкт-Петербург, запашка удвоилась, а в самой Санкт-Петербургской губернии она выросла на 90%. В Центральном аграрном районе средний прирост составил 60—100%, в Уфимской губернии достиг 120%, в Саратовской — 100%[3]. Недостаток продовольствия и высокие

---

[1] ИПС. Т. II. С. 343—344, 418.

[2] Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1775—1777. P. 313.

[3] *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 329 и далее, с. 330—331, таблица. Под руководством А. Р. Воронцова в 1786—1788 гг. была организована особая Комиссия о хлебе. Собранные

хлебные цены, отмеченные в Москве в 1787 г., объяснялись, скорее, расширением рынка сельскохозяйственной продукции, чем неурожаями, которые редко выпадали в XVIII в., причем больше в новоприобретенных областях России, а не в старых внутренних районах.

Лидерами в этом широком развитии сельского хозяйства выступали помещики, или, во всяком случае, те из них, кто располагал в достатке рабочей силой и доступом к капиталу. Они увеличивали площади, отведенные под выращивание продукции на рынок на оброке или на барщине. Более того, если в 50-е гг. XVIII в. помещики заботились главным образом об усилении эксплуатации своих крепостных, то теперь проявляли все больший интерес к совершенствованию методов обработки земли, к новой технике, к высококачественному посадочному материалу[4].

Стремление к росту доходности хозяйства и к прямой эксплуатации поместий их владельцами влекло за собой постепенный переход от оброка к барщине, особенно усилившийся в 80—90-е гг. Там, где крепостные трудились на винокурнях, кирпичных заводах, лесопилках и т.п., барщина часто принимала форму месячины, при которой крестьянин полностью отстранялся от земли и все время работал на предприятии, зарабатывая себе на содержание. Эта форма эксплуатации считалась особенно тяжелой, потому что барщина, как правило, до сих пор отнимала у крестьян не более трех дней в неделю (кроме периода уборки урожая). Теперь барщина, на первый взгляд, сделалась выгоднее оброка, хотя и требовала более основательной (и дорогостоящей) организации[5].

Там, где применялся оброк, в последние двадцать лет XVIII в. помещики заметно повысили его нормы. В 80-е гг. он составлял в среднем 3—5 руб., иногда доходя до 10 руб., в 90-е гг. средний подушный уровень достигал 5 руб., а с тягла — 20 руб. Этот подъем отчасти объяснялся обесцениванием денег, но рост цен на сельскохозяйственную продукцию стимулировал производство, а следова-

---

ею сведения показывают, что высокие цены преобладали в основном в Москве и в Санкт-Петербурге из-за трудностей с доставкой. В 1787 г. был плохой урожай в Воронежской, Тамбовской, Симбирской и Уфимской губерниях, но в остальных дела обстояли благополучно (Там же. С. 370—371).

[4] Там же. С. 145—146.

[5] Там же. С. 129—130. В 1806 г. в имении В. Г. Орлова доход от барщины составил 216 239 руб. при затратах в 106 280 руб. С установлением оброка в 10 руб. с души мужского пола доход достиг 110 930 руб., а затраты 2800 руб.

тельно, и продажу зерна. Однако, хотя помещики были заинтересованы в максимальном увеличении доходов от сельского хозяйства и несмотря на то, что в рассматриваемый период были распаханы действительно огромные площади пустующих земель, к концу столетия в черноземных областях России помещикам принадлежало лишь 18% земли, а крестьянам — 72%. Только в XIX в. помещики сумели снизить долю крестьянского землевладения до 51%[6].

Одним из следствий усиления эксплуатации в сельском хозяйстве был рост крестьянских волнений. Правда, они никогда не достигали размаха восстаний 60-х гг. или пугачевщины, но время от времени крестьяне бунтовали — обычно из-за конкретных местных поводов, вроде перевода с оброка на барщину или заведения в имениях фабрик. Самые бурные и длительные выступления произошли в 1797 г., после смерти императрицы, и охватили тридцать четыре губернии Европейской части России. Они были направлены против экономической эксплуатации, но, кроме того, эти волнения могли быть связаны и с началом нового царствования, от которого крестьяне, согласно своим представлениям, ждали улучшения жизни[7].

Вторым следствием развития сельского хозяйства был рост экономического расслоения внутри крестьянства, как среди крепостных, так и среди государственных крестьян. В силу самой природы сельского хозяйства крепкая зажиточная семья с многочисленными работниками неуклонно богатела, а неумелые или неудачливые опускались до положения безземельных наемных работников. Но очень трудно дать конкретные оценки уровня жизни российского крестьянства, как абсолютные, так и сравнительные, да еще с учетом различий в климате и плодородии почв на территории страны.

Неудобства деревянной крестьянской избы (срубы продавались на окраинах многих деревень за 24 руб.[8]) были скорее фактом культуры, чем экономики. На протяжении всей долгой темной зимы крестьяне жили в тесном соседстве со своими домашними животными. Грязь, вонь, блохи и дым были постоянными спутниками их скученного существования, когда большую часть пространства в

---

[6] *Цаголов Н. А.* Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956. С. 38—51, 53—56. Приведено в работе: *Emmons T.* The Emancipation of the Serfs. N.Y., 1970. P. 42 ff.

[7] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. В 80-е гг. произошли волнения в Новгороде и в Твери и серьезное выступление в Турбае на Украине.

[8] Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 371, 376.

избе занимала печь, а остальное — ткацкий станок. Впечатления иностранных путешественников, которым случалось ночевать в крестьянских избах, сильно различаются в зависимости от того, из каких стран прибыли они сами и какие области России посещали. Мрачную картину жизни сибирских крестьян, описанную аббатом Шапп д'Отрошем (в книге с пикантными и весьма надуманными иллюстрациями Лепрэнса), опровергает Жильбер Ромм, будущий якобинец, путешествовавший по Сибири в 80-е гг. На его взгляд, сибирский крестьянин, пусть и несвободный, жил лучше и имел больше земли, чем французский крестьянин в окрестностях Версаля[9]. Южноамериканец Миранда, проехавший от Херсона до Москвы, а оттуда в Санкт-Петербург, то поражался грязи в крестьянских избах, то удивлялся их просторности и опрятности, особенно на Севере России. Он исходил в своих сравнениях из воспоминаний о родной Венесуэле, Испании или Италии[10]. Джон Паркинсон, проехавший в 90-е гг. от Перми до Тобольска, часто критиковал увиденное, но встретил и такой дом, «которого не постыдились бы и в Норвегии». Следуя вниз по Волге в Астрахань, Паркинсон был поражен «добротностью и аккуратностью» праздничных костюмов населения, которые выгодно отличались от «тряпок и лохмотьев простонародья в Италии»[11]. Воскресные дни и многочисленные религиозные праздники давали русским крестьянам случай нарядиться в лучшие свои одежды, расшитые причудливыми узорами, украшенные ожерельями из золотых монет.

Крестьянский рацион питания — гречневая каша, ржаной хлеб, колбаса, капуста и огурцы, — дополнявшийся ягодами и грибами, дичью, а также грубой прессованной икрой во время длительных постов, был, конечно, однообразным, но зато здоровым. В некоторых районах страны, особенно на Украине, как писала Мария Гутри, в 1795—1796 гг. груши, яблоки и сливы продавались по копейке за пятьдесят штук, а дыни и арбузы по копейке штука[12]. Как пред-

---

[9] См.: *Lubimenko I.* Un académicien russe à Paris, d'après ses lettres inédites // Revue d'histoire moderne. 1935. № 10. P. 139.

[10] Archivo del General Miranda.... Vol. II. P. 370 (Тверь), 373—375 (Спасская Полесть).

[11] *Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792—1794. London, 1971. P. 122, 142, 152.

[12] См.: *Guthrie M.* A Tour performed in the years 1795—1796 through the Taurida or Crimea. London, 1802. P. 4. О рационе питания в России см. таблицу в кн: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Prin-

ставляется, во многих частях России все крестьяне, кроме беднейших, питались в благополучные времена достаточно хорошо, хотя и жили в нищете.

Но жизнь не исчерпывается питанием. В России была очень высока детская смертность, и поэтому сложился весьма не одобрявшийся церковью обычай, а именно браки маленьких мальчиков с девицами на выданье, которые раньше, чем подрастали их мужья, успевали родить несколько детей от свекра.

Жизнь русских крестьян была, конечно, тяжелой, а нередко и совсем убогой. В короткий сезон полевых работ они трудились от зари до зари не покладая рук. Однако неверно представлять себе жизнь крепостного как сплошное страдание под жестоким гнетом, размеренное взмахами кнута. Правда, время от времени то здесь, то там случался недород или другие бедствия, но такого голода во всей стране, как бывало в XIX и в XX вв., в XVIII в. не случилось ни разу. Хватало в России и жестоких помещиков, но в основном они, как правило, вели себя достаточно разумно, так как исходили из собственной выгоды.

Архивы шереметевского поместья в Иванове показывают, что за двадцать лет, с 1790 по 1801 г., из населения в 9204 человека наказанию подверглось 109 человек, совершивших общими усилиями 851 проступок (в подавляющем большинстве случаев это было пьянство). 407 раз применялись телесные наказания, 277 раз — устные увещевания. В остальных случаях штрафовали, сажали на три дня на хлеб и воду и т.п.[13] К тому же жестокие наказания, применявшиеся к крепостным (а также к государственным крестьянам, солдатам и даже к низшему духовенству), нужно рассматривать в контексте того времени.

Императрица одной из первых осудила традицию московских бар держать у себя в домах целые наборы инструментов для наказания[14]. Для того чтобы достаточно взвешенно истолковать ее отношение к крепостному праву, необходимо вспомнить о тех правовых барьерах, которые она установила в России на пути закрепощения. До екатерининского времени существовали разнообразные спосо-

---

ceton, 1961. P. 317. Она составлена по материалам Ф. Леплея и показывает, что в 1856 г. питание кузнеца и плотника на Урале было здоровее и обильнее, чем у их современников — английских и французских рабочих сходных специальностей, несмотря на более высокие заработки последних.

[13] Цит. по: *Blum J.* Op. cit. P. 432.

[14] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. XII. С.169.

бы закрепостить человека: при переписи податного населения можно было более или менее преднамеренно записать его в крепостные к определенному помещику; можно было брать на воспитание сирот и незаконных детей, а потом их закрепощать; в крепостные попадали военнопленные; та же участь ждала вольных людей при заключении брака с крепостными; в крепость записывали сверхштатное духовенство и церковников. И все эти способы закрепощения при Екатерине постепенно пресекались законом, как только представлялся случай это сделать. Еще в 1763 г. уставом воспитательных домов было предусмотрено, что их воспитанники должны считаться свободными людьми и навсегда оставаться ими по выходе из приюта. В 1767 г. запретили приемным родителям закрепощать взятых на воспитание незаконнорожденных детей. В 1781 г. положили конец закрепощению военнопленных независимо от их вероисповедания. Вошло в практику также освобождение крепостных женщин при вступлении в брак с вольными (иногда за выкуп), а иногда и свободная женщина, выходя замуж за крепостного, тем самым его освобождала[15]. Самым специфическим законоположением, запрещавшим закрепощение людей, была статья Манифеста 17 марта 1775 г. об окончании войны с Турцией[16]. Этот манифест вообще чрезвычайно важен в истории прав человека в России, поскольку до его появления здесь не существовало всеобщей правовой защиты от произвола при подушной переписи. В XIX в. русские историки часто осуждали этот закон как чисто негативный с точки зрения конечной цели: он предотвращал закрепощение, но нисколько не приближал освобождение крестьян. Однако если учесть, что за время от первой до второй переписи, с 1721 по 1741 г., переписчики произвольно записали в крепостные к помещикам целых 830 151 человека, то вполне можно считать, что манифест закрыл внушительную дыру[17]. Даже критики Екатерины признают, что на практике она всегда в сомнительных случаях решала дела в пользу освобождения[18], а ограничив круг душевладельцев потомственным дво-

---

[15] См.: *Владимирский-Буданов М.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 235 и далее, а также сжатый обзор А. С. Лаппо-Данилевского (*Lappo-Danilevsky A.S.* The Serf Question in an Age of Enlightenment // Catherine the Great. A Profile / Ed. by M. Raeff. N.Y., 1972).

[16] ПСЗ. Т. XX. № 14275, 17 марта 1775 г., разъяснения: №14294, 6 апреля 1775 г.; № 15070, 5 октября 1780 г.

[17] *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 7.

[18] *Lappo-Danilevsky A.S.* Op. cit. P. 277.

рянством, она сократила число лиц, обладавших правом иметь крепостных.

Манифест 17 марта 1775 г. был важен еще в одном отношении. До него правовой статус крепостного, отпущенного на волю, был неясным. Освобожденные дворовые люди могли вливаться в городское сословие (в мещане или в разночинцы). Но вольный крестьянин на частновладельческой земле был ненормальным явлением, так что манифестом ему предписывалось немедленно избирать себе новое «состояние» — государственного крестьянина или горожанина, потому что полагалось сразу же зарегистрировать его как плательщика подушной подати.

Однако освобожденный крепостной не имел права владеть землей сам по себе, вне рамок общины, это была привилегия дворянства. Поэтому при существующих законах все равно было невозможно освободить отдельного крестьянина с землей, как и отпустить на волю целую деревню с землей. Одна инициатива Екатерины так и осталась не оцененной по достоинству: в Проекте о правах дворянства Уложенной комиссии 1767 г. содержалось оригинальное предложение. Речь шла о разрешении заводить «свободные деревни», т.е. сообщества вольных крестьян с правом владения или пользования землей. Подробности этого плана остаются неясными. Какие отношения должны были связывать помещика с вольной деревней? Такие же, как между государством и государственными крестьянами, или чисто коммерческие, при которых крестьяне платили бы ренту помещику и подушную подать государству? В качестве пробного шара эта идея провалилась, и ее заслонили заботы, связанные с Русско-турецкой войной и Пугачевским бунтом. Но возможно, что она послужила источником указа о вольных землепашцах, изданного в 1803 г., по которому помещики получили право освобождать целые деревни с землей по соглашению с крестьянами[19].

Преданность Екатерины идеям Просвещения нередко не воспринимали всерьез, считая ее проявлением лицемерия: ведь императрица мало сделала для облегчения участи крестьянства, не говоря уже о его освобождении, да к тому же в 1783 г. «учредила» крепостное право в Малороссии. Действительно, указ 22 августа 1767 г.[20] о запрете всяких жалоб на помещиков, введенный как временная

[19] ПСЗ. Т. XXVII. № 20620, 20 февраля 1803 г.

[20] См. гл. 8.

мера, оставался в силе на протяжении всего ее царствования[21]. Но мемуары императрицы передают глубокую озабоченность дурным обращением с дворовыми. Там же содержится весьма красноречивый отзыв о том, как в 1767—1768 гг. Уложенная комиссия не поддержала ее инициативы относительно крепостных.

> Едва посмеешь сказать, что они [крепостные. — *Авт.*] такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать каменьями [действительно, в 1767 г. в московский дворец (в каком она останавливалась?) бросали камни, что сильно встревожило Екатерину. — *Авт.*]; чего только я не выстрадала от такого безрассудного и жестокого общества, когда в комиссии для составления нового Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценивала тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев...

Даже добрейший из людей, граф А. С. Строганов, продолжала Екатерина, «с негодованием и страстью защищал дело рабства... Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди»[22].

В этих словах Екатерины звучит разочарование, испытанное ею при знакомстве с массой рядового российского дворянства после элиты, окружавшей ее при дворе. Но она была слишком реалистичной правительницей, чтобы пренебрегать мнением ведущего социального сословия. Можно лишь гадать, какие меры приняла бы она, если бы Пугачевский бунт не вывел на передний план вопрос об установлении порядка в обществе, решая который, правительство могло опереться лишь на дворянство. Ведь императрица воспользовалась «Учреждениями для управления губерний» в 1775 г., чтобы несколько ограничить права помещиков в обращении с крепостными. Впервые генерал-губернаторы были уполномочены преследовать помещиков, обвиненных в жестокости или угнетении крестьян, вплоть до конфискации и передачи их имений в управление местным опекунским советам[23]. Известно несколько таких дел, но

---

[21] Отзывы об этом указе встречаются редко, но в 1787 г. митрополит Платон ругал его в разговоре с Ф. де Мирандой (Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 359).

[22] Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. XII. С. 170.

[23] *Семевский В. И.* Крепостные крестьяне при Екатерине // РС. 1876. № 12. С. 671.

в целом вопрос о рассмотрении жалоб крепостных на помещиков после введения «Учреждений...» 1775 г. остается неизученным[24]. Екатерина и в дальнейшем старалась исподволь воздействовать на поведение дворянства и в некоторых случаях устраивала так, чтобы выкупались имения у помещиков, славившихся жестокостью[25].

В противоположность распространенному утверждению, Екатерина не переводила массами государственных крестьян в частновладельческие, жалуя фаворитам и высшим сановникам земли с крепостными. Те 400 тыс. душ мужского пола, которые она раздала за свое царствование, были взяты в основном в областях, отнятых у Польши. Около 192 тыс. было пожаловано в Белоруссии с 1772 по 1795 г.[26] С 1795 г. до своей смерти в 1796 г. императрица успела раздать 121 580 душ на землях, полученных по второму и третьему разделам Польши. Таким образом, из общего числа 400 тысяч душ примерно 314 220 находилось на бывших польских территориях. Еще 34 401 крепостную душу она пожаловала в Лифляндии и Малороссии и 60 тыс. в других местах[27].

Екатерина отказалась от намерения даровать Жалованную грамоту «свободным сельским обывателям» (т.е. государственным крестьянам) параллельно с Жалованными грамотами дворянству и городам, но решительно вмешалась в организацию экономической жизни крестьянства в северных и северо-восточных областях России. Отталкиваясь от жалоб беднейшего олонецкого крестьянства на малоземелье, местный губернатор рекомендовал провести здесь перераспределение всех земель в общинах, не считаясь с тем, чьи они, куплены или арендованы, чтобы у всех крестьян оказалось достаточно земли для уплаты налогов. Богатые крестьяне громко воспротивились мерам, казавшимся им несправедливой конфискацией честно заработанного, но правительство поддержало точку зре-

---

[24] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 208 и далее. В 1778 г. Кокс видел в Калужской тюрьме в Москве дворянина, отбывавшего пожизненное заключение «за то, что сек крестьян до смерти». См.: *Coxe W.* An Account of the Prisons and Hospitals in Russia, Sweden and Denmark. London, 1781. P. 11.

[25] Екатерина II — полицмейстеру Н. Архарову, 11 марта 1794 г. // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. III. С. 346.

[26] О мерах Екатерины по размещению русских помещиков в Белоруссии см.: *Dashkova E.R.* Memoirs. London, 1958. P. 196.

[27] См. мою статью: *Madariaga I. de.* Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // SEER. 1974. Vol. LII. № 126. P. 34--62.

ния губернатора на уравнение земельных наделов как условие, необходимое для выравнивания налогового бремени. В 80—90-х гг. эту меру ввели в Олонецкой и Архангельской губерниях, хотя только в отношении общинных земель, а не самостоятельно купленных крестьянами. Власти в очередной раз продемонстрировали, что крестьянское представление о справедливости может совпадать с заинтересованностью государства в получении доходов за счет частного экономического предпринимательства[28].

Вторая половина екатерининского царствования принесла также существенные изменения структуры городского сословия. «Учреждения для управления губерний» 1775 г., облегчив атмосферу, вызвали большой приток государственных крестьян в города. В 1782 г. этому неограниченному притоку поставили барьер, объявив, что переселившиеся в город крестьяне должны впредь платить подушную подать в деревне, откуда они родом, а также в городе до ближайшей переписи[29]. Но люди все равно продолжали уезжать из сельской местности. Кроме того, все больше провинциальных дворян переселялось в города и строило там дома[30]. К концу столетия городское население, по разным оценкам, выросло до 4,1% всего податного сословия или до 7,5% (а по одному источнику даже до 8,3%) общей численности населения России[31]. В городах процент зарегистрированных купцов и мещан дошел до 35 от общего населения. Дворяне, духовенство и чиновники составляли 7,5% городских жителей, крестьяне около 32%, а разночинцы, отставные солдаты и т.п. — 25%[32].

Внутри собственно торгового сословия, т.е. купечества, все большее богатство накапливала малочисленная верхушка. В 80-е гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге более четверти всех магазинов и лавок принадлежали 3,7% купцов, причем возведенный в дворянство ку-

---

[28] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 604—695.

[29] ПСЗ. Т. XXI. № 15000, 2 июля 1782 г.

[30] *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 269 (здесь приведены данные по Нижнему Новгороду за 1789 г.: из 1957 домов 217 принадлежали дворянам, 184 — духовенству, 103 — чиновничеству, 141 — купцам, 69 — ремесленникам, 641 — мещанам, в 414 жили солдаты, в 91 — ямщики, в 13 — работники и в 93 — крестьяне).

[31] Там же. С. 316 и примеч. 6.

[32] Я использовала здесь цифры, приведенные в работе: *Rozman G.* Urban Networks in Russia 1750—1800 and Pre-Modern Periodisation. Princeton University Press, 1976. P. 105.

пец Савва Яковлев контролировал 9% торговых предприятий[33], а по крайней мере 2 тыс. крестьян, ведших самостоятельную торговлю, держали лавки на имя купцов. Такое множество лавок появилось вслед за указом 8 июня 1782 г., разрешившим купцам открывать торговлю прямо у себя в доме, вместо того чтобы сосредоточивать все магазины, как прежде, в гостиных дворах или на крупных крытых рынках[34]. Дифференциации купечества по размеру состояний способствовало постепенное повышение суммы капитала, необходимой для вступления в низшую, третью купеческую гильдию (с 500 руб. в 1775 г. до 2000 руб. в 1794 г.), в результате которого все мелкие торговцы были вытеснены в ряды мещанства.

После вступления в силу «Учреждений...» 1775 г., Устава благочиния 1782 г. и Жалованной грамоты городам часть обязанностей, ранее выполнявшихся горожанами на бесплатной службе государству, была возложена на выборных должностных лиц на жалованье или на казенные палаты и полицейские управы. Но купечеству было мало лишь материального поощрения за службу, потому что в такой форме признание их заслуг не повышало их достоинство и статус. Богатые купцы, составившие крупные состояния, искали и социального признания: права носить шпагу и ездить в карете, освобождения от унизительных личных повинностей, прежде всего — от рекрутчины (ведь их брали в рядовые солдаты) и от телесных наказаний. Екатерина II находила эти претензии справедливыми и поощряла возведение богатых купцов в дворянство, полагая, что «слишком богатый купец в торговле подобен пиявке»[35]. Создав социальную группу «именитых граждан», отменив телесные наказания для городской верхушки, позволив ее членам откупаться от рекрутского набора и, наконец, возведя некоторых купцов в дворянство, она сократила культурный разрыв, отделявший богатое купечество от высшей знати.

Но самые большие изменения претерпело за тридцать четыре года царствования Екатерины II благородное сословие, как в количественном, так и в социальном отношении. Численность русских дворян на территории самой России в 1782 г. составляла 84 066 че-

---

[33] *Яковецкий В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостной России. М., 1953. С. 45 и далее, с. 144 и далее.

[34] Там же. С. 169 (ПСЗ. Т. XXI. № 15462). Эти базары сохранились до сих пор в московском ГУМе и Гостином дворе в Санкт-Петербурге.

[35] Письмо к А. А. Безбородко, около 1791 г. // СбРИО. Т. XLII. С. 292.

ловек, а в 1795 г. достигла 111 600. Увеличение объяснялось как естественным приростом, так и пожалованием дворянских прав казацким и татарским офицерам, а кроме того, щедростью, с которой Потемкин раздавал дворянство агентам по заселению земель Новороссии. К этим цифрам нужно добавить весьма многочисленное шляхетство областей, приобретенных путем разделов Польши, которого насчитывалось к 1795 г. примерно 250 974 человека, т.е. 66,22% от общей численности дворянства Российской империи[36].

Данные о распределении богатства внутри этого нового дворянства довольно скудны, но, судя по положению в начале XIX в., почти половину всего благородного сословия составляли личные дворяне, т.е. офицеры и чиновники, которые выслужили дворянство, но не получили права владеть землей с крепостными и передавать дворянство детям. В результате этого мощного притока личных дворян сословие в целом в значительной мере утратило однородность. На нижней его ступени сложилась новая социальная группа — формально являясь дворянами, ее члены зарабатывали на жизнь военной или гражданской государственной службой, предпринимательством, преподавали, лечили, служили журналистами, переводчиками, сотрудниками академий и т.д., незаметно сливаясь с классом разночинцев (людей без чина по Табели о рангах), в который попадали их дети, если отцам не удавалось выслужить потомственное дворянство. Живя преимущественно в городах, эта группа безземельных личных дворян, наряду с бедным потомственным дворянством, не принимала никакого участия в деятельности выборных местных органов, учрежденных в 1785 г., и дворянских собраний (разве что в качестве наемных служащих). Эти институты все явственнее превращались в заповедник для дворян-землевладельцев, обладателей официального чина и дохода от ста рублей до десятков тысяч.

На другом полюсе дворянского сословия находились крупные магнаты. Они постоянно богатели, будучи главными получателями царских милостей, и потому могли успешно эксплуатировать свои состояния в сельском хозяйстве и в промышленности. Кроме того, российские вельможи, по примеру своих французских и английских собратьев, вполне овладели искусством жить с громадными долгами. Благодаря их усилиям сельская местность и обе столицы ук-

---

[36] *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России, 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153—168, таблица 1.

рашались нарядными, прекрасно обставленными зданиями. При этом высшее сословие проявляло бóльшую общественную сознательность, чем обычно считается, покровительствуя благотворительным частным школам, больницам и т.д. Многие из них жаждали политической власти, соответствующей их социальному и экономическому положению, и венцом их желаний был английский институт пэрства (судьба французской аристократии была слишком ужасна, чтобы примерять ее к себе). Человек, глубже других проникнутый этими представлениями, С. Р. Воронцов, почти все время проводил в Англии на посту российского посла и мог лишь беспомощно наблюдать издали, как Потемкин наводняет чистокровное дворянское сословие выслужившимися офицерами и чиновниками[37].

Насколько глубока была культурная пропасть, отделявшая с этих пор русских дворян от их крестьян и от мещанства? Обычно считается, что дворянство было совершенно чужим простому народу. Оно говорило на другом языке — французском, иначе одевалось, так как носило те или иные форменные мундиры, усвоило космополитическую культуру. Разумеется, крупные вельможи обитали в удалении от простонародья — в мире каменных дворцов, английских парков с павильонами и беседками, крепостных театров[38] (хотя трудно представить себе, чтобы, скажем, Потемкин, Алексей Орлов или Суворов не смогли найти общий язык с простым человеком). Но те, кто допускает, что в России было полностью утрачено культурное взаимопонимание между сословиями, преувеличивают степень усвоения русским дворянством западной культуры. Конечно, при дворе, да еще в присутствии иностранцев, говорили по-французски. Однако большую часть переписки с русскими людьми императрица вела по-русски, и мы вправе предполагать, что по-русски все-таки говорили чаще, чем по-французски. Большинство дворян было слишком бедным, чтобы тратить деньги на что-нибудь, кроме самых основных потребностей, а сельские дворяне так или иначе в детстве находились под влиянием крестьянского языка и системы ценностей. Судя по тому, как описал своего деда С. Т. Аксаков, этот барин был самым настоящим, заправским крестьянином[39].

---

[37] С. Р. Воронцов — А. Р. Воронцову, 7/18 ноября 1792 г. // АКВ. Т. IX. С. 269—270.

[38] С конца XVIII в. до 1840 г. в России действовало около 170 крепостных театров с двумя тысячами актеров и музыкантов (*Курмачева М. Д.* Крепостная интеллигенция в России XVIII в. // ВИ. 1979. № 1. С. 82—94).

[39] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. М., 1954. Passim.

Все сословия русского общества, но прежде всего дворянство и городская верхушка, извлекали определенную пользу из постепенного смягчения нравов и устранения крайней жестокости в обращении с осужденными или просто обвиняемыми в преступлениях. Эта тенденция наметилась еще при Петре III, с отменой Тайной канцелярии и облегчением телесных наказаний солдат и матросов[40].

В царствование Екатерины развитие правовой системы шло в трех направлениях: поиски дефиниции преступления, почти полная отмена пыток, установление и градация наказаний (с одновременным смягчением телесных наказаний, особенно для женщин). Именно при Екатерине было впервые введено понятие о преступлении не как о нарушении воли начальства (губернатора, директора фабрики и т.д.), а как о нарушении закона, хотя много воды утекло до тех пор, пока это усвоили и судебная система, и общество.

Еще в декабре 1762 г. Екатерина тайно приказала весьма разборчиво подходить к применению пыток, дабы не причинять страданий невиновным[41]. Затем, постепенно обретая уверенность в себе, она уже открыто выражала свои взгляды, и в главе X «Наказа», изданного летом 1767 г., осудила пытки как таковые. Указом 13 ноября 1767 г. Екатерина велела следовать принципам «Наказа» и запретила применять пытки (даже если это допускал закон) без специального запроса местному губернатору. Она нехотя позволила пытать бунтовщиков на следствии по делу о Пугачевском бунте[42], но посвятила несколько указов запрету пыток в армии. Главным из них стал указ 1 января 1782 г., вновь напомнивший о необходимости следовать принципам «Наказа» и запретивший пытки в армейских и флотских судах без разрешения соответственно Военной и Адмиралтейской коллегий[43]. Частые амнистии, например в 1775, 1787 и 1794 гг., также облегчали приговоры. С другой стороны, в рамках обычной практики сохранялось и вырывание ноздрей, и клеймение преступников, а в армии — страшное наказание прогоном сквозь строй[44].

---

[40] ПСЗ. Т. XV. № 11467, 9 марта 1762 г. Впрочем, трудно объяснить, в чем было истинное значение замены одного инструмента наказания на другой, потому что их богатый российский ассортимент передается по-английски всего тремя словами — палки, прутья, лоза.

[41] Там же. № 11717, 2 декабря 1762 г.

[42] См. выше, гл. 17.

[43] ПСЗ. Т. XXI. № 15313.

[44] По этому вопросу в целом см.: *Евреинов Н.* История телесных наказаний. М., 1900. С. 72 и далее.

Самая беззащитная часть населения, крепостные, была оставлена на милость своих помещиков. Их единственной защитой, и то не очень надежной, служило постепенное смягчение обычаев, сердец и нравов наиболее образованной части дворянства. Но реальную власть помещиков — карать провинившихся или давать волю своим садистским наклонностям — закон не ограничивал. Душевладельцев наказывали только тогда, когда их жестокость с крепостными вызывала скандал в обществе или приводила к смерти жертвы.

Конечно, одно дело было запретить законом пытки, грубое обращение в армии или телесные наказания в школах и совершенно другое — добиться соблюдения этого запрета при известном состоянии «цивилизованности» российских официальных властей в целом. Многие даже среди высших должностных лиц в государстве не могли постичь саму суть законности. О таком случае рассказывает масон И. В. Лопухин, служивший судьей Московского уголовного суда. Все знали, что пятьдесят ударов кнута практически означали смертный приговор[45], и поэтому Лопухин, помня, что в России смертная казнь не существует, неизменно присуждал виновных к меньшим наказаниям. Но его сурово отчитал генерал Я. Брюс, московский генерал-губернатор, утверждавший, что за тяжкие преступления, даже если нет такого закона, Лопухин обязан приговаривать к таким наказаниям, которые неминуемо приведут к смерти преступника. Лишь после долгих споров Лопухин наконец убедил Брюса, что должно применять закон как он есть, и тот перестал вмешиваться в его решения о приговорах[46]. А. П. Мельгунов, будучи ярославским наместником, тоже пытался внушить повиновение закону: он оштрафовал судей местного уголовного суда за то, что они в 1787 г. приговорили преступника к телесному наказанию, в нарушение статей манифеста, изданного 28 июня того же года в честь двадцать пятой годовщины вступления императрицы на престол. Манифестом была дарована амнистия за многие преступления и смягчены все приговоры о телесных наказаниях, еще не приведенные в исполнение[47].

---

[45] Правда, Кокс слышал о человеке, перенесшем 333 удара кнутом. Он добавляет, что в 1778 г. под кнутом умерло три человека. См.: *Coxe W.* Op. cit. P. 2, примеч.

[46] *Лопухин И. В.* Записки. London, 1860. P. 12—14.

[47] См.: *Трефолеев Л.* Алексей Петрович Мельгунов, генерал-губернатор екатерининских времен // РА. 1885. С. 931—978; ПСЗ. Т. XXII. № 16551, 28 июня 1787 г.

Насколько идея о главенстве закона была еще чужда политической культуре в России, хорошо иллюстрирует эпизод из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, в котором судья откладывает в сторону «свои законы» и оправдывает крепостного, убившего помещика, так как убийство было морально оправдано[48]. Если высшие должностные лица государства могли проявлять столь крайнее непонимание сути законов, то неудивительно, что и ниже царило полное и всеобщее пренебрежение его тонкостями. В целом чем ниже была судебная инстанция, тем более свирепые наказания она назначала[49].

Развитие более гуманного подхода к людям в российской пенитенциарной практике, в тюрьмах, школах, больницах, работных домах и т.д. было объектом наблюдений двух непредвзятых свидетелей, архидиакона У. Кокса, путешествовавшего по России в 1778 г., и Джона Ховарда, умершего в Херсоне в 1792 г. Оба находили, что в России дело обстояло не хуже и не лучше, чем во многих других странах, где они побывали. Одни тюрьмы здесь были переполнены, душны, грязны и отвратительны, другие поприличнее. В Кронштадте, когда туда приезжал Ховард, отбывали наказание 155 заключенных, в том числе «рабы, задолжавшие правительству», преступники, виновные в тяжких преступлениях, и 117 крестьян, присланных своими помещиками (согласно указу 1 января 1765 г., разрешавшему отправлять провинившихся крестьян на каторжные работы в Адмиралтейском ведомстве). По сообщению адмирала Сэмюэля Грейга, осужденным выделялось 3 руб. в год на одежду, чего, судя по всему, должно было хватать, и 2 коп. в день на еду (на них можно было купить 3 фунта 10 унций черного хлеба). В других местах Кокс видал преступников, виновных в «великих преступлениях», прикованных к бревну или с железами на шее. В главной московской тюрьме, вмещавшей 800 заключенных, когда там был Кокс, сидело всего 97 преступников, а еще 248 только что отправились по этапу в Сибирь. Коксу показалось, что заключенных кормили достаточно хо-

---

[48] *Radishchev A. N.* Journey from St. Petersburg to Moscow. Cambridge (Mass.), 1958. P. 91 ff.

[49] Жестокие наказания применялись по всей Европе. Для сравнения см. рассказ Вудхэма Смита о «царстве террора» герцога Кентского в Гибралтаре в 1803 г., когда был назначен и приведен в исполнение приговор в 999 ударов плетки (*Woodham Smith C.* Queen Victoria, her Life and Times, 1819—1861. London, 1975. P. 20—21). В марте 1817 г. по улицам Инвернесса трижды за две недели прогнали плетью женщину, виновную в пьянстве и дурном поведении, против чего 30 марта 1817 г. выступила газета «Обсервер».

рошо, а к тому же во внутренний двор тюрьмы допускали крестьян, которые продавали узникам хлеб и квас. Сыпной тиф здесь был неизвестен благодаря тому, что в тюрьмах имелись внутренние дворы и бани, а также благодаря питанию. В 1788 г. в главной тюрьме Санкт-Петербурга содержалось 133 заключенных, в том числе 14 дворян и чиновников, 17 разночинцев, 14 купцов и мещан, 27 крепостных и дворовых, 33 должника и 7 женщин. Для большого города это довольно скромные цифры. Миранда, тоже неустанно посещавший тюрьмы, в 1787 г. обнаружил в Санкт-Петербургском исправительном доме 41 мужчину и 55 женщин, а в работном доме 139 мужчин и 39 женщин, отрабатывавших наложенные на них судом штрафы по 5 коп. в день[50].

Конечно, тюремная реформа привлекала Екатерину II. Идеи Джона Ховарда были известны в России еще в 80-е гг., а в 1791 г. их широко популяризировал первый российский правовой журнал под названием «Театр судоведения, или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции...». В четвертой части этого журнала появились обширные выдержки из составленного Ховардом описания английских тюрем и его предложения относительно реформ. Сама императрица примерно после 1775 г. составила план тюремной реформы с обычными для нее мельчайшими подробностями. В нем предусматривалось отделение осужденных от ожидающих суда, мужчин от женщин, уголовников от должников. Статья 41 этого проекта устанавливала обязанность тюремных властей в трехдневный срок информировать заключенных, в чем их обвиняют[51]. Некоторые положения этого проекта впоследствии осуществились в новой тюрьме, построенной в Москве после 1775 г., которую посетил Ховард. Там раздельно содержали осужденных и обвиняемых, преступников и преступниц. Ховард посетил также исправительный дом — здание изящной постройки, возведенное в Санкт-Петербурге в 1781 г. Однако в других местах российские тюрьмы по-прежнему были далеки от столичного уровня, особенно каторжные тюрьмы вроде рогервикской, где помещалось до тысячи заключенных.

Государственным органом безопасности являлась так называемая Тайная экспедиция Сената, сменившая Тайную канцелярию, упраздненную в 1762 г. В наследство от нее Тайной экспедиции до-

---

[50] *Coxe W.* Op. cit. P. 91 ff; *Гернет М.* История царской тюрьмы. 1762—1825. М., 1960. Т. I. С. 118; Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 465.

[51] *Гернет М.* Указ. соч. С. 109 и далее.

стался С. И. Шешковский, который ее и возглавил. Шешковский, сын чиновника, выслужившего дворянство, состоял в органах безопасности с шестнадцатилетнего возраста и славился умением вести допросы. Тайная экспедиция заседала в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге и в лубянской тюрьме в Москве.

Существует очень мало данных о том, как работало это ведомство и сколько людей прошло через него[52]. Шешковский участвовал в расследовании дела Мировича, митрополита Арсения Ростовского, а затем в допросах Пугачева, Радищева, Новикова. Применялись ли там пытки? Один из историков XIX в., изучавший Тайную экспедицию, утверждает, что при Екатерине не применялись пытки, бывшие в ходу при Анне и Елизавете, но что использовали допросы «с пристрастием» — с битьем кнутом и палками[53]. Это подтверждает доклад А. А. Вяземского о допросе солдата в 1778 г. Обвиняемый в пьяном виде заявил, что Петр III жив и обретается в крымских степях. Вяземский писал, что допрашивали с пристрастием, но не как раньше, не пытали, а только били. Ни в одном из дел дворян и чиновников, допрошенных Шешковским, нет сведений о применении физической силы (в отличие от морального воздействия). Если бы такое происходило, то, несомненно, сохранились бы прямые свидетельства, особенно в делах высокопоставленных обвиняемых, таких как Радищев. Большинство рассказов о Шешковском начинается со слов «говорят», «по преданию...». Даже история с молодой баронессой Эльмпт, которую будто бы привезли к Степану Ивановичу и там высекли за какие-то непристойные карикатуры на императрицу, ее приближенных и фаворитов, ничем не подтверждается[54].

---

[52] Об этом периоде нет исследования, подобного работе Н. Б. Голиковой «Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа» (М., 1957). К. В. Сивков написал на эту тему докторскую диссертацию, которая не была опубликована. Но ряд его статей посвящен различным сторонам проблемы. См., в частности: *Сивков К. В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского государственного педагогического института. М., 1946. Т. 11. С. 96—110; см. также более позднюю работу: *Джинчарадзе В. З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского педагогического института. Новгород, 1957. Т. II. № 2. С. 83—118.

[53] *Корсаков А. Н.* Степан Иванович Шешковский (1727—1794): Биографический очерк // Исторический вестник. 1885. № 12. С. 656—687.

[54] В «Записках» Л. Н. Энгельгардта сообщается, что ее высекла розгами домоправительница Шешковского (*Энгельгардт Л. Н.* Записки. 1766—1836. М., 1868. С. 58).

Очевидно, что смягчение атмосферы и постепенное внедрение новых представлений о законности в отношениях между властью и различными слоями народа принесло выгоду придворной верхушке, высшим чиновникам, богачам. Более широким кругам населения пошли на пользу старания Екатерины улучшить санитарно-гигиеническое состояние в стране, уменьшить риск пожаров и промышленного загрязнения, усовершенствовать канализацию. В стране открывались госпитали и аптеки, центры оспопрививания. Сначала родителям платили за то, чтобы они приводили на прививку маленьких детей, а потом ввели эту практику в народных училищах. В Казани «оспенный дом» открылся в 1771 г., в Иркутске в 1772 г. и за пять лет успел обслужить 15 500 человек. Богатым обычно прививки делали на дому[55].

Кокс и Ховард побывали и в некоторых больницах, сохранив об этом интересные и даже удивительные впечатления. Ховард осматривал Павловскую и Екатерининскую больницы в Москве и «хотел бы, чтобы такой же уход и чистота» царили в английских больницах. Кокс восхищался еще больше. Он описывает больничную палату, «аккуратно оклеенную обоями», с девятью кроватями за льняными занавесками. Каждому пациенту выдавали льняную ночную сорочку, стеклянный графин, а между кроватями стояли маленькие столики, и на каждом колокольчик. Это описание почти до мелочей совпадает с проектом, изложенным Екатериной в «Учреждениях...» 1775 г. В Екатерининской больнице лежало 150—200 пациентов, а в Павловской — 52. Оба эти «прекрасные учреждения» скорее походили на частные дома, чем на больницы, писал Кокс[56]. Но названные больницы явно представляли собой лишь исключения, образцы для подражания. Другим до них было далеко, кроме родовспомогательного заведения при Воспитательном доме.

Полное преображение социальных традиций и материальной среды общества — медленный процесс. За тридцать четыре года царствования Екатерины II образованная часть русского общества стала ближе к общим стандартам европейского образа жизни под

---

[55] *Storch H. von.* Tableau Historique et statistique de l'Empire de Russie. Paris; Basle, 1801. Vol. I. P. 327.

[56] *Coxe W.* Op. cit. P.20 ff; *Howard J.* The State of the Prisons in England and Wales... London, 1792. P. 75 ff. Миранда нашел, что Екатерининский госпиталь — один из лучших в Европе (Archivo del General Miranda... Vol. II. P. 422, 465).

влиянием экономического развития, профессионального расслоения, проникновения западной культуры. Но самым главным фактором было постоянное руководство сверху, при котором власть поощряла новые идеи и новые обычаи, распространявшиеся в обществе сверху вниз все глубже и шире, и создавала, по мере возможности, многие из необходимых предпосылок и внешних признаков нового, более гуманного отношения к отдельному человеку.

Эпилог

Когда в октябре 1791 г. не стало Потемкина, это было подобно падению могучего дуба. В жизни Екатерины — государыни и женщины — его смерть оставила страшную брешь. Семнадцать лет Потемкин главенствовал на российской политической сцене и не мог не стать мишенью зависти и даже ненависти со стороны тех, кого оттеснил, кому не досталось плодов его покровительства, кого возмущала его заносчивая уверенность в своем всесилии. По мере того как оба становились старше, все заметнее делалось отношение императрицы к Потемкину как к принцу-консорту. Когда зимой 1789 г. он прибыл в столицу, государыня нанесла князю официальный визит, чтобы подчеркнуть его особый статус. Зато для их частных отношений характерна следующая записка: «Я бы пришла к тебе, но слышу, что тебя бреют, да у тебя архиепископ». Специально для князя освещали дороги, и куда бы он ни поехал, к нему приставляли поистине королевский эскорт. Почти все просьбы Потемкина о деньгах удовлетворялись, а в 1790 г. Екатерина успела подарить ему новый Таврический дворец, выстроенный русским архитектором Старовым. Современники едва ли когда-нибудь осмеливались говорить вслух о том, что императрица и князь обвенчаны, однако желчный саксонский посланник Гельбиг отмечал, что их связь окутана тайной: «Невозможно распознать, в какой мере императрица и князь Потемкин действуют заодно или расходятся во взглядах»[1].

У Платона Зубова в старости однажды вырвались слова досады на Потемкина: «Хоть я победил его наполовину, но окончательно

---

[1] СбРИО. Т. XLII. С. 392; донесение Гельбига от 7/18 марта 1791 г. см.: *Herrmann E.* Diplomatishce Correspondenz aus der Revolutionszeit, 1791—1797. Gotha, 1867. S. 102. См. также: *Brevern de la Gardie, comtesse de.* Un ambassadeur de Suède à la cour de Catherine II... Stockholm, 1919. Vol. I. P. 96 ff. Донесения от 17, 24 и 25 марта и 1 апреля 1791 г. и др.

устранить с моего пути никак не мог, а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я брал с него пример. Притом Потемкин — главная причина тому, что я не вдвое богаче»[2]. Устремления Потемкина — например, сделаться польским королем — служили пищей для всеобщих сплетен. Никита Панин еще в 1775 г. ставил себе в заслугу, что не допустил Потемкина к польской короне[3]. Но редко приводят слова самого князя по этому поводу. Тем интереснее краткий отрывок беседы, о которой докладывал в 1788 г. принц де Линь:

> — Я сделаю вас господарем Молдавии и Валахии, — сказал князю де Линь.
> — Мне это решительно смешно, — отвечал Потемкин. — Держу пари, что я могу стать польским королем, если этого пожелаю. Я уже отказался стать герцогом Курляндским; *ведь я гораздо выше всего этого* [курсив де Линя. — *Авт.*][4].

Может быть, светлейший князь хотел сказать, что является супругом русской императрицы? Во всяком случае, так он себя и вел, а народ «видел в нем своего господина»[5].

Конечно, именно доверием Екатерины к Потемкину — ее фактическому, если и не официальному, супругу — объясняется как самоуверенность и даже дерзость его поступков, так и ненависть и подозрительность, которые он внушал окружающим. Но он дарил Екатерине свою беззаветную преданность, в которой она так нуждалась, а к тому же умел ее смешить. В характере и поступках князя был невиданный размах, а бесчисленные легенды о нем служат данью восхищения его выдающейся личностью. Многие, подобно британскому послу Джеймсу Харрису, графу де Сегюру или принцу де Линю, поддались его обаянию. Обладая широкой образован-

---

[2] Князь Платон Александрович Зубов. 1767—1822 // РС. 1876. № 9. С. 43.

[3] *Herrmann E.* Op. cit. P. 106. Донесение саксонского посланника фон Фолькерзана от 16/27 октября 1791 г., в котором приведены слова польского поверенного в делах Деболи.

[4] *Ligne Ch. J. E., prince de.* Mémoires et melanges historiques et litteraires. Paris, 1827. P. 143, ноябрь 1788 г.

[5] *Herrmann E.* Op. cit. P. 102. Донесение Гельбига от 7/18 марта 1791 г.: «Он является в блеске — и со свитой, достойной государя, а народ, кажется, видит в нем своего господина».

ностью, Потемкин, как никто другой при дворе Екатерины, был знаком с церковно-славянскими и греческими корнями русской культуры и был меньше многих затронут иссушающим ум влиянием Просвещения. Но князя ненавидели те, кого он превзошел или оттеснил от власти, — Панины, Чернышевы, Орловы.

Чувства, которые вызывал Потемкин у современников, искажали последующие оценки историков и мешали им объективно оценивать его заслуги перед Россией. Лишь недавно деятельность князя на посту генерал-губернатора Новороссии была изучена по его собственным бумагам, и его роль в освоении и развитии ранее пустынных областей получила более положительную оценку[6]. Точно так же Потемкин, в отличие от Суворова или Румянцева, все еще ждет своего биографа как полководец. Его обвиняли в лени, медлительности, в том, что он видел врагов там, где их не было, хотя ни разу не упрекнули в личной трусости[7]. Из-за неспособности воспринимать Потемкина всерьез как солдата историки упускали из виду тот факт, что он первым из русских военачальников Нового времени командовал не одной армией, а осуществлял общее руководство сразу несколькими театрами военных действий, простиравшимися от Дунайских княжеств и Бессарабии до Крыма и Кавказа, и обеспечивал сверх того стратегическое взаимодействие с Черноморским флотом (который он сам и создал) и совместные операции с союзником — Австрией. Перед Потемкиным стояла более сложная задача, чем перед Румянцевым, который во время Русско-турецкой войны 1778—1781 гг. командовал лишь одной армией в Молдавии.

Кроме того, Потемкину приходилось защищать новоприобретенные русские территории от турецких десантных атак с моря и управлять огромными землями Новороссии, где он являлся наместником. Далее, во время первой войны с Турцией 1768—1772 гг. Рос-

---

[6] См., в частности: *Дружинина Е. М.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. Эта работа, как было принято в советской историографии, никак не выделяет личные заслуги Потемкина, но косвенно проливает свет на многие стороны его деятельности. См. также: *Raeff M.* The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G.A. Potemkin // Statesmen and Statescraft of the Modern West. Barre (Mass.), 1967. P. 1—51.

[7] См.: *Петров А.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины II, 1778—1791 гг. СПб., 1880. Т. I—II; *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Passim; *Ligne Ch. J. E., prince de.* Op. cit. Vol. II. P.104. Когда Потемкин сказал де Линю, что у турок в Бендерах стоит 12 тыс. солдат, в Хотине — 6 тыс., а Днестр хорошо защищен, де Линь отмахнулся от этих сведений как от выдумки, хотя все это была чистая правда.

сия, по сути дела; могла не опасаться удара с тыла. Только в 1771—1772 гг. Австрия заняла было угрожающую позицию, но ее сдержали при помощи русско-прусского союза, а потом от австрийцев откупились за счет раздела Польши. Но во второй войне, начиная с 1788 г., все свои военные операции Россия вела, не упуская из виду опасности за спиной. Однако это постоянное дипломатическое давление на верховного главнокомандующего ускользнуло от глаз придирчивых российских и иностранных знатоков. Как полевой командир, Потемкин, разумеется, предпочитал добиваться сдачи турецких крепостей подавляющим численным перевесом, чтобы избежать кровопролития. Бойни, как под Измаилом, были не для него. Его переписка по делам военной администрации отражает постоянную заботу о благополучии солдат, а описания современников говорят о том, что армии Потемкина хорошо снабжались. Солдаты любили князя, им нравилось, что их больше не бьют на учениях, как раньше, и не донимают излишне строгой дисциплиной и аккуратностью. Офицерам же пришлась не по душе новая потемкинская форма из грубой ткани, из-за которой их стало трудно отличить от нижних чинов. С другой стороны, занятые русскими войсками земли, Бессарабия и Молдавия, безжалостно эксплуатировались, и их жители лишь мечтали о том, чтобы русские армии ушли поскорее[8].

Одно из справедливых обвинений в адрес Потемкина, в связи с его дурным влиянием на Екатерину и на ее двор, это упрек в том, что он своим примером поощрял тягу к чрезмерной роскоши, которой были отмечены последние годы екатерининского царствования. Ни военные расходы, ни разделы Польши, ни углубляющийся финансовый кризис не могли убавить пышности балов, спектаклей, маскарадов — этих вечных праздников и развлечений, которые устраивала и сама императрица, и ее виднейшие и богатейшие царедворцы и на которых Потемкин являлся «в ореоле великолепия и славы»[9]. Тот праздник, который задал Потемкин в своем новом Тав-

---

[8] О Потемкине как верховном главнокомандующем см. предисловие Д. Ф. Масловского к изданию: Сборник военно-исторических материалов. Вып. IV. СПб., 1893. См. также: А. А. Безбородко — А. Р. Воронцову, 17/28 ноября 1791 г. // АКВ. Т. XIII. С. 223 и далее.

[9] Стедингк и его секретарь Дженнингс приводят полные описания бесконечных вечеров и приемов, устраивавшихся для Потемкина в это время, как и великолепных выходов самого князя. *Brevern de la Gardie.* Op. cit. P. 98ff, 101ff, 103ff, 105ff. См. также: *Esterhazy V.* Lettres du comte Valentin Esterhazy à sa femme, 1784—1792. Paris, 1907. Passim.

рическом дворце 28 апреля 1791 г. по случаю дня рождения императрицы, описывали так часто, что вряд ли здесь нужно приводить его подробности. Приглашенных было три тысячи человек, великие князья Александр и Константин танцевали менуэт, в обширном дворце с крытым зимним садом, фонтанами и статуями выступали артисты. Екатерина пробыла на балу до двух часов ночи, хотя обычно уходила рано, и когда наконец стала прощаться с хозяином, Потемкин упал перед ней на колени и оба растрогались до слез.

Эта поразительная сцена и последовавшая через полгода смерть Потемкина заставили многих авторов усмотреть здесь взволнованное прощание двух любящих сердец навсегда. Они видели императрицу, которой наскучил ее великий фаворит, но которую по-прежнему трогало его внимание, и всесильного вельможу, понявшего, что ему не вернуть былую любовь своей госпожи, потому что у нее появился молодой фаворит. Но такие толкования легко придумывать задним числом. И Екатерину, и Потемкина всегда легко было растрогать до слез. Прекрасный праздник у светлейшего князя был искренним ответным жестом благодарности за бесконечную щедрость к нему государыни, выражением любви и признательности. Но политика для обоих была важнее всего, поэтому Потемкин не уехал сразу же, а еще оставался в столице до тех пор, пока не узнал, что Россия свободна от Тройственного альянса, и пока не была выработана политика в отношении Польши. Когда же он собрался уезжать на юг, ни императрица, ни князь не предполагали, что больше никогда не увидятся, и его положение президента Военной коллегии и главного советника императрицы оставалось неизменным.

Этим и объясняется внезапность потрясения, вызванного смертью Потемкина. Екатерина, получив известие о ней после новостей о том, что князю лучше, была буквально сражена горем, пришлось ей пустить кровь. «Как можно мне Потемкина заменить... — рыдала она при своем секретаре. — Все будет не то. Кто мог подумать, что его переживет Чернышев и другие старики?.. Так, да, я стара. Он настоящий был дворянин, умный человек, меня не продавал, его не можно было купить»[10]. Правительственные дела остановить было невозможно, но вся светская жизнь при дворе замерла. Заброшены были и дворцовые приемы, и даже закрытые частные вечера у им-

[10] *Храповицкий А. В.* Дневник. СПб., 1874. С. 377–378. 16/27, 17/28, 18/29 октября 1791 г. Екатерина говорит здесь об Иване Григорьевиче Чернышеве, президенте Адмиралтейской коллегии.

ператрицы, на которых бывало по пятнадцать—двадцать гостей. Императрица разрыдалась, когда 6/17 января 1792 г. ей был вручен экземпляр мирного договора с Турцией. Никаких публичных торжеств по случаю заключения мира не было, кроме салюта в 101 залп. Во дворце отслужили молебен в частной обстановке, а во время обеда Екатерина сердито отмахивалась от всяких тостов. В начале февраля прибыл с ратификацией турецкого визиря племянник Потемкина, А. Н. Самойлов. Когда он вошел, всех присутствующих отпустили, и государыня осталась с ним наедине оплакивать свою потерю[11].

Со смертью Потемкина полностью изменилась расстановка сил в Санкт-Петербурге, произошла перегруппировка различных придворных партий. Князь так долго служил главной движущей силой, высшим авторитетом после императрицы, что правительство оказалось в известной растерянности. Затем в течение ближайших двух-трех лет появились новые фигуры, способные разделить между собой его полномочия, но и независимо от кончины князя началось существенное обновление высшего эшелона власти, связанное со смертью или отставкой многих сподвижников Екатерины, прослуживших ей долгие годы. В 1791 г. умер Иван Орлов, как и генерал Я. Брюс, и двоюродный брат Потемкина — М. С. Потемкин. В январе 1793 г. скончался А. А. Вяземский, и в сентябре на его место назначили А. Н. Самойлова, хотя и не доверили ему те же финансовые полномочия. Из всех, кто был рядом с Екатериной в великий день в июне 1762 г., остались только Кирилл Разумовский, Федор Барятинский и Алексей Орлов. Государыню со всех сторон окружали новые молодые лица.

Выдающиеся деятели эпохи ее расцвета не всегда и не во всем были согласны друг с другом и с Потемкиным. Однако существовало определенное разделение обязанностей между ведущими сановниками, а их членство в Совете при Высочайшем дворе придавало устойчивость процессу управления страной. С 1781 г. ведущей фигурой во внешней политике России выступал А. А. Безбородко как старший член Коллегии иностранных дел, хотя номинально возглавлял ее вице-канцлер А. И. Остерман. Внутренними делами занимался Вяземский, торговлей — А. Р. Воронцов, Потемкин ведал вооруженными силами и освоением новых земель. Воронцов, принципиальный противник Потемкина, был связан тесными дружескими узами с А. А. Безбородко и П. В. Завадовским (ведавшим

[11] *Храповицкий А. В.* Дневник. С. 388. 6/17 января 1792 г., с. 380—389, 30 января / 10 февраля 1791 г.

образованием и банками), а Вяземский, как полагали, поддерживал Потемкина.

Молодого Платона Зубова (в 1791 г. ему исполнилось 24 года) Екатерина использовала, вслед за его предшественниками, как передатчика просьб и жалоб, но фаворит почти сразу принялся интриговать не только против Потемкина, но и против Безбородко. Дошло до того, что Безбородко от души обрадовался возвращению Потемкина ко двору в марте 1791 г. Но когда светлейший князь уехал в Яссы заключать мир с турками, Безбородко уступил дорогу Зубову. Поначалу казалось, что Екатерине просто хочется иметь доверенное лицо, чтобы рядом всегда был человек, с которым можно было бы обсуждать государственные дела. Но вскоре она попыталась, по английской пословице, сшить шелковый кошелек из свиного уха и принялась обучать «дуралеюшку» (как величал Зубова в своем дневнике Храповицкий) искусству государственного управления[12].

Справляться с трудностями помогал молодому, неопытному и непригодному к делу Зубову союз с Аркадием Ивановичем Морковым, подчиненным Безбородко по Коллегии иностранных дел. К этим двоим некоторое время примыкал и В. С. Попов, глава канцелярии Потемкина, который теперь выставлял себя хранителем последней политической воли и завещания князя. Когда осмеливались поставить под вопрос какую-либо сторону деятельности прежней администрации, Попов тут же докладывал императрице, что чернят Потемкина, и на все дальнейшие дискуссии немедленно налагался запрет[13].

До сих пор Безбородко оставался, в сущности, незаменимым. Знающий свое дело, расторопный в работе (хотя больше ни в чем), он отличался выдающейся памятью и, подобно Потемкину, блестяще владел русским языком. Он умел свести хаотическую путаницу бумаг в короткую и ясную сводку, мастерски составлял проекты указов. Безбородко никогда не был фаворитом в известном смысле слова (он был груб, вульгарен и, как говорили, склонен к сомнительным знакомствам и к низменному обществу). Не имел он, в отличие от Н. И. Панина или Потемкина, и самостоятельных полити-

[12] *Храповицкий А. В.* Дневник. С. 338. 17/28 и 18/29 октября 1791 г. Временами заметно, что Екатерину раздражало дилетантство Зубова.

[13] А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 15/26 мая 1792 г. // СбРИО. Т. XXIX. С. 225 и далее.

ческих взглядов и убеждений. Но зато он был отличным исполнителем замыслов Екатерины. Государыня ему доверяла и любила больше, чем Воронцовых с их холодным высокомерием (Семен Воронцов даже в 1796 г. способен был назвать тот день, когда Екатерина захватила власть, а его самого ненадолго арестовали, «le jour horrible», «l'abominable jour de la revolution même» — «ужасный день», «гнусный день того самого переворота»)[14]. И вдруг Безбородко обнаружил, что должен заискивать перед мальчишкой Зубовым. Внешнеполитические вопросы больше не поступали в Совет, их решала клика Моркова—Зубова. Надежды Безбородко вместе с А. Р. Воронцовым и Н. И. Салтыковым на то, что им достанутся в управление бывшие потемкинские губернии, рухнули, потому что Екатерина сразу же поручила их заботам Попова под своим собственным руководством. Безбородко начал поговаривать об отставке, а Александр Воронцов в июле 1792 г. удалился в длительный отпуск[15].

Стремительный взлет Зубова служит мерой того, насколько сдала сама Екатерина. Фаворит, которого сначала проталкивал Н. И. Салтыков (заполучивший Военную коллегию после смерти Потемкина) — близкий друг отца Зубова, привел за собой обычную ораву алчных сородичей. Один из его братьев, Николай, был женат на дочери Суворова, другой на дочери А. А. Вяземского. Самого младшего, Валериана, очень любила Екатерина — настолько, что пошли слухи, будто он делит с братом ее милости. Однако это психологически не соответствовало бы сексуальному поведению Екатерины, в то время как теплая, восхищенная привязанность к красивому смелому юноше была для нее вполне типична. Одна из сестер Зубова, бывшая замужем за А. А. Жеребцовым, стала любовницей английского посла сэра Чарлза Уитворта.

К несчастью, Платон не обладал ни умом, ни достаточно хорошим воспитанием, чтобы оказаться на высоте своего необыкновенного положения. Он был юношей не слишком образованным, без особых заслуг, но зато чем выше он взбирался, тем больше росли его амбиции. Руководимый Н. И. Салтыковым и А. И. Морковым, он сумел освоить кое-какие административные приемы и одно за дру-

---

[14] Автобиографическая заметка С. Р. Воронцова // АКВ. Т. VIII. С. 1 и далее.

[15] А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, январь 1792 г. // Там же. Т. XIII. С. 243; 15/26 мая 1792 г. // Там же. С. 254; А. Р. Воронцов — С. Р. Воронцову. 25 июня / 6 июля 1792 г., 14/25 августа 1792 г. // Там. же. Т. IX. С. 247.

гим быстро получил ряд званий и отличий: генерал-фельдцейхмейстера, новороссийского и крымского генерал-губернатора, сенатора, кавалера многих русских орденов, наконец, князя Священной Римской империи. Кроме того, Зубов отличался страстью к деньгам. Он хвастался, что благодаря ему Россия получила плодородные населенные земли (в Польше, где и ему досталась немалая доля), тогда как Потемкин одарил отечество лишь пустынями, где свирепствует лихорадка. Величайшие вельможи России считали для себя обязательным присутствовать при утреннем туалете Зубова и исполнять его капризы. Будущий фельдмаршал Кутузов, случалось, наливал фавориту кофе и подавал в постель[16]. Но то, что можно было терпеть от такого человека, как Потемкин, было совершенно невыносимо со стороны юнца (Зубову было лишь 29 лет, когда умерла Екатерина), окружившего себя людьми посредственного ума.

Встречая во многих мемуарах, относящихся к периоду зубовского фавора, резкие высказывания по поводу всей этой ситуации, нужно делать скидку на возраст их авторов: они принадлежали к молодому поколению (например, Ростопчин, да и сам великий князь Александр Павлович), не знавшему Екатерину в ее лучшую пору. Они при любых обстоятельствах желали бы перемен, что естественно для всех молодых честолюбцев в конце каждого долгого царствования. Ведь и Потемкина они не щадили в своих воспоминаниях. Но Зубов нанес гораздо больший ущерб престижу Екатерины, чем когда-либо удавалось Потемкину. Ведь светлейший князь добился некогда звания генерал-лейтенанта на военной службе, на полях сражений, а уж потом стал фаворитом. То, что он был на десять лет младше императрицы, со временем постепенно теряло важность. К моменту своей кончины Потемкин — немолодой, отяжелевший, страдающий ипохондрией — был сам по себе великим человеком. Пусть его ненавидели многие при дворе, но зато для страны в целом его присутствие рядом с Екатериной служило, пожалуй, стабилизирующим фактором. Он отчасти удовлетворял традиционное стремление русского народа иметь государем мужчину, умел властно и вместе с тем весело и добродушно разговаривать с простыми людьми, завоевывая их преданную любовь. Зубов же, молодой, легковесный и заносчивый, да к тому же тридцатью годами моложе Екатерины, только позорил ее.

---

[16] Ф. В. Ростопчин — С. Р. Воронцову, 14/25 сентября 1795 г. // АКВ. Т. VIII. С. 110.

Замужество и материнство принесли Екатерине мало радости, но зато, став бабушкой, она в полной мере вознаградила себя. Маленькие дети всегда были в восторге от ее общества. По воспоминаниям С. Н. Глинки, когда Екатерина в 1780 г. посетила Белоруссию, то его отец, местный капитан-исправник, представил ей своих детей. Екатерина посадила одного ребенка на колени, и тот принялся играть ее орденской лентой, восклицая:

— Бабушка, дай мне эту звезду!

— Служи, мой друг, — отвечала Екатерина, — служи, милое дитя, и у тебя будут и ленты, и звезды, — и тут же записала его в Кадетский корпус.

Она часто навещала Кадетский корпус, как и Григорий Орлов, когда в нем учился их сын, граф Алексей Бобринский. В последующие годы она собирала у себя во дворце каждое воскресенье человек по двадцать малолетних кадет, чтобы они поиграли с ее внуками. Екатерина играла вместе с ними, а когда у одного мальчика упала подвязка, она взяла его к себе на колени, подвязала чулок и поцеловала ребенка. Отпуская детей в корпус, она раздавала каждому конфеты[17].

Императрица забрала у родителей обоих своих старших внуков с самого рождения и увлеченно следила за их воспитанием. Свои педагогические методы, которыми она очень гордилась, императрица объясняла в письмах к барону Гримму. Она считала, что жизнь детей должна быть простой и спартанской: как можно больше свежего воздуха, свободная одежда (Екатерина придумала даже особое детское одеяние вроде комбинезона и послала выкройку Густаву III, узнав, что его семейство разрастается)[18], простая здоровая еда, множество всевозможных игр. Младенцы спали на жестких кожаных матрасиках, а не в колыбелях, причем температуру в детской держали на уровне 14—15 градусов, зажигая одновременно не больше одной-двух свечек, чтобы сохранить свежий воздух. В помещении установили балюстраду, не позволявшую слишком близко подходить к великим князьям. Их ежедневно купали, а как только они достаточно подросли — то и в холодной воде. В сущности, их воспитание было буквально во всем прямо противоположно тому, которое Елизавета Петровна применяла к маленькому Павлу. Если кормилица у Александра была русская, то няней к нему приставили англичанку (наверно, первую в России), облеченную полным

[17] *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 25—26. Вспомним, что Бобринский вырос беспутным мотом, так что оба сына Екатерину не радовали.

[18] Екатерина II — барону Гримму // СбРИО. Т. XXIII.

доверием императрицы. У Константина была няня-гречанка, чтобы готовить его к будущей роли владыки Константинополя[19].

При всех своих многочисленных обязанностях и занятиях Екатерина всегда находила время поиграть с любимым внуком, поучить его читать. По письмам к барону Гримму можно судить, как она была довольна Александром. Императрица писала для детей сказки, нравоучительные рассказы и повествования из русской истории — в сущности, она, наверно, первой в России начала писать светские учебные пособия специально для детей. Разумеется, эти сочинения публиковались и служили на пользу целым поколениям. Она одобряла механические игрушки, в чем заметно влияние «Эмиля» (государыня просила Гримма прислать для Александра «печатную машину со множеством букв»), поощряла работу детей в их маленьких садиках, где они растили овощи.

В 1783 г. Екатерина назначила наставником великих князей генерала Н. И. Салтыкова. Он играл при них ту же роль, что Н. И. Панин при юном Павле, но прежде всего это назначение объяснялось тем, что Салтыков, опытный царедворец, был лицом, приемлемым для Павла, и мастером лавировать между придворными партиями. Екатерина снабдила Салтыкова длинной инструкцией с изложением педагогических принципов, которым ему предстояло следовать. Большинство этих идей поддержали бы современные педиатры. Документ отмечен характерной педантичной детальностью и отражает горячий интерес императрицы к просвещению в начале 80-х гг. Воспитание не должно было сводиться к одному лишь обучению. Детей следовало доброжелательно, но твердо приучать к правдивости, стойкости, отваге[20].

Именно барон Гримм и обратил внимание императрицы на швейцарского педагога Цезаря де Лагарпа, которому она и доверила собственно обучение великих князей. С точки зрения личных качеств Лагарпа нельзя было сделать лучшего выбора. Его добродетели швейцарского республиканца делали Лагарпа неуязвимым для развращающего влияния двора, а его несомненный дар педагога снискал ему уважение Александра и привязанность и доверие императрицы. Столь же характерным был и выбор религиозного наставника великих князей: А. А. Самборский, отправленный когда-

---

[19] *Шильдер Н. К.* Император Александр I. СПб., 1897. Т. I. С. 6 и далее; *Храповицкий А. В.* Указ. соч. С. 434, 20 июля 1793 г.; с. 312, 9 октября 1789 г.

[20] СбРИО. Т. XXVII. С. 301—330, 13 марта 1784 г.

то в Англию учиться агрономии, женился там на некой мисс Филдинг и стал впоследствии настоятелем русской посольской церкви в Лондоне. Екатерина позволила Самборскому брить бороду и носить светское платье (что заставляло консервативные церковные власти сомневаться в чистоте его православия: митрополит Новгородский отказывался проводить церковные службы с его участием: он услыхал, что народ думает, будто из-за безбородого попа Самборского случился неурожай, и обвинил его в новой ереси[21]).

Четыре дочери великокняжеской четы, появившиеся на свет после Александра и Константина, были предоставлены заботам родителей, но судьба двух старших сыновей была предметом постоянных раздоров между императрицей и семьей Павла. Екатерина задумала взять обоих мальчиков с собой в Крым в 1787 г., потому что не хотела оставлять их на попечение сына. Эта идея вызвала ожесточенную ссору с Павлом и Марией Федоровной, которых с собой в Крым не взяли. Екатерина успокаивала их в своем обычном ироническом тоне, убеждая, что присутствие младших детей смягчит горечь разлуки со старшими. Но ее планы рухнули, так как оба мальчика заболели оспой[22].

Неудивительно, что Екатерина не позволила сыну отправиться вместе с ней в путешествие. Присутствие «тяжелого багажа» (как она обидно назвала сына с невесткой в письме к Гримму)[23], непременно омрачило бы молчаливым неодобрением эту поездку, задуманную прежде всего как триумфальная демонстрация успехов Потемкина. Ведь Павел уж конечно дулся бы постоянно, воображая, что им пренебрегают. С началом войны в сентябре 1787 г. великий князь запросился в армию волонтером. «Вот еще одно затруднение для вас, от которого я вас с радостью избавлю», — написала Екатерина Потемкину и отказала сыну. Но когда Павел возобновил атаку, она уступила. Правда, вскоре с удовольствием отменила свое разрешение под предлогом беременности великой княгини: ведь, покинув жену в такую минуту, Павел мог подвергнуть риску драгоценную жизнь нового Романова[24]. В июне 1788 г., после рождения четвер-

---

[21] Записки Михаила Гарновского, 1786—1790 // РС. 1876. № 5. С. 13.

[22] *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 199 и примеч. 1, с. 201 и далее, с. 556—557.

[23] СбРИО. Т. XXIII. С. 621, 6 апреля 1795 г.

[24] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 209 и далее, а также примеч.; СбРИО. Т. XXVII. С. 486, 466, 469.

той дочери, Павел опять собрался было ехать в армию, но тут началась война со Швецией, и ему пришлось остаться в Петербурге.

Теперь Екатерина благосклоннее отнеслась к желанию сына побывать на шведском фронте, и 1 июля 1788 г. великий князь отбыл к войскам. Здесь он немедленно поссорился с главнокомандующим, графом В. П. Мусиным-Пушкиным, пришел в ужас от того, что поспешно переброшенные в Финляндию войска совсем не отвечают стандартам гатчинского плац-парада, а к тому же его не допускали к обсуждению боевых операций. К середине сентября, когда войска отправились на зимние квартиры, Павел уже был в столице и больше никогда на войну не ездил[25].

По возвращении из Крыма Екатерина начала всерьез размышлять о том, чтобы лишить Павла права на престол и передать его напрямую внуку Александру, которому было всего одиннадцать лет. По закону она имела полное право назначить себе любого наследника и однажды прочитала своему секретарю отрывок из «Правды воли монаршей» — документа, на который опирался Петр I, лишая престола своего сына, царевича Алексея. Однажды она назвала «ложным мнением» (так считал и Петр I) традицию передачи престола старшему сыну и послала за указами своих предшественников, которыми те разрешали проблему престолонаследия. В другой раз она оправдывала обращение Петра Великого с его сыном — этим неблагодарным, непослушным и неспособным царевичем Алексеем, который «слушал ласкателей, отдалял от ушей своих истину, и ничем на него не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе»[26]. Вполне возможно, что Екатерина узнала (при помощи перлюстрации) о почти изменнических связях Павла с Фридрихом Вильгельмом II через прусского посла барона Келлера. Великий князь совершенно не скрывал возмущения переворотом 1762 г.: «Не мне судить, справедливо ли было то, что сделали двадцать четыре года назад... Пусть те, кто это сделал, спросят свою совесть, я же не хочу ссориться со своей». Он выражал неодобрение политикой Екатерины, упоминал, насколько он популярен в Москве и как недовольна этим императрица[27]. Однако, вопреки

---

[25] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 225. Возможно, что возвращение Павла ускорилось из-за попыток герцога Зюдерманландского начать с ним прямые переговоры, о чем Павел сразу же корректно доложил матери.

[26] Там же. С. 216 и далее.

[27] Донесение барона Келлера от 3/14 февраля 1787 г. // Там же. С. 559.

мнению некоторых дипломатов о том, что Павел мог бы ради собственной безопасности или по общей воле народа возглавить выступление против императрицы[28], он никогда дальше слов не шел.

Но он боялся лишиться прав на престол. В 1788 г., когда великий князь собрался ехать в армию, он продиктовал распоряжение, в котором велел своей жене в случае смерти императрицы немедленно завладеть ее бумагами, чтобы никакое завещание Екатерины не перечеркнуло его права на царствование. Тем временем сам Павел написал несколько проектов закона о престолонаследии в России, в которых вместо рокового нововведения Петра I — свободного выбора государем наследника престола — вводилось престолонаследие по прямой мужской линии и почти полностью исключалась возможность восшествия женщин на российский трон[29].

Недостатки екатерининской системы воспитания внуков стали очевидны всем, кроме слепо любящей бабушки, когда они стали подростками. В это время дети обычно переживают период бунта против родителей. Екатерина же узурпировала роль родителей, поэтому и бунт подростков оказался направлен против нее. То теплое, почти удушающее внимание, которым она их окружила, громадные ожидания и великие требования, которые она к ним предъявляла, заставляли их втайне искать спасения от ее подавляющего женского начала в мужском мире отца. У него в Гатчине царил суровый этикет, порядок и четкость вместо непринужденности и свободы бабушкиного двора. Но обоих мальчиков как раз влекла военная муштра, «парадомания», им хотелось научиться воинским искусствам.

К тому же, по мере того как Александр становился старше, у него развивалось неприятие частного и публичного поведения Екатерины. Из учения Лагарпа, с его мощным акцентом на личную и общественную мораль, с неизбежностью вытекало осуждение политического абсолютизма, фаворитизма и всех его последствий, а также совершенно безнравственной внешней политики Екатерины[30]. Республиканская суровость служила живым упреком роскоши и распущенности двора императрицы. Сама она показала внуку вопиющий пример расхождения между теорией и практикой, когда осторожно объяснила ему достоинства французской конституции 1791 г.

---

[28] *Шильдер Н. К.* Указ. соч.

[29] Там же. С. 217 и далее.

[30] *Biaudet J. C., Nicod F.* Correspondance de Frederic Cesar de la Harpe et d'Alexandre I. Geneve, 1982. P. 14.

Разрываясь между отцом и бабушкой, Александр вскоре научился приспосабливаться к тому обществу, в котором находился в данный момент, утаивать свои мысли и чувства под защитной оболочкой. Он слушал отцовские обличения прошлой и нынешней внутренней и внешней политики Екатерины и соглашался с ним, а потом, вернувшись к императорскому двору, присоединялся ко всем мнениям бабушки. Но сильнее всего Александр ненавидел и презирал фаворитизм, в особенности самого Платона Зубова. Ему было отвратительно видеть, что огромная власть сосредоточена в недостойных руках и что Зубовы ею бессовестно злоупотребляют. Он презирал придворных, толпившихся в прихожей у фаворита в ожидании его милостей, и начинал презирать собственную бабку, допустившую все это[31]. А Екатерина никогда не понимала, как тяготился ее влиянием обожаемый внук. В отношении же Константина ее методы оказались еще неудачнее. В нем, как и в Павле, была подспудная жестокость, переходившая во внуке даже в зверство, которую не мог укротить ни один наставник. (Может быть, это подтверждает их подлинное романовское происхождение от Петра I через Петра III.) Константин был способен высказываться о бабушке и ее любовниках с поразительной грубостью.

Тревога о будущем династии привела Екатерину к решению, ставшему новым бременем для ее любимого внука. Вспомнив себя невестой в четырнадцать лет, она решила, что будет только естественно женить Александра, хотя тому было всего пятнадцать, в надежде утвердить его в правах на престол. После обычной инспекции мелких германских дворов Екатерина выбрала двух принцесс Баденских, Луизу и Фредерику. В октябре 1792 г. обе отправились в Россию с визитом, цель которого была всем вполне ясна. Принцесса Луиза была очаровательное, благовоспитанное дитя, и Александру пришлось признать, что она его в общем восхищает. В январе 1793 г. Луиза приняла православие и после обручения стала великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Свадьба состоялась в сентябре 1793 г., жениху было пятнадцать лет, а невесте четырнадцать. Оба были во всех отношениях еще слишком молоды, чтобы ответственно подходить к браку. Елизавета Алексеевна, робкая и романтическая девушка, всей душой полюбила красивого юного принца, но Александру

---

[31] См., напр.: Александр — В. П. Кочубею, 10 мая 1796 г. // *Шильдер Н. К.* Император Александр I... С. 276. См. также: Memoirs of prince Adam Czartoryski. London, 1888. Vol. I. P. 115.

еще были недоступны эмоциональные высоты, на которых обитала Елизавета, и он не мог ответить на ее нежность. Ему все еще было уютнее в мужской компании, в Гатчине, а на сентиментальное воркование времени не хватало. Юной чете нравились балы и развлечения при дворе Екатерины. Они шокировали степенных пожилых царедворцев своей непринужденностью, а Александр скрывал даже от бабушки появившуюся у него тягу к дендизму (она проявлялась в галстуках такой ширины, что он не мог бриться). Положение молодой четы осложнилось, когда Платон Зубов вдруг воспылал страстью к великой княгине Елизавете Алексеевне. Это заставляло ее с большой осторожностью маневрировать среди придворных ловушек. И, к несчастью для великой княгини, она не родила наследника.

А поведение Павла Петровича становилось все эксцентричнее. Некогда безупречный брак великого князя был теперь омрачен его увлечением одной из фрейлин жены, некрасивой, но очень остроумной и привлекательной Екатериной Нелидовой. Павел требовал, чтобы все его придворные оказывали Нелидовой бóльшие почести, чем его супруге. Из-за этого распался и без того узкий круг друзей Павла, а Мария Федоровна испытывала жестокую ревность. Нелидова отказалась стать любовницей Павла, а когда она испросила разрешения удалиться в Смольный монастырь — институт благородных девиц, где училась сама и откуда продолжала управлять великим князем, то вполне явственно обозначился призрак новой мадам де Ментенон. Во время очередного приступа хандры Павел отказался присутствовать на свадьбе Александра, и тогда Мария Федоровна подавила свою гордость и попросила Нелидову уговорить великого князя вести себя прилично[32].

Павел относился к Французской революции еще нетерпимее, чем его мать. Над этим потрудились французские эмигранты, в частности граф Эстерхази — агент королевской семьи, внушавший ему, что править нужно железной дубиной. Павлу повсюду чудились якобинцы. Малейшее неподчинение приказу, даже самому нелепому, рассматривалось как якобинское вольнодумство. Панталоны навыпуск и круглые шляпы (в противоположность треуголкам) были запрещены в Гатчине, как наряд санкюлотов. Екатерине сын доказывал, что нужно покончить с революционной болтовней с помощью пары залпов. На это императрица заметила, что если Па-

[32] *Шильдер Н. К.* Император Павел I... С. 252.

вел намерен бороться с идеями при помощи пушек, то власть его будет недолгой[33].

Одержимый страхом, что его обойдут в вопросе о престолонаследии, Павел, и без того неуравновешенный, жил в постоянном напряжении. Екатерина же, в свою очередь, боялась, что если трон перейдет к сыну, то вся ее политическая система будет изменена, а Россия станет «провинцией Пруссии»[34]. Женитьба Александра, которая, в общем, ознаменовала собой если не совершеннолетие, то, во всяком случае, признание великого князя взрослым, дала Екатерине случай прощупать мнение двора, а главное — выяснить, что думает о престоле сам Александр. Инструментом для этого был избран не кто иной, как Лагарп. В октябре 1793 г. швейцарца призвали к императрице, и та два часа уговаривала его побеседовать с Александром, но при этом не называла вещи своими именами. Однако все ее уловки не смогли поколебать стойкого республиканца. Лагарп упорно не хотел понимать, что ей от него нужно, хотя на самом деле все ему было совершенно ясно. Кроме того, он предвидел, что если вскроется какой-нибудь заговор против Павла, то он, Лагарп, как иностранец, подозреваемый в якобинстве, окажется козлом отпущения. Год спустя Лагарпа сняли с его поста при обстоятельствах, автоматически означавших отставку, но он покинул Россию лишь после того, как посетил Павла, дал ему несколько здравых советов о том, как обращаться с сыновьями, и рекомендовал верить в их лояльность. Увы, впоследствии это не помешало Павлу лишить швейцарца пенсии[35].

Из рассказа Лагарпа об этом случае вытекает, что несколько человек из окружения императрицы были в курсе дела, но свидетельства об этом весьма скудны и носят косвенный характер. Согласно одному из них, Екатерина подняла вопрос о престолонаследии на заседании Государственного совета в 1794 г. Все члены Совета согласились отстранить Павла от трона, кроме графа В. П. Мусина-Пушкина (которого сам великий князь считал своим заклятым врагом!), или, по другой версии, кроме Безбородко, утверждавшего, что опас-

---

[33] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 246 и далее; Ф. В. Ростопчин — С. Р. Воронцову, 6/17 июля 1793 г. // АКВ. Т. VIII. С. 7.

[34] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Император Павел I... С. 253, примеч. 1.

[35] Там же. С. 255 и далее; письма Лагарпа Н. И. Салтыкову от 24 июля 1794 г. // Там же. С. 259, примеч. 2. См.: *Biaudet J.C., Nicod F.* Op. cit. Vol. I. P. 406—409; а также мемуары Лагарпа.

но менять порядок престолонаследия после того, как Павла много лет считали преемником Екатерины[36].

Летом 1796 г. императрица, кажется, сделала новую попытку. Судя по позднему и несколько запутанному сообщению, она старалась добиться подписи Марии Федоровны на документе, в котором Павла принуждали отречься от прав на престол. Но великая княгиня с негодованием отказалась, а Павел нашел этот документ после смерти Екатерины и разгневался на свою жену за то, что она скрыла от него эту историю[37].

В лучшую свою пору Екатерина могла справиться с огромным объемом работы. Ее день начинался в 5 часов (и лишь с возрастом она стала подниматься в 6 утра), когда она вставала и сама зажигала огонь в камине, чтобы не тревожить слуг. Затем императрица принималась читать и писать, выпивая попутно несколько чашек крепкого черного кофе. В 9 часов она откладывала перо и принимала государственных деятелей, читала или слушала их доклады, подписывала указы, давала аудиенции до часу дня, когда удалялась переодеться к обеду (со времен начала войны со Швецией в 1788 г. его подавали в 2 часа дня). Императрица не любила затяжных и сложных церемоний вставания и одевалась в закрытой обстановке у себя в комнате, а в «публичной» гардеробной появлялась, только чтобы нанести последний штрих туалета — приколоть кружевной или батистовый чепец, украшенный бриллиантами, к слегка напудренным волосам. С тех пор как государыня прибавила в весе, на неофициальных собраниях она обычно одевалась в свободный шелковый капот. Придворным дамам она велела носить в качестве официального костюма наряды русских боярынь (к ярости тех, кто следовал французским модам), тоже свободно спускавшиеся с плеч до пола.

За исключением постных дней, когда императрица обедала одна, обычно у нее за столом бывало десять—двадцать гостей из высших слоев общества или из узкого кружка близких личных друзей Екатерины. В их число порой попадали иностранцы, путешествовавшие по России, например Ф. Миранда. Императрица была неприхотлива в еде, и ее гости, привыкшие к тому, что за царским

---

[36] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 255. эти сведения исходили якобы от человека, служившего тогда секретарем в Совете.

[37] *Шильдер Н. К.* Император Александр I... С. 278 (со ссылкой на недатированный рассказ Анны Павловны, королевы Нидерландов).

столом подаются спартанские и плохо приготовленные яства, нередко забегали перекусить в апартаменты фаворитов или других придворных, державших открытый стол. К тому же Екатерина не пила вина и лишь в последние годы, по совету врачей, иногда позволяла себе стакан мадеры.

После обеда императрица читала, или ей читали вслух, пока она шила или вышивала. Иногда она принимала особенно знаменитых посетителей, таких как Дидро и Гримм. Затем она возвращалась к работе с секретарями, слушала донесения и доклады. Час-другой проводила за играми с внуками. Затем, в 6 часов вечера, если при дворе был прием, она «кружила» среди приглашенных по гостиным Зимнего дворца, а потом садилась играть в карты с придворными или избранными иностранными дипломатами. Вскоре подавали ужин, но Екатерина никогда ничего не ела, а в 10 вечера удалялась к себе. Если же при дворе не было официального приема, то она принимала тех, кто имел доступ в Эрмитаж, ее любимую зимнюю резиденцию, примыкающую к Зимнему дворцу. Здесь отменялись все церемонии и даже запрещалось вставать, когда поднималась с места «матушка», зато можно было рассматривать картины и гравюры; собравшиеся развлекались играми, картами, шарадами, слушали концерты или смотрели представления французских и русских пьес.

В молодости Екатерина часто навещала своих друзей в городских и загородных домах. Она даже бывала на публичных маскарадах и порой переодевалась в мужской костюм и соответственно себя вела. Однажды она так доняла какую-то молодую даму своими ухаживаниями, что жертва набросилась на нее и, к досаде императрицы, сорвала с нее маску. Сестра сэра Джеймса Харриса, Гертруда, видела государыню на придворном маскараде в 1778 г.: она была «очень хороша в венецианском домино и в шляпе, украшенной бриллиантами, причем ее полумаска была по краям обшита в один ряд большими камнями, а самый огромный служил застежкой. Она выглядела хорошо, но так походила на мужчину, что я сначала не различила ее в окружении иностранных послов, князя Потемкина и других мужчин, с которыми она сидела за макао»[38].

Но, становясь старше, Екатерина предпочитала проводить все больше времени в своих дворцах. Зимой она жила в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. После смерти Потемкина перебиралась на не-

[38] *Harris G.* Diary, 18/29 января 1778 г. (PRO. 30/43).

сколько недель весной и осенью в Таврический дворец, который выкупила у наследников, а летом оставалась в своем любимом Царскосельском дворце, в комнатах, отделанных для нее в сдержанном классическом стиле Чарлзом Камероном (который также спроектировал специальный пандус, чтобы ей было удобнее спускаться в парк). Жизнь в Царском Селе была особенно непринужденной и веселой. Молодые великие князья — сначала одни, потом с женами — развлекали общество концертами (Александр играл на скрипке) и домашними спектаклями. Павел Петрович и Мария Федоровна проводили лето в Павловске и не омрачали своим присутствием веселый двор Екатерины. Разумеется, под безмятежной поверхностью кипели политические и любовные интриги, придворные сражались друг с другом за расположение императрицы или фаворита[39].

Характерной особенностью русского абсолютизма XVIII в. было отсутствие барьеров между обществом и императорской фамилией. Столичные и провинциальные императорские дворцы и парки были открыты для «прилично» одетой публики. На маскарадах во дворце, по описанию Гертруды Харрис, относящемуся к 1778 г.,

> в гостиной Аполлона и в двух комнатах перед нею танцевали бюргеры и другие люди низшего класса. Императрица и другие ее слуги танцевали в маскарадных костюмах в этих же покоях. Мы поднялись на галерею, чтобы осмотреть вид сверху. Сюда, казалось, допускается всякий люд, но все ведут себя очень тихо и вежливо[40].

Миранда тоже описывал праздник в Павловске, на котором присутствовало не менее шести тысяч человек, приехавших из столицы. Они танцевали или прогуливались, среди них было много почтенных купцов в традиционных русских костюмах[41]. Царскосельский парк тоже был открыт для публики. Однажды Екатерина сидела на скамье с любимой камер-юнгферой Перекусихиной, отдыхая после утренней прогулки. Мимо прошел мужчина, пренебрежительно взглянул на двух пожилых дам и, не узнав государыню, насвистывая, удалился. Возмущенной спутнице Екатерина лишь

---

[39] Мемуары современников, таких как мадам Виже Лебрен, граф Эстерхази, графиня Головина, Адам Чарторыйский повествуют о непринужденной жизни в Царском Селе.

[40] *Harris G.* Diary. Ibid.

[41] Archivo del General Miranda. Caracas, 1929. Vol. II: 1775—1777. P. 394. См. также: *Энгельгардт Л. Н.* Записки, 1766—1836. М., 1868. С. 46—49.

заметила: «Ну, что ты хочешь, Марья Савишна! С нами не приключилось бы этого двадцать лет тому назад; устарели мы с тобой — сами и виноваты»[42].

Невзгоды, выпавшие на долю Екатерины в 1787—1791 гг., когда она переживала измену Дмитриева-Мамонова, слышала, как от шведской канонады дрожат стекла в Петербурге, в одиночку выстояла перед шантажом Тройственного альянса и, наконец, потеряла главную опору в жизни — Потемкина, сказались на ее здоровье. Она всегда имела склонность к головной боли и несварению желудка на нервной почве, а теперь часто страдала от колик, простуды, ревматизма. Она так располнела, что ей стало трудно подниматься по лестницам, а летом 1796 г. у нее открылись язвы на ногах. Императрица, несмотря на свой небольшой рост и тучность, казалась весьма представительной в торжественных случаях, так как всегда высоко держала голову, сохраняя изящество и достоинство. В частной обстановке она по-прежнему очаровывала всех, кто видел ее впервые, простотой обращения и живостью ума.

Надежды, которые некогда питала Екатерина относительно брака своей старшей внучки Александры Павловны и юного шведского короля Густава Адольфа IV, похоже, рассеялись, когда шведский регент начал переговоры о брачном союзе короля с мекленбург-шверинской принцессой, а в ноябре 1795 г. последовало публичное оглашение помолвки. Тогда же, в июне 1795 г., Швеция признала Французскую республику. Затем они заключили союзный договор, согласно которому республиканская Франция возобновила традиционную для французской короны выплату субсидий Швеции[43]. К этому моменту Екатерина была так обижена на шведов, что наотрез отказалась принять посла, направленного объявить о помолвке короля Густава Адольфа IV.

И все-таки императрица не оставила намерения добиться брака внучки с Густавом Адольфом и, связав тем самым два правящих дома, отвлечь Швецию от мыслей о реванше и одновременно ослабить угрозу Санкт-Петербургу, исходившую от шведской группировки войск в Финляндии. Целый ряд угрожающих маневров русских войск в Лифляндии и Восточной Финляндии, предпринятых в марте 1796 г., приблизил ее цель. К началу апреля регент согласился отложить свадьбу короля до его совершеннолетия — это был

---

[42] Цит. по: *Waliszewski K.* Le Roman d'une Imperatrice. Paris, 1892. P. 514.

[43] Consolidated Treaty Series... Vol. 52. P. 477 ff. 3/14 сентября 1796 г.

первый шаг к разрыву помолвки с мекленбургской принцессой. 15/24 августа перешли ко второму этапу: молодой король с дядюшкой прибыли в Санкт-Петербург инкогнито под именами графа Гаги и графа Вазы.

Очарованный юной великой княжной Александрой, Густав Адольф, которого раздражали дядюшкины интриги, вскоре попросил ее руки у Екатерины. Балы следовали один за другим, все видели, как король нежно шепчет на ушко великой княжне всякие пустяки, а тем временем начались переговоры о свадьбе и о русско-шведском союзе, который должен был за ней последовать. Вопрос о праве Александры Павловны исповедовать свою веру в качестве шведской королевы русская сторона считала решенным в соответствии с соглашениями, достигнутыми ранее, на сорвавшихся переговорах 1794 г. (тогда было условлено, что никаких препятствий Александре Павловне чинить не станут).

Дальнейшие события описала сама Екатерина: король сначала заартачился по поводу религии своей будущей супруги, но 2/13 сентября он заверил императрицу, что его убедили выдвинутые аргументы и что он не возражает против того, чтобы его будущая супруга оставалась православной. Поэтому Екатерина предложила назначить церемонию помолвки на 8/19 сентября 1796 г., перед балом в Таврическом дворце. Присутствовать на церемонии должны были только члены обеих семейств и полномочные послы. Все собрались в полдень, чтобы сначала подписать договор, и тут обнаружилось, что статья о религии отсутствует в тексте. Оказалось, что ее убрал оттуда Густав Адольф, чтобы еще раз обсудить дело с императрицей. Потянулись долгие часы, в которые императрица несколько раз пыталась уговорить короля включить эту статью в договор. Но тщетно — он решительно отказывался пойти дальше формулировки: «мадам великая княгиня никогда не будет подвергаться стеснению совести в том, что касается религии...». К десяти вечера Екатерина и великий князь решили объявить, что императрица плохо себя почувствовала, и поэтому помолвка откладывается[44].

На следующее утро государыня повидалась с регентом, который был в отчаянии, и с королем — тот держался, как будто аршин проглотил, и непрестанно повторял: «Что я написал, то написал — я никогда не изменяю то, что написал». По словам Екатерины, он

---

[44] Екатерина II — генералу Будбергу, 17/28 сентября 1796 г. // СбРИО. Т. IX. С. 300 и далее.

держался грубо, упрямо и самоуверенно. Через час они ушли, причем регент был в слезах[45]. Этим вечером великий князь Александр Павлович давал при дворе торжественный бал. Двор был в трауре по королеве Португальской, и Екатерина появилась в черном с ног до головы. Это было совершенно необычно, так как она всегда носила полутраур. Императрица была бледна, и казалось, что она совсем не спала. Она сказала фрейлине великой княгини, что этот бал похож на немецкие похороны, потому что все в черных платьях и белых перчатках[46].

Через несколько дней договор, вместе со статьей о вероисповедании, был подписан, дабы хоть как-то спасти лицо, но вступление его в силу поставили в зависимость от ратификации Густава Адольфа IV, когда тот через два месяца достигнет совершеннолетия. И всем было ясно, что король его не ратифицирует. Этот эпизод доказал как русским, так и шведам, что регент, доверивший воспитание Густава Адольфа суровому лютеранскому пастору, сделал неудачный выбор: слишком глубоко он повлиял на молодого человека, уже проявлявшего признаки душевного расстройства. Лишь позже открылось, что во время длительных бесед с великой княгиней Александрой, когда всем казалось, что он за ней ухаживает, король на самом деле пытался обратить ее в лютеранство[47].

Описывая всю эту тягостную историю, Екатерина старательно избегала малейшего драматизма. Но она так и не оправилась от этого удара, от публичного унижения, нанесенного ей семнадцатилетним юнцом. Многим наблюдателям показалось, что в это время, 11/22 сентября, она перенесла небольшой удар. Ночью ее охватил приступ лихорадки, и в ближайшие несколько недель она мало выходила, почти никого не принимала и все вечера проводила у себя в комнате. Единственный проблеск радости доставило ей последнее военное предприятие ее царствования. В середине 1795 г. персидский шах Ага Мухаммад Каджар вторгся в кавказские княжества, намереваясь подчинить Персии эти горные владения. На отражение этих посягательств Россия бросила весной 1796 г. тридцатитысячный экспедиционный корпус под командованием Валериана Зубова, брата фаворита. Русские войска быстро заняли Дербент, направи-

---

[45] См.: СбРИО. Т. IX. С. 300.

[46] Записки графини В. Н. Головиной / Изд. Е. С. Шумигорский. СПб., 1900. С. 87.

[47] Екатерина II — Будбергу, 19/30 сентября 1796 г. // СбРИО. Т. IX. С. 316.

лись на Баку и приготовились к вторжению в Персию. Казалось, удача снова улыбнулась армиям Екатерины.

Есть свидетельства того, что Екатерина, встревоженная своим пошатнувшимся здоровьем, в сентябре опять попыталась добиться от Александра согласия на ее план, по которому трон перешел бы к нему, минуя Павла. Вскоре после разрыва помолвки Александры Павловны молодому великому князю Александру показали несколько важных бумаг, написанных его бабкой. Он ответил Екатерине — вероятно, посоветовавшись с матерью, великой княгиней Марией Федоровной, — что полностью согласен с содержанием представленных ему документов и благодарит ее за все, что она уже сделала для него и что еще намеревалась сделать[48]. Возможно, это письмо было ответом на предложение императрицы, но составленным в таких уклончивых выражениях, чтобы она могла принять его за согласие. К тому времени при дворе открыто ходили слухи о том, что Екатерина собирается объявить наследником внука в день своих именин, 24 ноября / 5 декабря, или на новый, 1797 год.

Но Александр не намеревался идти навстречу желаниям Екатерины. Он не хотел обижать отца, да и вообще в то время совсем не стремился царствовать. В приступе юношеского романтизма великий князь даже мечтал просто даровать России «свободную» конституцию и, удалившись вместе с женой на берега Рейна или в Америку, прожить там свою жизнь свободно и счастливо[49].

2/13 ноября Екатерина в последний раз показалась в свет. Следующие два дня она провела в уединении, но работала как обычно. 5/16 ноября она встала в привычный ранний час и через некоторое время вышла в свою уборную. Когда она не появилась оттуда, слуга и горничная взломали дверь и увидели, что государыня лежит на полу, сраженная обширным ударом. Ее перенесли в спальню, но слуги не смогли поднять отяжелевшее неподвижное тело, а потому уложили Екатерину на матрас, расстеленный на полу, и доктор Роджерсон пустил ей кровь.

Императрица была еще жива. Но кто же станет ее преемником? Александра во дворце не было, он гулял по набережной и, получив

---

[48] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 279.

[49] См. например: *Шильдер Н. К.* Император Павел I... С. 273, примеч. 1. Ср. также: *Czartoryski A.* Memoires. Vol. I. P. 268. Интересное подтверждение этих слухов зафиксировал А. Болотов в своих воспоминаниях (см.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 275, примеч. 1).

известие о случившемся, поспешил вернуться. Высшие придворные сановники — Платон Зубов, Безбородко, генерал Н. И. Салтыков (президент Военной коллегии), генерал-прокурор А. Самойлов, Алексей Орлов, оказавшийся в Петербурге, и митрополит сошлись во мнении, что нужно немедленно послать за великим князем Павлом Петровичем.

Со всех сторон закипели интриги. Генерал Салтыков не допускал Александра к постели бабушки из страха, что тот объявит себя императором. Тем временем брат Платона Зубова, Николай, во весь опор мчался в Гатчину, чтобы известить великого князя. В свою очередь Александр тоже отправил туда собственного гонца, графа Ф. В. Ростопчина, чтобы подозрительному Павлу не пришло в голову, будто сын хочет сам захватить престол.

Павла сначала перепугал внезапный приезд Николая Зубова — он решил, что это прислали наряд его арестовать. Но, услышав от Зубова новость, он впал в другую крайность и пришел в возбуждение от мысли, что наконец-то получит власть. Великокняжеская чета прибыла в Зимний дворец около 9 часов вечера. Их встречали Александр и Константин, успевшие уже переодеться в кургузые «гатчинские» мундиры прусского образца, высокие сапоги и перчатки с крагами — раньше эта форма не допускалась нигде, кроме Гатчины и Павловска.

А Екатерина по-прежнему лежала, тяжело дыша, на матрасе на полу спальни. Часы ее агонии были для окружающих временем отчаянных мук и тревоги: придет ли она в себя, чтобы успеть лишить сына наследства и передать трон Александру? А может быть, она оправится от удара? Или будет лежать неделями полупарализованной, установив регентство? Придворные торопливо взвешивали, как быть с присягой Павлу, чтобы не слишком поторопиться, но и не опоздать. А пока великий князь Павел Петрович разместился в гардеробной Екатерины, позади ее спальни. И все, кто приходил получить от него распоряжения, должны были миновать смертное ложе императрицы, над которой громко рыдали ее камер-фрау и фрейлины. Гатчинцы являлись один за другим, чтобы поклониться восходящему солнцу, с колесницей которого они уже давно связывали свои надежды, а екатерининские царедворцы гадали, откуда взялись эти дикие «готы».

6/17 ноября архиепископ причастил и соборовал государыню. Примерно после полудня великий князь послал за А. А. Безбородко и велел ему составить манифест о своем восшествии на престол.

Предание гласит, что именно во время этой их встречи было уничтожено завещание Екатерины в пользу Александра по молчаливому сговору между Павлом и Безбородко[50]. Екатерина же так и лежала в агонии на полу, не приходя в сознание, и наконец в 9 часов 45 минут, через 36 часов после удара, она умерла.

Новый режим немедленно дал о себе знать. Тут же отстранили от должности обер-гофмейстера князя Федора Барятинского — одного из убийц Петра III в июне 1762 г. в Ропше. Высших чиновников начали приводить к присяге в дворцовой церкви, и эта церемония продолжалась до часа ночи. Заметив, что среди присягавших нет Алексея Орлова, Павел послал Ф. Ростопчина с полицмейстером к нему домой, чтобы привести к присяге. Орлов, покинувший Зимний дворец еще до кончины императрицы, сделал это без колебаний, но покорность не спасла его от последней, необычной, мести Павла.

8/19 ноября в присутствии нового императора, его семьи и двора была вскрыта гробница Петра III в Александро-Невской лавре на окраине Петербурга. Поскольку в ней оказались лишь кости (тело не было бальзамировано), гроб снова закрыли. 2/13 декабря из лавры вышла торжественная траурная процессия. Она двинулась по Невскому проспекту, вдоль которого рядами стояли гвардейские полки: это гроб Петра III переносили в Зимний дворец, а за ним в глубоком трауре шел пешком император Павел с близкими. Во главе процессии заставили идти двух призраков прошлого — Федора Барятинского и Алексея Орлова. Высоко подняв голову и глядя прямо перед собой, Орлов нес на подушке корону убитого императора. Гроб Петра III поместили рядом с гробом Екатерины, и так они стояли на двух помостах в зале Зимнего дворца, пока люди шли им поклониться. 5/16 декабря их перенесли в Петропавловскую крепость и торжественно предали земле. Екатерину похоронили рядом со свергнутым ею мужем. При дворе объявили траур по Петру III и Екатерине II.

Эту сцену увековечил придворный поэт:

> Два гроба и сердца, судьбой разлучены,
> Соединяет сын, примерный из царей![51]

---

[50] По другим рассказам, бумаги Екатерины II разбирали в присутствии великого князя Александра Павловича Ф. В. Ростопчин и А. Б. Куракин.

[51] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 310.

Все, кто хорошо знал Екатерину, все придворные, на которых изливалась ее щедрость, сохранили о ней память, полную восторга и восхищения. Но сведения о том, как вспоминали государыню люди, стоявшие ниже на социальной лестнице, более скудны. В украинской народной песне о ней говорится как о женщине, укротившей казаков и прикрепившей к земле малороссийское крестьянство. Екатерина по двум причинам служила мишенью народных виршей и сатир. Когда-то в 1730 г. один крестьянин отказался пить за здоровье императрицы Анны Иоанновны: «...у нас де ныне на царстве царя нет, а баба де что знает, у бабы де волос долог, да ум короток...» В этом звучало глубокое мужское недоверие к женщине на престоле[52]. Но женщина без стыда, менявшая любовников одного за другим, и подавно вызывала неприятие в крестьянском патриархальном обществе. Ведь природная женская порочность издавна осуждалась фольклорной традицией, а мужественность, сила мужского характера служила предметом зависти и восхищения. Последователи Пугачева называли Екатерину царицей-шлюхой. В стихах про то, как она останавливалась в Глухове на Украине в 1787 г., местный чиновник спрашивает императрицу, сколько слуг ей понадобится, на что она отвечает: «Великий пост, так грех; с дороги ж я устала, довольно будет трех!»[53] В пограничных с Финляндией районах по сей день бытуют народные повествования об удали любовников Екатерины и о ее похотливости[54]. Легенд о ней было не счесть, и, наверно, самая причудливая из них ходила в начале XIX в. среди раскольников — будто Екатерина была матерью Наполеона[55].

Как показало время, с моралью шутить нельзя, и возмездие настигло Екатерину: ее осудил тот, кого она любила больше всех, — внук Александр. И воспитание, которое она дала внуку, и особен-

---

[52] *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 гг. XVIII в. М., 1958. С. 305. Русское выражение «у бабы волос долог, а ум короток» почти в точности соответствует шекспировским словам о том, что у женщины больше волос, чем ума.

[53] *Гуковский Г. А., Орлов В.* Подпольная поэзия 1770—1800-х годов // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10. С. 12. Советская цензура была столь высоконравственна, что в издании эти стихи состоят в основном из многоточий. Я должна поблагодарить моих коллег д-ра М. Кирквуда и д-ра Дж. Веста, предоставивших мне полный текст.

[54] Сообщено д-ром М. Бранчем.

[55] *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870. С. 277.

ности его темперамента заставляли Александра с отвращением смотреть на беспринципность Екатерины во внешней политике, безнравственность в частной жизни, ее светский, рационалистический образ мыслей. Уже взойдя на престол, Александр холодно и сухо обходился с теми, кто во время его поездок по России являлся к государю, чтобы поделиться воспоминаниями о славных днях его бабушки. И даже воздавая должное ее умению править, он мог воскликнуть, как случилось в 1815 г.: «Что до нравственного развития, то она была истинное дитя своего века. Мы были философами, и божественная сущность христианства ускользала от наших глаз. Я ощущал пустоту в душе, и повсюду меня преследовало какое-то смутное предчувствие»[56].

Все, кто работал с императрицей в том или ином качестве, находили ее разумной и чуткой. Слуги любили ее. Она не обращала внимания на мелкие оплошности, допускаемые в свете, и была слишком уверена в собственном величии, чтобы обижаться на случайные промахи. Екатерина была способна на равных беседовать с людьми о политике, выслушивать чужие доводы, изменять свою точку зрения. Редко она бывала заносчивой или властной, хотя с годами иногда теряла терпение, а то и выходила из себя. Однако за ее мягкостью и обходительностью скрывалась железная воля — та воля, которая привела Екатерину к власти, и то самообладание, которое помогало удерживать ее всю жизнь.

Но она почти никогда не злоупотребляла своей безграничной властью. Время от времени, когда Сенат передавал на суд государыни какое-нибудь дело, она отсылала его обратно на том основании, что проводить в жизнь существующие законы — обязанность Сената. Она могла по заблуждению допустить несправедливость, но всегда стремилась только к справедливости и верила, что поступает справедливо. Через несколько лет после смерти императрицы доверенный слуга Потемкина, В. С. Попов, объяснял молодому императору Александру ее отношение к абсолютной власти. Он вспоминал об одном разговоре с Екатериной, оставившем глубочайший след в его душе.

> Дело шло о неограниченной власти, с которою великая Екатерина не только в своей империи господствовала, но и повелевала в странах чуж-

[56] *Шильдер Н. К.* Император Александр I... Т. I. С. 239—240, примеч. 218.

дых. Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ее повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которыми все старались ей угождать.

— Это не так легко, как ты думаешь, — изволила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какою осмотрительностью, с какою осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвесть должен. И когда уж наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. *И вот основание власти неограниченной.* Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях[57].

[57] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 279—280.

Заключение

Долгое царствование Екатерины II отмечено таким количеством крупных законодательных актов, что по значению в русской истории оно почти не уступает царствованию Петра Великого. Императрица поставила перед собой цель продолжить его начинания, но диаметрально противоположными средствами. Так, если Петр без разбора вводил в России и форму, и сущность европейской мысли и обычаев, то Екатерина, в первую очередь схватывая содержание, пренебрегала формой. Там, где Петр принижал Россию в интересах вестернизации, иностранка Екатерина превозносила природные достоинства России и россиян и внушала им высокое представление о равенстве с европейцами, если не о превосходстве над ними. Там, где Петр применял устрашение, Екатерина прибегала к убеждению.

Всю жизнь императрицу критиковали, причем она относилась к этому терпимее всех своих предшественников, но зато все критические отзывы о ней всегда сопровождались долей восхищения достоинствами государыни. Ведь никто не мог отрицать, что она прилежна, серьезна, разумна, хорошо разбирается в людях, наделена душевной щедростью, умеет раскрывать лучшие черты в своих сподвижниках и слугах. На фоне краткого правления Павла I еще заметнее выступили преимущества царствования его матери, несмотря на всеобщую распущенность екатерининского двора, которую, казалось, оправдывало поведение самой императрицы. Историк Карамзин дал выход этому чувству восхищения как в панегирике Екатерине, изданном в 1802 г., так и в «Записке о древней и новой России», которую он составил для Александра I в 1810 г. С консервативно-аристократических позиций Карамзин осуждал слабости Екатерины, подчеркивал несоответствие между ее целями и достижениями, однако не мог не одобрять того, что высшие классы общества перестали при ней чувствовать себя рабами. Карамзин за-

ключил, что, «сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского...»[1].

Позднейшие авторы судили Екатерину строже. Тон здесь задал Пушкин, имевший все основания ненавидеть и презирать распущенность двора, — это он назвал Екатерину «Тартюфом в юбке». С тех пор все историки XIX—XX столетий воспринимали ее диалог с французскими философами как чистое лицемерие, а ее «Наказ» — как фарс, написанный затем, чтобы снискать аплодисменты на Западе, оставив своих подданных прозябать в беззаконии и бесправии. К тому же за Екатериной не признавали права считаться великой правительницей: хотя она и провела крупные преобразования почти во всех сферах управления в России, но все же так и не дала волю крепостным и даже не урегулировала их отношения с помещиками.

При попытке проанализировать важнейшие стороны царствования Екатерины II в первую очередь приходят в голову три сферы ее деятельности: отношения с философами и Просвещением в целом, социальная и внешняя политика.

Разумеется, было бы ошибочно судить о Екатерине как о правительнице лишь по несоответствию принципов ее «Наказа» реальной российской действительности. «Наказ» не являлся программой для разработки законов, в нем только провозглашались идеалы, к воплощению которых должно стремиться общество. Этот документ был задуман императрицей как инструмент формирования общественного мнения, как способ представить правящим кругам России новые идеи и установки. В дальнейшем принципы «Наказа» время от времени упоминались в новых законах и постановлениях, как при Екатерине, так и позднее. Чаще всего эти упоминания относились к сфере уголовного права, причем всегда приводились с целью смягчить суровость и жестокость закона. До сих пор еще не было исследовано влияние духа «Наказа» на последующее законодательство самой Екатерины, но можно утверждать, что ее политика в отношении свободных российских сословий и судебной власти была насквозь пропитана теми идеями, которые она впервые высказала в 1767—1768 гг.

Нет смысла задавать классический вопрос: была ли Екатерина II просвещенным деспотом? Подобные вопросы лишь затягивают за-

---

[1] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. СПб., 1914. С. 134.

старелый спор. Екатерина была человеком своего времени и всей душой любила интеллектуальные занятия, высоко ценила общение с отточенными и живыми умами выдающихся современников, зачитывалась трудами политических мыслителей, литературными и драматическими произведениями. Ее переписка с Гриммом отражает широкий спектр художественных интересов императрицы, и не приходится сомневаться в искренности ее интеллектуальных увлечений, даже если ее собственные произведения не всегда были на должной высоте. Естественно, что ее общественно-политические взгляды и программы складывались под влиянием той литературы, которую она читала. Так, теоретические основы екатерининского законодательства можно обнаружить в Энциклопедии, в трудах Монтескье и Блэкстона, в камералистской мысли Германии. Она пришла к убеждению, что долг правителя — так организовать жизнь подданных, чтобы облегчить каждому из них выполнение возложенных на него функций, укрепляя тем самым военную и экономическую мощь государства. С укреплением государства должна была развиваться система стандартных прав и обязанностей населения. С другой стороны, Екатерина верила и в иерархическое деление общества на группы и сословия, с присущими каждому правами, привилегиями и обязанностями. Однако лишь верховный правитель, по ее мнению, мог привести в движение механизмы социальных преобразований, а сословия должны были выступать при этом как его подчиненные и послушные сотрудники. Вот это гибкое сочетание камерализма с «сословным» обществом и придает уникальную окраску правлению Екатерины, когда на первый план выступало то одно, то другое.

Так, скорее чертой камерализма в екатерининском стиле правления предстает тяга к единообразию при полном пренебрежении человеческой индивидуальностью. Возможно, что отмена юрисдикции специальных учреждений, таких как Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия, Вотчинная коллегия, вела к установлению единых законов для всех (правда, духовенство, университетское сообщество и школьные учителя остались, соответственно, под юрисдикцией Святейшего синода, университетов и Комиссии по народным училищам). Но распространение российской системы местной администрации и социального устройства на всю Европейскую часть России, невзирая на этнические границы и локальные традиции, указывает на отсутствие гибкости в понимании местных особенностей, присущее чисто рационалистическому взгляду на хорошо на-

лаженное управление. Отношение Екатерины к свободам Остзейских провинций и Малороссии было столь же бездушным, как подход Иосифа II к Австрийским Нидерландам и Венгрии. И если ей удалось то, чего не смог сделать австрийский император, то лишь благодаря слабости и изолированности Прибалтики и Украины. При этом введение подушной подати в Малороссии одновременно с Лифляндией и Эстляндией говорит о неспособности увидеть разницу в положении крестьянства этих областей. На статусе лифляндского крестьянина, уже находившегося в полной крепостной зависимости от помещика, это нововведение никак не отразилось, но положение малороссийского крестьянина с потерей драгоценного права перехода стало неизмеримо ниже.

Говоря о социальной политике Екатерины, необходимо упомянуть многочисленные дискуссии о характере корпоративных учреждений дворянства и горожан, основанных ею в 1775 и 1785 гг. Собиралась ли она ввести в России социальные институты, достаточно самостоятельные, чтобы выступать как партнеры центральной власти? Или она просто призвала таким способом сословия на помощь бюрократии, потому что российский чиновничий аппарат был еще слишком малочислен и неэффективен для решения государственных задач? На эти вопросы ответить трудно, так как политические теории Екатерины на протяжении ее долгого царствования, под влиянием обстоятельств, случалось, расходились с политической практикой. Несомненно, она надеялась поощрять местную инициативу и развивать добровольную социальную активность и предприимчивость — но лишь при том условии, что все эти начинания будут вписываться в созданную ею рациональную светскую систему. Но, подобно другим авторитарным правителям до и после Екатерины, ей было трудно соблюдать хрупкое равновесие между свободой и насилием и приучать людей к свободным действиям в несвободном обществе. Некоторые историки полагали, что она намеревалась создать настоящие корпоративные социальные институты с определенной степенью самостоятельности, своего рода зачаточное Ständestaat — сословное государство — как раз в то время, когда просвещенные монархи вроде Иосифа II лишали корпоративные институты, сохранившиеся в их владениях, всякого политического содержания. Более убедительно мнение о том, что Екатерина думала не о Ständestaat, а о Ständegesellschaft, т.е. не о государстве, основанном на «сословиях», а об обществе, основанном на «сословиях». Сословия образовывали необходимую часть социального порядка,

их следовало опекать и даже создавать там, где их не было, чтобы правительство могло поддерживать контакты с организованными социальными группами по всей стране. Так, реформа 1775 г. укрепила слабую социальную организацию России, в то время как введение ее в 1783 г. в Лифляндии привело к ослаблению здесь прочно укоренившихся мощных политических и корпоративных органов дворянства и бюргерства.

Но, может быть, Екатерина выбрала этот тип «сословного общества» — Ständegesellschaft — просто потому, что русская бюрократия пока еще была не в силах справляться со своими задачами? Конечно, для того чтобы хорошо управляемое государство, придуманное камералистами, функционировало без помех, требовалось все больше и больше чиновников, обученных систематическому исполнению обязанностей и зависящих от государства — своего работодателя. В России легко было установить государственный контроль над служащими при помощи Табели о рангах, а также благодаря полному отсутствию практики продажи должностей. Если в отношении России XVIII в. нельзя говорить о бюрократии в современном смысле, тем не менее доля правительственных чиновников, поступавших на службу непосредственно из гражданского состояния, в это время неуклонно росла, особенно во вторую половину екатерининского царствования[2]. В большинстве своем чиновники теперь были более образованны, им обычно лучше платили, хотя они по-прежнему совершенно не владели административными навыками и не имели понятия о служебной этике и корпоративном духе. Так были ли эти чиновники готовы выступать в роли единственного партнера государства?

В чрезвычайно глубоком исследовании екатерининского правления немецкий историк Дитрих Гейер написал, что в России было невозможно заменить служилый корпус дворян-помещиков слоем государственных служащих, всецело преданных лишь государству (как в Австрии и Пруссии), потому что такого слоя еще не существовало. В итоге Екатерина была вынуждена «прививать» свою административную систему не к бюрократии, а к существующей дворян-

---

[2] *Pintner W.M.* The Social Characteristics of the Early 19th Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. XXX. № 3. P. 429–443. Приток гражданских лиц на службу в центральные государственные учреждения вырос с 62,5% в 1770–1779 гг. до 71,9% в 1790–1799 гг., а в провинциальные учреждения за те же периоды — с 9,4% до 15,2%.

ской «сословной» организации. Гейер утверждает, что только после удаления дворян из рядов чиновничества могла бы возникнуть эффективная бюрократия, способная улучшить российскую систему управления. Но так как социальная структура не изменилась, бюрократия так и осталась прикованной к дворянству, а Россия в состоянии паралича[3].

Изъян этого анализа лежит в предположении, что бюрократия есть необходимый инструмент административных преобразований и что никакое усовершенствование без бюрократии невозможно. Но в XVIII столетии были другие образцы помимо Пруссии и Австрии и были другие политические мыслители кроме камералистов. Здесь нужно снова обратиться к Монтескье и к его ученику Блэкстону. Именно под влиянием Монтескье Екатерина обратилась мыслями к Англии. Там она позаимствовала совестный суд и попытку ввести своего рода habeas corpus act. Ей вполне могло казаться, что английская модель с ее опорой на сельское дворянство больше подходит для обширных редкозаселенных российских областей, чем прусско-австрийская бюрократическая система. Обязанности земского исправника и функционирование низшего земского суда, обрисованные в «Учреждениях...» 1775 г., напоминают об английских мировых судьях и магистратских судах[4].

В связи с этим нужно упомянуть об одной ходячей оценке политики Екатерины, гласящей, что императрица была вынуждена из-за своей политической зависимости от дворянства укреплять его власть над крестьянами и что после Пугачевского бунта она заключила альянс с дворянством, основанный на общем страхе перед крестьянским восстанием, и правила Россией при его помощи. Эти утверждения до неузнаваемости упрощают очень сложную ситуацию. Ведь как раз тогда, когда Екатерина сидела на троне особенно непрочно — в первые годы царствования, она делала дворянству меньше всего уступок, не спеша ни жаловать земли, ни наделять вельмож политическим весом. Кроме того, основное содержание «Учреждений для управления губерний» 1775 г. было намечено еще в ходе работы Уложенной комиссии, т.е. задолго до Пугачевского бунта.

В России XVIII в. всегда существовал союз престола и дворянства во имя общих практических интересов. Но это не был союз равных, и он не подразумевал ни малейшей зависимости монархии

---

[3] *Geyer D.* Gesellschaft als staatliche Veranstaltung // JGOE. 1966. № 14. S. 21ff.

[4] Замечания Екатерины по поводу земских исправников и английских шерифов см.: РА. 1908. Т. II. С. 169.

от дворянства и никакого разделения политической власти. На деле верховная власть лишь делегировала дворянству определенные функции, которые не могла выполнять силами чиновничества, — ведь оно, по сути дела, еще не существовало, да и оплачивать его не было средств. Этот прием восходит по крайней мере к Ивану Грозному, учредившему местные органы для пресечения разбоя. Петр I попытался было заставить провинциальное дворянство участвовать как «сословие» в местной администрации, но ничего не вышло, и ему пришлось положиться на бюрократический порядок, который рухнул под собственной тяжестью в 1727 г. И лишь в 1775 г. Екатерина наконец разработала систему делегирования полномочий провинциальному дворянству на выборной, временной и платной основе, которая оказалась устойчивой. Но государство не ослабило свой контроль над дворянством, ведь именно оно жаловало чины и тем самым определяло социальный статус всего благородного сословия, кроме высшей аристократии. А так как социальный статус российского дворянина не совпадал с титулом и богатством, то в России не могли сформироваться наследственные пэрские группы, обладающие социальной сплоченностью и связанные политической солидарностью. Несомненно, что подобно институту местничества, достойной преемницей которого она была, Табель о рангах порождала острое соперничество и мелкие раздоры в гражданской и военной служебных сферах. Благодаря ей монарх крепко держал в руках верховную власть над обществом, контролируя и вступление в дворянство, и продвижение внутри него. Табель о рангах оставалась главным инструментом консервации служилого общества и неуклонно препятствовала возникновению общества истинно свободного.

Таким образом, не страх перед дворянством мешал Екатерине заняться болезненной проблемой крепостничества. Скорее, она не делала этого из уверенности, особенно окрепшей после восстания Пугачева, что еще не время решать вопрос, от которого напрямую зависит спокойствие в обществе, состояние финансов и вооруженных сил страны. Россия была еще не так богата, недостаточно хорошо управлялась (в самом деле, сеть административных учреждений по всей стране оставалась еще слишком слабой и неразвитой), чтобы благополучно пережить массовые социальные потрясения, вызванные переменой статуса крепостных крестьян. Даже попытка хотя бы установить в собственно России такие же отношения помещиков с крестьянами, как в Лифляндии, могла привести к крупным беспорядкам. Но Екатерина никогда не упускала возможности ограничить круг тех, кто имел право владеть людьми, пресечь каналы закрепо-

щения, обезопасить от него уже освобожденных. Вспоминаются ее слова, сказанные остзейскому чиновнику Далю: «Где ни возьмись [за крестьянский вопрос. — *Авт.*], он не поддается»[5].

Еще в одной важнейшей сфере деятельность Екатерины со временем принесла положительные плоды: благодаря ей надолго определилась система организации российских сословных судов, почти без изменений дожившая до великих реформ 1864 г. Сеть новых судебных учреждений приблизила правосудие к населению, даже при том, что разделение судов по сословиям шло вразрез с российскими традициями. Исследование конкретных судебных дел показывает, что это разделение на практике не работало, точно так же как совестные суды, которые стали использоваться просто как более скорые и эффективные гражданские и уголовные суды[6]. Но, несмотря на всю важность, которую придавала законности сама Екатерина, отношение русского общества и бюрократии к праву и справедливости при ее жизни почти не изменилось. Сама идея законности, системы официальных правил, действующих вчера, сегодня, завтра и обязательных для всех, была совершенно чуждой русскому обществу на всех его уровнях. Закон в России XVIII в., как сказал один историк, был скорее похож на нравственный идеал. «Поэтому столь многие положения русского права в период с 1711 по 1905 г. являлись не реально осуществимыми законодательными постановлениями, а призывами поступать или работать в соответствии с тем или иным идеалом»[7]. Изучением собственно российского права никто не занимался до конца 60-х гг. XVIII в., а отсутствие образованных юристов сказывалось не только в отправлении правосудия, но и в законодательстве.

Царствование Екатерины II выделяется яркой вехой в русской истории между эпохой Петра I и военного деспотизма XIX в. благодаря одной характерной черте. Речь идет об укреплении гражданского начала как в обществе, так и в системе управления. Все больше гражданских лиц вступало прямо в ряды чиновничества, их влияние и вес в администрации росли. Этот процесс, пожалуй, луч-

---

[5] Беседы императрицы Екатерины II с Далем, 1772—1777 // РС. 1876. № 9. С. 14. 31 декабря 1774 г. Екатерина вскользь заметила, что как ни старалась императрица Мария Терезия, а с крестьянским вопросом у нее ничего не вышло.

[6] Это наблюдение высказано Дж.Х. Хартли в докладе на семинаре в Институте исторических исследований в Лондоне в июне 1979 г.

[7] *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. University of Illinois Press, 1973. P. 20—21.

ше всего назвать демилитаризацией российской системы управления. При Петре I военные, а точнее — гвардейцы, широко использовались в роли прямых эффективных проводников царской воли. К середине XVIII в. высшие эшелоны государственной службы были почти полностью укомплектованы людьми с опытом военной службы. Они сами были приучены к беспрекословному подчинению и привыкли грубо принуждать к нему штатское население. При Екатерине же администрация стала приобретать все более гражданский оттенок благодаря притоку новых сотрудников из числа штатских лиц. (Стоит отметить, что уже в 1764 г. сбор подушной подати был впервые вверен не солдатам, а передан в руки гражданской администрации[8].) Увеличение корпуса чиновников, трудившихся в самостоятельной сфере судебной власти, способствовало процессу демилитаризации, который составляет важнейший элемент развития цивилизованного общества, что нередко упускается из виду.

Но дело заключалось не только в создании независимых систем субординации, военной и гражданской. Повсюду царил новый дух. Демилитаризация управления и общества в целом была связана с присутствием женщины на троне. Екатерина не могла ни командовать воюющими армиями, ни увлекаться деталями мундиров и парадов, ни интересоваться языком военных команд (а тем временем в Гатчине была введена немецкая команда «Марш!» вместо русского «Ступай!»). Эти вопросы она возлагала на руководство Военной коллегии, а фактически большую часть ее царствования ими ведал Потемкин. В такой ситуации, естественно, росло число должностей в гражданской бюрократии. Но все эти «гражданские» умонастроения укоренялись в администрации, и в еще большей степени — в обществе, лишь в силу того, что верховная самодержавная власть в стране принадлежала лицу невоенному, с преимущественно гражданскими интересами, активно поощрявшему тенденции демилитаризации.

Внешняя политика Екатерины, на первый взгляд, если судить по размаху ее завоеваний, была весьма успешной. Но именно во внешнеполитической сфере, мастерством в которой она гордилась больше всего, императрица сослужила России самую плохую службу. Если во внутренней политике ее вело верное чутье и она знала, как примирить различия во взглядах, то в международных делах она проявляла и бестактность, и грубость. В результате Екатерина дважды навлекала войны на свою голову, не успев толком к ним подготовиться, позволила втянуть себя в политическую игру, в которой

[8] ПСЗ. Т. XVI. № 12138, 22 апреля 1764 г.

была вынуждена допустить вмешательство Пруссии в польские дела, и, наконец, участвовала в уничтожении Польши. Властный и резкий тон, принятый императрицей в отношении поляков, стал предвестием сталинского стиля дипломатии XX в. К счастью для Екатерины, победы русских армий покрывали просчеты ее дипломатии.

От долгого царствования нельзя ожидать безупречной последовательности во взглядах или в поступках от начала до конца. Война с турками 1768—1772 гг. отвлекла Екатерину от внутренних реформ, к которым она приступила, созвав Уложенную комиссию. Кроме того, и сама Комиссия, с точки зрения императрицы, оказалась не на должном уровне как инструмент социальных преобразований, поэтому в последующие годы Екатерина изменила подход к этой проблеме. Но в 1787 г. война снова отвлекла ее от планов завершения реформы центрального управления, а возможно, и от замысла дать Жалованную грамоту государственным крестьянам. Убеждения и вкусы Екатерины менялись с возрастом, по мере того как ею овладевала усталость. Она уже не могла всюду успеть, за всем уследить и склонялась к тому, чтобы ограничиться изданием уставов и законов, в несбыточной надежде, что они будут выполняться в духе ее политики. Однако многие ее замыслы далеко опережали возможности русского общества той эпохи. Как никто другой из европейских монархов, Екатерина страдала от недостатка подготовленных руководящих кадров, на которые она могла бы опереться в делах. Длительное пребывание в должности всех крупных екатерининских сановников говорит не только о ее доверии к ним и об отсутствии взбалмошности и своенравия в характере императрицы, но и об острой нехватке по-настоящему компетентных людей им на смену.

Несмотря на всю непоследовательность, самонадеянную уверенность в собственных силах и правоте, Екатерина II оказала России выдающиеся услуги. Ее величие состоит не столько в территориальных завоеваниях, сколько в новых отношениях между правителем и подданными, которые она тщательно выстраивала. Со времен Уложенной комиссии в русском обществе укоренилось представление о возможности общенациональной дискуссии. Пусть многие из крупных законов Екатерины и были несовершенными, но все же она детально разрабатывала свои указы и редко пускала на самотек их проведение в жизнь. Инструменты общественного контроля множились и проникали все глубже в толщу общества, публику знакомили с новыми представлениями о правосудии и законности, о которых она прежде не имела понятия. Новообретенное чувство защищенности впервые позволило русскому обществу

вздохнуть свободно. Правосудие стало ближе к людям, а их ошибки больше не считались преступлением. (Достаточно лишь сравнить ту свободу и авторитетность, с которыми обращались к Екатерине ее советники и губернаторы в письмах и речах, с нервозностью и истеричностью павловских придворных, чтобы измерить бездну между матерью и сыном.) Элита русского общества наслаждалась впервые появившимся у нее чувством свободы и личного достоинства, а сфера частной жизни, отдельной от государственной службы, расширилась неизмеримо. Науки процветали, и сам двор был центром покровительства литературе, художествам, музыке. На сто лет позже, и как пристало женщине — более легкой рукой, Екатерина делала для России то же, что Людовик XIV для Франции, пока не превратился в пленника Версаля.

Но эта картина была не безоблачна. Реальность сильно уступала чаяниям, воплощенным в законах. В России пышно цвела коррупция, особенно в последние годы Екатерины. Правосудие часто было продажным, а жестокость в обычае повсюду. Когда сошло со сцены старшее поколение сподвижников императрицы, ослабли пружины активности властей, как и контроль верховной власти над ними. Сейчас кажется, что слишком большая доля национального дохода тратилась при Екатерине в заботах о «славе», внешнем величии России, причем чаще всего — о воинской славе, зато слишком мало расходовали на суды и администрацию. И все же в конце XVIII в. Россия ненадолго стала ближе к Западной Европе: сблизились их границы и уменьшилось отставание во времени. А после смерти Екатерины их пути снова разошлись. Многие из екатерининских законов при Павле исказили до неузнаваемости или заменили другими. И хотя разделение сфер деятельности между гражданским и военным ведомствами сохранилось, сначала Павел I, а за ним Александр I постарались возродить верховенство военного начала в обществе над гражданским, вместе с «парадоманией», достигшей апогея при Николае I. В XIX в. Россия и Европа постепенно уходили друг от друга все дальше. Темпы развития России замедлялись, а Европа двигалась все быстрее, пока Крымская война на обнажила зияющую пропасть между ними. И тогда те, кто помнил о царствовании Екатерины, оглянулись на него, как на время, когда самодержавие было «очищено от примесов тиранства»[9], когда деспотизм был превращен в монархию, когда люди подчинялись власти не из страха, а из чувства чести.

---

[9] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 131.

Список сокращений

АГС — Архив Государственного совета
АКВ — Архив князя Воронцова
ВИ — Вопросы истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИЗ — Исторические записки
ИПС — История Правительствующего сената
ОЗ — Отечественные записки
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РА — Русский архив
РС — Русская старина
СбРИО — Сборник Императорского русского исторического общества
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских

AAE — Archives des Affaires Etrangères, Quai d'Orsay, Paris
AHR — American Historical Review
CMRS — Cahiers du monde russe et soviétique
CSS — Canadian-American Slavic Studies
EHR — English Historical Review
FOG — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte
HZ — Historische Zeitschrift
JGOE — Jahrbücher zur Geschichte Osteuropas
PCFG — Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen
SEER — Slavonic and East European Review

Библиография

Библиография к работе подобного рода столь обширна, что может занять целый том. Поэтому я постаралась сократить ее, приведя только литературу, цитированную в тексте или в примечаниях, те книги и статьи, что показались мне особенно ценными, а также сравнительно малоизвестные произведения, использованные для описания исторического фона.

Некоторые стороны царствования Екатерины основательно изучены на Западе авторами, которые сопроводили свои труды очень полными библиографиями по теме. Мне показалось нецелесообразным их дублировать, а потому я хотела бы предложить читателям обратиться к работам Дж. Т. Александера и Д. Питерса за сведениями о литературе о Пугачевском бунте, в книгах и статьях П. Дьюкса, Р. Э. Джонса и М. Раева посмотреть литературу о дворянстве, в исследовании Дж. Л. Блэка — о просвещении, в работах Дж.М. Хиттла и Б. Кнабе — о городах, а в неопубликованной диссертации З. Когута — об Украине. К исследованиям Н. Н. Болховитинова и моим собственным можно обратиться за сведениями о внешней политике и к книге К. Е. Джеджулы — о России и Французской революции.

Подборка документов, относящихся к деятельности Уложенной комиссии 1767 г., вышла в нескольких томах СбРИО, так же как личная и официальная (в основном дипломатическая) переписка Екатерины II и письма и бумаги, касающиеся второго и третьего разделов Польши. Сверх того, многочисленные разрозненные публикации официальных и частных писем императрицы рассеяны по страницам ряда исторических журналов — «Русский архив», «Русская старина» и др. К несчастью, большая часть официальной корреспонденции Екатерины II по вопросам внутренней политики остается неизданной, но зато некоторые из ее законопроектов стали предметом содержательных исследований, в частности М. Раева, Р. Э. Джонса, М. П. Павловой-Сильванской. Но остаются еще очень серьезные пробелы в исследовании некоторых важнейших законодательных постановлений царствования Екатерины II, в частности относительно мотивов действий императрицы, источников ее вдохновения.

Ради краткости я не стала отдельно перечислять документальные источники, опубликованные в крупных собраниях, например в 148 томах СбРИО или в еще более внушительном собрании ЧОИДР, и привела здесь только такие источники, которые нашла полезными в «Русском архиве» и других исторических журналах.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Александрова Е. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 343 и далее, с. 524 и далее.

[Алексеев П.] Из бумаг протоиерея Петра Алексеева // РА. 1882. № 2. С. 76 и далее.

[Архаров Н. П.] Из бумаг Николая Петровича Архарова // РА. 1864. № 9. С. 874 и далее.

Архив Военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского // ЧОИДР. 1865. № 1. С. 1—270; № 2. С. 1—310.

Архив Государственного совета: В 2 т. Совет в царствование Екатерины II. 1768—1796 / Ред. И. А. Чистович. СПб., 1869.

Архив графов Мордвиновых: В 10 т. / Ред. В. А. Бильбасов. СПб., 1901—1903.

Архив князя Воронцова: В 40 т. / Ред. П. И. Бартенев. М., 1870.

Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1817.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793: В 3 т. Л., 1931. [См.: *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. 1738—1793: В 3 т. М., 1993.]

[Булгаков Я. И.] Из бумаг Я. И. Булгакова // РА. 1905. № 7. С. 337—408.

Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М., 1928 [см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000].

Винский Г. Мое время [СПб., 1914] / Репринтное изд. с предисловием И. де Мадариаги. London, 1974.

[Гакстгаузен Г. К.] Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // РС. 1914. Т. 158. С. 539—547; Т. 160. С. 70—80, 262—283, 504—512; 1915. Т. 161. С. 274—282, 532—544; Т. 162. С. 33—37, 295—298; Т. 164. С. 359—363.

[Гарновский М.] Записки Михаила Гарновского. 1786—1790 // РС. 1876. Т. 15. С. 9—38, 237—265, 471—499, 687—720; Т. 16. С. 1—32, 207—238, 399—440.

Гельбиг Г. фон. Русские избранники / Пер. и ред. В. А. Бильбасова. Берлин, 1900 [см.: *Гельбиг Г. фон.* Русские избранники. М., 1999].

Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895.

Голицын Ф. А. Записки // РА. 1874. № 1. С. 127 и далее.

[Головина В. Н.] Записки графини Головиной / Под ред. С. Шумигорского. СПб., 1900 [см.: *Головина В. Н.* Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996].

Грибовский А. М. Записки о Екатерине Великой. М., 1847 [см.: *Грибовский А.* Записки о императрице Екатерине Великой / Репринтное воспроизведение издания 1864 года. М., 1989].

Грибовский А. М. Воспоминания и дневники / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1899.

Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова // Записки Императорской академии наук. 1862. Т. I. Приложение. № 4. С. 21—65.

Грот Я. К. Переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным // Записки Императорской академии наук. 1863. Т. III. Приложение. № 4. С. 1—37.

Грот Я. К. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа // Записки Императорской академии наук. 1874. Т. XX. Приложение. № 4. С. 1—144.

Державин Г. Р. Записки // *Державин Г. Р.* Сочинения: В 7 т. 2-е изд. / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1876. Т. VI [см.: *Державин Г. Р.* Избранная проза. М., 1984; *Державин Г. Р.* Записки: 1743—1812. М., 2000].

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь [М., 1866] / Репринтное изд. Cambridge, 1974 [см.: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986].

Документы и материалы по истории Московского университета во второй половине XVIII века: В 3 т. / Под ред. Н. А. Пенчко. М., 1963.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. / Ред. Р. В. Овчинников и др. М., 1975.

Долгорукий И. М. Капище моего сердца // РА. 1890. № 1. С. 164 и далее [см.: *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1997; Ковров, 1997].

Дон и Нижнее Поволжье перед крестьянской войной 1773—1775 гг.: Сборник документов. Ростов н/Д., 1961.

[Екатерина II.] Беседы императрицы с Далем. 1772—1777 // РС. Т. 17. С. 1—20.

[Екатерина II.] Т. 29/30 Переписка императрицы Екатерины II с графом Румянцевым-Задунайским. М., 1805.

[Екатерина II.] Переписка императрицы Екатерины II с братьями Людовика XVI, графом Прованским и графом д'Артуа // РА. 1890. № 2. С. 1—17.

[Екатерина II.] Переписка императрицы Екатерины II с графом Броуном // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. I. С. 367—421.

[Екатерина II.] Переписка императрицы Екатерины II с князем М. Н. Волконским // Осмнадцатый век. Кн. I. М., 1869. С. 52—162.

[Екатерина II.] Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807.

[Екатерина II.] Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1873.

[Екатерина II.] Письма императрицы Екатерины II к А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта // РА. 1866. № 3. С. 388—398.

[Екатерина II.] Письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. 1764—1773 // РА. 1871. № 9. С. 1313 и далее.

[Екатерина II.] Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву. 1762—1783 / Под ред. М. Н. Лонгинова. М., 1863.

[Екатерина II.] Рескрипты императрицы Екатерины II Г. А. Потемкину. 1791 // РА. 1874. № 2. С. 246—258.

[Екатерина II.] Сочинения императрицы Екатерины II: В 12 т. / Ред. А. Н. Пыпин. СПб., 1901.

[Екатерина II.] Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1782—1791 // РС. 1876. Т. 16. С. 33—58, 239—262, 441—478, 571—590; Т. 17. С. 21—38, 205—216, 403—426, 635—652.

Екатерина II. Собственноручные ее повеления, письма и заметки. 1770—1792 // РС. Т. 3. С. 310—325, 474—484, 605—627, 689—699; Т. 8. С. 60—86, 212—220, 653—690, 853—884; Т. 9. С. 37—56, 285—300, 473—504; Т. 11. С. 489—496; Т. 12. С. 384—390; Т. 14. С. 444—454.

Екатерина II. Записка о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства // РА. 1866. № 3. С. 399 и далее.

Елагин И. П. Повесть о себе самом // РА. 1864. № 1. С. 93—110.

[Зуев В. Ф.] Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.

[Лопухин И. В.] Записки И. В. Лопухина [Лондон, 1859]. Репринтное изд. Cambridge, 1976 [см.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки сенатора И. В. Лопухина / Репринтное воспроизведение. М., 1990].

Лубяновский Ф. П. Воспоминания // РА. 1872. № 1. С. 98—185.

Масловский Д. Ф. Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева. 1787—1789 гг. Кинбурн-Очаковская операция // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. IV.

[Мертваго Д. Б.] Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760—1824 // РА. 1867. Приложение.

Миних И. Е. Записки, писанные для детей. СПб., 1817.

Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии по сочинению проекта нового уложения / Ред. Н. Д. Чечулин. СПб., 1907.

Неплюев И. И. Записки (1693—1773) [СПб., 1893] / Репринтное изд. Cambridge, 1974.

Новиков Н. И. Избранные сочинения / Ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1951.

Порошин С. А. Записки. СПб., 1881.

[Потемкин Г. А.] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / Ред. Н. Ф. Дубровин // Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI: 1774—1788. СПб., 1893; Вып. VIII: 1790—1793. СПб., 1895.

[Потемкин Г. А.] Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739—1791. Биографический очерк по неизданным материалам // РС. 1875. Т. 12. С. 451—522, 587—700; Т. 13. С. 20—40, 159—174; Т. 14. С. 217—267.

[Потемкин Г. А.] Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 г. // ЗООИД. 1881. № 12. С. 249—329.

[Потемкин Г. А.] Собственноручные бумаги князя Потемкина // РА. 1865. С. 721 и далее.

Присоединение Крыма к России. (Рескрипты, письма, донесения): В 4 т. / Под ред Н. Ф. Дубровина. СПб., 1885—1889.

Пугачевщина: В 3 т. М.; Л., 1926—1931.

П. А. Румянцев. Сб. документов / Ред. П. К. Фортунатов: В 2 т. М., 1953.

Сенатский архив: В 15 т. СПб., 1888—1913.

Тучков С. А. Записки. 1766—1808. СПб., 1908.

Фельдмаршал Румянцев. Сб. документов и материалов / Под. ред. Н. М. Коробкова. М., 1947.

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. / Ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959.

Шаховской Я. П. Записки. 1709—1777 [СПб., 1872] / Репринтное изд. Cambridge, 1974.

[Штейнгель В. И.] Записки барона Штейнгеля // Общественные движения в России в первую половину XIX века / Под ред. В. И. Семевского. СПб., 1905. Т. I. [см.: *Штейнгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма. Иркутск, 1985].

Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935.

Энгельгардт Л. Н. Записки. 1766—1836. М., 1868 [см.: *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997].

Alexandre I. Correspondence de Frédéric César de la Harpe et Alexandre I / Ed. J. C. Biaudet, F. Nicot. Neuchatel, 1978. Vol. 1—2.

Asseburg F. A. F. von der. Denkwürdigkeiten / Intr. K. A. Varnhagen von Ense. Berlin, 1842.

Board of Education. Special Report on Educational Subjects. 1909. Vol. 23. Education in Russia. Cund. 4812.

Bruce P. H. Memoires. London, 1782.

Buckinghamshire J. second earl of. The Dispatches of John, Second Earl of Buckinghamshire, 1762—1765 / Ed. A. Collyer. London, 1900.

Caterina e Aleksandr A. Vjasemskij // Annali. Sezione slava. Napoli, 1951. Vol. II. P. 203—211.

Catherine II. Bibliothek der Grossfürsten Alexander und Konstantin, I. K. M. d. K. a. R. Berlin, 1784. Bd. 1—4.

Catherine II. Correspondence of Catherine the Great with Sir Charles Hanbury Williams / Ed. the Earl of Illchester. London, 1928.

Catherine II. Memoirs / Ed. D. Maroger. London, 1955.

Chappe d'Auteroche, abbe. Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761. Paris, 1768. Vol. 1—4.

Esterhazy V. comte de. Lettres du comte Valentin Esterhazy à sa femme. 1784—1794 / Ed. E. Daudet. Paris, 1907.

Esterhazy V. comte de. Mémoires du comte V. Esterhazy / Ed. E.Daudet. Paris, 1905.

Friedrich II. Politische Correspondenz. Berlin, 1879—1939. Bd. 1—46.

Goertz J. E. von. Mémoire sur la Russie / Ed. W. Stribny. Wiesbaden, 1969.

Helbig G. von. Potemkin der Taurier. Anecdoten zur Geschichte seines Lebens und seiner Zeit // Minerva, ein Journal historischen und politischen Inhalts herausgegeben von J.M. von Archenholtz. 1797. Bd. 2. S. 1—21, 425—457; Bd. 3. S. 105—124, 209—237, 453—467; Bd. 4. S. 110—132, 286—309; 1798. Bd. 1. S. 12—41, 355—373, 538—550; Bd. 2. S. 160—166, 291—319, 487—514; Bd. 3. S. 154—165, 214—233; Bd. 4. S. 76—106, 300—311, 462—484; 1799. Bd. 1. S. 145—179, 357—376, 510—531; Bd. 2. S. 67—80, 406—431; Bd. 3. S. 113—131, 427—433; 1800. Bd. 1. S. 38—46, 433—439; Bd. 2. S. 99—108, 308—315; Bd. 3. S. 514—527; Bd. 4. S. 509—547.

Macartney G. The Present State of Russia. London, 1768.

Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1800. Vol. 1—5 [см.: *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996].

Miranda F. de. Archivo del General Miranda. Vol. II: 1785—1787. Caracas, 1929 [см.: *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи. М., 2001].

Poniatowski S. A. Mémoires. SPb., 1914. Vol. 1—2 [см.: *Станислав Понятовский.* Мемуары. М., 1995].

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. London, 1784 [репринт: London, 1968].

Rulhière C. de. Histoire ou Anecdotes sur la Révolution en Russie. Paris, 1797 [см.: *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989].

Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals / Tr. and ed. by A. Lentin. London, 1969 [см.: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева / Факсимильное изд. М., 1983].

Vigée Lebrun E. Souvenirs. Paris, 1867. Vol. 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964.
Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. М., 1954.
Александров В. А. Сельская община и вотчина в России XVII — начала XIX в. // ИЗ. М., 1972. Т. 89. С. 321—294.
Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.) М., 1976.
Александров П. А. Северная система. М., 1914.
Алефиренко П. К. Чумной бунт в Москве в 1771 г. // ВИ. 1947. № 4. С. 82 и далее.
Алефиренко П. К. Правительство Екатерины и Французская буржуазная революция 1789 года // ИЗ. [М.,] 1967. [Т.] 22. С. 206—251.
Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., 1958.
Алефиренко П. К. Общественные движения в Москве во второй половине XVIII столетия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 6. С. 521—535.
Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870.
Андрущенко А. И. Классовая борьба яицких казаков накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. // История СССР. 1960. № 1. С. 149 и далее.
Андрущенко А. И. Крестьянская война. М., 1969.
Андрущенко А. И. Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 339—342.
Артемьев А. Казанские гимназии в XVIII в. // ЖМНП. 1874. Т. 24. С. 20 и далее.
Афанасьева Т. А. Реестры книг XVIII века в Московской Синодальной типографии // Книга в России до середины XIX века / Ред. А. А. Сидоров, С. П. Луппов. Л., 1978. С. 169—176.
Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.
Бабурин Д. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939.
Багалей Д. Наследники Запорожских земель // Киевская старина. 1885. № 4. С. 783—790.
Бак И. С. Дмитрий Александрович Голицын // ИЗ. [М.,] 1948. [Т.] 26. С. 258 и далее.
Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: В 3 т. М., 1842.
Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915.
Барсков Я. Проекты военных реформ цесаревича Павла // Русский исторический журнал. 1917. Т. I. № 3/4.
Барсуков А. Р. Князь Григорий Григорьевич Орлов // РА. 1873. № 1. С. 1—146.
Барсуков Д. П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885.
Бартенев П. И. Граф А. И. Морков: Биография. М., 1857.
Белоруссия в эпоху феодализма: В 3 т. Минск, 1961.
Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева. М., 1965.
Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
Белявский М. Т. Новиковское Авдотьино в 1792 г. // Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 49—61.

Белявский М. Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. // Научные доклады высшей школы исторических наук. 1960. № 4. С. 125—143.

Белявский М. Т. Вопрос о крепостном праве и положение крестьян в Наказе Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 9: История. 1963. № 6. С. 44—63.

Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958.

Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. 1773—1774. СПб., 1884.

Бильбасов В. А. История Екатерины II: В 2 т. Берлин, 1900.

Бильбасов В. А. Исторические монографии. СПб., 1901.

Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Богословский М. М. Дворянские наказы в екатерининскую комиссию 1767 г. // Русское богатство. 1897. № 6. С. 46—83; № 7. С. 136—152.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.

Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958.

Бочкарев В. Н. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 года // РС. 1915. Т. 161. С. 64—72, 283—296, 545—560; Т. 162. С. 38—59, 312—325.

Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века: Опыт изучения политической идеологии XVIII века. М., 1923.

Браун А. Х. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете. 1761—1767 // Вестник Московского университета. 1969. № 4. С. 75—88.

Брикнер А. Потемкин. СПб., 1891.

Брикнер А. Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // ЖМН. 1872. № 7. С. 1—51.

Брикнер А. Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году // ЖМНП. 1873. № 8. С. 128—170.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. I.

Веретенников В. К истории екатерининской генерал-прокуратуры. Харьков, 1914.

Вернадский Г. В. Очерк истории права русского государства XVIII—XIX вв. Прага, 1924 [см.: *Вернадский Г. В.* Очерк истории права русского государства XVIII—XIX вв. (Период империи). М., 1998].

Вернадский В. Г. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917 [см.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999].

Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874.

Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права. СПб., 1900.

Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М., 1959.

Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1775 по 1828 г. включительно. СПб., 1848.

Восемнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива князем Федором Алексеевичем Куракиным: В 2 т. / Ред. В. Н. Смольянинов. М., 1904—1905.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр второй половины XVIII века. М., 1960.
Вяземский П. А. Записные книжки, 1813—1848. М., 1963.
Герман И. Е. История русского межевания. М., 1910.
Гернет М. История царской тюрьмы. М., 1960. Т. 1.
Гессен Ю. История еврейского народа в России: В 2 т. Л., 1925—1927.
Гессен Ю. Закон и жизнь: Как созидались ограничительные законы о жительстве в России. СПб., 1911.
Голикова Н. В. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964.
Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1956.
Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
Голобуцкий В. А. Запорожская Сечь в последние времена своего существования. 1734—1775. Киев, 1961.
Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В 2 т. М., 1913—1941.
Готье Ю. В. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.
Готье Ю. В. Отзывы губернаторов шестидесятых годов XVIII века об областном управлении // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.
Готье Ю. В. Рец. на кн: Флоровский А. В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910 // ЖМНП. 1916. № 11. С. 83 и далее.
Градовский А. Д. Верховное управление в России и генерал-прокуроры. СПб., 1899.
Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования Екатерины II. СПб., 1901.
Григорович Н. Канцлер князь А. А. Безбородко в связи с событиями его времени // СбРИО. Т. XXVI, XXIX.
Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине. СПб., 1910.
Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда 1750—1760-х годов. М.; Л., 1936.
Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938.
Гуковский Г. А., Орлов В. Подпольная поэзия, 1778—1800 // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10.
Гулицкий К. Г. Колиивщина. Киев, 1947.
Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв.: Сборник, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975.
Дело об Арсении Мацеевиче // ЧОИДР. 1862. № 3. С. 134 и далее.
Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964.
Демков М. И. История русской педагогики. Т. II: Новая русская педагогика. XVIII век. М., 1910.
Джеджула К. Э. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972.
Джинчарадзе В. З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Историко-филологический факультет. 1957. Т. II. № 2. С. 83—118.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России: В 2 т. М., 1875—1877.
Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1959.
Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955.
Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1780 гг. М., 1959.
Дубасов И. Тамбовский край в конце XVIII — начале XIX столетия // Русский вестник. 1884. Т. 16. С. 103—138; Т. 17. С. 313—339, 551—583.
Дубровин Н. Пугачев и его сообщники: В 3 т. СПб., 1884.
Евреинов Н. История телесных наказаний. М., 1900 [см.: *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Харьков. 1994].
Екатерина II, ее жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / Ред. В. Покровский. М., 1905.
Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
Ефименко П. С. Кальнышевский, последний кошевой атаман Запорожской Сечи // РС. 1875. Т. 14. С. 405—420.
Ефремов Е. Я. В. Княжнин. Вадим Новгородский // РС. 1871. № 3. С. 722 и далее.
Желваков Н. И. Хрестоматия по истории педагогики. М., 1938. Т. VI, ч. 1.
Желудков В. Ф. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева и подготовка губернской реформы 1775 года // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 8. Серия литературы, истории, языка. Вып. 2. С. 56—65.
Желудков В. Ф. Введение губернской реформы 1775 года // Очерки по истории классовой борьбы и общественной мысли России третьей четверти XVIII в. Л., 1962.
Журнал высочайшего путешествия Ее Величества в полуденные страны России в 1787 году. М., 1878.
Заборов П. К. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.
Загоровский Е. А. Организация управления Новороссии при Потемкине 1774—1791. Одесса, 1913.
Закалинская Е. П. Вотчинное хозяйство Могилевской губернии во второй половине XVIII века. Могилев, 1958.
Западов В. А. К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 38 и далее.
Князь Платон Александрович Зубов, 1767—1822 // РС. Т. 16. С. 591 и далее; Т. 17. С. 39 и далее, с. 437 и далее, с. 691 и далее.
Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.
Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925.
Из истории русской философии XVII — XVIII вв.: Сборник статей / Ред. И. Я. Щипанов. М., 1952.
Иконников В. С. Арсений Мацеевич: Историко-биографический очерк // РС. 1879. Т. 24. С. 731—753; Т. 25. С. 1—34, 577—608; Т. 26. С. 1—34, 177—198.
Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII века) М., 1964.
Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв. М., 1975.
Индова Е. И. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII века в формировании русского купечества // ИЗ. [М.,] 1961. [Т.] 68. С. 189—210.

Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Народные движения в России XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964.

Историческая записка Рязанской мужской гимназии. Рязань, 1904.

Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России, 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153—168.

Карасов А. А. Атаман Ефремов // Исторический вестник. 1902. № 9. С. 876 и далее.

Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.

Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1963.

Карташов А. Очерки истории русской церкви: В 2 т. Париж, 1959 [см.: *Карташов А.* Очерки истории русской церкви: В 2 т. / Репринтное воспроизведение. М., 1991].

Кизеветтер А. А. Городовое Положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909.

Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912.

Кизеветтер А. А. Исторические отклики. М., 1915.

Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Берлин, 1931.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903.

Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768—1774. М., 1951.

Клокман Ю. Р. Город в законодательстве русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964.

Клокман Ю. Р. Города Белгородской черты и губернская реформа 1775 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения: Сборник статей. М., 1961.

Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов северо-западной России в середине XVIII в. М., 1960.

Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967.

Клочков М. В. Наказ императрицы Екатерины II в судебной практике // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени императора Павла I. Пг., 1916.

Кнорринг Н. Н. Екатерининская законодательная комиссия 1767 года в освещении иностранных резидентов при русском дворе // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. Прага, 1929. С. 327—350.

Кобеко Д. И. Цесаревич Павел Петрович, 1754—1796. СПб., 1883 [см.: *Кобеко Д.* Цесаревич Павел Петрович (1754—1796): Историческое исследование. СПб., 2001].

Кобеко Д. И. Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов, 1744—1789 // РА. 1881. № 3. С. 241—290.

Коган Э. С. Очерки истории крепостного права по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII века. М., 1960.

Коган Э. С. Волнения крестьян пензенской вотчины А. В. Куракина во время Пугачева // ИЗ. [М.,] 1951. Т. 1. С. 104—124.

Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958.

Кокорев А. В. Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1965.

Коркунов Н. М. Два проекта преобразования Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 гг.). СПб., 1899.

Коркунов Н. М. Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1899.

Корсаков А. Н. Степан Иванович Шешковский, 1727—1794: Биографический очерк // Исторический вестник. 1885. № 12. С. 656—687.

Корсанов А. И. Петр Алексеев, протоиерей московского Архангельского собора, 1727—1801 // РА. 1880. № 2. С. 153 и далее.

Корф А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб, 1906.

Костомаров Н. Собрание сочинений. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870.

Кросс А. Г. Василий Петров в Англии (1772—1776) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 229—246.

Кудряшов П. Отношение населения к выборам в екатерининскую комиссию // Вестник Европы. 1909. № 11. С. 79 и далее; № 12. С. 531 и далее.

Кулишер И. Р. Очерки по истории русской торговли. Пб., 1923.

Куломзин А. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II // СбРИО. Т. V, VI.

Куломзин А. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II // СбРИО. Т. XXVIII, XLV.

Куломзин А. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1885. Вып. II.

Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция в России XVIII века // ВИ. 1979. № 1. С. 82—94.

Курмачева М. Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй в России XVII—XVIII вв. М., 1975. С. 240—264.

Лавровский Н. О педагогическом значении сочинений Екатерины Великой. Харьков, 1856.

Лаппо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904.

Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Империи Российской, составленные в царствование Екатерины II // ЖМНП. 1897. № 1. С. 1—59; № 3. С. 132—168; № 5. С. 60—80; № 12. С. 365—390.

Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887.

Лебедев А. Евгений Булгарис, архиепископ славенский и херсонский // Древняя и новая Россия. 1876. № 3. С. 209—223.

Лебедев П. С. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.

Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.

Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: В 2 т. М., 1953.

Липинский М. А. Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения. // ЖМНП. 1887. № 6. С. 225—293.

Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867 [см.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000].
Лооне Л. А. Крестьянский вопрос в общественной мысли Прибалтики // Материалы по истории сельского хозяйства. 1959. Т. V. С. 207—223.
Мавродин В. В. Крестьянская война в России: В 3 т. Л., 1961—1970.
Майков П. М. Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии. СПб., 1904.
Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: Творческий путь. М., 1961.
Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951.
Максимович Г. А. Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссии. Нежин, 1913.
Маркова О. П. О нейтральной системе и франко-русских отношениях (вторая половина XVIII в.) // История СССР. 1970. № 6. С. 42—55.
Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52—78.
[Маркович Я.] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича: В 2 т. М., 1859.
Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции 1760—1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX века / Ред. А. А. Сидоров, С. П. Луппов. Л., 1978.
Матль И. Ф. Я. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 76—81.
Милов Л. В. О так называемых аграрных городах России XVIII века // ВИ. 1968. № 6. С. 54—64.
Моисеева Г. Н. Дополнительные данные к обстоятельствам преследования Н. И. Новикова // XVIII век.. Л., 1976. Сб. 11. С. 149—152.
Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867—1870. Ч. 1—2.
Мякотин В. А. Из истории русского общества: Этюды и очерки. СПб., 1902.
Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Прага, 1926. Т. 1. Вып. II.
Мякотин В. А. Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. // Годишник на Софийският университет. София, 1932.
Недосекин В. И. О дискуссии по крестьянскому вопросу в России накануне восстания Пугачева // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1967. Вып. 63. С. 326—346.
Николай Михайлович, великий князь. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905.
Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3—5, 7, 9.
Огарков В. В. Воронцовы — их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.
Очерки по истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России третьей четверти XVIII в. / Под ред. В. Н. Бернадского. Л., 1962.
Очерки по истории СССР. XVIII век. Вторая половина / Ред. А. А. Баранович, Б. Б. Кафенгауз. М., 1956.
Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в. М., 1962.
Павленко Н. И. Из истории социально-экономических требований русской буржуазии во второй половине XVIII в. // ИЗ. [М.,] 1957. [Т.] 59. С. 328 и далее.
Павленко Н. И. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в. // ВИ. 1958. № 6. С. 41—58.

Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию Б. Б. Кафенгауза / Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1964. С. 460—491.

Павлова-Сильванская М. П. Создание в 1775 г. сословных судов для крестьян // Вестник Московского университета. 1963. № 3. С. 69 и далее.

Папаригопуло С. В. О двух Я. П. Козельских // ВИ. 1954. № 8. С. 109—111.

Пекарский П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Записки Императорской академии наук. 1863. Т. III. Приложение. С. 1—90.

Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами: В 5 т. СПб., 1866—1874.

Петров А. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787—1791 гг.: В 2 т. СПб., 1880.

Петрова В. А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленинградского университета. 1967. Вып. 2. № 8. История, язык, литература. С. 57 и далее.

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884.

Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954.

Покровский С. А. Внешняя торговля и внешнеторговая политика России. М., 1947.

Полонская-Василенко Н. Д. Из истории Южной Украины в XVIII веке. Заселение Новороссийской губернии (1764—1775) // ИЗ. [М.,] 1941. [Т.] 13. С. 130 и далее.

Пособники и сторонники Пугачева: Очерки и рассказы // РС. 1876. Т. 16. С. 476—508; Т. 17. С. 53 и далее.

Прокофьева Л. С. О действиях посланцев Правобережья в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева // Вопросы военной истории России XVIII — первой половины XIX в. М., 1969. С. 328—338.

Проништейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов, 1961.

Пушкин А. С. История Пугачева // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. [М.; Л.,] 1949. Т. XII.

Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1916 [см.: *Пыпин А. Н.* Масонство в России. XVIII и первая четверть XIX в. М., 1997].

Рождественский С. В. Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII—XIX вв. СПб., 1912.

Рознер И. Г. Казачество в крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966.

Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966.

Рознер И. Г. Яицкое казачество накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. // ВИ. 1958. № 10. С. 97—112.

Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века. Киев, 1912.

[Ростопчин Ф. В.] Из записок графа Ф. В. Ростопчина // Девятнадцатый век. Т. II. С. 114—140.

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II // ЧОИДР. 1860. Кн. 3. Отд. V. С. 155—166.

Рубан В. Г. Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 год. СПб., 1777.

Рубинштейн Е. И. Книгопечатание в русской провинции XVIII в. // 400 лет русского книгопечатания, 1564—1964. М., 1964.

Рубинштейн Е. И. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.

Рубинштейн Е. И. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения // ИЗ. [М.,] 1951. [Т.] 38. С. 208—251.

Рубинштейн Е. И. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // ИЗ. [М.,] 1955. [Т.] 54. С. 343—361.

Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

Самойлов А. И. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. С. 575—606, 993—1027, 1203—1262, 1537—1557.

Самойлов В. В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // ВИ. 1948. № 6. С. 79—81.

Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. VI. С. 261—280.

Сборник исторических материалов по истории казачего войска. Т. I: 1737—1801 / Ред. И. И. Дмитренко. СПб., 1896.

Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549—1917): Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.

Светлов Л. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века // Из истории русской философии XVII—XVIII вв. / Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1952. С. 38—64.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800: В 5 т. М., 1962—1967.

Семевский В. И. Крепостные крестьяне при Екатерине // РС. 1876. Т. 17. С. 579—618, 653—690.

Семевский В. И. Крестьяне дворцового ведомства // Вестник Европы. 1878. № 5. С. 44 и далее; № 6. С. 461 и далее.

Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II: В 2 т. СПб., 1881—1901.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России: В 2 т. СПб., 1888.

Семевский В. И. Раздача населенных имений при Екатерине // Отечественные записки. 1877. № 8. С. 204—277.

Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // РС. 1877. Т. 19. С. 501 и далее.

Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя в России в XVIII — первой четверти XIX в. // Былое. 1906. № 1. С. 1—59; № 2. С. 69—117.

Семенников В. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и начале XIX в. // Русский библиофил. 1911. № 6.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М., 1951.

Сергеевич В. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188—264.

Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII века // ИЗ. [М.,] 1950. [Т.] 31. С. 88 и далее.

Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского государственного педагогического института. 1946. Вып. 11. С. 96—110.

Сивков К. В. Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII века // ВИ. 1946. № 5/6. С. 90—95.

Сивков К. В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века // ИЗ. [М.,] 1946. [Т.] 19. С. 63—101.
Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона. М., 1856.
Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. М., 1957. Т. VI.
Солдатов Г. М. Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский. 1706—1772. St. Paul (Minnesota), 1971.
Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 т. М., 1959—1966.
Сычев-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960.
Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в наказе Екатерины II // Сборник статей по истории русского права, посвященный проф. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44—86.
Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг, 1769—1774. М., 1945.
Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1866. Т. 38. № 1. С. 1—114.
Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 38. № 6. С. 1—67.
Толстой Д. А. Городские училища в царствование Екатерины II // Записки Императорской академии наук. 1886. Т. LIV. Приложение. № 1. С. 1—213.
Толстой Д. А. Римский католицизм в России: Историческое исследование: В 2 т. СПб., 1876.
Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1886. Т. 38. № 4. С. 1—100.
Трачевский А. Союз князей. СПб., 1877.
Трефолеев Л. Алексей Петрович Мельгунов, генерал-губернатор екатерининских времен // РА. 1865. № 8. С. 931—978.
Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1966.
Троицкий С. М. Историография дворцовых переворотов в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С. 38—53.
Троицкий С. М. К проблеме консолидации дворянства в России в XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. VIII. С. 121—151.
Троицкий С. М. Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 60-х гг. // Дворянство и крепостной строй. М., 1975.
Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974.
Троицкий С. М. Социальный состав и численность бюрократии в середине XVIII в. // ИЗ. [М.,] 1972. [Т.] 89. С. 295—353.
Троицкий С. М. Заемные книги крепостных контор как источник по истории крестьян в России в середине XVIII века // Археографический ежегодник на 1962 год. М., 1963. С. 269 и далее.
Туган-Барановский М. И. Русская фабрика. М.; Л., 1934.
Тхоржевский Д. А. Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930.
Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.
Ульяницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке: В 2 т. М., 1899.
Фатеев А. М. Потемкин-Таврический. Прага, 1945.
Филиппов А. Н. К вопросу о первоисточниках жалованной грамоты дворянству // Известия АН СССР. 1926. Серия 6. Т. XX. № 5/6. С. 430—444.

Фирсов Н. И. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902.
Флоровский А. В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.
Флоровский А. В. Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915.
Храповицкий А. В. Дневник. 1782—1793 гг. СПб., 1874 [см.: Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990].
Чечулин Н. Д. Об источниках наказа // ЖМНП. 1902. № 4. С. 306—317.
Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.
Чечулин Н. Д. Проект императорского совета в первый год царствования Екатерины II // ЖМНП. 1894. № 3. С. 68—87.
Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.
Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762—1774. СПб., 1896.
Чечулин Н. Д. Екатерина в борьбе за престол. Л., 1924.
Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.
Чистович И. Историческая записка о совете в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1870.
Чулков Н. П. Московское купечество XVIII и XIX вв. // РА. 1907. № 12. С. 489—502.
Шильдер Н. К. Император Александр I: В 4 т. СПб., 1897.
Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901.
Штранге М. М. Русское общество и Французская революция. М., 1956.
Штранге М. М. История одного подложного указа 1763 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961.
Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России. М., 1965.
Шульга И. Г. К вопросу о развитии всероссийского рынка во второй половине XVIII в. // ВИ. 1958. № 10. С. 35—45.
Щебальский П. Политическая система Петра III. М., 1870.
Щебальский П. Екатерина писательница // Заря. 1869. Т. III. С. 111 и далее.
Щебальский П. Вопрос о Курляндии при Петре III // РА. 1866. С. 284—304.
Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926.
Эйнгорн В. О. Воспитательные заведения при Московском главном народном училище 1780—1803 гг. // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 490—523.
Эльяшевич В. Б. История права поземельной собственности в России: В 2 т. Париж, 1951.
Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / Ред. С. А. Покровский. М., 1959.
Яковецкий В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостной России. М., 1953.
Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. // Избранные труды. М., 1973.

Adamczyk T. Fürst G.A. Potemkin. Emsdetten, 1936.
Alexander J. T. Emperor of the Cossacks. Larrami (Kansas), 1973.
Alexander J. T. Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article // CSS. 1970. Vol. IV. P. 602—617.
Alexander J. T. The Politics of Autocracy in a National Crisis: The Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773—1775. Bloomington, 1969.

Alexeiev N. N. Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18.ten Jahrhundert // FOG. 1958. Bd. 6. S. 7—81.
Allen W. E. D. A History of the Georgian People. London, 1932.
Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leyden, 1966.
Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961.
Amburger E. Russland und Schweden, 1762—1772. Die Schwedische Verfassung und die Ruhe des Nordens. Berlin, 1934.
Anderson M. S. Great Britain and the Growth of the Russian Navy in the Eighteenth Century // Mariner's Mirror. 1956. Vol. 42. P. 132—178.
Anderson M. S. Great Britain and the Russian Fleet, 1769—1770 // SEER. 1952. Vol. XXI. № 76. P. 148—163.
Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768—1774 // EHR. 1954. Vol. LXIX. P. 39—58.
Anderson M. S. Russia in the Mediterranean, 1788—1791: A Little-Known Chapter in the History of naval Warfare and Privateering // Mariner's Mirror. 1959. Vol. 45. № 1. P. 25—35.
Anderson R. C. British and American Officers in the Russian Navy // Mariner's Mirror. 1947. Vol. 33. P. 17—27.
Anderson R. C. Naval Wars in the Baltic During the Sailing Ship Epoch, 1522—1850. London, 1910.
Anderson R. C. Naval Wars in the Levant, 1559—1853. Liverpool, [s.à.].
Andreescu C. I. La France et la politique orientale de Catherine II d'après les rapports des ambassadeurs français à St. Petersbourg // Mélanges d'Ecole roumaine en France. Paris, 1927. Vol. V. P. 3—155.
Aragon L. A. C. de. Un paladin au XVIIIe siècle. Le Prince Charles de Nassau Siegen. Paris, 1893.
Arneth A. von. Joseph II und Katharina von Russland: Ihr Briefwechsel. Wien, 1867.
Arneth A. von. Maria Theresias letzte Regierungszeit, 1763—1780. Wien, 1879. Bd. 1—4.
Arneth A. von. Maria Theresia und Joseph II: Ihre Correspondenz. Wien, 1867. Bd. 1—3.
Arneth A. von., Flammermont J. Correspondance secrète du comte de Mercy Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz. Paris, 1889. Vol. 1—2.
Arnold Barton H. Russia and the Problem of Sweden-Finland, 1721—1809 // East European Quarterly. Vol. V. № 4. P. 431—455.
Askenazy S. Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894.
Auerbach H. Die Besiedlung der Südukraine in den Jahren 1774—1787. Wiesbaden, 1965.
Bacmeister H. L. C. Russische Bibliotek zur Kenntniss des gegenwartiger Zustandes der Litteratur in Russland. SPb.; Riga; Leipzig, 1772—1789. Bd. 1—11.
Baehr S. «Fortuna Redux»: The Courtly Spectacle in Eighteenth Century Russia // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Proceedings of an International Conference. 11—15 July 1977. Oriental Research Partners. Newtonville (Mass.), 1979.
Baehr S. The Masonic Component in Eighteenth Century Literature // Russian Literature in the Age of Catherine the Great / Ed. A.G. Cross. Oxford, 1976.
Baron S. W. The Russian Jew under Tsar and Soviets. N.Y., 1964.
Bartlett R. Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia, 1762—1804. Cambridge; N.Y., 1979.
Beccaria C. Delle delite e delle pene / Ed. F. Venturi. Torino, 1965 [см.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995].
Beer A. Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 1—3.
Beer A. Die Orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prague, 1883.

Beer A. Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. Wien, 1873.
Beer A. Leopold II, Franz II und Catharina. Ihre Correspondenz, nebst eine Einleitungn zur geschichte der Politik Leopold's II. Leipzig, 1874.
Beer A., Fiedler J. Joseph II und Graf Ludwig Cobenzl: Ihr Briefwechsel. Wien, 1873. Bd. 1—2.
Bienemann F. Die Staathalterschaftszeit in Liv- und Estland 1783—1796. Leipzig, 1886.
Bill V. The Forgotten Class. The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900. N.Y., 1959.
Billington J. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N.Y., 1966 [см.: *Биллингтон Д.* Икона и топор. М., 1999].
Bindhoff S. T. The Scheldt Question to 1839. London, 1945.
Black J. L. Citizens for the Fatherland. Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. N.Y., 1979.
Blackwell W. The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early 19th Century Moscow // Slavic Review. 1965. Vol. 24. № 3. P. 407—424.
Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961.
Blum K. L. Ein russischer Staatsman. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Leipzig; Heidelberg, 1857. Bd. 1—4.
Brandt O. Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zeiter Katharinas II. Erlangen; Kiel, 1932.
Brevern de la Gardie comtesse de. Un ambassadeur de Suède à la cour de Catherine II. Feld Maréchal comte de Stedingk. Choix de dépêches diplomatiques, rapports secrets et lettres particulières de 1790 à 1796. Stockholm, 1919. Vol. 1—2.
Brown A. H. Adam Smith's First Russian Followers // Adam Smith, Bicentenary Essays / Ed. A. Skinner, T. Wilson.Oxford, 1974.
Brown A. H. S.E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. VII. P. 42—59.
Brownlow J. The History and Design of the Foundling Hospital. London, 1858.
Brückner A. Katharina die Zweite. Berlin, 1883.
Brückner A. Schweden und Russland 1788 // HZ. 1869. № 22. S. 314—402.
Buchholtz A. Geschichte der Juden in Riga. Riga, 1899.
Burgess M. Russian Public Theatre Audiences of the 18th and Early 19th Centuries // SEER. Vol. 37. № 88. P. 160 ff.
Burke E. Correspondence. London, 1844. Vol. 1—4.
Butler W. E. The Nakaz of Catherine the Great // The American Book Collector. 1966. Vol. XVI. № 5. P. 19—21.
Cambridge History of Foreign Policy, 1783—1919. Vol. I: 1783—1815 / Ed. by A.W. Ward, G.P. Gooch. N.Y., 1922.
Catherine II. A Profile / Ed. by M. Raeff. N.Y., 1972.
Chevigny H. Russian America. The Great Alaskan Venture, 1741—1867. N.Y., 1965.
Christie I. R. Samuel Bentham and the Russian Dnieper Flotilla // SEER. 1972. Vol. L. № 119. P. 173—197.
Christie I.R. Samuel Bentham and the Western Colony at Krichev, 1784—1787 // SEER. 1970. Vol. XLVIII. № 111. P. 232—247.
Cizova T. Beccaria in Russia // SEER. 1962. Vol. XL. № 95. P. 348—409.
Colin de Terrail H. La Finland et les Russes depuis les Croisades Suédoises. Paris; Strasbourg, 1963.
Confino M. Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle: Étude de structures agraires et de mentalités économiques. Paris, 1963.
Confino M. Systèmes agraires et progrès agricole: L'assolement triennal en Russie au XVIIIe et XIXe siècles. Paris; La Haye, 1969.

Confino M. Seigneurs et intendants en Russie au XVIIIe et XIXe siècles // Revue d'Études slaves. Paris, 1962. P. 61—91.
Conybeare F. C. Russian Dissenrers // Harvard Theological Studies. Cambridge (Mass.), 1921. Vol. 10.
Coquin F.-X. La Grande Commission Legislative (1767—1768). Les Cahiers de Doléances urbains. Louvain; Paris, 1972.
Corberon M. D. B. de. Journal Intime: Un Diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780. Paris, 1901. Vol. 1—2.
Cotta S. L'illuminisme et la science politique: Montesquieu, Diderot et Catherine II // Revue internationale d'histoire politique et constitutionelle. Nouvelle série. 1954. № 16. P. 237—287.
Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1784—1790. Vol. 1—3.
Coxe W. An Account of the Prisons and Hospitals in Russia, Sweden and denmark. London, 1781.
Cross A. G. Chaplains to the British Factory in St. Petersburg, 1723—1813 // European Studies Review. 1972. Vol. 2. № 2. P. 125—142.
Cross A. G. Russian Students in Eighteenth Century Oxford (1766—1775) // European Studies Review. 1975. Vol. 5. P. 91—110.
Cross A. G. Samuel Greig, Catherine the Greart's Scottish Admiral // Mariner's Miror. 1976. Vol. 60. P. 251—266.
Czartoryski A. Memoirs. London, 1888. Vol. 1—2.
Daniel W. The Merchantry and the Problem of Social Order in the Russian State: Catherine II's Commission on Commerce // SEER. 1977. Vol. 55. № 2. P. 185—203.
Danielson J. R. Die Nordische Frage in den Jahren 1746—1751. Helsingfors, 1888.
Danske Tractater, 1751—1800. Copenhagen, 1874—1882. Vol. 1—4.
Dashkova E. R. Memoirs / Ed. K. Fitzlyon. London, 1958.
Dembinski B. Documents relatifs à l'histoire du deuxième et troisième partages de la Pologne. Vol. I: 1788—1791. L'vov, 1902.
Diderot D. Œuvres complètes / Ed. J. Assezat, M. Tourneaux. Paris, 1875—1877. Vol. 1—20.
Diderot D. Mémoires pour Catherine II / Ed. P. Verniere. Paris, 1966.
Diderot D. Œuvres politiques / Ed. P. Verniere. Paris, 1963.
Documents of Catherine the Great. The Correspondence with Voltaire and the *Instruction* of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. by W.F. Reddaway. Cambridge, 1931.
Donnelly A. The Russian Conquest of Bashkiria. 1552—1740. Yale University Press, 1968.
Drage C. L. Russian Literature in the Eighteenth Century. London, 1978.
Dubnow S. M. History of the Jews in Russia and Poland. Philadelphia, 1916—1920. Vol. 1—3.
Dukes P. Catherine the Great and the Russian Nobility. A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. London, 1967.
Duran J. A. The Reform of Financial Administration in Russia during the Reign of Catherine II // CSS. 1970. Vol. IV. P. 483—496.
Edgerton W. B. Laying a Legend to Rest. The Poet Kapnist and Ukrainian German Intrigue // Slavic Review. 1971. Vol. XXX. № 3. P. 551—560.
Eecaute D. Les brigands en Russie du XVIIe au XIXe siècle. Mythe et réalité // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1965. Vol. XII. P. 161—202.
Ehrman J. The British Government and Commercial Negotiations with Europe. 1783—1793. London, 1963.
Ehrman J. The Younger Pitt. The Years of Acclaim. London, 1969.
The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.
Emmons T. The Emancipation of the Serfs. N.Y., 1970.

Fisher A. W. Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. P. 542—553.
Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772—1783. Cambridge, 1970.
Fleischhacker H. Portraet Peter III // JGOE. 1957. Bd. V. № 1/2. S. 127 ff.
Florovsky A. V. Un légiste français au service de la Tsarine Catherine II // Revue historique du droit français et étranger. 1924. P. 515—531.
Foust C. M. Muscovite and Mandarin. Russia's Trade with China and Its Setting. 1727—1805. Chapel Hill, 1969.
Freeze G. Social Mobility and the Russian Parish Clergy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1974. Vol. XXXIII. P. 641—662.
Freeze G. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.); London, 1977.
Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un revoluzionario. Torino, 1959.
Geffroy A. Gustave III et la cour de France. Paris, 1867.
Gerhardt D. England und der Aufstieg Russlands. München; Berlin, 1933.
Geyer D. Gesellschaft als Staatliche Veranstaltung // JGOE. 1966. № 14. S. 21 ff.
Geyer D. Staatsaufbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts // CMRS. 1966. Bd. VII. № 3. S. 366—377.
Gorodetzky N. St. Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoyevsky. London, 1951.
Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Proceedings of an International Conference. 11—15 July 1977. Newtonville (Mass.), 1979.
Green M. Masonry, Kheraskov and Mozart: A Footnote // Study Group in Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. № 7.
Griffiths D. M. The Rise and fall of the Northren System: Court Politics and Foreign Policy in the First Half of Catherine II's Reign // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 547—569.
Guthrie M. A Tour performed in the years 1795—1796 through the Taurida or Crimea. London, 1802.
Halm H. Grundung und erstes Jahrzehnt von Festung und Stadt Cherson, 1778—1788. Wiesbaden, 1961.
Hamilton G. H. The Art and Archtecture of Russia / Ed. N. Pevsner. London, 1954.
Hans N. Dumaresq, Brown and Some Early Educational Projects of Catherine II // SEER. 1961. Vol. XL. № 94. P. 229—235.
Hans N. François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // SEER. 1958. Vol. XXVI. № 87. P. 481—491.
Hassell J. The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review. 1970. Vol. XXIX. № 2. P. 283—299.
Haumont E. La culture française en Russie. Paris, 1910.
Haupt G. La Russie et les principautés danubiennes en 1790. Le Prince Potemkin Tavricheskiy et le «Courrier de Moldavie» // CMRS. 1966. Vol. VII. № 1. P. 58—62.
Heier E. L.N. Nicolai (1737—1820) and His Contemporaries. The Hague, 1963.
Herrmann E. Diplomatische Correspondenz aus der Revolutionszeit, 1791—1797. Gotha, 1867.
Herrmann E. Geschichte des russischen Staates. Gotha, 1860. Bd. 1—7.
Hertzberg comte de. Recueil de déductions, manifestes etc. redigés et publiés par le comte de Herzberg. Berlin, 1789. Vol. 1—2.
Home R. W. Science as a Career in 18th Century Russia: the case of F.U.T. Aepinus // SEER. 1973. Vol. LI. № 122. P. 75—94.
Horn D. B. British Public Opinion and the First Partition of Poland. Edinburgh; London, 1945.
Hosch E. Das sogenannte «griehische Projekt» Katharinas II // JGOE. 1964. № 12. S. 168—206.

Howard J. The State of the Prisons in England and Wales with Preliminary Observations and an Account of Some Foreign Prisons and Hospitals. London, 1792.
Jacobs E. M. Soviet Local Elections. What they are and What they are not // Soviet Studies. 1970. Vol. XXII. № 1. P. 61 ff.
Jacobsohn L. Russland und Frankreich in den ersten Regierungsjahren der Kaiserin Katharina II, 1762—1772. Berlin; Koenigsberg, 1929.
Jay Oliva L. Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years' War. N.Y., 1974.
Jones G. W. Novikov's Naturalised Spectator // The Eigteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.
Jones G. W. The Closure of Novikov's Truten' // SEER. 1972. Vol. L. № 118. P. 107—111.
Jones G. W. The Morning Light Charity Schools 1777—1780 // SEER. 1978. Vol. LVI. № 1. P. 47—67.
Jones G. W. The Polemics of the 1769 Journals: A Reappraisal // CSS. 1982. Vol. XVI. P. 432—443.
Jones R. E. Catherine II and the Provincial Reform of 1775: A Question of Motivation // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 497—512.
Jones R. E. The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785. Princeton, 1973.
Jones R. E. Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762—1796 // The Eigteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.
Kahan A. Continuity in Economic Activity and Policy during the Post-Petrine Period in Russia // Journal of Economic History. 1965. Vol. XXV. P. 61—85.
Kahan A. The Costs of Westernization in Russia: the Gentry and the Economy in XVIIIth Century Russia // Slavic Review. 1966. Vol. XXV. № 1. P. 42 ff.
Kaplan H. The First Partition of Poland. N.Y., 1962.
Kaplan H. Russia and the Outbreak of the Seven Years War. Berkeley; Los Angeles, 1968.
Kirchner W. Relations économiques entre la France et la Russie au XVIII siècle // Revue d'histoire économique et sociale. 1961. Vol. XXXIX. № 2. P. 158—197.
Klier J. D. The Ambiguous Legal Status of Russian Jewry in the Reign of Catherine II // Slavic Review. 1976. Vol. 35. № 3. P. 804—817.
Knabe B. Die Struktur der russischen Posadgemeinden und der Katalog der Beschwerden und Forderungen der Kaufmannschaft, 1762—1767 // FOG. 1975.
Kohut Z. The Abolition of Ukrainia Autonomy 1763—1786. A Case Study in the Integration of a non-Russian Area into the Empire [неопубликованная диссертация, University of Pennsylvania, 1975].
Konopczynski W. England and the First Partition of Poland // Journal of Central European Affaires. 1948. Vol. I. P. 1—23.
Krummel W. Nikita Ivanivic Panins aussenpolitische Tatigkeit 1747—1758 // JGOE. 1940. Bd. 5. № 1/2. S. 76—141.
Lang D. M. A Modern History of Georgia. London, 1962.
Lang D. M. The First Russian Radical. London, 1959.
Lappo-Danilevsky A. S. Die Russische Handelskommossoin von 1763—1796 // Beitrage zur russischen Geschichte / Ed. O. Hotsch. Berlin, 1907.
Lappo-Danilevsky A. S. L'idée de l'état et son évolution en Russie au XVIII siècle // Essays in Legal History / Ed. P. Vinogradoff. Oxford, 1913.
Lappo-Danilevsky A. S. The Serf Question in the Age of Enlightenment // Catherine the Great. A Profile / Ed. by M. Raeff. N.Y., 1972.
Lariviere C. de. La France et la Russie au XVIII siècle. Paris, 1909.
Ledieu P. Une œuvre inédite de Diderot // Revue d'histoire économique et sociale. 1920. № 3/4. P. 263 ff.
Le Donne J. P. Appointments to the Russian Senate // CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 27—56.

Le Donne J. P. Catherine's Governers and Governers General, 1763—1796 // CMRS. 1979. Vol. XX. № 1. P. 15 ff.
Le Donne J.P. The Judicial Reform of 1775 in central Russia // JGOE. 1973. Vol. 21. № 1. P. 29—45.
Le Donne J. P. Indirect Taxes in Catherine's Russia. I. The Salt Code of 1781 // JGOE. 1975. Vol. 23. P. 161—191.
Le Donne J. P. Indirect Taxes in Catherine's Russia. II. The Liquor Monopoly // JGOE. 1976. Vol. 24. P. 173—207.
Le Donne J. P. The Provincial and Local Police under Catherine the Great, 1775—1796 // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 513—528.
Lehtonen U. L. Die Polnische Provinzen Russlands unter Katharina in den Jahren 1772—1782. Berlin, 1907.
Lelewel J. Histoire de Pologne. Paris; Lille, 1844.
Le Maire J. B. C. Mémoire inédit composé par ordre de G. de Sartine, sur la demande de Marie Therese // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de L'Ile de France / Ed. A. Gazier. Paris, 1879. Vol. V. P. 1—131.
Lemercier Quelquejay C. Les Missions Orthodoxes en Pays Musulmans de Moyenne et Basse Volga, 1552—1865 // CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 369—403.
Lensen G. A. The Russian Push towards Japan, 1697—1875. Princeton, 1959.
Levitats I. The Jewish Community in Russia, 1722—1844. Studies in history, economics and public law of Columbia University. N.Y., 1970.
Ligne Ch. J. E. de prince. Lettres et pensées du Maréchal Prince de Ligne / Ed. by Baronne de Stael Holstein. London, 1809. Vol. 1—3.
Ligne Ch. J. E. de prince. Mémoires et mélanges historiques et littéraires. Paris, 1827. Vol. 1—5.
Liske X. Beiträge zur Geschichte der Kaniover Zusammenkunft (1787) und ihr Vorläufer // Russische Revue. 1874. Bd. IV. S. 481—508.
Liske X. Zur Polnischen Politik Katharina II, 1791 // HZ. 1873. Bd. XXX. S. 281 ff.
Łojek J. Catherine II's Armed Intervention in Poland: Origins of the pOlitical Decisions at the Russiam Court in 1791 and 1792 // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 570—593.
Łojek J. The International Crisis of 1791: Poland between the Triple Alliance and Russia // East Central Europe. 1975. Vol. II. № 1. P. 1—63.
Łojek J. Upadek konstytucji 3 Maja. Wrocław, 1976.
Longmire R.A. Princess Dashkova and the Intellectual Life of Eighteenth Century Russia [неопубликованная диссертация, University of London, 1955].
Longworth P. The Art of Victory. The Life and Achievements of Generalissimus Suvorov, 1729—1800. London, 1965.
Lord R. H. The Second Partition of Poland. Cambridge (Mass.), 1915.
Lord R. H. The Third Partition of Poland // SEER. 1925. Vol. III. № 9. P. 483—498.
Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951.
Lubimenko I. Un académicien russe à Paris d'après ses lettres inédites // Revue d'histoire moderne. 1935. Vol. 10. P. 415—447.
Lutosłanski K. Recueil des actes diplomatiques, traites et documents concernant la Pologne. Lausanne; Paris, 1918. Vol. 1.
Lyashchenko P. I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. N.Y., 1949.
MacArthur G. H. Catherine II and the Masonic Circle of N.I. Novikov // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 529—546.
MacConnell A. A Russian Philosophe, Alexander Radishchev, 1749—1802. The Hague, 1964.
MacConnell A. Helvetius's Russian Pupils // Journal of the History of Ideas. 1963. June—September. P. 373—386.

MacConnell A. The Autocrat and the Open Critic // Journal of Modern History. 1964. Vol. XXXVI. № 1. P. 14—27.
Madariaga I. de. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. London, 1963.
Madariaga I. de. Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // SEER. 1974. Vol. LII. № 126. P. 34—62.
Madariaga I. de. The Foundation of the Russian Educational System by Catherine II // SEER. 1979. Vol. LVII. № 3. P. 369—395.
Madariaga I. de. The Secret Austro-Rusian treaty of 1781 // SEER. Vol. XXXVIII. № 90. P. 114—145.
Madariaga I. de. The Use of British Secret Funds at St. Petersburg, 1777-1782 // SEER. 1954. Vol. XXXII. № 79. P. 464—474.
Malmesbury J. H., First Earl of. Diaries and Correspondence. London, 1844. Vol. 1—4.
Marsden Ch. Palmyra of the North. London, 1943.
Martens G. F. de. Recueil de traités. Göttingen, 1817.
Martens G. F. de. Supplement au Recueil des principaux traités conclus par les puissances d'Europe. Göttingen, 1807.
Martens F. de. Recueil des traités et convencions conclus par la Russie avec les puissances etrangères. SPb., 1874—1909. Vol. 1—15.
Martynov I. F. Notes on V.P. Petrov and his Stay in England (New Materials) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. № 7.
Metcalf M. F. Russia, England and Swedish Party Politics 1762—1766. Stockholm; Totva (N.J.), 1977.
Miller A. Essay sur l'histoire des institutions agraires de la Russie centrale du XVIe au XVIIIe siècles. Paris, 1926.
Montesquieu Ch. L. de Secondat, baron de. De l'Esprit des lois. Paris, 1962.
Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie durant le XVIIIe siècle. Genève, 1948-1951.
Mooser R.-A. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratoires joués en Russie durant le XVIII siècle: Essai d'un répertoire alphabétique et chronologique.Genève, 1945.
Mooser R.-A. L'opéra comique français en Russie au XVIII siècle. Genève; Monaco, 1954.
Morrison K. Catherine II's Legislative Commission: An Administrative Interpretation // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 464—484.
Neuschäffer H. Katharina II und die Baltischen Provinzen. Beiträge zur Baltischen Geschichte. Hannover, 1975.
Niemcevicz J. U. Notes sur ma captivité à St. Petersburg en 1794, 1795 et 1796. Paris, 1843.
Nolde B. La Formation de l'Empire Russe: Études, Notes et Documents. Paris, 1953.
Oakley S. Gustavus III's Plans for War with Denmark // Studies in Diplomatic History. Essays in Memory of D.B. Horn / Ed. R. Hatton, M.S. Anderson. London, 1970.
Oberkirch H. L., baronne. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Paris, 1853. Vol. 1—2.
Ohloblyn O. Ukrainian Autonomists of the 1780s and 1790s and Count P.A. Rumyantsev Zadunaysky // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences. 1958. Vol. VI. № 3/4. P. 1313 ff.
Okenfuss M. Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia // JGOE. 1979. Vol. 27. № 1. P. 41—68.
Okenfuss M. The Jesuit Origin of Petrine Education // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 106—130.
Oursel P. La Diplomatie française sous Louis XVI. Succession de Bavière et paix de Teschen. Paris, 1921.
Ouvrard G. Lettres d'amour de Catherine II à Potemkin. Correspondance inédite. Paris, 1934.

Page Thaler R. Catherine II's Reaction to Radishchev // Etudes slaves et est-européennes. 1957. Vol. II. Fasc. 3. P. 154—160.

Papmehl K. The Problem of Civil Liberties in the Records of the Great Commission // SEER. 1964. Vol. XLII. № 99. P. 274—291.

Papmehl K. Freedom of Expression in Eighteenth Century Russia. The Hague, 1971.

Papmehl K. The Regimental School Established in Siberia by Samuel Bentham // Canadian Slavonic Papers. 1966. Vol. XVIII.

Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792—1794 / Ed. W. Collier. London, 1971.

Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in den Aufstandsbewegung unter Pugacev, 1773—1775 // FOG. 1973. № 17.

Petrovich M. B. Catherine II and a Fake Peter III in Montenegro // Slavic Review. 1955. Vol. XIV. № 2. P. 169—194.

Pierling P. La Russie et le Saint Siege. Paris, 1912. Vol. 1—5.

Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France. Paris, 1866.

Pintner W. M. The Social Characteristics of the Earle Nineteenth Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. XXXI. № 3. P. 429—442.

Pipes R. Catherine II and the Jews // Soviet Jewish Affaires. 1975. Vol. 5. № 2. P. 3—20.

Pipes R. Russia under the Old Regime. London, 1974 [см.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993].

Polonska Vasylenko N. D. The Settkement of the Southern Ukraine1750—1775 // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. 1955. Vol. IV, V. № 4(14)—1(15).

Portal R. Les Bashkirs et le gouvernement russe au XVIII siècle // Revue des études slaves. 1946. Vol. 22. P. 82—104.

Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle. Paris, 1950.

Portal R. Manufactures et classes sociales en Russie au XVIIIe siècle // Revue historique. 1949. Vol. CCI. P. 1—23; Vol. CCII. P. 161—185.

Radishchev A. N. Journey from St. Petersburg to Moscow / Tr. by L. Wiener; ed. R. Page Thaler. Cambridge (Mass.), 1958.

Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730—1905. Prentice Hall (N.J.), 1966.

Raeff M. Staatsdienst, Aussenpolitik, Ideologien. Die Rolle der Institutionen in der Geistigen Entwicklung des russischen Adels im 18. jahrhundert // JGOE. 1959. Bd. 7. № 2. P. 147—180.

Raeff M. The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // AHR. 1970. Vol. LXV. № 5. P. 128—310.

Raeff M. The Empress and the Vinerian Professor // Oxford Slavonic Papers. 1974. Vol. VII. P. 18—40.

Raeff M. The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G.A. Potemkin // Statesmen and Statecraft of the Modern West: Essays in Honor of D.E. Lee and H. Donaldson Jordan / Ed. G.N. Grob. Barre (Mass.), 1967. P. 1—51.

Raeff M. The Well Orderes Police State and the development of Modernity in Seventeenth and Eighneenth Century Europe // AHR. 1975. Vol. LXXX. № 5. P. 1221 ff. [см.: *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII вв.: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000].

Rahbek Schmidt K. The Treaty between Great Brutain and Russia 1776: A Study in the Development of Count Panin's Northern System // Scandoslavica. 1954. Vol. I. P. 115 ff.

Rahbek Schmidt K. Wie ist Panins Plan zu einem Nordischen System entstanden? // Zeitschrift für Slavistik. 1957. Bd. II. № 3. S. 406—422.
Rambaud A. Recuiel des Instructions données aux ambassadeurs de France. Vol. 9: Russie, 1749—1789. Paris, 1890.
Ranke L. von. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Leipzig, 1875.
Ransel D. An Ambivalent Legacy: The Education of Grand Duke Paul // Paul I: A Reassessment of His Life and Reign / Ed. H. Ragsdale. Pittsburg, 1979. P. 1—16.
Ransel D. Catherine's Instruction to the Commission on Laws // SEER. 1972. Vol. L. № 118. P. 10—28.
Ransel D. Nikita Panin's Imperial Council Priject and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // CSS. 1970. Vol. IV. № 3. P. 443—463.
Ransel D. The Memoires of Count Munnich // Slavic Review. 1971. Vol. XXX. № 4. P. 843—852.
Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975.
Rapoarte Consulare Ruse 1770—1796. Documente privind istoria Rominiei. Collectia Eudoxiu de Hurmuzaki. Serie nona. Institute of Histiry of the Academy of the Rumanian People's Republic. 1962. Vol. I.
Reading D. K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. Yale Historical Publications, New Haven. 1938.
Reddaway W. F. Great Britain and Poland, 1762—1772 // Cambridge Historical Journal. 1934. Vol. IV. № 3. P. 221—262.
Reddaway W. F. Macartney in Russia, 1765—1767 // Cambridge Historical Journal. 1931. Vol. III. № 3. P. 271 ff.
Reimann E. Geschichte des Bairischen Erbofolgkrieges. Leipzig, 1869.
Reychman J. Le commerce Polonais en Mer Noire au XVIIIe siècle par le port de Kherson // CMRS. 1966. Vol.VII. №2. P.234—238.
Roberts M. Great Britain amd the Swedish Revolution 1772—1773 // The Historical Journal. 1964. Vol. VII. № 1. P. 1—46.
Roberts M. Great Britain, Denmark and Russia, 1763—1770 // Studies in Dyplomatic History. Essays in Memory of D.B. Horn / Ed. R. Hatton, M.S. Anderson. London, 1970.
Roberts M. Macartney in Russia // EHR. 1974. Supplement 7.
Roberts M. Splendid Isolation, 1763—1780. Reading, 1970.
Roider K. A. Kaunitz, Joseph II and the Turkish War // SEER. 1976. Vol. LIV. № 4. P. 538—556.
Russian Literature in the Age of Catherine the Great / Ed. A.G. Cross. Oxford, 1976.
Sacke G. Adel und Bürgertum in der Gesetzgebenden Kommission Katharinas von Russland // JGOE. 1938. Bd. III. S. 408—417.
Sacke G. Adel und Bürgertum in der Regierungszeit Katharinas II von Russland // Revue belge de philologie et d'histoire. 1938. Bd. XVII. № 3/4. P. 815—852.
Sacke G. Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Russland. Breslau, 1940.
Sacke G. Zur Charakteristik der gesetzgebenden Kommission Katharinas II von Russland // Archiv für Kulturgeschichte. 1931. Bd. XXI. ? 2. P. 161—191.
Salomon R. La politique orientale de Vergennes, 1780—1784. Paris, 1935.
Scharf C. Staatsauffassung und Regierungsprogramm eines aufgeklärten Selbstherrschers. Die Instruction des Grossfursten Paul von 1788 // Gedenkschrift Martin Göhring. Studien zur Europäischen Geschichte / Ed. E. Schulin. Wiesbaden, 1968. S. 91—106.
Scherer E. Melchior Grimm. L'homme de lettres, le factotum, le diplomate. Paris, 1887.
Schop Soler M. Die Spanisch-Russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1971.

Schumpeter E. B. English Overseas Trade Statistics 1697—1808. Oxford, 1960.
Scott H. M. Britain, Poland and the Russian Alliance // The Historical Journal. 1976. Vol. XIX. № 1. P. 53—74.
Scott H. M. Frederick II, The Ottoman Empire and the Origins of the Russo-Prussian Alliance of April 1764 // European Studies Review. 1977. № 7. P. 153—175.
Scott J. B. The Armed Neutralities of 1780 and 1800. London; N.Y., 1918.
Seaman G. Folk-Song in Russian Opera of the Eighteenth Century // SEER. Vol. XLI. № 96. P. 144—157.
Ségur L. Ph., comte de. Mémoires ou Souvenirs et Anecdotes. Paris, 1827. Vol. 1—3.
Simmons E.J. English Literature and Culture in Russia, 1553—1840. Cambridge (Mass.), 1935.
Sipovic C. The Diocese of Minsk, its Origin, Extent and Hierarchy // Journal of Belorussian Studies. 1970. Vol. II. № 2. P. 177 ff.
Smolitsch I. Geschichte der rusischen Kirche, 1700—1917. Leyden, 1964.
Soloveytchik G. Potemkin. London, 1939.
Storch H. von. Annalen der Regierung Katharina der Zweiten, Kaiserin von Russland. Leipzig, 1798.
Storch H. von. Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie. Paris; Basle, 1801. Vol. 1—2.
Stribny W. Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen, 1764—1786. Würzburg, 1966.
Strube de Piermont. Lettres russiennes. [S.l.,] 1760.
Svanstrom R., Palmstierna C.F. A Short History of Sweden. Oxford, 1934.
Torke H.-J. Das Russische Beamtentum in der erste Hälfte des 19. Jahrhunderts // FOG. 1967. № 13. S. 7—345.
Tourneaux M. Diderot et Catherine II. Paris, 1899.
Treaties: The Consolidated Treaty Series / Ed. C. Parry. N.Y., 1969. Vol. 1—51.
Unzer A. Der Friede von Teschen. Kiel, 1903.
Venturi F. Cesare Beccaria. Dizionario biographico degli italiani. Roma, 1965.
Waliszewski K. Le roman d'une impératrice. Paris, 1892.
Welsh D. J. Russian Comedy 1765—1823. The Hague, 1966.
Wilson A. M. Diderot. London, 1972.
Woltner M. Das Wolgadeutsche Bildungswesen und die russiesche Schukpolitik. Leipzig, 1937. T. 1.
Woodham Smith C. Queen Victoria, her Life and Times. 1819—1901. London, 1975.
Yaney G. L. The Systematization of the Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. Urbana, 1973.
Yaresh L. The «Peasant Wars» in Soviet Historiography // Slavic Review. 1957. Vol. XVI. № 3. P. 241 ff.
Zaozerskaya E. I. Le salariat dans les manufactures textiles russes au XVIIIe siècle // CMRS. 1965. Vol. II. № 6. P. 189—222.
Zatko J. J. The Organization of the Catholic Chirch in Rusia, 1772—1784 // SEER. 1965. Vol. LXIII. № 101. P. 303—313.
Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960.
Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1859. Bd. 1—7.

Библиографическое дополнение [2001 года]

За те годы, которые прошли с тех пор, как я написала эту книгу, вышло в свет много работ о России в эпоху Екатерины II. Включить их в библиографию было бы неправильно, потому что я, конечно, их не использовала при работе над книгой.

Но будет только справедливо познакомить сегодняшнего читателя с той работой, которую за это время проделали специалисты на Западе, в первую очередь в Великобритании и Соединенных Штатах, а также в Германии, и с совершенно новым подходом к исследованию екатерининского царствования, появившимся в российской историографии на русском языке в 1990-е гг.

Несомненно, самым выдающимся событием в недавней историографии екатерининского царствования стала публикация в 1997 г. на русском языке личной переписки императрицы и Потемкина (Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997) с научным комментарием и историческим введением В. С. Лопатина. К ней примыкает работа О. И. Елисеевой (*Елисеева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны, 1787—1791. М., 1997). Некоторые произведения выдающегося архивиста и историка XVIII в. Г. Ф. Миллера издал А. Б. Каменский (*Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. М., 1997), который также опубликовал два исторических исследования — «Под сению Екатерины» (СПб., 1992) и «От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.» (М., 1999), учитывающие многочисленные работы, изданные как в России, так и за рубежом в последние десятилетия. Е. В. Анисимов вывел на современный уровень изучение эпохи императрицы Елизаветы (*Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; *Он же.* Елизавета Петровна. М., 1999). Особенно интересную линию исследования проложил О. А. Омельченко, в работах «Кодификация права в России в период абсолютной монархии» (М., 1989) и «"Законная" монархия Екатерины II» (М., 1993) исследовавший попытку Екатерины ввести в России «законную монархию» — вид Rechtsstaat (правовое государство) и то, как императрица использовала при этом свое глубокое знание труда английского правоведа Уильяма Блэкстоуна. Омельченко также издал небольшой сборник документов «Императорское собрание 1763 года» (М., 2000), относящихся к комиссии о вольности дворянства. Наконец, один из почтенных грандов русской историографии, Н. И. Павленко, опубликовал в виде книги «Екатерина Великая» в 1999 г. пересмотренный по-новому взгляд на императрицу, изложенный им ранее в серии статей в журнале «Родина». О. А. Иванов в статье «Загадки писем Алексея Орлова из Ропши» (Московский журнал. 1995. № 9, 11; 1996. № 1—3) подверг сомнению подлинность письма Алексея Орлова к Екатерине из Ропши (с известием о смерти Петра III) и приписал его Ф. В. Ростопчину. Автор указал на Н. И. Панина как на одного из лидеров заговора об убийстве Петра III.

Серьезных биографий за это время было написано мало, но в основном хороших. Можно назвать, например, биографию Екатерины II Дж.Т. Александера (*Alexander J. T.* Catherine the Great. Life and Legend. N.Y.; Oxford, 1989), биографию Потемкина С. Себаг-Монтефиоре (*Sebag Montefiore S.* Prince of Princes. The Life of Potemkin. London, 2000), почти биографическую книгу о Я. Сиверсе Р. Э. Джонса (*Jones R. E.* Provincial Development in Russia: Catherine II and Jakob Sievers. New Brunswick, 1984) и очень профессиональную работу Клауса Шарфа (*Scharf C.* Katharina, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995), а также мою краткую историю Екатерины II (1990). Все эти книги включают в себя очень полные библиографии. Кэрол Леонард попыталась сместить акцент в сторону более положительной оценки Петра III, хотя лишь с частичным успехом (*Leonard C.S.* Reform and Regicide — The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993). Одновременно Р. Е. Макгрю издал полезное жизнеописание императора Павла I (*McGrew R. E.* Paul I of Russia. Oxford, 1992), убийство которого по-новому рассмотрено в книге Н. Я. Эйдельмана «Грань веков» (М., 1982).

В книге М. Раева выделена важная роль камерализма в политическом и административном развитии России XVIII в. (*Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800. Yale, 1983). Российские жалованные грамоты 1785 г. изданы с введением Д. Гриффитса (Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bakersfield, 1991). Д-р Дженет Хартли выпустила книгу «Social History of the Russian Empire, 1650—1825» (1998), также с полной библиографией, и ряд очень полезных статей, основанных на русских источниках и посвященных вводу в действие «Учреждений об управлении губерний» 1775 г. в административной, правовой, образовательной, социальной и благотворительной сферах. О местной администрации писал и Р. Э. Джонс, а Дж. ЛеДонн является автором ряда ценных статей, общий итог которых подведен (на несколько устаревшей теоретической основе) в его книге «Ruling Russia: Politics in the Age of Absolutism, 1762—1796» (1984). Саймон Диксон составил новый обзор истории модернизации России «The Modernisation of Russia 1676—1825» (1999) с полной библиографией, в котором большое внимание уделено новому исследованию экономической истории Й. Бланшара (*Blanchard I.* Russia's «Age of Silver»: Precious-Metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. London, 1989). Проблемами крепостного права занимались К. В. Бохак, Э. М. Мелтон и Д. Мун, авторы многих работ по этой теме (*Bohac R. D.* Peasant Inheritance Strategies in Russia // Journal of Interdisciplinary History. 1985. Vol. 16; *Ibid.* The Mir and the Military Draft // Slavic Review. 1988. Vol. 47; *Melton E.* Enlightened Seignorialism and its Dilemmas in Serf Russia, 1750—1830 // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62; *Ibid.* Household Economies and Communal Conflicts on a Russian Serf Estate, 1800—1817 // Journal of Social History. 1993/ Vol. 26; *Ibid.* Bauernstaat Russland: Das Problem aufgeklarter Agrarreform in der Zeit Katharinas // Katharina II, Russland und Europa. Mainz, 2001; *Moon D.* Reassessing Russian Serfdom // European History Quarterly. 1996. Vol. 26). Р. Бартлетт писал о пасторе Эйзене и его крестьянской коммуне (*Bartlett R.* «Das Recht der Prediger in Liefland in ihrer Kronbesoldung»: Johann Georg Eisen und die Einkunfte der Patoren in Livland im 18. Jahrhundert // Europa in der Fruhen Neuzeit. Fetschrift fur Gunter Muhlpfordt. Weimar; Koln; Wien, 1997). На чрезвычайно интересные мысли наводит сравнение, проведенное П. Колчиным в работе «Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom» (Cambridge, 1987).

О дворянстве см. очерк М. Раева в коллективной работе, изданной в 1983 г. И. Банаком и П. Бушковичем (*Raeff M.* The Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons // The Nobility in Russia and Eastern

Europe. New Haven, 1983), а также мой раздел в издании «The European Nobilities. 1600—1800» (Vol. II) и книгу под редакцией В. Береловича «Noblesse, Etat et Société en Russie, XVI — debut du XIXe siècle» (Paris, 1993). Б. Н. Миронов написал исследование о городах (*Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е гг. Л., 1990), Э. К. Виртшафтер — о разночинцах (*Wirtschafter E.K.* Structures of Society. Imperial Russia's «People of Various Ranks». Nothern Illinois, 1994). Г. Л. Фриз коснулся проблем социальной структуры в статье «The Estate Paradigm and Russian Social History» (1986; рус. пер. см.: Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000) и продолжает публиковать многочисленные труды о православной церкви и приходском духовенстве, хотя религиозная жизнь при Екатерине II по-прежнему остается очень слабо изученной. Вооруженными силами занимались Кристофер Даффи, Э. К. Виртшафтер, Дж. Л. Х. Кип и Дж. Ледонн (*Duffy C.* Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power, 1700—1800. London, 1981; *Wirtschafter E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990; *Keep J. L. H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874. Oxford, 1985; *LeDonne J.* Outlines of Russian Military Administration 1762—1796 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1983. Bd. 31; 1985. Bd. 33).

Исследования З. Когута об Украине вышли в виде отдельной книги и нескольких очень ценных статей (*Kohut Z. E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s—1830s. Cambridge, 1988). «История Сибири» А. Вуда вышла в 1991 г. Дж. Клиер издал работу о еврейском населении России (1986; рус. пер. см.: *Клиер Д.* Россия собирает своих евреев. М.; Иерусалим, 2000). Книга о Потемкине С. Себага Монтефиоре содержит полезный и увлекательный новый материал об отношениях светлейшего князя с евреями.

Г. Маркер издал фундаментальный труд «Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800» (1985), в котором имеются некоторые новые материалы о цензуре при Екатерине II, и очень полезную статью «Who Rules the Word? Public School Education and the Fate of Universality in Russia, 1782—1803» (Russian History. 1993. Vol. 20), основанную на неопубликованных источниках. Книга Г. Джонса о Новикове вышла в 1984 г. (*Jones G. W.* Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, 1984). Масонству посвящено исследование Д. Смита «Working the Rough Stone» (DeKalb, 1999). О нем же писали Э. Кросс и Р. Фаджионато (на итальянском языке) и я сама в работе «Politics and Culture in Eighteenth Century Russia» (1998). К книге Э. Кросса о русских в Британии (рус. пер. см.: *Кросс А.* Русские на берегах Темзы в XVIII веке. М., 1997) теперь присоединилась его новая книга об англичанах в России (*Cross A.* By the Banks of the Neva, 1997). Наконец, вышел ряд сборников с интересными статьями: «Russia in the Age of Enlightenment» (1990); М. Раев издал сборник «Political Ideas and Institutions in Imperial Russia» (1994); Дж. Х. Л. Кип — «Power and the People, Essays on Russian History» (1995); в 1998 г. вышел сборник моих статей: «Essays on Politics and Culture in Eighteenth Century Russia».

Труды проходящих каждые пять лет конференций Группы по изучению России XVIII в. (18th Century Russia Study Group) неизменно содержат новые интересные материалы. В 1996 г., по случаю двухсотлетия со дня смерти Екатерины II, состоялся ряд специально посвященных этой дате конференций с последующей публикацией докладов. В частности, прошли конференции в Цербсте (ее материалы вышли в 2001 г. в Майнце под редакцией Клауса Шарфа: «Katharina II, Russland und Europa, Beitrage zur Internationalen Forschung») и в Киле (Russland zur Zeit Katharinas II, Absolutismus,-Aufklarung-Pragmatismus / Ed. E. Hubner, J. Kusber, P. Nitsche. Kiel, 1998), а также в Париже (Catherine II et l'Europe / Ed. Anita Davidenkoff. Paris, 1997).

Именной указатель

Абдул Хамид, султан 375, 654
Аблесимов А. А. 524
Август II 40
Август III 91, 304, 305, 306, 308, 309, 320
Август Гольштейн-Бек 56
Ага Мухаммед Каджар 917
Ададуровы 570
Адольф Фредерик 24, 30, 347–349, 352, 639
Адэр Роберт 674
Аксаков С. Т. 887
Акунин И. 285
Алейников А. 293
Александер Дж.Т. 419, 431, 436
Александр I Павлович 205, 293, 482, 483, 549, 552, 650, 771, 800, 859, 862, 870, 873, 899, 903–912, 914, 917–922, 924, 934
Александр II 267, 464, 488, 799
Александр III 774
Александра Павловна, великая княгиня 707, 915–918
Александров С. 225
Алексеев — см. Петр (Алексеев), архиепископ
Алексеевы, сестры 411
Алексей Михайлович 494, 705
Алексей Петрович, сын Петра Великого 385, 843, 907
Алефиренко П. К. 345
Алопеус М. 667, 669, 843
Амбургер Э. 349
Амвросий, архиепископ Московский 191, 196, 345, 833
Андерсон Р. 640, 644
Андрущенко А. И. 383, 391, 393
Анна Иоанновна 23, 55, 77, 164, 190, 304, 506, 892, 921
Анна Леопольдовна 23
Анна Павловна, королева Нидерландов 912
Анна Петровна, дочь Екатерины II 40, 43, 45
Анна Петровна, дочь Петра I 23, 24, 62, 815
Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургский 23
Анциферов Ф 285
Апраксин С. Ф 41–44
Арапов И. 390
Армфельдт Г М 716
Арндт И. 834
Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский 191, 194, 195–197, 202, 203, 323, 345, 385, 892
Арсений (Могилянский), митрополит Киевский 498
Арсланов К. 394, 406, 407
Арф И. Н. 342
Архаров Н. П. 836, 840, 883
Архенгольц Й. В. 554
Аскенази С. 676
Ассебург А. Ф. фон дер 410
Аффериx Дж. 853

Багрянский М. И. 842
Баженов В. 841, 843, 846, 849
Баздеов Й. 782, 783
Баимбеков Балтай 39
Баимбеков Идыр 391
Бакунин 417
Бальзамо Джузеппе — см. Калиостро Д. Б.
Барятинский Ф. 67, 900, 920
Баторий Стефан 125, 818
Бахадыр-Гирей 615
Безбородко А. А. 444, 503, 508, 510, 548, 558, 561, 565, 571, 614, 615, 617, 625, 627, 647, 649, 654, 655, 657, 661, 667, 668, 670, 677, 679, 681, 684–690, 694, 707, 710–714, 717, 718, 766, 840, 869, 898, 900–902, 911, 919, 920
Беккариа Чезаре 251, 256, 257, 261
Беклешев А. 512
Бельке фон 413, 416, 428, 540, 550, 776
Белявский М. Т. 216, 218, 277, 278, 292, 294
Бенёвский М. 70
Бентам С. 643
Бенуа Г. 369
Беньян 833
Беранже 81, 89, 91
Берг Ф. Р. фон 507, 509
Березовский М. С. 524
Берк Э. 372
Бернсторф 313, 347–349, 351, 352
Бернсторф А. П., канцлер 365, 607, 609
Бертен Роза 559
Бескровный Л. Г 631, 640

Бестужев-Рюмин А. П. 26, 27, 29, 32, 35, 36, 38–46, 60, 61, 68–70, 81, 84, 85, 90, 91, 145, 146, 149, 191, 192, 304–307, 315
Бетховен 550
Бецкой И. И. 542, 777, 779, 781, 785, 794, 847
Бибиков А. И. 208, 270, 275, 284, 291, 293, 336, 368, 395–399, 421
Бибиков П. А. 558, 559
Бибиковы 570
Бильбасов В. А. 15, 28, 63, 73
Бильфельд 251, 252, 275, 872
Бинеманн Ф. 515, 517
Бирон Э. И. 54–55, 304, 556, 717
Бишофсвердер 843
Блэкстон У. 445, 449, 489, 545, 833, 926, 929
Бобринский А. Г. 58, 59, 409–411, 544, 568, 904
Богомолов Ф. И. 386, 387
Бокум Г. Г. 863
Болотов А. Т. 97, 248, 918
Бомарше 567
Борис Годунов 247
Бортнянский Д. С. 524
Боссе М. Н. де 318
Брандт Я. Л. 400, 424
Браницка А. 636, 680–681
Браницкий Ф. К. 591, 595, 635, 636, 637, 686, 689
Браницкий Ян 310, 311
Бранч М. 921
Браун Дж. — см. Броун Ю. Ю.
Бретейль де 82–84, 91, 144, 151, 268, 763
Брикнер А. 15, 556, 596, 628, 638
Броун Ю. Ю. 118, 120, 504, 506–513, 516, 518, 571, 797, 804, 871
Брут 866
Брюммер О. фон 28
Брюс Я. А. 564, 629, 797, 855, 863, 889, 900
Брюс, графиня 564, 566
Буало 522
Будберг 916, 917
Буксгевден Ф. Ф. 411
Булгаков Я. 619–621, 626–628, 648, 654, 690, 694
Булыгин А. Г. 488
Бэкингемшир 306, 313, 315
Бэкон Ф. 843
Бюлер де 691

Валевские 636
Валлен де ла Мотт Ж.-Б. 848
Валуев 488
Васильчиков А. А. 131
Васильчиков А. С. 366, 413, 416, 419, 420, 546, 568
Вебб Б. 16
Вебб С. 16
Веденеев В. 287
Веллднер Й. фон 831, 834, 839, 841–843
Вентури Ф. 251
Верженн Ш. Г. 602, 603, 620
Веригин Ф. 440
Верньер П. 543
Веселицкий П. П. 599
Вест Дж. 921
Виже Лебрен 849, 914
Вильбоа А. Н. 34, 56, 61, 114
Вильгельмина, принцесса — см. Наталья Алексеевна
Вильс Ш. де 270
Винер Л. 865
Винский Г. С. 463
Витошнов А. 391
Волков Д. В. 51, 52, 56, 68, 69, 297, 737
Волконский М. Н. 56, 61, 63, 65, 67, 85, 333, 334, 352, 368, 422, 425–427, 432, 444
Вольке К. Х. 783
Вольтер 33, 225, 248, 323, 372, 439, 522, 534–536, 540, 856, 871
Вольф Х. 843
Воронцов А. Р. 143, 508, 509, 510, 558, 561, 571, 629, 647, 668, 672, 679, 694, 697, 707, 710–714, 717, 745, 747, 766, 850, 851, 855, 862, 863, 867, 868, 874, 887, 898, 900, 902
Воронцов И. Л. 193
Воронцов М. И. 36, 39, 54, 56, 62, 65, 68, 81, 85, 91, 145, 147, 149, 150, 303, 305–307, 315
Воронцов Р. Л. 51, 227, 294, 458, 829
Воронцов С. Р. 63, 548, 561, 563, 649, 654, 655, 657, 664, 667, 668, 670, 677, 690, 697, 705, 851, 887, 901–903, 911
Воронцова Е. Р. 36, 38, 44, 51, 58, 63, 66, 68
Воронцовы 45, 52, 56, 60, 69, 140, 209, 569, 570, 740, 902
Всеволодский-Гернгросс 532
Выродов И. 285
Вяземские 570
Вяземский А. А. 74, 83, 84, 87, 108, 109–113, 197, 207–209, 239, 244, 270, 292, 295, 332, 416, 422, 427, 444, 446, 487, 489, 494, 506, 510, 516, 570, 575, 647, 650, 763, 764, 766, 768, 874, 892, 900, 902
Вяземский П. А. 267
Вяземский С. 247

Гавриил (Кременецкий), архиепископ Санкт-Петербургский 193
Гагарин Г. П. 831, 841
Гагарин С. 193
Гакстгаузен 57
Галуппи В. 524
Ганнибал И. А. 580
Ганнинг Р. 373, 411, 414, 420, 549, 600
Гарднер Ф. 850
Гарновский М. 563, 647, 648, 650, 657
Гедвига-София 21
Гедеон, епископ Псковский 196
Гейер Д. 928, 929
Гельбиг 895, 896
Гельвеций 224, 544
Генрих IV 33
Генрих, принц 22, 353, 354, 356, 357, 379, 551, 601, 706

Георг III 267, 349, 622
Георг Людвиг 25, 54, 56, 59, 304, 312
Герберт 626, 627
Гертц Й. Э. фон 555
Герцберг 503, 634, 637, 645, 648, 654–656, 669
Гилленборг Х. А. 30, 33
Гиреи 599
Глазов М. 272, 287
Глебов А. И. 52, 70, 88, 104–106, 108, 196
Глинка С. Н. 904
Голикова Н. Б. 892
Голицын А. М., вице-канцлер 66, 68, 81, 269, 307, 416
Голицын А. М., фельдмаршал 29, 239, 333–336, 416, 569, 787
Голицын Д. А. 224, 318, 362, 542
Голицын Д. М. 621, 780
Голицын П. М. 396, 397, 405
Голицыны 829
Головина В. Н. 914, 917
Головкин И. 440
Голубицкий 383
Голубцов С. А. 426
Гольц В. В. 54, 315
Гордон П. 814
Готтлоб фон Юсти 251
Готье Ю. В. 16, 101, 441, 442
Грабянка 844
Граслен 226
Грачевы 187
Грейг С. К. 338, 340, 341, 421, 638, 640, 645, 890
Григорьев В. 445, 449
Гримм Ф. М. фон 251, 445, 535, 536, 539, 543, 544, 564, 565, 567, 568, 672, 683, 696, 711, 847, 852, 853, 904–906, 913, 926
Гроций 833, 843
Грэнвилл 705
Грэнтам 559, 569, 617
Грэфтон 313,
Гудрик Д. 316
Гук П. 246, 247
Густав III 317, 346, 347, 351, 352, 365, 367, 368, 379, 559, 618, 619, 638, 639–642, 653, 658, 660, 665, 674, 683, 689, 696, 716, 830, 840, 845, 854, 904
Густав Адольф IV 690, 692, 707, 716, 915, 917
Гутри Мария 878
Гюйон 834

Давыдов М. 286
Д'Аламбер 534, 535
Даль 504, 510, 931
Д'Аржанталь 535
Д'Артуа Ш. 706
Дашков М. К. 311, 803, 847
Дашкова Е. 61–63, 66, 67, 69, 70, 850–852, 858, 869
Де Светс 764
Деболи 677, 896
Девлет-Гирей 599, 600
Деев М. 60
Демидовы 739
Денисов 246
Державин Г. Р. 404, 461, 521, 735, 796, 829, 859, 860, 873
Десницкий С. Е. 252, 445, 449, 545, 800
Джеджула К. Е. 685, 861, 869
Дженнингс 898
Джинчарадзе В. С. 412
Джонс Г. У. 532
Джонс П. 643, 644
Джонс Р. 441, 462, 470
Дидро 33, 224, 372, 465, 536, 537, 539–544, 783, 786, 797, 804, 913
Дилси Ф. Г. 777, 795
Димитрий (Сеченов), архиепископ Новгородский 53, 64, 192, 193, 195–196, 780
Дитятин И. И. 237
Дмитриев И. И. 521
Дмитриев-Мамонов А. 566–568, 571, 649, 650, 915
Долгорукий Ю. В. 340, 343, 561
Дружинина Е. И. 501, 580
Дубасов И. 796
Дубровин Н. Ф. 398
Дубровский А. И. 424
Дударенко 217
Д'Эгильон 540
Дюмареск Д. 777, 824
Дюран 318, 540

Екатерина I 802
Елагин И. П. 70, 223, 224, 522, 776, 830
Елизавета Алексеевна, великая княгиня 909, 910
Елизавета Петровна 21, 23–27, 29–32, 34–38, 40–46, 49, 53, 55–58, 60, 62, 69–71, 74, 77, 79, 80, 82, 84, 88, 121, 139, 161, 206, 219, 265, 334, 521, 524, 764, 777, 802, 829, 848, 850, 892, 904
Елизавета София Мария Брауншвейг-Вольфенбюттельская 22
Ермолов А. П. 566, 767
Еропкин П. Д. 345
Ефремов С. 127, 383, 384

Женэ Э. 705
Жеребцов А. А. 902
Жоффрен М. Т. 37, 249, 541

Заборовский 638
Завадовский П. В. 431, 444, 503, 548, 549, 551, 552, 563, 564, 571, 629, 647, 679, 681, 767, 787, 900
Загряжские 570
Заке Г. 263–265, 267, 271, 277, 278
Западов В. А. 838
Зарубин И. Н. (Чика) 390, 393, 396, 427
Зегелин 375, 376
Зиновьевы 570
Золотницкий В. 284
Зонненфельс 465

Зорич С. 564
Зубов В. А. 666, 902, 917
Зубов Н. А. 902, 919
Зубов П. А. 568, 650, 656, 666, 677, 686–689, 705, 716, 718, 872, 895, 896, 901–903, 909, 910, 919
Зуев В. 581
Зутис Я. 264, 265, 515, 517
Зюдерманландский Карл 658, 692, 707, 830, 831, 907

Иван IV Васильевич Грозный 39, 182, 527, 761, 930
Иван VI Антонович 23, 42, 57, 66, 70–75, 196, 197, 304, 408
Иванов, атаман 217
Игельстром И. А. 516, 660, 708, 812, 814
Иден У. 564
Измайлов М. Л. 66
Индова Е. И. 436
Иоаким, патриарх 814
Иоанн, английский король 280
Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская 21, 22, 24–29, 45, 416
Иосиф II 350, 353, 359, 362, 380, 415, 466, 518, 556, 558, 562, 565, 567, 588, 590, 591, 593, 595, 596, 601, 602, 606, 609–613, 616–618, 620–623, 626,–629, 633, 634, 637, 642, 647–649, 654, 655, 715, 777, 786–788, 802, 808, 819, 927
Ираклий II 590
Ираклий Лисовский, епископ 821, 822
Ирман, генерал 272

Кабузан В. М. 723
Казаков М. Ф. 849
Калиостро Д. Б. 834
Калнишевский П. 383, 574
Каменский М. Ф. 377
Камерон Ч. 849, 914
Кантакузен 336
Капнист В. В. 503, 860, 873
Капнист М. 503
Капнист П. 503
Кар В. А. 390, 395, 397
Карамзин Н. М. 434, 858, 873, 924
Карл XI 21
Карл XII 24, 124
Карл Август 24
Карл Петер Ульрих — см. Петр III Федорович
Карл Фридрих 23
Карл, принц 55, 304
Карр Ж. 871
Кастро де ла Серда Я. де 395
Кауниц Р. 353, 353, 354, 358, 359, 362, 363, 621, 622, 627, 629, 647, 684, 688
Кахан А. 757
Каховский М. В. 690
Каховский П. 268
Кваренги Дж. 849
Кейзерлинг 305, 307
Кейт Дж. 829
Келлер 907
Кизеветтер А. А. 16, 477
Кинг Д. Г. 824
Кирквуд М. 921
Клингер М. фон 411
Клингштедт Т. фон 777
Клодты 505
Клокман Ю. Р. 374, 460, 483
Клопшток Ф. Г. 838
Ключевский В. О. 153
Княжнин Я. Б. 523, 532, 857, 868, 869, 873
Кобенцль Л. 556, 558, 565, 614, 617, 627, 647, 667, 672, 684, 788,
Кобург — см. Фридрих Саксен-Кобург-Заальфельд
Козельский Я. П. 282–283, 288, 289, 544, 545
Козицкий Г. 261, 526, 528, 548
Козловский А. С. 193, 199
Козодавлев О. П. 787, 852, 868
Кокс У. 781, 889, 890, 893
Колокольников В. Я. 839, 840
Колычев 840
Комарев М. 528
Конисский, епископ 318
Константин Павлович, великий князь 610, 616, 620, 650, 654, 661, 692, 771, 899, 905, 906, 909, 919
Корберон 549, 567, 602
Кордель Б. 22
Коркунов Н. М. 489
Корнель 855
Коробьин Г. 276, 285–288, 291, 292
Корф Н. А. 61, 62, 65
Коссаковский, гетман 708
Коссаковский, епископ Варшавский 709
Костомаров Н. И. 708
Костюшко Т. 691, 692, 708, 709, 711–713
Котельников С. К. 534
Кочен Л. 218
Кочубей В. П. 909
Кречетников М. Н. 497, 499, 690
Кречетов Ф. В. 870
Кристи 644
Кристиан VII 347, 351
Кристина, королева Швеции 746
Кромвель 866
Круаз П. де 849
Крузе 668
Крылов И. А. 857, 858
Ксаверий, принц 308
Кузнецов И. 395
Кузнецова У. 393, 394, 404, 433
Кумберленд 356
Купер Э. Э., граф Шафтсбери 544
Куракин А. Б. 558, 559, 830, 831, 920
Куракин Б. А. 193
Куракины 844
Курмачева М. Д. 778
Кутузов А. М. 838, 839, 903
Кутузов М. И. 678, 710

Кэткарт Ч. Ш. 267

Ла Мар Н. де 465, 468
Л'Аббэ Б. де 226, 227
Лагарп Ц. де 905, 908, 911
Лампи 849
Ланской А. Д. 544, 565, 566, 568
Лаппо-Данилевский А. С. 746, 880
Ларивьер де 538
Ласи 562, 588
Ласунский М. 70
Латкэн В. 237
Лаудон 651, 654
Лашкарев 661
Ле Донк Дж.Р 465, 570
Левенвольде Г. Ф. 284, 440
Левитац И. 805
Левицкий Д. Г. 849
Лемэр Ж. -Б. 466
Лентин Э. 570
Леонтьев Н. В. 219
Леопольд II Тосканский 359, 558, 656, 657, 663, 682–686, 688, 693
Леплей Ф. 879
Лепренс 538, 878
Лефорт 563
Линар Р. Ф. 356
Линь Ш. де 593, 896, 897
Липинский М. А. 237
Литта, архиепископ 822
Лобкович И. М. 359
Лойек Дж. 677, 690
Локк Дж. 776, 779, 798
Ломоносов М. В. 525, 527, 774, 775
Лопухин И. В. 831, 832, 834, 837, 840, 845, 889
Лорд Р. 634, 657, 685
Лорис-Меликов М. Т. 488
Лубяновский Ф. П. 679
Луиза Баденская — см. Елизавета Алексеевна
Луиза Ульрика 22, 30, 315, 317
Лукин В. И. 522
Людовик XIV 851, 934
Людовик XV 308
Людовик XVI 671, 674, 683, 696, 705, 862
Лященко П. 727, 747

Мабли Г. Б. де 532, 863
Маврин 432
Мавродин В. В. 213, 345, 393, 399, 402, 405
Мазепа И. 72, 124
Майков П. М. 782
Макартни Дж. 220, 267, 313–315, 349
Мария Антуанетта 684, 685
Мария Терезия Австрийская 24, 361–363, 466, 612, 818, 931
Мария Федоровна, великая княгиня 410, 551, 552, 906, 910, 912, 914, 918
Маркова О. 580
Мармонтель 225, 526
Мартин-и-Солер В. 524, 851, 854
Маслов А. 299
Масловский Д. Ф 898
Массон Ш. 567
Мелиссино И. И. 199, 787, 829
Мелиссино П И 829, 839
Меллин 403
Мельгунов А. П. 56, 69, 795, 797, 889
Мельгуновы 570
Ментенон де 782, 910
Меншиков А. Д. 59, 138
Мерси Аржанто 621, 622
Мерсье де ла Ривьер 537, 538
Меткальф М. Ф.
Мещерский П. С. 444
Миллар Дж. 545
Миллер Г. Ф. 777, 852
Милорадович А. С. 495
Миних Б. Х. 56, 65
Миних Э. Б. 745
Мирабо 664
Миранда Ф. де 589, 594, 596, 848, 878, 880, 891, 893, 912, 914
Мирович В. Я. 72–75, 109, 131, 892
Миронов Н. 281
Михельсон И. И. 396, 399–401, 406, 422, 436
Мнишеки 370
Молина М. де 834
Мольер 567
Монтескье Ш. 30, 33, 77, 109, 250, 251–258, 261, 262, 275, 282, 285, 445, 470, 544, 704, 872, 926, 929
Мордвинов Н. С. 589, 645
Мордвиновы 585
Морелле 251
Морков А. И. 686, 687, 689, 901, 902
Морошкин М. 814
Мотонис Н. 281, 282
Моцарт 833, 851
Муромцев 579
Мусин-Пушкин В. П. 369, 571, 629, 653, 907, 911
Мустафа III 375
Наполеон 921
Нарышкин А. 440
Нарышкин А. И. 457
Нарышкина А. Н. 650
Нарышкины 570
Нассау-Зиген К. 643, 644, 659, 660, 668, 683, 710
Наталья Алексеевна, великая княгиня 415, 543, 550
Невзоров М. И. 839, 840
Недосекин В. И. 292
Нелидова Е. 910
Неплюев И. И. 65, 307
Никодим 825
Николай I 268, 467, 495, 934
Николай II 488
Николев Н. М. 523, 855
Никон, патриарх 204
Новиков Н. И. 271, 526, 528–531, 755, 775, 784, 788, 797, 819, 831–846, 853, 856, 858, 863, 892

Ноллекенс И. Е. 849
Ньюгент М. А. 356
Ньюкастл 267

Обресков А. М. 359, 364, 365, 367
Овчинников А. А. 393
Окенфусс М. 786, 794
Окленд, лорд 667
Олсуфьев А. В. 131, 133, 247, 307, 776
Олсуфьевы, братья 214
Орлов А. 62, 63, 66, 71, 72, 116, 223, 239, 338, 340–342, 358, 365, 411, 414, 420, 551, 553, 571, 638, 887, 900, 919, 920
Орлов В. 526, 874
Орлов Г. 45, 46, 58, 61–63, 66, 67, 70, 71, 73, 82, 85, 90, 116, 130, 196, 197, 223, 261, 276, 291, 306, 307, 332, 333, 338, 343, 345, 364–366, 376, 379, 409–414, 416, 421, 524, 525, 540, 544, 546, 549, 551, 555, 562, 568, 569, 576, 778, 804, 824, 904
Орлов И. 411, 900
Орлов П. 294
Орлов Ф. 85, 341
Орловы 45, 61, 63, 66, 69, 82, 84, 85, 227, 265, 268, 270, 410, 411, 416, 418, 420, 421, 570, 897
Осман-эффенди 365, 366
Остерман И. А. 316, 346, 347–349, 365, 372, 615, 667, 669, 694, 707, 716, 900

Павел I Петрович 35, 44, 46, 57, 59–64, 67, 70, 75, 77, 85, 138, 187, 197, 205, 273, 310, 312, 348, 408–417, 425, 462, 482, 483, 485, 486, 498, 523, 534, 543, 549–552, 555–563, 568, 571, 601, 677, 681, 718, 780, 783, 785, 786, 800, 822, 824, 830–832, 841–846, 854, 855, 868, 904–912, 914, 918–920, 924, 934
Павел, митрополит Тобольский 203
Павлова-Сильванская М. П. 446, 450, 460
Падуров Т. 285, 389, 427, 433
Паисий Величковский 203
Пайпс Р. 473, 810
Паллас С. 787
Памфилов И. 837
Панин Н. И. 59–62, 64–67, 69–73, 75, 77–86, 90–92, 109, 144–146, 149, 192, 206, 213, 261, 264, 265, 268, 304–306, 308, 309, 311–317, 321, 323–328, 332, 333, 339, 346–348, 350, 355–359, 362, 365, 366, 370, 372, 374–376, 408–410, 413, 415–417, 420–424, 431, 523, 53т, 549, 556–561, 569, 570, 606, 608, 610, 614, 615, 811–812, 818, 829–831, 844, 857, 862, 896, 897, 901, 905
Панин П. И. 59, 60, 65, 69, 92, 131, 215, 219, 236, 333, 336, 337, 343, 405, 421–427, 430, 431, 444, 549, 559, 561, 569–571, 829, 844, 857, 859, 865, 897
Папаригопуло С. В. 289
Паркинсон Дж. 577, 796
Паскаль 843
Пассек Б. Р. 869, 870
Пассек П. Б. 806
Пастухов П. И. 787
Паэзиелло Дж. 524, 851
Перекусихина М. С. 914
Перфильев А. П. 428
Петер Гольштейн-Бек 243
Петр (Алексеев), архиепископ 837, 840
Петр I Великий 23, 29, 44, 58, 59, 86, 96, 100, 104–106, 114, 122, 124, 131, 138, 139, 141, 145, 147–149, 155, 157, 171, 173, 178, 179, 183, 185, 188, 189, 190, 193, 195, 203, 204, 221, 231, 254, 283, 307, 312, 342, 375, 385, 387, 391, 393, 432, 481, 486, 494, 499, 504, 537, 563, 580, 733, 738, 739, 744, 757, 758, 769, 773, 810, 814, 823, 825, 829, 850, 855, 892, 907–909, 924, 931, 932
Петр II 23, 385
Петр III Федорович 23–36, 38, 41–46, 49–72, 75, 76, 78, 85, 91, 116, 132, 143, 144, 147, 151–154, 164, 188, 196, 204, 205, 210, 216, 218, 223, 265, 303–306, 312, 315, 318, 340, 385–390, 392–394, 399, 401–405, 409, 432, 434, 464, 521, 524, 532, 534, 535, 537, 538, 549, 737, 744, 764, 777, 801, 803, 829, 888, 892, 909, 920
Петров А. Н. 631, 638, 644, 651
Петров В. 527
Пигаль Д. В. 849
Пий VI, папа Римский 819
Пикте Ф. П. 535
Пирлинг П. 814, 815, 819
Питт У. 623, 624, 628, 656, 663–665, 667–669, 671, 672, 704
Платон, митрополит Московский 203, 409, 791, 800, 833, 836, 838, 840, 845, 846
Плещеев С. 844
Покровский М. Н. 263
Покровский С. А. 747
Поленов А. Я. 226, 227
Полетика Г. 284
Понятовский Станислав 37–40, 43–45, 63, 64, 68, 305, 306, 308, 310, 311, 319, 320, 324, 326, 328, 369, 546, 568, 591, 594, 595, 635, 636, 646, 648, 655, 671, 691, 692, 697–699, 702, 708, 712, 714, 717
Понятовский Ю. 691, 692
Попов В. С. 583, 681, 901, 902, 922
Попов М. И. 523
Порошин С. 409
Порталь Р. 179, 209, 220
Потемкин Г. А. 68, 199, 200, 205, 247, 337, 413, 417–422, 424, 443, 471, 529, 546–549, 551–557, 561–565, 568, 569–576, 578–584, 586, 588–596, 610, 614–620, 624–629, 631–637, 643–657, 659–663, 665–668, 670, 672–682, 684, 686, 689, 696, 756, 766, 771, 775, 809, 812, 825, 826, 840, 849, 851, 854, 855, 859, 860, 866, 869, 872, 886, 887, 895–901, 903, 906, 913, 915, 922, 932
Потемкин М. С., генерал 900
Потемкин П. С., генерал 421–425, 427, 432, 526, 591, 859, 862

Потемкина П. 665
Потемкины 420
Потоцкие 370, 595, 677
Потоцкий И. 691
Потоцкий Ф. 636, 675, 676, 686, 689
Почиталин И. Я. 389, 391, 397, 433
Преображенский А. А. 436
Прозоровский А. А. 600, 839–842, 846, 871
Пронштейн А. П. 383, 405
Протасов А. 290
Протасова А. С. 411, 566
Пугачев Емельян 209, 217, 272, 383, 386–397, 399–407, 417, 421, 422, 424–429, 431–436, 446, 549, 572, 729, 740, 741, 865, 870, 892, 921
Пустобаев 406
Пушкин А. С. 388, 394, 537, 580, 925
Пыпин А. Н. 853

Радзивилл К. 310, 311, 420
Радзивиллы 370
Радищев А. Н. 526, 532, 838, 862–869, 890, 892
Раев М. 78, 488, 586, 588
Разумовские 121, 129, 140, 524, 570, 594
Разумовский А. Г. 23, 70, 121, 524
Разумовский А. К. 550, 639
Разумовский К. Г. 21, 34, 56, 61–63, 65, 67, 85, 121, 123, 124, 128–131, 332, 413, 416, 594, 735, 761, 774, 900
Рамсей А. М. 834, 838
Расин 855
Растрелли Б. 848
Рейналь, аббат 323, 543, 866
Рейнбек — см. Иоганна Елизавета Анхальт-Цербстская
Рейнсдорп Н. В. 390
Рейтерхольм Г. А. 716
Рейхель Г. 830
Репнин Н. В. 69, 307, 320, 321–330, 352, 378, 423, 571, 651, 652, 670, 678, 679, 710, 711, 714, 822, 831, 844, 871
Ржевские 636
Ржевуский С. 686, 689, 697
Рибас Ж. де 662
Рибейро С. 802–803
Римский-Корсаков И. Н. 564, 565, 568, 571
Ринальди А. 848
Ришелье де 561
Робертс М. 372
Робеспьер М. 713
Роджерсон Дж. 566, 918
Розенкампф К. Х. фон 508, 509
Рознер 383
Рокотов Ф. С. 849
Романовы, династия 266
Ромм Ж. 862, 878
Рославлев Н. 70
Рослен А. 849
Россиньоль 331
Ростопчин Ф. В. 903, 911, 919, 920
Ротари П. 849
Рубинштейн Н. Л. 166, 213, 220, 721, 723, 728, 730
Румянцев Н. П. 622, 685, 694
Румянцев П. А. (Задунайский) 55, 65, 131–134, 138, 163, 244–246, 333, 335–337, 343, 353, 354, 364, 366, 373–380, 417, 421, 422, 491–499, 548, 562, 571, 592, 600, 605, 631, 633, 642, 643, 650, 651, 710, 711, 718, 825, 897
Румянцева М. А. 29
Румянцевы 570
Руссо Ж. -Ж. 251, 411, 532, 540, 543, 544, 776, 781, 798, 833
Рэнсел Д. 254, 307, 532
Рюльер К. де 537

Сакен 130
Салтыков Н. И. 417, 571, 650, 666, 902, 905, 911, 919
Салтыков П. С. 36, 345
Салтыков С. В. 35, 36, 546, 568
Сальдерн К. фон 315, 359, 368, 369, 414–416, 817
Самборский А. А. 905, 906
Самойлов А. Н. 900, 919
Сапеги 636
Сарти Дж. 524, 851, 854
Сартин 466
Саффолк 369, 373, 411, 414, 420, 564
Сахиб-Гирей 343, 599
Свитен ван 358, 363
Сегюр Л. Ф. де 541, 552, 567, 592–594, 624, 626, 627, 634, 639, 854, 861, 896
Селиванов 205
Селим III 654
Селим-Гирей 343
Семевский В. И. 140, 166, 182, 212, 213
Сен-Жюст 713
Сен-Мартен Л. К. де 834, 835, 844
Сен-При 604
Сенявин А. Н. 344
Сергеевич В. 236, 278
Сестренцевич-Богуш С. 817, 819–821
Сиверс Я. 111, 223, 227, 236, 439, 444, 451, 455, 456, 460, 470, 505, 517, 694, 697–702, 708
Сивков К. В. 412, 892
Сильвестр (Старогодский), епископ Переславль-Залесский 193
Симеон Великий 410
Симон Тодорский, настоятель Ипатьевского монастыря 28
Скавронская Екатерина 62
Скавронские 62, 570
Скальковский 584
Сковорода Григорий 204
Смит Адам 252, 545, 800
Смит В. 890
Смогожевский Д., епископ
Соломон, царь имеретинский 590

Солтык, епископ Краковский 321, 327, 328
Сольмс И. Ф. 91, 322, 331, 333, 350, 355–357, 359–361, 412, 415, 416
София Анхальт-Цербстская — см Екатерина II
София Доротея Вюртембергская — см Мария Федоровна
Спиридов Г. А. 340, 341
Сталин И. В. 577, 717
Станислав Август — см. Понятовский Станислав
Старов И. Е. 849, 895
Степан Малый (Бандини) 340
Стерн 864, 865
Стормонт 553, 556
Стрекалов С. Ф. 629
Строганов А. С. 62, 227, 294, 564, 860–861, 880
Строгановы 739
Струензе И. Ф. 347, 351, 365
Суворов А. В. 377, 423–425, 631–633, 643, 644, 651, 652, 662, 663, 711, 712, 714, 718, 887, 897, 902
Сумароков А. П. 225, 262, 263, 522, 528, 529
Сумароков П. И. 584
Сэндвич 607

Тамбовцев В. 286
Тамбовцев И. 285
Тараканова, княжна 420, 421
Татищев В. Н. 222
Татищев Л. 291, 292
Творогов И. 406, 407
Теден Й. 831, 834
Текелли П. А. 631
Телль Вильгельм 866
Теплов Г. Н. 61, 67–69, 82, 85, 128–130, 132, 193, 206, 227, 524, 737, 745, 817, 818
Тихон Задонский 204
Тихонов Ю. А. 436
Толмачев Н. В. 298
Толстой Д. А. 774, 791, 814, 815, 821, 822
Торелли С. 849
Траетта Т. 524
Траубенберг 384
Третьяков И. А. 800
Троицкий С. М. 16, 473, 487
Трощинский 869
Трубецкие 829, 839
Трубецкой Н. Н. 831, 845
Трубецкой Н. Ю. 56, 68
Тугут Ф. М. 363, 365, 367
Тук У. 824
Тургенев И. П. 831, 845
Тучков С. А. 502, 503

Убри 417
Уитворт Ч. 664, 705, 902
Ульрих Г. Р. фон 243, 508
Ульрих Ф. Й. фон 243
Ульянов И. 385, 388, 396

Унгерн-Штернберг 284, 476
Уолпол Роберт 849
Урсинус Я. И. 276
Устинья — см Кузнецова У.
Ушаков Ф. 863
Ушаков Ф. Ф., адмирал 661
Ушаковы 570
Уэймаут 267
Уэлш Д. 523

Фалеев М. Л. 579, 580
Фальконе Е. -М. 537
Фельбигер И. И. фон 786, 787, 789, 790
Фельтен А. 848
Фенелон 776
Феофан Прокопович, митрополит 188
Фердинанд Брауншвейгский 22, 830, 831–832
Филарет, митрополит 798
Философов 348
Финкенштейн 309, 358
Фитцгерберт А. (лорд Сент-Хеленс) 623, 624, 627
Фишер А. В. 582, 814
Флемминг 130
Флоринский М. Т. 218
Флоровский А. В. 236
Фокс Ч. Д. 615, 620, 623, 675
Фолькерзан фон 896
Фома Кемпийский 834
Фонвизин Д. И. 417, 522, 526, 529, 559, 560, 775, 850, 855–857, 862, 865, 873
Фоукнер У. 670, 672,
Франклин 865
Франц II 689, 693
Фредерика Баденская 909
Фрейман Ф. Ю. 384
Фридрих II 26, 27, 29, 30, 41, 45, 54, 55, 91, 250, 303, 306, 309–311, 313, 315, 317, 318, 320, 322, 329, 331, 333, 344, 349–351, 353–363, 368, 375, 376, 379, 380, 409, 410, 415–417, 420, 477, 535, 551, 557, 561, 563, 601–603, 605, 606, 610, 613, 615, 616, 622, 627, 628, 642, 764, 838, 839
Фридрих Август 72, 416
Фридрих Вильгельм I 22
Фридрих Вильгельм II 628, 655, 656, 663, 669, 683, 685, 686, 691, 694, 695, 700, 709–711, 715, 717, 907
Фридрих Гессенский 24
Фридрих Саксен-Кобург-Заальфельд 642, 651, 652

Харрис Г. 18, 913, 914
Харрис Дж. 13, 18, 553, 556, 559, 564, 567, 569, 614, 617, 620, 896, 913
Хартли Дж. 462, 931
Хатчинсон У. 834
Херасков М. М. 527, 831
Хитрово Ф. 70, 71
Хиттл Дж. 477

Хмельницкий Богдан 121, 125, 494, 657, 802
Ховард Дж. 890, 891, 893
Храповицкий А. В 408, 489, 566, 647, 649, 650, 901
Христиан Август Анхальт-Цербстский 21, 22, 26
Хрущев П. 70
Хэнбери У. Ч. 36, 37, 39–41, 44

Цвайбрюкенский герцог 621–623
Цегелин 365, 367
Циннендорф 830

Чарторыйские (Чарторижские) 308, 310, 311, 320, 322, 323, 370, 677
Чарторыйский (Чарторижский) Адам 308, 914
Черкасский А. А. 831
Чернышев З. Г. 29, 34, 54, 55, 70, 73, 77, 85, 92, 307, 332, 333, 356, 413, 414, 417, 420, 421, 443, 569, 570, 571, 817, 818, 829, 833, 847, 899
Чернышев И. Г. 77, 92, 227, 338, 339, 340, 350, 413, 570, 829, 899
Чернышевы 209, 236, 416, 420, 423, 570, 740, 897
Чертков В. 594
Чечулин Н. Д. 761, 770, 772
Чимароза Д. 524
Чичагов В. Я. 658, 668, 707
Чичерин Д. 247
Чичерин Н. 247
Чоглокова М. 32, 35
Чулков М. 528
Чупров И. А. 241, 294

Шамбор де 566
Шапп д'Отрош 538, 878
Шафтсбери — см. Купер Э. Э.
Шахин-Гирей 343, 599, 600, 604, 615–617
Шаховской Я. П. 85, 104, 307
Шванвич М. А. 391
Шварц И. Г. 831–834, 836, 840, 842
Шверин К. С. 45
Шекспир 522, 718, 853
Шереметев П. Б. 739
Шереметевы 140
Шешковский С. И. 196, 425, 785, 841–843, 866, 869, 892
Шибанов М. 849
Шигаев М. 392
Ширли Г. 267
Шишков Л. 283
Шкурин В 59, 67
Шпренгтпортен Г. М. 640
Шредер 834, 838, 843
Штакельберг О. М. 369, 370, 556, 591, 818–820
Штарк 836
Штединк 690
Штейнгель В. И. 798
Штелин 524
Штранге М. М. 782, 865
Шуазель де 81, 82, 84, 89, 91, 308, 331, 339, 346, 347, 352, 361, 538, 849
Шуазель-Праслен 144, 151, 331
Шубин Ф. И. 849
Шувалов А. 440
Шувалов А., обергофмейстер 36, 44, 71, 74, 77
Шувалов А. П. 271, 571, 629, 647, 766
Шувалов И. И. 36, 39, 44, 70, 77, 777
Шувалов П. И. 52, 209, 755
Шуваловы 39, 44, 45, 140, 570, 740
Шульц фон Ашераден К. 114, 119, 120, 507, 509

Щербатов М. М. 51, 52, 276, 282, 288, 290, 291, 412, 570, 628, 745, 829, 852, 853
Щербатов Ф. Ф. 397, 399, 400
Щербатова Д. 649

Эварт Дж. 641, 664
Эдельсхайм 318
Эйзен И. Г. 116–118, 223, 265, 411
Эллиот Х. 641, 653
Эльмпт, баронесса 892
Эльфинстон Дж. 341
Эмин Ф. 527, 857
Энгельгардт Л. Н. 892
Энгельгардт Н. 444
Эпинус Ф. И. 409, 786, 787
Эстерхази В. 703, 910, 914

Юлаев С. 395, 399, 429
Юлиана Мария 22
Юсти 465, 786
Юсуф-Паша 642

Яковлев С. 159, 740, 885
Янкович де Мириево Ф. И. 787, 789, 794
Ясинизаде 365

Оглавление

А. Каменский. Екатерининская Россия Исабель де Мадариаги 5

Предисловие к русскому изданию 13
Предисловие 15
Пролог 21

Часть I

НОВАЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦА И НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Глава 1. Екатерининский переворот 49
Глава 2. Реформа центральных органов управления 76
Глава 3. Местное управление и прокуратура 93
Глава 4. Прибалтийские провинции и Малороссия 113

Часть II

СОСЛОВИЯ

Глава 5. Дворянство 137
Глава 6. Город, крестьянство и земли 155
Глава 7. Православная церковь 188
Глава 8. Волнения работных людей и крестьян, их усмирение и реформы 60-х гг. 206

Часть III

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Глава 9. Уложенная комиссия 1767 г. 231
Глава 10. «Большой наказ» 249
Глава 11. Великая дискуссия 269

Часть IV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ПОЛЬША И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Глава 12. Внешняя политика. От мира к войне 303
Глава 13. Русско-турецкая война 1768—1772 гг. 332
Глава 14. Русско-турецкая война 1768—1772 гг. и внешняя политика России 346
Глава 15. От раздела Польши к Кючук-Кайнарджийскому миру 364

Часть V

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС 1773—1774 гг.

Глава 16. Восстание казаков и крестьянская война 383
Глава 17. Кризис при дворе 1773—1774 гг. и восстановление порядка 408

Часть VI

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ

Глава 18. Реформа местной системы управления 439
Глава 19. Реформы 80-х гг. XVIII в. 464
Глава 20. Интеграция Малороссии и Лифляндии в состав Российской империи 491

Часть VII

ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА

Глава 21. Двор и культура 521
Глава 22. Фаворитизм 546
Глава 23. Вице-король Юга 572

Часть VIII

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОЛЬША И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 24. От войны до войны. Внешняя политика России в 80-е гг. XVIII в. 599
Глава 25. Русско-турецкая война 1787—1791 гг. 625
Глава 26. Рейхенбахский мир, очаковский кризис и окончание войны с Турцией 658
Глава 27. Второй раздел Польши 682
Глава 28. Finis Poloniae 703

Часть IX

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ

Глава 29. Сельское хозяйство и промышленность 721
Глава 30. Торговля и финансы 744
Глава 31. Основание российской системы просвещения 773
Глава 32. Религиозная политика Екатерины II 801

Часть X

ГОДЫ ЗАКАТА

Глава 33. Масонство в России 829
Глава 34. Рождение интеллигенции 847
Глава 35. Социальные и экономические изменения в 1775—1796 гг. 874

Эпилог 895
Заключение 924

Список сокращений 935
Библиография 936
Библиографическое дополнение [2001] 962
Именной указатель 965

Исабель де Мадариага

РОССИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Научное издание

Редакторы
А. Каменский, А. Курилкин
Корректоры
Л. Морозова, Е. Мохова
Верстка
В. Дзядко

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
http://www.nlo.magazine.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 61. Тир. 2000. Зак. № 0208420.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЯПК